

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlaw 176.25

Recd. June, 1890.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1888).

Received *25 March - 25 April,*
1890.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1890.

Стр.

I.—НА УЩЕРБЪ.—Романъ.—Часть вторая: I—XI.—П. Д. Боборыкина	5
II.—ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛАНТРОПІЯ ВЪ АНГЛІИ.—III. Национализація уни- верситетскаго образованія.—Окончаніе.—Ив. Ив. Янжула	55
III.—НА ЛОНЪ ПРИРОДЫ.—Разсказъ.—X—XXI.—Окончаніе.—В. Дѣдова	86
IV.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Мнѣ за „гражданскую“ тоску...—А. М. Жемчужникова	144
V.—ДРЕВНІЕ ЯЗЫКИ—въ ряду общеобразовательныхъ наукъ.—А. В—въ	146
VI.—СОВРЕМЕННЫЙ ДЮГЕНЪ.—Разсказъ.—I—V.—Н. А. Таль	167
VII.—КНИГИ И ЧИТАТЕЛЬ ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.—Schopenhauer: Parerga und Pa- ralipomena—„Lesen und Bücher“.—К. К. Арсеньева	202
VIII.—НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА ВЪ 60-хъ ГОДАХЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ.— Соч. Мар. Крофорта.—Часть I: X—XIV.—Часть II: I—V.—А. Э.	217
IX.—ГЕРДЕРЪ.—I.—А. Н. Пыпина	277
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I—III.—Я. Ивашкевича	322
XI.—ИНТИМНАЯ ЛИТЕРАТУРА.—„Journal des Goncourts“.—VI—VIII.—Е. Н. Утина	324
XII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Лѣтнія ночи.—Бл.	358
XIII.—ХРОНИКА.—Государственные конкурсы во Франціи.—II.—М.	360
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Введеніе въ дѣйствіе положенія о земскихъ на- чальникахъ, и вызванныя имъ официальные заявленія.—Рѣчь преосвященнаго Виссаріона и необузданные комментаріи къ ней.—Pia desideria нѣкоторыхъ органовъ нашей печати.—Возстановленіе прежней редакціи закона о дво- рянскихъ ходатайствахъ.—Движеніе въ средѣ присяжной адвокатуры	377
XV.—НЕКРОЛОГЪ.—Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ.—рѣ.	398
XVI.—ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ въ Петербургъ.— А. П—въ.	403
XVII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Соціально-политическіе проекты Вильгель- ма II.—Рескрипты 4-го февраля и отношеніе къ нимъ князя Бисмарка.— Парламентскіе выборы въ Германіи.—Газетные толки по поводу предпріятій и рѣшеній германскаго императора.—Французскія дѣла.—Смерть графа Андрани и восточный вопросъ.—Взглядъ „патріота“ на современное поло- женіе русскаго народа	411
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсу- кова, кн. III.—На Сѣверѣ, путевыя воспоминанія В. Х.—Новыя книги и брошюры.	429
XIX.—ЗАМѢТКА.—По поводу сочиненія Н. М. Мянскаго: „При свѣтѣ совѣ- сти. Мысли и мечты о цѣли жизни“.—Владимира Соловьева	437
XX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Socialism of the Street in England, by Crofts.—Socialism at St. Stephen's, by the earl of We- myst.—Socialism in England, S. Webb.—II.—Idealismus, von Prof. Muff.—III. Philosophie und Politik, von M. Brasch.—J. C.	442
XXI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Отношеніе нѣкоторыхъ органовъ нашей печати къ дворянскимъ собраніямъ.—Рѣчь графа А. А. Бобринскаго.— „Горе отъ ума“, вывороченное на изнанку.—„Грязный хвостъ консерва- тивизма“, усмотрѣнный „Московскими Вѣдомостями“.	451
XXII.—ИЗВѢЩЕНІЯ. Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей	463
XXIII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—„Пошехонская Старина“, М. Е. Салтыкова. —Гуманитетская гимназія и петиція о полномъ переустройствѣ нѣмецкихъ школъ, Оскара Іегера, директ. вельской гимназіи.—Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ.—Я. Бертильонъ. Статистика движенія населенія во Франціи.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LIV. — ТОМЪ CXXVI. — 1/4: МАРТА, 1890.

ВѢСТНИКЪ ^{5-2 1-3 2} Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:		Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,		на Вас. Остр., Академич. переулокъ
№ 7.		№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1890

P Slav 176. 25

~~131.84~~

~~Slav 20.2~~

(1880)

MAR 25 1904

НА УЩЕРБѢ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Порфирій Николаевичъ Капцовъ нервно ерошилъ курчавые волосы на крутомъ черепѣ и просматривалъ ряды цифръ въ большой и толстой книгѣ.

Работа не спорилась, — а надо торопиться съ отчетомъ. Рука водила карандашемъ по столбцамъ и дѣлала значки на поляхъ.

Сегодня онъ съ особой тоской чувствуетъ свою петербургскую ваторгу ученаго чиновника, которому нужно много зарабатывать. Кромѣ спѣшнаго отчета, слѣдуетъ въ первому числу приготовить докладную записку и цѣлую статью.

Когда онъ справится со всѣмъ этимъ?

Онъ служить въ двухъ вѣдомствахъ и въ трехъ частныхъ обществахъ, даетъ передовыя статьи по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, членъ нѣсколькихъ комиссій и совѣтовъ.

И вездѣ приходится работать больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ его сослуживцамъ и товарищамъ. Такъ будетъ, безъ передышки, неизвѣстно сколько лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ быть батракомъ на свою семью.

Ему не хочется отдаваться горькому чувству, всплывшему сегодня особенно ѣдко; но онъ не виноватъ. Чувство это не отходить. Надо напярочъ вниманіе, слѣдить глазами за чередо-

*) См. выше: февраль, стр. 501.

ваньемъ цифръ, соображать; а онъ подавленъ боязнью, что не справится съ работой, даже и къ крайнему сроку.

Можно было бы кое-что отложить, даже просто отказаться, напримѣръ, отъ составленія докладной записки. Онъ не обязанъ это дѣлать. Но развѣ онъ въ состояніи отказать въ чемъ-нибудь? Его захватила зубами жесткая, дѣловая машина Петербурга и дѣйствуетъ, переводитъ колесами, забираетъ все глубже и глубже.

Онъ громко вздохнулъ и затанулся папирсой, которую только-что положилъ было на пепельницу.

Съ утра уже онъ одѣвается такъ, чтобы можно было сейчасъ натянуть вицъ-мундиръ, и работаетъ въ кабинетъ въ сѣренькомъ лѣтнемъ пиджакѣ. По натурѣ и привычкамъ очень чистоплотный и аккуратный, хотя и разсѣянный, Порфирій Николаевичъ только въ своей комнатѣ чувствуетъ себя дома; въ остальныхъ комнатахъ своей большой квартиры онъ—въ гостяхъ; онъ въ нихъ всегда растерянъ, не имѣетъ опредѣленнаго мѣста. Тамъ господствуетъ его семья: жена Лидія Степановна, дочь Авдотья Порфирьевна и сынъ Григорій Порфирьевичъ.

Кабинетъ Капцова—узкая, въ одно окно комната, неуютная и темноватая, вся заставленная книжными шкафами. На кушеткѣ онъ и спитъ. Не такъ давно у него былъ прекрасный кабинетъ, въ другомъ концѣ квартиры, около спальни жены; но когда Авдотья Порфирьевна сложила въ дѣвушку-невѣсту, онъ уступилъ ей кабинетъ, подъ ея будуаръ. Сколько денегъ стоила отдѣлка этого будуара!.. Ему было до слезъ жаль своей просторной, свѣтлой и удобной рабочей комнаты. Но онъ уступилъ. Лидія Степановна даже и не допустила его ни до какихъ возраженій... Все обошлось такъ тихо и незамѣтно, точно будто Порфирій Николаевичъ состоялъ временнымъ жильцомъ прежняго кабинета.

Потомъ ему совѣстно стало своего эгоизма.

„У Дины— прелестный будуаръ“, утѣшалъ онъ себя, хотя въ душѣ находилъ, что отдѣлка его слишкомъ пестра и вовсе не подходитъ къ тому, какъ бы слѣдовало обставить комнату молодой дѣвушки.

Въ кабинетъ вошла горничная Минна, рослая и дородная, съ рыжеватыми волосами, зачесанными на самую маковку, въ ловко ссвоенномъ сѣромъ платкѣ и фартукѣ нѣмецкаго покроя.

Капцова она до сихъ поръ стѣсняется. Онъ каждый разъ ужасно конфузится, если она застанетъ его безъ скюртука, никогда ничего не приказываетъ ей, а все просить.

Минна молча подала ему на подносѣ газету подъ бандеролью и два письма.

— Барыня съ барышней уѣхали?—спросилъ Порфирій Николаевичъ.

Овъ любилъ, чтобы ему прислуживалъ человекъ Викентій; если вошла Минна—значить, человека взяли, ему приказано ѣхать съ ними.

— Онъ еще дома,—отвѣтила Минна съ какимъ-то неприятнымъ выговоромъ.

— Кончили завтракъ?

— Да.

Ея тонъ съ Порфиріемъ Николаевичемъ не отличался особенно мягкостью. Она давно не стѣснялась съ нимъ, какъ съ добрымъ, который ничего не значитъ въ домѣ и не умѣетъ даже приказывать.

— Благодарю васъ!..—торопливо выговорилъ Капцовъ, положилъ газету на столъ и кивнулъ головой съ принужденной улыбкой.

Минна повернулась своимъ мясистымъ корпусомъ на одномъ каблукѣ и пошла, поскрипывая подошвами ботинокъ.

Этотъ скрипъ былъ ему противенъ; но онъ не рѣшался сказать женѣ своей, чтобы та заставила горничную ходить дома въ башмакахъ на тонкихъ подошвахъ.

Завтракать онъ не любилъ: это перерѣзывало его рабочее утро. Семья садилась за завтракъ поздно, около часа. Ему подавали въ десятомъ часу стаканъ чаю съ булкой, и онъ оставался безъ ѣды до своего выхода изъ дому. Обыкновенно, по дорогѣ, онъ выпивалъ рюмку водки и закусывалъ пирожкомъ или кускомъ растегая гдѣ придется: у Палкина, у Доминика или въ кофейной Пассажа.

Дѣти рѣдко приходили къ нему поздороваться; а жена—больше за деньгами или для переговоровъ о необходимости сдѣлать вечеръ или пригласить на обѣдъ такого-то и такого-то, или сдѣлать визитъ тѣмъ-то.

— Ахъ, матушка!—обыкновенно повторялъ Порфирій Николаевичъ.—Дѣлай какъ знаешь. Гдѣ же мнѣ по визитамъ!.. Я заваленъ работой.

Отказывать въ расходахъ онъ не могъ, боялся сценъ, вислыхъ минъ, былъ слишкомъ добръ, чтобы лишить дочь удовольствій и жену—возможности вести образъ жизни, внѣ котораго она ничего не признавала.

Сынъ, Гриша, забѣгаетъ къ нему только за тѣмъ, чтобы перехватить денегъ. Можетъ быть, и сегодня забѣжитъ: Порфирій Николаевичъ закрываетъ глаза на то, во чтѣ складывается его личность.

Ничто не нравится ему въ сынѣ — вплоть до наружности, хотя мать и сестра и считаютъ его красавцемъ, вѣшаютъ ему на шею и то-и-дѣло вскрикиваютъ:

— Гриша! Ты — опасный мужчина!

„Такихъ“ студентовъ, какъ Гриша — онъ кончаетъ курсъ къ веснѣ — Порфирій Николаевичъ не хочетъ, про себя, и признавать.

„Это пажъ какой-то, — думаетъ онъ часто, когда его взглядъ, за столомъ или въ гостиной, упадетъ на сына. — Ему — прямая дорога въ кавалерію, благо онъ бѣлую подкладку носить“.

Бѣлая подкладка подъ сюртукомъ и мундиромъ — верхъ особаго студенческаго франтовства — заставляла Порфирія Николаевича положительно страдать.

Онъ было-началъ говорить противъ нея; но Гриша отвѣтилъ ему:

— Ахъ, папа, ты не понимаешь...

А когда онъ вздумалъ сдѣлать сыну выговоръ, Лидія Степановна накинута на него, и онъ махнулъ рукой.

„Бѣлоподкладочникъ“, — съ горечью называлъ онъ Гришу про себя и чувствовалъ, что лучше ужъ не присматриваться къ душевнымъ качествамъ сына, его поведенію, идеаламъ и правиламъ... Наука для этого „красавца“ существуетъ только какъ средство выдержать государственный экзаменъ; читаетъ онъ однѣ порнографическія вещи, чего вовсе и не думаетъ скрывать; если онъ и бываетъ въ какомъ-то кружкѣ молодыхъ литераторовъ, то, „смѣху ради“, и самъ называетъ ихъ „россійскими декадентами“; искусство сводится для него къ игрѣ на гитарѣ и посвѣщенію, изрѣдка, общества мандолинистовъ, а пристрастіе имѣетъ онъ, съ дѣтства, только къ спорту, во всѣхъ его видахъ; онъ считается однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ велосипедистовъ. Верховая ѣзда — тоже его конекъ, и онъ собирается вольноопредѣляющимся непременно въ кирасирскую дивизію, хотя, какъ одинъ сынъ у матери, можетъ воспользоваться и льготой. Но ничего не будетъ удивительнаго, если онъ останется „калитвардомъ“ — это насмѣшливое слово Порфирій Николаевичъ мысленно произноситъ каждый разъ, когда онъ думаетъ о дальнѣйшей карьерѣ сына... Не хочется отцу допытываться и до характера его отношеній къ пріятельницѣ его жены, Валентинѣ Павловнѣ Мещериной. Она старше Гриши лѣтъ на двѣнадцать, а кажется, у нихъ — что-то очень похожее на интимность, и Лидія Степановна, повидимому, все знаетъ и насколько не возмущается... Эта Мещерина — богатая женщина, пустая, довольно непорядочная, съ цыганскими замашками, „бутилка“ — какъ она сама себя прозвала. Съ нѣкоторыхъ поръ Гриша не

просить что-то денегъ, сверхъ того, что получаетъ отъ отца, впередъ, перваго числа каждаго мѣсяца.

Когда Порфирій Николаевичъ раздумается объ этомъ, у него даже потъ выступить на вискахъ.

Но занятія не даютъ много думать, даже о собственныхъ дѣлахъ... Вотъ и теперь мысль его прикована къ спѣшной работѣ. Ему некогда даже просмотрѣть номеръ газеты, которую ему даромъ посылаетъ пріятель изъ Москвы.

Капцовъ отложилъ ее и подержалъ въ рукахъ оба письма; хотѣлъ и ихъ отложить, чтобы ничто его не отвлекло отъ цифръ и параграфовъ сухой книги, которою онъ долженъ воспользоваться для своего отчета. Но почеркъ на одномъ изъ писемъ, съ московскимъ штемпелемъ, заставилъ его разорвать конвертъ. Онъ увидалъ руку Кустарева—и сейчасъ же приливъ теплаго чувства согрѣлъ и возбудилъ его. Онъ любилъ Кустарева больше всѣхъ тамошнихъ товарищей и пріятелей.

„Что-нибудь нужно ему,—сказалъ про себя Порфирій Николаевичъ, бросая конвертъ въ корзину,—писать онъ не охотникъ!“...

Пускай работа затянется на лишній часъ, но онъ не могъ не отдаться душой бесѣдѣ съ своимъ „закадыкой“, уйти отъ Петербурга туда, на хуторъ, гдѣ живутъ такіе хорошіе, сердечные люди.

II.

Письмо Кустарева, исписанное на всѣхъ четырехъ страницахъ, круглымъ, разборчивымъ почеркомъ, Капцовъ перечелъ два раза, откинувшись на спинку соломеннаго кресла, закрылъ глаза и просидѣлъ такъ минуты двѣ. Лицо его стало блѣднѣе; добрый ротъ немного покривила усмѣшка горечи. Почтовый листокъ онъ держалъ развернутымъ въ рукѣ, опущенной на колѣни.

„Бѣдный Меня!.. Бѣдная Гара!..—повторилъ онъ мысленно.—Какъ есть—неудачники! И такіа золотыя сердца! И такіе честные на рѣдкость люди!“

Кустаревъ писалъ ему, что на дняхъ придутъ они съ женой „въ Питеръ“ — проѣздомъ за границу. Большая бѣда стряслась надъ ними. Маргарита Сергѣевна схватила воспаленіе легкаго, была при смерти, и теперь—еле ходитъ. Московскіе врачи шлютъ ее на югъ, въ Санъ-Ремо или Ментону. Въ Петербургѣ они хотятъ консультироваться у одной изъ тамошнихъ знаменитостей. Заграничная поѣздка — быть можетъ на цѣлый годъ—поведетъ за собою расходы; а сбереженій нѣтъ. Да это было бы еще

„съ полѣ-горя“, но есть еще одна гадость. Исторія съ Сохинымъ, на обѣдѣ Симбирцеву, въ Эрмитажѣ, даетъ себя чувствовать. Онъ узналъ, что пожалуй не получить заграничнаго паспорта. Лучше попробовать въ Питерѣ, и Порфирій Николаевичъ поможетъ ему въ этомъ. Сообщилъ онъ про два „оказательства“ того, что ему и на хуторѣ будетъ плохо житься. Мѣстные власти стали производить разные дознанія, и нарядчикъ, котораго онъ прогналъ за пьянство и воровство, явился самымъ лучшимъ „соглядатаемъ“.

Кустаревъ кончалъ тяжелыми итогами. Все идетъ „на ущербъ“, всѣ попрыгали по угламъ и точно „чураются“ его. Не пощадилъ онъ и ближайшихъ пріятелей. Видно было, что онъ ужасно страдаетъ, столько же за себя, сколько и за тѣхъ, въ кого онъ терялъ вѣру.

„Бѣдные мои хуторяне!“ — проговорилъ про себя Капцовъ, и блѣдность щекъ смѣнилась быстро румянцемъ душевнаго волненія. Онъ живо представилъ себѣ маленькую женщину съ впалыми щеками, нетвердой походкой бродящей по унылымъ теперь комнатамъ хуторскаго домика, и Кустарева, раздираемаго жалостью къ женѣ, подъ какимъ-то надзоромъ, съ перспективой не получить пропуска за-границу и съ новымъ, еще болѣе мучительнымъ безпокойствомъ о больной женѣ на разстояніи въ нѣсколько тысячъ верстъ.

Бываютъ же такіа презрѣнныя существа, какъ этотъ Сохинъ! А вѣдь онъ учился съ ними вмѣстѣ, сидѣлъ рядомъ въ аудиторияхъ, когда-то либеральничалъ, пилъ съ ними брудершафты!..

И вдругъ Порфирій Николаевичъ всталъ и заходилъ по узкому кабинету. Краска на щекахъ усилилась, глаза заблестѣли; онъ сталъ усиленно щипать свою красивую бороду, придававшую ему духовный видъ.

Онъ вспомнилъ, что пріятель Лидіи Степановны, адвокатъ Малышевъ, не дальше, какъ вчера, говорилъ, что собирается привезти къ нимъ стараго московскаго товарища... А кого именно — не назвалъ. Но это пожалуй Сохинъ. Они — одного поля ягода. Можетъ быть, сегодня же, къ обѣду, явится эта пара. Какъ онъ долженъ вести себя?.. Надо бы выгнать Сохина совершенно такъ, какъ сдѣлалъ это Кустаревъ на обѣдѣ Симбирцеву... Да и Малышева давно бы пора выпроводить изъ дому. Но развѣ это возможно?..

Порфирій Николаевичъ началъ нервно потирать руки... Лучше не думать объ этомъ Малышевѣ... Кто онъ? Навязчивый нахаль, стѣснѣвшій поставить себя въ ихъ семействѣ въ видѣ авторитетнаго и почетнаго посѣтителя, или онъ нѣчто иное?.. Поздно

было задавать себѣ такіе вопросы. Лидія Степановна не можетъ двухъ дней провести безъ него. За столомъ онъ ораторствуетъ, даетъ выговоры всѣмъ, прохаживается въ насмѣшливомъ тонѣ надъ „либерализмомъ“ хозяина дома, излагаетъ свои воззрѣнія—какую-то несвязную смѣсь руссофильства съ византійской и средневѣковой археологіей, съ безконечными рацеями о пошибахъ иконописанья и символическихъ формахъ искусства.

Все это выносить онъ много лѣтъ и знаетъ, что такъ будетъ, пока стоитъ его домъ, пока Лидія Степановна жива. Она только выносить его, смотритъ на него какъ на батрака; но ни любви, ни простой благодарности къ мужу у нея нѣтъ. А при такомъ бездушномъ отношеніи кто же ей помѣшаетъ держать при себѣ друга и принадлежать ему тайно?

Тайно! Полно—не для всѣхъ ли явно! Минутами это и ему мечется въ глаза, какъ онъ ни старается смотрѣть на все сквозь пальцы.

— Папа!.. Ты здѣсь?—окликнулъ Капцова молодой голосъ изъ полутворенной двери.

— Здѣсь... Здравствуй, Гриша.

Сынъ его вошелъ, одѣтый для выѣзда въ гости, съ франтовской шпагой генеральскаго образца и съ фуражкой въ рукѣ. Ея красная подкладка выглядывала изъ тули. Рослый, худой, съ манерой ходить свѣтскаго офицера, изученной въ партерѣ Михайловскаго театра, онъ смотрѣлъ военнымъ, брилъ свои блѣдныя щеки и острый подбородокъ и носилъ усы, щеткой торчавшіе кверху, и короткіе темные лоснящіеся волосы съ челкой на лбу. Онъ весь немного изгибался. Правую руку онъ тотчасъ же засунулъ въ карманъ рейтузъ, и завернутая пола сюртука обнажила бѣлую саржевую подкладку, столь непріятную его отцу.

Отца онъ не поцѣловалъ, не подалъ ему руки.

— Наши дамы просятъ тебя не забыть—сдѣлать визитъ Габзину.

— Какому?—съ разстроеннымъ лицомъ спросилъ Капцовъ.

— Габзину, Марку Саввичу... Былъ у насъ третьяго-дня... при тебѣ. Инженеръ.

Порфирій Николаевичъ совсѣмъ забылъ этого инженера.

— Маманъ просятъ тебя. Нельзя же не отдавать визитовъ.

— А ты?

— Этого недостаточно... Ты—*pater familias!*..

Зеленые, продолговатые глаза Гриши насмѣшливо прищурились на отца.

Говорилъ онъ съ нимъ, точно онъ старшій братъ, снисходи-

тельно и суховато, съ особенными интонаціями, въ которыхъ севозили скептицизмъ и сознаніе превосходства своего поколѣнія и всего того, что Гриша считалъ стоящимъ, что входило въ его философію жизни. Отца онъ, даже въ разговорѣ съ матерью и сестрой, называлъ не иначе, какъ „фатеръ“, и участвовалъ въ ихъ постоянномъ заговорѣ противъ добряка, обреченнаго на роль дойной коровы.

— Ну, хорошо,—выговорилъ Порфірій Николаевичъ, присаживаясь опять къ столу. Онъ взялся за большую книгу съ рядами скучныхъ цифръ.—Да адреса его я не знаю, голубчикъ.

— Адресъ записанъ въ книгѣ. Она лежитъ въ передней, на подоконникѣ.

— Какъ его... Кабзинъ?..

Переносица Порфірія Николаевича наморщилась и глаза тревожно стали перебѣгать отъ книги съ столбцами цифръ къ головѣ сына, стоявшаго около стола, все въ той же позѣ, съ правой рукой, засунутой въ карманъ рейтузъ, и фуражкой въ лѣвой.

„Калигвардъ!“—промелькнуло въ головѣ Капцова.—„Какъ есть калигвардъ“.

— Габзинъ, Маркъ Саввичъ.

Гриша снисходительно усмѣхнулся и повернулъ къ двери.

— До свиданія, папа. Дамы наши меня ждутъ. Мнѣ нужно знать,—ты поведешь сегодня же къ Марку Саввичу?

— Сегодня!—откликнулся Порфірій Николаевичъ и завозился въ креслѣ.

— Пожалуйста!.. Тебѣ же достанется отъ татапа.

Гриша исчезъ за дверью. Капцовъ вздохнулъ довольно громко, хотѣлъ-было взяться за цифры; но его рука потянулась ко второму письму, оставшемуся нераспечатаннымъ.

Онъ раскрылъ конвертъ порывисто, почти сердито. Краска не сходила съ его щекъ. Руки немного вздрагивали; онъ у него часто приходятъ въ такое нервное возбужденіе, и онъ иногда боится того, какъ бы у него не начали трястись руки прежде, чѣмъ наступятъ старческіе годы. Но онъ сегодня не можетъ овладѣть собою: служба, срочная работа, расходящаяся въ разные стороны и запутывающаяся въ безконечные узлы, товарищеское чувство къ „москвичамъ“, всего сильнѣе—къ Кустареву, его бѣда, Сохинъ, Малышевъ, жизнь его „дамъ“, по выраженію его сына Гриши, его тонъ, видъ, бѣлая подкладка сюртука и красный сафьянъ въ тулѣ фуражки, и то, что онъ съ нѣкоторыхъ поръ не проситъ денегъ—душа Порфірія Николаевича сжима-

лась и трепетала отъ наслоенія всѣхъ этихъ образовъ, чувствъ и мыслей.

Во второмъ письмѣ оказалась просьба—не задержать съ до-
ставленіемъ докладной записки.

— Господи!—громко вскрикнулъ Капцовъ и взялся за кур-
чавые и слегка уже сѣдѣющіе волосы.—Этакая исторія!

Внутри у него все закипѣло. Швырнулъ бы онъ всѣ эти
книги съ цифрами, и записки, и отчеты, и ненавистный до сихъ
поръ вицъ-мундиръ, который онъ сейчасъ долженъ надѣть—и
очутился бы въ Москвѣ, гдѣ-нибудь въ Бронной, въ маленькой
комнатѣ, набитой книгами, въ званіи магистранта... Не зналъ
бы онъ ничего, кромѣ науки, „душевныхъ“ людей, своихъ сверст-
никовъ и товарищей. Чтѣ за нужда, что они пошли теперь на
ущербъ?.. Его мягкость, „елейность“, за которую здѣсь ему такъ
жестокѣе достается—тамъ будетъ нужна и цѣннѣе. И какіе бы
хорошіе дни переживалъ онъ, даже и въ теперешнюю сѣрень-
кую полосу, когда дуетъ противный вѣтеръ!..

Швырнулъ бы!..

Онъ вскочилъ съ кресла, нѣсколько разъ прошелся по ком-
натѣ, нервно потирая бѣлыя, красивыя руки, потомъ схватилъ со
стола развернутое письмо Кустарева и снова сталъ перечитывать
его,—съ горькой отрадой, съ наслажденіемъ, смаковать каждое
слово, проникаться жалостью и любовью къ милой четѣ хуторянъ.

Стѣнные часы густымъ басомъ пробили два.

— Ахъ, ты, Господи!—вскрикнулъ Порфирій Николаевичъ и
рухнулъ въ кресло. Письмо Кустарева упало на коверъ; онъ
его даже не поднялъ, поспѣшно, съ дрожью въ пальцахъ, дѣ-
лая послѣднія отмѣтки на поляхъ.

„Визиты...—шепталъ онъ про себя:—визиты долженъ... Каб-
зинъ... Габзинъ... Моисей, нѣтъ, Маркъ Саввичъ... адресъ въ
книгѣ... на подоконникѣ“...

III.

Григорій Порфирьевичъ, шагая разставленными, длинными
ногами, какъ велосипедистъ и наѣздникъ, прошелъ медленно, съ
покачиваньемъ сухого, но статнаго туловища, по корридорчику
въ столовую, откуда онъ слышалъ голоса матери и сестры.

Дамы допивали свой кофе. Онѣ засидѣлись и заговорились.
Мать, Лидія Степановна, была въ полековой блузѣ, цвѣта бордо—
вся маленькая, сухая въ тѣлѣ, черноватая, съ молоджавостью

комнатной болонки, еще плохо причесанная. Ея каріе глазки и острый, всегда точно нюхающій носъ, при разговорѣ, безпрестанно поворачивались справа влѣво. Дочь—Дина, высокая дѣвушка, напоминала фигурой отца; мясистый носъ, нависшія вѣки и рыхлая сѣроватая кожа мало подходили къ ея пестрому флаanelевому платью съ полковыми отворотами и бѣлымъ жилетомъ. Она уже одѣлась къ выѣзду. Волосы такого же цвѣта, какъ у отца, лежали густой кучкой на темени, ближе ко лбу, чѣмъ къ затылку. Сонность выраженія смѣшивалась—въ ея лицѣ и всей головѣ—съ чувственнымъ оскаломъ зубовъ, красными толстыми губами и постоянною возбужденностью взгляда безцвѣтныхъ глазъ, гдѣ сидѣла жажда выѣздовъ, вечеровъ, бенефисовъ, загородныхъ катаній и болтанья съ „интересными мужчинами“. Движенія ея были медленны, широки и часто безпорядочны. Мать была, напротивъ, въ комѣѣ, какъ нервная и хищная собачка.

— Ну что?—крикнула Лидія Степановна, когда въ дверяхъ столовой показался Гриша.

Дина также обернула къ нему голову и спросила низкимъ горловымъ голосомъ:

— Поѣдетъ къ Марку Саввичу?

— Общаль.

— Забудетъ, навѣрно!—сказала Лидія Степановна.—Хоть бы ты ему узелокъ завязалъ. Вѣдь это, наконецъ, ни на что не похоже! Человѣкъ имѣетъ полное право обижаться.

— Еще бы!—подтвердила Дина.

— Я свое дѣло сдѣлалъ!—остановилъ ихъ Гриша и закурилъ папиросу.—Вамъ я больше не нуженъ, mesdames?

Это выраженіе: „mesdames“, онъ неизмѣнно употреблялъ въ разговорѣ съ ними. Мать любила его больше дочери и позволяла ему товарищески-безцеремонный тонъ. Дина, какъ старшая, долго старалась взять надъ нимъ верхъ въ семействѣ; но по рыхлости своей не достигла этого.

— Ахъ, Грегуаръ,—порывисто заговорила мать,—пожалуйста, дружокъ, заѣзжай къ Эйлерсу и прицѣпись къ лавровому вѣнку!

— Это кому еще? — небрежно и строговато спросилъ онъ, дѣлая гримасу, какую онъ заимствовалъ отъ одного конногвардейца въ курилкѣ Михайловскаго театра.

— Да все ей же!.. Нашему идолу!

И Лидія Степановна кивнула на дочь, съ усмѣшкой въ глазахъ.

— Знаете что?—тономъ старшаго замѣтилъ Гриша. — Это совершенно лишняя трата.

— Ну ужъ пожалуйста, Григорій Порфирьевичъ, безъ правоученій!—почти закричала Дина.—Когда вамъ что вздумается, такъ ничто не дорого. Велосипедъ-трайциклъ,—она произнесла на англійскій манеръ,—что онъ стоитъ? Двѣсти слишкомъ рублей... А зимой на немъ и ѣздить-нигдѣ нельзя!

— „Закрой фонтанъ“, Дина!—остановилъ ее братъ.—Я никому не мѣшаю. Я даю только совѣтъ. Матап!—обратился онъ къ матери:—вѣдь вашему идолу поднесутъ пятнадцать корзинъ и дюжину вѣнковъ и столько же золотыхъ и брильянтовыхъ вещей!..

— Да пойми, Гриша!—зачастила Лидія Степановна, ласково обводя ихъ обоихъ взглядомъ баловницы. — Ты пойми... Дина сама вышивала полотенце цѣлыхъ три мѣсяца. Къ чему же его привязать?.. Всякій букетъ, чтобы приличенъ былъ, стоитъ дороже, а къ корзинкамъ и приступа нѣтъ.

— Это такъ!—согласился Гриша дѣловымъ тономъ.—И что же тамъ, на твоёмъ полотенцѣ,—шутливо-пренебрежительно спросилъ онъ Дину:—божественной, неподражаемой—имя рекъ — въ знакъ любви...

Онъ не былъ охотникъ до всѣхъ этихъ повальныхъ увлеченій дѣвицъ актрисами, пѣвицами, вообще женщинами. Да и самъ не чувствовалъ склонности тратиться на подношенія—кому бы то ни было.

— Нечего, нечего!—закричала Дина.

Она надула свои красныя губы; но разсердиться не посмѣла. Передъ Гришей она находилась въ такомъ же поклоненіи, какъ и Лидія Степановна, и знала, что бываютъ случаи, когда онъ ей можетъ быть очень полезенъ.

— Ты все-таки прицѣнись, Гриша,—сказала ему мать, въ которой не улеглась до сихъ поръ такая же способность увлекаться знаменитостями, будь то мужчина или женщина—пѣвецъ или первая актриса.

— Хорошо!.. А больше, надѣюсь, никакихъ „порученьевъ“,—онъ любилъ такія шутливыя неправильности, — не будетъ, mesdames?

— Нѣтъ, никакихъ! Поди сюда... — позвала его мать.—У тебя, кажется, шпага не такъ сидитъ...

— Съ какой стати? — откликнулся очень серьезно Гриша.

Онъ не шутилъ насчетъ своего туалета—того, какъ на немъ сидитъ фуражка, скортукъ или мундиръ. Шпагу онъ носилъ офицерскаго образца, а не гражданскаго,—какія носятъ кирасиры, когда являются на вечеръ или въ театръ. Такія же шпаги у генераловъ.

Подойдя къ матери, онъ наморщилъ лобъ и оглянулъ въ бокъ эфесъ шпаги. Эфесъ, дѣйствительно, зацѣпился за отворотъ въ сюртукъ и торчалъ слишкомъ высоко.

— Этакая гадость!—выговорилъ Гриша и ловко поправилъ.

Мать воспользовалась этимъ, чтобы оглядѣть своего любимца и лишній разъ полюбоваться имъ.

— Обѣдать будешь?—спросила она и обняла его съ мѣста за гибкую талью.

— Не знаю...

— Валентину Павловну увидишь сегодня?

На этотъ вопросъ сестры Гриша не отвѣтилъ, и поправилъ воротничекъ рубашки; онъ носилъ его очень высоко, такъ что изъ-за воротника бѣлье показывалось на полвершка.

Лидія Степановна подумала: „онъ у нея обѣдаетъ“; но больше ничего не спрашивала о Мещериной, ихъ общей пріятельницѣ. И мать, и дочь давно догадывались, что у нея съ Гришей—романъ; но онъ не любилъ, чтобы это дѣлали предметомъ болтовни. Онъ за это считали его необычайнымъ джентльменомъ и находили, что вдова, хоть и красива, и богата, все-таки не стоитъ Гриши. Такихъ вопросовъ, какіе приходили Порфирію Николасьичу, онъ себѣ не дѣлали... Дина понимала очень хорошо, какія отношенія могли установиться между Гришей и вдовой Мещериной... Мать сама любила говорить объ этомъ, почти хвалилась побѣдой сына, давала однако понять, что такая связь съ богатенькой и довольно еще снѣжей вдовой—хороша для студента, потому что это „формируетъ молодого человѣка“; но партію Гриша сдѣлаетъ совсѣмъ не такую, съ его наружностью и умомъ.

— Имѣю честь кланяться!—выговорилъ Гриша, и поправилъ еще разъ эфесъ шпаги.

Онъ повлонился имъ церемонно, опустивъ на грудь голову жестомъ, который Лидія Степановна находила особенно удачнымъ:

— Скажи Валентинъ Павловичъ, что у Пушкиревыхъ вечеръ отложенъ... Маня заболѣла, — послала Лидія Степановна въ догонку Гришѣ.

Мать и дочь переглянулись продолжительнымъ взглядомъ, когда Гриша вышелъ изъ столовой.

— Только пожалуйста, мама,—начала Дина,—вѣнокъ надо обязательно...

— Хорошо, хорошо!.. Отецъ жметса,—добавила Лидія Степановна.

— Глупости!

Дина сдѣлала такую мину: стоитъ-молъ обращать вниманіе на то—жметса отецъ или нѣтъ... Она была воспитана матерью во взглядахъ на Порфірія Николаевича—какъ на машину, обязанную службой и частной работой доставлять имъ все, что потребуется. Никогда она его не пожалѣла и даже не подумала о томъ, на долго ли хватить у него силъ... Напротивъ, она считала его „совсѣмъ еще молодымъ“, и сочла бы за нѣчто почти непріятное, еслибы отецъ сталъ прихварывать или жаловаться на утомленіе.

Какъ же имъ было не поднести вѣнеа ихъ любимицѣ, когда всѣ ихъ знакомые будутъ на бенефисѣ, и давнымъ-давно имъ извѣстно, что Авдотья Порфирьевна распила полотенце золотомъ и шолкомъ!

— Вотъ и остается лишнее платье,—начала дѣловымъ звукомъ Лидія Степановна. — У Пушваревыхъ вечеръ отложенъ... Ты можешь надѣть на бенефисъ...

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! Я не хочу этого. То платье, бенефисное, само собою... Я уже говорила о немъ... Это невозможно!

Дина встала и съ шумомъ пододринула стулъ.

— Да вѣдь оно еще не готово!.. Ты развѣ не знаешь нашу Пелагею Захаровну?..

Имъ шила русская портниха, съ выгѣской: „madame Pelagie“ но онѣ это скрывали... На туалетъ выходила не одна тысяча въ годъ, и съ каждой зимой расходы возрастали. На праздникахъ будетъ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать танцевальныхъ вечеровъ и большіе балы, на которые онѣ уже званы. И у себя надо дать вечеръ—и не простой, а съ катаньемъ на тройкахъ, до чего обѣ были большія охотницы.

Онѣ считали себя центромъ дѣлага общества, изъ того слоя петербургскаго свѣта, гдѣ перемѣшались семьи крупныхъ чиновниковъ, коммерсантовъ, биржевиковъ, адвокатовъ, инженеровъ,—кутящая среда съ постояннымъ плясомъ и тяжелыми ужинами. Черезъ всѣ виды модныхъ увлеченій проходили онѣ изъ сезона въ сезонъ, и только страдали отъ того, что онѣ не приняты въ тотъ „свѣтъ“, на который смотрѣли изъ ложи перваго яруса, на субботахъ Михайловскаго театра. Но онѣ считали себя дающими тонъ, и всегда показывали, что онѣ „сами по себѣ“ никому не завидуютъ и живутъ въ свое удовольствіе, между тѣмъ какъ тамъ, повыше—только скука и окисленіе.. Этого „окисленья“ онѣ боялись больше всего на свѣтѣ“.

Лидія Степановна успокоила дочь, и рѣшено было поторопить портниху, и на бенефисѣ Динѣ появиться непременно въ платьѣ скѣше, съ золотымъ матовымъ воротникомъ.

IV.

Пѣшкомъ Григорій Порфирьевичъ любитъ ходить: это также одинъ изъ видовъ спорта, которому онъ преданъ. Въ черномъ студенческомъ пальто, съ барашковымъ высокимъ воротникомъ, онъ чувствуетъ себя ловкимъ и красивымъ, идетъ, разставляя широко ноги, и держитъ голову съ легкимъ наклономъ, немного въ бокъ и кверху, что ему придаетъ еще болѣе гвардейскую осанку... Руки онъ держитъ въ карманахъ, сидящихъ высоко, тотчасъ пониже талии.

Утромъ онъ уже „сломалъ походъ“ на Васильевскій Островъ. У него все больше утреннія лекціи, и онъ ими не манкируетъ. Охота имѣть дѣло съ „субами“ и неделями! Надо исполнять формально свои обязанности и прилично скучать на лекціяхъ, чистить ногти или кое-что записывать, иногда прослушать что-нибудь фактическое. „Разсужденія“ онъ презиралъ, и ко всѣмъ профессорамъ безъ исключенія относился почти такъ, какъ бывало къ учителямъ: только съ сознаниемъ того, что ему ихъ бояться ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Экзамены онъ сдастъ; сдастъ и тотъ государственный экзаменъ, который нуженъ ему для служебныхъ правъ.

Чувство увлеченія, энтузіазма—было ему совершенно чуждо. Онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь на лекціи загорѣлись у него глаза, краска прилила-бъ къ щекамъ, въ груди сперлось бы отъ мозгового обаянія. Слыхалъ онъ рассказы про то, какъ аудиторія увлекалась профессорами, хлопала имъ, носила ихъ на плечахъ... даже въ зданіи университета. Но когда?.. Въ „невозможное“ время,—любимое слово Григорія Порфирьевича,—когда по корридорамъ расхаживали „стриженные“, когда Богъ знаетъ изъ-за чего всѣ бѣсновались, собирали сходы, кричали, спорили, дѣлали демонстраціи на улицахъ, ходили въ смазныхъ сапогахъ и красныхъ рубашкахъ, смотрѣли не то дворниками, не то на-борщивыми.

Все это—было... Теперь увлекаться—не вѣмъ, выходить изъ себя—глупо, мечтать и строить фразы—смѣшно и неприлично... Надо жить и устраивать себѣ пріятную жизнь—что онъ и дѣлалъ. Гимназія, съ ея зубреніемъ и письменными работами все въ одномъ направленіи, какъ бы сдѣлалась для него своего рода спортомъ, приучила къ напряженію мозга и мышцъ, къ искусственному вниманію, къ одолеванію трудностей, отъ которыхъ ему не было ни тепло, ни холодно. Онъ рано сталъ любить

вещи: дорогой перочинный ножикъ, красивую папиросницу, тонкое бѣлье, платье, сшитое по модному изъ хорошаго матеріала; держалъ всѣ свои вещи, лекціи, книги въ необыкновенномъ порядкѣ, рано пристрастился къ ужению рыбы, къ велосипеду, къ охотѣ съ ружьемъ... Въ свободные часы онъ то-и-дѣло чистилъ и улаживалъ свои „аглицкія“ удочки, перебиралъ разные механическія приманки, въ видѣ бабочекъ и мелкихъ рыбешекъ, чистилъ сѣтки, смазывалъ часто ружье. Все это онъ дѣлалъ съ полною серьезностью, читалъ книжки по охотничьей и рыболовной части, отчетливо и „шикарно“ выговаривалъ англійскіе термины, хотя по-англійски и не зналъ. Голова его работала основательно и къ двадцати годамъ усвоила себѣ почти законченное пониманіе жизни, гдѣ отвлеченныя идеи, порывы, стремленія и „вопросы“ отнесены были къ разряду „пустяковъ“, нестоящихъ вниманія, и опасныхъ формъ убиванія времени... Онъ цѣнилъ только фактическое преимущество въ товарищахъ и во всѣхъ, кого встрѣчалъ дома и въ обществѣ. Знаешь всѣ греческіе неправильные глаголы — „молодецъ“; можешь писать прямо итогъ восьми столбцовъ цифръ, по десяти въ каждомъ — „лихо“; пройдешь верхомъ изъ Петербурга въ Москву въ трое сутокъ — „завидно“; выдержишь полдня стоя въ водѣ, выше коленъ, для уловки хитрой рыбы, которую иначе не добудешь — „честь тебѣ и слава!!!“ И главное, чтобы все это тебѣ самому доставляло пользу и удовольствіе, чтобы ты жилъ какъ тебѣ хочется, чтобы ты чувствовалъ полное равновѣсіе и довольство собой — а не кряхтѣлъ, изъ-за какихъ-то идей или по слабости характера, для другихъ изображая изъ себя поденщика, не имѣющаго настолько чувства своего „я“, чтобы его не эксплуатировали.

И примѣромъ такой подневольной и уродливо жалкой жизни Григорій Порфирьевичъ бралъ жизнь своего отца. Къ нему онъ, въ иные минуты, чувствовалъ жалость, но жалость, пропитанную сознаніемъ своего превосходства. Ужъ если отецъ такъ себя „поставилъ“, то почему же было этимъ и не пользоваться? Ему нужны ружье, велосипедъ, удочка, платье — онъ и обращается къ отцу. Это все вещи дѣльные и доставляющія реальное удовольствіе, больше, чѣмъ разный бабій вздоръ, какой нуженъ его матери и сестрѣ...

Чисто мужской, почти простонародный, взглядъ на женщинъ выработался въ Григоріѣ Порфирьевичѣ уже къ поступленію въ университетъ. Онъ — невысокаго мнѣнія о нихъ вообще. Ихъ вздорность, охи и ахи, увлеченія и порывы — Григорій Порфирьевичъ называлъ однимъ собирательнымъ терминомъ: „психо-

патія". То-же слово употреблялъ онъ и для всего, что ему въ людяхъ и въ общественной жизни казалось ненужнымъ, мудренымъ, вычурнымъ или неприличнымъ, опаснымъ и дикимъ... Иногда онъ, говоря или думая о женщинахъ, пускалъ въ ходъ слово: „истерія“,—и дальше уже не шелъ въ объясненія.

Онъ зналъ и видѣлъ, что женщины къ нему льнуть... Къ этому его, съ отроческихъ лѣтъ, приучили мать и сестра... Барышень онъ могъ влюблять въ себя сколько ему угодно и безпрестанно; на вечерахъ пріятелямъ, танцовавшимъ съ нимъ, онъ говаривалъ съ ужимкой глубокаго презрѣнія:

— Ну ихъ! Виснуть!..

И это не было у него ни позою, ни притворствомъ. Онъ, дѣйствительно, надобѣдали ему, и вообще какъ „бабы“, и потому, что „виснуть“.

Съ вдовой Мещериной его сближеніе пошло очень быстро. Она такъ явно и усиленно ухаживала за нимъ, что Григорій Порфирьевичъ считалъ бы совершеннымъ идиотствомъ не завязать съ ней интрижки. Въ первый же вечеръ, проведенный имъ у вдовы, она стала угощать его фруктами и шампанскимъ, что ему не особенно понравилось, и онъ держалъ себя суховаго до самаго прощанья... На порогъ въ переднюю, когда онъ—это было около года назадъ—подавалъ ей руку, и въ глазахъ его можно было прочесть—„ну, и эта виснетъ!“—вдова удержала его руку въ своей, прижалась къ нему пышнымъ станомъ и, задыхаясь, сказала съ внезапной краской на пухлыхъ, еще очень свѣжихъ щекахъ:

— Позвольте мнѣ васъ поцѣловать!..

Григорій Порфирьевичъ почти обидѣлся... Точно онъ мальчуганъ, которому говорятъ: „Гриша, а я вотъ тебя поцѣлую“.

Онъ позволилъ и остался у вдовы до поздняго часа.

Съ тѣхъ поръ это уже—„überwundener Standpunkt“: тоже его слово, единственное нѣмецкое выраженіе, которое онъ узналъ у отца. Метафизику онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ кабалистическаго или хиромантій, и считалъ необходимымъ просто зазубривать тѣ мѣста изъ энциклопедіи права, гдѣ приводятся цитаты изъ нѣмецкихъ мыслителей. „Нѣмецъ“ было для него почти браннымъ словомъ, также какъ „жидъ“ и „полякъ“, хотя онъ и „патріотизмомъ“ не занимался...

Къ вдовѣ у него образовалось нѣчто въ родѣ снисходительнаго пріятельства... Она была для него „подходящая баба“. И она любила „вещи“, все фактическое и дающее чувство матеріальной жизни; ходила лѣтомъ на охоту, пристрастилась и къ рыб-

ной ловлѣ, обожала бѣды и цѣнила туалеты, играла на гитарѣ. Они проводили время въ разговорахъ о разныхъ видахъ спорта, играли дуэты: онъ на мандолинѣ, она на гитарѣ, никогда не ссорились; она легко перенимала его взгляды и оцѣнки людей и жизни, хотя и была на цѣлыхъ десять лѣтъ старше его.

Онъ принималъ ея постоянное ухаживанье, допускалъ угощеніе дома—недорогой завтракъ или ужинъ въ рестораиѣ... Вдова дарила ему разные „сувениры“; порывалась дѣлать и цѣнные подарки, намекая на то, что у него мало карманныхъ денегъ, но Григорій Порфирьевичъ положилъ этому конецъ.

— Это будетъ альфонсизмъ!—сказалъ онъ ей спокойно и съ большимъ достоинствомъ.

„На содержаніе я не желаю поступать,—разсуждалъ онъ.—Если Валентина заплатитъ за устрицы или за карету—это ея добрая воля. Считаться въ такихъ пустякахъ—смѣшно; но деньги, это—особая статья“.

И когда ему казалось, что отецъ подозрѣваетъ что-то—оттого, вѣроятно, что онъ сталъ у него рѣже просить денегъ—его это щемило. Онъ способенъ былъ самъ заговорить о своихъ отношеніяхъ къ вдовѣ и сказать отцу прямо:

— „Ты, пожалуйста, не думай, что Мещерина даетъ мнѣ денегъ!.. Я съ ней провожу время... У меня стало меньше холостыхъ расходовъ—вотъ тебѣ и объясненіе загадки“...

Но случая не представлялось, и онъ кончилъ тѣмъ, что успокоился. Отцу, въ сущности, не было дѣла до его интимной жизни, а Мещерина—это „деталь“,—еще любимое слово Григорія Порфирьевича.

А тѣмъ, что думали мать и сестра, онъ рѣшительно не интересовался. Мать, конечно, знаетъ про связь. Да и сестра догадывается. Онѣ, кажется, очень рады этому: Мещерина имъ нравится, полезна своими знакомствами, любить угостить, зоветь часто къ себѣ въ ложу... Чего же имъ больше?

Если бы мать или сестра позволили себѣ что-нибудь насчетъ порядочности его отношеній съ вдовой, онъ сумѣлъ бы ихъ осадить. Да онъ уже достаточно давалъ имъ понять, что ничѣмъ существеннымъ онъ отъ Мещериной не пользуется.

Мысль Григорія Порфирьевича остановилась на всѣхъ этихъ предметахъ, когда онъ шелъ по Невскому, въ сторону цвѣточного магазина, гдѣ ему надо было прицѣниться къ вѣнку.

Ему не жалко денегъ, которыя пойдутъ на этотъ вѣнокъ, онъ не желаетъ урѣзывать у сестры ея долю. Но онъ считаетъ смѣшнымъ вздоромъ это „театральство“. Самъ онъ ходитъ, по

субботамъ, въ Михайловскій театръ, потому что русскія пьесы скучны, а нѣмцевъ онъ съ трудомъ понимаетъ и не выноситъ ихъ декламаціи въ классическихкихъ вещахъ. Субботы чередуетъ онъ съ циркомъ... Туда его привлекаютъ лошади, ихъ выѣздка, ихъ „ровныя стати“, дрессировка собакъ, свиней, гусей, ословъ, ловкость и условная грація акробатовъ и наѣздницъ высшей школы. Онъ отдыхалъ въ этомъ царствѣ мышечной силы, спорта, упорной энергіи съ отбѣнкомъ всегдашней опасности, отъ скуки мужскихъ и кудахтанья женскихъ разговоровъ, зѣвоты на лекціяхъ, танцевъ съ барышнями, ежедневныхъ встрѣчъ съ товарищами. Вдова всегда бывала съ нимъ въ циркѣ; ея замѣчанія и оцѣнки онъ находилъ вѣрными.

V.

На Аничковомъ мосту—онъ уже шелъ внизъ по Невскому—его окликнулъ кто-то изъ окна кареты.

Григорій Порфирьевичъ увидѣлъ своего товарища по гимназіи, графа Загарина. Карета остановилась.

— Капцовъ!.. На минутку...

Онъ подошелъ къ дверцѣ кареты.

— Ты будешь сегодня у Богучарова?—спросилъ его графъ, блѣднолицый, почти безусый, бѣлокурый и немного прыщавый. Онъ кутался въ шинель съ бобромъ.

— А что такое?

— Тамъ сегодня сборище... И я прочту кое-что... Да не подвести ли тебя?

— Пожалуй. Мнѣ надо на Знаменскую.

— Прикажи кучеру.

Капцовъ сѣлъ въ карету. Графъ уходилъ лицомъ въ бобровый воротникъ, говорилъ слабымъ голосомъ и взглядывалъ на него, тревожно улыбаясь, довольно красивыми глазами.

Этотъ Загаринъ походилъ съ годъ въ университетъ, вольнымъ слушателемъ, и вотъ уже четвертый годъ пишетъ стихи, переводитъ Эдгара Поэ и читаетъ Шопенгауэра. У него хорошее состояніе, и онъ сирота. Здоровье у него слабое, но онъ торчитъ по доброй волѣ въ Петербургъ, хоть и знаетъ, что петербургскій климатъ для него убійственъ.

Съ Капцовымъ онъ держался дружескаго тона, но въ домъ къ его семейству не ѣздилъ. Онъ не танцевалъ, за женщинами не ухаживалъ, боялся всякаго утомленія, чувствовалъ страхъ

передъ всѣмъ, что отзывается физической тратой силъ. Сквозной вѣтеръ приводилъ его въ ужасъ, и Капцовъ встрѣтилъ его разъ, при входѣ въ большую залу дворянскаго собранія, въ маскарадѣ, съ высокой шляпой на головѣ и въ цвѣтномъ фулярѣ, въ который онъ кутался точно на улицѣ.

— Чудакъ!.. Какъ тебѣ не совѣстно?—окликнулъ онъ его.

— Ахъ, душа моя, здоровье выше всего...

И по части здоровья Капцовъ давалъ ему не разъ хорошіе совѣты.

— Что ты все киснешь здѣсь?—говорилъ онъ ему, оглядывая при этомъ его впалую грудь и выдавшіяся лопатки.—Средства есть, ничто не держать... Стихи свои можешь кропать гдѣ угодно... Махнулъ бы въ Сицилію, или на югъ Франціи, а то въ Каиръ.

— Нѣтъ, милый, я тамъ умру отъ скуки... Меня посылали въ Ментону,—я не выдержалъ. Ты знаешь, я всякій свободный вечеръ въ театрѣ. А тамъ, въ казино, ужасная трупна! Помнишь ты актера Дювала, здѣсь въ Михайловскомъ?

— Не помню что-то...

— Онъ подносы подавалъ, а я нашелъ его тамъ въ первыхъ любовникахъ... И это постоянное сидѣнье на солнцѣ, глядѣнье на море... Чахоточные бродятъ подъ жидкими пальмами... Тоска!.. Петербургъ и Парижъ—внѣ этихъ двухъ городовъ нѣтъ жизни для меня... Нигдѣ мозгъ не имѣетъ пищи!..

— Такъ живи лучше зимой въ Парижѣ,—возражалъ ему Капцовъ.

— Зимой я не могу лишить себя Петербурга.

Такъ онъ и жилъ, прикованный съ октября по апрѣль къ Петербургу жаждой писательскихъ ощущеній, выносилъ свои элегіи, знакомился со всякимъ умственнымъ народомъ, ѣздилъ по редакціямъ, скучнымъ литераторскимъ журъ-фиксамъ, бывалъ во всевозможныхъ кружкахъ, находилъ особое удовольствіе въ общеніи съ мелкимъ пишущимъ народомъ, съ начинающими поэтиками и рассказчиками, наклонными къ страннымъ замысламъ, къ смѣлости въ формахъ, къ печально-чувственному взгляду на жизнь.

О „принципахъ“ Капцовъ первый съ нимъ не заводилъ рѣчи, но зналъ, что Загаринъ считаетъ себя „эклектикомъ“. Онъ былъ вѣрующій на особый ладъ,—больше дѣлать, чѣмъ хорошій православный, но сохранилъ всѣ навыки религіозности, былъ дѣтски суевѣренъ; иногда, сидя одинъ въ каретѣ, крестился при видѣ иконы на фасадѣ церкви, вообще ничего не отвергалъ и си-

лился все согласить: догматы съ Спинозой, съ Шопенгауэромъ, съ законами природы, романтизмъ—съ натурализмомъ и даже съ парижской школой „декадентовъ“. Надо всѣмъ этимъ въ глубинѣ его болѣзненной, обреченной на постоянную боязнь смерти, натуры лежала немолчная и непритворная жалость ко всему, что живетъ на свѣтѣ. Онъ не могъ видѣть нишаго, чтобы не подать ему, останавливалъ даже карету и подзывалъ съ тротуара какого-нибудь сомнительнаго калѣку, отъ котораго пахло сивухой, зная, что тотъ сейчасъ же проплетъ его гривенникъ, а иногда и бумажку,—что ему попадалось подъ руку въ карманѣ, гдѣ всегда лежала мелочь для милостыни.

Капцовъ считалъ его добрякомъ, въ одномъ вкусѣ съ отцомъ своимъ. Такая доброта вызывала въ немъ нѣчто въ родѣ презрѣнія. И надъ мотивами его стихотвореній онъ подсмѣивался довольно безцеремонно.

— Ну, что ты, все воспѣваешь какую-то „желанную“? А я знаю, какъ ты плохъ по этой части... Никакой у тебя возлюбленной нѣтъ, да и не будетъ... И влюбчивость-то у тебя, братецъ, по книжкѣ...

Загаринъ не обижался. Кого-то онъ любилъ и уносился разгоряченнымъ мозгомъ къ „ней“, плакалъ по ночамъ, молился и просыпался потомъ съ страшной невралгіей, отъ которой лежалъ пластомъ до вечера; но вечеромъ непремѣнно ѣхалъ въ театръ, на писательскую вечеринку, на публичное чтеніе, на засѣданіе литературнаго общества.

Не такъ давно Капцовъ увидалъ его выходящимъ изъ книжнаго магазина съ однимъ репортеромъ мелкаго листка. Загаринъ сталъ пожимать ему руку и раскланиваться, точно тотъ Богъ вѣсть какая знаменитость.

Это взорвало Капцова.

— Какъ тебѣ не стыдно такъ лебезить Богъ знаетъ передъ какой дрянью?..—говорилъ онъ ему съ брезгливой усмѣшкой на своихъ тонкихъ губахъ.—Вѣдь это жуликъ, и газета, гдѣ онъ пишетъ—чуть не помойная яма! Я всѣмъ этимъ не занимаюсь, но еслибы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бы ни одного пальца не подаль такому стрекулисту!..

— Ахъ, душа моя,—вздыхалъ Загаринъ,—нельзя такъ относиться къ людямъ... И этотъ репортеръ—съ талантомъ... А листокъ, гдѣ онъ пишетъ, полезенъ...

— ...Чтобы тебя похвалили при случаѣ?

— Зачѣмъ же создавать себѣ враговъ?.. Я имъ иногда даю

даровныя замѣтки о тѣхъ, кому я искренно сочувствую, о моихъ сверстникахъ...

— И себя похвалишь, когда нужно?

— Нѣтъ, себя я еще ни разу не хвалилъ. Мнѣ прискорбны наши журнальные ругатели. Я всей душой желалъ бы видѣть общее единеніе...

— Держи карманъ!..

Когда Капцовъ усьлся въ каретѣ и поправилъ сквозь ваточное пальто эфесъ шпаги, онъ вспомнилъ именно этотъ разговоръ. Его навело на память приглашеніе Загарина быть вечеромъ на сборищѣ у Богучарова.

— И какая тебѣ охота,—заговорилъ онъ, закуривая папиросу,—ѣздить по невозможнымъ дырамъ?.. У Богучарова квартиры на третьемъ дворѣ, въ палисадникѣ, плохо протопленная, сырая, и дверь прямо на дворъ, безъ передней. Да ты тамъ воспаленіе легкаго схватишь!..

— Поберегусь, милый, какъ-нибудь... Сегодня онъ самъ будетъ читать нѣчто очень курьезное... Изъ своихъ американскихъ воспоминаній... И пѣть будетъ одинъ самородокъ, изъ народныхъ учителей.

— Нигильё!..

— Ахъ, Капцовъ, у тебя термины старые. Нигильё!.. Нигилистовъ теперь нѣтъ, другъ мой... Теперь всѣ хотятъ жить, пользоваться высшимъ, что есть у человѣка—искусствомъ, идеей, прекрасными звуками и красками. И всѣ понимаютъ трагедію жизни, общую скорбь о хрупкости того, что прекрасно!..

— За нытье принялись, знаемъ мы васъ. Оттого, что вы всѣ головастики,—Григорій Порфирьевичъ сталъ говорить строже:—оттого, что вы всѣ кисляки; ни гимнастики, ни охоты, ни гидро-терапии...

— Ни велосипеда!..—подсказалъ съ тихимъ юморомъ Загаринъ, кивнувъ головой въ высокой шляпѣ.

— Да, было бы толковѣе, еслибъ ты на велосипедѣ хоть въ манежѣ поѣздилъ. Мускуловъ у васъ нѣтъ, руки и ноги какъ мочала, вотъ вы и воспѣваете міровую скорбь... Какъ, бишь, это по-нѣмецки?

— Weltschmerz,—подсказалъ Загаринъ.

— Именно! И къ женщинамъ то у васъ какое-то рыхлое, пакостное отношеніе... Ни въ одномъ изъ васъ мужчины не чувствуешь...

Карета дала толчокъ. Одна лошадь зашалила и ударилась

въ сторону. Загаринъ боязливо поглядѣлъ въ каретное стекло и заволновался.

— Ахъ, Господи! Опять понесутъ!..

Капцовъ окинулъ взглядомъ охотника—и лошадей, и кучера.

— Да у тебя кучеръ выпилъ. Онъ дергаетъ ихъ, безъ толку...

— Ахъ, Господи!—стоналъ Загаринъ.—Держу нарочно извозничью пару, и каждую недѣлю онъ меня угощаетъ.

— Да ты что же не прогонишь его?

— Надо жаловаться хозяину. Съ какой стати... На той недѣлѣ у кареты дышло переломили и крыло задѣли... Ударились о фонарный столбъ... Лошадей прислали другихъ... А работникъ тотъ же...

— Чужачина ты! Ей Богу!

Капцовъ усмѣхнулся ему въ лицо и вспомнилъ, какъ Загаринъ рассказывалъ свой призывъ въ военную службу. Его объявили совершенно негоднымъ. Онъ не скрывалъ этого и въ герои не лѣзъ, а съ юморомъ выставялъ свое тѣлесное убожество.

Лошадь перестала шалить, кучеръ подтянулъ пару, карета покатила ровнѣе, и минуты черезъ двѣ она повернула въ Знаменскую.

— Номеръ двадцать-первый! — крикнулъ Капцовъ кучеру, опустивъ стекло.

— Такъ придешь къ Богучарову?—ласково и просительно заговорилъ Загаринъ, успокоенный, съ краской волненія на впалыхъ щекахъ. Для меня сдѣлай. И ты услышишь пѣніе... Басъ феноменальный... Basso cantante... Я такого не слыхалъ нигдѣ за послѣдніе годы...

— Изъ дворянъ Господи помилуй, навѣрно?

— Кажется... изъ семинаристовъ.

Загаринъ разсмѣялся.

— Фамилія—добавилъ онъ—духовная... Благомировъ.

— Навѣрняка.

Григорій Порфирьевичъ что-то соображалъ.

Онъ долженъ застать вдову—и пообѣдаетъ у нея. Она его безъ обѣда не отпустить... Провести съ глазу на глазъ съ женщиной, кто бы она ни была, съ четвертаго часа до поздней ночи, это была слишкомъ прѣсная „процедура“, какъ выражался онъ. Можно, пожалуй, кончить вечеръ у Богучарова и посмотреть на все это литературствующее „нигиль“. За свой терминъ Капцовъ держался.

— Такъ что же, душа моя?—настаивалъ Загаринъ.

— Ладно. Попозднѣе буду. Вѣдь вы тамъ до пѣтуховъ?

— Я до тебя не буду читать своего.

Кучеръ рѣзко остановилъ лошадей. Капцовъ, кивнувъ Загарину, ловко выскочилъ на подѣздъ, прямо съ подножки и захлопнулъ дверцу.

Въ первомъ этажѣ жила вдова Мещерина.

VI.

Въ будуарѣ горитъ розовый матовый фонарь, подвѣшенный къ потолку, по срединѣ лѣпного круга. Вся мебель блѣдно-розовая съ кружевными чашками. Въ тѣснотой комнатѣ ходитъ волнами густой запахъ вѣтвистыхъ аткинсоновскихъ духовъ. Десятый часъ вечера. На диванчикѣ въ родѣ широкаго кресла развалился Григорій Порфирьевичъ; голову онъ откинулъ на низкую спинку дивана и ноги вытянулъ по пестрому ковру... Его поводитъ зѣвота... Онъ полудремотными глазами смотритъ на свое отраженіе въ большомъ зеркалѣ орѣховаго шкафа, гдѣ хранится тонкое, все въ кружевахъ, пропитанное благоуханіемъ, бѣлье Валентины Павловны.

Ему не хочется говорить, не хочется курить... Онъ очень сытъ, и въ головѣ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ мыслей.

— Grégoire!— донесся до него голосъ Мещериной изъ большого салона, смежнаго съ будуаромъ.

Она окликнула его отъ пьянино, за которое только-что сѣла.

— Что угодно?— соннымъ голосомъ отвѣтилъ Капцовъ.

— Вы не желаете играть?... Мандолина ваша ждетъ... Или хотите дуэтъ съ гитарой?

Играть ему лѣнь... Онъ хотѣлъ бы на воздухъ. Пора и къ тому „нигилю“—въ Измайловскій полкъ, въ пятую роту.

— Идите!—громче окликнула Мещерина.—Да что вы тамъ дѣлаете? Спите!.. Какой ужасъ!

Въ дверяхъ будуара показалась Валентина Павловна, женщина за тридцать, выше средняго роста, съ густыми волосами орѣховаго цвѣта и круглымъ, веселымъ, чувственнымъ лицомъ. Особенно носъ ея, короткій и приподнятый вверху, дѣлалъ выраженіе подмигательнымъ. Ея пышный станъ облекалъ черный атласный капотъ съ разрывными рукавами, подбитыми желтымъ шелкомъ, откуда обнаженные руки, молочныя и наливныя, выступали съ откровенной лаской.

— Grégoire! Вы, ей Богу, спите!..

— Не думаю!..—лѣниво отвѣтилъ Капцовъ.

— Если хотите спать, подите и лягьте на кушетку.

Она подсѣла къ нему и коснулась рукой до его плеча.

— Хотите на воздухъ?.. Здѣсь очень жарко. Умоляю Анисью не топить такъ непомѣрно и не могу добиться температуры въ четырнадцать градусовъ.

Валентина Павловна положила голову на спинку диванчика, рядомъ съ головой студента, и вся затихла...

Такъ они пробыли нѣсколько минутъ.

Капцова не смущало это молчаніе... Зачѣмъ будетъ онъ постоянно подтягивать себя съ своей покладливой подругой?.. Мещерина тѣмъ и пріятна ему, что она не требуетъ страстныхъ изліяній, разговоровъ на интересныя темы, лирическихъ сценъ и сантиментальныхъ порывовъ. Она цѣнитъ то, что ей тридцать-два года, а ему нѣтъ еще и двадцати-двухъ.

Она сейчасъ закричала: „это ужасно, вы спите“; но тотчасъ же прибавила приглашеніе соснуть какъ слѣдуетъ на кушеткѣ.

— Гриша!—шопотомъ спросила Мещерина и приложила своей еще очень твердой щекой къ щекѣ Капцова.—Хочешь—я пошлю за тройкой?.. Мы прокатились бы...

Онъ не спалъ и разсмѣялся ея словамъ.

Тройка не прельщала его. Катанье само по себѣ, пожалуй, пріятнѣе, чѣмъ конецъ, на извозикѣ, въ пятую роту Измайловскаго полка и сидѣнье въ сараѣ Богучарова въ облакахъ табачнаго дыма; но тройка поведетъ за собою загородный ресторанъ. Валентина Павловна непременно закажетъ ужинъ и не допуститъ его платить, да у него и лишнихъ денегъ нѣтъ. И это куда бы ни шло: главное—все это повтореніе того, что было уже за обѣдомъ и послѣ обѣда.

Лучше сдѣржать слово, данное графу Загарину, и ѣхать къ „нигилю“.

-- Мнѣ надо въ гости,—не раскрывая глазъ, выговорилъ онъ и сладко потянулся.

— Куда это?

— Къ іерихонцамъ!

Она расхохоталась слову и подняла голову.

— Къ какимъ іерихонцамъ?

Капцовъ сказалъ—къ какимъ.

— Тебѣ тамъ весело?

Вопросъ прозвучалъ скорѣе заботой, чѣмъ тревогой,—подозрѣнія и ревности въ немъ не было. Капцовъ цѣнилъ и это отсутствіе вздорности въ вдовѣ Мещериной, хотя, по его понятіямъ,

женщина должна быть ревнива, и онъ сознавалъ, днями, что, быть можетъ, ему было бы занимательнѣе съ Валентиной Павловной, еслибъ она хоть немножко ревновала его.

— Веселья никакого не будетъ, — отвѣтилъ онъ, позѣвывая; она и этимъ не обижалась: — а иногда бываютъ курьезные народы.

— Изъ интеллигентовъ? — произнесла смѣшливо Мещерина и повела на особый ладъ своимъ вздернутымъ носомъ.

Онъ тихо разсмѣялся и сталъ подниматься, сдѣлавъ это въ два приѣма, и когда стоялъ уже на ногахъ, по срединѣ комнаты, то потянулся всѣмъ корпусомъ, вскинувъ своими длинными руками.

— Агунюшки, Гришенька, агунюшки!..

Поднялась и Валентина Павловна, подошла къ нему, поцѣловала его въ лобъ и сказала:

— Со мной коротать вечеръ не желаете, стало-быть?.. И быть по сему...

— Приставалъ сегодня; просилъ быть тотъ чудаекъ... графъ Загаринъ... Я тебѣ его показывалъ въ театрѣ.

— Развѣ и онъ изъ нигилля?

— Онъ такъ, шалый... рюмачъ... Воспѣваетъ все какую-то желанную, а я увѣренъ, что онъ до сихъ поръ...

Капцовъ досказалъ на ухо Мещериной.

— Привези его ко мнѣ... Мы его просвѣтимъ...

— Надоѣстъ... рацей свои распустить про Спинозу, Эдгара Поэ... и этого... какъ бишь его?

— Ну, тогда не надо... Послушай, Гриша... На дорожку не хочешь ли чего-нибудь?

— Чего еще?

— Хоть сельтерской... съ коньякомъ.

— Пожалуй.

Они перешли черезъ узкую гостиную съ пьянино въ столовую, просторную комнату, полуосвѣщенную висачей лампой съ матовымъ колпакомъ.

Валентина Павловна захлопала въ ладоши; каждый разъ звонить она находила несноснымъ.

Горничная, та самая Анисья, на которую жаловалась барыня насчетъ топки комнатъ, уже пожилая дѣвушка, въ темномъ платьѣ и чепчикѣ, вошла и остановилась въ дверяхъ, съ особымъ, строго замкнутымъ выраженіемъ своего еще миловиднаго лица. Она при Капцовѣ вела себя съ необыкновеннымъ тактомъ, точно будто онъ родственникъ ея барыни, и не позволяла себѣ ни съ Валентиной Павловной, ни съ нимъ ни малѣйшей фамильярности. Мещерина держала, до своего романа съ Капцовымъ, лакея; но

теперь у нея была одна женская прислуга, а человѣка нанимала только ѣздить съ ней по городу и служить, когда она давала вечера.

— Анисья Ивановна,—обратилась она къ ней шутливо:—вы опять изволили рано закрыть, безъ всякаго милосердія, у меня въ будуарѣ...

— А что-съ?

— Да градусовъ двадцать!..

— Господи!.. Я закрыла передъ самымъ обѣдомъ.

— Дайте сельтерской воды и коньяку.

Этой Анисѣ Ивановнѣ доставалось иногда очень круто... Мещерина, когда одѣвалась, не терпѣла никакой неловкости, никакой проволоочки. Капцовъ былъ разъ свидѣтелемъ домашней сцены, когда Валентина Павловна, по собственному выраженію, „пригнула“ свою горничную...

Григорій Порфирьевичъ тогда нахмурился и, когда они остались вдвоемъ, весьма значительно замѣтилъ:

— Можно бы и оставить эти до-реформенныя манеры.

И цѣлый день былъ очень сдержанъ съ своей пріятельницей. Онъ обращался съ прислугой сухо и говорилъ „ты“ лакеямъ рестораноу, швейцарамъ, даже и разсыльнымъ, но считалъ неприличнымъ и „некрасивымъ“ давать волю рукамъ. Этотъ эпизодъ съ Анисьею укрѣпилъ его еще больше въ убѣжденіи, что женщины — „всѣ на одинъ ладъ“, мужички и барыни, вухарки и перво-классныя артистки. Дай имъ волю—онѣ непременно будутъ бить своихъ пріятелей и мужей, что зачастую и бываетъ. При этомъ онъ всегда думалъ о своемъ отцѣ и говорилъ про себя:

„Возьми мама повадку тузить туфлей фатера — онъ притерпится!“

Въ столовой Капцовъ, не присаживаясь къ столу, выпилъ цѣлый стаканъ сельтерской воды. Ему налила сама Мещерина. Анисья Ивановна удалилась тотчасъ же, поставивъ все, что нужно.

Она знала, что барыня не любитъ и того, чтобы прислуга выходила въ переднюю, когда уѣзжалъ Григорій Порфирьевичъ. И на этотъ разъ она не вошла туда, заслышавъ голоса въ передней, отдѣланной въ русскомъ вкусѣ: стѣны были обиты кумачомъ; вѣшалка, стулья, столъ и зеркало изъ крашенаго дерева съ золотыми разводами. На этомъ красномъ фонѣ черный атласъ пеньюара и полныя руки Мещериной выступали живописнымъ пятномъ.

— Поѣжайте въ моей каретѣ,—сказала она ему, переходя совершенно спокойно отъ „ты“ къ „вы“.

— Съ какой стати?

Онъ этого не любилъ.

— Да вѣдь она, все равно, стоитъ!..

— Я терпѣть не могу кареты.

— Охота тащиться на ваньгѣ!..

— Знаете чтѣ...—добавила она громче, когда онъ уже стоялъ передъ нею въ пальто и съ фуражкой на головѣ.—Поѣду я къ вашимъ посидѣть... Онѣ нигуда не собирались?

— Кажется, нѣтъ.

— Мы потолкуемъ насчетъ туалетовъ къ бенефису... Съ меня вѣдь тоже взяли контрибуцію для какого-то серебрянаго баула.

— Сколько?

— Двадцать-пять.

— Была оказія!

— Нельзя, душечка. Это ежегодный оброкъ.

Валентина Павловна снова разсмѣялась, потрепала его по плечу и выпустила сама въ сѣни.

На извозчикѣ Капцовъ глубоко засунулъ руки въ карманы, приподнялъ плечи и ушелъ подбородкомъ въ мерлушковый воротникъ. Морозъ крѣпчалъ. Но онъ этого не боялся. Квартира Мещериной, опьяняющій запахъ духовъ, обѣдъ, вино, сонное полужеланье — все это онъ съ охотой сбросилъ съ себя на холодномъ и сухомъ воздухѣ, и почувствовалъ себя опять мужчиной и спортсменомъ, способнымъ, коли на то пошло, отправиться на пари пѣшкомъ до Измайловскаго полка, въ одной шведской курткѣ, гимнастическимъ шагомъ.

VII.

На третьемъ дворѣ, въ темнотѣ декабрьской ночи, Капцовъ отыскалъ калитку палисадника и пошелъ увѣреннымъ шагомъ къ освѣщеннымъ окнамъ одноэтажнаго строенія, въ родѣ сарая или бани.

Тамъ и проживалъ Богучаровъ, у котораго каждыя двѣ недѣли бывали сборища молодыхъ писателей.

Входная дверь отворялась прямо въ первую обширную комнату, изъ маленькихъ сѣней. Тамъ сидѣло все общество. Капцова встрѣтилъ возгласъ хозяина:

— А, мандолинистъ!.. Не забыли! Жаль, что инструмента своего не взяли съ собой.

Богучаровъ, короткій и плечистый рыжеватый малый, лѣтъ

двадцати-пяти, подъ гребенку выстриженный, съ аккуратной бородкой, въ домашней шерстяной блузѣ сиреневаго цвѣта, подпоясанной кожанымъ кушакомъ, помогъ ему снять пальто, которое тутъ же надо было положить на кучу другого верхняго платья.

Въ комнатѣ, болѣе длинной, чѣмъ широкой, и освѣщенной довольно плохо, сидѣло и стояло нѣсколько человѣкъ гостей. Капцовъ разглядывалъ въ числѣ другихъ графа Загарина у большаго продолговатаго стола съ самоваромъ и закусками... Дешевая низкая лампочка немного коптила. Вправо, въ углу прилежало старинное фортепьяно—ящикомъ, и двѣ свѣчи стояли на немъ зажженными.

Узналъ Капцовъ и двоихъ начинающихъ писателей. Оба они были брюнеты, — одинъ маленькій, другой очень высокій. Маленькій морщилъ нервное лицо и дергалъ бородку, плохо одѣтый и хмурый; высокій, въ хорошемъ сюртукѣ, гладил лоснящіеся длинные волосы, и правая его рука прохаживалась по густой бородѣ. Капцовъ никакъ не могъ хорошенько запомнить, который изъ нихъ поэтъ, который прозаикъ. На этотъ разъ онъ рѣшилъ, что стихи пишетъ высокій, что было совсѣмъ наоборотъ.

У стола, въ глубинѣ, сидѣлъ лицомъ прямо противъ входа, очень красивый мужчина, съ оваломъ лица, лбомъ и волосами, какіе пишутся на образахъ. Мягкая степенность большихъ голубыхъ глазъ, носъ строгихъ линій, борода рѣдкая, клинушкою, дѣлали наружность его совершенно евангельской. Капцовъ сейчасъ же подумалъ: „Это и есть басы изъ дворянъ Господи помилуй“.

Къ фортепьяно прислонился гость, котораго Капцовъ видѣлъ, кажется, въ первый разъ. Почти такого же роста, какъ хозяинъ, только стройнѣе, темнѣе волосами, съ умнымъ лицомъ казацкаго типа. Онъ носилъ подстриженную бороду, былъ очень старательно одѣтъ, въ цвѣтномъ галстукѣ и темномъ клѣтчатомъ сюртукѣ. Когда Капцовъ вошелъ, онъ перелистывалъ книгу и шурился, какъ близорукій.

На кушеткѣ, служившей Богучарову и кровати, валялся еще кто-то. По всклоченной пряди волосъ, низко спускавшейся на лобъ, и по свѣтло-коричневой потертой визиткѣ, Капцовъ узналъ художника Скрыню, котораго онъ не иначе называлъ, какъ „хохлому“, и считалъ большимъ ругателемъ.

— Господа! Вы, кажется, знакомы?—возгласилъ хозяинъ, подводя Капцова къ столу. Онъ указалъ рукой на двоихъ брюнетовъ и, обернувшись къ Капцову, добавилъ: —Скрыню вы знаете,

съ графомъ васъ нечего знакомить. Это Благомировъ, вы ему поаккомпанируете, батенька, на гитарѣ... А вотъ, позвольте—онъ подвелъ его къ стоявшему у фортепьяно—Денисъ Андреевичъ Луговиновъ, писатель. Ждемъ еще двоихъ гостей, и тенора Андреоли. Да-съ, батенька, хочеть послушать Ефима Никанорыча... И Егоръ Петровичъ Ермиловъ общалъ, попозднѣе, съ какого-то великосвѣтскаго суарѣ, къ тому часу, когда явится отъ Филиппова кулебяка съ сигомъ и капустой...

Капцовъ жалъ всѣмъ руки, и басъ протянулъ ему свою—длинную и бѣлую, очень породистую, и сказалъ полушопотомъ: — Весьма радъ.

Но и эти два слова отдались во всей комнатѣ, какъ двѣ музыкальныя ноты.

Художникъ не поднялся съ кресла и только прохрипѣлъ:

— Господину студенту—мое нижайшее!

— Ну, садитесь, гость будете. Чаишка желаете?

Въ Богучаровѣ Капцову не особенно нравился отгѣнокъ безцеремонности и запанибратства, подъ которымъ онъ распознавалъ своего рода дѣлчество и большое тщеславіе. Онъ считалъ его, въ сущности, пронирой. Богучаровъ къ литературѣ и искусству приписался Богъ его знаетъ съ чего. Что-то такое онъ пописывалъ въ дешевыхъ иллюстрированныхъ журналахъ подъ псевдонимомъ, промышлялъ навѣрно и репортерствомъ, всѣхъ зналъ, всюду лѣзъ и сумѣлъ сдѣлать свой „сарай“ маленькимъ центромъ. Апломбъ ему давало больше то, что онъ не кончилъ, изъ за какой-то исторіи, курса, гдѣ-то побывалъ въ Америкѣ или, по крайней мѣрѣ, выдавалъ себя за американскаго „піонера“ и любилъ поговорить о Колорадо и Миссисипи. Въ Петербургѣ онъ служилъ на какой-то желѣзной дорогѣ, не то по счетной, не то по технической части. Но безъ Богучаровской кулебяки, каждую вторую пятницу, дѣло не обходилось, и кружокъ его пріятелей изъ разныхъ сферъ все раздавался въ ширь.

Капцовъ принялъ отъ хозяина стаканъ чаю.

— Архіерейскихъ сливочекъ желаете?.. Это изъ англискаго магазина.

Онъ влилъ въ стаканъ рому и положилъ передъ нимъ кусокъ вренделя съ шафраномъ.

— Будете довольны...

Не нравилось Капцову и самодовольство этого „піонера“. Но онъ долженъ былъ сознаться, что хозяинъ квартиры и его гости не подходили подъ кличку „нигиля“. Какіе же это нигилисты: собираются слушать и читать стихи, повѣстужки, тол-

куютъ о Флоберѣ и Эдгарѣ Поэ, о Пушкинѣ и Фетѣ, о декадентахъ и натуралистахъ, разбираютъ тонкости „экспрессій“ въ картинахъ, слушаютъ пѣніе, держатъ у себя музыкальные инструменты!.. Даже и по тону, по одеждѣ, по манерамъ, въ нихъ нѣтъ признаковъ нигилизма... Одинъ только художникъ Скрыня немного какъ будто напоминаетъ прежніе кружки, о какихъ читалъ и слышалъ Григорій Порфирьевичъ; но остальные очень приличны, смотрятъ скромными чиновниками, а басъ—совсѣмъ регентъ съ обличьемъ молодого угодника.

И у него явилось, тутъ же за чаемъ, болѣе терпимое чувство къ гостямъ Богучарова; его любопытство было болѣе задѣто, чѣмъ прежде. Онъ въ первый разъ подумалъ, не безъ нѣкотораго удовольствія: „посмотримъ, что сегодня выйдетъ... Пожалуй, что-нибудь и курьезное“.

Онъ обмѣнялся пріятельскимъ взглядомъ съ графомъ Загаринымъ, и замѣтилъ, что тотъ уже очень волнуется; два розовыхъ круга выступили пятнами на его желтыхъ, обтянутыхъ щекахъ. Передъ нимъ лежала тетрадка, изъ глянцовой веленовой бумаги, спитая крученымъ цвѣтнымъ шолкомъ, и быстрые глаза Григорія Порфирьевича узнали красивый, женоподобный почеркъ графа. Какое-то общее заглавіе изъ одного слова, въ росчеркахъ и завитушкахъ занимало первую страницу этой тетрадки въ осьмушку, напоминающей ему школьные годы, когда между товарищами хаживали по рукамъ такіа же тетради запрещенныхъ стиховъ.

— А вотъ графъ Семенъ Борисовичъ,—заговорилъ опять хозяинъ тономъ распорядителя клубныхъ вечеровъ,—желаетъ прочесть намъ нѣсколько своихъ сонетовъ... Мы хотѣли, спервоначалу, подождать Егора Петровича, да онъ поздно объявится, гляди, въ самой кулебякѣ.—Онъ обернулся къ Капцову и въ скобкахъ прибавилъ:—Тиша, дворниковъ сынишка, уже посланъ къ Филиппову за оной кулебякой... Такъ можно и теперь начать... Комплектъ синедріона достаточный... Ха, ха! Ежели которыя пьесы придутся особенно по вкусу слушателей, буду просить графа повторить ихъ при Егорѣ Петровичѣ, за ужиномъ. Онъ—великій оцѣнщикъ разныхъ тонкостей по этой части. Какъ бишь, графъ, этотъ пессимистъ, пишущій по-французски, котораго Ермиловъ считаетъ царемъ сонетовъ?.. Жозефъ... Эхъ, канальство, на иностранныя фамиліи память у меня куриная.

— Хозе-Маріа-Эредіа,—кратко выговорилъ Загаринъ.

— Какъ?—спросилъ художникъ Скрыня съ кушетки.—Какъ онъ, бѣсовъ сынъ?

— Хозе-Маріа-Эредіа,—повторилъ Загаринъ.

— Экъ, вакой длинный!..

Всѣ засмѣялись, кромѣ Загарина.

Онъ весь съежился, круги на щекахъ стали еще рѣзче; на крутомъ, выпукломъ лбу выступили крупныя капли пота, хотя въ комнатѣ было свѣжо.

„Чудачина!—говорилъ мысленно Капцовъ и даже потупился надъ своимъ стаканомъ чая:—есть оказія такъ дрожать, идти на экзаменъ къ разному дрянцу, съ борка да сосенки, подвергать на ихъ одобреніе... Печатаѣ бы на свой счетъ вирши, да и не дулъ бы себѣ въ усь“...

Онъ ужъ, конечно, не пошелъ бы на такой „экзаменъ“ по доброй волѣ.

— Прошу вниманія,—началъ съ усиліемъ Загаринъ сдавленнымъ горловымъ голосомъ.

— Silentium!—крикнулъ хозяинъ, молодцовато засунувъ руки въ карманы своихъ синихъ шароваръ, крякнулъ на всю комнату и опустился въ старое, облѣзлое вольтеровское кресло, около другого стола, изъ некрашеннаго сосноваго дерева, покрытаго самымъ разномастнымъ добромъ: книгами, тетрадками, старой фотографической камерой, карандашами, готовальней, нѣсколькими стелянками; вмѣсто прессы-папье лежалъ осколокъ бомбы—„изъ подъ Седана“, какъ увѣрялъ Богучаровъ.

— Сажайте, графъ!—пригласилъ онъ, очень довольный собою и всей фizioноміей своего литературнаго вечера.

— Мои сонеты,—продолжалъ все еще очень нервозно Загаринъ,—носятъ коллективное заглавіе: „Данаиды“.

— А что это?—вдругъ раздался полный басовой звукъ, и всѣ обернулись на Благомирова.

Онъ только-что пропустилъ послѣдній глотокъ чая и поставилъ стаканъ на блюдечко.

„Остолопъ!—выбранилъ его про себя Капцовъ:—выдаетъ свое семинарское невѣжество!“

Его, Григорія Порфирьевича, на эту удочку никто бы не поддѣлъ.

— Данаиды,—началъ объяснять Загаринъ, точно сконфузившись за незнаніе Благомирова:—это—миеологическія существа...

Въ дверь раздался сильный стукъ. Всѣ притихли. Лица вытянулись. Богучаровъ вскочилъ и замѣтно покраснѣлъ.

„Еще спадаютъ у этого проклятаго нигилія!“—вскричалъ мысленно Капцовъ и слегка поблѣднѣлъ.

Нѣсколько секундъ никто ничего не говорилъ.

VIII.

Богучаровъ подбѣжалъ къ двери—она отворялась снаружи—и прокричалъ:—Кого Богъ посылаетъ?

Изъ-за двери раздался высокій пѣвучій голосъ.

— Я... Андреоли!..

— А! Эрнестъ Францовичъ!..

Дверь съ усиленіемъ распахнулась и, выѣстъ съ струей холода, впустила новаго гостя.

— Напугали насъ, батенька,—возбужденно заговорилъ хозяинъ.—Пожалуйте, пожалуйста!.. Позвольте я, дверь плотнѣе захлопну, а то горло у васъ перехватить!..

Онъ помогъ гостю снять пальто съ куннымъ воротникомъ, которое тотъ бережно положилъ на кучу верхняго платья.

Капцовъ видалъ этого спавшаго съ голоса тенора; онъ давалъ теперь уроки пѣнія въ разныхъ школахъ. Капцовъ слыхалъ его и въ двухъ-трехъ концертахъ и находилъ, что у него хорошая метода. Пѣвецъ показался ему теперь гораздо меньше ростомъ, чѣмъ на эстрадѣ, сухопарѣ и старше на видъ. Сѣдѣющіе темные и очень рѣдкіе волосы онъ, по старой театральной привычкѣ, подзавивалъ, былъ одѣтъ франтовато и не по лѣтамъ пестро, въ бѣломъ шелковомъ галстухѣ, клѣтчатою двубортною жилетѣ и короткой жакетѣ съ отложнымъ воротникомъ à l'enfant... Онъ носилъ эспаньолку, что тоже отзывалось чѣмъ-то старомоднымъ.

Его національность никому хорошенько не была извѣстна. Одни говорили, что онъ—еврей, другіе—что венгерецъ, третьи принимали за обрусѣлаго француза. Имя Андреоли сочинилъ онъ самъ, когда дебютировалъ, взявъ его у дѣйствующаго лица „Далилы“, Октава Фѣлье... Настоящей его фамиліи тоже никто не зналъ... По-русски произносилъ онъ очень правильно, съ трудно уловимымъ акцентомъ, но любилъ, чтобы его считали „европейцемъ“, часто говорилъ объ Италіи и вставлялъ въ свою, всегда немного возбужденную, рѣчь итальянскіе слова и термины, въ перемежку съ французскими. Извѣстно было, однако, что онъ всего больше пѣлъ въ русской провинціи, въ большихъ южныхъ городахъ, гдѣ есть опера, а на императорской сценѣ не удержался...

Его появленіе на вечеринкѣ Богучарова не особенно удивляло Капцова; Андреоли поддерживалъ свою популярность у молодежи, никогда не отказывался пѣть на благотворительныхъ ве-

черахъ и утрахъ. Онъ любилъ потолковать о „вопросахъ“, считалъ себя очень начитаннымъ, знатокомъ поэзіи и рѣшителемъ всякихъ эстетическихъ тонкостей.

— Къ столу пожалуйте!—громко пригласилъ его Богучаровъ.

И опять началось называніе фамилій гостей. Капцовъ поклонился тенору суховато. Благомировъ покраснѣлъ, когда подавалъ ему руку черезъ столъ.

— А! это вашъ другъ... *basso profondo*?..—спросилъ Андреоли и ласково улыбающимися глазами, чуть-чуть подкрашенными, оглядѣлъ обликъ Благомирова.—*Sapristi!*.. Съ такой наружностью надо прямо на сцену... Жаль, что вы не теноръ, а то бы...

— Въ Мейерберовскомъ „Пророкъ“ выступить?—подсказалъ Богучаровъ.

— *Pard!*..

Благомировъ потупился. Ему становилось жутко отъ этихъ оглядываній и этихъ поощреній въ упоръ.

— Вы уже прочли что-нибудь, графъ?—обратился Андреоли къ Загарину.

Они были знакомы.

— Графъ,—пояснилъ хозяинъ,—только-что прочесть собирательное заглавіе своихъ сонетовъ... Данаиды.

— Данаиды!..—протанулъ Андреоли высокія ноты.—Заглавіе удачное... *Vous en voir!*..

Онъ присѣлъ къ столу, въ позѣ профессора, передъ которымъ ученица должна пропѣть свой „*motseai*“, полузакрывъ глаза и заложилъ руку за бортъ жилета.

— Стаканчикъ чаю?—предложилъ ему Богучаровъ.

— Послѣ!..

Андреоли сдѣлалъ красивый жестъ свободной рукой.

Загаринъ перевернулъ первую осьмушку своей тетрадки и началъ читать сонетъ, номеръ первый... Всѣ они были у него безъ заглавій. Его смущеніе усилилось. Капцовъ опять посмотрѣлъ на него и повторилъ свое: „была occasia!“ Читать графъ не былъ мастеръ, у него выходило на-распѣвъ, невнятно и даже—какъ находилъ Капцовъ—безъ соблюденія паузъ и знаковъ препинанія.

„Хоть бы меня попросилъ прочесть,—думалъ онъ:—я хоть и не ахти какой тецъ, а все бы такъ не мямлил!“

Онъ мало вникалъ въ содержаніе сонетовъ. О чемъ-то поэтъ плакалъ, къ кому-то взывалъ, и опять обращался къ своей „желанной“, что заставило Капцова усмѣхнуться злой усмѣшкой. По его уху скользили рѣмы, которыя Загаринъ отбивалъ, какъ дѣлаютъ это плохіе декламаторы-французы.

— Богатенькая риема!—вполголоса замѣтилъ маленькій брюнетъ, котораго Капцовъ ошибочно считалъ прозаикомъ.

— Hein?—окликнулъ Андреоли.—Une rime riche?—перевелъ онъ.—Да!.. Какъ, какъ?

— „Роза—угроза“,—выговорилъ брюнетикъ.

Крупный брюнетъ одобрительно кивнулъ головой.

Чтецъ стыдливо вскинулъ на нихъ рѣсницами и пріободрился.

— Повторите, графъ, послѣдній куплетъ, — попросилъ Андреоли тономъ эксперта.

Тотъ повторилъ.

— Non c'è male!

Теноръ пустилъ одну изъ своихъ любимыхъ итальянскихъ фразъ.

Въ маленькій перерывъ, когда тяжело дышавшій Загаринъ отиралъ лобъ и прихлебывалъ чай, завязался важный разговоръ между двумя брюнетами о „богатой риэмѣ“, въ которомъ принялъ участіе и теноръ, не терявшій своего апломба.

— Позвольте, господа,—заговорилъ онъ,—обращаясь къ обоимъ писателямъ:—я читалъ Théodor'a de Banville. Я знакомъ съ его теоріей риемы. Вѣдь если такъ идти, то непременно дойдешь до употребленія омонимовъ и каламбуровъ, однихъ и тѣхъ же словъ съ разнымъ смысломъ... C'est à prendre ou à laisser...—Онъ окинулъ всѣхъ увѣреннымъ взглядомъ и продолжалъ:—Я цѣню отдѣлку, le fini de la forme... Тсофилъ Готье, Бодляръ... я ихъ высоко ставлю... Но возьмите Альфреда Мюссэ!.. La nuit d'octobre... Какая поэзія!.. А риема бѣдная... Не правда ли, графъ?..

— Мюссэ—великій поэтъ,—пролепеталъ Загаринъ, почти совсѣмъ лишившійся голоса.

— Вамъ бы отдохнуть,—сказалъ ему Андреоли тономъ учителя пѣнія.—Вашъ голосъ средствами не богатъ...

И долго еще теноръ давалъ направленіе литературному разговору. Оба писателя со многимъ не соглашались, но говорить были не мастера, и Капцовъ нѣсколько разъ, про себя, подтрунивалъ надъ ними.

Прослушать всѣ сонеты Загарина ни у кого не было особой охоты. Богучаровъ вытащилъ Благомирова изъ-за стола и поставилъ его посреди комнаты, передъ Андреоли.

„Экая верзила!“ опредѣлялъ его Капцовъ. Басъ былъ почти на цѣлую голову выше его; а онъ считалъ свой ростъ прекраснымъ.

Благомировъ пришелъ въ смущеніе и усиленно мигалъ. Ему опять тяжело стало—выступать точно школьнику на экзаменѣ.

— Эрнестъ Францовичъ, — отчеканивалъ Богучаровъ: — сей

будущій Марсель изъ „Гугенотовъ“ не имѣетъ никакой вокальной выправки. Пѣлъ когда-то въ архіерейскомъ хорѣ октаву... Такъ, что-ли, Ефимъ Никанорычъ?..

— Такъ,—громкимъ вздохомъ подтвердилъ Благомировъ.

— А теперь, какъ бы думали, откуда онъ отъѣвился?.. Изъ-подъ города Шадринска, извоили слышать, въ сельскомъ училищѣ грамоту преподавалъ цѣлыхъ три года. Да-съ!..

Андреоли издалъ звукъ удивленія и всталъ съ своего мѣста.

— Вы что-нибудь поете, коллега?

— Какъ слѣдуетъ—можно сказать—окончательно ничего.

Лицо баса добродушно при этомъ наморщилось... Онъ всѣмъ нравился, въ томъ числѣ и Капцову. Голосъ свой боялся онъ пускать полной нотой, и эта сдержанность придавала его манерѣ говорить что-то дѣтски-милое.

— Ну, что это вы, отецъ, врать изволите!..—закричалъ Богучаровъ:—поетъ массу вещей.

— Не хотите ли партію Марселя?—спросилъ Андреоли.—Я могъ бы держать фортепьяно.

— Ни, Боже мой!—пугливо отказывался Благомировъ.—Я и оперы-то этой какъ слѣдуетъ не слыхалъ никогда.

— Изъ Руслана обязательно поетъ!—кричалъ Богучаровъ.

— Опять же такъ... больше со слуха,—отговаривался Благомировъ, и хотѣлъ-было ретироваться за самоваръ, но хозяинъ подхватилъ его подъ спину и толкнулъ къ фортепьяно.

— Эрнестъ Францовичъ, вы вѣдь, отецъ, навѣрно наизусть можете: „О! поле, поле?“...

— Je suis bien!—весело и самодовольно вскричалъ теноръ, подсѣлъ къ фортепьяно и взялъ нѣсколько аккордовъ. Ай!.. Quelle casse-gole!.. Но, кажется—не очень разстроено.

— Самъ настраивалъ!—крикнулъ Богучаровъ и разсмѣялся.

— Да вы освободите меня,—просилъ его густымъ шопотомъ Благомировъ, охваченный послѣднимъ приступомъ боязни.

— Ерунда, батенька, ерунда!

Онъ толкалъ его къ углу фортепьяно.

— Господа! Silentium! Арія Руслана изъ второй картины второго акта!

„Благо мы не знаемъ“, добавилъ про себя Капцовъ: его давно раздражали развязность и назойливость Богучарова.

За баса ему почему-то стало страшно... Вдругъ „скапнется“, бѣднякъ?.. На Григорія Порфирьевича находило изрѣдка такое гуманное настроеніе. Да и парень-то былъ ужъ очень безобиденъ. Ему нравились натуры съ чѣмъ-нибудь сильнымъ—голосъ

ли, кулакъ ли, ловкость ли—чрезвычайные. А въ голосъ семинариста онъ уже увѣровалъ.

Всѣ притихли. Андреоли проигралъ на память прелюдію, поднялъ профессорски голову и далъ знакъ Благомирову начинать.

Тотъ, по старой гѣвческой привычкѣ, не могъ не крякнуть въ руку, что у него вышло очень забавно, разомъ поблѣднѣлъ, закрылъ глаза и, разводя растерянно руками, взялъ первую фразу:

О, поле, поле, кто тебя усалять...

И, переведа духъ, пустилъ, точно изъ подземной трубы:

Мертвыми костями?;

Вся комната, казалось, вздрогнула. Художникъ Скрыня вскочилъ съ кушетки и опять на нее опустился; два писателя почти растерянно оглянулись; нервный Загаринъ схватился за ручку своего кресла.

Голосъ былъ почти чудовищный; комната не могла его вмѣстить въ полномъ объемѣ. Благомировъ самъ это почувствовалъ и смягчилъ звукъ. Андреоли, послѣ первой фразы, воскликнулъ:

— *Согро ді Вассо!*.. Не убейте насъ!

Фраза: „чи небо слышало молитвы“ — захватила всѣхъ своимъ могучимъ, торжественнымъ лиризмомъ. Грудныя слезы зашумѣли въ металлѣ могучаго органа и слова смѣшивались съ музыкой въ чудесной гармоніи.

— Брависсимо!—крикнулъ хозяинъ.

Но кто-то записалъ на него. Голосъ семинариста заставилъ всѣхъ пригнуться и уйти въ себя.

IX.

Благомировъ пропѣлъ арію и стоялъ съ опущенными руками и яснымъ лицомъ, имѣвшимъ такое выраженіе: „чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ, не обезсудьте“. Всѣ захолопали. И Андреоли, поднявшись съ табурета, протянулъ ему руку — въ кольцахъ, съ красивыми ногтями — и актерски воскликнулъ:

— Любезный собратъ!.. *Vous avez de l'estomac!*

Эту французскую одобрительную фразу Благомировъ совсѣмъ не понималъ. Его окружили. Оба писателя — поэтъ и прозаикъ — жали ему руку; но на ихъ лицахъ легла сейчасъ же неискренняя усмѣшка людей, страдающихъ отъ каждаго превосходства въ другихъ, отъ всякаго проявленія таланта.

Капцовъ, напротивъ, былъ искренно возбужденъ, взялъ подъ

руку Загарина, — равнодушнаго къ музыкѣ, — и отвелъ его въ уголокъ.

— Вотъ это силища!—заговорилъ онъ громкимъ шопотомъ. Тутъ есть надъ чѣмъ поработать.

— Да, да!—сипло отвѣтилъ Загаринъ, котораго глодалъ малый успѣхъ его сонетовъ, а главное—то, что Луговиновъ—тотъ литераторъ, котораго Капцовъ видѣлъ въ первый разъ, ни слова не сказалъ ему ни въ паузы между отдѣльными сонетами, ни по окончаніи чтенія.

Луговиновъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ о „богатыхъ приемахъ“, продолжалъ стоять у фортепьяно, медленно курить изъ мундштучка толстую крученую папиросу, не обращался и къ Благомирову, не задавалъ ему никакихъ вопросовъ, и теперь только, когда прошелъ первый взрывъ похвалъ, рукопожатій и возгласовъ, подошелъ къ басу, пожалъ ему руку продолжительно и какъ-то на особый ладъ и сказалъ, не поднимая своего низкаго и звучнаго, очень опредѣленнаго голоса:

— Натуры у васъ, Ефимъ Никаноричъ, очень, очень много. Когда такая запасена сила — надо предаться искусству безъ раздѣла.

Онъ поглядѣлъ на него значительно, точно отвѣчая на какія-то бесѣды, уже бывшія между ними.

— Безъ раздѣла!—повторилъ Благомировъ.—Легко сказать!..

Одобреніе Луговинова уязвило Загарина. Капцовъ замѣтилъ это и сказалъ громче:

— Ты бы лучше вотъ такого самородка поддержалъ... далъ бы ему средства ѣхать въ Италію...

Загаринъ ничего не отвѣтилъ; легкая усмѣшка повела его блѣдныя губы.

Въ эту минуту шумно снялся съ кушетки художникъ и сталъ, безпорядочно жестикулируя одной рукой, разносить и академію, и всякую официальную „муштру“.

— Ефимъ!—хрипѣлъ онъ:—Боже тебя избави искать пансіонерства! Душу свою продашь дьяволу, попадешь въ лапы къ кровопійцамъ итальянкамъ, агентамъ и профессоршкамъ—сдѣлаешься продажной блудницей, мечтать начнешь о томъ только, какъ бы тебѣ хапать уши, и на одной нотѣ виолу на Лаго-Маджіоре купить!.. Оставайся тѣмъ, чѣмъ ты есть. Ты народъ любишь, ты хочешь пострадать, душа твоя льнетъ къ крестьянскимъ хлопчикамъ, учи ихъ грамотѣ, насаждай учобу! Плюнь на всякое прельщеніе! Посмотри на меня! Я съ тѣхъ поръ и дышу, какъ крикнулъ всякой академической муштрѣ: анаеема!.. Съ голоду

околѣвать буду, но на медаль не стану работать, провались она... Италія, и Ватиканъ, и Флоренція! У своихъ чумаковъ найду все, что мнѣ нужно!.. Берегись, Ефимъ! Заклинаю тебя всѣмъ для тебя святымъ!..

И завязался русскій, безпорядочный споръ. Андреоли обидчиво и авторитетно началъ являть „русонетовъ“, проповѣдующихъ огрубѣніе и бунтъ противъ Европы. Художникъ накинулъ на него и взялъ его даже за бортъ жакетки. Но большинство было — за науку, за школу, за путешествіе въ Италію. И Загаринъ, отдышавшись, вставилъ также двѣ-три фразы о культѣ искусства. Богучаровъ трепалъ Благомирова по плечу и все повторялъ:

— Отъ счастья своего не отказывайся!.. Иди въ учобу къ Эрнесту Францовичу. Онъ тебя эксплуатировать не будетъ.

Но ему, какъ хозяину вечеринки, захотѣлось поскорѣ замѣять этотъ ни къ чему не ведущій споръ, который могъ перейти въ исторію. Скрыня былъ несправимый ругатель и для хохла слишкомъ злобенъ; а Андреоли умѣлъ постоять за европейскую школу и науку.

Нужно было сейчасъ же произвести отвлеченіе.

— Григорій Порфирьевичъ! — крикнулъ онъ Капцову: — вы мандолины не захватили; но вы вѣдь и гитаристъ.

— Немножко! — откликнулся Капцовъ, польщенный обращеніемъ къ нему какъ къ музыканту.

— Такъ соблаговолите, батенька, поаккомпанировать Благомирову. Онъ самъ маленько бренчить, да ему вольготнѣе будетъ подъ чужой аккомпаниментъ... Голубчикъ, — обратился онъ къ басу, — благо ты распѣлся... Скажи, чѣмъ бы тебѣ хотѣлось насъ побаловать; а Капцовъ все наиграетъ, я знаю. Онъ — дошлый. Только гитара-то у насъ шестиструнная.

— Шестиструнная? — переспросилъ Капцовъ, подходя къ кучкѣ, гдѣ на лицахъ еще лежало раздраженіе спора. — Жаль!.. Ну, да ничего.

Онъ взялъ гитару, валявшуюся на фортепьяно, и началъ настраивать ее красивымъ жестомъ, на согнутомъ колѣнѣ.

Задоръ слетѣлъ со спорившихъ, и всѣ стали усаживаться.

— Вотъ это будетъ лучшимъ отвѣтомъ на бесплодное препирательство, — сказалъ Луговиновъ и опять занялъ свое мѣсто у фортепьяно.

— Нехай пропадаетъ верзило! — сквозь зубы просипѣлъ Скрыня и снова залегъ на кушетку, повернувшись спиной ко всему обществу.

— Цыганщина?—спросилъ Андреоли, все еще не остывшій отъ разговора.—Это бичъ искусства! Un fléau, quoi!..

— А что-жъ, Эрнестъ Францовичъ, — подхватилъ Богучаровъ, — разрѣшите и цыганское что-нибудь, если съ душой... Ефимъ Никанорычъ, не смущайтесь, съ маэстро потомъ проходите муштру, а сегодня разрѣшимъ на вино и на елей!..

— Да я, ей-Богу, ничего не знаю...

Благомирова начинало разбирать новое смущеніе—онъ уже почувалъ надъ собою лапу школы, той „учобы“, которая казала впереди Италію, дебюты, куши, манила его больше своей душевной стороною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовала окончательной измѣны тому дѣлу, которому онъ служилъ въ трущобахъ шадринскаго уѣзда, въ бревенчатой избенкѣ, гдѣ въ стужу онъ ежился отъ холода или угаралъ до потери сознанія, когда стряпуха-баба закрывала печь спозаранка.

— Не знаете ли изъ Глинковскихъ какого-нибудь романса?—тихо спросилъ его Капцовъ.

Онъ уже держалъ гитару жестомъ начальника цыганскаго хора, истово и ловко, и взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Позвольте,—отвѣтилъ Благомировъ,—дай Богъ памяти... Одинъ могу... Только онъ требуетъ... знаете... переходовъ...

— Чтò это?

— Начинается: „Какъ сладко съ тобою мнѣ быть“...

Въ словѣ: „тобою“—заслышалось произношеніе сѣверянина на „онъ“.

— Постараюсь...

Капцову предстояла не легкая штука—на память и по слуху, и на шестиструнной гитарѣ, идти за переходами этого романса, полного декламации. Но преодоленіе трудностей всегда заохочивало Григорія Порфирьевича.

Чуть слышными хватками онъ прошелъ въ умѣ колеблющуюся мелодію романса—и остался доволенъ.

— Начинайте! — шепнулъ онъ Благомирову и далъ ему аккордъ.

Ефимъ Никанорычъ опять откашлялся въ руку и запѣлъ съ меньшею робостью, чѣмъ арію изъ „Руслана“. Опять во всей комнатѣ сказалося сотрясеніе. Но первый натискъ этого феноменальнаго голоса уступилъ мѣсто обаянію могучаго и яснаго чувства. Пѣлъ нетронутый мужчина, испытывающій первый порывъ къ обожаемой женщинѣ. Пѣвецъ еще неумѣло справлялся съ переливами изящной мелодіи, его богатырскій органъ прорывался

еще нотами духовнаго баса; но подо всѣмъ этимъ текло что-то бархатное и несокрушимое вмѣстѣ.

Первый куплетъ оборвался на слишкомъ сильной нотѣ. Андреоли нетерпѣливо крикнулъ: „Mezza voce!“ среди общихъ криковъ одобренія; но Благомировъ не слышалъ этого учительскаго окрика и продолжалъ съ еще болѣе глубокимъ акцентомъ.

Когда онъ началъ второй куплетъ, дверь очень тихо отворилась, и вошелъ Ермиловъ, въ ильевой шубѣ, сдѣлавъ хозяину знакъ, чтобы тотъ не беспокоился, снялъ шубку и простоялъ съ опущенной головой и снисходительно улыбающимся лицомъ, засвѣженнымъ отъ морознаго воздуха. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Въ фигурѣ онъ еще пополнѣлъ и маковка еще порѣдѣла.

Послѣ второго куплета Благомировъ простодушно выговорилъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Остальное запомнилъ. Перевернуть слова не хочу!..

— Егоръ Петровичъ! Вотъ спасибо!—говорилъ Богучаровъ, беря гостя за обѣ руки.—Каковъ голосокъ?.. А?.. Позвольте представить будущаго нашего... Эрнестъ Францовичъ, какъ бы называть... Лассалья, что-ли?..

Необычайно привѣтливо, съ барскимъ миганьемъ своихъ близорукихъ глазъ, началъ Ермиловъ одобрять пѣвца и, подавая руку Андреоли—онъ съ нимъ часто встрѣчался,—сказалъ на всю комнату:

— Вотъ вамъ случай, м-г Андреоли, послужить искусству—дать этому алмазу европейскую оправу.

Эта фраза чуть было не возбудила новой схватки. Художникъ опять снялся съ кушетки и что-то таковое пустилъ уничтожающее о калѣченьѣ природныхъ дарованій; но хозяинъ, сбѣгавшій въ сосѣднюю комнату, гдѣ у него было нѣчто въ родѣ кухни, объявилъ, что Тиша, сынъ дворника, вернулся съ кудебкой, и попросилъ позволенія общими силами накрыть столъ, на которомъ еще стояли закуски. Тиша—пухлый мальчишъ въ поддевѣхъ—вынесъ самоваръ и наполнилъ комнату запахомъ смазныхъ сапоговъ.

Гости возбужденно говорили по группамъ; но спору не вышло.

Х.

Благомировъ возвращался отъ Богучарова въ очень поздній часъ. Онъ вышелъ отъ него вмѣстѣ съ цѣлымъ обществомъ. Имъ заинтересовался Ермиловъ, просилъ его къ себѣ, условливался

съ Андреоли насчетъ какой-то дамы и какого-то ихъ общаго знакомаго, богача, любителя искусствъ. Ужинъ прошелъ весело. Ермиловъ острилъ, рассказывалъ исторіи изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ, приводилъ афоризмы Кузьмы Пруткова. Капцовъ сидѣлъ рядомъ съ Благомировымъ, подливалъ ему вина, не переставалъ хвалить его голосъ и давать ему совѣты: воспользоваться случаемъ, не пренебрегать тѣмъ, что его такъ одобряетъ хороший учитель пѣнія. Онъ еще разъ сопровождалъ его на гитарѣ, къ концу ужина, и опять по слуху. Благомировъ пропѣлъ: „Ночи безумныя“. И пуристъ Андреоли былъ обезоруженъ.

— Не слушайтесь бытовиковъ и самобытниковъ,—сказалъ ему на прощанье Ермиловъ, садясь на ночного ваньку, котораго они повстрѣчали на Вознесенскомъ.—Мы съ вами скоро увидимся. Андреоли дастъ мнѣ знать, когда вы будете пѣть у одной прелестной женщины.

Капцовъ прошелъ съ нимъ еще шаговъ сто, гдѣ они повстрѣчали новаго извозчика.

— Берите его. Мнѣ не далеко!—сказалъ ему Благомировъ.—Спасибо на добромъ словѣ!

Обыкновенно онъ провожалъ художника Скрыню на Островъ; но тотъ ушелъ одинъ, не простившись съ нимъ, и Благомировъ зналъ, что Скрыня разсердился на него не на шутку. Онъ не желалъ выслушивать его пріятельской брани.

„Ну, и пуцай его!—думалъ онъ, шагая длинными шагами по направленію къ одной изъ Мѣщанскихъ.—Не у него одного голова съ мозгомъ“.

Въ головѣ баса немного шумѣло. Вечеръ отуманилъ его, и не одними винными парами. На выпивку онъ былъ крѣпокъ. Онъ переживалъ впервые обаяніе такого яркаго успѣха, куда не входило и тѣни чего-нибудь подогрѣтаго или подготовленнаго. Андреоли готовъ учить его даромъ; остальная братія хлопала, кричала; такой эстетикъ, какъ этотъ Ермиловъ, обласкалъ особенно, хотеть хлопотать о немъ, устроить его артистическую карьеру. О какомъ-то богатѣ толковалъ, о прелестной женщинѣ, куда его повезутъ...

„Чудеса въ рѣшетѣ!“ повторялъ Благомировъ и разводилъ руками по ночному морозному воздуху.

Въ Петербургѣ онъ гостилъ у одного товарища по семинаріи, служившаго мелкимъ чиновникомъ въ синодѣ. У него была особая каморка и ключъ отъ наружной двери. Ему часто случалось возвращаться поздно съ пріятельскихъ вечеринокъ. Онъ всего больше любилъ разговоры „по душѣ“, обсужденіе „идей-

ныхъ началъ“ и „проклятыхъ вопросовъ“, и гдѣ такая бесѣда не завязывалась—онъ считалъ свой вечеръ потеряннымъ. Изъ университета съ перваго курса онъ долженъ былъ выйти изъ-за „исторіи“. Добивался поступленія вновь, по прошествіи одного года—не хватило средствъ. Ему добыли учительское мѣсто въ глуши дальней губерніи. Тамъ Благомировъ думалъ найти свое призваніе. Крестьянскіе ребята полюбилися ему. Двѣ зимы выдержалъ онъ, нигуда не отлучался изъ мѣста службы, хотѣлъ заглушить въ себѣ порывы къ другой жизни, въ „побѣгу“, какъ онъ выражался, въ область искусства. Голосъ его не заглухнулъ въ душной или холодной горницѣ при сельскомъ училищѣ. Онъ привезъ съ собою гитару и всѣ свои досуги употреблялъ на пѣніе, обзавелся и руководствами, сталъ хорошо читать голосомъ съ листа, да и прежде, въ семинаріи, онъ считался „на линіи регента“.

На третій годъ его засосало. Бороться съ искушеніемъ становилось слишкомъ тяжело. Онъ скопилъ деньжонокъ и поѣхалъ въ Москву, поступить въ консерваторію. Его прослушали, нашли голосъ — замѣчательнымъ, общую же музыкальную подготовку скудной. Но это можно было уладить. Про его басъ провѣдала одна учительница пѣнія, обласкала его и предложила учить даромъ, взять его въ науку, съ тѣмъ, чтобы онъ выплачивалъ ей проценты изъ тѣхъ окладовъ, какіе будетъ получать въ Россіи и за границей.

— Такъ дѣлается въ Европѣ!—говорила ему эта дама.

Онъ было-пошелъ сначала на ея условія, да устранился, не захотѣлъ закабалять себя на нѣсколько лѣтъ. Прожить онъ могъ, участвуя въ пѣвческихъ хорахъ. Ему уже предлагали шестьсотъ рублей въ одномъ изъ лучшихъ хоровъ за званіе солиста. Это его ободрило, и онъ рѣшилъ съѣздить въ Петербургъ—походить въ оперу, толкнуться въ консерваторію, поразвѣдать про хорошія частныя школы. Надо было торопиться, если выбирать окончательно-артистическую карьеру. Благомирову наступилъ двадцатшестой годъ. Для консерваторской „учобы“ онъ былъ уже старъ.

Въ Петербургѣ онъ пошелъ „по рукамъ“. У него напились товарищи; его познакомили съ молодыми писателями, съ музыкантами, съ курсистками, съ актерами, съ разнымъ народомъ. Консерваторія пугала его. Въ частныя школы онъ еще не обращался. На него нападали припадки самообличенія, и тогда онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ на Островѣ или на Выборгской Сторонѣ, переходилъ изъ одной студенческой квартиры въ другую и упивался разговорами, въ которыхъ не было и помину объ искус-

ствѣ, карьерѣ пѣвца, европейской славѣ, огромныхъ кушахъ. Тамъ онъ больше слушалъ, чѣмъ самъ говорилъ—просиживалъ до пѣтуховъ, въ волнахъ табачнаго дыма, и презиралъ свои порыванія на оперную сцену. Ему она представлялась гаерствомъ, сдѣлкой съ собственной совѣстью, измѣной дѣлу народа.

— Экая невидаль,—говорилъ онъ тогда, негодуя на самого себя,—экая невидаль, что у меня пять хорошихъ басовыхъ нотъ! Пожалуй, находились барыни, которыя и на мое обличье заглядывались. Такъ нешто изъ этого вытекаетъ, что я долженъ и съ „физиономіи“ своей взимать проценты? Этакъ какъ разъ и въ прелестницы мужского пола попадешь!

Этихъ „оборотовъ на себя“, какъ онъ самъ называлъ ихъ, Благомировъ пережилъ нѣсколько, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ Петербургѣ. Вечеръ у Богучарова совсѣмъ отуманилъ его.

Но когда онъ проникъ въ свою комнатку, зажегъ свѣчу, снялъ тотчасъ же сапоги, чтобы никого не разбудить въ квартирѣ, и сѣлъ нераздѣтый на кровать, его опять началъ разбирать страхъ передъ артистической дорогой. Въ воображеніи мелькали огни оперной залы, и тамъ гдѣ-нибудь въ Санъ-Карло или въ Скалѣ, гдѣ раздастся всесвѣтная слава. Оттуда прямой ходъ въ Лондонъ, въ Парижъ. Только съ заграничной репутаціей и можно здѣсь, въ Петербургѣ, найти сразу восторженный приѣмъ, получать жалованье иностранныхъ знаменитостей. Но эти образы, миражи, расчеты сдѣлались ему опять противны. Все это „гешефтахерство“, торговля собою, подлое хищничество, которое въ два-три года выѣстъ изъ души все, что въ ней есть великодушнаго и человѣчнаго.

Долго просидѣлъ онъ такъ, на кровати, съ низко опущенной головой. Онъ не могъ отдѣлаться ни отъ чередованья соблазнительныхъ образовъ, ни отъ страховъ за свою душу, за потерю того, что онъ, до тѣхъ поръ, считалъ выше всякой славы и всякихъ кушей.

Онъ чуялъ, что вечеръ у Богучарова будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на его судьбу. Когда онъ, наконецъ, раздѣлся и легъ въ постель, въ головѣ его начали всплывать, чрезвычайно отчетливо и послѣдовательно, всѣ разговоры и споры, которые вызваны были имъ, его пѣніемъ, его талантомъ. И всѣ „разносы“ пріятеля его, хохла Скрыни, залегли въ его память.

„А вѣдь Скрыня вздоръ несетъ! — думалъ онъ, перебирая всѣ его доводы:—добро бы еще былъ безусловно противъ всякаго искусства; а то проповѣдуетъ бунтъ противъ муштры, точно

будто въ пѣвнѣ, да и во всякомъ дѣлѣ, можно дѣйствовать, какъ Господь на душу положить! Чудачина!”

Но тѣ, чтѣ проповѣдуетъ Скрыня, онъ находилъ и въ газетахъ, въ журналахъ, въ полемикахъ по вопросамъ объ искусствѣ, академіяхъ, самобытности и классицизмѣ. Когда онъ читалъ все это въ статьяхъ о живописи — ему казалось, что святая правда на сторонѣ самобытниковъ, заклятыхъ враговъ академіи, рутинны, обязательнаго коптвѣнія въ Италіи на казенный счетъ.

Но вотъ онъ самъ на распутѣ, обладаетъ „феноменальнымъ“ голосомъ—ему вспомнился этотъ возгласъ одного изъ гостей Богучарова—есть у него и наружность, пригодная къ сценѣ, хоть онъ и не очень высокаго о своемъ „обличьѣ“ мнѣнія. Кажется, —чего же больше?.. Тяпъ-ляпъ и выйдетъ корабль: взялъ, костюмъ надѣлъ, да и дѣйствуй хоть въ „Пророкѣ“, какъ пророчить Богучаровъ?

„Чорта лысаго!“ выбранился Благомировъ, заложивъ руки за голову, уперся ступнями въ задокъ слишкомъ короткой для него койки и сталъ думать еще энергичнѣе и спокойнѣе, не смущаясь уже больше тѣми образами славы, отъ которыхъ, за нѣсколько минутъ, отрешивался, какъ отъ навожденія сатаны.

Какъ бы не такъ: попробуй съ однимъ нутромъ и съ одной самобытностью выразить горломъ и легкими тѣ, чтѣ композиторъ вложилъ въ свое твореніе, въ отдѣльную партію, и тѣ, чтѣ ты самъ хотѣлъ бы прибавить своего, частичку собственной души!.. И всѣ твои порыванія и замыслы останутся мертвой буквой. Ты не будешь даже знать, какой силы звукъ пустить, чтобы тебя слышали хорошо и въ райкѣ, и въ креслахъ, чтобы уши тѣхъ слушателей, кто сидитъ поближе, не страдали отъ твоей вокальной необузданности.

Да чего же ближе... взять хоть бы вечеръ у Богучарова... Онъ самъ чувствовалъ, какъ много у него пропадало въ аріи Руслана и въ романсѣ Глинки: „Какъ сладко съ тобою мнѣ быть“... Въ душѣ-то у него одна окраска фразы, а выходитъ совсѣмъ по другому: грубо или преувеличенно, или казенно, какъ у перваго попавшагося пѣвца изъ трактирнаго хора, на макарьевской ярмаркѣ... Нужды пѣтъ, что всѣ восхищались. Голосъ хорошъ, тембръ пріятенъ, и чувство есть; но искусства — ни на грошъ.

Кто же его дастъ, если не муштра, не учоба, не хорошій руководитель, такой, какъ этотъ Андреоли,—а потомъ Италія, Миланъ, Неаполь? И безъ того ужъ онъ до безобразія „великовозрастенъ“ для ученика; а музыкальная его грамотность—сомнительна. Вонъ какой-то студентъ-ухарь—онъ думалъ о Капцовѣ—

смотреть франтовато, офицеромъ; а и тотъ оказался куда музыкальнѣе его, на память ему прекрасно аккомпанировалъ, хотя его инструментъ не гитара, а мандолина; даже всѣ оттѣнки соблюдалъ. И такими любителями Петербургъ кишмя кишитъ. Нынче всякая дѣвчурка норовитъ въ консерваторію, всѣ „съ листа“ читаютъ, въ концертахъ и театрахъ по партитурамъ за оркестромъ слѣдятъ. Куда же тутъ дѣнешься съ однимъ нутромъ?

„Да, Серыня чушь несетъ!“ рѣшилъ Благомировъ, продѣлавъ весь кругъ доводовъ. Былъ уже шестой часъ утра.

Тѣ студенческіе кружки, на Острове и на Выборгской, гдѣ онъ отводилъ душу въ бесѣдахъ о народѣ, о честномъ заработкѣ, о потребности положить всего себя на служеніе родинѣ, ушли куда-то вдаль. Не такія теперь времена. У Богучарова на негодохнулъ другой Петербургъ, нынѣшній, въ которомъ все въ почетѣ — и поклоненіе какому-то „декадентамъ“, и мандолина, и велосипедъ, и ученая музыка, и тонкости богатыхъ приемъ.

На этомъ онъ заснулъ.

XI.

Ермиловъ сговорился съ Андреоли быть у Званцева, чтобы заинтересовать его голосомъ феноменальнаго баса и подтолкнуть скучающаго богача на роль мецената. Онъ не забылъ объ этомъ, и на третій день, позавтракавъ у Кюба, пошелъ пѣшкомъ на Фонтанку, гдѣ, въ двухъ-этажномъ особнякѣ, жилъ Званцевъ.

Егоръ Петровичъ уже нѣсколько дней чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Онъ скучалъ, и—что ему было очень обидно—просто скучалъ, какъ самый заурядный петербургскій вивѣръ, не знающій, куда ему дѣваться... Еще третьяго-дня, у Богучарова, онъ почувствовалъ значительную потерю своихъ вкусовъ. Пишущая молодежь, какая тамъ собралась, казалась ему прежде занимательнѣе. Онъ больше радовался тому, что его литературныя идеи прививаются, что стихотворцы, въ родѣ графа Загарина, идутъ по стопамъ непогрѣшимаго сонетиста Хозе-Маріа-Эредіа. Не сталъ онъ пускаться въ критическія оцѣнки и съ этимъ Луговиновымъ — писателемъ совсѣмъ особаго покроя. Онъ считалъ его разсудочно-уравновѣшеннымъ, не охотникомъ до новѣйшей реторики декадентовъ и до разныхъ виртуозностей формы. За ужиномъ они съ нимъ перекинулись десяткомъ фразъ, и въ другое время Егоръ Петровичъ сталъ бы его „штудировать“, прощупалъ бы его насчетъ знанія западныхъ литературъ, опредѣлилъ бы, что такое онъ изъ себя изображаетъ и какое эсте-

тическое сгедо вырабатываетъ себѣ. А тутъ никакого возбужденія онъ не ощутилъ въ себѣ... Да и теперь, отправляясь къ Званцеву, онъ спрашивалъ себя: стѣить ли хлопотать о какомъ-то верзилѣ-семинаристѣ, изъ котораго выйдетъ и на сценѣ нѣчто въ родѣ октавы изъ архіерейскаго хора пѣвчихъ? И не все ли равно: будетъ ли такой семинаристъ самоучкой, или его отправятъ въ Италію? И всѣ споры и толки у Богучарова казались Ермилову наивными и безплодными.

Но онъ обѣщалъ Андреоли быть у Званцева къ двумъ часамъ и хотѣлъ сдержать слово.

Да, онъ скучаетъ—это несомнѣнно, совершенно такъ, какъ этотъ Званцевъ — богачъ и „европеецъ“, человѣкъ, который въ каждой другой странѣ игралъ бы видную роль, а въ Россіи проживаетъ то здѣсь, то тамъ, то въ своемъ домѣ, на Фонтанкѣ, то на Ривьерѣ, то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ... Онъ много учился, печаталъ за границей книжки, носить ученую степень, имѣетъ званіе члена-корреспондента двухъ заграничныхъ академій, одно время ушелъ-было въ земскую службу, жертвовалъ большія суммы на заведеніе ремесленныхъ училищъ и учительскихъ семинарій—и теперь прозябаетъ, почитываетъ книжки, не имѣетъ даже романа, о которомъ говорилъ бы весь Петербургъ. Впрочемъ прежде бывали у него романы... По своему тѣлесному складу онъ долженъ быть чувственнымъ; но и это съ него слетѣло.

Ермиловъ всегда стыдилъ его — какъ онъ при огромныхъ средствахъ до такой степени равнодушенъ къ рѣдкостямъ, живетъ въ домѣ, отдѣланномъ ординарно, не собираетъ никакихъ „bibelots“, даже книги держать зря, во всѣхъ комнатахъ, гдѣ попало. Только къ музыкѣ у него осталось пристрастіе и къ хорошему пѣнію. Вотъ почему и можно будетъ заинтересовать его Благомировымъ. Европеизмъ Званцева отзывался чѣмъ-то не совсѣмъ пріятнымъ Егору Петровичу: смѣсью утомленія со скептицизмомъ русскаго богача-барина, давно покончившаго со всякимъ распаркиваніемъ передъ западомъ и даже передъ „последнимъ словомъ науки“.

— Викторъ Сергѣичъ у себя?—спросилъ Ермиловъ у швейцара, входя въ низкія сѣни особняка, гдѣ первый этажъ занималъ Званцевъ, а наверху жила его родственница, старуха, которая ему за квартиру ничего не платила.

Швейцаръ не пошелъ докладывать. Званцевъ получилъ записки отъ Ермилова и Андреоли и ждалъ ихъ. Обыкновенно онъ, тотчасъ послѣ завтрака—ѣлъ онъ много—ходилъ по Фонтанкѣ въ Лѣтній садъ, не взирая на погоду.

И на этотъ разъ, глядя на ясеневую мебель сѣней и передней, Ермиловъ возмущался такой казенщиной отдѣлки и зналъ, что пройдя двѣ гостиныя и бильярдную, гдѣ висѣли три-четыре картины русскихъ пейзажистовъ, найдетъ хозяина въ пиджакѣ изъ верблюжьяго сукна, на кушеткѣ, съ книгой или съ какимъ-нибудь англійскимъ научнымъ журналомъ.

Хозяина онъ нашелъ на кушеткѣ, въ короткомъ вестонѣ изъ верблюжьяго сукна, съ книжкой въ рукахъ. При входѣ Ермилова въ кабинетъ—огромную комнату, всю въ шкапахъ съ книгами—Званцевъ грузно приподнялся.

Онъ былъ выше его ростомъ, полный, почти толстый, съ большой гривой сѣдѣющихъ волосъ и такой же большой бородой—наружность боярина или породистаго, нестараго бурмистра. Сѣрые круглые глаза смотрѣли ласково, немного затуманенные. Рука, бѣлая и маленькая, почти женская—держала книгу на отлетѣ.

При разговорѣ онъ на особый ладъ поводитъ крупнымъ ртомъ. Зубы сохранились и только немного пожелтѣли.

— Здравствуйте, здравствуйте! — скороговоркой привѣтствовалъ онъ Ермилова и бросилъ книгу на кушетку.

— Всегда „съ ужасной книжкою Гизета“?—спросилъ Ермиловъ, любившій озадачить стихомъ Пушкина, и, бросивъ взглядъ на обложку, добавилъ:—аглицкое!

— Да, это журналъ „Mind“... Статью объ отдѣлахъ душевнаго трансферта просматривалъ.

— Модникъ, модникъ вы, Викторъ Сергѣичъ, по части точной науки!

— Зато куда же намъ противъ васъ по части натурализма и бодлѣризма?

И Званцевъ разсмѣялся задержаннымъ смѣхомъ грузнаго мужчины.

— Что же вѣщаетъ наука?..

— Замѣчательные опыты... Только англичане построже къ нимъ относятся, чѣмъ парижская школа Шарко... Знаете, тамъ ассистенты — или, какъ въ Москвѣ говорятъ, молодцы — хотятъ выслужиться передъ главой школы и очень ужъ усердствуютъ... Присядьте, присядьте!..

У Званцева сохранилась какая-то не то застѣнчивость, не то тревожность, когда онъ принималъ у себя кого-нибудь. Это настроеніе усиливалось при женщинахъ. Тогда онъ начиналъ ѣрзать въ креслѣ, потирать себѣ колѣни и смѣяться короткимъ, задержаннымъ смѣхомъ. Кажется, онъ немного стыдился своей полноты.

— Мы съ Андреоли хотимъ, Викторъ Сергѣичъ, подобраться къ вашему сердцу покровителя искусствъ.

— Андреоли уже былъ у меня.

— Сегодня?

— Да, сейчасъ. Просить извинить его. Онъ ждетъ васъ у mademoiselle Карусъ... Я общалъ быть у нея на дняхъ, вечеромъ, послушать вашего семинариста съ феноменальнымъ басомъ...

Усмѣшка пронеслась по его еще очень свѣжему рту.

— Будемъ бить вамъ челомъ!

— Чтожъ!.. Я не прочь!.. Пускай поѣдетъ поучиться. Только изъ нихъ тамъ, въ Миланѣ, выходятъ великіе аферисты. Потомъ онъ, безъ голоса, будетъ насъ угощать своей особой лѣтъ десять-двадцать, ловко эксплуатировать дирекцію...

Разговоръ о Благомировѣ оборвался. Ермиловъ почувствовалъ, что онъ ничѣмъ не заряженъ, и что у него нѣтъ даже охоты о чемъ-нибудь съ интересомъ бесѣдовать. Это его кольнуло и огорчило.

— А какихъ вы чувствъ къ дѣвицѣ Карусъ?—спросилъ онъ, садясь въ кресло, у стола, гдѣ началъ перебирать иностранные брошюры и журналы.

— Чувствъ самыхъ нормальныхъ, — отвѣтилъ Званцевъ и опустилъ опять на вѣшечку.

— Къ женщинѣ?..

— Да и къ пѣвицѣ также... Есть темпераментъ; но тронута цыганщиной, смѣсью Италии съ рестораномъ „Стрѣльна“.

— Совершенно вѣрно... Какъ женщина, она вызываетъ трагическіе кризисы въ людяхъ нашихъ лѣтъ...

— И это возможно!.. Особа эффектная; можетъ и юношу довести до градуса...

Ермиловъ подумалъ въ эту минуту о Гремущинѣ и немного оживился.

— Да,—выговорилъ онъ медленно и обернувшись лицомъ къ Званцеву:—есть одинъ маньякъ, врѣзавшійся въ нее послѣ двадцати лѣтъ безупречной добродѣтели, какъ мужъ и отецъ семейства... Смѣшновато! А быть можетъ, въ этомъ и счастье, на поворотѣ къ старости—вы какъ думаете, Викторъ Сергѣичъ?

— Счастье? — переспросилъ Званцевъ и потянулся. — Боже избави!.. Та полоса жизни, когда женщина владѣетъ вами—самая постыдная, полная унижительныхъ ощущеній.

— Будто?.. Я не скажу!..

— Потому, видно, что васъ никогда не забирала страсть.

— Не скрываю—страсти я не зналъ.

— А знали *la petite bagatelle*... И когда пойдете подъ гору, будетъ досаднѣе, чѣмъ еслибы вы потратили, кромѣ темперамента, и многое другое...

Званцевъ не договорилъ и разсмѣялся все тѣмъ же короткимъ смѣхомъ.

— Это—итоги скучающаго человѣка,—заговорилъ Ермиловъ.

— А вамъ весело?—болѣе рѣзко спросилъ Званцевъ.

— На вашемъ бы мѣстѣ, я, конечно, не заикался въ Петербургѣ.

— Ахъ, милый мой!—Званцевъ вкусно зѣвнулъ и потянулся:—вы уже нѣсколько разъ тянули меня на западъ, въ добровольное изгнаніе. Продѣлывалъ я и тамъ все, что просвѣщенный россиянинъ, мнящій себя солю земли, можетъ продѣлывать. И все-таки вы остаетесь для нихъ, для вашихъ пріятелей и собратьевъ на берегахъ Сены или Темзы, или Арно—съ бока припѣка... *Un mangeur de chandelles*... И кончите ролью шляющегося русскаго интеллигента... Лучше ужъ быть петербургскимъ обывателемъ, а туда ѣздить, когда здоровье потребуетъ.

Ермилову не хотѣлось спорить. Онъ даже не находилъ въ себѣ доводовъ закоренѣлаго любителя „заграницы“ и сказалъ только:

— Однако!.. Одиѣ женщины стоютъ чего-нибудь!.. Какое же сравненіе! Здѣсь такъ плохо, такъ плохо по этой части. А въ Москвѣ еще плоше.

— А знаете,—перебилъ его Званцевъ,—чѣмъ кончишь тамъ?—и онъ протянулъ въ воздухъ своей пухлой, бѣлой рукой:—старческимъ садизмомъ. Я такихъ богачей, случалось, встрѣчалъ... У него уже нѣтъ никакой прицѣпки къ жизни. Глаза потухли, ноги еле волочить... Спрашиваешь его: что же вы любите?.. „*Jung girl*“, шамкаетъ этакой старичина. И вотъ вамъ картинка изъ обличеній газеты „*Pall-Mall*“. Притоны, звѣрскій развратъ...

— Oh-la-la! Викторъ Сергѣичъ! Какой суровый морализмъ!.. Мы начинаемъ старѣть!..

— Да какъ вамъ сказать—я желалъ бы поскорѣе совсѣмъ забастовать.

— Этотъ пессимизмъ у васъ совсѣмъ недавняго происхожденія!—веселѣе замѣтилъ Ермиловъ, продолжая анализировать самого себя... Ему дѣлалось все скучнѣе и скучнѣе, хотя хозяинъ былъ положительно умный человѣкъ, занимательный по своему прошедшему, способный все понять, если не всѣмъ заинтересоваться...

— Пессимизмъ,—отвѣтилъ серьезно Званцевъ,—глупая мода...

Это послѣдній бунтъ метафизики и мистицизма противъ точнаго знанія. Я имъ не зашибаюсь.

Онъ спустилъ ноги съ кушетки и спросилъ гостя совсѣмъ другимъ, болѣе шутливымъ тономъ:

— Voulez-vous un madère?

— Volontiers, — отвѣтилъ ему въ тонъ Ермиловъ и повернулся на каблучѣ.

Онъ былъ радъ, что явится какая-нибудь диверсія отъ этого разговора, и рюмѣа хорошаго вина, быть можетъ, освободить его отъ непріятнаго окисленія.

П. Боворыкинъ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛАНТРОПІЯ

ВЪ

АНГЛІИ

Окончаніе ¹⁾.

III.—НАЦИОНАЛИЗАЦІЯ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Въ семи стахъ миляхъ къ западу отъ Нью-Йорка, въ штатѣ того же имени, лежитъ небольшое, но очень красивое озеро, съ веселыми, живописными берегами, посреди значительныхъ холмовъ, составляющихъ водораздѣлъ двухъ величайшихъ рѣкъ Сѣверной Америки — Миссисипи и св. Лаврентія. Если перенестись мысленно — въ двадцатыхъ числахъ августа мѣсяца любого года, за послѣдній десятокъ лѣтъ, — въ эту мѣстность, то глазамъ представится весьма любопытное и въ то же время странное зрѣлище: на одномъ изъ угловъ озера (оно все шириной не болѣе четырехъ съ половиною верстъ, а длиной около тридцати) расположено селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ хижинъ и одного большого зданія, по наружности —отеля. Тутъ прежде всего поражаетъ наблюдателя множество народа, который кишитъ въ селеніи и его окрестностяхъ, составляя, очевидно, лишь временное населеніе деревни. Вдоль берега и по сосѣднимъ холмамъ разбросано нѣсколько сотъ палатокъ всевозможнаго вида и величины; не мало понастроено

---

¹⁾ См. выше: февр., 620 стр.

временныхъ балагановъ и прямо шалашей, и все это, видимо, назначено для того же излишняго временнаго населенія; тамъ и самъ курятся огоньки, но нигдѣ не видно ни военнаго мундира, ни характерной фигуры столь обыкновенныхъ въ Европѣ цыганъ: очевидно, что это не военный лагерь и не цыганскій таборъ. Первому, впрочемъ, противорѣчить уже и то обстоятельство, что значительная масса публики, которая бродитъ около селенія, по берегамъ озера, — въ нѣсколько десятковъ тысячъ, — принадлежитъ къ женскому полу, и особенно много дѣтей. Но вотъ на колокольнѣ селенія ударилъ большой колоколъ, публика заволновалась и двинулась на одинъ изъ сосѣднихъ холмовъ, гдѣ издали виднѣется огромное зданіе амфитеатра, прислоненнаго одной стороною къ холму, а съ другой — совершенно открытаго. Раздаются торжественные звуки органа и пѣніе тысячъ голосовъ, и эта многочисленная толпа, разряженная по праздничному, кончивъ молитву, выходитъ чрезъ нѣсколько времени изъ амфитеатра и направляется въ маленькую сосѣднюю рощу старыхъ дубовыхъ деревьевъ. Между ними бѣлѣется довольно обширное зданіе, состоящее изъ одной колонады съ крышей, съ надписью на фронтонѣ: „Храмъ (или залъ) философіи“ („The Hall of Philosophy“), нѣсколько напоминающее собой афинскій Парѳенонъ. Впереди толпы идутъ сотни маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, съ лавровыми вѣнками на головахъ и съ корзинами, полными цвѣтовъ; непосредственно за ними выступаетъ группа людей (около тысячи человекъ) самаго различнаго возраста, съ особыми значками на груди и съ веселыми, радостными лицами.

Процессія встрѣчается музыкой; затѣмъ слѣдуетъ привѣтственная рѣчь, обращенная къ означенной выше группѣ лицъ, и раздача имъ печатныхъ листовъ бумаги и пергамента, съ большимъ или меньшимъ количествомъ печатей, различнаго цвѣта и формъ, и разнаго рода значковъ; при врученіи ихъ, музыка играетъ тушъ. Чѣмъ большее количество печатей на этихъ, очевидно, документахъ и притомъ разнаго цвѣта, тѣмъ большими оваціями встрѣчаетъ толпа счастливыхъ, ихъ получающихъ. Нерѣдко можно видѣть такія сцены: мужъ, жена и нѣсколько дѣтей подходятъ вмѣстѣ къ эстрадѣ, гдѣ происходитъ раздача отличій, и таковое получаетъ каждый изъ членовъ семьи. Вся дорога, гдѣ двигаются эти очевидные виновники торжества, усыпается цвѣтами, колокола все время продолжаютъ звонить. Наконецъ, раздача наградъ кончается, снова слышится торжественное пѣніе гимна многими тысячами голосовъ всѣхъ присутствующихъ, и

огромная толпа медленно и мирно расходится по своимъ постояннымъ и временнымъ жилищамъ, а поѣзда желѣзной дороги съ ближайшей къ описанному пункту станціи развозятъ въ этотъ день тысячи счастливыхъ семействъ въ разные концы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и сосѣдней Канады.

Читатель, естественно, интересуется знать, что это за странное собраніе, нами описанное, — и весь этотъ праздникъ съ массой народа на открытомъ воздухѣ, нѣсколько напоминающій намъ праздничныя игры въ древней Греціи? Это мѣсто, т. е. озеро и селеніе, носить варварское, индѣйское названіе „Шотокуа“, хотя неправильно пишется по-англійски Chautauqua, а описанное торжество представляетъ собой день раздачи наградъ или „торжественный актъ“ (Recognition Day) здѣшняго „народнаго университета“ (Popular University), какъ его называютъ въ просторѣчьи, или „литературно-научнаго кружка“, какъ онъ называется официально (Literary and Scientific Circle) ¹⁾.

Если мы обратимся къ уставу этого любопытнаго учрежденія, то изъ параграфа перваго мы узнаемъ, что цѣль кружка заключается „въ развитіи привычки къ чтенію и изученію природы, искусства, науки и литературы, какъ духовной, такъ и свѣтской, въ связи съ теченіемъ обыденной жизни“ (спеціально для тѣхъ, которые были лишены возможности правильнаго образованія). „Далѣе, задача его состоитъ въ томъ, чтобы помочь выработать общій взглядъ образованнаго человѣка на свѣтъ и на жизнь и развить способность связнаго и правильнаго мышленія“. Достигаются эти цѣли, главнымъ образомъ, двумя путями; важнѣйшій изъ нихъ и для большинства членовъ чуть ли не единственный способъ — *домашнее чтеніе* и усвоеніе соотвѣствующихъ научныхъ сочиненій, по указанію и программѣ, предоставляемой этимъ обществомъ; и затѣмъ, краткіе лѣтніе курсы наукъ, читаемые каждый годъ въ означенномъ селеніи Шотокуа въ теченіе шести или восьми недѣль. На помощь домашнему чтенію является устройство *мѣстныхъ кружковъ* (Local Circles), составленныхъ изъ лицъ, занимающихся или учащихся подъ руководствомъ того же своеобразнаго университета.

Такимъ образомъ, шотокуайскій литературно-научный кружокъ является обществомъ поощренія образованію лицъ двухъ категорій: или такихъ, которые не получили совсѣмъ настоя-

¹⁾ Описаніе этого дня торжества въ Шотокуа (Recognition Day) можно почерпнуть каждый годъ въ мѣстномъ органѣ „Chautauqua Assembly Herold“. Правила же и программа — въ изданіи администраціи учрежденія: The Chautauqua Literary and Scientific Circle. New-York.

щаго средняго образованія, или хотя и прошли въ теченіе юности среднюю школу, но житейскія заботы и время привели къ тому, что познанія эти значительно ослабли и утратились. У многихъ людей въ зрѣломъ возрастѣ, глядя, напримѣръ, на своихъ подросшихъ дѣтей, является горестное сознаніе большихъ пробѣловъ въ своемъ собственномъ образованіи и желаніе ихъ пополнить. Въ этомъ случаѣ взрослые люди поставлены въ гораздо болѣе безпомощное положеніе въ каждой культурной странѣ, нежели малолѣтніе, для которыхъ имѣется повсюду такой большой выборъ разнообразныхъ учебныхъ заведеній. Куда обратится взрослый для своего обученія,—даже попросту за совѣтомъ? Правда, онъ можетъ читать научныя книги, но въ томъ-то и дѣло, что „онъ не знаетъ, что ему читать“. „Свѣтъ полонъ книгъ, но кто можетъ гарантировать, что человѣкъ читаетъ лучшую книгу въ данномъ отношеніи, а не теряетъ попусту время?“ ¹⁾ Вотъ для подобныхъ-то людей шотокуайское учрежденіе и является крайне спасительнымъ: заплативъ всего-на-все пятьдесятъ центовъ, т.-е. около одного рубля, каждый желающій дѣлается его членомъ, получаетъ программу для чтенія, выработанную опытнымъ и свѣдущимъ лицомъ, даже съ указаніемъ цѣны нужныхъ книгъ и гдѣ ихъ купить. Встрѣчается у него при чтеніи сомнѣніе или просто недоумѣніе,—онъ можетъ во всѣхъ случаяхъ обратиться за разъясненіями къ тому же кружку. Наконецъ, въ извѣстные сроки, если лицо, такимъ образомъ занимающееся въ свободныя минуты (по правиламъ кружка, необходимо употреблять не менѣе сорока минутъ въ день, чтобъ успѣть прочесть все положенное въ теченіе года), пожелаетъ себя провѣрить, то къ его услугамъ извѣстныя экзаменаціонныя правила. Онъ высылаетъ по почтѣ свои письменныя работы или отвѣты на вопросы, предложенные профессоромъ въ кружкѣ, и получаетъ за особое, конечно, вознагражденіе то или иное удостовѣреніе о своихъ успѣхахъ. Такихъ заглазныхъ экзаменовъ происходитъ вчетверо больше, нежели экзаменовъ на-лицо въ самомъ Шотокуа, а всего около пяти тысячъ въ годъ. Если въ томъ мѣстѣ гдѣ подобное лицо имѣетъ жительство, находятся другіе ученики литературно-научнаго кружка, то они, разумѣется, могутъ сходиться по временамъ вмѣстѣ для общаго чтенія, бесѣдъ и дебатовъ по обще-интересующимъ ихъ предметамъ. Наконецъ, если такое лицо имѣетъ лѣтомъ свободный мѣсяцъ или другой, то можетъ отправиться, вмѣсто дачи,

¹⁾ Chautauqua. — A. Popular University, by I. H. Vincent. „Contemporary Review“. 1887, May, стр. 727.

въ Шотокуа, соединяющій въ себѣ многія прелести деревенской жизни съ существованіемъ тамъ самыхъ разнообразѣйшихъ учебныхъ заведеній для дѣтей и взрослыхъ и учителей всякаго рода въ избыткѣ въ теченіе лѣтнаго времени, начиная съ гимнастики, плаванія, стенографіи, музыки, танцевъ, прикладного электричества и кончая многими науками чисто университетскаго преподаванія. Многіе изъ лучшихъ профессоровъ американскихъ университетовъ, напримѣръ Адамсъ и Эли (F. Ely) изъ балтиморскаго университета Джона Гопкинса, принадлежатъ къ высшей администраціи кружка и проводятъ лѣто тамъ же.

Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы шотокуайскій литературно-научный кружокъ мечталъ замѣнить своей системой чтенія и краткими курсами настоящее правильное университетское образованіе. Напротивъ, онъ держится въ этомъ случаѣ иной политики. Какъ утверждаетъ знатокъ этого учрежденія, Фитчъ,—по обычаю Шотокуа не принимаетъ даже настоящихъ университетскихъ студентовъ, конечно пока они не кончатъ курса, въ члены кружка и вообще сторонится всякой конкуренціи съ постоянными и правильными академическими учрежденіями. Хотя, по американскому обычаю, и выдано даже шотокуайскому кружку право на раздачу ученыхъ дипломовъ (первой степени, т.-н. Bachelor of Arts, соотвѣтствующее нашему кандидату), но совѣтъ общества мудро до сихъ поръ воздерживался отъ раздачи этихъ дипломовъ, ограничиваясь выдачей простыхъ удостовѣреній съ печатью, или точнѣе—печатами, соотвѣтствующими тѣмъ наукамъ, изъ которыхъ экзаменовался желающій. Такой дипломъ, хотя бы для самаго наилучшаго студента или сочлена коллегіи свободныхъ искусствъ (College of Liberal Arts), какъ называется высшее университетское отдѣленіе литературно-научнаго кружка, не имѣетъ ровно никакого практическаго значенія, кромѣ личнаго удостовѣренія въ извѣстныхъ познаніяхъ, и отнюдь не замѣняетъ аттестата на ученую степень ¹⁾).

Такимъ образомъ, шотокуайскій литературно-научный кружокъ, существующій съ 1878 года, нѣтъ сомнѣнія, играетъ важную роль для образованія своей страны и отчасти даже за ея предѣлами, въ видахъ пополненія и подновленія *преимущественно средняго образованія*. Въ этомъ смыслѣ данное предпріятіе имѣло огромный успѣхъ: число всѣхъ учениковъ или студентовъ, какъ ихъ называютъ, литературно-научнаго кружка

¹⁾ The Chautauqua Reading Circle, by I. H. Fitch, „Nineteenth Century“, October, 1888.

простирается въ настоящее время до 125.000; хотя большинство ихъ американцы, но многіе ученики разбѣяны по всему міру и встрѣчаются даже въ Россіи, Китаѣ, Японіи и проч. Каждое лѣто въ Шотокуа съѣзжается отъ шестидесяти-пяти до семидесяти-пяти тысячъ народу, и многіе, въ виду ничтожности селенія, прямо пріѣзжаютъ со своими палатками, чтобъ провести мѣсяць-другой на бивакахъ, занимаясь отчасти наукой, отчасти прогулками и иными деревенскими развлечениями. Цѣлыя семейства иногда проводятъ здѣсь лѣто по этому способу. Отецъ и мать слушаютъ науки средняго или высшаго образованія, посѣщаютъ лекціи и работаютъ въ лабораторіяхъ, а ихъ дѣти, сообразно возрасту, пристроены въ дѣтскіе сады и различныя школы, такъ что днемъ сходятся вмѣстѣ лишь для ѣды и для увеселеній, которыми Шотокуа также изобилуетъ.

Тѣ недостатки общественнаго строя и образованія, которые вызвали въ Америкѣ созданіе шотокуайскаго литературно-научнаго кружка, встрѣчаются, конечно, и во всѣхъ государствахъ старой Европы. Изъ нихъ въ странѣ, родственной Соединеннымъ Штатамъ по языку и происхожденію, въ Англіи, эти недостатки именно вызвали даже цѣлый рядъ учреждений, нѣсколько и наружно похожихъ на шотокуайскій кружокъ, но, сообразно мѣстнымъ и національнымъ особенностямъ, съ большими отъ него внутренними отличіями. Въ виду того, что наша главная задача состоитъ въ ознакомленіи читателей именно съ этимъ новымъ любопытнымъ движеніемъ Великобританіи, — мы и привели выше въ краткомъ изложеніи американскую попытку этого же рода исключительно для того, дабы лучше и рельефнѣе выдѣлить всѣ весьма значительныя отличія ихъ другъ отъ друга.

Какъ это ни странно, англійское движеніе—въ смыслѣ большаго распространенія высшаго образованія въ народѣ—на нѣсколько лѣтъ старше американскаго и, какъ увидимъ дальше, ведется тверже, солиднѣе и общаесть богатые плоды въ будущемъ. Наконецъ, Англія находится въ Европѣ, а Шотокуа за Атлантическимъ океаномъ, 12—15 дней пути отъ Европы, тѣмъ не менѣе, извѣстность американскаго научнаго эксперимента распространена рѣшительно повсюду, и члены кружка, согласно послѣднему отчету учрежденія, встрѣчаются даже въ такихъ полудикихъ мѣстахъ, какъ въ Сіамѣ и глубинѣ нашей Сибири ¹⁾, тогда какъ молва объ англійскомъ движеніи распространенія университетскаго образованія (University Extension Movement) начи-

¹⁾ См. The Chautauqua Literary and Scientific Circle, 1889, стр. 34.

наетъ только теперь расходиться по Европѣ, и то случайно привлекая вниманіе публики...

Англійская попытка распространенія высшаго образованія въ народѣ отличается отъ американской уже прежде всего своею внѣшней обстановкой: никакого поэтического уголка и лѣтней резиденціи, предназначенной для этой цѣли, въ родѣ шотокуайской академіи, Англія не имѣетъ—этому не способствуетъ ни климатъ страны, ни національный характеръ англичанъ, ни самое, наконецъ, происхожденіе этого великаго движенія въ Англіи въ данномъ случаѣ. Обратно опять-таки съ Америкой, это движеніе въ Англіи приурочено къ различнымъ старымъ умственнымъ центрамъ—университетамъ, и при общихъ цѣляхъ и задачахъ каждый центръ распространенія высшаго образованія въ народѣ имѣетъ свою особую исторію. Затѣмъ, въ Шотокуа движеніе родилось и выросло изъ существовавшаго съ семидесятыхъ годовъ въ этомъ селеніи съѣзда такъ-называемыхъ воскресныхъ учителей библіи, т.-е., преподавателей закона Божія протестантскаго вѣроисповѣданія въ воскресныхъ школахъ, имѣвшихъ обыкновеніе проводить свои лѣтнія вакаціи на озерѣ. Къ чтенію и курсамъ богословія постепенно присоединялись другія науки, и съ 1878 года шотокуайскій литературно-научный кружокъ изъ лѣтняго мѣстопробыванія методистовъ превратился въ тотъ обширный и оригинальный умственный центръ, какимъ онъ является нынѣ, сохраняя впрочемъ на себѣ и до сихъ поръ нѣкоторый церковно-протестантскій отпечатокъ.

Происхожденіе того же движенія въ Англіи совсѣмъ иное—и прежде всего чисто свѣтское. Около двадцати лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ этой страны существовали такъ-называемыя дамскія образовательныя общества (*Ladies' Educational Associations*), исключительно предназначенныя для чтенія лекцій и вообще научныхъ занятій между однѣми лишь дамами. Эти лекціи обыкновенно читались лицами, принадлежавшими къ университетамъ, и имѣли значительный успѣхъ. Затѣмъ они послужили уже образцами для организаціи подобныхъ же вечернихъ курсовъ въ рабочемъ классѣ и въ низшихъ слояхъ средняго, обыкновенно занятыхъ цѣлый день другимъ трудомъ. Популярность и польза отъ такихъ чтеній была настолько велика и ощутительна, что явилось уже желаніе во многихъ пунктахъ страны сдѣлать такія чтенія болѣе постоянными и доступными для всѣхъ желающихъ, доставивъ возможность людямъ съ небольшими средствами слушать хорошихъ и свѣдущихъ лекторовъ по разнымъ интересующимъ ихъ наукамъ. Опытъ обнаружилъ, что въ обще-

ствѣ существуетъ три категоріи лицъ, лишенныхъ благодѣянія высшаго образованія и въ то же время, при извѣстныхъ условіяхъ, желающихъ его получить. Первая категорія состоитъ изъ женщинъ средняго класса и вообще взрослыхъ лицъ достаточныхъ и обладающихъ досугомъ и охотой чему-нибудь поучиться. Вторая категорія — лица, занятые въ теченіе дня различными родами торговой, промышленной и профессиональной дѣятельности. Наконецъ, третій классъ — это рабочіе, между которыми въ Англіи за послѣднюю четверть вѣка, вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ политическихъ правъ, замѣтно проснулась потребность образованія и чувство неудовлетворенности полученіемъ его лишь въ видѣ однихъ начатковъ.

Пионеромъ въ новомъ движеніи выступилъ городъ Ноттингэмъ, управленіе котораго обратилось официально къ кембриджскому университету съ просьбой доставить ему лекторовъ по разнымъ наукамъ и выработать планъ высшаго образованія для народа. Почти одновременно къ тому же университету поступили аналогичныя просьбы отъ другихъ провинціальныхъ городовъ Англіи. Старый Кембридж нѣсколько колебался въ разрѣшеніи этого, совершенно новаго, вопроса, но затѣмъ, однако, въ 1872 году, назначилъ специальную комиссію, названную *синдикатомъ*, для изслѣдованія означенныхъ прошеній и ихъ возможнаго удовлетворенія. Профессорскій синдикатъ рѣшилъ сдѣлать опытъ: устроить лекціи и классы на два года въ нѣсколькихъ, наиболѣе людныхъ пунктахъ страны, откуда поступили прошенія. Опытъ блистательно удался: желающихъ посѣщать курсы, даже подвергаться испытанію въ прослушанномъ — явилось множество, и черезъ два года изъ временныхъ эти лекціи начали превращаться въ постоянныя, и *синдикатъ* кембриджскаго университета — такъ съ тѣхъ поръ называется завѣдываніе этими лекціями (или администрація курсовъ) — выработалъ тотчасъ нѣкоторые ихъ правила, кои, съ тѣми или иными измѣненіями, существуютъ и донинѣ въ тѣхъ пунктахъ страны, которые получаютъ свою, такъ сказать, умственную пищу отъ кембриджскаго университета. Лекціи читаются лицами уполномоченными отъ университета, научная компетентность которыхъ, такимъ образомъ, гарантируется высшимъ учрежденіемъ. Послѣ каждой лекціи, въ одинъ изъ послѣдующихъ дней, происходитъ такъ-называемый „классъ“ (иногда это дѣлается раньше лекціи, по усмотрѣнію лектора), въ которомъ даются слушателямъ всѣ необходимыя детальныя объясненія по поводу предварительно прочтеннаго и могутъ рѣшаться разнаго рода практическія задачи, относящіяся къ данной наукѣ.

Еще раньше перваго чтенія каждый слушатель получает печатный „силлабус“ каждого курса, т.-е. краткій конспект читаемаго, съ указаніемъ литературы и иногда съ вопросами, относящимися къ предмету чтенія. Слушатель, если предполагаетъ подвергнуться испытанію, даетъ письменные отвѣты на всѣ эти вопросы, и во всякомъ случаѣ обязательно уже посѣщаетъ описанные выше „классы“. Въ концѣ курса производятся экзамены особыми лицами, назначаемыми синдикатомъ, и выдержавшимъ выдается удостовѣреніе.

Такимъ образомъ началось это движеніе на пользу высшаго образованія народа: примѣру Ноттингэма послѣдовали уже въ 1873 году многіе иные города, какъ Ливерпуль, Шеффилдъ, Лидсъ, Брадфордъ, Галифаксъ и другіе. Огромный успѣхъ лекцій доказывалъ, что онѣ служатъ для удовлетворенія созрѣвшей въ народѣ потребности. Очевидно, необходимо ихъ было поставить на болѣе твердый базисъ и обезпечить на будущее; но здѣсь препятствіемъ являлся недостатокъ средствъ. Кембриджскій университетъ соглашался учреждать тѣ или инныя лекціи въ городахъ только на условіи, что городское управленіе гарантируетъ, помимо вознагражденія лектору, путевыя издержки и его содержаніе, а также удобную и приличную аудиторію. За слушаніе первоначально взымалась весьма высокая плата, которая препятствовала большому распространенію пользованія лекціями, и тѣмъ не менѣе сборы были едва достаточны, чтобы покрыть даже первый расходъ на лекторовъ; часто приходилось въ добавленіе прибѣгать къ подпискѣ. Но всего чаще затрудняло удобное и постоянное, въ извѣстные часы, помѣщеніе для чтенія, недостатокъ котораго нерѣдко разстраивалъ самый курсъ. Здѣсь пришла на помощь щедрая благотворительность отдѣльныхъ капиталистовъ; такъ, уже въ 1874 году городской совѣтъ Ноттингэма получилъ отъ неизвѣстнаго жертвователя сумму въ десять тысячъ фунтовъ спеціально для постройки зданія аудиторіи и помѣщенія для лекторовъ читаемыхъ въ городѣ университетскихъ курсовъ; въ Шеффилдѣ для той же цѣли было пожертвовано цѣлыхъ двадцать тысячъ фунтовъ; затѣмъ, благодаря подобной же щедрости и въ другихъ городахъ, не только постоянное существованіе курсовъ было обезпечено во многихъ мѣстностяхъ Англіи частными средствами, но воздвигнуты въ нѣкоторыхъ пунктахъ собственныя университетскія коллегіи съ весьма обширными аудиторіями, лабораторіями, и снабженны иногда физическими кабинетами.

Послѣ того дѣло высшаго образованія въ районѣ дѣятель-

ности кембриджскаго университета быстро пошло въ ходъ. Всѣ предметы, читаемые въ этихъ многочисленныхъ новыхъ университетахъ, начали распредѣляться, соотвѣтственно спеціальности, на *два группы* или факультета, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ употребляется это слово у насъ и въ Германіи. Первая группа *A* обнимаетъ естественно-математическія науки: химію, физику, фізіологію животныхъ и растений, сравнительную анатомію, зоологію, анатомію растений, ботанику, геологію, физическую географію и минералогію. Вторая группа *B* заключаетъ въ себѣ науки историческія и общественныя—англійскую конституціонную исторію, политическую экономію, логику, всеобщую исторію, исторію церковную, англійскій языкъ и литературу, законовѣденіе и философію. Рядомъ съ простыми удостовѣреніями въ прослушанномъ стали потомъ выдавать такъ-называемыя „вице-канцлерскія“ удостовѣренія для лицъ, которыя прослушали и удовлетворительно выдержали изъ шести предметовъ одной группы или изъ четырехъ—одной, и двухъ—другой. Полный курсъ былъ установленъ опытомъ въ шесть семестровъ, или три года. Въ 1880-81 гг. въ районѣ кембриджскаго университета состояло *тринадцать* центровъ или кружковъ для распространенія университетскаго образованія и читалось *тридцать-семь* курсовъ съ количествомъ посѣтителей въ *четыре-тысячи триста-шестьдесятъ-девять* человекъ, изъ коихъ экзаменовалось *пятьсотъ-семьдесятъ-два*. Черезъ пять лѣтъ, т.-е. въ 1886-87 гг., число центровъ или кружковъ дошло уже до *сорока-пяти*, курсовъ—до *ста*, слушателей до *десяти тысячъ четырехсотъ-девяноста-четырехъ* (10.494) и, наконецъ, экзаменующихся до *тысячи трехсотъ-сорока-одного*. Каждый годъ приносить многія сотни новыхъ слушателей, движеніе растетъ и ширится...

Этому быстрому успѣху большой толчокъ былъ данъ закономъ, прошедшимъ всего лишь въ 1886 году. Вслѣдствіе нѣсколькихъ петицій и меморій, поданныхъ разными учеными учрежденіями, поддержанныхъ общественнымъ мнѣніемъ всей Англій, кембриджскій университетъ рѣшился на весьма серьезную мѣру, обезпечившую въ значительной степени дальнѣйшій прогрессъ всего этого движенія. Онъ объявилъ во всеобщее свѣденіе постановленіе сената своихъ профессоровъ объ *аффилиаціи*, или *усыновленіи*, нѣсколькихъ городскихъ курсовъ для университетскихъ чтеній или колледжей, выполняющихъ извѣстныя, выработанныя университетомъ, условія и подчиняющихся его контролю. Такимъ образомъ, вновь устроенные колледжи Ноттингэма, Шеффилда и многихъ иныхъ городовъ со своими постоянными университет-

скими курсами превратились, вслѣдствіе этого распоряженія, какъ бы *изъ отдѣленія* кембриджскаго университета, гдѣ бы они ни находились, даже внѣ предѣловъ Великобританіи. Условія для этого „усыновленія“, при существованіи которыхъ университетъ и даетъ его мѣстному „обществу“, состоятъ, конечно, прежде всего въ обезпеченіи постоянства этихъ курсовъ и назначеніи лекторовъ и экзаменаторовъ именно даннымъ университетомъ. Каждое лицо, чтобы пользоваться правами университетскаго „усыновленія“, должно пробыть въ колледжѣ не менѣе двухъ лѣтъ и подлежать всѣмъ тѣмъ испытаніямъ и занятіямъ, которыя университетъ время отъ времени признаетъ нужными. Добавочное постановленіе распространило „аффилиацію“ не только на тѣ города, которые построили у себя колледжи, но и на тѣ „мѣстные центры“ (Local Circles), которые, по усмотрѣнію университетскаго синдиката, удовлетворяютъ по своей солидности требуемымъ условіямъ. Короче, это постановленіе объ университетскомъ „усыновленіи“ какъ бы раздвинуло стѣны кембриджскаго университета на многія сотни верстъ вокругъ, включивъ въ нихъ десятки городовъ современной Англіи, гдѣ устроены этимъ путемъ подобныя своеобразныя отдѣленія университета, вмѣсто прежнихъ сотенъ студентовъ имѣющія нынѣ *болѣе десяти тысячъ* лицъ обоого пола, разбросанныхъ по всей Англіи!

Во всѣхъ, нынѣ многочисленныхъ, усыновленныхъ отпрыскахъ кембриджскаго университета (ихъ *пятьдесятъ-шесть*) чтенія, какъ было упомянуто, происходятъ по *двумъ группамъ*, что требуетъ отъ студента—при послѣдовательной серіи курсовъ, лекцій и классовъ—собственно не менѣе *трехъ* лѣтъ для прохожденія. Для послѣдняго требуется прослушать и удовлетворительно выдержать испытаніе (посѣщая какъ лекціи, такъ и классы) по *шести* предметамъ одной группы и *двумъ* другой ¹⁾, причемъ студентъ одинаково нуждается въ одобреніи не только экзаменатора, но и лекторовъ, въ томъ, что онъ исполнялъ всѣ недѣльныя работы и задачи удовлетворительно, а равно и посѣщалъ лекціи и классы (пропускать не дозволяется больше одной трети). Если затѣмъ такой „усыновленный“ студентъ пожелаетъ перейти въ университетъ самого Кембриджа, то передъ посторонними имѣетъ въ видѣ привилегіи одинъ лишній годъ, т.-е. можетъ держать экзаменъ на ученую степень въ Кембриджѣ, вмѣсто трехъ

¹⁾ The Universities in Contact with the People, by Churton Collins, стр. 561 и слѣд. въ „Nineteenth Century“, October, а также: The University Extension Scheme as the Basis of the System of National Higher Education, by Roberts R. D., Aberystwyth, 1887, стр. 14.

лѣтъ, черезъ два, подвергаясь лишь легкому предварительному испытанію въ одномъ древнемъ (латинскомъ) и одномъ новомъ языкѣ и математикѣ (Эвклидъ—книги отъ I до III, и алгебра до квадратовъ) ¹⁾.

Понятно, что весь описанный контроль, какъ и экзамены, обязательны только для лицъ того желающихъ или намѣренныхъ сдѣлаться настоящими студентами кембриджскаго университета; остальные же слушаютъ что и какъ хотятъ и никакимъ испытаніямъ не подвергаются иначе, какъ по собственному желанію. Домашнее чтеніе, какъ мы видимъ, играющее главную роль для студентовъ шотоквайскаго народнаго университета, здѣсь отведено на задній планъ; главнымъ являются лекціи и ихъ усвоеніе, и лишь съ перваго января 1889 года синдикатомъ кембриджскаго университета приняты мѣры съ цѣлью поощренія „домашняго чтенія“ (Home Study). Для этого синдикатъ обратился съ циркулярнымъ посланіемъ какъ ко всѣмъ мѣстнымъ кружкамъ распространенія университетскаго образованія, находящимся въ его вѣденіи, такъ къ экзаменаторамъ и лекторамъ, намѣчая въ общихъ чертахъ всю важную пользу домашняго чтенія и изученія предмета въ добавленіе къ усвоенію лекцій. Для наилучшаго достиженія этой цѣли синдикатъ прежде всего рекомендуетъ образованіе такъ-называемыхъ „студенческихъ обществъ для чтенія“ (Student's Association), которыя уже и входятъ въ сношенія съ синдикатомъ о содѣйствіи и помощи къ руководству за ихъ чтеніемъ. Въ такомъ случаѣ синдикатъ взымаетъ съ желающихъ членовъ такихъ обществъ по установленной таксѣ плату и возлагаетъ на лекторовъ или другихъ членовъ университета обязанность, во-первыхъ, давать студентамъ совѣты и всякія указанія по поводу и способамъ чтенія; во-вторыхъ, отвѣчать до извѣстныхъ предусмотрѣнныхъ предѣловъ на письменные запросы, обращенные къ нимъ членами такого студенческаго общества, и, наконецъ, въ-третьихъ, разсматривать и писать свое мнѣніе обо всѣхъ письменныхъ работахъ студентовъ—извѣстной величины. Наконецъ, для нѣкоторыхъ (замѣтимъ, не для всѣхъ) предметовъ допускается подобное же содѣйствіе синдиката или членовъ университета и въ отношеніи лицъ, не принадлежащихъ ни къ какому указанному студенческому обществу. Очевидно, что университетъ еще стѣсняется возложить эту новую обязанность на своихъ членовъ, и что, какъ увидимъ далѣе, обратно съ оксфорд-

¹⁾ Прежде требовался экзаменъ всего изъ шести предметовъ, какъ мы раньше видѣли, а не восемь, какъ выходитъ нынѣ.

скимъ университетомъ и въ совершенномъ противорѣчій съ американскимъ опытомъ, организація домашняго чтенія, какъ правильнаго пути къ высшему самообразованію, въ районѣ кембриджскаго университета является еще невыработанной и неустановившейся ¹⁾.

Другимъ центромъ новаго университетскаго движенія является не менѣе ученый городъ Оксфордъ. По словамъ послѣдняго отчета этого университета, отъ 13-го іюня 1889 года, составленнаго профессоромъ Сэдлеромъ ²⁾, упоминается, что будто бы Оксфордъ еще раньше Кембриджа подалъ примѣръ доступа публикѣ къ университетскому образованію, допустивъ еще въ 1859 г. университетскіе экзамены для лицъ университету постороннихъ и въ чужихъ городахъ. Какъ бы то ни было, изъ этой первоначальной попытки ничего не вышло, и движеніе это, по причинамъ не вполне яснымъ, до восьмидесятыхъ годовъ въ Оксфордѣ почти замерло. Лишь въ послѣдніе годы оно возродилось и при томъ съ такой энергіей, что какъ по количеству центровъ, имъ устроенныхъ, такъ и по числу студентовъ, оксфордскій университетъ оставилъ позади себя Кембриджъ. Въ 1885-86 году оксфордскій университетъ имѣлъ въ своемъ вѣденіи *двадцать-два* города, въ которыхъ читалось лицами, командированными университетомъ, *двадцать семь* курсовъ, а за послѣдній 1888-89 годъ оксфордскій университетъ имѣлъ свои, такъ сказать, отдѣленія ужъ въ *восьмидесяти-двухъ* городахъ, гдѣ читалось *сто-девятъ* курсовъ, а число слушателей уже доходило до *четырнадцати-тысячъ трехсотъ-пятидесяти-одного* человѣка (14.351). Цѣль движенія въ отчетѣ этого университета опредѣляется слѣдующими характерными словами: *„Цѣль движенія заключается въ томъ, чтобъ привести университетъ къ народу, если народъ не можетъ придти къ университету“*. Въ сущности, цѣль эта преслѣдуется способами, одинаковыми съ практикующимися въ районѣ дѣятельности кембриджскаго университета; организація лекцій, экзаменовъ, требуемыхъ при этомъ условій и выдаваемыхъ аттестатовъ двухъ степеней—въ сущности та же самая въ Оксфордѣ, какъ и въ Кембриджѣ, и разница больше въ названіяхъ (напримѣръ кембриджскій „Синдикатъ“, завѣдующій тамъ этимъ дѣломъ, здѣсь называется „Комитетомъ Делегатовъ“ и т. п.). Но существуетъ два различія: во-первыхъ, домашнее чтеніе здѣсь орга-

¹⁾ См.: University of Cambridge, Local Examinations and Lectures Syndicate Regulations for the Promotion of Home Study. November, 1888 г.

²⁾ Oxford University. Extension Lectures, by M. E. Sadler, отъ 13-го іюня 1889 года, 12-го августа того же года, и проч.

низовано съ самого начала движенія гораздо лучше, полнѣе и по самому существу преподаваніе поставлено выше, нежели то оказывается во всѣхъ обществахъ распространенія университетскаго образованія кембриджскаго района. Устройство „кружковъ домашняго чтенія“ (Home Reading Circles) является въ районѣ вліянія Оксфорда непосредственнымъ дополненіемъ къ университетскому обученію, и всѣ подробности ихъ организаціи весьма детально выработаны обратно опять-таки съ Кембрижемъ и его „домашнимъ обученіемъ“ (Home Study). Кружками для домашняго чтенія называются при оксфордскомъ университетѣ такія общества студентовъ, которыя образуются для домашнихъ занятій научнымъ чтеніемъ по указаніямъ опытнаго руководителя; фамиліи и адреса этихъ руководителей изъ числа свѣдущихъ специалистовъ публикуются и рассылаются обществомъ всѣмъ его членамъ. Руководитель доставляетъ каждому кружку необходимый для прочтенія списокъ книгъ, обыкновенно на трехмѣсячный срокъ впередъ, съ указаніемъ постепенности чтенія и совѣтами, которые считаетъ по этому поводу нужнымъ сдѣлать. Темы для писанія сочиненій и вопросные пункты для упражненій обыкновенно прилагаются къ силлабусу. Билетъ, который получаетъ членъ кружка, имѣетъ на концахъ шесть особыхъ марокъ съ пробитыми концами, такъ что ихъ легко и свободно отрывать отъ билета. Всякій членъ кружка имѣетъ право шесть разъ обращаться къ руководителю за вопросами, разъясненіями, съ своими сочиненіями (но не больше шести страницъ большого формата). Самый билетъ, какъ и эти марки, стоитъ *десять шиллинговъ*, идущихъ въ гонораръ руководителямъ и для возмѣщенія почтовыхъ расходовъ, и пріобрѣтаются каждымъ, конечно, предварительно, причемъ всякое письменное обращеніе къ руководителю, не оплаченное наклейкой такой марки, признается недѣйствительнымъ и отвѣта не получаетъ.

Другое отличіе Оксфорда состоитъ въ болѣе краткихъ курсахъ: въ то время, какъ въ районѣ Кембриджа и, какъ мы увидимъ, также въ Лондонѣ, курсъ всѣхъ лекцій, вызванныхъ движеніемъ, большею частью состоитъ изъ 12 и не менѣе 10 лекцій, въ районѣ оксфордскаго университета большинство читаемыхъ курсовъ простирается не болѣе шести лекцій. Это явленіе, которое естественно должно отражаться на самомъ качествѣ преподаванія, по словамъ уже цитированнаго нами отчета, объясняется тѣмъ, что курсы въ 12 лекцій слишкомъ дороги для маленькихъ городовъ и небогатыхъ мѣстностей, каковы—населенныя рабочими классами, гдѣ именно особенно и важно облегчить всячески до-

ступъ къ высшему образованію ¹⁾. Въ возмѣщеніе этого недостатка и являются именно въ районѣ оксфордскаго университета такое значительное развитіе кружковъ домашняго чтенія, какое нами было описано, и та важность, которая здѣсь придается этому дѣлу, сравнительно съ Кембриджемъ. Кромѣ того, оксфордскій университетъ завелъ и другое, не менѣе любопытное, нововведеніе: каждый лекторъ обязательно снабженъ по предмету своего чтенія летучей библиотечкой (Travelling Library), откуда имъ и выдаются книги въ теченіе курса желающимъ для занятій. Вообще собственное чтеніе должно возмѣщать—при этой системѣ короткихъ лекцій—то, что теряется вслѣдствіе ихъ краткости ²⁾.

Въ Лондонѣ исторія движенія, по многимъ причинамъ, была опять нѣсколько иная, прежде всего уже потому, что, при его огромной величинѣ, городъ этотъ не является такимъ центромъ умственной жизни въ странѣ, какъ Оксфордъ и Кембриджъ. Лондонскій университетъ, какъ извѣстно, составляетъ учрежденіе *экзаменующее*, а не обучающее, такъ какъ въ немъ собственно лекціи не читаются, кромѣ тѣхъ колледжей, которые къ нему принадлежатъ. Кромѣ того, въ провинціи имѣется болѣшій недостатокъ въ разныхъ иныхъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ въ Лондонѣ на-лицо—сравнительно значительное количество разнаго наименованія и качества образовательныхъ учреждений, предназначенныхъ или, по крайней мѣрѣ, доступныхъ народу. Поэтому новое движеніе въ Лондонѣ явилось нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Кембриджа и до восьмидесятыхъ годовъ давало незначительные результаты: число учащихся, обратно съ другими центрами, въ Лондонѣ мѣрилось сотнями, а вовсе не тысячами, какъ тамъ. Во главѣ всего движенія въ Лондонѣ въ настоящее время стоитъ такъ-называемая Joint Board („Соединенное Бюро“), состоящее изъ трехъ представителей отъ трехъ университетовъ—оксфордскаго, кембриджскаго и лондонскаго. Оно назначаетъ лекторовъ и экзаменаторовъ и вообще исполняетъ ту же officialную роль, какъ въ Кембриджѣ—„Синдикатъ“, а въ Оксфордѣ—„Комитетъ Делегатовъ“. Дѣйствительнымъ же двигателемъ всего

¹⁾ По таксъ, составленной оксфордскимъ университетомъ и любезно мнѣ доставленной, вмѣстѣ съ другими документами по этому вопросу, профессоромъ Садлеромъ, значится: плата университету за 6 лекцій и классовъ—24 фунта стерлинговъ 12 шиллинговъ, за 12 же—42 фунта и 12 шиллинговъ, кромѣ проѣзда и квартиры лектора, поставляемой обществомъ. Слѣдовательно, плата почти вдвое дороже за 12 лекцій, нежели за 6. Университетъ, конечно, всегда самъ вознаграждаетъ лектора.

²⁾ Oxford University Extension, Annual Report for the Year ending, July 1, 1889; а также см.: Oxford University Extension, Home Reading Circles, 1889.

дѣла въ Лондонѣ является „Лондонское Общество распространенія университетскаго образованія“ (The London Society for the Extension of University Teaching), которое съ восьмидесятихъ годовъ сдѣлало попытку удешевить лекціи и такимъ образомъ націонализировать ихъ. Поэтому, начавъ съ пяти, шести шиллинговъ за курсъ, оно спустило въ бѣдныхъ частяхъ города, въ родѣ извѣстнаго Уайтчепеля, до одного шиллинга за цѣлый курсъ (50 коп. за 12 лекцій). Результаты оказались блестящими: не только число учащихся начало быстро приливать, но потребность университетскаго образованія находила выраженіе въ одновременномъ открытіи отдѣленій общества или кружковъ въ различныхъ частяхъ огромной британской метрополи и даже ея дальнихъ окрестностяхъ. Открытіе въ послѣдніе годы Тоунбее Hall и Народнаго Дворца сообщило движенію еще болѣе сильный стимулъ, и среднее число посѣщающихъ университетскія лекціи этого рода въ Лондонѣ въ настоящее время достигаетъ почти *шести тысячъ* (5970) за зимній семестръ 1888 года.

Сущность правилъ, дѣйствующихъ по этому предмету въ Лондонѣ, та же самая, съ какою мы познакомились по Кембриджу и Оксфорду. Та же система лекцій и уроковъ, то же поощреніе и контроль домашнему или кружковому чтенію (Home Study). Нѣкоторая разница установлена лишь прошлый годъ относительно правилъ выдачи удостовѣреній или сертификатовъ и распредѣленія занятій въ теченіе года. Курсы, какъ правило, состоятъ изъ 12 лекцій, читаемыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—каждый курсъ. Такихъ курсовъ или семестровъ (Term)—два въ году, слѣдовательно полгода студенты слушаютъ, а полгода занятія бываютъ исключительно предоставлены ихъ личному усмотрѣнію. Съ цѣлью побудить ихъ къ болѣе упорному труду въ это свободное отъ лекцій время, прошлый годъ Лондонское Общество распространенія университетскаго образованія учредило новую систему удостовѣреній или аттестатовъ двоякаго рода: „сессиональное или годичное удостовѣреніе“ (Sessional Certificates) и „удостовѣреніе продолжительныхъ занятій“ (Certificates Continuous Study). Подъ первыми, такъ сказать, годовыми аттестатами называются такіе, которые выдаются за два послѣдовательные курса, выслушанные лицомъ, и затѣмъ—за лѣтнюю работу, состоявшую, смотря по роду науки, или въ практическихъ демонстраціяхъ, или въ спеціальномъ чтеніи по указанію и подъ наблюденіемъ лектора. Лицо, получившее три годичныхъ удостовѣреній въ одной изъ двухъ группъ, намъ извѣстныхъ (группа *A* наукъ естественныхъ и математическихъ, и *B* — историческихъ), и одно такое же удостовѣреніе

изъ предметовъ другой группы, удостоивается „аттестата продолжительнаго обученія“. Такимъ образомъ, чтобъ получить подобное свидѣтельство, лицо должно усердно проработать не менѣе *трехъ* лѣтъ; большинство же успѣваетъ пройти этотъ курсъ въ *четыре* года, а люди, свободные исключительно лишь по вечерамъ, только въ *шесть—восемь* лѣтъ.

Настоящей „злостью дня“ для жителей Лондона въ данномъ отношеніи является вопросъ объ учрежденіи такого же всенароднаго „учащаго или обучающаго“ (Teaching University) университета, вмѣсто теперешняго университета „экзаменующаго“, и въ 1888 году общественное мнѣніе вызвало назначеніе парламентомъ особой комиссіи для изслѣдованія этого вопроса. Комиссія эта, подъ предсѣдательствомъ графа Сельборна, допрашивала рядъ лицъ, принимающихъ близкое участіе въ университетскомъ движеніи, и особенно обширныя показанія были отобраны отъ маркиза Рипонъ и извѣстнаго мистера Робертса, секретаря „Лондонскаго Соединеннаго Бюро“ и кембриджскаго „Синдиката“. Всѣ показанія клонились къ одному и тому же пункту—переформировать лондонскій университетъ, приспособивъ его больше къ схемѣ существующихъ въ странѣ „обществъ распространенія университетскаго образованія“, т.-е. вмѣстѣ съ дневными лекціями установить рядъ курсовъ вечернихъ для лицъ обоого пола и всѣхъ желающихъ безразлично. Такъ какъ между студентами новаго университетскаго движенія (University Extension) является все большее и большее стремленіе систематизировать свой трудъ и продлить періодъ занятій, то наилучшій способъ удовлетворенія этого общаго желанія будетъ заключаться въ принятіи вновь преобразуемымъ университетомъ выработанныхъ уже практикою методовъ какъ въ системѣ контроля, такъ и раздачи удостовѣреній, принятыхъ въ нынѣ дѣйствующихъ обществахъ распространенія университетскаго образованія ¹⁾). Неизвѣстно, какъ рѣшить этотъ вопросъ комиссія и отнесется парламентъ, но несомнѣнно, какъ утверждаетъ Коллинзъ, дѣло кончится или желаемой реформой лондонскаго университета, или устройствомъ новаго, по вновь созданному движеніемъ образцу ²⁾).

Познакомившись съ исторіей этого любопытнаго движенія, имѣющаго, какъ мы видѣли уже, совершенно иное происхожденіе

¹⁾ См.: Evidence laid before the Royal Commission University for London, by the Representatives of the London Society for the Extension of University Teaching August 4, 1888, также: The London Society for the Extension of University Teaching, Report of the Council for 1888.

²⁾ См. статью Коллинза въ „Nineteenth Century“, October, 1889.

и отличную организацію отъ американской попытки въ Шотокуа, съ которой его нерѣдко даже смѣшиваютъ, мы подведемъ, такъ сказать, общіе итоги этому новому фактору умственной жизни англійскаго народа. Крупная важность этого движенія какъ для Англіи, такъ косвенно, въ виду его огромнаго культурнаго значенія, и для всего человѣчества, не подлежитъ сомнѣнію и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ. Во всѣхъ трехъ отчетахъ трехъ „центровъ“ Англіи — Кембриджа, Оксфорда и Лондона, откуда происходитъ преимущественно это движеніе къ университетскому образованію, одинаково отмѣчается необычайно быстрый прогрессъ дѣла за послѣдніе годы: число студентовъ въ странѣ растетъ ежегодно тысячами, и теперь недостатокъ скорѣе за профессорами и лекторами, чѣмъ за желающими въ Англіи учиться. Кромѣ Оксфорда, для района котораго имѣемъ новѣйшія статистическія данныя, доведенныя до іюля 1889 года, остальные, которыми мы можемъ располагать, устарѣли на годъ, и, слѣдовательно, показанія ихъ, судя по быстротѣ прогресса, далеко ниже дѣйствительныхъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи и этихъ, неполныхъ для настоящаго времени, данныхъ, можно лишь удивляться обширнымъ размѣрамъ этого движенія. Въ предѣлахъ только Англіи (не считая Шотландію и Ирландію) *сто-семьдесятъ-три „центра“* или общества для распространенія университетскаго образованія; они находятся болѣе нежели въ *ста-пятидесяти* англійскихъ городахъ, и не проходитъ года, чтобъ не прибавилось еще нѣсколько новыхъ. Число студентовъ обоого пола составляло, по этимъ же неполнымъ свѣденіямъ свыше *тридцати тысячъ* чело-
вѣкъ (30.815); всего же, примѣрно, за 14 лѣтъ движенія число учившихся и учащихся на этихъ курсахъ, навѣрное, далеко перешло за *сто тысячъ*.

Общій характеръ дѣятельности этихъ обществъ распространенія высшаго знанія въ Англіи для насъ достаточно уже выяснился изъ очерка ихъ исторіи. Онъ состоитъ изъ ряда курсовъ, читаемыхъ университетскими преподавателями по университетскому образцу, и сопровождается объяснительными классами по прочтеннымъ предметамъ, оиѣтъ-таки по тому же университетскому англійскому обычаю, гдѣ въ колледжахъ имѣются для того тьюторы. Желающіе изъ студентовъ подвергаются весьма строгому двойному контролю лектора и экзаменатора и, только въ случаѣ успѣшныхъ занятій, получаютъ въ нихъ надлежащее удостовѣреніе. Выборъ научныхъ занятій вращается въ предѣлахъ двухъ группъ, но при этомъ во всѣхъ трехъ районахъ (Кембриджа, Оксфорда и Лондона) одинаково лицамъ, желающимъ получить аттестатъ, не

дозволяется специализироваться исключительно изученіемъ предметовъ одной группы.

Теперь остается обратиться къ самому объему, какъ и способу преподаванія, дабы опредѣлить, имѣетъ ли право это движеніе именовать свою дѣятельность распространеніемъ *именно университетскаго или просто высшаго образованія*. Если справиться о собственныхъ взглядахъ на этотъ вопросъ трактующихъ обществъ (а въ число ихъ преподавателей и руководителей входятъ, по преимуществу, лица съ несомнѣнно высшимъ образованіемъ, какъ извѣстные профессора и ученые страны), то мы вездѣ, во всѣхъ правилахъ встрѣтимъ одинаково рѣшительно выражаемое убѣжденіе, что эти курсы даютъ *именно университетское образованіе* лицамъ, ихъ посѣщающимъ. Такъ, параграфъ первый правилъ Лондонскаго Общества предметомъ дѣятельности своей выставляетъ: „доставленіе возможности полученія *университетскаго образованія* лицамъ всѣхъ возрастовъ и обоого пола, живущимъ въ Лондонѣ и его окрестностяхъ“. Еще категоричнѣе утверждаетъ то же самое оксфордскій университетъ. „Помимо элементарнаго образованія и специальныхъ видовъ технического и профессиональнаго, существуетъ еще потребность *высшаго образованія*, которое развиваетъ духъ до высшихъ предѣловъ его возможной дѣятельности, расширяетъ разумъ и даетъ возможность одинаково, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, наилучшимъ и плодотворнѣйшимъ образомъ пользоваться ихъ досугомъ“. До сихъ поръ, по мысли представителя оксфордскаго университета, такое образованіе было лишь привилегіей лицъ, посѣщавшихъ университетъ (которыхъ такъ мало въ странѣ), но описанное движеніе (University Extension) имѣетъ своею цѣлью—тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ поступить въ университетъ, *доставить, по возможности, всѣ выгоды университетскаго образованія*. Лекціи, для этого устраиваемыя, стремятся не только дать образованіе, отвѣчающее означеннымъ народнымъ нуждамъ, но и *стимулировать спросъ на такое образованіе*. Задача этихъ курсовъ и лекцій, а также и всей организаціи, съ ними связанной, заключается въ томъ, чтобы направить учащихся къ чтенію наилучшихъ книгъ по каждому предмету, развивать привычки и развивать методы систематическаго изученія, а для того помогать также студентамъ въ наилучшемъ пользованіи библіотечныхъ пособій и вообще руководить и содѣйствовать домашнему чтенію и саморазвитію“¹⁾.

¹⁾ The London Society for the Extension of University Teaching. Abstract from the Rules and Regulation of the Society. Report of the Council for 1888. Также см. Oxford University Extension Lectures, by M. E. Sadler., отъ 13-го іюля 1889 г.

Одинъ изъ просвѣщенныхъ дѣятелей этого движенія, кембриджскій профессоръ Робертсъ, утверждаетъ, что „оно заключается въ систематическомъ высшемъ образованіи народа безъ различія званія, пола и возраста“... „Терминъ университетскаго преподаванія, — по его словамъ, — имѣетъ своей существенной характеристикой — методъ преподаванія предмета. Университетское образованіе направляется къ выясненію и освѣщенію принциповъ практикуемаго предмета, всѣ умственныя способности студента приводятся въ дѣйствіе, и онъ ставится на прямую дорогу, чтобы сдѣлаться оригинальнымъ изслѣдователемъ, если только имѣетъ способности и охоту продолжать свои занятія. Если такова характеристика университетскаго преподаванія, то она цѣликомъ имѣетъ примѣненіе и въ данномъ случаѣ — къ дѣятельности общества распространенія такого преподаванія“¹⁾.

Показанія — одинаково какъ студентовъ, такъ лекторовъ и экзаменаторовъ этого новаго движенія — удостовѣряютъ полную серьезность постановки преподаванія и успѣшность ея, нисколько не уступающую въ этомъ отношеніи обыкновеннымъ англійскимъ университетамъ, а скорѣе наоборотъ. Одинъ студентъ-ремесленникъ, на примѣръ, выразилъ по этому поводу такое мнѣніе г. Робертсу: „высшее образованіе вовсе не состоитъ только въ приобрѣтеніи знаній; оно заключается въ приобрѣтеніи знанія, связанномъ съ способностью прилагать его къ будущимъ цѣлямъ“. Студенты общества распространенія университетскаго образованія объясняютъ, что „у нихъ, благодаря слушанію лекцій, не только запасъ знаній увеличивается, но что ихъ мыслительныя способности въ высшей степени усиливаются, что они могутъ схватывать принципы болѣе смѣло, нежели прежде, и прилагать ихъ къ разрѣшенію проблемъ“. Результаты экзаменовъ опять-таки не допускаютъ сомнѣнія въ характерѣ *высшаго университетскаго*, а не поверхностнаго только преподаванія на курсахъ, устраиваемыхъ этими обществами. На примѣръ, экзаменаторъ по курсу электричества, читавшемуся въ городѣ Ньюкэстлѣ, въ своемъ отчетѣ кембриджскому университету, называетъ курсъ и силлабусъ, для него составленный, превосходнымъ и пригоднымъ для его преподаванія, по своей солидности, повидимому, скорѣе студентамъ университета третьяго года, нежели на курсахъ общества распространенія образованія. Тѣмъ не менѣе, отвѣты на экзаменахъ были прекрасны, всѣ задачи рѣшались вполнѣ удовлетворительно,

¹⁾ University Extension Scheme, as the Basis of a System of National Higher Education, by R. D. Roberts, стр. 7.

и только въ очень немногихъ случаяхъ можно было подмѣтить, что нѣкоторые кандидаты не имѣли правильной продолжительной подготовки ¹⁾. Точно также экзаменаторъ политической экономіи въ Пѣтнѣй и Уимблдонѣ, сравнивая—въ своемъ донесеніи оксфордскому университету—результаты этихъ испытаній съ тѣми, которыя онъ же производитъ настоящимъ студентамъ въ Оксфордѣ, находить эту смѣшанную толпу экзаменуемыхъ при курсахъ обществъ распространенія университетскаго образованія по достоинству отвѣтовъ гораздо выше университетскихъ студентовъ, а нѣкоторые изъ подаваемыхъ ими сочиненій лучше даже представляемыхъ на ученые степени въ университетахъ ²⁾. Подобные отзывы экзаменаторовъ получаются съ разныхъ сторонъ, одинаково высоко аттестуя достоинство преподаванія этого новаго всенароднаго университета. Таковы, напримѣръ, отзывы экзаменаторовъ, помѣщенные въ послѣднемъ отчетѣ Лондонскаго Общества, по предметамъ: геологіи, фізіологіи и литературы, и отзывъ личнаго опыта извѣстнаго намъ Коллинза, бывшаго экзаменаторомъ по предмету старой англійской литературы.

Насколько постановка преподаванія въ этомъ новомъ обширномъ образовательномъ учрежденіи своего рода—солидна, можно судить по частному примѣру, приводимому Коллинзомъ и весьма удобному для сравненія съ положеніемъ того же предмета хотя бы, напримѣръ, въ нашихъ русскихъ университетахъ. По схемѣ Общества распространенія университетскаго образованія полный курсъ для политической экономіи, напримѣръ, полагается тамъ *трехлѣтній*,—т.-е., считая семестръ въ три мѣсяца, получается полтора года однихъ лекцій ($6 \times 12 = 72$ лекцій) и, слѣдовательно, *столько же „классовъ“*, или часовъ практическихъ упражненій и объясненій, *и сверхъ того полтора года собственнѣхъ занятій* чтеніемъ, сочиненіями, рѣшеніемъ экономическихъ задачъ подъ непосредственнымъ контролемъ лектора. Занятія, по словамъ Коллинза, расположены такимъ образомъ: въ первый годъ читается и изучается англійская экономическая исторія съ древнѣйшихъ временъ до уничтоженія хлѣбныхъ законовъ; второй годъ—теорія и частью ученіе о налогахъ и промышленная статистика; въ третій годъ—исторія экономической литературы, начиная съ ученія меркантилистовъ и кончая социалистами. Въ районѣ оксфордскаго университета количество часовъ лекцій въ большинствѣ сокращается на половину, но зато разнообразіе

¹⁾ См. The University Extension Scheme, as the Basis of a System of National Higher Education, by R. D. Roberts, Aberystwyth, 1887 года.

²⁾ См. статью Коллинза въ „Nineteenth Century“, 1889 г.

преподаваемыхъ экономическихъ курсовъ соответственно увеличивается во много разъ. Перечислимъ, напримѣръ, содержаніе нѣсколькихъ силлабусовъ, или конспектовъ, курсовъ лекцій по одной лишь политической экономіи, изданныхъ только оксфордскимъ университетомъ и за послѣдніе годы читаемыхъ въ разныхъ углахъ Англіи. *Прайса*—курсъ въ 10 лекцій: „о производствѣ и распредѣленіи богатствъ; рабочіе союзы и коопераціи“, со множествомъ вопросовъ для упражненія по предмету чтенія; того же *Прайса*—курсъ въ 6 лекцій: „о великихъ англійскихъ экономистахъ (начиная съ Смита и кончая Тойнби), ихъ жизнь и ученіе“; профессора *Фельпса*—„производство и распредѣленіе богатствъ“ (курсъ въ 6 лекцій); Губерта *Смита*—„о богатствѣ и промышленности“, въ 12 лекцій, съ подробными указаніями и совѣтами для домашняго чтенія; того же *Смита*—курсъ въ 6 лекцій: „о творцахъ политической экономіи“, съ примѣчаніями и рекомендаціями для чтенія; Гудзона *Шоо*—курсъ въ 6 лекцій „объ англійскихъ социальныхъ реформаторахъ“, начиная съ Томаса Мора и кончая Джономъ Рёскиномъ), съ подробными указаніями литературы предмета; *Маріотта*—курсъ въ 12 лекцій, подъ заглавіемъ: „промышленная революція или столѣтіе англійской социальной исторіи“, съ весьма подробнымъ обстоятельнымъ спискомъ соотвѣтствующей литературы. Кромѣ того, въ томъ же районѣ дѣятельности одного оксфордскаго университета изданы три экономическихъ силлабуса для домашняго чтенія съ множествомъ вопросовъ и темъ для упражненій: *Прайса* — силлабусъ для изученія политической экономіи; *Гьюинса* — силлабусъ для изученія исторіи англійскаго труда; *Кампiona* — силлабусъ для изученія роста экономической теоріи ¹⁾. Сверхъ того, тѣмъ же оксфордскимъ университетомъ изданъ цѣлый рядъ краткихъ конспектовъ лекцій, специально читаемыхъ членамъ рабочихъ кооперативныхъ обществъ по рабочему вопросу. Не менѣе разнообразны и многочисленны курсы относящіяся къ другимъ предме-

¹⁾ Считаю безполезнымъ привести эти названія въ подлинникъ: *L. L. F. R. Price* — Syllabus of a Course of Lectures on the Making and Division of Wealth etc.; *то же*—on Great Economists, the Life and Teaching; *L. K. Phelps*—on the Making and Sharing of Wealth; *Hubert Klewellyn Smith*—on Wealth and Industry; *то же*—on the Makers of Pol. Economy; *Rev. W. Hudson Shaw* — on English Social Reformers; *I. A. R. Marriott* — on the Industrial Revolution, a Century of English Social History.

Сверхъ того слѣдующіе силлабусы для домашняго изученія (Home Reading Circles): *L. L. Price*—Syllabus for the Study of Political Economy, № 1; *W. A. S. Hewins*—The History of English Labour, № 32; *Rev. W. T. H. Campion* — The Growth of Economical Theory, № 38.

тамъ, напริมѣръ по исторіи всеобщей и англійской, по литературѣ и многимъ другимъ наукамъ, syllabusъ которыхъ насчитываются цѣлыми десятками.

Приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, достаточно для утвердительнаго отвѣта на вопросъ о солидности преподаванія въ этомъ новомъ образовательномъ учрежденіи, возникшемъ по чисто частной инициативѣ, и о правѣ этихъ обществъ называть его распространеніемъ въ народѣ именно *высшаго университетскаго* образованія. Не нужно забывать притомъ огромную разницу въ организаціи университетскаго преподаванія и самаго понятія *высшаго* образованія между Англіей и континентомъ, въ томъ числѣ и Россіей. У насъ, по примѣру Германіи, университетъ стремится дать не столько высшее общее образованіе, сколько спеціальную подготовку для той или иной такъ-называемой либеральной профессіи (врача, юриста, учителя и проч.). Однимъ словомъ, университетъ на всемъ континентѣ является тѣмъ, что нѣмцы называютъ *Fachschule*.

Въ Англіи исторія университетовъ была совершенно иная: тамъ всегда держались принципа: *Universitas in artibus fundata est*, а потому въ Кембриджѣ и Оксфордѣ, вообще старыхъ университетахъ, факультетскаго дѣленія съ профессиональнымъ характеромъ до послѣдняго времени почти совсѣмъ не было, и задача университета состоитъ и теперь собственно лишь въ томъ, чтобы дать слушателямъ общее и въ то же время высшее, такъ-называемое у англичанъ „либеральное образованіе“ (*Liberal Arts* и отсюда — *Liberal Education*) ¹⁾. Въ этомъ именно смыслѣ является на уровнѣ *высшаго* образованія, будучи однако лишено всякаго профессиональнаго характера, и то движеніе, о которомъ мы теперь говоримъ.

Но если могутъ еще возникать какія-либо сомнѣнія по поводу характера преподаванія тѣхъ или иныхъ курсовъ, читаемыхъ по инициативѣ означенныхъ обществъ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно умственное оживленіе чуть не всего англійскаго народа, вызванное этимъ замѣчательнымъ движеніемъ, а равно и необыкновенная жажда знанія, которая является его результатомъ въ различныхъ классахъ общества, и притомъ между такими лицами, коихъ менѣе всего можно было бы заподозрить въ такомъ страстномъ, доходящемъ до самоотверженія и самопожертвованія, стрем-

¹⁾ См. по этому поводу статью *Марквардзена* „Объ университетахъ“ въ *Deutsches-Staats Wörterbuch*, Блюмля и Браттера, десятый томъ, стр. 709 и дальше, а также *G. Schönberg—Handbuch der Politischen Oekonomie*, 2-te Ausg. Dritter Band, *Verwaltungslehre*, стр. 1011 и слѣд.

леніи къ знанію. Эта черта еще болѣе замѣчательна, если принять во вниманіе крайнюю смѣшанность той аудиторіи, съ которой имѣютъ дѣло лекторы новыхъ курсовъ: около двухъ третей всѣхъ студентовъ въ районѣ оксфордскаго университета въ теченіе послѣдняго года принадлежали къ женскому полу и значительная часть (около *трехъ тысячъ*) къ рабочему классу. Тотъ же отчетъ оксфордскаго университета нынѣшняго года приводитъ нѣсколько прямо трогательныхъ примѣровъ такой жажды знанія. Такъ, въ Кемборнѣ въ числѣ студентовъ былъ одинъ *рудокопъ*, который непосредственно съ лекціи отправлялся въ шахту подѣ землю, для работы на всю ночь, чтобы на другой день быть свободнымъ для слѣдующей лекціи. Въ Бѣрнли одна *ткачиха* на хлопчато-бумажной фабрикѣ такъ заинтересовалась посѣщеніемъ лекцій, что рѣшилась участвовать письменно въ конкурсѣ для полученія стипендіи въ Оксфордѣ, гдѣ общество на августъ мѣсяцъ открыло наилучшимъ ученикамъ двери университета, дозволивъ имъ, такимъ образомъ, послушать наиболѣе выдающихся ученыхъ. Чтобы выиграть время для лекцій, ткачиха пожертвовала своимъ обѣденнымъ часомъ и съ тою же цѣлью ухитрилась, работая на станкѣ, заниматься чтеніемъ въ промежутки смѣнъ. Робертъ приводитъ множество подобныхъ случаевъ удивительной любви къ наукѣ, развившейся или проявившейся въ силу именно этого движенія между рабочими классами Англіи. Такъ, нортумберландскіе *рудокопы* образовали изъ себя общество распространенія университетскаго знанія и складывались по грошамъ, чтобы пригласить университетскихъ лекторовъ по особенно интересовавшимъ ихъ предметамъ: политической экономіи, исторіи, геологіи и горному дѣлу. По ихъ ходатайству, сразу открылись курсы въ 13 разныхъ мѣстностяхъ рудоконнаго округа. Среднее посѣщеніе лекцій этими, когда-то грубыми, рудокопами доходило до *тысячи-четырехсотъ* человекъ въ одинъ семестръ, что составляетъ, по расчету Роберта, *одинъ* человекъ на *семнадцать* всего ихъ населенія ¹⁾. Многіе изъ студентовъ должны были ходить ночью по дурнымъ дорогамъ, въ темнотѣ, во всякую погоду, чтобы добраться до мѣста лекцій и приносить самыя серьезныя, сообразно своему положенію, денежныя пожертвованія для этой цѣли. Такъ, одинъ молодой женатый рудокопъ, который жилъ на довольно значительномъ разстояніи отъ мѣста лекцій, вынужденъ былъ пропускать свои смѣны, чтобы попасть на лекцію, и терять поэтому

¹⁾ Т.-е. еслибы въ той же пропорціи захотѣло заниматься университетскими науками населеніе, напримѣръ, г. Петербурга, то ему пришлось бы выставить *сорокъ семь тысячъ* студентовъ!!!

еженедѣльно 1 фунтъ стерл. и 6 шиллинг. заработка; другой рудокопъ, работавшій въ ночной сдѣнѣ и жившій отъ Ньюкэстля въ десяти миляхъ, чтобы посѣщать еженедѣльно курсъ лекцій по литературѣ, которыми особенно дорожилъ, потерялъ всего пропусками, желѣзно-дорожными и иными расходами около 3 фунтовъ (до 30 рублей—сумму, для рабочаго, конечно, очень крупную) ¹⁾!.. Лекторы, по словамъ показаній, данныхъ профессоромъ Робертсомъ предъ королевской комиссіей, изслѣдовавшей вопросъ о лондонскомъ университетѣ, получаютъ кучу писемъ отъ своихъ слушателей о томъ новомъ мірѣ, который для нихъ внезапно раскрылся вмѣстѣ съ доступнымъ для нихъ нынѣ высшимъ образованіемъ. „Вотъ уже шесть лѣтъ,—говорилъ одинъ пожилой *плотникъ* м-ру Робертсу,—какъ я въ первый разъ записался въ число студентовъ Общества распространенія университетскаго образованія, и я посѣщалъ всѣ лекціи аккуратно, исключая одной, когда былъ боленъ. Я не могу вамъ и высказать, какъ много я обязанъ этимъ лекціямъ; онѣ произвели настоящій переворотъ въ моей жизни; я имъ обязанъ тѣмъ, что у меня нынѣ образовался болѣе широкій взглядъ по всѣмъ вопросамъ, и мои интересы увеличились; сама жизнь моя сдѣлалась веселѣе и счастливѣе“ ²⁾.

При такомъ стремленіи англійскаго народа къ образованію, движеніе обществъ его распространенія сдѣлалось самымъ обильнымъ источникомъ для удовлетворенія этой жажды знанія. Важность этого новаго явленія едва ли возможно должнымъ образомъ оцѣнить. По выраженію Уэсткота, движеніе фактически сдѣлало университетское образованіе всенароднымъ, распространило его на всю страну, *націонализировало* высшее знаніе. Прежде университетское образованіе было принадлежностью лишь маленькой кучки людей изъ высшихъ классовъ; нынѣ же, какъ указываетъ примѣръ Англіи, оно можетъ приспособиться къ удовлетворенію потребностей всѣхъ лицъ обоего пола и всякаго званія; всѣ одинаково могутъ получить нынѣ систематическое академическое образованіе съ небольшими, сравнительно, пожертвованіями для того и даже не нарушая, при этой системѣ, способовъ своего заработка и дневныхъ для него занятій. Американскій наблюдатель, профессоръ Адамсъ, утверждаетъ, что Англія въ данномъ вопросѣ счумѣла разрѣшить крайне трудную задачу, а именно, благодаря описанной нами системѣ „усыновленія“ университетами студен-

¹⁾ *The University Extension Scheme, as the Basis of a System of National Higher Education, by R. D. Roberts, Aberystwyth, 1887 г. стр. 11.*

²⁾ См. *Evidence laid before the Royal Commission etc., 1888 г., стр. 14.*

товъ этихъ народныхъ курсовъ, англійскіе университеты, не понижая уровня своихъ научныхъ требованій, распространили, такъ сказать, университетскіе права на цѣлый англійскій народъ. Этой мѣрой университеты сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ всякая другая сила, для разрушенія антагонизма между богатыми и бѣдными ¹⁾.

Описанная система преподаванія при этомъ движеніи въ высшей степени практична, потому что соотвѣтствуетъ и приспособлена къ условіямъ и требованіямъ англійской жизни. Публичныя лекціи, на примѣръ, давно были въ ходу въ Англии, но, читаясь отрывочно, безъ системы, по отдѣльнымъ вопросамъ, онѣ не приводили ни къ какимъ результатамъ. Теперешняя же система курсовъ, приведенныхъ въ связь, и одинъ цѣльный планъ, освящая старую привычку, (непремѣнно ведетъ за собой въ то же время быстрый ростъ увеличенія знаній въ цѣломъ народѣ. Движеніе это, во-вторыхъ, сравнительно съ малыми расходами, сдѣлало возможнымъ существованіе какъ бы отдѣленій университетовъ въ массѣ провинціальныхъ городовъ, часто совсѣмъ въ глуши, гдѣ иначе никоимъ образомъ нельзя было бы ожидать и въ далекомъ будущемъ основанія собственныхъ университетовъ. Въ-третьихъ, движеніе разбудило сравнительно сонливую жизнь въ провинціи и, навѣрное, косвенно усилило черезъ то спросъ и на всѣ прочія образовательныя учрежденія, какъ-то: среднія школы, бібліотеки, музеи, картинныя галереи и литературно-научныя общества.

Оказывая благотворное вліяніе на народъ, которому до этого высшее образованіе было недоступно, движеніе University Extension не можетъ не отразиться съ большою пользою и на жизни, равно какъ и дѣятельности самихъ университетовъ. Прежде англійская университетская жизнь (по крайней мѣрѣ, старыхъ университетовъ) отличалась своею крайнею замкнутостью; число студентовъ отдѣльныхъ университетскихъ колледжей считалось не болѣе какъ сотнями. Теперь же подъ фѣрулой трехъ университетовъ имѣется на-лицо, какъ мы видѣли уже, болѣе *тридцати тысячъ* новыхъ студентовъ, и число ихъ продолжаетъ расти ежегодно тысячами, а не сотнями. Очевидно, отношеніе къ такой громадной аудиторіи должно быть иное: прежде была въ университетахъ лишь молодежь, почти исключительно изъ одного класса общества, одинаково воспитанная и, слѣдовательно, съ одной подготовкой и однѣми задачами въ будущемъ; теперь же слуша-

¹⁾ См. *Seminary Libraries and University Extension*, by *Herbert B. Adams*, Baltimore, 1887.

телями состоятъ многія тысячи лицъ, не только обоого пола, но, главное, самаго различнаго общественнаго положенія и столь же различнаго предварительнаго образованія, часто съ противоположными взглядами и возрѣніями на задачи университетскаго преподаванія. Англійскіе университеты поняли свое новое, измѣнившееся положеніе: нагляднымъ выраженіемъ служатъ, напримѣръ, извѣстныя намъ условія *аффилиаціи* или „усыновленія“ студентовъ съ новыхъ курсовъ для ихъ принятія въ число слушателей самого кембриджскаго университета. Этотъ столбъ классическаго образованія, какъ мы уже обращали вниманіе читателей, находитъ теперь возможнымъ допускать въ свои стѣны лицъ, съ успѣхомъ посѣщавшихъ лекціи „общества распространенія университетскаго образованія“ съ провѣрочнымъ испытаніемъ лишь изъ *одного древняго языка* (латинскаго); мало того, такому студенту дается еще лишній льготный годъ сравнительно съ постороннимъ лицомъ, хотя бы, слѣдовательно, поступившимъ съ знаніемъ двухъ древнихъ языковъ, но не посѣщавшимъ курсовъ University Extension.

Не менѣе знаменательнымъ въ кризисъ, переживаемомъ нынѣ этими университетами, является и то обстоятельство, что классическіе языки и вся классическая литература, игравшая всегда такую исключительно важную роль въ университетскомъ образованіи Оксфорда и Кембриджа, совсѣмъ почти отсутствуетъ на есенародныхъ лекціяхъ района тѣхъ же самыхъ университетовъ, потому, — какъ утверждаетъ Коллинзъ (принадлежащій самъ къ университетской корпораціи), — что университеты, черезъ посылаемыхъ ими лекторовъ, отказались отъ попытокъ сдѣлать всю классическую литературу и языки достаточно привлекательными для большинства народа; другими словами, отсутствіе древней литературы на курсахъ произошло вслѣдствіе серьезныхъ недостатковъ въ настоящихъ методахъ классическаго образованія въ самихъ университетахъ. При изученіи классической литературы въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, по его утвержденію, слишкомъ много обращалось вниманія на букву и мало на духъ древнихъ поэтовъ, писателей и ораторовъ, и вслѣдствіе этого узкаго, чисто лингвистическаго классицизма, самое изученіе литературы тамъ весьма слабо, и она, по выраженію того же Коллинза, „находится въ вассальномъ отношеніи къ филологіи“. И по этой причинѣ, когда понадобились для массы ежегодно открываемыхъ University Extension курсовъ лекторы, особенно англійской литературы, то оказался полнѣйшій ихъ недостатокъ и крайне неудовлетворительная подготовка наличныхъ. Этотъ практическій результатъ

движенія обратилъ уже, такимъ образомъ, вниманіе публики, какъ и университетовъ, и поведеть, вѣроятно, къ измѣненію въ нихъ преподаванія какъ литературы, такъ и древнихъ языковъ ¹⁾).

Наконецъ, разнокалиберная, различныхъ возрастовъ и степеней разнаго развитія публика, огромными толпами посѣщающая нынѣ эти новые университетскіе курсы, созданные движеніемъ, должна, конечно, вліять и на самый способъ преподаванія предметовъ: онъ долженъ принаравливаться къ такимъ разнообразнымъ слушателямъ и сдѣлаться болѣе популярнымъ, въ то же время не теряя и своего научнаго значенія. Удовлетворительное разрѣшеніе послѣдней задачи много зависитъ, конечно, отъ способности и талантливости каждаго отдѣльнаго лектора, но, тѣмъ не менѣе, обратно съ педантизмомъ Германіи въ этомъ отношеніи, въ Англіи въ настоящее время все болѣе и болѣе вырабатывается и распространяется убѣжденіе между учеными, что популяризація науки, какъ въ книгахъ и въ формѣ журнальныхъ статей, такъ и въ лекціяхъ, не только не вредитъ качеству научныхъ произведеній и достоинству изслѣдованій, но, напротивъ, можетъ оказаться крайне плодотворной для прогресса самой науки. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно назвать рядъ именъ англійскихъ ученыхъ первокласснаго научнаго достоинства, чтобы убѣдиться, что эти же лица принадлежатъ и къ наиболѣе выдающимся популяризаторамъ науки; таковы: Гершель, Лайбъ, Дарвинъ, Гѣксли, Тиндаль, Спенсеръ, Тэйлоръ, Уоллесъ и нѣкоторые другіе. По словамъ извѣстнаго англійскаго ученаго астронома Ричарда Проктора, въ данномъ вопросѣ вполне имѣетъ примѣненіе извѣстный афоризмъ Буало: *Ce que l'on conçoit bien — s'énonce clairement*; чтобы съ успѣхомъ популяризировать какую-нибудь теорію, нужно представить ее вполне ясно, а для того, конечно, предварительно хорошенько обдумать, обсудить и воспринять ее себѣ самому — одинаково ясно и глубоко; а при этомъ могутъ представиться такіе стороны и положенія вопроса, которыя, безъ нужды популяризаціи, совершенно ускользаютъ отъ обычной степени вниманія. „Я вѣрю, — утверждаетъ Прокторъ, — и каждый опытный популяризаторъ науки, навѣрное, испыталъ то-же самое, что теорія, которая казалась удовлетворительной при примѣненіи къ ней лишь обыкновенныхъ научныхъ пробъ, оказывалась часто неудовлетворительной, когда стараешься не только описать эту теорію ясно, но и подобрать такіе же аргументы за и противъ нея“. „Поэтому, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — многія сомнительныя теоріи, навѣрное,

¹⁾ См. статью Коллинза въ „Nineteenth Century“, октябрь 1889 года.

оказались бы для изслѣдователя негодными, еслибы онъ приложилъ къ нимъ означенный процессъ популяризаціи“¹⁾.

Такимъ образомъ, новое великое образовательное движеніе Англіи не только приноситъ крупную пользу многимъ тысячамъ народа, но, нѣтъ сомнѣнія, сопровождается плодотворными послѣдствіями и для самихъ разсадниковъ просвѣщенія—университетовъ. Оно родилось и выросло изъ развившагося у англійскаго народа пониманія важности и необходимости для человѣка высшаго знанія, и въ свою очередь это движеніе поднимаетъ теперь и возвеличиваетъ значеніе въ странѣ университетской науки и ея представителей. Напримѣръ, тамъ появился уже усиленный спросъ на хорошихъ, одобренныхъ университетами лекторовъ и экзаменаторовъ по различнымъ наукамъ, и поэтому масса молодыхъ людей, прежде бросавшихся на другія профессіи, въ настоящее время усердно занимается наукой, дабы получить всѣ требуемыя ученныя степени и выработать изъ себя дѣльных преподавателей для новыхъ обширныхъ всенародныхъ аудиторій. Практическій янки—профессоръ Адамсъ—самое движеніе прямо старается свести къ экономическому закону спроса и предложенія. „Оно имѣетъ,—утверждаетъ онъ,—свою дѣловую сторону и объясняется въ началѣ именно спросомъ и предложеніемъ. Представители труда и капитала въ Англіи пришли къ сознанію факта, что университеты владѣютъ выгоднымъ товаромъ, который называется высшимъ образованіемъ... Люди начали соображать, что хорошее, напримѣръ, знаніе англійской исторіи, политической экономіи, общественныхъ наукъ, литературы и проч. способствуетъ всецѣло усовершенствованію общества, лучшему взаимному пониманію и вообще лучшимъ отношеніямъ между его сочленами“²⁾... И вотъ отсюда-то, изъ этого сознанія, и родилось описанное движеніе на пользу университетскаго образованія...

Мы кончили нашъ очеркъ о тѣхъ новыхъ формахъ заботъ и попеченій, которыя прилагаетъ современное англійское общество о своемъ народѣ, и познакомились также съ тѣми любопытными теченіями общественной мысли, какія замѣчаются нынѣ въ той же самой странѣ. Повидимому, нашъ очеркъ имѣетъ своимъ предметомъ три совершенно разныхъ учрежденія, описанное проис-

¹⁾ *Wages and Wants of Science-Workers*, by *Richard A. Proctor*, London, 1876, стр. 30 и 31.

²⁾ *John's Hopkins University Studies. Fifth Series, XI. Seminary Libraries and University Extension. By Herbert B. Adams*. Baltimore, 1889, стр. 30.

хождение которыхъ даже не имѣло ничего общаго, а въ цѣляхъ и выполненіи ихъ замѣтно большое различіе. Между тѣмъ, если вдуматься глубже въ ихъ внутренній характеръ и принципиальное значеніе для народа, то у всѣхъ трехъ учрежденій явится самая тѣсная, родственная связь: они, такъ сказать, служатъ необходимымъ дополненіемъ другъ къ другу.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе сначала на первыя два учрежденія: исторія возникновенія „Народнаго Дворца“ и „Тоунбее Hall“, какъ мы на своемъ мѣстѣ говорили, не имѣетъ ничего, по-видимому, общаго: въ то время какъ послѣдній является созданіемъ тѣсной и дружной семьи оксфордскихъ студентовъ, подготовленныхъ и наэлектризованныхъ нравственнымъ воздѣйствіемъ Рёскина и Тойнби, „Народный Дворецъ“ воздвигается нѣсколькими годами позднѣе, и если мысль поэта воплотила его впервые въ своей фантазіи, то лишь случайно щедрая благотворительность, изъ весьма притомъ разнохарактерныхъ источниковъ, дала возможность осуществить эту фантазію въ дѣйствительности.

Но стоитъ лишь припомнить хотя бы воззрѣнія самого Тойнби, насколько они намъ извѣстны, чтобы придти къ немедленному заключенію, что, несмотря на указанное и многія иныя различія, въ сущности оба учрежденія въ самомъ важномъ—въ своей конечной цѣли—совершенно тождественны. Цѣль эта, какъ мы видѣли, заключается во всестороннемъ содѣйствіи культурѣ народа, въ стремленіи среднихъ образованныхъ классовъ поднять народъ до себя всѣми зависящими отъ нихъ способами. Поэтому именно оба учрежденія и отличаются такою многосторонностью своей дѣятельности: они одинаково заботятся не только объ образованіи народа во всѣхъ его видахъ, но и объ улучшеніи его экономическаго положенія (содѣйствіе устройству коопераций, союзовъ, посредничества и проч.); далѣе, заботятся о его здоровьѣ, о развитіи общительности, о развитіи въ народѣ изящнаго вкуса, новыхъ привычекъ и потребностей (музыка, картины). Вообще, образованные классы въ современной Англіи въ лицѣ своихъ, вѣроятно, лучшихъ представителей стремятся путемъ подобныхъ учрежденій приблизить народъ къ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ прямо это и выражаютъ. Итакъ, вотъ въ чемъ лежитъ то звено, которое связываетъ, во-первыхъ, оба эти учрежденія неразрывно, и, во-вторыхъ, характеризуетъ существующее направленіе общественной жизни Англіи.

Если затѣмъ мы обратимся къ третьему описанному учрежденію—обществамъ университетскаго образованія,—то мы немедленно установимъ и его прямую связь съ двумя первыми, — не

потому лишь только, что „Народный Дворецъ“ и „Toynbee Hall“ организовали подобныя же общества, но и по самымъ задачамъ новаго университетскаго движенія. Оно, какъ говорилось, заключается именно въ томъ, „чтобы приблизить университетъ къ народу“, по выраженію оксфордскаго отчета, и приведенные примѣры фабричныхъ работницъ, плотниковъ, рудокоповъ и проч., тысячами посѣщающихъ эти курсы съ большими для себя лишеніями, оставляютъ этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія. Короче, мы присутствуемъ при крайне важномъ и любопытномъ историческомъ процессѣ: классы народа, наиболѣе въ той же Англіи раздѣленные глубокой соціальной пропастью и представляющіе тамъ два непріязненныхъ лагеря, вступаютъ теперь черезъ посредство образованности въ дружественныя отношенія и стараются говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ, какъ равный съ равнымъ, жить одной и той же умственной пищей и преклоняться предъ одними и тѣми же идеалами. Обѣ стороны не только мечтаютъ о взаимномъ сближеніи и лучшемъ пониманіи другъ друга, но и дѣлаютъ въ этомъ направленіи, какъ мы видѣли, въ „Toynbee Hall“, весьма рѣшительные шаги.

Трудно предсказать, вѣроятно, къ чему это великое общественное движеніе можетъ придти въ дальнѣйшемъ будущемъ, но несомнѣнно одно, что ему суждено принести много добра для человѣческой культуры. Теперь же это движеніе, во всякомъ случаѣ, является благотворнымъ факторомъ въ улучшеніи внутренней жизни Англіи. Наконецъ, въ нашъ себялюбивый, нервный и больной вѣкъ самое существованіе такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ Рёскинъ, Тойнби, Барнеттъ и теперешніе резиденты описаннаго „Университетскаго Поселенія“ въ Восточномъ Лондонѣ съ ихъ дѣятельностью, даже съ ихъ упованіями (какъ бы они ни казались иногда фантастичны!), дѣйствуетъ успокаивающимъ и облагораживающимъ образомъ на душу, поднимаетъ вѣру въ людей и даетъ надежду современемъ на лучшее будущее для всего человѣчества...

Ив. Янжуль.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе.

Х *).

Такъ и пошла деревенская жизнь нашихъ петербургскихъ героевъ. Имъ было и хорошо, и тяжело на новомъ мѣстѣ, въ новой обстановкѣ. Жаркіе дни и теплыя ночи ихъ и радовали, и раздражали. Великолѣпныя хохлушки и хохлы, красота дней и ночей, подробности новой природы и новаго быта, поддерживали въ нихъ художественное безпокойство, отъ котораго оба, въ особенности живописецъ, бѣжали изъ Петербурга. Время отъ времени они не выдерживали и садились—одинъ за статью, другой за этюдъ. Работа, послѣ перерыва въ ней, не шла, они бросали ее, и были неудовлетворены. Тогда тѣмъ усиленнѣе принимались они за ѣду, за терновку и за ухаживанье за дамами. Заняться дѣлами Мартовъ уклонялся. Да никто на этомъ и не настаивалъ.

— Когда же, Павелъ Ивановичъ, введъ во владѣніе совершимъ?—спрашивалъ Береговичъ.

— Да развѣ этотъ введъ обязательно какъ можно скорѣе совершать?!—полу-спросилъ, полу-воскликнулъ Мартовъ, взявшій манеру говорить о своемъ наслѣдствѣ въ шутиливомъ тонѣ, какъ будто оно было довольно досадной непріятностью, которую онъ рѣшилъ переносить по возможности веселѣе. Вслѣдъ за нимъ въ этомъ дѣлѣ такой же тонъ приняла и хозяйка.

---

*) См. выше: февр., 679 стр.

— Зачѣмъ скорѣй! Видите, имѣнье и усадьба не бѣгутъ,— отвѣчалъ Береговичъ.

— Бѣжать не бѣгутъ, а иногда послѣ вашей терновки какъ будто слегка начинаютъ кружиться.

Такъ и тянулась деревенская жизнь и, пока въ ней нѣтъ никакихъ новыхъ событій, обратимся отъ гостей къ хозяевамъ.

Тарасъ Александровичъ Береговичъ вѣрилъ только въ себя и только себѣ. Тѣмъ, что онъ вышелъ въ люди, онъ былъ обязанъ только себѣ. Его отецъ, учитель уѣзднаго училища, былъ большой хохломанъ (даже сына называлъ Тарасомъ, а о себѣ очень жалѣлъ, что онъ если не Тарасъ, то хоть бы Григорій), но еще большій пьяница. Снявъ безъ его помощи курсъ гимназій, потомъ — университета (правда, плохенькаго, провинціального), отдалъ дань малороссійской сентиментальности ранней женитьбой на небогатой Юліи Петровнѣ и занялся „дѣлами“ — адвокатурой, агентурой страховыхъ обществъ, перепродажей имѣній, арендами земли и т. под. Онъ остался въ уѣздѣ и не прельстился большимъ городомъ, твердо увѣренный, что человекъ съ головой въ уѣздѣ выбьется легче и скорѣе, потому что уѣздъ проще и конкуренціи въ немъ меньше. А потомъ, оперившись, можно и въ большой свѣтъ пуститься, который не разграбятъ же до тѣхъ поръ до тла. Послѣдніе два-три года его удерживало въ уѣздѣ еще и то обстоятельство, что Юлія Петровна успѣла очень поправиться тому своему родственнику, въ имѣніи котораго теперь собрались всѣ наши герои. Это былъ глубокой старикъ, почтенный и съ виду, и на самомъ дѣлѣ одинокій и бездѣтный. Онъ встрѣтилъ Юлію Петровну въ уѣздномъ городѣ въ гостяхъ, почитался съ ней родствомъ, познакомился потомъ съ ея мужемъ, который тоже очень понравился ему своей энергіей и бойкостью, и, наконецъ, предложилъ обоимъ переселиться къ нему въ усадьбу и взять его имѣніе въ аренду. Хозяинъ и арендаторы прожили вмѣстѣ ладно и хорошо. Не было ни преувеличенныхъ нѣжностей, ни наглаго забирая старика въ руки. Ни хозяинъ, ни супружество ни разу не заговаривали о наслѣдствѣ старика. Но какъ-то само собой разумѣлось, что наслѣдницей будетъ Юлія Петровна: явствовало это изъ нечаянныхъ полусловъ, срывавшихся у старика, изъ того, что однажды онъ зачѣмъ-то озабоченно ѣздилъ къ нотаріусу, а передъ тѣмъ вмѣстѣ съ Тарасомъ Александровичемъ вчитывался въ законы о пошлинахъ вообще и о пошлинахъ съ наслѣдствъ въ особенности. Всѣ были убѣждены, что во время этого посѣщенія нотаріуса старикъ составилъ завѣщаніе въ пользу Юліи Петровны. Знакомые ее поздравляли; Юлія

Петровна отвѣчала на это „круглыми“ взглядами и словами, что она ничего не знаетъ. Тарасъ Александровичъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что къ уже имѣвшимся у него пятидесяти тысячамъ разомъ прибавится тридцать тысячъ, по крайней мѣрѣ... Но старикъ умеръ, предполагаемое завѣщаніе оказалось чортъ знаетъ — чѣмъ: копіей съ метрическаго свидѣтельства старика, потому что старое за девяносто слишкомъ лѣтъ жизни его обладателя истлѣло — и наслѣдникомъ явился, къ удивленію всѣхъ, петербургскій ядовитый фельетонистъ Мартовъ. Еслибы супружество не умѣло такъ хорошо владѣть собой, одинъ — всегда энергичный и веселый, другая — непроницаемо-спокойная, можно бы было замѣтить, что оно сильно разочаровано. Время отъ времени у обоихъ являлась надежда, не откажется ли Мартовъ отъ наслѣдства, но сейчасъ же и исчезала: слишкомъ злы и ядовиты были его статьи, чтобы предполагать въ авторѣ возможность такихъ чувствительныхъ движеній сердца. Когда Мартовъ появился лично, Юлія Петровна, какъ и подобаетъ легкомысленной женщинѣ, на время забыла свои расчеты и была увлечена обществомъ петербургскихъ извѣстностей, но Тарасъ Александровичъ прилежно выслѣживалъ и изучалъ гостя, причемъ пристрастіе къ терновѣ и къ неистовымъ спорамъ объ отвлеченныхъ предметахъ давало ему нѣкоторую надежду. Но ясно опредѣлить себѣ, что такое Мартовъ, Береговичъ все не могъ. Иногда онъ представлялся ему донъ-Кихотомъ; иногда ему казалось, что стѣбитъ расчувствовать его, сказать ему: „эхъ, Павелъ Ивановичъ, и золотое же сердце у васъ, и золотая голова; головой вы вѣкъ безъ нужды проживете — отдайте ваше наслѣдство, кому оно должно бы пойти!“ — и Мартовъ, особенно послѣ терновки, да ночью, да послѣ чтенія Фетовскихъ стиховъ, отдастъ, да еще прощенія попроситъ, что долго не отдавалъ. Такихъ людей Береговичъ не видалъ, а не постигалъ-то ужъ конечно, — но слышалъ, что они бываютъ изъ ученыхъ и артистовъ. Проходило однако время, и Мартовъ заставлялъ радикально мнѣнать мнѣніе о себѣ. Вдругъ вмѣсто Фетовскихъ стиховъ начиналось детальнѣйшее и ядовитѣйшее изложеніе не только мошенничествъ, но даже и неправильностей какогонибудь банка или постройки какой-нибудь желѣзной дороги. Мартовъ преображался, изъ добродушной поэтической разини превращался въ хитрую и раздражительную бестію, которая до всего докопается и никого не пощадитъ, точь-въ-точь слѣдователь по особо важному дѣлу, или жандармскій офицеръ при политическомъ слѣдствіи. Когда Мартовъ превращался въ бестію и начиналъ разсказывать умно и проникательно посматривать на Береговича и незамѣтно какъ-то,

но очевидно для всѣхъ, подсмѣиваться надъ нимъ и ставить его въ незовкiя положенiя, тогда самолюбивый Береговичъ хотѣлъ разомъ покончить дѣло, сказать Мартову ото всей души, что онъ, Береговичъ, его терпѣть не можетъ, и поскорѣй разстаться съ нимъ навѣки. Но Мартовъ мѣнялся, распускалъ юни, начиналъ говорить о томъ, что графъ Левъ Толстой совершенно правъ, проповѣдуя нищету, непротивленiе злу насилiемъ, и въ Береговичѣ снова оживала надежда: тридцать тысячъ манили его къ себѣ, какъ гласъ сирены. „Не торопись, не горячись, осторожниѣе, терпѣливѣе!“ говорилъ себѣ тогда Береговичъ. Но иногда не горячиться и быть терпѣливымъ Береговичу было очень трудно. Кромѣ разныхъ маленькихъ выходокъ Мартова, которыя были неприяты хозяину, первый ужъ слишкомъ развязно сталъ ухаживать за Юлiей Петровной. Онъ слишкомъ смѣло цѣловалъ ей руки не только утромъ, появляясь изъ спальни, и вечеромъ, передъ уходомъ, не только послѣ чаевъ, завтрака и обѣда, но и просто такъ, отъ полноты души. Эта полнота души не нравилась Береговичу. Однажды онъ увидѣлъ жену и Мартова гуляющими подъ-руку по берегу пруда. Онъ что-то говорилъ, что-то веселое и оживленное и локтемъ прижималъ ея руку къ себѣ, а кисть другой шутливо и нѣжно мять въ своей ладони и изрѣдка цѣловалъ. Она улыбалась. Береговичъ пристально вглядѣлся въ обоихъ и не обезпокоился ревностью: ихъ лица были шутливы, но не любовны; они баловались, а не увлекались. Береговичъ не приревновалъ, но разсердился; это — баловство, но баловство неприличное въ глазахъ другихъ и дерзкое по отношенiю къ мужу. Когда въ этотъ день мужъ и жена ложились спать, Береговичъ, аккуратно, какъ и всегда, складывавшiй на стулѣ свою одежду, сказалъ:

— Юля, ты неприлично себя держишь.

— Съ кѣмъ? — „кругло“ глядя на мужа, спросила та.

— То-то вотъ „съ кѣмъ“! Значить, знаешь, съ кѣмъ!

Юлiя Петровна попалась, но не испугалась, а разсердилась: затѣмъ мужъ взялъ верхъ! Ей хотѣлось поправиться, но въ томъ положенiи, въ какое она, попавшись, себя поставила, начинать было нельзя. Она терпѣливо ждала, вытягивая и разсматривая свои обнаженные красивые руки. Мужъ взглянулъ на эти руки и на мгновенiе засмотрѣлся. Она и это себѣ примѣтила. Мужъ заговорилъ снова, и она слушала съ жадностью шахматнаго игрока, смотрящаго на совершаемый ходъ противника.

— Ты не маленькая, — заговорилъ мужъ: — объяснять тебѣ нечего. Ты распустила себя, и я тебѣ это замѣчаю.

— Въ чемъ же я распустилась?

— Это лизанье ручекъ, эти нѣжные взгляды... Совершенный кобель на собачьей свадьбѣ; рожа точь-въ-точь такая.

— Что же мнѣ выдергивать у него руки изъ-подъ губъ? Или кричать на него: „не смѣй нѣжно смотрѣть“?! — какъ можно болѣе съ искреннимъ недоумѣніемъ говорила Юлія Петровна и съ самымъ открытымъ видомъ прибавила: — Притомъ это дѣлается при всѣхъ.

Она сказала это и ждала, что мужъ вспылить и поймаетъ ее во лжи, напомнивъ объ уединенной прогулкѣ по берегу пруда, которую онъ, очевидно, и подсмотрѣлъ. Она слишкомъ хорошо знала мужа, чтобы не отгадать, что онъ видѣлъ эту прогулку. Но и мужъ зналъ жену, и онъ отлично видѣлъ, что она заманиваетъ его къ упреку въ этой прогулкѣ; онъ зналъ и то, зачѣмъ она его заманиваетъ: чтобы сейчасъ же попрекнуть его красивой дивчиной Солохой, которую онъ тоже обнималъ и цѣловалъ на томъ же берегу пруда и тоже попался женѣ. Тогда-то жена не сказала ему ни слова, но теперь ведетъ къ тому, чтобы припомнить это. Береговичъ не попался въ ловушку. Онъ покраснѣлъ, порывисто легъ въ постель, рѣзко завернулся въ одѣяло и, почти прикрикнувъ, сказалъ:

— Много болтать я не буду! Чтобы этого не было, и баста! Поняли?..

„А хорошо это припугнуть бабу“, думалъ Береговичъ, засыпая. Тарасъ Александровичъ держался того мнѣнія, что съ людьми вообще, а съ женщинами въ особенности, не всегда можно ладить добромъ, и гдѣ добро не дѣйствуетъ, надо немедленно пускать въ ходъ строгость: сначала люди—въ особенности женщины—покосятся, а потомъ привыкнутъ, привыкнутъ къ порядку. И Береговичъ, довольный и успокоенный, заснулъ.

Но Юлія Петровна долго не могла заснуть. Она успокоилась, обманувъ мужа; она была отомщена: она взяла верхъ въ шахматной игрѣ, которая началась уже довольно давно, года два тому назадъ. Что игра шла—понималъ и мужъ, но онъ не сомнѣвался въ выигрышѣ, не считалъ игру стоящей вниманія. Не такъ смотрѣла жена. Чѣмъ слабѣе она себя чувствовала, чѣмъ умнѣе и смѣлѣе велъ себя мужъ, чѣмъ больше онъ богатѣлъ, чѣмъ самоувѣреннѣе онъ становился, не только съ нею, но и со всѣми, — тѣмъ больше прибывало у Юліи Петровны желаніе выиграть игру, а до выигрыша дѣлать ходы, которые смущали бы противника.

Игра началась два года тому назадъ, а Юлія Петровна за-

мужемъ была восемь лѣтъ, и до начала „игры“ и не предчувствовала, что когда-нибудь будетъ относиться къ мужу—какъ она относилась къ нему теперь. Первые шесть лѣтъ она любовалась его энергіей и бойкостью. Юлія Петровна не была мечтательницей, была неглупа и понимала людей той среды, гдѣ выросла. А люди эти были или плуты, или рохли. Къ плутамъ, составлявшимъ подавляющее большинство, принадлежали почти всѣ „дѣды“—дореформенное поколѣніе,—часть „отцовъ“, людей шестидесятыхъ годовъ, плутовъ самыхъ противныхъ, потому что корчили они изъ себя не только честныхъ людей, но даже людей угнетенныхъ, даже мучениковъ, и большая часть современныхъ „дѣтей“, великихъ циниковъ. Честныхъ людей почти не было, а которые и попадались, такъ были рохлями, неумѣлыми, нитками, съ жиденькой тепловатой кровью, которая не могла ихъ увлечь ни въ сутолоку грязной, полуварварской, плутоватой русской жизни, ни въ другую крайность, въ такую же полуварварскую, но все-таки чистую борьбу съ этой жизнью. Да и люди этой послѣдней крайности уже перевелись. Береговичъ былъ честенъ, былъ энергиченъ, смѣлъ и практиченъ. Его воля была здоровая воля, не фанатическій порывъ, не безсильное колебаніе. Чтò рѣшено, то исполнено; чтò сказано, то сдѣлано. А дѣлалъ онъ своею честною смѣлостью то, чего не могли сдѣлать плуты хитростями и мошенничествами. Умная Юлія Петровна все это видѣла, и когда Береговичъ сдѣлалъ ей предложеніе и спросилъ, любить ли она его,—совершенно искренно отвѣтила, что любить, и дала свое согласіе. Первые шесть лѣтъ Юлія Петровна была не то что счастлива—для счастья она была слишкомъ спокойна,—а довольна. Мужъ работалъ, работалъ лихо, она была въ немъ увѣрена и погрузилась въ неторопливые и неумотительныя домашнія заботы и комфортабельное пользованіе удобствами, которыя ей доставлялъ мужъ. Все шло отлично, какъ отличный вагонъ по отличнымъ рельсамъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ Юлія Петровна стала замѣчать, что хоть мужу по прежнему отлично, но ей уже не такъ удобно и спокойно: вагонъ время отъ времени начинало покачивать; иногда колеса начинали подозрительно постукивать, а иной разъ встряхивало такъ, что заставляло даже немножко пугаться. То, чтò прежде нравилось ей въ мужъ,—его энергія и бойкость,—стало ее давить. Мужъ работаетъ, наживаетъ, уже заработалъ порядочно,—что же изъ этого? когда это кончится? чѣмъ особеннымъ кончится? А онъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ такой видъ, точно онъ совершаетъ нивѣстъ какіе неслыханные подвиги. Онъ начинаетъ важничать, начинаетъ от-

носиться къ людямъ съ какимъ-то презрѣніемъ, самого себя начинаеть цѣнить очень высоко, хвалить себя, любоваться собою, относиться къ себѣ съ какою-то отеческою нѣжностью. И послѣ этой умиленной нѣжности къ себѣ—вдругъ такой жесткій, грубый, неделикатный окрикъ, не только на чужого, но на жену, на ту самую жену, которой онъ въ первое время проповѣдовалъ, что мужъ и жена—одно, одна душа, одно сердце, одинъ умъ, что иначе онъ не понимаетъ ни любви, ни супружества. Теперь онъ отдѣлился отъ нея, живетъ отдѣльно, только съ самимъ собой, любя только себя.

Иной разъ, покончивъ какое-нибудь хлопотливое и выгодное дѣло, мужъ, обыкновенно послѣ обѣда или вечеркомъ, начиналъ свои полу-шутливыя, полу-искреннія „рѣчи къ самому себѣ“, которыя все больше и больше раздражали жену.

— Нѣтъ-съ, мы не дураки,—съ нѣжной шутливостью говорилъ онъ:—нѣтъ-съ, у насъ есть башка на плечахъ, и не глупая башка. Нѣтъ-съ, мы не мамли. И, смѣю васъ увѣрить, мы еще покажемъ себя и не остановимся на полусотняжкѣ тышеножъ капиталу... Намъ всего тридцать лѣтъ съ годочкомъ, университетъ мы кончили, и не худо,—кандидатомъ-съ—только девять лѣтъ тому назадъ. А за девять лѣтъ, смотрите, чтѣ мы наработали. Мало того: мы еще себѣ женочку заработали, бравую, умную, степенную, послушную. Нѣтъ, мы парень съ головой. Такіе на улицѣ не валяются. Другого такого надо поискать да поискать...

Впервые эти рѣчи начались при покойномъ старикѣ, который принималъ большое участіе въ дѣлахъ Береговича и особенно радовался его удачамъ. Тогда эти рѣчи были веселой шуткой, которую любилъ поддерживать старикъ. Женѣ онъ тоже нравились: она думала о мужѣ совершенно тѣмъ, чтѣ онъ говоритъ о себѣ самъ. Такъ было прежде; но теперь она раздражалась. „Ну, нажился,—думала она про себя;—ну, въ десять разъ еще больше наживетъ. Чтѣ же изъ этого? Не голодать и не холодать мы ужъ давно привыкли, а большаго мы что-то ничего выдумать не можемъ. Вотъ и хваленая голова!“ Иногда жена не выдерживала и рѣшалась высказывать свои мысли вслухъ, конечно, съ малороссійской сдержанностью и осторожностью въ тонѣ и въ выраженіяхъ. Тогда мужъ окидывалъ ее презрительнымъ, тоже на половину дѣланымъ, на половину искреннимъ (жена отлично замѣчала эту искреннюю половину) взглядомъ, отворачивался и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой акаеизмъ самому себѣ.

Что же видитъ онъ дальше своей энергичной наживы?—допрашивала себя Юлія Петровна, допрашивала годъ, другой годъ, все съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ тяжелѣе становился мужъ, и чѣмъ яснѣе ей было, что ея судьба нераздѣльна съ его судьбой. И вдругъ она поняла, что впереди нѣтъ ничего: мужъ становился изъ расчетливаго скупымъ. Когда онъ подходилъ къ желѣзному ящику, гдѣ у него лежали деньги, его лицо сіяло особеннымъ удовольствіемъ. Когда онъ разворачивалъ свои денежные бумаги, онъ втягивалъ въ себя воздухъ, какъ будто у него слюнки бѣжали. Женѣ, которая у него денегъ просила всегда рѣдко и прежде никогда не получала отказа, онъ подъ тѣмъ или другимъ, всегда видимо выдуманномъ, предлогомъ начиналъ отказывать. Прежде онъ вручалъ женѣ бумажникъ и говорилъ: „бери и только скажи, сколько“. Теперь же, если было нужно новое платье, онъ шелъ осматривать старое, и находилъ, что оно еще продержится. Самъ онъ сталъ ходить тоже въ старомъ и часто такомъ рваномъ, что нельзя было и починить. Только въѣвъ дома онъ попрежнему остался франтомъ, во всемъ свѣжемъ, добротномъ и дорогомъ, хотя, одѣвшись такъ, онъ начиналъ относиться къ себѣ уже не только съ нѣжностью, но и съ уваженіемъ, а къ другимъ уже не съ пренебреженіемъ—а съ презрѣніемъ. Скупость начала проявляться и въ мелочахъ. Сначала эти мелочи бывають забавны: вдругъ человѣкъ становится тугъ на покупку спичекъ для дома, вдругъ начинаетъ отрѣзать и собирать бѣлые клочки бумаги отъ получаемыхъ писемъ. Потомъ этихъ мелочей становится все больше и больше, онѣ сливаются въ одно съ не-мелочами, и создается мрачная атмосфера скупости. Умная Юлія Петровна, замѣтивъ развивающійся порокъ мужа, поняла, куда онъ заведетъ; поняла и то, что этотъ порокъ—сѣбна, въ которую упрется ея жизнь. Осторожно и спокойно она пробовала заговорить объ этомъ съ мужемъ, но отвѣтъ получила рѣзкій, съ окрикомъ: „кто-нибудь одинъ долженъ быть главой въ семьѣ, и я полагаю, на основаніи восьми лѣтъ нашего сожитія, что главой долженъ быть я“. Мужу все чаще и чаще начинали приходить въ голову мысли, въ родѣ того, что „баба—всегда баба“, что „женщину распускать нельзя“, „что бабій умъ—игралище бабьихъ фантазій“. Жена въ отвѣтъ на окрики умолкала, сначала отъ недоумѣнія, потомъ изъ осторожности, и это укрѣпляло въ мужѣ увѣренность въ томъ, что кто бы баба ни была, а окрикъ на нее дѣйствуетъ во сто разъ лучше логики или просьбы.

XI.

На другой день послѣ выговора женѣ за цѣлованіе ручекъ Мартовымъ Береговичъ всталъ веселымъ и особенно бодрымъ.

Слегка строптивая, но укрощенная имъ и милая „женка“ еще спала, съ разгорѣвшимся лицомъ и красиво спутавшимися волосами.

Было рано, часовъ пять утра. Береговичъ вышелъ на крыльцо, и его лицо тотчасъ же измѣнилось. Улыбки и нѣжности не было и слѣда. Лицо сразу сдѣлалось хозяйскимъ: брови принахмурились, глаза зорко забѣгали по всѣмъ угламъ и по всѣмъ предметамъ. По состоянію угловъ и предметовъ Береговичъ быстро соображалъ, что теперь дѣлается въ хозяйствѣ. Телѣгъ на обычномъ мѣстѣ нѣтъ: значитъ, какъ и слѣдовало, выѣхали возить хлѣбъ. Поѣхалъ-ли съ ними приказчикъ? Береговичъ заглянулъ въ одно изъ оконъ дома—приказчика въ его комнатѣ не было; Береговичъ заглянулъ въ одно изъ стойлъ конюшни—приказникова лошадь отсутствовала. Значитъ, приказчикъ на мѣстѣ, у телѣгъ. Хорошо! Этотъ приказчикъ былъ человѣкъ надежный: его мужики давно уже грозятся убить. Другой былъ „дуракъ“: даже крикнуть хорошенько на мужика, какъ его Береговичъ ни училъ, не умѣетъ, чуть ли стихи не писалъ и во всякомъ случаѣ держать его не слѣдовало бы, еслибы только можно было найти въ горячую лѣтнюю пору другого. „Дуракъ“ по необходимости былъ обращенъ въ ночного сторожа на току, гдѣ онъ долженъ былъ спать на ворохѣ обмолоченнаго, но непровѣяннаго хлѣба, а должность второго приказчика по-неволѣ взялъ на себя Береговичъ. На току уже молотили: время отъ времени оттуда изъ-за полуверсты отъ дома доносился какъ бы испуганный вой большой паровой молотилки, „бывшей“ пшеницу. Береговичу слѣдовало взглянуть и на молотѣбу, и на возку хлѣба. Обѣжать и то, и другое, значило сдѣлать верстъ пять. Береговичъ пошелъ сначала къ конюшнѣ, осѣдлать себѣ лошадь (сдѣлать это нужно было самому, потому что особаго кучера Береговичъ не держалъ, а смотрѣвшій за лошадьми возилъ теперь хлѣбъ), но о чемъ-то внезапно задумался, почти замечтался, почти заколебался, потомъ лукаво усмѣхнулся и рѣшилъ отправиться пѣшкомъ.

Береговичъ пошелъ, но противъ обыкновенія не своимъ быстрымъ шагомъ, а какъ-то въ развалку, тоже какъ бы мечтательно. Лицо его, едва онъ вышелъ со двора на дорогу, гдѣ его никто не могъ наблюдать, тоже приняло разнѣженное выраженіе. Утро было дивное, теплое, тихое; небо было—одинъ кусокъ темной лазури.

Было бы жарко, еслибы Береговичъ шелъ не вдоль пруда, славнаго, большого, чистаго рыбнаго пруда. Вой молотилки становился явственнѣе, и этотъ вой тоже доставлялъ Береговичу удовольствіе; еще недѣля, и вся пшеница будетъ „сбита“, всей же пшеницы—не шутка, а пятнадцать тысячъ пудовъ. Береговичъ шелъ и усмѣхался; кругомъ теплынь, обиліе, довольство, благодать, сила и удовольствіе. И все это идетъ отъ кого же? отъ него, отъ его энергіи и умѣнья. Не всякій себѣ все это завоевать съумѣетъ и сможетъ. И какъ вѣнець всего завоеванія—красивая жена и... и Береговича почти потрясла мечта о другой женщинѣ, и, вмѣсто того, чтобы идти къ току, онъ повернулся и, оглядываясь по сторонамъ, пошелъ совсѣмъ въ противоположную сторону.

Онъ шелъ, и его воображеніе съ каждымъ шагомъ воспламенялось все больше. Рядомъ съ воображеніемъ работала и мысль. „Измѣняю женѣ,—думалъ онъ.—Измѣна! Что за глупость! Будь я магометанинъ или мормонъ, и никакой бы измѣны не было. Говорятъ, многоженство безнравственно. Не безнравственно, а вредно; но чтобы не было вредно, на то есть характеръ, а у меня ли не характеръ и не сила воли! Вѣдь не гаремъ же я завожу, не распутничаю же я. Наконецъ, эта, другая, не жена же, а просто пріятная, правда, очень пріятная, необходимость. Воли я ей не дамъ, зазнаться не позволю. Да кромѣ того, послѣ нея, я и жену люблю и желаю больше... Однимъ словомъ, если у человѣка есть умъ и есть воля, какъ у меня, ему позволено все то, что онъ себѣ считаетъ возможнымъ позволить. Не зарвется!“

Эти мысли совершенно успокоили Береговича, и онъ шелъ дальше безъ всякихъ колебаній. Сначала онъ шелъ берегомъ пруда, потомъ незамѣтно исчезъ въ оврагъ, шедшемъ отъ пруда наверхъ, въ степь, быстро прошелъ оврагъ, и затѣмъ, пройдя версты двѣ, сначала полемъ своей скошенной и связанной пшеницы, потомъ дорогой, онъ, наконецъ, остановился у избы, гдѣ жилъ его полевой сторожъ. Сюда онъ пришелъ ниѣмъ незамѣченный. Потому-то онъ и верхомъ не поѣхалъ, и усмѣхался такъ лукаво, когда рѣшилъ не ѣхать, а идти.

Оставалось, на всякій случай, и въ избу войти съ видомъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ настоящей цѣли посѣщенія.

Береговичъ подошелъ къ дверямъ озабоченно, быстро отдернулъ ихъ и зычно крикнулъ въ избу:

— Артемъ!

— Артема нѣту,—отвѣтила тихій, мягкій глѣвучій контральто на малороссійскомъ языкѣ.

— Не Артемъ, такъ кто-нибудь!—съ досадой повторилъ Береговичъ.

— Никого нѣту.

Сердце Береговича жутко и сладко забилося, и онъ вошелъ въ темную, низкую небольшую хату съ выбитымъ землянымъ поломъ, лавками вдоль стѣнъ, столомъ и большой печью въ углу. При входѣ Береговича съ лавки поднялась крестьянская женщина.

— Добраго утра!—сказала она почтительно, какъ бы стыдясь и съ видомъ скромной сообщницы.

— Добраго утра!—отвѣтилъ Береговичъ, и его голосъ тоже звучалъ какъ будто смущеніемъ.—Что, завтракъ готовишь рабочимъ?

— Завтракъ. — Береговичъ подошелъ къ женщинѣ ближе, и она заговорила смущеніе и типе: — Чистила картофель, будетъ картофель вар...—Женщина умолкла на полусловѣ, потому что Береговичъ обнялъ ее. Это была та „черноземная“ блондинка, которую видѣли въ день пріѣзда купающеюся въ прудѣ Мартовъ и Помятовъ. Она умолкла, какъ бы задохнувшись, и задохнулась, какъ бы въ отвѣтъ на ласку. Ея глаза смѣло устремились на близкое лицо Береговича, но это была смѣлость страсти. Береговичъ забылся отъ любви. Онъ никогда не повѣрилъ бы, что въ это самое время на чердакѣ только-что спрятался отъ него красивый кочегаръ молотилки, которая была хлѣбъ Береговича. Да и трудно было повѣрить—такъ искусно притворялась женщина. А можетъ быть, она и не притворялась вовсе. Вѣдь не притворялся же Береговичъ, когда цѣловалъ жену, а потомъ ходилъ къ этой женщинѣ. Женщина была та самая Солоха, съ которой Береговичъ разъ попался женѣ. Потихоньку отъ жены онъ поселилъ ее тутъ въ сторожкѣ.

Назадъ отъ избы Береговичъ шелъ совсѣмъ разнѣженный и разсуждалъ еще болѣе свободно. „Хорошо жить на свѣтѣ,—думалъ онъ.—Самъ любишь, тебя любятъ, солнце грѣетъ. Если чтѣ случится, ты женщину не бросишь, потому что у тебя есть деньги, и сама она, и ребенокъ, будутъ обезпечены... Ахъ, деньги, деньги! Какъ вы, каналы, необходимы! И хорошо, что я знаю, какъ васъ добывать!“

Береговичъ всѣмъ былъ доволенъ, даже будущимъ, въ которое онъ заглядывалъ. Чѣмъ больше денегъ, тѣмъ глаже идетъ жизнь. Стало быть, никогда не нужно упускать случая умножать и сберегать состояніе. Ротъ теперь какъ это вышло глупо съ этимъ имѣньемъ! Ни съ того, ни съ сего цѣлыхъ тридцать тысячъ прошли мимо носа. Ну, на что эти тридцать тысячъ этому

оглашенному сочинителю! Вѣдь онъ ихъ пропьетъ, въ займы раздастъ, на какое-нибудь никому ненужное изданіе истратитъ. Тридцать тысячъ!

„А что,—думалъ Береговичъ, пытливо прищуриваясь и глядя вдаль,—а что еслибы жена выманила имѣнье у Мартова? Онъ вѣдь оглашенный. Встрѣть его такъ, какъ сейчасъ меня встрѣтила Солоха, вѣдь онъ растаетъ. Теперь вотъ жена ему еще никакихъ милостей не оказываетъ, только позволяетъ ручки цѣловать—и то иной разъ у него совсѣмъ разслабленная фізіономія. Парень несомнѣнно съ задаткомъ прогрессивнаго паралича, а съ такимъ молодцомъ искусная баба все, что захочетъ, сдѣлать можетъ. Конечно, Мартовъ потребуеъ сильныхъ средствъ“...

Береговичъ прищурился еще больше и даже нѣсколько замедлилъ походку.

„Ну, что измѣнится, если жена отдастся Мартову?!—на половину спросилъ себя, на половину воскликнулъ Береговичъ.—Измѣнится только наше состояніе: станетъ сразу почти вдвое больше. А больше что измѣнится? Что измѣнилось отъ того, что я сейчасъ видѣлся съ Солохой? Чужого ребенка бояться? такъ не дѣвочка же Юлія: никакого ребенка тутъ не будетъ... Нехорошъ обманъ? правда, это некрасиво, даже очень некрасиво. Мартовъ прямо можетъ чортъ знаетъ что ей въ лицо сказать... Но зачѣмъ же обманъ, зачѣмъ подличать? Не нужно ни того, ни другого. Влюбить его въ себя хорошенько и откровенно ему и сказать: старикъ имѣнье мнѣ съ мужемъ хотѣлъ оставить, да не успѣлъ. Вы... вы—писатель, вы—герой, ну, тамъ, возвышенный: исправьте же ошибку судьбы. Ну, тамъ: „мнѣ хотѣлось бы независимости отъ мужа, независимаго состоянія“. Однимъ словомъ, бабы ужъ тамъ умѣютъ обмануть такъ, что и на страшномъ судѣ обмана не докажешь... Оттого-то ни уличать ихъ, ни доказывать ничего нельзя, а надо прикиривать“...

Береговичъ шелъ все прищурившись, ступая все осторожно и думая, но не додумывая до конца. Ему хотѣлось спросить себя: не намекнуть ли на всѣ эти обстоятельства женѣ? Но Береговичъ даже и спросить себя объ этомъ не рѣшался. Только какъ будто кто-то другой, кто-то шедшій рядомъ съ нимъ подумалъ: „авось сама догадается сдѣлать, она вѣдь не дура!“ Береговичъ какъ будто эту мысль нечаянно услышалъ, но сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Онъ встрепенулся и быстро двинулся впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ на молотбѣ, и при немъ дѣло пошло еще скорѣе. Онъ велѣлъ привести сюда лошадей и съѣздили и туда, гдѣ возили пшеницу съ поля. До са-

маго обѣда онъ не сходилъ съ работъ и вернулся домой грязный, запыленный, потный, но бодрый и веселый, сверкая зубами и глазами. Ёль онъ за пятерыхъ. Пообѣдавъ, опять исчезъ. Ни любовныя утѣхи, ни мечты о тридцати тысячахъ не должны были ему помѣшать поспѣть со своей пшеницей какъ можно раньше; цѣны угрожали позднѣе подняться внизъ.

ХП.

Уже двѣ недѣли гостили наши петербургскіе герои у героевъ уѣздныхъ, и за это время дѣйствія ихъ успѣли сильно подвинуться впередъ, чѣмъ мы и воспользуемся для продолженія нашего разсказа.

На противоположныхъ берегахъ пруда то ходили, взявшись подъ руки, то сидѣли на травѣ двѣ пары: Помятовъ съ Маней и Мартовъ съ Юліей Петровной. Это было утро, часовъ около десяти, сейчасъ послѣ утренняго чая.

— Я чувствую себя сегодня какъ-то особенно хорошо, свѣжо и даже счастливо!—воскликнулъ Мартовъ.

— Отчего вамъ быть несчастливымъ?!—отвѣтила Юлія Петровна.

— Да я себя почти всегда чувствую несчастнымъ.

— Не понимаю. Чего вамъ недостаетъ?

— Спросите лучше, что у меня есть?

— Все,—рѣшительно сказала Юлія Петровна.

— Да вы это шутите? или серьезно?—удивленно спросилъ Мартовъ.

— Совсѣмъ серьезно. Живете вы въ столицѣ, въ самомъ, самомъ центрѣ всего умнаго, красиваго, удобнаго, роскошнаго. Сами вы пользуетесь извѣстностью. Средства у васъ есть. А самое главное, вы—мужчина.

Послѣднія слова Юлія Петровна произнесла такъ серьезно, что Мартовъ спросилъ:

— А вамъ очень бы хотѣлось быть мужчиной?

— Очень. Мужчины—счастливы.

— Чѣмъ? Что бы вы дѣлали, еслибы были мужчиной?

Юлія Петровна не отвѣчала, загадочно глядя вдаль.

— Ну, отвѣчайте же!—смѣясь настаивалъ Мартовъ:—говорите же... Ну, шабашъ, нашло хохлацкое упрямство! Теперь изъ васъ слова не выжмешь! Говорите же!—И Мартовъ сначала сталъ

легонько дергать ее за руки, а потомъ цѣловать ихъ, все упрямая говорить.

— Во-первыхъ, я никогда бы не женилась, — наконецъ сказала она.

— Почему?

— Потому что зачѣмъ мужчинѣ жениться, когда онъ можетъ любить свободно?!

Мартовъ насторожился.

— Кто же женщинѣ мѣшаетъ свободно любить? — сказалъ онъ.

— Все мѣшаетъ.

— А именно?

— Да вотъ хоть бы у нея смѣлости нѣтъ, у нея самолюбіе какое-то дикое, никогда первая не начнетъ; наконецъ, стыдливость. Трусость, наконецъ...

— Вы, напимѣръ, развѣ вы трусливы?

— Н-не знаю.

— Кто изъ васъ первый объяснился: мужъ или вы?

— Конечно, мужъ! — смѣясь, воскликнула Юлія Петровна.

— Трусиха, жалкая трусиха! — закричалъ Мартовъ, съ нѣжностью глядя, какъ привлекательно смѣется его собесѣдница. — Презрѣнная трусиха! — И онъ сталъ цѣловать ея руки...

— Ну, довольно! — тихо, но съ твердостью сказала она.

Мартовъ притихъ и нѣкоторое время шелъ молча.

— Такъ вы находите, что я долженъ быть счастливъ? — началъ онъ послѣ молчанія и серьезно. — Все, что вы наговорили, вовсе не такъ хорошо и пріятно. Петербургъ вовсе не такъ изыщенъ и уменъ, какъ вы думаете. Онъ грубъ и все больше и больше грубѣетъ. Имъ завладѣваетъ нарождающаяся русская буржуазія, а она куда хуже насъ, стараго времени дворянства. И намъ тяжело: во всемъ мы должны идти не впередъ, а назадъ, и въ политикѣ, и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Понимаете вы наше положеніе? — спросилъ онъ, воодушевляясь затронутой имъ темой.

Юлія Петровна утвердительно кивнула головой съ тѣмъ преувеличенно умнымъ видомъ, съ какимъ женщины слушаютъ серьезные рѣчи. Юлія Петровна, впрочемъ, понимала Мартова, который говорилъ ясно и просто, и это ей льстило. Кромѣ того, Мартовъ, когда его мысль работала, становился гораздо красивѣе.

— Понимаете вы, — продолжалъ Мартовъ, — что мы не можемъ не скучать! А чтобы прогнать скуку, многое множество изъ насъ бражничаютъ, выпиваетъ, по трактирамъ сидитъ. А завелась такая привычка, и женщинѣ мы себѣ подъ стать подби-

раемъ. Видите сами, какое тутъ можетъ быть счастье. — Мартовъ приостановился и потомъ съ увѣренностью добавилъ:

— Вотъ кто долженъ быть счастливъ, — вы!

Мартовъ сказалъ это, и къ удивленію увидѣлъ, что при его словахъ по лицу собесѣдницы пробѣжала легкая судорога, не то неудовольствія, не то нравственной боли, не то даже отвращенія.

— А развѣ вы несчастливы!!! — ловя женщину на этомъ безмолвномъ выраженіи отрицанія его словъ, воскликнулъ Мартовъ.

Странное чувство съ необыкновенной силой овладѣло въ это мгновеніе Мартовымъ. Его вдругъ сильно потянуло къ собесѣдницѣ, и физически, и душевно, къ ея чистой женской ласкѣ и расположенію: этой чистой ласки онъ почти не испытывалъ, почти не зналъ, но часто жаждалъ вмѣсто хмельныхъ и грязныхъ объятій тѣхъ женщинъ, съ которыми онъ въ Петербургѣ бражничалъ. Его тянуло къ ней, и кто знаетъ? — можетъ быть, онъ успѣетъ у нея. Чтѣ означала эта тѣнь, эта судорога, пробѣжавшая по ея лицу? Она несчастлива, не любитъ мужа? значить, она свободна? И не дастъ ли она ему эти ласки, о которыхъ онъ иной разъ такъ жалобно мечталъ? Но самое главное: любить ли она мужа? И Мартовъ пристально смотрѣлъ прямо въ глаза Юліи Петровнѣ... Его взглядъ въ это мгновеніе желаній, ожиданія и тревоги сдѣлался нервнымъ, тяжелымъ и пытливымъ. Она вдругъ сильно смутилась подъ этимъ, еще неизвѣстнымъ ей въ немъ, взглядомъ.

— Такъ вы несчастливы? — повторилъ онъ, не спуская глазъ съ Юліи Петровны.

Она попробовала выдержать его взглядъ, но не смогла.

— Что вы такъ смотрите? — стараясь улыбнуться, сказала она.

— Что же, вы не любите мужа? мужъ не любитъ васъ? — не торопясь и негромко, но все нервнѣе и все глубже и глубже погружая свой взглядъ въ ея глаза, спрашивалъ онъ.

Она смущалась все больше. „Какое вамъ дѣло!“ — хотѣла она сказать и дѣйствительно сказала, но не сурово и съ досадой, а со слабымъ смущеніемъ, смѣшкомъ.

Ея смѣхъ имѣлъ власть надъ Мартовымъ. Едва она засмѣялась, его не только потянуло къ ней, — онъ вспыхнулъ мгновенной и любовью, и страстью къ ней. Какъ же было ему не попытаться, сейчасъ же, сію же минуту, любить она мужа, или нѣтъ, можетъ ли онъ надѣяться, или нѣтъ? И взглядъ его приобрѣлъ надъ ней еще болѣшую власть.

— Вижу, вы его не любите, — шепталъ онъ, прижимая ея руку, за которую онъ ее вель, къ себѣ.

— Нѣтъ, люблю,—прошептала она и опять растерянно усмѣхнулась.

— Нѣтъ, не любите. — Онъ вдругъ обнялъ ее и съ силой откинулъ навзничь себѣ на руку. „Что же это такое? Какой онъ сильный, какой онъ наглый! И чѣмъ это кончится?“ мелькнуло въ головѣ у Юліи Петровны. Въ это мгновеніе она почувствовала теплыя и мягкія губы, прильнувшія къ ея губамъ; эти губы раздвинули ея уста и замерли въ долгомъ поцѣлуѣ. „Это первый, кромѣ мужа, кто меня цѣлуетъ! Что же это? И безъ спроса, и безъ просьбы, и безъ моего согласія! Это грѣхъ, и грѣхъ вовсе не такой сладкій, чтобы его совершить!“—на половину думала, на половину чувствовала Юлія Петровна...

— Нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ!—говорила она, выскальзывая у него изъ рукъ, какъ ни крѣпко держалъ онъ ее.

Она поспѣшно, какъ бы въ бѣгствѣ, бросилась къ усадьбѣ и торопливо, озабоченно оправляла на себѣ платье и волосы.

XIII.

На другой сторонѣ пруда у Помятова съ Маней дѣло шло иначе. Такъ не шутили, а проводили время серьезно,—и онъ, и она.

Они сидѣли надъ ключомъ, который изъ-подъ высокого берега бѣжалъ въ прудъ. Ключъ былъ въ разрытой ямѣ и сочился изъ ея воронкообразнаго дна. Надъ ними стояло нѣсколько вербъ и отбѣляло и воду, и густую коротенькую мураву, и нашихъ героевъ, расположившихся на плѣдахъ. Съ ними былъ стаганъ для воды, коробка конфетъ и книга. Конфеты истребляла, и въ огромномъ количествѣ, Маня, а доставлялъ ихъ ей Помятовъ. Книгу читалъ Помятовъ: это были „Карамазовы“ Достоевскаго. Теперь чтеніе было приостановлено, и парочка бесѣдовала.

— Знаете, кто напоминаетъ мнѣ стараго Карамазова?—сказалъ Помятовъ:—Павелъ Ивановичъ Мартовъ.

— То-есть, чѣмъ?—спросила Маня и, запнувшись, прибавила.

— Развѣ онъ такой же?

— Такой же!..—воскликнулъ Помятовъ.—Онъ мнѣ большой пріятель. И бесѣдовать я съ нимъ готовъ, и человѣкъ онъ вѣрный, и выпить молодецъ...

— Выпить?!..—съ шутилой угрозой сказала Маня.—А обѣщаніе! а наказаніе!

Маня говорила шутя, но и по этой шуткѣ было видно, что она уже приобрѣла надъ Помятовымъ власть. Обѣщаніе, о кото-

ромъ она говорила, было дано Помятовымъ не пить ничего спиртного. Наказаніе состояло въ томъ, что Маня на цѣлый день запиралась въ свою комнату. Помятовъ, въ отвѣтъ на шутивую угрозу Мани, засмѣялся съ такимъ видомъ, который говорилъ, что и думать нечего, что онъ посмѣетъ нарушить свое обѣщаніе, и продолжалъ:

— Словомъ, Мартовъ очень хорошій человѣкъ, но Карамазовъ.

Помолчали. Во время молчанія улыбались: вѣдь такъ пріятно позволословить насчетъ пріятелей.

— Знаете ли, — сказала она, — ему здѣсь есть хорошая парочка.

— Кто? хозяйинъ?

— Нѣтъ, милѣйшая наша Юлія Петровна.

— Что вы! — воскликнулъ Помятовъ.

Маня многозначительно кивнула головой.

Маня и Помятовъ вели эту бесѣду, основанную на большомъ недоразумѣніи. Не Помятовъ первый началъ читать молодой дѣвушкѣ „Карамазовыхъ“ и бесѣдовать съ ней о подобныхъ характерахъ. Начинала первая она, и Помятовъ хотя и находилъ, что странно нынче въ провинціи воспитываются дѣвушки, но не могъ удержаться отъ удовольствія бесѣдовать такъ пикантно, и отвѣчалъ Манѣ въ тонъ, думая, что это здѣсь такъ принято. Маня думала, что такъ принято у умныхъ людей въ Петербургѣ, и спокойно разсуждала о сладострастіи, полагая, что значительный элементъ этого порока, между прочимъ, составляетъ также и слабость вкусно и много ѣсть; а любовницами она называла тѣхъ женщинъ, которымъ цѣлуютъ не руки, не щеки, не лобъ — это все поцѣлуй родителей, сестеръ и кавалеровъ, — а губы. Ей даже хотѣлось разспросить Помятова, точно ли это такъ, какъ она предполагаетъ, но пока она еще не рѣшалась. На всякій же случай Помятову она позволяла цѣловать себѣ только руки — поцѣлуй кавалера. Манѣ было всего шестнадцать лѣтъ, и была она изъ семьи, въ которой, какъ и у Береговичей, хоть по распущенности и болтали зря все, что на умъ взбредетъ, но на дѣлѣ распутствамъ не предавались.

— Неужели Юлія Петровна — Карамазовъ? — продолжалъ Помятовъ. — Почему же вы такъ думаете?

— Не думаю, а знаю.

— Что же, у нея есть пріятели?

— Скоро будутъ.

— Мартовъ?

Маня кивнула головой. Она видѣла, какъ Мартовъ цѣловалъ

Юлія Петровнѣ ручки въ сгибъ локтя, и не сомнѣвалась, что это почти одно и то же, что поцѣлуй въ губы. Позволять же себя такъ цѣловать — доказательство сладострастія и карамазовщины.

— Ну, скажите, пожалуйста, а Береговичъ, онъ — тоже Ѳедоръ Павловичъ? — спросилъ Помятовъ, все еще не догадываясь, что онъ „связался съ младенцемъ“.

И тутъ Маня кивнула головой утвердительно. Чѣмъ больше набиралось Карамазовыхъ, тѣмъ печальнѣе она становилась. Что Береговичъ былъ сладострастникъ, это у нея слѣдовало изъ того, что онъ былъ мужемъ такой жены, какъ Юлія Петровна. Маня думала, что настоящая супружеская любовь — платоническая... Она имѣла причины подозрѣвать, что Береговичи думаютъ иначе, и причислила ихъ къ супружествамъ безнравственнымъ. Маня припомнила, что она бесѣдовала объ этомъ и съ Сережей въ періодъ ихъ дружбы, длившейся отъ пріѣзда Мани сюда въ имѣніе до появленія петербургскихъ гостей. Сережа не находилъ Береговичей безнравственными, но доказать этого Манѣ не могъ, потому что, сколько ни рѣшался, не былъ въ состояніи пуститься въ подробности. Вышло изъ этого, что теперь Маня, припоминая *взгляды* Сережи на супружескія отношенія, и его самого тоже причислила къ Карамазовымъ. Словомъ, Карамазовыми оказались всѣ, — всѣ были грѣшники, всѣ безнравственные. Маня огорчилась, сообразивъ это, помолчала и вдругъ обратилась къ Помятову, покраснѣвъ и пристально вглядываясь въ его глаза:

— А вы? — спросила она.

— Чтò: я?

— Вы такой же, какъ и всѣ они?

— Нѣтъ! — рѣшительно и смѣло отвѣтилъ онъ: — нѣтъ, для меня любовь — таинство, а не гастрономія, не забава. Для меня женщина — человѣкъ, но созданный такъ, что я могу любить его больше всякаго мужчины, какъ бы дорогъ онъ для меня ни былъ; это — воплощеніе любви. А любовь это все. Міръ держится любовью. Вотъ, кончимъ съ вами „Карамазовыхъ“, — прочтемъ великолѣпную книгу объ „Аннѣ Карениной“, Громеки. Тамъ съ поразительной ясностью доказано, что причина всѣхъ человѣческихъ несчастій — скудость въ его сердцѣ источника любви. Любовь — солнце. Полюби, — и для тебя настанетъ день, настанетъ счастье, радость, веселье, полнота жизни. Безъ любви — будешь влечить карамазовское, поганое существованіе.

— О какой же любви говорится у этого Громеки? — спросила Маня: — о платонической или... — она смутилась и не окончила. Видимо, любовь сильно занимала ее, и она плохо понимала, что

это въ сущности такое, и что такое въ точности разные виды любви.

— Любовь только одна,—воодушевляясь, подымаясь на ноги и начиная дѣлать свои жесты складного аршина,—отвѣчалъ Помятовъ.—Любовь одна: это желаніе ближнему добра. Эротическая любовь сама по себѣ не любовь, но она могучій союзникъ любви. Объятіе, поцѣлуй удесатеряютъ силу истинной любви. Эротическая любовь родитъ дѣтей, даетъ семью, а семья еще болѣе усиливаетъ любовь. Въ этомъ отношеніи я высоко ставлю эротическую любовь, къ которой вы относитесь, кажется, съ презрѣніемъ.

Дѣвушка молчала, но видимо усиливалась сказать что-то.

— Грязно это... — прошептала она, что-то разглядывая въ травѣ.

— Что грязно?—покраснѣвъ, спросилъ Помятовъ.

— Эта любовь... не платоническая.

— Ахъ!—усмѣхнулся Помятовъ съ облегченіемъ: ему показалось, что грязнымъ дѣвушка назвала всю ихъ бесѣду (онъ былъ очень близокъ къ истинѣ). — Ахъ, вы вотъ про что! Все, что дѣлается во имя любви, не грязно. Никто и не подумаетъ назвать грязнымъ дѣло сестеръ милосердія, а ужъ что можетъ быть въ прямомъ смыслѣ грязнѣе и противнѣе?.. Да и что тутъ грязнаго въ поцѣлѣ, въ объятіи?

Дѣвушка молчала. И поцѣлуй, и объятіе, все-таки казались ей грязными. Чиста была только такая любовь, какую она почувствовала, любясь раскрашеннымъ ею фотографическимъ Байрономъ, въ котораго она была влюблена. Странное дѣло: и тамъ были поцѣлуи, даже объятія, но полусознанные, возвышенные, чистые и необычайно сладкіе. Дѣвушка была въ недоумѣніи. Предъ нею теперь тоже знаменитый человѣкъ, а между тѣмъ эта живая знаменитость говорить, что испытанной ею въ мечтахъ любви не существуетъ. Дѣвушка молчала, вырывая траву и бросая ее въ источникъ. Наконецъ, мечтательная, самодовольная и презрительная улыбка появилась на ея губахъ.

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь,—равнодушно проговорила она, наконецъ:—вы, должно быть, не любили по настоящему.

— А вы?—встревоженно спросилъ Помятовъ. Дѣвушка говорила такъ увѣренно, что ему пришло на умъ, что или онъ, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ истинной любви, или эта дѣвушка въ кого-то влюблена.

— Я?—переспросила она.—Можетъ быть.

— Сережа? Да?—еще взволнованный спрашивалъ онъ. Она не отвѣчала.

— Ну, отвѣйте же!

— Затѣмъ вамъ?

— Ужъ это мое дѣло,—почти грубо сказалъ онъ, не отрывая глазъ отъ ея блѣднаго, страннаго, худощаваго, страстнаго личика, съ темными бровями и толстыми губами.

— Ну, если такъ, то—да.

Долго молчалъ Помятовъ, вынувъ перочинный ножъ и срѣзывая кору съ ветлы, около которой онъ стоялъ. Его лицо не было видно. Когда онъ, наконецъ, заговорилъ, его голосъ слегка дрожалъ.

— Такъ вотъ какъ!—говорилъ Помятовъ.—Искусно скрывали. Вы, я вижу, опытни въ амурныхъ дѣлахъ. Можно было заподозрить кого угодно, только не вашего Сережу. Чтожъ, человѣкъ вполне достойный настоящей, какъ вы сказали, любви; настоящій человѣкъ, гимназистъ, уменъ, поразительно хорошъ собой, худѣтъ и желтѣетъ отъ зависимости хохловъ отъ Россіи. Да, онъ можетъ внушить настоящую любовь, чистую, необычайно чистую: у него такое чистое лицо и такіе синіе круги подъ глазами...

Помятовъ долго говорилъ бы еще, еслибы Маня весело и звонко не разсмѣялась. Трудно было ожидать, что такая на видъ угрюмая и страстная дѣвушка можетъ смѣяться такъ звонко и беззаботно. Помятовъ, услыхавъ ея смѣхъ, умолкъ.

— Чего вы смѣетесь?—спросилъ онъ, повеселѣвъ.

— Смѣюсь, потому что вы смѣшной.

— Чѣмъ же смѣшной?—не оборачиваясь, усиленно работая ножикомъ и улыбаясь, продолжалъ онъ.

— Тѣмъ, что сейчасъ же повѣрили.

Помятовъ помолчалъ.

— Я не особенно и повѣрилъ, а все-таки ужасно досадно стало,—сказалъ онъ.

— Отчего досадно?

— Оттого, что я вамъ уже говорилъ нѣсколько разъ: я не хочу, чтобы васъ кто-нибудь любилъ и чтобы вы кого-нибудь любили.

Онъ обернулся. Дѣвушка смотрѣла на него съ веселой и слегка насмѣшливой нѣжностью. Его ревность казалась ей смѣшной и милой, а насмѣшливость появилась у нея тотчасъ же, какъ только она увидѣла, что Помятовъ увлеченъ ею. Первый разъ ухаживаютъ за дѣвушкой, и сразу же, точно ученая, она стала командовать ухаживателемъ. Ужъ такая эта порода понятливая.

— Отчего же это вы не изволите хотѣть-съ?—спрашивала дѣвушка съ прежней насмѣшливостью и презрительностью.

— И это я вамъ уже говорилъ.

— Не помню.

— Оттого, что я хочу любить васъ.

— Глупости!—прошептала дѣвушка и стала серьезной. Ей пришелъ въ голову вопросъ: чтѣ выйдетъ изъ любви Помятова къ ней? Она можетъ, если захочетъ, уѣхать съ нимъ въ Петербургъ, можетъ войти въ общество знаменитостей; кто знаетъ—сама станетъ знаменитостью: ей, на примѣръ, всегда казалось, что у нея необыкновенныя способности къ педагогикѣ,—изъ нея выйдетъ второй Стоюнинъ. И поѣздка, и жизнь въ Петербургѣ будутъ стоить много денегъ, но Помятовъ богатъ. Чѣмъ же она отплатитъ ему? она полюбитъ его, она станетъ его любовницей (прошу читателя припомнить, что Маня вполнѣ ясно не знала, чтѣ такое любовница). Воображенію дѣвушки вдругъ представился Петербургъ въ видѣ — странное дѣло!—растворяющихся колоссальныхъ золотыхъ церковныхъ царскихъ вратъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ то же внезапное и произвольное усиліе воображенія, нарисовавшее ей Петербургъ, заново и ярко напомнило ей, что Помятовъ—знаменитость. И этотъ Помятовъ ее любитъ, ей повинуются, какъ ребенокъ нянькѣ. И Манѣ стало весело, такъ весело, что она поднялась на ноги, ногой разбросала въ разные стороны пледъ, зонтикъ, стаканъ, и остановилась въ недоумѣніи, какъ бы спрашивая себя: зачѣмъ она все это сдѣлала? Помятову она въ эти мгновенія казалась удивительно привлекательной. Ея движенія были ловки и гибки; слабый румянецъ покрылъ ея блѣдныя, смуглыя щеки; а темныя, сѣрые глазки въ черныхъ рѣсницахъ смотрѣли и сурово, и весело, и съ недоумѣніемъ. Помятовъ любовался ею, и какъ влюбленный, и какъ художникъ. И художникъ умѣрять въ немъ пылъ любовника. Художникъ все охлаждалъ послѣдняго, ощутивъ жажду наблюдать и творить, спрашивая себя, какая это картина создается въ немъ при созерцаніи этой дѣвушки? А картина создавалась: какая-то стройная и сильная работа — Помятовъ это чувствовалъ—совершалась въ немъ. И онъ любилъ дѣвушку двойной любовью: и какъ женщину, и какъ будущую картину, какъ любовницу и какъ свое дѣтище.

— Что же вы! Собирайте всю эту дребедень и идите. Пора обѣдать!—повелительно и шутливо сказала Маня.

— Соберу, но съ условіемъ, что позволите поцѣловать руку.

— Не позволю.

— А я не соберу.

— Украдуть, жалѣть не буду: вашъ пледъ.

— А я буду жалѣть и все-таки не соберу, если не разрѣшите поцѣлуя.

— Не разрѣшу.

И Маня пошла прочь. Помятовъ за ней. Помятовъ заговорилъ о чемъ-то постороннемъ оставленнымъ на произволъ судьбы вещамъ и поцѣлуя, котораго онъ просилъ. Маня смѣялась этому равнодушію Помятова къ пледу, конфетамъ и книжкѣ, вызванному влюбленностью въ нее, не слушала и все смѣялась. Помятовъ продолжалъ выдерживать роль нарочно для того, чтобы его спутница не переставала смѣяться, и спрашивалъ себя: долго ли онъ будетъ такъ счастливъ, какъ сегодня, какъ въ это время, которое проходило здѣсь, въ усадьбѣ, въ обществѣ Мани?

XIV.

Обѣды, вообще собранія всѣхъ обитателей усадьбы вмѣстѣ перестали быть такими оживленными, какими они были въ первое время петербургскихъ гостей. Обѣ пары, Маня съ Помятовымъ и Юлія Петровна съ Мартовымъ, оживлялись только во время своихъ *tête-à-tête*, а за общимъ столомъ не то скучали, не то конфузились, не то даже злились. Береговичъ весь ушелъ въ свои дѣла и сталъ ѣсть по прежнему молча, о чемъ-то усиленно думая, сопя шумно и скоро; и одѣваться онъ сталъ, какъ одѣвался до пріѣзда гостей: неряшливо и грязно. Сережа постоянно былъ погруженъ въ тяжелую ироническую задумчивость, въ ту задумчивость, во время которой современные юноши или ничего не выдумываютъ, несмотря на то, что она длится иной разъ годы, или выдумываютъ какое-нибудь такое нравственное уродство, что и Достоевскому не каждый день снилось.

Въ такомъ же видѣ собрались наши герои къ столу и на этотъ разъ. Дамы передъ обѣдомъ немножко прифрантились и подтянулись, что придавало имъ, въ соединеніи съ дурнымъ настроеніемъ духа, которое овладѣвало ими, когда онѣ сходились, видъ какихъ-то сердитыхъ англичанокъ. Даже Береговичъ замѣтилъ это и удивленно посмотрѣлъ на дамъ; дамы посмотрѣли на него сердито. Оживленіе остальныхъ былъ Мартовъ, который не то что чувствовалъ себя виноватымъ передъ Юліей Петровной, а не зналъ, какъ приняла она происшедшую между ними сегодня поутру сцену, и потому суетился.

Начало обѣда прошло въ натянутомъ молчаніи.

— Что-то вашъ пледъ теперь дѣлаетъ?—сказала Маня Помятову.

— Какой пледъ?—спросилъ Береговичъ.

Маня объяснила, въ чемъ дѣло. Береговичъ, глядя на нее, пожалъ плечами и раздраженно велѣлъ слуганѣмъ послать кучера за пледомъ, пока его не украли.

— Кучеру нельзя идти,—вполголоса сказала мужу Юлія Петровна.

— Пошли кучера. Слышала?—еще раздраженнѣе повторилъ Береговичъ.

— Кучеру нельзя идти,—раздражаясь, перебила Юлія Петровна:—онъ вертитъ мороженое.

— Все равно, пускай идетъ. Иначе украдутъ,—бросая сердитый взглядъ на жену и возвышая голосъ, сказалъ мужъ.

— Пускай неидетъ! — приказывала жена:—иначе мы останемся всѣ безъ пирожного.

Мужъ поблѣднѣлъ и потихоньку, какъ будто одной женѣ, но все-таки всѣмъ слышно проговорилъ:

— Кто-нибудь одинъ долженъ приказывать. Слышите?

Поблѣднѣла и жена и опустила голову къ кушанью. Ея руки слегка дрожали. Дрожали они и у мужа. Выходило непріятно и скверно. Помятовъ поднялся со стула.

— Я принесу этотъ несчастный пледъ!—воскликнулъ онъ и вышелъ.

Становилось тяжело. „Какая скотина!“—подумалъ про Береговича Мартовъ, видя въ немъ зачинщика непріятной сцены и особенно увидѣвъ, что тотъ допустилъ, ни слова не сказавъ, Помятова уйти. „Какая скотина!“—повторилъ онъ, вглядываясь и въ поблѣднѣвшую Юлію Петровну, которая очень похорошѣла, поблѣднѣвъ. Въ Юліи Петровнѣ опять вскипѣла мгновенная ненависть къ мужу и выразилась въ странной мысли: „и зачѣмъ я вырвалась сегодня поутру отъ Мартова?—думала она:—пусть бы мужъ теперь былъ грубъ и дерзокъ, мы были бы квитъ“. Но пока Юлія Петровна не была квитъ, она ненавидѣла мужа. Маня искоса наблюдала лицо Юліи Петровны, и ее веселили блѣдность и страданіе той. За послѣдніе дни и между дѣвушкой и хозяйкой тоже установились такія отношенія, точно онѣ чего-то не подѣлили. Чего? кто ихъ разберетъ. Кажется, невольно онѣ соперничали, кто изъ нихъ больше подчинить себѣ своего кавалера. Кавалеръ Мани пересталъ пить вино, и Юлія Петровна подозрѣвала, что Помятовъ вообще больше подчинился Манѣ, чѣмъ Мартовъ ей. „Неужели съ Манькой не было ничего по-

добнаго тому, что Мартовъ позволилъ себѣ со мной?“ — подумала Юлія Петровна, встрѣтившись съ шедшей къ обѣду парочкой, и рѣшилась попытаться подчинить Мартова, по крайней мѣрѣ, ровень съ Поматовымъ. Теперь, въ эти непріятныя мгновенія, мысли Юліи Петровны переходили отъ мужа къ Мартову, отъ Мартова къ Поматову, отъ этого перешли къ Манѣ, и вдругъ Юлія Петровна возненавидѣла и Маню, и не удержалась, чтобы не сказать:

— Странное дѣло. Поматовъ могъ не знать здѣшнихъ нравовъ, а вамъ бы ужъ слѣдовало бросить эти цѣлованія ручекъ и захватить съ собою пледъ. Кромѣ того, видите, что вышло!

— Вышла... глупость! — рѣзко отвѣтила Маня, тоже чувствуя ненависть къ Юліи Петровнѣ.

Береговичъ съ холодной дерзостью остановилъ свой взглядъ на дѣвушкѣ.

Во все время этой сцены Мартовъ ѣжился и пожимался. Наконецъ, онъ не выдержалъ и хватилъ стаканчикъ терновки цѣликомъ. Черезъ нѣсколько минутъ его мысли начали принимать другое направленіе; происшедшее стало представляться забавнымъ, фыркавшіе и ворчавшіе другъ на друга люди ссорились по какому-то смѣшному недоразумѣнію. Его мысль оторвалась отъ стола, за которымъ онъ теперь сидѣлъ и слушалъ, какъ ссорятся люди, и стали вспоминаться вещи болѣе веселыя и занимательныя.

— Что этотъ пледъ! — воскликнулъ онъ, оживляясь, оживленно глядя и оживленно шевельнувшись на стулѣ. — Что пледъ! Украли бы — бѣда не велика. А вотъ я разъ видѣлъ сцену, которой никогда не забуду. Это было въ вагонѣ третьяго класса, въ западномъ краѣ. Жидъ, повидимому небогатый, потерялъ три тысячи... Никогда я не забуду этого лица, этого голоса и этихъ движеній!

Всѣ молчали. Мартовъ, не встрѣливъ сочувствія, не рѣшился пускаться въ подробныя описанія лица, голоса и движеній жида. Подали второе кушанье, а Поматова еще не было. Подождали — и, покуда ждали, у всѣхъ въ душѣ кипѣло — и принялись за ѣду. Мартовъ, смущенный отсутствіемъ сочувствія у публики, хлебнулъ второй стаканчикъ. Стало еще веселѣе.

— Мнѣ совѣстно, господа, никто мнѣ не составляетъ компаніи, — какъ бы смущенно сказалъ онъ, чтобы такимъ комментариемъ хоть нѣсколько сгладить впечатлѣніе второго, выпитаго въ такой короткій промежутокъ времени, стакана наливки.

Никто ему не отвѣтилъ, даже никто не взглянулъ на него.

— Плѣдъ! — воскликнулъ уже совсѣмъ весело Мартовъ, и всѣ вздрогнули:—плѣдъ уже успѣлъ сдѣлаться наболѣвшимъ мѣстомъ у присутствовавшихъ.—Пустая вещь плѣдъ, а всѣ чуть-чуть не перессорились. А началъ Тарасъ Александровичъ. Въ наказаніе ему слѣдовало бы за это со мной выпить.

Мартовъ уже не былъ золъ на Береговича, ища въ немъ компаньона для выпивки.

— А въ самомъ дѣлѣ выпью!—неожиданно воскликнулъ обыкновенно не пившій Береговичъ, которому тоже все чего-то недоставало и все къ чему-то тянуло, особенно послѣ этого дурацкаго „плѣда“, засѣвшаго у всѣхъ поперекъ горла.

— Bravissimo!—сказалъ Мартовъ и примирился съ хозяиномъ.—„Нѣтъ, эта каналья все-таки съ порывами“,—подумалъ онъ.—„Чортъ возьми, да есть-ли русскій человекъ безъ порыва!“—прибавилъ онъ про себя, переходя къ обобщенію и къ патриотизму.

Въ это время вошелъ Помятовъ, съ лицомъ достойнымъ и обиженнымъ.

— Знаменитый художникъ!—обратился къ нему Мартовъ.—Плѣбненный въ Вавилонѣ! Возьмите отпускъ изъ плѣна и выпьемъ съ нами! Марья Сергѣевна, на сегодня верните ему его слово!

Художникъ, какъ и слѣдуетъ художнику, отражалъ настроеніе окружающихъ въ родѣ зеркала. Уходилъ онъ раздраженный, заряженный; вернувшись и увидѣвъ, что благодущіе взяло верхъ, мгновенно и онъ просвѣтлѣлъ. Эта переменна была такъ внезапна, такъ мила и такъ замѣтна, что всѣ невольно улыбнулись и просвѣтлѣли.

— Марья Сергѣевна, позвольте ему выпить!—весело просилъ Мартовъ.

— Полстакана, не больше,—отвѣтила Маня, улыбаясь.

— Ура!—воскликнулъ Мартовъ.

Наливка точно жерновъ сняла съ компаніи. Куда дѣвались косые, раздраженные взгляды, желаніе обидѣть другого, язвительныя замѣчанія! Это относилось, впрочемъ, только къ мужчинамъ. Дамы только затихли, но не смирились. И Юлія Петровна, и Маня—соображали, нельзя ли будетъ пустить въ ходъ выпившихъ мужчинъ, съ тѣмъ, чтобы досадить другъ другу. И обѣ чувствовали нѣкоторое презрѣніе къ мужчинамъ и свое превосходство надъ ними: такой охоты выпить, какую частенько на ихъ глазахъ обнаруживали мужчины, онѣ никогда не чувствовали, и такого непостоянства въ настроеніи духа тоже не обнаруживали.

Мужчины пили,—Помятовъ выпросилъ себѣ разрѣшеніе и на дальѣйшую выпивку,—но, къ тайному неудовольствію дамъ, ставились все благодушнѣе и благодушнѣе. Больше всѣхъ пилъ Береговичъ, говоря, что онъ не былъ пьянъ уже больше года и ощущаетъ желаніе напиться въ лоскъ. Мартовъ прихлебывалъ, какъ опытный питухъ, и все пытался заставить выпить и дамъ. Но тѣ не соглашались и на глотокъ, желая сохранить свое пресходство.

— Мороженое раздора!—весело воскликнулъ Мартовъ, когда внесли мороженое.

Юлія Петровна бросила на мужа далеко не примиренный взглядъ. Береговичъ уже захмелѣлъ, но взглядъ замѣтилъ.

— Э, что тамъ „раздора“!—заговорилъ онъ.—Какой можетъ быть раздоръ между мужемъ и женой!

— Милые бранятся, только тѣшатся,—подхватилъ Мартовъ, замѣтивъ взгляды, которыми обмѣнялись супруги.

— Именно!—воскликнулъ Береговичъ.—Мужъ и жена—одна душа; иначе они не мужъ и жена.

— Конечно,—подтвердила Юлія Петровна и, не отрываясь отъ ѣды, иронически и загадочно улыбнулась.

Береговичъ на мгновеніе насторожился, замѣтивъ эту улыбку, но тутъ же успокоился: „опять дурить,—подумалъ онъ,—эхъ жаль, не наединѣ, нельзя осадить какъ слѣдуетъ“,—и продолжалъ выпивать и благодушно резонировать. Чѣмъ больше онъ хмелѣлъ и чѣмъ благодушнѣе разсуждалъ о супружеской жизни, тѣмъ болѣе иронической дѣлалась улыбка Юлія Петровны. Обратила вниманіе на эту улыбку и Маня, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вообразила, что Юлія Петровна находитъ ухаживанье Помятова за дѣвушкой всего только смѣшнымъ. Этого такъ оставить было нельзя, и тотчасъ же Маня стала усмѣхаться также загадочно и иронически, и притомъ такъ, чтобы это непременно и ясно замѣтила Юлія Петровна. Та, конечно, замѣтила и приписала это тому, что Маня разгадала отношенія ея и мужа. Рѣшительно во всемъ и вездѣ эта дрянная дѣвчонка сбивала ее съ позиціи! Какъ на грѣхъ, на Маню обратилъ сегодня особенное вниманіе и Мартовъ, для котораго, послѣ сегодняшнихъ поцѣлуевъ, Юлія Петровна отчасти потеряла прелесть полной новизны. Мартовъ сталъ заигрывать съ дѣвушкой. Та стала отвѣчать. А тутъ мужъ въ самомъ дѣлѣ сталъ напиваться и болтать ужъ совсѣмъ неприлично, опять-таки къ удовольствію Мани. Чтобы не дать ей однако случая радоваться неловкому положенію, въ которомъ очутился мужъ, Юлія Петровна обрати-

лась противъ мужа, сама смѣялась надъ нимъ и посматривала на него недобрыми глазами...

Кончилась попойка совершенно неожиданно тѣмъ, что Береговичъ, пившій очень рѣдко, совсѣмъ захмелѣлъ, и не могъ подняться со стула.

— Мартовъ, писатель, помощи, голубчикъ, встать!—говорилъ онъ, блаженно пьяный:—будь другомъ, помощи! Женѣ не подъ силу, а то бы она подняла непременно.

— И не подумала бы!—воскликнула Юлія Петровна, притворно смѣясь и удаляясь изъ комнаты.

— Неправда, подумала бы,—продолжалъ Береговичъ.—Ты не повѣришь, какъ она меня любитъ. Ну, иной разъ покажетъ норовъ,—укротимъ. Люблю, а укрощать нужно... Баба—слушай, если женишься, такъ пригодится,—баба тварь милая, но разъ въ мѣсяцъ должна отъ тебя ревѣть. У бабы начальства нѣтъ, кромѣ мужа; у бабы заботы настоящихъ нѣтъ. Если и мужъ не будетъ ей начальствомъ, избалуется...

Мартовъ и Береговичъ остались въ столовой одни. Остальные ушли.

— А дѣйствительно, вы правы, милая тварь баба!—съ чувствомъ сказаль Мартовъ. Береговичъ говорилъ такъ забавно, шилъ такъ охотно и былъ такъ добродушенъ, что Мартовъ уже чувствовалъ его своимъ пріятелемъ.

— Говори мнѣ, пожалуйста, ты!—сказаль Береговичъ.—Ну, скажи: ты.

— Ты!—удовлетворилъ его желанію Мартовъ.

— Ну, теперь дальше!—успокоился Береговичъ:—знаешь ли, моя жена милая тварь, но и вообще баба хорошая вещь. Скажи мнѣ, чтò въ томъ дурного, если я измѣню женѣ? Послушай, а вѣдь ты-то, что называется, душевный человекъ!—вдругъ, взглядывшись въ Мартова, воскликнулъ Береговичъ.—Знаешь, я такихъ люблю. Я не такой, а такихъ люблю. Чортъ васъ знаетъ, писателей, вы какіе-то въ родѣ фабричныхъ: пропили, роздали все пріятелямъ, дуракъ, скотина, а и работники искусный, и человекъ хорошій... Не обижаешься?

Мартовъ дѣйствительно не обижался. Наоборотъ, онъ былъ увлеченъ искренностью и правдивостью, „порывомъ“ собесѣдника.

— Ну, если не обижаешься, — продолжалъ послѣдній,—я тебѣ величайшій секретъ скажу. Величайшій!.. Знаешь, братъ, я женѣ измѣнилъ. Солоха!—Назвавъ имя, Береговичъ испугался и, вытаращивъ глаза, всматривался испытующе и подозрительно въ Мартова.

— Попало! — воскликнулъ Мартовъ. — Проговорился! — Ну, Солоха. Что же дальше?

Береговичъ смотрѣлъ все такъ же. Мартовъ добродушно хохоталъ.

— Ну, говори... Э, братъ, я вижу, измѣна-то въ первый разъ совершается. Ты, братъ, еще невинность! — смѣялся Мартовъ, вглядываясь въ пьяное лицо измѣнника и стараясь прочесть на немъ подробности этой первой супружеской измѣны.

— Почему ты знаешь, что въ первый разъ?

— Я, братъ, — писатель; я людей насквозь вижу.

— Врешь... А, знаешь, ты удивительно душевная скотина! Все тебѣ скажу, все. Она на хуторѣ у меня живетъ. Удивительно нравится мнѣ... Ты удивительно душевная скотина...

Кончилось тѣмъ, что Мартовъ съ Береговичемъ выпили на тѣхъ, и первый почти перенесъ своего новаго друга въ его спальню на кровать.

XV.

Уложивъ Береговича спать, Мартовъ, у котораго въ головѣ сильно шумѣло, а кровь еще сильнѣе играла, вышелъ изъ дому, жадно вдыхая свѣжій воздухъ и ища движенія. Онъ пошелъ привычной тропой по берегу пруда, разстегнувъ жилетъ и снявъ шляпу. Пьяный Береговичъ рѣшительно нравился ему своими порывами. Кромѣ того, онъ былъ почти тронутъ измѣной его женѣ, первой измѣной, которая, очевидно, тяжестью лежала у того на душѣ. „И вѣдь наивнѣе, и по своему честнѣе, этотъ выжиг!“ — думалъ Мартовъ. Онъ улыбался и весело напѣввалъ. Вдали показалась Юлія Петровна, шедшая ему на-встрѣчу. Онъ сталъ еще веселѣе и пошелъ быстрѣе.

— Гуляете? — спросилъ онъ, улыбаясь.

— Гуляю, — отвѣтила она, и тоже улыбалась. Но эта улыбка была особенная, неподвижная и ироническая, какъ давеча за обѣдомъ, но гораздо напряженнѣе и гораздо болѣе недобрая.

Мартовъ взялъ Юлію Петровну подъ-руку, и оба повернули назадъ. Она все улыбалась, все загадочнымъ и ироническимъ взглядомъ смотрѣла передъ собой въ пространство. Онъ смотрѣлъ на нее и видѣлъ, что съ нею что-то неладно, но находилъ ее въ такомъ видѣ очень привлекательной, красивой, нервной, точно охваченной.

— О чемъ вы бесѣдовали съ супругомъ? — притворно небрежно и притворно весело спросила она.

— А вы насъ подслушивали?!—съ притворнымъ испугомъ воскликнулъ онъ.

— Да.

— О чемъ же мы говорили?!—еще испуганнѣе допрашивалъ Мартовъ.

— О томъ, какъ жена должна разъ въ мѣсяцъ отъ мужа *рестать*.

Произнеся эти слова, Юлія Петровна была уже блѣдна, какъ полотно, а глаза ея горѣли какъ въ лихорадкѣ.

„О Солохѣ ничего не слыхала, иначе заговорила бы прежде всего о ней“,—подумалъ онъ и уже шопотомъ, какъ бы замирая отъ страха, сказалъ:

— Значить, и насчетъ Солохи слышали?!

Юлія Петровна явственно дрогнула, но отвѣтила голосомъ еще болѣе веселымъ, чѣмъ прежде:

— И объ этой мамзели слышала.

Мартовъ нѣсколько времени шелъ молча, какъ бы пораженный.

— Чтѣ же это за мамзель?—спросилъ онъ, наконецъ, какъ бы подавленнымъ глухимъ голосомъ, все любясь своей спутницей, которая шла все быстрѣе и быстрѣе, все выше поднимала голову и все злѣе смотрѣла вдаль.

— О, аристократка!—нервически смѣясь, отвѣтила Юлія Петровна:—сначала была у насъ на кухнѣ судомойкой...

— Какая гадость!—воскликнулъ Мартовъ съ такимъ поддѣльнымъ негодованіемъ, чтѣ, будь Юлія Петровна менѣе возбуждена, она замѣтила бы это.—Чортъ знаетъ, что за вкусъ: судомойка! И этотъ несчастный посящаетъ ее ежедневно на хуторѣ!

— На хуторѣ? Она тамъ?

— А вы развѣ не слышали?

— Этого не слышала.

— Какъ же... И имѣя такую жену!—воскликнулъ Мартовъ съ негодованіемъ.—Да имѣй я такую... Чортъ знаетъ, какіе бываютъ готтентотскіе вкусы!..

Быстро идя, они дошли уже до того уединеннаго мѣста, гдѣ сегодня поутру Мартовъ сидѣлъ съ Юліей Петровной, и въ то же мгновеніе оба вспомнили эту сцену, оба замѣтили, что они это вспомнили. Мартовъ взялъ руку Юліи Петровны; она не сопротивлялась, но была блѣдна, молчала и иронически смотрѣла вдаль, туда, гдѣ предполагался спящій теперь мужъ...

XVI.

Когда Мартовъ прочтетъ нашу повѣсть, онъ, какъ критикъ, будетъ безъ сомнѣнія возмущенъ тою безобразной простотою, съ которою, по нашему описанію, совершилось „паденіе“ Юліи Петровны и его „побѣда“. „Люди не какіе-нибудь собаки,—будетъ писать онъ,—какъ тѣ, повидимому, полагаетъ авторъ. У людей есть душа. Люди не только ѣдятъ, пьютъ и производятъ прочія фізіологическія отправления, а еще и любятъ, ненавидятъ и наслаждаются. Авторъ не поднялся выше фізіологіи, и потому все у него выходитъ просто: сыто или голодно, пьяно или съ похмелья. Строить на этомъ повѣсти и романы нельзя! Такихъ людей, какихъ вывелъ авторъ, нѣтъ. Это скоты, да и то недисциплинированные, хуже домашнихъ скотовъ, которыхъ обуздываетъ хозяинъ, да хуже и дикихъ, которые вынуждены подчиняться непреложнымъ, точнымъ и строгимъ правиламъ борьбы за существованіе. Герои автора ничего знать не хотятъ, разъ у нихъ есть средства къ жизни. Полуцытанные, безъ традицій, безъ убѣжденій, съ волею, въ конецъ распущенной, съ темпераментомъ, не обуздываемымъ волею и воспитаніемъ, они представляются намъ невозможными и неестественными. Это больные, а не представители жизни. Это предметъ медицины, а не беллетристики. Кто таковъ авторъ, я не знаю; знаю лишь, что онъ такой же беллетристъ, какъ вашъ покорный слуга—агрономъ“... „И странное, подумаешь, наше время!—будетъ писать нѣсколько ниже Мартовъ, впадая послѣ сравнительно сдержаннаго вступленія въ свой обычный желчный тонъ.—И въ прежнія времена бывали бездарные стихокропатели и тупицы прозаики, но имъ немедленно же указывалось настоящее мѣсто. Теперь же съ неумолимой жестокостью оправдывается изреченіе, что каждый болванъ найдетъ вучу еще большихъ болвановъ, которые будутъ имъ восхищаться. Возьмемъ хотя бы“... Дальше я говорить устами Мартова не буду, а поспѣшу смягчить тотъ *собачій*, по выраженію уважаемаго рецензента, отгѣнокъ, который все-таки лежать не только въ моемъ описаніи побѣды Мартова, но и въ самой побѣдѣ, въ самомъ Мартовѣ, въ Юліи Петровнѣ, Береговичѣ и всѣхъ другихъ моихъ герояхъ...

Мартовъ былъ растроганъ. На глазахъ у него были слезы. Юлія Петровна положила голову къ нему на плечо и плакала, безъ рыданій, безъ истерики, но горько-прегорько. Плача, она го-

ворила ему что-то. Онъ слушалъ, поддерживая ее за талию и время отъ времени изумленно въ нее взглядываясь.

— Господи, это мученіе, а не жизнь!—говорила она, всхлипывая.—Вы видѣли, какъ онъ со мной обращается. Развѣ онъ послѣ этого меня любить! И за что же я должна его любить, за что повиноваться, за что беречь себя, быть ему вѣрной! Я уже нѣсколько лѣтъ ни съ кѣмъ не говорила отъ души, потому что не съ кѣмъ, рѣшительно не съ кѣмъ. У меня столько накопило, такъ наболѣло! Я не могу, не могу такъ жить. Вѣдь это—точно человѣкъ умеръ; хуже, точно живого въ землю зарыли: ни отзывается никто, ни свѣта, ни радости. Уже нѣсколько разъ на меня нападали ужасъ, бѣшенство. И вотъ...—Юлія Петровна хотѣла сказать, что вотъ кончилось тѣмъ, что она отдалась Мартову въ припадкѣ ужаса, но не сказала.

— Что „и вотъ“?—тревожно спросилъ Мартовъ, какъ бы догадываясь, что хочетъ она сказать.

— И вотъ,—Юлія Петровна, не переставая плакать, придумывала, что бы сказать подходящее, и придумала.—И вотъ, наконецъ, эта Солоха...

— Да вы любите его, что-ли?!—еще тревожнѣй допрашивалъ Мартовъ, у котораго вдругъ сжалось сердце отъ предположенія, что Юлія Петровна отдалась въ припадкѣ ревности.—Любите вы мужа?

— Нѣтъ, давно не люблю, давно,—отвѣтила она такъ правдиво, искренно и такъ печально, что Мартовъ обнялъ ее и поцѣловалъ, точно упавшаго и ушибившагося ребенка.

— Такъ чего же плакать, прелесть моя?—заговорилъ онъ.—Развѣ вы не свободный человѣкъ, развѣ вы не полный хозяинъ себѣ? Вы не любите его, онъ не любитъ васъ.

Въ отвѣтъ Юлія Петровна заплакала еще горче.

— Боже мой, я не понимаю, отчего я плачу. Мнѣ себя жаль, мнѣ его жаль, мнѣ нашей жизни жаль. Отчего мы не любимъ другъ друга, зачѣмъ мы измѣняемъ другъ другу? Зачѣмъ эта...—Юлія Петровна хотѣла сказать: „эта грязь“, но опять удержалась, поплакала, подумала и сказала:—зачѣмъ, зачѣмъ эта испорченная жизнь!

Мартовъ трогался все больше и больше. До сихъ поръ предъ нимъ была только аппетитная „бабенка“, сразу же позволившая пожимать себѣ ручки и надѣяться на то, что сбылось. Теперь это была цѣлая человѣческая жизнь, сложная, долгая, трудная и несчастная. Мартовъ вошелъ въ эту жизнь въ дѣятельной роли и почувствовалъ, какъ отвѣтственна и какъ трудна

эта роль. Прежде всего слѣдовало унять эти горькія слезы бѣдной женщины.

— Полноте! — заговорилъ онъ такъ мягко и нѣжно, что трудно было бы по одѣмъ этимъ рѣчамъ и голосу узнать въ говорившемъ распущеннаго и пьянаго богему:—полноте, не говорите объ испорченной жизни! Вѣдь по любви же выходили вы замужъ, вѣдь провели же въ любви и радостяхъ нѣсколько лѣтъ. Но за это ли бранить жизнь?

— Но вѣдь теперь я вижу, что то было ошибкой!—заплакавъ еще горьче, проговорила она и сильнѣе прильнула головой къ его плечу.

Онъ еще бережнѣй обнялъ ее.

— Тогда это не было ошибкой. Такихъ ошибокъ у другихъ вовсе не бываетъ, а дорого бы они дали, чтобы онѣ были. Вы—миллионерша по тому счастью, которое испытали. Другія выходятъ замужъ по расчету, чортъ знаетъ за кого... Вѣдь вашъ мужъ былъ бѣденъ?

— Да.

— Видите. Изъ семьи вы тоже „бѣжать“ замужъ не хотѣли?

— Не хотѣла.

— Видите! Другое дѣло, еслибы вы вышли замужъ за старика, противъ воли, противъ желанія... Какого еще счастья нужно вамъ? Вычитаннаго изъ книжекъ? Такъ вѣдь книжки изображаютъ моменты счастья, ваши „ошибки“, и недобросовѣстно умалчиваютъ о томъ, что это рѣдкія и недолгія минуты. Не плачьте, моя прелесть, моя умница! Счастье еще возможно, оно еще придетъ...

Мартовъ на минуту умолкъ. Онъ почувствовалъ, что не съ нимъ придетъ ея счастье. Онъ, въ порывѣ искренности и правдивости, хотѣлъ сказать это, но деликатно удержался, чтобы не унизить только-что происшедшаго. Юлія Петровна какъ будто перестала плавать, прислушиваясь къ послѣднимъ словамъ Мартова и ожидая, чтобы онъ заговорилъ опредѣленнѣе, чтобы онъ сказалъ, откуда придетъ это счастье: не отъ него ли? Дастъ ли онъ ей счастье? Едва ли. Но онъ можетъ освободить ее отъ мужа. А тамъ... тамъ счастье если и не придетъ, то станетъ возможнымъ.

Но Мартовъ продолжалъ:

— Потомъ, не требуйте отъ жизни еще разъ того молодого, вдохновеннаго счастья, которое вы испытали. Съ лѣтами и ощущение счастья мѣняется. Въ молодости счастье безумное, оно пьянитъ. Позднѣе оно насыщаетъ. И, право, послѣднее лучше,

оно безъ похмеля... Ваша тоска, ваши слезы, голубушка, вѣдь это похмеле. Вотъ когда оно отозвалось.

Юлія Петровна снова заплакала и еще сильнѣе прежняго. На самомъ дѣлѣ ей уже не хотѣлось плакать, она успокоилась; но ей нужно было задать одинъ вопросъ, который, сдѣлавъ она его спокойно, могъ бы показаться ему подозрительнымъ.

— Но чтѣ же, кто же снова дастъ мнѣ счастье?!—воскликнула Юлія Петровна.—Я не вижу. Я не вижу и выхода!

Мартовъ молчалъ. Онъ опять взвѣсилъ въ душѣ свое чувство къ Юліи Петровнѣ. Это не было любовью. Онъ не долженъ былъ браться за оживленіе ея счастья. И снова угрызения совѣсти больно уязвили его сердце: онъ спуталъ, онъ игралъ не съ похотливой бабенкой, а съ человѣческой жизнью. Онъ едва удержался, чтобы не начать просить у Юліи Петровны въ томъ прощенья. Его удержала лишь боязнь уязвить ее, обнаруживъ передъ нею настоящій смыслъ ея паденія.

— О, Боже мой!—заговорилъ онъ.—Вы плачете и отчаяваетесь, точно вамъ сто лѣтъ, точно вы старуха. Вы молоды, красивы, свѣжи, вы полны чувства; вся жизнь передъ вами. Затѣмъ, вашъ мужъ—онъ самодуръ, но не варваръ же онъ. Не станеть же онъ держать васъ при себѣ насильно. Онъ можетъ дать вамъ отдѣльный видъ; онъ можетъ дать вамъ, наконецъ, разводъ.

Юлія Петровна вытерла глаза и задумалась.

Въ это время вдали раздался голосъ выпавшагося Береговича; онъ звалъ жену и Мартова. Мартовъ не удержался и съ тревогой взглянулъ на нее; но она была совершенно хладнокровна,—не торопясь, поднялась съ земли, сама взяла Мартова подъ-руку и пошла. Встрѣтившись съ мужемъ, она потупилась, какъ бы для того, чтобы скрыть свои заплаканные глаза, и съ обиженнымъ видомъ прошла мимо.

— Юленька,—смущенно и стараясь не смущаться, сказалъ Береговичъ.—Вели, милая, ставить самоваръ. Я только сбѣгаю на токъ и сейчасъ же вернусь.

Юлія Петровна молча вошла въ домъ.

— Фу, ты, чортъ!—разводя руками и тоже стараясь не смущаться, обратился Береговичъ къ Мартову.—И найдетъ же на человѣка такое идіотское желаніе,—напиться! Голова болитъ, языкъ суконный...

— Тебѣ хорошо, — перебилъ его Мартовъ.—Напился, да и спать, а я, милый другъ, все время твою супругу угѣшалъ. Видѣлъ,

какая заплаканная? — И Мартовъ зорко вглядывался въ мужа: чѣмъ тотъ объясняетъ слезы жены.

Береговичъ поѣхилъ.

— Видѣлъ, — отвѣтилъ онъ.

— Какъ тебѣ не совѣстно было такъ ее за обѣдомъ разобидѣть при всѣхъ!

Береговичъ снова хотѣлъ съѣзжиться, но не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы признавать себя неправымъ или раскаиваться въ томъ, что онъ сдѣлалъ. Онъ пріосанился, глянулъ Мартову въ глаза рѣшительно и остро и рѣзко проговорилъ:

— Никогда, дружище, не клади пальца между дверей и не мѣшайся въ супружескія дѣла! — ущемлять, и пребольно.

Тутъ и Мартова на мгновеніе покинуло раскаяніе въ томъ, что онъ побѣдилъ Юлію Петровну, и онъ почувствовалъ, что эта побѣда сквитала его съ этимъ самонадѣяннымъ, самоувереннымъ и дерзкимъ человѣкомъ и наказала его.

XVII.

Весь этотъ день былъ какой-то шальной. Въ воздухѣ ли было что-то, способствовавшее этому, терновка ли была на этотъ разъ особеннаго свойства, — не знаю. Знаю только, что все описываемое произошло не по прихоти автора. Говорю это въ виду весьма возможнаго со стороны критики Мартова упрека въ томъ, что авторъ-моль, наскучивъ писать, или не умѣя творить истинно художественно, сталъ гнать дѣйствіе неестественными скачками. Авторъ ничего не выдумываетъ — и повторяетъ, что день былъ шальной. Береговичъ безъ всякихъ поводовъ и причинъ побранился съ женой и напился пьянъ, какъ стелька. Юлія Петровна возненавидѣла мужа и отдалась Мартову, который ей, въ сущности, все менѣе нравился. Мартовъ изъ донъ-Жуана превратился чуть ли не въ духовнаго отца... Шальной былъ день, и погода была подѣ-стать настроенію нашихъ героевъ. Съ полдня поднялся вѣтеръ, и самъ по себѣ сильный, и съ еще болѣе сильными, бестолковыми порывами, нелѣпо и злобно налетавшими на строенія, деревья и людей. Хрупкія вѣточки ветелъ ломались подъ этими дурацкими ударами. Въ трубахъ зданій вѣтеръ вылъ, какъ плачущій сумасшедшій. Людямъ онъ трепалъ платье, заглушалъ голосъ ихъ разговоровъ, а на дорогахъ удушалъ и слѣпилъ густой черноземной пылью. Вѣтеръ былъ сухой. На небѣ

не было ни облачка. Солнце недовольно, раздраженно и ослѣпительно ярко смотрѣло на недовольную и раздраженную землю.

Помятовъ и Маня сидѣли снова у своего излюбленнаго источника и по очереди читали „Карамазовыхъ“. Читать при шумѣ вѣтра было трудно, приходилось сильно напрягать грудь, и чтенія уставали. Маня читала, какъ читають гимназистки: торопясь, неизменно скоро и *трепеткой*, однимъ тономъ. Помятовъ изнемогалъ въ наивныхъ усиліяхъ читать передъ дамой сердца почтенки, по-актерски. Тѣмъ не менѣе дѣло подвигалось быстро. Въ то мгновеніе, въ которое мы застаемъ нашу вторую парочку, читала Маня, дочитала главу, захлопнула книгу, подняла глаза и улыбнулась той капризной и повелительной улыбкой, къ которой ее приучило ухаживанье художника. Она улыбнулась, потому что встрѣтила знакомый ей влюбленный и страстный взглядъ Помятова.

— Что вы на меня такъ смотрите! — сказала она тѣмъ, что всегда говорятъ дѣвицы, когда на нихъ влюбленно и страстно смотреть, — говорятъ, какъ будто бы не понимая, что выражаетъ такой взглядъ, и зачѣмъ такимъ взглядомъ смотреть. На приведенное обычное восклицаніе дѣвицъ ухаживатели отвѣчаютъ обыкновенно: „какъ это я такъ смотрю?“ или — болѣе смѣлые: „а развѣ на васъ смотрѣть запрещается?“ Помятовъ былъ не совсѣмъ обыкновенный человѣкъ и отвѣчалъ:

— Каждый разъ, какъ вы задасте мнѣ такой вопросъ, я вамъ отвѣчаю: смотрю такъ, потому что я васъ люблю. Помните, какъ читалъ въ первый вечеръ Мартовъ: „я боленъ, я влюбленъ“, и дальше: „и я хочу сказать, что я люблю тебя — тебя, одну тебя люблю я — и желаю“...

Маня выслушала очень серьезно, хотя эта серьезность происходила больше отъ недоумѣнія, что значить: „люблю и желаю“? Спросить о томъ было совѣстно: какъ обнаружить свою нелитературность. Маня была серьезна, и это очень шло къ положенію: Помятовъ въ сегодняшний пальный день былъ небезопасенъ.

— Когда же вы скажете мнѣ, любите вы меня или нѣтъ? — спросилъ онъ, забирая обѣ ея загорѣлыя, тонкія, но красивыя ручки въ свои.

— Не знаю, — отвѣтила она. И въ самомъ дѣлѣ, по лицу видно было, что она дѣйствительно не знаетъ.

Помятовъ пересѣлъ рядомъ съ нею, плечо къ плечу. Взглядъ его горѣлъ; на блѣдныхъ щекахъ чуть проступила легкая краска.

— Ну, я буду спрашивать васъ, любите ли вы меня, а вы отвѣчайте.

Онъ наклонился къ ней и спросилъ ее на ухо:

— Любите?

Сумасшедшій жаркій вѣтеръ трепалъ ихъ волосы и ихъ платья, точно толкая ихъ другъ къ другу. Шумѣли ветлы и роняли на нихъ листья и вѣтки.

— Любите?—задыхаясь, спрашивалъ онъ.

— Не знаю, — отвѣчала она.

— Полюби меня, полюби! — вдругъ страстнымъ шопотомъ заговорилъ онъ. — Ты видишь, я люблю тебя, какъ безумный... Я увезу тебя, куда ты велишь, въ Петербургъ, за границу. Зачѣмъ отказывать? Вѣдь на землѣ большаго счастья нѣтъ. Зачѣмъ беречь себя? Кто будетъ любить больше меня?.. — Такъ шепталъ Помятовъ и расточалъ дѣвушкѣ ласки, самыя жаркія, самыя смѣлыя... И вдругъ дѣвушка стала неузнаваемой; она сама себя не узнала. Не то она заснула и видѣла невозможный на яву сладкій сонъ. Не то ее невидимой силой подняло отъ земли и унесло куда-то, гдѣ больше не нужны были стыдливость, осторожность, гдѣ все было поцѣлуй, объятіе, ласка. Она была блѣдна — въ ней умирала дѣвушка. Она на объятіе отвѣтила бурнымъ объятіемъ — родилась страстная женщина... Это была ошибка, но, какъ сказалъ критикъ Мартовъ, такимъ ошибкамъ завидуютъ.

Да, шальной былъ этотъ день...

XVIII.

Время шло. Помятовъ и Маня его не замѣчали, пребывая въ невѣдомой странѣ нѣжныхъ ласкъ, чтенія „Карамазовыхъ“ и плановъ о жизни въ Петербургѣ, куда Маня рѣшила уѣхать. Зато замѣчалъ теченіе времени Мартовъ. Его связь съ Юліей Петровной продолжалась, но смыслъ ея для него все запутывался и затемнялся. Юлія Петровна все оставалась холодной, все плакала, а Мартовъ все долженъ былъ утѣшать ее, но она упорно не утѣшалась. Между тѣмъ ея слезы и горе казались не совсѣмъ искренними; они, казалось Мартову, должны обозначать другое что-то, кромѣ слезъ, раскаянія въ своей измѣнѣ и сожалѣнія о неудавшейся жизни. Чтò же именно? Мартовъ разрѣшилъ, наконецъ, этотъ вопросъ такъ: хочеть попросить денегъ и не рѣшается; хочеть, чтобы я самъ догадался и подѣлился съ нею наслѣдствомъ. Не подѣлиться ли? Въ самомъ дѣлѣ, она имѣетъ на него права. Подѣлиться, и Богъ съ ними, со всѣми, и съ

нею, уѣхать скорѣй. Такъ думалъ Мартовъ, и событія ускорили его рѣшеніе.

Въ послѣдніе дни Мартовъ ближе сошелся съ Сережей. И Сережа ему не понравился, какъ не нравился и прежде, жидкій, вытянувшійся, блѣдный, нервный, какъ старый чиновникъ, съ небольшими эпилептически черными и матовыми глазками, которые часто становились очень непріятными, вслѣдствіе выраженія какой-то трусливой дерзости, горѣвшей въ нихъ больнымъ, дрожащимъ огонькомъ. Мартовъ, про себя или въ бесѣдахъ съ Помятовымъ, звалъ его „персонажемъ Достоевскаго“ или „психопатикомъ“, и особаго желанія приблизить его къ себѣ не выказывалъ. Сережа вошелъ съ нимъ въ болѣе близкія отношенія самъ.

— Господинъ Мартовъ!—однажды окликнулъ онъ того, догоняя его на прогулкѣ въ полѣ.

— Ась? — шутливо отозвался Мартовъ, которому Сережа былъ непріятенъ.

— Можно мнѣ съ вами поговорить серьезно?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Конечно, вы меня сочтете за одного изъ многочисленныхъ болвановъ, взявшихся не за свое дѣло. Но мнѣ, строго говоря, все равно. Вы будете пробнымъ камнемъ, на которомъ я испытую свои силы.

Мартовъ мелькомъ взглянулъ на „персонажа“. Тотъ былъ блѣденъ и дрожавшей рукой пощипывалъ плохо отросставшіе волосы усовъ. Въ глазахъ была уже не трусливая дерзость, а безсильное самолюбивое страданіе.

— Готовъ къ вашимъ услугамъ,—еще разъ и попривѣтливѣе поторопился отвѣтить Мартовъ. Сережа почему-то сталъ казаться ему субъектомъ не незначительнымъ въ настоящее время и въ тѣхъ происшествіяхъ, которыя теперь тутъ разыгрывались.—Готовъ къ вашимъ услугамъ,—повторилъ онъ еще привѣтливѣе.

Сережа въ отвѣтъ улыбнулся, иронически перекосивъ свои дрожавшія губы.

— Конечно, вы не *готовы*, и конечно—не къ *услугамъ*, а только по привычкѣ произносите эту банальную фразу.

— Отчего же вы думаете, что я говорю это не отъ души? —серьезно и убѣдительно сказалъ Мартовъ, любопытствуя узнать, какъ далеко идетъ самолюбіе и нервная разбитость юноши.

Сережа на мгновеніе пришелъ въ душевное равновѣсіе и сталъ похожъ на человѣка, но нервы взяли верхъ, и онъ продолжалъ, опять съ дрожью голоса и рукъ, съ ироническимъ кривляніемъ губъ и обидой во взглядѣ.

— Отчего я думаю?—переспросилъ онъ и, болѣзненно сморщившись, замѣтилъ какъ бы про себя:—какъ это глупо повторять чужіе вопросы! Отчего я думаю, что вы говорите... Вотъ, еще разъ повторилъ вопросъ! Это, говорятъ, вѣрный признакъ нейрастеніи... Вы, кажется, морщитесь? Вы, я замѣтилъ давно, не любите этого нервнаго тона... — Сережа дерзко взглянулъ въ Мартова и засмѣялся.—Я это замѣтилъ, и мнѣ пріятно нарочно говорить такъ съ вами...

„Вотъ полоумная скотина!“ про себя подумалъ Мартовъ, но старался улыбаться такъ, какъ будто онъ былъ свидѣтелемъ граціозныхъ нервныхъ капризовъ.

Сережа нѣсколько минутъ шелъ молча, глядя себѣ подъ ноги, теребя свои усики; на лицѣ у него отражалось безтолковѣйшее, но мучительное нравственное страданіе.

— Конечно, послѣ этого вы не захотите со мной имѣть дѣло, —сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Богъ съ вами!—опять какъ можно пріятливѣе заговорилъ Мартовъ.—Вы человѣкъ нервный, я это понимаю. А служить вамъ, или, если вамъ не нравится это слово, помочь вамъ, быть вамъ полезнымъ, я готовъ всегда. Говорите же, голубчикъ, въ чемъ дѣло?

— Я написалъ романъ!—воскликнулъ Сережа такимъ тономъ, какимъ трусливые солдаты во время штурма кричатъ ура.

Въ первое мгновеніе Мартовъ обмеръ: ему вспомнились тѣ каторжныя тетради и тетрадищи, написанныя нервно-разстроенными почерками, содержащими въ себѣ нервно-разстроенные романы и романищи, которые ему приходилось, по обязанностямъ въ редакціи газеты, просматривать, оцѣнивать и возвращать авторамъ съ объясненіями. Авторы и авторши были почти безъ исключеній все такіе „персонажи“, какъ Сережа. Въ кои-то вѣки Мартову удалось бѣжать отъ нихъ, да еще за тридцать земель, и вдругъ и тутъ, въ тридесятomъ царствѣ, настигъ его одинъ изъ нихъ. Впрочемъ тутъ-то они и заводятся, въ провинціальныхъ трущобахъ. Сережа замѣтилъ движеніе Мартова и захохоталъ почти въ настоящей истерикѣ.

— Чтò вы? Чтò съ вами?—встревоженно допрашивалъ его Мартовъ.

Сережа продолжалъ хохотать все веселѣе и веселѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣзненнѣе. Наконецъ, онъ остановился и сталъ отираться платкомъ. Смѣхъ его все еще не прошелъ совсѣмъ, и его грудь время отъ времени вздрагивала.

— Чему вы такъ разсмѣялись? — повторилъ свой вопросъ Мартовъ.

— Ничему... Одному необыкновенно смѣшному воспоминанію, — отрывисто говорилъ, все еще хихикая, Сережа. — Впрочемъ все равно! Вы, конечно, позвольте мнѣ прочесть этотъ романъ? Вы можете даже не говорить своего мнѣнія. Мнѣ хочется только прочесть его вслухъ. Да и ваше мнѣніе я прочту у васъ на лицѣ. — И Сережа снова истерически захохоталъ.

„Вотъ еслибы я женился, мой сынъ точь-въ-точь такая же дохлятина былъ бы. Никогда не женюсь!“ — подумалъ Мартовъ.

Противъ ожиданія, Мартовъ выслушалъ романъ Сережи съ большимъ вниманіемъ и напряженнымъ интересомъ. Дѣйствующія лица оказались слѣдующія: Апрѣлевъ, писатель изъ Петербурга; Глаженный, художникъ оттуда же; Бологовичъ, провинціальный дѣлецъ; Анна Петровна его жена; Таня, барышня шестнадцати лѣтъ и, наконецъ, Анатолій, студентъ перваго курса. Кого описывалъ Сережа подъ прозрачными псевдонимами, было понятно съ перваго же взгляда; себя онъ нѣсколько повысилъ въ званіи, превративъ изъ гимназиста послѣдняго класса въ студента. Центромъ романа былъ, конечно, Анатолій. Имъ авторъ былъ занятъ преимущественно, и романъ, послѣ коротенькой вступительной сценки (студентъ Анатолій встрѣчаетъ нищаго, по своей глубоко альтруистической натурѣ хочетъ подарить ему свои серебряные часы, но, въ качествѣ послѣдователя графа Льва Толстого и послѣ мучительной борьбы съ самимъ собой, не даетъ ничего); — за эту вступительную сценою слѣдовала длинная біографія Анатолія, рассказанная глубоко взволнованнымъ и многозначительнымъ тономъ. Отецъ Анатолія былъ исключительный человѣкъ. Мать Анатолія была исключительная женщина. Отъ нихъ не могло произойти обыкновенное существо, а произошелъ Анатолій. И отецъ, и мать Анатолія, были люди съ тончайшими нервами. Въ молодости и отецъ, и мать были нигилистами, — отецъ даже „сидѣлъ“ по какому-то дѣлу, — это разрушило ихъ нервную систему, и они очень часто ссорились и нѣсколько разъ расходились; отецъ запивалъ, а мать одно время предавалась морфинизму. Дѣтище этихъ родителей былъ необыкновенный человѣкъ. Анатолій, вслѣдствіе своей нервности, былъ, подобно родителямъ, высшая натура. Вслѣдствіе того, что онъ былъ высшая натура, жизнь открывалась ему съ самыхъ высокихъ своихъ сторонъ. Пяти лѣтъ, онъ уже былъ влюбленъ. Шести лѣтъ, онъ уже былъ революціонеромъ. Въ десять лѣтъ, въ него влюбилась одна интеллигентная женщина, называвшая его не иначе какъ „мой идеалъ“. На одинъ

надцатомъ году, Анатолій поступилъ въ гимназію, гдѣ и пробылъ до двадцати-двухъ лѣтъ: высшая нервность мѣшала ему заниматься *казенными* науками. Съ пятнадцати лѣтъ Анатолій вдругъ замѣнулся въ самомъ себѣ, сталъ избѣгать людей и, нравственно страдая, рѣшалъ вопросы философіи, социологіи, этики, эстетики, отчасти даже біологіи и астрономіи. Онъ страдалъ, рѣшалъ вопросы и замыкался въ себѣ до двадцати-двухъ лѣтъ, когда, будучи студентомъ, онъ отправился на лѣтнія кондіціи въ деревню къ одному страшно богатому барону. Баронъ и его семейство были адски осмѣяны въ романѣ, какъ представители праздноаристократіи. Анатолій срѣзываетъ ихъ на каждомъ шагу, доказываетъ имъ ихъ пошлость чрезъ каждые полчаса, издѣвается надъ ихъ дикими взглядами еще чаще. Тѣ молчатъ и робѣютъ. Проживая у барона, Анатолій часто ѣздитъ верхомъ по степи. И вотъ однажды онъ видитъ на вершинѣ кургана двухъ амазонокъ на полукровныхъ арабскихъ жеребцахъ (Анатолій ѣздилъ на чистокровномъ аглицкомъ жеребцѣ). Онъ подъѣзжаетъ ближе — это представительницы уже не празднаго аристократизма, а эксплуататорской буржуазіи, Анна Петровна и Таня. Онѣ зовутъ Анатолія къ себѣ, гдѣ онъ знакомится съ мужемъ Анны Петровны, дѣльцомъ Бологовичемъ, котораго онъ рѣжетъ на каждомъ шагу по вопросу объ эксплуататорской буржуазіи, съ петербургскимъ писателемъ Апрѣлевымъ, котораго онъ рѣжетъ въ бесѣдахъ литературныхъ, и съ петербургскимъ живописцемъ Глаженнымъ, ровно ничего въ сравненіи съ Анатоліемъ непонимающимъ въ задачахъ искусства. Анна Петровна и Таня безъ памяти влюбляются въ Анатолія, безъ памяти, но почему-то тайно отъ него. Онѣ изнываютъ отъ любви, а онъ все думаетъ о вопросахъ, да время отъ времени рѣжетъ ихъ, притомъ, не спеціально, такъ какъ онѣ, въ качествѣ женщинъ, спеціальности не имѣютъ, а вообще, по поводу всего, что попадется подъ руку. Женщины отъ этого худѣютъ, не спятъ ночей, цѣлуютъ подушки, призывая имя Анатолія, цѣлуютъ его портреты. Ничего не помогаетъ, и обѣ сначала покушаются на самоубійство, а потомъ отдаются — одна Апрѣлеву, другая — Глаженому. Отъ самоубійствъ ихъ спасаетъ Анатолій: Таня хотѣла низвергнуться съ какой-то колокольни въ какой-то бѣшеный потокъ; Анатолій борется съ нею, оттаскивая отъ края колокольни, нѣсколько часовъ подрядъ, и, наконецъ, оттаскиваетъ. Анна Петровна отравляется, но Анатолій принимаетъ всѣ нужныя мѣры для ея спасенія (тутъ оказывается, что онъ студентъ медицины, гениальный медикъ и остается на медицинскомъ факультетѣ лишь для соблюденія формальностей), и

спасаетъ ее. Какъ отдалась Таня, это мало заинтересовало Мартова; но сцену паденія Анны Петровны, на которой пока обрывался романъ Сережи, онъ выслушалъ съ величайшимъ вниманіемъ: она была списана съ дѣйствительной сцены паденія Юліи Петровны.

„Просто, подсмотрѣлъ, каналья!—воскликнулъ про себя Мартовъ.—Ну, надо ухо держать востро: „персонажи“ вѣдь на все способны“.—И Мартовъ сдѣлалъ внушительно серьезное лицо и уже собирався сурово польстить „персонажу“, чтобы на всякій случай расположить его въ свою пользу, какъ тотъ схватился за сердце и сталъ клониться на сторону.

— Что съ вами?—воскликнулъ Мартовъ.

Сережа чрезъ нѣсколько секундъ оправился.

— Потомъ, потомъ вы мнѣ скажете ваше мнѣніе,—ослабѣвшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—У меня сердце не въ порядкѣ. Я такъ волновался, читая. Еще волноваться—я не вынесу.

Мартовъ довель бѣднаго автора до дому (романъ читался подъ вѣсами, у пруда, и былъ прочитанъ въ два дня, въ два приѣма). Онъ велъ его и думалъ: „А! злая, хвора, полоумная bestія, вотъ тебѣ наказаніе! Болить?—вотъ тебѣ наказаніе, вотъ тебѣ!“ Вслухъ же онъ многозначительно сказалъ ему на прощанье:

— Вашъ романъ очень интересенъ. Мы еще поговоримъ.

XIX.

Вечеромъ, передъ тѣмъ какъ спать, Мартовъ постучался въ комнату Помятова. Уже съ недѣлю, какъ Помятовъ перебрался въ отдѣльное помѣщеніе, чтобы быть наединѣ съ самимъ собою и своей такъ быстро народившейся и выросшей страстью.

— Войдите!—раздался въ отвѣтъ на стукъ Мартова недовольный голосъ художника.

Мартовъ вошелъ. Лицо Помятова, лежавшаго на кровати, оставалось такимъ, какъ будто въ комнатѣ никого не было,—лицомъ сильно влюбленнаго человѣка.

— Ну, maestro, извините. Пришелъ посоветоваться,—сказалъ Мартовъ, и не удержался, чтобы не прибавить:—эка, ликъ-то у васъ какой каменный!—Мартовъ сказалъ это и посмотрѣлъ на художника еще внимательнѣе. —Ликъ многознаменательный! Объяснились, что-ли?—спросилъ онъ. Художникъ молчалъ. Мартовъ вглядѣлся въ него съ еще большей подозрительностью.—

Объяснились и получили солидные увѣренія во взаимности. Такъ? — Помятовъ и тутъ молчалъ, оставаясь каменнымъ по прежнему. Мартовъ вдругъ пришелъ въ нервное состояніе и взглянулъ на него тѣмъ сверлящимъ взглядомъ, которымъ на дняхъ такъ смутилъ Юлію Петровну, допрашивая ее, любить ли она мужа. Но Помятова никакими гипнотизирующими взглядами теперь пронять было нельзя. Напротивъ, онъ сталъ какъ будто и еще каменнѣе. Сомнѣній для Мартова не оставалось.

— Съ новой госпожей Помятовой позвольте поздравить! — воскликнулъ онъ и немного потише прибавилъ: — То-то васъ обоихъ за послѣднюю недѣлю такъ подвело...

Помятовъ неизмѣнно пребывалъ въ окаменѣлости.

— Ну-съ, съ собой въ Питеръ, конечно, берете? — помолчавъ, спросилъ Мартовъ.

Помятовъ молча и равнодушно, по отношенію къ Мартову, кивнулъ головой.

— Что же, съ супругой разойдетесь? — не безъ раздраженія спросилъ Мартовъ.

Помятовъ шевельнулъ плечомъ, давая понять, что еще самъ не знаетъ.

— Стало-быть, новая-то отдѣльно будетъ жить?

Неопредѣленное шевеленіе плечами повторилось.

— Родители-то у нея есть?

Голова безмолвно сказала, что есть.

— И отпускаютъ?

Плечи, голова, руки и мимика лица сложнымъ соединеннымъ движеніемъ выразили, что, по всей вѣроятности, отпустить.

— Ну, и, конечно, уже новая картина зрѣтъ, съ нею въ центрѣ?

Голова два раза подрядъ кивнула утвердительно.

— Какой же сюжетъ?

„Неизвѣстно“, — помощью мимики выразилъ художникъ.

— Чортъ васъ знаетъ! со стороны на это смотрѣть, какъ будто бы свинство.

Помятовъ окаменѣлъ.

— Но, съ другой стороны, вы человѣкъ честный.

Окаменѣлость прошла, смѣнившись неподвижностью ожиданія.

— Стало-быть, влюблены вы дѣйствительно?

— Конечно!

— Любимы взаимно?

— Конечно!!

— И никакой чортъ вамъ мѣшать не смѣетъ?

Все существо Помятова съ поразительной мимической силой подтвердило послѣднія слова Мартова.

— Но я покорнѣйше просилъ бы васъ въ теченіе дальнѣйшей нашей бесѣды объясняться со мной словами. Я вѣдь не ветеринаръ! — раздражаясь, сказалъ Мартовъ.

Помятовъ хоть слабо, но улыбнулся.

— А! подаете признаки здраваго разсудка и твердой памяти! Извольте же слушать.

Помятовъ постарался сдѣлать видъ, что готовъ слушать.

— Прежде всего съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю васъ, что я послѣ непродолжительной борьбы одержалъ надъ Юліей Петровной побѣду...

Художникъ мало оживился при этомъ неожиданномъ извѣстіи.

— Въ побѣдѣ этой я приношу вамъ искреннее мое раскаяніе. Я не шучу, Михайлъ Михайловичъ. Теперешняя моя побѣда — одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда мнѣ ясно, что я и мнѣ подобные — свиньи, нравственныхъ свиньи, которымъ непремѣнно нужно завалиться въ грязь и размѣсить ее пошире и поживе... А? Вы что-то говорите?

Помятовъ молчалъ, разсматривая своего собесѣдника презрительно и пренебрежительно, разсматривая его талію, бюстъ, ноги, но пренебрегая самымъ существеннымъ — лицомъ.

— Вы ничего не говорите, но видимо соглашаетесь съ аттестацией, которую я себѣ даю. Конечно, вы теперь великій человекъ, вы теперь влюбленный! Вы оба — пара совершенствъ теперь, такъ что къ вамъ и не подступайся. Всѣ теперь передъ вами — и безъ свинства свиньи. Не такъ ли?

— Такъ, — въ разсѣянности безмолвно отвѣтила голова. Эта разсѣянность позабавила Мартова.

— Что мы съ вами совершенство, это мы признали. Позвольте же теперь доказать вамъ, что я — свинья. Можно?

— Можно.

— Виноватъ, маленькое отступленіе въ сторону: чтобы васъ оживить, можно бы притащить терновки. Но, кажется, одно совершенство другому совершенству строго воспретило быть пьяницей, и это другое совершенство съ изумительной энергіей отъ пьянства воздерживается!

Голова сдѣлала энергическій утвердительный кивокъ.

— Итакъ-съ, я и мнѣ подобные — свиньи. Увидимъ мы женщину, — и какая первая у насъ является мысль? Что эта женщина — живой человекъ, а не кукла? Что она не зря бѣгаетъ по свѣту намъ на утѣху, а живетъ такъ же, какъ и мы? Что у

нея есть честь, есть чистота, есть нравственное чутье, есть нравственные правила! Никакихъ такихъ мыслей у насъ не появляется. Мы увидимъ женщину и сразу же рѣшаемъ, что она только и ищетъ того, чтобы предприимчивый мужчина ее побѣдилъ. Вотъ какъ просто мы рѣшаемъ дѣло! И выходитъ большое свинство...

Мартовъ прошелся по комнатѣ, подсѣлъ къ художнику на постель и продолжалъ тише и искреннѣе:

— Выслушайте же, Михаилъ Михайловичъ, спуститесь съ влюбленныхъ высотъ. Побѣда надъ Юленькой далась мнѣ очень легко, но дѣло въ томъ, что въ этой побѣдѣ нѣтъ ни побѣдителя, ни побѣжденнаго, а есть только свинство. Я Юленьку и не любилъ, а если она меня прежде и привлекала, такъ теперь, послѣ *побѣды*, не только не влечетъ, но отталкиваетъ: это какой-то ледъ въ образѣ женщины, а не подлинная женщина. Вдобавокъ этотъ ледъ постоянно мокнетъ въ слезахъ по тому поводу, что не удалась жизнь, что не ладитъ съ мужемъ. Знаете, мокрое лицо и цѣловать-то противно!.. Ну-съ, не прошло и недѣли со времени моей побѣды, — а еслибы меня на Юленькѣ женили, я тутъ же удавился бы. А она? — я поймалъ у нея нѣсколько взглядовъ, нѣсколько жестовъ, нѣсколько измѣненій лица, которые для меня несомнѣнно говорятъ, что и она питаетъ ко мнѣ такія же чувства. Это не отвращеніе, а нѣчто болѣе прочное, чѣмъ отвращеніе: полнѣйшая холодность, полнѣйшее отсутствіе хоть бы одного кровавого шарика, который носилъ бы въ себѣ симпатію. Бабѣ упрямѣе и трусливѣе нашего брата, и Юленька навѣрно еще не открыла своихъ глазъ на это обстоятельство, но мнѣ-то оно ясно... Да вы слушаете?

— Слушаю, — отвѣтила голова.

— Вы знаете, что моихъ интригъ съ женщинами за весь мой вѣкъ одна, двѣ, да и обчелся. Нѣтъ у меня ни наружности такой, чтобы бабы сами липли, ни такого темперамента, какъ у васъ, чтобы отъ него, какъ отъ запаха датуры, и самому одурѣть, и бабенку одурить. Безъ этихъ необходимыхъ для искренняго и невмѣняемаго донъ-Жуана свойствъ всѣ мои интриги сводились точь-въ-точь къ такому же свинству, какъ и моя побѣда надъ Юленькой. Нѣсколько разъ я зарекался и закаивался не вязаться съ этимъ „честнымъ“ бабьемъ, и нѣсколько разъ нарушалъ зарокъ по своей свинской распущенности. Каюсь, каюсь, мой ангелъ, я дѣйствительно распущенная тварь, но одинъ ли я виноватъ!..

Мартовъ поднялся на ноги и зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ взволнованъ.

— Одинъ ли я виноватъ? А она—не виновата? А она что же за собой не смотрѣла? Что же, я долженъ былъ за ней ухаживать и тутъ же въ промежуткахъ говорить: „Юлія Петровна, не забудьте отвергнуть мои дерзкія исканія. Юлія Петровна, не забывайте, что предъ вами субъектъ, получившій по женскому вопросу воспитаніе среди женщинъ вольнаго поведенія и у трактирной стойки!“ Чтѣ она, дитя развѣ неразумное? Скажите: „соблазнилъ женщину! погубилъ женщину!“ Какую малюточку! Нѣтъ-съ, я согласенъ, что я свинья, но, чортъ возьми, и она свинья. Казнить, такъ казнить обоихъ. Да и третьяго намъ въ компанію дайте—мужа!..

Мартовъ прошелся, подумалъ и остановился около Помятова вплотную.

— Вѣрите вы въ то, что я хоть немного понимаю людей и ихъ душонку? Вѣдь я все-таки не послѣдній русскій рецензентъ. Вѣрите въ мой психическій анализъ?

Помятовъ бивнулъ въ знакъ того, что, такъ себѣ, вѣрить, если это ужъ такъ нужно.

— Такъ знаете ли, съ какой стати Юленька мнѣ отдалась? А съ той стати, что ея мужъ завелъ себѣ на хуторѣ Солоху!—воскликнулъ Мартовъ, ожидая, что это сообщеніе произведетъ большой эффектъ.

Помятовъ хранилъ каменное выраженіе лица: все на свѣтѣ было такъ ничтожно и пошло.

— Тыфу!—плюнулъ Мартовъ, взглянувъ на собесѣдника, отошелъ къ окну и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ него, барабани пальцами по стеклу. Но на душѣ у него накопилось, и онъ изливался бы хоть передъ стѣнами. Онъ обернулся и продолжалъ:

— Итакъ, я долженъ былъ за ней ухаживать, и все повторять: „Юленька, смотрите, не мстите мужу измѣной! Юленька, смотрите, не мстите ему связью со мной, хотя и я добиваюсь этого. Юленька, не будьте нравственно распущенной русскій бабенкой восьмидесятыхъ годовъ, внучкой распущенныхъ крѣпостныхъ господъ, дочкой распущенныхъ вивѣровъ шестидесятыхъ годовъ, сестрицей старшихъ братцевъ, удивившихъ своею распущенностью во всѣхъ отношеніяхъ міръ въ семидесятыхъ!“ Отъ всей русскій исторіи долженъ былъ я ее защищать!! А затѣмъ, оградивъ отъ своихъ ухаживаній и нравственно перевоспитавъ Юленьку, я долженъ былъ начать перевоспитывать ея „выжигу“? Я долженъ былъ внушить ему, что заводить жена-

тому человѣку на сторонѣ Солохъ не слѣдуетъ? что мужу съ женой нужно обращаться любовно и кротко, а не укрощать ее, подобно Крейцбергу, какъ поступаетъ грубая выжига? Словомъ, я долженъ былъ изобразить собою благой промыслъ?!.. Нѣтъ-съ, позвольте-съ, я дѣйствительно свинья, я не уклоняюсь отъ этого почетнаго наименованія, но не дѣлайте изъ меня торжествующей свиньи,—свиньи, попирающей ногами угнетенную невинность, не преувеличивайте моей вины, а судите по совѣсти! И я, и Юленька, и выжига, мы одного стада, одной породы. Происшедшій грѣхъ не одинъ я сдѣлалъ, мы его втроемъ создали, и моя часть тутъ только третья, за которую я и отвѣтъ буду держать, но только за нее, а не больше. Такъ я говорю?

„Такъ“, — отвѣтила беззвучно голова, видимо, чтобы только отвязаться.

Но Мартовъ уже вошелъ въ азартъ, и, будь тутъ терновка, разговоръ превратился бы въ принципиальный, Мартовъ началъ бы кричать, какъ принципиально кричали наши герои въ первый день своего приѣзда сюда. Безъ терновки же Мартовъ кричалъ шопотомъ:

— Теперь представьте себѣ такого рода осложненіе. Бабенка, видимо, спитъ и видитъ, какъ бы удрать отъ мужа, отъ „выжиги“. Но „выжига“ не таковскій, чтобы ее отпустить. Конечно, удержатъ онъ ее не можетъ, но денегъ не дастъ. Кто же дастъ денегъ? Соблазнитель. Кто соблазнитель?—я. И вотъ-съ, я надумался предложить ей подѣлиться моимъ шальнымъ наслѣдствомъ: пятнадцать тысячъ мнѣ, пятнадцать тысячъ ей, пополамъ...

— Отчего же не все?

Это были первые слова, произнесенныя Помятовымъ во время всей бесѣды. Они были такъ неожиданны, что Мартовъ нѣсколько секундъ удивленно молчалъ.

— Чтѣ: не все?—спросилъ онъ потомъ.

— Не все наслѣдство ей?

— Ну нѣтъ, батенька!—отвѣтилъ Мартовъ.—Нѣтъ, душа моя! Я и то много отдаю. По настоящему, я долженъ отдать только треть, потому что мы втроемъ виноваты: я, она и выжига, а я вотъ цѣлую половину отдаю. Нѣтъ-съ, я самъ пятнадцать тысячъ съ пользою употребить желаю: у меня тоже есть „выжига“ — мой издатель. И на этого не мѣшаетъ грозу имѣть... Ну-съ, скажите мнѣ одно, притомъ не думавши, а категорически: слѣдуетъ ей предложить эти деньги?

— Слѣдуетъ предложить всѣ.

— Если всё, значить, и половина годится. Первое осложненіе, значить, устранено...

— А если она не возьметъ?

Мартовъ задумался на мгновеніе.

— Возьметъ!—съ увѣренностью сказалъ онъ потомъ.—Вижу по разнымъ взглядамъ, жестамъ и мимикамъ, что не только возьметъ, но и ждетъ, когда же я, наконецъ, предложу. Я вѣдь не послѣдній же литературный рецензентъ. Конечно, для благородства сначала откажется, но если оставитъ на столѣ и уйти, такъ не возвратитъ. Да, наконецъ, я, ничего не говоря, переведу ей черезъ банкъ—вотъ и все.

Помятовъ презрительно разсматривалъ талію Мартова.

— Посматривайте, посматривайте! — сказалъ послѣдній. — Конечно, намъ далеко до васъ: васъ съ Маней вашей прямо къ психиатру слѣдовало бы; вамъ хорошо идеальничать и насъ презирать. Погодите, лучше ли нашего кончите...—Послѣднюю фразу Мартовъ сказалъ почти про себя, такъ что собесѣдникъ ее не разобралъ, и продолжалъ:—что, скажите мнѣ, пожалуйста, ваша Дульцинея не имѣетъ вліянія на „персонажа“?

„Нѣтъ“,—отвѣтила голова Помятова, вновь ставши безмолвной.

— Жаль. Знаете ли...—Мартовъ пріостановился, самъ перебивъ свою рѣчь.—Персонажъ, это сокровище,—заговорилъ онъ о новомъ предметѣ, прервавшемъ его мысли.—Мы хороши, но онъ, онъ—послѣднее слово нашей распущенности, всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ. Созданіе хворое, дохлое, очень несчастное и очень противное, вдобавокъ очень недоброе и совершенно безсильное, словомъ—типичный клопъ. Его старшіе братья еще были способны, дошедши до чортиковъ, хоть разъ въ жизни на всякую чертовщину, съ тѣмъ, чтобы потомъ самому взорваться или удавиться, а этотъ пассивенъ, какъ болѣзнь, и противенъ, какъ она: разъѣдаетъ и себя, и другихъ, и ничѣмъ ее не вылечишь... Знаете ли, что эта животина подсматриваетъ за нами, написала романъ и описала тамъ паденіе вашей дульцинеи и моей Юленьки?..

Помятовъ вскочилъ, какъ ужаленный. Мартовъ взглянулъ на него и крикнулъ. „Сейчасъ скандалъ подыметъ“, испуганно подумалъ онъ: „вѣдь онъ теперь герой“, и поспѣшилъ продолжать, привирая сообразно обстоятельствамъ.

— Паденіе вашей красавицы, очевидно, ему неизвѣстно и описано фантастично: будто ее побѣдилъ какой-то гусарь.—Помятовъ успокоился.—Ну, а моя побѣда списана, очевидно, съ натуры,—под-

сматривать, бестія, не посовѣстился... Вотъ я и побаиваюсь, какъ бы онъ не заварилъ каши, не разблаговѣстилъ бы со злости, кому не слѣдуетъ. Вѣдь написалъ же свой дикій романъ, и всего въ десять, говорить, дней, а листовъ чуть не пятнадцать будетъ. Вотъ какая бестія злобная: день и ночь писала, всѣхъ обличила и всѣхъ обругала. Еслибы Марья Сергѣевна была съ нимъ близка, она удержала бы...

Мартовъ вопросительно взглянулъ на Помятова; тотъ сдѣлалъ видъ, что дремлетъ. Мартовъ посидѣлъ еще немного, докуривъ папиросу и ушелъ. Едва закрылась за нимъ дверь, Помятовъ вскочилъ съ кровати, отперъ свой чемоданъ, вынулъ оттуда два картонна, поставилъ ихъ передъ собой на стулья и, освѣтивъ получше, погрузился въ ихъ созерцаніе. Одинъ рисунокъ былъ—прекрасно нарисованная голова Мани. Другой—эскизъ, внушенный дѣвушкою, картины, пока понятной только одному художнику.

XX.

Мартовъ не напрасно тревожился по поводу „персонажа“: персонажъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ опасенъ.

Въ то время, когда Мартовъ сидѣлъ у Помятова, Сережа у себя въ комнатѣ перечитывалъ свой романъ. Чтеніе своего произведенія доставляло ему муку. Оно разбивало его, заставляя снова и снова переживать изображенныя въ немъ чувства и страсти. Гамма этихъ страстей и чувствъ была невелика; основнымъ тономъ была болѣзненная похотливость разбитыхъ нервовъ, и въ этомъ тонѣ развивались любовныя приключенія и впечатлѣнія романа. Бѣдный авторъ и не подозрѣвалъ, какъ онъ былъ низменъ въ своемъ настроеніи. Бѣднягѣ казалось, что имъ владѣютъ могучія и высокія страсти: любовь къ женщинѣ, ревность, неудержимое стремленіе къ прекрасному, великая жажда счастья, могучая любовь къ людямъ... Бѣдняга! какъ будто страсть—такая легкая ноша, что подъ силу всякому выродку! Отъ одного призрака страсти, отъ одного воображенія ея Сережа падалъ, какъ Фаустъ при голосѣ „духа земли“, и корчился въ свѣржныхъ судорогахъ. Онъ падалъ и говорилъ себѣ, что не его слабость въ томъ виновата, а необычайная сила страсти.

Сережа перечитывалъ свой романъ, и призраки страстей его мучили и терзали. Его романъ былъ списанъ съ натуры, и его терзала самая эта дѣйствительность. И послѣднія терзанія были уже совсѣмъ непривлекательныя: это была простая зависть.

Сережа познакомился съ Юліей Петровной и Маней, несмотря на то, что онъ имъ былъ родня, недавно, и ихъ отношенія были отношеніями знакомыхъ, а не родственниковъ. Если бы Сережа захотѣлъ за ними ухаживать, ему слѣдовало бы начать съ самаго начала. И онъ начиналъ, и каждый разъ изъ этого ничего не выходило. Онъ долженъ былъ иногда въ самомъ началѣ прекращать всякій болѣе или менѣе задушевный или игривый разговоръ, которымъ начинаются ухаживанія, и уходилъ, чтобы успокоиться: у него билось сердце, занималось дыханіе и пресѣкался голосъ. Успокоиваясь въ уединеніи, онъ изумлялся тонкой чувствительности своихъ нервовъ и силъ, которую имѣли его даже малыя чувства. Онъ намекалъ на эти обстоятельства дамамъ, но тѣ не оцѣнили его и не пошли ему на-встрѣчу, чтобы облегчить ухаживанье. Какъ много онъ теряли, видно было изъ романа, гдѣ Сережа описывался до того симпатичнымъ, до того гениальнымъ, до того страстнымъ, до того въ страсти обольстительнымъ и сильнымъ, что подобнаго ему мужчины еще не бывало на свѣтѣ. Когда Сережа читалъ собственное описаніе своихъ страстей, у него тоже начиналось сердцебиеніе и захватывало дыханье, совсѣмъ такъ, какъ во время ухаживанья. Въ романѣ дѣло происходило наоборотъ: дамы ухаживали, а Сережа не шелъ имъ на-встрѣчу. Въ романѣ это кончилось тѣмъ, что дамы приходили въ отчаяніе и отдавались первому встрѣчному почти безъ всякой пріятности. Въ романѣ Сережа былъ отомщенъ. Но не то происходило въ мечтахъ Сережи. О, эти больныя, истерическія мечты! Я отказываюсь слѣдовать за моимъ героемъ въ ихъ область, и не буду такъ смѣлъ, какъ одинъ изъ современныхъ поэтовъ, исчерпавшій эту рискованную тему болѣе чѣмъ до конца въ своей даже напечатанной поэмѣ. Исчерпывалъ ее и Сережа. Героинями мечтаній были и Маня, и Юлія Петровна, и Солоха, и всѣ встрѣченныя женщины. Въ воображеніи всѣ онъ принадлежали ему, и вдругъ этими женщинами овладѣли другіе въ дѣйствительности: Сережа зналъ о связяхъ Юліи Петровны и Мани. Это было для Сережи точно пробужденіемъ. Сонъ минулъ, наступила скучная, тяжелая дѣйствительность. Сережа старался вернуть сонъ, онъ не возвращался, а съ другими на яву συμβαλλομεν то счастье, которое ему только грезилось. Какое горе, а вслѣдъ за тѣмъ какая злая зависть охватили несчастнаго калѣку! Ему, его великой душѣ должно бы открыться счастье во всей своей полнотѣ, а оно далось какимъ-то пошлякамъ: Сережа при первомъ же проблескѣ зависти однимъ злобнымъ усиленіемъ увѣрился въ отвратительной пошлости не только Мартова, Береговича и

Помятова, но и всего человѣческаго рода. Къ тому же, точно чтобы дразнить Сережу, пошляки, владѣющіе счастьемъ, не несли свое счастье, какъ хоругвь, а носили, какъ носятъ сапоги; имъ было въ немъ удобно, пріятно, и только: ни безумныхъ порывовъ блаженства, ни восторговъ сладострастія... И вотъ, въ Сережу, къ его ужасу, начало закрадываться пониманіе этой дѣйствительной, а не призрачной любви. Оно становилось все яснѣе; онъ видѣлъ, что для него она невозможна; онъ впалъ въ отчаяніе, а злоба противъ здоровыхъ людей, злоба, которую онъ считалъ высшей ироніей и философскимъ пессимизмомъ, мгновеніями доходила до размѣровъ, которые были бы безобразны, еслибы не были безумны.

Въ такой злобѣ, ощущая такую зависть, оторвавшись, наконецъ, отъ своего романа, Сережа, неподвижно замеревъ, лежалъ въ своей маленькой, неопрятной и душной, закуренной табакомъ комнатѣ и глядѣлъ въ темноту. Неужели ему недоступно доступное этимъ скотамъ?—думалъ онъ:—вздоръ, вздоръ! возьметъ это отъ жизни и онъ, возьметъ, потому что, по примѣру другихъ, хочетъ взять, безумно хочетъ.

Чѣмъ дальше тянулась ночь, чѣмъ дальше одна и та же мысль, одно и то же желаніе владѣло головой и сердцемъ Сережи, тѣмъ больше они превращались въ манію этой ночи. Онъ мечталъ, какъ и всегда, о плотской любви; но на этотъ разъ онъ такъ и говорилъ себѣ, что жаждетъ только такой любви. Онъ мечталъ о женщинѣ, но только какъ о женщинѣ, не припоминая на этотъ разъ ни ея души, ни ея ума, ни даже ея наружности. Несчастный вдругъ всталъ, представивъ себѣ что-то, и пошелъ, торопливо шагая и судорожно толкая передъ собой затворенныя двери. Его трясло какъ въ лихорадкѣ. Чѣмъ дальше онъ шелъ, не видя да и не помня, куда онъ идетъ, и лишь инстинктомъ помѣшаннаго или лунатика направляясь куда слѣдуетъ, — тѣмъ сильнѣе становилась лихорадка. Онъ зналъ этотъ ознобъ и эту дрожь: они всегда отнимали у него силы. Онъ шелъ и, точно пьяный, шепталъ пересохшими губами: „дойду или нѣтъ? дойду или нѣтъ?“ Дрожь усиливалась, шопотъ несчастнаго становился слабѣе, сознаніе мутилось, ноги стали подкашиваться; онъ попытался сѣсть на стулъ и придержаться за столъ, но дрожь перешла почти въ судороги,—онъ сѣлъ мимо и съ шумомъ свалилъ стулъ и столъ... Черезъ нѣсколько мгновеній изъ своей спальни со свѣчкой и револьверомъ вышелъ испуганный Береговичъ. Сережа смотрѣлъ на него жалкими глазами и трясся. Береговичъ, отложивъ револьверъ, приблизился и быстро осмотрѣлъ шею и грудь

Сережи: не зарѣзался ли малый, не стрѣлялся ли. „Отравился“, — мелькнула у него мысль, когда онъ не нашелъ никакихъ ранъ.

— Отравился? — быстро и сердито прикрикнулъ онъ.

— Нѣтъ, — едва смогъ за спазмами отвѣтить Сережа.

— Не врешь? Смотри, братъ, говори, пока время! — еще сердитѣе и громче сказалъ Береговичъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Сережа, и затѣмъ заговорилъ, удовлетворяя злобѣ, зависти и обидному сознанию собственнаго несчастія; онъ заговорилъ такъ безучастно, съ такимъ неподвижнымъ лицомъ, что какъ будто бы не онъ, а изъ него говорили и несчастье, и зависть, и злоба, и болѣзнь, которая все трясла его въ „сухой истерикѣ“. — Юлія... Петровна съ Мартовымъ... — заговорилъ онъ и, не выбирая выраженій, сказалъ Береговичу о паденіи Юліи Петровны, которое дѣйствительно видѣлъ. Затѣмъ имъ овладѣло такое же равнодушное, но такое же сильное желаніе похвастаться, и онъ прибавилъ: — Она мнѣ измѣнила. — Блѣдный Береговичъ занесъ руку, чтобы ударить. Сережа, казалось, равнодушно кинулъ взглядъ на поднятую руку и такъ же равнодушно продолжалъ:

— Лгу, лгу... Я изъ мести, я влюбленъ въ нее, а она отдалась Мартову. — Про то, что Сережа влюбленъ въ Юлію Петровну, онъ снова солгалъ, и снова потому, что его равнодушно, но непреодолимо потянуло солгать; въ этой лжи онъ изображалъ себя такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе.

Онъ былъ почти безъ сознанія, но наслаждался видомъ Береговича, блѣднаго какъ полотно, съ разсвирѣпѣвшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страдающимъ взглядомъ и дрожащими губами.

Береговичъ, какъ перышко, подхватилъ Сережу и отвелъ его въ его комнату.

XXI.

Прошло дней десять... Но начну нѣсколько торжественнѣе: таковъ предметъ.

Часы петербургскаго адмиралтейства и петропавловской крѣпости пробили часъ пополудни, и почти въ то же мгновеніе въ двери извѣстнаго петербургскаго трактира вошелъ Мартовъ.

— Здравствуйте, другъ милый! — весело воскликнулъ онъ на привѣтствіе знакомаго швейцара. — Да чтд, милый, носить! — прибавилъ онъ, когда послѣдній, по заведенному порядку, хотѣлъ нести пальто Мартова вслѣдъ за нимъ изъ нижней прихожей въ верхнія сѣни. — Чтд носить: не шуба. Вотъ зимы дождемся, тогда!

—прибавилъ Мартовъ и радостно улыбнулся отъ предвкушенія зимы.

Наверху Мартова встрѣтилъ *метрадотель*, державшій себя съ заведомыми за панибрата, съ тою только разницей, что какъ будто не первымъ протягивалъ при встрѣчѣ руку.

— Васъ съ наслѣдствомъ-съ, — сказалъ *метрадотель*.

— Матери мои! ужъ имъ тутъ все извѣстно! — опять не будучи въ состояніи удержать удовольствія при встрѣчѣ съ старыми знакомыми, весело воскликнулъ Мартовъ. — Ну-съ, здоровьице какъ? Дѣлишки! конечно, блестящи? Въ какомъ часу запоръ?.. А „святая германдада“ въ сборѣ?

— Обязательно, — отвѣтилъ метрадотель, но отвѣтилъ не игриво, не позволяя себѣ ни малѣйшей шутливости, ибо надъ „святой германдадой“, надъ посѣтителями почетными, неприлично было шутить.

— Иванъ Ивановичъ? — спросилъ Мартовъ, оживленно причесываясь передъ зеркаломъ.

— Здѣсь.

Иванъ Ивановичъ былъ порядочно важный чиновникъ и морфинистъ, пребывавшій вслѣдствіе морфія въ безпрестанной жадѣ общества и дѣятельности. Днемъ его развлекалъ его департаментъ, вечеромъ — святая германдада, членомъ которой онъ состоялъ.

— И Платонъ Александровичъ? — продолжалъ Мартовъ скороговоркой, торопясь спросить про всѣхъ.

— И онъ, конечно.

— Ну, что, какъ онъ?

— Плохо.

Платонъ Александровичъ былъ отставной публицистъ, прогрессивный паралитикъ и пьяница, открывавшій уста единственно для сквернословія.

— И Антипъ Александровичъ?

И Антипъ Александровичъ оказался на своемъ посту. Этотъ былъ адвокатъ, чахоточный, полуживой человекъ. Четвертымъ членомъ этой трактирной „германдады“ былъ Мартовъ и состоялъ у остальныхъ трехъ на амшлуа *ingénu*, идеалиста и юноши.

Аккуратно каждый день собиралась эта четверка въ одномъ и томъ же трактирѣ около часа ночи и расходилась не раньше пяти, причемъ публицистъ былъ очень навеселѣ, Мартовъ навеселѣ просто, чиновникъ отъ утомленія дѣлался бѣлъ какъ сватерть, но довольно трезвъ, потому что пока еще вина при морфії не пилъ, а адвокатъ чернѣлъ и начиналъ задыхаться, не будучи пьянъ не отъ того, что не пилъ, а вслѣдствіе безумно нап्रा-

женныхъ нервовъ. Зато въ теченіе ночи адвокатъ бывалъ великолѣпно ядовитъ, чиновникъ сообщалъ самыя свѣжія чиновничьи новости, а публицистъ производилъ цѣлую вывозку всяческаго навоза. И въ какой адской тоскѣ расходились по домамъ эти бобыли, одной ногой уже стоявшіе въ могилѣ! Мартовъ въ сравненіи съ этими муміями былъ, въ самомъ дѣлѣ, и свѣжъ, и наивенъ, и юнъ.

Мартовъ вошелъ; сидѣвшая за столомъ тройка встрѣтила его изъясненіями шумной радости, но Мартовъ по глазамъ увидѣлъ, что она уже привыкла къ его отсутствію, и что ей какъ будто стѣснительно его присутствіе.

Мартовъ сѣлъ за столъ. Бутылка вина скоро разогрѣла и его, и муміи. Мартовъ вспомнилъ, что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ они вчетверомъ собираются за этимъ же столомъ, и ему показалось необходимымъ рассказать остальнымъ, что произошло въ единственную его за эти восемь лѣтъ отлучку; вѣдь что ни говори, а за восемь лѣтъ онъ сталъ принадлежать имъ, а они ему.

Мартовъ рассказывалъ не торопясь, художественно; надо сознаться, что лучшихъ цѣнителей хорошаго рассказа найти было трудно, и въ томъ петербургско-холостомъ тонѣ, цинизмъ котораго не щадитъ ужъ не то что, по поговоркѣ, отца родного, а и чести родной дочери не пощадилъ бы. Когда Мартовъ окончилъ эпизодъ ночного путешествія Сережи и сообщенія, которое Сережа сдѣлалъ Береговичу о женѣ, германдада разразилась хохотомъ. Паралитикъ ревелъ какъ бизонъ или какъ басистый паровозъ. Морфинистъ плакалъ отъ смѣха и поспѣшилъ, чтобы оправиться, сдѣлать себѣ впрыскиваніе. Чахоточный хохоталъ беззвучно, крѣпко стиснувъ губы, чтобы не вздохнуть неосторожно и не раскашляться.

— Вамъ смѣшно, а вы представьте мое положеніе!—сказалъ Мартовъ.

— Да какое же положеніе!—прошипѣлъ задыхавшійся адвокатъ.—Положеніе у такихъ выжить, какъ вы называете мужа, извѣстное: давай отступное, и бери ее со всѣми потрохами.

— А она ему и безъ отступного не надобна!—хохоча и указывая на Мартова воскликнулъ чиновникъ.

— И безъ потроховъ лѣшій бы ее взялъ!—прохрипѣлъ сквозь смѣхъ публицистъ.

— Ну-съ, рассказывайте. Тутъ должно послѣдовать восхитительное недоразумѣніе,—снова сказалъ адвокатъ, когда смѣхъ нѣсколько утихъ.

Мартовъ и лукаво, и серьезно обвелъ своихъ собесѣдниковъ

взглядомъ сквозъ ріпсе-пез, придерживая его за кончики обѣими руками.

— А вотъ вамъ и выжига! — воскликнулъ онъ. — Знаете, какъ онъ поступилъ? Рано утромъ, чуть свѣтъ, вопелъ ко мнѣ, блѣдный какъ полотно, и, чортъ бы его побралъ, великолѣпный, спокойный и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣшенный, — говоритъ отчетливо, но какъ во снѣ, мускулы напряжены, какъ стальные рессоры, и весь онъ — тронъ его — такъ и взорветъ, какъ динамитный патронъ. Въ рукахъ два револьвера, да еще разнокалиберные. Я въ ту же секунду, хоть и со сна, смекнулъ, въ чемъ дѣло, и думаю: стрѣляться нѣтъ мнѣ никакого резона, ибо ни умереть меня ничто не заставляетъ, ни выжигу убивать жажды у меня никакой нѣтъ. Бѣжать, — такъ съ мѣста, каналья, двинуться не дастъ, убьетъ, — видъ такой. Выбросить вонъ изъ комнаты — не выбросишь, силенъ и кромѣ того взбѣшенъ. — Чтò вамъ угодно? — спрашиваю. „А вотъ-съ, — отвѣчаетъ, — будемъ стрѣляться, не выходя изъ комнаты“. — Извините, вы навѣрно Сережинъ романъ прочли? — говорю я. — Какъ равкнетъ: — „Съ тобою не шутать, каналья!“ А я ему въ отвѣтъ и того громче: — И съ тобой, протобестія, не шутать! Онъ опѣшилъ на мгновенье, а я воспользовался этимъ мгновениемъ и сказалъ: — Я, — говорю, — зналъ, что Сережа сумасшедшій, но не думалъ, чтобы до такой степени. Его, — говорю, — лечить надо, а не вѣрить его бреду. Пойдемте-съ, я вамъ все разъясню. — Пошли, послушался. Приходимъ къ Сережѣ, — спитъ, а на столѣ лежитъ его романъ. Я потихоньку романъ въ руки, и въ сосѣдную комнату. Съ часъ безъ отдыха бился, читая и комментируя романъ, пока не то что убѣдилъ, а съ толку сбилъ человѣка, — съ толку и съ трагическаго тона. — Видите, — говорю, — что онъ вамъ сегодня ночью разсказалъ не правду, а сцену изъ своего романа. Впрочемъ, кажется, Сережа шевельнулся, пойдемъ и спросимъ его самого. Говорю это и думаю: ну, или выгорить, или, нечего дѣлать, придется одному изъ насъ быть или подстрѣленнымъ, или прострѣленнымъ. „Я, — говоритъ, — одинъ пойду и спрошу“. — Какъ угодно, — отвѣчаю, и вижу, что въ случаѣ если Сережа признаетъ себя лжецомъ, дѣло будетъ скрыто артистически; если же не признаетъ, — ну, тогда я попаду въ такое паскудное положеніе, что уже самъ полѣзу на ножъ, чтобы очиститься даже въ собственныхъ глазахъ. Дѣйствуя такъ, я не считалъ себя подлецомъ потому, что рисковалъ очень смѣло и очень крупно; въ случаѣ неудачи отвѣтилъ бы, а въ случаѣ удачи выигрывалъ двѣ цѣлыя шкуры, мою и Береговича, а можетъ быть и третью, его жены: вѣдь онъ совсѣмъ бѣшенный былъ.

И я, въ отвѣтъ на его желаніе—идти къ Сережѣ одному, сказалъ:—какъ угодно, идите одинъ... Пошелъ. Пробылъ тамъ минутъ пять,—я, ей Богу, былъ спокоенъ,—и вышелъ дуракъ дуракомъ, что-то ворча и бранясь себѣ подъ носъ. Эти „персонажи“ удивительно иной разъ догадливы бываютъ; такъ же догадливъ оказался на этотъ разъ и Сережа. Когда я вошелъ къ нему въ комнату и возвратилъ ему романъ, онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто онъ былъ воплощенная иронизирующая добродѣтель, а я—самый пресмыкающійся порокъ. Я каюсь: постарался оскорбить его,—не сказалъ ему ни слова, бросилъ на столъ романъ, не торопясь, напелъ спички, не торопясь, закурилъ папиросу, повернулся и, не взглянувъ на хворую каналью, ушелъ. Въ тотъ же день я уѣхалъ, сначала съ Береговичемъ въ уѣздный городъ, гдѣ запродавъ ему имѣнье—у насъ съ нимъ ужъ и раньше была о томъ рѣчь, а потомъ сейчасъ же въ Питеръ.

— А жена развѣ не допрашивалась?—спросилъ адвокатъ.

— Допрашивалась, конечно, тогда же ночью.

— И не созналась?

— За кого же вы ее считаете? Смотрить „кругло“ и „знать не знаю“.

— Да, а наслѣдство-то какъ же?—спросилъ чиновникъ, когда рассказъ Мартова былъ конченъ.

— Нечего дѣлать: отослалъ сегодня половину ей,—пожимая плечами, отвѣтилъ Мартовъ.

Германдада разразилась настоящей бурей смѣха. Это совершить могъ только такой *ingénu*, идеалистъ, маниакъ нелогичныхъ „добродѣтельныхъ“ выходокъ, какимъ у нея считался Мартовъ. Пятнадцать тысячъ! И кому?—Выжигъ въ юбкѣ. И за что?—за ничто, даромъ. Добро бы еще красавица была, или бы школой какой-нибудь особенной обладала, или бы какія-нибудь рѣдкія особенности у нея имѣлись. А то, самъ говорить, разобыкновеннѣйшая уѣздная барынька... Тьфу!—Все это было выражено Мартову, насколько говорить позволялъ смѣхъ.

— Да я самъ себѣ все это не разъ говорилъ!—воскликнулъ Мартовъ, входя въ свою роль *ingénu* и добродѣтельнаго чудака. —Я самъ рассуждалъ такъ же, но какъ вспомню, какимъ непосредственнымъ, какъ безъ разсужденій, явился ко мнѣ со своими разнокалиберными пистолетами Береговичъ, — Мартовъ вдругъ сталъ серьезенъ, — какъ вспомню, какой силой и правдой отъ него вдругъ повѣяло, какое бодрое бѣшенство имъ владѣло, и какъ оно все сломило и согнуло бы, еслибы его не одурачили, —такъ и мнѣ противно разсуждать, да и все тутъ. А ну-ка,

думаю, что выйдет, не разсудивши? Закрою глаза, помотаю головой, чтобы всѣ прежнія мысли вышли, потомъ открою глаза и спрошу себя, спрошу вдругъ и какъ можно скорѣе отвѣчу. Спрашивалъ я себя: „отдать половину наслѣдства?“ — и каждый разъ *непосредственный* отвѣтъ гласилъ: „отдать“. Отдалъ и чувствую, что такъ и надо; даже почти не жалко.

Буря смѣха утонула въ своей силѣ, — и долго ходилъ по Петербургу, между петербургскими старыми холостяками, рассказъ о томъ, какимъ способомъ Мартовъ достигъ непосредственности и усовершенствовался въ добродѣтели. Равный успѣхъ имѣлъ только другой рассказъ — о томъ, какъ Помятовъ осматривалъ съ привезенной имъ въ Петербургъ Маней петербургскія достопримѣчательности: Аничковъ мостъ, Лѣтній садъ, колонны исаіевскаго собора и пр.

Ну-съ, читатель, дѣйствіе „на лонѣ природы“ исчерпано. Я кончаю рассказъ и — единственно изъ любезности — вератцѣ сообщу кое-что о дальнѣйшей судьбѣ нашихъ героевъ.

Юлія Петровна на присылку денегъ (чрезъ отдѣленіе государственнаго банка, такъ что онѣ дошли и навѣрно были ею получены) не отвѣкнулась Мартову ни словомъ. Скоро она оставила мужа. Тотъ, говорятъ, былъ этимъ пораженъ, съ годъ былъ и огорченъ, и сконфуженъ, но теперь, слышно, ведетъ дѣло о разводѣ и собирается жениться на какой-то довольно богатой помѣщицѣ, сосѣдѣ по имѣнію.

Помятовъ, извѣстность котораго въ послѣднее время сильно пошла въ гору, съ женой не расходился, но все еще состоитъ въ связи съ Маней, которою началъ тяготиться, послѣ того, какъ написалъ внушенную ею картину: „Мученица, брошенная львамъ“, и послѣ того, какъ у нихъ былъ очень плохенькій и противный, скоро умершій, „персонажикъ“. Помятовъ тяготится своей связью, чувствуетъ угрызенія совѣсти, усиленно работаетъ, чтобы заглушить ихъ, и, кажется, скоро опять влюбится до одурѣнія въ кого-нибудь снова.

Мартовъ все собирается „создать“ нѣчто крупное, но все не идетъ дальше фельетоновъ и памфлетовъ... Да! кстати! Авторъ этого рассказа, только-что тогда оконченнаго, случайно и непредвидѣнно познакомился съ почтеннымъ Павломъ Ивановичемъ и имѣлъ неосторожность поспорить по поводу своего разсказа съ этимъ вліятельнымъ рецензентомъ.

Между прочимъ Павелъ Ивановичъ сдѣлалъ два общихъ замѣчанія. Первое относилось къ „композиціи“, къ формѣ раз-

сказа; второе—къ „тону“ его.—„У васъ передъ глазами такіе безукоризненные образцы, какъ наши „старіки“, Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ,—говорилъ П. И.,—а вы точно тупымъ ножомъ свѣжій хлѣбъ рѣжете: что ни ломоть,—что ни часть разсказа, ни глава,—то что-то искромсанное, измятое, корка оттиснута, мякоть скатана. Передъ вами совершеннѣйшіе образцы формы, вамъ только остается брать готовое, а вы и того не умѣете!“

— Павелъ Ивановичъ,—возразилъ на это авторъ,—уважаемый Павелъ Ивановичъ, повѣрьте, я не имѣю никакихъ претензій на совершенство формы, и назвалъ бы свой разсказъ не „хорошимъ“, а „вольнымъ“. Вольнымъ же я назвалъ бы его вотъ почему. Боже сохрани писателя брать для своего произведенія чужую форму, какъ бы она ни была совершенна! Вы очень ошибаетесь, если думаете, что форма не влияетъ на содержаніе. Цѣнныя произведенія создаются тогда, когда авторъ думаетъ только объ одномъ: выразить себя во всей полнотѣ и съ возможной точностью. Тутъ средства не разбираются, тутъ забота о формѣ и на умъ не придетъ, тутъ авторъ стремится къ своей правдѣ цѣликомъ, безъ путей. Хватило у него силъ пробиться къ цѣли—дорога за нимъ останется, онъ создастъ путь, найдетъ форму,—свой путь, свою форму, которая придется какъ разъ по содержанію и облечетъ его какъ разъ въ пору. По чужой дорогѣ въ свой домъ не придешь. Художники—не гѣвцы, а композиторы. Ихъ задача—найти самого себя, а не исполнить чужое. Вотъ почему я теперь оспариваю ваше замѣчаніе. Я вовсе не увѣренъ, что достоинства моего разсказа оправдываютъ мое своевольство, но съ меня будетъ достаточно, если современные дѣйствительно талантливые писатели послѣдуютъ моему совѣту и станутъ искать самихъ себя, вмѣсто того, чтобы путаться руками и ногами въ чужихъ формахъ и не двигать литературу впередъ, какъ это происходитъ уже не мало лѣтъ.

Павелъ Ивановичъ молчалъ, видимо не соглашаясь съ авторомъ.

Второе его замѣчаніе относилось къ „тону“ разсказа: П. И. назвалъ его циничнымъ. „Вы нарочно подбирали грязное,—сказалъ онъ,—и лѣпили эту грязь слишкомъ густымъ слоемъ. Впрочемъ вы поймете, что мнѣ, какъ одному изъ вашихъ героевъ, не совсѣмъ удобно распространяться объ этомъ обстоятельстве“...

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ,—возразилъ и на это неблаго-разумный авторъ:—да вѣдь еслибы на самомъ дѣлѣ не было этой русской грязи, этой распушенности, „психопатій“, пьянства,

„персонажей“, кому припала бы охота, нарочно ихъ выдумывать! Ну, какъ изобразить иными, не грязными красками этихъ полубольныхъ, полупьяныхъ рабовъ минуты и разнузданныхъ инстинктовъ? Прикрыть эту грязь? Но къ чему это поведетъ? И такъ уже мы слишкомъ злоупотребляемъ кротостью и мягкостью нашихъ „стариковъ“, ихъ списхожденіемъ къ нашимъ заблужденіямъ, участіемъ къ нашимъ сквернымъ болѣзнямъ, въ которыхъ сами же мы виноваты, прощеніемъ нашихъ грязныхъ грѣховъ. Вѣдь нѣтъ такого распутнаго ничтожества, которое не рядилось бы въ меланхолическій черный плащъ падшей высшей натуры. Мы все воображаемъ, что „страдаемъ“ — страдаемъ „униженными и оскорбленными“, страдаемъ „лишними людьми“, страдаемъ философски, въ образахъ „Ивана Ильича“ и „Алеши Карамазова“, страдаемъ „психопатически“ вмѣстѣ съ интересными и невмѣняемыми дѣтьми „нервнаго вѣка“, героями уголовныхъ процессовъ послѣднихъ лѣтъ, — тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы просто дичаемъ и звѣрѣемъ, — даже и тѣ изъ насъ, кто получше остальныхъ. Мы все воображаемъ, что мы — лермонтовскій демонъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы — гоголевскія „свинья рыла“, которыя видѣтъ городничій, глядя со сцены въ зрительный залъ. Неужели же нельзя, не слѣдуетъ, не пора, говорить всей правды, какъ бы она груба и даже грязна ни была?!

В. Дѣдловъ.

* * *

Мнѣ за „гражданскую“ тоску
Одинъ философъ задать гонку,
И прочиталъ мнѣ, старику,
Нравоученье, какъ ребенку.

„Впадать въ унынье—не умно;
Смотрѣть на жизнь должны мы бодро.
Вѣдь послѣ дня всегда темно,
И дождь всегда смѣняетъ вѣдро.
Въ явленьяхъ жизни есть чередъ;
Но ни добра въ нихъ нѣтъ, ни худа.
Вчера бѣжали мы впередъ;
Сегодня пятимся покуда.
Пускай свистятъ бичи сатиръ,
Пусть ноютъ жалобныя пѣсни,—
Когда впадаетъ въ спячку міръ,
Не разбудить его—хоть тресни!
Коль мы бесспорно признаемъ
Законы жизни міровые,—
Подъ неизбежнымъ ихъ ярмомъ
Покорно склонимъ наши выи.
Гражданскихъ слезъ логичнѣй—смѣхъ.
Противъ рожа не прѣтъ философъ.
Не признаю я вашихъ всѣхъ
Такъ-называемыхъ вопросовъ.
Плачь не спасетъ отъ бѣдъ и золъ;
Въ стихахъ же плачь не дастъ и славы.
Прощайте. Dixi“!

И ушелъ...

Чтожъ! Вѣдь его сужденья—здравы.

Онъ самъ—и молодъ, и здоровъ...
Какія-жъ могутъ быть причины,
Что отъ здоровья этихъ словъ
Такъ вѣетъ запахъ мертвечины?

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ

ВЪ РЯДУ

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ НАУКЪ

— О. П. Еленевъ: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи“. Спб., 1889 г.

При первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, книга О. П. Еленева, подъ скромнымъ заглавіемъ — о нѣкоторыхъ только желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи, — обратила на себя также не болѣе, какъ нѣкоторое вниманіе въ нашей печати: замѣтки, вызванныя ею, ограничились краткою передачей содержанія книги, съ болѣе или менѣе обширными выписками изъ нея; но въ виду предпринимаемаго нынѣ пересмотра и провѣрки программъ гимназическаго обученія, мысли автора, его взгляды и сообщенные имъ факты приобрѣтаютъ новое значеніе и вызываютъ на размышленія о многомъ. Мы ожидали, что книга г. Еленева породитъ собою въ педагогическомъ мірѣ цѣлую литературу, но ничего подобнаго не случилось: у насъ именно лица, непосредственно прикосновенныя къ дѣлу преподаванія и потому ближе знакомыя съ нимъ — въѣ времени, посвящаемаго ими службѣ, рѣдко употребляютъ свой досугъ на то, чтобы подѣлиться съ обществомъ результатами своихъ наблюденій или отнестись критически къ разъ навсегда установленному плану преподаванія и высказаться по этому поводу болѣе или менѣе самостоятельно. И это вовсе не потому,

чтобы наши педагоги имѣли какое-нибудь основаніе къ тому, чтобы онасаться, подобно извѣстному герою Щедрина, получить какую-нибудь научную командировку, для лучшаго усвоенія спряженія глагола „ашаге“, но дѣйствительно—у немногихъ изъ нихъ найдется на то желанный досугъ, и не всякій можетъ „своеобразно говорить общезвѣстное“, какъ перевелъ Тургеневъ слова Горация: „*proprie communia dicere*“. А вѣдь только въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ публикѣ удостоиваются вниманія статьи, касающіяся вопросовъ воспитанія и преподаванія, и, такимъ образомъ, много истинъ, узанныхъ горькимъ житейскимъ опытомъ, уходятъ въ могилу умершаго учителя.

Въ книгѣ О. П. Еленева едва ли не впервые напечатанъ отрывокъ изъ воспоминаній одного изъ такихъ педагоговъ—покойнаго Ив. Ив. Пискарева; какой глубокой правдой дышутъ эти строки—вмѣстѣ и отца своихъ дѣтей, и воспитателя чужихъ. Но пока явленіе это—своего рода *unicum*, и потому тѣмъ болѣе желательно было бы, чтобы голосъ его не остался гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Обращаясь въ самому труду О. П. Еленева, мы будемъ держаться порядка положеній, избраннаго самимъ авторомъ, и остановимся особо только на ея XIII отдѣлѣ.

Если сравнить число трудовыхъ часовъ нашихъ учениковъ, нашихъ студентовъ, нашихъ чиновниковъ и нашего рабочаго, фабричнаго люда, то окажется, что всего болѣе обременены первые—воспитанники нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Послѣ пяти часовъ напряженнаго вниманія, они, являясь домой, не имѣютъ возможности какъ слѣдуетъ отдохнуть, вновь достаютъ книги и начинаютъ готовиться къ пяти урокамъ слѣдующаго дня. Праздники для нихъ не могутъ имѣть своего освѣжающаго и ободряющаго значенія, да и самое названіе ихъ, напоминающее слово: „праздный“ (какъ прежде воскресенье называлось „недѣлей“ отъ сравнительнаго ничего недѣланья, а отсюда и понедѣльникъ, день, слѣдующій за „недѣлей“), какъ-то разошлось съ своимъ корнемъ. На праздники-то обыкновенно и задается больше: какое-нибудь сочиненіе, что-нибудь наизусть... Такимъ образомъ, всего менѣе иногда можно быть ученику празднымъ—въ праздникъ. Весело еще мальчику засыпать съ субботы на воскресенье, но тяжело просыпаться въ понедѣльникъ...

Изъ книги г. Еленева мы узнаемъ дѣйствительно слѣдующее:

„Въ нашихъ гимназіяхъ ученикъ I-го класса проводитъ въ стѣнахъ гимназіи, не считая двухъ необязательныхъ уроковъ черченія и рисованія, 26 часовъ въ недѣлю; II-го класса—30 ча-

совѣ, а начиная съ III-го класса—по 33 часа; съ уроками же черченія и рисованія надобно сказанное число часовъ увеличить двумя часами“. Слѣдуетъ прибавить сюда еще часы внѣ-классной гимнастики, музыки, пѣнія, танцевъ, спѣвоу для церковныхъ пѣвчихъ, репетицій для участвующихъ въ оркестрѣ. И сверхъ всего этого, нѣкоторые ученики, въ видѣ наказанія, отсиживаютъ на недѣлѣ цѣлые часы послѣ занятій въ тѣхъ же душевныхъ, невывѣтренныхъ послѣ класса помѣщеніяхъ, а порою и въ праздники послѣ обѣдни!..

Вотъ почему почтенный авторъ ставитъ на первое мѣсто въ числѣ своихъ „нѣкоторыхъ“ желаемыхъ улучшеній слѣдующее предложеніе: *„необходимо привести продолжительность учебныхъ занятій гимназистовъ въ соотвѣтствіе съ ихъ возрастомъ и силами“*.

Съ этою цѣлью предлагается: „во-первыхъ, сократить программы и учебники по древнимъ языкамъ, церковно-славянскому, всеобщей исторіи, географіи и закону Божію“. Начнемъ, прежде всего, съ преподаванія русскаго и старо-славянскаго языковъ, и остановимся на фактахъ, съ которыми могутъ быть знакомы и не-педагоги, но имѣющіе дѣтей или родственниковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Не намъ однимъ, вѣроятно, случалось находить самыя грубыя грамматическія ошибки у воспитанниковъ, которые были наканунѣ полученія аттестата зрѣлости. И вотъ причина такому явленію, повидимому не оправдываемому ничѣмъ и далеко не соотвѣтствующему тѣмъ усиліямъ и затратамъ времени, которыя дѣлаются на обученіе.

Въ приготовительномъ классѣ изучаются начатки русской грамматики; въ первомъ классѣ—этимологія, во второмъ—часть синтаксиса, въ третьемъ—весь синтаксисъ и общее ученіе о періодахъ. Въ четвертомъ—проходятъ старо-славянскую грамматику; при переходѣ въ пятый—сдають экзаменъ за курсъ всѣхъ четырехъ классовъ, и русскій языкъ считается изученнымъ. Въ приготовительномъ классѣ грамматика усваивается обыкновенно со словъ учителя, а въ первыхъ трехъ классахъ—большею частью придерживаются учебниковъ Кириичникова и Гилярова или Смирновскаго, хотя эти учебники далеко не тождественны, и опытный глазъ сразу узнаетъ, учились ли вы по тому или по другому изъ этихъ руководствъ. До четвертаго класса, такимъ образомъ, ученикъ изучалъ русскій языкъ практически, механическимъ путемъ, мало отдавая себѣ отчета въ основательности того или другого правила. Перешелъ онъ въ четвертый классъ, и сразу попалъ въ бездну тонкостей старо-славянской рѣчи, къ

чему онъ вовсе не привыкъ. Память его загромождена словами, правилами и исключеніями латинскими, греческими, французскими, нѣмецкими и русскими, въ которыхъ онъ разбирается съ грѣхомъ пополамъ (не забудемъ, что ему только тринадцать лѣтъ!), и вотъ онъ, къ великому своему соблазну приступаетъ къ „азъ, буки, вѣди, глаголю“, которые боятся перепутать съ только-что успѣвшими нѣсколько улечься „а, б, в, г“, а при этомъ ему ни минуты не даютъ покоя ни латынь, ни греческій, ни французскій, ни нѣмецкій языки. Понятно, что онъ начинаетъ зубрить съ ожесточеніемъ путанныя при этихъ условіяхъ склоненія и спряженія, старается не забыть „юсы“ большіе и малые, твердые и мягкіе гласные звуки, іотованные и простые, а на практикѣ ему удастся узрѣть все это два-три раза въ какомъ-нибудь коротенькомъ обрывкѣ предложенія, выхваченнаго изъ приложенной къ учебнику убогой христоматіи. Но всѣми правдами и кривдами онъ, положимъ, одолѣлъ всѣ эти премудрости, и его допускають къ экзамену въ пятый классъ; счастливо выдержавъ такой экзаменъ, онъ съ необычайною легкостью забываетъ плохо имъ переваренную сырую умственную пищу. Все же однако онъ вздыхаетъ нѣсколько свободнѣе, ибо русскаго языка, въ его новой и старой непривлекательной грамматическо-аналитической формѣ онъ больше не встрѣтитъ въ гимназіи. Только развѣ въ университетѣ профессоръ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій воскреситъ въ бывшемъ ученикѣ гимназіи любовь къ родному языку, только тамъ онъ узнаетъ судьбы нашего языка, пойметъ его связь съ другими родственными нарѣчіями, станетъ цѣнить его, какъ высокое орудіе человѣческой мысли, какъ достойное произведеніе своихъ великихъ писателей... Иначе идетъ дѣло преподаванія отечественнаго языка на западѣ. У французовъ, напр., вы встрѣтите два ряда грамматикъ: практическихъ и историческихъ. Какъ представителя первыхъ, назовемъ, напримеръ, Ларусса, вторыхъ—Браше. И у того, и у другого, есть нѣсколько курсовъ: младшій, средній и высшій, которые ученикъ постепенно изучаетъ, переходя изъ младшихъ классовъ въ старшіе; каждая связная трехтомная серія этихъ учебниковъ носить въ основѣ одну общую идею. Послѣ долгихъ споровъ, въ августѣ 1880 года, во Франціи обратились къ преподаванію историческому, и въ одномъ изъ предисловій къ своимъ грамматикамъ Браше, привѣтствуя давно желанную реформу, ссылается на извѣстную аксіому Бэкона: *Vere scire est per causas scire*—и приводитъ слова Мишеля Бреаля: „*La grammaire traditionnelle formule ses prescriptions comme les décrets d’une volonté*

aussi impénétrable que déconseillée; la grammaire historique fait glisser dans ces ténèbres un rayon de bon sens, et au lieu d'une docilité machinale, elle demande à l'élève une obéissance raisonnable". Кроме того, ученики получаютъ во Франціи и свѣденія по сравнительному языковеденію, для чего, напримѣръ, нынѣ покойный Эггэ (Egger) издалъ свои „Notions élémentaires de grammaire comparée“.

У насъ, какъ мы выше сказали, получили монополію гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ и г. Смирновскій, отличающійся особенно плодovitостію: нѣтъ класса, для котораго у него не было бы своего учебника—русской грамматики, русскаго диктанта, старо-славянской грамматики, теоріи словесности, исторіи русской литературы, въ числѣ которыхъ, конечно, найдутся и недурные. Въ IV-мъ классѣ проходятъ грамматику старо-славянскаго языка или по Смирновскому, или по Перевлѣтскому, хотя лучшей школьной грамматикой этого языка слѣдуетъ несомнѣнно признать грамматику покойнаго варшавскаго профессора Колосова, ясную и краткую, и которую не даромъ рекомендуютъ вниманію даже студентовъ въ университетахъ.

Намъ кажется, что серьезное изученіе старо-славянской грамматики слѣдуетъ перенести въ одинъ изъ старшихъ классовъ, напримѣръ въ седьмой, когда улеглись въ головы учениковъ всѣ инныя грамматики, когда они достаточно уже созрѣли для осмысленнаго отношенія къ новому для нихъ языку. Въ младшихъ же классахъ гимназіи можно проходить важнѣйшія правила этого языка при чтеніи и переводѣ новаго завѣта, какъ это и дѣлается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Въ старшихъ классахъ слѣдовало бы проходить и сравнительную грамматику русскаго и старо-славянскаго языковъ, такъ какъ дознано опытомъ, насколько полезно подобное изученіе. Тутъ могутъ служить пособіемъ „Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянской“, Буслаева, соглашенный въ послѣднемъ изданіи съ правописаніемъ академіи, и „Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языковъ, сближенная съ этимологіями языковъ греческаго и латинскаго“, Бѣлявскаго. Для постоянныхъ справокъ ученикамъ могутъ служить „Русское правописаніе“, Я. К. Грота, и „Зрительный диктантъ“, Зелинскаго.

Но вотъ ученикъ достигъ пятаго класса гимназіи. Здѣсь проходитъ теорію словесности, по учебнику Смирновскаго, Бѣлорусова или Радонежскаго, хотя лучшею учебною книгою по этому предмету можетъ служить опять-таки Колосова („Теорія поэзіи“), по присущей автору ясности и краткости изложенія.

Пользуются также заслуженной известностью, но болѣе какъ пособія, „Словесность въ образцахъ и разборахъ“, Водовозова, и „Руководства“ Стоюнина. Учителя обращаются также къ „Поэтикѣ, историческому сборнику статей о поэзіи“, Воскресенскаго, науѣ, давно уже вышедшей изъ области университетскаго преподаванія; въ университетахъ теперь замѣняютъ это чтеніемъ „Питиики“ Аристотеля, „Посланія къ Пизонамъ“ Горация и трактата „О прекрасномъ“, приписываемомъ ритору Кассію Лонгину.

Въ VI, VII и VIII классахъ изучается исторія литературы, обыкновенно по тому же Смирновскому или по учебнику А. Д. Галахова. Г. Смирновскій, надобно думать, самъ сознаетъ многіе недостатки своего чисто-компилятивнаго труда, ибо каждое новое изданіе является „вновь обработаннымъ“, и если у васъ въ гимназіи три сына въ разныхъ классахъ, то, будьте увѣрены, каждая часть этого четырехъ-томнаго учебника будетъ вами приобрѣтена въ трехъ изданіяхъ, мало другъ на друга похожихъ; въ итогъ лишняя трата десятка-другого рублей и увеличеніе вашей библіотеки учебниковъ двѣнадцатью томами. Лучшими исторіями литературы у насъ считаются Шевырева, Порфирьева, Полевого и Галахова; Порфирьевъ и Галаховъ имѣются въ двухъ изданіяхъ: полномъ—для высшихъ учебныхъ заведеній, и краткомъ—для среднихъ. Серьезное, дѣльное изложеніе Галахова почему-то считается у насъ слишкомъ труднымъ для гимназистовъ, и потому даютъ имъ въ руки сбивчивый, расплывчатый языкъ неумѣлаго компилятора.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о темахъ для русскихъ сочиненій. Большею частью наши учителя вдохновляются сборниками темъ Холевіуса, Гаврилова и Весина, изъ коихъ первый переведенъ съ нѣмецкаго, а послѣдній составленъ по нѣмецкимъ источникамъ, руководствамъ и сборникамъ, какъ-то Beck, Cholevius, Goebel, Graf, Hartung, Herzog, Kellner, Klemm, Linnig, Rinne, Venn, Virchoff's Archiv и Werneke. Уже одно это обстоятельство показываетъ зависимость нашихъ учителей отъ иностранныхъ составителей и прямо предполагаетъ преобладаніе иностранныхъ темъ надъ русскими, что мы и видимъ въ дѣйствительности.

Въ исторіи литературы, думаемъ, очень мало найдется сочиненій, авторы коихъ работали бы такъ клаузурно, экспромптомъ, какъ наши выпускные гимназисты. Ко всему этому имъ часто задаются темы, непосильныя даже нашимъ первокласснымъ писателямъ. Вотъ, напримѣръ, отвѣтное письмо Тургенева М. А. Милутиной изъ Парижа, отъ 22-го февраля 1875 г. („Первое

собрание писемъ И. С. Тургенева“, письмо 199) на ея сообщеніе, что сыну ея, къ экзаменамъ, задали сочиненіе: „Міросозерцаніе Тургенева по его произведеніямъ“: „Отнести либо отрицательно, либо юмористически къ подобному вопросу было бы легко и даже естественно... Признаюсь откровенно, не могу не дивиться, *какія странныя задачи предлагаютъ воспитанникамъ низшихъ учебныхъ заведеній!!..* а прочесть, современемъ, сочиненіе вашего сына по этому предмету будетъ весьма интересно!“ Извѣстенъ фактъ, что дочь одного именитаго писателя получила двойку за сочиненіе, написанное для нея отцомъ. А сколько разъ бывали казусы, что учителя исправляли и ставили дурные баллы Бѣлинскому, выписки изъ котораго предлагались учениками вмѣсто самостоятельной работы.

Въ классическихъ гимназіяхъ учителя словесности являются также преподавателями логики. Прежде ее изучали въ V-мъ классѣ, теперь она проходится въ VI-мъ, по одному уроку въ недѣлю. Есть у насъ три учебника логики трехъ университетскихъ профессоровъ: варшавскаго — Струве, петербургскаго — Владиславлева и московскаго — Троицкаго, составленныхъ *ad hoc*; но который изъ нихъ обладаетъ истинными качествами хорошаго учебника, до сихъ поръ не рѣшено. Учитель изъ году въ годъ пробуетъ примѣнять тотъ или другой изъ нихъ, но все безуспѣшно: ученики легко запоминаютъ анекдоты о „покрытомъ“, „рогатомъ“ и проч. силлогизмахъ, о лживыхъ крѣтянахъ, но логики, буде таковой не имѣютъ отъ природы, не усваиваютъ, и намъ кажется, что въ томъ видѣ, какъ преподается теперь логика въ классическихъ гимназіяхъ, эта наука не можетъ развивать умственные силы учениковъ: все сводится къ усвоенію памяти, которая вообще играетъ въ нашихъ школахъ видную роль. Мы думаемъ, что изученіе правилъ логики наизусть по учебнику — совершенно лишняя трата времени; логику или слѣдуетъ преподавать логичнѣе, или вовсе исключить изъ гимназической программы. Она полезна для людей, уже обладающихъ научнымъ матеріаломъ въ достаточной степени, для того, чтобы самостоятельно мыслить. *Primum discere, deinde vivere, denique philosophari*, — а тутъ выходитъ какъ разъ наоборотъ.

Указавъ на необходимость сократить программы и учебники по всеобщей исторіи, г. Еленевъ прибавляетъ: „При прохожденіи всеобщей исторіи — не вдаваться въ мелкія событія и подробную хронологію, а стараться доводить учениковъ до пониманія взаимной связи событій, зависимости послѣдствій отъ причинъ“.

Въ богатыхъ римскихъ домахъ были особые рабы, пошеп-

clatores, на обязанности которых лежало знать имена всѣхъ слугъ и знакомыхъ хозяина. Когда господинъ принималъ утромъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ, номенкляторъ стоялъ позади его и нашептывалъ имя гостя. Во время выборовъ, на форумѣ или на Марсовомъ полѣ, всякій кандидатъ ходилъ въ сопровожденіи одного или двухъ такихъ номенклаторовъ, подсказывавшихъ ему имена тѣхъ встрѣчавшихся гражданъ, передъ которыми онъ заискивалъ, и которыхъ онъ долженъ былъ привѣтствовать по имени, дабы снискать ихъ расположеніе и поддержку на выборахъ; въ случаѣ необходимости, номенклаторы тутъ же вратцѣ сообщали своему господину и общественное положеніе того или другого лица.

Нѣкоторую аналогію съ этими „номенклаторами“ представляютъ въ театрахъ суфлеры (существовавшіе, впрочемъ, и въ греко-римскомъ мірѣ), подающіе актерамъ реплики; но опасность придти къ полному почти тождеству съ ними въ умственномъ отношеніи угрожаетъ именно учащимся у насъ исторіи: при всякомъ, даже незначительномъ, историческомъ лицѣ и событіи они обязаны держать въ своей головѣ готовый отвѣтъ. Замѣтимъ, что ихъ роль несравненно труднѣе ихъ римскихъ собратьевъ, ибо мертвая историческая номенклатура обширнѣе и запоминается труднѣе, чѣмъ живая номенклатура пріятелей и знакомыхъ любого римскаго патриція.

„Наши учителя исторіи, — говоритъ Еленевъ, — любятъ больше распространяться по исторіи всеобщей, чѣмъ по русской, во-первыхъ, потому, что многія части всеобщей исторіи обработаны въ научномъ отношеніи гораздо лучше, чѣмъ русская исторія, и доставляютъ преподавателямъ случай щегольнуть предъ учениками своею ученостью; а во-вторыхъ, и потому, что учителя исторіи часто не принадлежатъ къ русской народности (чехи?) и, слѣдовательно, вполне равнодушны къ прошлымъ судьбамъ нашего отечества и даже сами знаютъ ихъ весьма поверхностно, не заглядывая дальше того учебника, который обязательно введенъ въ гимназіяхъ“... „Слишкомъ подробное изученіе въ гимназіяхъ всеобщей исторіи ведетъ, между прочимъ, къ тому, что, при прохожденіи русской исторіи, не остается времени для чтенія съ учениками не только замѣчательнѣйшихъ древне-историческихъ письменныхъ памятниковъ, но и такихъ твореній, какъ исторіи Карамзина и Соловьева“... „Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ первое мѣсто отведено германской исторіи, а остальные части средней и новой исторіи преподаются гораздо короче, чѣмъ у насъ“. Все это вполне справедливо.

Въ дѣлѣ преподаванія географіи всѣ наши учителя должны сознать, что исполнѣ удовлетворительнаго учебника по этому предмету у насъ нѣтъ вовсе; объясняется же это тѣмъ, что и опредѣленіе географіи какъ науки еще не установлено; многое къ ней прибавляется, многое отнимается: весьма часто она смѣшивается съ антропологіей, геологіей, этнографіей, исторіей и отчизновѣденіемъ; что лишь недавно въ университетахъ, откуда выходятъ учителя географіи, заняты каеодры по этому предмету, а до сихъ поръ географію имѣлъ право преподавать всякій окончившій курсъ въ университетѣ, будь то юристъ, филологъ, естественникъ или математикъ, что далеко не безразлично для преподаванія такого предмета. Затѣмъ и сами учебники до сихъ поръ составлялись односторонне, большею частью филологами, мало знакомыми съ естественными и математическими науками. Географія часто сводилась въ шлолахъ къ изученію голыхъ именъ и цифръ. Въ IV-мъ классѣ сдается экзаменъ изъ географіи за четыре года; сюда входитъ общій обзоръ земного шара (I кл.), всѣ части свѣта (II и III кл.) и Россія (IV кл.); необходима положительно недюжинная память, чтобы осилить всю бездну названій народовъ и мѣстностей, съ которыми въ умѣ учениковъ по большей части не связано никакого представленія, ни географическаго, ни историческаго. Въ VII и VIII классахъ обыкновенно повторяютъ тѣ же учебники младшихъ классовъ, съ нѣкоторыми пропусками, но при окончаніи курса провѣрки этихъ знаній не дѣлается. Въ VIII-мъ классѣ, сверхъ того, проходится космографія, какъ отдѣлъ математическихъ наукъ, но часто такъ мало толково, что, напримѣръ, по учебнику Малинина для женскихъ гимназій изучается едва четвертая часть, и такой важный предметъ сводится къ кое-какимъ обрывкамъ мыслей, между тѣмъ какъ онъ не даромъ поставленъ въ концѣ гимназическаго курса, какъ завершительное звено познаній математическихъ, географическихъ и историческихъ. Совѣтъ Ѳ. П. Еленева: — „курсъ географіи не обременять преждевременными свѣденіями статистическими, этнографическими и культурно-историческими, а держаться прямой цѣли этой науки“ — заслуживаетъ полнаго вниманія.

По поводу преподаванія закона Божія, въ книгѣ г. Еленева высказывается мысль о необходимости „при прохожденіи закона Божія дать перевѣсъ нравственному элементу христіанскаго ученія предъ подробностями историческими, догматическими и обрядовыми“, — и дѣйствительно, нельзя не признать, что при современномъ положеніи дѣла остаются неувоенными даже самые крупныя событія и факты ветхаго и новаго заветъа.

Въ пунктѣ четвертомъ своихъ положеній г. Еленевъ переходитъ къ весьма важному вопросу—о переутомленіи учениковъ нашихъ гимназій, преимущественно замѣтнымъ во время экзаменовъ, и особенно въ IV и VI классахъ, гдѣ повторяются и сдаются курсы нѣсколькихъ лѣтъ. „Экзамены въ этихъ двухъ классахъ, вслѣдствіе массы требуемыхъ на нихъ познаній, являются истиннымъ бичомъ для гимназистовъ: они, въ теченіе мая мѣсяца, до того напрягаютъ свой умъ и нервы и надрыываютъ здоровье, что пагубные слѣды такого напряженія остаются у многихъ на всю жизнь. Этотъ злополучный май мѣсяцъ и есть именно та эпоха, когда наичаще случаются между гимназистами опасныя заболѣванія, психическое расстройство и самоубійства“. Въ книгѣ г. Еленева приводится нѣсколько такихъ случаевъ переутомленія и его прискорбныхъ результатовъ. И намъ памятенъ одинъ такой случай. Юноша, послѣ основательной домашней подготовки, поступилъ въ гимназію, гдѣ сразу же сталъ первымъ ученикомъ своего класса и далеко превосходилъ познаніями всѣхъ своихъ товарищей. Курсъ онъ кончилъ первымъ и былъ награжденъ золотой медалью. Въ университетѣ онъ также обратилъ на себя вниманіе: еще до сихъ поръ не забыто рѣдкое обстоятельство, чтобы кто-нибудь могъ получить три золотыхъ медали за три конкурсныхъ сочиненія, притомъ не всѣ по одной специальности. И вотъ этотъ весьма талантливый юноша тоже не избѣгъ печальныхъ послѣдствій переутомленія. Онъ еще прежде сильно страдалъ агорафобіей (боязнью пространства); напримѣръ, онъ могъ доходить только до половины Дворцоваго моста, а дальше у него начиналось головокруженіе; онъ бралъ извозчика и ѣхалъ домой.

„Извѣстно всѣмъ, — говорить г. Еленевъ, — имѣвшимъ возможность наблюдать нашихъ гимназистовъ въ ихъ домашнемъ быту, что болѣзненнымъ припадамъ подвергаются преимущественно самые прилежныя изъ нихъ, тогда какъ лѣнтяи и недоучки благополучно ускользаютъ отъ этихъ послѣдствій непомѣрнаго умственнаго и физическаго утомленія“.

Въ переживаемый нами нервный вѣкъ вообще слѣдовало бы предъявлять молодому уму меньшія и болѣе толковыя требованія.

Далѣе, г. Еленевъ предлагаетъ „ввести въ курсъ гимназій преподаваніе естественныхъ наукъ, а также геометрическое черченіе и рисованіе тѣлъ и орнаментовъ съ моделей, какъ обязательные предметы“. Естественныя науки въ былое время преподавались въ нашихъ гимназіяхъ, да и теперь еще ихъ программы напечатаны на ряду съ другими въ „Учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства на-

роднаго просвѣщенія“; но естествознаніе въ нихъ не преподается, такъ что въ этомъ отношеніи наши институты стоятъ выше нашихъ же „зрѣлыхъ“ юношей. На естественномъ и на математическомъ отдѣленіи физико-математическихъ факультетовъ, ученики нашихъ реальныхъ училищъ были бы на своемъ мѣстѣ; бывшіе же ученики классическихъ гимназій чувствуютъ себя тамъ первое время совершенно потерянными и съ большимъ трудомъ могутъ слѣдить за курсомъ. То же повторяется и въ другихъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ въ нихъ преподается не столько теорія, сколько прикладныя науки, то знаніе черченія и рисованія тамъ положительно необходимо уже при самомъ началѣ курса. Поэтому, напр., въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ „классики“ долго образуютъ изъ себя отдѣльную, отсталую группу, и къ нимъ приставляютъ особаго чертежника-руководителя.

Желаніе г. Еленева—„раздѣлить VIII-й классъ гимназій на два отдѣленія: словесно-историческое и естественно-математическое“—уже осуществлено съ пользою въ специальномъ (VII-мъ) классѣ реальныхъ училищъ, а также въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ школахъ. Но, собственно говоря, *восьмой классъ является у насъ излишнимъ*. Лучше принимать въ первый классъ не такихъ малолѣтнихъ, какъ теперь, но зато въ выпускномъ седьмомъ классѣ устроить два отдѣленія: словесно-историческое и естественно-математическое. Уже въ среднихъ классахъ ученики думаютъ о выборѣ наукъ, поэтому къ выпускному классу у нихъ успѣваетъ сложиться извѣстный взглядъ на свою будущую дѣятельность. Съ одного отдѣленія молодые люди могли бы поступать на юридическіе и историко-филологическіе факультеты университетовъ, а съ другого—на физико-математическіе факультеты и въ специальные высшія учебныя заведенія. Первые знали бы основательнѣе, чѣмъ теперь, языки, литературу и исторію, а вторые—физику и математику; естественныя же науки были бы знакомы и тѣмъ, и другимъ уже изъ среднихъ классовъ. Кто не намѣренъ идти въ высшее учебное заведеніе, могъ бы оставлять гимназію по окончаніи шести классовъ, въ которыхъ проходилъ бы общій курсъ наукъ, и отбывать воинскую повинность, пользуясь льготой перваго разряда, или посвящать себя гражданской службѣ. Теперь же идутъ въ университеты часто безъ всякаго призванія, а иногда и безъ надежды кончить курсъ.

„Для возвращенія гимназіямъ значенія общеобразовательныхъ заведеній“ г. Еленевъ предлагаетъ „отнять отъ древнихъ языковъ ихъ преобладающее значеніе въ системѣ гимназическаго

обученія и придать ихъ преподаванію, вмѣсто нынѣшней грамматическо-филологической методы, характеръ преимущественно практической, основанный на учащенномъ чтеніи избранныхъ авторовъ". Когда мы прочли въ первый разъ эти и слѣдующія за ними строки книги г. Еленева, то несказанно обрадовались, какъ радуются при встрѣчѣ съ добрымъ старымъ знакомымъ, котораго давно не видали и о которомъ давно не получали извѣстій, — такъ что не знаешь даже, живъ ли онъ, или умеръ. Слова эти мы слыхали давно, на бесѣдахъ покойнаго профессора греческой словесности К. І. Люгемилля по дидактикѣ; главное содержаніе ихъ было въ свое время напечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „О преподаваніи древнихъ языковъ“.

„Не надо смѣшивать, — говорилъ онъ, — гимназію съ высшею школой. Гимназія — заведеніе общеобразовательное. Гимназія не готовитъ *филологовъ*. Читать цѣлаго автора не слѣдуетъ въ гимназій. Чтеніе должно быть со смысломъ. Въ большинствѣ же случаевъ у насъ даютъ одни объясненія грамматическія; смыслъ, содержаніе уходятъ на второй планъ. Надо отдѣлять грамматику отъ объясненія смыслового; все, что необходимо для пониманія текста, надо объяснять одновременно съ переводомъ. Учитель долженъ быть словаремъ, реальнымъ объяснителемъ, грамматикомъ. Учитель долженъ въ классѣ самъ объяснить значеніе словъ, — по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ. Важно понять общую связь мыслей. Главное — чтеніе и пониманіе текста. Учебника грамматики не надо. Безполезная трата времени на изученіе спряженій, склоненій. Дайте живую рѣчь. „Pastor pascebat oves“. — Quis pascebat? „Pastor pascebat oves“... Утомленіе производится плохой постановкой преподаванія древнихъ языковъ“.

К. І. Люгемилль всего за годъ до своей смерти († 28-го декабря 1887 г.) прекратилъ преподавательскую дѣятельность въ с.-петербургскомъ университетѣ, такъ что память о немъ еще свѣжа въ университетской средѣ. Онъ самъ получилъ научное образованіе въ нашемъ университетѣ и, начиная съ 1862 года, принадлежалъ къ составу его преподавателей. Какъ ученый, онъ пользовался, — говорить проф. Докучаевъ ¹⁾, — заслуженною извѣстностью не только у насъ, но и на западѣ. Его изслѣдованія по греческимъ древностямъ, греческой грамматикѣ и гомеровскому языку признаны весьма серьезными и цѣнными вкладами въ науку. Онъ отличался широкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливымъ пониманіемъ

¹⁾ См. „Отчетъ о состояніи петербургскаго университета за 1887 г.“, стр. 9—10.

задачь и методовъ своей науки. Благодаря этому, а также свойственной ему добросовѣстности, доходившей до самоотверженія, преподавательская дѣятельность Люгебиля была чрезвычайно плодотворна: его ученики разсыяны по всей Россіи и въ четырехъ русскихъ университетахъ занимають кафедры греческой словесности. Вышеприведенные нами его взгляды на роль классическихъ языковъ въ гимназіи не могутъ не быть принимаемы въ соображеніе при опредѣленіи ихъ настоящаго мѣста въ гимназической программѣ.

О самомъ преподаваніи у насъ классическихъ языковъ можно судить также и по испытаніямъ изъ нихъ, когда съ душевнымъ трепетомъ, въ маѣ мѣсяцѣ, ученики являются въ классъ и видятъ, какъ въ ихъ присутствіи разрывается конвертъ, — имъ читають тотъ или другой „номеръ“.

Это — тема по латинскому языку. Въ текстѣ, составленномъ окружнымъ филологомъ, вся сила въ правилахъ; въ каждомъ словѣ исключеніе, въ каждомъ предложеніи синтаксическій оборотъ, въ каждомъ періодѣ стилистическая тонкость. Прошло строго опредѣленное время, и ученикъ подалъ работу. Учитель разыскиваетъ въ фундаментальной библіотекѣ автора, изъ котораго былъ данъ обратный переводъ, беретъ работу ученика на домъ, обкладываетъ себя словарями и грамматиками, и не мало сидитъ, пока исправить ошибки. То же повторяется у второго учителя и, наконецъ, у директора. Работа исправлена, испещрена красными чернилами и разными руками, взвѣшена, ошибки сочитаны и рукопись отослана въ округъ, гдѣ ее опять сличають, свѣряють и взвѣшиваютъ и передають университетскому профессору для окончательной оцѣнки.

И вотъ оказывается, что ученикъ не зналъ ни прямой, ни косвенной рѣчи, ни словъ, ни оборотовъ, ни выраженій!

У Цезаря, наприм., здѣсь стоитъ косвенная рѣчь, а ученикъ ставитъ прямую; у Ливія — прямая, у ученика — косвенная; у Саллюстія — одно, а здѣсь другое, и т. д. А иногда, вмѣсто miles попадаетъ soldatus, вмѣсто collega — camaradus, и т. под.

Мы нарочно сравнивали наши латинскія темы съ versions latines, диктуемыми по-латыни будущимъ бакалаврамъ (см. сборники Marais 1881 г., Uri 1887 г., Tridon-Péronneau 1888), и нашли послѣднія и серьезнѣе, и легче.

Конечно, преподаватели могли бы смягчать министерскія программы, при примѣненіи ихъ, сообразуясь и съ возрастомъ учениковъ, и съ ихъ способностями; но чаще находятъ такіе, которые, напротивъ, еще усиливають строгость уставовъ.

Намъ соплются, пожалуй, на западъ. Въ Англіи, напри-
мѣръ, до сихъ поръ бѣльшая часть времени учениковъ посвя-
щена сочиненію латинскихъ и греческихъ стиховъ. Методъ, по
которому пишутъ стихи на этихъ языкахъ, чрезвычайно ориги-
наленъ. Какъ только воспитанникъ ознакомится съ правилами рап-
содіи, ему задають собрать въ стихи, съ соблюденіемъ размѣра,
всѣ знакомыя ему латинскія или греческія слова, не обращая ни
малѣйшаго вниманія на смыслъ и значеніе. Такимъ образомъ,
ученикъ упражняется въ механизмѣ стихосложенія; нимало не
заботясь не только о мысли, но даже о смыслѣ стиховъ и ихъ
внутреннемъ содержаніи. Однако, мало-по-малу, съ бѣльшимъ
знаніемъ языка, лучшіе ученики набивають такъ руку въ этомъ
занятіи, что порядочно пишутъ стихи на этихъ языкахъ (Водо-
взова, „Жизнь европейскихъ народовъ“, томъ II, стр. 142).

Но еще Гораций (сат. I, 10, 34—35) сказалъ, что писать
греческіе стихи все равно, что носить въ лѣсъ дрова. Объ этихъ
греческихъ стихахъ Ричль замѣтилъ, что отъ нихъ не пахнетъ
ни стихами, ни Греціей (*sagmina Graeca, quae neque sagmina,
neque Graeca sunt*).

„Lateinisch-sprechen и schreiben“ уже начинается казаться не-
серьезнымъ занятіемъ даже на западѣ. Вотъ, напри-мѣръ, слова
англійскаго филолога Вагнера въ его адресѣ „Лондонскому фило-
логическому обществу“, въ 1873 году:

„Мы вышли изъ періода сентиментальнаго удивленія къ древ-
нимъ писателямъ, какое мы находимъ въ изданіяхъ (геттинген-
скаго профессора въ 1763-1812 гг.) Гейне и его школы. Гла-
замъ нашимъ открылись несовершенства и недостатки латинской
литературы съ точки зрѣнія эстетики; мы уже не приписываемъ
этой литературѣ гуманитарнаго вліянія, въ которое слѣпо вѣрили
прежніе вѣка... Наша цѣль—начертать умственную жизнь вели-
кой римской націи въ ея литературѣ, затѣмъ показать точки со-
прикосновенія ея литературы и литературъ другихъ народовъ
Европы. Чтобы достичь этихъ цѣлей, необходимо предаваться
мельчайшимъ разслѣдованіямъ, но не слѣдуетъ дѣлать обобщеній
безъ достаточныхъ данныхъ и основаній. То время, когда высшей
степенью учености считалось умѣнье писать прекраснымъ цизе-
роновскимъ слогомъ и мило сочинять латинскіе стихи,—то время
прошло и вновь никогда не наступитъ“.

Александръ Гумбольдтъ сказалъ: „Eine gute Uebersetzung
gut verstehen, frommt uns zehnmal mehr, als unzureichendes
Begreifen des Originals“, и нѣмцы могутъ дѣйствительно похва-
стать, напри-мѣръ, превосходными переводами Гомера или Ари-

стофана. Но нѣмецкіе издатели, какъ оказывается, находятъ поддержку не въ обыкновенной образованной публикѣ, а среди преподавателей древнихъ языковъ (*philologische Lehrer*), для которыхъ пониманіе подлинника не очень доступно. Рядомъ съ образцовыми переводами, у нѣмцевъ, съ легкой руки бреславскаго профессора Фрейнда, въ массѣ изданій расходятся и такъ-называемые „*Eselsbrücken*“, по нашему—подстрочники, въ помощи которыхъ ученики вынуждены прибѣгать, чтобы какъ-нибудь скрыть свои плохія знанія.

Что наши учителя посредственно или непосредственно знакомы съ этой литературой „подстрочниковъ“ и сами дѣлаютъ въ нее посильные вклады, вы можете убѣдиться, сличивъ наши изданія переводовъ. Такъ, преподаватель вѣанской духовной семинаріи, издавшій свой крайне неудачный переводъ третьей филиппики Демосфена, добродушно сознается, что пользовался извѣстной *Freund's Schüler-Bibliothek*, а преподаватель вяземской гимназіи, переведшій „*Lesebuch aus Homer*“, Вильмана, прямо ссылается на общеизвѣстное „Пособіе къ чтенію и изученію Гомера“, Вергаушта.

Въ подражаніе нѣмецкимъ „спутникамъ гимназиста“, у насъ выходятъ многочисленные краткіе конспекты, которые легко спрятать въ рукавъ, не говоря уже о миниатюрныхъ карманныхъ словаряхъ. И всѣ эти пособія пускаются въ ходъ на письменныхъ упражненіяхъ во время года и на экзаменахъ. Потребность въ такихъ кунштюкахъ вызвали чрезмѣрные требованія; поэтому слишкомъ возмущаться мелкими плутнями учениковъ нельзя; можно развѣ только пожелать издателямъ выпускать, по крайней мѣрѣ, *лучшія* пособія, нежели тѣ, какія фабрикуются *ad usum delphini*.

Въ послѣднее время, съ пониженіемъ уровня классическихъ познаній, подобныя пособія, *Eselsbrücke*, стали проникать и въ университеты. Такъ какъ замѣчена плохая подготовка въ древнихъ языкахъ, то въ университетахъ переводятся, напримѣръ, ради упражненій въ этимологіи и синтаксисѣ, „Матеріалы“ Фарника, текстъ которыхъ представляетъ обратный переводъ съ греческаго. Но студенты и тутъ могутъ пользоваться готовымъ литографированнымъ переводомъ, составленнымъ въ историко-филологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Или переводятъ, напримѣръ, Корнелія Непота, въ специальной обработкѣ Фолькмана. Къ услугамъ учащихся имѣется переводъ на древне-греческій языкъ итальянца Маркеше (*Le sei prime vite di Cornelio Nepote tradotte in lingua greca da Federico Marchese, 1875*),—правда, неважный. Переводить на греческій языкъ „Заговоръ Катилины“, Саллюстія,

совсѣмъ легко, благодаря хорошему греческому переводу Holzer'a и Rieckher'a (двѣ части: въ 1-й—текстъ и примѣчанія, во 2-й—переводъ и варианты). Не лучше обстоитъ дѣло и съ латинскими переводами. Возьмемъ только одинъ примѣръ. Переводятъ, положимъ, „Матеріалы“ Фохта, заключающіе въ первой половинѣ, исторической, главы 1—3 „Пугачевского бунта“ Пушкина, а во второй, философской, неполную статью Кудравцева: „Объ Эдипѣ царѣ, Софокла“. Не говоря уже о томъ, что весьма трудно переводить статьи изъ исторіи новыхъ народовъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь новыя понятія, не находящія себѣ аналогіи въ древнемъ мірѣ, вообще весьма трудно удержаться на почвѣ классическаго латинскаго языка (а вѣдь только въ немъ и намѣрены упражняться), и вамъ сплошь и рядомъ надо заимствовать выраженія или въ средневѣковой варварской латыни, или въ новой латыни, или создавать самимъ. Все это ведетъ къ тому, что вы научаетесь относиться слегка и невдумчиво ко многимъ явленіямъ древняго міра, и готовы видѣть, положимъ, въ преторскомъ эдиктѣ — *profession de foi*, или въ аеинскихъ стратегахъ — генераль-маіоровъ, что и бывало. Въ „Пугачевскомъ бунтѣ“ вы найдете и артиллерию, и батареи, и бригадировъ, и винтовки, и проч. А собственныя имена? это *chefs-d'oeuvre* въ своемъ родѣ. *Rumianzovius*, *Paninius*, *Suvorovius*, *Bibicovius*, *Dershavinius*; но особенно хороши билингвическія: *Caballegovius* и *Neronovius*. Въ цѣломъ отрывкѣ только одно латинскаго характера имя: генераль-поручикъ Романиусъ (*vir vere Romanus!*). Въ одномъ мѣстѣ *Bibicovius* поетъ: „Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!“ и проч. Нѣкоторые зоили ехидно говорятъ: подождите, скоро будутъ переводить: „*Passer, passer, ubi eras*“ — „*Prope flumen, prope pontem*“, „*Ὡς πρὸ τῶν ποταμῶν ἤμων*“ и *Βοόλομαι ὅμιν εἶπεῖν*“. Замѣтимъ, что готовый печатный переводъ всей книги Фохта можно достать въ томъ же институтѣ. О подобныхъ переводахъ профессоръ Модестовъ справедливо замѣчаетъ: „Это—дѣтскія упражненія, имѣющія, пожалуй, да и то въ ограниченномъ видѣ, мѣсто въ гимназіи для вящаго уразумѣнія грамматическихъ правилъ, хотя и съ этою цѣлью слѣдовало бы дѣлать переводы изъ сочиненій, относящихся къ древности и нарочно приготовленныхъ для такого рода упражненій. Такое направленіе можетъ убить совсѣмъ еще слабую у насъ науку о классической древности, но поднять, оживить ее не можетъ ни въ какомъ случаѣ“ (IV стр. предисловія къ „Лекціямъ по исторіи римской литературы“).

Встаетъ будетъ здѣсь привести и другое мѣсто изъ сочиненія профессора Модестова: „Школьный вопросъ“: „Греческій языкъ,

—говорить онъ,—можетъ безъ всякаго вреда для серьезнаго образованія быть необязателенъ для тѣхъ, кто чувствуетъ особенное расположеніе къ математикѣ, физикѣ и естествовѣденію. Есть люди, которымъ изученіе языковъ трудно дается и которые, какъ это знаетъ каждый учившійся въ школѣ, съ раннихъ лѣтъ обнаруживаютъ необыкновенную способность къ наукамъ математическимъ. Къ чему, въ такомъ случаѣ, насиловать природу мальчика, отнимая у него время на любимыя и притомъ важныя для образованія занятія и заставляя его изучать то, къ чему онъ не чувствуетъ никакого влеченія и что составляетъ нѣкоторую роскошь для человѣка, избирающаго для себя не ту сферу умственныхъ занятій, для которой изученіе двухъ древнихъ языковъ представляется необходимостью? Для грамматическаго образованія, которое неизбѣжно должно стоять на виду во всякой школьной программѣ, остается латинскій языкъ, обладающій точнымъ и законодательнымъ синтаксисомъ, какого греческій языкъ не имѣетъ. Къ тому же, въ помощь латинскому языку приходятъ, кромѣ отечественнаго, еще два новые языка, обязательное изученіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Умѣренный классицизмъ, болѣе внимательное изученіе отечественнаго языка и литературы съ прибавленіемъ лучшихъ произведеній другихъ народовъ, болѣе подробное изученіе географіи, болѣе толковое преподаваніе исторіи, замѣна греческаго языка для желающихъ усиленнымъ занятіемъ математикою, обязательность изученія двухъ новыхъ языковъ—французскаго и нѣмецкаго,—вотъ сущность программы гимназій, какія, по моему убѣжденію, соответствуютъ нашимъ нынѣшнимъ потребностямъ—тѣхъ гимназій, которыя, давая русскому юношѣ необходимое среднее образованіе, не будутъ въ то же время ложиться гнетомъ на развитіе его природныхъ способностей, тяжело отзываться на его здоровьѣ, развивать въ немъ недовольство и раздражительность. Въ такого рода учебныхъ заведеніяхъ можетъ учиться, не надрывая своихъ силъ до послѣдней степени, всякій юноша, не лишенный способности къ школьному ученію“.

Почти къ такому же выводу, по этому вопросу, пришелъ и О. П. Еленевъ.

„Мы убѣждены,—говорить онъ,—и знаемъ по опыту, что люди, которые стоятъ за необходимость греческаго языка для нашихъ гимназій, повторяютъ это утвержденіе, не вдумавшись въ него сами, а просто изъ подражанія, потому что такъ дѣлалось доселѣ въ Европѣ. Они думаютъ чрезъ заявленіе такого мнѣнія казаться стоящими на высотѣ высшей европейской школы. Такіе люди

(если они не принадлежать къ преподавателямъ древнихъ языковъ) обыкновенно знаютъ греческій языкъ довольно плохо или даже вовсе его не знаютъ. Слѣдовательно, здѣсь есть частью недодуманность, частью лицемеріе и притворство. Нельзя же, однако, строить уставы учебныхъ заведеній на недодуманностяхъ и притворствѣ. Мало ли есть знаній небезполезныхъ для изученія; прежде всего надобно спросить, необходимы ли они въ общеобразовательномъ курсѣ и могутъ ли силы учениковъ вынести ихъ при другихъ, обязательныхъ для нихъ наукахъ“.

Между тѣмъ, въ западной Европѣ, откуда мы нѣкогда заимствовали нашу организацію гимназическаго образованія, и на примѣръ которой продолжаютъ ссылаться и до настоящаго времени, происходитъ въ настоящее время реакція противъ классицизма несравненно въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у насъ, гдѣ классицизмъ явился только копіею. Даже такая страна, какъ Франція, по преимуществу латинская, идетъ по отношенію классицизма несравненно далѣе, чѣмъ какая-либо изъ другихъ странъ западной Европы. Въ концѣ прошедшаго года въ Парижѣ образовалось цѣлое общество подъ именемъ „Association nationale pour la réforme de l'enseignement secondaire“; въ числѣ членовъ комитета этого общества мы видимъ такіа лица, какъ Гоблѣ и Локруа — оба бывшіе министры народнаго просвѣщенія. Вотъ любопытная „программа“ этого общества:

„Среднее образованіе, каковымъ снабжаютъ молодыхъ французовъ въ лицеяхъ и коллежахъ (гимназіяхъ), не отвѣчаетъ болѣе требованіямъ нашего времени. Попытки реформъ въ этой области, безпрестанно предпринимаемыя и откладываемыя, не привели ни къ чему другому, какъ только къ продолжительному кризису, исходъ котораго представляется неизвѣстнымъ и тревожнымъ.

„Конечно, администрація народнаго просвѣщенія не испытываетъ недостатка ни въ знаніи дѣла, ни въ рвеніи, но и самое просвѣщенное вѣдомство — тому есть доказательства — по своему почину не скоро склоняется въ пользу новыхъ потребностей, и есть опасеніе, что университетъ (т.-е. министерство народнаго просвѣщенія), предоставленный самому себѣ, можетъ оказаться безсильнымъ въ дѣлѣ собственнаго преобразованія.

„Мы обращаемся потому къ общественному мнѣнію, къ частному почину, къ общественному управленію, къ палатамъ, съ цѣлью вызвать къ настоящему дѣлу національный интересъ,

который могъ бы устранить всѣ препятствія и восторжествовать надъ рутинною.

„Среднее обученіе классическое, построенное на изученіи греческихъ и римскихъ древностей, является завѣтомъ общества, болѣе не существующаго. Тщетно пытались примѣнить это обученіе къ нашему обществу, и такимъ образомъ сдѣлали изъ программы средняго образованія цѣлую энциклопедію: латинскій, греческій, отечественный, иностранные языки, исторія, географія, математическія, физическія, естественныя науки, логика и т. д., и т. д.

„Съ того времени, какъ новѣйшія литературы сложились окончательно,—почему не могутъ онѣ стать на мѣсто мертвыхъ языковъ? Въ своихъ также классическихъ произведеніяхъ развѣ новѣйшія литературы не представляютъ всей серьезности древнихъ языковъ, въ формѣ лишь еще болѣе совершенной, съ духомъ нравственности болѣе тонкимъ и чистымъ?

„Сдѣлать обязательнымъ для *всѣхъ* то ученіе, которое необходимо для *небольшого числа*, значить—расточать умственные силы страны, отвлекать французскую молодежь отъ земледѣльской, промышленной и торговой профессій, обусловливающихъ матеріальное благосостояніе народа; привлекать ее искусственно, въ громадной пропорціи, къ чиновничеству и къ другимъ всегда переполненнымъ карьерамъ, и такимъ образомъ увеличивать число ищущихъ мѣстъ, лицъ недовольныхъ, обездоленныхъ (*déclassés*).

„Среднее обученіе *спеціальное* (т.-е. реальное) возникло внѣ традиціонной системы (классической) съ цѣлью создать образованность болѣе соотвѣтствующую новымъ культурнымъ потребностямъ. Къ несчастью, самое его названіе заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, и въ теченіе двадцати лѣтъ, оно влачитъ свое существованіе, оставаясь въ какомъ-то подозрѣніи, и несетъ потому на себѣ до сихъ поръ наложенную на него кару.

„Теперь намъ понятно то затрудненіе, въ какомъ видятъ себя родители, вынужденные рѣшать за своихъ 10—11-лѣтнихъ дѣтей выборъ между тѣми двумя системами средняго обученія, вредящими другъ другу; ихъ главный порокъ состоитъ въ томъ, что онѣ разрушили единство, какое должна представлять система общеобразовательнаго обученія“.

Новая организація, предлагаемая „Программою реформы средняго обученія во Франціи“—дѣйствительно очень проста и не требуетъ никакой ломки, такъ что авторы ея имѣли право заключить свое предложеніе выраженіемъ удивленія, что „такой

простой планъ, воплѣтъ логическій и не разъ предлагавшійся во Франціи и за границею, не былъ принятъ давно: безъ сомнѣнія, всѣ заботились до сихъ поръ больше о томъ, чтобы спасти прошедшее, и совсѣмъ не думали о будущемъ“.

Программа предлагаетъ раздѣлить на двѣ степени все среднее обученіе во Франціи: 1) младшее среднее обученіе, и 2) старшее среднее обученіе.

Первое изъ нихъ, рассчитанное на огромное большинство, а потому *общее*, „должно имѣть въ виду, при помощи отечественнаго и одного или двухъ иностранныхъ языковъ, достигнуть *общихъ* цѣлей образованія—развить способности, обезпечить ихъ равновѣсіе и заложить основы знанія, необходимаго для каждаго *гражданина новаго міра* (citoyen moderne), какими служатъ: нравственное обученіе, исторія, географія, начатки математическихъ наукъ. Надъ этимъ *общимъ* обученіемъ должно стать *спеціальное* обученіе (теперь такое названіе будетъ исполнѣе точно и не представитъ внутренняго противорѣчія), которое будетъ подраздѣляться на курсы словесныхъ наукъ (littéraires) и точныхъ (scientifiques), причемъ каждый изъ курсовъ можетъ быть еще подраздѣленъ на группы, между которыми распредѣлятся и учащіеся, сообразно ихъ наклонностямъ, обнаруженнымъ, испытаннымъ и провѣреннымъ при младшемъ среднемъ обученіи. Вотъ тутъ должны занять свое мѣсто и древніе языки, которые, такимъ образомъ, въ первый разъ могутъ быть серьезно преподаваемы. Одно дѣло,—говоритъ далѣе программа,—обученіе древнимъ языкамъ, какъ основѣ умственнаго образованія въ теченіе всего періода средняго обученія, причемъ не обращается вовсе вниманія на то, что только весьма немногіе дѣйствительно будутъ въ состояніи читать древнихъ авторовъ, и совсѣмъ другое дѣло—преподавать эти языки только тѣмъ, кто имѣетъ желаніе ихъ усвоить и надѣется воспользоваться ими впослѣдствіи. Эти послѣдніе позже начнутъ изучать мертвые языки, но ихъ подвинувшійся впередъ возрастъ дозволитъ рассчитывать на скорѣйшее усвоеніе предмета, благодаря другой методѣ преподаванія, болѣе приноровленной къ старшему возрасту“.

Исчисляя выгоды для Франціи отъ такого плана средняго обученія, представляющаго двѣ степени—низшую и высшую,—„программа“ заключаетъ такимъ образомъ: „учащаяся молодежь не будетъ больше искусственно завлекаться на путь, котораго она завершить не можетъ, а техническое образованіе приобрететъ новыя силы, что необходимо для того, чтобы Франція оставалась на одномъ уровнѣ съ конкурирующими съ нею націями.“

Предполагаемая организація дозволяетъ самыя разнообразныя сочетанія: въ большинствѣ лицеевъ (т.-е. гимназій) будетъ даваться полное общее образованіе; въ остальныхъ же лицахъ среднее обученіе будетъ подраздѣляться на столько отдѣловъ, чтобы они могли служить подготовительною ступенью для различныхъ факультетовъ, высшихъ словесныхъ или математическихъ школъ, институтовъ земледѣлія, торговли, промысловъ и т. под. Наконецъ,—что самое важное,—подобная система, удовлетворяя разнообразію требованій современной жизни, сохранить, вслѣдствіе единства общеобразовательнаго обученія, единство французской цивилизаціи^а.

Такое движеніе въ общественныхъ умахъ западной Европы по самому важному вопросу въ области національнаго образованія, а именно, въ такъ-называемомъ среднемъ обученіи, разсчитанномъ на огромное большинство образованныхъ классовъ, не должно пройти незамѣченнымъ у насъ, тѣмъ болѣе, что и у насъ, какъ правительство, такъ и общество, въ послѣднее время опять какъ будто остановились предъ вопросомъ: какое же мѣсто должны занимать классическіе, мертвые языки въ ряду другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, если то широкое мѣсто, которое имъ было отведено лѣтъ двадцать тому назадъ, привело только къ вопросу о переутомленіи учащихся, съ одной стороны, а съ другой—о малой степени результатовъ обученія даже этимъ самымъ языкамъ?

А. В—въ.

СОВРЕМЕННЫЙ ДЮГЕНЬ

РАЗСКАЗЪ.

I.

...Лѣтъ семь тому назадъ, судьба случайно занесла меня въ Бернъ. Я остановился въ немъ вовсе не въ качествѣ кочующаго по Швейцаріи туриста, да и вообще не имѣлъ намѣренія странствовать по горамъ, кручамъ и ледникамъ. На этотъ разъ я заѣхалъ въ Бернъ вовсе не для удовольствія и отдыха: у меня было въ виду болѣе серьезное дѣло.

Я былъ тогда еще начинающимъ медикомъ. По окончаніи университетскаго курса я отправился за границу и много работалъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Меня интересовалъ одинъ весьма любопытный вопросъ въ медицинѣ, и я носился съ пришедшей мнѣ на мысль гипотезой, которая, однако, нигдѣ до сихъ поръ не вызывала къ себѣ сочувствія.

Значительно обезкураженный, я уже сталъ думать, что волей-неволей, а мнѣ придется отказаться отъ завлекшей меня гипотезы, какъ отъ пустой мечты. Я рѣшилъ, однако, попытать еще разъ, и въ послѣдній разъ, счастье и, слѣдуя совѣту одного пріятеля, поѣхалъ въ Бернъ. Профессору по внутреннимъ болѣзнямъ моя гипотеза припала какъ нельзя больше по вкусу. Онъ увлекся ею и ухватился за нее съ такою же горячностью какъ и я самъ. Мой новый другъ, наставникъ и „сомечтатель“, какъ прозвалъ его случайно оказавшійся въ Бернѣ мой соотечественникъ, пригласилъ меня работать вмѣстѣ съ нимъ въ его клиникѣ и сдѣлать своимъ сверхштатнымъ ассистентомъ. Я, разумеется, съ радостью согласился; начался цѣлый рядъ изыска-

ній, наблюденій, предположеній, несомнѣнныхъ фактовъ и полнѣйшихъ разочарованій. Гипотеза играла нами, какъ играетъ до-вѣрчивыми людьми записная кокетка. То мы ликовали и заносились даже за предѣлы логическихъ предположеній, то мы ходили повѣся носъ и приписывали всѣ неудачи какимъ-нибудь случайнымъ упущеніямъ или ошибкамъ. Такимъ образомъ, постоянно колеблясь между надеждой и опасеніями, мы проработали уже довольно долго, но не достигли еще никакихъ положительныхъ результатовъ. Все же ни тотъ, ни другой изъ насъ, не хотѣлъ махнуть рукой на трудную задачу. Я, съ аккуратностью машины, каждое утро, когда часы собора на рыночной площади били восемь, выходилъ изъ дому и направлялся къ клиникѣ. Когда, переходя рыночную площадь, я завертывалъ за уголъ, мнѣ часто тутъ попадался на-встрѣчу человекъ, который какъ-то невольно запечатлѣлся въ моей памяти. На первыхъ порахъ я не заинтересовался имъ, но только его запомнилъ. Глаза мои хотя машинально, но слишкомъ часто встрѣчали эту фигуру, чтобы она могла пройти мимо меня незамѣченною. Это былъ плечистый, здоровый малый, немного выше средняго роста. Лицо онъ имѣлъ смуглое, черные, быстрые глаза и черную же небольшую бородку. Черты лица не особенно крупныя, но рѣзкія, какъ бы хорошо выточенныя. Онъ не былъ похожъ на некрасивыхъ бѣлобрысыхъ или рыжеватыхъ представителей бернского мужского населенія. На немъ былъ какой-то иной отпечатокъ, болѣе теплый, болѣе южный. Быть можетъ, въ жилахъ этого человека текла кровь пьемонтсца или савоярда. Характерную особенность его типичной фізіономіи, составляли волосы—длинные, мягкіе, блестящіе, падающіе роскошной волной по самыя плечи и вьющіеся кольцами. Эти черныя кудри сдерживала старая-престарая фуражка, вся выцвѣвшая и выгорѣвшая отъ солнца, очевидно, когда-то принадлежавшая мальчугану лѣтъ двѣнадцати. Ея скомканный, изломанный козырекъ портилъ красивую дугу тонкихъ бровей моего знакомаго-незнакомца. Какъ фуражка, такъ и вся остальная одежда его, были крайне бѣдны и поношены. На зеленовато-буromъ, истрепанномъ сакъ-пальто, какъ звѣзды на ночномъ небѣ, пестрѣли заплаты всевозможныхъ величинъ. Заплаты эти были положены грубо, неумѣло, неискusной рукой, и могли только свидѣтельствовать о добромъ желаніи владѣльца изношеннаго пальто не показываться на людяхъ въ очень разорванной одеждѣ. Небольшія его ноги были обуты въ огромныя, сильно поврежденные временемъ сапоги, на которыхъ сбоку отставали подошвы и тоже пестрѣли заплаты на порыжѣлой кожѣ.

Разъ какъ-то, въ одно непріятное для меня утро, послѣ того, какъ весь предыдущій день гипотеза своими лживыми обща-ніями повергла насъ въ особенно томительное и сомнѣвающееся настроеніе духа, я, завернувъ за уголъ площади, опять встрѣтилъ моего незнакомца.

„Я хожу въ клинику, — подумалъ я; — интересно знать — а куда онъ ходитъ?“

Богъ вѣсть съ чего пришла мнѣ въ голову эта мысль, и еще менѣе объяснимо, почему я вдругъ повернулъ назадъ и на нѣкоторомъ разстояніи пошелъ за незнакомцемъ, вмѣсто того, чтобы продолжать свой путь въ клинику.

Неизвѣстный направился прямо къ рыночной площади. Онъ, очевидно, былъ тамъ хорошо извѣстенъ. Торговки окликали его, шутили съ нимъ, и онъ отшучивался, здоровался, смѣялся, показывая при этомъ рядъ прекрасныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

Противъ своего обыкновенія, я зашелъ въ этотъ ранній часъ въ кафѣ, сѣлъ къ окну, потребовалъ газету и чашку кофею.

Я видѣлъ, какъ мой незнакомецъ отошелъ въ сторону и примкнулъ къ группѣ носильщиковъ, которые, въ ожиданіи дѣла, сидѣли сложа руки, на пустой платформѣ ломового извозчика. По оживленному разговору въ перебивку, со взрывами дружнаго смѣха, можно было заключить, что надъ нимъ острили, и онъ самъ, заложивъ руки въ карманы и заломивъ назадъ шапку, добродушно отшучивался. Среди смѣха и шутокъ, выразительные, черные глаза его то-и-дѣло поднимались кверху и бросали бѣглый взглядъ на большіе, старинные часы соборной колокольни. Овъ, очевидно, ожидалъ какого-то урочнаго часа. Стрѣлка дошла до девяти; раздался медленный, протяжный, металлическимъ звукомъ дребезжащій въ воздухъ бой. Незнакомецъ мой фамиллярно кивнулъ пріятелямъ и подошелъ къ первой отъ него торговкѣ. Рынокъ уже успѣлъ засуетиться. Пробилъ тотъ часъ, когда весь мелкотогующій людъ долженъ былъ очистить площадь. Довольные и недовольные выручкой складывали товаръ свой въ корзины, ставили ихъ на легонькія, низенькія телѣжки, въ веревочныхъ оглобляхъ которыхъ выростали большія, всегда грустные или сердитыя, собаки. Нагрузивъ корзины, торговка толкала телѣжку, понукала пса, и печальный звѣрь, присѣвъ на заднія ноги отъ усилія, тяжело ступая своими мягкими лапами, коротко дыша, медленно тащилъ сравнительно тяжелую поклажу.

Но не всѣ торговли увозили съ собою товаръ. Значительная часть ихъ, сложивъ его въ корзины, уносили его въ тутъ же, на площади, находившіеся погреба.

Въ эти черныя, какъ входы въ пещеры, отверстія вели съ площади прямыя ступеньки. Быстро исчезали въ нихъ сложенные короба зелени, сыровъ, соленой рыбы, свинины и всякой другой рыночной снѣди. Незнакомецъ мой игралъ не послѣднюю роль въ исчезновеніи коробовъ въ подвальные склады. Подойдя къ торговкѣ, онъ поднималъ своими сильными руками, какъ легкое перышко, грузный коробъ, перекидывалъ его себѣ на плечо и, склонивъ голову на бокъ, быстро перебѣгалъ площадь. Довѣко спускался онъ со своей ношей по крутымъ, прямымъ ступенькамъ подвала. Черезъ нѣсколько секундъ его веселое лицо снова показывалось на черномъ фонѣ густой мглы отверстія, и онъ уже спѣшилъ къ другой стойкѣ. Хозяйки стоекъ или дружелюбно кивали ему, точно будто говоря: „Спасибо, спасибо—другой разъ и я не забуду тебя!“ И онъ кивалъ имъ, какъ бы отвѣчая: „Ничего, свои люди, сочтемся!“ Иныя подзывали его къ себѣ и протягивали ему что-нибудь завернутое въ листокъ бумаги, исписанный каракулями лавочнаго счета. Онъ бралъ протянутый пакетикъ и медленно опускалъ его въ одинъ изъ кармановъ своего зеленовато-бураго пальто. Я замѣтилъ, что ему подавали и ломтики хлѣба, и обрѣзки сыра, колбасы, печенки, иногда булку, рыночную лепешку изъ ячменной муки, немного творогу, пареную свеклу или даже горсть зеленого горошка. Но все же подачка была довольно тощая, кусочки были невелики, щепотки экономны. Незнакомецъ подходилъ только къ тѣмъ торговкамъ, у которыхъ не было подъ рукой мужчины, чтобы распорядиться корзинами. Мнѣ стало ясно, что это рыночный бобыль. Я еще больше заинтересовался имъ. Я хотѣлъ знать, чѣмъ окончится его утро. Я мысленно рѣшилъ, что когда пробьетъ на старинныхъ часахъ десять ударовъ, то онъ юрхнетъ въ какой-нибудь тутъ же находящійся кабачокъ, освободить свои глубокіе карманы отъ лишняго груза подачекъ и, посидѣвъ съ полчаса, выйдетъ оттуда, съ сантимной „вевейкой“ въ зубахъ (вевейская бракованная сигара, которая стоитъ только одинъ сантимъ), слегка пошатываясь и припѣвая. Я слѣдилъ за бобылемъ съ возрастающимъ интересомъ. Мнѣ почему-то казалось, что трудовой часъ его непременно долженъ окончиться именно такъ, какъ я предполагалъ.

Площадь опустѣла. Только тамъ-самъ суежилась еще какая-нибудь запоздалая торговка. Передъ одною изъ нихъ стоялъ мой бобыль. И онъ, и торговка, заслоняя отъ солнца глаза рукою, глядѣли въ одну и ту же сторону. Вдали, на концѣ площади, идя послѣднимъ шагомъ, показалось, наконецъ, темное платье и бѣ-

лая манишка, увѣшенная серебряными цѣпочками и бляхами (національный женскій костюмъ бернского кантона). Торговка стала энергично махать рукой; шедшая побѣжала, кивая. Ей навстрѣчу бросился бобыль и снялъ съ ея руки небольшую корзинку. Она поспѣшно опустила въ нее руку и вынула небольшой букетикъ фіалокъ. Ея молодое, здоровое лицо вспыхнуло. Нѣсколько мгновений она постояла въ нерѣшительности, потомъ застѣнчиво протянула букетикъ бобылю. Онъ улыбнулся широкой, ясной, скажу даже—дѣтской улыбкой, взялъ его и сталъ подносить къ своему прямому, съ легкой горбинкой носу. Нюхая фіалки съ видимымъ удовольствіемъ, онъ, однако, запустилъ правую руку въ одинъ изъ своихъ безконечныхъ кармановъ и вынулъ оттуда три янтарныхъ, розоватыхъ абрикоса. Онъ подаль ихъ дѣвушкѣ на своей смуглой ладони. Дѣвушка почти испугалась предлагаемому подарку; она стала махать руками и качать головой, но онъ настойчиво держалъ передъ нею руку и дѣлалъ видъ, что хочетъ бросить букетикъ. „Ага!“—почему-то подумалъ я, и невольно улыбнулся.

Почему я подумалъ это „ага“? почему мнѣ стало весело? Потому ли, что я вдругъ угадалъ тайну оборванца? быть можетъ, тайну, въ которой онъ самъ боялся признаться себѣ? Мало ли почему иногда вдругъ станетъ весело, и какіе пустяки иногда займутъ насъ! А мнѣ было положительно весело. Я былъ доволенъ, что молодая, рослая, красивая дѣвушка подарила моему бобылю букетикъ фіалокъ!

Старуха, должно быть, сердито прикрикнула на молодыхъ людей. Оба обернулись разомъ въ ея сторону и поспѣшно подошли къ ней. Бобыль явился первый. Онъ схватилъ стойку торговли и понесъ ее въ тотъ же подвалъ, куда раньше исчезли ея корзины. Мать и дочь кивнули ему и быстро пошли на тотъ конецъ площади.

Когда бобыль вышелъ изъ подвала, онъ замкнулъ огромнымъ ключомъ желѣзную дверь. До меня долетѣли звуки ржаваго замка. Машинально вертя между пальцами массивный ключъ, онъ остановился на верхней ступенькѣ. Онъ все глядѣлъ вслѣдъ удаляющимся женщинамъ. Ихъ темныя платья быстро мелькали. Молодая изрѣдка оборачивалась, и лучъ солнца искрой падалъ на ея серебряныя украшенія. А бобыль все стоялъ, стоялъ и смотрѣлъ, на его загорѣломъ лицѣ точно пробѣгали тучи. Выраженіе его можно было сравнить съ измѣнчивымъ весеннимъ днемъ. То отуманится оно облачкомъ, брови сдвинутся, складка печали

обовначится отъ носа къ угламъ рта; то опять, какъ яркимъ солнцемъ, оно озарится свѣтлой улыбкой.

Темныя платья мелькнули еще разъ и исчезли.

„Теперь въ кабачокъ“, — подумалъ я.

Бобыль пошелъ по площади и дѣйствительно вошелъ въ ближайшій кабачокъ.

— „Такъ я и думалъ, такъ!“ — и я кривнулъ кельнера.

— Порцію холоднаго мяса и бутылку пива; только скорѣй, мнѣ некогда.

— Сейчасъ, сію минуту, все будетъ! и рыжій, курчавый, плохо выбритый кельнеръ, съ захватанной салфеткой чрезъ плечо, исчезъ въ небольшую дверку за высокой конторкой кассирши.

Я закурилъ папирску и посмотрѣлъ на часы: было десять. По моимъ соображеніямъ, я располагалъ, по крайней мѣрѣ, полчаса.

Но читателю, быть можетъ, покажется страннымъ, почему я, кончившій курсъ медикъ, добровольный ассистентъ выдающагося въ наукѣ ученаго, въ эту минуту, вѣроятно, съ нетерпѣньемъ ожидавшаго меня въ клиникѣ, — почему я, какъ шаловливый школьникъ, проводилъ свое время, наблюдая за какимъ-то оборванцемъ, вмѣсто того, чтобы идти въ клинику? Чтѣ сказать мнѣ въ свое оправданіе? Лучше всего признаться въ правдѣ. Итакъ, одною изъ моихъ выдающихся страстей съ самаго дѣтства было наблюдать надъ людьми, почему либо выдѣляющимися изъ общаго уровня обыкновенныхъ, заурядныхъ людей. Помнится, что еще отецъ мой, тоже медикъ, подмѣтивъ во мнѣ эту страсть, въ шутку прозвалъ меня: „психіатромъ“. Да, я любилъ и люблю присматриваться къ *мотивамъ* дѣйствій людей! Любилъ и люблю анализировать ихъ внутренніе порывы и побужденія, и на подмѣченныхъ фактахъ строить цѣлыя теоріи вѣроятій того или другого поступка. Я внутренно торжествовалъ всякій разъ, когда предположенія мои оправдывались.

Мой незнакомецъ уже давно привлекалъ къ себѣ мое вниманіе. Я встрѣчалъ его много разъ, съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Бернѣ, не только на поворотѣ отъ рыночной площади за уголъ, но и въ разныхъ другихъ мѣстахъ города и за городомъ. Разъ я встрѣтилъ его на поздней своей прогулкѣ по красивой, безконечной аллеѣ, змѣйкой вьющейся по крутому берегу Арвы. Какъ теперь помню: была свѣтлая, лунная ночь. Онъ стоялъ на крутомъ берегу, скрестивъ на груди руки, загнувъ вверхъ голову, глядя на луну. Съ нимъ былъ тогда большой, рыжій сенъ-бернаръ. Онъ сидѣлъ рядомъ со своимъ господиномъ

и, поднявъ свою широкую, тупую, мохнатую морду, тоже глядѣлъ на луну. Мнѣ вдругъ стало весело; въ сердцѣ моемъ что-то радостно затрепетало. Я какъ будто почувствовалъ, что и человѣкъ этотъ, и звѣрь, и луна, и рѣка, и ночной воздухъ, и высокія звѣзды, и былинки съ дрожавшими на нихъ капельками росы, и я самъ, и небо, безконечное небо, и горы, и все, и все составляетъ единое, нераздѣльное, тѣсно-сплоченное цѣлое!..

Въ другой разъ, въ суровый, зимній день, подъ вечеръ, снѣжная вьюга бушевала на дворѣ. Рѣдкіе пѣшеходы въ пальтишкахъ, подбитыхъ воздухомъ, подпрыгивали на быстромъ ходу. Я былъ однимъ изъ нихъ. Въ полумракѣ уже ложившихся сумерекъ ярко выступало что-то красное, раскаленное; въ воздухѣ удушливо пахло асфальтомъ. Въ подворотнѣ одного дома, мимо котораго я долженъ былъ пройти, чинили асфальтъ. На подвижной, круглой, желѣзной печкѣ кипѣлъ густой, смолистый составъ. Отъ раскалившагося чугуна такъ и несло жаромъ. Около печки, озаренной красноватымъ заревомъ пламени, яркой полосой вырывавшагося изъ открытой дверцы, стоитъ мой оборванецъ. Улыбка довольства блуждала на его посинѣвшихъ отъ стужи губахъ. Онъ простиралъ къ благодѣтельному огню свои заоченѣвшія руки. Эти руки показались мнѣ гигантскими; онѣ могли бы, кажется, обнять весь міръ или сурово задушить его въ своихъ могучихъ объятіяхъ. У ногъ его, тѣсно прижимаясь къ его колѣнямъ, сидѣлъ тотъ же большой, мохнатый сенъ-бернаръ. Песъ вдругъ поднялъ морду и посмотрѣлъ на своего хозяина такъ выразительно, большими, умными глазами, какъ будто спрашивалъ его: „ну, что, другъ, обогрѣлся?“

И послѣ, въ холодные, зимніе дни, я не разъ еще встрѣчалъ эту группу, грѣвшуюся у асфальтовой печки, на которой бурлилъ и шипѣлъ котелъ съ черной смолистой массой.

Мой незнакомецъ все больше и больше сталъ занимать меня. Кто такой онъ былъ? на этотъ вопросъ я не могъ дать себѣ никакого отвѣта, не могъ причислить его ни къ какой категоріи жителей города Берна. Даже къ нищимъ онъ не подходилъ. Онъ никогда ни у кого не просилъ милостыни. Очевидно, этотъ человѣкъ былъ *самъ по себѣ, единственный* въ своемъ родѣ субъектъ, совершенно выходящій изъ ряда всего того, что меня окружало. Я пришелъ къ заключенію, что онъ отчасти забулдыга, развеселый парень, которому все трюнкава, отчасти бродяга, записной лѣнтяй.

Въ то утро, когда я былъ такъ разочарованъ печальными результатами моихъ клиническихъ наблюденій надъ паціентами,

я инстинктивно, для того, чтобы немножко разсѣять душевную тоску, сталъ тѣшить себя наблюденіями надъ бобылемъ. Куря папирску, я уже поздравлялъ себя заранѣе съ умѣніемъ безошибочно отгадывать чужіе поступки, и уже соображалъ, въ какую часть города заведетъ меня мой бобыль, когда дверь кабака отворилась, изъ нея вышелъ оборванецъ и, не теряя ни минуты времени, быстро завернулъ за свой завѣтный уголъ. Такой неожиданный поступокъ съ его стороны разбивалъ всё мои предположенія. Я схватился за шляпу.

— Пусть кельнеръ отставитъ мой завтракъ въ сторонку, — сказалъ я кассиршѣ, отдавая ей деньги: — я долженъ выйти, но скоро вернусь.

— Хорошо-съ, — долетѣлъ до меня ея любезный отвѣтъ: — мы васъ знаемъ; можете и послѣ заплатить!

Я тоже быстро завернулъ за уголъ. Бобыль шелъ къ ближайшимъ воротамъ, ведущимъ за городъ. Собственно воротъ не было. Ихъ ужъ много лѣтъ тому назадъ сняли и вмѣсто нихъ построили широкую площадку, перерѣзанную многочисленными рельсами. Въ опасныя минуты рельсы загораживались катящимися на колескахъ шлагбаумами.

Въ ту минуту, когда бобыль подходилъ къ площадкѣ, раздался свистокъ, потомъ звонокъ, окликъ. Ближайшій сторожъ бѣгомъ бросился къ шлагбауму.

— Опоздалъ, Гансъ, другъ любезный, опоздалъ! — крикнулъ онъ бобылю: — придется обождать.

— Что-жъ, обожду, — отозвался названный Гансомъ и оперся спиной о телеграфный столбъ.

— Го-то-о-во-о! — крикнулъ сторожъ, приложивъ обѣ руки ко рту.

Пыхтя и неистово свистя, медленно проползъ товарный поѣздъ.

— Ну, теперь съ Богомъ! — сказалъ сторожъ, — помоги, другъ любезный, затворы раздвинуть; самъ видишь — народъ ждетъ.

Подъ натискомъ сильной руки Ганса, колески быстро побѣжали по желобкамъ. Путь былъ открытъ въ одну минуту. Понукая и подгоняя деревенскихъ лошадокъ, потрусили черезъ рельсы подгородные жители въ телѣжкахъ и одноколкахъ.

— Къ Цезарю спѣшишь? — не безъ нѣкотораго яда замѣтилъ сторожъ Гансу.

— Кончилъ на площади, домой иду, — отозвался тотъ.

— Облизывается теперь твой Цезарь-то, обѣда ждетъ. Хорошій обѣдъ ему тащишь, что-ль?

— Ничего, хорошій, — сказалъ Гансъ уже на ходу.

— Экій обжора-пёсъ, твой Цезарь!—воскликнулъ сторожъ, поди, больше человѣка за день-то слопаешь! вѣдь вѣрно?

— Не твое добро ѣсть мой пёсъ, тебѣ-то что?—огрызнулся на сторожа бобыль и, заложивъ руки въ карманы, посвистывая, бѣгомъ побѣжалъ по дорогѣ.

— Кто этотъ человѣкъ?—спросилъ я сторожа, подходя къ нему.

Старикъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на меня, щелкнувъ пальцами по своей засаленной табаверкѣ, съ наслажденіемъ втянулъ въ широкія ноздри щепотку табаку и, фыркнувъ мнѣ почти прямо въ лицо, отвѣтилъ:

— Вѣдь вы знаете, кто это! вѣрно, вы шутникъ, посмѣяться надъ старикомъ хотите!

— Кабы зналъ, не спрашивалъ бы,—весьма убѣдительно отозвался я.

— Значить, вы не здѣшній?

— Нѣтъ, не здѣшній.

— Ну, то-то же!—и онъ, важно скрестивъ руки, посмотрѣлъ мнѣ серьезно въ глаза:—это Гансъ Фогельфрей.

— Фогельфрей?—переспросилъ я.

— Да-съ, Фогельфрей,—повторилъ и онъ:—ихъ всегда такъ называютъ; это ихъ общее прозвище.

— Кого это—ихъ?

— А всѣхъ „непоминащихъ родства“. У насъ ихъ тутъ много!—махнулъ онъ рукой.

— Откуда же они берутся?

— Изъ разныхъ кантоновъ.

— Они бродяги?

— Нѣтъ, не то чтобы бродяги, а такъ себѣ... люди, которыхъ въ младенчествѣ находятъ заблудившимися на большихъ дорогахъ, на папертяхъ церквей, подъ воротами домовъ... такъ себѣ брошенные.

— И этотъ человѣкъ такой же?

— Да, такой же, онъ изъ огромной семьи Фогельфрейевъ, хе-хе-хе!—разсыпался онъ трескучимъ, старческимъ смѣшкомъ, хотя, въ сущности, смѣяться было рѣшительно нечему.

— Почему же ваша республика не позаботится о нихъ?—спросилъ я.

— А какъ же, республика заботится!—отозвался онъ:—она отдаетъ этихъ потерянныхъ ребятшекъ на выкормъ крестьянамъ, а потомъ, когда они вырастутъ, предоставляетъ имъ жить гдѣ угодно, наниматься въ батраки или работницы къ кому угодно.

— И Гансъ въ батракахъ?

Сторожъ только махнулъ рукой.

— Гансъ-то? куда ему!—замѣтилъ онъ,—этакому-то лѣнтяю да идти въ услуженіе! Раньше весь Бернъ въ преисподнюю рухнетъ, чѣмъ Гансъ Фогельфрей поидетъ въ батраки! Онъ самъ себѣ рабъ, самъ себѣ и царь, а на насъ плевать хочетъ!

— Однако!

— Да, да, сударь, это такъ. Гансъ совсѣмъ не такой чело-вѣкъ, какъ вы да я. Винта какого у него въ башкѣ-то что-ли недостаетъ, или ужъ онъ такъ уродился, совсѣмъ безо всякихъ по-нятій.

— Какъ же такъ: безъ понятій?

— Да вотъ такъ же,—началъ было старикъ, но остановился, полѣзъ въ карманъ, вынулъ „вевейку“, закурилъ ее и сплюнулъ:—Вотъ такъ же-съ... Вмѣсто понятій у этого самаго Ганса на умѣ и въ душѣ одна дурь. Его такъ „бернскимъ дуракомъ“ и про-зываютъ. Спросите: кто „бернскій дуракъ“?—всякій вамъ прямо на него такъ и укажетъ. Мы, граждане швейцарской республики,—прибавилъ онъ съ гордостью и выпрямился:—мы всѣ полу-чаемъ образованіе, имѣемъ хоть какія-нибудь понятія, а Гансъ никакихъ понятій не имѣетъ, и потому, повторяю, сударь, онъ ни болѣе, ни менѣе какъ *дуракъ*.

— Чтожъ онъ—зловредный дуракъ?

— Гансъ-то? ну, нѣтъ, онъ безвредный! Еслибы онъ былъ опасенъ, наша республика давнымъ-давно прибрала бы его куда слѣдуетъ. Но полиція его знаетъ и терпитъ, а жители города, такъ тѣ даже любятъ своего дурака, хе-хе-хе!—опять разсмѣялся онъ;—а вотъ филантропическія наши учрежденія, такъ совсѣмъ его не любятъ,—и старикъ скорчилъ кислую, кривую гримасу:—совсѣмъ не любятъ... сильно не любятъ! — нѣсколько разъ по-вторилъ онъ, хихикая.

— За чтò же?

— Да все за тò же: самъ Гансъ, видите ли, слишкомъ лю-бить бездѣлье. Ему все бы только таскаться туда, сюда, взадъ да впередъ, а тамъ хоть трава не расти! Цѣлыми днями онъ со своимъ чудовищемъ по околотку рыщетъ!.. да-да! а въ благо-творительныя заведенія неидетъ. Всѣ наши пріюты да богадельни знаютъ его. Ни въ одномъ изъ нихъ онъ и двухъ дней не могъ выжить. Тоска, говорить, заѣдаетъ. И былъ таковъ... убѣжалъ подъ свою зеленую кровлю!.. Да-да!

— То-есть, куда же это: подъ зеленую кровлю?

— А просто въ лѣсъ. У насъ тутъ подъ городомъ, знать

не изволите? огромный, славный лѣсъ. Подите, когда время будетъ, взгляните. Бернскій лѣсъ славится во всемъ кантонѣ. Такъ вотъ тамъ-то и проводитъ большую часть года нашъ дуракъ.

— И зиму тоже?

— Для зимы у него есть свой дворецъ—хе-хе-хе!—разбитый въ столкновеніи вагонъ третьяго класса. Онъ безъ колесъ, съ двумя только уцѣлѣвшими оковечками; другія два на-глухо забиты досками.

— Кто же далъ ему этотъ вагонъ?

— Кто? курьезное дѣло: торговли съ рынка, за то, изволите ли видѣть, что онъ не воръ. Какъ-то случилось такъ, что онъ сильно хворалъ одну зиму, такъ вотъ-съ всѣ краснорожія красавицы съ площади сложились, да и купили у компаніи старую рухлядь. Почти задаромъ имъ вагонъ-то отдали: бери только да убирай!

— Гдѣ же находится этотъ вагонъ?

— У самой опушки лѣса.

— И ваше правительство это терпитъ?

— То-есть, вы насчетъ того, что онъ дуракъ-то? Ну, ужъ не такой же онъ дуракъ, какъ, напримѣръ, какой-нибудь кретинъ изъ ронской долины! Все же онъ и за лѣсомъ, хотя на окраинахъ, присмотрѣть можетъ. Лихого человѣка пристращать тоже можетъ; настолько-то у него понятія хватить! Вотъ еще и браконьера пристыдить тоже можетъ,—и дѣвчонку какую защитить отъ пьянаго бродяги, коли ей въ сумерки лѣсъ переходитъ придется.

— Такъ онъ все же чѣмъ-нибудь да полезень?

— А то какъ же?! неужто ему ни за что, ни про что въ даромъ вагонъ жить позволятъ?.. Ни-ни! у насъ въ республикѣ этого не дѣлается!

— Значить, онъ нѣчто въ родѣ лѣсника?

Старикъ пожалъ плечами и махнулъ рукой.

— Куда ему до лѣсника-то!—онъ пріосанился:—вотъ я, такъ былъ лѣсникомъ, да-съ, сударь мой, былъ!.. Это дѣло не простое, мудреное! Для этого дѣла требуется хорошая голова, вѣрный глазъ да твердая рука... А дурень Гансъ—какой же онъ лѣсникъ?.. помилуйте! ему и ружья-то въ руки не даютъ!

— А руки-то у него все же сильныя!

— Да на чтѣ онѣ ему, я васъ спрашиваю? На то, чтобы на базарѣ корзины-то въ подвалы таскать?.. велико дѣло!

— Его торговли, кажется, любятъ?

— А-а, вы ужъ это, значить, примѣтили? Не воруетъ, вотъ и любятъ. Совсѣмъ, знаете ли, не воруетъ. Кажись, съ голода бы

околѣлъ, а капустнаго листка не взялъ бы. Вотъ ему и перепадаетъ то, сѣ,—на пропитанье, значить...

— Съ міру по нитѣѣ, голому рубашка,—замѣтилъ я, переводя нашу русскую пословицу.

— Да-да, вы это славно сказали, запомнимъ!.. Только у дурака-то нашего есть своя бѣда: пристраслился онъ къ своему лохматому, рыжему медвѣдю, къ этому обжорѣ Цезарю. .

— Къ большой рыжей собакѣ?

— Вотъ именно-именно!.. вы ужъ и ее замѣтили?.. да какъ же и не замѣтить-то такое страшилище! Ну, пристраслился къ ней, какъ говорится, до слѣпоты. Кормить ее на убой, самъ впроголодь перебивается. Каждый разъ какъ я только эту собачищу увижу, я въ глаза ему прямо и тычу: свинья, моль, откормленная.

— Ну, а онъ что?

— Да что—ничего. Либо посмѣется, либо огрызнется. Подумайте вы только: чего-чего не наберетъ это Гансъ на базарѣ!.. всѣ снѣди свои, хорошія снѣди, всѣ такъ передъ псомъ-то и разложить. Тотъ жретъ, а этотъ сидитъ передъ нимъ да ухмыляется. Совсѣмъ дуракъ-человѣкъ!..

— А-а, любезный другъ, вотъ гдѣ я васъ, наконецъ, нашелъ!—прозвучалъ за мной знакомый голосъ моего профессора: —скажите на милость, что съ вами случилось? гдѣ вы пропадаете?

Мои мысли были такъ далеко отъ моего уважаемаго друга и профессора, что я невольно вздрогнулъ отъ его неожиданнаго привѣта. Я покраснѣлъ во все лицо и пробормоталъ что-то весьма нескладное.

— А у насъ въ клиникѣ, именно сегодня, были два замѣчательные случая, которые подають мнѣ большія надежды на разрѣшеніе гипотезы въ нашу пользу... Пойдемте, я иду домой, проводите меня до дому, и я расскажу вамъ по дорогѣ, въ чемъ дѣло.

II.

Увы! и въ этотъ разъ вѣроломная гипотеза наша только подрознила насъ суетными надеждами! Цѣлыхъ двѣ недѣли мы наблюдали, отмѣчали, записывали, сопоставляли. Очевидное сегодня—завтра въ пухъ и прахъ разбивалось неопровержимыми фактами, и всѣ наши выводы, построенные, казалось бы, на несомнѣнныхъ данныхъ, претерпѣвали самыя отчаянныя крушенія. И черезъ двѣ недѣли мы все еще не дошли ни до какихъ результатовъ.

Неудачи, однако, не обезкураживали насъ. Мы не отступали. Вопросъ, поставленный нами, былъ слишкомъ важенъ для науки, чтобы не поработать надъ нимъ до послѣдней возможности. Разрѣшенный положительно, онъ могъ бы бросать новый лучъ свѣта въ запутанную и сложную науку, въ которой часто приходится ощупью отыскивать путь свой. Но, несмотря на всѣ наши труды и усилія, мы еще не находили того огнива, которымъ можно было бы затеплить этотъ благотворный свѣточъ...

Между тѣмъ подошли знойные дни. На дворѣ стоялъ іюль мѣсяцъ. Въ Швейцаріи и школы, и высшія учебныя заведенія, закрываются объ эту пору. Занятые каждый своимъ дѣломъ, въ продолженіе десяти мѣсяцевъ, жители швейцарскихъ городовъ разлѣзжаются по горамъ, долинамъ, водопадамъ, ущельямъ. Вся Швейцарія отъ мала до велика мѣрно и неторопливо, опираясь на длинныя альпійскія палки съ острымъ желѣзнымъ концомъ, переселяется въ шалѣ горныхъ жителей или наполняетъ собой дешевые пансіоны „для своихъ“. Эти пансіоны обыкновенно содержатся вдовами какихъ-нибудь бывшихъ сельскихъ властей или пасторовъ. Съ половины іюля и до половины сентября вся Швейцарія, такимъ образомъ, превращается въ бродячій народъ, кочующій изъ одного кантона въ другой, чтобы, скитаясь съ котомкой за плечами на альпійскихъ высотахъ, возобновить свѣжесть и бодрость организма и съ новыми силами приняться опять за десяти-мѣсячный трудъ.

По примѣру и обычаю всѣхъ достаточныхъ жителей Швейцаріи, и мой другъ-профессоръ, къ срединѣ іюля, собрался въ отъѣздъ со всѣмъ своимъ семействомъ. У насъ, въ нашемъ свѣтилищѣ науки, т.-е. въ университетѣ, тоже все закрывалось и прекращалось. Мнѣ стали тогда вполне понятны слова нашихъ клиническихъ бѣдняковъ, которые мнѣ не разъ приходилось слышать за послѣднее время: „нужно торопиться и скорѣй выздорѣть“, — говорили они: — „а то скверно хворать въ каникулярное время!“ — Дѣйствительно, хворать въ Бернѣ, во время каникулъ, очень тяжело и неудобно для недостаточнаго класса населенія, за отсутствіемъ даровыхъ пособій. Лѣтомъ бѣднякъ совершенно безпомощенъ. Ни по какой спеціальности медицины нѣтъ ни клиникъ, ни леченія. Даже родильный домъ, и тотъ закрытъ. Въ случаѣ болѣзни, бѣднякъ долженъ обращаться къ частному врачу, что ему не по средствамъ, такъ какъ частный докторъ высоко цѣнитъ свои не всегда добросовѣстные услуги.

Научная дѣятельность, еще недавно суетливая и полная своеобразныхъ волненій и страстей, — лѣтомъ застывала въ пустыхъ и

гулекихъ аудиторіяхъ огромнаго каменнаго зданія. Въ его, каникулярнымъ зноемъ раскаленныхъ, стѣнахъ царило мертвое, гробовое молчаніе. Зданіе не принимало больше въ свои объемистыя нѣдра печальные образы страдальцевъ, съ ихъ жалобами, слезами и стонами. Оно не давало пріюта, въ своихъ просторныхъ палатахъ, истомленнымъ недугами и страданіями больнымъ.

Посланный на казенный счетъ, съ прибавкой къ этому еще довольно значительной стипендіи отъ частнаго лица, я не могъ посвятить цѣлыхъ два мѣсяца на свой отдыхъ. Къ тому же я былъ совершенно здоровъ. Сравнительно съ душной каморкой моей на Выборгской Сторонѣ, въ которой я протрудился пять лѣтъ кряду,—чистый горный воздухъ Берна вполне удовлетворялъ моимъ требованіямъ, и я остался въ Бернѣ, переѣхавъ однако за городъ. Мнѣ удалось поселиться недалеко отъ огромнаго бернскаго лѣса. По протекціи профессора, одно знакомое ему семейство согласилось взять меня къ себѣ, на лѣто, пансіонеромъ. Я имѣлъ просторную, свѣтлую комнату и готовую пищу. Я былъ совершенно доволенъ. Бернъ былъ у меня подъ рукой. Въ полчаса я могъ добѣжать до своей городской квартиры, еслибы мнѣ что-либо понадобилось. Въ часъ времени я могъ, не торопясь, дойти до учрежденія, на которомъ сосредоточились теперь всѣ мои занятія—до дома умалишенныхъ.

Прекрасно-устроенное зданіе это помѣщалось за городомъ и, конечно, даже лѣтомъ не прекращало своей дѣятельности. Такимъ образомъ я рассчитывалъ воспользоваться каникулами исключительно для того, чтобы посвятить все свое время и ближе ознакомиться съ весьма интересовавшей меня отраслью медицинскихъ познаній—съ психіатріей.

За послѣднія двѣ-три недѣли до закрытія лекцій и клиникъ я былъ заваленъ работой. Голова моя такъ была переполнена всевозможными соображеніями, сопоставленіями, выводами, что я совершенно позабылъ о своемъ бобылѣ. Я неизмѣнно встрѣчалъ его на поворотѣ за угломъ, но не обращалъ на него вниманія—мнѣ было некогда.

Былъ знойный день, одинъ изъ тѣхъ лѣтнихъ дней, когда съ утра уже всѣ томятся отъ жары и, что называется, не находятъ себѣ мѣста. Къ вечеру, когда солнце стало садиться, подулъ пріятный вѣтерокъ, заколыхался слегка раскаленный воздухъ. Я взялъ шляпу и отправился къ Арвѣ. Холодная, быстрая Арва, берущая свое начало въ ледникахъ Сенъ-Готарда, всегда дѣйствовала на меня какъ-то особенно живительно. Чтобы не

идти по знойнымъ полямъ, хотя это и былъ мой кратчайшій путь къ Арвѣ, я побрелъ въ обходъ, опушкой славнаго, густого бернского лѣса. Вдали, въ глазахъ моихъ скоро сталъ мелькать какой-то темный, удлиненный квадратикъ. Чѣмъ ближе я подходилъ къ нему, тѣмъ квадратикъ этотъ становился больше и, наконецъ, выросъ до размѣровъ огромнаго, опрокинутаго вверхъ дномъ, ящика.

„Дворецъ Ганса!“ —мысленно воскликнулъ я, улыбнулся и ускорилъ шаги.

Дѣйствительно, то былъ дворецъ моего бобыля.

Безколесный вагонъ былъ поднятъ на четыре желѣзнодорожныя шпалы. Отъ когда-то приключившейся съ нимъ катастрофы онъ потерпѣлъ значительныя поврежденія. Много мѣстъ на его темныхъ бокахъ было проломано. На нихъ, какъ заплаты на зелено-буромъ сакъ-пальто бобыля, были грубо наколочены заплаты изъ подобранныхъ на улицѣ разнокалиберныхъ досокъ. Два крайнихъ окна были заложены соломой и тоже забиты досками. Чернѣли только два среднія окошечка, да и то стекла въ нихъ были сильно повреждены. Наружная платформа передъ входомъ въ вагонъ не существовала вовсе. Она, вѣроятно, тоже отлетѣла отъ натиска во время несчастнаго случая. Къ высокой дверцѣ вела отлого-положенная, длинная доска, притвожденная къ пню срубленной сосны. Около вагона лѣпилась скамеечка, на которой, вѣроятно, проводилъ часы раздумья владѣлецъ этого заколдованнаго зѣмка.

Я тяжело вздохнулъ. Убожествомъ вѣяло отъ нищенскаго жилища. Безконечно жаль стало мнѣ человѣка, изъ года въ годъ, всю жизнь обреченнаго проводить въ этомъ ящикѣ, немногимъ больше гроба и, конечно, меньше любого фамильнаго склепа!..

Я приложилъ ладони къ угламъ глазъ и заглянулъ чрезъ тусклыя стекла во внутрь вагона. Я невольно ахнулъ отъ изумленія—въ горенкѣ царствовала примѣрная, идеальная чистота!

Противъ самаго окна, въ которое я глядѣлъ, помѣщалась крошечная, круглая, желѣзная плитека съ одной канфоровкой, тщательно вымазанная графитовой рудой. Въ углу налѣво находилась низкая, широкая лавка, очевидно служившая кроватью. На ней аккуратно были сложены одѣяло и подушка, въ красной наволочкѣ съ большими черными разводами. Въ углу направо стоялъ сосновый опрятный столъ и два табурета. Надъ столомъ висѣла полка съ посудой. Тутъ были двѣ надтреснутыя тарелки, круглая глиняная чашка съ подбитымъ краемъ, молочникъ безъ носика и чайная чашка безъ ручки, два ножа, двѣ деревянные ложки

и что-то длинное, неуклюжее, что, вѣроятно, употреблялось вмѣсто вилки. У второго окошечка былъ обрубокъ березовой колоды, на которомъ помѣщался горшокъ съ роскошнѣйшей геранью, буквально залитой свѣтло-красными махровыми цвѣтами. Это была *роскошь* бѣдной каморки. И еще въ ней былъ одинъ предметъ роскоши. На полу, у изголовья лавки, лежалъ небольшой коврикъ, сдѣланный изъ крошечныхъ, суконныхъ обрѣзковъ. Во всѣхъ странахъ, куда бы только случай ни заносилъ меня, въ бѣдныхъ жилищахъ, я встрѣчалъ подобные коврики. Ихъ выдѣлываютъ, на десятки разныхъ манеръ, грубыя, мозолистыя руки арестантовъ, коротая за этой работой тяжелые часы заточенія. Такой же *арестантскій* коврикъ былъ и у изголовья моего бобыля. Я понялъ, что въ этомъ четырехугольномъ кусочкѣ густо-соединенныхъ трапизъ выразилось пристрастіе человѣка къ его четвероногому другу. Завядшій букетикъ фіалокъ стоялъ въ стаканѣ посреди стола. Я тотчасъ же узналъ его. Онъ не только завялъ, но даже высохъ.

На стѣнахъ, аккуратно-подрѣзанныя, прибиты были всевозможныя картинки: головки съ конфетныхъ коробочекъ, черные оттиски изъ иллюстрацій. Каждая изъ этихъ картинокъ была оклеена узкимъ ободкомъ изъ черной бумаги и прибита четырьмя гвоздиками. На стѣнѣ, надъ лавкой, висѣлъ старый струнный инструментъ, нѣчто въ родѣ бандуры.

Я долго вглядывался во всѣ предметы этой комнаты. Она далеко не походила на берлогу звѣроподобнаго, грубаго полуидіота. Въ ней все носило отпечатокъ вкуса человѣка, на котораго уже пахнуло культурой, который таилъ въ глубинѣ души своей даже зачатки поэтическихъ чувствъ и, очевидно, былъ склоненъ къ мечтѣ... Онъ, вѣроятно, много разъ съ любовью глядѣлъ на роскошный кустъ герани. Быть можетъ, проводилъ многіе часы передъ своей картинной галереей, подобранной поштучно изъ выброшенныхъ на улицу обрывковъ иллюстрацій. Быть можетъ, тихо брелъ на струнахъ стараго инструмента, онъ подпѣвалъ себѣ пѣсню, уносившую его далеко, подъ синее небо той дальней страны, которая наложила на него, сироту безроднаго, свою своеобразную печать и одарила его черными кудрями, горячей кровью и чуткой душой!

Заложивъ руки за спину и строя разные предположенія насчетъ довольно загадочной для меня личности Ганса Фогельфрейя, я машинально побрелъ куда глаза глядятъ. Вечерній воздухъ охлаждающей струйкой дулъ мнѣ навстрѣчу, и я, незамѣтно для себя самого, вмѣсто того, чтобы свернуть къ Арвѣ, все больше и больше

углублялся въ чащу лѣса. Занятый своими размышленіями, я не обратилъ вниманія, много ли, или мало я прошелъ, когда очутился на краю оврага. Собственно это не былъ оврагъ, а скопѣ, довольно глубокая яма, изъ которой, много лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, вывозили песокъ. Съ тѣхъ поръ она вся уже успѣла обрости дикими, капризными растеніями. Всѣ неровности ея—впадины и выпуклости—покрылись зеленью. Цѣпкіе, колючіе кусты лѣсной малины и ежевики спорили между собой за права господства и первенства. Они старались вытѣснить молоденькіе отпрыски деревьевъ, у которыхъ отнимали пространство и свѣтъ.

Я поднялъ голову. На первомъ усгупѣ, какъ на широкомъ ложѣ, полулежалъ Гансъ. Буковыя деревья, въ перемежку съ вѣковыми соснами, широко простирая свои могучія вѣтви, раскидывали зеленый навѣсъ между нимъ и синимъ небомъ, съ его жаркимъ, іюльскимъ солнцемъ. Лозы дикаго винограда и хмеля затѣйливыми гирляндами перекидывались съ дерева на дерево и легонько покачивались въ огненныхъ лучахъ дальняго заката. Темный плющъ цѣпко впивался въ толстую кору неподалеку растущаго, могучаго дуба, со своимъ вѣчнымъ девизомъ: *je m'attache ой je meurs!* Эти объемистые дубы, раскидывающіе свои узловатые вѣтви какъ будто изъ зеленого пьедестала, составляютъ одну изъ красотъ Швейцаріи.

Гансъ сбросилъ свой заплатанный зелено-бурый мѣшокъ и лежалъ въ грубой, но чистой, бѣлой рубашкѣ. Его истрепанная фуражка валялась тутъ же неподалеку, а черныя, густыя кудри граціозно разсыпались отъ игравшаго въ нихъ легкаго вѣтерка. На широкомъ листѣ клена алѣла свѣже-набранная земляника. Рядомъ съ нимъ, во всю свою длину, растянулся и вѣрный другъ его, Цезарь, любовно положивъ свою широкую морду на загорѣлую руку хозяина.

Гансъ полулежалъ, читая листъ измятой газеты, съ оторваннымъ угломъ.

Цезарь очнулся первый и, бросивъ на меня недружелюбный взглядъ, заворчалъ. Хозяинъ поднялъ голову и, увидавъ гуляющаго, провелъ рукою по головѣ собаки. Та сурово замолчала.

— Я, кажется, испугалъ васъ?—обратился я къ Гансу.

Онъ презрительно усмѣхнулся.

— Слава Богу, я не маленькая дѣвочка,—сказалъ онъ обыкновенно мягкимъ, сочнымъ баритономъ:—съ чего мнѣ пугаться?

— Вы были углублены въ чтеніе...

— Да, вотъ, какъ видите, читалъ газету, только, къ сожа-
лѣнью, на самомъ интересномъ мѣстѣ оторванъ уголъ!

— Я могу услужить вамъ,—сказалъ я и полѣзъ въ карманъ за нумеромъ той же газеты.

Я протянулъ ее Гансу. Онъ принялъ ее изъ моихъ рукъ съ молчаливымъ поклономъ.

— Вы вѣрно пройдетесь еще немного по лѣсу,—замѣтилъ онъ, видя, что я стою на мѣстѣ:—на возвратномъ пути я отдамъ вамъ газету съ благодарностью.

— Мнѣ ее не нужно, я уже прочелъ ее.

— Въ такомъ случаѣ благодарю васъ; я оставляю ее у себя.

Медленно поглаживая своего друга, Гансъ замолчалъ и опу-
стилъ глаза на газету.

Не знаю, что именно заговорило въ душѣ моей: инстинктив-
ное ли сочувствіе, или жалость при видѣ его крайне-поношенной
одежды и въ особенности огромныхъ, неуклюжихъ, рванныхъ са-
поговъ, но я отвернулся, вынулъ изъ кошелька золотую монету,
близко подошелъ къ Гансу, наклонился и положилъ ее на конецъ
листа съ земляникой.

Гансъ взглянулъ сперва на монету, потомъ на меня и весь
вздрагнулъ. Глаза его сверкнули, губы скривились. Онъ схватилъ
монету и ловкимъ движеніемъ кисти швырнулъ его къ самымъ
ногамъ моимъ. Потомъ онъ яростно смялъ въ комокъ только-
что подаренную газету и бросилъ ее въ дальній кустъ.

— Я вовсе не хотѣлъ обидѣть васъ,—сконфуженно прогово-
рилъ я, поднимая монету,—и мнѣ очень жаль...

— Я не нищій!—гордо перебилъ меня Гансъ:—у меня есть
все, что мнѣ нужно; я совершенно доволенъ судьбой своей!

Онъ тихо поднялся со своего ложа и, не поклонясь мнѣ,
побрелъ въ глубь лѣса. Подъ его тяжелыми стопами хрустѣлъ
валежникъ. Отойдя на значительное разстояніе, онъ опустился
на камень.

„Лѣсной дикарь въ самомъ центрѣ европейской куль-
туры,—раздумывалъ я, глядя на него;—кто бы могъ предполо-
жить, что подобный субъектъ можетъ существовать въ XIX-мъ
столѣтіи, да еще въ чертѣ университетскаго города!“

Пока я такимъ образомъ философствовалъ, Цезарь утѣшалъ
своего господина. Онъ всталъ передними лапами на его колѣни
и прижалъ свою добрую морду къ его разгорѣвшейся щекѣ. На
рыжую шерсть кровнаго сенъ-бернара капризными змѣйками
разсыпались пряди черныхъ, волнистыхъ кудрей. Обнявъ одной
рукою шею друга, Гансъ долго сидѣлъ, склонясь къ нему головой.

Я понял, какъ глубоко уязвилъ болѣзненную гордость надменнаго бѣдняка!

III.

Итакъ, мнѣ не удалось завязать знакомства съ „бернскимъ дуракомъ“. Встрѣчаясь со мной на прогулкахъ, онъ дѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня, устремляя глаза на какую-нибудь другую точку или же какъ-то неестественно и конфузливо отворачиваясь. Я нѣсколько разъ бродилъ въ лѣсу, надѣясь, что случай все же какъ-нибудь сведетъ насъ, но, въ противность моимъ ожиданіямъ, въ лѣсу я больше Ганса не встрѣчалъ. Быть можетъ, онъ перемѣнилъ свою резиденцію и ушелъ въ другой конецъ своего огромнаго лѣснаго царства. Не желая вторгаться въ его владѣнія, я бросилъ ходить въ лѣсъ. Мои вечернія прогулки сосредоточились теперь на той же тѣнистой аллеѣ, бѣгущей по высокому берегу Арвы. Аллея эта была безконечна. Можно было идти по ней до усталости, вдыхая прохладу, поднимавшуюся отъ студеныхъ водъ быстрой, горной рѣчки.

Жаркая погода вдругъ перемѣнилась. Съ Альпъ подулъ холодный, рѣзкій, сѣверный вѣтеръ. Перепало нѣсколько дождливыхъ дней. Лѣтомъ такая погода долго не держится, но все же во время ея продолженія жители Швейцаріи и въ особенности туристы сидятъ по домамъ, съ длинными, скучными, вислыми лицами.

Я тоже сидѣлъ дома: куда выйдешь въ такое ненастье! Передо мной былъ все тотъ же видъ клубящихся, густыхъ, свинцовыхъ тучъ на пасмурномъ горизонтѣ. Въ какой-то нелѣпой пляскѣ, кружась, пробѣгали эти темныя тучи по зубчатому хребту бернскихъ Альпъ.

Когда, наконецъ, проглянуло солнышко и тепломъ своимъ стало бороться съ ослабѣвавшими уже порывами сѣвернаго вѣтра, все точно будто проснулось и ожило. И я точно проснулся отъ однообразнаго, но томительнаго сна. День приближался къ концу; я пошелъ прогуляться по своей излюбленной аллеѣ.

Пройдя уже довольно далеко, я услышалъ около самой рѣки ребяческіе, крикливые голоса и восхищенный дѣтскій смѣхъ. Цѣлая, веселая ватага мальчугановъ перебранивалась съ противоположнаго берега съ кѣмъ-то находящимся на моей сторонѣ.

— Berner Thor! (бернскій дуракъ)—задорно кричалъ одинъ маленькій забіяка, заложивъ руки въ карманы своихъ худенькихъ

штанишекъ:—говорятъ, что сегодня рыночныя торговли надавали ему, вмѣсто орѣховъ, гнилого картофеля, а онъ и съѣлъ...

— Вмѣсто орѣховъ, ха-ха-ха!

— Да еще, говорятъ, облизался!..

Дружный залпъ звонкаго смѣха привѣтствовалъ эти дѣтскія, глупенькія остроты.

— Ты смотри, какъ бы тебѣ, вмѣстѣ съ твоими шутками, въ воду не плепнуться!—отозвался хорошо-знакомый мнѣ мягкій баритонъ.

— Не ты замкнешь, коли я плепнусь!—послалъ въ отвѣтъ забіяка.

— А кто-жъ тебя вытаскивать-то будетъ? все я же! Пострѣлъ ты этакій!.. говорятъ тебѣ, не прыгай!.. сорванецъ!

— Слышите! слышите! бернскій дуракъ хочетъ броситься за мной въ рѣку, коли я плепнусь! А скажи-ка ты, птица, какъ это ты поплывешь-то, коли ты не рыба, ха-ха-ха!

Вся ватага шалуновъ опять залилась дружнымъ смѣхомъ.

— А вотъ постой, птица-то твоя сейчасъ переплыветъ, да и оттаскаетъ всѣхъ васъ за вихры!.. Говорятъ вамъ, черти, не балуйте!.. Вотъ я васъ!

Но неугомонные шалуны не унимались. Въ этомъ мѣстѣ было много разбросанныхъ камней. Они были на довольно большомъ другъ отъ друга разстояніи. Бернскимъ шалунамъ доставляло захватывающее за душу удовольствіе прыгать съ одного камня на другой, чтобы выказать этимъ свою ловкость и молодечество. Коварна была рѣка въ этомъ каменистомъ мѣстѣ; она съ жадностью втягивала въ свою прозрачную глубь всякаго оступившагося смѣльчака и, крутя и вертя его, уносила по быстрому теченію. Это мѣсто такъ и называлось въ народѣ „чертовой пастью“ (Teufel's Maul), и родители, изъ поколѣнія въ поколѣніе, жестоко трепали своихъ сорванцовъ, чтобы выбить у нихъ изъ головы охоту предаваться такой опасной забавѣ. Но таково уже безшабашное молодечество юности, что оно находитъ наслажденіе въ забавахъ, грозящихъ даже смертию.

Я посмотрѣлъ внизъ. Надъ самой Арвой, на плоскомъ утесѣ, въ живописной позѣ стоялъ Гансъ, грозя мощнымъ кулакомъ безстрашнымъ шалунамъ. Видя, что уговорами ихъ не проймешь, Гансъ прибѣгнулъ къ брани, и послѣ солиднаго внушенія сердито закричалъ:

— Fort, fort, Bengeli, putz-Dusiek! (убирайтесь, убирайтесь, шалуны, чортъ возьми!)

Въ эту самую минуту раздался короткій, пронзительный

крикъ. Маленькій забіяка, потерявъ равновѣсіе, ударился своимъ тощимъ тѣльцемъ о поверхность воды и пропалъ въ высоко взлетѣвшихъ на воздухъ пѣнистыхъ брызгахъ.

Я и еще немногіе прохожіе, всѣ мы невольно вскрикнули. Раздался опять плескъ, и на этотъ разъ въ воду упало грузное тѣло. Заплатанное савъ-пальто осталось на утесѣ. Мощныя руки, съ засученными по плечо рукавами, боролись съ быстрымъ теченіемъ...

Невозможно описать той суматохи, которая поднялась на обоихъ берегахъ. Мгновенно откуда-то взялись прохожіе и столпились въ небольшія группы и на томъ берегу, и на этомъ. Я всегда замѣчалъ, что прохожіе откуда-то берутся въ минуты приключеній. Поднялись крикъ, суета, бѣготня. Кто подавалъ совѣты, кто разспрашивалъ, кто соболѣзновалъ, кто молча качалъ головой, кто недовольно ворчалъ себѣ что-то подъ носъ, а мощныя руки все бились и бились противъ быстрыхъ струй.

Но и грузное тѣло теченіемъ увлекало съ неимоверной скоростью. Вотъ оно исчезло подъ водой!.. У всѣхъ присутствовавшихъ занялось дыханіе... Оно, наконецъ, выплыло, прижимая къ груди ребенка. Крикъ облегченія огласилъ окрестность. Но тутъ-то собственно и началась отчаянная борьба между пловцомъ и теченіемъ. Пловецъ могъ дѣйствовать только одной правой рукой: лѣвою онъ крѣпко держалъ мальчугана. Силы его слабѣли и уже видимо начинали измѣнять ему, когда кто-то, на противоположномъ берегу, догадался прыгнуть въ лодку и протянуть ему на-встрѣчу конецъ весла. Судорожная рука съ такой силой ухватила за весло, что сшибла съ ногъ протянувшего его, онъ упалъ на дно лодки. Несчастья однако не послѣдовало. Лодка была прикрѣплена къ берегу прочной цѣпью.

Еще нѣсколько человѣкъ прыгнуло въ лодку, общими силами вытащили пловца и мальчугана и перенесли ихъ на берегъ.

Гансъ очнулся первый. Онъ опустился на одно колѣно передъ утопавшимъ и всего его ощущалъ. Потомъ онъ стащилъ съ него измокшія одежды, снялъ съ плечъ у кого-то близко стоявшаго сухое платье и закуталъ имъ несчастнаго шалуна. Онъ что-то шепнулъ теперь уже пристыженнымъ товарищамъ его. Одинъ изъ нихъ стремглавъ побѣжалъ въ городъ.

Я, съ своей стороны, послалъ какого-то зѣваку за извозчикомъ. Перебраться на другую сторону рѣки пѣшкомъ, не было никакой возможности. Мостъ же черезъ Арву находился далеко, при въѣздѣ въ городъ.

Я стоялъ и смотрѣлъ, какъ заботливо возился Гансъ съ

только-что издѣвавшимся надъ нимъ забіякой. Кто-то принесъ бутылку водки. Гансъ влилъ нѣсколько капель въ сведенный ротъ ребенка и сталъ тереть водкой все его заходѣлое тѣло. Самъ же онъ на-скоро осушилъ протянутую ему рюмку и на всѣ дальнѣйшія угощенія отрицательно качалъ головой.

А забытый Цезарь безмолвно сидѣлъ на зелено-буромъ сакъ-пальто своего хозяина и не сводилъ съ него тревожныхъ глазъ своихъ.

Наконецъ, подоспѣлъ мой извозчикъ; я прыгнулъ въ него и, посуливъ хорошую прибавку, помчался въ объѣздъ на тотъ берегъ.

Когда я подѣхалъ и потомъ подбѣжалъ къ собравшейся группѣ, мальчуганъ уже стоялъ на ногахъ и надъ нимъ голосила немолодая, болѣзненная женщина. Она голосила и ругалась, ругалась и снова голосила. Глаза Ганса лихорадочно горѣли, дрожь пробѣгала по всему его тѣлу. Цѣлый часъ, самъ весь мокрый, провозился онъ съ мальчуганомъ на холодномъ вѣтру. Въ его жаркомъ взглядѣ чуялась мнѣ серьезная простуда.

Я подошелъ къ нему.

— Довольно, — сказалъ я, — теперь обойдутся и безъ васъ. Я—докторъ. Я подамъ спасенному нужную помощь. Ступайте домой.

— Хорошо, — отозвался Гансъ, повернулся и снова направился къ рѣкѣ.

Я угадалъ его мысль: онъ хотѣлъ переплыть ее еще разъ. Вѣдь на утесѣ терпѣливо и молча дожидался его вѣрный другъ.

— Вы этого не дѣлайте! — закричалъ я и схватилъ его за руку. — Лодку!.. Кафтанъ, шаль, одѣяло, что-нибудь сухое и теплое!.. Этотъ добрый человѣкъ за свое великодушіе схватитъ горячку!

Я никогда не забуду того взгляда, который кинулъ на меня бобыль. Въ этомъ взглядѣ были и нѣжность, и радость, и изумленіе, и благодарность.

— Скорѣй, скорѣй что-нибудь сухое! — продолжалъ я кипятиться:

— Вотъ оно, тутъ подъ рукою и есть! — засуетился почтенный человѣкъ въ простой, но опрятной одеждѣ, и ухватился за платокъ, накиннутый на плечи бѣдной женщины, матери утопавшаго. Худая рука судорожно захватила платокъ на груди.

— Нельзя... нельзя... не дамъ... чортъ! — воскликнулъ почти отчаянный голосъ: — мой лучший, выходной платокъ!.. не дамъ!.. не дамъ!.. убирайся!

Почтенный человѣкъ побагровѣлъ отъ негодованія.

— Тебѣ спасли сына,—гнѣвно закричалъ онъ,—а ты даже платя одолжить не хочешь!

— Мокрому дураку... дураку Гансу... дать мой лучший платокъ!.. Ни за что!.. ни за что!.. Ухъ, пострѣлъ, задамъ я тебѣ ужъ... погоди ты у меня...

И раздраженная труженица сурово погрозила едва очнувшегося сынишкой.

Почтенный человѣкъ плюнулъ и обругалъ женщину вѣдьмой. Мой извозчикъ накинулъ на дрожавшія плечи Ганса лошадиную попону. Владѣлецъ лодки бѣжалъ уже черезъ поле съ ключомъ въ рукахъ.

— А эту жадную бабу нужно проучить, — проповѣдовалъ почтенный человѣкъ толпѣ: — нужно заставить ее вознаграждать спасаго.

— Да, нужно, нужно! Пусть хоть сколько-нибудь дастъ ему въ благодарность.

— Черти! откуда я возьму благодарность! — съ отчаяніемъ огрызалась несчастная, и слезы ярости текли по ея ввалившимся, желтымъ щекамъ.

Ее обступили. Пока хозяинъ отвязывалъ лодку, а я поплотнѣе закутывалъ Ганса въ попону, въ двухъ шагахъ отъ насъ происходила возмутительная сцена. Перекрестной руганью бѣдную женщину довели до ярости. Въ какомъ-то изступленіи отчаянія она вытащила, наконецъ, изъ-за пазухи грязную тряпицу. Дрожа и рыдая, почти воя, размотала она много разъ закрученный шнурокъ; изъ тощей горсточки мелкаго серебра она, наконецъ, добыла десяти-франковый золотой и швырнула его о земь. Монету тотчасъ же подхватили.

— Мало! давай большой золотой!

— Подавитесь вы и этимъ! — взвизгнула въ отвѣтъ несчастная.

— Нужно сдѣлать сборъ въ пользу спасаго! — крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Сборъ! сборъ! — подтвердили другіе.

— Принимаю, даю франкъ! — объявилъ почтенный человѣкъ, снялъ шляпу и положилъ въ нее франкъ.

Каждый бросилъ въ шляпу что могъ; вознагражденіе спасшему многимъ превысило стоимость большого золотого. Почтенный человѣкъ былъ доволенъ. Потрясая деньгами, онъ подошелъ къ Гансу.

— Ну, вотъ тебѣ, бернскій дурачокъ нашъ!.. возьми да помни, что за доброе дѣло мы, жители города Берна, готовы наградить даже дурака и лѣнтяя!

Гансъ ни слова не возразилъ на эту правоучительную тираду. Онъ спокойно взялъ подачку, нивко поклонился на всѣ стороны, потомъ догналъ взбѣшенную мать шалуна, заставилъ ее чашечкой поддержать руки и всыпалъ въ нихъ всѣ собранныя деньги, не исключая и ея маленькаго золотого.

— На тебѣ, возьми на бѣдность! — сказалъ онъ, и прежде чѣмъ та успѣла даже понять, въ чемъ дѣло, онъ повернулся, подбѣжалъ къ лодкѣ и прыгнулъ въ нее. Я дожидаль его. Мы отчалили.

— Дуракъ! дуракъ! дуракъ! дуракъ! — неслоь намъ вслѣдъ знакомое слово, сказанное на всѣ голоса издѣвавшейся толпой.

Когда мы вышли на берегъ, Цезарь обѣими лапами вскочилъ на грудь своего друга и визгомъ, и лаемъ на самыхъ высокихъ дискантовыхъ нотахъ выразилъ свою чрезмѣрную радость.

Гансъ накинулъ на плечи заплатанное пальто; попопу отвезли обратно кучеру.

Блѣдная женщина уже ласково вела испуганнаго, ослабѣвшаго мальчишку за холодную ручку и даже рѣшилась закутать его въ свой новый выходной платокъ.

— Ну, теперь она напоить его чѣмъ-нибудь теплымъ и укроетъ, — будто про себя произнесъ Гансъ, глядя вслѣдъ удалявшейся группѣ.

— Эта несчастная женщина, кажется, дѣйствительно была въ отчаяніи отъ мысли разстаться со своей золотой монетой? — замѣтилъ я.

— Нельзя ей было не быть въ отчаяніи, — отозвался Гансъ: — она вдова, поденщица, средствъ никакихъ, а на рукахъ сыншкѣ да дочка горбатая. Три рта. Золотая-то монета набрана по сантиму, цѣной частаго голоданья всей семьи... Какъ же тутъ не быть въ отчаяніи!

— Гансъ, посидите тутъ въ уголку, за вѣтромъ, — сказалъ я, видя, что онъ весь дрожитъ, но собирается идти, — мой извозчикъ сейчасъ подъѣдетъ. Я доведу васъ до дому.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ; я добѣгу пѣшкомъ, тутъ близко!

— Какое же близко! мила, если не больше!

— Для меня это пустяки! Мнѣ лучше добѣжать. Я согрѣюсь на ходу. Прощайте!

— Завтра утромъ я навѣщу васъ! — крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Навѣстите лучше этого чертенка, — отвѣтилъ онъ, оборачиваясь и указывая на мальчишку.

— Хорошо; гдѣ онъ живетъ?

Гансъ подбѣжалъ ко мнѣ и объяснилъ, гдѣ и какъ найти вдову.

— Завтра я непременно зайду къ ней, а потомъ и къ вамъ; сообщу вамъ, какъ обошлась катастрофа.

— Не трудитесь. Я самъ завтра буду въ городѣ.

— Любезный другъ, какъ бы вамъ не лежать завтра въ горячкѣ; вотъ вы о чемъ подумайте-ка лучше!

Гансъ на секунду задумался.

— Ну, заходите и ко мнѣ, — наконецъ, произнесъ онъ: — да... да... ужъ будьте такъ добры... очень прошу васъ... захватите кусокъ простого хлѣба... вотъ... для него... Въ случаѣ, если я буду въ горячкѣ, чтобы онъ, того... понимаете?..

— Понимаю; захвачу съ удовольствіемъ.

— Спасибо вамъ!

Онъ приподнявъ изломанный козырекъ, повернулся и убѣжалъ отъ меня, будто боясь одуматься или раскаться въ своей внезапной просьбѣ.

А я, среди путаницы моихъ впечатлѣній и ощущеній, вызванныхъ только-что разыгравшейся передо мной житейской сценкой, смутно почувствовалъ, что „бернскій дуракъ“ за что-то отдать мнѣ свою душу.

IV.

Мои опасенія насчетъ сильной простуды Ганса оправдались. Когда на слѣдующій день я подходилъ къ его жилищу, торопясь сообщить ему, что засталъ спасеннаго мальчугана совершенно здоровымъ, меня поразилъ жалобный, протяжный вой, можно бы даже сказать, плачь. Я прибавилъ шагу и вбѣжалъ на отлогую, увѣшленную доску. Дверь не была заменута. Я вошелъ.

Гансъ лежалъ, разметавшись, на своемъ ложѣ и что-то бормоталъ, очевидно, въ бреду. Цезарь сидѣлъ у самаго изголовья и, глядя на своего хозяина, жалобно вылъ. Онъ испуганно вскочилъ, увидя меня, и хотѣлъ-было броситься на защиту больного, но я окликнулъ его; онъ, должно быть, узналъ меня, опять сѣлъ на прежнее мѣсто и залился еще болѣе жалобнымъ и протяжнымъ воемъ.

Сильнѣйшая горячка трясла и палила Ганса. Пульсъ его доходилъ до максимума. Температура, конечно, была выше 40 градусовъ. Медицинская помощь была ему необходима.

Всякій молодой врачъ, изучающій медицину не для того только,

чтобы сдѣлать карьеру, а ради интереса къ самой наукѣ, непременно займется случайнымъ пациентомъ, котораго судьба пошлетъ ему, въ особенности же, если болѣзнь представляетъ опасность. Увы, мы еще такъ нетвердо стоимъ, такъ еще безсильны въ борьбѣ со многими болѣзнями, что побороться съ недугомъ, съ которымъ мы сознаемъ себя равными по силѣ, уже само по себѣ, доставляетъ намъ, врачамъ, большое наслажденіе. А тутъ меня еще положительно интересовалъ пациентъ. Онъ притягивалъ меня къ себѣ тѣми незримыми, тончайшими нитями, которыя мы называемъ симпатіей.

Глядя на пылающее, отъ внутренняго жара, лицо „бернсаго дурака“, на его сухія, запекшіяся губы, считая быстрые удары его пульса, передъ глазами моими воскресала картина двухъ мощныхъ рукъ, упорно боровшихся противъ враждебной стихіи. Гдѣ-то теперь ихъ сила?.. Онъ безпомощно раскинутъ. Одна обвилась около горячей головы, другая—та, которая отдала вчера бѣдной вдовѣ свою заслуженную награду—виситъ теперь до самаго пола!

„Нужно помочь, непременно нужно помочь“,—вертѣлось у меня въ головѣ.

Бѣдный песъ больше не вылъ, вѣроятно, отъ избытка волненія. Онъ сидѣлъ съ высунутымъ языкомъ, съ котораго скатывались крупныя капли влаги, и коротко и часто дышалъ, какъ дышетъ собака, истомленная слишкомъ продолжительнымъ бѣгомъ.

„Поможемъ, поможемъ“,—сказалъ я, какъ бы утѣшая собаку, и погладилъ чудесную голову вѣрнаго друга.

Я дѣйствительно помогъ больному, и дѣло пошло у насъ на ладъ. Но мнѣ было неудобно постоянно ходить отъ своего дома къ вагону пациента и обратно, и безпокойно оставлять его по ночамъ одного. Я рѣшилъ, на время опасности, переселиться къ Гансу и тоже стать обитателемъ его замка. Для удобства больного, я привезъ ему хорошій, мягкій матрасъ, для своего—покойное, вольтеровское кресло, на которомъ и проводилъ ночные часы, дремля или читая. Чтобы не скучать, я захватилъ съ собою лампу и связку книгъ. Съ продовольствіемъ своимъ, я устроился какъ нельзя лучше. Я вспомнилъ студенческіе годы и купилъ спиртовую лампочку, на которой кипятилъ воду для чая; все же остальное приносила мнѣ, въ готовомъ видѣ, портьерка ближайшаго отъ насъ дома. Мы поладили, и дѣло пошло къ нашему обоюдному удовольствію. Я былъ доволенъ услугами почтенной

женщины, аккуратной и добросовѣстной, она была довольна получаемой платой. Въ этой импровизированной идилліи былъ еще и третій очень довольный субъектъ, а именно Цезарь. Онъ скоро привыкъ ко мнѣ и съ большимъ аппетитомъ уплеталъ всѣ остатки, вѣроятно, одобряя кулинарное искусство фрау Бергеръ и находя ея кушанья отлично приготовленными.

Жизнь наша потекла однообразно. Я наблюдалъ за всѣми фазисами болѣзни Ганса и при каждомъ улучшеніи внутренне торжествовалъ. Мнѣ было отрадно думать, что не всѣ же труды и усилія людей, посвятившихъ себя моей наукѣ, остаются тщетными; что мы, борцы противъ недуга и смерти, не всегда же вынуждены признать себя побѣжденными и безсильно сложить оружіе; что разумно примѣненные снадобы могутъ поддерживать пораженный организмъ и помочь ему восторжествовать надъ ненормальными явленіями. Я очень люблю свою науку, и потому мнѣ дорогъ и близокъ каждый шагъ ея на пути къ усовершенствованію.

Я лечилъ больного очень усердно. Самая ярая борьба была у меня противъ недостатка воздуха въ нашемъ помѣщеніи. Солнце ударило прямо въ крышу и въ окна вагона. Оно нестерпимо нагрѣвало низенькую комнатку. Я завѣсилъ окна темнымъ каленкоромъ. Освѣжать комнату я могъ только черезъ раскрытую дверь. День и ночь дверь стояла у насъ настежь.

Жутко приходилось мнѣ въ первыя ночи, когда, сидя въ своемъ креслѣ у стола, я глядѣлъ на черное отверстіе двери. Она выходила прямо на дремучій лѣсъ, въ которомъ, какъ говорила молва и писали газеты, часто „пошаливали“. Сколько разъ мерещилось мнѣ, что на этомъ черномъ пятнѣ, какъ китайская тѣнь, выходитъ и встаетъ свирѣпая фигура бродяги, покрытаго лохмотьями, голоднаго, пьянаго, съ острымъ ножомъ за поясомъ. Онъ, конечно, не сдѣлалъ бы вреда „бернскому дураку“, но—кто знаетъ?—не дошелъ ли слухъ уже и до обитателей лѣсной чащи, что у больного дурака поселился „господинъ“? Вотъ съ этимъ господиномъ и можно бы посчитаться!

Цезарь, очевидно, былъ прекрасный психологъ и песъ весьма наблюдательный. По своимъ собственнымъ примѣтамъ, онъ, вѣрно, догадался, что темнота ночи наводитъ на меня смутный страхъ. Когда я спускалъ лампу и клалъ заряженный шестиствольный револьверъ возлѣ себя на столѣ, онъ поднимался съ своего мѣста, отходилъ отъ изголовья хозяина и ложился у входа, перекинувъ голову черезъ дощечку порога. Онъ лежалъ тихо и, вѣроятно, дремалъ, но не спалъ тѣмъ глубокимъ сномъ съ присвистомъ и

храпомъ, которымъ засыпалъ на зарѣ. При малѣйшемъ порохѣ онъ поднималъ голову и, настороживъ уши, чутко прислушивался. Первоначальный страхъ мой мало-по-малу прошелъ. Я сознавалъ, что появившись въ дверяхъ сѣрая, суровая фигура въ лохмотьяхъ—этотъ огромный, сильный звѣрь схватилъ бы ее и не легко выпустилъ изъ своей львиной пасти! Къ тому же скоро ночи изъ темныхъ стали лунныя. Погода была великолѣпная, даже слишкомъ сухая и свѣтлая. вмѣсто непроглядной тьмы въ открытую дверь заглядывалъ теперь ясный, серебристый мѣсяцъ. Въ первый разъ въ жизни я постигъ всю прелесть лунной ночи! Вскормленный въ стѣнахъ города, я даже и подозрѣвать не могъ всей ея прелести!

Высоко въ небѣ стоитъ неподвижное свѣтило и кажется оно холоднымъ, безучастнымъ зрителемъ того, что дѣлается на землѣ. А между тѣмъ какая жизнь, какое движеніе кипятъ въ игрѣ его лучей! Тѣни мельзаютъ, тѣни летаютъ, тѣни кружатся! То лягутъ онѣ чернымъ пятномъ на яркій просвѣтъ, то разойдутся легонькимъ паромъ!..

Чьи это тѣни, такія прозрачныя, такія быстрыя, такія легкія? ужъ не тѣни ли это незримыхъ духовъ, въ полночный часъ играющихъ въ лучахъ мѣсяца, какъ говорятъ намъ сказки?

Никогда въ жизни не мечтавшій,—теперь, приютясь подъ плоскую крышу сломаннаго вагона и глядя черезъ его узкую дверцу на лунную ночь, я уносился фантазіей далеко-далеко за предѣлы даже высокаго неба. Мечта, на своихъ волшебныхъ крыльяхъ, поднимала меня въ какую-то иную страну, совсѣмъ непохожую на тѣ страны, которыя я зналъ.

Я видѣлъ восходящее солнце, но не наше солнце, а другое,—оно было больше, ярче, теплѣе... Восходя, оно освѣщало группы людей, но совсѣмъ не такихъ людей, какихъ освѣщаетъ наше солнце. Имѣя нашъ обликъ, они не носили на лицахъ своихъ нашихъ выраженій. Въ нихъ не было ни злобы, ни ненависти, ни хитрости, ни презрѣнья, ни предательства.

Я долго виталъ одинъ среди этой незнакомой страны, но вдругъ оглянулся и вижу: рядомъ со мной стоитъ Гансъ!

— Какъ ты сюда попалъ?—съ досадою воскликнулъ я:—сидѣлъ бы на землѣ, въ своемъ разбитомъ вагонѣ, „бернскій дуракъ“!

Гансъ молча улыбнулся мнѣ, точь-въ-точь тою же улыбкой, какою всегда улыбался, когда его называли дуракомъ. Окружающіе меня свѣтлые образы засуетились, залетали. Они взяли Ганса за руки, за края его зелено-бурого, заплатаннаго пальто, и въ одинъ мигъ онъ былъ уже высоко-высоко надъ моей головой!..

Въ эту минуту больной закричалъ во снѣ,—я очнулся, подошелъ къ нему и далъ лекарство.

Когда я взглянулъ на часы, то увидѣлъ, что, мечтая, я уснулъ и проспалъ болѣе двухъ часовъ.

А дверь все стояла открытою, и вѣрный песъ чутко дремалъ, перекинувъ голову чрезъ дощечку порога.

V.

Послѣ перелома къ лучшему пациентъ мой быстро сталъ поправляться. Его сильная натура, близко заглянувъ въ глаза смерти, скорыми шагами пошла по пути къ возрожденію. Каждая сутки приносили намъ какое-нибудь улучшение. Я уже могъ ненадолго отлучаться; но я не любилъ этихъ отлучекъ. Я замѣтилъ, что мой больной запирается, когда я ухожу. Во все время моего отсутствія ему, значить, приходилось сидѣть въ душной, спертой комнатѣ. Это было ему вредно. Его часто потомъ беспокоила лихорадка.

Увидя меня у своего изголовья, когда къ нему вернулось сознание, Гансъ удивился, даже испугался. Но мало-по-малу онъ привыкъ къ моему присутствію. Онъ принималъ мои услуги молчаливо, не изливаясь въ благодарности. Только влажный взглядъ его большихъ, темныхъ глазъ, который я часто ловилъ, устремленный на меня, говорилъ мнѣ, что человекъ этотъ съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывается ко мнѣ...

Гансъ уже вставалъ и даже выходилъ немного въ лѣсъ, но всякое напряженіе еще сильно утомляло его, и я просилъ его лучше сидѣть на лавочкѣ передъ домомъ, чѣмъ бродить по лѣсу.

Былъ воскресный день. Мнѣ необходимо было сбѣгать въ городъ по разнымъ дѣлишкамъ. Я не хотѣлъ дожидаться вечера; мнѣ было спокойнѣе оставить Ганса одного въ продолженіе дня, чѣмъ уже въ сумерки.

— Только вы не запирайтесь, когда я уйду!—сказалъ я ему на прощанье:—поймите, что вамъ нуженъ воздухъ, какъ можно больше чистаго, свѣжаго воздуха!

— День-то воскресный, всякій народъ бродить по лѣсу, — возразилъ онъ:—пожалуй, кто-нибудь привяжется съ пьяныхъ-то глазъ, а я еще недовольно силенъ, чтобъ отбиваться.

— Теперь-то? днемъ-то? кто же привяжется къ вамъ, скажите на милость!

— Ну, хорошо, хорошо, идите, я не запрусь!

Я ушелъ и торопился покончить все нужное, чтобы скорѣе вернуться назадъ. Мнѣ было какъ-то неспокойно; меня тянуло „домой“. Въ своемъ нетерпѣннѣ, на возвратномъ пути, я взялъ извозчика. Еще издали я усмотрѣлъ на скамеечкѣ, передъ вагономъ, сидящую фигуру. Я мысленно похвалилъ послушнаго Ганса. Но страннымъ показался мнѣ абрисъ этой сидящей фигуры: до пояса узенькая, тоненькая, съ пояса она дѣлалась круглою, объемистою.

„Въ глазахъ у меня рябить, что-ли?“ — подумалъ я и протеръ глаза — фигура все та же! Я закрылъ ихъ и снова открылъ — опять та же! Что за чудо!

Подѣхавъ еще ближе, я разглядѣлъ, что на лавочкѣ сидитъ вовсе не Гансъ, а какая-то женщина. Она вдругъ встала, постучала въ окно, подождала. Не получивъ, должно быть, отвѣта, легко взбѣжала на отлогую доску и постучала въ дверь. Опять она подождала, потомъ опять постучала... и такъ много разъ бряду. Наконецъ, она рѣшилась сбѣжать съ доски, бросилась на скамейку, закрыла лицо руками и заплакала.

Я былъ уже близко. Я велѣлъ извозчику придержать лошадь и сошелъ, не доѣзжая до вагона. Забравъ кое-какія привезенныя мелочи, я подошелъ къ вагону пѣшкомъ.

Безъ труда я узналъ въ плачущей тоненькой, стройной дѣвушкѣ, въ бѣлой кисейной рубашечкѣ на груди, съ серебряными цѣпочками и бляхами — ту, которая подала Гансу букетикъ фіалокъ на рыночной площади. Теперь букетика этого уже не было больше на свѣтѣ! Я нашелъ его крѣпко сжатымъ въ лихорадочномъ кулакѣ моего паціента, въ первый день моего переселенія къ нему. И фіалки, и листки, уже совершенно высохли. Они разсыпались въ порошокъ, какъ какая-нибудь аптекарская травка, лишь только Гансъ разжалъ свою горячую руку. Мелкимъ соромъ развѣялись они по полу и провалились такъ нѣсколько часовъ. Я топталъ ихъ ногами; Цезарь наступалъ на нихъ своими огромными лапами; вѣтерокъ раздувалъ ихъ и уносилъ по разнымъ угламъ, пока, наконецъ, на слѣдующее утро не пришла фрау Бергеръ и не подобрала ихъ метелкой на жестяную лопаточку, чтобы выкинуть за дверь и развѣять на всѣ четыре стороны!

Подойдя къ дѣвушкѣ, я кашлянулъ. Она оглянулась, быстро встала. У ногъ ея я замѣтилъ ту же корзиночку, изъ которой она подала Гансу букетикъ. Теперь корзинка была прикрыта шитымъ полотенцемъ. Очевидно, въ ней были принесенныя гостинцы. Дѣвушка испуганно схватила корзинку и побѣжала по протоптанной тропинкѣ къ дорогѣ.

Мнѣ стало жаль ее. Она пугливо спорхнула, какъ птичка, согнанная съ вѣтки шаловливыми ребятишками.

— Я иду къ Гансу, я знакомъ съ нимъ!—крикнулъ я ей вслѣдъ.—Зачѣмъ вы убѣгаете?

Она остановилась, нерѣшительно посмотрѣла на меня, постояла, потомъ все же обернулась ко мнѣ лицомъ и пошла мнѣ на-встрѣчу. Изъ голубыхъ прелестныхъ глазъ, нѣжныхъ и томныхъ, еще катились слезы; вадернутая верхняя губка пухленькаго рта слегка вздрагивала.

— Вы пришли къ Гансу?—спросилъ я.

— Вы, вѣрно, видѣли: я стучала и въ окно, и въ дверь, но онъ не хочетъ пускать меня.

— Быть можетъ, его нѣтъ дома?

— О, нѣтъ, онъ дома! Онъ сидѣлъ на этой лавочкѣ, когда я подходила. Я стала махать ему платкомъ; онъ замѣтилъ меня, узналъ и мигомъ убѣжалъ и заперся!

— Онъ былъ очень боленъ,—сказалъ я:—онъ исхудалъ и не хочетъ показываться вамъ въ такомъ некрасивомъ видѣ.

Изъ лазоревыхъ очей опять показались слезы.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ просто не хочетъ меня видѣть; я ему противна!

— Вотъ вздоръ-то выдумали!—воскликнулъ я, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утѣшить хорошенькую посѣтителницу:—такая добрая дѣвушка развѣ можетъ быть противна!

— Должно быть, можетъ, коли онъ все время кричалъ мнѣ: „fort, fort, Bertha!.. ich brauche dich nicht!.. geh fort! packe dich (пошла прочь, Берта, мнѣ тебя не нужно; пошла прочь, убирайся!)!“...

— Онъ такъ кричалъ?

— Конечно, кричалъ, да еще какимъ злымъ голосомъ!.. Я вся дрожала.

— Вы непременно хотите видѣть Ганса?

Берта конфузливо опустила голову и стала мять въ рукахъ уголъ передника.

— Я принесла ему,—наконецъ, сказала она и вся покраснѣла:—такъ... пустяки... того немножко... другого немножко... а все же пусть бы онъ взялъ... чтобы, по крайней мѣрѣ, мнѣ не напрасно было тащить...

Юношеское, свѣжее лицо дѣвушки зардѣлось, какъ бѣлое облачко, на которое упалъ лучъ заходящаго солнца. Розовыя вѣки съ длинными темными рѣсницами опустились на голубые глазки: ей было очень неловко и, вѣроятно, очень совѣстно.

— Дайте корзинку!—сказаль я ей съ улыбкой:—мы вмѣстѣ попытаемся постучаться.

— Вы съ нимъ хорошо знакомы?—спросила она.

— Я его докторъ,—возразиль я къ неопisanному удивленію Берты.

— У него есть докторъ?—воскликнула она почти съ испугомъ.—Чѣмъ же онъ заплатитъ доктору?.. Бѣдный, бѣдный Гансъ!

Это послѣднее восклицаніе особенно тронуло меня: въ немъ звучаль горячій порывъ радости и вмѣстѣ съ тѣмъ печаль отъ сознанія своего безсилія помочь горю.

— Ничѣмъ,—возразиль я:—я лечу для своей научной пользы; мнѣ платить не надо.

Берта вдругъ схватила мою руку.

— Вы лечили его все время? — воскликнула она.—А я-то какъ мучилась! какъ часто плакала и какъ сердито бранила меня мать!

— Вы знали, что Гансъ боленъ?

— Какъ же, знала. Прошелъ день, два, три, а Гансъ не приходиль на базарную площадь. Я думала, ужъ не попалъ ли онъ въ полицію?.. вѣдь онъ все же... вы и сами знаете, сударь... онъ все же... такъ сказать... безъ профессіи. А тутъ стали говорить, что онъ кого-то изъ воды вытащиль, потомъ и Мартинъ Люгебюль навѣстиль насъ и разсказаль намъ толкомъ, какъ все было...

— Кто это Мартинъ Люгебюль?

— Это изъ кантона Ури. Онъ иногда заходитъ къ намъ.

— Такъ этотъ Мартинъ Люгебюль говорилъ вамъ, что Гансъ спасъ мальчишку, сынишку фрау Клеменсъ?

— Да, говорилъ. Онъ очень смѣялся надъ Гансомъ, что Гансъ, будто бы, отдалъ около тридцати франковъ, собранныхъ для него, той же фрау Клеменсъ. Правда это?

— Правда. Люгебюль называль за это Ганса дуракомъ?

— Конечно! развѣ это не очень глупый поступокъ?

— Вы находите? Такъ, по вашему, Гансъ въ этомъ случаѣ дуракъ?

Берта остановила на мнѣ недоумѣвающій взглядъ. Она, очевидно, была въ большемъ затрудненіи.

— Но если Гансъ и дуракъ,—продолжалъ я, смѣясь,—то все же онъ добрый дуракъ. Не правда ли, Берта?

— Да, очень добрый!—поспѣшно согласилась она и задумчиво прибавила:—знаете ли, Гансъ—самый добрый человекъ изъ всѣхъ, кого я только знаю!

— Не всегда,—замѣтилъ я шутя:—иногда онъ бываетъ очень сердить и можетъ жестоко разобидѣть дѣвицу!

— Но вѣдь онъ... онъ все же... безъ профессіи,—запинаясь, проговорила Берта и хотѣла еще что-то прибавитъ, но я сжался надъ нею,—ужь очень ей было конфузно. Я подошелъ къ вагону.

— Гансъ, это я, отворите!—говорилъ я, стуча въ дверь.

— Она ушла?—шопотомъ спросилъ онъ за дверью.

— Нѣтъ, она здѣсь, но вѣдь и я здѣсь. Отворите!

Ключъ повернулся—я быстро распахнулъ дверь. Цезарь бросился привѣтствовать меня радостнымъ визгомъ. Пока я отъ него отмахивался, Берта скользнула въ комнату.

— Гансъ!—задыхаясь отъ счастья, воскликнула Берта и бросилась ему на грудь.

Онъ тѣсно, нервно, страстно прижалъ ее къ себѣ обѣими руками. Онъ цѣловалъ ее безумно, знойно... Его глаза то расширялись, то суживались, какъ глаза хищной птицы. Упорный взглядъ ихъ горѣлъ, какъ раскаленный уголь. Берта крѣпко обвилась около его исхудалой шеи, а онъ все цѣловалъ и цѣловалъ ее. Наконецъ, ужасъ, дикій, паническій ужасъ исказилъ всѣ черты его лица, и съ подавленнымъ стономъ онъ оттолкнулъ Берту. Она отскочила и едва удержалась на ногахъ. Какимъ-то трескучимъ, не своимъ голосомъ, Гансъ закричалъ ей:

— Пошла прочь! пошла отъ меня, Берта!

Онъ закрылъ лицо руками и уткнулся въ стѣну.

Но Берта кинулась къ нему.

— Гансъ, дорогой мой!.. милый!.. сердце мое!—говорила она, ласкаясь къ нему.

Гансъ обернулся—онъ былъ страшенъ. Лицо его было почти свирѣпо. Всѣ мускулы дрожали; ротъ кривился какою-то сатанинской, ужасной улыбкой. Густыя брови сжались; зловѣщая, глубокая складка бѣжала вверхъ почти до самыхъ волосъ. Глаза сверкали исподлобья.

— Какой я „милый“!..—какое я—„сердце“!.. Съ чего ты притащилась ко мнѣ, дѣвчонка... дура... Убирайся!—онъ топнулъ на Берту ногой,—убирайся добромъ, не то выброшу тебя за дверь!

— Идите, Берта, идите!—стала я уговаривать совершенно отупѣвшую отъ изумленія дѣвушку.—Гансъ еще боленъ, вы сами видите; у него опять начинается припадокъ лихорадки. Идите милая, добрая дѣвушка!

— Чтѣ я тебѣ сдѣлала, Гансъ?.. за чтѣ это?.. за чтѣ?..—стоя на мѣстѣ, точно окаменѣлая, повторяла Берта.

— Иди добромъ!—глухо проворчалъ Гансъ:—не то, ей-ей, спихну съ порога!

— Ну, и спихни!—воскликнула Берта и залилась слезами.— Одинъ конецъ!.. тогда не нужно идти за Мартина!

— Молчи! молчи!—заревѣлъ Гансъ и почти упалъ на табуретку.

— Дай руку, я уйду добромъ, —Берта протянула ему руку.— Прощай, Гансъ! ну, дай же руку!

— Прощай... ну, уходи... уходи скорѣй!—едва слышно произнесъ Гансъ, взявъ ее руку въ свои и на секунду задержавъ ее.

Берта съ дѣтской, свѣтлой улыбкой еще разъ прижалась къ его губамъ своими розовыми пухленькими губками. Онъ любовно погладилъ ея каштановые волосы, долго посмотрѣлъ ей въ самые глаза—слеза дрожала на его рѣсницахъ—и махнулъ рукой... Берта ушла.

Все это произошло въ нѣсколько минутъ. Свирѣпый тигръ, въ сущности, былъ смиренъе агнца.

Робкая дѣвушка не испугалась его.

Она, наконецъ, вышла. Гансъ бросился на свою лавку и покрылъ голову подушкой. Во второй разъ при мнѣ Гансъ плакалъ отъ избытка душевнаго волненія.

Но почему собственно плакалъ теперь Гансъ?

Я подошелъ и сталъ противъ него.

— Ну-съ, Гансъ,—сказалъ я:—вы однако напугали Берту! Развѣ такое обращеніе возможно?.. подумайте-ка хорошенько!

— Чего она лѣзетъ ко мнѣ,—сказалъ онъ глухо, подъ подушкой:—стучится, воетъ!.. будто я и не человѣкъ!

Онъ вскочилъ.

— Какъ такъ: не человѣкъ? что это значить?—спросилъ я.

— Она не можетъ, не смѣетъ, не должна любить дурака!—и онъ яростно топнулъ ногою:—она невѣста Мартина Люгебуля; пусть съ нимъ и цѣлуется!.. Дура, дѣвчонка безпоясая!.. У Мартина много денегъ, Мартинъ богатъ!.. А я что?.. что, что, что я?—страстно закричалъ онъ:—кто мои родители? откуда я взялся?.. Журавль длинноносый въ клювъ притащилъ меня въ темную ночь подъ капустный листъ!.. вотъ что я!.. Мать-то моя, должно быть, такая же дура была, какъ всѣ дѣвчонки!.. Вотъ какой-нибудь пьемонтецъ и подарилъ ей сокровище, когда она захныкала да у него на шеѣ повисла!.. А я вотъ не хочу, чтобъ отъ меня бобыль по свѣту шатался, безъ роду, безъ племени, безъ крова, безъ пріюта!.. Пусть идетъ за Мартина!.. Онъ богатъ, пусть идетъ!..

Глухія рыданія оборвали его страстную рѣчь.

Я ничего не могъ возразить ему, не могъ найти словъ, которыми бы утѣшить его.

Я взялъ его руку.

— Гансъ, — сказала я: — отъ васъ зависитъ стать человѣкомъ! Тогда и права вы будете имѣть такія же, какъ у всѣхъ людей. Вы сдѣляетесь мягче, обходительнѣе.

Безсильно упали руки Ганса на его колѣни. Онъ долго сидѣлъ, глубоко задумавшись.

— Люди, всѣ, *все* люди, — прошепталъ онъ, наконецъ, — насмѣялись бы надъ вами, если бы услышали, что вы убѣждаете дурака стать человѣкомъ! Этого ему не полагается!.. Да и что говорить — я дѣйствительно дуракъ, — прибавилъ онъ: — вы возились со мной, ночей изъ-за меня не спали, лечили меня, и для чего? для того, чтобы я, какъ настоящій дуракъ, напугалъ и обругалъ дѣвушку, которая меня же пожалѣла!..

— Берта простить васъ!

— Да, да, простить, конечно, — онъ глубоко вздохнулъ, — только замужъ-то ей все-таки придется идти за Мартина.

Гансъ понуро задумался. Я старался развлечь его чѣмъ могъ, что было у меня подъ рукой. Я разложилъ на столъ принесенные Бертой гостинцы. Зная, что его хозяинъ въ домѣ и не можетъ нигуда идти безъ него, Цезарь отнесся къ только-что развѣсившейся бурной сценѣ весьма равнодушно. Песъ вышелъ на свѣжій воздухъ, съ наслажденіемъ растянулся на травѣ противъ двери и сладко задремалъ. Приятная дремота его была нарушена еще болѣе приятнымъ пробужденіемъ: когда на мой окликъ онъ открылъ глаза и поднялъ голову, то увидѣлъ въ моей рукѣ бѣлую, сочную кость. Онъ забылъ про свои почтенныя лѣта, быстро прыгнулъ, подбѣжалъ и деликатно принялъ кость изъ моихъ рукъ въ свою огромную пасть.

А хозяинъ его все сидѣлъ понуро, задумавшись. Было что-то трогательное и важное въ сосредоточенномъ покоѣ его глубокой думы.

Н. А. ТАЛЪ.

КНИГИ И ЧИТАТЕЛЬ

ВЪ

НАШЕ ВРЕМЯ.

—Schopenhauer: Parerga und Paralipomena—„Lesen und Bücher“.

Девятнадцатый вѣкъ можетъ быть названъ книжнымъ вѣкомъ по преимуществу. Число сочиненій, появляющихся въ печати, растетъ съ поразительною быстротою. Въ одномъ Парижѣ выходитъ въ свѣтъ, ежедневно, около 50 томовъ. Слѣдить за новостями литературы, хотя бы только по одной отрасли ея, становится труднымъ даже для специалиста. Громадное развитіе получаютъ также журналы и въ особенности газеты. При такомъ положеніи дѣлъ вопросъ о томъ, *что* читать и *какъ* читать, получаетъ все болшую и болшую важность. Намъ кажется не лишнимъ напомнить, какъ смотреть на него одинъ изъ самыхъ крупныхъ современныхъ мыслителей, Шопенгауеръ.

„Книгамъ и чтенію“ („Lesen und Bücher“) посвящена 24-ая глава второго тома „Parerga und Paralipomena“. Когда мы читаемъ,—говоритъ Шопенгауеръ,—за насъ думаетъ другой; мы только повторяемъ его умственную работу, уподобляясь ученику, который обводитъ перомъ буквы, начертанныя карандашомъ учителя. Этимъ объясняется облегченіе, которое мы чувствуемъ, переходя отъ мышленія къ чтенію. Кто слишкомъ много читаетъ, тотъ теряетъ привычку самостоятельно мыслить. Съ этой точки зрѣнія чтеніе хуже ручного труда, потому что послѣдній не мѣшаетъ думать. Чѣмъ больше читаешь, тѣмъ меньше усваиваешь себѣ прочитанное. Мысли, выраженные на бумагѣ — все равно,

что слѣды шаговъ путника, оставшіеся на пескѣ; они указываютъ путь, которымъ онъ шелъ — но чтобы знать, что онъ на этомъ пути видѣлъ, нужно пользоваться собственными глазами. Въ литературѣ, какъ и въ жизни, преобладаетъ неисправимая чернь (der inkorrigible Plebs der Menschheit), все переполняющая и все загрязняющая, какъ мухи лѣтомъ. Отсюда масса плохихъ книгъ, эта сорная трава, заглушающая пшеницу. Поглощая деньги, время и вниманіе публики, отвлекая ее отъ хорошихъ сочиненій, онѣ должны быть признаны не только бесполезными, но и положительно вредными. У девяти-десятихъ нашей современной литературы нѣтъ другой цѣли, какъ только выманить нѣсколько талеровъ изъ кармана читателей; исключительно надъ этимъ трудятся три заговорщика—авторъ, издатель и рецензентъ. Подъ ихъ дудку пляшетъ весь такъ-называемый изящный свѣтъ. Всѣ принадлежащіе къ этому свѣту приучаются читать а tempo, т.-е. читать одно и то же, въ одно и то же время, чтобы имѣть матеріалъ для разговора. Читаются, такимъ образомъ, не *лучшія*, а *нотышія* произведенія, написанныя, изъ-за денегъ, посредственностями всякаго рода. Особенно хитро придуманнымъ средствомъ представляется, въ этомъ отношеніи, беллетристическая ежедневная пресса. Весьма важно приобрести умѣнье *не читать* — не читать того, что расхваливаетъ большая часть публики, не читать даже сочиненій, въ первые годы послѣ своего выхода въ свѣтъ выдержавшихъ нѣсколько изданій. Нужно помнить, что пишущій для глупцовъ всегда находитъ много читателей—и сберегать свое время для чтенія величайшихъ, прославленныхъ твореній всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Плохія книги — это умственный ядъ, порча для духа; страсть читать одно только новое влечетъ за собою узкость круга, въ которомъ вращаются писатели. Наше время погружается все глубже и глубже въ массу собственного своего навоза... Литература всегда бываетъ двухъ родовъ: дѣйствительная и мнимая. Первая создается тѣми, кто живетъ *для науки или для поэзіи*; она движется впередъ спокойно, медленно, безъ шума, насчитывая, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, едва двѣнадцать произведеній,—но зато она *остается*, переживаетъ вѣка. Другая дѣлается людьми, живущими *посредствомъ* науки или поэзіи; она скачетъ въ галопъ, среди громкихъ криковъ одобренія, и ежегодно выбрасываетъ на рынокъ тысячи сочиненій, черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно забытыхъ. Ее можно назвать *текущей*, въ противоположность *стоящей* или устойчивой. Приблизительно разъ въ тридцать лѣтъ въ области науки, литературы, искусства происходитъ банкротство. Ошибокъ, въ этотъ

періодъ времени, накапливается столько, что паденіе становится неизбежнымъ; затѣмъ слѣдуетъ, сплошь и рядомъ, такая же масса ошибокъ въ противоположномъ направленіи. *Мнимая наука, мнимая литература* описываютъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ круга, возвращаясь къ своей исходной точкѣ, т.-е. ровно ничего не приобретаая, нисколько не подвигаясь впередъ. Такова, напри- мѣръ, нептуническая теорія въ геологій; такова школа Бернини въ скульптурѣ; такова попытка нѣмецкихъ живописцевъ первой четверти XIX-го вѣка возвратиться къ до-рафаэлевской эпохѣ; та- кова эволюція нѣмецкой философіи послѣ Канта. Все сдѣланное Фихте, Шеллингомъ и въ особенности Гегелемъ было напраснымъ уклоненіемъ въ сторону, и Шопенгауеру пришлось продолжать прямую линію съ того самаго мѣста, на которомъ прервалъ ее Кантъ. Неудивительно, что исторія литературы, въ болѣе своей части, есть не что иное, какъ каталогъ уродливостей. Вмѣсто того, чтобы изучать ее, гораздо лучше обращаться прямо къ не- многочисленнымъ произведеніямъ, составляющимъ настоящую, *дѣй- ствительную* литературу. Лучше читать самихъ авторовъ, чѣмъ написанное о нихъ другими. Шопенгауеръ рано усвоилъ себѣ прекрасное двустипіе А. В. Шлегеля: „Leset fleissig die Alten, die wahren eigentlich Alten; was die Neuen davon sagen, bedeutet nicht viel“ (читайте прилежно древнихъ, настоящихъ древ- нихъ писателей; что о нихъ говорятъ въ наше время, то совсѣмъ неважно). Нѣтъ лучшей пищи для духа, какъ чтеніе древнихъ классиковъ. Стоитъ только взять въ руки одного изъ нихъ, хотя бы на полчаса, чтобы тотчасъ же почувствовать себя освѣженнымъ, облегченнымъ, очищеннымъ и укрѣпленнымъ. Зависитъ ли это отъ совершенства древнихъ языковъ, или отъ величія умовъ, произведенія которыхъ цѣлыхъ двѣ тысячи лѣтъ сохраняютъ преж- нюю силу? Быть можетъ—и отъ того, и отъ другого.

Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація Шопенгауера. Какъ протестъ противъ неразборчиваго чтенія, противъ такъ на- зываемой Vielleserei, противъ увлеченія новизною и пренебреже- нія старымъ, она заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія; но разрѣ- шеніемъ вопроса, всегда и ко всѣмъ примѣнимымъ, мы ее при- знать не можемъ. Она для этого слишкомъ субъективна, слиш- комъ приспособлена къ потребностямъ и привычкамъ самого ав- тора. Для такого философа, какимъ былъ Шопенгауеръ, переходъ отъ собственныхъ думъ къ чтенію чужихъ произведеній могъ казаться и быть „облегченіемъ“, отдыхомъ, сравнительнымъ бездѣйствіемъ мысли; для обыкновенныхъ смертныхъ онъ имѣетъ совершенно другое значеніе. Серьезное чтеніе не столько преры-

ваетъ, сколько возбуждаетъ ихъ умственную работу. Еслибы она заключалась *только* въ „повтореніи“ чужого труда, въ усвоеніи его результатовъ, то и тогда она была бы далеко не бесплодной; но она усложняется весьма часто критическимъ отношеніемъ къ читаемому и прочитанному. Въ умѣ читателя возникаютъ сомнѣнія; онъ отвергаетъ мысленно положенія автора или признаетъ ихъ недостаточно доказанными, ошибочно мотивированными. Иногда, наоборотъ, онъ идетъ дальше автора, выводитъ изъ его посылокъ новыя заключенія, находитъ въ нихъ точку опоры для оригинальныхъ догадокъ. Нельзя сказать, чтобы размѣръ этой самостоятельной дѣятельности всегда былъ обратно пропорціоналенъ количеству прочитаннаго. Она обуславливается, иногда, именно массой впечатлѣній, почерпнутыхъ изъ чтенія; чѣмъ болѣе они разнородны и противорѣчивы, тѣмъ скорѣе можетъ явиться потребность въ ихъ повѣркѣ, если только читатель способенъ не къ одному пассивному воспріятію чужихъ мнѣній. Мысли, выраженные на бумагѣ—это нѣчто гораздо большее, чѣмъ слѣдъ путника на пескѣ; это воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго путникомъ, передуманнаго и пережитаго имъ. Самое лучшее, конечно, пойти самому по стопамъ путника, лично испытать все имъ испытанное; но вѣдь это далеко не всегда возможно, да и не для всѣхъ необходимо. При нынѣшнемъ накопленіи знаній, при увеличивающейся ихъ спеціализаціи, довѣріе къ результатамъ, добытымъ другими, совершенно неизбѣжно; до крайности различны только его степени. Сравненіе Шопенгауера невѣрно еще въ другомъ отношеніи. Нельзя видѣть чужими глазами—но можно усвоить себѣ чужую мысль. Никакое описаніе не можетъ замѣнить непосредственнаго соприкосновенія съ живой дѣйствительностью—но для того, чтобы понять научное положеніе, нѣтъ надобности въ повтореніи всей работы, предшествовавшей его установленію. Еще менѣе мыслимо „путешествіе по слѣдамъ“ въ примѣненіи къ произведеніямъ искусства. Творческій процессъ доступенъ лишь для избранныхъ, и пережить его вторично, въ тѣхъ же предѣлахъ и по отношенію къ той же темѣ, не можетъ даже самъ художникъ.

Итакъ, первое требованіе Шопенгауера: *читай мало*—представляется слишкомъ рѣшительнымъ и абсолютнымъ. Исходя изъ личныхъ особенностей автора, оно не принимаетъ въ расчетъ безконечнаго разнообразія читателей. Для однихъ чтеніе имѣетъ исключительно дѣловой характеръ; они читаютъ только то, что можетъ быть имъ полезно въ ихъ профессиональной дѣятельности. Другіе ищутъ въ чтеніи развлеченія, и ничего больше; третьи

видать въ немъ средство къ самообразованію, четвертые—арсеналь, дающій оружіе для борьбы за любимую идею. Можно ли подводить подъ одинъ и тотъ же масштабъ человѣка бодрого, здороваго, общительнаго, безпрестанно ставящаго для себя новыя практическія задачи—и человѣка слабаго, больного, удаляющагося отъ общества, ведущаго замкнутую, кабинетную жизнь? Не очевидно ли, что въ существованіи послѣдняго чтеніе должно играть гораздо болѣшую роль, иногда нѣтъ ли незавѣдную?.. Долю законности, при извѣстныхъ условіяхъ, нельзя не признать и за такъ-называемымъ „легкимъ“ чтеніемъ; Лѣббокъ совершенно правъ, констатируя въ „Удовольствіяхъ жизни“ (the pleasures of life) — „the charm of desultory reading“. Чѣмъ утомительнѣе ежедневныя, обязательныя занятія, тѣмъ естественнѣе стремленіе къ отдыху, многими находимому именно въ чтеніи; чѣмъ суше и прозаичнѣе житейская обстановка, тѣмъ понятнѣе желаніе забыться, на время, въ мірѣ „сладкихъ вымысловъ“. Конечно, здѣсь, какъ и вездѣ, необходима мѣра, необходимъ выборъ,—но мѣра не одна и та же для всѣхъ, выборъ не для всѣхъ безусловно одинаковый.

Читать, по мнѣнію Шопенгауера, слѣдуетъ одни только великія произведенія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; критеріемъ величія служить для него *слава*—прочная слава, освященная временемъ. Логическій выводъ отсюда — полнѣйшее игнорированіе всей современной литературы, къ которой неприменимъ вышеупомянутый критерій. А между тѣмъ источникъ творчества еще не изсякъ. Великія произведенія продолжаютъ появляться въ свѣтъ; даже по исчисленію Шопенгауера (разумѣется, совершенно произвольному), каждое столѣтіе создаетъ ихъ около двѣнадцати. Судьба гениальныхъ писателей и до сихъ поръ слишкомъ часто была печальна; но чѣмъ она стала бы на будущее время, еслибы восторжествовалъ взглядъ Шопенгауера? Систематическое воздержаніе отъ чтенія всего новаго было бы равносильно отказу отъ возможности различать, въ текущей литературѣ, хорошее отъ дурного, крупное отъ мелкаго. Писатель, каковъ бы онъ ни былъ, осуждался бы заранѣе, въ силу предвзятой мысли—осуждался бы только потому, что онъ имѣлъ несчастье родиться потомкомъ, а не предкомъ (weh' der, dass Du ein Enkel bist). Лучшимъ умамъ каждой данной эпохи недоставало бы самой драгоценной поддержки — сочувствія и одобренія людей, наиболѣе чуткихъ ко всему прекрасному, наименѣ связанныхъ рутиной. Если бы требованіе Шопенгауера могло когда-нибудь стать закономъ для всѣхъ или для значительнаго большинства, оно сдѣлалось бы

смертнымъ приговоромъ для литературы; отсутствіе читателей положило бы конецъ появленію новыхъ писателей.

Достойными чтенія, между современными писателями, мы считаемъ, впрочемъ, не однихъ только тѣхъ, которымъ суждена, по теоріи вѣроятностей, продолжительная или вѣчная слава. Допустимъ, что исторія науки, искусства, литературы есть преимущественно исторія банкротствъ, слѣдующихъ одно за другимъ, исторія ошибокъ, измѣняющихся только въ направленіи; это еще не значитъ, чтобы современникамъ слѣдовало оставаться равнодушными ко всему совершающемуся вокругъ нихъ и довольствоваться немногимъ; уцѣлѣвшимъ отъ давно прошедшаго. Еслибы не было банкротствъ, не было бы и накопленія сокровищъ; еслибы не было ошибокъ, не было бы и движенія. Ложныя научныя теоріи пролагаютъ дорогу истиннымъ; ложныя литературныя приемы уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе правильнымъ, именно потому, что долговременный опытъ обнаруживаетъ ихъ несостоятельность. На развалинахъ нештунической теоріи возникли взгляды, теперь господствующіе въ геологіи. Убѣдиться въ необходимости возвращенія къ Канту нѣмецкая философія могла лишь тогда, когда потерпѣли крушеніе трансцендентальныя системы Фихте, Шеллинга и Гегеля. Громадное значеніе для *своей* эпохи имѣеть, притомъ, не только то, что ее переживаетъ. Изъ того, что теперь давно забыты Готтшедъ и Бодмеръ, Ричардсонъ и Томпсонъ, Сумароковъ и Княжнинъ, еще не слѣдуетъ, что дѣятельность ихъ была бесполезна въ свое время. Изъ того, что философія Гегеля можетъ быть названа теперь *ein überwundener Standpunkt*, еще не слѣдуетъ, чтобы изученіе ея и даже увлеченіе ею было напрасной тратой силъ полвѣка тому назадъ. Припомнимъ, какимъ могучимъ двигателемъ она явилась въ области богословія (Штраусъ), въ области права и политической экономіи (Гансъ, Лассаль, Карлъ Марсъ); припомнимъ, какую великую службу она сослужила въ тѣхъ московскихъ кружкахъ, которые подготовили нашъ литературный расцвѣтъ сороковыхъ годовъ. Большой ошибкой было бы думать, что для поэзіи, для науки живутъ только тѣ, которые оставляютъ въ нихъ неизгладимый слѣдъ; безкорыстная, глубокая преданность своему дѣлу встрѣчается, сплошь и рядомъ, и въ тѣхъ, которыхъ не ожидаетъ безсмертіе. Объяснять происхожденіе девяти-десятихъ текущей литературы исключительно меркантильными видами нельзя уже потому, что многія книги не имѣютъ матеріальнаго успѣха, не вознаграждаютъ даже затратъ автора, часто предвидящаго такой результатъ и заранѣе примиряющагося съ нимъ. Нужно ли прибавлять, что „заговоръ“ ав-

тора, издателя и рецензента — заговоръ, направленный противъ кармановъ читающей публики — составляетъ не общее правило, а рѣдкое исключеніе?

Съ точки зрѣнія Шопенгауера, особенно злобредной должна считаться періодическая литература. Непосредственно и прямо его громы обрушиваются только на беллетристическій отдѣлъ ея; но это только случайная недомолвка. Въ періодической литературѣ, газетной и журнальной, весьма немногое, сравнительно, всплываетъ на поверхность и переходитъ въ потомство; громадная масса написаннаго немедленно идетъ ко дну или живетъ самою эфемерною жизнью. Если предметомъ чтенія должно быть только вѣчное, *дѣйствительное*, то газетъ и журналовъ, очевидно, не слѣдуетъ читать вовсе; чему суждено уцѣлѣть, то появится, несомнѣнно, въ другой формѣ и только тогда можетъ быть включено въ область читаемаго, т. е. достойнаго быть прочитаннымъ. Не говоримъ уже о томъ, что при такомъ отношеніи къ журналамъ и газетамъ некому было бы отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, некому было бы указывать, что именно заслуживаетъ сохраненія. Въ нашихъ глазахъ періодическая пресса имѣетъ право на существованіе не только въ силу того, что встрѣчается въ ней выходящаго изъ ряду, но и въ силу тѣхъ своихъ составныхъ частей, которыя обречены на скорое забвеніе. Не даромъ же она занимаетъ такое выдающееся мѣсто въ современномъ обществѣ. Она удовлетворяетъ одной изъ главныхъ его потребностей: она служитъ орудіемъ общенія между его членами, какъ нельзя лучше приспособленнымъ къ его новому устройству. Прежде, когда отдѣльными общественными единицы были невелики, однообразны и мало соприкасались одна съ другою, роль повременной печати могли играть сходки, встрѣчи, рассказы и разговоры; теперь, когда все разрослось, усложнилось, переплелось и сблизилось между собою, — желанье знать, что дѣлается и думается на свѣтѣ, можетъ быть удовлетворяемо только „текущей“ литературой, и въ особенности газетами и журналами. А это желанье совершенно естественно и законно; оно происходитъ изъ чувства солидарности, яснаго у однихъ, смутнаго у другихъ, но все больше и больше растущаго и въ ширь, и въ глубь. Чуждыми ему остаются, съ одной стороны, узкіе эгоисты, безвыходно замкнутые въ сферу личныхъ интересовъ, съ другой стороны — аристократы интеллигенціи, свысока относящіеся къ житейской суетѣ и живущіе исключительно въ области фантазіи или идеи. Такимъ аристократомъ былъ Шопенгауеръ — и въ этомъ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать ключъ къ его взглядамъ на чтеніе. Требования,

возводимыя имъ на степень общаго правила, принаровлены, въ сущности, только къ такимъ читателямъ, какъ самъ Шопенгауеръ. Только они могутъ постоянно дышать разрѣженнымъ воздухомъ вершинъ; обыкновенныхъ смертныхъ тянетъ, хоть по временамъ, въ долину, гдѣ кипитъ жизнь, гдѣ вступаетъ въ свои права сегодняшній день. Когда поэтъ, хотя бы и не первостепенный, становится выразителемъ стремлений, волнующихъ массу, она читаетъ его съ жадностью, нисколько не исключаящею преклоненія передъ прежними великими образцами искусства. Она не задается вопросомъ, многое ли уцѣлѣетъ изъ произведеній ея любимца; она просто увлекается имъ, потому что живетъ съ нимъ одною жизнью—и это увлеченіе не только неизбежно, но и желательно, какъ противовѣсъ апатіи и застою. Когда на очереди стоитъ политическій или соціальный вопросъ, важный для цѣлаго народа, посвященная ему книга, брошюра, журнальная или газетная статья можетъ заставить забыть, на короткое время, о самыхъ крупныхъ произведеніяхъ древняго искусства. Міръ прекраснаго имѣетъ свои неоспоримыя, вѣчныя права—но уваженіе къ нимъ не исключаетъ вниманія къ требованіямъ минуты. Можно высоко цѣнить прошедшее и все-таки жить въ настоящемъ; можно мечтать объ отдаленномъ будущемъ, не забывая о завтрашнемъ днѣ.

Итакъ, созданная исключительной натурой, теорія Шопенгауера можетъ имѣть силу только для исключительныхъ натуръ; для громаднаго большинства читателей нужны другія, шире раздвигающіяся рамки. Абсолютныхъ правилъ, регулирующихъ чтеніе, нѣтъ и быть не можетъ, потому что слишкомъ велико различіе между читателями, даже принадлежащими къ одной и той же національности, къ одной и той же общественной группѣ, стоящими на одной и той же ступени умственнаго развитія. Въ послѣднее время сдѣлано было нѣсколько попытокъ установить примѣрныя программы чтенія, составить списокъ книгъ, которыя слѣдовало бы прочесть всякому образованному человѣку. Мы не придаемъ большого значенія такимъ попыткамъ, все равно, лежатъ ли въ основаніи ихъ мнѣніе отдѣльнаго лица (напр., Леббока, въ цитированномъ уже нами сочиненіи: „The pleasures of life“) или выводъ изъ многочисленныхъ отвѣтовъ на вопросъ, предложенный редакціей временнаго изданія (какъ это было сдѣлано недавно во Франціи и въ Англіи). Слишкомъ большую роль играетъ здѣсь элементъ субъективный, элементъ личнаго убѣжденія и личнаго вкуса. Въ списокъ Леббока, на примѣръ, входятъ, между прочимъ, такія книги, чтеніе которыхъ представляетъ ин-

тересъ только для людей извѣстнаго настроенія, извѣстнаго образа мыслей (Keble—Christian year, Taylor—Holy living and dying, Butler—Analogy of religions). Изъ Байрона онъ рекомендуетъ только „Чайльдъ-Гарольда“, умалчивая о „Манфредѣ“, „Каинѣ“, „Донъ-Жуанѣ“, изъ Вольтера только „Задига“, умалчивая о „Кандидѣ“, изъ Гёте—только „Фауста“ и „Wahrheit und Dichtung“, не называя ни „Ифигенію“, ни „Германа и Доротею“. Советуя читать миссъ Аустенъ, Кингслея, Бульвера, онъ вовсе не упоминаетъ о Троллопѣ, о Керреръ-Белль, которые имъ, конечно, не уступаютъ. Признавая необходимымъ знакомство съ обоими капитальными сочиненіями Милля (Логикой и Политической экономіей), онъ совершенно игнорируетъ Герберта Спенсера. Такіе пробѣлы неизбѣжны, потому что въ каждой программѣ чтенія неизбѣжно отражается сочувствіе ея составителя къ однимъ писателямъ или произведеніямъ, нерасположеніе—къ другимъ, равнодушіе—къ третьимъ. Разрѣшеніе вопроса чѣмъ-то въ родѣ всеобщей подачи голосовъ точно такъ же не можетъ достигнуть цѣли, потому что пристрастіе свойственно не только отдѣльнымъ лицамъ, но и кружкамъ, группамъ, массамъ читателей. Совершенно случайнымъ является, притомъ, самое участіе въ такомъ голосованіи; случайно, значить, и выводимое изъ него заключеніе. Если тысяча читателей высказалась за автора или за произведеніе, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы противъ нихъ не могла высказаться другая тысяча. Отвѣчаютъ на вопросъ, быть можетъ, именно тѣ, чье мнѣніе наименѣе интересно, а уклоняются отъ отвѣта тѣ, чей отзывъ всего важнѣе было бы услышать. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, голоса слѣдовало бы *взвѣшивать*—а ихъ приходится только *считать*, потому что авторы отвѣтовъ, въ большинствѣ случаевъ, остаются неизвѣстными. Не вдаваясь, поѣтому, ни въ какія подробныя указанія, не представляя примѣрнаго перечня авторовъ и сочиненій, мы попробуемъ только намѣтить нѣкоторыя общія начала, которыя желательно имѣть въ виду при выборѣ чтенія.

Отвергая положеніе Шопенгауера, что читать слѣдуетъ *только* великія, вѣчныя произведенія, мы вполне признаемъ всю необходимость знакомства съ ними, всю важность подробнаго ихъ изученія. Мы согласны и съ тѣмъ, что ихъ читаютъ, вообще говоря, слишкомъ рѣдко и слишкомъ мало. У насъ въ Россіи это зависитъ отчасти отъ устройства средней школы, рѣдко умѣющей внушить своимъ ученикамъ живой интересъ къ древнимъ классикамъ и отводящей слишкомъ мало мѣста западно-европейскимъ литературамъ. Многіе ли изъ оканчивающихъ курсъ

въ нашихъ гимназіяхъ выносятъ оттуда такое знаніе древнихъ языковъ, которое позволяло бы имъ наслаждаться чтеніемъ греческихъ и римскихъ авторовъ, какъ наслаждался этимъ, напри- мѣръ, Шопенгауеръ? Гораздо чаще получается результатъ прямо противоположный—отвращеніе или полнѣйшее равнодушіе къ классической древности, распространяющееся, въ большей или меньшей степени, и на лучшія произведенія позднѣйшаго вре- мени. Черезъ-чуръ утомленный мало привлекательнымъ трудомъ, молодой человѣкъ съ жадностью набрасывается на текущую бел- летристику, зачитывается повѣстями и романами и оканчиваетъ, слишкомъ часто, совершенной и трудно-поправимой порчей вкуса. Каково бы ни было, однако, вліяніе школы, неотразимымъ и не- избѣжнымъ его назвать нельзя. До извѣстнаго возраста чтеніе можетъ быть регулируемо родителями или родственниками. Пу- скай они уберегутъ своего питомца, лѣтъ до пятнадцати, отъ увлеченія „легкой“ литературой, пускай разовьютъ въ немъ при- вычку къ болѣе разумному чтенію; предоставленный самому себѣ, онъ сравнительно легко можетъ сохранить эту привычку, избѣ- жать этого увлеченія. Весьма важно, конечно, и количество чи- таемаго; кто съ дѣтскихъ лѣтъ читаетъ слишкомъ много, тому особенно трудно быть разборчивымъ въ выборѣ чтенія. Знаком- ство съ образцовыми твореніями всемірной литературы не должно начинаться слишкомъ рано; желательнаго соблюденія извѣстной по- степенности, желателенъ переходъ отъ болѣе простаго къ болѣе сложному. На рубежѣ отрочества и юности, лѣтъ въ 16—20, трудно понять и оцѣнить, напри- мѣръ, „Прометея“, „Божественную Комедию“, „Гамлета“, „Фауста“. Гораздо доступнѣе эдиповская три- логія, „Потерянный Рай“, историческія хроники Шекспира, „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ или „Германъ и Доротея“. Великія произве- денія, впрочемъ, желательно перечитывать много разъ, въ разные эпохи жизни; въ нихъ открываются каждый разъ новые гори- зонты, новыя красоты. Шопенгауеръ рекомендуетъ двухкратное чтеніе каждой сколько-нибудь важной книги. „При второмъ чтеніи, — говоритъ онъ, — лучше можно обнять совокупность мыслей автора; начало только тогда становится вполнѣ понят- нымъ, когда знаешь конецъ. Мѣняется, кромѣ того, и самое настроеніе читающаго, такъ что читаемое представляется ему въ новомъ свѣтѣ“. Особенно вѣрнымъ это замѣчаніе является въ тѣхъ случаяхъ, когда между первымъ и вторымъ чтеніемъ, или между вторымъ и третьимъ и т. д., прошло довольно много вре- мени. „У меня, — читаемъ мы въ одномъ изъ сочиненій Герцена („Записки одного молодого человѣка“), — „страсть перечитывать

поэмы великихъ *maëstri*: Гёте, Шекспира, Шиллера, Пушкина, Вальтера Скотта. Казалось бы, зачѣмъ читать одно и то же, когда въ это время можно „украсить“ свой умъ произведеніями гг. А., Б., В.? Да въ томъ-то и дѣло, что это не одно и то же: въ промежутки какой-то духъ мѣняется очень много въ вѣчно-живыхъ произведеніяхъ маэстровъ. Какъ Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, несмотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставляю привычки перечитывать; поэтому я наглазно измѣряю свое возвышеніе, улучшение, паденіе, направленіе... Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ, и особенно Шиллера, поэта благородныхъ порывовъ, чтобъ поймать свою душу, если она начнетъ сохнуть! Человѣчество перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера, и это для него оселокъ, на которомъ оно пробуетъ силу возраста“. Все это вполне справедливо; безъ всякаго сомнѣнія, лучше перечитывать превосходное, чѣмъ читать въ первый разъ посредственное. Сколько бы ни теряли великія произведенія, особенно поэтическія, въ переводахъ, нельзя пренебрегать и послѣдними, если только они хороши, а подлинникъ, вслѣдствіе незнанія языка, совершенно недоступенъ. Наша литература довольно богата удовлетворительными переводами; всего меньше посчастливилось, въ этомъ отношеніи, древнимъ авторамъ, особенно греческимъ трагикамъ. Талантливый переводъ, разбѣромъ подлинника, лучшихъ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида былъ бы большою услугою всему русскому образованному обществу.

Шопенгауеръ предостерегаетъ противъ чтенія книгъ, въ которыхъ излагается исторія литературы; ему кажется, что оно отвлекаетъ отъ непосредственнаго изученія литературныхъ произведеній. Конечно, послѣднее важнѣе перваго—но мы не видимъ причины, почему нельзя было бы совмѣстить то и другое. У самого Шопенгауера мы находимъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующее замѣчаніе: „существуютъ двѣ исторіи—исторія политическая и исторія литературы и искусства. Первая повѣствуетъ о сдѣланномъ *волей*, вторая—о созданіяхъ *интеллекта*. Отсюда мрачный, тревожный характеръ первой; ея содержаніе—страхъ, нужда, обманъ, убійство. Вторая, наоборотъ, ясна и радостна, даже тогда, когда она описываетъ заблужденія“. Зачѣмъ же налагать veto на изученіе этой ясной и радостной исторіи? Хорошо написанная, она можетъ только помочь достиженію главной цѣли—пониманію великихъ литературныхъ произведеній. Какъ бы внимательно мы ни читали Орестейю Эсхила, „Адъ“ Данте, даже шиллеровскаго Валленштейна или гётевскаго „Фауста“, многое

въ нихъ останется для насъ не вполне понятнымъ, если мы не будемъ знать обстоятельствъ, при которыхъ они написаны, напр. происхожденія и устройства греческой сцены, средневѣковой богословской литературы, отношеній Шиллера къ Гёте, различныхъ фазисовъ въ созданіи „Фауста“. Со всѣми этими обстоятельствами знакомить или должна знакомить насъ исторія литературы; въ этомъ, а не въ пересказѣ содержанія литературныхъ произведеній и не въ произвольной, субъективной ихъ оцѣнѣ, заключается ея главное значеніе. Она представляетъ еще интересъ другого рода. Читать съ начала до конца можно только самыя крупныя произведенія прежнихъ временъ; между тѣмъ не они одни играли роль въ умственной жизни нашихъ предковъ. Есть вещи сами по себѣ не особенно цѣнныя или даже ничего не стоящія, но характеристичныя для цѣлой эпохи или тѣсно связанныя съ лучшими ея твореніями. Такъ, напримѣръ, нельзя рекомендовать въ настоящее время чтеніе Массинджера и Грина, нѣтъ особенной надобности въ подробномъ знакомствѣ даже съ Марло и Бенъ-Джонсономъ—но нельзя игнорировать ихъ вполне, если хочешь составить себѣ ясное понятіе о Шекспирѣ. Читать комедіи Конгрева и его современниковъ, конечно, не стоитъ; но кто не знаетъ ихъ вовсе, для того закрыта одна изъ самыхъ характеристичныхъ сторонъ англійской реставраціи. То же самое слѣдуетъ сказать о предшественникахъ псевдо-классической французской трагедіи (Ротру) и о ея эпигонахъ (Лемерсье, Брифо, Лебрёнъ), о соратникахъ Гёте и Шиллера въ „бурный“ періодъ ихъ творчества (Клингеръ, Ленцъ), о нашихъ забытыхъ знаменитостяхъ тридцатыхъ годовъ (Марлинскій, Загоскинъ, Бенедиктовъ). Обо всемъ этомъ и о многомъ подобномъ говорить исторія литературы—и этого одного было бы достаточно, чтобы доказать ея право на существованіе.

Сказанное нами объ исторіи литературы примѣнимо, въ значительной степени, и къ исторіи философіи. У нея также есть противники, утверждающіе, что нужно читать только философскія сочиненія, а не сочиненія о философіи. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что послѣднее чтеніе не можетъ замѣнить перваго, но оно кажется намъ необходимымъ дополненіемъ къ нему. Въ высшей степени полезно, напримѣръ, прочесть что-нибудь изъ Декарта или Локка ¹⁾, изъ Спинозы или Канта; но этимъ путемъ нельзя узнать, откуда произошло данное философ-

¹⁾ Въ списокъ Локка включены „Discours sur la méthode“ Декарта, „Conduct of the understanding“ Локка, „Human knowledge“ Беркелла, но включена и „Исторія философіи“ Льюиса.

ское учение, какая судьба его постигла, какую роль оно играетъ въ общемъ развитіи человѣческой мысли. Для не-спеціалиста по философіи одинъ изъ способовъ ознакомленія съ нею долженъ, поэтому, идти параллельно съ другимъ. Хорошія книги по исторіи философіи имѣютъ такую же высокую цѣну, какъ и хорошія книги по исторіи литературы. Шопенгауеръ, какъ извѣстно, меньше чѣмъ кто-либо отличался уваженіемъ къ своимъ предшественникамъ—и вотъ, однако, чтò мы у него читаемъ: „исторія философіи—главная отрасль исторіи интеллекта или, лучше сказать, настоящее ея основаніе. Она проникаетъ даже въ политическую исторію, потому что философія руководитъ мнѣніями, а мнѣнія владычествуютъ надъ міромъ. Философіей данной эпохи обуславливается, въ сущности, исторія этой эпохи“. Нельзя обойтись безъ исторіи и при изученіи политическихъ наукъ; чтеніе Макіавелли, Монтескьё, Токвиля не можетъ быть замѣнено общимъ обзоромъ ученій о государствѣ, но не можетъ и замѣнить его. Рядомъ съ исторіей литературы, исторіей философіи, исторіей политическихъ наукъ остается мѣсто и для всеобщей исторіи. Она обрѣтается у насъ, съ нѣкоторыхъ поръ, не совсѣмъ въ авантажѣ, но предубѣжденіе противъ нея едва ли справедливо. Прежнія узкія рамки, низводившія ее на степень разсказа о разныхъ *Haupt-und Staatsactionen*, разбиты ею уже давно; въ составъ ея вошла, наряду съ исторіей политики, исторія культуры. Въ какой степени она заслуживаетъ названія науки—это вопросъ, обсужденіе котораго не входитъ въ составъ нашей задачи; мы говоримъ о чтеніи *вообще*, не приурочивая его ни къ какой исключительной цѣли, и съ этой точки зрѣнія придаемъ большое значеніе историческимъ книгамъ. Лучшія изъ нихъ соединяютъ поучительность съ живымъ интересомъ; будучи занятіемъ, чтеніе ихъ можетъ быть названо, вмѣстѣ съ тѣмъ, и развлеченіемъ, и отдыхомъ. Кто былъ молодъ сорокъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, тотъ, вѣроятно, помнитъ, какую роль играли тогда сочиненія Гизо, Минье, Огюстена Тьерри, Баранта, Мишле, Нибура, Шлоссера, Ранке, Гервинуса, Грота, Сисмонди, Маколея, нашего Грановскаго или Кудрявцева, какъ много они способствовали самообразованію, пробужденію интереса къ политической жизни. Многія изъ нихъ не утратили своего значенія и теперь, и къ нимъ присоединилась масса другихъ, изъ которыхъ достаточно назвать сочиненія Лекки, Тэна, Ренана, Буассье, Сореля, Зибеля, Моммсена, Дункера, Курціуса, Трейтшке, Гаусрата, Костомарова, Соловьева. Рядомъ съ этимъ широко открылась для чтенія другая область, еще недавно гораздо менѣ до-

ступная—область естественныхъ наукъ. Къ услугамъ читателя имѣется и здѣсь множество книгъ, соединяющихъ серьезность, даже глубину содержанія съ популярностью, общепонятностью изложенія; значительная ихъ часть переведена на русскій языкъ. Теперь, повидимому, у насъ прошла мода на естественно-научныя сочиненія; но громадная ихъ важность такъ очевидна, что чтеніе ихъ—мы въ этомъ убѣждены—скоро сдѣлается болѣе чѣмъ модой. Чѣмъ меньше свѣдѣній по этой части даетъ наша общеобразовательная школа, тѣмъ больше значенія приобрѣтають другіе способы знакомства съ естествознаніемъ—а первое мѣсто между ними принадлежитъ чтенію.

Всѣ роды чтенія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, имѣють существенно-важное значеніе; ни однимъ изъ нихъ нельзя пренебрегать безнаказанно, ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ роскошью. Конечно, у насъ, какъ и на западѣ Европы, есть образованные люди, только по наслышкѣ знакомые съ греческими трагиками и съ Данте, знающіе Шекспира только благодаря гастролямъ Росси или Сальвини, Гёте—только благодаря „Фаусту“ Гуно; есть образованные люди, изучавшіе исторію только по гимназическимъ учебникамъ, есть другіе, которымъ чужда азбука естествознанія; но кто же усомнится въ томъ, что это—образованіе до крайности несовершенное, неполное? Чтобы приобрѣсти свѣдѣнія, которыхъ не даетъ школа, и постоянно пополнять ихъ пробѣлы, нужно читать довольно много—а между тѣмъ текуція профессиональныя занятія и другія требованія ежедневной жизни далеко не всегда оставляють много времени для чтенія. Отсюда необходимость разборчивости въ выборѣ чтенія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что мѣшаютъ этой разборчивости, въ наше время, больше всего два обстоятельства: увлеченіе легкой беллетристикой, поощряемое размножившимися библіотеками для чтенія, и привычка читать множество газетъ и журналовъ. Жалобы на то и другое слышатся уже давно. „Въ Парижѣ,—говорить, напримѣръ, Стендаль (въ „Mémoires d'un touriste“, написанныхъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ),—не читають серьезныхъ книгъ—Бейля, Монтескьё, Токвиля; читають только новѣйшіе пустяки (fadaises modernes), и только для того, чтобы имѣть возможность говорить о нихъ по мѣрѣ ихъ появленія. Несчастье нынѣшней молодежи и нынѣшнихъ зрѣлыхъ людей заключается въ томъ, что, просмотрѣвъ утромъ шесть газетъ, ничего больше не чувствуешь себя способнымъ прочесть въ продолженіе цѣлаго дня“. Если откинуть очевидныя преувеличенія, эти слова Стендаля окажутся примѣнимыми и теперь

въ значительной части нашего образованнаго общества. Совершенно выкинуть за бортъ беллетристику, отказаться отъ чтенія газетъ и журналовъ не только невозможно, но и нежелательно; мы уже говорили выше о той *raison d'être*, которую имѣютъ эти отрасли литературы. Хорошо было бы только, еслибы чтеніе ихъ было введено въ разумные предѣлы. Для всѣхъ тѣхъ, кто не обязанъ, ех *officio*, слѣдить за разными теченіями въ періодической прессѣ, вполне достаточно читать *одну* газету, и притомъ читать въ ней только то, что имѣетъ болѣе общее значеніе или представляетъ особый интересъ для даннаго читателя. Читать *всю* газету съ начала до конца, тѣмъ болѣе—читать или хотя бы пробѣгать нѣсколько газетъ,—это чистѣйшая, невознаградимая потеря времени. До извѣстной степени то же самое можно сказать и о журналахъ; въ большинствѣ случаевъ совершенно достаточно читать одинъ изъ нихъ и заглядывать въ другіе лишь тогда, когда въ нихъ появляется что-нибудь выходящее изъ ряда или прямо касающееся специальности читателя. Само собою разумѣется, что болѣе правильное отношеніе къ чтенію, чѣмъ господствующее теперь, можетъ быть только плодомъ совокупныхъ усилій семьи, школы, общества и литературы. Семья должна противодѣйствовать привычкѣ къ поверхностному, неразборчивому чтенію; школа, вслѣдъ за семьей, должна воспитывать любовь къ труду и готовить почву для дальнѣйшаго самообразованія, оканчивающагося лишь вмѣстѣ съ жизнью; общество должно поощрять все тѣ, что благопріятствуетъ развитію серьезныхъ вкусовъ; литература не должна угождать случайной, скоропреходящей модѣ. Все это не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго; самый избытокъ легкаго чтенія долженъ вызвать, рано или поздно, желанную реакцію, и мы надѣемся, что за „книжнымъ“ вѣкомъ не послѣдуетъ вѣкъ исключительно „газетный“ или „фельетонный“.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА

ВЪ 60-хъ ГОДАХЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ. Соч. Маріонъ Брофорда.

X *).

Сантъ-Иларіо отъ Гуаша пошелъ домой. Холодный вечерній воздухъ освѣжилъ его и помогъ ему обдумать все, что ему теперь предстояло дѣлать. Положеніе по истинѣ было жестокое, и особливо для чловѣка съ его темпераментомъ. Онъ не соображалъ, что старуха-хозяйка только поддакивала его собственнымъ безумнымъ словамъ, частью чтобы отдѣлаться отъ него, частью потому, что онъ впередъ подкупилъ ея показанія. Онъ былъ ослѣпленъ страстью, которая сильнѣе отуманиваетъ умъ, чѣмъ всякое другое чувство: гнѣвъ или ненависть, гордость или сама любовь.

Джіованни рѣшилъ, наконецъ, какъ ему поступить: онъ припомнилъ мрачную, старинную крѣпость Сарачинеску съ ея высокими башнями и неприступными стѣнами, и рѣшилъ — запретъ въ ней Корону на весь остатокъ ея жизни.

Въ немъ жили всѣ инстинкты той необузданной и непримиримой расы людей, которая въ продолженіе столѣтій держала законъ въ своихъ рукахъ и привыкла обращаться съ нимъ по своему усмотрѣнію. Не такъ еще давно владѣльцы Сарачинески пользовались правомъ жизни и смерти надъ своими вассалами ¹⁾, и на-

*) См. выше: февраль, стр. 746.

¹⁾ До 1870 г. такое право жизни и смерти принадлежало герцогамъ Бранчано и было связано съ обладаніемъ титула, который былъ проданъ и впоследствии перекупленъ его владѣльцами.

слѣдственные черты характера, воспитанныя вѣками неограниченной власти, не исчезли съ паденіемъ феодализма. При существующихъ обстоятельствахъ никто не нашелъ бы неестественнымъ, еслибы Джіованни заперъ жену на весь остатокъ ея дней въ своемъ замкѣ въ горахъ. Эта идея можетъ удивить другихъ европейцевъ, тѣмъ болѣе, что описываемыя событія случились всего лишь въ 1867 г.; но среди знакомыхъ и друзей дѣйствующихъ лицъ она никого бы не поразила. Самому Джіованни это казалось единственно возможнымъ эпилогомъ того, чтѣ случилось, и рѣшеніе убить Гуаша и заточить Корону не представлялось ему ни злодѣйскимъ, ни невыполнимымъ...

Никто не видѣлъ, какъ Джіованни прошелъ къ себѣ во дворецъ, потому что привратникъ былъ въ своей ложѣ, а у Джіованни былъ собственный ключъ отъ апартаментовъ. Онъ поступался въ дверь жены.

— Войдите!—сказала Корона.

Она вздрогнула, увидя лицо мужа; онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ. Она хотѣла-было приподняться съ кушетки и пойти ему на-встрѣчу. Но онъ заперъ за собою дверь и самъ подошелъ къ ней. Она была такъ удивлена его видомъ, что застыла на мѣстѣ въ то время, какъ онъ, уставивъ на нее неподвижный взглядъ, проговорилъ страннымъ, тихимъ голосомъ:

— Вы разбили мою жизнь, и я пришелъ сообщить вамъ мое рѣшеніе.

Она подумала, что онъ сошелъ съ ума и бредитъ, и какъ ни была мужественна, а слегка откинулась назадъ и поблѣднѣла.

— Вамъ нечего меня бояться,—продолжалъ онъ, замѣнивъ ея движеніе. — Я не собираюсь убивать васъ. Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что я все еще такъ глупъ, что люблю васъ.

— Джіованни!—вскричала Корона трепетнымъ голосомъ.

Она не находила словъ, но вскочила на ноги и охватила его руками, устремивъ умоляющій взглядъ въ его лицо. Выраженіе его не смягчилось, потому что онъ приготовился къ тому, что она будетъ разыгрывать комедію. Не причиняя ей боли, но съ силой, которой немногіе мужчины могли бы противостоять, онъ принудилъ ее сѣсть обратно на кушетку и отступилъ на шагъ, прежде чѣмъ снова заговорилъ. Она слѣпо повиновалась, чувствуя, что всякая попытка сопротивляться ему была бы вполне бесполезна.

— Я знаю, чтѣ вы сдѣлали. Вамъ нечего мнѣ сказать Молчите и слушайте меня. Вы разбили величайшее счастье, какое только было въ мірѣ. Вы обезчестили меня и мою фамилію. Вы

убили мою вѣру въ васъ—Богу извѣстно, какъ она была велика—и утопили ее въ грязи своей безчестной жизни. И хуже всего этого—я такъ низко, что могъ бы вамъ это простить—вы погубили самое себя...

Корона дико вскрикнула и упала на подушки, заткнувъ уши руками, чтобы не слышать такихъ словъ.

— Не хочу слушать!—простонала она.—Ты съ ума сошелъ... съ ума сошелъ!—И, снова вскочивъ, прижала его къ своей груди такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ вырваться.—О! мой бѣдный Джіованни!—горевала она.—Что съ тобой случилось? Тебя ранили? отравили? Ради самого неба, приди въ себя!

Онъ схватилъ ее за руки и принудилъ еще разъ выслушать то, что говорилъ. Даже и тутъ онъ не причинилъ ей боли. Его руки были точно стальные браслеты, изъ которыхъ она не могла высвободить своихъ рукъ.

— Я раненъ на смерть,—проговорилъ онъ сквозь зубы.—Я былъ у Гуаша на квартирѣ и принесъ отсюда ваше письмо и вашу булавку... понимаете, булавку, которую я подарилъ вамъ! Поняли теперь, или этого вамъ мало, и требуются еще поясненія?

— Мое письмо?—закричала Корона въ крайнемъ изумленіи.

— Да,—отвѣчалъ онъ, выпуская ея руки и вынимая изъ кармана письмо и булавку.—Развѣ это не ваша бумага? развѣ это не ваша булавка? Отвѣчайте мнѣ... или нѣтъ, не нужно, они сами говорятъ за себя. Вамъ нечего сказать. Они ваши, и вы это знаете. А если этого мало, то есть женщина, которая васъ впускала, которая видѣла, какъ вы ихъ принесли. Чего вамъ больше?

Пока обвиненія Джіованни были неопредѣленны и общи, Корона пребывала въ нѣмомъ ужасѣ, полагая, что страшное и непонятное бѣдствіе постигло ея мужа и лишило его разума. Но въ тотъ моментъ, какъ онъ предъявлялъ доказательства того, что говорилъ, присутствіе духа вернулось къ ней, и она сразу увидѣла истинный ужасъ положенія. Она ни на минуту не усомнилась, что стала жертвой жестокаго заговора, но, въ виду понятной и опредѣленной опасности, къ ней вернулась ея природная большая смѣлость. Не такая была она женщина, чтобы безпомощно плакать, когда предстояло бороться съ открытой опасностью.

Она взяла письмо и булавку, поднесла ихъ къ свѣту и стала разглядывать съ спокойствіемъ, представлявшимъ странный контрастъ съ ея предыдущимъ поведеніемъ. Джіованни наблюдалъ за нею. Онъ предполагалъ, что она прикидывается удивленной и

ждать дальнѣйшихъ отъ него объясненій, а сама пока придумываетъ, какъ ей выпутаться изъ этого положенія. Губы его презрительно скривились, потому что онъ былъ увѣренъ, что понимаетъ ея образъ дѣйствій. Спустя нѣсколько секундъ, она объявила:

— Бумага моя, но не я писала это письмо. Булавка также моя. Я потеряла ее болѣе мѣсяца тому назадъ.

— Разумѣется!—холодно отвѣтилъ Джіованни.—Я ожидаю, что вы это скажете. Это вполне естественно. Но я не прошу у васъ никакихъ поясненій. Для меня все ясно. Я завтра утромъ повезу васъ въ Сарачинеску, и вы успѣете все объяснить. Всю остальную жизнь вамъ ничего другого не останется дѣлать до самой вашей смерти. Я вѣдь вамъ сказалъ, что не убью васъ.

— Неужели вы говорите это серьезно?—спросила Корона слегка дрожащимъ голосомъ.

— Совершенно серьезно. Неужели вы считаете меня способнымъ шутить такими дѣлами?

— А вы считаете меня способной на такіа дѣла?

— Разъ вы ихъ совершили, какой же тутъ еще требуется отвѣтъ! Вы не только способны на нихъ, но вы ихъ сдѣлали. Развѣ неодушевленные предметы могутъ лгать?

— Нѣтъ. Но люди лгутъ. Я вѣрю вамъ, Джіованни. Вы нашли эти вещи въ комнатѣ ш-г Гуаша. Вамъ сказали, что я ихъ туда положила. Кто бы это ни сказалъ—это самая безстыдная ложь, какая когда-либо была сказана на землѣ. Лицо, положившее ихъ туда, сдѣлало это въ надеждѣ погубить меня. Оглянитесь на наше прошлое и скажите, какія могутъ быть у васъ причины повѣрить въ эту гнусную клевету?

— Причины?—бѣшено закричалъ Джіованни.—Вы хотите причинъ. Хорошо. Время терпѣть. Я вамъ укажу столько причинъ, что вы будете довольны. Развѣ этотъ человѣкъ не находился постоянно при васъ весь прошлый годъ; вездѣ, гдѣ вы ни сходились, разговаривалъ съ вами вполголоса, каждымъ движеніемъ и жестомъ показывая, что онъ удостоиваетъ васъ своей низкой любви? Развѣ вы не сидѣли вмѣстѣ въ уголку, въ прошлый вторникъ, когда вспыхнуло возстаніе? И развѣ онъ не поцѣловалъ у васъ руку, когда вы оба думали, что никто на васъ не смотритъ?

— Онъ поцѣловалъ мою руку при всѣхъ,—отвѣчала Корона, въ которой постепенно закипала гнѣвъ отъ такого настойчиваго желанія мужа во что бы то ни стало обвинить ее.

— Въ комнатѣ были люди, но вы думали, что никто на

вась не смотреть. Въ ту же самую ночь я вернулся домой, а вась не было дома. Вы ушли одна съ этимъ человѣкомъ, думая, что я вернусь еще позже. Вы вынуждены были сознаться, что были съ нимъ, потому что привратникъ видѣлъ вась и сказалъ мнѣ, что приходилъ звать.

— Я вамъ расскажу все какъ было, хотя вы мнѣ больше не довѣряете. Гуашъ любить Фаустину, а она—его. Когда онъ вышелъ изъ нашего дома въ ту ночь, она послѣдовала за нимъ на улицу. Она добѣжала до серристорійскихъ казармъ и была оглушена взрывомъ. Гуашъ нашелъ ее тамъ нѣсколько часовъ спустя. Онъ честный человѣкъ и увидѣлъ только одно средство спасти ее доброе имя: привести ее сюда и попросить меня отвести ее домой. Я отвела ее къ отцу и удалила Гуаша, потому что была на него сердита. Я выдумала исторію про то, что она заблудилась въ нашемъ домѣ, чтобы спасти ее. Булавку я потеряла больше мѣсяца тому назадъ. Можетъ быть, Гуашъ нашелъ ее. Письма я не писала. Бумага взята или у насъ изъ дома, или въ магазинѣ, гдѣ я ее заказываю. Возьмите булавку и приколите ее себѣ, а затѣмъ повидайтесь съ Гуашемъ, если хотите. Онъ спроситъ навѣрно, откуда вы взяли эту булавку, потому что я не подозреваю, что она моя. Довольны вы? Я все вамъ сказала. Что скажете теперь вы?

— Что вы рассказали совсѣмъ неправдоподобную исторію,— отвѣчалъ Джіованни.—Вы пали еще ниже, чѣмъ я думалъ, такъ какъ способны очернить невинную молодую дѣвушку, чтобы спасти себя. Я не считалъ вась на это способной. Я терпѣливо выслушалъ вась. Мнѣ теперь надо сдѣлать еще одно, а тамъ мнѣ ничего не останется, кромѣ терпѣнія. Пошлите за вашими служанками и прикажите уложить свои вещи въ дорогу въ Сарачинеску. Если вамъ удобно, то мы выѣдемъ въ одиннадцать часовъ, потому что до тѣхъ поръ я буду занятъ. Я совѣтую вамъ не видѣться съ моимъ отцомъ.

Корона стояла неподвижно, пока онъ говорилъ. Она не постигала, какимъ образомъ онъ не повѣрилъ исторіи съ Фаустиной. Ей было непостижимо, что всѣ эти обстоятельства не представляются ему такими же ясными, какъ и ей. Съ высоты своей безусловной невинности она не могла понять всего, что онъ выстрадалъ, передумалъ и перечувствовалъ прежде, чѣмъ обвинить ее. Онъ считалъ ее виноватой, и она видѣла, что рѣшеніе его непоколебимо; онъ отвезетъ ее въ горы и оставитъ въ одиночествѣ на неопредѣленное время, можетъ быть, навсегда. У нея не было никого въ мірѣ, къ кому она могла бы обратиться за

помощью. Мать у нея умерла, когда она была ребенкомъ; отецъ, которому она принесла себя въ жертву, выйдя замужъ за герцога Астрарденте, давно умеръ. Ей не къ кому было обратиться, кромѣ князя Сарачинески, а Джіованни приказалъ ей къ нему не обращаться. Положеніе было отчаянное. Черезъ нѣсколько часовъ она будетъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя будетъ ни защититься, ни оправдаться, а она хорошо знала, что всякія мольбы будутъ напрасны, если она не представитъ доказательствъ своей невинности. Наконецъ, она подошла къ мужу и почти ласково положила руку ему на плечо.

— Джіованни, — сказала она спокойно: — я любила тебя нѣжно и вѣрно. Клянусь тебѣ нашимъ ребенкомъ, что я невинна. Неужели ты мнѣ не повѣришь?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, и краткое это слово упало съ его губъ, точно стальной молотъ. Глаза его не смягчились, лицо не измѣнилось.

— Неужели ты никого не спросишь, говорю я правду или нѣтъ? неужели ты не позволишь мнѣ или самъ не напишешь къ этимъ двумъ лицамъ и не позовешь ихъ сюда, чтобы они сказали тебѣ правду? Правда, это значить требовать отъ нихъ большой жертвы, но для меня дѣло идетъ о жизни и смерти, и они, конечно, не откажутся сказать правду. Сдѣлаешь ты это?

— Нѣтъ, не сдѣлаю.

— Ну, тогда дѣлай со мной чтò хочешь, и да проститъ тебя Богъ, потому что я не прошу!

Корона отвернулась отъ него и перешла черезъ комнату. Въ углу стоялъ мягкій *grie-Dieu* передъ великобѣннымъ распятіемъ. Корона стала передъ нимъ на колѣни, не обращая вниманія на присутствіе мужа, и закрыла лицо руками.

Джіованни стоялъ, не двигаясь, посреди комнаты. Глаза его слѣдили за каждымъ движеніемъ жены. Убѣжденный въ ея вину, онъ считалъ, что она разыгрываетъ комедію, и что ея колѣнопреклоненіе передъ Распятіемъ — не что иное какъ театральнѣйшій эффектъ.

Корона не долго молилась. Она вовсе не имѣла въ виду повліять на рѣшеніе Джіованни. Вставши съ колѣнъ, она подошла къ нему; онъ подумалъ, что она станетъ снова оправдываться, но ошибся.

— Это ваше послѣднее слово?

— Да.

— Ну, такъ и я выскажу вамъ тѣ, чтò имѣю сказать. Это будетъ немного, но мы отнынѣ не часто будемъ разговаривать.

Вы современемъ припомните, что я вамъ теперь скажу. Я невинная и беззащитная женщина. У меня нѣтъ родныхъ, которые бы заступились за меня. Вы запретили мнѣ писать тѣмъ, которые могли бы доказать мою невинность. Ради нашего ребенка, — ради любви, которую я къ вамъ питала, я не буду сопротивляться. Свѣтъ не узнаетъ, что вы сомнѣвались во мнѣ, матери вашего сына, женщинѣ, которая васъ любила. Придетъ время, когда вы попросите у меня прощенія за свой теперешній поступокъ. Откровенно говорю вамъ, что не въ силахъ когда-либо простить вамъ или сказать вамъ отнынѣ хотя одно ласковое слово. Это не угроза и не предостереженіе, хотя, быть можетъ, это и поможетъ спасти васъ впослѣдствіи отъ разочарованія. Я жду отъ васъ только, чтобы вы сказали мнѣ, что вы думаете дѣлать съ нашимъ ребенкомъ, и чтобы вы оставили меня теперь одну на нѣкоторое время.

Злая мысль пробѣжала въ умѣ Джіованни. Онъ зналъ, какъ будетъ страдать Корона, если онъ не позволитъ ей видѣться съ маленькимъ Орсино и она ничего не будетъ о немъ знать въ своемъ заточеніи. Дьявольская жестокость этой мысли плѣнила его на минуту, и онъ холодно поглядѣлъ ей въ глаза, какъ бы намѣреваясь оставить ея вопросъ безъ отвѣта. Но, несмотря на свою ревность, онъ не въ силахъ былъ нанести этотъ послѣдній ударъ. Въ то время, какъ онъ глядѣлъ въ ея прекрасное, блѣдное лицо и серьезные глаза, онъ смягчился. Онъ все еще любилъ ее и не пересталъ бы любить, будь доказательство ея измѣны въ десять разъ убѣдительнѣе, чѣмъ теперь. Любовь жила въ немъ помимо ревности.

На секунду Джіованни смягчился, не будучи въ силахъ бороться съ таинственной силой, все еще управлявшей имъ.

— Ребенокъ останется съ вами, — сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ и вышелъ изъ комнаты, тихо притворивъ за собою дверь.

Отъ жены Джіованни прошелъ къ отцу.

— Великій Боже! что случилось! Джіованнино? — воскликнулъ тотъ въ тревогѣ, когда увидѣлъ лицо сына.

— Я пришелъ сообщить вамъ, что мы съ Короной уѣзжаемъ завтра въ Сарачинеску, — отвѣчалъ Джіованни тихимъ голосомъ.

— Что такое? зимой? — когда ты знаешь, что дороги заняты гарибальдійцами и солдатами? Ты съума сошелъ? въ чемъ дѣло?

— О! ничего особеннаго, — отвѣчалъ Джіованни, стараясь говорить какъ можно равнодушнѣе. — Мы думаемъ только, что горный воздухъ будетъ полезенъ женѣ, вотъ и все.

— И Корона на это согласна?

— Да... она согласна. Мы возьмемъ съ собой ребенка.

— Ты рѣшительно помѣшался. Слабую женщину и дитя въ такомъ нѣжномъ возрастѣ подвергать всѣмъ опасностямъ труднаго пути! Я не отпущу своего внука. Не позволю увести его. Ты говоришь глупости. Ступай одѣваться къ обѣду или пошли за докторомъ... короче сказать, веди себя какъ разсудительный человѣкъ! Я пойду переговорю съ Короной.

Старикъ уже направился-было въ двери, но Джіованни придержалъ отпа за руку.

— Извините меня: Корона не можетъ васъ теперь принять; она одѣвается.

— Я поговорю съ ней черезъ дверь и подожду въ будуарѣ, пока она будетъ готова.

— Врядъ ли ей можно будетъ сегодня съ вами видѣться. Она очень занята укладкой вещей въ дорогу.

— Она съ нами обѣдаетъ, надѣюсь?

— Не... знаю... Врядъ ли.

Старикъ Сарачинеска вдругъ повернулся къ сыну. Черные глаза его сверкали; онъ схватилъ сына за руку.

— Слушай, любезный, я не позволю себя дурачить. Что-нибудь случилось, и ты боишься мнѣ объ этомъ сообщить. Отвѣчай. Я хочу знать. Вы поссорились?..

— Пожалуйста, не спрашивайте меня; я не могу вамъ ничего сказать. Но вѣрьте, что поступаю такъ, какъ вы сами поступили бы на моемъ мѣстѣ.

Сарачинеска пристально глядѣлъ на сына въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Гнѣвъ исчезъ съ его лица, и выраженіе его стало печальнымъ. Онъ необыкновенно любилъ сына, а Корону любилъ только ради него. Несомнѣнно, что они поссорились, и если сынъ хоть сколько-нибудь правъ, то въ такомъ случаѣ всѣ симпатіи его будутъ на его сторонѣ.

Корону онъ могъ только возненавидѣть. Онъ догадывался о тайнѣ Джіованни, и сердце его ожесточилось противъ женщины, которая причиняла такіа страданія его сыну.

XI.

Усилія Сантъ-Джіакинто помѣшать свиданію Фаустины съ Гуашемъ ни къ чему не привели, и свиданіе состоялось. Влюбленные рѣшили переписываться и адресовать другъ другу письма на имя Короны Сантъ-Иларіо.

Возвращаясь въ казармы, Гуашъ удивился, увидя Джіованни Сантъ-Иларіо дожидающимся на улицѣ, очень блѣднымъ, очевидно не въ духѣ, въ пальто, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и съ руками, засунутыми въ карманы. Завидя Анастаса, онъ направился прямо къ нему, сухо кивнулъ головой, но руки не подаль.

— Я приходилъ къ вамъ вчера вечеромъ, но васъ не было дома,—холодно сказалъ онъ.—Могу я поговорить съ вами?

— Сдѣлайте одолженіе.

Они отошли отъ казармы на нѣсколько шаговъ.

— Безполезно входить въ пространныя объясненія. Вы понимаете, *monsieur* Гуашъ, что этому дѣлу можетъ быть только одинъ конецъ. Полагаю, что вы поймете также, что необходимо придумать какой-нибудь предлогъ для объясненія его въ глазахъ свѣта.

Гуашъ глядѣлъ на Сантъ-Иларіо съ крайнимъ удивленіемъ. Въ послѣдній разъ какъ они видѣлись, они разстались друзьями. Онъ не понималъ ни одного слова изъ того, что тотъ говорилъ.

— Извините меня, князь,—сказалъ онъ, наконецъ.—Я рѣшительно не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Вы удивительно туги на пониманіе, *monsieur* Гуашъ; говоря безъ обиняковъ, я ищу приличнаго предлога, чтобы убить васъ. Поняли теперь?

— Отлично!—отвѣчалъ зуавъ, приподнимая брови, и затѣмъ весело и откровенно расхохотался.—Готовъ содѣйствовать вамъ, но признаюсь, желалъ бы узнать причину вашихъ добрыхъ намѣреній на мой счетъ.

Самоувѣренность и спокойствіе Гуаша вывели Джіованни изъ себя.

— *Monsieur* Гуашъ,—сердито проговорилъ онъ,—я взялъ смѣлость посѣтить вашу квартиру вчера и нашелъ это письмо, приколотое вотъ этой булавкой къ вашему столу. Полагаю, что дальнѣйшихъ объясненій не требуется.

Гуашъ поглядѣлъ на письмо и булавку и въ свою очередь оскорбился.

— Милостивый государь,—сказалъ онъ,—я понимаю, что вы поступили очень дерзко, войдя ко мнѣ и взявъ то, что вамъ не принадлежитъ; ничего другого я не понимаю. Я нашелъ эту булавку на мосту Св. Ангела съ мѣсяцъ тому назадъ. Что касается письма, то не имѣю о немъ никакого понятія. Впрочемъ, сдѣлайте одолженіе сказать мнѣ, гдѣ мои секунданты могутъ видѣться съ вашими?

— Въ моемъ домѣ. Но позвольте мнѣ прибавить, что я не вѣрю ни одному вашему слову.

— Развѣ у римлянъ въ обычаѣ оскорблять челоуѣка, который принялъ вызовъ?—спросилъ Гуашъ. — Мы вѣжливые во Франціи. Мы салютуемъ противника, прежде чѣмъ начать бой.

И тутъ зуавъ вѣжливо поклонился Джіованни и, повернувшись на каблукахъ, оставилъ послѣдняго еще въ худшемъ настроеніи, чѣмъ нашелъ.

XII.

Въ то время, какъ Джіованни объяснялся съ Гуашемъ, у его отца сидѣлъ гость и не кто иной, какъ самъ князь Монтеварки. Старикъ Сарачинеска былъ угрюмъ, озабоченъ и неразговорчивъ, а потому гость скоро ушелъ. Но, уходя, онъ унесъ съ собой свертокъ документовъ, которые давно уже желалъ просмотрѣть. Онъ и пришелъ сегодня съ тѣмъ, чтобы получить ихъ, и старикъ Сарачинеска отдалъ ихъ ему безъ всякихъ затрудненій и съ большой готовностью.

Тщательно просмотрѣвъ дома всѣ документы, Монтеварки горько разочаровался. Актъ о передачѣ старшинства и титула младшему брату былъ составленъ вполне ясно и толково, подписанъ договаривающимися сторонами и свидѣтелями и засвидѣтельствованъ официальнымъ порядкомъ. Въ силу его, донъ-Леоне Сарачинеска, старшій сынъ донъ-Джіованни Сарачинеска, отецъ Сарачинеска ди Сантъ-Иларіо, герцогъ Барди и владѣтель разныхъ другихъ титуловъ, испанскій грандъ перваго класса и графъ священной римской имперіи—по доброй волѣ и по собственному почину уступалъ младшему и единственному своему брату, донъ-Орсино Сарачинеска княжества Сарачинеска—тутъ шелъ подробный перечень различныхъ титуловъ и имѣній,—включая сюда доходы и всѣ владѣльческія права вышеупомянутому донъ-Орсино Сарачинеска и его наслѣдникамъ мужескаго колѣна, на вѣки-вѣчныя.

„Онъ связалъ себя, но не имѣлъ права связывать своихъ потомковъ“, подумалъ Монтеварки и, взявъ большой листъ бумаги, машинально написалъ:— „и его наслѣдникамъ мужескаго колѣна на вѣки вѣчныя, въ томъ случаѣ, если у вышеупомянутаго донъ-Леона Сарачинеска не родится сына въ бракѣ, въ какомъ случаѣ, если сынъ родится, настоящее условіе недействительно“.

„Какъ хорошо, еслибы такія слова стояли въ условіи!—воскликнулъ про себя Монтеварки.—Имъ бы слѣдовало тамъ стоять. Легко сказать... вѣдь тутъ дѣло идетъ о милліонахъ... милліонахъ! Они будутъ тамъ стоять!—вдругъ рѣшилъ онъ.—Этого требуетъ простая справедливость. Старый бездѣльникъ никогда не лишилъ бы сына наслѣдства, еслибы думалъ, что у него родится сынъ.

„Даже еслибы и существовала копія,—продолжалъ онъ размышлять,—то можно вставить слова и въ нее... лишь бы листы были одинаковой величины и того же размѣра“.

Возможность такой приписки пришла ему въ голову отъ того, что онъ замѣтилъ, что въ документѣ оставалось достаточно мѣста послѣ перваго параграфа, чтобы вписать тѣ нѣсколько строкъ, которыя онъ придумалъ. Второй параграфъ былъ гораздо короче, и писецъ, вѣроятно, нашелъ болѣе дѣлесообразнымъ перенести его на вторую страницу.

Планъ былъ довольно простъ на первый взглядъ и лишь бы почеркъ былъ искусно поддѣланъ: не было причины, почему бы ему и не удался. Человѣкъ, который могъ это совершить, находился теперь въ домѣ, и Монтеварки знали это. Личный секретарь и библіотекарь князя, нѣкій Арнольдъ Мескини именно и былъ такимъ человѣкомъ.

Арнольдъ Мескини былъ человѣкъ глубокой эрудиціи, ученый законовѣдъ и несравненный знатокъ и экспертъ въ каллиграфіи. Онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей различныя почерки, принадлежавшія къ различнымъ эпохамъ, и всѣ тайны старинной каллиграфіи были ему такъ же знакомы, какъ новѣйшая азбука. Но только возьмется ли онъ за это дѣло? У Монтеварки были основанія думать, что онъ возьмется.

Арнольдъ Мескини получилъ превосходное образованіе, и его безъ преувеличенія можно было назвать ученымъ; онъ былъ великій знатокъ во всѣхъ отрасляхъ археологіи. Полагали, что его готовили къ духовной карьерѣ, но самъ онъ ничего на этотъ счетъ не заявлялъ, кромѣ простого факта, что воспитывался въ духовной семинаріи. Послѣ того онъ изучалъ право и даже выступилъ на юридическомъ поприщѣ, но вскорѣ оставилъ его, по обвиненію въ недобросовѣстныхъ поступкахъ, и хотя обвиненіе не было доказано на судѣ, но репутація его такъ пострадала, что оставаться долѣе адвокатомъ стало для него немислимо.

Онъ поступилъ на службу къ Монтеварки библіотекаремъ и секретаремъ еще при жизни отца теперешняго князя. Однажды какая-то иностранная газета попала ему въ руки, и онъ прочи-

таль объ аукціонной продажѣ старинныхъ рукописей, давшей въ результатѣ баснословныя суммы. Новая идея мелькнула у него въ умѣ. Онъ рѣшилъ заняться поддѣлкой древнихъ манускриптовъ. Цѣлыхъ два года упражнялся онъ въ этомъ искусствѣ и достигъ въ немъ такого совершенства, что когда онъ снесъ первый образчикъ своего копотливаго, но безсовѣстнаго труда знаменитому коллектору, прося его сужденія насчетъ достовѣрности рукописи, тотъ, провозившись съ нею нѣсколько часовъ, объявилъ, что она настоящая и стоитъ большихъ денегъ, хотя самъ онъ не въ состояніи ее купить.

Но Арнольдъ Мескини не удовольствовался этимъ: онъ довольно основательно рѣшилъ, что поддѣлку труднѣе прослѣдить на полкахъ библіотеки князя, чѣмъ въ *рукахъ* ученыхъ, въ которыя она попадетъ, если пустить ее гулять по бѣлу-свѣту, а потому онъ поставилъ поддѣланный имъ манускриптъ въ шкафъ библіотеки Монтеварки, а оригиналъ, съ котораго онъ снялъ копію, продалъ за большую сумму одному знатоку и любителю.

Успѣхъ открыли его, и онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ фабриковалъ *fac-simile* и продавалъ оригиналы, за которые выручилъ немалую сумму.

Князь Монтеварки, конечно, не подозрѣвалъ объ этихъ поддѣлкахъ своего секретаря, хотя и зналъ объ его замаранномъ прошломъ. Онъ считалъ своего секретаря жалкимъ дуракомъ, котораго страсть къ старинной литературѣ совсѣмъ поглотила. Онъ зналъ также, что такія вещи, какъ та, что онъ имѣлъ теперь въ виду, практиковались, и ужъ, конечно, такого именно рода людьми, какъ Арнольдъ Мескини. Зная объ его змѣранномъ прошломъ и предполагая, что, съ одной стороны, секретарь боится лишиться мѣста, а съ другой—польститися на предложенную ему награду, князь надѣялся, что онъ согласится на его предложенія. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ былъ такъ же бѣденъ, какъ и двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, когда поступилъ на службу его отца.

Князь прошелъ въ библіотеку, гдѣ его секретарь проводилъ цѣлые дни. Мескини приподнялъ бархатную феску, которую носилъ на головѣ, и положилъ на столъ тяжелый фоліантъ, который держалъ въ рукахъ, внутренно удивляясь, что могло привести къ нему его хозяина въ такой ранній часъ утра.

— Сядьте,—сказалъ Монтеварки, ласковѣе обыкновеннаго, и подалъ примѣръ, самъ усѣвшись на одинъ изъ стульевъ съ высокими спинками, которые стояли вокругъ стола.—Сядьте, Мескини, и потолкуемъ.

— Охотно, *signor principe*,—отвѣчалъ секретарь, повинаясь приказанію и усаживаясь напротивъ князя.

— Я думалъ о васъ сегодня утромъ,—продолжалъ князь.— Вы давно уже служите въ домѣ. Пойдите. Сколько именно лѣтъ? Восемнадцать? двадцать?

— Двадцать-пять лѣтъ, ваше сіятельство; это, конечно, долгій срокъ.

— Двадцать-пять лѣтъ? скажите! Вы напомнили мнѣ покойнаго отца. Упокой, Боже, его душу! добрый былъ человѣкъ покойникъ. Но я хотѣлъ сказать, Мескини, что вы такъ долго намъ служите, а мы для васъ такъ мало сдѣлали... Не протестуйте. Я знаю вашу скромность, но справедливость прежде всего. Сколько вы получаете: пятнадцать скуди въ мѣсяцъ—такъ, кажется? Да. У меня, какъ видите, хорошая память. Я самъ вхожу во всѣ домашнія дѣла. Но вы уже не такъ молоды, мой другъ, какъ были, и заслуживаете награды за свои вѣрныя услуги. Отнынѣ вы будете получать тридцать скуди въ мѣсяцъ. И во весь остатокъ вашей жизни. Да, мой другъ,—еслибы даже были отставлены отъ должности бібліотекаря.

Мескини поклонился и постарался выразить благодарность на лицѣ. Въ сущности, жалованье было для него сущими пустяками, сравнительно съ тѣми суммами, какія онъ зарабатывалъ своими безчестными продѣлками. Но такъ же, какъ и его хозяинъ, онъ былъ алченъ, и прибавка въ триста-шестьдесятъ скуди въ годъ не могла не радовать его. Онъ поклонился и улыбнулся.

— Я не стою такой щедрости, ваше сіятельство. Мои малыя услуги...

— Все не малыя, все не малыя, мой другъ; кромѣ того, вы можете оказать мнѣ теперь очень большую услугу, но это очень секретное дѣло. Я знаю, вы скромный человѣкъ и не станете болтать о чемъ не слѣдуетъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Мескини, внутренне смѣясь тому, какъ уже четверть вѣка обманывалъ своего патрона.

— Такъ, такъ, Мескини; это дѣльце мы обдѣлаемъ между собой, и я васъ за него вознагражу. Потому, видите ли, законъ можетъ посмотрѣть на него косо... Законъ черезъ-чуръ щекотливъ въ иныхъ случаяхъ...

И князь взглянулъ въ лицо секретарю, который опустилъ глаза.

— Глупо щекотливъ,—сказалъ онъ.

— Именно. Но всего лучше вы узнаете, въ чемъ дѣло, когда я покажу вамъ вотъ этотъ документъ.

И князь вынулъ и старательно разложилъ на столѣ знаменитый документъ. И, еще разъ пробѣжавъ ее глазами, передалъ библіотекарю. Тотъ наклонился надъ ней и быстро сталъ разбирать документъ. Прочитавъ, онъ положилъ его обратно на столъ и вопросительно взглянулъ на князя.

— Вы видите, любезный Мескини,—сказалъ князь Монтеварки медовымъ голосомъ,—что этотъ документъ составленъ былъ донъ-Леонемъ Сарачинеска потому, что онъ не ожидалъ, что у него будутъ дѣти. Еслибы онъ предвидѣлъ, что у него явится потомство, онъ бы сдѣлалъ вотъ тутъ въ концѣ страницы поправку, въ такомъ смыслѣ, что условіе это дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если у вышеупомянутаго донъ-Леона Сарачинеска не будетъ сына отъ брака; въ случаѣ же сынъ родится, то документъ становится недѣйствительнымъ? Вы слѣдите за мной?

— Вполнѣ,—отвѣчалъ Мескини съ страннымъ блескомъ въ глазахъ. Онъ снова взялъ документъ и поглядѣлъ на него, какъ бы мысленно вставляя въ него слова, подсказанныя патрономъ. —Еслибы эти слова стояли въ немъ, то не могло бы быть никакого сомнѣнія въ томъ, какъ на него взглянулъ бы судъ. Но въ канцлерствѣ долженъ находится дубликатъ.

— Можеть быть. Я поручаю вашей ловкости разыскать его. А я увѣренъ, что вы согласны со мной, что этотъ документъ причинилъ великую несправедливость, и что наша священнѣйшая обязанность исправить эту несправедливость.

— Вы предлагаете мнѣ вписать этотъ параграфъ въ этотъ документъ и въ его оригиналъ,—сказалъ библіотекаръ, какъ бы желая навѣрное узнать, чего отъ него ждутъ.

Монтеварки отвелъ глаза въ сторону и медленно сталъ царапать по столу длинными ногтями.

— Я хочу сказать, что еслибы можно было доказать по закону, что желаніе донъ-Леона...

— Будемъ говорить прямо,—перебилъ Мескини.—Мы одни. Нѣтъ никакой надобности хитрить. Тѣ, чего вы желаете, можете только достичь, поддѣлавъ слова въ обоихъ документахъ. Это дѣло возможное, и я могу его сдѣлать. Оно удастся—въ этомъ тоже не можеть быть сомнѣнія, но я хочу, чтобы мнѣ за это хорошо заплатили. Это вы должны теперь же знать. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ соображеній насчетъ справедливости, но я сдѣлаю тѣ, что вы хотите, за деньги.

— Сколько?—спросилъ Монтеварки съ пересохшимъ горломъ.

Онъ струсилъ, что отдастъ себя во власть библіотекаря, а

мастный тонъ послѣдняго показывалъ, что онъ отлично это понимаетъ, и желаетъ воспользоваться своимъ преимуществомъ.

— Я буду скромнѣе, потому что бѣдный человѣкъ. Вы дадите мнѣ двадцать тысячъ скуди звонкой монетой, если дѣло рѣшится въ пользу донъ-Джіованни Сарачинеска, маркиза ди Санъ-Джіачинто. Такъ вѣдь, кажется, зовутъ вашего пріятеля?

Монтеверки вздрогнулъ, когда услышалъ сумму, и очень поблѣднѣлъ.

— Я этого не ожидалъ отъ васъ!—воскликнулъ онъ.

— Ваша воля, ваше сіятельство. Вы знаете, что вашему зятю достанутся милліоны. Чтò же значать жалкія двадцать тысячъ въ сравненіи... Или же...

И онъ умолкъ, а глаза его, казалось, хотѣли проникнуть въ душу Монтеварки. Но лицо послѣдняго выразило такой ужасъ, что Мескнини его понялъ.

— Или же?.. — спросилъ князь. — Или же вы грозите мнѣ разоблаченіемъ того, чтò я вамъ сказалъ?

— Вовсе нѣтъ, ваше сіятельство, — смиренно отвѣчалъ библіотекарь. — Если вамъ не угодно принять мои условія, оставимъ это дѣло. Я — покорный слуга вашего сіятельства; не заподозривайте меня въ такой неблагодарности.

— Но вѣрно ли самое дѣло? — спросилъ князь.

— Положитесь на меня, ваше сіятельство.

— А сколько потребуется на это времени? — заикаясь, спросилъ князь.

— Позвольте... чернила приготовить возьметъ два дня... пергаментъ... недѣлю... письмо два дня... придать древность, высушить... по крайней мѣрѣ, три дня. Два, девять, — четырнадцать. Да, двѣ недѣли, — громко объявилъ онъ.

Монтеварки помолчалъ немного.

— Начинайте безъ промедленія! — сказалъ онъ, наконецъ, вставая.

— Двадцать тысячъ скуди выдано будетъ мнѣ, ваше сіятельство, въ тотъ день, какъ дѣло рѣшится въ пользу синьора маркиза. Вы согласны?

— Да, да. Согласенъ.

ХІІІ.

Сантъ-Иларіо изъ себя выходилъ, что событія складывались такъ, что онъ ничего не могъ предпринять въ настоящую минуту и долженъ былъ выжидать. Дуэль съ Гуашемъ не могла

состояться немедленно, потому что зуавъ не могъ заниматься личными расправами, пока присутствіе его требовалось въ рядахъ защитниковъ Рима, а везти жену въ замокъ Сарачинеска нельзя было, потому что Корона опасно заболѣла, и докторъ объявилъ, что ѣхать ей въ ея настоящемъ состояніи немислимо. Волей-неволей оставалось ждать.

Гуашъ 3-го ноября, передъ разсвѣтомъ, былъ посланъ съ отрядомъ въ полторы тысячи человекъ къ Porta Pia. Бой, послѣдовавшій тамъ, стоитъ упоминовенія потому, что послужилъ поворотнымъ пунктомъ въ событіяхъ всей этой тревожной эпохи, а также и потому, что вызвалъ нѣкоторые важныя послѣдствія въ жизни французскаго художника, и эти послѣдствія до известной степени отразились и на семейной исторіи князей Сарачинеска.

Monte Rotondo находится въ шестнадцати миляхъ отъ Рима; но Ментона, которая въ тотъ день была аванпостомъ гарибальдийцевъ и стала театромъ ихъ пораженія, отстояла на двѣ мили ближе отъ города. Кто исколесилъ Кампанью, тотъ знаетъ дорогу, которая сворачиваетъ влѣво въ пяти миляхъ разстоянія отъ Ponte Nomentano. Быть можетъ, это самая безотрадная и мрачная часть того волнистаго пустыря, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ городъ. Ближе къ Ментонѣ дорога идетъ между низкими холмами и лѣсистыми буграми и представляетъ отличныя позиціи, съ которыхъ непріятель можетъ тревожить и даже истребить наступающую армію. Постепенно дорога становится все труднѣе, пока, наконецъ, сама Ментона не предстанетъ глазамъ какъ грозное препятствіе на прямомъ пути къ Monte Rotondo. Со всѣхъ сторонъ виднѣются неправильные холмы, группы деревьевъ, растущихъ на небольшихъ возвышеніяхъ, прочныя каменные стѣны, окружающія мызы, и скотные дворы, изъ которыхъ каждый можетъ быть превращенъ въ сильный оборонительный постъ. Сама Ментона обладаетъ укрѣпленнымъ замкомъ, а ея стѣны, хотя и незначительныя, сравнительно съ новѣйшими укрѣпленіями, отлично могутъ выдержать нѣсколько часовъ огонь легкихъ полевыхъ орудій.

Былъ первый часъ послѣ полудня, когда отрядъ Гуаша пришелъ на мѣсто дѣйствія и увидѣлъ красныя рубашки гарибальдийцевъ, мелькавшихъ между деревьями и изъ-за стѣнъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скученныхъ въ значительномъ числѣ. Командиры отряда имѣли въ виду пустить зуавовъ и туземныя войска на непріятельскій фронтъ, въ то время какъ французскіе егеря, пѣшіе и конные, предпримутъ фланговое движеніе и отрѣжутъ

Гарибальди сообщеніе съ Monte Rotondo, атаковавъ одновременно Ментону съ противоположной стороны.

Гуашъ испытывалъ странныя ощущенія, когда отданъ былъ приказъ начать огонь. До сихъ поръ ему приходилось только участвовать въ небольшихъ перестрѣлкахъ съ аванпостами Самнитскихъ холмовъ, и онъ впервые переживалъ настоящее сраженіе.

Бой былъ короткій, но отчаянной. Непріятель, въ концѣ концовъ, обратился въ бѣгство, причемъ Гуашъ имѣлъ не разъ случай отличиться и выказать свою храбрость. Раненый въ плечо, онъ продолжалъ драться еще нѣкоторое время, пока отъ истощенія силъ и потери крови не потерялъ сознание.

Ментона не была взята, но сдалась на слѣдующее утро; а такъ какъ ночью Monte Rotondo былъ очищенъ и большинство гарибальдійцевъ спаслось бѣгствомъ черезъ границу, то суточная кампанія окончилась полной побѣдой римскихъ войскъ.

Когда Гуашъ пришелъ въ себя, первымъ его ощущеніемъ было то, что ему въ ротъ вливаютъ какую-то жидкость. Онъ машинально проглотилъ ее и, отеревъ глаза, увидѣлъ, что два человѣка стоятъ около него: одинъ держитъ въ рукахъ фонарь, и лучи свѣта изъ фонаря падали прямо въ глаза раненому зуаву и ослѣпляли его, а потому онъ не могъ узнать этихъ людей.

— Куда онъ раненъ? — спросилъ знакомый Гуашу голосъ.

— Не могу еще сказать, — отвѣчалъ другой человѣкъ, стоявшій на коѣнѣхъ передъ Гуашемъ и осматривавшій его.

— Я раненъ въ плечо, — проворилъ Гуашъ, — но очень слабъ; дайте мнѣ поспать, пожалуйста.

Послѣ того снова лишился чувствъ и долго не приходилъ въ себя.

Оба человѣка взяли его и снесли неподалеку, гдѣ дождалось еще нѣсколько другихъ. Ночь была такъ темна, что хоть глазъ выколи, и никто не говорилъ ни слова въ то время, какъ небольшой отрядъ шелъ по полю сраженія, осторожно ступая, чтобы какъ-нибудь не наступить на лежавшія на землѣ мертвыя тѣла. Человѣкъ, осматривавшій Гуаша, всякій разъ въ этихъ случаяхъ наклонялся и наводилъ свѣтъ фонаря на лицо покойника, чтобы видѣть, не сохранилась ли искра жизни. Но было уже очень поздно. Всѣ раненые были убраны съ поля и оставались только одни трупы. Единственный Гуашъ какъ-то ускользнулъ отъ вниманія тѣхъ, кто обходилъ передъ тѣмъ мѣсто сраженія. Это слѣдовало, вѣроятно, приписать тому обстоятельству, что прежде, чѣмъ потерять сознание, онъ успѣлъ сѣсть подъ дерево и такимъ образомъ остался незамѣченнымъ въ этомъ убижищѣ.

Почти съ часъ люди шли по дорогѣ съ своей ношей, пока не увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи яркаго свѣта 'отъ фонарей кареты, катившейся въ темнотѣ. Раненаго зуава осторожно положили на подушки, и два господина, нашедшіе его, тоже сѣли въ карету и захлопнули дверцу.

Гуашъ опомнился отъ боли, которую причиняли ему толчки кареты. Фонарь стоялъ на пустомъ сидѣніи и озарялъ лицо его спутниковъ, изъ которыхъ одинъ поддерживалъ его, охвативъ рукой вокругъ туловища.

Анастасъ нѣкоторое время молча и съ удивленіемъ глядѣлъ въ лицо этого человѣка. Ему казалось, что онъ грезить, и онъ, наконецъ, заговорилъ, больше для того, чтобы убѣдиться, что не спитъ.

— Вы побоялись, чтобы я не ушелъ отъ васъ? Напрасно беспокоились. Я буду скоро въ состояніи драться съ вами.

— Я надѣюсь, дорогой Гуашъ, что вы этого не сдѣлаете, — отвѣчалъ Джіованни Сарачинеска.

XIV.

Въ субботу, наканунѣ битвы при Ментонѣ, Сантъ-Иларіо, бродя въ тоскѣ по улицамъ Рима, случайно наткнулся на своего кузена, маркиза Сантъ-Джіачинто, и тотъ пригласилъ его къ себѣ пить кофе.

Джіованни согласился и, придя на квартиру кузена, опустился на стулъ въ полномъ изнеможеніи. Онъ тутъ только сообразилъ, что бродилъ по Риму всю ночь, и что теперь уже утро, а онъ со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ и не пилъ.

— Вы, кажется, очень устали? — спросилъ Сантъ-Джіачинто. — Сколько класть въ чашку сахару: одинъ или два куса?

Джіованни выпилъ кофе залпомъ, не разбирая вкуса, но теплый напитокъ оживилъ его и теплота комнаты согрѣла застывшіе и окоченѣвшіе члены. Онъ не замѣчалъ, что Сантъ-Джіачинто пристально смотритъ на него, удивляясь, что могло произвести такую странную перемѣну въ его манерахъ и наружности.

— Какъ здоровье княгини? — спросилъ великанъ тономъ симпатіи, медленно размѣшивая ложкой сахаръ въ чашкѣ.

— Благодарю васъ... она здорова, — отвѣтилъ Джіованни машинально.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я слышалъ, что она очень больна?

— Да, конечно. Я забылъ... не знаю, гдѣ у меня голова. Я боюсь, что ея состояніе очень опасное.

Онъ снова замолчалъ и сидѣлъ, опершись на столъ и разсѣянно глядя на предметы, лежавшіе на немъ: открытый портфель и письменныя принадлежности, палочку сургуча, небольшой лексиконъ, въ порядкѣ разложенные на красномъ сукнѣ, которымъ былъ обитъ столъ. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ зашелъ сюда, но чувствовалъ, какъ отдыхаетъ, сидя въ теплѣ и спокойствіи. Санъ-Джіачинто видѣлъ, что все это странно, и молчалъ; закуривъ сигару, онъ задумчиво пускалъ кольца дыма.

— Вы, кажется, всю ночь сегодня не спали?—замѣтилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

Джіованни не отвѣчалъ. Глаза его не отрывались отъ красной пропускной бумаги въ раскрытомъ портфелѣ. Санъ-Джіачинто показалось даже, что его кузень спитъ; онъ даже толкнулъ слегка столъ, чтобы провѣрить это; тогда Джіованни положилъ руку на портфель, но все еще не поднималъ глазъ.

— Васъ какъ будто заинтересовалъ мой портфель?—замѣтилъ Санъ-Джіачинто съ улыбкой, выпуская клубы дыма.

Джіованни, въ самомъ дѣлѣ, былъ совсѣмъ поглощенъ своими наблюденіями и только кивнулъ головой въ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ, поднесъ портфель къ зеркалу, висѣвшему надъ каминомъ, въ которомъ отразился интересовавшій его предметъ.

— Вы однако негодяй, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, дрожащимъ отъ бѣшенства, поворачиваясь къ Санъ-Джіачинто.

— Чтѣ вы хотите сказать?!—спросилъ тотъ съ спокойствіемъ, которое могло сразить менѣе возбужденнаго человѣка.

Джіованни вынулъ изъ кармана записку, которую нашелъ въ комнатѣ Гуаша. Цѣлую недѣлю онъ уже носилъ ее при себѣ. Не обращая больше вниманія на Санъ-Джіачинто, онъ приложилъ записку къ пропускной бумагѣ, и она точь-въ-точь прилипла къ тому, чтѣ въ ней отпечаталось. Джіованни поднесъ оригиналъ и снимокъ къ Санъ-Джіачинто. Тотъ съ удивленіемъ поглядѣлъ, но не выказалъ ни малѣйшаго страха.

— Если послѣ этого вы станете увѣрять меня, что не писали этой записки...

— Конечно, писалъ, — отвѣтилъ тотъ спокойно.

У Джіованни зубы застучали отъ ярости. Онъ выронилъ портфель и письмо и схватилъ своего кузена за горло, запуская ему ногти въ тѣло съ свирѣпостью дикаго звѣря. Онъ былъ очень силенъ и ловокъ и попалъ на противника врасплохъ, и это да-

вало ему нѣкоторое преимущество. Но тѣмъ не менѣе ему не подѣ силу было справиться съ кузеномъ-богатыремъ. Санъ-Джіачинто вскочилъ на ноги, схватилъ своими ручищами руки Джіованни powyше локтя, приподнялъ его съ полу и сталъ трясти въ воздухъ такъ же легко, какъ кошка трясетъ мышъ. Послѣ того посадилъ его обратно въ кресло, но продолжалъ держать, такъ что тотъ не могъ двинуться съ мѣста.

— Я не желаю причинить вамъ зло,—сказалъ онъ,—но не люблю такихъ нападеній. Если вы повторите, то я переломаю вамъ кости.

Джіованни былъ слишкомъ удивленъ тѣмъ, что его осилили, и нѣкоторое время молчалъ. Эксъ-трактирщикъ выпустилъ его руки и поднялъ сигару, которая упала въ борьбѣ.

— Я не рассчитываю вступить съ вами въ драку,—сказалъ, наконецъ, Джіованни.—Вы сильнѣе, чѣмъ я, но есть другое оружіе, кромѣ кулака. Я повторяю, что вы—негодяй.

— Можете повторять это сколько вамъ угодно; мнѣ это рѣшительно все равно.

— Значитъ, вы презрѣнный трусъ!—закричалъ Джіованни.

— Это неправда,—отвѣчалъ тотъ.—Я никогда въ жизни не бѣгалъ отъ опасности. Можетъ быть, мнѣ и резона нѣтъ бѣгать,—прибавилъ онъ съ самодовольствомъ, оглядывая свою колоссальную персону.

Джіованни не зналъ, что ему дѣлать. Ему еще не приходилось ссориться съ человѣкомъ, который могъ свернуть ему шею, но отказывался драться какъ джентльменъ.

— Послушайте, кузенъ,—сказалъ Санъ-Джіачинто ласковымъ тономъ:—я такой же джентльменъ, какъ и вы, хотя и содержалъ трактиръ. Если такова мода у васъ, чтобы драться на шпагахъ и тому подобныхъ игрушкахъ, я возьму нѣсколько уроковъ и затѣмъ буду готовъ къ вашимъ услугамъ. Но сознаюсь, что я бы желалъ знать, за что вы такъ страшно разсердились. Откуда вы взяли это письмо? Оно не предназначалось для васъ и нисколько васъ не касается. Я приколотъ его къ туалету Гуаша булавкой, которую нашелъ у него. А бумагу взялъ съ письменнаго стола вашей жены недѣлю тому назадъ. Если вы хотите знать, зачѣмъ я это сдѣлалъ, я вамъ это скажу.

— А кого же вы хотѣли выставить авторомъ этого письма, какъ не мою жену?

— Вашу жену?—вскричалъ Санъ-Джіачинто съ искреннимъ удивленіемъ.—Вы съума сошли! Гуашъ долженъ былъ свидѣться въ воскресенье въ церкви съ Фаустиной Монтеварки, и я при-

думать эту записку, чтобы помѣшать свиданію, и положилъ къ нему на столъ наканунѣ. Я женюсь на доннѣ Флавіи и не хочу, чтобы нищій зуавъ ухаживалъ за моею будущей свояченицей. Такъ какъ вы взяли записку, свиданіе, вѣроятно, состоялось...

Джіованни опустился на стулъ передъ столомъ и закрылъ руками лицо. Сантъ-Джіачинто молчалъ, понявъ, наконецъ, что случилось. Онъ смотрѣлъ на вещи не съ такой возвышенной точки зрѣнія, какъ Джіованни, но по своему былъ очень гуманнѣйшій человѣкъ.

Вернувшись домой, Джіованни прошелъ къ женѣ.

— Ну, что, какъ она себя чувствуетъ? — спросилъ онъ у горничныхъ, ухаживавшихъ за ней.

Тѣ покачали головой, а одна изъ нихъ заплакала. Онѣ любили свою госпожу и отчаявались въ ея выздоровленіи.

Джіованни осторожно вошелъ въ комнату больной. Она лежала неподвижно и съ закрытыми глазами. Дыханіе было чуть замѣтно. Сидѣлка сидѣла возлѣ въ креслахъ и взглянула на Джіованни, когда тотъ вошелъ. Онъ сдѣлалъ ей знакъ уйти, и она вышла.

Джіованни сѣлъ на то кресло, гдѣ сидѣла передъ тѣмъ сидѣлка, и, нагнувшись, тихонько поцѣловалъ руку жены, лежавшую на одѣялѣ.

Корона пошевелилась, медленно открыла глаза и встрѣтила взглядъ мужа.

— Вы поцѣловали мою руку, или это мнѣ приснилось? — слабо спросила она.

Джіованни сталъ на колѣни у постели жены и взялъ ея руку въ свои.

— Корона, Корона, прости меня!

Этотъ вопль вырвался у него изъ сердца и съ такимъ отчаяніемъ, что въ немъ нельзя было ошибиться. Она поняла, что это означаетъ, и что мужъ открылъ свою ошибку.

— Безцѣнная моя, я узналъ всю правду: я знаю, какъ я виноватъ; знаю, что ты выстрадала. Прости меня, если можешь. Я всю жизнь посвящу на то, чтобы заслужить твое прощеніе.

Она повернулась въ нему и долго глядѣла ему въ глаза.

— Я постараюсь простить и забыть, — сказала она. — Тебѣ бы слѣдовало мнѣ повѣрить: я никогда тебѣ не лгала. Я не скоро еще поправлюсь и успѣю все обдумать.

Джіованни всталъ съ колѣнъ, не выпуская руки жены. Что-то говорило ему, что не такая она женщина, чтобы простить или забыть оскорбленіе, да и тонъ ея былъ холоднѣе, нежели онъ

ожидать. ИскуПЛеніе уже началось, и онъ несъ кару за свое недѣвіе.

— Ты забудешь все, Корона; я постараюсь, чтобы ты забыла. Я заглажу свою вину.

— Можешь ли ты это сдѣлать, Джіованни? нѣтъ ли крови на твоихъ рукахъ?

— Нѣтъ, слава Богу. Еслибы не счастливый случай, я бы убилъ его недѣлю тому назадъ. Дуэль была уже рѣшена.

— Ты долженъ сказать ему, что заблуждался.

— Скажу.

— Благодарю; это необходимо.

— Это меньшее, что я могу сдѣлать.

Джіованни чувствовалъ, что слова бесполезны, да еслибы и хотѣлъ еще говорить, то не зналъ бы, что сказать.

Джіованни пошелъ къ отцу. Старикъ казался усталымъ и печальнымъ, но его зоркій глазъ тотчасъ же увидѣлъ переизмѣну въ сынѣ.

— Ты, кажется, гораздо лучше себя чувствуешь?—спросилъ онъ.

— Я былъ введенъ въ заблужденіе. Я ошибся, благодаря самому необычайному стеченію обстоятельствъ.

Глаза Сарачинеска вдругъ сердито засверкали, а сѣдая борода зашевелилась.

— Ты разыгралъ дурака,—заворчалъ онъ,—и довелъ жену до болѣзни глупой ревностью, а теперь ей объ этомъ сообщилъ.

— Да, я ей объ этомъ сообщилъ.

— Ты просто болванъ, Джіованни! Я всегда это зналъ.

— А я только теперь это узналъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, такъ ты очень несообразителенъ. Чего ты стоишь и уставляешь на меня глаза? Неужели ты вообразилъ, что я буду тебѣ сочувствовать? Ступай и проси прощенья у жены! Какъ могъ ты подозрѣвать такую женщину! Ступай!

Джіованни ожидалъ такого обращенія со стороны отца и не могъ на него сердиться. Онъ простился съ нимъ и пошелъ разыскивать Гуаша и узналъ, что онъ уже выступилъ съ отрядомъ изъ Рима. Подъ вечеръ пришло извѣстіе о сраженіи при Ментонѣ. Всѣ уже знали, что непріятель отбитъ, и не сомнѣвались въ окончательномъ исходѣ дѣла. Стали поговаривать объ организаціи помощи раненымъ, и мысль эта понравилась Джіованни. Онъ рѣшился дѣйствовать немедленно, взялъ хирурга и нѣсколько людей съ собой и отправился на поле битвы.

Онъ нашелъ, наконецъ, Гуаша, послѣ долгихъ и утом-

тельныхъ поисковъ. Мѣстность была неровная; въ ней было много изгородей, рововъ, стѣнъ и деревьевъ, такъ что нѣкоторыхъ раненыхъ нашли уже на другой день. Еслибы не Джіованни, и Гуаша, по всей вѣроятности, ожидала бы та же участь, а потому немудрено, что онъ удивился, очнувшись въ каретѣ Сарачинеска и видя, какъ за нимъ ухаживалъ человѣкъ, который всего лишь какую-нибудь недѣлю тому назадъ стремился лишить его жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Рана Гуаша была неопасна, и когда онъ оправился отъ потери крови и крайняго изнеможенія, то не ощутилъ особенной боли въ плечѣ. Джіованни и докторъ заставили его поѣсть и выпить вина въ каретѣ, и задолго до того, какъ они доѣхали до воротъ города, зуавъ могъ уже выслушать объясненія Сантъ-Иларіо. Присутствіе доктора не позволяло, однако, бесѣдѣ быть особенно интимной.

— Я поѣхалъ васъ разыскивать,—говорилъ Джіованни тихимъ голосомъ,—потому что въ ваше отсутствіе все разъяснилось, и я боялся, что вы будете убиты при Ментонѣ, не выслушавъ моихъ извиненій.

Гуашъ глядѣлъ на своего спутника не безъ удивленія. Онъ очень хорошо зналъ, что Сантъ-Иларіо не такой человѣкъ, чтобы извиняться безъ особенно важныхъ причинъ. Но первымъ закономъ въ кодексѣ чести стоитъ, что если противникъ извинится, то это кладетъ конецъ ссорѣ, и Анастасъ сразу увидѣлъ, что Джіованни отложилъ всякую мысль о дуэли.

— Я очень радъ, что все объяснилось,—отвѣчалъ Гуашъ.— Сознаюсь, что былъ крайне удивленъ всѣмъ этимъ дѣломъ.

— Я жалѣю, что вошелъ въ вашу квартиру безъ позволенія,—продолжалъ Джіованни, рѣшившись выдержать искусъ до конца.—Булавка принадлежит моей женѣ, но письмо было написано постороннимъ лицомъ, желавшимъ повліять на вашъ образъ дѣйствія. Я не могу теперь всего вамъ объяснить, но сообщу, что вамъ угодно будетъ узнать, когда мы будемъ одни. Конечно, если вы все еще желаете удовлетворенія, то я къ вашимъ услугамъ.

— Пожалуйста не говорите этого! я нисколько на васъ не въ претензіи.

Гуашъ настаивалъ на томъ, чтобы его отвезли на квартиру, хотя Сантъ-Иларіо предлагалъ ему помѣститься въ палаццо Сарачинеска. Въ четыре часа утра пуля была вынута, и докторъ откланялся, рекомендуя сонъ и спокойствіе своему паціенту. Гуашъ, однако, не захотѣлъ отпустить Джіованни, не выслушавъ конца исторіи.

— Факты довольно просты,—сказалъ послѣдній послѣ нѣкотораго колебанія.—У васъ, кажется, было назначено свиданіе съ одной дамой въ воскресенье утромъ. Одно лицо, которое я не назову вамъ, узнало о вашемъ намѣреніи и рѣшило помѣшать вамъ мнимой запиской отъ этой дамы. Такъ какъ у него не было своей бумаги, то онъ взялъ бумагу моей жены. Онъ же приколотъ записку булавкой, которую вы нашли. Я былъ такъ глупъ, что вошелъ къ вамъ, и увидѣлъ булавку и записку. Остальное вы понимаете.

Гуашъ весело засмѣялся.

— Я понимаю, что вы оказали мнѣ величайшую услугу. Свиданіе мое состоялось; а еслибы я получилъ записку, то не пошелъ бы, и она напрасно прождала бы меня. Вамъ не угодно сообщить мнѣ имя человѣка, который хотѣлъ сыграть со мною такую штуку?

— Извините, если я умолчу объ этомъ. Онъ знаетъ, что планъ его не удался. Но я не могу назвать вамъ его по другимъ причинамъ.

— Какъ вамъ угодно. Я и самъ до него доберусь.

На этомъ свиданіи окончилось, и Джіованни пошелъ домой отдохнуть, уставъ не менѣе самого Гуаша. Онъ дивился тому, какъ все легко уладилось, но былъ радъ такому результату и чувствовалъ, что тяжкое бремя свалилось у него съ плечъ. Онъ спалъ долго и крѣпко и, проснувшись, услышалъ, что Коронѣ гораздо лучше.

Субботнія и воскресныя событія, казалось, устранили многія затрудненія изъ жизни нашихъ героевъ. Корона и Джіованни помирились, хотя обстоятельства, которыя ихъ поссорили, оставили мрачный слѣдъ.

Гуашъ выигралъ сраженіе и получилъ легкую рану, такъ что вскорѣ опять пойдетъ въ палаццо Монтеварки и увидитъ Фаустину, не прибѣгая ни къ какимъ хитростямъ. Сантъ-Джіачинто не удалось произвести желанный ему разрывъ, но его собственныя дѣла были довольно блестящи. Его свадьба съ Флавіей должна была состояться въ концѣ мѣсяца, и приготовленія къ ней дѣлались съ возможной поспѣшностью. Сама Флавія была въ восторгѣ

отъ того значенія, какое она вдругъ приобрѣла въ своей семьѣ, и если она не была положительно влюблена въ Санъ-Джіачинто, то онъ ей настолько нравился, что она съ удовольствіемъ готовилась быть его женой. Одинъ старикъ князь Монтеварки былъ озабоченъ и молчаливъ, но его меланхолическое настроеніе порою смѣнялось минутами торжества, причемъ онъ часто ходилъ въ бібліотеку и, повидимому, находилъ большое удовольствіе въ бесѣдахъ бібліотекаря, Арнольда Мескини.

Будущее каждаго изъ этихъ лицъ представляло элементы невѣрные и гадательные, но они не принимали ихъ въ расчетъ. Когда Корона выздоровѣла, Джіованни понадѣялся, что она не только проститъ, но и забудетъ все то, что онъ заставилъ ее выстрадать. Гуашъ съ своей стороны питалъ самыя розовыя надежды на то, что женится на Фаустинѣ. Монтеварки съ увѣренностью ждалъ успѣха интриги, замышленной имъ противъ Сарачинески. Санъ-Джіачинто и Флавія, правда, были помолвлены, но еще не обвѣнчаны. И исходъ всѣхъ этихъ событій все еще былъ гадателенъ.

Мескини произвелъ поддѣлку документовъ въ три недѣли. Въ этой задачѣ не было ничего труднаго для человѣка, столь искуснаго въ фабрикаціи хирографическихкихъ древностей; но онъ встрѣтился съ особенными затрудненіями въ этомъ частномъ случаѣ, и то, какъ онъ ихъ преодолѣлъ, стоитъ разсказать.

Необходимо было прежде всего удостовѣриться, существуетъ ли копія съ главнаго документа въ канцлерствѣ. Ему не трудно было открыть, что такая копія существуетъ, да онъ къ этому и былъ готовъ. Но когда онъ взялъ въ руки пергаментъ, то лицо его вытянулось. Листъ былъ гораздо меньше, чѣмъ листъ оригинала, такъ что мѣста на первой страницѣ не хватило бы для приписки. Онъ сразу увидѣлъ, что нечего объ этомъ и думать. Кромѣ того, хотя за нимъ и не надзирали въ то время, какъ онъ его читалъ, но онъ тутъ же убѣдился, что немислимо предпринять какую бы то ни было письменную работу въ канцлерствѣ, не привлекая вниманія. Но онъ успѣлъ однако вынуть оригиналъ, принесенный имъ и сравнить его съ копіей. Оба документа были написаны одной и той же рукою, и копія отличалась лишь печатью правительственнаго вѣдомства. Ее хранили, какъ и всѣ подобные документы, въ пыльномъ ящикѣ, на которомъ было надписано число и буква алфавита, подъ которою она была занесена.

Мескини колебался недолго и рѣшилъ подмѣнить копію оригиналомъ. Еслибы архиваріусъ случайно взглянулъ на пергаментъ

и замѣтилъ отсутствіе печати, то Мескини легко было бы объяснить это обстоятельство нечаянной ошибкой: перепутать документы было возможно, такъ какъ они были очень сходны между собой. Но архивариусъ ничего не замѣтилъ, и Мескини съ радостью видѣлъ, какъ тотъ положилъ документъ на прежнее мѣсто, безъ всякаго недоумѣнія. Мескини вернулся домой и принялся за дѣло.

Чѣмъ долѣе разглядывалъ онъ документъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что совсѣмъ невозможно сдѣлать въ немъ приписку. Ничего другого не оставалось, какъ составить цѣлый подложный актъ съ желательной вставкой. Ему это было не понутру, хотя онъ и былъ увѣренъ въ томъ, что сумѣетъ выполнить и эту задачу. Но рискъ все-таки существовалъ, котораго онъ ранѣе не предвидѣлъ; съ другой стороны, и вознагражденіе заманчиво. Онъ употребилъ все свое искусство для поддѣлки документа, и въ десять дней выполнилъ задачу блистательно. Онъ умѣлъ такъ же хорошо изготовлять печати, какъ и всѣ остальные аксессуары своего ремесла, и ему не трудно было сдѣлать кружокъ, который какъ разъ соотвѣтствовалъ печати. Во-первыхъ, онъ тщательно снялъ отпечатокъ посредствомъ хлѣбнаго мякиша. Съ этого отпечатка, помощью гипса, онъ воспроизвелъ печать и ретушировалъ ее крайне осторожно тонкимъ рѣзцомъ, пока не достигъ совершенства. Затѣмъ залилъ ее свинцомъ и сдѣлалъ такимъ образомъ твердый кружокъ, которымъ могъ припечатать сургучъ, не боясь сломать. Послѣ того вновь ретушировалъ свинецъ гравировальнымъ рѣзцомъ и въ концѣ концовъ воспроизвелъ абсолютно вѣрную копію съ печати канцлерства. Послѣ неоднократныхъ и удачныхъ опытовъ съ печатью онъ принялся, наконецъ, за поддѣлку самого документа — дѣло кропотливое и требовавшее большого искусства и терпѣнія. Ничто не было упущено, чтобы поддѣлка была безусловно совершенна. Пергаментъ отъ его удивительныхъ манипуляцій пріобрѣлъ какъ разъ тотъ цвѣтъ, какой было нужно. Мельчайшая неровность была скопирована съ безупречною точностью, и затѣмъ послѣ продолжительнаго тренія, и съ помощью пыли, снятой съ книгъ, стоявшихъ въ библіотекѣ, документу приданъ былъ стародавній видъ, какой требовался. Когда Мескини кончилъ, онъ показалъ свое произведеніе старику Монтеварки, но по врожденному лукавству не сказалъ, что поддѣлалъ весь документъ, а только указалъ на дополнительную статью. Князь нашелъ, что поддѣлка — верхъ совершенства, и Мескини ликовалъ.

Снова вернулся онъ въ канцлерство и замѣнилъ поддѣльной копіей оригиналъ, который унесъ обратно, чтобы вставить въ него

тотъ же несуществовавшій параграфъ. Трудность была невелика, и однако онъ долго колебался, не поддѣлать ли ему весь документъ, какъ онъ сдѣлалъ съ его копией. Стоило только сдѣлать одинъ невѣрный штрихъ перомъ, стоило какъ-нибудь капнуть чернилами, и все дѣло испорчено и документъ покажется подозрительнымъ, тогда какъ если его постигнетъ неудача съ новымъ пергаментомъ, то онъ всегда можетъ замѣнить его другимъ. Но существовала одна опасность. Сарачинеска могъ сдѣлать какой-нибудь знакъ на оригиналѣ, котораго онъ не разглядитъ, пожалуй, въ микроскопъ. Мескини провелъ цѣлый день, рассматривая документъ въ увеличительное стекло, но ничего не открылъ. Тогда, успокоившись, онъ поддѣлалъ весь документъ съ такою же тщательностью, какъ и его копию, и показалъ своему принципалу. Послѣдній не вѣрилъ глазамъ и никакъ не воображалъ, что оба оригинала цѣлы и неприкосновенны и старательно припрятаны въ комнатѣ Мескини. Князь взялъ документъ и долго изучалъ его содержаніе прежде, нежели снести обратно старику Сарачинеска.

Минута быча рѣшительная. Онъ не зналъ, снести ли ему документъ самому, или послать съ кѣмъ-нибудь. Еслибы онъ былъ увѣренъ, что не выдастъ себя, то пошелъ бы самъ, но онъ зналъ, что если Сарачинеска станетъ читать документъ при немъ, онъ врядъ ли сумѣетъ справиться съ своими нервами и не взволноваться. Вся его надежда была въ томъ, что князь не обратитъ вниманія и спрячетъ документъ, не заглядывая въ него.

Монтеварки долго раздумывалъ о томъ, что ему теперь дѣлать, причемъ глаза его то сверкали торжествомъ, то становились тусклыми и стеклянными отъ страха, при мысли, что его преступленіе будетъ открыто, и онъ нервно ломалъ пальцы. Возможно, что еслибы онъ зналъ всю правду, а именно, что весь документъ поддѣланъ, а не одна только приписка, то онъ и отступился бы. Хотя несомнѣнно и то, что, отступившись, онъ не замедлилъ бы въ этомъ раскаяться. Алчность и сребролюбіе—сильнѣйшіе изъ мотивовъ къ преступленію, а въ настоящемъ случаѣ ставка была громадная. Онъ не могъ упустить такого случая. Онъ радовался, что дѣло сдѣлано, и милліоны Сарачинески перейдутъ въ его руки.

Сомнительно однако, чтобы у него было ясное представленіе о томъ, что воспослѣдуетъ послѣ того, какъ тяжба будетъ окончена и помѣстья Сарачинески перейдутъ къ его зятю. Быть можетъ, для его честолюбія достаточно было уже и того, что его дочь будетъ княгиней Сарачинеска, хотя онъ не сомнѣвался, что приберетъ часть ея состоянія къ рукамъ. Санъ-Джіакинто, неповинный въ

этомъ дѣлѣ, будетъ, казалось ему, очень благодаренъ за то, что онъ откроетъ ему, кто онъ такой, и докажетъ свою благодарность на дѣлѣ.

Борьба Монтеварки съ соблазномъ была такъ незначительна и коротка, что, въ сущности, о ней не стоило бы и упоминать, еслибы она не подтверждала того факта, что нѣтъ вообще человѣка, который бы не колебался передъ совершеніемъ преступленія. Эти минутныя колебанія предотвращали миллионъ иногда страшныхъ злодѣяній и приводили къ раскрытію тысячи заговоровъ, успѣхъ которыхъ, казалось, вполне обезпеченъ. Поразительно, когда подумаешь, какое вліяніе на судьбы человѣческой расы имѣлъ интенсивный страхъ переступить узкую грань, отдѣляющую добро отъ зла. Время, которое идетъ на такое размышленіе, бываетъ часто безконечно мало. Его называютъ психологическимъ моментомъ, и если подъ этимъ опредѣленіемъ разумѣютъ тотъ моментъ, когда просыпается совѣсть, то опредѣленіе вѣрно. Въ этотъ моментъ естественное въ насъ отвращеніе къ злу заявляетъ о себѣ; въ этотъ моментъ послѣдствія того, что мы готовы совершить, встаютъ передъ нами ясно, какъ въ зеркалѣ; въ этотъ моментъ въ насъ просыпается мужество на доброе дѣло или же окончательно покидаетъ насъ, и тогда мы становимся простыми орудіями для совершенія зла. Еслибы въ человѣкѣ не было элемента добра отъ природы, онъ такъ же не зналъ бы колебанія передъ совершеніемъ преступленія, какъ не знаетъ его дикій звѣрь, истребляющій болѣе слабое существо.

Быть можетъ, нѣтъ болѣе яснаго доказательства существованія бессмертной души у человѣка, какъ врожденное въ немъ отвращеніе къ такимъ дѣяніямъ, какія низшія животныя совершаютъ вполне естественно. Обстоятельства, воспитаніе, житейскія встрѣчи—все клонится къ тому, чтобы сдѣлать психологическій моментъ короче или длиннѣе. Бездѣятельность совѣсти, во время которой умъ находится въ нерѣшительности относительно того, какъ ему поступить, можетъ длиться недѣлю или секунду, годъ или четверть часа—но это такая стадія, черезъ которую всѣ должны пройти: какъ преступникъ по профессіи, такъ и честный человѣкъ, который хоть разъ въ жизни подвергся соблазну совершить преступленіе.

Старикъ Лотаріо Монтеварки никогда еще не преступалъ кодекса уголовныхъ законовъ; но ему случалось совершать изъ алчности такія дѣла, которыя только потому не были подведены подъ разрядъ преступленій, что законъ не предвидѣлъ злокозненности его хитраго ума. Даже и теперь онъ увѣрилъ себя,

что цѣль его благая, а потому и средства могутъ быть оправданы. Онъ имѣлъ тотъ даръ обманывать себя, который характеризуетъ настоящаго лицемеръ, безъ труда сочинилъ симпатію къ Сантъ-Джіачинто, которая, съ его точки зрѣнія, была и истинная, и нравственная. Онъ съ самодовольствомъ размышлялъ о вѣроятныхъ чувствахъ старика Леоне Сарачинеска, когда, послѣ отказа отъ правъ первородства, онъ вдругъ женился и сталъ отцомъ. Какъ онъ долженъ былъ проклинать свое безуміе и придумывать, какими бы путями исправить его! Простая справедливость требовала исправленія причиненнаго Сантъ-Джіачинто зла, простая справедливость! А то, что онъ женится на Флавіи Монтеварки, это уже чистая случайность.

Документы были возвращены князю Сарачинеска съ вѣжливой запиской.

Князь не прочиталъ, какъ хотѣлъ, документовъ, благодаря ссорѣ между Джіованни и Короной, заставившей его забыть о своемъ намѣреніи. Онъ не заглядывалъ въ нихъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ молодымъ человекомъ, и смутно помнилъ объ ихъ содержаніи. Такъ какъ онъ предполагалъ, что боковая вѣтвь фамиліи угасла, то весьма естественно, что его не занимали старинные документы, которые онъ считалъ составленными по всѣмъ правиламъ и исполнѣнными законными.

Вернувшись домой подъ вечеръ, онъ нашелъ запечатанный пакетъ на столѣ и, вскрывъ его, собирался положить бумаги на ихъ обычное мѣсто въ архивъ. Но такъ какъ ему нужно было написать письмо, то онъ пока отложилъ документы въ сторону. Тѣмъ временемъ Джіованни вошелъ въ комнату.

Какъ мы видѣли, князь былъ очень сердитъ на сына за то, что онъ позволилъ себѣ сомнѣваться въ Коронѣ, и хотя нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣло разъяснилось, гнѣвъ старика все еще не улегся. Онъ все еще чувствовалъ сильнѣйшее раздраженіе противъ Джіованни, и между ними еще не восстановились прежнія дружескія отношенія. Въ ту минуту, какъ Сантъ-Иларіо вошелъ, Сарачинеска взглянулъ на него съ такимъ видомъ, который показывалъ ясно, что приходъ его нежелателенъ.

— Я вамъ мѣшаю?—спросилъ Джіованни, замѣтивъ взглядъ.

— Тебѣ что-нибудь нужно?

— Нѣтъ... ничего особеннаго.

Глаза Сарачинески остановились на грудѣ документовъ, лежавшихъ на столѣ. Онъ подумалъ, что Джіованни могъ бы просмотрѣть ихъ, пока самъ онъ докончитъ начатое письмо.

— Вотъ документы, касающіеся Сантъ-Джіачинто, — сказалъ

онъ:—просмотри ихъ, прежде чѣмъ я ихъ уберу. Монтеварки брали ихъ на нѣсколько дней и только-что прислалъ обратно.

Джіованни взялъ пакетъ и усѣлся покойно въ кресло около небольшого столика, гдѣ свѣтъ отъ лампы падалъ на страницы, по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ поворачивалъ. Онъ не говорилъ ни слова, но быстро просматривалъ документы, одинъ за другимъ, совершенно машинально, почти не вникая въ смыслъ словъ. Онъ былъ занятъ мыслью о Коронѣ и о томъ, что случилось въ послѣднее время, такъ что вниманіе его было отвлечено. Перо князя царапало бумагу и скрипѣло, а это раздражало Джіованни: старикъ писалъ неповоротливой, нервной рукой и двадцать разъ въ теченіе пяти минутъ раздражался, проклиная чернила, бумагу и перо и высказывая желаніе, чтобы ему было такъ же легко писать, какъ лавочнику или клерку.

Вниманіе Джіованни привлечено было документомъ о передачѣ права первородства, и онъ тщательнѣе, чѣмъ другіе документы, сталъ просматривать его. Онъ хорошо понималъ по-латыни, но старинный почеркъ порою сбивалъ его съ толку. Онъ прочиталъ послѣднія слова на первой страницѣ, сначала не вникая въ ихъ смыслъ.

... „Eo tamen pacto, quod si praedicto Domino Leoni ea legitimo matrimonio heres nasceretur, instrumentum hoc nullum, vanum atque plane invalidum fiat“.

Джіованни улыбнулся надъ неуклюжими юридическими оборотами латинской рѣчи и перечиталъ параграфъ. Лицо его стало серьезно, когда онъ понялъ роковое значеніе этихъ словъ. Снова и снова перечиталъ онъ ихъ, стараясь уяснить себѣ, не скрывается ли въ нихъ какой-нибудь иной смыслъ, кромѣ того, который былъ такъ неприятно ясенъ. Никакого другого смысла они, однако, не могли имѣть, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Джіованни сидѣлъ, уставясь въ огонь, оглушенный и почти уstraшеный своимъ открытіемъ.

— Читали вы эти документы?—спросилъ онъ, наконецъ, голосомъ, отъ котораго отецъ выронилъ изъ рукъ перо и взглянулъ на него.

— Читалъ, но только тридцать лѣтъ тому назадъ.

— Ну, такъ перечтите ихъ снова. Санъ-Джіакинто—князь Сарачинеска, а вы и я—никто.

Сарачинеска крѣпко выбранился и вскопчилъ съ мѣста.

— Чтѣ ты хочешь сказать?—спросилъ онъ, схвативъ одной рукой сына за руку, а другою хватаясь за документъ.

— Прочтите сами. Вотъ тутъ... въ концѣ страницы, начиная

со словъ: „eo tamen pacto“... Кажется, ясно? Тутъ говорится: „въ случаѣ рожденія наслѣдника у вышеупомянутаго дона Леоне въ законномъ бракѣ, настоящій документъ недействителенъ и лишенъ всякаго законнаго значенія“. Наслѣдникъ родился, и Санъ-Джіачинто—внукъ этого наслѣдника. Вы можете разорвать этотъ документъ. Онъ не стоитъ того пергамента, на которомъ написанъ, да и мы также.

— Ты съума сошелъ, Джіованнино! — воскликнулъ князь хрипло:—не можетъ быть, чтобы эти слова означали то, что ты говоришь. Ты позабылъ латынь.

— Я принесу лексиконъ... или позову юриста, если вы это предпочитаете.

— Ты шутишь, дружокъ. Гляди, вотъ тутъ сказано: „eo tamen pacto“, что значитъ— „по этому соглашенію“... развѣ нѣтъ? Я не такой невѣжда, какъ ты думаешь.

— Конечно, это значитъ „по этому соглашенію“. Но читайте дальше. *Quod si*—въ случаѣ если,—*praedicto Domino Leoni*—у вышеупомянутаго дона Леоне,—*ex legitimo matrimonio*—отъ законнаго брака,—*heres nasceretur*—родится наслѣдникъ,—*hoc instrumentum*—сей документъ будетъ недействительнымъ, безсильнымъ, незаконнымъ. Другого смысла вы изъ этого не изымаете. Я читалъ и перечитывалъ добрыхъ четверть часа. Мы съ вами нищіе. Сарачинеска, Тормоне, Барда и все остальное принадлежитъ Санъ-Джіачинто, прямому потомку старшаго брата вашего прадѣда. Вы просто-на-просто донъ-Леоне, а я донъ-Джіованни. Вотъ прямой смыслъ этихъ словъ.

— Великій Боже!—закричалъ въ ужасѣ старикъ.—Если ты правъ...

— Я правъ,—отвѣчалъ Джіованни, блѣдный какъ полотно.

Съ дикимъ взоромъ и дрожащими руками князь разложилъ документъ на столѣ и снова прочиталъ его. Онъ перевернулъ страницу и дочиталъ до конца, въ своемъ волненіи припомнивъ всю латынь, какую когда-либо зналъ, и переводя вслухъ каждое слово.

— Мы даже не зовемся Санъ-Джіачинто и не носимъ никакого титула!—съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ. Онъ упалъ обратно въ кресло, сраженный жестокимъ ударомъ, разразившимся надъ нимъ столъ неожиданно и въ такія уже преклонныя лѣта.

— Мы даже не Санъ-Джіачинто,—повторилъ туно Джіованни.

Присутствіе духа оставило его, и онъ сѣлъ, закрывъ лицо руками. Какъ во снѣ видѣлъ онъ, какъ его кузень усядется на томъ самомъ креслѣ, на которомъ теперь сидѣлъ его отецъ,

хозяиномъ дома, въ которомъ родился Джіованни, хозяиномъ крѣпостей и замковъ, красивыхъ виллъ и обширныхъ помѣстій, дворцовъ и милліоновъ, которыхъ Джіованни считалъ себя наслѣдникомъ, главой рода и владѣльцемъ многочисленныхъ титуловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и того уваженія, какое выпадаетъ на долю великихъ міра сего.

Долгое время никто не говорилъ, такъ какъ оба были удручены громадною несчастія, разразившагося надъ ихъ головой. Они украдкой взглянули другъ на друга и увидѣли, что оба блѣдны какъ полотно. Старикъ первый прервалъ молчаніе.

— Во всякомъ случаѣ Санъ-Джіачинто не знаетъ содержанія документа, — сказалъ онъ.

— Тѣмъ тяжелѣе будетъ ему о немъ сообщить, — отвѣчалъ Джіованни.

— Сообщить? неужели ты такъ безуменъ...

— Неужели вы считаете, что было бы честно съ нашей стороны удерживать въ своихъ рукахъ то, что ему принадлежитъ? Я этого не хочу.

— Мы владѣемъ слишкомъ сто лѣтъ...

— Это не причина продолжать красть чужія деньги. Мы честные люди. Будемъ же дѣйствовать какъ честные люди. Это горько. Это ужасно. Но у насъ нѣтъ выбора. Въ сущности, у Короны есть дворецъ и помѣстье Астрарденте. Она дастъ вамъ приютъ. Она богата.

— Мнѣ? Почему ты говоришь про меня? Намъ обоимъ, полагаю, будетъ мѣсто.

— Я буду работать изъ-за куска хлѣба. Я молодъ. Я не хочу жить на счетъ жены.

— Вотъ нелѣпость! — вскричалъ князь. — Вотъ донъ-кихотство! У Санъ-Джіачинто довольно и своихъ денегъ; незачѣмъ ему разорять насъ. Даже если онъ узнаетъ о содержаніи документа, я буду бороться до конца. Я здѣсь хозяинъ, какъ до меня хозяевами были мой отецъ и дѣдъ, и я не откажусь отъ своихъ правъ безъ борьбы. Кромѣ того, гдѣ доказательство того, что онъ дѣйствительно то самое лицо, за какое себя выдаетъ? Что онъ дѣйствительно потомокъ того самаго Леоне?

— Что касается этого, то онъ, конечно, долженъ будетъ самымъ положительнымъ образомъ доказать передъ закономъ, что онъ дѣйствительно то лицо, за какое себя выдаетъ. Я все возвращу законному наслѣднику, но, конечно, не стану нищимъ въ угоду авантюристу. Я говорю только, что если Санъ-Джіачинто — представитель старшей отрасли нашего дома, то мы не имѣемъ

права жить въ этомъ домѣ. Еслибы я былъ въ этомъ увѣренъ, то не согласился бы провести еще одну ночь подъ его кровлей.

Старикъ не могъ сдержатъ своего восхищенія. Готовность Джіованни отказаться отъ всего ради справедливости была такъ благородна и великодушна, что заставила его старческое сердце забиться странной гордостью. Если онъ хотѣлъ настаивать на своихъ правахъ, то только ради Джіованни, Короны и маленькаго Орсино. Самъ онъ былъ старикъ и уже прожилъ болшую часть своей жизни.

— У тебя характеръ матери, Джіованнино, — просто сказалъ онъ, но въ глазахъ его стояли слезы, которыя не легко было вызвать.

— Тутъ не въ характерѣ дѣло, — отвѣчалъ Джіованни. — Мы не можемъ удерживать то, что намъ не принадлежитъ.

— Мы предоставимъ рѣшеніе этого вопроса закону. Но понимаешь ли ты всѣ послѣдствія этого дѣла и въ какомъ положеніи мы очутимся передъ обществомъ, если насъ объявятъ вдругъ нищими? Мы будемъ рѣшительно безъ всякихъ средствъ. У насъ не будетъ ни пяди земли, ни гроша денегъ, благодаря этому проклятому условію.

— Постойте! — воскликнулъ Джіованни, вдругъ припомнивъ, что у него есть собственность, о которой онъ совсѣмъ было позабылъ, и пришелъ въ волненіе отъ неожиданнаго открытія. — Мы не будемъ совсѣмъ безъ средствъ. Вѣдь изъ этого документа вовсе не вытекаетъ, чтобы мы обязаны были отдать Санъ-Джіачинто то имущество, какое мы приобрѣли путемъ матримоніальныхъ союзовъ, со временъ вашего прадѣда и по сіе время. Оно должно быть весьма значительно. Начать съ меня; мое состояніе досталось мнѣ отъ матери. Затѣмъ состояніе вашей матери и матери вашего отца, и такъ далѣе. Санъ-Джіачинто не имѣетъ ровно никакихъ правъ на какое бы то ни было имущество, которое не принадлежало старику Леоне, когда онъ составилъ этотъ документъ.

— Правда, — отвѣчалъ князь, успокаиваясь. — Дѣло не такъ худо, какъ показалось на первый взглядъ. Ты правъ относительно этого пункта. Лишь бы только судъ не призналъ, что Санъ-Джіачинто имѣетъ право на вознагражденіе и проценты за то, что четыре поколѣнія удерживали его собственность.

Оба снова насупились. Предположеніе было непріятное. Такіе приговоры бывали прежде и могли повториться.

— Лучше всего послать за нашимъ повѣреннымъ, — сказалъ князь, наконецъ. — Чѣмъ скорѣе мы узнаемъ значеніе этого доку-

мента, тѣмъ лучше для насъ. Я не въ силахъ долѣе оставаться въ нерѣшительности и неизвѣстности. Подумать только, что кресло, на которомъ я сижу, принадлежитъ Сантъ-Джіачинто. Мнѣ никогда этотъ человѣкъ не нравился, съ того самаго дня, какъ я нашелъ его въ трактирѣ въ Аквилѣ.

— Онъ ни въ чемъ не виноватъ, — замѣтилъ спокойно Джіованни. — Дѣло очень просто. Мы не знали содержанія этихъ бумагъ. Даже еслибы и знали, то не придавали бы имъ никакого значенія, пока не отыскался нашъ кузень. Въ концѣ концовъ, съ голоду мы не умремъ, а что значить титулъ? Папа дастъ вамъ другой, когда узнаетъ о томъ, что случилось. А мнѣ все равно — быть просто Джіованни или княземъ ди Сантъ-Иларіо.

— Если такъ, то ты можешь называться Астрарденте.

— Нѣтъ, этого я не хочу, — отвѣчалъ Джіованни съ тѣмъ-то похожимъ какъ бы на смѣхъ. — Но мнѣ надо сообщить Коронѣ эту новость.

— Подожди, пока она совсѣмъ поправится, а то ты ее разстроишь.

— Вы не знаете ее!

И на этотъ разъ Джіованни прямо разсмѣялся. — Если вы думаете, что она придаетъ важное значеніе этимъ вещамъ, то очень ошибаетесь въ ея характерѣ. Она перенесетъ это бѣдствіе лучше, чѣмъ кто изъ насъ. Успокойтесь, радге mio! Дѣло не такъ плохо, какъ показалось на первый взглядъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ, надѣюсь, что нѣтъ. Иди къ женѣ и дѣлай, какъ знаешь. Мнѣ лучше побыть одному.

Джіованни вышелъ изъ комнаты, и Сарачинеска остался одинъ. Онъ усялся въ кресло и сложилъ смуглыя руки на столѣ передъ собой. Несмотря на все, что говорилъ Джіованни, старикъ вполнѣ ощущалъ весь ужасъ положенія. Только тѣ, которые воспитывались въ роскоши и съ дѣтства привыкли къ богатству и знатности, поймутъ, что онъ чувствовалъ.

Онъ не былъ ни скупъ, ни тщеславенъ. Онъ не моталъ денегъ, хотя по-княжески проживалъ княжескіе доходы. Онъ не питалъ того мелочного пристрастія къ величію, которое, странно сказать, часто встрѣчается между знатью. Но его положеніе, такъ сказать, срослось съ нимъ, и онъ не могъ представить себя простымъ донъ-Леоне Сарачинеска, какъ не могъ представить, что онъ вдругъ сталъ бы хвастаться своими старинными титулами. И однако было вполнѣ очевидно, что ему придется перестать быть княземъ или же принять новый титулъ, какъ милость отъ

своего государя-папы. Что касается состоянія, то слишкомъ также очевидно, что главная часть никогда ему не принадлежала.

Для человѣка его темперамента—сознавать себя самозванцемъ было нестерпимымъ ощущеніемъ. Его первымъ движеніемъ было начать борьбу, и еслибы атака пришла со стороны Санъ-Джіачинто, то онъ, вѣроятно, такъ бы и сдѣлалъ. Но его родной сынъ открылъ истину и представилъ ему дѣло въ такомъ свѣтѣ, что теперь честь его была задѣта. Ему ничего больше не оставалось, какъ покориться. Онъ не могъ позволить сыну превзойти себя въ честности, какъ не могъ сознательно поступать несправедливо. Онъ принадлежалъ къ расѣ людей, часто совершавшихъ большія преступленія и жестокия злодѣянія, занесенныя въ исторію, изъ личнаго честолюбія, любви къ женщинамъ или ненависти къ мужчинамъ, но которыми никогда не случалось присвоивать чужія деньги или терять честь ради денегъ. Какъ скоро онъ убѣдится, что все принадлежитъ Санъ-Джіачинто, онъ все уступитъ послѣднему.

Оставалось рѣшить одно сомнѣніе. Нельзя было съ полной увѣренностью пока сказать, что Санъ-Джіачинто какъ разъ тотъ самый человѣкъ, за котораго себя выдаетъ. Вполнѣ возможно, что онъ добылъ бумаги, находящіяся въ его рукахъ, какими-нибудь ему одному извѣстными средствами; такіе документы часто продаются, какъ историческая рѣдкость; а такъ какъ послѣдній изъ старшей отрасли дома, о которомъ сохранилась память въ Римѣ, умеръ въ неизвѣстности, то понятно, что бывшій трактирщикъ могъ найти или купить документы, посредствомъ которыхъ принялъ на себя титулъ маркиза ди Санъ-Джіачинто. Сарачинеска не предполагала, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь понятіе о документѣ, развѣ только видѣлъ его въ рукахъ Монтевареи, а въ послѣднемъ случаѣ нельзя будетъ укорить его за то, что онъ начнетъ тяжбу для возвращенія такого громаднаго состоянія.

II.

Джіованни былъ вполнѣ правъ, когда предсказывалъ, какъ отнесется Корона къ событію.

Онъ напелъ ее въ будуарѣ на кушеткѣ у огня, какъ и въ тотъ роковой вечеръ, три недѣли тому назадъ.

Онъ сѣлъ около нея и взялъ ея руку въ свою.

Она все еще не вполнѣ оправилась, но красота вернулась къ ней и какъ будто стала еще тоньше отъ перенесенныхъ стра-

даній. Въ короткихъ словахъ сообщилъ онъ ей всю исторію, и она выслушала ее, не выказывая особеннаго удивленія. Разъ или два въ то время, какъ онъ говорилъ, темные глаза ея искали его взгляда съ выраженіемъ для него непонятнымъ, но, по крайней мѣрѣ, добрымъ и сочувственнымъ.

— Вѣрны ли эти факты?—спросила она, когда онъ кончилъ.— Дѣйствительно ли Санъ-Джіачинто тотъ, за кого себя выдаетъ? Не знаю почему, но я всегда ему не довѣрала, съ той самой минуты, какъ онъ появился у насъ.

— Это единственный пунктъ, который остается выяснить. Если онъ не тотъ человѣкъ, то не рѣшится начать дѣло противъ насъ, изъ боязни потерять и то, что теперь имѣетъ.

— Что вы намѣрены дѣлать.

— Самъ еще не знаю хорошенько. Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ кузенъ, то мы должны уступить ему все безъ спору. Мы—самозванцы, или немногимъ лучше. Мнѣ кажется, я долженъ сообщить ему о содержаніи документа, чтобы онъ рѣшилъ: въ силахъ онъ или нѣтъ доказать свою личность.

— Развѣ ты думаешь, что онъ еще не знаетъ содержанія документа?

— Вѣроятно, нѣтъ; иначе самъ бы заговорилъ.

— Бумаги вернулись отъ Монтеварки сегодня. Нелѣпо предполагать, чтобы старикъ не сообщилъ своему будущему зятю о ихъ содержаніи. Да?.. ты согласишься? Значитъ, Санъ-Джіачинто знаетъ. Поэтому, если онъ тотъ, за кого себя выдаетъ, то скоро дастъ знать о своихъ намѣреніяхъ. Мнѣ кажется, отъ волненія вы съ отцомъ объ этомъ позабыли. Если онъ ничего не говорить, значитъ, не можетъ доказать своихъ правъ.

— Совершенно вѣрно, я объ этомъ не подумалъ. Тѣмъ не менѣе я бы желалъ его опередить. Я желаю, чтобы онъ зналъ, что мы не окажемъ никакого сопротивленія. Это вопросъ чести.

— Котораго женщина не можетъ понять, разумѣется,—прибавила Корона спокойно.

— Я этого не говорилъ. Я этого не думаю.

— Хорошо; въ такомъ случаѣ хочешь выслушать мой совѣтъ?

— Всегда и неизмѣнно.

Слова эти были сказаны не только съ полнымъ довѣріемъ, но и сопровождались взглядомъ, говорившимъ о сильномъ чувствѣ. Но выраженіе лица Короны не измѣнилось. Глаза ея глядѣли на мужа спокойно, безъ аффектаціи, безъ злобы, но и безъ любви. Джіованни почувствовалъ острую боль въ сердцѣ, увидя, какъ перемѣнилась къ нему жена.

— Мой совѣтъ ничего не предпринимать въ этомъ дѣлѣ. Санъ-Джіачинто можетъ быть обманщикомъ, какъ оно довольно вѣроятно. Если онъ обманщикъ, то воспользуется твоимъ великодушіемъ. Ты его предупредишь, и онъ успѣетъ сообщить нужныя доказательства. Чтѣ ты можешь ему сказать? „Если вы докажете свое рожденіе, я отдамъ вамъ все, чтѣ имѣю“. Онъ сразу увидитъ, что ничего иного не требуется, и если онъ мошенникъ, то сумѣетъ доказать тѣ, чтѣ ему выгодно. Кромѣ того, какъ я уже сказала, онъ знаетъ о содержаніи довѣренности такъ же хорошо, какъ и ты, и если не самозванецъ, то уже на этой недѣлѣ начнетъ искъ противъ твоего отца. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то на вашей сторонѣ будетъ то преимущество, что вы узнаете, что онъ обманщикъ, не подвергаясь опасности быть ограбленными.

— Такой образъ дѣйствія не въ моемъ характерѣ,—замѣтилъ Джіованни:—но вообще я думаю, что ты права.

— Дѣлай, какъ знаешь. Я не властна заставить тебя послѣдовать моему совѣту.

— Не властна? Ахъ, Корона, не говори этого!

Послѣдовало краткое молчаніе, въ продолженіе котораго Корона спокойно глядѣла въ огонь, а Джіованни смотрѣлъ въ ея смуглое лицо и пытался догадаться, о чемъ она думаетъ. Но она не высказывала своихъ мыслей, и онъ не могъ о нихъ догадаться. Всего больше задѣвало его равнодушіе ея, и ему страстно хотѣлось бы догадаться по какому-нибудь признаку, что оно напускное.

— Мнѣ пріятно поступить такъ, какъ ты находишь наилучшимъ,—проговорилъ онъ, наконецъ.

Она взглянула на него и опять уставилась въ огонь.

— Я уже высказала свое мнѣніе,—отвѣтила она.—Теперь тебѣ предстоитъ рѣшить и выбрать тотъ или другой путь. Дѣло касается тебя гораздо ближе, чѣмъ меня.

— Развѣ это не одно и то же?

— Нѣтъ. Если ты лишишься титуловъ и помѣстій фамиліи Сарачинески, то мы все же будемъ богаты. У тебя есть свое состояніе, у меня—мое. Имя же, въ сущности, такой вопросъ, который касается тебя лично. Я бы такъ же охотно вышла за тебя замужъ, еслибы тебя звали какъ-нибудь иначе.

Намекъ на прошлое заставилъ забиться сердце Джіованни, и краска появилась у него на лицѣ. Вѣдь она какъ будто сказала ему только другими словами, что, все равно, любила бы его, еслибы онъ носилъ другую фамилію. Но ея спокойствіе противорѣчило послѣдшему заключенію, которое онъ сдѣлалъ изъ ея словъ.

Она была похожа теперь на статую, лежа въ великолѣпной позѣ со сложенными на груди руками и опущенными глазами.

— Личное дѣло!—вдругъ вскричалъ онъ горькимъ тономъ.— Когда-то было иначе, Корона!

Впервые съ самаго начала разговора лицо ея слабо ожилося. Губы слегка задрожали, когда она отвѣчала:

— Твои титулы всегда были только личнымъ твоимъ дѣломъ.

— Все, что касается меня, касается также и тебя, милая,— сказалъ Джіованни нѣжно.

— Настолько, что мнѣ очень больно, искренно больно, когда у тебя непріятности.

Голосъ ея былъ ласковый и добрый, но любви не было въ ея словахъ.

— Повѣрь мнѣ, Джіованни, что я все бы отдала, что имѣю, чтобы спасти тебя отъ этого.

— Все, что имѣешь... а любви развѣ больше нѣтъ въ тебѣ?

Крикъ вырвался изъ души. Онъ взялъ ея руку въ обѣ свои и наклонился къ ней. Ея пальцы пассивно лежали въ его рукѣ и румянецъ не показался на смуглыхъ щекахъ. Одно мгновеніе тому назадъ въ ея сердцѣ проснулось страстное сожалѣніе о прошломъ, но когда онъ заговорилъ о настоящей своей любви, слова его не нашли въ ней отклика. И однако ей не хотѣлось рѣзко отвѣтить ему, потому что онъ, очевидно, былъ въ отчаяніи. А потому она ничего не говорила и оставила свою руку въ его рукѣ.

Его любовь, ни на іоту не ослабѣвшая даже въ ту пору, когда онъ усомнился въ ея вѣрности, принимала новые размѣры, о которыхъ онъ никогда не грезилъ. Онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, который борется со смертію въ какой-нибудь видимой и осязаемой формѣ.

— Неужели все кончено? неужели ты никогда больше меня не полюбишь?—хрипло спросилъ онъ.

Отвернувъ лицо, она молчала, но рука по прежнему безжизненно лежала въ его рукѣ. Она знала, какъ онъ страдалъ, и однако не хотѣла успокоить его обманчивой надеждой, которой онъ такъ страстно добивался.

— Ради Бога, Корона! Неужели ты больше меня совсѣмъ не любишь? неужели никогда не простишь мнѣ?

— Ахъ, милый, давно простила и отъ всей души... У меня нѣтъ больше ни капли злобы на тебя.

Она повернулась и положила свободную руку ему на плечо, глядя ему въ лицо почти съ умоляющимъ выраженіемъ.

— Не думай объ этомъ! О! это не оттого. Я бы снова и тысячу разъ простила тебя...

— И любишь меня?—закричалъ онъ, обнимая ее за шею и страстно цѣлуя.

Но вдругъ онъ отодвинулся, потому что на его ласки не было отвѣта. Онъ страшно поблѣднѣлъ, замѣтивъ ея взглядъ: въ глазахъ стояли слезы, но любви въ нихъ не было, а только сожалѣніе къ тому, что онъ испытывалъ.

— Я не могу этого сказать!—отвѣчала она, наконецъ.—О, ради всего, что было, не заставляй меня это говорить!

Въ волненіи Джіованни спустился съ низенькаго стула и сталъ на колѣни передъ женой, все еще обнимая ее одною рукой. Ударъ отъ разочарованія какъ разъ въ ту самую минуту, какъ онъ понадеялся, что она сдалась, былъ почти невыносимъ. Еслибы сердце ея не очерствѣло, то одинъ видъ его страдальческаго лица смягчилъ бы ее. Но она была тронута и отъ души сожалѣла его. Но и только.

— Джіованни, не гляди на меня такъ! Если бы я могла! если бы я могла!...

— Что ты, каменная?—спросилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Развѣ это въ моей власти!—въ отчаяніи вскричала она, опускаясь на подушку, закрывъ лицо руками.

— Ты не будешь сегодня обѣдать съ нами?—спросилъ онъ вдругъ, послѣ долгаго молчанія.

— Нѣтъ, не думаю. Дай мнѣ еще отдохнуть денекъ! Я буду сильнѣе завтра.

— Я тебя утомилъ?—вскричалъ Джіованни съ раскаяніемъ въ голосъ.

Корона не отвѣчала, но съ кроткой улыбкой протянула ему руку.

— Покойной ночи, милый!—сказала она.

Чуть замѣтное выраженіе боли пробѣжало по лицу Джіованни въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея пальцы.

Послѣ того онъ вышелъ изъ комнаты, не промолвивъ больше ни слова.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ доволенъ, что заставилъ Корону высказаться. У него больше не осталось нивакихъ иллюзій; онъ узналъ худшее и понималъ, что для того, чтобы жена снова полюбила его, ему слѣдуетъ снова за нею ухаживать и заслужить ея любовь.

III.

Санъ-Джіачинто и Флавія были обѣнчаны въ субботу, 30-го ноября, и такимъ образомъ избѣжали необходимости уплатить пеню за то, что соединились бракомъ во время поста, къ великому удовольствію князя Монтеварки. Свадьба была блестящая, и если гостепріимство старика-князя всегда позволяло желать лучшаго, то пышность ливрей, экипажей и фамильнаго серебра была вполне достойна такого важнаго событія. Всѣ были приглашены и почти всѣ пріѣхали, начиная съ Сарачинески и кончая Анастасомъ Гуашемъ, начиная съ Вальдерно и кончая Арнольдомъ Мескини.

Итакъ, маркизъ ди Санъ-Джіачинто вступилъ въ бракъ съ Флавіею Монтеварки, и весь Римъ присутствовалъ при этомъ и улыбался, рассказывая небывалыя исторіи о его прежней жизни, но тѣмъ не менѣе заявляя въ заключеніе, что Флавія сдѣлала отличную партію, такъ какъ великанъ-новобрачный—кузенъ Сарачинески и вдобавокъ очень богатъ. Но среди всѣхъ сплетниковъ и болтуновъ не нашлось ни одного съ такимъ живымъ воображеніемъ, чтобы предсказать то, что, въ сущности, было неизбѣжно, а именно, что маркизъ можетъ оказаться княземъ.

Послѣднимъ лицомъ, которое могло подозрѣвать о подобномъ превращеніи, былъ самъ Джіачинто. Онъ, правда, одно время питалъ нѣкоторую надежду на предъявленіе иска, основаннаго на справедливости, если не на законѣ; но послѣ того какъ Монтеварки, продержавъ документъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, вернулъ его, ни словомъ не заикнувшись объ этомъ предметѣ своему зятю, послѣдній счелъ благоразумнѣе пока молчать, справедливо догадываясь, что не таковъ человѣкъ Монтеварки, чтобы пропустить случай обогатить свою дочь. А Монтеварки не показавъ документовъ Санъ-Джіачинто въ томъ разсчетѣ, чтобы маркизъ былъ вполне неповиненъ въ соучастіи — пунктъ чрезвычайно важный для успѣшнаго исхода тяжбы.

Полчаса спустя послѣ вѣнца Санъ-Джіачинто заперся съ старикомъ-княземъ въ кабинетѣ послѣдняго, который казался еще мрачнѣе обыкновеннаго, сравнительно съ блестящимъ собраніемъ въ парадныхъ покояхъ.

— Теперь, когда мы только вдвоемъ, любезный сынъ, — началъ Монтеварки, къ великому удивленію еще не снявшій фракъ послѣ церемоніи, — теперь, когда вы мнѣ стали настоящимъ сыномъ, я сдѣлаю вамъ очень важное сообщеніе.

Санъ-Джіачинто сѣлъ, и каждый, по тому, какъ онъ сжалъ

челюсти и ротъ, увидѣлъ бы, что онъ приготовился къ борьбѣ. Онъ нисколько не довѣрялъ своему тестю и нисколько не удивился бы, еслибы тотъ сдѣлалъ попытку отнять деньги, которые передалъ въ руки нотариуса, какъ приданое Флавіи. Но Санъ-Джіачинто принималъ всѣ мѣры предосторожности и очень хорошо зналъ, что не дастъ себя обмануть. Монтеварки продолжалъ кроткимъ голосомъ:

— Я приготовилъ вамъ сюрпризъ. Въ послѣднія недѣли вы были слишкомъ заняты приготовленіями къ торжественной церемоніи, на которой мы только-что присутствовали. Поэтому вамъ некогда было бы заняться разслѣдованіемъ весьма сложнаго дѣла, которое выпало мнѣ на долю выяснить. Я считаю это большимъ счастьемъ, такъ какъ работать для тѣхъ, кого любишь и кто раздѣляетъ наши драгоценныя привязанности—большое счастье. Я теперь собираюсь сообщить вамъ дѣло высокой важности, и которое окажетъ громадное вліяніе на всю вашу жизнь, когда будетъ доведено до благополучнаго конца. Но позвольте мнѣ заранее сказать, чтобы вы не заподозрили меня въ неблагородныхъ мотивахъ, что я не ожидаю ни благодарности, ни какого бы то ни было участія въ громадномъ торжествѣ, предстоящемъ вамъ. Не удивляйтесь, если я употребляю нѣсколько сильныя выраженія въ этомъ случаѣ. Я все изслѣдовалъ, все разобралъ, совѣтовался съ самыми компетентными людьми. Вы и не кто иной—настоящій и законный князь Сарачинеска.

Конецъ этого длиннаго предисловія былъ такъ неожиданъ, что Санъ-Джіачинто громко вскрикнулъ отъ изумленія.

— Не удивляйтесь тому, что я вамъ скажу, — продолжалъ Монтеварки.—Документы, на которыхъ опираются права Сарачинески, были составлены разумнымъ человекомъ. Хотя онъ и не имѣлъ въ то время намѣренія жениться, но понималъ, что все возможно въ жизни, и прибавилъ условіе, по которому все соглашеніе утрачивало смыслъ и законность, въ случаѣ если онъ женится и будетъ имѣть прямого наслѣдника. Я недостаточно хорошо знакомъ съ исторіей вашего дома, чтобы сказать, почему ни сынъ его, ни внукъ никогда не дѣлали попытки вернуть себѣ право первородства, но я настолько знаю законы, чтобы судить, что условіе это сохранило всю свою силу. Оно тождественно, — и тутъ князь самодовольно улыбнулся, — оно тождественно въ оригиналѣ и въ копіи, хранящейся въ архивахъ канцлерства. По моему мнѣнію, вамъ стоитъ только представить оба документа въ судъ, чтобы добиться единодушнаго приговора въ свою пользу.

Санъ-Джіачинто пристально глядѣлъ изъ-подъ нависшихъ бро-

вей въ лицо старику. Затѣмъ вдругъ ударилъ кулакомъ по раскрытой ладони лѣвой руки, и въ глазахъ его сверкнулъ дикій огонь торжества. Нѣкоторое время онъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Я не желаю зла ни Джіованни, ни его отцу, — сказалъ онъ, наконецъ.

— Упаси Боже! — воскликнулъ Монтеварки и перекрестился. — И кромѣ того, такъ какъ все ихъ имущество принадлежитъ вамъ, то нѣтъ и причины желать имъ зла.

Санъ-Джіачинто поглядѣлъ на него пристально и громко расхохотался. Въ душѣ онъ былъ убѣжденъ, что его набожный тесть не только способенъ желать зла своему сосѣду, но могъ бы даже привести свои желанія въ исполненіе, еслибы интересы его того потребовали.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, когда веселость его улеглась, — я не желаю имъ зла. Но вѣдь должны же они узнать содержаніе бумагъ, которыя находятся въ ихъ рукахъ, и должны же они также узнать, что я — князь, и что они лишили меня наслѣдства. Я пойду и скажу имъ объ этомъ. Такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ, то я не вижу причины долѣе ждать.

— И я тоже, — отвѣчалъ Монтеварки, съ видомъ человѣка, который исполнилъ свою обязанность и ждетъ, чтобы и другіе сдѣлали то же.

— Какъ хорошо, что мы рѣшили поѣхать послѣ свадьбы только во Фраскати, а не на край Европы, хотя я не видѣлъ Парижа, и мнѣ интересно было бы побывать въ немъ.

— Вамъ покажется гораздо веселѣе въ Парижѣ, когда вы поѣдете туда княземъ Сарачинеска.

— Это правда, — отвѣчалъ Санъ-Джіачинто задумчиво.

Въ глазахъ его свѣтилось торжество.

— Согласны ли вы сдѣлать всѣ предварительные шаги? — обратился онъ къ тестю.

— Я приглашу юристовъ, которымъ вы поручите ваше дѣло. Но все остальное вы должны сдѣлать сами. Юристы пріѣдутъ переговорить съ вами въ Фраскати. Въ сущности, вы вѣдь разсудительный молодой человѣкъ и не будете въ претензіи за то, что вашъ tête-à-tête съ женой будетъ нарушенъ.

— Я, конечно, ожидаю много удовольствія отъ этого tête-à-tête; но когда дѣло идетъ о такомъ крупномъ имуществѣ, то поэзію можно и отложить на время въ сторону. Я, какъ вамъ извѣстно, практическій человѣкъ.

— Ахъ! это великое качество, одно изъ величайшихъ! Еслибы я весь свой вѣкъ наслаждался медовымъ мѣсяцемъ съ княгиней

Монтеварки, то домъ Монтеварки не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Я всегда съ величайшимъ вниманіемъ занимался своимъ хозяйствомъ, и ожидаю, что вы останетесь вѣрны этой традиціи.

— Не беспокойтесь! если подъ словами: „быть вѣрнымъ традиціи“ вы подразумѣваете, что я возьму обратно то, что мнѣ принадлежитъ, то не ошибаетесь. Скажите мнѣ: когда это дѣло можетъ быть рассмотрѣно и въ какомъ судѣ?

— При моемъ вліяніи дѣло будетъ разбираться немедленно. Мѣсяца достаточно для предварительныхъ справокъ и одного дня для разбора самаго дѣла. Все сразу упрощается при чтеніи документовъ, которые на этотъ счетъ совершенно ясны. Вы можете пріѣхать съ вицлы и прочитать ихъ. Но я считаю это излишнимъ. Юристы обойдутся безъ васъ.

— Извините мое любопытство. Но мнѣ хотѣлось бы узнать, почему вы сочли за лучшее не сообщать мнѣ объ этомъ раньше?

— Вы были такъ заняты приготовленіями къ браку, и вопросъ сначала показался мнѣ сомнительнымъ, а потому я почелъ за лучшее не смущать васъ. Затѣмъ, когда я убѣдился въ истинѣ, то времени оставалось такъ мало до вѣнца, что я предпочелъ поднести вамъ это свѣденіе въ родѣ какъ бы брачнаго подарка.

— Великолѣпный подарокъ, дѣйствительно, за который я не знаю, какъ васъ благодарить.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите о благодарности! Я чувствую, что исполняю священнѣйшую обязанность возвращенія несправедливо обдѣленному человѣку права первородства. Это актъ божественнаго правосудія, котораго я выбранъ простымъ орудіемъ. Исполните свой долгъ по отношенію къ моей дочери и вознесите благодарность къ небу—*quae sunt Caesaris—Caesari, et quae sunt Dei—Deo!* Какъ бы мы жили безъ этого правила?

— Сарачинескѣ воздадите то, что ему принадлежитъ, а Санъ-Джіачинто—то, что ему слѣдуетъ... вы такъ это разумѣете?

— Да, да, именно. Я радъ, что вы понимаете латынь. Это дѣлаетъ вамъ честь, что, несмотря на бѣдствіе вашей прежней жизни, вы не упустили настолько образовать себя, чтобы съ достоинствомъ занять то высокое мѣсто въ обществѣ, какое вамъ теперь предстоитъ. Я откровенно говорю вамъ, что, несмотря на ваши личные качества, несмотря на знатное имя и помѣстье, которыя скоро станутъ вашими, еслибы я не замѣтилъ въ васъ того утонченнаго воспитанія и образованія, безъ коихъ дворянинъ недостойнъ этого названія, я бы не согласился отдать

вамъ руку нѣжнаго созданія, которое я холилъ какъ цвѣтокъ на старости лѣтъ.

Санъ-Джіачинто успѣлъ вполне изучить теста въ продолженіе прошлаго мѣсяца и нисколько не заблуждался насчетъ его закругленныхъ періодовъ и прекрасно выраженныхъ, нравственныхъ чувствъ. Но онъ улыбался и кланялся, наслаждаясь тѣмъ сильнѣе лестью, чѣмъ яснѣе понималъ, что совсѣмъ ея не заслуживалъ. Хотя онъ, конечно, пытался, сколько могъ, образовать себя, какъ утверждалъ его тестъ, и хотя вкусы его вовсе не были такъ грубы, какъ бы этого можно было ожидать, но онъ былъ слишкомъ сильный человѣкъ, чтобы преувеличивать свою силу, и отлично зналъ, что только богатству обязанъ своими успѣхами. Онъ видѣлъ также, что Монтеварки, отдавая за него Флавію, предвидѣлъ возможность для него потребовать отъ кузеновъ возвращенія себѣ правъ, и еслибы онъ не былъ такъ доволенъ своимъ выборомъ, то почувствовалъ бы себя теперь обманутымъ.

Какъ бы то ни было, но онъ не жалѣлъ о томъ, что женился на Флавіи, потому что сознавалъ, что еслибы уже и пользовался тѣмъ титуломъ и богатствомъ, на которые готовится теперь предъявить свои права, то тѣмъ не менѣе выборъ бы его палъ на Флавію. Изъ всѣхъ дѣвушекъ, какихъ онъ видалъ въ Римѣ, она одна поправилась ему; это обстоятельство объяснялось, быть можетъ, тѣмъ, что она была естественнѣе другихъ и вообще соотвѣтствовала его понятіямъ о томъ, чѣмъ должна быть женщина. Грубая натура его не могла бы гармонировать съ характеромъ Фаустины; тѣмъ менѣе могъ онъ понять и оцѣнить женщину какъ Корона, которую ея собственный мужъ, Джіованни, не понималъ вполне. Санъ-Джіачинто былъ почти дикарь сравнительно съ молодыми людьми того класса, въ которому онъ теперь принадлежалъ, и тѣ дикія и необузданныя стороны, которыя существовали въ характерѣ Флавіи Монтеварки, сразу очаровали его и подѣйствовали на тѣ свойства его темперамента, которыми только и руководятся дикари.

Еслибы съ тяжбой поторопились немножко, то весьма возможно, что Санъ-Джіачинто и его жена отправились бы въ замокъ Сарачинески сегодня же, подобно тому какъ Джіованни и Корона сдѣлали это въ день своей свадьбы два съ половиной года тому назадъ. Но при существующихъ обстоятельствахъ имъ приходилось ѣхать въ Фраскати, на виллу Монтеварки, какъ это дѣлали раньше князь и княгиня и всѣ ихъ женатыя и замужнія дѣти.

— Ахъ, какое счастье! — воскликнула Флавія со вздохомъ облегченія, когда кареты выѣхали изъ-подъ темной арки двор-

цовыхъ воротъ. Затѣмъ она засмѣялась и взглянула на мужа искоса блестящими черными глазами, послѣ чего вытащила хорошенькій серебряный флаконъ, который мать подарила ей на прощанье. Она оглядѣла его, повертѣла въ рукахъ, раскрыла и понюхала.

— Ай, какая гадость!—закричала она съ гримасой.—Флаконъ съ солями! Я думала, это духи! Неужели же она воображала, что я упаду въ обморокъ въ дорогѣ?

— Не похоже, чтобы вы упали въ обморокъ, — замѣтилъ Санъ-Джіачинто, казавшійся настоящимъ великаномъ въ просторной мѣховой шубѣ.

Онъ протянулъ ей свою громадную руку и съ грубоватой нѣжностью сжалъ ея ручку вмѣстѣ съ флакономъ въ своей ладони, гдѣ она совсѣмъ потонула.

— Итакъ! вы счастливы?—спросилъ онъ съ радостнымъ выраженіемъ въ своихъ впалыхъ глазахъ.

— Еслибы вы воспитывались подъ надзоромъ *eccellentissima* саза Монтеварки, то поняли бы, какое блаженное учрежденіе — бракъ! Вы... какъ мнѣ васъ звать... ваше имя, кажется, Джіованни, не правда ли?

— Да, Джіованни. Вамъ нравится это имя?

— Нѣтъ; оно напоминаетъ мнѣ голову Іоанна Крестителя. Какъ же мнѣ васъ называть... постойте... Нино. Да, это такое крохотное имя, а вы сами такой громадный. Вы будете отнынѣ Нино.

И она прижалась къ великану со смѣхомъ, который ему былъ по душѣ.

IV.

Фаустина Монтеварки была въ восторгѣ отъ того, что сестра ея, наконецъ, вышла замужъ и оставила родительскій домъ. Обѣ сестры любили другъ друга, но Фаустина чувствовала, что Санъ-Джіачинто ей врагъ, и вдохнула свободнѣе, когда онъ уѣхалъ. У нея не было особенныхъ причинъ подозрѣвать его: онъ обращался съ нею съ той же спокойной и дружеской вѣжливостью, какъ и со всѣмъ остальнымъ домомъ; но она была необыкновенно чутка и замѣтила, что онъ наблюдаетъ за ней, когда Гуашъ находится въ комнатѣ, и эти наблюденія ставили ее въ неловкое положеніе. Кромѣ того, онъ убѣдилъ Флавію ходить къ ранней обѣднѣ по воскресеньямъ, вмѣстѣ съ сестрой, подъ предлогомъ,

что ему хочется видѣться съ Флавіей не на глазахъ у старой княгини. Планъ былъ ловко придуманъ, такъ какъ Фаустина, вмѣсто свиданій съ Гуашемъ, вынуждена была играть роль дуэньки, въ то время, какъ Флавія и Санъ-Джіачинто болтали безъ умолку. Какъ бы то ни было, а Санъ-Джіачинто умѣлъ держать языкъ за зубами, и Флавія не подозрѣвала, что Фаустина и Гуашъ часто видѣлись въ церкви, и продолжали бы видаться и теперь, еслибы имъ не помѣшали. Молодая дѣвушка была настолько умна, что понимала, почему Санъ-Джіачинто такъ ведетъ себя; она понимала, что такъ какъ онъ готовится породниться съ ея фамиліей, то натурально не одобряетъ ея любви къ Гуашу. Теперь, когда онъ уѣхалъ, она размышляла: не принялъ ли онъ какихъ-нибудь мѣръ, чтобы помѣшать ихъ свиданіямъ и послѣ своего отъѣзда.

Фаустина была почти такъ же влюблена въ Гуаша, какъ и тотъ въ нее, и ломала голову, придумывая счастливый исходъ изъ того положенія, въ какое была поставлена. Жизнь безъ Анастаза была невозможна, между тѣмъ надежды на то, чтобы стать его женой, было очень мало, насколько она могла судить, и бывали моменты, когда она приходила въ совершенное отчаяніе. Любовь очень молоденькой дѣвушки можетъ быть сама по себѣ и сильна, и прочна, но вообще приводитъ къ тому, что дѣвушка переходитъ отъ одной крайности къ другой: отъ надежды къ отчаянію, неувѣренности въ себѣ; мысли у нея неустойчивы и полная шаткость въ преслѣдованіи мелкихъ цѣлей жизни.

Любовь очень молодой особы рѣдко бываетъ потому интересна, если только не сопровождается героическими или трагическими обстоятельствами. Жизнь человѣческая вообще похожа на шахматную игру, въ которой первые ходы такъ немногочисленны, что опытный игрокъ знаетъ всѣ ихъ наизусть, между тѣмъ какъ послѣдующіе ходы могутъ разнообразиться до безконечности. Почти всѣ молодые люди проходятъ черезъ раннія стадіи существованія какимъ-нибудь извѣстнымъ гамбитомъ, который всегда оказываетъ определенное вліяніе на ихъ позднѣйшую жизнь, но никогда не опредѣляетъ ее окончательно. Игра ведется между человѣчествомъ, съ одной стороны, и непредвидѣнными обстоятельствами, съ другой; но то, чего нельзя предвидѣть, рѣдко возникаетъ прежде, чѣмъ выступить на сцену первая любовь. Тогда наступаетъ кризисъ, и кто можетъ сказать, чѣмъ онъ окончится?

Между тѣмъ первая любовь Фаустины была такого рода, что все заставляло думать, что конецъ ея будетъ необыкновенный. Было что-то фатальное въ ея внезапности и въ произведенномъ

ею переворотъ въ душѣ молодой дѣвушки. Ея душевное равновѣсіе было безусловно нарушено, такъ какъ можно съ увѣренностью сказать, что ни одна дѣвушка изъ міліона не повела бы себя такъ, какъ она, въ ночь римскаго мятежа; точно также какъ изъ ста тысячъ дѣвушекъ ея сословія ни одна не влюбилась бы въ Гуаша.

Положеніе профессиональнаго художника и профессиональнаго литератора въ современномъ европейскомъ обществѣ неопредѣленно. Подобно тому, какъ человѣкъ, выросшій во дворцѣ, рано или поздно выдастъ свое воспитаніе, если его перенести въ станъ разбойниковъ и заставить тамъ жить; такъ и человѣкъ, проведеншій юношескіе годы въ атмосферѣ студій или въ той разношерстной компаніи, изъ которой выдѣляются почти всѣ литераторы, будетъ по временамъ неизбѣжно задѣвать понятія той части человѣчества, которая зоветъ себя „свѣтомъ“. Да иначе и быть не можетъ. Въ кружкѣ людей, профессія которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать только то, что дѣлаетъ сосѣдъ,—человѣкъ, зарабатывающій свое пропитаніе, дѣлая то, чего другіе не могутъ дѣлать, всегда будетъ лицомъ выдающимся. Взгляните на современное общество. Оно не можетъ ни работать, ни дѣлать какихъ бы то ни было усилій; оно едва въ состояніи связать десять словъ въ грамматической послѣдовательности. Но оно умѣетъ одѣваться. Нашъ литераторъ умѣетъ и трудиться, и писать хорошимъ англійскимъ слогомъ, но вкусы его по части туалета заставляютъ часто желать лучшаго. Еслибы онъ предалъ себя во власть моднаго портного и обязался не раскрывать рта, то могъ бы сойти за свѣтскаго человѣка. Но онъ любитъ разговаривать, и его рѣчи обличаютъ галилеянина. Въ свѣтѣ бываютъ остряки, которые умѣютъ высказывать оригинальныя, ѣдкия и ловкія сужденія обо всемъ на свѣтѣ съ развязнымъ видомъ превосходства, отъ котораго у образованнаго и знающаго человѣка волосы станутъ дыбомъ. Главной характеристикой того, кто живетъ своимъ мозгомъ, является то, что онъ не только способенъ логически разговаривать о разныхъ предметахъ, но что онъ часто дѣлаетъ это, а между тѣмъ въ обществѣ это признается чудовищнымъ преступленіемъ противъ хорошихъ манеръ. Пусть онъ пишетъ то, что желаетъ высказать, и печатаетъ это; общество или не пойметъ его вовсе, или же будетъ читать его произведенія съ лексикономъ въ тиши кабинета. Но если онъ будетъ держать языкъ за зубами въ гостиной, то общество дастъ ему чашку чая и обойдется съ нимъ почти какъ съ человѣкомъ, ради того только, чтобы сказать, что патронировать литературу. Всякій, кто любитъ пить чай въ гостиныхъ,

можетъ добиться этого удовольствія, если закажетъ себѣ фракъ у хорошаго портного и припрячетъ свой умъ подальше; но пусть онъ не воображаетъ, что годится въ женихи какой-нибудь свѣтской дѣвицѣ.

Анастась Гуашъ не вполнѣ понималъ это. Ему случалось порою сидѣть въ кругу людей, разбивавшихъ по косточкамъ какое-нибудь незнакомое ему лицо. Въ такихъ случаяхъ онъ спокойно молчалъ, въ невинности души не предполагая, что его невѣденіе было неприлично въ средѣ мужчинъ и женщинъ, для которыхъ не знать всей подноготной о свѣтскихъ людяхъ—значило ни болѣе, ни менѣе, какъ быть выскочкой.

Но не къ чему, однако, заниматься анализомъ мотивовъ и чувствъ Фаустины или Анастаза. Ихъ связь съ исторіей Сарачинески возникла отъ того, что они дѣлали, а не отъ того, что они думали и чувствовали. Достаточно будетъ сказать, что Гуашъ составилъ безумный планъ просить согласія князя Монтеварки на свой бракъ съ его дочерью, и объяснить ближайшія послѣдствія сдѣланнаго имъ шага.

Событія быстро подвигались къ развязкѣ. Санъ-Джіачинто видѣлся съ юристами въ Фраскати и очень скоро привезъ жену обратно въ Римъ, чтобы быть на мѣстѣ, когда дѣло начнется. Законовѣды объявили, что дѣло очень просто и что судъ не замедлитъ произнести желательное постановленіе, если только взглянуть на документы. Единственнымъ спорнымъ пунктомъ могъ бы быть вопросъ о тождествѣ Санъ-Джіачинто съ тѣмъ лицомъ, за которое онъ себя выдаетъ; но и тутъ не трудно доказать, что онъ—Джіованни Сарачинеска, а не обманщикъ. Отецъ и дѣдъ его ревниво сохраняли всѣ необходимыя бумаги о себѣ, начиная съ брачнаго свидѣтельства самого донъ-Леоне, который подписалъ соглашеніе, и кончая метрическимъ свидѣтельствомъ Санъ-Джіачинто. Копіи были сняты и засвидѣтельствованы законнымъ порядкомъ съ приходскихъ книгъ и съ немногихъ правительственныхъ документовъ, которые официально сохранялись въ неаполитанскомъ королевствѣ до 1860 г., и юристы объявили, что они готовы начать дѣло. До тѣхъ поръ, по просьбѣ самого Санъ-Джіачинто, все сохранялось въ величайшемъ секретѣ. Онъ говорилъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ не желаетъ, чтобы выходило наружу что-либо до тѣхъ поръ, пока онъ не приготовится дѣйствовать. Когда наступилъ этотъ моментъ, онъ отправился въ палаццо Сарачинески и спросилъ князя, который принималъ его въ той самой комнатѣ, гдѣ оба они встрѣтились, когда бывший трактирщикъ появился въ Римѣ, три мѣсяца тому назадъ. Когда Санъ-Джіачинто

входилъ въ эту комнату, то подумалъ, что онъ не потерялъ времени въ эти три мѣсяца.

— Я пришелъ переговорить съ вами объ очень непріятномъ для васъ дѣлѣ,—началъ онъ.—Къ несчастію, это неизбежно. Я прошу васъ вѣрить, что я желаю дѣйствовать честно и справедливо.

— Надѣюсь,—отвѣчалъ Сарачинеска, поднимая сѣдые густые брови и взглядывая на посѣтителя острыми старческими глазами.

— Вамъ нѣтъ никакой причины въ томъ сомнѣваться,—отвѣтилъ гордо Санъ-Джіачинто.—Вы, безъ сомнѣнія, знакомы съ характеромъ соглашенія, въ силу котораго наши прадѣды постановили передать титулы и помѣстья младшему изъ двухъ братьевъ. Когда мы впервые говорили объ этомъ дѣлѣ, я не зналъ о существованіи статьи, отмѣняющей договоръ. Не могу думать, что она вамъ неизвѣстна. Статья эта говоритъ, что если Леоне Сарачинеска вступить въ бракъ и у него родится законный наслѣдникъ, то соглашеніе утрачиваетъ силу и законное значеніе. Онъ женился, какъ вамъ извѣстно. Я его прямой потомокъ и имѣю дѣтей отъ перваго брака. Я не могу поэтому допустить, чтобы эта статья оставалась долѣе безъ примѣненія. При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я вынужденъ откровенно заявить, что по закону я—князь Сарачинеска.

Высказавъ такъ ясно, какъ только можно, свое положеніе, Санъ-Джіачинто сложилъ большія руки на колѣняхъ и откинулся на спинку кресла. Сарачинеска хотѣлъ какъ будто что-то отвѣтить, но сдержался и всталъ съ мѣста. Пройдясь взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ остановился передъ кузеномъ.

— Будемъ говорить откровенно,—началъ онъ.—Я даю вамъ слово, что пока Монтеварки не отослалъ мнѣ этихъ бумагъ назадъ, я не зналъ о ихъ содержаніи. Я не заглядывалъ въ нихъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ и совсѣмъ позабылъ объ этомъ условіи. Я не помню даже, чтобы и прежде замѣтилъ его. Можетъ быть, потому, что, не слыхавъ, чтобы Леоне оставилъ живыхъ потомковъ, я не придавалъ никакого значенія этимъ словамъ, если даже и читалъ ихъ.

— Я вѣрю вамъ,—сказалъ Санъ-Джіачинто спокойно.

Глаза старика засверкали.

— Мнѣ и въ голову не можетъ прити, чтобы мнѣ не вѣрили, когда я говорю,—отвѣтилъ онъ.—Даете ли вы мнѣ слово, что вы дѣйствительно Джіованни Сарачинеска, правнукъ и законный наслѣдникъ Леоне?

— Разумѣется. Даю честное слово и также жду, чтобы мнѣ повѣрили.

Въ тонѣ отвѣта было нѣчто такое, что затронуло какую-то симпатическую струну въ натурѣ Сарачинески. Санъ-Джіачинто поднялся на ноги, и въ его громадной, мощной фигурѣ, въ его сильномъ, звучномъ голосѣ, въ смѣломъ взглядѣ было нѣчто, внушавшее уваженіе. Онъ былъ грубъ и невоспитанъ, быть можетъ, жестокъ и властолюбивъ, но съ головы до пятокъ — Сарачинеска, и старикъ это почувствовалъ.

— Я вѣрю вамъ, — сказалъ онъ. — Вы можете вступить во владѣніе, когда вамъ угодно. Я — донъ-Леоне, а вы — глава дома.

Онъ сдѣлалъ жестъ, полный достоинства, которымъ какъ будто передавалъ имя и домъ тому, кто по закону имѣлъ на нихъ право.

Благородство старика произвело замѣтное впечатлѣніе на Санъ-Джіачинто. По справедливости слѣдуетъ напомнить, что послѣдній не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что онъ орудіе — колоссальнаго подлога, который совершенъ въ его же пользу. Онъ инстинктивно преклонился передъ великодушіемъ кузена.

— Я не воспользуюсь вашимъ великодушіемъ, — сказалъ онъ, — пока законъ не освятитъ мое право.

— Какъ вамъ угодно; мнѣ нечего утаивать отъ закона, но я предубѣжденъ противъ користовъ. Поступайте какъ знаете. Но вѣдь и на семейномъ совѣтѣ можно рѣшать дѣло такъ же хорошо, какъ и на судѣ.

— Ваше довѣріе ко мнѣ великодушно и благородно. Но я предпочитаю, чтобы судъ разсмотрѣлъ дѣло.

— Какъ вамъ угодно, — повторилъ Сарачинеска.

Не было причины длить свиданія, которое не могло быть пріятно ни для того, ни для другого. Старикъ не сѣлся.

— Никакой оппозиціи вашему иску не будетъ оказано. Представьте только бумаги въ должномъ порядкѣ, и я буду удовлетворенъ.

Онъ протянулъ ему руку.

— Надѣюсь, что вы на меня не сердитесь? — сказалъ Санъ-Джіачинто не безъ смущенія.

— За что? За то, что вы берете то, что принадлежитъ вамъ, а не мнѣ? Нисколько. Прощайте.

Санъ-Джіачинто вышелъ изъ комнаты. Когда онъ ушелъ, Сарачинеска простоялъ съ минуту неподвижно, затѣмъ опустился въ кресло. Крѣпкая натура поддерживала его во время свиданія и поддержитъ до конца, но онъ чувствовалъ, что очень потрясенъ, и испытывалъ странное и совсѣмъ новое для себя ощущеніе тяжести въ затылкѣ. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ

какъ оглушенный и въ полу-бессознательномъ состояніи. Послѣ того всталъ, стараясь придти въ себя и какъ бы отдѣлаться отъ кошмара, и позвонилъ.

Онъ послалъ за Джіованни, который явился немедленно.

— Санъ-Джіаинте былъ здѣсь,—сказалъ князь скороговоркой.—Онъ тотъ, за кого себя выдаетъ. Предупреди жену, такъ какъ ей, вѣроятно, надо будетъ уложить свои вещи, прежде чѣмъ мы выйдемъ отсюда.

Джіованни вздрогнулъ при словахъ отца. Онъ сознавалъ, что опасность существуетъ, но она не казалась ему такою близкой.

— Полагаю, будетъ какая-нибудь судебная процедура прежде, чѣмъ все дѣло рѣшится,—проговорилъ онъ съ спокойствіемъ, котораго въ дѣйствительности не ощущалъ.

— Это насъ не касается. Мы должны выѣхать рано или поздно.

— А что, если судъ рѣшить въ нашу пользу, а не въ его?

— Этого не можетъ быть!—отвѣчалъ князь, расхаживая по комнатѣ съ новымъ волненіемъ.—Ты и я—мы никто. Намъ лучше отправиться жить въ трактиръ. Этотъ человѣкъ честенъ. Я его ненавижу, но онъ честенъ... Чего ты уставился на меня? Развѣ не ты первый говорилъ, что если мы самозванцы, то лучше намъ отъ всего отказаться по доброй волѣ? А теперь ты какъ будто думаешь, что мнѣ слѣдовало бы вести тяжбу! Вотъ твоя логика! Вотъ та послѣдовательность, которой ты научился въ своихъ путешествіяхъ! Ступай и скажи своей женѣ, что ты никто, и что я никто! Ступай и попроси, чтобы она дала тебѣ титулъ, какое-нибудь имя, чтобы было тебя какъ звать людямъ. Ступай на рынокъ и поищи имени для своего отца! Ступай и найми домъ для насъ, гдѣ бы намъ поселиться, когда неаполитанскій чортъ привезетъ Флавію Монтеварки во дворецъ, гдѣ умерла твоя мать и гдѣ ты родился... бѣдный Джіованни! Хотя мнѣ себя еще болѣе жаль, чѣмъ тебя,—ты молодъ и прожилъ лучшіе годы жизни въ этомъ домѣ,—все-таки—бѣдный ты, Джіованни!

Сарачинеска взялъ сына за руку и поглядѣлъ ему въ глаза. Лицо молодого человѣка было совершенно спокойно, почти безмятежно въ его равнодушіи къ постигшей ихъ непріятности. Его душа была поглощена болѣе благородными чувствами, чѣмъ матеріальныя неудачи. Онъ опять былъ у Короны, разговаривалъ съ нею и увидѣлъ въ ея глазахъ то выраженіе, какого научился бояться больше всего въ жизни. Чтѣ была для него жизнь безъ того, въ чемъ ему отказывали эти глаза?

V.

Князь Монтеварки очень удивился, когда ему сказали, что Анастась Гуашъ желаетъ его видѣть, и такъ какъ онъ былъ очень занятъ подробностями своего процесса, то первымъ движеніемъ его было отказать. Хотя онъ и не подозрѣвалъ, какъ далеко зашло дѣло между зуавомъ и Фаустиной, однако вовсе не былъ такъ слѣпъ, какъ предполагала молодая дѣвушка. Онъ по природѣ былъ наблюдателенъ, какъ большинство людей, всю жизнь преслѣдующихъ личныя выгоды, и отъ него не ускользнуло, что Фаустина и Гуашъ очень часто разговаривали другъ съ другомъ въ свѣтѣ. Если бы у него былъ коморъ, то онъ могъ бы найти очень комичнымъ, что Гуашъ забралъ себѣ въ голову влюбиться въ его дочь; но итальянцы неспособны къ комору, и эта мысль не приходила въ голову старому человѣку.

Онъ рѣшилъ, что приметъ Гуаша съ тѣмъ, чтобы прочитать ему при этомъ удобномъ случаѣ нотацію насчетъ смиренности его доли и необыкновеннаго высокомерія, выказываемаго имъ тѣмъ, что онъ такъ открыто ухаживаетъ за дочерью дома Монтеварки.

— Здравствуйте, господинъ Гуашъ! — торжественно сказалъ онъ, когда вошелъ Анастась. — Пожалуйста, садитесь. Чему обязанъ я честью вашего посѣщенія?

Анастась надѣлъ новый мундиръ для этого свиданія и казался оживленнѣе, чѣмъ обыкновенно, хотя манеры его были степеннѣе и какъ бы формальнѣе.

— Позвольте мнѣ прежде всего объяснить свое положеніе, — сказалъ онъ, усаживаясь и медленно поворачивая въ рукахъ фуражку.

— Ваше положеніе? Отлично, если вамъ это угодно. Прекрасное правило для всякихъ рѣчей дать сначала опредѣленіе, а затѣмъ уже перейти къ аргументамъ. Тѣмъ не менѣе, если вы увѣдомите меня о характерѣ вашего дѣла, то мнѣ легче будетъ понять васъ.

— Дѣло очень щекотливаго свойства... но я постараюсь говорить прямо. Кто я — вамъ это извѣстно. Я — живописецъ и уже успѣлъ составить себѣ имя. Въ настоящее время я — зуавъ; но военная служба не мѣшаетъ мнѣ заниматься моею профессіей. У насъ много досуга. Мои картины приносятъ мнѣ больше дохода, чѣмъ я проживаю.

— Поздравляю васъ, — замѣтилъ Монтеварки, тараща ма-

ленькіе глазки не безъ удивленія.—Занятіе искусствомъ не бываетъ вообще очень выгодно. Что до меня касается, то сознаюсь, что довольствуюсь тѣми сокровищами, какія мнѣ оставилъ мой отецъ. Я, правда, очень люблю картины, но вы понимаете, что когда галерея полна, то въ ней нѣтъ мѣста. Вы это понимаете, я увѣренъ. Какъ бы я ни желалъ приобрѣсти какія-нибудь произведенія новѣйшей французской школы, но двойное неудобство владѣнія столь большимъ количествомъ картинъ и ограниченности средствъ... да, ограниченности средствъ, увѣряю васъ...

— Извините,—перебилъ Гуашъ, внезапно покраснѣвъ:—я вовсе не намѣренъ предложить вамъ купить картину. Я не имѣю привычки навязываться на заказы.

— Дорогой м-г Гуашъ!—вскричалъ князь, видя, что не туда попалъ:—развѣ я намекалъ на что-либо подобное? Если мои слова заставили васъ это подумать, то, пожалуйста, извините меня. Такъ какъ вы заговорили объ искусствѣ, то мои мысли естественно обратились къ моей картинной галерей. Я въ восторгѣ отъ вашихъ успѣховъ, потому что всѣ мы, какъ вамъ извѣстно, интересуемся жертвой несчастнаго случая, происшедшаго отъ безпечности моихъ слугъ.

— Пожалуйста, не напоминайте объ этомъ! Ваше гостепримство съ избыткомъ вознаградило меня за ничтожныя страданія, испытанныя мною. Дѣло, о которомъ я хочу съ вами говорить, очень важное, и я надѣюсь, что вы повѣрите, что я обдумалъ его со всѣхъ сторонъ, прежде нежели рѣшился сдѣлать шагъ, который, можетъ быть, сначала удивитъ васъ. Говоря безъ обиняковъ, я пришелъ просить васъ удостоить меня руки донны-Фаустины Монтеварки.

Монтеварки откинулся на спинку кресла, онѣмѣвъ отъ удивленія. Онъ съ трудомъ, казалось, переводилъ духъ, въ то время, какъ его длинные, худые пальцы сжимали зеленое сукно, которымъ былъ покрытъ столъ, стоявшій передъ нимъ. Маленькіе глазки его были широко расерты, а нижняя челюсть отвисла. Гуашъ испугался, что ему дурно.

— Вы!!—закричалъ старикъ дребезжащимъ голосомъ, когда, наконецъ, настолько пришелъ въ себя, что могъ заговорить.

— Да,—отвѣчалъ Гуашъ, который сталъ очень нервенъ, когда замѣтилъ дѣйствіе своего предложенія.

До сихъ поръ ему еще никогда ясно не представлялось, что такая мысль покажется нелѣпой Монтеварки.

— Да,—повторилъ онъ.—Развѣ это васъ такъ удивляетъ?

Что же такого непонятнаго въ томъ, что я люблю вашу дочь? Развѣ вы не понимаете?..

— Я понимаю одно: что вы съума сошли! — воскликнулъ князь, все еще глядя на посѣтителя съ неописаннымъ изумленіемъ.

— Нѣтъ, я не сошелъ съума. Я люблю донну-Фаустину...

— Вы! Вы смѣете любить Фаустину! Вы, живописецъ, ремесленникъ, зарабатывающій трудомъ себѣ пропитаніе! Вы, звавъ, человекъ безъ имени, безъ...

— Вы старикъ, князь, но то обстоятельство, что я сдѣлалъ вамъ честное предложеніе, не даетъ вамъ права оскорблять меня.

Слова были высказаны рѣзкимъ, твердымъ тономъ и заставили Монтеварки опомниться. Онъ былъ страшный трусъ и скорѣе согласился бы издержать большую сумму денегъ, чѣмъ имѣть дѣло съ разсерженнымъ человекомъ.

— Оскорблять васъ, любезный ш-г Гуашъ?! У меня этого и въ мысляхъ не было, — отвѣчалъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ. — Но тѣ, о чемъ вы просите, совсѣмъ невозможно. Во-первыхъ, моя дочь уже помолвлена съ другимъ. Переговоры объ этомъ бракѣ начаты уже давно — она выходитъ замужъ за Франджипани — вы, вѣроятно, объ этомъ уже слышали? Кромѣ того, при всемъ моемъ уваженіи къ тому положенію, какое вы составили себѣ своимъ громаднымъ талантомъ — громаднымъ, мой дорогой другъ, я первый это скажу, — непрочность житейскихъ дѣлъ составляетъ меня искать для нея состоянія, которое зависитъ отъ вульгарныхъ денегъ, а не отъ божественнаго дара, таланта, которыми вы такъ богато одарены.

Переходъ отъ гнѣва къ лести былъ такъ внезапенъ, что Гуашъ растерялся и не находилъ словъ для отвѣта. Глаза Монтеварки утратили выраженіе удивленія, и кроткая улыбка играла въ углахъ его злого рта, въ то время, какъ онъ медленно потиралъ костлявыя руки, покачивая головой въ тактъ своему ловкому спичу. Анастасъ видѣлъ однако, что нѣтъ ни малѣйшей надежды на то, чтобы его предложеніе было принято, и понималъ также, что всегда ждалъ такого результата. Онъ не испытывалъ разочарованія, и ему казалось, что онъ находится въ томъ же положеніи, что и раньше, до объясненія съ Монтеварки. Съ другой стороны, онъ былъ оскорбленъ словами, сорвавшимися съ языка Монтеварки въ первую минуту гнѣва и удивленія. Живописецъ, ремесленникъ, человекъ безъ имени! Гуашъ былъ человекомъ, а потому эти истины укололи его, когда ихъ высказало постороннее лицо и по такому случаю. Онъ самъ бы опредѣлилъ себя такими словами безъ всякаго ложнаго стыда, но услышать

это опредѣленіе отъ другого было непріятно. Живописецъ, да! онъ гордился этимъ. Человѣкъ профессіи, зарабатывавшій этой профессіей деньги, да! но развѣ это не въ сто разъ почетнѣе, чѣмъ наслѣдовать деньги, украденныя и награбленныя въ прежнія времена! Человѣкъ безъ имени! но вѣдь его имя стало-вилось знаменито, и развѣ не лучше прославить собственными усилиями имя Гуаша, чѣмъ величаться именемъ Орсини только потому, что предки были свирѣпы и беззаконны, какъ медвѣди? или Скиаррой—за то, что предокъ ударилъ римскаго папу въ лицо? Безъ сомнѣнія, благороднѣе стать великимъ, благодаря своему таланту, чѣмъ наслѣдовать величіе, основанное на превосходствѣ физической силы и хищности, характеризовавшими обыкновенныхъ людей того періода.

Тѣмъ не менѣе, Гуашъ съ стыдомъ почувствовалъ, что въ настоящую минуту онъ бы охотнѣе промѣнялъ свое имя на Франджипани, и что зданіе его независимости, которымъ онъ такъ долго гордился, пошатнулось до основанія въ тотъ мигъ, какъ онъ сообразилъ, что, несмотря на славу и на талантъ, онъ никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ этотъ скупой, трусливый, лживый старикъ по своему рожденію—римскимъ княземъ. Выводъ былъ невыразимо унизителенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне забавенъ. Онъ казался самому себѣ смѣшнымъ и чувствовалъ, что на лицѣ у него появилась улыбка, которой Монтеварки никакъ не могъ понять. Старый князь все еще говорилъ:

— Не могу передать вамъ, какъ я жалѣю, что мнѣ никакъ нельзя согласиться на просьбу, истекающую, очевидно, изъ наилучшихъ побужденій, можно сказать, изъ самаго сердца. Увы! мой дорогой другъ, мы не властны въ своихъ поступкахъ. Заботы о такомъ домѣ, какъ мой, требуютъ предусмотрительности, ежечаснаго вниманія и самоотверженной преданности, которой можно надѣяться достичь только постоянной...

Онъ хотѣлъ сказать: „постоянной молитвой“, но вдругъ подумалъ, что Гуашъ, вѣроятно, не особенно религіозенъ, и измѣнилъ сентенцію.

— ...Только постоянной душой объ этомъ предметѣ. Въ моемъ положеніи, будучи римляниномъ, среди римлянъ, я обязанъ слѣдовать традиціямъ моего сословія во всѣхъ важныхъ событіяхъ жизни. Повѣрьте мнѣ, умоляю, что я такъ далекъ отъ всякаго предубѣжденія противъ васъ, что еслибы отъ меня зависѣло, я съ искренней радостью взялъ бы васъ за руку и назвалъ своимъ сыномъ. Но могу ли я такъ поступить? Въ моей ли это власти? Уѣзжайте въ свое отечество, любезный м-г Гуашъ, не ду-

майте больше о насъ и о нашихъ дочеряхъ, женитесь на соотечественницѣхъ, и вы не разочаруетесь въ своихъ мечтахъ о счастливомъ бракѣ.

— Другими словами, вы не хотите и слышать о моемъ предложеніи?

На этотъ разъ Гуашъ спокойно задалъ этотъ вопросъ.

— Увы! да, — повторилъ старикъ князь съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ, раздражавшимъ молодого человѣка несказанно. — Я этого не могу допустить, хотя вы, въ самомъ дѣлѣ, симпатичнѣйшій молодой человѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ не буду долѣе злоупотреблять вашимъ временемъ, — сказалъ Гуашъ, боявшійся, что хладнокровіе измѣнить ему.

Когда онъ спускался съ широкой мраморной лѣстницы, ненависть къ старому лицемѣру осилила его.

— Ты мнѣ заплатишь когда-нибудь, старый негодяй! — громко произнесъ онъ.

Монтеварки остался въ кабинетѣ послѣ того, какъ ушелъ Гуашъ. Кислая усмѣшка кривила его губы, пока не расплылась по всему лицу, и старикъ вдругъ захохоталъ. Но кто-то постучался въ дверь, и веселость его какъ рукой сняло. Арнольдъ Мескини вошелъ въ комнату. Его появленіе было неожиданное, и князь тотчасъ же насторожился.

— Что-нибудь случилось?

— Да. И крайне важное. Дѣло выиграно. Зять вашей свѣтлости сталъ княземъ Сарачинеска.

Яркіе глазки библиотекаря свѣтились восторгомъ, а на щекахъ выступила краска, представлявшая странный контрастъ съ его желтой кожей. Непріятная улыбка дѣлала его умное лицо безобразнѣе обыкновеннаго. Онъ стоялъ на полдорогѣ между дверью и своимъ принципаломъ; длинныя руки неуклюже повисли вдоль боковъ, голова свѣсилась на грудь, колѣни были слегка согнуты въ привычной позѣ раболопнаго вниманія, но взглядъ показывалъ, что онъ чувствовалъ себя господиномъ положенія.

Монтеварки вздрогнулъ, услышавъ новость. Затѣмъ наклонился поспѣшно надъ столомъ, и пальцы его принялись, по обыкновенію, царапать зеленое сукно.

— Вы совершенно въ этомъ увѣрены? — спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Вы добыли приговоръ?

Мескини вынулъ истрепанный портфель и досталъ изъ него печатный листокъ, который тщательно развернулъ и подалъ князю.

— Вотъ засвидѣтельствованная копія съ него. Взгляните сами.

Монтеварки поспѣшно пробѣжалъ документъ, и лицо его медленно краснѣло, пока не стало пурпуровымъ, въ то время, какъ бумага задрожала въ его рукѣ. Ясно, что все устроилось, какъ онъ надѣялся, и что ожиданія его сбылись вполне. Онъ вдругъ вспомнилъ про Гуаша и снова разсмѣялся.

— Что, Сарачинеска былъ въ судѣ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Въ судѣ никого не было, кромѣ адвокатовъ обѣихъ сторонъ. Дѣло не доходило до тяжбы. Адвокатъ синьора маркиза предъявилъ бумаги, доказывавшія его личность, и оригиналъ соглашения. Адвокатъ князя заявилъ, съ своей стороны, что его свѣтлость убѣжденъ въ справедливости иска и не оказываетъ препятствія. Послѣ чего судъ постановилъ, что синьоръ маркизъ, наслѣдникъ, въ силу извѣстной статьи, титула и помѣстьевъ князей Сарачинеска, но такъ какъ отвѣтчики не противятся, то послѣдующіе переговоры предоставляются семейному совѣту, а судъ оставляетъ за собой право вмѣшательства лишь въ томъ случаѣ, еслибы возникли какія-нибудь затрудненія. Само собой разумѣется, что пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ прежде, нежели раздѣлъ совершится, такъ какъ синьоръ маркизъ получитъ только прямое имущество своего прадѣда, между тѣмъ какъ Сарачинеска удержитъ все то, что досталось имъ по брачнымъ союзамъ въ продолженіе четырехъ поколѣній.

— Разумѣется. Кто будетъ участвовать въ семейномъ раздѣлѣ?

— Да полъ-Рима, полагаю. Это будетъ нескончаемое дѣло.

— Но Санъ-Джиаинто — князь. Онъ поднесетъ святѣйшему отцу даръ за свой титулъ въ слѣдующее Крещеніе.

— Да, онъ долженъ представить десять фунтовъ воска и серебряную чашу... недорого! — замѣтилъ Мескини, осклабясь.

Здѣсь встаетъ вопросъ, что римскія дворянскія фамиліи всѣ были подчинены ежегодной дани чисто номинальнаго характера, которую онѣ доставляли папѣ въ день Крещенія. Обычай былъ феодальный, такъ какъ до 1870 г. папа былъ феодальнымъ сюзереномъ всѣхъ дворянъ. Дань обычно состояла изъ извѣстнаго количества чистаго воска или изъ серебрянаго сосуда, а иногда того и другого вмѣстѣ. Какъ примѣръ живучести подобныхъ обычаевъ можно привести, что одна знатная ирландская фамилія по сіе время получаетъ отъ другой ежегодную дань, уплачиваемую попеременно въ видѣ то золотой розы, то золотой шпоры.

— Итакъ, мы побѣдили! — воскликнулъ Монтеварки послѣ нѣкотораго молчанія, пристально глядя на бібліотекаря и какъ бы стараясь прочесть его мысли. Мы побѣдили, и этой побѣдой

обязаны вамъ, мой добрый другъ, вамъ, вѣрный и преданный товарищъ; вы помогли мнѣ совершить этотъ актъ правосудія. Ахъ! чѣмъ могу я выразить вамъ свою благодарность!

— О способахъ выраженія упомянуто въ нашемъ соглашеніи,—отвѣчалъ Мескини съ подобострастнымъ поклономъ.—Я согласился исполнить этотъ трудъ для вашей свѣтлости за извѣстную, опредѣленную сумму, какъ вашей свѣтлости извѣстно. Кромѣ того, я ни о чемъ не прошу. Я слишкомъ ничтоженъ, чтобы пользоваться честью личной благодарности князя Монтеварки.

— Да, конечно, но вѣдь чтѣ такое деньги!—сказалъ старикъ поспѣшно, но презрительно.—Благодарность идетъ изъ сердца, а не изъ кошелька. Когда я подумаю о совершенномъ вами трудѣ, о безкорыстїи, съ какимъ вы принялись за дѣло, я чувствую, что деньги не могутъ вознаградить васъ. Деньги—скаредная вещь, Мескини, скаредная вещь. Не будемъ о нихъ говорить. Развѣ мы не друзья? Самыя тонкія струны звучатъ въ душѣ моей, когда я подумаю о томъ, чтѣ мы вмѣстѣ совершили. Нѣтъ во всемъ Римѣ другого человѣка, которому я бы такъ довѣрялъ, какъ вамъ, преданнѣйшій изъ людей!

— Синьоръ князь слишкомъ добръ,—отвѣчалъ Мескини.—Тѣмъ не менѣе, я повторяю, что совершенно недостойнъ такой благодарности за то, что выполнилъ свою часть въ дѣловой сдѣлкѣ, тѣмъ болѣе, что мои личные интересы тутъ замѣшаны.

— Мое единственное сожалѣніе—это то, что мой зять никогда не узнаетъ о той роли, какую вы играли въ его торжествѣ. Но это, увы, невозможно! Было бы неприлично сообщить ему объ этомъ! Да и моей дочери также! А она бы во всю остальную жизнь свою молилась за васъ! Нѣтъ, Мескини, судьба рѣшила, что я, и я одинъ, буду органомъ тѣхъ, которые такъ много вамъ обязаны, но, къ несчастію, никогда не узнаютъ имени своего благодѣтеля. Скажите мнѣ теперь: очень пристально разсматривали юристы документы? Проявили они какое-нибудь подозрѣніе? Есть ли у васъ основанія думать, что ихъ вниманіе возбуждено, привлечено... почеркомъ?

— Нѣтъ, конечно. Плохой бы я былъ искусникъ, еслибы горсть юристовъ замѣтила мой почеркъ.

— Это чудо!—воскликнулъ набожно Монтеварки.—Я считаю, что небо прямо оказало намъ свое покровительство для того, чтобы правосудіе было удовлетворено. Ангелъ водилъ вашей рукой, мой дорогой другъ, чтобы вы стали орудіемъ добраго дѣла.

— Охотно готовъ вѣрить этому. Сдѣлка была и мнѣ какъ же выгодна, какъ и синьору маркизу.

— Да, — отвѣтилъ князь нѣсколько сухо. — А теперь, мой дорогой Мескини, оставьте меня на нѣкоторое время. Я назначилъ этотъ часъ для того, чтобы переговорить съ младшей дочерью объ ея замужествѣ. Она — послѣдняя изъ моихъ прелестныхъ цвѣтковъ! Увы! какъ грустно разставаться съ тѣми, кого такъ сильно любишь! Но у насъ то утѣшеніе, что мы знаемъ, что это дѣлается для ихъ же пользы. Да, это единственное утѣшеніе, единственная награда за то, что мы добросовѣстно исполняемъ свой долгъ. Поэтому вернитесь пока въ библіотеку, Мескини. Сознаніе сдѣланнаго добра и вамъ усладитъ часы досуга и украситъ трудовые часы. Награда за добродѣтель — въ ней самой. Прощайте, мой другъ, прощайте. Благодарю васъ, благодарю васъ!..

— Не благоугодно ли будетъ вашей свѣтлости передать мнѣ деньги теперь? — спросилъ библіотекаръ.

Въ его тонѣ была твердость, удивившая Монтеварки.

— Какія деньги? — спросилъ князь, притворяясь, что не понимаетъ, о какихъ деньгахъ идетъ рѣчь.

— Двадцать тысячъ скуди, цѣна за работу, — отвѣчалъ Мескини съ досадной прямою.

— Двадцать тысячъ скуди! — закричалъ князь. — Я помню, что была рѣчь о деньгахъ... двѣ тысячи, кажется, я сказалъ. Даже и это — громадная сумма, но я увлекся, такъ какъ былъ взволнованъ. Всѣ мы подвержены этой слабости...

— Вы согласились уплатить мнѣ двадцать тысячъ скуди звонкой монетой въ тотъ день, какъ дѣло будетъ рѣшено въ пользу вашего зятя.

— Никогда я не соглашался ни на что подобное. Мой дорогой другъ, успѣхъ совсѣмъ отуманилъ вамъ голову! У меня у самого нѣтъ такихъ денегъ.

— Я не позволю обмануть себя, какъ дурака! — закричалъ Мескини, сдѣлавъ шагъ впередъ. Лицо его покраснѣло отъ злости, а длинныя руки странно жестикулировали. — Заплатите вы мнѣ или нѣтъ?

— Если вы принимаете со мной этотъ тонъ, то я ничего вамъ не заплачу, и даже перестану чувствовать къ вамъ благодарность.

— Къ чорту благодарность! — воскликнулъ тотъ свирѣпо. — Или вы сейчасъ же заплатите мнѣ деньги, или я пойду и немедленно донесу властямъ о поддѣлкѣ.

— И пойдете въ каторгу.

— А вы со мной.

— Нисколько. Есть у васъ доказательства, что я замѣшанъ

въ этомъ дѣлѣ? Говорю вамъ, что вы съ ума сопли. Если вы хотѣли сыграть со мной такую продѣлку, то должны были заставить меня подписать вексель. Хотя и тогда я могъ бы утверждать, что такъ какъ вы поддѣляли документы, то могли также поддѣлать и вексель. Но у васъ нѣтъ ничего, ни одного лоскутка бумажки, который бы изобличалъ меня въ участіи. Будьте благоразумны, и я буду великодушнѣе. Я дамъ вамъ двѣ тысячи, которыя обѣщаль сгоряча...

— Вы дадите мнѣ двадцать тысячъ, которыя торжественно обѣщали,—сказалъ Мескини съ сосредоточеннымъ гнѣвомъ.

Монтеварки медленно поднялся съ мѣста и позвонилъ. Онъ зналъ, что Мескини не будетъ такъ безуменъ, чтобы выдать себя, и понадѣется, что въ концѣ концовъ получитъ свое.

— Я не могу спорить съ сумасшедшимъ,—сказалъ онъ сповойно.

Онъ нисколько не боялся бібліотекаря. Ему никогда и въ голову не приходило, чтобы этотъ пожилой, сутуловатый ученый могъ быть опаснымъ. Простое слово Гуаша, одинъ его взглядъ устрашили Монтеварки всего какой-нибудь часъ тому назадъ, но бѣшенство Мескини нисколько не задѣвало его. Послѣдній видѣлъ, что въ настоящую минуту ему дѣлать нечего. Продолжать сцену при прислугѣ было непростительнымъ безумствомъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ дѣлѣ въ другой разъ,—угрюмо проговорилъ онъ, выходя изъ кабинета въ боковую дверь, которая вела въ коридоръ, сообщавшійся съ бібліотекой.

Монтеварки послалъ слугу, явившагося на зовъ, попросить донну-Фаустину придти немедленно въ кабинетъ. Такъ какъ сегодня выдался для него день объясненій и переговоровъ, то онъ рѣшилъ переговорить съ дочерью напрямки и приказать ей принять предложеніе Франджипани въ случаѣ, если ему удастся устроить этотъ бракъ.

А. Э.

ГЕРДЕРЪ

— Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго
В. Н. Невѣдомскій. Два тома. М. 1887—89.

I.

Одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ въ изслѣдованіи исторіи литературы и вообще просвѣщенія, и одинъ изъ интереснѣйшихъ результатовъ этого изслѣдованія составляетъ возможность наблюденія за первымъ появленіемъ извѣстной идеи, за ея постепеннымъ развитіемъ и распространеніемъ и, наконецъ, обширнымъ господствомъ въ наукѣ, въ поэзіи, въ общественныхъ понятіяхъ. Возможность этого наблюденія не ограничивается предѣлами одной литературы; напротивъ, при той связи, какая исторически соединяетъ культуры различныхъ народовъ и которая въ послѣдніе вѣка все въ большей и большей степени дѣлаетъ извѣстныя великія созданія человѣческой мысли и поэтическаго творчества достояніемъ общечеловѣческимъ, и даже явленія второго порядка дѣлаются достояніемъ международнымъ, упомянутое наблюденіе встрѣчаетъ множество любопытнѣйшихъ фактовъ этого постепеннаго роста литературныхъ идей и ихъ сильнаго дѣйствія далеко за предѣлами ихъ первоначальнаго возникновенія. Послѣдніе вѣка европейской умственной жизни въ особенности богаты фактами такого международного движенія и развитія, гдѣ гениальная мысль, высокое поэтическое созданіе, возникая въ средѣ своего общества, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ могущественное вліяніе на другіе народы; гдѣ нерѣдко случалось, что сходныя теченія появлялись одновременно въ разныхъ литературахъ,

сливались вмѣстѣ, и тогда результатъ становился тѣмъ могуще-
ственнымъ. Таково было, на примѣръ, обширное явленіе Возро-
жденія, которое подъ вліяніемъ одного общаго мотива распростра-
нилось по всѣмъ литературамъ западной Европы, видоизмѣняясь
по мѣстнымъ условіямъ, причѣмъ сильнѣе и характернѣе развива-
лась та или другая сторона цѣлаго направленія. Теперь извѣстно,
что даже въ средніе вѣка, когда международныя сношенія были
несравненно слабѣе, чѣмъ впослѣдствіи, совершалось широкое
общеніе какъ въ области ученой латинской литературы, такъ и въ
области полународныхъ поэтическихъ сказаній. Въ эпоху Возро-
жденія образуется несравненно болѣе широкое единство научно-
литературныхъ стремленій, та *respublica litterarum*, гдѣ пи-
сатели разныхъ странъ и школъ встрѣчались на общей почвѣ
науки и литературы. Эта почва все расширяется въ теченіе XVII-го
и XVIII-го столѣтій. Общій интересъ къ древнему міру, въ кото-
ромъ наиболѣе сильныя умы, а за ними и весь кругъ людей
образованныхъ, находятъ противовѣсъ и освобожденіе отъ узкой
исключительности и неподвижности средневѣковой схоластики и
клерикализма, этотъ интересъ дѣйствительно возрождаетъ самыя
глубокіе вопросы человѣческой мысли, которые считались рѣшен-
ными въ старой схоластикѣ, а теперь, подъ вліяніемъ новаго подъ-
ема критической мысли, оказались какъ бы вовсе еще нетрону-
тыми. Великія произведенія новой философской мысли въ тво-
реніяхъ Бэкона, Декарта, Лейбница, Спинозы, являются не
только достояніемъ всѣхъ дѣятелей философской мысли безъ раз-
личія національной принадлежности, но прочнымъ приобрѣтеніемъ,
которое уже не можетъ быть обойдено въ дальнѣйшемъ развитіи
науки. Въ менѣе широкихъ чертахъ, но все болѣе настойчиво
проявляются международныя литературныя вліянія, изъ которыхъ
мало-по-малу складывается общеевропейское литературное дви-
женіе. Во Франціи отзывается вліяніе итальянской комедіи, ис-
панскаго романа; въ Германіи широко распространяется вліяніе
французскаго псевдо-классицизма, которое смѣняется потомъ влія-
ніями Шекспира, сильно содѣйствовавшими освобожденію нѣмец-
кой литературы и утвержденію ея самостоятельности. Нѣмецкій
періодъ „просвѣщенія“ (*Aufklärung*) былъ въ тѣсной связи съ
французской „философіей“ XVIII-го вѣка, какъ потомъ нѣмецкая
реакція противъ этого направленія, отмѣченная раціонализмомъ
и матеріализмомъ, во многихъ случаяхъ тѣсно примыкаетъ къ
такой же французской реакціи противъ энциклопедистовъ, пер-
вымъ двигателемъ которой былъ здѣсь Руссо.

Положеніе нашей литературы относительно западнаго про-

свѣщенія въ XVIII вѣкѣ извѣстно. Русская образованность прошлаго вѣка прежде всего была двинута впередъ правительственной инициативой, которая съ начала XVIII-го вѣка шла какъ бы наперекоръ массѣ общества, хотя въ дѣйствительности была отвѣтомъ на глубокую и давнюю потребность лучшихъ людей этого общества. Послѣ Петра эта инициатива падаетъ, но движеніе въ обществѣ не прекращается, изъ чего и можно видѣть, что выбранная дорога отвѣчала внутреннему требованію самой жизни. Русская литература и люди общества съ пробужденною потребностью образованія были въ странномъ положеніи: въ одно прекрасное утро передъ ними отрывался (насколько распространено было знаніе иностранныхъ языковъ) цѣлый обширный міръ западной литературы, гдѣ они могли черпать множество новаго, раньше невѣдомаго содержанія, но гдѣ у нихъ не было руководителя, въ видѣ ли широко поставленной школы или въ лицѣ гениальнаго писателя, который сосредоточилъ бы запросы эпохи и далъ на нихъ отвѣтъ въ своихъ произведеніяхъ. Московскій университетъ основанъ былъ только въ 1755 году, уже во второй половинѣ столѣтія, и долго въ первое время не могъ установиться; „университетъ“ академическій въ Петербургѣ въ лучшихъ случаяхъ давалъ специальное научное образованіе; Ломоносовъ былъ больше ученый специалистъ, чѣмъ такой писатель, о какомъ мы говорили, — хотя, по требованіямъ времени, постоянно выходилъ изъ области естествознанія и становился грамматикомъ, историкомъ, стихотворцемъ, даже публицистомъ. Правда, въ послѣдствіи школа, въ которой было много иностранцевъ, между прочимъ весьма образованныхъ и настоящихъ ученыхъ, давала прямыя раціональныя указанія объ интересахъ современной европейской литературы; но говоря вообще, русское общество очень часто въ знакомствѣ съ ними было предоставлено случайности: на первый разъ то или другое направленіе западной литературы, которое у насъ узнавали и даже усваивали, бывало совершенною новостью, не имѣвшею antecedentovъ. Много русскихъ образованныхъ людей и даже писателей, какъ можно судить изъ множества изданныхъ теперь мемуаровъ, были настоящими самоучками, своимъ умомъ и на свой страхъ составлявшими себѣ свои взгляды подъ вліяніемъ иностранныхъ книгъ и шедшими по непроторенной дорогѣ. Таковъ былъ въ полной мѣрѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей первой половины столѣтія, Татищевъ. Таковъ во многихъ отношеніяхъ былъ и Ломоносовъ. Понятно, что при этомъ было не мало случаевъ слишкомъ поверхностнаго знанія, бесплодно потраченнаго времени;

но чѣмъ дальше, тѣмъ больше знакомство съ европейской литературой становится сознательнымъ: извѣстныя направленія европейской литературы принимаются съ пониманіемъ, быть можетъ не особенно тонкимъ, но все-таки съ пониманіемъ ихъ значенія, какъ напримѣръ все то, чтò сдѣлано было для водворенія у насъ французскаго псевдо-классицизма, около половины прошлаго столѣтія и даже нѣсколько раньше. Такъ, нѣсколько позднѣе, столь же сознательно наши мистики выискиваютъ въ западной литературѣ творенія, подходившія къ ихъ вкусу, и образуютъ цѣлую школу. Такъ, въ особенности съ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, усваивается французская просвѣтительная философія въ ея различныхъ оттѣнкахъ, не исключая самыхъ крайнихъ. Мало-по-малу отголоски западной европейской литературы достигаютъ къ намъ все въ большемъ количествѣ и болѣе сознательно распределяются въ разныхъ кругахъ, смотря по складу характеровъ, условіямъ воспитанія и т. д. Къ концу столѣтія молодой Карамзинъ (ему было тогда около 24 лѣтъ) отправляется въ свое путешествіе уже весьма хорошо ориентированнымъ относительно основныхъ явленій западной литературы.

Среди видимыхъ случайностей западнаго вліянія на нашу литературу прошлаго вѣка, въ окончательномъ выводѣ оно приносило къ намъ, хотя далеко не въ полномъ видѣ, вслѣдствіе общей скудости нашего просвѣщенія, именно тѣ направленія, которыя съ разныхъ сторонъ должны были содѣйствовать установленію нашей литературы. Такъ или иначе, хотя бы иногда въ очень слабыхъ отраженіяхъ, у насъ переживались тѣ движенія, какія совершались въ то время въ западной литературѣ, и хотя мы съ своей стороны ничѣмъ не участвовали въ созиданіи идей, производившихъ литературные перевороты на западѣ, но къ намъ доходили отголоски борьбы, и когда мы принимали вновь народившіяся направленія, онѣ не были намъ совершенно чужды: или намъ были нѣсколько знакомы ихъ первые шаги, или мы подготовлялись къ нимъ полусознательно, слѣдя за главными фактами литературы и политической жизни, или, наконецъ, въ средѣ нашей собственной литературы сами собой изъ другихъ источниковъ зарождались попытки, параллельныя съ движеніями европейской мысли.

Однимъ изъ самыхъ жизненныхъ явленій западной литературы прошлаго вѣка и нашей собственной, было возникновеніе того интереса къ изученію народа и народности, которое, отрываясь слабыми или отвлеченными зачатками въ концѣ XVIII-го

вѣка, разрослось въ XIX-мъ въ широкое движеніе, распространившееся въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ въ поэзіи, въ наукѣ, общественной нравственности и во внутренней политической жизни. Это движеніе составлялось мало-по-малу изъ самыхъ разнообразныхъ мотивовъ, которые сплетаются въ дальнейшемъ развитіи и, получивъ въ послѣдствіи извѣстную опредѣленность, представляются какъ нѣчто совершенно новое, созданное нашимъ вѣкомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ его первые зародыши принадлежатъ гораздо болѣе раннему времени. У насъ, какъ теперь извѣстно, первыя ясныя попытки обращенія къ народнымъ изученіямъ принадлежатъ второй половинѣ прошлаго вѣка, приурочиваются къ трудамъ Чулкова, Новикова, Прача и др. Въ послѣдствіи эти попытки продолжаются въ трудахъ нашей этнографіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и становятся, наконецъ, прочною отраслью нашей науки и общественнаго интереса съ тѣхъ поръ, когда наши домашнія изученія были подкрѣплены систематическими ученіями западной, по преимуществу нѣмецкой науки. Утвержденію этого интереса въ нашей литературѣ и обществѣ много содѣйствовало именно то, что онъ, какъ мы сейчасъ упоминали, въ своихъ первыхъ начинаніяхъ восходитъ очень далеко, за сто лѣтъ назадъ, и былъ естественно возникавшимъ интересомъ къ своему народному; между тѣмъ свою сознательную опредѣленность, научную и общественную вмѣстѣ, онъ приобретаетъ лишь съ того времени, когда былъ освѣщенъ научной критикой. Мы привыкли думать, что развитіе этихъ изученій составляетъ крупный фактъ нашего народнаго самосознанія; это справедливо, но необходимо признать, что онъ совершился между прочимъ благодаря именно участію науки. Это была наука западная, у насъ ревностно, по мѣрѣ нашихъ общихъ научныхъ средствъ, воспринимаемая, такъ что наше собственное дѣло совершалось, такъ сказать, при участіи того сознанія общечеловѣческаго, какимъ является наука въ ея общемъ широкомъ смыслѣ. Въ исторіи этой общей науки народовѣденія, дѣйствіе которой распространилось, какъ мы говоримъ, и на наши собственные народныя изученія, на укрѣпленіе нашего народнаго самосознанія, великое значеніе имѣла дѣятельность писателя, который повидимому не имѣлъ въ свое время ближайшаго вліянія въ нашей литературѣ, но въ произведеніяхъ котораго заключались основы научнаго движенія, оказавшаго у насъ могущественное дѣйствіе въ послѣдствіи. Это былъ Гердеръ. Между прочимъ поэтому можно съ удовольствіемъ приветствовать появленіе на русскомъ языкѣ подробной біографіи его, составленной Гаймомъ.

Собственно говоря, дѣятельность Гердера гораздо шире той области, на которую мы сейчас указывали. Онъ не хотѣлъ быть и не былъ только начинателемъ этнографіи или народной исторіи. Та роль, какую пришлось ему занять въ исторіи литературы, была не совсѣмъ та, какую самъ онъ имѣлъ въ виду, хотя по своей сущности именно совпадаетъ съ его глубочайшими стремленіями. Гердеръ былъ философъ въ стилѣ XVIII-го вѣка, не философъ, создающій обдуманныя цѣльныя системы, но философъ-моралистъ и публицистъ, который дѣйствуетъ и увлекаетъ не столько силою своей аргументаціи, сколько порывами энтузіазма, поэтичностью своей проповѣди. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду рассказывать его біографію и излагать его литературную дѣятельность: это потребовало бы много времени и цѣлой монографіи. Мы имѣемъ особенно въ виду только одну сторону его дѣятельности, болѣе близкую къ указаннымъ выше интересамъ, тѣмъ болѣе, что въ полной мѣрѣ идеи Гердера, быть можетъ, и донинѣ непосильны нашей литературѣ.

Мы остановимся сначала на главнѣйшихъ фактахъ его біографіи и внѣшнихъ чертахъ его литературной дѣятельности, а затѣмъ на самомъ содержаніи его произведеній.

Внѣшняя біографія Гердера была несложная. Онъ родился въ 1744 году въ небольшомъ городѣ восточной Пруссіи, Морунгенѣ; отецъ его былъ звонаремъ морунгенской протестантской церкви и начальнымъ учителемъ; домашняя обстановка была скудная, но по-нѣмецки порядливая. Въ дѣтствѣ и юности Гердеру пришлось испытать тягостныя стороны бѣдности; онъ учился, конечно, въ школѣ и, уже взрослымъ мальчикомъ, за столъ и помѣщеніе долго исполнялъ мелкія услуги у одного изъ своихъ наставниковъ, который успѣлъ внушить ему почти ненависть своимъ тиранствомъ, хотя это было духовное лицо и даже писатель въ духѣ тогдашняго протестантскаго піетизма. Не болѣе какъ счастливый случай далъ ему возможность попасть, восемнадцати-лѣтнимъ юношей, въ Кѣнигсбергъ, который былъ столицей ихъ провинціи, а главное, обладалъ университетомъ, гдѣ въ эти годы начиналъ свою дѣятельность знаменитый Кантъ. Гердеръ могъ пріѣхать въ Кѣнигсбергъ благодаря участію одного добраго чело- вѣка, съ ничтожнымъ запасомъ своихъ собственныхъ денегъ; но онъ могъ давать уроки по многимъ предметамъ, а кромѣ того былъ уже извѣстенъ кѣнигсбергскому книгопродавцу-издателю однимъ стихотвореніемъ, писаннымъ на случай, которое онъ при-

слалъ еще изъ Морунгена и которое было напечатано этимъ книгопродавцемъ и произвело немалое впечатлѣніе. Рекомендаціи этого книгопродавца, лавка котораго была мѣстомъ сходокъ кѣнигсбергскаго ученаго круга, помогли Гердеру найти себѣ уроки въ одномъ учебномъ заведеніи и поступить на богословскій факультетъ кѣнигсбергскаго университета.

Гердеру, какъ мы сказали, въ это время было 18 лѣтъ. Онъ учился до тѣхъ поръ въ школѣ мелкаго города, въ родѣ нашихъ уѣздныхъ, и однако въ этомъ маленькомъ городѣ онъ могъ пріобрѣсти школьную подготовку, которая уже обращала на себя вниманіе. У него было немного учителей, но это были люди съ ученымъ образованіемъ, которые въ состояніи были дать ему прекрасное знаніе древнихъ языковъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ для слушанія университетскаго курса. Это—образчикъ того широкаго распространенія образованія, какимъ ужѣ давно отличалась Германія; замѣчательные, даже знаменитые университеты разсѣяны были не только по крупнымъ, но особливо по мелкимъ городамъ Германіи, раздѣленной тогда на множество феодальныхъ государствъ, и это богатство высшей науки распространялось, какъ видимъ, на самыя мелкіе уголки всей страны. Должно, впрочемъ, сказать, что не меньше своихъ учителей Гердеръ былъ обязанъ образованіемъ самому себѣ: онъ жаждалъ знанія; онъ еще юношей, почти мальчикомъ, съ увлеченіемъ перечитывалъ своихъ классиковъ, которыхъ послѣ прекрасно зналъ; въ своемъ маленькомъ городѣ онъ разыскивалъ книги, и рассказываютъ, что, увидѣвъ книгу въ окнѣ, онъ входилъ къ совсѣмъ незнакомымъ людямъ и просилъ дать ему прочесть эту книгу. Вмѣстѣ съ любознательностью рано проснулась въ немъ другая черта—и это была господствующая черта всего его дальнѣйшаго характера: это былъ поэтическій мыслитель, проникнутый съ первыхъ шаговъ своего сознанія глубокою человѣчностью.

У біографовъ Гердера можно встрѣтить различныя сужденія о томъ, какой писатель и какое чтеніе возбудили дѣятельность его собственнаго ума и фантазіи. Говорятъ обыкновенно, что его руководителемъ былъ въ особенности Гаманнъ, оригинальный мыслитель конца прошлаго вѣка, философъ и пѣтистъ; другіе думали, что въ этотъ кѣнигсбергскій періодъ, когда всего сильнѣе опредѣлялось духовное содержаніе Гердера, въ особенности возбуждающимъ образомъ подѣйствовалъ на Гердера Руссо (такъ думаетъ Геттнеръ); новѣйшій біографъ, Гаймъ, разбирающій до послѣднихъ мелочей факты жизни и сочиненій Гердера, оспариваетъ это мнѣніе и находитъ, что основой дѣятельности Гердера

были врожденныя качества его собственнаго дарованія и характера, въ которыхъ было только нѣчто общее съ геніемъ Руссо. Замѣтимъ мимоходомъ, что для внутренней біографіи Гердера представляется множество матеріала: во-первыхъ, въ его собственныхъ сочиненіяхъ — онъ писалъ много и началъ писать очень рано; во-вторыхъ, сохранилась обширная переписка его и его друзей, гдѣ намѣчается множество подробностей его мыслей и хода его работъ; далѣе, сохранились его дневники, бумаги, воспоминанія его близкихъ; наконецъ, разработана до большихъ подробностей исторія литературы его времени. Очевидно, что эта масса подробностей можетъ доставлять множество объяснительныхъ чертъ для исторіи взглядовъ и всей умственной обстановки писателя; при этомъ однако требуется большое вниманіе, чтобы частности не заслоняли крупныхъ основныхъ явленій — какъ это иногда и случается, напр., у Гайма. Въ этомъ отношеніи едва ли не бывають больше правы тѣ біографы, которые ищутъ руководящихъ вліяній не въ частности, а въ общемъ тонѣ времени и общемъ характерѣ дѣятеля. Мы увидимъ далѣе, что подобнымъ образомъ именно и связана дѣятельность Гердера съ общимъ направленіемъ его эпохи. Но сначала доскажемъ его внѣшнюю біографію.

Въ Кѣнигсбергѣ Гердеръ пробылъ года три. Его покровитель, русскій военный хирургъ, желалъ сдѣлать изъ него медика; но оказалось, что при первомъ посѣщеніи анатомическаго театра съ Гердеромъ сдѣлалось дурно, и предполагаемая профессія оказалась невозможной. Мы упомянули, что, благодаря своей подготовкѣ, Гердеръ получилъ возможность существованія преподаваніемъ въ Collegium Fridericianum, а нѣкоторая литературная извѣстность и содѣйствіе упомянутаго книгопродавца-издателя дали ему возможность найти знакомства въ кѣнигсбергскомъ учено-литературномъ обществѣ. Кѣнигсбергъ былъ нѣчто въ родѣ столицы для восточной Пруссіи, но собственно очень второстепенный городъ; этотъ второстепенный городъ игралъ, однако, не малую роль въ исторіи нѣмецкаго просвѣщенія прошлаго вѣка наряду съ Берлиномъ, Гёттингеномъ, Веймаромъ. Если ничтожное мѣстечко, которое было родиной Гердера, могло уже доставить своему уроженцу серьезную подготовку къ широкому ученому образованію, то пребываніе въ Кѣнигсбергѣ ввело Гердера прямо въ разгаръ тогдашней умственной жизни Германіи. Знаменитый Кантъ, весь свой вѣкъ прожившій въ Кѣнигсбергѣ, уже обращалъ на себя вниманіе всей мыслящей Германіи, а два-три десятилѣтія спустя его дѣятельность стала однимъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ

умственной жизни всей Европы. Гердеръ имѣлъ случай познакомиться съ Кантомъ, который принялъ участіе въ даровитомъ юношѣ и разрѣшилъ ему бесплатно посѣщать его лекціи. Въ Кенигсбергѣ жилъ и другой, не столь знаменитый, но въ свое время вліятельный писатель, имя котораго мы называли—Гаманнъ, съ которымъ Гердеръ также былъ очень близокъ. Преподаваніе въ коллегіи оставляло время для собственныхъ занятій, и Гердеръ съ чрезвычайною ревностью отдался изученію теологіи, археологіи, литературы, искусства и т. д. Въ короткое время онъ приобрѣлъ извѣстность своими дарованіями и искусствомъ преподаванія, и уже черезъ три года получилъ отъ своихъ кѣнигсбергскихъ друзей и покровителей рекомендаціи, которыя дали ему возможность занять самостоятельное положеніе. Ему предложили въ концѣ 1764 года завѣдываніе церковной школой въ Ригѣ и соединявшееся съ этимъ мѣсто проповѣдника. Ему шелъ только всего двадцать-первый годъ. Въ Ригѣ, которая была совершенно нѣмецкимъ городомъ, съ еще державшимися тогда феодальными порядками, съ дворянской и купеческой аристократіей, не лишеной интересовъ къ просвѣщенію, Гердеръ уже скоро приобрѣлъ извѣстность, какъ прекрасный педагогъ и талантливый проповѣдникъ. Его школьная рѣчь, въ которой онъ излагалъ свои взгляды на способы школьнаго преподаванія, произвела въ городѣ впечатлѣніе; еще большее впечатлѣніе производили его проповѣди, гдѣ вмѣсто привычнаго, сухого піэтизма слушатели встрѣтили одушевленную рѣчь, затрогивавшую серьезные философскіе вопросы и окрашенную поэтической фантазіей. Рига была и городъ литературный: въ Ригѣ жилъ въ недавнее время Гаманнъ, имѣвшій здѣсь своихъ друзей; въ обществѣ было не мало образованныхъ людей не только въ духѣ распространеннаго тогда піэтизма, но и въ духѣ свободомыслящаго „просвѣщенія“; здѣсь появились и первыя работы Гердера, очень скоро сдѣлавшія его имя извѣстнымъ ученой и литературной Германіи. Въ 1767 году Гердеръ получилъ уже выгодное приглашеніе въ Петербургъ, котораго однако онъ не принялъ. Въ самой Ригѣ онъ остался не долго. Въ 1769 году онъ оставилъ ее, увлекаемый желаніемъ видѣть свѣтъ, расширить свои изученія, и предпринялъ путешествіе за границу. Этой порѣ принадлежитъ дневникъ его путешествія, гдѣ любопытнымъ образомъ отражается его внутренняя дѣятельная жизнь. Его разѣзды продолжались года два. Отправившись изъ Риги моремъ, онъ направился во Францію, довольно долго прожилъ въ Нантѣ и Парижѣ, черезъ Голландію вернулся въ Германію, именно въ Гамбургъ, и затѣмъ занялъ должность вос-

питателя принца голштейнъ-эйтинскаго, при которомъ былъ и предигеромъ; съ принцемъ онъ предпринялъ другое путешествіе черезъ юго-западную Германію въ Страсбургъ, гдѣ прожилъ довольно долго, вслѣдствіе глазной болѣзни; онъ оставилъ здѣсь своего принца и между прочимъ сблизился съ Гёте, на котораго, какъ говорятъ, имѣлъ тогда большое вліяніе. Слѣдующія лѣтъ пять (1771—1776) онъ прожилъ въ Бюкебургѣ, куда былъ приглашенъ въ качествѣ главнаго проповѣдника, суперинтендента и совѣтника консисторіи. Между тѣмъ слава его, какъ проповѣдника и особливо писателя, росла, и въ 1776 году, при содѣйствіи Гёте, онъ получилъ приглашеніе въ Веймаръ въ качествѣ придворнаго проповѣдника, генераль-суперинтендента и члена консисторіи. Здѣсь Гердеръ основался на всю свою остальную жизнь. Это было то время, которое дало Веймару славу германскихъ Аѳинъ, и справедливо, потому что здѣсь жили и дѣйствовали въ концѣ прошлаго вѣка Гёте, Шиллеръ, Виландъ и Гердеръ,—по смерти Лессинга и со включеніемъ Канта—величайшіе умы и дарованія тогдашней Германіи. Отсюда выходили созданія двухъ великихъ поэтовъ Германіи и воодушевляющія философско-поэтическія книги Гердера, которыя производили могущественное впечатлѣніе не только въ Германіи, но и за ея предѣлами и составили славу этого золотого періода нѣмецкой литературы. Здѣсь Гердеръ и умеръ въ 1803 году.

Имя Гердера ставится рядомъ съ именами Гёте и Шиллера, какъ высшихъ представителей той эпохи нѣмецкой литературы, начало которой извѣстно подъ названіемъ періода бурныхъ стремленій (*Sturm- und Drangperiode*). Правда, Гердеръ не оставилъ вообще ни одного вполне законченнаго труда и всѣ его произведенія носятъ характеръ отрывочныхъ импровизацій; тѣмъ не менѣе историки нѣмецкой литературы ставятъ его рядомъ съ величайшими нѣмецкими писателями той эпохи по тому возбуждающему вліянію, какое оказалъ онъ на умы современниковъ и на дальнѣйшее развитіе глубочайшихъ вопросовъ философско-исторической науки, на истолкованіе искусства и на разъясненіе гуманныхъ идеаловъ новѣйшаго просвѣщенія. Это отсутствіе законченнаго труда по какой-либо изъ тѣхъ многообразныхъ областей науки и искусства, которыхъ касался Гердеръ и на которыя онъ нерѣдко впервые бросалъ новое оригинальное освѣщеніе, было причиной того, что его сочиненія не имѣли въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ такого дѣйствія, какое могли бы и должны бы имѣть по существу своего содержанія. Онъ остался по преимуществу писателемъ своего вѣка, но великая историческая заслуга его

была въ томъ, что въ своемъ вѣкѣ онъ какъ немногіе работалъ для расширенія того научнаго и общественнаго міровоззрѣнія, изъ котораго происходятъ лучшія стремленія нашего собственнаго времени. Еще современники упрекали его въ недостаткѣ системы; это и не былъ систематическій умъ, который способенъ былъ бы отдавать годы упорнаго труда отвлеченной мысли на выработку строго-точного философскаго, историческаго или эстетическаго зданія; напротивъ, это былъ умъ, иногда гениальный, поэтическаго и философскаго мечтателя, который, быстро схватывая явленія исторіи, литературы и искусства, привлекавшіе его вниманіе, впервые открывалъ въ нихъ такіе стороны, которыя оставались до тѣхъ поръ незамѣченными, и именно то, что дѣлало ихъ предметомъ глубокаго общечеловѣческаго интереса. Своимъ высшимъ идеаломъ, той цѣлью, къ которой, по его убѣжденію, стремится все человѣчество въ своемъ историческомъ трудѣ и испытаніяхъ и безъ которой явленія ея оставались бы безсвязной путаницей случайностей, — этимъ высшимъ идеаломъ Гердеръ считалъ *человѣчность* (Humanität). Человѣчность есть понятіе общечеловѣческой любви и солидарности: человѣчество должно стремиться, и въ исторіи дѣйствительно стремилось, къ тому, чтобы и въ отдѣльныхъ лицахъ, и въ цѣлыхъ народахъ, и во всей ихъ совокупности развивалось это понятіе, которое есть понятіе человѣческаго достоинства, справедливости и вмѣстѣ выполненіе религіознаго завѣта христіанской любви. „Письма о гуманности“ (Briefe über Humanität) были однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Гердера, трудомъ его старости, гдѣ онъ старался въ различныхъ областяхъ развить свою идею; но это была, въ сущности, мысль всей его жизни, тотъ основной нравственный мотивъ, которымъ съ большей или меньшей ясностью одушевлена вся его дѣятельность.

Въ частности, эта дѣятельность, какъ мы замѣчали, приурочивается къ той эпохѣ, которая у историковъ нѣмецкой литературы обозначается названіемъ Sturm- und Drangperiode и которой главнѣйшими представителями считаются Гердеръ, Гёте и Шиллеръ, — правда, такими представителями, у которыхъ отпала слабая поверхностная сторона этого движенія и достигла полного развитія та особенность, которая составляла его здоровое историческое зерно. Мы не имѣемъ возможности входить въ подробности объ этой эпохѣ и укажемъ только существенную ея черту, объясняющую, между прочимъ, дѣятельность Гердера. Срединѣ XVIII-го вѣка отмѣчена была въ нѣмецкой литературѣ двумя явленіями: во-первыхъ, сильнымъ вліяніемъ французскаго псевдо-

классицизма въ литературѣ, съ которымъ рядомъ шло вліяніе французскихъ правовъ и господство французскаго языка въ высшемъ кругу; во-вторыхъ, распространеніемъ того скептическаго раціонализма, который отличалъ какъ французскую „философію“, такъ и тогдашнее нѣмецкое „просвѣщеніе“. То и другое было понятно, потому что то и другое было великимъ успѣхомъ въ сравненіи съ тѣми формами литературы и съ тѣми понятіями, какія господствовали въ обществѣ ранѣе. Обоимъ явленіямъ придавало силу то обстоятельство, что литература, ихъ выражавшая, становилась впервые популярной, относилась не къ однимъ ученымъ спеціалистамъ или тѣсному кругу читателей, а къ большому кругу образованныхъ людей, въ которыхъ будила мысль и эстетическіе интересы. Было еще памятно и производило сильное впечатлѣніе блестящее время Людовика XIV и классическій вѣкъ французской литературы; въ послѣдствіи открылись отталкивающія стороны этого блестящаго вѣка и односторонность французскаго псевдо-классицизма; но въ то время въ Германіи, исполненной феодальными воспоминаніями и еще жившимъ феодальнымъ порядкомъ вещей, вѣкъ Людовика XIV представлялся въ своемъ радужномъ сіяніи; а что касается литературы, то если теперь строгая критика, послѣ всѣхъ обвиненій, которыя накопились противъ французскаго псевдо-классицизма, признаетъ великія дарованія его главныхъ дѣятелей, то понятно очарованіе, какое производили они въ свое время, когда авторитетъ французской литературы подтверждался увлеченіемъ всего высшаго круга общества и замѣчательнымъ изяществомъ тонко выдѣланной, хотя изысканной формы. Подобнымъ образомъ могла имѣть успѣхъ другая сторона движенія: тогдашній раціонализмъ, доходившій до деизма и материализма, былъ протестомъ какъ противъ остатковъ средневѣковой схоластики и педантизма, такъ и противъ устарѣлыхъ формъ самой жизни; онъ заявлялъ требованія здраваго смысла и въ своихъ отрицаніяхъ былъ доступенъ пониманію большой массы общества. Въ Германіи, „просвѣтителѣ“ (Aufklärer) ревностно вели свою проповѣдь и въ отвлеченныхъ вопросахъ нравственности, и въ доступныхъ имъ вопросахъ практической жизни, и успѣли привлечь къ себѣ большое число послѣдователей въ зарождавшемся образованномъ классѣ, въ аристократіи, въ бюргерствѣ и въ ученыхъ профессіяхъ. Развитіе этого просвѣтительнаго направленія сильно содѣйствовало оживленію нѣмецкой литературы съ половины прошлаго столѣтія. Но долго это положеніе вещей держаться не могло: въ концѣ концовъ должно было пробудиться, во-первыхъ, нѣмецкое національное сознаніе и возстать

противъ наплыва чужеземныхъ формъ и содержанія, и во-вторыхъ, должна была обнаружиться односторонность просвѣтительнаго направленія. Въ первомъ изъ этихъ движеній величайшая заслуга принадлежитъ Лессингу; во второмъ дѣйствовать періодъ „бурныхъ стремленій“. Остановимся на послѣднемъ.

При всѣхъ важныхъ литературныхъ и общественныхъ приобрѣтеніяхъ, какія сдѣланы были просвѣтительнымъ раціонализмомъ, въ этомъ направленіи былъ глубокій внутренній недостатокъ, состоявшій въ томъ, что стремленіе найти всему простое объясненіе съ помощью сухого здраваго смысла и ближайшей исторической критики оставляло необъясненными цѣлую массу духовныхъ явленій какъ въ личной человѣческой жизни, такъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ и человѣчества. За внѣшними фактами человѣческой жизни, личной и исторической, лежали глубокія психологическія основы, уразумѣніе которыхъ было не по силамъ тогдашнему раціонализму и матеріализму. Эти ученія не разъ приходили къ результатамъ, слишкомъ грубымъ въ своей будто бы разумной простотѣ. Напомнимъ для примѣра распространенное тогда толкованіе древнихъ и народныхъ религій посредствомъ предполагаемаго „обмана жрецовъ“; въ настоящее время очевидны грубость и невѣрность этого объясненія. Понятно, что въ основѣ должно было быть глубокое психологическое строеніе, владѣвшее и народомъ, и самими жрецами,—была ли это прирожденная духовная потребность, или остатокъ древняго преданія въ библейскомъ смыслѣ, и т. д. Подобнымъ образомъ внутренняя жизнь личности не исчерпывается объясненіемъ чловѣка, какъ „машины“, и эта жизнь заключается не въ однихъ внѣшнихъ матеріальныхъ интересахъ и дѣятельности разсудка: остается цѣлая область чувства, которая не поддавалась матеріалистическимъ опредѣленіямъ, какъ онѣ тогда ставились. Когда крайность и вмѣстѣ неудовлетворительность „философіи“ была почувствована, реакція противъ нея высказалась опять съ другою крайностью. „Философія“ не давала отвѣта на тревожные вопросы—она фальшива и ненужна, она только вводитъ въ заблужденіе, и наконецъ подвергалась сомнѣнію вся та сумма историческихъ приобрѣтеній, которыя возвеличивались какъ просвѣщеніе и цивилизація. Что дала, въ концѣ концовъ, эта цивилизація? Находить ли въ ней человѣчество свое удовлетвореніе и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи? Не лучше ли были тѣ времена, когда не было этой цивилизаціи съ ея тлетворными вліяніями, которыхъ такъ много можно видѣть на современномъ обществѣ?

Нѣмецкій періодъ „бурныхъ стремленій“ былъ именно реак-

цій противъ этого направленія. Какъ бываетъ почти всегда съ нѣсколькими сложными литературными явлениями, этотъ періодъ представляетъ весьма разнородные источники и оттѣнки. Стремленіе къ новому высказывалось съ нерѣдкой въ подобныхъ случаяхъ рѣзкостью, съ угловатыми и „бурными“ притязаніями на свободу избранной личности (Kraftgenialität), что сообщило самому литературному періоду его названіе. Проблески новыхъ требованій получали такой видъ, что новое направленіе представлялось какъ бы отрицаніемъ самого просвѣщенія, какъ въ то же время настоящими отрицателями этого просвѣщенія являлись пѣтисты съ различными фантастическими развѣтвленіями этой школы до масонскаго розенкрейцерства и алхиміи величательно. Но въ средѣ новаго направленія нашлись геніальныя дарованія, у которыхъ молодая излишества отпали и развились только тѣ здоровыя стремленія, которыя лежали въ основѣ этого направленія. Старый раціонализмъ вмѣстѣ съ крайностями „бурныхъ стремлений“ забылся, когда великіе вопросы человѣческой мысли, искусства, исторіи, поэзіи предстали въ твореніяхъ Гёте, Шиллера, а также и Гердера.

Въ отдѣльныхъ геніальныхъ или высоко даровитыхъ личностяхъ обыкновенно или почти всегда отражается не только особенность ихъ личной природы, но и жизненное содержаніе эпохи. Выше мы коснулись того, какъ біографы Гердера объясняли происхожденіе его мировоззрѣнія. Подобное объясненіе бываетъ нерѣдко соединено съ большими трудностями. Кропотливый біографъ можетъ отыскать въ какихъ-нибудь сохранившихся бумагахъ изъ юности историческаго дѣятеля намекъ на ту или другую мысль, получавшую потомъ развитіе въ дальнѣйшихъ взглядахъ писателя, и легко можетъ думать, что открылъ первый зародышъ той или другой идеи; но легко возможна при этомъ и простая ошибка: не все было записано, и даже въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ самого дѣятеля, его современниковъ и друзей, можетъ ускользнуть извѣстная черта, извѣстный мотивъ, которые нѣкогда, быть можетъ, иногда безсознательно, дѣйствовали на душевный складъ и направленіе мысли. Бываютъ, правда, исключительныя обстоятельства, которыя оставляютъ глубокое впечатлѣніе и получаютъ руководящее значеніе, но, вообще говоря, въ біографіи всего вѣроятнѣе предполагать, какъ обыкновенно бываетъ въ жизни, цѣлую сложность разнородныхъ воздѣйствій, которая именно и составляетъ то, что называется духомъ вѣка. Поэтому и случается, что дѣятели одной эпохи, развивавшіеся независимо одинъ отъ другого, когда уже опредѣлились ихъ направленія, узнаютъ другъ

друга на одномъ и томъ же пути, на который, однако, попадали изъ весьма различныхъ слоевъ общества, изъ разныхъ условий воспитанія и первоначальной обстановки. Въ этихъ несходныхъ условіяхъ на нихъ дѣйствуетъ одинъ духъ вѣка и дѣйствуетъ путями, иногда неуловимыми для изслѣдованія.

Въ томъ направленіи, въ какомъ шла молодая дѣятельность Гердера, начиная съ его пребыванія въ Кѣнигсбергѣ и Ригѣ, весьма естественно видѣть въ особенности вліяніе писателя, который въ тѣ годы, кажется, всего могущественнѣе волновалъ умы всей образованной Европы, именно Руссо. Такъ и думаетъ Геттнеръ ¹⁾. Гаймъ оспариваетъ это мнѣніе, но едва ли убѣдительно ²⁾. Личный складъ природы и ума Гердера, его пытливость, наслажденіе, какое находилъ онъ въ первобытной поэзіи, склонность переселяться въ жизнь далекихъ вѣковъ и народовъ, давнія мечты о благѣ человѣчества и пр., доставляли сами по себѣ благодарную почву для философско-поэтическихъ увлеченій; Гердеръ и дѣйствительно отдавался имъ уже въ ранней юности, когда, съ одной стороны, восхищала его поэзія Библии, а съ другой—поэзія античная и Оссіанъ; но если искать литературныхъ возбужденій, которыя въ особенности могли поддержать его на этой дорогѣ, то всего больше это могли быть возбужденія Руссо. „Въ настоящее время,—говоритъ Геттнеръ,—мы едва можемъ составить себѣ достаточное понятіе о томъ демоническомъ очарованіи, которое производили на ближайшихъ современниковъ, и въ Германіи еще больше даже, чѣмъ во Франціи, призывы Руссо къ природѣ и къ первобытности, къ возрожденію и обновленію. Уже въ 1751 году, заявляя о первомъ сочиненіи Руссо, Лессингъ сказалъ, что объ этихъ возвышенныхъ взглядахъ и стремленіяхъ нельзя говорить безъ тайнаго благоговѣнія. Но съ тѣхъ поръ дѣятельность и значеніе Руссо постоянно возрастали. Даже Кантъ, который глубочайшимъ образомъ ненавидѣлъ всякихъ мечтателей, не могъ уклониться отъ грандіознаго міровоззрѣнія Руссо. Рассказываютъ, что однажды за чтеніемъ Руссо съ нимъ произошла вещь неслыханная: онъ забылъ свою обыкновенную прогулку, которую дѣлалъ ежедневно... Люди, близкіе къ нему, говорили въ 1766 году, что мысль Канта теперь постоянно въ Англіи, потому что тамъ были Юмъ и Руссо. Но въ особенности около Руссо собиралась молодежь. Для Гердера, въ годы его студенчества съ Кѣнигсбергѣ, Руссо былъ постояннымъ спутникомъ, и

¹⁾ „Litteraturgeschichte des XVIII Jahrhunderts, III, 3-tes Buch, 1-te Abth. Braunsch., 1869, стр. 4—5, 27—29.

²⁾ Гердеръ, I, стр. 391.

еще въ Ригѣ онъ оставался для Гердера главнымъ руководителемъ въ его смѣлыхъ и гениальныхъ планахъ будущаго. Гёте, какъ показываетъ его дневникъ, во время пребыванія въ Страсбургѣ питалъ живѣйшее пристрастіе въ особенности къ религиознымъ идеямъ Руссо. Современники и друзья Гёте положительно утверждали, что онъ—великій почитатель Руссо, хотя и не принадлежить къ его слѣпымъ поклонникамъ, что Вертеръ и Фаустъ немислимы безъ Руссо... Шиллеръ посвящаетъ одно изъ своихъ самыхъ раннихъ стихотвореній восторженному восхваленію Руссо, и что иное представляютъ его первыя драматическія произведенія, отъ „Разбойниковъ“ до „Донъ-Карлоса“, какъ не сильное поэтическое выраженіе глубокаго революціоннаго гнѣва, который юноша, стремившійся къ природѣ и свободѣ, питалъ и возбуждалъ въ себѣ 'сочиненіями Руссо? Въ наукѣ права, въ вопросахъ воспитанія, вездѣ Руссо производитъ то же глубокое воздѣйствіе. „Во имя Руссо,—говоритъ Гёте въ своей „Правдѣ и Поэзіи“,—широко и далеко раскинулась мирная община“. И еще въ молодости Нибура, которая приходится почти на поколѣніе позднѣе Руссо, какъ рассказываетъ Нибуръ въ своихъ лекціяхъ объ исторіи вѣка революціи, Руссо былъ героемъ всѣхъ, стремившихся къ освобожденію“.

Дѣйствительно, мало было писателей, производившихъ такое могущественное дѣйствіе, какое имѣлъ вообще Руссо на умы своихъ современниковъ. Вопросы философіи, религіи, воспитанія, цѣлое настроеніе мысли стали преобразовываться подъ его вліяніемъ, которое отъ высшихъ областей мысли и ея представителей распространялось на большую массу людей средняго образованія и даже полуобразованія. Глубокое философское значеніе его произведеній завершалось, наконецъ, поверхностной, легкомысленной модой.

Самостоятельно зарождавшееся новое движеніе въ Германіи какъ нельзя больше содѣйствовало этимъ вліяніямъ Руссо. Историки литературы справедливо сравниваютъ отношеніе Руссо къ энциклопедистамъ съ отношеніемъ нѣмецкаго періода „бурныхъ стремленій“ къ вѣку просвѣтительнаго раціонализма. Руссо естественно сталъ предметомъ увлеченія для поколѣнія Канта, Гердера и Шиллера. На нѣмецкой почвѣ развивалось изъ своихъ источниковъ то же отрицаніе искусственной условности, тѣ же стремленія къ первобытности, свободѣ чувства, а затѣмъ и къ свободѣ общественной, которыя нашли такое пламенное выраженіе у Руссо, и понятно восторженное поклоненіе, съ какимъ встрѣчаны были здѣсь его идеи. Если, какъ мы говорили, для объ-

ясненія источниковъ міровоззрѣнія Гердера надо искать его во всей сложности стремленій времени, то самымъ сильнымъ выраженіемъ ихъ былъ именно Руссо. Но понятно, что это вліяніе, которое кажется намъ неоспоримымъ, надо понимать не въ тѣсномъ смыслѣ простого подражанія или заимствованія, а въ томъ, иногда неуловимомъ, господствѣ цѣлаго настроенія, которое служитъ первымъ рѣшающимъ толчкомъ, хотя и забывается или даже въ отдѣльныхъ пунктахъ отвергается въ послѣдствіи. Опроверженіе идей Руссо начинается съ перваго появленія его произведеній: еще XVIII вѣкъ, при всей неясности его историческихъ представленій о первобытномъ человѣчествѣ, понялъ, что въ дѣйствительности никогда не бывало того первобытнаго состоянія, какое изображаетъ Руссо, какъ давно перестали понимать буквально обвиненія Руссо противъ цивилизаціи и т. д. Но это не мѣшало продолжаться возбужденію, произведенному его смѣлыми запросами. Обычное свойство глубокихъ идей состоитъ именно въ томъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ залогъ дальнѣйшаго развитія, которое можетъ далеко отклониться отъ исходнаго пункта, но тѣмъ не менѣе въ немъ имѣетъ свое первое начало.

Разбирая давно поднятый нѣмецкими историками литературы вопросъ о происхожденіи идей Гердера, Геттнеръ, какъ мы сказали, видитъ ихъ начало особливо въ ученіяхъ Руссо. Нѣкогда Гёте, останавливаясь на этомъ вопросѣ, приписывалъ идеи Гердера воздѣйствіямъ Гаманна. Они дѣйствительно были близки еще съ кѣнигсбергскаго студенчества Гердера, который былъ очень привязанъ въ Гаманну, тогда уже извѣстному писателю, и сохранилъ съ нимъ отношенія на всю жизнь; но между ними лежала та глубокая разниа, что идеи Гаманна, также направленные противъ сухого раціонализма, отличались, однако, сильною піэтистическою окраской, которая была чужда основнымъ идеямъ Гердера.

Въ первый разъ Гердеръ познакомился съ идеями Руссо въ Кѣнигсбергѣ, гдѣ вообще впервые началась его широкая умственная жизнь. Этимъ знакомствомъ онъ обязанъ Канту. Знаменитый философъ былъ въ тѣ годы для Гердера предметомъ самаго восторженнаго поклоненія. Въ одномъ изъ сочиненій послѣдняго времени, когда Гердеръ уже сильно и даже враждебно разошелся съ Кантомъ, онъ, однако, въ слѣдующихъ выраженіяхъ говорить о своемъ первомъ учителѣ. „Я имѣлъ счастье познакомиться съ философомъ, который былъ моимъ наставникомъ. Въ самые цвѣтущіе годы своей жизни онъ обладалъ веселою бодростью юноши... Его открытое, созданное для мышленія чело-

носило отпечатокъ несокрушимой веселости и радости; изъ его устъ текла рѣчь, отличавшаяся богатствомъ мыслей; шутка, остроуміе и юморъ были въ его распоряженіи, а его поучительныя лекціи были самой пріятной бесѣдой. Съ тѣмъ же настроеніемъ ума, съ какимъ онъ разсматривалъ произведенія Лейбница, Вольфа, Баумгартена, Крузіуса, Юма, и изучалъ естественныя законы по Кеплеру, по Ньютону и по другимъ сочиненіямъ о физикѣ, онъ относился къ появившимся въ то время произведеніямъ Руссо, къ его „Эмилю“ и „Элоизѣ“, равно какъ ко всѣмъ открытіямъ въ сферѣ естественныхъ наукъ; онъ оцѣнивалъ эти труды по достоинству, но постоянно возвращался къ безпристрастному изученію природы и къ нравственнымъ достоинствамъ человѣка. Исторія человѣчества и различныхъ народовъ, естественная исторія, изученіе природы, математика и собственный опытъ—вотъ тѣ источники, изъ которыхъ онъ черпалъ воодушевленіе для своихъ лекцій и для своей бесѣды; онъ не оставался равнодушнымъ ни къ чему, что было достойно изученія; никакая интрига, никакая секта, никакая выгода, никакое удовлетвореніе личнаго честолюбія не имѣли для него ни малѣйшей привлекательности въ сравненіи съ распространеніемъ и объясненіемъ истины. Онъ поощрялъ и мягко принуждалъ къ самостоятельности въ мысленіи; его характеръ былъ чуждъ деспотизма. Этотъ человѣкъ, имя котораго я произношу съ глубочайшей признательностью и съ высокимъ уваженіемъ, былъ Эммануилъ Кантъ; я съ удовольствіемъ припоминаю черты его лица“.

По выводу біографа Гердера, онъ въ первую пору своего развитія „находился во всѣхъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ своего великаго наставника гораздо болѣе, чѣмъ сколько самъ допускалъ и признавалъ“, и Гаймъ слѣдитъ въ первыхъ литературныхъ опытахъ Гердера эту зависимость отъ Канта, къ которой надо присоединить и зависимость отъ Руссо. Мы упоминали, какъ увлеченъ былъ французскимъ философомъ самъ наставникъ Гердера; увлеченіе передалось ученику. Въ одномъ стихотвореніи кѣнигсбергской эпохи онъ прямо призываетъ Руссо быть его руководителемъ. Въ упомянутомъ выше дневникѣ, который велъ Гердеръ, предпринявъ свое путешествіе въ 1769 году, онъ, совершенно въ духѣ Руссо, жалуется, что остается только словаремъ наукъ и искусствъ, складомъ книгъ и бумаги, и въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ обѣщаетъ отнынѣ принадлежать только прямой дѣятельной жизни, въ которой хочетъ быть реформаторомъ. Въ эту пору Гердеръ былъ одушевленъ горячимъ остзейскимъ патріотизмомъ (онъ считалъ себя русскимъ подданнымъ) и

мечталъ стать нѣкогда государственнымъ человѣкомъ и спасительнымъ гениемъ Лифляндіи. Въ объясненіе этого надобно прибавить, что именно въ это время въ Европѣ были очень заинтересованы реформаторскими планами императрицы Екатерины, „Наказомъ“, составленнымъ въ духѣ французской философіи и провозглашеннымъ съ такою пышностью; и когда слова свободомыслящихъ писателей повторялись подъ перомъ самодержавной императрицы, когда она лично сносилась съ руководителями „Энциклопедіи“, когда предполагалось, что идеи руководящихъ писателей могутъ прямо становиться закономъ, немудрено, что человѣкъ, какъ Гердеръ, уже пріобрѣтавшій извѣстность и чувствовавшій въ себѣ богатый запасъ идеализма, считалъ для себя возможной эту роль просвѣтителя и реформатора. Въ Ригѣ, какъ мы упоминали, онъ имѣлъ большой успѣхъ, и теперь его планы сначала возвращаются на преобразованіи школы, а затѣмъ онъ мечтаетъ уже сдѣлать „Эмиля“ Руссо „національнымъ дѣтищемъ Лифляндіи и тѣ, что великій Монтескье придумалъ для духа законовъ, примѣнить къ духу національнаго воспитанія мирной провинціи“. Онъ хочетъ основать дѣло, которое будетъ стоять вѣчно и должно преобразовать вѣка и народы.

„И почему же я не могъ бы исполнить такого дѣла? Если Ликургамъ и Солонамъ возможно было создать республику, почему было бы невозможно мнѣ создать республику для юношества? Вы, Цвингли, Кальвинъ, Эколампадіи, кто одушевлялъ васъ и кто долженъ одушевить меня? О, великая цѣль, возьми всѣ мои силы и стремленія! Я иду въ свѣтъ; что мнѣ въ немъ, если я не сдѣлаю себя бессмертнымъ?“

Очевидно, это тѣ самыя мечты, какія могъ повторять только ревностный ученикъ Руссо. Въ книгѣ Гайма читатель можетъ найти подробности объ этихъ мечтаніяхъ Гердера, объ его предположеніяхъ сблизиться съ самой императрицей Екатериной, которой онъ сообщилъ бы свои планы, и т. д. Эти мечты никогда не осуществились, не имѣли даже начала осуществленія. Уже вскорѣ столкнувшись съ этимъ свѣтомъ, въ который онъ стремился, Гердеръ забылъ о своихъ недавнихъ рѣшеніяхъ; онъ не сдѣлался ни преобразователемъ педагогіи, ни политическимъ реформаторомъ, но съ нимъ осталось это одушевленіе, это ревностное желаніе внести въ жизнь свѣжія, обновляющія идеи,—для него наплась только другая почва. Онъ сталъ писателемъ. Первые литературные успѣхи и первыя еще кѣнигсбергскія связи открыли ему путь въ самое средоточіе ученой и литературной жизни Германіи, гдѣ онъ скоро занялъ видное положеніе. Пе-

редъ нимъ открылись новыя интересы, болѣе близкіе, чѣмъ реформа Лифляндіи, но и несравненно болѣе широкіе и плодотворные. Тѣ стремленія, въ которыхъ такъ сказывался ученикъ Руссо, были примѣнены на реформѣ науки и поэзіи. „Величіе Гердера, — замѣчаетъ Геттнеръ, — состоитъ въ томъ, что онъ съ самаго начала далъ возбужденіямъ Руссо совершенно новое и самостоятельное направленіе, котораго самъ Руссо никогда не подозрѣвалъ и на которомъ самъ не дѣлалъ опытовъ. Въ то время, какъ Руссо изъ своей основной мысли дѣлалъ выводы только относительно государства и общества, но эти выводы съ рѣдкой неустрашимостью доводилъ до ихъ послѣдняго предѣла, Гердеръ, напротивъ, чисто по-нѣмецки остался съ самымъ очевиднымъ предпочтеніемъ въ мирной области внутренняго созерцанія и съ удивительной творческой силой проводилъ идеи Руссо въ наблюденіе и изслѣдованіе основной, внутренней сущности поэзіи, религіи и исторіи. Намъ открывается глубоко знаменательная черта тѣхъ путей, какими шло развитіе мысли Гердера, когда въ упомянутомъ дневникѣ онъ, несмотря на свое глубокое поклоненіе Руссо, называетъ безумнымъ излишествомъ фантазіи бросаться на пустыя романическіе образы и вмѣстѣ съ Руссо восхвалять времена, которыхъ никогда не было. Въ творческомъ, тонко чувствующемъ и подвижномъ умѣ Гердера, призывъ Руссо къ природѣ и первобытности превращается тотчасъ въ неутомимое, энергическое стремленіе подслушать первые зачатки человѣческаго бытія и творчества и возратить высшее просвѣщеніе опять къ этимъ чистымъ источникамъ простоты и жизненной свѣжести“. Геттнеръ сравниваетъ отношеніе Руссо къ Вольтеру и энциклопедистамъ съ отношеніемъ Гердера къ представителямъ нѣмецкаго просвѣщенія. Съ одной стороны, стремленія Руссо, какъ Гердера, были несомнѣннымъ прогрессомъ, но, съ другой стороны, шагомъ назадъ. Тѣ, въ чемъ была одушевляющая сторона ихъ дѣятельности, было въ то же время и ея слабымъ пунктомъ. Тотъ и другой обращались къ чувству и фантазіи или созерцанію, и производили глубокое впечатлѣніе неподозрѣваемыми раньше порывами и требованіями внутренней жизни, но при этомъ затемнялись тѣ ясныя представленія, какія уже были выработаны ихъ предшественниками и которыя имѣли свое право. Личныя свойства Гердера, его чрезвычайная впечатлительность, живость ума, стремленіе высказываться не дали ему, какъ мы замѣтили, возможности создать какое-либо законченное произведеніе, которое осталось бы въ исторіи, какъ его характерное созданіе, — поэтому и его личный авторитетъ не былъ долговѣченъ; дальнѣйшее движеніе было совер-

шено другими, когда притомъ онъ подъ конецъ жизни не выдержалъ основного тона своей дѣятельности: тѣмъ не менѣе онъ сохраняетъ высокое историческое значеніе; онъ указывалъ новую дорогу, бросалъ свѣтлыя мысли, которыя стали исходнымъ пунктомъ новаго богатаго развитія исторической науки и народовѣденія.

Извѣстность Гердера начинается очень рано, съ его сочиненій, изданныхъ еще во время пребыванія въ Ригѣ ¹⁾. Это были „Отрывки о новѣйшей нѣмецкой литературѣ“ и „Критическіе лѣса“. За этими первыми опытами слѣдовали многочисленные, но почти всегда эпизодическія и отрывочныя сочиненія по литературѣ, теологіи, археологіи, искусству, философіи, народной поэзіи и т. д. Новыя условія личнаго развитія, новыя встрѣчи расширяли его интересы, вносили новыя оттѣнки въ его образъ мыслей. Это была живая, возбужденная дѣятельность, гдѣ Гердеръ съ пламеннымъ одушевленіемъ вмѣшивался въ глубочайшіе вопросы религіи, исторической жизни, искусства, литературы, вопросы, волновавшіе умы и въ то время, подъ вліяніемъ критическихъ запросовъ времени, исполненные недоумѣній и сомнѣній. Его сила и вліяніе заключались не столько въ научной постановкѣ этихъ вопросовъ, хотя и для нея труды Гердера давали драгоценныя, позднѣе развитыя, указанія, сколько въ томъ возвышенномъ идеализмѣ, который выдвигалъ задушевные стремленія нравственной природы, раскрывалъ внутреннія стороны искусства и поэзіи, искалъ разумной основы въ историческихъ движеніяхъ человѣчества и приходилъ къ выводу объ

¹⁾ Приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ главныя сочиненія и изданія Гердера:

- Fragmente über die neuere deutsche Litteratur, 1767.
- Kritische Wälder, 1768.
- Ursprung der Sprache, 1772.
- Ursachen des gesunkenen Geschmacks bei den verschiedenen Völkern, 1773.
- Von deutscher Art und Kunst einige fliegende Blätter, 1773.
- Aelteste Urkunde der Menschheit, 1774.
- Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit, 1774.
- Volkslieder или Stimmen der Völker in Liedern, 1778-79.
- Geist der ebräischen Poesie, 1782-83.
- Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, 1784-91.
- Gott, 1787.
- Briefe zur Beförderung der Humanität, 1793-97.
- Metakritik (противъ Канта), 1799.
- Kalligone, 1800.
- Adrastea, 1801.
- Cid, переводъ романсовъ о Сидѣ 1805 (изд. по его смерти).

идеальной человѣчности, какъ внутреннемъ смыслѣ и цѣли историческихъ судебъ человѣчества. Развитие идей самого Гердера не было однообразно послѣдовательно. Вмѣшиваясь въ вопросы времени, онъ самъ подчинялся ихъ вліянію; его взгляды видоизмѣнялись, отступали отъ первоначальнаго пути и снова возвращались къ нему. Такъ было въ предметахъ религіозныхъ, философскихъ, даже литературныхъ. Такъ, время пребыванія его въ Бюкебургѣ отмѣчено наклонностью къ піэтизму; но, затѣмъ, жизнь въ Веймарѣ снова возбудила его философскую и поэтическую пытливость, и въ это время было написано знаменитѣйшее изъ его произведеній, „Идеи о философіи исторіи человѣчества“. Подъ конецъ жизни силы Гердера видимо слабѣютъ. „Письма о гуманности“ проникнуты свѣтлой мыслью о высокихъ цѣляхъ человѣческаго развитія, но подробности исполненія книги нерѣдко возбуждали недоумѣніе: Гердеръ высказывалъ сужденія, удивлявшія своимъ произволомъ и странностями. Въ эти годы, онъ вступаетъ даже въ полемику съ своимъ старымъ учителемъ Кантомъ, которая, несмотря на нѣкоторыя вѣрныя мысли, ничего не прибавила къ его славі.

Отношеніе къ Гердеру еще при жизни его дѣлалось двойственнымъ. Причиной этого была прежде всего его собственная раздвоенность и слишкомъ подвижной, поспѣшный характеръ его дѣятельности. Съ теченіемъ времени Гердеръ становился, наконецъ, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Однимъ изъ предметовъ, на которыхъ съ особенною любовью и съ особеннымъ изученіемъ онъ останавливался, были вопросы теологическіе, составлявшіе спеціальность его профессіи. Онъ былъ искренно вѣрующій человѣкъ, когда впервые принялъ свою профессію, но съ самаго начала его религіозность пріобрѣтала не тотъ характеръ, какимъ отличались сухіе догматики его времени; въ его религіозности присутствовало, съ одной стороны, сильно возбужденное чувство человѣчности, съ другой—поэзія. Со времени его юности библія была для него не только церковнымъ назидательнымъ чтеніемъ, но и возвышеннымъ поэтическимъ произведеніемъ, которое онъ изучалъ, какъ человѣческое созданіе. Ему стоило труда опредѣленно высказать свои взгляды объ этомъ предметѣ, которымъ не могли сочувствовать послѣдователи традиціонной теологіи; ему нужно было доказывать, что при боговдохновенномъ содержаніи писанія выраженіемъ ему служить человѣческое орудіе—языкъ, принадлежащій извѣстному народу, на извѣстной степени развитія, съ принадлежащими ему особенностями природы, быта, племенного характера и пр. Были, затѣмъ, періоды иного настроенія. Къ

концу жизни, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ и философскихъ изученій (въ ряду послѣднихъ на него имѣлъ тогда сильное вліяніе Спиноза), взгляды Гердера стали въ этомъ отношеніи еще болѣе опредѣленны; онъ все болѣе примѣнялъ къ библии и къ христіанству взглядъ философа-историка и еще болѣе затрудненъ былъ въ изложеніи своего цѣлаго міровоззрѣнія, которое становилось, наконецъ, въ противорѣчіе съ его общественнымъ положеніемъ. Нѣкоторые думали, что ему нужно было разрѣшить это противорѣчіе, сложивъ съ себя свой санъ. Гердеръ не сдѣлалъ этого. Могло быть, что онъ самъ убѣждалъ себя, что, съ своей точки зрѣнія, онъ въ правѣ оставаться проповѣдникомъ — въ свои поученія съ кафедръ онъ всегда впагалъ свое по преимуществу нравственное пониманіе религіи; если ему трудно было покинуть положеніе, ставшее привычкой его жизни, то во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ это противорѣчіе и тяготился имъ. Вѣроятно, это отражалось на его личномъ настроеніи, которое бывало мрачнымъ и тяжелымъ въ эту эпоху, и на его тогдашнемъ литературномъ тонѣ, который бывалъ раздражительно несправедливымъ. Для людей, смотрѣвшихъ со стороны, это явленіе могло казаться присворбнымъ, несимпатичнымъ, и ослабляло авторитетъ писателя.

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Гердеръ выступалъ на свое поприще, въ нѣмецкой литературѣ шла оживленная борьба стараго и новаго, схоластическаго педантизма и требованій критики, и Гердеръ въ духѣ своихъ тогдашнихъ идей энергически вмѣшался въ эту борьбу съ юношеской рѣзкостью, которая часто оправдывалась содержаніемъ его взглядовъ, но иногда и не оправдывалась. Личное убѣжденіе и, какъ замѣчаетъ однажды Гевинусъ, привычка говорить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не допускается возраженіе, наконецъ, довольно распространенная тогда манера привили ему рѣшительный проповѣдническій тонъ и рѣзкость сужденій, не всегда довольно мотивированныхъ. Не было недостатка въ полемическихъ столкновеніяхъ, которыя не всегда кончались для него благополучно. Нѣкогда онъ успѣшно полемизировалъ противъ Клоца, который представлялъ собой цѣлую группу застарѣлой учености, хотя не былъ особенно сильнымъ противникомъ; но Гердеръ обрушивался въ 1770-хъ годахъ и на гораздо болѣе авторитетныхъ писателей, какъ теологи Михаэлисъ и Шпальдингъ, и историкъ Шлѣцеръ. Это послѣднее столкновение было весьма характерно. Въ 1772 г. Шлѣцеръ издалъ небольшую книжку подъ названіемъ „Краткое изложеніе моей всеобщей исторіи“: это былъ конспектъ, состав-

ленный имъ для своихъ студентовъ. Шлёцеръ (1735-1809), тотъ самый, который былъ русскимъ историкомъ, а тогда занималъ профессуру въ Гёттингенѣ, былъ человекъ нѣсколько старшаго поколѣнія, чѣмъ Гердеръ, совершенно иного склада ума и характера, иной школы и направленія. Когда въ Гердерѣ такъ сильны была фантазія, чувство, наклонность къ широкимъ полу-поэтическимъ обобщеніямъ, Шлёцеръ отличался именно противоположными качествами — сильнымъ здравымъ смысломъ, обширною, хотя значительно сухою ученостью и полнымъ отсутствіемъ поэзіи; его направленіе было именно направленіе тогдашняго просвѣщенія, извѣстный, по его характеру независимый и энергическій рационализмъ. Такова была и его точка зрѣнія на всеобщую исторію: въ ея изученіи онъ не способенъ былъ вдаваться въ обобщенія, забѣгающія впередъ, въ еще невѣдомыя области, куда еще не могло приводить ихъ точное знаніе, и дѣлалъ свои выводы по ближайшимъ научнымъ требованіямъ. На первый разъ онъ думаетъ о необходимости внести внѣшній порядокъ въ разбросанные факты всеобщей исторіи. Изложеніе всеобщей исторіи должно быть систематическое; она должна имѣть въ виду все человѣчество, но значеніе отдѣльныхъ народовъ должна опредѣлять по мѣрѣ ихъ участія въ великихъ міровыхъ событіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Шлёцеръ хочетъ, чтобы исторія человѣчества, которою занимались особенно философы, осталась въ рукахъ историковъ. Онъ желаетъ устранить изъ ея изученія тѣ слишкомъ широкія гадательныя теоріи, для которыхъ, по его убѣжденію, еще не было мѣста въ данномъ состояніи науки. Онъ устраняетъ изъ исторіи тѣ древнѣйшіе вѣка, о которыхъ остались только баснословныя преданія, и начинаетъ исторію тамъ, гдѣ начинаются положительные засвидѣтельствованные факты. Такимъ образомъ, Шлёцеръ начинаетъ исторію съ основаніемъ Рима, а въ концѣ воздерживается отъ изложенія исторіи за три послѣднія столѣтія, такъ какъ, по его мнѣнію, еще трудно было внести единство и систему въ разнообразную массу новѣйшихъ событій. Однимъ словомъ, въ рукахъ Шлёцера всеобщая исторія должна была быть энциклопедіей реальныхъ историческихъ фактовъ, опредѣленныхъ въ ихъ ближайшемъ значеніи и приведенныхъ въ извѣстный внѣшній порядокъ; все баснословное, поэтическое, легендарное отпадало... Все это было какъ разъ противоположно тому, что думалъ Гердеръ.

Почти въ то же время Шлёцеръ издалъ два тома своей „Всеобщей Сѣверной исторіи“.

О той и другой книгѣ Гердеръ въ письмахъ къ своимъ уче-

нымъ друзьямъ отзывался съ величайшимъ высокомеріемъ, а затѣмъ повторилъ свои отзывы въ печати. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Гердеръ высказалъ спокойно и послѣдовательно свои собственные взгляды на значеніе всеобщей исторіи, какъ это онъ и сдѣлалъ въ послѣдствіи, это было бы исполнено интереса и поучительности; но этого не было. Повидимому, онъ увлекся отчасти своимъ личнымъ капризомъ, отчасти внушеніями гёттингенскихъ пріятелей, не расположенныхъ къ Шлёцеру, и въ своей (безыменной) статьѣ противъ Шлёцера Гердеръ далъ образчикъ той „причудливой недобросовѣстности“, по выраженію его біографа, которая, къ сожалѣнію, была не единична въ его литературной полемикѣ. Дѣло въ томъ, что его юношескій жаръ съ лѣтами переходилъ въ заносчивость; его друзья въ Веймарѣ находили въ послѣдствіи, что онъ и въ самой внѣшности начиналъ походить на католическаго прелата; сознание своей силы не умѣрялось спокойствіемъ мысли, а подъ конецъ неровность его тона еще усилилась отъ того внутренняго разлада, о которомъ мы упоминали... Шлёцеръ не остался въ долгу. Ровно черезъ годъ послѣ появленія бранчивой рецензіи, Гердеръ былъ встревоженъ извѣстіемъ, что Шлёцеръ печатаетъ противъ него цѣлую книгу. Книга дѣйствительно вышла въ видѣ второй части его краткаго изложенія всеобщей исторіи; въ предисловіи и особомъ дополнительномъ заглавіи было именно указано, что книжка представляетъ „помѣщенный въ 60 нумерѣ 1772 г. „Франкфуртскаго ученаго указателя“ отзывъ совѣтника липпе-шаумбургской консistorіи, Іоганна-Готтфрида Гердера о всеобщей исторіи Шлёцера, выстѣ съ замѣчаніями Августа-Людвига Шлёцера касательно искусства разсматривать всеобщую исторію“. Шлёцеръ прямо говоритъ, что нѣкоторые рецензенты позволяютъ себѣ писать возмутительныя безсмыслицы, и въ примѣръ приводитъ Гердеровскую рецензію, потому что она „отличается отъ другихъ крайнимъ невѣжествомъ, неприличнымъ тономъ и личностью своего автора“. По словамъ самого біографа Гердера, „здѣсь ярко выступаютъ наружу чистосердечіе Шлёцера, основательность его сужденій и разумная взыскательность. Даже его слогъ, не стѣсняющійся никакими эстетическими требованіями, отличается въ полемикѣ ясностью выраженій, энергіей и живостью. Его статья не оставляетъ ничего желать относительно основательности сужденій. На двѣнадцать печатныхъ листахъ онъ подробно возражаетъ на всѣ Гердеровскія нападки и почти всегда мѣтко попадаетъ въ цѣль. Онъ не оставляетъ безъ возраженія ни одного изъ ошибочныхъ сужденій Гердера и на каждой страницѣ доказываетъ, что Гер-

деръ не можетъ равняться съ нимъ ни ученостью, ни начитанностью. Слишкомъ въ сорока параграфахъ онъ преподаетъ Гердеру поученія и указываетъ его промахи“.

Друзья Гердера вступились за него и съ своей стороны выловили въ книгѣ Шлѣцера, что было въ ней неловко сказаннаго, и также не церемонились въ выраженіяхъ; но любопытно и дѣлаетъ честь Гердеру, что самъ онъ не только не отвѣчалъ на язвительное нападеніе Шлѣцера, но въ письмахъ къ пріятелямъ сознавалъ свою ошибку. Впослѣдствіи, во время неоднократнаго пребыванія Шлѣцера въ Веймарѣ, Гердеръ относился къ бывшему противнику съ полнымъ доброжелательствомъ, и біографъ Гердера замѣчаетъ, что это доброе расположеніе объяснялось именно сознаніемъ прежней несправедливости. И въ печати Гердеръ самъ послѣ называлъ Шлѣцера философскимъ мыслителемъ, широко обнимающимъ историческія событія.

Мы привели этотъ эпизодъ, чтобы дать образчикъ враждебныхъ отношеній, какія установились между дѣятелями такъ-называемаго просвѣщенія, къ числу которыхъ принадлежалъ Шлѣцеръ, и новой школой, однимъ изъ первостепенныхъ начинателей которой былъ Гердеръ. Въѣствъ съ тѣмъ неловкость нападенія Гердера, имъ самимъ вскорѣ сознанная, была не случайною. Обѣ стороны въ сущности не договаривали аргументовъ, которые имъ самимъ представлялись не сполна: каждый угадывалъ въ другомъ взглядѣ, повидимому, принципиальное противорѣчіе, но самые вопросы были такъ сложны и при тогдашнемъ положеніи научной критики такъ мало выяснены, что ни та, ни другая сторона не умѣла овладѣть ими, и логическій раздоръ выражался полемической необузданностью.

Біографія Гердера даетъ еще не мало случаевъ такихъ рѣзкихъ и угловатыхъ столкновеній, гдѣ и самъ онъ бывалъ нападающимъ, и испытывалъ жестокія нападенія отъ другихъ. Наконецъ, было не мало примѣровъ, гдѣ онъ впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Его біографъ, приводя различные примѣры подобнаго противорѣчія въ крупныхъ вопросахъ и въ частностяхъ, объясняетъ ихъ живостью его дарованія.

„Тотъ самый человѣкъ,—говоритъ Гаймъ,—который принимается съ горячимъ рвеніемъ за изученіе французскаго языка и требуетъ, чтобы въ его школѣ этотъ языкъ преподавался прежде латинскаго и греческаго, чувствуетъ однако такое отвращеніе къ этому поверхностному языку, къ его удобопонятности, къ его искаженіямъ, ради требованій свѣтскости, что теперь снова отдаетъ предпочтеніе употребленію латинскаго языка въ ученыхъ сочине-

ніяхъ. Мало того: тотъ самый человѣкъ, который судить о французской литературѣ почти такъ же, какъ Клопштокъ или Лессингъ, подчиняется однако чарующему вліянію ума и слога именно тѣхъ писателей, слабыя стороны которыхъ онъ такъ строго и такъ мѣтко осуждалъ. Это почти такое же противорѣчіе, какъ между его желаніемъ вводить экономически-практическое образованіе и его тенденціей направить образованіе на иной путь. Оно лишь служить для насъ нагляднымъ доказательствомъ подвижности и живости, богатства и многосторонности его природныхъ дарованій. У него нѣтъ ни того пристрастія, которое происходитъ отъ умственной ограниченности, ни того, которое происходитъ изъ цѣльности характера. Вотъ почему онъ будетъ поддерживать протестъ Лессинга противъ зависимости нѣмецкой литературы отъ французской, но въ то же время будетъ отдавать справедливость блестящимъ сторонамъ французскаго ума, будетъ переходить съ одной точки зрѣнія на другую и этимъ способомъ вносить болѣе безпристрастія въ смѣлый и рѣшительный приговоръ, который былъ произнесенъ Лессингомъ.

„Въ связи съ умственной подвижностью Гердера находится и тотъ фактъ, что онъ умѣлъ извлекать болѣе или менѣе пользы для своего собственнаго образованія даже изъ изученія такой спеціальной литературной сферы или такого писателя, которые внушали ему отвращеніе и вызывали рѣзкое порицаніе. Такъ, напримѣръ, онъ многому научился и не переставалъ учиться, читая произведенія Монтэня, Вольтера и Дидро“¹⁾.

Но если и въ этихъ частныхъ литературныхъ мнѣніяхъ противорѣчія Гердера должны объясняться не только подвижностью его характера, но и неустановленностью, недостаточною работою самыхъ понятій, которыя при болѣе послѣдовательномъ изученіи должны были бы придти къ чему-нибудь ясному и положительному, то это послѣднее обнаруживается еще больше въ крупныхъ вопросахъ, которые самъ Гердеръ ставилъ и разрабатывалъ. Мы выше упоминали о томъ внутреннемъ разладѣ, который совершался въ умѣ и душѣ самого Гердера по тѣмъ основнымъ вопросамъ религіи, поэзіи и исторіи, которые онъ поставилъ въ своихъ первыхъ трудахъ. Въ книгѣ Гайма читатель найдетъ подробности о томъ, какъ въ его собственныхъ рукахъ преобразовывались, напримѣръ, его церковныя взгляды. Семидесятые годы отмѣчены наклонностью къ мистическому настроенію, непохожему на смѣлые порывы его первой молодости, и, наблю-

¹⁾ Гаймъ, т. I, стр. 390—391.

дая различное выраженіе его идей въ это первое и послѣдующее время, біографъ приходитъ къ заключенію, что Гердеръ старается какъ бы затемнять свои прежнія мысли и, не отказываясь отъ нихъ, даетъ имъ въ сущности иной тонъ и не къ выгодѣ внутренней цѣнности ихъ новой редакціи. Такова была, на примѣръ, передѣлка его прежняго сочиненія объ еврейской археологіи въ новой книгѣ, носившей названіе: „Die älteste Urkunde des Menschengeschlechts“ (Древнѣйшій памятникъ человѣческаго рода). Это сочиненіе, по словамъ Гайма, передѣлано было теперь „подъ вліяніемъ совершенно новаго житейскаго опыта и перемѣны воззрѣній, подъ вліяніемъ существенно измѣнившейся точки зрѣнія и нѣкоторыхъ побочныхъ соображеній; поэтому оно сдѣлалось не болѣе зрѣлымъ, а болѣе неуклюжимъ по формѣ, болѣе пестрымъ и болѣе неяснымъ. Здоровый зародышъ первоначальнаго сочиненія пустилъ множество уродливыхъ отростковъ и, наконецъ, заглохъ отъ избытка жизненныхъ соковъ“¹⁾. Тѣмъ временемъ въ другихъ вопросахъ онъ продолжалъ работать въ прежнемъ освѣжающемъ направленіи, готовя тотъ радикальный поворотъ въ литературныхъ идеяхъ, которъ въ то же время совершали своими поэтическими произведеніями его младшіе современники—Гёте и Шиллеръ. Еще болѣе глубокое противорѣчіе представили труды послѣднихъ годовъ жизни Гердера, какъ увидимъ далѣе.

Надо припомнить весь характеръ литературной дѣятельности Гердера — пламенное одушевленіе его молодой поры, сохранявшееся и до послѣднихъ лѣтъ его жизни; постоянное преобладаніе поэтическихъ обобщеній надъ изслѣдованіемъ, требующимъ медленной и осторожной критики; стремленіе постигнуть общіе законы человѣческой исторіи и народно-поэческаго творчества и нерѣдко замѣчательную ихъ отгадку; борьбу съ условіями времени и личнаго положенія, которая не разъ бывала ему непосильна; противорѣчія, въ какія впадалъ онъ съ самимъ собой,— надо припомнить все это, чтобы понять то разнообразіе мнѣній, какое вызвала дѣятельность Гердера какъ у его современниковъ, такъ и у позднѣйшихъ историковъ до настоящаго времени. Для однихъ это—геніальный провозвѣстникъ научныхъ и общественныхъ идей, которыя только много времени спустя стали дѣлаться достояніемъ общества; для другихъ это—вѣрный представитель періода нѣмецкой литературы, когда „бурныя стремленія“, среди иныхъ талантливыхъ проявленій, не считали для себя обязательными строгую послѣдовательность и даже требованія науки, и

¹⁾ I, стр. 320 и слѣд.

иногда не разъясняли, а запутывали общественную мысль. Между такими крайностями колеблются отзывы о Гердерѣ смотря по тому, изъ какой точки зрѣнія выходить историкъ и какая сторона дѣятельности писателя больше бросается въ глаза. Мы имѣли случай видѣть, что самъ новѣйшій біографъ Гердера, положившій такъ много труда на его жизнеописаніе, не скрываетъ отъ себя неудовлетворяющихъ сторонъ своего героя и, должно сказать, не приводитъ читателя къ какой-нибудь цѣльной опредѣленной оцѣнкѣ. Непосредственные современники Гердера были или его горячими почитателями, или врагами: одни чувствовали, что въ его произведеніяхъ открывается какой-то новый широкій горизонтъ, котораго неясности, видныя теперь, еще не были видны тому вѣку, но который во всякомъ случаѣ былъ дальше предшествовавшаго; другіе негодовали на него за то, что онъ колебалъ традиціи, въ которыхъ имъ чувствовалось такъ спокойно. Когда прошелъ первый пылъ борьбы, сужденія становились спокойнѣе, но продолжали двоиться. Любопытно, напримѣръ, что знаменитый авторъ „Исторіи XVIII-го вѣка“, который такъ горячо принимаетъ къ сердцу успѣхи просвѣщенія и общественнаго достоинства противъ старой исторической неправды, относится очень строго, иногда недружелюбно, къ Гердеру, которому однако принадлежитъ столь великая и несомнѣнная заслуга въ пробужденіи общественнаго ума и совѣсти не только въ нѣмецкой литературѣ, но и за ея предѣлами. Шлоссеръ много разъ говоритъ о Гердерѣ, и въ его отзывахъ всегда, и иногда довольно странно, стоитъ рядомъ признаніе его заслугъ для нѣмецкаго образованія и видимое несочувствіе къ его личности. Эта двойственность объясняется какъ личнымъ характеромъ самого Шлоссера, такъ и тѣмъ недостаткомъ послѣдовательности, который не однажды обнаруживался въ дѣятельности Гердера. Въ оцѣнкѣ людей и событій Шлоссеръ всегда прилагалъ строгій нравственный критерій, съ одной стороны, и съ другой — критерій положительнаго результата для общественной свободы и просвѣщенія. Въ нѣмецкомъ XVIII-мъ вѣкѣ (какъ и вообще) онъ высоко цѣнилъ тѣ, что было прочнымъ приобритеніемъ разума и общественнаго освобожденія. Величайшее уваженіе внушали ему такіе дѣятели, какъ Лессингъ или Кантъ, и онъ не скрываетъ своего малаго сочувствія къ писателямъ, великаго дарованія которыхъ онъ не отрицаетъ, но которые съ пути разума отклонялись въ область фантазій, всего чаще произвольной, и которые не умѣли или не имѣли мужества строго выдержать свои положенія. Довольно сравнить

отзывы Шлоссера, напимѣрь, о Лессингѣ и Гердерѣ, чтобы видѣть его точку зрѣнія и понять его отношеніе къ послѣднему.

Вотъ, напимѣрь, нѣсколько словъ о Лессингѣ: „О его заслугахъ нѣмецкому языку и литературѣ, о его удивительныхъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ, выше которыхъ ничего нѣтъ и не будетъ въ литературѣ, мы должны говорить тѣмъ подробнѣе, что онъ никогда не былъ популярнымъ писателемъ... Онъ писалъ не для того, чтобы его читала толпа, при всѣхъ своихъ работахъ имѣя въ виду только основательно образованную часть націи. Одинъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ, Лессингъ владѣлъ труднымъ искусствомъ писать строго-логически, основательно, серьезно и съ тѣмъ вмѣстѣ занимательно и живо, формою изложенія принуждая читателя находить интересъ въ самомъ предметѣ. Достоинствомъ формы онъ могъ дѣлать завлекательными для обыкновеннаго читателя даже статьи объ ученыхъ предметахъ, или полемику о тяжелыхъ вопросахъ, не унижаясь до фокусовъ или балагурства, не обольщая фантазіями и грубыми приманками“ ¹⁾.

Напротивъ, когда рѣчь идетъ о Гердерѣ, Шлоссеръ, даже указывая его положительныя заслуги нѣмецкой литературѣ, почти никогда не можетъ обойтись безъ критическаго замѣчанія, болѣе или менѣе недружелюбнаго. Упоминая, напимѣрь, о фактѣ довольно безразличномъ, о приглашеніи Гердера въ Бюкебургъ, рейхсграфомъ липпе-шаумбургскимъ, Шлоссеръ замѣчаетъ что это былъ писатель, „извѣстный въ XVIII столѣтіи изящнымъ, слогомъ“ ²⁾. Когда ему нужно было подробнѣе остановиться на дѣятельности Гердера, Шлоссеръ признаетъ, что (еще въ первую пору своего литературнаго поприща, до путешествія во Францію и до знакомства съ Гёте), Гердеръ, „какъ поэтъ, какъ знатокъ еврейскаго языка и литературы, какъ эстетикъ и критикъ, сдѣлался между основателями новаго нѣмецкаго языка и литературы, благодаря своеобразной, геніальной прозѣ, совершенно отличной отъ прозы Лессинга, главою новой теологической и эстетической школы“ ³⁾, но рядомъ онъ выражается о немъ слѣдующимъ образомъ: „мы не хотѣли бы много говорить о Гердерѣ, потому что нашъ взглядъ на его слогъ, философію и теологію не *покра-вится* большей части читателей, но его дѣятельность была такъ

¹⁾ „Исторія восемнадцатаго столѣтія“, русскій переводъ, второе изданіе, II, стр. 454.

²⁾ Тамъ же, III, стр. 31.

³⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 151, — если только слово „геніальный“ употреблено здѣсь не въ ироническомъ смыслѣ, какъ впоследствии говорили о притязаніяхъ писателей періода „бурныхъ стремленій“.

значительна, что мы не можем не говорить о немъ подробнѣе... Его болѣе поэтическій, чѣмъ философскій, духъ быстро, но поверхностно схватывавшій каждое знаніе, не былъ способенъ къ академическому ученому труду. Въ строгомъ смыслѣ, историческимъ или научнымъ занятіямъ дѣйствительно ученаго теолога Гердеръ не могъ предаться уже потому, что онъ еще въ то время, когда думалъ о мѣстѣ преподавателя богословія, произносилъ съ свойственною ему рѣшительностью, на основаніи поверхностно собранныхъ свѣденій, сужденія о связи и сущности всѣхъ возможныхъ вещей по совершенно различнымъ отраслямъ знаній. Его поклонники стали впослѣдствіи боготворить „Жанъ-Поля Рихтера“ (послѣдняго Шлоссеръ называетъ въ другихъ мѣстахъ темнымъ и запутаннымъ юмористомъ и видимо не склоненъ считать его, какъ другіе, „классическимъ въ своемъ родѣ“).

„Горячность Гердера, — говоритъ дальше Шлоссеръ, — при его поэтической экзальтаціи часто доходила до того, что онъ забывалъ всякое уваженіе къ тѣмъ, которые хотѣли остаться на землѣ, не желая, подобно ему, постоянно носиться въ облакахъ“. Шлоссеръ указываетъ его несправедливыя нападенія на Шлѣцера, Шпальдинга, Михаэлиса, хотя замѣчаетъ, что Гердеръ взялъ назадъ свои выходки противъ двухъ первыхъ, а что относительно Михаэлиса чувство Гердера „справедливо возмущалось его манерою“. Далѣе, „въ то время, когда каждый подновлялъ Библію, для преобразованія народнаго вѣрованія, богатая фантазія Гердера давала ему средства защищать это вѣрованіе и поддерживать его, не прибѣгая къ лицемерію или къ софистикѣ. Онъ не былъ ни лицемеръ, ни политическій теологъ, ни мечтатель, который угождаетъ господствующимъ мнѣніямъ; онъ дѣйствительно былъ подъ владычествомъ своей фантазіи и вслѣдствіе того неотразимо увлекалъ другихъ“. Въ его взглядѣ на іудейское и христіанское ученіе фантазія соединяла старое съ новымъ. „Его родъ христіанства находилъ особенно много поклонниковъ между высшими классами и между тѣми, которые желали избавиться отъ стараго, не принимая ничего новаго, или которые имѣли слишкомъ мало прочнаго образованія, историческихъ и ученыхъ свѣденій, чтобы слѣдовать за Лессингомъ... и другими“. Но Шлоссеръ признаетъ, что Гердеръ возвысилъ религіозную поэзію до философіи религіи, что по другимъ отдѣламъ литературы онъ „сдѣлался творцомъ совершенно новаго рода поэзіи, философіи и исторіи“. По поводу „Писемъ объ изученіи теологіи“ Шлоссеръ замѣчаетъ, что „слогъ Гердера въ этихъ письмахъ имѣетъ достоинство только поэтическое, но его

вовсе нельзя рекомендовать какъ слогъ ученый, несмотря на всю его оригинальность, несмотря на изложеніе, одушевленное живою фантазією и получающее занимательность отъ вставленныхъ тамъ и самъ переводовъ изъ поэтическихъ книгъ Библии"; но тѣмъ не менѣе въ этихъ письмахъ Шлоссеръ указываетъ новую услугу Гердера для общаго образованія націи, потому что они „поддерживали между нѣмцами поэтической духъ, возносящійся надъ матеріальною пользою и признающій божественное въ людяхъ". Онъ указываетъ, что тогдашніе историки, философы, теологическіе рационалисты стремились обыкновенно къ сухой прозаической пользѣ и, между прочимъ, въ религіозномъ воспитаніи народа. „По ихъ правиламъ, священникъ долженъ быть народнымъ учителемъ въ томъ смыслѣ, что, обладая общепользовными естественными, физическими и экономическими свѣденіями, онъ долженъ быть всегда готовъ подавать крестьянамъ хозяйственные совѣты относительно кухни, погреба, сада и поля, в даже медицинскіе". Гердеръ противодействовалъ этому, указывая высшія нравственныя обязанности церковнаго учителя, и это была большая заслуга.

Объ одной изъ знаменитѣйшихъ книгъ Гердера: „Духъ еврейской поэзіи", Шлоссеръ говоритъ, что въ ней „снова самымъ блистательнымъ образомъ соединены были поэзія и религія". Онъ хотѣлъ стать посредникомъ между двумя боровшимися тогда партіями, односторонними рационалистами и неразумными догматиками, и, какъ часто бываетъ, не понравился обѣимъ партіямъ; „но все-таки онъ имѣлъ многихъ приверженцевъ, до тѣхъ поръ, пока философія Канта не положила конца его вліянію". „Съ этой книгой,—продолжаетъ Шлоссеръ,—было то же, что и съ мнимо-историческими его трудами, которые, казалось, пробуждали между молодыми писателями и въ публикѣ историческо-философскій смыслъ, но въ сущности совершенно отдаляли отъ исторической почвы. Въ нѣмцахъ, легко уносящихся на крыльяхъ фантазіи отъ жизни и дѣйствительности въ страну мечтателей и романтиковъ, этотъ родъ поэзіи еще болѣе усиливалъ склонность предаваться грезамъ оріентализма. „Духъ еврейской поэзіи" Гердера училъ экзальтаци; онъ приводилъ къ границамъ той области, гдѣ нѣмѣетъ всякій разумъ и царствуетъ мечтательность; тамъ Лафатеръ и Юнгъ Штиллингъ принимали души и вели ихъ на луну. Впрочемъ, такое дѣйствіе книги Гердера, за которое онъ не можетъ отвѣчать, нисколько не отнимаетъ ея внутренняго достоинства, которое вовсе не зависитъ отъ того, какъ пользовались ею и какъ ее примѣняли книгодѣлатели и люди,

воображавшіе себя геніями“. Самъ Шлоссеръ находитъ, „что въ первой части книги „О духѣ еврейской поэзіи“ находится превосходное наставленіе, какъ развивать пастушескія сказанія первой книги Моисея, чтобы вѣрнымъ путемъ достигнуть познанія быта, образа мыслей и поэзіи каждаго первобытнаго народа. Во второй части съ удовольствіемъ можно прочесть наставленія такого поэта, какъ Гердеръ (за философа, теолога и историка мы не можемъ его признать), о томъ, какъ можно и должно читать и излагать еврейскихъ поэтовъ и развивать картины ихъ поэзіи“.

Другая знаменитая книга Гердера: „Идеи о философіи исторіи человѣчества“, отъ которой, по словамъ Шлоссера, публики была вѣяла себя отъ восторга, вызываетъ опять съ его стороны сужденія мало сочувственныя. „Мы нисколько не отвергаемъ того, что идеи Гердера, не говоря объ исторіи, удовлетворяли потребностямъ публики, потому что въ этомъ родѣ было написано множество исторій“. Послѣ этого двусмысленнаго отзыва Шлоссеръ слѣдующимъ образомъ даетъ понятіе о сочиненіи Гердера. „Уже въ первой книгѣ („Идей“) Гердеръ, подобно оракулу, произносилъ приговоръ о вещахъ, о которыхъ послѣ него астрономы, физики, геологи и этнографы, опираясь на изслѣдованія и на новыя, лучшіе опыты, дали совершенно другія понятія, нежели какія онъ могъ дать, собравши ихъ изъ быстро и поверхностно прочитанныхъ книгъ, попадавшихъ ему въ руки иногда случайно, иногда по указанію специалистовъ. Своимъ современникамъ и вообще всѣмъ незнакомымъ съ спеціальностями, онъ импонировалъ рѣшительностью и увѣренностью, съ которыми онъ, языкомъ восточныхъ пророковъ, говорилъ о темнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ предметахъ, недоступныхъ рѣшенію. Въ третьей и четвертой книгѣ, онъ, на поприщѣ изслѣдователя природы, самовластно распоряжается такими вещами, которыхъ часто не могутъ уяснить себѣ люди, посвятившіе имъ всю жизнь; при этомъ онъ дѣлается философомъ природы и переходитъ, наконецъ, въ той теологіи, которую онъ создалъ. Этотъ родъ теологіи, который въ новѣйшее время такъ нравился французскимъ романтикамъ, мечтавшимъ о пантеизмѣ особеннаго рода, Гердеръ дѣлаетъ привлекательнымъ посредствомъ оріентальнаго полета, какъ Боссюэтъ свой строгій католицизмъ посредствомъ ораторскаго краснорѣчія“.

Объ успѣхѣ Гердера у нѣмцевъ Шлоссеръ говоритъ, что „каждый хотѣлъ съ нимъ летать въ облакахъ и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на насъ, ходившихъ на землѣ“ Между прочимъ

Гердеръ говорилъ, что изъ внѣшней формы человѣка можно вывести его наклонность къ гуманности и религіи. „Съ этой мыслию,—замѣчаетъ Шлоссеръ,—еще можно въ нѣкоторомъ отношеніи согласиться, но когда онъ на томъ же основываетъ свою надежду на безсмертіе, т.-е. изъ матеріальнаго выводитъ нематеріальное, то здѣсь уже онъ, подобно Боннэ, изъ области естественной исторіи впадаетъ въ теологію и пустословитъ, вмѣсто того, чтобы научать“.

Далѣе. „Вторая часть (или всѣ книги отъ шестой до десятой) представляетъ намъ собраніе замѣтокъ, взятыхъ изъ бѣгло прочитанныхъ путешествій и изложенныхъ съ чрезвычайною смѣлостью и фантазіей, напыщеннымъ языкомъ, въ видѣ изреченій оракула. Здѣсь Гердеръ съ исторіею обходится точно такъ же, какъ въ первой части съ результатами трудовъ естествоиспытателей. Въ этой части „Древнѣйшій памятникъ исторіи человѣчества“ опять представленъ съ полнымъ оріентальнымъ блескомъ, въ видѣ объясненія первой главы первой книги Моисея, и притомъ не только какъ Гердерова, но какъ древнѣйшая идея. Онъ поэтическимъ тономъ, не допускающимъ возраженій, выводитъ науку, искусства, правленія изъ цѣпи образованія, или преданія первобытнаго міра, нигдѣ не доказывая существованія этого преданія“. Въ выводахъ 'его' было не мало поспѣшнаго, но „Гердеръ не смущался: онъ слишкомъ хорошо зналъ свою публику, которая воображала, что паритъ съ нимъ вмѣстѣ, тогда какъ она стояла глубоко внизу и съ разинутымъ ртомъ смотрѣла на его полетъ“.

Если мы соберемъ еще нѣсколько отзывовъ Шлоссера, понятна будетъ причина его нерасположенія къ этому писателю, достоинства котораго съ другой стороны онъ какъ бы нѣхотя признавалъ. Ему не нравится, напримѣръ, манера, не чуждая Гердеру, „уничтожать своего противника напыщенностью высокопарной рѣчи“. Онъ не можетъ простить Гердеру нападеній, въ послѣднюю пору его дѣятельности, противъ Канта, которому между прочимъ самъ онъ былъ столько обязанъ. Онъ самъ признавалъ Канта за человѣка, который долженъ нанести рѣшительный ударъ школьнымъ педантамъ и философскимъ болтунамъ: „удивительно, какимъ образомъ тотъ самый человѣкъ, который въ своей юности такъ благородно, такъ откровенно, съ такою истинною утверждалъ, что онъ не рожденъ быть философомъ и для этого не имѣетъ образованія, могъ впослѣдствіи возстать противъ философіи, которую Кантъ обдумывалъ сорокъ лѣтъ, прежде нежели ее обнародовалъ“. Говоря о Лихтенбергѣ, писателѣ того

же времени, Шлоссеръ между прочимъ хвалить его за то, что онъ не злоупотреблялъ своей славой; „другими словами, онъ не спекулировалъ на публику, какъ книгопродавецъ, что даже Гёте и Шьллеръ, какъ видно изъ ихъ переписки, не считали для себя униженнымъ, а Гердеръ, какъ доказываетъ большая часть его сочиненій, находить совершенно въ порядкѣ вещей“¹⁾).

Молодость Шлоссера (род. 1776, ум. 1861) примыкаетъ къ концу дѣятельности Гердера, и на его сужденія могло имѣть вліяніе то обстоятельство, что именно въ его молодые годы выходили тѣ сочиненія Гердера, которыя мало отвѣчали его прежней славѣ или даже были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отрицаніемъ его прежняго направленія; сужденія объ историческихъ дѣятеляхъ у Шлоссера утверждались на понятіи нравственного и общественнаго долга, а здѣсь, въ этихъ измѣнчивыхъ отступленіяхъ Гердера, въ которыхъ притомъ столько участвовалъ капризъ фантазіи, Шлоссеру видѣлась нетвердость убѣжденія. Менѣе сурово и, вѣроятно, болѣе справедливо относится къ Гердеру другой знаменитый нѣмецкій историкъ, которому по задачѣ его труда нужно было рассмотреть дѣятельность Гердера съ ближайшей оцѣнкой ея условій и результатовъ. Гервинусъ посвящаетъ Гердеру довольно обширный трактатъ, гдѣ старается, какъ обыкновенно, войти въ кругъ его идей, указываетъ ихъ отношеніе къ тогдашней литературной средѣ и дѣлаетъ гораздо болѣе сильное удареніе на его заслугѣ, чѣмъ мы видѣли у Шлоссера. Притомъ Гервинусъ писалъ гораздо позднѣе Шлоссера²⁾: историческое значеніе Гердера выяснялось больше, и вмѣстѣ съ тѣмъ теряли важность тѣ ошибки, которыя были видны раньше. Гервинусъ объясняетъ, какъ важны были исторически и для непосредственнаго оживленія нѣмецкой литературы и науки тѣ новыя идеи, съ которыхъ Гердеръ прямо начиналъ свое поприще. Подкладка идей Гердера была въ самомъ свойствѣ его дарованія и въ той первой пищѣ, которую еще въ юношескіе годы его фантазія и съ нею нравственное чувство напили въ великихъ поэтическихъ созданіяхъ: онъ восхищается Гомеромъ, Оссіаномъ, но особенно Библіей; по замѣчанію Гервинуса, впечатлѣніе библейской поэзіи и сдѣлало его теологомъ. Для спеціальнаго историка поэзіи ясно было то могущественное вліяніе, которое должны были произвести восторженные указанія Гердера на великое достоинство первобытной

¹⁾ „Исторія восемнадцатаго столѣтія“, IV, стр. 58, 165, 168 и пр.

²⁾ Первая работа Шлоссера надъ исторіей XVIII вѣка вышла въ двадцатыхъ годахъ; первая редакція „Исторіи нѣмецкой поэзіи“ Гервинуса относится къ 1835—1842 годамъ.

поэзія, которая бываетъ самымъ живымъ и прямымъ выраженіемъ національнаго содержанія и должна служить и для послѣдующихъ временъ источникомъ поэтическаго воодушевленія; было ясно и то, сколько благотворнаго дѣйствія должно было имѣть указаніе Гердера на необходимость изученія другихъ народовъ, чтобы понять настоящее мѣсто своего собственнаго; а чтобы оцѣнить чужое, его надо было изучить и правильно понять. Самъ Гердеръ вчитываясь въ произведенія другихъ литературъ, чутьемъ и размышленіемъ научился постигать ихъ національную особенность и усваивалъ ихъ нѣмецкой литературѣ. Это одно, по мнѣнію Гервинуса, могло бы доставить ему высокое мѣсто въ нѣмецкой литературѣ: отсюда идетъ та сторона позднѣйшей романтической школы, которая осталась ея главнѣйшей заслугой. Правда, была извѣстная вредная доля въ этомъ стремленіи усваивать плоды чужой мысли и фантазіи, — когда романтическая школа завершилась, нѣмцамъ казалось, что ихъ собственная поэзія теряетъ національную силу и оригинальность; но, — замѣчаетъ Гервинусъ, — „во всѣ времена будетъ оставаться спорнымъ вопросомъ, не имѣетъ ли это увлеченіе всѣмъ человѣческимъ гораздо болѣе цѣны, чѣмъ всякая національная исключительность, и эта шаткость космополитизма не имѣетъ ли болѣе прекраснаго значенія, чѣмъ всякая народная твердость и закоснѣлость? И затѣмъ не было дѣломъ одной нашей націи, но явленіемъ цѣлой эпохи прошлаго и нынѣшняго столѣтія, какъ во времена крестовыхъ походовъ. что все національное начинало стираться; и только то составляло отличительную черту нашего характера, что оба раза процвѣтаніе нашей литературы въ эти времена раскрывалось именно тогда, когда ярко свѣтило на небѣ солнце гуманности“. Въ концѣ концовъ, по мнѣнію Гервинуса, это стремленіе усваивать содержаніе всемірной литературы приводило къ великому достоинству литературы нѣмецкой: „быть можетъ, не будетъ притязательностью сказать, что въ настоящее время всемірная исторія возможна только въ Германіи, и только у насъ, послѣ начала, положеннаго Гердеромъ, возможно раскрывать внутреннюю жизнь націй“. Гердеръ въ особенности положилъ основанія тѣхъ взглядовъ на необходимость изученія всемірной поэзіи, какъ средства къ гуманному просвѣщенію, на достоинство первобытнаго народнаго творчества, на историческое развитіе литературы, на внутренніе процессы цѣльнаго историческаго движенія; эти взгляды были тогда новостью, даже казались парадоксомъ или вызвали насмѣшки, а въ наше время стали элементарной исторической истиной. Гервинусъ собираетъ эти мысли Гердера, въ которыхъ

было верно дальнѣйшаго развитія; отъ него не ускользають ихъ слабыя стороны, которыя были или чертой времени, или чертой личности, но изъ-за ошибокъ и недостатковъ онъ не забываетъ существеннаго, что было внесено Гердеромъ. Для послѣдней эпохи его дѣятельности, которая должна была неприятно поражать Шюссера, онъ приводитъ историческое и психологическое объясненіе.

Указывая въ поэтической дѣятельности Гердера странное противорѣчіе между его прекрасными переводами изъ чужой поэзіи и его собственными слабыми стихотвореніями, между силой перво-бытной поэзіи, имъ восхваляемой и объясняемой въ поученіе современной литературѣ, и натынутостью его собственного творчества, Гервинусъ замѣчаетъ, это эта разниа объясняется не только недостаткомъ поэтическаго дарованія, но и различіемъ настроеній самого писателя; одно принадлежитъ его молодой порѣ, другое—второму періоду его дѣятельности, періоду извѣстнаго упадка. Въ цѣломъ Гервинусъ изображаетъ это положеніе такъ: „Гердеръ былъ сынъ революціоннаго вѣка; онъ не хотѣлъ приводить къ его крайностямъ, но существенно имъ содѣйствовалъ. Въ теченіе новыхъ общественныхъ явленій онъ, какъ Гёте, утратилъ неожиданнхъ послѣдствій ихъ юношескаго одушевленія и опасался, что это движеніе будетъ въ національной жизни продолжительнѣе, чѣмъ было въ ихъ жизни личной. Они шли быстрѣе и стояли уже дальше движенія, которое еще долго совершалось вокругъ нихъ; поэтому они тѣмъ сильнѣе стали ему сопротивляться, и отсюда объясняются тѣ необычайныя противорѣчія, гдѣ Гердеръ являлся въ послѣдствіи своимъ собственнымъ противникомъ. Кто прочтетъ „Каллигону“ (1800) и его полемическія сочиненія противъ Канта и сравнитъ съ содержаніемъ „Отрывковъ“, „Лѣсовъ“, „Нѣмецкаго искусства“, тотъ подумаетъ, что эта враждебность направлена противъ его собственной кности“ ¹⁾. И особенно рѣзко это противорѣчіе сказывалось въ его сужденіяхъ о поэзіи. Гервинусъ указываетъ, что зародыши этихъ противорѣчій восходятъ къ гораздо болѣе ранней эпохѣ, какъ извѣстныя временныя впечатлѣнія, но къ концу жизни Гердера онѣ сложились болѣе опредѣленно и—совершенно противоположно его прежнимъ основнымъ идеямъ. Гердеръ не только начинаетъ хвалить извѣстныя литературныя явленія, которыя прежде отвергалъ, но приходитъ прямо къ консервативнымъ, даже реакціоннымъ мыслямъ.

¹⁾ Gervinus, „Geschichte des deutschen Dichtung“, vierte Ausgabe, IV, стр. 138 и далѣе.

Нѣкогда онъ возставалъ, напримѣръ, противъ фальшивой условности французской литературы, противъ неестественной французской драмы; теперь онъ рекомендуетъ эти французскія драмы и извиняетъ ихъ декламацию, ихъ сухое изображеніе чувства, на томъ основаніи, что онѣ представляютъ прекрасную картину нравовъ; выдѣланная опредѣленность французскаго языка кажется ему необходимымъ плодомъ разумной культуры, тогда какъ прежде именно это было невыносимо для свободы его воображенія, и разумная культура не принималась въ соображеніе въ восхваленіяхъ простоты природы. Его теологическая ревность доходила до того, что онъ возставалъ теперь противъ свободы обученія, требовалъ надзора за чтеніемъ (посредствомъ очищенія частныхъ библиотекъ), высказывался за государственное запрещеніе всякой религіозной полемики; онъ возставалъ противъ театра, противъ частныхъ сценъ; вмѣсто прежняго стремленія къ первобытной поэзіи, онъ думаетъ теперь, что поэзія должна стать нравственнымъ результатомъ высшаго развитія человѣческаго ума и т. д.

Гервинусъ ¹⁾ сводитъ эти противорѣчія въ общемъ стремленіи Гердера соединить для человѣческаго развитія первобытныя данныя человѣческой природы съ высшими результатами мышленія и религіознаго чувства. Такимъ образомъ, его точка зрѣнія сильно отличается отъ взглядовъ Шлоссера. Это точка зрѣнія гораздо болѣе опредѣленная, не смущаемая тѣми крайностями, которыя еще отзывались непріятно для современниковъ и ближайшихъ преемниковъ, руководимая болѣе спокойной критикой, какая становится возможной, когда предметъ наблюденія удаляется въ исторію отъ текущихъ столѣновеній и когда съ тѣмъ вмѣстѣ историческое явленіе можетъ быть наблюдаемо въ связи съ его результатами. Въ этихъ результатахъ именно отпадаетъ то исключительное, невыдержанное, иногда малодушное, что приводится условіями и спорами эпохи и качествами личности.

У дальнѣйшихъ историковъ нѣмецкой литературы значеніе Гердера все болѣе выясняется именно въ этомъ широкомъ смыслѣ и указывается въ тѣхъ основныхъ чертахъ его дѣятельности, которыя съ теченіемъ времени получили историческую силу и вліяніе. Мы остановимся дальше на тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ извѣстный историкъ литературы восемнадцатаго вѣка, въ особенности нѣмецкой, Геттнеръ, и укажемъ еще на книгу Шерера ²⁾. Эта послѣдняя—едва ли не лучшій изъ краткихъ,

¹⁾ См. еще тамъ же, т. V, стр. 291—303.

²⁾ „Geschichte der deutschen Litteratur von Dr. Wilhelm Scherer. Berlin, 1880—1883.

сжатыхъ обзорѣхъ исторіи нѣмецкой литературы (кончая дѣятельностью Гёте), имѣющій въ виду не фактическія подробности, а основное движеніе развитія. Дѣятельность Гердера изложена здѣсь не въ одинокой литературной біографіи, а въ связи съ тѣми многоразличными стремленіями, которыя обуревали нѣмецкую литературу конца прошлаго вѣка и въ которыхъ Гердеръ принималъ такое сильное, то возбуждающее, то сдерживающее вліяніе. Въ глазахъ Шерера Гердеръ есть опять великая сила, которая многоразличнымъ образомъ двигала впередъ не только нѣмецкую литературу, но и общечеловѣческую мысль.

Вслѣдствіе всего характера своей дѣятельности, слишкомъ подвижной, отрывочной и полной восторженными увлеченіями, Гердеръ, какъ мы говорили, не имѣлъ въ европейскомъ движеніи такого опредѣленнаго имени, какое осталось за многими дѣятелями XVIII-го вѣка и въ которомъ олицетворялось бы его содержаніе и его историческое вліяніе, какъ было, напримѣръ, съ французскими именами Вольтера, Монтескье, Руссо, съ англійскими именами Шефтсбери, Юма, нѣмецкими именами Лессинга, Канта и т. д. Но историческое вліяніе несомнѣнно въ той суммѣ идей, какія шли изъ нѣмецкаго литературно-философскаго движенія прошлаго вѣка и прямо, и посредственно. Укажемъ одинъ подобный примѣръ отраженія идей Гердера во французской романтической философіи 20-хъ и 30-хъ годовъ. Въ тѣ годы, какъ извѣстно, нѣмецкія литературныя идеи и философія нашли—очень рѣдкій примѣръ тогда и послѣ—ревностныхъ приверженцевъ между французскими учеными: Кузенъ изучалъ нѣмецкихъ философовъ, Мишле параллельно съ Яковомъ Гриммомъ изслѣдовалъ древности права, Кинэ увлекался Гердеромъ. Шюссеръ, на глазахъ котораго совершалось въ Гейдельбергѣ это столь необычное для французовъ увлеченіе, подшучиваетъ надъ тѣмъ, что заинтересованные германскимъ движеніемъ иностранцы въ своемъ увлеченіи едва, однако, одолѣвали мудреный имъ языкъ. Какъ бы то ни было, но Гердеръ произвелъ сильное впечатлѣніе на свободолюбиваго французскаго романтика. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не однажды обращается къ Гердеру. Кинэ перевелъ на французскій языкъ „Идеи“ Гердера и въ видѣ предисловія къ книгѣ написалъ (въ 1825 году) „Введеніе въ философію исторіи человѣчества“. „Мнѣ былъ 21 годъ, когда я написалъ это введеніе,—говорилъ Кинэ въ 1857, помѣщая эту статью въ собраніи своихъ сочиненій... Молодость будетъ моимъ извиненіемъ, если я съ перваго шага съ такою смѣлостью устремился на самыя глубокіе вопросы человѣческихъ судебъ“. Статья

сводится къ восторженному восхваленію Гердера. Черезъ два года Кинё написалъ „Опытъ о произведеніяхъ Гердера“. Самое „Введение“ Кинё написано тѣмъ полу-поэтическимъ языкомъ, который отличалъ самого Гердера, и главное, чѣмъ былъ увлеченъ молодой французскій писатель, были именно „Идеи“ Гердера. Для французской литературы это было дѣйствительно нѣчто новое: Кинё поражала эта широта наблюденія и возвышенный идеалъ, который былъ выводомъ изъ многообразной картины жизни чело-вѣчества. Гердеръ является для него послѣднимъ словомъ философіи исторіи, на которомъ и онъ самъ останавливается, украшая его, впрочемъ, собственными философско-поэтическими мечтаніями. Онъ старается дополнить выводъ Гердера, но стоитъ на той самой дорогѣ и увлеченъ этимъ способомъ изученія исторіи чело-вѣчества, этимъ необычайнымъ даромъ вживаться въ далекое прошедшее, угадывать въ немъ его жизненную струю и извлекать изъ него урокъ историческаго самосознанія.

„Гердеръ, слѣдя теченіе историческихъ эпохъ, какъ будто даетъ намъ воспоминаніе нашей собственной жизни. Чѣмъ больше промежутковъ, отдѣляющій его отъ событій, тѣмъ болѣе живыми цвѣтами онѣ отпечатлѣны въ его мысли и отмѣчены тѣмъ болѣе ясными образами. Онъ заинтересовываетъ насъ въ судьбахъ народовъ, какъ будто въ личной привязанности, и когда они исчезаютъ изъ исторіи, вы чувствуете внутри себя глубокое сожалѣніе, зная хорошо, что въ этой драмѣ ни одно лицо не возвращается два раза и что дѣло идетъ здѣсь о вѣчной разлуцѣ.

„Могущество, вызывающее передъ вами эти образы прошедшаго, есть волшебство языка, которое заимствуетъ свою силу, свои эффеkты отъ событій, отъ временъ, чтобы оживить ихъ со всѣми ихъ особенностями. Писатель то принимаетъ роскошный колоритъ, блестящіе образы религій Индіи, то медленно и осторожно идетъ среди массивныхъ обелисковъ и загадокъ Египта... Вездѣ его гибкій геній тѣсно примыкаетъ къ созерцаемому предмету; онъ усваиваетъ себѣ его цвѣтъ, слѣдуетъ за его движеніями, какъ прозрачное покрывало, которое, облекая своими складками статую Венеры, выдаетъ ея гармоническія очертанія.

„Одна изъ замѣчательнѣйшихъ частей произведенія есть безспорно та, гдѣ писатель, готовясь покинуть античныя цивилизаціи, чтобы войти въ лабиринтъ среднихъ вѣковъ, останавливается среди окружающихъ его развалинъ, чтобы собрать общія идеи и вѣчные принципы, развитые вѣками. Эти гигантскіе интересы сокрушающихся государствъ, политическихъ тѣлъ, ломающихся какъ глина, быстро истощаютъ силы нашего воображенія, которое мо-

жеть охватить только бѣдствія менѣе всеобщія и печаль менѣе общественную. Послѣ этого громаднаго движенія, послѣ этой столь многочисленной сцены бываетъ спасительнымъ впечатлѣніемъ возвратиться къ недвижимому. Отъ столькихъ обществъ, блиставшихъ на землѣ, отъ столькихъ благородныхъ мыслей, потрясавшихъ народы, отъ такого возбужденія и шума остается нѣсколько отвлеченныхъ истинъ, какія открыли эти древнія имперіи въ быстрой послѣдовательности ихъ существованія. Но оторванные отъ событий, которыя ихъ въ себѣ заключали, эти истины продолжаютъ жить, не напоминая ни колорита, ни мѣста, ни времени и ничего изъ реального міра. Это голосъ вѣковъ, безъ всякаго видимаго атрибута жизни, безъ оттѣнка выраженія, безъ страсти—но не безъ краснорѣчія, потому что мы знаемъ, что подъ этими научными формулами скрываются интересы, волновавшіе вселенную, слава однихъ, поворотъ другихъ, кровь и слезы всѣхъ.

„Благородная мысль утвердить наши философскія вѣрованія въ тотъ самый моментъ, когда видимая смута среднихъ вѣковъ могла бы легко поколебать ихъ“.

Въ такомъ тонѣ говоритъ Кинэ объ „Идеяхъ“ Гердера. Мы приведемъ еще цитату, гдѣ онъ опредѣляетъ общее міровоззрѣніе Гердера.

„Въ чемъ же въ сущности ученіе Гердера? Идеализмъ чувства, родъ замаскированного пантеизма. Вообще особенность этой философіи ¹⁾ состоитъ въ томъ, чтобы замѣнять науку догадками, чтобы постепенно смѣнить увѣренность надеждою, надежду полнымъ сомнѣніемъ. Сначала удовлетворительно объясняютъ нѣсколько фактовъ низшаго порядка; затѣмъ эта теорія окружаетъ себя большимъ запасомъ доказательствъ, не покидаетъ матеріальнаго міра, обнимая его со всѣхъ сторонъ, наконецъ, заботливо объявляетъ себя враждебною всякой метафизической отвлеченности; въ результатъ она получаетъ видъ скромности и осмотрительности, который быстро овладѣваетъ умами. Съ другой стороны, какъ будто играя, эта философія входитъ въ союзъ съ поэзіей, даетъ оживленные цвѣта формамъ самымъ неуловимымъ, и воображеніе опережаетъ ее въ безграничномъ полѣ заключеній; она соблазняетъ умы, увлекающіеся больше вдохновеніемъ, чѣмъ методомъ. Однако же по мѣрѣ того, какъ порядокъ явленій выпадаетъ, становится все труднѣе ихъ схватывать; точка опоры колеблется, языкъ становится все болѣе неопредѣленнымъ, такъ

¹⁾ Кинэ разумѣетъ философію пантеистическую.

что, когда нужно установить великіе законы судьбы, эти удивительныя проблемы, устрашающія или леденящія сердце ужасомъ, человѣкъ является вдругъ покинутымъ въ своемъ изслѣдованіи. Поэзія, которая была сначала только украшеніемъ, приманкой, становится главнымъ руководителемъ, которому надо довѣряться. Намъ остаются только аллегоріи, аналогіи, тайныя предчувствія, чудеса отгадыванія. Но этотъ эфемерный блескъ, эта игра воображенія есть только обманчивая и безсильная приманка, когда передъ нами только пропасть Паскаля.

„Какъ объяснить, что эта философія не имѣетъ у Гердера этого устрашающаго характера непрочности? Почему, напротивъ, останавливаешься надъ ней безъ тревоги, какъ на вѣчной наукѣ? Въ цѣлой этой массѣ фактовъ и идей я вижу неопредѣленныя формы; я вижу части, которыя не отвѣчаютъ одна другой, уходя въ тѣнь, противорѣчатъ другъ другу, и однако же моя мысль находитъ здѣсь ясное успокоеніе; не смущаясь этимъ стеченіемъ колеблющихся предметовъ, она находитъ на чемъ остановиться и успокоиться! Дѣло въ томъ, что дѣйствительно подъ этой подвижной почвой есть твердый пунктъ, неприкосновенное убѣжище. Внутреннее сознаніе, религіозное чувство, чистое и всеобъемлющее какъ свободное убѣжденіе генія, такъ связаны здѣсь со всякимъ познаніемъ, пронишли такъ далеко и тѣсно въ глубину и сущность предмета, представляются съ такими неотразимыми чертами, что вездѣ они восполняютъ исходную точку философскаго я, которое провозглашаетъ себя ими. Элементъ научный поддерживаетъ всѣ другіе. Онъ всегда на-лицо, чтобы убѣдить въ прочности зданія и остановить насъ передъ пропастью“.

Кинѣ приводитъ послѣднія строки, написанныя Гердеромъ передъ смертью, и продолжаетъ:

„И этотъ человѣкъ у насъ почти неизвѣстенъ; его имя не пробуждаетъ у насъ ни воспоминаній, ни симпатій!

„Что касается до меня, я могу сказать, что съ того возраста, когда человѣка начинаетъ трогать геній и онъ начинаетъ страдать своимъ сердцемъ и сердцемъ другихъ, эта книга была для меня неизсякаемымъ источникомъ утѣшеній и радости; она замѣняла для меня настоящія привязанности, которыя такъ рѣдки, такъ усѣяны горечью и которыхъ пустоту и несовершенство мы узнаемъ такъ скоро. Въ болѣзняхъ, въ печаляхъ разлуки, болѣе жестокихъ чѣмъ болѣзни, въ медленныхъ терзаніяхъ души и въ одиночествѣ, слѣдующемъ за ними, она поддерживала и умножала мои силы. Никогда, никогда не случилось мнѣ оставить ее безъ болѣе возвышенной идеи о миссіи человѣка на землѣ, безъ

болѣ глубокой вѣры въ царство справедливости и разума; никогда я не покидалъ ее, не почувствовавъ себя болѣ преданнымъ свободѣ, моему отечеству, и во всемъ болѣ способнымъ къ добру. Сколько разъ, откладывая книгу, я восклицалъ съ радостнымъ и тронутымъ сердцемъ: вотъ человѣкъ, котораго я хотѣлъ бы имѣть своимъ другомъ! Но не такъ легко встрѣтить со временемъ юности того, кому отдано впередъ тайное поклоненіе. Надо довольствоваться его холодными словами изъ-за могилы¹⁾).

Эти слова служатъ образчикомъ впечатлѣнія, какое могъ производить Гердеръ даже въ совершенно чуждой литературной средѣ. Только послѣ смерти Гёте Кинэ узналъ, что великій поэтъ привѣтствовалъ появленіе его труда надъ Гердеромъ съ теплымъ сочувствіемъ. „Книга, написанная въ Германіи больше 50 лѣтъ тому назадъ,—писалъ Гёте,—невѣроятнымъ образомъ дѣйствуетъ на просвѣщеніе нашего народа; теперь, когда эта книга произвела между нами свои главные результаты, она, достойно оцѣненная, появляется снова во Франціи. Она будетъ дѣйствовать здѣсь съ тѣмъ же могуществомъ на націю, стоящую на такой высокой ступени цивилизаціи. Она окажетъ самое гуманное вліяніе на массу, стремящуюся къ самому живому просвѣщенію“. Съ своей стороны Кинэ въ нѣсколькихъ словахъ предисловія, написаннаго въ 1857 году къ его этюду о Гердерѣ, писанному 1827 г., говоритъ: „я хотѣлъ бы указать, какъ великія стремленія французскаго ума въ XVIII вѣкѣ сложились въ умѣ другихъ народовъ и въ особенности нѣмцевъ. Этотъ союзъ есть одна изъ самыхъ поразительныхъ чертъ Гердера“. Кинэ такимъ образомъ сопоставлялъ дѣятельность Гердера съ „бурными стремленіями“ французскаго XVIII-го вѣка. Указывая религіозные взгляды Гердера, онъ говоритъ, что еслибы „савойскій викарій“ писалъ исторію христіанства, онъ написалъ бы ее такъ, какъ написалъ ее Гердеръ: мы упоминали, какое вліяніе на первую дѣятельность Гердера имѣлъ Руссо,—французскій писатель, еще не зная подробностей внутренней біографіи Гердера, угадывалъ его духовное родство съ великимъ французскимъ мечтателемъ.

Но замѣчаніе Кинэ было справедливо только отчасти. Дѣятельность Гердера, въ которой дѣйствительно было много возбужденій отъ предшествовавшихъ явленій XVIII-го вѣка, связана не только съ великими стремленіями французскаго ума; напротивъ, эти возбужденія были чрезвычайно многосторонни. Не

¹⁾ „Oeuvres complètes de Edgar Quinet“, t. II, Paris, 1857, стр. 371—380, и „Essai sur les Oeuvres de Herder“, тамъ же, стр. 393—439.

говоря о томъ, что непосредственно давала Гердеру своя нѣмецкая литература, ея тогдашніе дѣятельные и могущественные умы, какъ Лессингъ, Кантъ, Винкельманъ, Гаманнъ,—Гердеръ былъ открытъ самымъ глубокимъ впечатлѣніямъ величайшихъ созданій обще-человѣческой мысли и поэзіи. Юность его наполнена была впечатлѣніями Библии, античной поэзіи, Оссіана, тѣхъ разнообразныхъ національных произведеній, которыя послѣ онъ передалъ въ „Голосахъ народовъ“, причисляемыхъ къ классическимъ произведеніямъ нѣмецкой литературы. Въ періодъ университетскій, онъ подъ указаніями Канта и Гаманна вступилъ въ самый водоворотъ тогдашняго броженія, гдѣ глубоко увлекающее дѣйствіе произвелъ на него Руссо. Разъ затронутая дѣятельность ума, чувства и фантазіи привела его къ изученію тѣхъ великихъ вопросовъ о человѣчествѣ, въ которыхъ съ одной стороны его руководителями были его названные соотечественники, съ другой великіе умы французской литературы: Вольтеръ и Энциклопедисты, а въ особенности Монтескьё, англійскіе мыслители прошлаго вѣка и еще болѣе ранніе дѣятели общаго европейскаго просвѣщенія, какъ Лейбницъ, въ послѣдствіи Спиноза. Наконецъ, съ перваго своего вступленія на литературное поприще онъ болѣе или менѣе сблизился съ молодыми силами возникавшаго тогда новаго періода нѣмецкой литературой: во время своего путешествія, въ Страсбургѣ онъ тѣсно сблизился съ Гёте; біографы единогласно говорятъ о сильномъ вліяніи Гердера на его младшаго современника (онъ былъ старше Гёте на пять лѣтъ), которому уже вскорѣ предстояло овладѣть умами молодыхъ поколѣній и открыть новую эру нѣмецкой поэзіи, и котораго геній въ послѣдствіи безъ сомнѣнія воздѣйствовалъ на самого Гердера... Такимъ образомъ, въ развитіи Гердера сосредоточивались самыя разнообразныя вліянія не только древнихъ и народныхъ литературъ, не только своей національной школы и поэзіи, но и всѣхъ основныхъ созданій тогдашняго общечеловѣческаго движенія. Его развитіе было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ того широкаго взаимодѣйствія идей, какимъ создавалось „европейское просвѣщеніе“. Его содержаніе не было только явленіемъ одной нѣмецкой литературы; напротивъ, въ немъ перерабатывалась цѣлая масса понятій, поэтическихъ и философскихъ стремленій, притекавшихъ къ нему изъ разнообразнѣйшихъ источниковъ стараго преданія и новѣйшей работы европейской мысли. Его личное настроеніе было съ самаго начала возвышенно-поэтическое, религіозно-гуманное и страстно-дѣятельное; его мысль съ самаго начала направилась на трудные, жгучіе и спорные вопросы религіи, исторіи, искусства и нрав-

ственности. Воспринятое имъ содержаніе, подѣ условіями времени и личности, сложилось въ новый тонъ нравственнаго настроенія общественно-національнаго чувства и исторической мысли. Когда его собственная дѣятельность завершилась, то въ ея вліяніи на послѣдующій ходъ литературы, какъ выше замѣчено, отпало то, что было въ ней чисто временного и произвольно личнаго, и сохранилось то, въ чемъ она была выводомъ изъ прежняго движенія и дальнѣйшимъ его развитіемъ. И какъ сама она была результатомъ, создавшимся изъ различныхъ элементовъ европейской мысли XVIII-го вѣка, такъ и ея вліяніе отразилось различными послѣдствіями, которыя не были повтореніемъ его идей, обнаруживались въ совершенно новыхъ областяхъ и явленіяхъ литературы, но въ своемъ основаніи выдають свое происхожденіе отъ гуманнаго идеализма Гердера. Въ немъ имѣлъ одинъ изъ своихъ корней нѣмецкій романтизмъ; по мнѣнію нѣмецкихъ историковъ, даже великія поэтическія произведенія Гёте и Шиллера, философія Шеллинга и Гегеля были бы невысказанными безъ предварительной работы Гердера; отраженіе его труда совершилось въ томъ усиленномъ интересѣ къ изученію народнаго творчества, который создалъ теперь цѣлую неизвѣстную прежде науку, между прочимъ получающую широкое развитіе и у насъ; наконецъ, идеи Гердера не разъ послужили ободряющей силой у начинающихъ славянскаго возрожденія.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВОЛНЫ И СКАЛЫ.

Тяжелыя волны въ пучинѣ бурливой
Кипѣли, вздымались толпой бѣлогривой
И бились о скалы пѣнистымъ изломомъ.
И тучи метались, и съ молнѣей, и съ громомъ,
И звѣзды погасли въ небесной лазури...
Но скалы не дрогнуть—ничтожны имъ бури.

Чуть слышно плескаясь, прозрачныя волны,
Съ ласкающимъ вздохомъ, усладою полны,
Шептали утесамъ волшебныя сказки—
И сладкимъ лобзаньемъ чарующей ласки
Безшумно размыли въ гранитѣ кристаллы...
И съ грохотомъ рушились гордыя скалы.

II.

Какъ волновали въ сказкахъ няни
Сердца внимательныхъ дѣтей,
И гулъ, и ревъ на полѣ брани,
И зычный кличъ богатырей!
О дняхъ былыхъ наивный лепетъ
Будилъ любовь и тихій трепетъ—

И вотъ объ узникахъ темницы,
 Гонимыхъ сказочной судьбой,
 Дрожали влажныя рѣсницы
 Болѣвшихъ дѣтскою душой...
 Все то, что насъ тогда страшило,
 Чѣмъ было сердце плѣнено,
 Что въ годы дѣтства насъ томило, —
 Какъ это нынѣ намъ смѣшно!..

Что въ дѣтствѣ намъ смѣшнымъ казалось,
 Все то, чему толпа дѣтей
 Въ ладоши хлопала, смѣялась,
 Въ незлобной рѣзвости своей,
 Передразнить, бывало, спора,
 Походку пьянаго отъ горя,
 Кривлянья жалкихъ паяцовъ,
 Прыжки несчастной приживалки,
 Ея улыбки изъ-подъ палки
 Развеселившихся отцовъ;
 Что насъ смѣшить тогда могло,
 Своимъ убожествомъ одѣто,
 Уснувшей гордостью согрѣто, —
 Какъ это нынѣ тяжело!..

III.

Я шелъ съ тобой. Снѣжинки, будто мотыльки,
 Въ морозномъ воздухѣ кружились и сверкали;
 Касались вдругъ твоей пылающей щеки —
 И съ робкимъ поцѣлуемъ тихо умирали.

Простился я — и брелъ задумчивъ, одинокъ.
 Въ душѣ рождались вновь схороненныя грезы,
 Въ ней снова расцвѣталъ увянувшій цвѣтокъ...
 А вѣтеръ стихъ. Снѣжинки падали, какъ слезы.

Як. Ивашкевичъ.

ИНТИМНАЯ ЛИТЕРАТУРА

— Journal des Goncourt. Paris, 1888.

VI *).

Въ предисловіи къ своему журналу Гонкуры говорятъ между прочимъ: „въ этой автобіографіи, изо дня въ день, выступаютъ на сцену люди, съ которыми намъ пришлось встрѣтиться на жизненномъ пути. Мы всѣхъ ихъ *портретировали*,—мужчинъ, женщинъ, улавливая сходство извѣстнаго дня, часа, возвращаясь снова къ этимъ портретамъ, показывая ихъ при другомъ освѣщеніи, смотря по тому, насколько эти лица мѣнялись, не желая подражать тѣмъ авторамъ мемуаровъ, у которыхъ историческія фигуры являются цѣльными, точно высѣченными изъ одного куска, или нарисованными краской, успѣвшей поблекнуть въ памяти воспроизводившихъ портреты—желая, словомъ, представить волнующееся человѣчество въ его правдѣ данной минуты“. И Гонкуры достигли своей цѣли. Много разъ и въ различное время возвращаясь къ одному и тому же портрету, они прибавляли новыя черты, улавливали скрытое прежде выраженіе, оживляя все болѣе и болѣе изображаемое ими лицо. Большинство портретовъ, написанныхъ братьями Гонкурами, принадлежитъ къ міру литературному, что, впрочемъ, и не удивительно. Гонкуры, поглощенные работой, избѣгали общества, отказывались отъ жизни шумнаго свѣта, позволяя себѣ одно лишь развлеченіе, одинъ отдыхъ—оживленную литературную бесѣду съ людьми, жившими

---

*) См. выше: февр., 722 стр.

тѣми же интересами, преслѣдовавшими тѣ же цѣли. Будучи избранными умами, они шли на-встрѣчу такимъ же выдающимся людямъ, какъ они сами, — чуждаясь того литературнаго міра, гдѣ литература являлась ремесломъ, торговлей, гдѣ не было совѣсти, гдѣ на литературу не смотрѣли какъ на священный алтарь, требовавшій безкорыстнаго служенія.

Вотъ почему всѣ ихъ портреты являются портретами исключительно выдающихся людей современной имъ эпохи, и благодаря этому портретная галерея Гонкуровъ представляетъ собою рѣдкій интересъ. Почти передъ каждымъ портретомъ останавливаешься со вниманіемъ, съ любопытствомъ, и сколько характерныхъ чертъ самой эпохи рельефно выступаетъ наружу, когда вглядываешься въ ихъ мастерскія изображенія! Далекое не со всѣми обрисованными ими фигурами они соединены были близкими отношеніями дружбы, интимности, но со всѣми имъ приходилось часто встрѣчаться въ двухъ литературныхъ центрахъ того времени, а именно, въ салонѣ принцессы Матильды и на періодическихъ литературныхъ обѣдахъ, получившихъ историческую извѣстность и происходившихъ въ ресторанѣ Маньи, скромно помѣщавшемся на лѣвомъ берегу Сены, въ кварталѣ молодежи, Сорбонны, Collège de France, Академій, всей интеллигенціи Парижа. Гонкуры вводятъ своихъ читателей и въ салонъ принцессы Матильды, и на литературные обѣды Магну, гдѣ встрѣчаются, за немногими исключеніями, почти тѣ же лица, всѣ пріобрѣвшія себѣ громкую извѣстность въ литературной исторіи Франціи. Эти два центра ума они изображаютъ такъ живо, въ такихъ яркихъ и правдивыхъ краскахъ, что читатель точно видитъ лица присутствующихъ, точно слышитъ происходящіе разговоры. Остановимся сначала на салонѣ принцессы Матильды.

Салонъ этотъ представлялъ собою во время второй имперіи весьма любопытное явленіе. Сама принцесса Матильда, по своему положенію, по близкой родственной связи, какъ двоюродная сестра Наполеона III, вышедшая замужъ за русскаго, Демидова, всею душой принадлежала имперіи. Образованная, умная, одаренная художественнымъ чутьемъ, она тяготилась придворною сферою, этикетомъ, пустотою исключительной свѣтской жизни, и живо интересуясь литературой и искусствомъ, она старалась привлечь къ себѣ всѣхъ выдающихся писателей, ученыхъ, художниковъ. Мало-по-малу ея гостиная превратилась въ блестящій литературный салонъ, въ которомъ встрѣчались всѣ знаменитости науки, литературы, искусства. Умъ, талантъ, — вотъ тотъ ключъ, который открывалъ двери ея салона, всегда гостепріимнаго, радушнаго, въ

которомъ каждый, благодаря ея такту и умѣнью обращаться съ людьми, чувствовалъ себя свободно, не опасаясь, какъ бы брошенное имъ слово не прозвучало диссонансомъ въ роскошной гостиной великосвѣтской хозяйки. Принимая у себя, приглашая къ своему столу два раза въ недѣлю писателей, ученыхъ и художниковъ, она не справлялась объ ихъ политическихъ мнѣнiяхъ; сама она была бонапартистка, и имѣла право ею быть, но вовсе не требовала, чтобы всѣ посѣщавшiе ея салонъ были одинаково бонапартистами. Напротивъ, она очень хорошо знала, что среди habitués ея салона есть много людей, весьма недружелюбно относившихся къ имперiи; но это нисколько ей не мѣшало относиться къ нимъ и съ уваженiемъ, и прiязнью. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ политическая нота раздавалась въ ея салонѣ, и только отъ самыхъ интимныхъ своихъ друзей, какъ напр. Сень-Бѣвъ, она требовала, чтобы они не слишкомъ шумно заявляли свое враждебное отношенiе къ имперiи; если же это случалось, то наступало охлажденiе, никогда, однако, долго не продолжавшееся.

Благодаря такой политической терпимости хозяйки, въ салонъ ея безбоязненно вступали люди самыхъ различныхъ убѣжденiй, а манера ея держать себя дѣлала то, что очень быстро исчезала всякая принужденность, всякая натянутость, и разговоръ принималъ тотъ свободный, интимный характеръ, безъ котораго тотчасъ исчезаетъ вся прелесть подобнаго литературнаго салона. Слѣдя за литературнымъ движенiемъ, принцесса Матильда знала все, что появлялось новаго въ литературѣ, и ей вовсе не нужно было, чтобы имя писателя громко прозвучало, для того, чтобы онъ появился въ ея салонѣ. Ей достаточно было знать, что писатель уменъ, талантливъ, для того, чтобы поспѣшить послать ему любезное приглашенiе. Такъ было и съ Гонкурами. Имя ихъ не было еще популярно, книги ихъ не расхватавались публикой, они боролись еще съ неизвѣстностью, когда принцесса Матильда завербовала ихъ въ свой салонъ. Очень скоро между принцессой Матильдой и братьями Гонкурами установились самыя дружескiя отношенiя, которыя, какъ мы уже видѣли, говоря о подстроенной кабалѣ, задумавшей ихъ пьесу „Henriette Maréchal“, сослужили имъ дурную службу. Благодаря близкимъ отношенiямъ къ принцессѣ Матильдѣ, Гонкуры прослыли за бонапартистовъ, несмотря на явную къ нимъ враждебность имперiи. Они сами про себя говорятъ, по поводу отношенiй къ принцессѣ Матильдѣ, что они не были бонапартистами, импералистами, но что нѣжная и искренняя дружба

съ женщиной, которая „случайно была принцессой“, сдѣлала ихъ *матильдистами*, и матильдистами горячими и преданными. Нельзя не сказать, что принцесса Матильда не оставалась у нихъ въ долгу; она платила имъ столь же горячею и искреннею дружбою. Съ самаго перваго знакомства принцесса Матильда произвела на Гонкуровъ самое благопріятное впечатлѣніе, которое они заносить въ свой журналъ: „Насъ ввели въ первый этажъ, въ круглую залу съ краснымъ шолкомъ на стѣнахъ, украшенныхъ зеркалами въ изящныхъ рамахъ. Гаварни, Шеневьеръ, Ньюверкеркъ были уже тамъ; скоро явилась и принцесса въ сопровожденіи своей чтицы, г-жи де-Фли. За столъ насъ сѣло всего только семь человѣкъ. За исключеніемъ посуды съ императорскимъ гербомъ да важности и безмятежности лакеевъ, настоящихъ лакеевъ княжескихъ домовъ, ничто не напоминало, что мы находимся у „высочества“—до такой степени въ этомъ пріятномъ домѣ господствовала свобода ума и рѣчи. Салонъ этотъ—настоящій салонъ XIX вѣка, съ хозяйкой дома, представляющей собою лучший типъ современной женщины“. Въ принцессѣ Матильдѣ Гонкуровъ очаровывала естественность, простота, отсутствіе какой-либо претензіи въ разговорѣ, какая-то живость во всемъ, что мелькало въ ея голосѣ. „Она остроумно и мило жалуется на поразительно понизившійся уровень женщины, по сравненію съ тѣмъ временемъ, которое мы воспроизводили,—говорятъ Гонкуры, подразумевая свою книгу о женщинѣ XVIII ст.,—на досаду, которую она испытываетъ, не встрѣчая женщинъ, интересующихся искусствомъ, литературой, ничѣмъ возвышеннымъ и рѣдкимъ. Изъ большинства женщинъ, которыхъ видишь, принимаешь,—такъ мало, съ которыми можно было бы вести разговоръ. Пусть, говорила она, войдетъ сюда сейчасъ какая-нибудь дама, и вы увидите, что я тотчасъ должна буду переѣхать разговоръ. Я готова принимать всѣхъ умныхъ женщинъ... Рашель, да! Рашель я бы съ удовольствіемъ приняла. Жоржъ-Сандъ, я бы ее сейчасъ пригласила“...

Свобода разговора, которая такъ плѣняла Гонкуровъ, господствовала въ салонѣ принцессы Матильды безгранично, и о ней смѣло можно судить по тѣмъ обрывкамъ, которые воспроизведены въ журналѣ.

Сенъ-Бѣвъ, Александръ Дюма, Флоберъ, Теофиль Готье, насколько не стѣснялись развивать такіа теоріи и передавать такіа подробности, которыя въ пору были бы только въ мужскомъ обществѣ, и то настроенномъ нѣсколько игриво. Приведемъ хоть одинъ образецъ: „Сенъ-Бѣвъ излагаетъ свою теорію, которая

состоить въ томъ, чтобы никогда не добиваться любви молодой женщины, но лишь одного милосердія любви, и поступать такъ, чтобы женщина васъ только терпѣла и не питала къ вамъ ненависти. Это все, что можно требовать, со вздохомъ прибавляетъ Сень-Бѣвъ.

— Но любили ли вы когда-нибудь серьезно?—спрашиваетъ принцесса.

— Я, принцесса?—послушайте меня, у меня всегда въ головѣ, здѣсь или тамъ — и онъ ощупываетъ свой черепъ — есть ящичекъ, который я боюсь слишкомъ открывать. Всѣ мои работы, все, что я дѣлаю, избытокъ моихъ статей, это все служить для того, чтобы его придавить. Я его захопнулъ, раздавилъ книгами... Вы не знаете,—заговорилъ онъ, воодушевляясь, въ тонѣ самой черной меланхоліи,—вы не знаете, что значить чувствовать, что васъ больше не будутъ любить, что это невозможно, что въ этомъ нельзя признаваться, какъ вы сейчасъ сказали, потому что человѣкъ сдѣлался старъ, сдѣлался смѣшонъ... потому что онъ сдѣлался уродливъ.

— А вы,—обратилась принцесса къ Жиро.

— О, я! у меня никогда не случилось одной любви. Всегда, по крайней мѣрѣ, двѣ или три заразъ; это единственное средство быть спокойнымъ и не бояться потерять одну изъ нихъ.

— Но какія же это женщины!

— Женщины—возможныя, принцесса!

— Принцесса,—перебиваетъ Сень-Бѣвъ,—вы этого не знаете, спросите у Гонкуровъ: въ XVIII столѣтіи существовали особыя общества, доставлявшія такихъ женщинъ, „общества минуты“.

— Вы мнѣ просто гадки!—произнесла принцесса...

Ренанъ, Тэнъ, Флоберъ, Александръ Дюма развивали въ этомъ салонѣ свои теоріи, вели горячіе споры, въ которыхъ принималъ участіе между прочимъ, „нѣкто Пастёръ“, какъ упоминаютъ о немъ Гонкуры,—споры, заканчивавшіеся иной разъ бурными сценами, особенно когда рѣчь заходила о матеріализмѣ, съ которымъ не мирилась принцесса Матильда. „Принцесса,—разсказываютъ Гонкуры,—издавала крики ужаса передъ подобнымъ провозглашеніемъ матеріализма и септицизма... Въ такія минуты она не сознаетъ себя, она готова вамъ бросить въ лицо первую попавшуюся мебель, ея охватываетъ настоящее отчаяніе, почти комическое по своей искренности“.

Свобода разговоровъ касалась не только отвлеченныхъ вопросовъ, она проявлялась и въ разговорахъ политическихъ, во время которыхъ сама принцесса Матильда передавала многія любопыт-

ныя подробности, какъ о себѣ, такъ и о Наполеонѣ III... „Я никогда,—говорила она,—не обдѣлывала своихъ дѣлъ съ императоромъ, потому что я всегда иду прямою дорогою. Я никогда не участвовала ни въ какой пачкотнѣ, никогда, никогда“... записываютъ Гонкуры, характеризуя ея открытый, честный характеръ.

Наполеонъ III былъ для принцессы Матильды такимъ же сфинксомъ, какимъ онъ казался многимъ въ эпоху его могущества. „Что вы хотите!.. этотъ человѣкъ лишенъ всякой жизни, всякой впечатлительности! Ничто его не трогаетъ... Человѣкъ, который никогда не поддается гнѣву и не знаетъ другого слова негодованія, какъ: „это нелѣпо“. Другого онъ ничего не говоритъ. Еслибы я вышла за него замужъ, мнѣ кажется я разломала бы ему голову, чтобы узнать только, что въ ней заключается“. Въ другой разъ, уже въ 1869 году, когда имперія начинала распадаться, принцесса Матильда говорила: „Онъ прекрасный человѣкъ. Онъ никогда не бываетъ такъ веселъ, какъ тогда, когда всѣ политическія карты перемѣшаны. Можно подумать, что неизвѣстность его забавляетъ. Онъ большой оригиналь. Существуетъ какая-то англичанка, которая купила у Мадзини револьверъ, чтобы убить императора. И она имѣла смѣлость испросить у него аудіенцію. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, умоляя о прощеніи. Но вотъ что самое удивительное. Она получила приглашеніе ко двору, и я видѣла ее на балѣ въ Тюльери“... Въ другой разъ принцесса Матильда обращалась къ своему прошлому, къ своимъ далекимъ воспоминаніямъ, ко времени ея жизни въ Россіи, обрисовывала фигуру императора Николая, произнесшаго въ первую же минуту свиданія съ нею: „я никогда вамъ этого не прощу!“—по поводу выхода ея замужъ за Демидова, и затѣмъ никогда не произносившаго болѣе его имени. Съ сочувствіемъ отзываясь о Россіи, о необыкновенной любезности къ ней императора, она признавала за нимъ суровый характеръ, но объясняла эту суровость въ значительной степени особенностью окружающей его среды. Императоръ ненавидѣлъ воровство, мошенничество, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что все кругомъ его воруетъ и мошенничаетъ. Онъ не видѣлъ другого средства сдерживать дурныя инстинкты, какъ постоянно внушать страхъ и поражать своею безпощадностью.

Сама принцесса Матильда, ея литературно-художественный салонъ, жизнь въ загородномъ дворцѣ St. Gratien, придворные вечера, интимныя бесѣды, горячіе споры, Рождественскіе дни, когда принцесса, какъ бы подражая обычаю одного изъ салоновъ

XVIII-го вѣка, наприим. m-me Жоффрентъ, раздавала подарки всѣмъ habitués своего салона, ея отношенія къ друзьямъ,—все это рисуютъ Гонкуры въ такихъ живыхъ краскахъ, что и люди, и самое время, все оживаетъ подъ ихъ перомъ.

Гонкуры вовсе не задаются мыслью изображать въ своемъ журналѣ вліяніе второй имперіи на политическіе и литературные нравы, и, несмотря на это, отмѣчая на страницахъ журнала разговоры, разсужденія писателей, собиравшихся въ салонѣ принцессы Матильды, они тѣмъ самымъ даютъ матеріалъ для сужденія о пережитомъ ими времени. Обыкновенно думаютъ, что такой политическій строй, какой представляла собою вторая имперія, пагубно вліяетъ только на одну политическую печать, что всѣ другія отрасли литературы не страдаютъ отъ политическаго гнета. Это невѣрно: критика, изящная литература, театръ—все сохнетъ, все вымираетъ, на все разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ спертая политическая атмосфера. Гонкуры разсказываютъ объ одномъ обѣдѣ у принцессы Матильды, на которомъ присутствовали, кромѣ авторовъ журнала, еще нѣсколько писателей, какъ-то: Октавъ Фелье, Ашаръ, Теофиль Готье. За обѣдомъ зашла рѣчь о драматическомъ писателѣ Понсарѣ, на котораго Готье и Гонкуры сдѣлали суровое нападеніе, оспаривая мнѣніе хозяйки, защищавшей этого писателя. Кто-то изъ присутствующихъ обратился къ Теофилю Готье съ вопросомъ, почему онъ въ печати не высказываетъ своего мнѣнія о Понсарѣ, а онъ каждую недѣлю писалъ театральные фельетоны. „Я разскажу вамъ небольшую исторію, — отвѣчалъ на это спокойно Готье. — Однажды Валуевскій говоритъ мнѣ, что я могу болѣе не стѣсняться, и разбирать пьесы безъ всякаго снисхожденія, высказывая тѣ, что я думаю. — Но, — замѣтилъ я ему, — на этой недѣлѣ идетъ пьеса X. — А въ такомъ случаѣ, — живо отвѣтилъ Валуевскій, — вы можете начать писать свободно съ будущей недѣли!“ — И вотъ, — заключилъ Теофиль Готье, — я все жду этой будущей недѣли“. Но эта „будущая недѣля“ такъ и не наступила до самаго конца существованія второй имперіи.

Если въ салонѣ принцессы Матильды—Готье могъ свободно высказывать свои жалобы на стѣсненіе печати, если Эмиль де-Жиранденъ могъ, не стѣсняясь, доказывать, что время имперіи не знаетъ ни добра, ни зла, что утрачено понятіе о правѣ, о томъ, что честно, что безчестно, что существуетъ одно лишь правило въ общественной и государственной жизни, это—успѣхъ, котораго во что бы то ни стало долженъ добиваться Наполеонъ III, и что только этимъ лишь правиломъ онъ долженъ руководство-

ваться при выборѣ министровъ, такъ какъ честность, благія намѣренія не имѣютъ больше никакой цѣны, не безъ остроумія сравнивая каждаго министра съ поваромъ, обладающимъ отличными аттестатами, но плохо приготовляющимъ кушанье; если въ большинствѣ случаевъ уважалась свобода мнѣній,—то иной разъ, хотя и рѣдко, между принцессой Матильдой и ея друзьями происходили цѣлыя драмы съ политическою окраскою. Одну изъ такихъ драмъ рассказываютъ Гонкуры. Дѣйствующія въ ней лица: принцесса Матильда и Сенъ-Бѣвъ. Въ одну изъ обычныхъ средъ, день, когда принцесса Матильда собирала за своимъ столомъ литераторовъ, пріѣхали, по обыкновенію, Гонкуры, и въ разговорѣ, между прочимъ, упоминаютъ, что наканунѣ они видѣли Сенъ-Бѣва, котораго они нашли грустнымъ, озабоченнымъ, утомленнымъ. Принцесса не отвѣтила ни однимъ словомъ, но сдѣлала имъ знакъ, чтобы они слѣдовали за нею въ одну изъ залъ, гдѣ она обыкновенно вела интимныя, съ глазу на глазъ, бесѣды. „Тутъ,—описываютъ Гонкуры,—вдругъ она разразилась:—„Сенъ-Бѣвъ! я никогда больше не буду его видѣть, никогда... Онъ поступилъ со мной... онъ... Развѣ я не изъ-за него поссорилась съ императрицей?.. А все, что онъ получилъ черезъ меня... Во время моего послѣдняго пребыванія въ Компьенѣ, онъ обратился ко мнѣ съ тремя просьбами, и двѣ изъ нихъ императоръ исполнилъ... И какія же требованія я предъявляла къ нему?.. Я вовсе не хотѣла, чтобы онъ отказывался отъ какого-либо убѣжденія, я просила его только не подписывать контракта съ „Temps“, и отъ имени Руэра я ему предлагала всевозможное... Еслибы еще онъ соединился съ Жирарденомъ въ „Liberté“,—это было бы еще возможно, онъ былъ бы въ своемъ обществѣ... Но въ „Temps“, гдѣ все наши личные враги, гдѣ каждый день на насъ сыплются оскорбленія!“ Она на минуту остановилась, затѣмъ снова начала: „О, это дурной человекъ... Уже шесть мѣсяцевъ тому назадъ я писала Флоберу: „Я опасаюсь, чтобы Сенъ-Бѣвъ въ очень близкомъ будущемъ не удивилъ насъ какимъ-нибудь поступкомъ“... Это онъ написалъ Нефтьцеру... Во всемъ этомъ участвуетъ его другъ д'Альтонъ Ше“... И съ какою-то горечью раздраженія она продолжала: „въ новый годъ онъ писалъ мнѣ еще, что всѣмъ комфортомъ, которымъ окружена его болѣзнь, всѣмъ онъ обязанъ мнѣ... Нѣтъ, такъ непозволительно вести себя“...

Принцесса Матильда волновалась, задыхалась; голосъ ея дрожалъ отъ слезъ, которыя она старалась проглатывать; она чувствовала себя глубоко оскорбленною; она усматривала въ поступкѣ Сенъ-Бѣва нарушение связывавшей ихъ дружбы. „Я не говорю о

принцессѣ, — восклицала она, — но женщина, женщина!.. скажите, не правда ли, это возмутительно?" — обращалась она къ Гонкурамъ.

Газета „Temps“ стояла во главѣ оппозиціонной прессы и, воодушевляемая общественнымъ настроеніемъ, съ каждымъ днемъ болѣе враждебно относившимся къ разслабленной имперіи, не скупилась теперь на удары, направленные противъ водворившагося порядка, деморализовавшаго Францію. Переходъ Сентъ-Бѣва, такъ недавно еще возведеннаго въ санъ сенатора, во враждебный лагерь — признавался открытою измѣною, поразившею принцессу Матильду въ самое сердце. Она хорошо знала, что салонъ ея не представляетъ собою сборнаго пункта друзей имперіи; она гордилась тѣмъ, что въ салонѣ ея господствуетъ свобода мнѣній, но, будучи тѣсно связанною родственными отношеніями съ Наполеономъ, она, очевидно, не допускала, что кто-либо изъ ея близкихъ друзей рѣшится заявить себя открытымъ врагомъ имперіи. Сентъ-Бѣвъ былъ притомъ однимъ изъ наиболѣе интимныхъ ея друзей, и потому разрывъ съ нимъ отозвался на ней наиболѣе чувствительно. Разрывъ этотъ тѣмъ болѣе ее поразилъ, что принцесса Матильда знала его за человѣка спокойнаго, разсудительнаго, неспособнаго увлечься минутнымъ настроеніемъ, не влюбленнаго въ политическую свободу. „Когда императоръ, — говорила она теперь, — изливая свою злобу на Сентъ-Бѣва, рѣшился измѣнить систему и предоставить большую свободу, Сентъ-Бѣвъ энергически возставалъ противъ такого рѣшенія. Теперь же онъ не чувствуетъ себя больше между двумя жандармами, онъ не сознаетъ себя въ полной безопасности, и вотъ изъ страха, ради самосохраненія, онъ перешелъ во враждебный лагерь“. Такая характеристика Сентъ-Бѣва не дѣлаетъ, конечно, ему чести, но не нужно забывать, что она исходила отъ женщины, узавленной въ своемъ самолюбіи. Тѣ выгоды, которыя извлекала принцесса Матильда изъ своего положенія одной изъ ближайшихъ родственницъ императора, не позволяли ей быть безпристрастной по отношенію къ господствовавшему во Франціи порядку, хотя придворныя сферы ее нимало не манили къ себѣ, и она часто, какъ разсказываютъ Гонкуры, говорила: „какая тоска этотъ замокъ Сентъ-Клу! Удивительно, какъ я рада, когда я покидаю такія мѣста. Я чувствую себя не по себѣ во дворцѣ. Тамъ чувства, рѣчи, — все иное. Я не могу себѣ этого объяснить, но тамъ я сознаю себя другимъ человѣкомъ, и мнѣ хочется поскорѣе вырваться оттуда и вернуться въ свой уголъ“. Обвиняя Сентъ-Бѣва за то, что онъ перешелъ въ другой лагерь, она въ то же время отлично сознавала, что лагерь имперіи былъ печальнымъ лагеремъ, и въ разговорѣ

съ тѣмъ же Сень-Бёвомъ характеризовала этотъ лагерь, говоря: „если когда-нибудь будутъ разбирать всю нашу переписку, тогда Сень-Бёвъ увидитъ, сколькимъ негодьямъ мы должны были протягивать руку“.

Подобныя политическія размолвки случались впрочемъ рѣдко. Обыкновенно въ салонѣ принцессы Матильды не было мѣста для воинствующей политики, всегда нетерпимой къ чужимъ мнѣніямъ, но зато тутъ господствовала полная свобода литературныхъ и философскихъ мнѣній, что и дѣлало этотъ салонъ особенно дорогимъ для Гонкуровъ. Они видѣли въ хозяйкѣ хорошаго товарища, съ которымъ можно было говорить обо всемъ, что ихъ интересовало, нисколько не стѣсняясь,—товарища, щеголявшего своею простотою. Если Гонкуры нѣкоторое время не показывались въ ея салонѣ, погруженные въ работу, заставлявшую ихъ забывать весь міръ, принцесса Матильда вторгалась къ нимъ сама, безъ всякаго предупрежденія. „Стуѣъ колесъ—двѣ кареты у нашего подъѣзда,—заносятъ въ свой журналъ Гонкуры. Это принцесса Матильда, дѣлающая на насъ набѣгъ съ своей свитой, съ одной изъ своихъ кузинъ, съ своими друзьями. Она влетаетъ какъ бомба въ нашу столовую, видитъ на столѣ, заваленномъ исписанными листами нашего романа, простую глиняную банку съ вареньемъ и кусокъ хлѣба, схватываетъ этотъ кусокъ, опускаетъ ложку въ банку и начинается ѣсть... Ахъ,—замѣтилъ я ей,—что сказала бы герцогиня ангулемская, еслибы она это видѣла!“

Такая простота нравовъ, отсутствіе всякой напыщенности и вмѣстѣ искренность въ отношеніяхъ очаровывали Гонкуровъ и закрѣпляли ихъ дружбу съ принцессой Матильдой, не довольствовавшейся суетою придворной жизни. Ея литературный салонъ не служилъ для нея лишь пустой забавой, прихотью скучающей и играющей „*sz um*“ женщины, зазывающей къ себѣ писателей и ученыхъ лишь въ сѣрые, пасмурные дни, свободные отъ великосвѣтскихъ удовольствій. Ея литературные друзья всегда были ея почетными гостями, и двери ея гостиной одинаково были для нихъ открыты, какъ тогда, когда она принимала лишь простыхъ смертныхъ, такъ и тогда, когда она устраивала великолѣпныя празднества въ честь императора или какихъ-нибудь иностранныхъ принцевъ или принцессъ. Она гордилась своимъ литературнымъ салономъ, въ которомъ Гонкуры встрѣчали многихъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, портреты которыхъ мы находимъ въ ихъ журналѣ.

VII.

Не въ одномъ только салонѣ принцессы Матильды Гонкуры находили людей для своихъ эскизовъ и портретовъ. Въ Парижѣ существовалъ въ то время еще другой центръ, къ которому примыкали всѣ лучшіе представители литературы. Такимъ центромъ были знаменитые литературные обѣды въ ресторанѣ Маньи. Въ одномъ изъ своихъ первыхъ романовъ, о которомъ намъ приходилось уже упоминать, именно въ „Charles Demailly“, Гонкуры нарисовали неприглядную картину литературнаго міра времени второй имперіи. Скандаль, сплетни, шантажъ, продажность, словомъ—самые низменные интересы—вотъ чѣмъ питалась журналистика, вотъ что всячески покровительствовалося предрержащею властью, вотъ чѣмъ, какъ паутиной, заволакивалось общество. Каждое трезвое слово, случайно раздававшееся и напоминавшее собою объ утраченной общественной совѣсти, вызывало противъ себя злобное шипѣніе, и всѣ литературные аферисты наперерывъ другъ передъ другомъ старались его заглушить беззащитчивою шумихою фразъ о могуществѣ имперіи и величіи французскаго народа. Люди, дорожившіе своимъ достоинствомъ и охранявшіе свою независимость, сторонились отъ литературнаго базара, предпочитая жить замкнутою жизнью, чтобы не мѣшаться въ пеструю толпу журнальной черни, для которой литература была только вывѣской, прикрывавшей собою самое недостойное ремесло. Но замкнутая и разрозненная жизнь—вовсе не нормальная атмосфера для писателя, мысли котораго работаютъ живѣе и плодотворнѣе, когда она сталкивается съ мыслью, чувствомъ, впечатлѣніями другихъ людей. Сознаніе этой пагубно дѣйствующей на писателей разрозненности побудило одного изъ близкихъ друзей Гонкуровъ затѣять періодическіе обѣды на нейтральной почвѣ, гдѣ могли бы хоть отъ времени до времени встрѣчаться избранные литераторы, ученые и художники. Мысль свою Гаварни сообщилъ Сень-Бѣву, и они вдвоемъ порѣшили устроить въ ресторанѣ Маньи регулярные, дважды въ мѣсяцъ, обѣды, на которые они должны были привлечь на первый разъ своихъ близкихъ друзей. Первый такой обѣдъ, весьма, правда, немногочисленный, состоялся въ ноябрѣ 1862 года. Въ немъ приняли участіе и братья Гонкуры. Очень скоро кружокъ лицъ, участвующихъ въ этихъ обѣдахъ, значительно увеличился, и литературные обѣды Маньи быстро превратились въ сборный пунктъ всѣхъ почти выдающихся по своему таланту людей того времени. Молва объ этихъ литера-

турныхъ обѣдахъ скоро разнеслась по Парижу, о нихъ заговорила печать, и заговорила не въ хвалебномъ тонѣ. Обѣды эти казались подозрительными, или по крайней мѣрѣ выставлялись таковыми, и въ ходъ была пущена клевета, что обѣды Маньи—обѣды атенстовъ, не признающихъ ничего святого и пирующихъ умышленно въ страстную пятницу. Обѣды эти,—какъ замѣчаютъ Гонкуры,—никогда не происходили по пятницамъ, чѣмъ и опровергается злобно вымышленная легенда о празднованіи страстной пятницы. Другіе распускали слухъ, какъ бы призывая на эти обѣды правительственную кару, что у Маньи свили себѣ гнѣздо либералы; но и этотъ слухъ былъ лишь изобрѣтеніемъ черезъ-чуръ услужливыхъ друзей или, вѣрнѣе, литературныхъ лакеевъ правительства. Въ дѣйствительности политика никогда не играла никакой роли на этихъ чисто-литературныхъ обѣдахъ, хотя Сентъ-Бѣвъ и говорилъ, что его знаменитая рѣчь въ сенатѣ, требовавшая возвращенія вольностей французскому народу, вышла цѣликомъ изъ обѣдовъ Маньи.

Доступъ на эти обѣды былъ не такъ легокъ: каждый новый кандидатъ подвергался баллотировкѣ, и только если онъ соединялъ большинство голосовъ, то становился членомъ этого избраннаго литературнаго кружка. Быть членомъ обѣдовъ Маньи было честью, которой добивались всѣ выдающіеся французскіе писатели, радушно принявшіе въ свою среду только двухъ иностранцевъ, и оба эти иностранца были русскіе: Тургеневъ и Герценъ. Тургеневу стоило только выразить желаніе быть членомъ этихъ обѣдовъ, чтобы тотчасъ быть дружески и съ уваженіемъ привѣтствованнымъ французскими писателями. Симпатія къ русскимъ, очевидно, возникла не со вчерашняго дня, и кто могъ лучше завоевать эти симпатіи, и кто имѣлъ большее на нихъ право, какъ не Тургеневъ, выдававшійся своимъ талантомъ, умомъ и рѣдкимъ образованіемъ. Тургеневъ былъ однимъ изъ первыхъ участниковъ этихъ обѣдовъ, какъ видно изъ короткой записки Гонкуровъ, адресованной Теофилю Готье: „Я имѣю честь извѣстить васъ, — писалъ Жюль Гонкуръ, — что вчера вечеромъ вы были единогласно избраны членомъ обѣдовъ Маньи. Вотиновавшіе: Гаварни, Сентъ-Бѣвъ, Шарль Эдмонъ, Поль де Сентъ-Викторъ, Тургеневъ, Тэнъ, Бодри, Сулье, Эдмонъ де Гонкуръ, Жюль де Гонкуръ... Отсутствующіе въ моментъ голосованія: Ренанъ, докторъ Венъ, Шеневьеръ, графъ Ньюверкеркъ... Обѣды происходятъ черезъ каждые пятнадцать дней, по понедѣльникамъ. Вы будете, слѣдовательно, приняты въ понедѣльникъ, 11-го мая 1863 г. Рѣчь не обязательна“... Къ именамъ

Тэна, Сенъ-Бѣва, Тургенева, Ренана, Гонкуровъ, Поль де Сенъ-Виктора нужно присоединить имена такихъ людей, какъ Жоржъ-Сандъ, Флоберъ, Бертелло, Теофиль Готье, чтобы понять сколько ума, блеска, остроумія сверкало на этихъ оживленныхъ бесѣдахъ, гдѣ каждый высказывался свободно, давая полную волю полету своего ума.

Гонкуры въ своемъ журналѣ воспроизводятъ эти бесѣды, и со свойственнымъ настоящимъ художникамъ мастерствомъ придаютъ имъ такой колоритъ жизни, что, читая ихъ описанія, думаешь присутствовать при этихъ горячихъ спорахъ, слышишь голосъ, улавливаешь тонъ, то серьезный, то шуточный, тѣхъ разсужденій, возраженій, которыми обмѣниваются, иной разъ, страстные противники. Къ этимъ обѣдамъ, къ этимъ литературнымъ спорамъ Гонкуры возвращаются постоянно, улавливая такія подробности, подмѣчая тонъ, характерныя черты, которыя доступны только привыкшему къ наблюденію глазу художника-живописца. Литературные споры, смѣлая проповѣдь своихъ убѣжденій, такъ мало похожихъ на убѣжденіе другихъ людей,—это былъ воздухъ, которымъ дышали Гонкуры. Имъ доставляло необычайное удовольствіе, когда высказываемыя ими мысли приводили въ негодованіе Сенъ-Бѣва или задѣвали Тэна. „Обѣды Magny,—писали они Флоберу,—пользуются огромнымъ успѣхомъ: введены Тэнъ и Ренанъ ірсе; мы употребляемъ наши усилія, чтобы ваше отсутствіе не было такъ чувствительно, приводя въ ужасъ Сенъ-Бѣва убѣжденностью нашихъ парадоксовъ и соблазномъ нашихъ литературныхъ, политическихъ и всякихъ другихъ мнѣній. Въ послѣднюю субботу происходилъ споръ о Вольтерѣ, отличавшійся свирѣпостью... самою задушевною“...

Личные интересы, новости дня, политическія событія, рѣдко возбуждали горячіе споры среди этого блестящаго кружка, но зато вопросы, касавшіеся философскихъ высотъ, литературы, критики, вызывали подчасъ цѣлыя бури, сопровождавшіяся громами и молніями возбужденныхъ умовъ. Несмотря на серьезность поднимавшихся вопросовъ, въ этихъ бесѣдахъ не было ничего академическаго, тяжеловѣснаго; это были просто живые разговоры умныхъ людей, пересыпанные остроуміемъ, шуткой, солью, среди которыхъ мысль, свободная отъ всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ книгою, выражалась иной разъ болѣе ярко, болѣе рельефно, чѣмъ въ отшлифованной статьѣ того или другого писателя.

Еслибы мы пожелали извлечь изъ журнала Гонкуровъ всѣ воспроизведенныя ими бесѣды, происходившія у Маньи, мы должны были бы наполнить цитатами десятки и десятки страницъ, но

для того, чтобы ознакомиться съ характеромъ этого литературнаго центра и вмѣстѣ съ манерою Гонкуровъ рисовать литературныя споры, достаточно будетъ привести два, три примѣра.

Сплошь и рядомъ во время этихъ обѣдовъ возникалъ вопросъ о задачахъ современнаго романа, о его представителяхъ, о корифеяхъ французской литературы, какъ-то: Викторъ Гюго, Бальзакъ, Жоржъ-Сандъ, и эти имена всегда имѣли свойство вызывать самыя рѣзкія разнорѣчія.

„— Бальзакъ не правдивъ!—восклицалъ Сень-Бѣвъ, нападая на великаго романиста:—если хотите, это человѣкъ геніальный, но въ то же время это уродъ!

— Но въ такомъ случаѣ мы всѣ уроды,—возражаетъ Готье. —Кто же тогда нарисовалъ нашу эпоху? Гдѣ же искать изображенія общества, въ какой книгѣ, если Бальзакъ его не изобразилъ?

— Это воображеніе, вымыселъ!—рѣзко кричитъ Сень-Бѣвъ:—я зналъ эту улицу Langlade; это вовсе было не то!

— Но въ какихъ же романахъ вы находите тогда правду? Не въ романахъ ли Жоржъ-Сандъ?

— Боже мой!—замѣчаетъ Ренанъ, сидящій около меня:—я нахожу, что Жоржъ-Сандъ гораздо правдивѣе Бальзака.

— Неужели! Это невозможно!

— Да, да, она изображаетъ общечеловѣческія страсти.

— Да, кромѣ того, у Бальзака стиль...—вставляетъ Сень-Бѣвъ:—какой то скрученный, путанный!

— Господа,—снова начинаетъ Ренанъ,—черезъ триста лѣтъ все еще будутъ читать Жоржъ-Сандъ.

— Ее столько же будутъ читать, какъ г-жу Жанлисъ.

— Бальзакъ уже очень устарѣлъ, — произноситъ Поль де Сень-Викторъ,—да и романы его слишкомъ сложны.

— Но Гюго,—кричитъ Нефтцерь:—развѣ его перо не человѣчно, не великолѣпно?

— Прекрасное всегда просто,—возражаетъ Сень-Викторъ. —Развѣ можетъ быть что-либо прекраснѣе Гомера,—вотъ чтѣ вѣчно молодо. Возьмите Андромаху, развѣ она не интереснѣе г-жи Марнѣфъ.

— Не для меня во всякомъ случаѣ, — замѣчаетъ Эдмонъ.

— Какъ не для васъ?

— Вашъ Гомеръ умѣетъ изображать только физическія страданія. Рисовать же нравственныя страданія, это немножко труднѣе... И если вы хотите знать, чтѣ я думаю, то я вамъ скажу, что самый незначительный психологическій романъ меня болѣе инте-

ресуетъ, чѣмъ весь вашъ Гомеръ... Да, я съ большимъ удовольствіемъ читаю „Адольфа“, чѣмъ Илиаду.

— Когда слышишь такія мнѣнія, то хоть выбрасывайся изъ окна!— кричитъ Сень-Викторъ:—это безумно... Возможно ли говорить что-либо подобное!.. Греки внѣ всякаго спора... У нихъ все божественно...

Всеобщая сумятица, во время которой Сень-Бёвъ крестится съ любезностью священника, бормоча: — Но, господа, собака Улисса!..“

Жюль Гонкуръ, описывая этотъ споръ, замѣчаетъ: „можно отрицать Бога, оспаривать папу, нападать на все, но Гомеръ... Удивительны эти литературныя религіи“.

Споръ, прерванный на одномъ обѣдѣ, часто возобновлялся съ новою силою на другомъ, и противники съ такою горячностью отстаивали свои мнѣнія и симпатіи, какую рѣдко вносили въ издаваемые ими книги. Значеніе во французской литературѣ Жоржъ-Сандъ, Гюго, вліяніе на общество великихъ писателей XVIII в., Вольтера, Дидро, старинная распря между романтизмомъ и классицизмомъ—вотъ обычныя темы литературныхъ споровъ, и мнѣнія, высказываемыя въ интимной борьбѣ такими людьми, какъ тѣ, которые собирались у Манны,—представляютъ значительный интересъ.

Ренанъ всегда отстаиваетъ Жоржъ-Сандъ, доказывая, что она „самая крупная артистическая натура нашего времени и самый искренній талантъ“,—мнѣніе, которое вызываетъ въ этомъ рѣдкомъ кружкѣ возгласы: „о! а! о! а!“ не смущающіе Ренана; онъ смѣло бросаетъ вызовъ: „да, какъ хотите, я не понимаю реализма!“ Заглушенный шуткою Сень-Бёва, онъ желаетъ потушить пожаръ: „выпьемъ, я пью... ну, Шереръ!“ Споръ на минуту прекращается, чтобы возобновиться по поводу другого имени, и его начинаетъ Тэнъ, заявляя, что „Гюго никогда не бываетъ искрененъ“. Такое еретическое, въ глазахъ многихъ присутствующихъ мнѣніе, не оставляется безъ отпора, и Сень-Бёвъ, Теофиль Готье, Поль-де-Сень-Викторъ вооружаются противъ Тэна.

„Сень-Бёвъ:—Какъ, вы—Тэнъ, вы ставите Мюссе выше Гюго! Но вѣдь Гюго пишетъ книги... На зло правительству, которое однако достаточно сильно, онъ имѣлъ такой успѣхъ, какъ никто. Онъ проникъ всюду; женщины, народъ, всѣ его читаютъ. Его изданія расходятся отъ 8 часовъ утра до двѣнадцати. Когда я прочелъ его „Odes et Ballades“, я отнесъ ему всѣ мои стихотворенія... Партія журнала „le Globe“ называла его варваромъ. ...Все, что я сдѣлалъ, я всѣмъ обязанъ ему.“

Сенъ-Викторъ:—Мы всё происходимъ отъ него.

Тэнъ:—Позвольте, я не оспариваю, что Гюго представляетъ собою громадное событіе, но...

Сенъ-Бёвъ, разгорячившись:—Тэнъ, не говорите о Гюго. Вы его не знаете. Насъ только двое здѣсь, которые его знаютъ: Готье и я... То, что создалъ Гюго великолѣпно!

Тэнъ:—Изобразить колокольню, нарисовать небо, показать какой-либо предметъ такъ, чтобы вы его видѣли—вотъ что, кажется, въ настоящее время, вы называете поэзіей. Для меня все это не поэзія, это живопись.

Готье:—Тэнъ, мнѣ кажется, что вы впадаете въ буржуазный идиотизмъ. Требовать отъ поэзіи чувствительности... развѣ въ этомъ поэзія?... Лучезарныя слова... слова, бросающія свѣтъ... въ соединеніи съ ритмомъ и музыкальностью... вотъ что называется поэзіей“.

Записывая эти литературные споры, Гонкуры стараются всегда сохранять полную объективность, несмотря на негодованіе, которое возбуждали въ нихъ нѣкоторые мнѣнія. Ихъ литературныя симпатіи и антипатіи были такъ же оригинальны, какъ они сами, и они не боялись заявлять, что когда религіозное и монархическое прошлое будетъ окончательно разрушено и когда наступитъ безпристрастный судъ для прошлаго литературнаго, тогда должны будутъ признать, что Бальзакъ не уступаетъ Мольеру, и что Викторъ Гюго—величайшій французскій поэтъ. Въ своихъ симпатіяхъ они мало сходились съ остальными членами обѣдовъ Маньи; для нихъ въ прошломъ столѣтіи величайшими писателями были Дидро, Бомарше, Бернардень де-Сенъ-Пьеръ, а въ нынѣшнемъ—Мишлэ и Гюго. Къ Вольтеру они питали какую-то инстинктивную вражду, и не разъ эта вражда служила поводомъ для безконечныхъ споровъ. Они оспаривали его литературное значеніе, присоединяясь къ опредѣленію аббата Трюбле, выраженному въ двухъ словахъ: „совершенство посредственности“. Никогда не зная ни въ чемъ середины, они доходили въ своихъ выводахъ до крайнихъ предѣловъ, не страшась очевидной парадоксальности своихъ мнѣній. Его театръ,—говорили они по поводу Вольтера въ присутствіи Сенъ-Бёва, Тэна, Ренана и другихъ авторитетныхъ писателей,—кто смѣетъ о немъ говорить!.. Его исторія—это ложь, въ ней сохранена вся условность, надутая и глупая, господствовавшая въ старинной и торжественной исторіи... Его наука, его гипотеза, составляютъ лишь предметъ насмѣшекъ для современныхъ ученыхъ. Единственное произведеніе, дающее ему право перейти въ потомство, это его знаменитый „Candide“; но что это какъ

не Лафонтенъ въ прозѣ, какъ не обглоданный Раблѣ? Всѣ его 80 томовъ ничего не стоятъ по сравненію съ „Neveu de Rameau“, съ „Ceci n'est pas un Conte“—этимъ романомъ и этою повѣстью, которые вызвали къ жизни всѣ романы и всѣ повѣсти XIX вѣка“. Всѣ сидѣвшіе за столомъ обрушились на Гонкуровъ, и Сень-Бѣвъ сталъ опровергать Гонкуровъ, доказывая, что Франція будетъ только тогда свободна, когда Вольтеру будетъ воздвигнута статуя на площади Согласія. Ренанъ же, нѣсколько смущенный дерзостями мысли и рѣзкостью выраженій, сидѣлъ, какъ выражаются Гонкуры, „точно нѣмой, но внимательный, заинтересованный, упиваясь цинизмомъ словъ, такъ точно, какъ честная женщина, очутившаяся за ужиномъ легкихъ женщинъ“. Въ другой разъ Поль де-Сень-Викторъ вспоминаетъ годовщину Вареоломеевской ночи и замѣчаетъ, что въ этотъ день у Вольтера была бы лихорадка. „Непремѣнно!“—произноситъ Флоберъ театральнымъ голосомъ:—и вотъ Флоберъ и Поль де-Сень-Викторъ провозглашаютъ Вольтера самымъ искреннимъ и чистымъ апостоломъ, а мы возражаемъ,—пишутъ Гонкуры,—со всею силою нашихъ убѣжденій. Раздаются голоса, крики и вопли.—Мученикъ... часть жизни въ ссылке!—Да, но популярность?—Нѣжная душа... дѣло Кала...—Для меня это святой!—вослицаетъ съ негодованіемъ Флоберъ...—Что касается меня,—замѣчаетъ Теофиль Готье,—то я его не могу выносить; отъ него отзывается точно патеромъ, это Prud'homme деизма; да, вотъ это кто—это Prud'homme деизма!“

Отъ Вольтера разговоръ снова переходитъ къ Виктору Гюго, къ поэзіи, и Ренанъ начинаетъ диспутъ о восточной поэзіи, доказывая ея бессодержательность. Къ нему присоединяется Бертелло, знаменитый химикъ, „господинъ разлагающій и составляющій простыя тѣла, своего рода богъ въ комнатѣ“. Начинаются сравненія, и рѣчь переходитъ къ Гейне, что можно было замѣтить,—замѣчаютъ Гонкуры,—по выраженію лица Сень-Бѣва. Готье восхваляетъ его физическую красоту, говоря, что „это былъ Аполлонъ въ соединеніи съ Мефистофелемъ“. Сень-Бѣвъ негодуетъ и кричитъ: „Я удивляюсь, какъ вы можете такъ говорить объ этомъ человѣкѣ. Это былъ негодяй, который собиралъ все, что онъ зналъ о васъ, для того, чтобы тиснуть все это въ газетахъ... раздирая своихъ друзей на части“...

— „Простите,—спокойно замѣтилъ Готье,—я былъ его интимнымъ другомъ и никогда не имѣлъ основанія жаловаться на него. Онъ дурно отзывался только о тѣхъ людяхъ, таланта которыхъ онъ не признавалъ“.

Литературныя темы смѣняются историческими, Вольтеръ или

Гюго уступаютъ мѣсто Мирабо, Людовику XVI, Маріи-Антуанетѣ, и снова возобновляются горячіе споры о той или другой исторической фигурѣ. Сень-Бёвъ, всегда язвительный, умѣющій, по выраженію Гонкуровъ, такъ очистить въ продолженіе десяти минутъ любую репутацію, что отъ нея ничего не остается, — начинаетъ рисовать фигуру Людовика XVI совсѣмъ иными красками, чѣмъ тѣ, которыми ее обыкновенно рисуютъ въ исторіи, выставя на видъ его непривлекательныя стороны, его нравственную ничтожность. Уравновѣшенный, снисходительный умъ Ренана не мирится съ рѣзкими опредѣленіями, и онъ возвышаетъ „свой тоненькій голосъ“, замѣчая, что къ французскимъ королямъ не слѣдуетъ относиться съ такою строгостью, что людямъ этимъ не былъ предоставленъ выборъ ихъ карьеры, и что въ силу этого имъ слѣдуетъ прощать ихъ посредственность. По пути затрогивались вѣчно спорные вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о примѣнимости къ великимъ людямъ правилъ и требованій строгой нравственности. Сень-Бёвъ страстно доказываетъ, что Людовикъ XVI совершилъ преступленіе, вступая въ торгъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Мирабо. Все общество Маньи присоединяется къ теоріи, на основаніи которой Мирабо, какъ геній, ускользаетъ отъ правилъ узкой, буржуазной честности. Одни Гонкуры возмущаются такой теоріей, и громко произносятъ: „Въ такомъ случаѣ, господа, не существуетъ болѣе нравственности, справедливости въ исторіи, если у васъ двѣ мѣры, двое вѣсовъ: одни для гениальныхъ людей, другіе для простыхъ смертныхъ. Мы полагаемъ, что потомство будетъ болѣе демократично, нежели вы!“ Скептикъ всегда и во всемъ, Сень-Бёвъ только замѣтилъ: „потомство... это пятьдесятъ лѣтъ! собственно же, потомство—тѣ люди, которые знали человѣка, говорить, пишутъ о немъ“. Гонкуры не безъ ироніи прибавляютъ, что, говоря такъ, Сень-Бёвъ провозгласилъ себя самого потомствомъ.

Эти обѣдненные бесѣды, напоминающія собою историческіе обѣды m-me Жофренъ, ужины барона Гольбаха, вечера Леспинасъ, д'Эспинэ, на которыхъ появлялись великіе писатели XVIII вѣка, съ Дидро, д'Аламберомъ, Гриммомъ во главѣ, и такіе образованные и остроумные люди, какъ аббатъ Галіани, баронъ Глейхенъ и многіе другіе, — любопытны и въ томъ еще отношеніи, что они часто заставляли выплывать наружу самыя затаенныя идеи, шевелившіяся въ умѣ замѣчательныхъ французскихъ писателей XIX-го вѣка. Читая произведенія Ренана, Сень-Бёва, мало кто будетъ настолько проникателенъ, чтобы увидѣть въ нихъ поборниковъ такихъ социалистическихъ идей, какъ уничтоженіе

собственности, а между тѣмъ, читая у Гонкуровъ описаніе происходившихъ споровъ, убѣждаешься, что такія идеи не были имъ чужды. Завязывается споръ о законности литературной собственности; одни защищаютъ, другіе нападаютъ, но энергичнѣе всѣхъ возстаетъ противъ нея Сень-Бёвъ, доказывая, что литераторъ достаточно оплачивается шумомъ, славой, что онъ долженъ быть счастливъ, когда его произведеніемъ пользуются люди. Флоберъ, по духу противорѣчія, становится на противоположную точку зрѣнія, говоря, что еслибы онъ изобрѣлъ желѣзныя дороги, то онъ желалъ бы, чтобы никто безъ его позволенія не смѣлъ садиться въ вагонъ. Защита собственности приводитъ въ бѣшенство Сень-Бёва, и онъ горячо заявляетъ, что по его убѣжденію „литературная собственность не должна существовать, такъ точно, какъ не должно быть никакой другой собственности... не нужно собственности... пусть все возобновляется, пусть каждый работаетъ въ свою очередь“... Ту-же самую мысль, замѣчаютъ Гонкуры, выражалъ и Ренанъ, говоря, что идея собственности слишкомъ абсолютна для нашего времени.

Бесѣды у Маньи часто принимали философское направленіе. Религія, общественное устройство, будущее человѣчества — вотъ вопросы, вызывавшіе безконечные споры, столкновеніе оптимистическаго настроенія съ пессимистическимъ міросозерцаніемъ. Апостоломъ оптимизма является Тэнъ, съ его вѣрою въ вѣчный прогрессъ, и доказывавшій, что будущее принесетъ съ собою уменьшеніе чувствительности и увеличеніе дѣятельности. Гонкуры, вѣрные своему мрачному представленію жизни, опровергаютъ его, говоря, что человѣчество съ каждымъ днемъ становится все болѣе нервнымъ и истеричнымъ, и что именно излишекъ дѣятельности усиливаетъ чувствительность и порождаетъ современную меланхолю. „Увѣрены ли вы, — спрашивали они Тэна, — что анемичная тоска нашего времени не обусловливается чрезмерною дѣятельностью, баснословнымъ напряженіемъ общественныхъ силъ, безумной работой вѣка, крайнимъ мозговымъ возбужденіемъ, что она не является результатомъ чрезмерной работы мысли во всѣхъ направленіяхъ?“

Мы не можемъ передать, конечно, всѣхъ тѣхъ любопытныхъ разговоровъ, которые завязывались за столомъ ресторана Маньи, но нельзя не отмѣтить одной любопытной черты. Огромное большинство собиравшихся тутъ писателей и ученыхъ принадлежало къ невѣрующимъ, и однако, несмотря на это, ни одинъ обѣдъ не кончался безъ того, чтобы это избранное литературное общество не возвращалось къ вопросу о причинѣ причинъ, къ фило-

софскимъ разсужденіямъ о Богѣ, религіи, безсмертіи души. Правда, разговоры эти велись далеко не въ богословскомъ тонѣ, причемъ даже великій идеалистъ Ренанъ грѣшилъ такими парадоксальными сравненіями, которыя были бы подѣ стать развѣ самому убѣжденному матеріалисту; но характерно уже и то, что эти скептики XIX вѣка думали объ этомъ вопросѣ и волновались имъ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ великіе предшественники—скептики XVIII вѣка. Характеръ такихъ бесѣдъ былъ всегда одинаковъ. Шутки, остроты перемѣшивались съ самыми серьезными мыслями. Люди точно скользили по самымъ захватывающимъ умъ и сердце вопросамъ, облекая въ самую легкую, игривую форму всѣ тѣ идеи, которыя добыты были путемъ долгаго размышленія жизни, посвященной тяжелому умственному труду. Возьмемъ первый попавшійся примѣръ. Среди разговора, посвященнаго литературнымъ воспоминаніямъ далекаго времени, какъ-то нечаяно заходитъ рѣчь о религіяхъ, и присутствующій за обѣдомъ Ренанъ произноситъ:—„Да, да, я безусловно преклоняюсь передъ Христомъ.—Но развѣ въ Евангеліяхъ не встрѣчается много необъяснимаго! Чтѣ значать слова: „блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю“?—А Сакіа-Муни, перерываетъ Готье,—выпьемъ за здоровье Сакіа-Муни!—А Конфуцій, замѣчаетъ кто-то другой.—О! онъ невыносимъ.—Но чтѣ можетъ быть болѣе глупо, какъ Коранъ?—Да, произносить Сень-Бёвъ, нужно все передумать, все пережить, и въ концѣ концовъ ничему не вѣрить...—Очевидно, сказалъ я ему, снисходительный скептицизмъ, вотъ чтѣ въ концѣ концовъ является какъ summumъ челоуѣчества: не вѣрить ни во чтѣ, даже въ свои сомнѣнія!.. каждое убѣжденіе—глупо... какъ папа“...

Скептицизмъ—вотъ господствующая нота во всѣхъ подобныхъ бесѣдахъ, но скептицизмъ болѣе тревожный, болѣе нервный, чѣмъ скептицизмъ прошлаго столѣтія, которымъ такъ восхищается Сень-Бёвъ, любуясь опредѣленіемъ Ривароля, говорившаго: „l'impieété est une indiscretion“.

Религіозные вопросы никогда не сходили съ очереди, сегодня вызывая безконечныя разсужденія о безсмертіи души, въ другой разъ о преимуществѣ той или другой религіи, причемъ Тэнъ убѣждалъ своихъ собесѣдниковъ, что протестантизмъ, благодаря эластичности своихъ догматовъ и простору, который онъ предоставляетъ вѣрѣ каждаго челоуѣка толковать ихъ сообразно присущей ему натурѣ, болѣе подходитъ для мыслящихъ людей.

„Въ концѣ концовъ,—заканчивалъ онъ свои разсужденія,—все это дѣло чувства, и я убѣжденъ, что натуры музыкальныя болѣе

склонны къ протестантизму; натуры же пластическія—къ католицизму“.

Сами Гонкуры не разъ задавались вопросомъ, почему ни одинъ обѣдъ не обходится безъ разсужденій о религіи, Богѣ, безсмертіи души. „Не удивительно ли,—предлагали они вопросъ Сень-Бёву,—что какъ дѣло доходить до десерта, такъ тотчасъ начинаютъ говорить о безсмертіи души?“—Сень-Бёвъ отдѣлывался шуткой, отвѣчая: „да, когда люди уже не знаютъ, о чемъ они говорятъ“. Онъ могъ бы также шутливо, но вмѣстѣ съ большою правдивостью отвѣтить Гонкурамъ, цитируя подходящій стихъ нелюбимаго имъ Гейне: *das ist eine alte Geschichte...*

Какъ же относились сами Гонкуры ко всѣмъ этимъ спорамъ, не оставлявшимъ незатронутымъ ни одного литературнаго или философскаго вопроса. Они любили эти бесѣды; они рѣдко пропускали эти обѣды, привлекавшіе къ себѣ все, что рѣзко выдавалось въ сферѣ таланта и ума, но каждый разъ, что оканчивалась бесѣда, они возвращались къ себѣ съ тяжелымъ чувствомъ, въ душѣ ихъ еще сильнѣе поднималась вѣчно мучившая ихъ горечь и неудовлетворенность жизнью. Даже въ этой средѣ, въ концѣ концовъ, симпатичныхъ имъ людей, они сознавали себя одинокими—такъ мало ихъ убѣжденіе, взгляды на жизнь, воззрѣнія на поднимавшіеся вопросы сходились съ убѣжденіями и взглядами всѣхъ остальныхъ. Послѣ одного страстнаго спора, изсупившаго имъ языкъ и горло и заставившаго колыхаться ихъ сердце, они приходятъ къ ироническому выводу, который и заносятъ въ свой журналъ: „Каждый политическій споръ сводится къ одному: я лучше васъ! Каждый литературный споръ въ заключенію: у меня больше вкуса, чѣмъ у васъ! Каждый артистическій споръ—къ выводу: я лучше вижу, чѣмъ вы! Каждый музыкальный:—у меня тоньше ухо, чѣмъ у васъ!“ и съ горечью прибавляетъ: „а все же становится жутко, когда мы видимъ, что во всемъ мы остаемся одинокими... Быть можетъ, потому-то Богъ и создалъ насъ вдвоемъ“.

Тяжелое сознаніе одиночества, усиливая болѣзненную раздражительность Гонкуровъ, заставляло ихъ подчасъ произносить суровые приговоры надъ всѣми участниками обѣдовъ Маньи. „Мы испытываемъ какое-то отвращеніе, почти презрѣніе ко всѣмъ обѣдающимъ у Маньи,—пишутъ они въ журналъ.—Подумайте только: это—собраніе самыхъ свободныхъ умовъ цѣлой Франціи, и однако, несмотря на оригинальность ихъ таланта, какая нищета собственно имъ принадлежащихъ идей! какъ мало убѣдѣній, созданныхъ ихъ нервами, ихъ собственными ощущеніями! и

какое отсутствіе личности, темперамента!.. Все это слуги ходячаго мнѣнія, предразсудка, получившаго силу закона, словомъ, слуги Гомера или принциповъ 1789 года“...

Зная такое мнѣніе Гонкуровъ, легко можно было бы опасаться, что жесткость его невыгодно, со стороны правды, отразится на тѣхъ краскахъ, которыми они рисуютъ своихъ современниковъ, и что ихъ суровое отношеніе къ людямъ помимо ихъ воли исказитъ черты изображаемыхъ ими лицъ. Гонкуры избѣгли, однако, такой опасности. Они были предохранены отъ нея силою своего художественнаго чутія, глубокимъ чувствомъ правды и рѣдкою остротою своей наблюдательности. Благодаря этимъ свойствамъ ихъ дарованія, все оживаетъ подъ ихъ перомъ, и всѣ ихъ эскизы и портреты дышутъ самою неподдѣльною правдою. Всегда прямодушные, искренніе, они сами, впрочемъ, принимаютъ на себя лишь одно ручательство—что преднамѣренно они никогда не искажали истины. „Мы не скрываемъ,—говорится въ предисловіи,—что мы были натурами страстными, нервными, болѣзненно впечатлительными, и вслѣдствіе этого порой несправедливо относились къ людямъ. Но мы смѣло утверждаемъ, что если иной разъ предубѣжденіе или ослѣпленіе неразсуждающей антипатіи заставляло насъ быть несправедливыми,—зато мы никогда сознательно не высказывали неправды о тѣхъ, о которыхъ мы говоримъ“.

VIII.

Въ журналѣ своемъ Гонкуры преслѣдовали ту же самую цѣль, какую они поставили себѣ въ своихъ романахъ. У нихъ не было иной задачи, какъ правдивыми красками изобразить настоящее, дать живой матеріалъ будущимъ историкамъ XIX вѣка. Какъ въ романахъ они стараются улавливать всѣ характерныя черты современныхъ имъ нравовъ, такъ въ журналѣ своемъ они такъ же добросовѣстно и съ тѣмъ же художественнымъ талантомъ „портретируютъ“ своихъ современниковъ, писателей второй половины XIX вѣка. Если романы ихъ помогутъ будущимъ Гервинусамъ, Маколемъ, Мишлѣ и Соловьевымъ нарисовать яркую картину общественныхъ нравовъ нашего смутнаго времени, то ни одинъ будущій историкъ французской литературы не обойдетъ журнала Гонкуровъ, и въ немъ онъ встрѣтитъ такой богатый матеріалъ для литературныхъ характеристикъ французскихъ писателей современной намъ эпохи.

Почти всѣ выдающіеся писатели, съ которыми имъ приходилось только встрѣчаться, занесены Гонкурами въ ихъ портретную галерею, причемъ одни портреты болѣе закончены, другіе набросаны только эскизно, но и эти послѣдніе имѣютъ свою цѣну, благодаря вѣрному рисунку, яркимъ краскамъ этихъ писателей-живописцевъ. Портретъ, конечно, только тогда вызываетъ передъ нами образъ живого человѣка и дѣлаетъ для насъ вполне понятнымъ его характеръ, когда мы знакомы съ условіями его жизни, со средою, въ которой онъ вращается, съ тою нравственною атмосферою, которая его окружала. Эта нравственная атмосфера является какъ бы фономъ портрета, и мы желали по возможности дать ее почувствовать, извлекая изъ журнала Гонкуровъ образчики живыхъ бесѣдъ, шумныхъ споровъ, игры возбужденныхъ умовъ, словомъ, того настроенія, которое обнаруживалось за веселыми обѣдами у Маньи.

Мы вовсе не намѣрены знакомить читателя со всею портретною галерею Гонкуровъ, для чего потребовался бы чуть ли не цѣлый томъ, а выберемъ изъ этой коллекціи портретовъ Ренана, Тэна, Жоржъ-Сандъ, Флобера, Мишлэ, Теофиля Готье, Дюма, отца и сына, Монталамбера, Эдмона Абу, Золя и безконечнаго множества другихъ писателей, лишь нѣсколько портретовъ, обрисовывающихъ манеру письма братьевъ Гонкуровъ.

Мы выше уже замѣтили, что портреты свои Гонкуры писали не въ одинъ присѣсть. Сегодня они заносили въ свой журналъ одну черту, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ другую, постоянно возвращаясь къ извѣстному лицу, дополняя, измѣняя набросанные штрихи, пока, наконецъ, фигура не возставала передъ ними во весь ростъ. Въ двадцати, тридцати мѣстахъ ихъ журнала нужно искать разбросанныя черты одного и того же лица, и только соединяя всѣ эти черты вмѣстѣ, мы получаемъ, наконецъ, цѣльный образъ. Остановимся на эскизномъ портретѣ Жоржъ-Сандъ.

При самомъ появленіи Гонкуровъ на литературной сценѣ, никто почти не отнесся къ нимъ съ такою теплотою, какъ Жоржъ-Сандъ, тотчасъ признавая въ нихъ первоклассныхъ писателей и выразившая имъ свое сочувствіе въ красивомъ письмѣ, съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей. Завязавшая между ними переписка, естественно, должна была повести ихъ къ личному знакомству, какъ только Жоржъ-Сандъ пріѣхала въ Парижъ, покинувъ свой любимый Nohant. Гонкуры спѣшатъ навѣстить знаменитую писательницу, и вотъ какъ описываютъ они свое посѣщеніе и впечатлѣніе, произведенное на нихъ женщи-

ною, оставившею по себѣ такой крупный слѣдъ въ исторіи французской литературы.

„Въ четвертомъ этажѣ, домъ № 2, улица Расинъ. Маленькій человѣчекъ, созданный какъ всѣ люди, открываетъ дверь, съ улыбкой произноситъ: „Господа де-Гонкуры?“—и мы очутились въ большой комнатѣ, похожей на мастерскую художника. Противъ окна, пропускающаго сумрачный свѣтъ пяти часовъ дня, мы увидѣли женщину, которая не встаетъ и остается неподвижною при нашемъ поклонѣ и первомъ привѣтѣ. Эта сидящая тѣнь, точно полуусыпленная, это и есть г-жа Сандъ, а лицо, отворившее намъ дверь—гравѣръ Маньо. У г-жи Сандъ какой-то автоматическій видъ. Она говоритъ монотоннымъ, механическимъ голосомъ, который не поднимается, не опускается, —не оживляется. Въ ея манерѣ держать себя есть что-то спокойное, важное, какое-то полусонное состояніе размышляющаго человѣка. Жесты медленные, медленные,—жесты, если можно такъ выразиться, лунатика,—жесты, оканчивающіеся каждую минуту —и всегда съ одинаковымъ методическимъ движеніемъ; вотъ вспыхиваетъ огонекъ разженной восковой спички и папироски, которую она начинаетъ курить“. —Между ними завязывается тихій, медленный разговоръ. Жоржъ-Сандъ не блещетъ бойкостью идей, силою выраженій,—напротивъ, она поражаетъ Гонкуровъ обыкновенностью языка и заурядностью того, что она говоритъ. Весь разговоръ отзывается какимъ-то угрюмымъ добродушіемъ, —вѣтъ, замѣчаютъ Гонкуры, холодомъ голой стѣны комнаты. Разговоръ заходитъ о ея театрѣ въ Ноанѣ, гдѣ играютъ для нея одной, и гдѣ представленія происходятъ ночью, оканчиваясь въ четыре часа утра. Жоржъ-Сандъ не поддерживаетъ разговора, онъ обрывается, и рѣчь заходитъ о ея баснословной способности къ труду, причемъ сама она дѣлаетъ одно лишь замѣчаніе, что она не можетъ гордиться такой работой, такъ какъ работа дается ей легко. Она передаетъ Гонкурамъ, что она работаетъ всѣ ночи, отъ часа до четырехъ, затѣмъ въ теченіе дня снова работаетъ два часа. Въ разговоръ вмѣшивается другъ Жоржъ-Сандъ, Маньо, дающій объясненія, по словамъ Гонкуровъ, какъ человѣкъ, который показываетъ какой-либо феноменъ: „Ей все равно, если работу ея прерываютъ... Представьте себѣ, что у васъ въ комнатѣ открытый кранъ; кто-нибудь входитъ, вы его только закрываете.— „Да,—прибавляетъ Жоржъ-Сандъ,—мнѣ все равно, если меня отрываютъ отъ работы люди симпатичные, крестьяне, желающіе со мной поговорить“. Тутъ слышится,—замѣчаютъ Гонкуры,—гуманитарная нота. „Когда мы прощаемся съ нею,—про-

должаютъ авторы журнала, — она поднимается, протягиваетъ намъ руку и провожаетъ насъ. Теперь только мы видимъ ея фигуру, добрую, мягкую, спокойную, съ потухшими красками, но съ чертами нѣжно нарисованными, съ поблѣвшимъ янтарнымъ колоритомъ. Въ общемъ вы видите тонкія и изящныя черты, которыхъ не передаютъ ея портреты, гдѣ всѣ черты являются болѣе грубыми и утолщенными“.

Первые контуры набросаны, и Гонкуры начинаютъ затѣмъ прибавлять въ различное время новыя черты, дополняя образъ писательницы. Они пользуются иногда и впечатлѣніями постороннихъ лицъ, если эти люди принадлежатъ къ разряду такихъ художниковъ, какъ Теофиль Готье. Послѣдній только-что вернулся изъ Ноана, и за обѣдомъ Маньи тотчасъ же завязался разговоръ о жизни въ помѣстьѣ Жоржъ-Сандъ, которую Готье сравнивалъ съ жизнью въ монастырѣ моравскихъ братьевъ. Гонкуры встрѣтили въ его разсказѣ множество подробностей, обрисовывающихъ фигуру замѣчательной романистки, которыми и дополняютъ начатый ими портретъ.

„Ровно въ десять часовъ завтракъ. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ всѣ садятся за столъ. Жоржъ-Сандъ появляется точно сомнамбулистка и въ теченіе всего завтрака остается полудремлющею. Послѣ завтрака всѣ отправляются въ садъ. Происходитъ игра въ сюрс, что ее оживляетъ. Она усаживается и начинаетъ говорить... Въ три часа г-жа Сандъ снова принимается за работу — до шести. Затѣмъ обѣдаютъ, немножко наскоро, чтобы дать возможность во-время пообѣдать Мари Кальо. Это — „la petite Fadette“, это — простая дѣвушка, которую Жоржъ-Сандъ взяла къ себѣ изъ деревни. Она участвуетъ въ пьесахъ и вечеромъ появляется въ ея салонѣ. Послѣ обѣда г-жа Сандъ раскладываетъ пасьянсы, не произнося ни одного слова, до 12-ти часовъ“. Теофиль Готье былъ не одинъ въ Ноанѣ. У Жоржъ-Сандъ гостили нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ Александръ Дюма-сынъ, но онъ скучалъ, такъ какъ разговоръ никогда не касался литературы. „На другой день, — продолжаетъ свой разсказъ Теофиль Готье, — я объявилъ, что уѣду, если не хотятъ говорить о литературѣ. Слово это ихъ такъ поразило, какъ будто они вернулись съ того свѣта... У нихъ всѣ заняты однимъ: минералогіей“. Готье сталъ доказывать, что никто такъ дурно не писалъ по-французски, какъ Руссо, и Жоржъ-Сандъ втянулась въ длинный литературный споръ. Гонкуры записываютъ любопытную черту, касающуюся манеры работать Жоржъ-Сандъ. Имѣя обыкновеніе работать до четырехъ часовъ, она, если ей случится окончить

какой-либо романъ въ часъ ночи, тотчасъ же начинаетъ писать другой романъ, до такой степени писаніе романовъ вошло у нея въ привычку.

Проходить три года, Жоржъ-Сандъ пріѣзжаетъ въ Парижъ, появляется на обѣдѣ Маньи, и Гонкуры снова возвращаются къ ея портрету: „въ ея красивомъ и миломъ лицѣ, съ годами, обозначается больше и больше типъ мулатки. Она смотритъ на всѣхъ съ какою-то застѣнчивостью, говоря на ухо Флоберу:—только съ вами я здѣсь не стѣсняюсь! Она слушаетъ, сама не принимаетъ участія въ разговорѣ, проронить слезу надъ стихотвореніемъ Виктора Гюго какъ разъ тогда, когда стихотвореніе впадаетъ въ ложный сентиментализмъ... Но что поражаетъ въ этой женщины-писательницѣ, это—удивительное изящество маленькихъ ручекъ, скрытыхъ, теряющихся въ кружевахъ рукава“.

Гонкуры не даютъ біографическихъ подробностей, не вдаются въ опредѣленіе литературнаго значенія писателя; вся ихъ задача передать впечатлѣніе, уловить манеру держать себя, говорить, опредѣлить настроеніе извѣстнаго лица, вызвать въ умѣ читателя живое представленіе рисуемой ими фигуры.

Возьмемъ другой портретъ,—портретъ человѣка, связаннаго съ ними близкими, дружескими отношеніями, преслѣдовавшаго тѣ же литературныя цѣли, ставившаго себѣ однородныя съ Гонкурами задачи. Мы говоримъ о Флоберѣ.

Рисуя его, Гонкуры придерживаются своего обычнаго въ этомъ литературномъ родѣ правила—прежде всего очерчиваютъ внѣшность человѣка. „Флоберъ чрезвычайно похожъ на портреты Фредерика Лемэтра въ молодости. Онъ очень большого роста, широкъ въ плечахъ, у него большіе, красивые выдающіеся глаза, съ немного опухшими вѣками, полныя щеки, жесткіе опущенные усы, цвѣтъ лица неровный, съ красными пятнами“. Нѣсколькими словами обрисовавъ внѣшность человѣка, они начинаютъ отмѣчать его вкусы, привычки, образъ жизни. „Флоберъ проводитъ четыре, пять мѣсяцевъ въ Парижѣ, никуда не показываясь, видясь лишь съ нѣсколькими друзьями, ведя тотъ медвѣжій образъ жизни, который ведемъ мы всѣ, Сенъ-Викторъ какъ Флоберъ, и мы какъ Сенъ-Викторъ“. Такое „медвѣдство“ писателя XIX вѣка,—вскользь замѣчаютъ Гонкуры,—любопытно, когда сравниваешь его съ свѣтскою жизнью писателей XVIII вѣка, Дидро, Мармонтеля, да почти всѣхъ, за исключеніемъ Жанъ-Жака Руссо, искавшаго, впрочемъ, обыкновенно довольно видныхъ уединеній. „Флоберъ ненавидитъ деревню,—продолжаютъ въ другой разъ обрисовывать своего друга Гонкуры.—Онъ работаетъ десять часовъ въ день,

но въ то же время страшно теряет время, забываясь при чтеніи какой-либо книги и каждую минуту отвлекаясь отъ своей работы. Начиная работать въ двѣнадцать часовъ, онъ только къ пяти часамъ чувствуетъ возбужденіе. Онъ не можетъ писать на чистой бумагѣ, и набрасываетъ сначала нѣсколько отдѣльныхъ идей, на подобіе художника, набрасывающаго на полотно первые тона". Гонкуры весьма тщательно описываютъ обстановку Флобера, его рабочій кабинетъ въ Кроасе, близъ Руана, гдѣ Флоберъ проводилъ всю свою жизнь, — кабинетъ, похожій на библиотеку, съ огромнымъ круглымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ и заваленнымъ всевозможнымъ *bris-à-bras* омъ, вывезеннымъ съ Востока. Въ этомъ кабинетѣ его деревенскаго дома, въ которомъ сказывается человѣкъ, его вкусы, его талантъ, — какой-то, какъ говорятъ Гонкуры, „остатокъ варвара въ артистической натурѣ". Флоберъ по цѣлымъ недѣлямъ сидитъ запершись, безъ всякаго движенія, безъ свѣжаго воздуха. „Всякое движеніе ему ненавистно, и мать его должна долго приставать къ нему, чтобы онъ рѣшился спуститься въ садъ. Она передавала намъ, — записываютъ Гонкуры, — что, возвращаясь иногда изъ Руана, проведя тамъ полдня, она заставляла сына на томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, и бывала не разъ испугана его неподвижностью".

Отъ изображенія виѣшней стороны человѣка Гонкуры переходятъ къ обрисовкѣ его внутренняго міра, и съ этою цѣлью они приводятъ отрывочные разговоры, отдѣльныя замѣчанія, выраженія, рисующія взгляды и отношеніе его къ жизни. Флоберъ способенъ былъ проводить цѣлые часы, отыскивая мѣткій эпитетъ, красивый оборотъ фразы, съ негодованіемъ спрашивая себя въ то же время — ради кого и ради чего стѣдуетъ надъ этимъ трудиться. Флоберъ былъ влюбленъ въ форму, и его возмущало, что на нее такъ мало обращаютъ вниманія въ публикѣ. „Подумайте! — жаловался онъ Гонкурамъ: — даже когда ваше произведеніе имѣетъ успѣхъ, успѣхъ этотъ вовсе не тотъ, котораго вы желали. Развѣ не водевильныя стороны въ „*M-me Bovary*" стяжали этому роману его успѣхъ? Да, успѣхъ всегда въ сторонѣ... Форма... форма, но кто же среди публики удовлетворяется и наслаждается формой? А между тѣмъ, благодаря этой формѣ, мы становимся подозрительны правосудію, суду, считающему себя защитникомъ классицизма... Классици! да вѣдь это пустой фарсъ, вѣдь никто классиковъ не читаетъ! Вѣдь не существуетъ даже восьми писателей, которые прочли бы Вольтера, — вы понимаете, прочли бы какъ слѣдуетъ! А въ обществѣ драматическихъ писателей нѣтъ даже пяти че-

любовей, которые могли бы даже назвать всѣ пьесы Корнеля "... Флоберъ былъ убѣжденъ, что нелѣпое судебное преслѣдованіе, возбужденное противъ него послѣ выхода въ свѣтъ „M-me Bovary“ по обвиненію въ безнравственности, вызвано было не чѣмъ инымъ, какъ формою романа, которая, для этого поборника искусства для искусства, являлась какъ святая святыхъ. Флоберъ зналъ три молитвенника: Лабрюеръ, нѣсколько страницъ Монтескьё и нѣсколько главъ Шатобриана. У него былъ совершенно особый взглядъ на задачу романа, и онъ говорилъ Гонкурамъ: „исторія, интрига въ романѣ—мнѣ все это вполне безразлично. Когда я пишу романъ, меня преслѣдуетъ одна мысль: передать колоритъ, оттѣнокъ. Такъ, наприимѣръ, въ моемъ кареагенскомъ романѣ мнѣ хочется написать что-нибудь въ пурпуровомъ цвѣтѣ. Въ „M-me Bovary“ я желалъ передать тонъ, заплесневѣлый колоритъ существованія мокрицы. Меня такъ мало занимала самая фабула романа, что всего за нѣсколько дней до того, что я принялся писать мою книгу, я задумалъ „Madame Bovary“ совершенно иначе. Въ той же средѣ и въ томъ же тонѣ, она должна была быть старою дѣвою, набожною и цѣломудренною. Потомъ я убѣдился, что это будетъ совершенно невозможное лицо“.

Желая показать Флобера со всѣхъ сторонъ, обрисовать его литературную фizioномію, Гонкуры передаютъ не только отношеніе его къ самому себѣ, но и его взгляды на современныхъ ему писателей, всегда рѣзко опредѣленные. Говоря о Викторѣ Гюго, онъ нападаетъ на его претензію прослыть великимъ мыслителемъ и утверждаетъ, что тѣ, чтѣ наиболѣе въ немъ поражаетъ, это—отсутствіе мысли. „Гюго,—говорилъ онъ,—совсѣмъ не мыслитель, а натуралистъ... у него въ крови сокъ деревьевъ“. Аргументація Флобера всегда крайне своеобразна. Такъ наприимѣръ, по его мнѣнію, романы Октава Фелье, къ которому онъ относится съ негодующимъ презрѣніемъ, доказываютъ, что онъ не любитъ женщину, и доказательство это онъ видитъ въ томъ, что Фелье постоянно куритъ оиміамъ женщинамъ. „Тѣ, которые ихъ любятъ,—говорилъ онъ,—пишутъ книги, въ которыхъ они рассказываютъ все, чтѣ они выстрадали изъ-за женщины, такъ какъ любящи сильно только тѣ, чтѣ причиняетъ вамъ страданія“.

Натура Флобера была гордая, страстная, умѣвшая такъ же сильно любить, какъ и сильно ненавидѣть. Какъ бы для того, чтобы обрисовать страстность его темперамента, Гонкуры приводятъ рассказъ самого Флобера объ одномъ изъ эпизодовъ его любовной исторіи съ m-me Коллѣ, авторомъ романа „Elle et

Lui“, въ которомъ она вывела между другими на сцену и самого Флобера. Любовный романъ Флобера съ м-ше Коллѣ окончился тѣмъ, тѣмъ оканчивается большинство такихъ романовъ. Любовь Флобера погасла, но м-ше Коллѣ не хотѣла этого признавать и продолжала преслѣдовать его своею любовью. Флоберъ избѣгалъ переписки, встрѣчъ, но м-ше Коллѣ не сдавалась, отстаивая свои права на „старого“ друга. Она требовала отъ него объясненій, вривалась къ нему на квартиру, дѣлая старуху-мать Флобера свидѣтельницей бурныхъ сценъ. Флоберъ выходилъ изъ себя, и однажды, какъ передавалъ онъ самъ своимъ друзьямъ Гонкуръ, — обошелся съ своею бывшею любовницею съ такою жестокостью, съ такою суровостью, что даже мать его, присутствовавшая при объясненіи, была возмущена его поведеніемъ. Она всегда помнила объ этой сценѣ, какъ „о ранѣ, нанесенной ей полу“. Флоберъ признавалъ, что онъ прежде любилъ эту женщину до бѣшенства, и Гонкуры, обрисовывая страстный темпераментъ Флобера, рассказываютъ съ его словъ объ одной характерной сценѣ, когда Флоберъ чуть не совершилъ преступленія. „Онъ сознается, — записываютъ они, — что любовь его къ этой женщинѣ была такъ сильна, что однажды она чуть-чуть не довела его до убійства. Онъ бросился на нее, и въ эту минуту онъ испыталъ галлюцинацію преслѣдованія: „да, да, я услышалъ, какъ скамья подсудимыхъ трещитъ подо мною“. Рассказывая эту сцену, онъ прибавляетъ, что одинъ изъ его предковъ былъ женатъ на какой-то женщинѣ изъ Канады. У Флобера дѣйствительно говорится иногда, — присовокупляютъ Гонкуры, — кровь краснокожаго со всѣми пороками бѣшенства“.

Ни на кого, быть можетъ, Гонкуры не потратили такъ много красокъ, какъ на Флобера, этого неизмѣннаго друга, съ которымъ, по ихъ собственнымъ словамъ, они дѣлили „презрѣніе, негодованіе, вызываемое приниженіемъ настоящаго, ничтожностью характеровъ, деморализаціей и лакействомъ литераторовъ, нашихъ товарищей“. Они отдѣлываютъ этотъ портретъ со всею тщательностью, боясь упустить самую мелкую черту, нагромождая подробности, освѣщая его характеръ со всѣхъ сторонъ, и, быть можетъ, потому самому портретъ этотъ не производитъ впечатлѣнія такой цѣльности, какъ другіе, набросанные болѣе легко, какъ, напримѣръ, превосходный портретъ Мишле. Обрисовавъ обстановку Мишле, его квартиру, убранство ея, смѣсь произведеній искусства, вкуса съ современною вульгарностью, показавъ силуэтъ его жены, Гонкуры переходятъ къ самому Мишле, „похожему на свою исторію, гдѣ все, что внизу, залито свѣтомъ, наверху

же полумракъ; лицо его—одна тѣнь, окруженная свѣгомъ длинныхъ бѣлыхъ волосъ, тѣнь, изъ которой исходитъ профессорскій голосъ, звучный, катящійся, поющій, то поднимающійся, то опускающійся... Разговоръ, полный жизни, блестящій сравненіями, глубиною обобщеній, свѣтящійся, какъ молнія, поражающій шириною историческихъ знаній, проникнутыхъ и связанныхъ любовью къ человѣчеству. Умъ вдумчивый, всегда соединяющій прошлое съ настоящимъ. Мишле поражаетъ въ своихъ разговорахъ переходами отъ историческихъ соображеній къ вопросамъ современнымъ; передъ его глазами точно постоянно бѣлѣтся та нить, которая связываетъ собою вѣка. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, объ обстановкѣ прошлаго столѣтія, о стилѣ мебели, архитектурѣ дворцовъ и отелей, или о той роли въ исторіи, которую играли не знаменитыя женщины, но женщины, бывшія у нихъ въ услуженіи—тѣма, которую онъ рекомендовалъ Гонкурѣ для историческаго этюда — разговоръ его всегда отличался захватывающимъ интересомъ, такъ полною былъ онъ философскою мыслью". Рисуя симпатическій образъ Мишле, Гонкуры, вѣрные своему методу, приводятъ не одинъ образчикъ его мастерскихъ бесѣдъ, въ которыхъ ярко характеризуется этотъ рѣдкій умъ историка-артиста. Приведемъ немного изъ того, что дають Гонкуры. „Онъ началъ разъ говорить о Людовикѣ XV и о настоящемъ времени. —Людовикъ XV—человѣкъ умный, но ничтожество, ничтожество!.. Великія дѣла и событія настоящаго менѣе поражаютъ, они какъ бы ускользають отъ современниковъ. Какъ-то не видишь Суэскаго перешейка, не видишь прорытія Альповъ. Желѣзная дорога, что она передъ глазами?—видишь локомотивъ, который убѣгаетъ, немножко дыма... а сама дорога въ сотни верстъ. Да, мы не замѣчаемъ размѣровъ того, что совершается въ наше время...—Слѣдуетъ минута раздумья, по прошествіи которой Мишле какъ бы продолжаетъ развивать свою мысль:—Однажды я дѣлалъ переѣздъ въ Англію, въ самой широкой ея части, отъ Іорка до... Я былъ въ Галифаксѣ... Въ деревнѣ оказались тротуары, трава такъ же хорошо содержится, какъ и тротуары, и возлѣ пасущіеся бараны... и все это освѣщено газомъ. О! это удивительное дѣло!..—Затѣмъ наступаетъ молчаніе, и разговоръ снова возобновляется.—Замѣтили ли вы, — говоритъ Мишле, — что теперь знаменитые люди не выдѣляются своими фizioноміями. Взгляните на ихъ портреты, на ихъ фотографіи... Нѣтъ больше чудныхъ портретовъ. Замѣчательные люди не отличаются другъ отъ друга... Въ лицѣ Бальзака нѣтъ ничего характеристичнаго.... Развѣ вы бы узнали, по наружному виду, Ламартина?... Мы все заимствуемъ больше отъ другихъ, а заимствуя

отъ другихъ, наша фізіономія становится менѣ исключительно намъ принадлежащею. Мы представляемъ собою портреты болѣе какой-то коллективности, чѣмъ свои собственные“...

Цѣлые часы,—замѣчаютъ Гонкуры,—можно было проводить слушая, какъ Мишле переворачиваетъ идеи, „часто парадоксальныя, но никогда—ходячія и избитыя“. Разговоръ зашелъ въ другой разъ о современной толпѣ, объ исчезновеніи веселья, веселья à la Рабле, которое Лютеръ почиталъ добродѣтелью. „Эту тоску,—говорятъ Гонкуры,—Мишле приписывалъ сложности современныхъ идей, затруднительности выбора между столькими новыми направленіями ума, натиску разностороннихъ изученій, такъ сказать скопленію горизонтовъ вокругъ нашего мозга“.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и Гонкуры снова возвращаются къ характеристикѣ Мишле. „Несмотря на года и громадный трудъ, сѣдой старикъ такъ же молодъ, сохраняетъ тотъ же живой умъ, онъ брызжетъ колоритомъ словъ, оригинальными идеями, гениальными парадоксами“. Гонкуры не любятъ бездоказательныхъ обобщеній, и, выражаясь такимъ образомъ о Мишле, они тотчасъ приводятъ на нѣсколькихъ страницахъ его разговоры, какъ бы подтверждающіе ихъ выводъ и обрисовывающіе во весь ростъ „бѣлоснѣжнаго“ старика. Мы бы зашли слишкомъ далеко, если бы захотѣли воспроизводить всѣ такія страницы.

Теодиль Готье, Тэнъ, Сентъ-Бѣвъ такъ мѣтко схвачены Гонкурами, что читатель ихъ видитъ передъ собою точно живыми, и никакая біографія, самая подробная, неспособна кажется возстановить ихъ образы съ такою рельефностью, какъ это удастся Гонкурамъ. Правда этихъ портретовъ чувствуется даже тогда, когда въ нихъ сквозитъ,—какъ на примѣръ въ портретѣ Сентъ-Бѣва,—если не безусловная антипатія, то тѣмъ не менѣе отсутствіе симпатіи къ обрисовываемому ими лицу. Слушая какъ-то „похвальное слово“, которое расточалъ Сентъ-Бѣвъ, за обѣдомъ у Маньи, одному изъ своихъ коллегъ по академіи,—Жюль Гонкуръ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: „если я умру прежде васъ, то да избавить меня Богъ отъ вашихъ похвалъ!“ Слова эти имѣли бы полное право повторить самъ Сентъ-Бѣвъ, еслибы онъ увидѣлъ свой портретъ, нарисованный Гонкурами. Рисуя знаменитаго критика, Гонкуры говорятъ: „мелкая кисть—вотъ прелесть, но и вмѣстѣ мелочность бесѣды Сентъ-Бѣва. У него нѣтъ возвышенныхъ идей, сильныхъ выраженій, этихъ образовъ, словно высѣченныхъ изъ камня. Все, что онъ говоритъ, закончено. Ёдко, тонко, точно дождь маленькихъ фразъ, которыя, въ концѣ концовъ, рисуютъ вамъ предметъ своимъ наслоеніемъ и скопле-

ніемъ. Бесѣда остроумная, живая, но поверхностная; разговоръ его отличается изяществомъ, въ немъ вы встрѣтите эпиграмму, когти и ехидную мягкость“. Разговоры, которые они приводятъ въ своемъ журналѣ, разговоры, записанные какъ бы стенографически, служатъ блестящимъ оправданіемъ ѣдваго опредѣленія Гонкуровъ. Умираетъ Альфредъ де-Виньи, и за обѣдомъ у Маньи Сень-Бѣвъ заводитъ бесѣду о покойномъ писателѣ. „Боже мой!—говоритъ Сень-Бѣвъ тономъ умиленія, — никто не знаетъ его происхожденія... Онъ былъ аристократъ 1814 года; въ это время не очень строго разбирали этотъ вопросъ. Въ корреспонденціи Гаррика попадаетъ какой-то де-Виньи, который проситъ у него денегъ, но очень *благородно*... онъ обращается къ Гаррику, желая сдѣлать ему одолженіе. Интересно было бы знать, не отъ этого ли де-Виньи и онъ происходитъ... Это былъ прежде всего *ангелъ*; де-Виньи всегда былъ ангеломъ. Дома у него никто никогда не видѣлъ бифштекса. Когда его покидали въ семь часовъ вечера, чтобы идти обѣдать, онъ говорилъ: —Какъ! вы уже уходите!—Дѣйствительность для него не существовала, онъ ничего въ ней не понималъ. У него попадались великолѣпныя слова. Когда онъ окончилъ свою вступительную рѣчь въ академіи, одинъ изъ его друзей замѣтилъ ему, что рѣчь была немножко длинна: —но я не усталъ!“ воскликнулъ де Виньи“... И всѣ хвалебныя рѣчи Сень-Бѣва всегда въ такомъ тонѣ; онъ „влагаетъ ядъ во всякую похвалу“. По тѣмъ немногимъ образцамъ, которые приведены нами, читатель можетъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о манерѣ братьевъ Гонкуровъ писать портреты своихъ современниковъ.

Въ ихъ богатой портретной галереѣ французскихъ литераторовъ попадаютъ и два силуэта русскихъ писателей, на которыхъ они останавливаются съ любовью. Въ 1863 году Шарль Эдмонъ привелъ къ Маньи Тургенева, и Гонкуры тотчасъ заносятъ въ свою коллекцію „этого иностранца-писателя, обладающаго такимъ привлекательнымъ талантомъ, автора „Записокъ Охотника“ („Mémoires d'un Seigneur“, какъ переведено по-французски), автора „Русскаго Гамлета“. Это чудный колоссъ, нѣжный гигантъ съ бѣлыми волосами, съ видомъ лѣсного или горнаго добраго генія. Онъ красивъ, замѣчательно красивъ, съ голубыми, небеснаго цвѣта глазами, съ прелестью пѣвучаго русскаго акцента, съ тою пѣвучестью, въ которой слышится не то ребенокъ, не то негръ. Тронутый сдѣланною ему оваціей, онъ начинаетъ интересно рассказывать о русской литературѣ, которая стоитъ на широкомъ пути реализма, начиная съ романа и кончая театромъ“. Къ со-

жалѣнію, портретъ Тургенева остался незаконченнымъ; быть можетъ, до 1869 г., которымъ заканчивается пока журналъ Гонкуровъ, они не имѣли случая его часто встрѣчать.

Въ другомъ силуэтѣ Гонкуры рисуютъ Герцена, съ которымъ имъ пришлось встрѣтиться у того же Шарля Эдмона, который ввелъ Тургенева на обѣды Маньи. „Лицо, напоминающее маску Сократа, окраска теплая и прозрачная портретовъ Рубенса, красный знакъ, какъ обжогъ раскаленного желѣза, между двумя бровями, волосы и борода съ просѣдью“, — вотъ какъ въ немногихъ словахъ Гонкуры описываютъ его внѣшность. „Онъ говоритъ, и какая-то ироническая нота у него то возвышается, то спускается въ его горлѣ. Голосъ мягкій, меланхолически-музыкальный, не заключающій въ себѣ вовсе той рѣзкой звучности, которую можно было бы ожидать при видѣ массивнаго сложенія человѣка. Идеи, которыя онъ высказываетъ, всегда отличаются мѣткостью, остротою, подчасъ даже излишнею тонкостью, но онъ всегда умѣетъ искусно ихъ объяснять, освѣщать словами, заставляющими себя ждать, но которыя всегда являются выраженіями умнаго иностранца, говорящаго по-французски“. Въ подтвержденіе правдивости своего наброска они, какъ обыкновенно, приводятъ и выдержки изъ его разговоровъ, за которыми, однако, мы не послѣдуемъ. Герценъ очаровалъ ихъ своими разговорами о Россіи, воспоминаніями объ императорѣ Николаѣ, своими полными остроумія и блеска наблюденіями надъ англійскою жизнью, съ которой онъ имѣлъ уже время хорошо ознакомиться.

Сплошь и рядомъ, какъ и въ данномъ случаѣ, когда Гонкуры набрасывали профиль Герцена или Тургенева, — чуждыхъ для нихъ натуръ, они удѣляютъ такимъ эскизамъ всего двѣ, три странички; но искусство, мастерство Гонкуровъ тѣмъ и замѣчательно, что они умѣютъ улавливать выдающіяся черты человѣка, свойство его ума, складъ мысли. Рисунокъ ихъ всегда правиленъ, краски вѣрны природѣ. Записать происходившій разговоръ, разумѣется, не трудно, но выхватить изъ этого разговора тѣ, что представляется характернымъ, что рисуетъ ту или другую натуру человѣка — это уже удѣлъ писателя-художника, и съ этой стороны Гонкуры безупречны. Вотъ почему всѣ ихъ портреты, интересные для современниковъ, послужатъ драгоценнымъ матеріаломъ для будущихъ историковъ и французской литературы, и французскаго общества второй половины XIX столѣтія.

Мы далеко, само собою разумѣется, не исчерпали богатаго содержанія первыхъ трехъ томовъ журнала братьевъ Гонкуровъ, этихъ

рѣдкихъ писателей, которые рано или поздно займутъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ пантеонѣ французской литературы. Мы желали только хотя бы въ самыхъ крупныхъ штрихахъ познакомиться читателей съ содержаніемъ этой искренней книги, обнажившей передъ нами душу Гонкуровъ, ихъ привлекательную болѣзненно-нервную организацію, отзывающуюся въ теченіе всей ихъ жизни какою-то заунывною, мучительною, страдальческою нотой. Мы вовсе не коснулись даже послѣднихъ сорока страницъ третьяго тома журнала, гдѣ пережившій своего младшаго брата Эдмонъ Гонкуръ передаетъ потрясающій рассказъ постепеннаго угасанія лучей того яркаго свѣта, которыми такъ полны были умъ надломленнаго непосильнымъ трудомъ Жюля Гонкура. Мы не коснулись этихъ мрачныхъ страницъ, не желая раздѣлять двухъ братьевъ, такъ необъяснимо слившихся въ одну натуру, въ одинъ умъ, въ одно сердце. Быть можетъ, мы еще къ нимъ вернемся, когда выйдетъ въ свѣтъ возвѣщенный четвертый томъ журнала, написанный—уже однимъ Эдмономъ Гонкуромъ.

Евг. Утинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЛѢТНІЯ НОЧИ.

I.

Неслышно ночь надвинулась нѣмая,
Зажглись на небѣ звѣзды и горять,
И спать цвѣты въ саду, благоухая,
А теплый вѣтеръ, робко ихъ лаская,
Впиваетъ жадно сладкій аромат.

Волшебной ночи чарами смущенный,
Дрожу невольно и волнуюсь я:
Среди природы, страстно опьяненной,
Простора мало для груди стѣсненной,
И вдаль уносится мечта моя.

Я нетерпѣнья полонъ, ожиданья,
Хочу ласкать, и плавать, и молить,
Я жажду хоть улыбки состраданья,
Въ устахъ тѣснятся страстные признанья,—
Какое счастье—вѣрить, жить, любить!

II.

Давно, блеснувъ землѣ привѣтомъ,
Ужъ день исчезъ.
Облиты мягкимъ луннымъ свѣтомъ
Рѣка и лѣсъ;
Деревья странно недвижны,
Поля полны
Тѣней, тоновъ необъяснимыхъ
И тишины.
На небѣ звѣзды, точно очи,
Блестать, глядятъ.
Въ родныя сѣверныя ночи
Ихъ грустенъ взглядъ;
Въ груди рождаетъ онъ волненье,
Въ душѣ—печаль
И безпредметное стремленье
Куда-то вдаль...

Бл.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНКУРСЫ

ВО

ФРАНЦИИ.

II *).

Мы видѣли, какимъ образомъ „конкурсы“ во Франціи преслѣдуютъ учащагося не только во все время прохожденія имъ средне-учебнаго курса въ лицеяхъ и коллежахъ (гимназіяхъ), но также и въ „Политехнической“ и въ „Нормальной школѣ“—до самыхъ дверей университета (faculté), имѣющаго исключительное право раздачи ученыхъ степеней, начиная съ первой—licencier, соответствующей, слѣдовательно, нашей степени кандидата; но только на юридическомъ факультетѣ эта степень даетъ такія же права на службу, какія даются у насъ степенью кандидата. На факультетахъ же историко-филологическомъ и физико-математическомъ кандидатъ (licencier) не пользуется еще особенными правами для полученія педагогическихъ мѣстъ. Онъ можетъ быть учителемъ въ collège или исполняющимъ должность учителя (chargé de cours) въ провинціальномъ лицей; онъ можетъ занимать въ провинціальномъ лицей должность инспектора (censeur) и очень рѣдко—должность директора (proviseur); но чтобы занять мѣсто полноправнаго учителя въ лицей, чтобы подвигаться впередъ въ педагогической іерархіи, чтобы имѣть право на переводъ въ Парижъ ¹⁾, licencier долженъ выдержать конкурсъ на agrégé—штатнаго.

---

*) См. выше: янв., 421 стр.

¹⁾ Во Франціи одинъ только переводъ въ Парижъ, хотя бы и на низшую по положенію должность, есть для каждаго чиновника повышение, вслѣдствіе громадной

Agrégé—не есть университетская степень, для нея нѣтъ программы необходимыхъ знаній; это—звание, дающее тому, кто его имѣетъ, извѣстныя педагогическія права, доказываетъ его правоспособность, если можно такъ выразиться, отправлять извѣстныя педагогическія функціи—быть учителемъ или профессоромъ, и званіе это приобрѣтается путемъ очень строгаго конкурса. Во Франціи крѣпко держится принципъ, что для каждаго рода преподаванія должна быть своя специальная подготовка въ специальной школѣ. Напр., въ каждомъ департаментѣ существуютъ двѣ нормальныя школы (*Ecoles normales*, по нашему учительскіе институты): одна для подготовки сельскихъ учителей, другая для народныхъ учительницъ. А въ Парижѣ существуютъ двѣ школы ¹⁾, въ которыхъ готовятъ учителей и учительницъ для нормальныхъ школъ. Можно было бы идти дальше и имѣть специальную школу для образованія учителей для школъ, въ которыхъ готовятъ учителя и учительницы нормальныхъ школъ и т. д. Нашли однако, что нѣкоторые профессора университета и нѣкоторые учителя лицеевъ въ специальной подготовкѣ не нуждаются и могутъ быть преподавателями въ указанныхъ двухъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайнее примѣненіе выше указаннаго принципа, какъ мы увидимъ, ведетъ къ совершенному абсурду.

Agrégations бываетъ двухъ родовъ: „*agrégation des lycées*“—для среднего образованія, для набора учителей лицеевъ, которая распадается на „*agrégation de l'enseignement secondaire classique*“—для классическаго отдѣленія лицеевъ, и *agrég. de l'enseignement secondaire spécial*—для „спеціального“ (реальнаго) отдѣленія, —и „*agrégation des facultés*“ для высшаго образованія, для набора *agrégés* при факультетахъ (*agrégés des facultés*—нѣчто въ родѣ доцентовъ).

Agrégés среднего образованія обыкновенно называются „*agrégés de l'université*“, и они раздѣляются по специальностямъ, по главнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ лицеяхъ.

Различные конкурсы на званіе *agrégé* среднего образованія, по всѣмъ отраслямъ этого рода *agrégation*, производятся ежегодно въ Парижѣ. Они длятся отъ середины іюля до первыхъ чиселъ сентября. Всѣ различные жюри назначаются министромъ изъ провинціальныхъ профессоровъ, выдающихся учителей лицеевъ, окружныхъ инспекто-

---

разницы въ жалованьи парижскихъ и соответствующихъ провинціальныхъ чиновниковъ. Напр., профессоръ начинаетъ въ Парижѣ службу съ окладомъ въ 12 т. фр.; въ провинціи онъ начинаетъ съ 6 т. фр. и очень медленно, къ концу жизни, достигать до 12 т.

¹⁾ Обѣ въ окрестностяхъ Парижа: одна въ St.-Cloud—для учителей, а другая въ Fontenay-aux-Roses—для учительницъ.

ровъ (въ каждомъ жюри непременно имѣется одинъ или два инспектора) и профессоровъ парижскихъ высшихъ учебныхъ заведеній (Сорбонны, Collège de France, Muséum d'Histoire Naturelle). Предсѣдательствуетъ въ каждомъ жюри или окружной инспекторъ, или парижскій профессоръ.

По программѣ, знаній для этого конкурса требуется не больше, чѣмъ для степени „licence“, сочиненія развѣ нѣсколько труднѣе; но тогда какъ для названной степени требуется только показать знанія, здѣсь требуется главнымъ образомъ методичность и ясность въ изложеніи. Конкурсъ начинается четырьмя или пятью письменными работами, на которыя дается: семь часовъ на сочиненіе, и четыре—на переводы. Письменные отвѣты имѣютъ „выдѣляющій“ характеръ: ихъ неудовлетворительность исключаетъ кандидата изъ конкурса. Сюжеты сочиненій берутся одни въ программѣ преподаванія соотвѣтственныхъ предметовъ въ лицеяхъ, другіе—въ программѣ „licence“. Послѣ письменныхъ работъ начинается цѣлый рядъ устныхъ испытаній, состоящихъ главнымъ образомъ въ двухъ (иногда въ трехъ) часовыхъ урокахъ. Послѣ суточной подготовки кандидатъ вынимаетъ по жребію сюжетъ урока за 24 часа до назначеннаго для его чтенія часа, и онъ долженъ прочесть урокъ такъ, какъ еслибы передъ нимъ былъ классъ съ учениками,—жюри его не прерываетъ. Кромѣ того, историко-филологи (кандидаты на agrégation по философіи, грамматикѣ, литературѣ и исторіи и географіи) должны объяснить и комментировать три текста, два древнихъ—греческій и латинскій, и одинъ французскій, которые опредѣляются жребіемъ между текстами, назначаемыми ежегодно заранѣе для каждаго рода agrégation. Списокъ текстовъ и авторовъ, которые кандидаты должны приготовить къ конкурсу, публикуется ежегодно министерствомъ народнаго просвѣщенія въ „Journal Officiel“ въ началѣ академическаго года (въ концѣ сентября). Само собою разумѣется, что тексты относятся къ специальностямъ кандидата (для историко-географовъ публикуются два текста изъ греческихъ историковъ, два изъ латинскихъ и два изъ французскихъ) и комментаріи должны быть сдѣланы съ точки зрѣнія специальности кандидата; философы комментируютъ съ точки зрѣнія философской, филологи—съ филологической и грамматической, историки—съ точки зрѣнія исключительно исторической. Историко-географы должны еще приготовить въ теченіе года диссертацию (thèse), тему, выбранную самимъ кандидатомъ въ списокѣ вопросовъ по исторіи и географіи, публикуемомъ въ „Journal Officiel“ министерствомъ въ началѣ академическаго года (до октября) ¹⁾. Кандидатъ, допущенный

¹⁾ Для будущаго конкурса уже опубликовано 89 темъ по исторіи и 24 по географіи. Темы по исторіи относятся ко всѣмъ ея отдѣламъ до конца прошлаго вѣка.

къ устнымъ испытаніямъ, долженъ до ихъ начала передать председателю жюри короткій конспектъ своей работы съ указаніемъ источниковъ, которыми онъ для нея пользовался. Послѣ пробныхъ уроковъ кандидаты поочередно (въ алфавитномъ порядкѣ своихъ фамилій) устно излагаютъ свою работу. Это составляетъ третье устное испытаніе (первыя два—два часовыхъ урока, одинъ по исторіи, другой по географіи). Математикамъ и физикамъ въ началѣ года указываютъ два ученыхъ мемуара, которые они должны приготовить, и тема одного изъ сочиненій берется въ этихъ мемуарахъ. Для математиковъ въ началѣ года еще публикуется списокъ 72-хъ темъ, которыя будутъ служить для часовыхъ уроковъ, но они должны прочесть уроки послѣ трехъ или четырехъ-часовой подготовки взаперти безъ книгъ.

Agrégation de l'enseignement secondaire spécial (agrég. для реального курса) по процедурѣ не отличается отъ agrégation классическаго образованія,—она отличается тѣмъ, что вся литературная часть собрана въ одну agrégation (вмѣсто четырехъ), въ которую входитъ французская литература, исторія, географія, законодательство (наиболѣе употребительные законы) и политическая экономія. Научныхъ agrégations въ этомъ родѣ образованія имѣется двѣ—одна для физическихъ и естественныхъ наукъ, а другая—для математическихъ. Программы требованій для всѣхъ трехъ agrégations стоятъ несравненно ниже соотвѣтственныхъ программъ классическаго образованія. Не говоря уже о литературной части, для которой въ классическомъ образованіи имѣются четыре различныхъ agrégations, и отъ кандидатовъ требуется большая эрудиція и глубокое знаніе древне-классическихъ литературъ,—даже въ agrégations по чисто научнымъ областямъ между классическими и реальными agrégés разница громадная:

Приводимъ нѣкоторыя изъ темъ. *Исторія*: Institutions politiques et sociales de l'époque homérique. Solon. Les Hélistes. La révolution sociale à Sparte; Agis et Cléomène. Les comices centuriates. Les partis italiens après la seconde guerre punique. Le rôle de Cicéron après la mort de César. La *Loi Julia municipalis*. Etudier l'histoire de Constance Chlore; son administration. Ennodius et son oeuvre. Etudier dans la correspondance du pape Grégoire le Grand les rapports de ce pape avec les royaumes barbares. Etudier les rapports de Léon III et de Charlemagne. Etudier la valeur historiques des écrits de Luitprand. Etude critique du règne d'Alexis Comnène. Le gouvernement intérieur du cardinal de Richelieu. Une province en France sous Louis XV. Etudier et comparer les constitutions politiques de 1791 et de l'an VIII.

Географія. Influence de l'Ecole d'Alexandrie sur le développement des sciences géographiques. Appréciér les résultats des explorations contemporaines dans les régions arctiques. Etudier le relief du sol de la Russie d'Europe. Les courants marins et les circulations des eaux marines. Les voyages du capitaine Cook; leurs résultats scientifiques.

классическіе пишутъ сочиненія по высшей математикѣ и высшей физикѣ, а отъ реальныхъ требуются только знаніе и хорошее изложеніе вопросовъ изъ элементарныхъ отдѣловъ этихъ наукъ. Поэтому персоналъ учителей реального курса стоитъ въ общественномъ мнѣніи гораздо ниже учителей классическаго образованія, — а особенно во мнѣніи своихъ товарищей послѣдняго рода образованія, — несмотря на почти полное равенство съ ними въ матеріальномъ положеніи. Поэтому же большинство молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя педагогической карьерѣ, стремится въ классическіе *agrégés*; другіе находятся почти въ презрѣніи. Но тутъ-то и выказывается, до какого абсурда можно дойти въ крайнемъ примѣненіи принципа, самого по себѣ и вѣрнаго — необходимости специальной подготовки для учителей каждаго рода образованія: учитель математики реального отдѣленія преподаетъ въ реальныхъ классахъ курсъ по программѣ значительно болѣе обширной программы курса, который *agrégé* классическаго образованія преподаетъ въ научныхъ классахъ классическаго отдѣленія, готовя своихъ учениковъ въ „*bacheliers ès-sciences*“. Правда, классическій *agrégé* долженъ еще быть въ состояніи читать и высшую математику, чтобы приготовить учениковъ къ конкурсамъ въ политехническую и высшую нормальную школы. Онъ же могъ бы, вѣроятно, преподавать и въ реальныхъ классахъ. То же самое можно сказать и объ учителяхъ физики и химіи — вѣдь нѣтъ двухъ различныхъ наукъ физики. Но французскіе классики, которые пока еще въ силѣ, хотятъ, чтобы реальное образованіе было совершенно отдѣлено отъ классическаго, чтобы не было никакого смѣшенія, чтобы реальное продолжало — хотя бы въ лицѣ своихъ преподавателей — стоять ниже классическаго. Ибо въ тотъ день, когда въ обоихъ отдѣленіяхъ, существующихъ рядомъ въ одномъ и томъ же лицѣ, будутъ преподавать одни и тѣ же учителя, — реальное образованіе будетъ вполне сравнено съ классическимъ. По своему характеру конкурсъ на званіе *agrégé* — государственный: всѣ удостоившіеся послѣ конкурса званія „*agrégé*“ назначаются учителями въ лицеи и число имѣющихся въ лицахъ вакансій опредѣляетъ ежегодно число кандидатовъ, могущихъ получить это званіе. И тутъ, какъ во всѣхъ конкурсахъ, соблюдается мѣстничество: списокъ новыхъ „*agrégés*“ объявляется въ порядкѣ ихъ успѣховъ, — общей суммы отиѣтокъ каждаго, — и качество назначенія соответствуетъ мѣсту кандидата въ списокѣ. Каждый *agrégé* получаетъ, пока онъ состоитъ на дѣйствительной службѣ, вознагражденіе въ 500 фр. выше своего оклада, въ силу одного только своего званія.

Для приготовленія „*agrégés de l'enseignement classique*“ и существуетъ знаменитая „Высшая нормальная школа“ съ двумя отдѣле-

ніями — научнымъ и литературнымъ; школа и готовить ко всѣмъ семи специальнымъ *agrégations*. Весь третій и послѣдній годъ своего пребыванія въ школѣ воспитанники исключительно только упражняются въ чтеніи часовыхъ уроковъ и въ составленіи письменныхъ отвѣтовъ въ родѣ тѣхъ, которые могутъ быть даны на предстоящемъ конкурсѣ. Такая же подготовка кандидатовъ происходитъ въ Сорбоннѣ, гдѣ „*licenciés*“, подъ руководствомъ специальныхъ „*maîtres de conférences*“ (нѣчто въ родѣ доцентовъ), упражняются въ пробныхъ урокахъ, переводѣ, объясненіи и комментированіи авторовъ и составленіи письменныхъ отвѣтовъ.

Для подготовки *agrégés* реального образованія устроены съ нѣкоторыхъ поръ курсы въ Руанѣ, куда посылаются стипендіаты.

Только немногіе достигаютъ званія *agrégé* послѣ одного конкурса. Большею частью, это воспитанники нормальной школы, которымъ несомнѣнно дается болѣе старательная подготовка — они же и самые отборные воспитанники лицеевъ; и, кромѣ того, члены жюри — сами почти всѣ бывшіе воспитанники этой школы — волей-неволей, незамѣтно для себя, относятся къ нимъ благосклоннѣе, нежели къ другимъ кандидатамъ. Большинство получаетъ званіе *agrégé* послѣ двухъ, трехъ, четырехъ, а иногда и пяти конкурсовъ, т.-е. послѣ двухъ, трехъ, четырехъ или пяти лѣтъ самаго упорнаго труда, изучая каждый годъ новыхъ авторовъ, новые тексты, новые мемуары, приготавливая тѣ же и новые уроки, и являясь каждый годъ, въ іюлѣ, къ конкурсу, переживая всѣ душевныя волненія, которыми всегда сопровождаются такого рода испытанія, а особенно неудачи. Молодые люди и послѣднія переносятъ стойко, и послѣ каждой принимаются за работу съ новымъ усердіемъ, работаютъ годъ за годомъ, пока, наконецъ, не достигнутъ желаннаго званія. Бываетъ и такъ, что, отчаявшись послѣ четырехъ, пяти неудачъ, они бросаютъ конкурсы и мирятся со званіемъ „*chargé de cours*“ (исполняющаго должность учителя) въ провинціальномъ лицей. Сколько мы знаемъ молодыхъ французовъ, которые такъ по нѣскольку лѣтъ мытарствовали! Есть такіе, которые два-три раза подъ-рядъ допускаются къ устнымъ испытаніямъ, — а для этого уже нужна хорошая подготовка, — но послѣднихъ долго преодолѣть не могутъ просто изъ-за чрезмѣрнаго утомленія.

III.

По уставу, при всѣхъ французскихъ факультетахъ имѣются *agrégés des facultés*, — нѣчто въ родѣ доцентовъ, — которые назначаются путемъ конкурса. Фактически *agrégés* остались только при медицинскихъ и

юридическихъ факультетахъ и при высшихъ фармацевтическихъ школахъ (родъ фармацевтическихъ факультетовъ). Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ профессора, въ случаѣ вакансіи кѣдры, выбираются между *agrégés*. При историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетахъ *agrégés* уничтожены „бюджетнымъ путемъ“ — способъ, который во Франціи часто практикуется, — бюджетная коммиссія въ 1876 году вычеркнула изъ бюджета смѣту на содержаніе *agrégés* при названныхъ факультетахъ. Тамъ, гдѣ они еще существуютъ, на *agrégés* возложены производство экзаменовъ ¹⁾ и чтеніе дополнительныхъ лекцій. Конкурсъ и здѣсь заключается въ „приготовительныхъ“ испытаніяхъ, т.-е. въ письменныхъ работахъ съ „исключающимъ“ характеромъ и „окончательныхъ“ — въ чтеніи пробныхъ лекцій послѣ 24 часовъ или 48 часовъ (на медиц. факульт.) подготовки и — на юридическомъ факультетѣ — въ аргументаціи текста дигестовъ, а на другихъ двухъ факультетахъ — въ цѣломъ рядѣ практическихъ упражненій. Выдержавшіе конкурсъ *agrégés* назначаются только на опредѣленное число лѣтъ (10 на юрид. факультетъ и фармацевт. школахъ, 9 на медиц. фак.), и если они за время своей дѣйствительной службы не попали въ профессора, они выходятъ въ отставку, сохраняя званіе „*agrégé libre*“ (свободн. *agrégé*) въ отличіе отъ „*agrégé en activité*“ (аг. на службѣ). Конкурсы происходятъ въ Парижѣ — черезъ каждыя пять лѣтъ для юрид. фак. и фарм. школъ и черезъ каждые три года для медиц. факультетовъ. Жюри назначается министромъ изъ парижскихъ и провинціальныхъ профессоровъ.

Незадолго до послѣдняго конкурса, который происходилъ въ прошломъ академическомъ году, процедура испытаній на *agrégés* медицинскихъ факультетовъ была значительно измѣнена. Письменное сочиненіе осталось только для кандидатовъ по физикѣ, химіи и естественной исторіи. Для всѣхъ же *agrégés* — и для только-что названныхъ — приготовительныя испытанія заключаются въ пробной лекціи въ $\frac{3}{4}$ часа послѣ трехчасовой подготовки взаперти съ книгами, по указанію жюри, и въ изложеніи кандидатомъ въ теченіе получаса своихъ собственныхъ оригинальныхъ работъ. Въ былое время, т.-е. еще три года тому назадъ — конкурсъ медицинскій представлялъ много курьезовъ и присутствовать ²⁾ на устныхъ испытаніяхъ было

¹⁾ На медицинскомъ и юридическомъ фак. и въ фармацевт. школахъ экзамены производятся въ теченіе всего года, почти по желанію учащагося: когда на извѣстный экзаменъ записалось достаточное число студентовъ, экзаменъ назначается немедленно.

²⁾ Всѣ устные экзамены и конкурсы производятся во Франціи публично — и на нихъ можетъ присутствовать всякій, кто пожелаетъ.

весьма любопытно. Сочиненія (тогда были сочиненія для всѣхъ) читались кандидатами публично и каждое сочиненіе подвергалось затѣмъ строгой, публичной же, критикѣ одного изъ конкурентовъ (назначеннаго жребіемъ). Тутъ происходили горячія пренія между читавшимъ и его оппонентомъ, а присутствовавшая публика—большую частью друзья обоихъ конкурентовъ—аплодировала поочередно то одному, то другому. Кромѣ того, въ концѣ конкурса кандидатамъ по жребію раздавались тѣмы ¹⁾, на которыя каждый долженъ былъ въ 12 дней написать и напечатать диссертацию. Работа, разумѣется, могла быть только компилятивной, но каждый старался изложить вопросъ возможно болѣе полно. Поэтому каждый кандидатъ заранее устраивалъ на своей квартирѣ фабрику: собравши всѣхъ своихъ друзей, онъ каждому назначалъ отдѣлъ или, чаще, журналъ для собиранія библиографическихъ справокъ. Какъ только кандидатъ вынималъ тему, онъ немедленно ее сдавалъ на фабрику, которая моментально была пущена въ ходъ. Друзья работали въ теченіе этихъ двѣнадцати дней буквально безъ перерыва, и день, и ночь, собирая во всѣхъ источникахъ все, что могло относиться къ данной темѣ, даже составляя тѣ или другія части диссертациі, а самъ кандидатъ только исполнялъ должность главнаго редактора. Кромѣ того, богатые кандидаты, чтобы выиграть время, ухищрялись, платя, разумѣется, дорого, отпечатать труды своей фабрики въ баснословно короткіе сроки. Были даже типографіи, которыя, во время конкурсовъ, конкурировали между собою въ быстротѣ работы и наперерывъ предлагали свои услуги кандидатамъ. Мы помнимъ фуроръ, который произвелъ въ высшемъ медицинскомъ мірѣ кандидатъ, который умудрился отпечатать и сброшюровать толстую диссертацию менѣе чѣмъ въ 24 часа. И нужно замѣтить, что всѣ знали, какъ диссертациі изготовляются—самъ жури состоитъ изъ бывшихъ agrégés—всѣ возмущались, всѣ находили эти диссертациі абсурдомъ, а диссертационныя фабрики продолжали функционировать, пока, наконецъ, общественное мнѣніе не стало сомнѣваться въ пользѣ существованія самого института agrégés. Тогда только измѣнили процедуру конкурса.

IV.

Самые типичные конкурсы существуютъ въ медицинскомъ образованіи. Регламентарно медицинскій курсъ длится четыре года, и въ идеальномъ случаѣ медикъ могъ бы получить свою степень доктора

¹⁾ Темы выбирались жури.

(во Франціи всѣ кончаютъ докторами) черезъ четыре года послѣ своего поступленія на факультетъ. На дѣлѣ же очень рѣдкіе оканчиваютъ курсъ въ пять лѣтъ. Большая часть медиковъ остается въ званіи студента 6, 7, 8 и часто даже десять и двѣнадцать лѣтъ. У насъ считается почти позоромъ оставаться лишній годъ на факультетѣ — это будто бы свидѣтельствуетъ о недостаточности успѣховъ студента. Французскій медикъ вамъ съ нѣкоторой гордостью говоритъ, что онъ изучалъ медицину, т.-е. оставался студентомъ, въ теченіе десяти лѣтъ: этимъ онъ внушаетъ къ себѣ больше довѣрія. Мы, разумѣется, говоримъ здѣсь о людяхъ серьезныхъ: при той свободѣ, которая предоставлена студентамъ-медикамъ, бываютъ и такіе, правда, *очень рѣдкіе* экземпляры, которые остаются студентами десять лѣтъ безъ особенной пользы для своего образованія. Но это почти всегда иностранцы: румыны, южные американцы и т. д. Отношенія студента къ факультету заключаются въ томъ, что онъ, при правильномъ ходѣ своихъ работъ, черезъ каждые три мѣсяца вноситъ извѣстную плату (32 фр. 50 сант.), и ему засчитывается триместръ, — какъ говорятъ, студентъ „беретъ инскрипцію“ (*prend une inscription*). Полный курсъ состоитъ, такимъ образомъ, изъ *шестнадцати инскрипцій*. Инскрипціи выдаются студенту только подъ условіемъ правильнаго посѣщенія имъ практическихъ занятій (особенно анатоміей въ теченіе двухъ зимнихъ семестровъ второго и третьяго курса), а въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ — для послѣднихъ 8 инскрипцій — онъ долженъ еще представить всякій разъ свидѣтельство объ аккуратномъ посѣщеніи больницы. Кромѣ того, изъ 9 экзаменовъ (считая тутъ и диссертациі), которые медикъ долженъ выдержать для полученія степени, три держатся въ теченіе курса: первый (по естественной ист., физики, химіи) — послѣ четвертой инскр.; второй (по анатоміи и гистологіи) — послѣ одиннадцатой, и третій (по физиологіи) — послѣ четырнадцатой.

Обыкновенно инскрипціи выдаются въ опредѣленные сроки: напр., 1-я, 5-я, 9-я и 13-я въ октябрѣ; 2-я, 6-я, 10-я и 14-я въ январѣ, и т. д. Но по разрѣшенію декана ихъ можно получить и внѣ этихъ опредѣленныхъ сроковъ.

Студенту предоставляется вести свои занятія какъ ему угодно и держать экзамены, когда онъ пожелаетъ. Онъ можетъ, напр., держать первый экзаменъ черезъ два года послѣ четвертой инскрипціи (это крайній срокъ, опредѣленный очень недавно); онъ, правда, теряетъ два года, но это его дѣло: ему только не выдаютъ пятой инскрипціи раньше, чѣмъ онъ не выдержалъ перваго докторскаго экзамена. То же самое можно сказать о второмъ и третьемъ экзаменахъ¹⁾. Что же до

¹⁾ Экзамены на медицинскомъ факультетѣ производятся въ теченіе всего года:

тѣхъ испытаній, которымъ учащійся подвергается уже по полученіи всѣхъ шестнадцати инскрипцій, то тутъ ему предоставляется уже полнѣйшая свобода: онъ можетъ ихъ держать, когда ему заблагоразсудится, хоть по одному испытанію, черезъ каждыя пять лѣтъ, не теряя никакихъ правъ.

Лучшіе студенты обыкновенно при переходѣ на третій курсъ (послѣ 8 инскрипцій) начинаютъ участвовать въ госпитальныхъ конкурсахъ, а выдержавъ второй докторскій экзаменъ—перестаютъ даже брать инскрипціи въ факультетѣ. Но они при этомъ не теряютъ никакихъ правъ—взятыя инскрипціи, т.-е. засчитанные триместры, за ними остаются навсегда.

V.

Въ Парижѣ всѣ больницы находящіяся въ вѣдомствѣ городской администраціи общественнаго призрѣнія (Assistance Publique) предоставлены студентамъ для ихъ госпитальныхъ занятій. Въ каждой больницѣ имѣется по нѣскольку отдѣленій — въ большихъ, какъ „Hôtel-Dieu“, имѣется шесть медицинскихъ и три хирургическихъ отдѣленія. Во главѣ каждого отдѣленія стоитъ „госпитальный медикъ“ или „госпитальный хирургъ“ (médecin ou chirurgien des hôpitaux)—званія, которыя приобрѣтаются послѣ очень строгаго конкурса. Завѣдующій отдѣленіемъ можетъ въ то же время быть профессоромъ или агgréгé факультета; но онъ можетъ не принадлежать къ факультету, и въ этомъ случаѣ онъ настолько человѣкъ компетентный, что факультетъ ему довѣряетъ студентовъ для руководства ихъ клиническими занятіями въ его отдѣленіи. Студентъ можетъ выбрать любую больницу и любое отдѣленіе больницы—только, разъ онъ поступилъ въ отдѣленіе, онъ долженъ въ немъ оставаться не меньше трехъ мѣсяцевъ. Администрація общественнаго призрѣнія набираетъ изъ среды студентовъ путемъ конкурса для каждого отдѣленія больницы одного или двухъ (для хирургич. отдѣл.) *интерновъ* (internes) и отъ пяти до десяти, смотря по величинѣ отдѣленія, *экстерновъ* (externes), которые являются помощниками завѣдующаго отдѣленіемъ медика или хирурга.

Профессора и агgréгés распределены по экзаменаціоннымъ комиссіямъ, которыя собираются по мѣрѣ надобности, всякій разъ, когда имѣется достаточное число кандидатовъ (8 или 10), записанныхъ на данный экзаменъ. Комиссія состоитъ изъ трехъ экзаменаторовъ—двухъ профессоровъ и одного агgréгé. Въ Парижѣ, въ виду громаднаго числа экзаменующихся, факультету разрѣшено устраивать комиссіи изъ одного профессора и двухъ агgréгés.

Interne, по своимъ функціямъ, приблизительно то же, что у насъ, младшій ординаторъ при больницѣ или ассистентъ при клиникѣ. На немъ лежитъ общій надзоръ за отдѣленіемъ; онъ замѣняетъ своего шефа въ его отсутствіе и интерны больницы (въ большихъ больницахъ ихъ отъ 15 до 18 челов.) поочередно дежурятъ сутки. Существенная разница между нашими ординаторами или ассистентами и французскими интернами—та, что интерны-студенты еще не получили докторской степени. Докторъ не имѣетъ права быть интерномъ—интернъ, защитившій свою докторскую диссертацию и получившій степень доктора, тѣмъ самымъ лишается права продолжать свою должность и долженъ оставить свои функціи. Externe'y подчинены interne'y. Въ ихъ обязанности входитъ ближайшій уходъ за больными—слѣдить каждодневно за ходомъ болѣзни, вести клиническія книги, собирать наблюденія, дѣлать повязки и т. д. Во всѣхъ медицинскихъ конкурсахъ встрѣчается новый „испытательный“ элементъ, какого нѣтъ въ другихъ конкурсахъ, а именно, умѣнье толково говорить по заданному вопросу *опредѣленное число минутъ*. Это условіе встрѣчается во всѣхъ госпитальныхъ конкурсахъ, и на званіе экстерна, интерна и госпитальнаго медика. Замѣтимъ, что эти конкурсы стоятъ совершенно вѣкъ факультета. Эти конкурсы находятся въ вѣденіи городской администраціи Assistance publique, и членами жюри всѣхъ этихъ конкурсовъ бываютъ госпитальные медики. Конкурсъ на званіе экстерна — самый элементарный изъ госпитальныхъ конкурсовъ—состоитъ изъ двухъ послѣдовательныхъ устныхъ испытаній. На первомъ кандидатъ излагаетъ въ теченіе *пяти* минутъ вынутый по жребію вопросъ изъ анатоміи, а на второмъ—онъ, также въ теченіе пяти минутъ, излагаетъ элементарный вопросъ изъ патологіи. Конкурсъ на званіе экстерна особенныхъ трудностей не представляетъ потому, что вакантныхъ мѣстъ ежегодно почти столько же, сколько и кандидатовъ; бывали даже годы, когда мѣстъ было больше, нежели кандидатовъ, и тогда, разумѣется, всѣ выдерживали конкурсъ. Экстернъ назначается на три года, послѣ чего, если онъ за это время не попалъ въ интерны, онъ долженъ передерживать конкурсъ. Такая передержка дозволяется только одинъ разъ.

Несравненно труднѣе и сложнѣе конкурсъ на званіе интерна ¹⁾.

¹⁾ Конкурсъ на званія externe et interne происходитъ ежегодно осенью: онъ длится отъ конца октября до конца января. Въ каждомъ жюри (одинъ для externat, другой для internat) засѣдаетъ семь членовъ—три медика, три хирурга и одинъ акушеръ. Замѣтимъ, что это единственный конкурсъ во Франціи, въ которомъ могутъ участвовать иностранцы. Въ немъ могутъ участвовать женщины. Въ настоящее время одна наша соотечественница, г-жа Вильбушевичъ, состоитъ интерномъ, а экстерномъ родомъ изъ Россіи даже есть нѣсколько, и мужчинъ, и женщинъ.

На 45—50 мѣстъ интерновъ, которыя ежегодно дѣлаются вакантными въ парижскихъ госпиталяхъ, является до 400 конкурентовъ. Въ этомъ конкурсѣ могутъ участвовать только экстерны. Самая процедура конкурса не лишена своеобразія: тутъ имѣются письменныя и устныя испытанія. Кандидатовъ въ началѣ конкурса собираютъ въ спеціальный амфитеатръ администраціи общественнаго призрѣнія, гдѣ имъ задается тема, на которую они тутъ же, въ два часа, должны написать сочиненіе.

Тема заключаетъ два вопроса: одинъ по анатоміи, другой по патологіи, но вопросы, стоящіе въ связи: напр., какой-нибудь органъ и болѣзнь того же органа. Сочиненій этихъ жюри не читаетъ; публично, въ присутствіи жюри, читаютъ сами конкуренты. Въ назначенный день, въ томъ же амфитеатрѣ собираются члены жюри и кандидаты. Предсѣдатель вынимаетъ двадцать сочиненій изъ урны, въ которую они всѣ складываются немедленно по составленіи, и объявляетъ имена ихъ авторовъ. Въ объявленномъ порядкѣ происходитъ и чтеніе. Каждый изъ этихъ двадцати кандидатовъ долженъ являться на всѣ засѣданія, пока не прочтетъ своихъ сочиненій; остальные могутъ отсутствовать ¹⁾. Когда серія близится къ концу, предсѣдатель вынимаетъ изъ урны новыя двадцать сочиненій и т. д.

Само чтеніе сочиненій обставлено довольно торжественно. Въ амфитеатрѣ, погруженномъ въ полумракъ, за зеленымъ столомъ, освѣщеннымъ нѣсколькими лампами, сидитъ жюри; противъ него за тѣмъ же столомъ стоятъ два стула: на одинъ садится кандидатъ, который долженъ начать чтеніе, а на другой садится второй кандидатъ, — читающій вторымъ, — для того, чтобы строго слѣдить за чтеніемъ перваго; глядя въ его рукопись, онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы написанный текстъ во время чтенія не былъ измѣненъ, чтобы прочитано было точь-въ-точь то, что написано. За такую свою функцію наблюдатель, на школьномъ нарѣчьи, называется „жандармомъ“. Второй служить жандармомъ первому, третій второму и т. д., первый — послѣднему. Такимъ образомъ, никому не обидно — всѣ конкуренты и всѣ жандармы. Послѣ каждаго сеанса жюри немедленно совѣщается и объявляетъ отмѣтки за прочитанныя сочиненія по тридцати-балльной системѣ. Получившіе меньше 23 обыкновенно имѣютъ мало шансовъ выдержать конкурсъ.

Когда всѣ сочиненія прочитаны, приступаютъ къ устнымъ испытаніямъ. Они заключаются въ томъ, что кандидатъ долженъ въ те-

¹⁾ Каждое засѣданіе длится два часа, а на чтеніе одного сочиненія уходитъ отъ 20 до 25 минутъ, такъ что среднимъ числомъ въ одномъ засѣданіи прочитывается отъ 5 до 9 сочиненій, считая и короткія.

ченіе десяти минутъ говорить о двухъ смежныхъ вопросахъ по анатоміи и патологіи послѣ десяти минутъ обдумыванія. Предсѣдатель въ началѣ каждаго сеанса, назначеннаго для устнаго испытанія, вынимаетъ изъ урны десять именъ кандидатовъ, которые и вызываются. При амфитеатрѣ имѣются два зала для уединенія кандидатовъ—одинъ болѣе отдаленный, а другой почти смежный. Девять изъ вызванныхъ кандидатовъ отводятся въ отдаленный залъ, не имѣющій слухового сообщенія съ амфитеатромъ, и тамъ ихъ оставляютъ заперти,—одинъ остается передъ жюри. Онъ вынимаетъ изъ урны билетъ, на которомъ написаны два вопроса, передаетъ билетъ предсѣдателю, который прочитываетъ его вслухъ, и въ сопровожденіи сторожа уходитъ въ сосѣдній залъ обдумывать вопросъ. Сторожъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы „обдумывающій“ кандидатъ не сообщался со своими девятью товарищами. На столѣ передъ жюри стоятъ часы, которыхъ стрѣлка дѣлаетъ оборотъ ровно въ десять минутъ, и послѣ каждаго оборота стрѣлки часы звонятъ. Часы пускаются въ ходъ ровно въ ту минуту, когда кандидатъ вошелъ въ залъ для обдумыванія. Но вотъ часы прозвонили десять минутъ. Въ это самое мгновеніе изъ сосѣдняго зала вылетаетъ кандидатъ, „полный думъ“, занимаетъ свое мѣсто за столомъ передъ жюри и начинаетъ излагать свой отвѣтъ, а въ то же время въ залъ для обдумыванія вводится слѣдующій кандидатъ—одинъ изъ запертыхъ девяти—и ему сообщаются вопросы. Пока одинъ отвѣчаетъ, другой обдумываетъ, и вопросы не мѣняются во время всего засѣданія, но въ каждомъ засѣданіи изъ урны вынимаются новые.

Кандидатъ, сѣвшій на стулъ передъ жюри, обыкновенно начинаетъ свой отвѣтъ очень быстро. Часы стоятъ на столѣ циферблатомъ къ нему, и онъ можетъ, слѣдя за ходомъ стрѣлки, соразмѣрить свою рѣчь такъ, чтобы говорить десять минутъ. Начавши быстро (съ анатоміи), онъ обыкновенно нѣсколько замедляетъ свое изложеніе по мѣрѣ того, какъ стрѣлка приближается къ пяти минутамъ. Когда стрѣлка перешла на другую половину круга (по истеченіи пяти минутъ), кандидатъ быстро переходитъ отъ анатоміи къ патологіи и затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ концу, снова ускоряетъ свою рѣчь и ухищряется такъ, что звонокъ его застигаетъ на срединѣ фразы, или на словѣ „enfin“ (наконецъ), въ томъ смыслѣ, что у него еще осталось въ запасѣ многое чтó сказать, да звонокъ помѣшалъ. Звонокъ же беспощаденъ и обладаетъ магической силой: кандидатъ не успѣваетъ оглянуться, какъ на его мѣстѣ ужъ сидитъ его товарищъ, изливающій свою рѣчь съ большой начальной скоростью. А члены жюри только слушаютъ и молчатъ... Послѣ засѣданія кандидатамъ объявляются ихъ отмѣтки по двадцати-балльной

системъ ¹⁾). Процедура конкурса на званіе externe—такая же, какъ и при интернатѣ; разница только въ отсутствіи при экстернатѣ письменнаго сочиненія.

Интернъ назначается на четыре года, въ теченіе которыхъ онъ обыкновенно четыре раза мѣняетъ больницу, перехода каждый годъ къ новому медику, часто къ новой спеціальности.

Къ названнымъ конкурсамъ студенты готовятся усердно; они собираются въ группы отъ 15 до 20 человѣкъ и подъ руководствомъ одного или двухъ интерновъ два или три раза въ недѣлю устраиваютъ то, что они называютъ „des conférences“ (конференціи). Тутъ они упражняются въ изложеніи заранее приготовленныхъ вопросовъ въ теченіе требуемаго конкурсомъ времени. Одинъ изъ студентовъ излагаетъ вопросъ, а по истеченіи опредѣленнаго времени, другой, по предложенію предсѣдательствующаго интерна, „аргументируетъ“ (argumente), т.-е. критикуетъ изложеніе своего товарища, указывая на упущенія, на недостатки въ порядкѣ изложенія и т. д. Такія „conférences“ существуютъ при всѣхъ большихъ госпиталяхъ. Такъ лучшіе парижскіе студенты готовятся годъ къ экстернату, и затѣмъ годъ, два, три, иногда четыре года, даже пять лѣтъ, къ интернату, ибо крайне рѣдкій экстернъ попадаетъ въ интерны, пробывъ въ своемъ званіи только одинъ годъ. Большинство интерновъ приобретаетъ свое званіе послѣ двухъ конкурсовъ, пробывъ въ должности эктерна по меньшей мѣрѣ три года ²⁾). Многие дѣлаются интернами послѣ трехъ конкурсовъ; иные—послѣ четырехъ и даже послѣ пяти. По окончаніи своей четырехлѣтней службы въ своемъ званіи, интернъ обыкновенно немедленно становится докторомъ. За періодъ своего интерната онъ выдержалъ всѣ докторскіе экзамены и устроился такъ, чтобы защитить диссертацию въ послѣдній мѣсяцъ своей службы.

Какія же выгоды извлекаютъ студенты изъ всѣхъ этихъ трудныхъ конкурсовъ? Экстернъ пользуется исключительнымъ правомъ участвовать въ высшемъ конкурсѣ на званіе interne'a, правомъ, котораго лишены обыкновенные студенты. Правда, они иногда пользуются еще незначительными вознагражденіями. Въ госпиталяхъ, лежащихъ въ центрѣ Парижа (hôpitaux du centre) эксперты ничего не получаютъ. По мѣрѣ удаленія госпиталя отъ центра города, служащіе въ немъ экстерны получаютъ ежемѣсячно вознагражденіе отъ 20 до 50 фр. (на окраинѣ города). Интерны получаютъ въ первый годъ 600 фр., во второй 700 фр., въ третій 800 и въ четвертый

¹⁾ За сочиненіе максимумъ тридцать, за устный отвѣтъ—двадцать.

²⁾ Экстерны перваго года могутъ не участвовать въ конкурсѣ интерната,—это участіе обязательно для всѣхъ экстерновъ, начиная со втораго года.

1000 фр. Кромѣ того, всѣмъ дается или приличная комната въ госпиталѣ, или, за отсутствіемъ помѣщенія въ госпиталѣ, 600 фр. „квартирныхъ“. Но самая главная выгода въ званіи „ancien interne des hôpitaux de Paris“ (бывшій интернъ парижскихъ госпиталей)—въ томъ довѣріи, которое это званіе внушаетъ публикѣ, особенно въ тѣхъ большихъ преимуществахъ, которыя оно даетъ въ слѣдующихъ конкурсахъ на званіе госпитальнаго медика.

Въ этомъ конкурсѣ, помимо теоретическихъ испытаній, имѣются еще очень трудныя практическія. Кандидатами могутъ быть доктора послѣ пяти лѣтъ практики—условіе, отъ котораго освобождаются бывшіе интерны. Конкурсъ заключается въ письменныхъ упражненіяхъ съ исключаяющимъ характеромъ и въ практическихъ, въ больницѣ, у кровати больного: изложеніе болѣзни въ 15 минутъ послѣ 10 минутъ изслѣдованія, получасовая клиническая лекція на данную тему послѣ трехъ часовъ размышленія и т. п. И тутъ кандидаты группируются часто въ „conférences“ и упражняются въ удовлетвореніи требованій конкурса. И тутъ крайне рѣдко случается, чтобы кто-нибудь попалъ въ „médecin des hôpitaux“ послѣ перваго конкурса. Обыкновенно попадаютъ послѣ трехъ, четырехъ, иногда шести и семи конкурсовъ, несмотря на то, что конкурентами часто являются agrégés факультета.

VI.

Мы указали здѣсь на самые главные конкурсы. Во Франціи имѣется еще множество менѣе важныхъ. Можно себя спросить: каковы общественныя послѣдствія этой сильно организованной системы конкурсовъ, какъ она отзывается на процвѣтаніи наукъ, на развитіи и размноженіи тружениковъ въ разныхъ отрасляхъ знанія?

Нѣтъ сомнѣнія—эта система представляетъ много хорошаго.

Французскіе профессора—безподобные лекторы. Никто съ ними не сравнится въ красотѣ, ясности и методичности изложенія. Не меньшей ясностью отличаются французскіе учителя—достаточно вспомнить, какіе прекрасные учебники эти учителя пишутъ. Но искупаютъ ли эти выгоды то умственное утомленіе, ту трату умственныхъ силъ, которымъ лучшая часть молодости подвергается въ теченіе столькихъ лѣтъ—и лучшихъ своихъ лѣтъ?

Возьмемъ для примѣра agrégé медицинскаго факультета. Обыкновенно онъ достигаетъ этого титула въ возрастѣ между 30 и 38 годами. Онъ конкурировалъ на званіе externe, затѣмъ на interne, иногда два-три раза, на званіе госпитальнаго медика—также иногда два-три раза,—часто на мѣсто прозектора (если это хирургъ) и, нако-

нецъ, на званіе *agrégé*. Онъ провелъ лѣтъ 12—15 въ приготовленіяхъ къ конкурсамъ, и когда, наконецъ, онъ достигаетъ званія *agrégé*, онъ утомленъ, пускается въ практику и для науки ничего не дѣлаетъ. Раньше онъ ничего не могъ дѣлать, потому что готовился къ конкурсамъ,—онъ только изучалъ, поглощалъ книги, но оригинальнаго не производилъ; послѣ — онъ утомленъ. И изъ такихъ *agrégés* потомъ выбираютъ профессоровъ. Это положеніе дѣлаетъ въ послѣднее время обратило на себя вниманіе и молодежи, и многихъ выдающихся профессоровъ, которые особенно были поражены тѣмъ фактомъ, что пока французы готовятся къ конкурсамъ, нѣмцы для своей „академической карьеры“ занимаются научными изслѣдованіями. Заговорили даже о необходимости совершеннаго уничтоженія конкурса при медицинскомъ факультетѣ. Но пока первымъ слѣдствіемъ этого движенія было радикальное преобразованіе процедуры конкурса: диссертацию и сочиненіе замѣнили изложеніемъ собственныхъ работъ.

На физико-математическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ давно поняли, что профессора должны наукой заниматься, а не конкурсами, и *agrégés* давно уничтожены. Тамъ, впрочемъ, они никогда не пользовались исключительнымъ правомъ доставлять изъ своей среды профессоровъ, которые всегда выбирались изъ выдающихся ученыхъ, снабженныхъ степенью доктора науки. Поэтому не было и охотниковъ на званіе *agrégés* этихъ факультетовъ.

То же самое мы скажемъ и объ *agrégés* средняго образованія: можно приготовить такихъ же хорошихъ учителей, не истощая молодыхъ силъ. Напр., можно упражнять молодыхъ людей въ чтеніи уроковъ и слѣдить за ихъ занятіями въ году. Дѣйствительно, оригинальные умы рѣдко выдерживаютъ конкурсъ: оригинальный умъ чувствуетъ обыкновенно склонность къ одному предмету, а чтобы блистательно выдержать конкурсъ, нужно съ одинаковымъ усердіемъ заниматься разнообразными предметами. Въ парижскихъ лицеехъ существуетъ специальный типъ юноши „*la bête à concours*“ (конкурсное животное)—это тихоня, занимающійся съ одинаковой любовью всѣмъ, что ему задаютъ. Во Франціи существуютъ поразительные примѣры конкурсныхъ промаховъ: знаменитый физиологъ Claude Bernard конкурировалъ при медицинскомъ факультетѣ на *agrégé* по физиологіи, и на конкурсѣ провалился. Его счастливый конкурентъ только и былъ извѣстенъ въ свое время тѣмъ, что факультетъ его предпочелъ Claude Bernard'у. Въ Сорбоннѣ есть теперь профессоръ физики, г. Липпманъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ электриковъ. По выходѣ изъ нормальной школы онъ вмѣстѣ съ своими товарищами участвовалъ въ конкурсѣ на „*agrégés*“ средняго образо-

ванія, и не былъ даже допущенъ къ устнымъ испытаніямъ за сочиненіе по электричеству: его оригинальные взгляды не понравились его экзаменаторамъ, никогда не пользовавшимся извѣстностью.

Между французскими великими учеными, кромѣ г. Пастѣра (бывшаго ученика нормальной школы и агтѣгѣ по физикѣ и химіи), нѣтъ почти ни одного, который бы подвергался конкурсамъ; Амперъ, Бертель, Вюрцъ, Девиль ни въ какихъ конкурсахъ не участвовали. Есть, правда, между ними нѣсколько бывшихъ учениковъ политехнической школы, но тутъ замѣчательно то, что только одинъ изъ нихъ, г. Бертранъ, вышелъ изъ школы первымъ; всѣ же остальные вышли средними. А вѣдь были же съ ними первые—кто ихъ теперь помнить?

Если присмотрѣться къ той громадной тратѣ умственныхъ силъ,—тратѣ, по признанію многихъ, далеко не соответствующей извлекаемой изъ нея пользѣ и практикуемой ежегодно въ Парижѣ, то невольно приходишь къ убѣжденію, что только такая умственно богато-одаренная, какъ Франція, страна способна вынести подобную трату. Но и французы начинаютъ замѣчать, что они заходятъ далеко, а потому надобно думать, что и государственные конкурсы во Франціи скоро встрѣтятся съ тою реакціею, какая обнаружилась въ послѣднее время по вопросу реорганизаціи лицеевъ и коллежей (гимназій).

М.

Парижъ, 26-го января.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1890 г.

Введеніе въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ; вызванныя имъ officialныя заявленія. — Рѣчь преосвященнаго Виссаріона и необузданные комментаріи къ ней. — *Pia desideria* нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. — Возстановленіе прежней редакціи закона о дворянскихъ ходатайствахъ. — Движеніе въ средѣ присяжной адвокатуры.

Мѣсяцъ тому назадъ, 1-го февраля, въ шести губерніяхъ введено въ дѣйствіе положеніе о земскихъ начальникахъ. О дѣятельности новыхъ должностныхъ лицъ нѣтъ, да и не можетъ еще быть никакихъ свѣдѣній. Въ печати появились пока только рѣчи и циркуляры, разъясняющіе земскимъ начальникамъ ихъ права и обязанности. Высказались, такимъ образомъ, три губернатора изъ числа шести: московскій, калужскій и черниговскій. Всего менѣе выдающагося заключаетъ въ себѣ рѣчь московскаго губернатора. „Вы принадлежите къ первенствующему сословію русской земли, — сказалъ онъ, обращаясь къ земскимъ начальникамъ своей губерніи; — назначеніе ваше состоялось съ согласія высшихъ его представителей. Это обезпечиваетъ за вами твердую авторитетность, крѣпкую связь съ мѣстной жизнью“. Задачу земскихъ начальниковъ губернаторъ называетъ „многотрудной“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „легкой“, если только они ни на минуту не упустятъ изъ виду, что они — орудія правительственной власти, зависимыя отъ нея одной, и неуклонно будутъ слѣдовать преданіямъ дворянскаго сословія. Исключительная зависимость отъ правительства противопоставлена здѣсь, очевидно, зависимости отъ избирателей, партій и т. п. Отнюдь не оспаривая такое различіе, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что въ этомъ отношеніи положеніе земскихъ начальниковъ не представляетъ собою чего-нибудь совершенно новаго. Чиновники, зависимыя отъ одного правительства, у насъ всегда были и теперь ихъ существуетъ очень много; но отсюда едва-ли можно вывести заключеніе, что они всѣ, какъ

назначенные, по тому самому уже легко справляются съ своими задачами. Трудность дѣла, разъ что она существуетъ, едва ли можетъ быть устранена—или даже смягчена—тѣмъ или другимъ способомъ назначенія и увольненія должностныхъ лицъ. Что касается до „дворянскихъ преданій“, то въ упомянутой рѣчи не опредѣлено болѣе точно, что именно разумѣется подъ этимъ именемъ. До-реформенные исправники и уѣздные судьи служили по выбору дворянскаго сословія; изъ его среды, и не безъ участія его представителей, были взяты и мировые посредники шестидесятыхъ годовъ. Никто, однако, не станетъ утверждать, чтобы традиціи земскихъ исправниковъ и мировыхъ посредниковъ были однѣ и тѣ же. Скажемъ болѣе: неодинаковы даже традиціи, завѣщанныя мировыми посредниками перваго призыва и мировыми посредниками позднѣйшаго времени. Совершенно особые преданія существуютъ, наконецъ, у предводителей дворянства. Оріентироваться между столь различными завѣтами—дѣло весьма мудреное и сложное.

Гораздо болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ простая ссылка на исключительную зависимость отъ правительства и на прошедшее дворянства, представляется одно изъ указаній, данныхъ земскимъ начальникамъ въ привѣтственной рѣчи калужскаго губернатора. Цѣлью реформы онъ признаетъ „не созданіе чего-либо новаго, не насажденіе на отечественной почвѣ новыхъ понятій, новыхъ вѣяній, а лишь укрѣпленіе, упрочиваніе, упорядочиваніе существующаго. Дѣателямъ реформы предстоитъ лишь достигать спокойнаго теченія сельской жизни (въ смыслѣ прекращенія недоразумѣній, самоуправствъ и правонарушеній), достигать обезпеченія для всѣхъ проживающихъ въ селеніяхъ возможности спокойно заниматься своимъ хозяйствомъ“. Если земскіе начальники проникнутся этой мыслью, то задача ихъ дѣйствительно станетъ гораздо менѣе трудной. Одно дѣло—перестраивать и перекраивать народную жизнь, вводить въ нее совершенно новыя начала; другое дѣло—охранять нормальное движеніе жизни, способствовать развитію всего того, что раньше было дано народу. Нужно ли прибавлять, что послѣднее не только легче, но и лучше, не только проще, но и справедливѣе?.. Называя преобразованія прошлаго царствованія „великими и блестящими“, калужскій губернаторъ признаетъ ихъ, этимъ самымъ, той почвой, на которой должна совершаться работа земскихъ начальниковъ. Понимаемая такимъ образомъ, эта работа является продолженіемъ работы мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей. Можно сомнѣваться въ осуществимости программы, начертанной калужскимъ губернаторомъ; можно предполагать, что новое учрежденіе, дѣйствующее при новыхъ условіяхъ, неизбѣжно станетъ стремиться къ новымъ средствамъ, къ существенно-

новымъ цѣлямъ; но важно уже и то, что разрывъ съ прошедшимъ не провозглашается обязанностью, не возводится въ систему... „Земскіе начальники, — продолжаетъ губернаторъ, — должны являться ближайшими руководителями крестьянъ въ ихъ самоуправленіи и, *отнюдь не стѣсняя ея и не вмѣшиваясь въ нею*, тѣмъ не менѣе должны направлять его на законный путь, безотлагательно прекращая всякія нарушенія закона и наблюдая за своевременнымъ и точнымъ его исполненіемъ“. Эти слова заслуживаютъ полнѣйшаго сочувствія; только при соблюденіи правила, въ нихъ выраженнаго, крестьянское самоуправленіе можетъ быть чѣмъ-то большимъ, чѣмъ формой безъ содержанія. Не лишентъ значенія и слѣдующій совѣтъ, преподаваемый земскимъ начальникамъ: „за небольшимъ исключеніемъ, сельское населеніе почти повсемѣстно, въ силу сложившихся обстоятельствъ, отвыкло въ значительной степени отъ стѣсненія въ своихъ дѣйствіяхъ. Круто измѣнить этотъ порядокъ едва ли желательно. Если вы, на первое время, вполне настойчиво требуя исполненія закона, тѣмъ не менѣе будете нѣсколько снисходительно относиться къ такого рода правонарушеніямъ, которыя явятся не послѣдствіемъ злого умысла, а существовавшимъ доселѣ обычаемъ, то тѣмъ самымъ вы скорѣе достигнете цѣли, чѣмъ крутыми мѣрами, легко могущими озлобить населеніе, еще не освоившееся съ новымъ порядкомъ вещей“. Конечно, еще цѣлесообразнѣе было бы высказаться вообще противъ „крутыхъ мѣръ“ — но и въ этомъ видѣ предостереженіе губернатора имѣетъ несомнѣнную, большую цѣнность. Если дѣло будетъ соответствовать слову, примѣненіе новыхъ правилъ начнется, въ калужской губерніи, при условіяхъ сравнительно благопріятныхъ.

Полезныя указанія можно найти и въ циркулярѣ, съ которымъ обратился къ земскимъ начальникамъ черниговскій губернаторъ. „Вы должны сдѣлать такъ, — говоритъ онъ, напримѣръ, рекомендуя земскимъ начальникамъ „близость къ народу“, — чтобы къ вамъ, а не къ ходатаю, засѣдающему въ шинкѣ, шелъ народъ за помощью и совѣтомъ, не къ полуграмотному сосѣду, готовому стать тоже подпольнымъ ходатаемъ, не къ волостному писарю, пріобрѣтшему значеніе и власть, которыхъ онъ имѣть по закону не можетъ“. Характеристическую черту циркуляра слѣдуетъ искать, однако, не въ этихъ совѣтахъ. Работа земскихъ начальниковъ является здѣсь не продолженіемъ и завершеніемъ прежнихъ преобразованій, а чѣмъ-то существенно отъ нихъ отличнымъ или даже прямо имъ противоположнымъ. Власть земскаго начальника именуется *русскою властью*; но вѣдь и власть его предшественниковъ вовсе не была чужда національнаго характера. Новымъ должностнымъ лицамъ прямо рекомендуется не слѣдовать примѣру земскихъ учреждений. „Наши земства, — по

словамъ циркуляра, — много работали по учрежденію школъ и врачебной части. А тѣхъ ли практическихъ результатовъ достигли они, которыхъ ожидали? Нѣтъ. А почему? Потому что они шли отъ общаго къ частному, рассуждали такъ: образованіе есть благо — устредимъ школы, народное здравіе есть благо — устредимъ врачебные участки, а затѣмъ *привлечемъ* народъ къ отбыванію школьнаго образованія и врачебной помощи. А былъ ли, и въ какой мѣрѣ, жизненный запросъ на эти предметы въ такой-то опредѣленной мѣстности (т.-е. запросъ на грамотность, на здоровье), объ этомъ мы узнаемъ потомъ, изъ статистическихъ данныхъ“. Нѣчто похожее на нарисованную здѣсь картину можно найти развѣ въ самые первые годы дѣятельности земства, когда ему нужно было прокладывать пути, поднимать невспаханныя земли. Впослѣдствіи времени открытіе школъ почти вездѣ обусловливалось желаніемъ мѣстнаго населенія и даже готовностью его участвовать въ школьномъ расходѣ. Что касается до врачебной помощи, то можно ли представить себѣ такое мѣсто, гдѣ бы на нее не было „жизненнаго запроса“? Много ли можно насчитать земскихъ врачей, къ которымъ, при сколько-нибудь правильной постановкѣ дѣла и сколько-нибудь живомъ отношеніи къ нему самого врача, съ самаго вступленія ихъ въ должность не прибѣгали тысячи больныхъ? Развѣ другимъ путемъ, чѣмъ земство, идетъ и центральное правительство, организуя медицинскую часть въ не земскихъ губерніяхъ? Развѣ оно не пользуется здѣсь, и въ общемъ, и въ подробностяхъ, опытомъ земскихъ учреждений?.. Черниговскій губернаторъ рекомендуетъ земскимъ начальникамъ, въ видѣ примѣра, убѣждать болѣе зажиточныхъ крестьянъ покупать хорошіе плуги. „Сосѣди, — говоритъ онъ, — сначала, можетъ быть, будутъ подсмѣиваться, а затѣмъ, видя результаты, и сами захотятъ послѣдовать тому же“. Именно этого способа дѣйствій держатся, не на словахъ, а на дѣлѣ, многія земства, учреждая склады усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Они никому не дарятъ ихъ, никого не принуждаютъ къ ихъ покупке; они рассчитываютъ, точно также какъ и черниговскій губернаторъ, на убѣдительную силу опыта и примѣра. Вліянію пріемовъ, выработанныхъ земствомъ, подпадаютъ, очевидно, и тѣ, кто не хочетъ видѣть ничего хорошаго въ земской дѣятельности.

Послѣдняя часть циркуляра посвящена вопросу о томъ, какъ войти въ близкое общеніе съ народомъ. „Приступая къ своей должности, — говоритъ черниговскій губернаторъ, — прежде всего объѣзжайте всѣ населенныя мѣстности вашего участка и въ каждой соберите сельскій сходъ. Если это будетъ въ селеніи, гдѣ есть церковь, и въ праздничный день, отправляйтесь къ обѣднѣ, станьте на виду всѣхъ. Послѣ литургіи, а если это будетъ въ будній день или

въ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви, спеціально пригласивъ священника, просите его совершить благодарственное молебствіе за дарованную Царемъ милость. Послѣ молебствія объясните народу важность и значеніе милости, ему Царемъ дарованной. Скажите ему, что милостію этой народъ только тогда достойно воспользуется, если оставить старые пороки, его развѣдающіе. Говорите о прискорбіи, которое вызываетъ пьянство, забвеніе церкви, неповиновеніе дѣтей родителямъ, нарушеніе чужого земельного владѣнія, грабежъ чужихъ садовъ и огородовъ, буйство, драки, самоуправство. Укажите, что вы поставлены положить всему этому предѣлъ, что вы — начальникъ-отецъ, что къ вамъ можно обращаться за всякимъ совѣтомъ, но что ослушниковъ вашихъ словъ постигнетъ наказаніе. Обратитесь при молодыхъ къ разуму стариковъ, дайте понять молодымъ, что вы чтите старость и отъ нихъ того же требуете. Напомните старикамъ о старинѣ, когда и въ Бога сильнѣе вѣрили, и старшихъ чтили, не позволяя себѣ, какъ нынѣ заурядъ, поднимать руку на родителей; скажите старикамъ, что и они не безъ вины, что ихъ дѣло учить молодежь, держать ее въ рукахъ". Намъ кажется, что рѣчи, произносимыя по данной извѣстнѣ программѣ, въ особенности если ихъ приходится повторять много разъ, весьма легко могутъ не только обратиться въ формальность, но и дать поводъ къ недоразумѣніямъ. Представимъ себѣ, что тотъ или другой земскій начальникъ, въ точности исполняя полученную инструкцію, скажетъ крестьянамъ, *ipsis in verbis*: „ко мнѣ можно обращаться за всякимъ совѣтомъ, но ослушниковъ моихъ словъ постигнетъ наказаніе". Не заключать ли отсюда слушатели, что земскій начальникъ въ правѣ карать ихъ за неисполненіе его совѣтовъ — и станутъ ли они, затѣмъ, обращаться къ нему, какъ къ совѣтнику?

Въ московской губерніи земскимъ начальникамъ пришлось выслушать два напутствія: одно, о которомъ мы уже упоминали — отъ губернатора, другое — отъ епископа дмитровскаго, перваго викарія московской епархіи. Рѣчь преосвященнаго Виссаріона замѣчательна какъ сама по себѣ, такъ и по тѣмъ комментаріямъ, которымъ она подверглась въ печати. „Вамъ предстоятъ, — сказалъ ораторъ, — великія и многосложныя заботы о благоустроеніи сельскаго населенія, о приученіи его къ строгому порядку въ пользованіи дарованными ему правами самоуправления... Среди трудности вашего служенія воодушевляйте себя христіанскою любовью, требующею отъ сильныхъ *снотъ немощи безсильныхъ и не себѣ уюждать* (Римл. XV, 1); старайтесь поставить себя въ такое отношеніе къ подчиненнымъ, чтобъ они смотрѣли на васъ какъ на старшихъ братьевъ, чтобъ увѣрены были въ вашемъ доброжелательствѣ и братской готовности споспѣ-

шествовать ихъ благу; никому не подавайте повода подозрѣвать васъ въ намѣреніи поработать тѣхъ, которые поручены вашему братскому попеченію; помните, что всѣ вы—дѣти одного отца-государя, сердцу котораго одинаково близки младшія и старшія дѣти его всероссійской семьи, и дѣйствуйте въ духѣ его любви“. Иначе, думается намъ, и не могъ говорить служитель церкви; истина его простыхъ, задушевныхъ словъ не можетъ, повидимому, подлежать никакому сомнѣнію и спору. А между тѣмъ они вызвали противорѣчіе, одинаково рѣзкое и по формѣ, и по содержанію. Въ петербургской реакціонной газетѣ не замедлило появиться одно изъ тѣхъ безчисленныхъ „писемъ къ редактору“, которыя, по странному совпаденію обстоятельствъ, всегда представляютъ собою отголосокъ собственныхъ мнѣній редакціи. Авторъ письма, находившійся, по его словамъ, въ Чудовомъ монастырѣ при произнесеніи рѣчи преосвященнаго Виссаріона, называетъ ее „какимъ-то снисходительнымъ прощеніемъ (!) земскихъ начальниковъ“. „Господи!“—воскликаетъ онъ, повторивъ вератцѣ увѣщанія оратора (и приписавъ ему вовсе не выраженную имъ мысль о необходимости „поддержать скрѣпленіе народа къ самоуправленію“):—„да когда же успѣли земскіе начальники выказать поползновеніе къ поработченію русскаго народа, къ утѣсненію одной части вѣранныхъ ихъ попеченію деревенскихъ жителей въ пользу другой; гдѣ въ деревнѣ сильный и гдѣ слабый, зачѣмъ имъ надо поддерживать самоуправленіе? Вѣдь эти всѣ ужасныя преступленія приписываются земскимъ начальникамъ, еще не начавшимъ дѣйствовать, либеральной печатью; неужели мѣсто съ церковнаго амвона въ такой день говорить такія слова, которыя у мѣста въ *Вѣстникѣ Европы*, и неужели пастырь церкви не нашелъ въ себѣ другихъ словъ для людей, идущихъ на борьбу съ беззаконіемъ, безначаліемъ и крамолой? Неужели нельзя не повторять того, что было слышано въ бурсѣ и можно не видѣть разврата, безвѣрія и безначалія, царящихъ въ деревняхъ, и несмотря на это—приглашать поддерживать самоуправленіе, составленное изъ этихъ элементовъ?“ Не ограничиваясь этой первой выходкой, та же газета печатаетъ, нѣсколько дней спустя, другое „письмо“ изъ Москвы. „Довольно,—говоритъ новый корреспондентъ,—насъ оскорбляла либеральная печать; теперь насъ оскорбляютъ съ высоты церковной каведры, передъ ракою святителя Алексѣя, изъ древняго рода дворянъ Плещеевыхъ (!). Вѣдь рѣчь либеральная (!) епископа Виссаріона ¹⁾ вотъхъ насъ возмутила (кто

¹⁾ Только-что мы видѣли, какъ черниговскій губернаторъ завѣщалъ земскимъ начальникамъ внушать мужичкамъ уваженіе къ старшимъ, не говоря уже о пастыряхъ церкви; не мѣшало бы „корреспондентамъ“ реакціонной газеты постоять и послужать вмѣстѣ съ мужичками земскихъ начальниковъ. И эти „господа“ толкуютъ о необузданности нашего народа!!

это мы, отъ имени которыхъ говорить корреспондентъ?), будетъ прочтена сельскими священниками народу изъ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей. Изъ нея народъ познаетъ, что земскіе начальники—его враги и тираны, и что они призваны вовсе не для охраненія честныхъ и трудящихся дворянъ, землевладѣльцевъ и крестьянъ отъ лѣсограбителей, воровъ и поджигателей, а для защиты послѣднихъ отъ изнывающихъ отъ нихъ ¹⁾ и отъ безначалія дворянъ. И рѣчь епископа, идущая въ разрѣзъ съ волею нашего любимого и глубокочтимого Царя, пройдетъ по всей вѣси московской!.. А какую пользу могли бы оказать московскіе архипастыри и пастыри самому народу, внушая ему консервативныя идеи и начала! Но для нихъ вѣдь слово *тенденціознаго* (sic!) викарнаго епископа болѣе свято, чѣмъ слово государственной власти. Многіе изъ дворянъ спрашиваютъ: да имѣлъ ли право епископъ произносить подобную, оскорбительную для дворянъ рѣчь, и неужели же епископъ за это не отвѣтитъ?“ Читая подобныя изліянія, не знаешь, чему болѣе удивляться: нахальству и безстыдству обращенія съ истиной или смѣлости обвиненій, выводимыхъ изъ извращенныхъ и перетолкованныхъ фактовъ? Возстановлять истинный смыслъ словъ преосвященнаго Виссаріона мы не станемъ; это было бы совершенно излишне, въ виду выдержекъ изъ его рѣчи, приведенныхъ нами выше. Онѣ говорятъ сами за себя; непониманіе ихъ можетъ быть только намѣреннымъ. Для насъ интересенъ лишь одинъ вопросъ: чѣмъ вызвано это непониманіе? Чѣмъ раздражилъ преосвященный Виссаріонъ своихъ лицепріятныхъ, слѣпыхъ и вмѣстѣ скудоумныхъ судей? Отвѣтъ, какъ намъ кажется, очень простъ: реакціонной печати антипатиченъ именно тотъ взглядъ на новые порядки, который выразился въ словахъ епископа дмитровскаго. Ей бы хотѣлось, чтобы въ примѣненіи новаго закона господствовалъ именно тотъ духъ, противъ котораго предостерегаетъ пастырское слово. Доказательства этому можно найти чуть не въ каждомъ вновь выходящемъ листѣ этой петербургской газеты; приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе характеристичныя.

Не успѣлъ еще вступить въ дѣйствіе законъ 12-го іюля, какъ съ извѣстной стороны заявляется уже мысль о необходимости произвести въ немъ измѣненія и дополненія. Нѣкто г. И. К. пишетъ въ „Гражданинѣ“, что не мѣшало бы предоставить дворянству проверять списки лицъ, могущихъ быть земскими начальниками, и избирать кандидатовъ на каждую вакантную должность земскаго начальника. Это мнѣніе подхватываетъ другой корреспондентъ, г. В. Н. С.,

¹⁾ Замѣчательно, что корреспондентъ петербургской реакціонной газеты отличается такимъ же „своеобразнымъ“ слоюзомъ, какъ и статьи идущія отъ самой редакціи.

и мотивируетъ его неблагонадежностью нѣкоторыхъ предводителей дворянства и даже губернаторовъ! Между предводителями,—говоритъ г. В. Н. С.,—есть „чада прошлой либеральной эпохи, всосавшія въ плоть и въ кровь такъ долго царствовавшія доктрины либерализма. Если къ этому прибавить еще, что и наши губернаторы не всѣ свободны отъ упрека въ болѣе или менѣе сильномъ либеральничаніи, то нельзя не согласиться, что предлагаемая (г. И. К.) мѣра можетъ имѣть огромное практическое значеніе“. Итакъ, мало того, что земскіе начальники рекомендуются предводителями (уѣзднымъ и губерньскимъ), представляются губернаторами, утверждаются министрами; нужно еще, чтобы они избирались дворянствомъ—очевидно, для того, чтобы вся дѣятельность ихъ была направлена къ охранѣ сословныхъ интересовъ. Еще дальше, гораздо дальше идетъ г. П. А., фельетонъ котораго: „Деревенскія невзгоды“, одобряется и восхваляется, въ томъ же номерѣ газеты, въ передовой статьѣ г. Н. Т. (какое трогательное единодушіе между всѣми буквами алфавита!). Онъ предлагаетъ замѣнить станovýchъ приставовъ и урядниковъ волостными полицейскими надзирателями, изъ потомственныхъ или личныхъ дворянъ, съ жалованьемъ въ шестьсотъ рублей. „Кромѣ власти становаго пристава,—читаемъ мы дальше,—надзирателю слѣдовало бы предоставить право: на мѣстѣ насилія и своеволія толпы, зачинщиковъ безпорядка, совмѣстно съ волостнымъ старшиною или сельскимъ старостою, приговаривать къ наказанію розгами и свой приговоръ сейчасъ же на мѣстѣ приводить въ исполненіе, донося о такихъ случаяхъ каждый разъ земскому начальнику и уѣздному исправнику. Иначе разнузданности не будетъ предѣла. Для крестьянина во всѣхъ отношеніяхъ очень важно, чтобы за шалость, распутство и вообще за проступокъ судъ былъ краткій, ясный и вразумительный“. Вотъ, слѣдовательно, къ чему сводятся *ria desideria* газетныхъ реакціонеровъ! Власть земскаго начальника для нихъ все еще слишкомъ далека, слишкомъ слаба, слишкомъ связана формальностями; ихъ идеалъ—полицейскій чиновникъ, изъ дворянъ, настолько близкій къ населенію и настолько „свободный“ отъ законныхъ стѣсненій, чтобы немедленно, даже въ случаѣ *шалости*, пускать въ ходъ излюбленную форму расправы. Это былъ бы до-реформенный становой приставъ, любезный исполнитель „порученій“, данныхъ сосѣдями-помѣщиками. Понятно, что для „мечтателей“ этого рода ненавистна всякая мысль о гуманномъ, братскомъ отношеніи къ народу, о сохраненіи за нимъ, хотя бы и въ самомъ „строгомъ порядкѣ“, „дарованныхъ ему правъ самоуправленія“. До свѣденія гг. П. А., Н. Т. *e tutti quanti* не дошла, вѣроятно, рѣчь валужскаго губернатора; иначе и онъ подвергся бы такимъ же нападеніямъ, какъ и епископъ дмитровскій, потому что и онъ вы-

сказался въ смыслѣ благопріятномъ для крестьянскаго самоуправленія.

У корреспондентовъ петербургской реакціонной газеты есть одно несомнѣнное достоинство: откровенность, съ которою они высказываютъ свои задушевные пожеланія. Ошибочно было бы думать, что пожеланія эти свойственны исключительно имъ однимъ. Недовольство новыми порядками, недостаточно разрывающими связь съ „либеральнымъ“ прошлымъ, существуютъ не только между ультра-ретроградами, пишущими въ „Гражданинъ“. Мы видѣли уже въ предыдущемъ обзорѣ, что „Московскимъ Вѣдомостямъ“ пришлось не по душѣ многія изъ числа правилъ 29-го декабря, какъ слишкомъ еще близкія къ состязательному процессу. То же чувство неудовлетворенности слышится въ передовой статьѣ, написанной наканунѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ учрежденій („Московскія Вѣдомости“, № 32). Московская газета не скрываетъ, что для нея дѣльны не всѣ стороны совершившейся и совершающейся реформы. „Все, что въ новомъ законѣ окажется соотвѣтствующимъ главной задачѣ земскихъ начальниковъ (водворенію порядка въ сельскомъ быту) — все это должно быть признано существеннымъ и полезнымъ, и всѣмъ этимъ мы должны будемъ всего болѣе дорожить. Напротивъ того, всякія постановленія новаго закона, которыя будутъ стѣснять полезную дѣятельность земскаго начальника, будутъ подлежать улучшенію въ томъ именно духѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ принципиальному характеру новаго закона. Бороться противъ вредныхъ послѣдствій безвластія, не имѣя въ своихъ рукахъ сильной власти, невозможно... Ближайшее будущее покажетъ намъ, даетъ ли новый законъ земскому начальнику ту власть, которая для него является *conditio sine qua non*“. Дальше идетъ рѣчь о необходимости предоставить земскому начальнику власть не только *интенсивную*, но и *живую*, „не стѣсненную бюрократическими формальностями, а объявляющуюся въ простой непосредственной формѣ“. Сквозь всѣ эти кисло-сладкія фразы ясно проглядываетъ мысль, что законы 12-го іюля и 29-го декабря — только первые шаги къ „упорядоченію“ сельскаго быта, за которыми, по мнѣнію газеты, непременно должны послѣдовать другіе, гораздо болѣе рѣшительные.

Разбирая законъ 12-го іюля, мы имѣли случай упомянуть о неудобствахъ, съ которыми можетъ быть сопряжено избраніе земскихъ начальниковъ въ гласные земскихъ собраній. Въ черниговскомъ земскомъ собраніи, сессія котораго происходила въ январѣ мѣсяцѣ, оказалось нѣсколько гласныхъ, состоящихъ земскими начальниками. „Пока — пишутъ изъ Чернигова въ „Одесскій Вѣстникъ“ — присутствіе земскихъ начальниковъ не измѣнило еще характера собранія; но носятъ

слухи, будто они желаютъ образоватъ изъ себя особую земскую группу съ опредѣленнымъ объединяющимъ принципомъ. Если это случится и если земскихъ начальниковъ въ земствѣ будетъ много (что каждый начальникъ будетъ всегда избранъ въ гласные—вещь вполне возможная), то колоритъ земскихъ собраний совершенно измѣнится, измѣнится также и характеръ ихъ дѣятельности". Въ самомъ дѣлѣ, земскіе начальники могутъ быть избираемы въ уѣздные гласные какъ на землевладѣльческомъ съѣздѣ, такъ и на крестьянскихъ сходахъ (только не въ предѣлахъ участка, которымъ за вѣдуется избираемый). Уѣздное собраніе, значительную часть котораго составляютъ дворяне и крестьяне, весьма легко можетъ избрать всѣхъ или многихъ земскихъ начальниковъ въ губернскіе гласные. Не трудно представить себѣ, слѣдовательно, губернское собраніе, значительное большинство котораго будутъ составлять земскіе начальники, т.-е. лица, по выраженію московскаго губернатора, "исключительно зависимыя" отъ администраціи. На сколько такое собраніе будетъ отличаться отъ настоящихъ—это не требуетъ объясненія.

Къ 288 земскимъ начальникамъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ, приказъ 25-го января присоединилъ еще девятнадцать. Изъ нихъ восемь *утверждено* министромъ, т.-е. избрано изъ среды лицъ, подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 6, 7, 13 и 14 Положенія 12-го іюля, а одиннадцать *назначено*, на основаніи ст. 15 Положенія, измѣненной закономъ 29-го декабря. На этотъ разъ наибольшее число назначенныхъ земскихъ начальниковъ (семь) пришлось на долю черниговской губерніи. Восемь изъ девятнадцати имѣютъ гражданскіе, шестеро—военные чины; трое названы въ приказѣ просто потомственными дворянами, одинъ—дворяниномъ.

Когда, въ 1876 году, выпущено было въ свѣтъ новое изданіе девятого тома свода законовъ, въ постановленіяхъ о правахъ дворянскихъ собраний оказалось пропущеннымъ слѣдующее существенно-важное правило: „представленія (дворянства) губернскому началству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія, не считаются противозаконными, когда они наложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій". Основаніемъ къ этому пропуску, судя по одной изъ цитатъ, приведенныхъ подъ новой редакціей ст. 163-й, послужили слова Высочайшаго рескрипта 29-го января 1865 г., состоявшагося по поводу извѣстнаго адреса московскаго дворянскаго собранія: „ни одно сословіе не имѣетъ за-

коннаго права говорить именемъ другихъ сословій". Заключалась ли въ этихъ словахъ отиѣна прежняго закона, уполномочивали ли они кодификаціонное учрежденіе на столь существенное измѣненіе редакціи ст. 163-й—это вопросъ, разсмотрѣніе котораго теперь сдѣлалось излишнимъ: вслѣдствіе ходатайства петербургскаго дворянства, Высочайше повелѣно возстановить прежній текстъ закона. Ничего другого, кромѣ сочувствія и одобренія, эта мѣра не могла, повидимому, возбудить среди дворянства и друзей дворянства. И дѣйствительно, петербургское дворянство успѣшило выразить благодарность за Высочайшую милость и воспользоваться ею для расширенія круга своихъ ходатайствъ. Точно такъ же поступили и нѣкоторыя другія дворянскія собранія. Иначе отнесся къ дѣлу одинъ изъ органовъ печати, поддерживающихъ обыкновенно сословные дворянскіе интересы. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", преждевременна была самая просьба петербургскаго дворянства о возвращеніи права, утраченнаго дворянскими собраніями—преждевременна потому, что дворянству „необходимо теперь гораздо больше думать о своихъ обязанностяхъ, нежели о своихъ правахъ". Но ужъ если законъ возстановленъ въ прежней силѣ, то, съ точки зрѣнія московской газеты, нужно, по крайней мѣрѣ, толковать его въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Только „беззащитчивая софистика" можетъ видѣть въ немъ право ходатайства „не только по вопросамъ *сословнымъ и мѣстнымъ* (курсивъ въ подлинникѣ), но и по дѣламъ общаго значенія". Въ примѣръ ходатайствъ, выходящихъ за предѣлы закона, „Московскія Вѣдомости" приводятъ недавнія просьбы нѣсколькихъ дворянскихъ собраній, относящіяся къ реформѣ средняго образованія. Эти просьбы не затрагиваютъ „ни специально *дворянскихъ*, ни специально *мѣстныхъ* интересовъ; вопросъ о лучшей системѣ классическаго образованія есть общій вопросъ, касающійся всѣхъ сословій и всей имперіи, и рѣшеніе его всецѣло и исключительно принадлежитъ правительству". *Рѣшеніе*—да; но развѣ ходатайство и рѣшеніе—одно и то же? Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, реакціонная газета является *plus catholique que le pape*. Ходатайство орловскаго дворянства объ измѣненіи гимназическаго курса хотя и отклонено правительствомъ, но вовсе не признано незаконнымъ. Министерство народнаго просвѣщенія нашло, что „вопросъ объ организаціи учебной части въ имперіи, требующій для своего обсужденія специальной педагогической подготовки, подлежитъ разсмотрѣнію не коллегіальныхъ дворянскихъ собраній, а министерства, располагающаго соотвѣтственными лицами"; но это еще не значитъ, чтобы дворянскимъ собраніямъ отказано было въ правѣ *возбуждать* подобныя вопросы. Смыслъ и цѣль ходатайствъ заключается, болѣ-

шею частью, именно въ *возбужденіи* вопросовъ, дальнѣйшее движеніе которыхъ зависитъ уже не отъ сословныхъ или выборныхъ учреждений. Постановленія, опредѣляющія устройство и организацію учебной части, имѣютъ, безъ сомнѣнія, *общее* значеніе; но вѣдь законъ разрѣшаетъ дворянству представлять и о такихъ *неудобствахъ въ мѣстномъ управленіи*, которыя зависятъ отъ *общаго постановленія*. Можно, конечно, утверждать, что учебная часть не входитъ въ составъ *мѣстнаго управленія*—но на это не рѣшаются даже „Московскія Вѣдомости“, хорошо понимая, что если не буква, то общій смыслъ закона обнимаетъ собою всѣ мѣстныя правительственныя учрежденія. Поводъ къ ходатайству существуетъ каждый разъ, когда неудобства постановленія, хотя бы и общаго, чувствуются *на мѣстѣ*. Другими словами, нельзя ходатайствовать только объ устраненіи неудобствъ, испытываемыхъ въ другой мѣстности. Орловское дворянство, какъ и другія, послѣдовавшія его примѣру, говорило о неудобствахъ, знакомыхъ ему по собственному опыту—и оставалось, слѣдовательно, въ предѣлахъ закона.

Для лучшаго выясненія ст. 163 т. IX, въ ея новой (т.-е. восстановленной) редакціи, приведемъ еще одинъ примѣръ, заимствованный изъ лѣтописи петербургскаго дворянства. Шесть лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ внутреннихъ обозрѣній ¹⁾ подробно была разсказана исторія пререканій между петербургскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ и петербургскій директоромъ народныхъ училищъ. Училищный совѣтъ, основываясь на ст. 35 Положенія 25 мая 1874 г., признавалъ и признаетъ за собою право окончательнаго рѣшенія подвѣдомственныхъ ему вопросовъ, хотя бы директоръ народныхъ училищъ и не былъ согласенъ съ мнѣніемъ большинства; директоръ, основываясь на ст. 56 инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ (не имѣющей силы закона и изданной въ 1871 г., когда не существовала еще самая должность директора), считалъ и считаетъ себя въ правѣ, при несогласіи съ большинствомъ, переносить дѣло на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія. Губернскій предводитель дворянства, состоящій, по закону, предсѣдателемъ губернскаго училищнаго совѣта, предложилъ спорный вопросъ на обсужденіе дворянскаго собранія. Онъ находилъ, что толкованіе инструкціи, поддерживаемое директоромъ народныхъ училищъ, ставить предсѣдателя „въ положеніе ему не подобающее и не соотвѣтствующее Монаршему довѣрію къ дворянству“; того же мнѣнія держалось и дворянское собраніе, неоднократно и разными путями старавшееся восстановить дѣйствіе закона. Всѣ эти попытки

¹⁾ См. № 7 „Вѣстникъ Европы“ за 1884 г.

не привели къ желанной цѣли—и дворянство, въ послѣдней сессіи своей, постановило обратиться непосредственно къ Государю Императору^а, объяснивъ, въ всеподданнѣйшемъ адресѣ, неудобства, сопряженныя съ настоящимъ положеніемъ дѣла. Инструкція, на которую опирается дирекція народныхъ училищъ, имѣетъ несомнѣнно *общій* характеръ; такимъ же характеромъ отличается и статья закона, приводимая въ подтвержденіе ходатайства. Сословные интересы дворянства затронуты здѣсь только косвенно; система, на которую оно жалуется, направлена непосредственно и прямо противъ *большинства* губернскаго училищнаго совѣта, а не противъ предсѣдателя его—губернскаго предводителя дворянства. А между тѣмъ законность ходатайства едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; едва-ли кто-либо рѣшится утверждать, что оно выходитъ изъ границъ компетенціи дворянства. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ ходатайствахъ дворянства, допускавшихъ даже при существованіи прежней редакціи ст. 163. Организациа государственныхъ финансовъ, напримѣръ, съ такимъ же точно правомъ, какъ и организациа учебной части, можетъ быть отнесена къ области предметовъ, всецѣло подлежащихъ разрѣшенію правительственной власти—но петербургское дворянство безпрепятственно ходатайствовало объ отиѣнѣ налога на наслѣдства и безпрепятственно повторило это ходатайство, прямо относя его ко всѣмъ сословіямъ. Спѣшнымъ оговориться: желаній, выраженныхъ дворянствомъ по этому предмету, мы вовсе не раздѣляемъ и отстаиваемъ только *формальную* ихъ законность. Къ существу ходатайствъ, принятыхъ или проектированныхъ въ послѣдней сессіи петербургскаго дворянскаго собранія, мы возвратимся въ другой разъ.

Чрезвычайно отраднымъ фактомъ представляется постановленіе курскаго дворянскаго собранія по вопросу о заповѣдныхъ имѣніяхъ. Въ экстренныхъ собраніяхъ курскаго дворянства, происходившихъ въ 1887 и 1888 г., два раза одобрена была, въ принципѣ, мысль о широкомъ развитіи дворянскихъ маіоратовъ; предводителю дворянства суджанскаго уѣзда, С. И. Жекулину, поручено было составить проектъ ходатайства по этому предмету. Порученіе дворянства было исполнено С. И. Жекулинымъ. Каждому дворянину предполагалось предоставить право учреждать заповѣдныя имѣнія, въ размѣрѣ отъ 300 до 1000 десятинъ; имѣнія, заключающія съ собою менѣе 300 десятинъ, предполагалось признать безусловно нераздробляемыми. Всѣ эти предположенія были отвергнуты очереднымъ дворянскимъ собраніемъ 1890 г., единогласно постановившимъ: признать учрежденіе заповѣдныхъ имѣній и единонаслѣдія крайне нежелательнымъ и составить объ этомъ мотивированное опредѣленіе, которое и должно

быть, въ случаѣ надобности, представлено на усмотрѣніе правительства. Рѣзкая разниа между взглядами собраній экстренныхъ и очередного объясняется, повидимому, тѣмъ, что на экстренныя собранія дворянъ съѣзжается весьма немного—гораздо меньше, чѣмъ на очередныя. По словамъ курскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 27), рѣшеніе, направленное противъ маіоратовъ, состоялось не въ силу теоретическихъ данныхъ, а по соображеніямъ практическимъ, бытовымъ; самое сильное сочувствіе вызвали рѣчи С. В. Блохина и В. А. Шеншина, людей уже пожилыхъ, опытныхъ, долго служившихъ предводителями дворянства и указавшихъ именно на требованія жизни. „Если ужъ о чемъ ходатайствовать,—такъ заключилъ свою рѣчь С. В. Блохинъ,—то не о введеніи единонаслѣдія, а объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ сыновей и дочерей“.

Въ средѣ присяжной адвокатуры, какъ петербургской, такъ и московской, происходитъ, въ послѣднее время, усиленное движеніе, обратившее на себя вниманіе общества и печати. Оно интересно и какъ признакъ времени, и какъ страница въ исторіи одной изъ нашихъ немногихъ самоуправляющихся корпорацій.

Отличительной чертой дѣятельности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ была до сихъ поръ свобода отъ всякихъ національныхъ и религіозныхъ предубѣжденій. Происхожденіе и исповѣданіе не принимались въ расчетъ ни при допущеніи въ число присяжныхъ повѣренныхъ, ни при разсмотрѣніи дисциплинарныхъ дѣлъ. Оставаясь на почвѣ закона, совѣты руководствовались, въ первомъ случаѣ, исключительно свѣденіями о нравственныхъ качествахъ кандидата на званіе присяжнаго повѣреннаго, въ послѣднемъ случаѣ—доказательствами виновности или невиновности обвиняемаго. Возрастающее число евреевъ-помощниковъ и евреевъ-присяжныхъ повѣренныхъ принималось совѣтами какъ фактъ, отъ нихъ не зависящій и не требующій съ ихъ стороны никакихъ особыхъ „мѣропріятій“. Не смущаясь постоянно усиливавшимися нападеніями юдофобствующей печати, они относились къ евреямъ точно такъ же, какъ отнеслись бы, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условий, къ христіанамъ. О неодобреніи такого образа дѣйствій со стороны массы сословія ничего не было слышно; составъ совѣтовъ, на выборахъ 1888 и 1889 г., не подвергался большимъ измѣненіямъ. Только недавно сдѣлалось извѣстнымъ, что агитація противъ евреевъ и противъ покровительствующаго имъ, будто бы, совѣта проникла, еще два года тому назадъ, въ среду московскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Комитетъ, избранный помощниками, нѣсколько разъ спрашивалъ совѣтъ,

какъ поступать съ евреями, подающими заявленія о принятіи въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Совѣтъ ничего не отвѣчалъ на вопросъ комитета—и это ставится ему теперь въ вину со стороны газетъ, взявшихъ на себя защиту московской адвокатской молодежи. Намъ кажется, наоборотъ, что ни о какомъ другомъ отвѣтѣ, кромѣ молчанія, въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи. До обнародованія Высочайшаго повелѣнія 8-го ноября 1889 г. еврей, выразившій желаніе вступить въ ряды присяжной адвокатуры, рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ христіанина. Для недоумѣній о томъ, какъ „поступать“ съ поданной имъ просьбой, вовсе не было мѣста; было совершенно очевидно, что ее слѣдуетъ рассмотреть и разрѣшить на общемъ обнованіи, т.-е. собрать по возможности точныя, полныя и достовѣрныя свѣденія о просителѣ и затѣмъ, смотря по результатамъ изслѣдованія, удовлетворить или отклонить его ходатайство. Объяснять эту простую истину совѣтъ, очевидно, не былъ обязанъ, тѣмъ болѣе, что ему, а не комитету, принадлежало послѣднее слово въ принятіи или непринятіи помощника. Не измѣнилось, въ сущности, это положеніе дѣла даже теперь, послѣ ограниченія, которому подверглись права евреевъ. Мы думаемъ, прежде всего, что Высочайшее повелѣніе 8-го ноября вовсе не касается помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Оно устанавливаетъ, что лица нехристіанскихъ исповѣданій могутъ быть принимаемы *въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ* не иначе, какъ съ разрѣшенія министра юстиціи. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ не принадлежатъ ни къ той, ни къ другой категоріи адвокатовъ. Званіе помощника не даетъ само по себѣ права на ходатайство по чужимъ дѣламъ; чтобы пріобрѣсти это право, помощнику необходимо проникнуть въ среду частныхъ или присяжныхъ повѣренныхъ. Здѣсь-то, на рубежѣ „дѣйствующей“ адвокатуры, для помощника-еврея и является необходимымъ разрѣшеніе министра юстиціи, уполномочивающее не на кабинетное участіе въ трудахъ присяжнаго повѣреннаго, а на веденіе судебныхъ дѣлъ. Припомнимъ, съ другой стороны, что постановленіе *совѣта* о принятіи въ помощники не требуется и не предусматривается судебными уставами. Санкція совѣта введена, въ этой сферѣ, практикою въ высшей степени рациональною, но еще не получившею законодательнаго утвержденія. По буквѣ закона, принятіе въ помощники зависитъ отъ каждаго отдѣльнаго присяжнаго повѣреннаго, дѣйствія котораго не могутъ же подлежать предварительной аппробаціи министра.

Допустимъ, однако, что мы ошибаемся и что правы тѣ газеты, по мнѣнію которыхъ разрѣшеніе министра юстиціи необходимо для принятія не только въ присяжные или частные повѣренные, но и въ

помощники присяжнаго повѣреннаго. И въ этомъ случаѣ все сказанное нами выше остается въ полной силѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается смыслъ новаго закона? Въ томъ ли, что вся процедура принятія въ присяжные повѣренные переходить, когда рѣчь идетъ о не-христіанинѣ, изъ рукъ совѣта въ руки министра юстиціи? Нисколько. Совѣтъ сохраняетъ всѣ свои прежнія обязанности. Онъ приводитъ въ извѣстность, соответствуетъ ли проситель формальнымъ и нравственнымъ условіямъ, требуемымъ отъ присяжнаго повѣреннаго. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, совѣтъ постановляетъ опредѣленіе объ отказѣ просителю въ званіи присяжнаго повѣреннаго — опредѣленіе, вступающее въ силу на общемъ законномъ основаніи. На разсмотрѣніе и разрѣшеніе министра юстиціи совѣтъ долженъ передать дѣло только тогда, когда не встрѣтитъ, съ своей стороны, препятствій къ принятію просителя въ присяжные повѣренные. Такимъ же точно образомъ онъ долженъ будетъ поступать и по отношенію къ помощникамъ, если будетъ признано, что для вступленія въ число послѣднихъ не-христіане нуждаются въ согласіи министра. Законъ и теперь, слѣдовательно, не требуетъ и не ожидаетъ отъ совѣта, чтобы онъ относился къ евреямъ иначе, чѣмъ къ христіанамъ; рѣшеніе вопроса, можетъ ли быть еврей, *какъ еврей*, допущенъ въ присяжные повѣренные, изъято изъ рукъ совѣта и передано высшей судебной администраціи. Разумныхъ основаній для агитаціи противъ совѣта московскіе помощники не имѣли, поэтому, ни до, ни послѣ изданія правилъ 8-го ноября. Продолжая быть справедливымъ къ евреямъ, совѣтъ исполнялъ свой долгъ, оставался вѣрнымъ лучшимъ преданіямъ адвокатуры. Январскіе выборы 1890 г. значительно измѣнили составъ московскаго совѣта, но мы не видимъ причины думать, что эта перемѣна находится въ связи съ еврейскимъ вопросомъ. Если мы не ошибаемся, одинъ изъ новыхъ членовъ совѣта—лицо еврейскаго происхожденія; имена нѣкоторыхъ другихъ служатъ гарантіей безпристрастія и твердости, которыхъ не смутить никакое юдофобство въ средѣ сословія.

Не слѣдуетъ ли, однако, положить конецъ наплыву евреевъ въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ? Не требуетъ ли этого интересъ самихъ евреевъ, получившихъ юридическое образованіе? Вступленіе въ помощники не имѣетъ ли смыслъ только для тѣхъ, кто можетъ надѣяться на вступленіе въ присяжные повѣренные, а въ ожиданіи этого званія—готовиться къ нему практически, занимаясь ходатайствомъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ? Если еврею не суждено быть присяжнымъ повѣреннымъ, зачѣмъ ему поступать въ помощники, зачѣмъ терять время на изученіе профессіи, въ концѣ концовъ для него закрытой? Не лучше ли не обманывать себя на-

прасными ожиданіями и съ самаго начала выбрать какой-нибудь другой путь, болѣе вѣрный? Въ основаніи всѣхъ этихъ соображеній лежитъ, какъ намъ кажется, одна существенно-важная ошибка. Они имѣли бы нѣкоторый смыслъ, еслибы правила 8-го ноября безусловно *воспретили* евреямъ вступленіе въ присяжные повѣренные и вообще занятіе адвокатурой. Но вѣдь они такого воспрещенія въ себѣ не содержатъ; поставленное въ зависимость отъ разрѣшенія министра юстиціи, допущеніе евреевъ въ присяжные и частные повѣренные этимъ самымъ признано законнымъ и возможнымъ. Поступая въ помощники, каждый еврей въ правѣ надѣяться, что онъ докажетъ на практикѣ свою способность и нравственную благонадежность и будетъ, въ свое время, признанъ достойнымъ званія присяжнаго повѣреннаго. Во имя чего совѣтъ можетъ сказать молодому человѣку, что его надежды тщетны, что онъ никогда не дождется исполненія своихъ желаній? Взвѣсить шансы удачи и неудачи — дѣло самого юноши; совѣтъ не долженъ навязывать ему свою опеку, ограждать его отъ риска, на который онъ идетъ сознательно и добровольно. Другое дѣло — если совѣтъ имѣетъ основательный поводъ сомнѣваться въ нравственныхъ качествахъ просителя. О принятіи въ помощники, при существованіи такого сомнѣнія, конечно не можетъ быть и рѣчи; но для того, чтобы быть законнымъ, сомнѣніе должно быть основано не на вѣроисповѣданіи и происхожденіи просителя. Представимъ себѣ, наконецъ, случай совершенно невѣроятный; положимъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ *ни одному* еврею не будетъ разрѣшено ни вступленіе въ присяжную адвокатуру, ни даже ходатайство по дѣламъ въ качествѣ частнаго повѣреннаго. Весьма можетъ быть, что евреямъ перестанутъ тогда просить о принятіи въ помощники — но еслибы кто-нибудь изъ нихъ рѣшился заявить такую просьбу, то отношеніе къ ней совѣта все-таки должно было бы опредѣлиться исключительно свѣденіями о нравственныхъ качествахъ просителя. *Fais ce que dois, advienne que pourra*; такъ-называемыя „независящія обстоятельства“ никогда и ни при какихъ условіяхъ не должны вліять на исполненіе долга. Административная власть, послѣ изданія правилъ 8-го ноября, можетъ, по тѣмъ или другимъ государственнымъ соображеніямъ, не допускать евреевъ къ адвокатскимъ занятіямъ; для совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (какъ и для суда, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ исполняетъ функціи совѣта) происхожденіе или вѣроисповѣданіе просителя можетъ сдѣлаться основаніемъ къ отказу лишь въ силу прямого, положительнаго предписанія закона, котораго до сихъ поръ не существуетъ.

Исходя изъ этой основной точки зрѣнія, мы не можемъ одобрить одного изъ предположеній, внесенныхъ недавно петербургскимъ совѣтомъ на разсмотрѣніе общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ.

Оно клонилось къ тому, чтобы лица не-христіанскихъ исповѣданій не получившія, въ продолженіе трехъ лѣтъ со времени вступленія въ помощники, установленнаго правилами 8-го ноября разрѣшенія на ходатайство по чужимъ дѣламъ, исключались совершенно изъ числа помощниковъ. Совѣтъ, очевидно, разсуждалъ такимъ образомъ: кто нѣсколько разъ получилъ отказъ въ свидѣтельствѣ на право ходатайства по чужимъ дѣламъ, тотъ, по теоріи вѣроятностей, никогда не будетъ допущенъ ни въ частные, ни въ присяжные повѣренные; ему незачѣмъ, поэтому, и оставаться помощникомъ, такъ какъ званіе помощника имѣетъ смыслъ только въ качествѣ преддверія къ званію присяжнаго повѣреннаго. Кто не имѣетъ права ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, тотъ не можетъ и подготовить себя какъ слѣдуетъ къ адвокатской дѣятельности. Въ основаніи всѣхъ этихъ разсужденій лежитъ, прежде всего, фактическая ошибка. Если препятствіемъ къ полученію свидѣтельства служить не дурная репутація просителя, не доказанная безнравственность его, а только принадлежность его къ извѣстному вѣроисповѣданію, то окончательнаго значенія отказъ, даже много разъ повторенный, ни въ какомъ случаѣ имѣть не можетъ. Достаточно легкой перемѣны въ настроеніи — и новое ходатайство того же лица легко можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Зачѣмъ же отнимать у него возможность дожидаться такой перемѣны, зачѣмъ удалять его изъ сословія, въ которомъ онъ, по меньшей мѣрѣ, никому не мѣшаетъ? Адвокатская дѣятельность не требуетъ *непрерывно* самостоятельнаго веденія дѣлъ, личной явки на судъ. Есть юристы, не обладающіе даромъ слова, но въ высшей степени способные къ кабинетной, письменной работѣ. Они могутъ быть дѣйствительными *помощниками* присяжнаго повѣреннаго; зачѣмъ же лишать ихъ права на это имя? Конечно, *нормальная* дорога для помощника присяжнаго повѣреннаго — это переходъ, по истеченіи пятилѣтняго срока, въ число присяжныхъ повѣренныхъ; но если эта дорога для кого-нибудь, помимо его воли и безъ его вины, закрыта, то почему же онъ не можетъ оставаться помощникомъ и послѣ срока, хотя бы на неопредѣленное время? Если это для него невыгодно или неудобно, онъ самъ постарается найти другую профессію, другія занятія; понуждать его къ этому, въ особенности когда еще не совсѣмъ утрачена надежда на лучшее будущее, нѣтъ рѣшительно никакой причины. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что для евреевъ-юристовъ доступъ на государственную службу закрытъ, *de facto*, почти безусловно; „перемѣнить участь“ имъ, слѣдовательно, весьма трудно, а во многихъ случаяхъ и совершенно невозможно. Оказать имъ дѣйствительную помощь совѣтъ не въ силахъ, но воздерживаться отъ всего ухудшающаго ихъ положеніе онъ можетъ и долженъ. Вотъ почему насъ порадовало извѣстіе объ

отпорѣ, встрѣченномъ предложеніемъ совѣта со стороны общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ. Проектъ правилъ о помощникахъ переданъ общимъ собраніемъ на разсмотрѣніе комиссіи, въ составъ которой вошли, болѣею частью, противники излишнихъ ограниченій и стѣсненій.

Постановленіе, направленное противъ евреевъ, было не единственнымъ слабымъ пунктомъ совѣтскаго проекта. Пострадать отъ него должны были помощники вообще, независимо отъ вѣроисповѣданія. Помощниками предполагалось считать только тѣхъ, которые фактически занимаются судебною практикою по дѣламъ своего патрона и подъ его руководствомъ. Гражданскія дѣла помощники должны были вести не иначе, какъ по передовѣрію своего патрона. Каждому присяжному повѣренному предоставлялось имѣть только по одному помощнику; увеличеніе этого числа до двухъ или трехъ могло быть допущено только по особому, каждый разъ, разрѣшенію совѣта. Послѣдствіемъ этихъ предположеній, еслибы имъ суждено было осуществиться, было бы не только значительное сокращеніе числа помощниковъ, но и полнѣйшая, въ продолженіе всего пятилѣтняго срока, зависимость ихъ отъ патроновъ. Не къ этому были направлены, до сихъ поръ, усилія совѣтовъ. Судебные уставы ограничились тѣмъ, что создали званіе помощника присяжнаго повѣреннаго; дальнѣйшая организація младшей адвокатской группы зависѣла отъ самостоятельности старшихъ ея товарищей, получившихъ прочное корпоративное устройство. На первыхъ порахъ легко было впасть въ одну изъ противоположныхъ крайностей: или предоставить помощниковъ на произволъ судьбы, не подчиняя ихъ никакому контролю, не регулируя ни въ чемъ отношеній между ними и ихъ патронами — или лишить ихъ всякой самостоятельности, рассматривая ихъ какъ *помощниковъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова, признавая ихъ правоспособными только въ качествѣ представителей или замѣстителей патрона. Въ первомъ случаѣ молодые, начинающіе адвокаты оставались бы внѣ надзора, внѣ дисциплины, установленной для сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Во второмъ случаѣ, наоборотъ, совершенно отсутствовала бы свобода дѣйствій, безъ которой нельзя выработать въ себѣ ни сознанія нравственной отвѣтственности, ни чувства долга. Совѣтамъ удалось найти настоящій, средній путь: надѣ дѣятельностью помощниковъ установленъ былъ контроль, но она не была сведена къ простому исполненію порученій, исходящихъ отъ патрона. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ петербургскій совѣтъ пытался замѣнить личный патронатъ, случайный и часто мнимый, болѣе реальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе стѣснительнымъ патронатомъ корпораціи. Помощники, по мысли совѣта, должны были обратиться въ кандидатовъ на званіе адвоката, свободныхъ отъ всякихъ

обязательныхъ отношеній къ тому или другому присяжному повѣренному и ведущихъ дѣла отъ собственнаго имени, но подъ наблюденіемъ лица, уполномоченнаго къ тому совѣтомъ. Полное осуществленіе этой мысли требовало изданія новаго закона, о которомъ тогда же и ходатайствовалъ совѣтъ; но кое-что, въ томъ же направленіи, могло быть сдѣлано—и дѣйствительно было сдѣлано—собственною властью совѣта. Особенно важнымъ представляется, съ этой точки зрѣнія, учрежденіе (въ 1877 г.) конференцій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Когда, въ 1885 г., петербургскій совѣтъ возобновилъ ходатайство о законодательной организаціи сословія помощниковъ, онъ отступилъ, къ сожалѣнію, отъ основной идеи проекта 1871 г. и построилъ свои предположенія на почвѣ личнаго патрона. Въ другихъ отношеніяхъ зато онъ не измѣнилъ прежней системѣ. Свобода дѣйствій помощниковъ была ограничена только въ томъ смыслѣ, что для принятія ими гражданскаго дѣла (въ общихъ судебныхъ установленіяхъ) требовалось согласіе патрона. Это оправдывалось необходимостью усилить надзоръ за начинающими адвокатами, особенно въ виду агитаціи, уже тогда поднимавшейся противъ умножающагося числа помощниковъ-евреевъ. Съ этой же точки зрѣнія можно было бы допустить и нѣкоторое ограниченіе числа помощниковъ, которое въ правѣ имѣть каждый присяжный повѣренный. Чѣмъ серьезнѣе требованія, предъявляемыя къ присяжному повѣренному по отношенію къ надзору за помощниками, тѣмъ меньше они исполнимы при слишкомъ большомъ числѣ помощниковъ, обращающемъ связь между ними и патрономъ въ нѣчто номинальное, фиктивное. Идти дальше не было никакихъ основаній; негачѣмъ было ни запрещать присяжнымъ повѣреннымъ имѣть болѣе *одного* помощника, ни ограничивать дѣятельность помощника „фактическими занятіями“ по дѣламъ патрона, ни, въ особенности, устанавливать обязательное посредничество патрона между помощникомъ и тяжущимися. Ограниченіе числа помощниковъ при каждомъ присяжномъ повѣренномъ *тремя* (какъ это предлагала коммиссія, составившая проектъ 1885 г., а также петербургская судебная палата) не могло бы остановить естественнаго роста корпораціи помощниковъ. Другое дѣло, еслибы прошелъ послѣдній проектъ совѣта; число помощниковъ должно было бы сразу упасть значительно ниже настоящаго своего уровня—и всегда оставаться *ниже* числа присяжныхъ повѣренныхъ. Такое искусственное затрудненіе доступа въ присяжную адвокатуру, ничуть не обезпечивая ее отъ вторженія нежелательныхъ элементовъ, лишило бы ее многихъ способныхъ и достойныхъ молодыхъ людей, случайно побужденныхъ въ борьбѣ за вакантныя мѣста помощниковъ. Правда, нѣкоторымъ присяжнымъ повѣреннымъ предполагалось разрѣшать, въ видѣ изыатія, пригла-

шеніе второго или даже третьяго помощника, но это было бы привилегіей, несимпатичной большинству и мало измѣняющей общее положеніе дѣла. Требованіе „фактическихъ занятій“ при патронѣ—еслибы оно не обратилось въ мертвую букву—способствовало бы еще большому уменьшенію числа помощниковъ. Далеко не всѣ присяжные повѣренные нуждаются въ „фактическомъ помощникѣ“; многіе изъ нихъ сами, безъ труда, справляются со всѣми своими дѣлами—но это еще не значитъ, чтобы они были бесполезны для числящихся при нихъ помощниковъ. Напротивъ того, они весьма часто поддерживаютъ ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, руководятъ ими въ выборѣ и веденіи дѣлъ, разрѣшаютъ сомнѣнія, встрѣчаемыя ими въ толкованіи закона или въ примѣненіи правилъ „адвокатской этики“. Такія отношенія заслуживаютъ охраны, а не противодѣйствія; прочность и цѣнность товарищеской связи отнюдь не уменьшается тѣмъ, что въ основаніи ея лежитъ взаимное довѣріе, а не взаимная выгода. Всего меньше, наконецъ, слѣдовало бы думать объ отнятій у помощниковъ, на все время пятилѣтняго срока, права самостоятельнаго веденія гражданскихъ дѣлъ. Ничего подобнаго не проектировалось прежде даже на случай объявленія комплекта; тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь объ этомъ теперь, когда, наряду съ присяжной, существуетъ частная адвокатура. Слишкомъ странно было бы отказывать молодому человѣку, окончившему курсъ юридическихъ наукъ и успѣвшему уже нѣсколько ознакомиться съ судебной практикой, въ такомъ правѣ, которымъ сплошь и рядомъ пользуются недоучившіеся или нигдѣ не учившіеся, полуобразованные или необразованные люди. Мы вполне убѣждены, что петербургскій совѣтъ, предлагая признать за помощниками право веденія гражданскихъ дѣлъ только по передовѣрію патрона, вовсе не имѣлъ въ виду оградить присяжныхъ повѣренныхъ отъ конкуренціи помощниковъ или предоставить первымъ участіе въ выгодахъ, получаемыхъ послѣдними. Ручательствомъ въ томъ служить для насъ и составъ совѣта, и его прошедшее—но знакомство съ этимъ прошедшимъ распространено въ публикѣ не на столько, чтобы устранить возможность неблагоприятныхъ перетолкованій. Отсюда необходимость избѣгать всего того, что можетъ дать поводъ—или хотя бы только предлогъ—къ заподозриванію намѣреній совѣта. Корпорация присяжныхъ повѣренныхъ оказалась, на этотъ разъ, благоразумнѣе своихъ представителей (или, лучше сказать, большинства своихъ представителей; проектъ правилъ о помощникахъ былъ принятъ совѣтомъ, какъ мы слышали, далеко не единогласно). Нужно надѣяться, что въ организацію помощниковъ не будетъ внесено никакихъ нововведеній, идущихъ въ разрѣзъ съ лучшими традиціями сословія.

НЕКРОЛОГЪ.

Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ

род. 22-го сент. 1815 г.—27-го янв. 1890 г. †.

Гр. П. А. Валуевъ прожилъ три четверти нашего вѣка (1815—1890 г.), и въ томъ возрастѣ—на 16-мъ году,—когда обыкновенно сидятъ еще на школьной скамьѣ, поступилъ уже на государственную службу (1831 г.), а ровно тридцать лѣтъ спустя (1861 г.) былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. За эти 30 лѣтъ на его глазахъ смѣнились двѣ эпохи, рѣзко отдѣленные одна отъ другой восточною войною въ половинѣ 50-хъ годовъ. Первая эпоха (1831—1855 г.) въ жизни гр. Валуева, можно сказать, имѣла значеніе школы, подготовлявшей его къ тому высокому посту, который онъ занялъ, наконецъ, въ 1861 году. Большую часть этого времени онъ провелъ въ сторонѣ отъ центра тогдашней нашей государственной жизни и порядка; такое обстоятельство не могло остаться совсѣмъ безъ вліянія на личный его характеръ и тѣ убѣжденія, которыя въ немъ сложились и сохранялись до конца жизни, то находя въ послѣдующую эпоху удобную для себя почву, то ставя его въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. До половины сороковыхъ годовъ гр. Валуевъ оставался на службѣ въ Петербургѣ, сначала въ 1-мъ, а послѣ во 2-мъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи; въ половинѣ же 40-хъ годовъ онъ совсѣмъ покинулъ Петербургъ, и до 1858 г. средою для его административной дѣятельности послужилъ остзейскій край. Онъ не стоялъ, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу къ до-реформенной Россіи и лично не занималъ какой-нибудь роли въ тогдашней системѣ управленія, служа въ самомъ его центрѣ или, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ губерніяхъ; напротивъ, онъ провелъ все это время на той именно окраинѣ, гдѣ онъ постоянно видѣлъ себя окруженнымъ результатами болѣе высокой культуры, гдѣ не было даже, и довольно давно, крѣпостного права, и гдѣ личный характеръ такихъ представителей нашей администраціи, какъ кн. Суворовъ, дѣлалъ мало чувствительнымъ какое-нибудь давленіе центра. Остзейскій край, гдѣ гр. Валуевъ достигъ въ послѣдствіи званія губернатора митавскаго, и въ отношеніи экономическомъ, и въ отношеніи вообще культурномъ, скорѣе подходилъ къ порядкамъ болѣе западныхъ странъ, хотя въ то же время и отличался отъ нихъ довольно существенно, такъ

какъ, оставаясь подъ нашею охраною, онъ могъ болѣе напоминать собою европейскіе порядки начала нынѣшняго вѣка: дальнѣйшія измѣненія въ складѣ жизни западнаго общества, послѣ событій начала 30-хъ годовъ и конца 40-хъ, никакъ не могли серьезно коснуться этого края. Это обстоятельство, быть можетъ, отразилось и на томъ вліяніи, какое, впрочемъ, всегда оказываетъ данная среда на характеръ индивидуальной личности, и многое потомъ объясняетъ въ дѣятельности лица, безъ чего пришлось бы иное принять въ немъ за внутреннее противорѣчіе, между тѣмъ какъ оно было прямымъ послѣдствіемъ первоначальныхъ, глубоко залегшихъ въ душу впечатлѣній. Съ этимъ впечатлѣніемъ лучшихъ порядковъ и болѣе развитой культуры гр. Валуевъ, послѣ продолжительнаго своего пребыванія въ остзейскомъ краѣ, возвратился въ 1858 г. въ Петербургъ, гдѣ также къ тому времени убѣдились въ необходимости лучшихъ порядковъ, взамѣнъ прежней системы, не выдержавшей тяжелаго испытанія въ эпоху восточной войны. Гр. Валуевъ занялъ мѣсто прямо директора одного изъ департаментовъ государственныхъ имуществъ, именно того, гдѣ сосредоточивались дѣла по тому же самому остзейскому краю, а вскорѣ къ этому присоединилось предсѣдательство въ ученomъ комитетѣ того же министерства. Ближайшимъ переходомъ къ государственной дѣятельности гр. Валуева послужило назначеніе его управляющимъ дѣлами комитета министерства, въ самомъ началѣ памятнаго 1861 года, почти наканунѣ самаго дня уничтоженія крѣпостного права, совершившагося тогда и въ центральныхъ губерніяхъ, но далеко не на тѣхъ началахъ, на какихъ оно было уничтожено въ остзейскомъ краѣ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка: крестьяне получили земельный надѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ судебная и земская реформы дали крестьянскому сословію самоуправленіе, судъ и участіе въ земскихъ дѣлахъ, наравнѣ съ другими сословіями. Въ апрѣлѣ 1861 г. гр. Валуевъ занялъ мѣсто удалившагося министра внутреннихъ дѣлъ—Лавского, а въ ноябрѣ того же года былъ утвержденъ въ этой должности.

Періодъ государственной дѣятельности гр. Валуева продолжался 20 лѣтъ (декабрь 1861 г.—октябрь 1881 г.) съ перерывомъ пяти лѣтъ (1868—1872 г.), между отставкою отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1868 г. и назначеніемъ его, въ 1872 г., въ должность министра государственныхъ имуществъ, которое онъ и сохранилъ до 1879 г. Въ этомъ году гр. Валуевъ былъ призванъ, взамѣнъ того, на высшій постъ предсѣдателя комитета министровъ, съ назначеніемъ предсѣдателемъ кавказскаго комитета и комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ. Въ слѣдующемъ, 1880 г. П. А. Валуевъ былъ возведенъ въ графское достоинство, а годъ спустя, въ октябрѣ 1881 г., уволенъ

отъ всѣхъ упомянутыхъ должностей, съ сохраненіемъ званія члена государственнаго совѣта.

Послѣдній періодъ жизни гр. Валуева (1881—1890 гг.) продолжался около десяти лѣтъ и въ посмертномъ его стихотвореніи, 5-го іюня 1889 г. ¹⁾, былъ названъ имъ самимъ жизнью „въ тюрьмѣ“, но въ тюрьмѣ безъ „железныхъ затворовъ“, безъ „часовыхъ“ и „безъ рѣшотокъ“ гдѣ онъ „самъ себя условно заточилъ“:

Въ моей тюрьмѣ плѣнь для меня не бремя,
Я не одинъ: затворниковъ другихъ,
Мнѣ близкихъ, въ ней со мной вселило время
И плѣна смыслъ мнѣ указало въ нихъ.
Въ моей тюрьмѣ живетъ что властно жило
Въ моей душѣ, въ былыхъ времена;
Живетъ что власть надъ нею сохранило;
Живетъ и то, чѣмъ нынѣ жизнь полна.
И мысль одна меня не покидаетъ,
При свѣтѣ дня, при долгой ночи тѣмъ:
Незримая рука часъ смерти приближаетъ—
Когда скажу: прости!—моей тюрьмѣ.

Эта послѣдняя мысль, овладѣвшая покойнымъ еще за полгода до смерти, осуществилась, наконецъ, 27-го января настоящаго года. Заблаговременно онъ приготовилъ и объявленіе объ ожидаемой имъ кончинѣ съ пробѣломъ для вписанія мѣсяца и дня смерти и съ слѣдующимъ распоряженіемъ: „домашнихъ панихидъ не будетъ по неудобству расположенія квартиры, которую занималъ покойный; погребеніе имѣетъ послѣдовать на Александрo-Невскомъ кладбищѣ 30-го числа, послѣ заупокойной литургіи въ Свято-Духовской церкви. Настоящее объявленіе заранѣе написано, кромѣ чиселъ, самимъ покойнымъ отъ перваго слова до послѣднаго, и на точное соблюденіе указаннаго имъ порядка погребенія имъ выражена положительная и обстоятельная воля“.

Кто были упоминаемые въ посмертномъ стихотвореніи „затворники“, которыя раздѣляли съ покойнымъ его добровольное заключеніе и уясняли ему смыслъ его „плѣна“; какія идеи точно также „властно жили“ въ его душѣ, въ послѣднія 10 лѣтъ его жизни, въ 80-хъ годахъ, какъ и прежде—въ „былыхъ времена“, въ 60-хъ, или 70-хъ годахъ—все это составитъ столь же сложную, сколько и интересную задачу для того, кто когда-нибудь взялъ бы на себя трудъ написать біографію гр. П. А. Валуева. Тѣмъ, кто зналъ его лично въ эти послѣдніе годы, идеи, жившія въ немъ тогда „властно“, были довольно знакомы; но почему эти же самыя идеи „въ былыхъ вре-

¹⁾ „Москов. Вѣд.“. 1890 г., 3-го февраля.

мена", когда покойный, можно сказать, былъ самъ властнымъ, не находили себѣ полного примѣненія въ практикѣ—его биографъ, быть можетъ, объяснить необходимою уступкою дѣйствительности и указать на окончательное и добровольное его удаленіе отъ дѣлъ, именно какъ на доказательство того, что его уступчивость имѣла свои предѣлы.

По высокому положенію покойнаго въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, у источника самой власти и во главѣ такого министерства, какимъ было министерство внутреннихъ дѣлъ въ эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г.), введенія судебныхъ и земскихъ учреждений (1864 г.), подготовленія реформы городского общественнаго управленія (законъ 18-го іюня 1870 г.), наконецъ, изданія закона о печати (1865 г.)—жизнь гр. Валуева неизбѣжно является болѣе, чѣмъ какою-нибудь одною страницей изъ исторіи его времени. Все, что раздѣляло и долго еще будетъ непримиримо раздѣлять взгляды на значеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ въ нашей отечественной исторіи, то будетъ также раздѣлять и способъ оцѣнки дѣятельности гр. Валуева въ эту памятную эпоху, причемъ повторится и все тѣ, что можно было наблюдать, слѣдя за отзывами и характеристиками прежней дѣятельности гр. Валуева, вызванными извѣстіемъ о послѣдовавшей его кончинѣ.

Въ послѣдній періодъ своей жизни, гр. Валуевъ удалился въ ту область, которая нѣкогда была предметомъ однихъ его административныхъ заботъ, и гдѣ онъ могъ теперь чувствовать себя болѣе независимымъ отъ окружавшей его дѣйствительности — въ литературу. Его романъ: „Лоринъ“, представилъ ему возможность высказать, отчасти, и тѣ идеи, которыя „властно жили“ въ его душѣ, а потому этотъ трудъ покойнаго можетъ послужить современемъ хорошимъ матеріаломъ для его биографа. Участіе гр. Валуева въ періодической печати намъ извѣстно только по тому, что онъ печаталъ въ нашемъ журналѣ, безъ подписи и съ подписью. Въ 1887 г. гр. Валуевъ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европѣ“ повѣсть: „Черный боръ“, изъ недавняго прошлаго одной изъ подмосковныхъ губерній, подписанную: Х. З. (въ іюлѣ и августѣ), а въ 1888 г.—начало неоконченнаго имъ историческаго очерка: „Религіозныя смуты и гоненія отъ V-го до XVII-го вѣка“,—на этотъ разъ подписаннаго полнымъ именемъ автора (мартъ). Повѣсть носитъ на себѣ характеръ болѣе семейной хроники, и вся фабула ея построена на мѣстной легендѣ; но авторъ и здѣсь, очевидно, не упускалъ случая изобразить современную ему дѣйствительность подъ угломъ давно назрѣвшихъ въ немъ идей и убѣжденій, и особенно ясно выразилъ свой взглядъ на такъ-называемое „народничество“ послѣдней его формации. Въ историческомъ

очеркъ авторъ имѣлъ дѣло уже прямо съ той идеей, которая была, дѣйствительно, основною въ его жизни; онъ держался ея твердо и въ „былыя времена“, и въ послѣдніе годы жизни заслужилъ тѣмъ названіе „космополита“, какимъ нѣкоторые проводили его и въ могилу. Событія давно прошедшихъ временъ и ихъ опытъ послужили автору широкимъ основаніемъ къ тому, чтобы повторить свою заветную идею. „Никто не сожалѣетъ о томъ, — писалъ гр. Валуевъ, — что теперь костры не пылаютъ, и палачи прямо не призываются къ служенію церкви; но въ нашъ вѣкъ всякаго рода анализовъ, въ томъ числѣ и анализа историческаго, не бесполезно вдумываться въ вопросъ: много ли пользы приносило то служеніе въ прежнія времена? Религіозныя настроеніе и движеніе массъ не могутъ быть насильственно возбуждаемы и направлены въ предопредѣленномъ смыслѣ. Гнетъ вообще вызываетъ не фанатизмъ содѣйствія, а фанатизмъ отпора. Между тѣмъ, въ выдѣляющемся изъ массъ и отдѣляющемся отъ нихъ меньшинствѣ, пользующемся бѣльшимъ досугомъ мышленія, насиліе и суровый догматизмъ возбуждаютъ колебанія и сомнѣнія... Не безъ основанія сказано однимъ изъ даровитыхъ нашихъ писателей: „если мы, вѣрующіе, перестанемъ быть мелочными догматиками, то мы этимъ отнимемъ самое сильное оружіе у мелочной критики“.

—РЪ.

ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ СЪЕЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Первая въ Россіи попытка организаціи общаго профессионально-техническаго съѣзда, на который записалось около 1¹/₂ тыс. членовъ, представляетъ серьезный общественный интересъ, независимо даже фактическаго его значенія въ цѣляхъ выясненія современной постановки и ближайшихъ задачъ профессиональнаго и технического образованія въ Россіи. Первое засѣданіе, 26-го декабря 1889 года, по первому отдѣленію, было посвящено слушанію и обсужденію докладовъ по рисованію и черченію: М. Н. Герсегонова, акад. Китнера и др. При этомъ, въ результатъ преній, были приняты слѣдующія резолюціи: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы рисованіе было обязательно введено во всѣ учебныя заведенія имперіи мужскія и женскія, до среднихъ включительно, при условіи выработки правильнаго метода его преподаванія, обезпеченія надлежащимъ образомъ подготовленнаго учительскаго персонала съ правами учебной службы; 2) поручить бюро съѣзда организовать специальную комиссію для выработки общаго плана преподаванія рисованія въ общеобразовательныхъ училищахъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ засѣданіи того же отдѣленія обсуждались доклады: проф. Андреевскаго— „объ обезпеченіи здоровья малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“, и д-ра Уверскаго— „о выборѣ мѣста для школъ“. Докладъ проф. Андреевскаго касался чрезвычайно важнаго, но, къ сожалѣнію, со времени изданія закона 1882 года, почти забытаго въ Россіи вопроса, причемъ выдвинута была на первый планъ необходимость, со стороны земствъ, городовъ и правительственныхъ учреждений, слѣдующихъ мѣропріятій: періодическій пересмотръ списка производствъ, вредныхъ для здоровья малолѣтнихъ; осмотръ принимаемыхъ рабочихъ женщинъ и дѣтей, въ огражденіе отъ заразныхъ болѣзней; устройство при фабрикахъ и заводахъ нормальныхъ столовыхъ; водвореніе въ промышленныхъ заведеніяхъ необходимыхъ, требуемыхъ гигиеной, условій чистоты и опрятности и т. д. По поводу этого доклада проф. И. И. Янжуль и помощникъ фабричнаго инспектора варшавскаго округа, г. Рыковский, сдѣлали нѣкоторые существенныя дополненія и разъясненія, которые постановлено напечатать въ трудахъ съѣзда съ болѣе подробнымъ развитіемъ высказанныхъ ими взглядовъ. Что касается вопроса о гигиеническихъ и техническихъ

условіяхъ выбора мѣста для фабричныхъ школъ, то собраніе выразило пожеланіе, чтобы онъ былъ основательно разработанъ на слѣдующемъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи.

Много интересныхъ докладовъ по школьной гигиенѣ было представлено также и въ послѣдующихъ засѣданіяхъ перваго отдѣленія. Такъ, проф. Лесгафтъ представилъ рефератъ: „о задачахъ физическаго образованія и объ отношеніяхъ его къ умственному“. Главную задачу образованія вообще онъ видитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, вступая въ жизнь, умѣлъ владѣть собой, сознательно относиться къ своимъ дѣйствіямъ и производить всякую работу съ наибольшимъ результатомъ при наименьшей тратѣ силъ. Методы умозрительныхъ наукъ, разьединеніе и сравненіе, по мнѣнію докладчика, вполне находятъ свое примѣненіе и въ области физическихъ навыковъ въ указанномъ выше направленіи. Работа школы надъ учащимися при этомъ должна имѣть мѣсто въ школѣ, *въ полной гармоніи съ умственнымъ образованіемъ*, начиная съ первыхъ ступеней его, какъ въ элементарной, такъ затѣмъ и въ средней школѣ, на почвѣ физическихъ упражненій цѣлесообразнаго характера, общественныхъ игръ и образовательныхъ прогулокъ. Между прочимъ, проф. Лесгафтъ, возражая одному изъ оппонентовъ, указалъ на факты крайней неподготовленности къ жизни, замѣчаемые въ современной молодежи тотчасъ по выходѣ изъ школы. Съ своей стороны, г. Коноплевъ, утверждая, что въ области современнаго общественнаго воспитанія уже есть факты осуществленія программы проф. Лесгафта, обратилъ вниманіе на необходимость именно школы взять на себя заботу о физическомъ развитіи, особенно въ городахъ, въ виду крайне неблагоприятныхъ въ данномъ случаѣ условій большинства семей, среди которыхъ подростаютъ грядущія поколѣнія.

Далѣе, по поводу реферата д-ра Зеленскаго—„о необходимости умственнаго развитія дѣтей въ техническихъ школахъ“—собраніе признало желательною дальнѣйшую разработку этого вопроса по отношенію къ техническимъ производствамъ, а также изысканіе способовъ достиженія указанной цѣли возможно меньшими денежными средствами и относительно малымъ временемъ.

Изъ остальныхъ вопросовъ программы занятій перваго отдѣленія особенное вниманіе возбудилъ докладъ А. Г. Небольсина—„о школьномъ обученіи рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“. Какъ извѣстно, на основаніи Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта 1-го іюня 1882 г. и 12-го іюня 1884 г. относительно работающихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ малолѣтнихъ (отъ 12 до 15 лѣтъ), владельцы названныхъ заведеній обязаны

„предоставлять возможность посѣщенія“ одноклассныхъ народныхъ или равныхъ имъ училищъ, не менѣе 3 часовъ ежедневно или 18 часовъ въ недѣлю, тѣмъ изъ числа рабочихъ, которые не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это выдѣленіе учебнаго времени распространяется и на тѣхъ малолѣтнихъ рабочихъ, которые, имѣя упомянутое свидѣтельство, пожелали бы посѣщать школы съ высшимъ, противъ однокласснаго училища, курсомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ предоставлено открывать при своихъ промышленныхъ заведеніяхъ школы для первоначальнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ, а попеченіе объ этихъ школахъ возложено на фабричную инспекцію, при содѣйствіи мѣстнаго учебнаго начальства.

Какъ видно изъ этого доклада, основные выводы котораго формулированы въ видѣ 18 тезисовъ, послѣдовательно обсуждавшихся на съѣздѣ, практика показала, что въ производствахъ, въ которыхъ число малолѣтнихъ особенно велико, процентъ грамотныхъ слишкомъ незначителенъ. Громадный процентъ изъ нихъ (около 97%) подлежитъ элементарному обученію, и слѣдовательно указанныя закономъ мѣропріятія недостаточны для обезпеченія умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей школьнаго возраста, занятыхъ фабричною работою. Такимъ образомъ, является необходимость установить *обязательность* посѣщенія школы малолѣтними рабочими, а также озаботиться о повсемѣстномъ устройствѣ для нихъ школъ. Для покрытія же расходовъ по содержанію новыхъ школъ докладчикъ предложилъ: 1) установить на фабрикантовъ налогъ на содержаніе школъ для малолѣтнихъ рабочихъ, по числу работающихъ у нихъ лицъ, независимо отъ того, имѣютъ ли они малолѣтнихъ, или нѣтъ, съ освобожденіемъ, однако, отъ такого налога фабрикантовъ, уже затрачивающихъ на школу достаточныя средства; 2) сдѣлать для малолѣтнихъ рабочихъ обязательнымъ посѣщеніе школы. По свѣдѣніямъ 1887 г., число рабочихъ простирается до 789½ тыс. человекъ, и пропорціонально этой цифрѣ, докладчикъ полагаетъ возможнымъ получить путемъ необременительнаго налога (до 1½ руб. съ рабочаго) вполне достаточныя средства для осуществленія намѣченной задачи.

Докладъ вызвалъ весьма оживленныя и интересныя пренія. По мнѣнію, напр., проф. Янжула, обязывать какое-либо учрежденіе—правительственное или земское—содержать школу, связанную съ такимъ непрочнымъ учрежденіемъ, каково всякое промышленное заведеніе, невозможно: это значило бы постоянно рисковать значительными непроезжими расходами. Избѣгнуть затрудненій, возникающихъ при допущеніи проектируемаго налога, проф. Янжулъ находилъ возможнымъ—лишь признаніемъ обученія малолѣтнихъ обя-

зательнымъ, не касаясь вопроса о средствахъ къ достиженію этой обязательности. Юридическаго основанія для такого сбора оппонентъ не видитъ и находитъ, что было бы гораздо практичнѣе ходатайствовать о поясненіи закона 1-го іюня 1882 года въ томъ смыслѣ, что фабриканты, держащіе малолѣтнихъ рабочихъ, должны озаботиться въ дѣйствительности о томъ, чтобы малолѣтніе посѣщали школу по крайней мѣрѣ 18 часовъ въ недѣлю, если при поступленіи на фабрику они не имѣютъ аттестата объ окончаніи курса народной школы: тогда увеличилась бы потребность, а вслѣдъ затѣмъ и число оканчивающихъ начальный курсъ. Всѣ остальные лица, принимавшія участіе въ преніяхъ (главн. фабричн. инспекторъ Я. Т. Михайловскій, г. Рыковский, экономисты—проф. Ходскій, Яроцкій и Тарасовъ) единогласно высказались въ пользу доводовъ референта, выступивъ противниками взглядамъ проф. Янжула. Въ результатѣ обсужденія даннаго вопроса собраніе постановило: 1) для обезпеченія образованія малолѣтнихъ рабочихъ необходимо установленіе повсемѣстнаго обязательнаго устройства при фабрикахъ и заводахъ и вообще въ фабричныхъ центрахъ школъ для этихъ дѣтей и обязательнаго посѣщенія ими школъ, причемъ средствомъ для осуществленія этой мѣры представляется соотвѣтственный налогъ на фабрикантовъ. Кромѣ того, принявъ такую резолюцію, собраніе признало необходимымъ ходатайствовать о доведеніи до свѣденія правительства какъ доклада А. Г. Небольсина, такъ и содержанія вызванныхъ имъ преній.

Помимо специально-техническихъ докладовъ, въ различныхъ засѣданіяхъ перваго отдѣленія было возбуждено нѣсколько интересныхъ вопросовъ по общему образованію, а именно: объ устройствѣ школьныхъ сберегательныхъ кассъ, въ виду воспитательно-практическаго значенія ихъ (г. Фесенко); о цѣли, программѣ и способѣ преподаванія естествознанія (г. Дубяга); о преподаваніи новыхъ иностранныхъ языковъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (г. Лангеманъ); о переходныхъ экзаменахъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (В. Ф. Фридрихсбергъ); два тезиса проф. М. Н. Герсегонова по вопросамъ высшаго техническаго образованія (изданіе учеными коллегіями печатныхъ руководствъ по всѣмъ специальнымъ курсамъ и сокращеніе числа часовъ чтенія лекцій въ цѣляхъ усиленія графическихъ работъ слушателей и демонстративныхъ объясненій по отдѣльнымъ вопросамъ курса). Относительно сберегательныхъ школьныхъ кассъ собраніе признало пользу введенія ихъ лишь въ тѣхъ училищахъ, гдѣ ученики получаютъ заработную плату. Весьма интересныя пренія возбуждилъ вопросъ о преподаваніи новыхъ иностранныхъ языковъ, въ концѣ концовъ рѣшенный въ слѣдующемъ смыслѣ: въ этой области педагогики желательна комбинація цѣлей практическихъ съ фор-

мальными и изученіемъ классическихъ писателей, а для достиженія успѣха преподаванія необходимо, чтобы преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ имѣли основательное образованіе и знали русскій языкъ теоретически и практически.

Система переходныхъ экзаменовъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, безповоротно осужденная еще при Н. И. Пироговѣ, не нашла себѣ ни одного защитника среди педагоговъ профессионально-техническаго съезда, признававшего необходимость перехода къ инымъ формамъ испытаній, въ смыслѣ контроля и повторенія курса, хотя выборъ такихъ формъ требуетъ спеціальной разработки. Мотивами такой резолюціи было слѣдующее: 1) обычные переходные экзамены сокращаютъ въ значительной степени, и притомъ мало производительно, учебное время; 2) они представляютъ собой неполный и недостаточно своевременный контроль надъ ходомъ учебнаго дѣла; 3) не содѣйствуютъ подъему ученическихъ знаній; 4) часто вызываютъ чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ учащихся, вредно отражающееся на ихъ здоровьѣ; 5) могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вести къ неблагоприятнымъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствіямъ.

По остальнымъ группамъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію перваго отдѣленія съезда, были представлены доклады: о преподаваніи коммерческихъ наукъ, товаровѣденія, бухгалтеріи, объ учрежденіи эмеритальныхъ кассъ для учителей техническихъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеній, о ремесленномъ ученичествѣ, о примѣненіи фотографіи въ промышленности и ремеслахъ, особенно въ женскихъ, и т. д. По вопросу о положеніи коммерческаго образованія въ Россіи (докладъ проф. Ходскаго) отдѣленіе признало необходимымъ: учрежденіе низшихъ коммерческихъ школъ, расширеніе числа среднихъ коммерческихъ училищъ и образованіе высшаго торговаго института примѣнительно къ потребностямъ русскаго торговаго дѣла, а также устройство вечернихъ и воскресныхъ классовъ для конторщиковъ и др. торговыхъ агентовъ. Кромѣ того, было рѣшено самый докладъ проф. Ходскаго, возбуждившій данный вопросъ, вмѣстѣ съ изложеніемъ всѣхъ преній, предложеній и ходатайствъ (какъ, напр., о скорѣйшемъ открытіи высшаго коммерческаго института въ г. Одессѣ, для котораго уже имѣются необходимыя суммы и одобренный мин. нар. просв. уставъ) препроводить чрезъ „русское техническое общество“ въ министерство народнаго просвѣщенія и финансовъ, а также въ вѣдомство учреждений императрицы Маріи.

Въ докладѣ проф. Исаева—„техническое образованіе, какъ мѣра содѣйствія кустарнаго промысла“—были подробно развиты слѣдующія общія положенія: основаніемъ всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ на поддержаніе и развитіе кустарныхъ промысловъ, служить си-

стема мѣръ экономическихъ (кредитъ, доступный для бѣднѣйшихъ кустарей, содѣйствіе артельному производству, облегченные способы къ приобрѣтенію добросовѣстныхъ матеріаловъ, расширеніе рынка для кустарныхъ издѣлій и т. п.); технико-образовательныя мѣры на пользу кустарей должны быть сведены въ цѣльную систему, способную отвѣчать на всѣ запросы, которые предъявляютъ кустарные промыслы въ техническомъ отношеніи (введеніе въ сельскія школы, учительскія семинаріи и институты различныхъ видовъ труда, приносившаго къ промысламъ, которые преобладаютъ въ данной мѣстности, основаніе ремесленныхъ училищъ въ крупныхъ центрахъ кустарно-промышленныхъ районовъ, устройство музеевъ, изданіе общедоступныхъ руководствъ по технике промысловъ и т. п.).

Докладъ проф. Тарасова вызвалъ продолжительныя пренія, причемъ проф. Янжулъ, Н. А. Каблуковъ, проф. Тарасовъ и др. сдѣлали весьма важныя разъясненія по поводу тезисовъ референта. Проф. Янжулъ, напр., возбудивъ общее вниманіе всего собранія, разъяснилъ нѣкоторыя „обратныя стороны медали“, каковы, напр., сильнѣйшая эксплуатація дѣтскаго труда въ кустарныхъ промыслахъ, мѣньшая жизненность ихъ сравнительно съ фабричнымъ производствомъ и т. п. По его мнѣнію, кустарные промыслы могутъ быть подраздѣлены на достойныя и недостойныя поддержки — правительственной и общественной. Проф. Тарасовъ предложилъ тезисы докладчика дополнить еще однимъ: подчинить скупничество издѣлій кустарей надзору и контролю правительства, въ лицѣ, напр., фабричной инспекціи. Въ концѣ концовъ, собраніе приняло разработанную проф. Исаевымъ систему содѣйствія кустарнымъ промысламъ, дополнивъ ее, по предложенію проф. Янжула, слѣдующимъ: устройство дешевыхъ двигателей и организація отдачи на прокатъ двигательныхъ силъ. Кромѣ того, рѣшено ходатайствовать предъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, на которое съ 1888 г. возложено завѣдываніе кустарными промыслами, чтобы оно означенную систему приняло въ качествѣ программы въ дѣлѣ улучшенія и распространенія кустарныхъ промысловъ.

Заканчивая обзоръ дѣятельностью перваго отдѣленія съѣзда, слѣдуетъ упомянуть о чрезвычайно важномъ ходатайствѣ предъ правительствомъ, чрезъ русское техническое общество, по вопросу о ремесленномъ ученичествѣ и объ *урегулированіи взаимныхъ отношеній мастеровъ къ своимъ ученикамъ*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе выразило желаніе, чтобы въ непродолжительномъ времени былъ созванъ съѣздъ дѣятелей на поприщѣ надзора за малолѣтними рабочими и учениками.

Вопросы и доклады по другимъ отдѣленіямъ профессионально-техническаго съѣзда, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ спеціальныя характеръ.

Общее собраніе всѣхъ отдѣленій, вечеромъ 30-го декабря, было посвящено обсужденію доклада А. Г. Небольсина: „объ устройствѣ періодическихъ выставокъ и съѣздовъ по техническому и профессиональному образованію“. Въ результатѣ преній по тезисамъ доклада состоялись слѣдующія постановленія: 1) необходимо устройство періодическихъ съѣздовъ по техническому и профессиональному образованію съ выставками; 2) установленіе не болѣе какъ 5-ти-лѣтняго срока для этихъ съѣздовъ и выставокъ; 3) назначеніе Москвы мѣстомъ слѣдующаго съѣзда *черезъ три года*, согласно мотивамъ, указаннымъ въ докладѣ г. Небольсина; 4) въ промежуткахъ между очередными съѣздами — *устройство мѣстныхъ съѣздовъ* по различнымъ цѣлямъ технического образованія (въ числѣ этихъ съѣздовъ желательно возстановленіе съѣздовъ общепедагогическаго характера); 5) устройство центрального бюро въ постоянной комиссіи по техническому образованію при русскомъ техническомъ обществѣ; 6) установленіе при томъ же бюро особаго періодическаго изданія, какъ органа технического и профессиональнаго образованія.

Заканчивая обзоръ дѣятельности перваго профессионально-техническаго съѣзда въ Россіи, мы должны обратить еще разъ особенное вниманіе на общественное, общегосударственное и практическое значеніе его въ дѣлѣ дальнѣйшаго преуспѣянія отечественной промышленности, нужды которой только на подобнаго рода съѣздахъ могутъ быть поставлены вполне отчетливо и объективно, безъ обычныхъ, лишь въ силу вѣковой привычки принимаемыхъ всѣми на вѣру, жалобъ и стонотъ предпринимателей, по поводу нашей промышленной слабости и коммерческой зашудалости. Матеріаломъ для обобщенія результатовъ занятій минувшаго съѣзда и для выясненія очередныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на будущихъ международныхъ и русскихъ профессионально-техническихъ съѣздахъ, кромѣ множества книгъ и брошюръ, изданныхъ русскимъ техническимъ обществомъ, могутъ служить въ данномъ случаѣ упомянутый выше докладъ А. Г. Небольсина, а равно заключительная рѣчь секретаря съѣзда, В. И. Срезневскаго, произнесенная въ торжественномъ общемъ собраніи и заключающая сжатый обзоръ дѣятельности съѣзда и характеристику его значенія.

Вопросъ о техническомъ и профессиональномъ образованіи, кромѣ высшаго, которое издавна пользовалось особымъ попеченіемъ правительства, какъ видно изъ доклада г. Небольсина, возникъ у насъ сравнительно недавно. Вскорѣ послѣ уничтоженія крѣпостного права явилась забота о народномъ образованіи, которое до того времени находилось въ полномъ пренебреженіи, — а безъ общаго начальнаго образованія не могло быть, конечно, и рѣчи о техническомъ и про-

фессіональномъ образованіи. Это послѣднее развилось лишь съ теченіемъ времени, но для дальнѣйшаго его преуспѣянія необходимо, чтобы „*русское общество* считало это дѣло близкимъ себѣ, призваннымъ служить его интересамъ, удовлетворять его потребностямъ“. Съѣзды и выставки могутъ служить, лучшимъ средствомъ поддержанія, такъ сказать, бдительности общества въ данномъ вопросѣ и возбужденія въ немъ живого интереса къ этому дѣлу, столь важному для развитія производительныхъ силъ нашего отечества, а потому устройство ихъ впредь, чрезъ извѣстные періоды (чрезъ пять лѣтъ) было бы крайне желательно.

Преждевременно было бы теперь подводить итоги минувшаго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. „Какова бы ни была эта оцѣнка,—замѣтилъ В. И. Срезневскій въ своей заключительной рѣчи,—она не будетъ вѣрна, или по ея спѣшности, или подъ вліяніемъ личнаго отношенія, когда для отдѣльныхъ лицъ не выяснилась совокупность работъ всѣхъ пяти отдѣленій съѣзда и его подготовительныхъ работъ“. Одно лишь не подлежитъ сомнѣнію, что десять дней съѣзда прошли въ дружной, совмѣстной работѣ—и прошли не даромъ.

А. П.—въ

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1890.

Соціально-политическіе проекты Вильгельма II.—Рескрипты 4-го февраля и отношеніе къ нимъ князя Бисмарка.—Парламентскіе выборы въ Германіи.—Газетныя толки по поводу предпріятій и рѣшеній германскаго императора.—Французскія дѣла.—Смерть графа Андраши и восточный вопросъ. — Взглядъ „патріота“ на современное положеніе русскаго народа.

Интересныя и поучительныя явленія происходятъ на нашихъ глазахъ въ Германіи. Изъ непосредственныхъ основателей новой нѣмецкой имперіи остается еще на своемъ мѣстѣ одинъ только князь Бисмаркъ; остальные изъ „стаи славной“ постепенно сошли со сцены и уступили мѣсто другимъ дѣятелямъ. Со времени объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи выросло цѣлое поколѣніе, которое начинаетъ предъявлять свои собственныя требованія и выдвигать новыя задачи въ области политической жизни; старыя программы и способы дѣйствія утратили значеніе, прежнія группировки партій не соотвѣтствуютъ уже измѣнившимся обстоятельствамъ, и внутренняя политика имперіи все болѣе отклоняется отъ путей, намѣченныхъ княземъ Бисмаркомъ и его ближайшими сотрудниками. Такъ какъ къ новому поколѣнію принадлежитъ самъ императоръ, то указанныя перемѣны совершаются быстро и легко, и вся политическая жизнь Германіи направляется какъ будто въ новое русло.

Въ началѣ февраля, незадолго до парламентскихъ выборовъ, неожиданно обнародованы были рескрипты Вильгельма II-го по вопросу объ улучшеніи быта нѣмецкихъ рабочихъ. Еще раньше имперскій канцлеръ сложилъ съ себя званіе прусскаго министра торговли, и на этотъ постъ назначенъ былъ оберъ-президентъ рейнской провинціи, фонъ-Верлепшъ, обратившій на себя вниманіе общества своею разумною и справедливою дѣятельностью во время послѣднихъ рабочихъ стачекъ, когда онъ занималъ еще второстепенную правительственную должность въ Дюссельдорфѣ. Въ послѣдніе годы князь Бисмаркъ въ сущности только номинально былъ министромъ торговли и промышленности, какъ и прусскимъ министромъ-президентомъ; онъ не могъ уже слѣдить за дѣйствительнымъ ходомъ дѣлъ въ этихъ специальныхъ вѣдомствахъ и ограничивался лишь сдерживающимъ, контролирующимъ вліяніемъ, которое отзывалось застоємъ въ сферѣ экономической политики. Формальное оставленіе княземъ Бисмаркомъ

должностей, которыхъ онъ давно не исполнялъ фактически, не нуждается вовсе въ какихъ-нибудь замысловатыхъ комментаріяхъ; достаточно вспомнить, что канцлеръ находится уже въ такомъ преклонномъ возрастѣ, когда дальнѣйшее напряженіе физическихъ и умственныхъ силъ становится почти невозможнымъ. Газеты, пускающіяся въ различныя догадки по поводу причинъ и мотивовъ отставки князя Бисмарка, какъ прусскаго министра торговли, забываютъ ту простую истину, что и великіе люди подчинены законамъ человѣческой природы: въ 75 лѣтъ даже геніальный дѣятель можетъ чувствовать потребность въ сокращеніи разнородныхъ занятій, совмѣщеніе которыхъ въ былое время давалось ему сравнительно легко. Обычныя ссылки на старость и болѣзнь не принимаются въ расчетъ, когда дѣло идетъ о государственныхъ людяхъ; проникательныя газеты не довольствуются такими простыми объясненіями,—онѣ готовы будутъ, пожалуй, отыскивать тонкія политическія причины даже въ фактѣ естественнаго удаленія князя Бисмарка съ политической сцены.

Нѣтъ никакого повода предполагать, что назначеніе новаго министра торговли и промышленности было послѣдствіемъ возникшихъ принципиальныхъ разногласій между канцлеромъ и императоромъ; самое содержаніе рескриптовъ Вильгельма II-го нисколько не свидѣтельствуешь о существованіи подобнаго разлада. Еще въ 1878 году, одинъ изъ сотрудниковъ канцлера, тайный совѣтникъ Вагенеръ, напечаталъ брошюру, въ которой проводилась мысль, что „прусская монархія будущаго должна быть социалистическою монархіею, или она перестанетъ существовать“. Забота о поднятіи „меньшаго брата“, рабочаго сословія, составляла предметъ многихъ парламентскихъ рѣчей и проектовъ самого князя Бисмарка. Въ тронной рѣчи 17-го ноября 1881 года были впервые высказаны съ особенною ясностью тѣ социальна-политическіе принципы, которые усвоены теперь Вильгельмомъ II-мъ. Въ этомъ посланіи къ парламенту престарѣлый императоръ указывалъ на необходимость положительныхъ мѣръ для улучшенія быта рабочихъ, въ интересахъ прочнаго внутренняго умиротворенія; для этого нужно „тѣсно примкнуть къ реальнымъ силамъ народной жизни и способствовать сплоченію ихъ въ корпоративные союзы подъ охраною и при поддержкѣ государства“. Законы о страхованіи рабочихъ, выработанные еще при Вильгельмѣ I-мъ, отчасти ввели въ жизнь это плодотворное начало корпоративной организаціи рабочихъ, причемъ послѣднимъ предоставлено право голоса и участія въ обсужденіи общихъ дѣлъ, черезъ уполномоченныхъ, наравнѣ съ хозяевами. Ничего другого не говорится и въ новѣйшихъ рескриптахъ Вильгельма II-го, отъ 4-го февраля (нов. ст.); въ нихъ только болѣе энергически выражена рѣшимость довести социальную

реформу до успѣшнаго результата. Ново только то, что вопросъ поставленъ на почву международныхъ переговоровъ и соглашеній, въ видахъ достиженія единства законодательства, относительно извѣстныхъ пунктовъ соціальной программы, въ главныхъ промышленныхъ государствахъ западной Европы. Ново также прямое, откровенное указаніе на „потребности и желанія рабочаго класса, выразившіяся въ стачкахъ послѣднихъ лѣтъ“; чувствуется что-то новое и свѣжее въ этомъ простомъ человѣческомъ отношеніи высшей государственной власти къ трудящимся народнымъ массамъ. Нельзя отрицать, что для князя Бисмарка рабочій вопросъ составлялъ все-таки только предметъ политическихъ комбинацій; главною цѣлью его было приврѣпленіе рабочаго класса къ правительству посредствомъ страховыхъ и иныхъ учреждений, сосредоточенныхъ въ рукахъ администраціи. Этихъ „заднихъ мыслей“ не видно въ дѣйствіяхъ Вильгельма II-го; въ нихъ не замѣчается той своеобразной дипломатіи, которая лежала въ основѣ всей вообще внутренней политики канцлера.

Въ рескриптѣ на имя имперскаго канцлера, отъ 4-го фѣвраля, говорится слѣдующее: „Я рѣшился содѣйствовать улучшенію состоянія нѣмецкихъ рабочихъ, насколько позволятъ условія, предписываемыя положеніемъ нѣмецкой промышленности на всемірномъ рынкѣ и необходимостью сохранить ея способность къ конкуренціи для пользы самихъ рабочихъ. Упадокъ внутренняго производства вслѣдствіе потери или сокращенія заграничнаго сбыта лишилъ бы средствъ къ существованію не только предпринимателей, но и ихъ рабочихъ. Препятствія въ дѣлѣ улучшенія быта нашихъ рабочихъ, зависящія отъ международной конкуренціи, могутъ быть если не преодолены, то ослаблены международнымъ соглашеніемъ государствъ, участвующихъ въ господствѣ надъ всемірнымъ рынкомъ. Въ убѣжденіи, что и другія государства одушевлены желаніемъ подвергнуть совмѣстному разсмотрѣнію тѣ требованія, о которыхъ работники этихъ странъ уже ведутъ между собою международныя совѣщанія, я желаю, чтобы прежде всего во Франціи, въ Англіи, Италіи и Швейцаріи спрошено было моими тамошними представителями, склонны ли правительства вступить съ нами въ переговоры относительно возможности пойти на встрѣчу тѣмъ потребностямъ и желаніямъ рабочихъ, которыя выразились въ стачкахъ послѣднихъ лѣтъ или другими способами. Какъ только получится согласіе на мое начинаніе въ принципѣ, я поручаю вамъ (канцлеру) пригласить кабинеты всѣхъ правительствъ, принимающихъ одинаковое участіе въ рабочемъ вопросѣ, на конференцію, для обсужденія подлежащихъ вопросовъ“.

Мы привели цѣликомъ текстъ рескрипта, въ виду его несомнѣн-

ной важности. Императоръ Германіи ссылается на международные сѣзды рабочихъ, какъ на полезный прецедентъ для правительствъ; онъ не считаетъ такое указаніе обиднымъ для авторитета власти. Такъ какъ рескриптъ адресованъ на имя канцлера, которому поручается принять соотвѣтственные дипломатическія мѣры, то само собою падаетъ предположеніе о томъ, что этотъ шагъ сдѣланъ Вильгельмомъ II безъ согласія и одобренія князя Бисмарка. Очевидно также, что при обнародованіи рескрипта не имѣлось еще никакихъ данныхъ о намѣреніяхъ и взглядахъ чужихъ кабинетовъ, и что публичное заявленіе рѣшимости германскаго императора должно было служить какъ бы предисловіемъ къ дипломатическимъ запросамъ и переговорамъ по рабочему вопросу. Правительство желало прежде всего привлечь на свою сторону общественное мнѣніе заинтересованныхъ государствъ, и эта цѣль достигается только широкою гласностью. Если народныя симпатіи въ Европѣ выскажутся въ пользу предпринятаго дѣла, то послѣднее не будетъ отклонено и кабинетами: такое предположеніе не могло считаться особенно рискованнымъ, и оно какъ нельзя лучше оправдалось въ настоящемъ случаѣ. Проектъ, столь торжественно возвыщенный Германією, не могъ остаться безъ положительныхъ послѣдствій; онъ имѣлъ всѣ шансы быть принятымъ державами „въ принципѣ“, уже въ силу руководящаго международнаго положенія германской имперіи. Въ рескриптѣ упомянуты только четыре государства, съ которыми предполагалось вступить въ предварительные переговоры; пропущены Австро-Венгрія и Италія, какъ союзницы, участіе которыхъ въ конференціи признавалось, вѣроятно, заранѣе обезпеченнымъ. Понятно, что Россія, промышленность которой существуетъ лишь для внутренняго потребленія, а не для вышшняго сбыта, не могла быть причислена къ державамъ, заинтересованнымъ въ международномъ обсужденіи рабочаго вопроса. До сихъ поръ, когда дѣло шло о какой-либо существенной реформѣ на пользу рабочихъ, на примѣръ объ установленіи нормальнаго рабочаго дня, объ ограниченіи ночной работы для женщинъ и дѣтей, и т. п., наиболѣе сильнымъ доводомъ противъ реформаторскихъ проектовъ являлось указаніе на иностранную конкуренцію. Если одна страна ограничитъ у себя примѣненіе дешеваго женскаго и дѣтскаго труда или сократитъ число рабочихъ часовъ на фабрикахъ, а въ другихъ странахъ эксплуатація рабочихъ будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ, то, очевидно, первая не въ состояніи будетъ успѣшно соперничать съ послѣдними на всемірномъ рынкѣ. Гдѣ рабочія силы лучше и полнѣе охраняются законодательствомъ, тамъ фабричное производство будетъ обходиться дороже, а гдѣ промышленность мало стѣснена въ пользованіи рабочимъ трудомъ, тамъ хозяева окажутся въ

болѣе благоприятныхъ условійхъ для успѣшнаго сбыта своихъ произведеній за границу. Усиленная международная конкуренція была главною преградою въ дѣлѣ законодательной охраны рабочихъ въ отдѣльныхъ государствахъ; мысль объ устраненіи этой преграды посредствомъ международного соглашенія возникла уже давно и обсуждалась неоднократно въ экономической литературѣ. Первый officialный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ не Германіею, а Швейцаріею, которая въ мартѣ прошлаго года обратилась къ державамъ съ приглашеніемъ на конференцію по рабочему вопросу, долженствовавшую собраться въ сентябрѣ того же года въ Бернѣ. Швейцарское правительство позднѣе отложило созваніе конференціи, вслѣдствіе неприятнаго столкновенія по дѣлу Вольгемута. Въ концѣ января настоящаго года союзный совѣтъ увѣдомилъ кабинеты, что конференція созывается на 5 мая (нов. ст.) и что программа занятій уже выработана. Однако это увѣдомленіе получено было въ Берлинѣ уже послѣ обнародованія рескриптовъ, и Швейцарія охотно уступила Германіи честь осуществленія своего проекта. Швейцарская программа касалась слѣдующихъ пунктовъ: запрещенія воскресной работы; ограниченія возраста дѣтей, допускаемыхъ на фабрики и заводы; установленія максимальнаго рабочаго дня для юныхъ работниковъ; запрещенія принимать дѣтей и женщинъ въ промыслы особенно вредные для здоровья или сопряженные съ опасностью, и наконецъ ограниченія ночной работы для женщинъ и дѣтей. Такимъ образомъ одинъ только пунктъ касается взрослыхъ работниковъ, — о воскресномъ отдыхѣ; по всей вѣроятности, и въ германскомъ проектѣ будутъ обойдены задачи, выходящія за предѣлы чисто-филантропической заботливости о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, ибо только на почвѣ простого человеколюбія можетъ быть достигнуто международное соглашеніе по рабочему вопросу, при современныхъ обстоятельствахъ. Этимъ опредѣляется степень важности тѣхъ практическихъ результатовъ, къ которымъ можетъ привести будущая берлинская конференція.

Дѣйствительныя мѣры для улучшенія быта всего рабочаго класса могутъ быть только предметомъ внутренняго законодательства каждой страны; программа такихъ мѣропріятій или, вѣрнѣе, вопросовъ намѣчена въ общихъ чертахъ въ другомъ рескриптѣ Вильгельма II, отъ того же 4-го февраля, на имя прусскихъ министровъ торговли и публичныхъ работъ. Здѣсь говорить уже не императоръ Германіи, а король Пруссіи, и не о задачахъ имперскихъ или международныхъ, а о предметахъ спеціальнаго прусскаго законодательства. Въ этой области можно было высказаться яснѣе и полнѣе, не стѣсняясь соображеніями внѣшней политики. Упомянувъ о томъ, что сдѣланъ

ное до сихъ поръ на пользу рабочаго класса не исчерпываютъ собою задачи правительства, Вильгельмъ II продолжаетъ: „Рядомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ системы страхованія рабочихъ должны быть подвергнуты пересмотру существующіе законы о положеніи фабричныхъ работниковъ, чтобы удовлетворить заявлявшіяся требованія и жалобы, насколько онѣ основательны. Этотъ пересмотръ долженъ исходить изъ того, что государственная власть обязана такъ регулировать время, продолжительность и родъ работы, чтобы не нарушались интересы здоровья, предписанія нравственности, хозяйственныя потребности рабочихъ и условія законной ихъ равноправности. Для поддержанія мира и согласія между работодателями и работниками нужно имѣть въ виду установленіе законныхъ правилъ о тѣхъ формахъ, въ какихъ работникамъ предоставлено было бы, черезъ довѣренныхъ представителей, участвовать въ регулированіи общихъ дѣлъ и охранять свои интересы въ сношеніяхъ съ работодателями и съ органами правительства. Такой порядокъ вещей долженъ облегчить рабочимъ свободное и мирное выраженіе ихъ желаній и неудовольствій и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить государственнымъ властямъ возможность непрерывно слѣдить за положеніемъ рабочихъ и поддерживать съ ними надлежащія связи (Fühlung). Государственные рудники и заводы должны быть поставлены на степень образцовыхъ учрежденій относительно вниманія къ интересамъ рабочихъ, а для частныхъ промысловъ желательно возстановленіе надзора правительственныхъ горныхъ чиновниковъ, на подобіе фабричной инспекціи“. Въ концѣ рескрипта упоминается о данномъ канцлеру порученіи подготовить созваніе конференціи съ цѣлью „международнаго равномѣрнаго установленія границъ для тѣхъ требованій, которыя могутъ быть предъявляемы по отношенію къ труду рабочихъ“. Предварительное обсужденіе вопросовъ соціальной реформы возложено на прусскій государственный совѣтъ, при участіи особо назначенныхъ экспертовъ изъ среды наиболѣе опытныхъ крупныхъ промышленниковъ и представителей рабочаго класса. Занятія государственнаго совѣта открылись 14-го февраля замѣчательною рѣчью Вильгельма II, въ которой указано на великую отвѣтственность и важность задачи, заключающейся въ „охранѣ работниковъ отъ произвольной и неограниченной эксплуатаціи рабочихъ силъ“. Государственному совѣту предстоитъ разработать и обсудить матеріалъ для „законопроектовъ, имѣющихъ быть внесенными въ парламентскія учрежденія, которымъ принадлежитъ по конституціи окончательное рѣшеніе въ подобныхъ случаяхъ“. Дѣло идетъ объ „удовлетвореніи справедливыхъ интересовъ трудящагося народа“, по выраженію императора. Послѣдній лично предсѣдательствуетъ въ государственномъ совѣтѣ, при содѣй-

ствіи князя Бисмарка. Напомнимъ, что прусскій государственный совѣтъ есть совѣщательное собраніе, существовавшее только номинально до возстановленія его въ послѣдніе годы Вильгельма I, когда председателемъ назначенъ былъ кронпринцъ Фридрихъ. Дѣло реформы начато твердою и смѣлою рукою, и этотъ починъ государственной власти придалъ особенный интересъ предстоявшимъ парламентскимъ выборамъ.

Выборы 20 (8) февраля нанесли сильный и, по всей вѣроятности окончательный ударъ многолѣтней внутренней дипломатіи князя Бисмарка, опиравшейся на искусственную группировку партій и поочередно привлекавшей и отталкивавшей различные элементы парламентскаго большинства. Наиболѣе независимая и стойкая группа, предводимая Виндгорстомъ, оказалась самою многочисленною по числу избранныхъ членовъ; шатающіеся національ-либералы очутились въ ничтожномъ меньшинствѣ, а силы социаль-демократовъ выросли почти вдвое и стали наравнѣ съ прогрессистами въ парламентѣ. Изъ общаго числа 397 членовъ имперскаго сейма выбрано было окончательно 250 депутатовъ,—въ томъ числѣ 91 партіи центра, 66 правительственныхъ консерваторовъ, 21 свободомыслящій, 20 социалистовъ, 17 національ-либераловъ и 14 поляковъ. Въ остальныхъ 146 округахъ должны были состояться перебаллотировки. Въ Берлинѣ выбраны были сразу только два социалиста—Либнехтъ и Зингеръ; прогрессисты, имѣющіе свой главный оплотъ въ столицѣ, не могли провести ни одного изъ своихъ кандидатовъ, въ виду успѣшнаго соперничества социалистовъ; даже знаменитый Вирховъ отсталъ отъ своего социалистическаго конкурента, нѣкоего ремесленника Янишевскаго, пострадавшаго отъ закона о социалистахъ и служившаго для избирателей живымъ протестомъ противъ несправедливыхъ исключительныхъ мѣръ. Разрушеніе прежняго „картельного“ большинства (изъ консерваторовъ и національ-либераловъ) и чрезвычайное усиленіе социально-демократической партіи—таковы два главные факта, выдвинутые послѣдними выборами. Возрастаніе численности депутатовъ-социалистовъ составляетъ краснорѣчивый отвѣтъ избирателей на недавній правительственный проектъ о превращеніи временнаго исключительнаго закона въ постоянный,—проектъ, провалившійся въ имперскомъ сеймѣ только изъ-за одного пункта, отъ котораго не желало отказаться правительство. Теперь едва-ли возможно думать о принятіи закона противъ социалистовъ новымъ имперскимъ сеймомъ, хотя бы правительство уже вполнѣ соглашалось на тѣ измѣненія, которыхъ требовали національ-либералы. Вмѣсто специальныхъ полицейскихъ мѣръ противъ рабочей демократіи предпринимается рядъ государственныхъ мѣръ въ пользу рабочаго класса. Нѣкоторыя

газеты выражали догадку, что обнародованіе рескриптовъ 4-го февраля имѣло, между прочимъ, цѣлью повліять на выборы въ желательномъ для правительства смыслѣ. Такое предположеніе могло бы считаться вѣрнымъ, еслибы избиратели призваны были высказывать свои мнѣнія о личныхъ актахъ и намѣреніяхъ Вильгельма II. Но рескрипты, не подписанные ни однимъ изъ министровъ, должны были, напротивъ, еще сильнѣе отгнѣнить непопулярность односторонней и узкой политики Беттихера и Герфурта. Изъ того, что императоръ высказался рѣшительно въ пользу „трудящагося народа“ и приобрѣлъ этимъ особенныя симпатіи низшихъ классовъ, нельзя было извлечь никакого благопріятнаго заключенія для министровъ-бюрократовъ, доказывавшихъ еще недавно въ имперскомъ сеймѣ, что стачки рабочихъ происходятъ вслѣдствіе нежеланія трудиться, и что социальныя демократы суть представители именно этой неудачной части рабочаго населенія. Народъ могъ съ полнымъ сочувствіемъ отнестись къ рескриптамъ императора, но не имѣлъ ни малѣйшаго основанія перенести это сочувствіе на министерство, отстаивавшее исключительные законы. Оффиціозная печать вовсе даже не пыталась воспользоваться рескриптами для своихъ цѣлей и не давала никакого правительственнаго лозунга для выборовъ, вопреки своему всегдашнему обыновенію. Выборы происходили на этотъ разъ свободно, безъ всякаго давленія, и тѣмъ болѣе поучителенъ ихъ результатъ для представителей старой политической системы. Участіе князя Бисмарка въ дѣлѣ выборовъ заключалось только въ томъ, что онъ, наравнѣ съ простыми смертными, подалъ самъ свой голосъ въ первомъ избирательномъ округѣ Берлина; онъ явился для этого куда слѣдуетъ, положилъ въ урну листокъ съ именемъ консервативнаго кандидата и при прощаніи замѣтилъ предсѣдателю бюро, что ему (канцлеру) вѣроятно уже не придется больше участвовать въ выборахъ, такъ какъ въ его возрастѣ нельзя надѣяться прожить еще цѣлыхъ пять лѣтъ. Между прочимъ, передъ входомъ въ избирательное бюро, агентъ свободомыслящей партіи пытался вручить князю Бисмарку листокъ съ именемъ оппозиціоннаго кандидата, и эта попытка, какъ серьезно сообщается въ отчетѣ „Berliner Tageblatt“, „не имѣла успѣха“.

Предпріятія и рѣшенія молодого германскаго императора возбуждаютъ, конечно, общее вниманіе въ Европѣ. Какъ бы скептически ни смотрѣли на дѣло социальной реформы, взятое въ руки высшимъ представителемъ прусскаго милитаризма, оно во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о широкоемъ пониманіи задачъ государства и о твердомъ, искреннемъ рѣшеніи исполнить долгъ правителя относительно народныхъ массъ. Проекты Вильгельма II достойны общаго сочувствія не только потому, что въ основѣ ихъ лежатъ прекрасныя намѣренія,

но еще особенно потому, что они касаются вопросов внутреннего мирного развитія имперіи, а не интересовъ внѣшняго честолюбія и военно-политической предприимчивости, чего такъ опасались при вступленіи его на престолъ. Въ самой Германіи мнѣнія, очевидно, раздѣлились: консерваторы и національ-либералы предостерегаютъ отъ увлеченій и дѣлаютъ различныя оговорки по поводу смѣлаго почина императора; прогрессисты съ торжествомъ напоминаютъ, что существенные пункты рескриптовъ были раньше указаны въ избирательномъ воззваніи свободомыслящей партіи, напечатанномъ въ газетахъ 1-го февраля, и что вообще идея объ охранѣ рабочихъ путемъ законодательства всегда входила въ программу передового либерализма; социаль-демократы въ свою очередь торжествуютъ побѣду, такъ какъ только благодаря громадному усиленію ихъ партіи въ народѣ интересы рабочаго класса могли сдѣлаться предметомъ дѣйствительной и энергической заботливости государственной власти. Правда, до сихъ поръ еще находятся люди, считающіе какъ бы неприличнымъ для государства хлопотать о благосостояніи миллионновъ трудящагося населенія; эти люди полагаютъ, что только забота объ интересахъ небольшого привилегированнаго класса можетъ признаваться достойной истинно-просвѣщеннаго и разумнаго правительства. Многие думаютъ, что власть имѣетъ одну только обязанность относительно рабочаго народа — держать его въ повиновеніи, взыскивать подати и умирять недовольныхъ полицейскими способами. Для многихъ кажется страннымъ, что государственная власть рѣшается выслушивать желанія простыхъ работниковъ, принимать въ расчетъ ихъ интересы и потребности, допускать представителей ихъ даже къ участію въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, въ качествѣ экспертовъ. Къ занятіямъ прусскаго государственнаго совѣта по рабочему вопросу привлечены въ числѣ свидущихъ людей, какъ извѣстно изъ газетъ, „столярный мастеръ, начальникъ слесарныхъ работъ, слесарь и полировщикъ“. Сообщая объ этомъ фактѣ, одна изъ нашихъ газетъ замѣчаетъ: „германскій императоръ, повидимому, намѣревается превратить высшее государственное имперское (sic) учрежденіе въ своего рода социалистическій клубъ, ему послушный и покорный. Вопросъ только, станетъ ли этотъ своеобразный клубъ дѣйствительно требуемымъ государственнымъ совѣтомъ, или же государственный совѣтъ преобразуется въ социалистическій клубъ? Повторяемъ, — съ огнемъ шутить опасно“. Такимъ образомъ, по взгляду этой газеты интересоваться мнѣніемъ столярнаго мастера или слесаря о предметахъ, непосредственно ихъ касающихся, — значитъ заниматься социализмомъ; видѣть въ работниковъ челоѣка и приравнивать его къ полноправнымъ гражданамъ — значитъ „шутить съ

огнемъ". Людей съ такими понятіями очень мало въ современной Германіи; впрочемъ, и та газета издается не для нѣмцевъ.

Во Франціи произошло сильное оживленіе въ лагерѣ монархистовъ: на сцену Буланже появился новый герой, воплощъ юный, сразу завладѣвшій общественнымъ вниманіемъ и оттѣснившій собою на задній планъ всѣхъ другихъ искателей популярности. Самое неожиданное въ этомъ событіи—то, что этотъ любимецъ толпы, предметъ всеобщихъ газетныхъ толковъ, принадлежитъ къ династии, наименѣе популярной въ странѣ и имѣющей наименѣе шансовъ привлечь къ себѣ народныя сочувствія. Монархисты какъ будто изумлены своимъ внезапнымъ и ничего не стоившимъ успѣхомъ; они не привыкли, чтобы ихъ благоразумные принцы выступали на сцену въ качествѣ героевъ. Газеты наполнены извѣстіями и разсужденіями о молодомъ герцогѣ Орлеанскомъ, старшемъ сынѣ графа Парижскаго. Что совершилъ онъ для того, чтобы обратить на себя общее вниманіе и завоевать тѣ симпатіи, которыя упорно не давались ни его отцу, ни всей его фамилии? Онъ просто выказалъ нѣкоторую патріотическую смѣлость—явился въ Парижъ по достиженіи совершеннолѣтія для отбыванія воинской повинности, вопреки закону, запрещающему пребываніе во Франціи главамъ царствовавшихъ надъ нею семействъ и ихъ наслѣдникамъ. За нарушеніе закона герцогъ былъ арестованъ, преданъ суду и приговоренъ къ минимуму положеннаго закономъ наказанія—къ заключенію въ крѣпость на два года; но всякій понималъ, что формальныя предписанія закона не будутъ примѣнены на этотъ разъ во всей строгости, и что президентъ республики воспользуется своимъ правомъ помилованія для высылки принца за границу. Такъ и случилось бы, безъ сомнѣнія, еслибы монархисты не устроили политическихъ демонстрацій, придавшихъ всему дѣлу совершенно другой характеръ. Въ сущности поступокъ принца не имѣлъ въ себѣ ничего противозаконнаго или предосудительнаго; мотивы, побудившіе его требовать примѣненія къ нему принципа всеобщей воинской повинности, вытекали изъ обязанностей его, какъ француза, и не имѣли ничего общаго съ цѣлями политической агитаціи, противъ которыхъ направленъ спеціальныи законъ. Съ одной стороны, военный уставъ признаетъ военную службу обязательною для каждаго француза, по достиженіи извѣстнаго возраста; а съ другой—отдѣльныя лица, будучи французами по происхожденію и національности, не имѣютъ права пребывать на французской территоріи и служить въ арміи и флотѣ. Этотъ конфликтъ между безусловною общею обязанностью и неимѣніемъ права исполнить ее могъ ка-

заться неразрѣшимымъ молодому принцу, и послѣдній предпочелъ нарушить одинъ законъ, чтобы исполнить другой, болѣе важный и болѣе общій. Рѣшимость отдаться въ руки республиканскаго правительства для поступленія простымъ солдатомъ въ ряды войска не требовала, конечно, особеннаго геройства, но она должна была вызвать общее одобреніе и симпатію даже среди враговъ Орлеанскаго дома. Нельзя было придумать лучшаго и вѣрнѣйшаго способа для достиженія популярности, чѣмъ этотъ простой, естественный шагъ герцога Орлеанскаго. Что наказывать принца тюрьмою было-бы несправедливо и что такая мѣра не соотвѣтствовала бы характеру и мотивамъ проступка—это признавалось всѣми республиканскими газетами, пока не вмѣшались въ дѣло монархисты. Шумъ, поднятый послѣдними, превратилъ поступокъ принца въ политическое событіе, и правительству по-неволѣ пришлось отнестись къ дѣлу серьезно. Въ отвѣтъ на манифестаціи монархистовъ радикальная журналистика рѣшительно протестовала противъ мысли о помилованіи; радикальная группа въ парламентѣ грозила возстать противъ министерства въ случаѣ попытки отпустить виновнаго, и страннѣе всего, что эти настоянія въ пользу строгаго примѣненія исключительнаго закона дѣлались во имя равенства всѣхъ передъ закономъ. Очевидно, чувство равенства передъ закономъ было на сторонѣ нарушителя, который требовалъ только права исполнить повинность, обязательную для всѣхъ французовъ безъ изыятія; эта идея равенства должна была побудить республиканцевъ высказаться противъ специальныхъ постановленій, направленныхъ противъ отдѣльныхъ гражданъ въ силу ихъ происхожденія. Въ теоріи это такъ, и повидимому республиканцы неправы; но трудно сказать что-нибудь противъ слѣдующаго довода, выставляемаго ими: если принцы царствовавшихъ фамилій желаютъ служить отечеству наравнѣ съ прочими французами, они могутъ въ каждый данный моментъ превратиться въ обыкновенныхъ гражданъ, отказавшись отъ своихъ правъ на престолъ и признавъ существующій государственный порядокъ во Франціи. Исключительные законы существуютъ только для тѣхъ, которые сами ставятъ себя въ исключительное положеніе и заявляютъ притязаніе на верховную власть въ государствѣ независимо отъ установленнаго законами порядка. Съ этой точки зрѣнія герцогъ Орлеанскій имѣлъ бы полную возможность исполнить свой патріотическій долгъ: стоило ему только признать себя обыкновеннымъ французскимъ гражданиномъ, желающимъ пользоваться общими политическими правами и исполнять общія для всѣхъ обязанности, безъ намѣренія играть роль претендента. Въ жалобахъ монархическихъ газетъ на несправедливость республики, примѣняющей спеціальныя законы къ принципамъ,

замѣчается несомнѣнное внутреннее противорѣчіе: эти газеты постоянно выставляютъ на видъ наслѣдственные права династіи на королевскую корону и въ то же время энергически протестуютъ, когда правительство выдѣляетъ членовъ этой династіи изъ общей массы гражданъ и прилагаетъ къ нимъ особые правила, вытекающія именно изъ ихъ исключительныхъ привилегій. Для того, чтобы графъ Парижскій и герцогъ Орлеанскій осуществили свои права на престолъ, необходимо предварительно погибнуть республикѣ; а такъ какъ республика существуетъ и не желаетъ погибать, то мѣры самосохраненія вполне понятны съ ея стороны. Республиканцы напоминаютъ монархистамъ, что королевская власть поступала бы совсѣмъ иначе съ принципиальными противниками государственнаго строя; съ воцареніемъ Орлеановъ или Бонапартовъ преслѣдовались бы самыя республиканскія идеи, тогда какъ теперь никто не мѣшаетъ монархистамъ доказывать народу превосходство своихъ политическихъ воззрѣній и проповѣдовать необходимость замѣны существующаго правительства другимъ, не-республиканскимъ. Многочисленныя монархическія группы свободно образуются въ парламентѣ, не скрывая своихъ цѣлей и стремленій; монархическая печать безпрепятственно излагаетъ ежедневно свои требованія и взгляды, безпощадно нападая на республику и ея министровъ. Если приверженцы графа Парижскаго или Виктора-Наполеона до сихъ поръ еще не убѣдили французовъ восстановить монархическій режимъ въ той или другой формѣ, то это происходитъ, конечно, не отъ недостатка свободы слова и дѣйствій при республикѣ. Въ концѣ концовъ, инцидентъ съ герцогомъ Орлеанскимъ имѣлъ только одно значеніе, — онъ отвлекъ вниманіе отъ буланжизма и внесъ нѣкоторый разладъ въ оппозиціонныя партіи монархистовъ и бонапартистовъ.

Новая палата депутатовъ доставила возможность буланжистамъ вновь торжествовать побѣду: она признала недѣйствительными буланжистскія избранія въ нѣкоторыхъ округахъ Парижа, а вторичные выборы, состоявшіеся 15-го февраля (н. ст.), дали тотъ же результатъ, который желало устранить республиканское большинство. Вторичное избраніе буланжистовъ въ пяти округахъ Парижа было непріятнымъ ударомъ для правительства и для палаты; избиратели выразили этимъ протестъ противъ неосновательныхъ кассаций выборовъ по политическимъ мотивамъ, когда нѣтъ сомнѣнія въ существованіи значительнаго большинства голосовъ въ пользу избраннаго кандидата. Но этотъ фактъ не свидѣтельствуетъ еще о дѣйствительной силѣ буланжизма въ Парижѣ, и сами вожди „національной партіи“ не предаются въ этомъ отношеніи никакимъ иллюзіямъ. Министерство Тирара держалось прочно до послѣдняго времени,

именно благодаря своимъ заслугамъ и успѣхамъ въ борьбѣ съ буланжистскою агитаціею. Возникшія въ послѣднее время разногласія въ средѣ кабинета разрѣшились выходомъ въ отставку наиболѣе энергическаго и послѣдовательнаго изъ министровъ—Констана; но причина этого частнаго кризиса едва-ли имѣла какую-либо связь съ политическими вопросами, интересующими въ данный моментъ общественное мнѣніе страны. Назначенный на мѣсто Констана депутатъ Буржуа, принадлежавшій прежде всего къ составу администраціи, еще мало извѣстенъ какъ политическій дѣятель. Повидимому, палата и правительство продолжаютъ избѣгать щекотливыхъ споровъ и кризисовъ, такъ что кабинетъ можетъ разсчитывать на дальнѣйшее существованіе, несмотря на удаленіе Констана.

Въ лицѣ графа Юлія Андраши, скончавшагося на дняхъ (18-го февраля нов. ст.), Австро-Венгрія потеряла одного изъ своихъ наиболѣе блестящихъ и счастливыхъ государственныхъ дѣятелей. Знатный и богатый по рожденію, выдающійся и разносторонній по талантамъ, графъ Андраши принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ все дается легко и безъ долгихъ усилій. Обладая живымъ и острымъ умомъ, гибкимъ и въ то же время твердымъ характеромъ, онъ прекрасно умѣлъ пользоваться своею изящною виѣшностью и своими замѣчательными свѣтскими качествами. Въ юности онъ блисталъ и очаровывалъ сердца въ Венгріи; онъ рано выступилъ на политическое поприще и обратилъ на себя сочувственное вниманіе тогдашнихъ руководителей мадьярскаго національнаго движенія. За участіе въ возстаніи 1849 года онъ былъ заочно приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни, въ 1851 году; извѣстіе объ этомъ приговорѣ застало его въ Лондонѣ, гдѣ онъ велъ пріятную жизнь въ кругу высшей англійской аристократіи. „Гражданская смерть“ была ему не особенно страшна; онъ жилъ то въ Лондонѣ, то въ Парижѣ, вращался въ высшемъ свѣтѣ, занимался разными видами спорта, блисталъ на придворныхъ балахъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, гдѣ и встрѣтилъ свою будущую жену, мадьярскую красавицу графиню Катерину Кендефи. Роль политическаго эмигранта не только не связана была для него съ какими-либо непріятными испытаніями и лишеніями, а напротивъ выдвигала его въ общество, способствовала его успѣхамъ и давала развернуться его талантамъ. Послѣ женитьбы онъ повелъ жизнь болѣе спокойную, держался въ сторонѣ отъ прочихъ венгерскихъ изгнанниковъ и терпѣливо ожидалъ момента, когда можно будетъ вернуться на родину. Благодаря аристократическимъ родственнымъ связямъ, желанное разрѣшеніе было

достигнуто, и въ 1859 году онъ возвратился въ Венгрію, гдѣ занялъ видное мѣсто въ ряду передовыхъ бойцовъ автономіи. Онъ сдѣлался помощникомъ Деака, какъ прежде былъ союзникомъ Кошута, и въ 1867 году, когда состоялось соглашеніе, положившее начало нынѣшнему австро-венгерскому дуализму, онъ назначенъ былъ первымъ министромъ Венгріи, по указанію Деака, которому былъ предложенъ этотъ постъ. Ему первому выпало на долю стоять во главѣ правительства страны, въ освобожденіи которой онъ принималъ лишь второстепенное участіе. Онъ легко сошелся съ вѣнскимъ дворомъ, пріобрѣлъ особенное расположеніе и довѣріе императора и его семьи, и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался руководителемъ иностранной политики Австро-Венгріи. Покидая Пештъ, онъ былъ несомнѣнно самымъ популярнымъ и авторитетнымъ человѣкомъ между мадьярами. Во время франко-прусской войны онъ возставалъ противъ французскихъ симпатій графа Бейста и доказывалъ необходимость нейтралитета; вслѣдъ за тѣмъ онъ перешелъ въ Вѣну и сталъ играть выдающуюся роль не только въ австрійской, но и въ европейской политикѣ. Онъ успѣлъ обворовать германскихъ дипломатовъ и самого князя Бисмарка, устроилъ сближеніе съ Германією и блистательно выполнилъ берлинскій планъ тройственного союза съ Россією, къ которой онъ, какъ венгерскій патріотъ, не могъ питать иныхъ чувствъ, кромѣ враждебныхъ. Государство, усмирявшее Венгрію въ 1849 году, очутилось въ тѣсномъ дипломатическомъ согласіи съ графомъ Андраши, однимъ изъ дѣятелей венгерскаго національнаго движенія, побѣжденных русскими войсками при Вилагошѣ. Послѣдствія всѣмъ извѣстны: Россія аккуратно исполняла тѣ, что желательно было въ Вѣнѣ и Берлинѣ, и въ этомъ отношеніи такъ-называемый тройственный союзъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ дипломатическимъ соглашеніемъ. Когда возникли замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ, первенствующій голосъ въ происходившихъ переговорахъ принадлежалъ безспорно вѣнскому кабинету; знаменитая нота Андраши, въ концѣ 1875 года, предлагала рядъ реформъ для Босніи и Герцеговины, и черезъ четыре года эти злополучныя провинціи перешли подъ власть Австро-Венгріи, безъ всякихъ почти усилій и затратъ съ ея стороны. Послѣ долгихъ переговоровъ и колебаній началась русско-турецкая война, стоившая громадныхъ жертвъ, и достигнутые такимъ образомъ военно-политическіе результаты отданы были добровольно на усмотрѣніе Австріи и ея министра иностранныхъ дѣлъ. На берлинскомъ конгрессѣ графъ Андраши достигъ апогея своей славы и своихъ успѣховъ; заключеніе формальнаго трактата съ Германією въ октябрѣ 1879 года было завершительнымъ пунктомъ его дипломатической дѣятельности. Привлекши къ этому союзу и Италію,

графъ Андраши рѣшился сойти со сцены и провести остатокъ жизни на свободѣ. Онъ всегда уходилъ въ-время, не дожидаясь, пока обаяніе популярности и власти поблекнетъ и уступить мѣсто разочарованію и неудовольствію; онъ не испытывалъ обратной стороны медали, подобно своему венгерскому преемнику, Коломану Тиссъ. Онъ былъ счастливѣе князя Бисмарка, который на старости лѣтъ видитъ, какъ враги и соперники заранѣе спорятъ о будущемъ его преемникѣ въ должности канцлера. Графъ Андраши даже умеръ своевременно, когда слава его еще не померкла; о немъ нельзя сказать, что онъ пережилъ себя: его рѣчи въ венгерскомъ парламентѣ при обсужденіи иностранной политики всегда производили впечатлѣніе, и вѣнскій дворъ всегда совѣтовался съ нимъ въ важныхъ случаяхъ, по вопросамъ международнымъ. Нынѣшній австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки, назначенъ былъ по его указанію, и потому внѣшняя политика Австріи остается въ существенныхъ чертахъ тою же, какою была прежде; она стала только сдержаннѣе и спокойнѣе, что зависитъ отчасти отъ измѣнившихся обстоятельствъ. Графъ Андраши умеръ 67 лѣтъ отъ роду, не дождавшись того періода болѣзненной старости, который переживаетъ теперь князь Бисмаркъ.

Смерть графа Андраши даетъ поводъ вспомнить о выгодномъ положеніи, занятомъ Австро-Венгріею на Балканскомъ полуостровѣ со времени берлинскаго конгресса. Это положеніе было достигнуто, впрочемъ, не столько искусствомъ и дальновидностью умершаго дипломата, сколько несостоятельностью или, вѣрнѣе, отсутствіемъ политики у тогдашнихъ его противниковъ и соперниковъ въ восточномъ вопросѣ. Всѣ выгоды русско-турецкой войны достались Австріи; австрійцы приобрѣли, по нашему же предложенію, двѣ пограничныя области, естественно тянувшія къ Сербіи и Черногоріи, а союзниковъ нашихъ въ войнѣ, довѣрившихъ намъ свои интересы, мы отсылали къ вѣнскому кабинету для удовлетворенія ихъ требованій: „adressez-vous à l'Autriche“. Теперь, владѣя Босніею и Герцеговиною (изъ-за которыхъ именно и началось знаменитое славянское движеніе, приведшее къ войнѣ), Австро-Венгрія, тѣмъ не менѣе, играетъ роль правительницы и защитницы автономіи балканскихъ государствъ, тогда какъ держава, предпринявшая борьбу во имя освобожденія славянъ отъ турецкаго гнета, считается противницею освобожденной ею Болгаріи, и факты какъ будто даютъ основаніе такому взгляду, ибо нерасположеніе къ болгарскимъ правителямъ косвенно или прямо отражается на болгарскомъ народѣ.

Въ болгарскомъ княжествѣ все еще продолжается время исклю-

чительныхъ обстоятельствъ и ненормальнаго международнаго положенія. Недавно еще открытъ мнимый или дѣйствительный заговоръ, имѣвшій цѣлю низвергнуть принца Кобургскаго и его министровъ; руководители и участники дѣла, съ маіоромъ Паницею во главѣ, только случайно попались въ руки правительства. По случайному, конечно, совпаденію, какъ разъ во время возникшихъ внутреннихъ затрудненій, предъявлено было болгарамъ требованіе объ уплатѣ суммъ, должныхъ русскому правительству за расходы по оккупациі. Управляющій германскимъ генеральнымъ консульствомъ въ Софіи, баронъ Вангенгеймъ, обратился къ болгарскому министру иностранныхъ дѣлъ съ нотой (отъ 20-го февраля, н. ст.), въ которой сообщилъ о желаніи Россіи, заявленномъ берлинскому кабинету 13-го (1-го) февраля. Извѣстно, что русскіе интересы въ Болгаріи охраняются Германіею, со времени отозванія нашихъ представителей. Предъявленный въ Софіи счетъ простирается на сумму 3.600.000 р., сверхъ „572.988 руб. 97 коп., должныхъ за оружіе и боевые припасы, поставленные для болгарской арміи въ различное время и по требованіямъ болгарскаго правительства“. По всей вѣроятности, счетъ будетъ уплаченъ, и изъ этого обстоятельства будутъ извлечены соотвѣтственные политическіе выводы. По уплатѣ накопившихся недоимокъ съ 1885 года до начала настоящаго года нельзя будетъ отказаться и отъ полученія дальнѣйшихъ взносовъ, до покрытія всего долга въ 10.618.250 р. 43 к. Болгарскіе министры заключаютъ отсюда, что Россія будто-бы косвенно признала нынѣшнее софійское правительство, обращаясь къ нему съ требованіями и получая отъ него деньги, чего она не дѣлала со времени перерыва дипломатическихъ сношеній. На этомъ основаніи возбужденъ уже вопросъ о признаніи правительства принца Фердинанда иностранными державами, въ виду трудностей внутренняго и внѣшняго положенія страны въ настоящее время. Иностранныя газеты имѣютъ теперь удобный матеріалъ для разсужденій о томъ, что Болгарія снабжается деньгами австрійскимъ кредитомъ, а мы требуемъ и получаемъ отъ нея деньги. Выходить, дѣйствительно, нѣчто неудобное, и, быть можетъ, это неудобство было бы избѣгнуто, еслибъ германская дипломатія не была столь аккуратна въ исполненіи того, что, вѣроятно, имѣло характеръ простаго политическаго напоминанія объ обязанностяхъ и долгахъ Болгаріи относительно Россіи.

Такъ какъ ничто не угрожаетъ теперь международному миру въ Европѣ, то мы можемъ позволить себѣ обратить вниманіе на слѣдующія характерныя замѣчанія одной нашей газеты по поводу тео-

ретического вопроса о шансах будущей войны. Доказывая превосходство наше передъ возможными западно-европейскими противниками, газета видитъ главное преимущество въ томъ, что „мы почти нищѣ“, что намъ будто бы терять нечего, что мы можемъ смѣло въ случаѣ надобности, сжечь и уничтожить „все, что только можно сжечь и уничтожить“.

„Это французскому крестьянину, — говоритъ далѣе газета, — трудно и жалко было расставаться со своимъ, вѣками накопленнымъ, добромъ, потому что у него тутъ и садикъ, и виноградникъ свой, и плантація, тщательно воздѣланные руками нѣсколькихъ поколѣній, и хорошій каменный домикъ съ каминномъ, гдѣ стоять въ почетѣ дѣдушкино кресло и бабушкина прялка — все вѣдь это для французскаго крестьянина заветное, дорогое, своя святыня, своя традиція, и загубить все это своими собственными руками дѣйствительно жалко: авось, молъ, и уцѣлѣетъ при нашествіи! Ну, а *чего жалеть нашему крестьянину, въ особенности бѣлоруссу, если онъ изъ поколѣнія въ поколѣніе живетъ въ курной хатѣ, вмѣстѣ съ курами и поросятами?* Тутъ одна только традиція: коли врагъ идетъ, бери съ отчей могилы по горсти родной земли въ тряпицу, за пазуху, топоръ за поясъ, вилы и цѣпы въ руки, „пускай“ на все село „краснаго пѣтуха“, чтобы врагу не доставалось, и — гайда въ лѣса (1), выжидая въ засадѣ удобнаго мгновенія, чтобы накрыть оплошнаго врага и расправиться съ нимъ „по своейски“, безпощадно. Эта традиція, дѣйствительно, сильна въ русскомъ народѣ, да и мало того: она общесословна. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, Европа называетъ насъ варварами!... Намъ, въ сущности, кромѣ жизни и чести, *терять нечего*; но жизнь, по русской пословицѣ — копѣйка, а чести своей, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ защита родины, мы, слава Богу, доселѣ никому еще не отдавали и, надѣемся, сумѣемъ сохранить ее до послѣдняго издыханія. И такъ, терять намъ нечего. Сравнительно съ Германіей, въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, *мы, можно сказать, почти нищѣ, и это является великимъ нашимъ преимуществомъ въ войнѣ оборонительной*“, и т. д. (см. „Свѣтъ“, 8-го февраля).

Если бы подобный взглядъ на Россію и русскій народъ высказанъ былъ въ какой-нибудь иностранной газетѣ, мы сочли бы эту характеристику крайне обидною для нашего національнаго самолюбія; но здѣсь мы, конечно, имѣемъ предъ собою не враждебную выходку и насмѣшку, а одно изъ проявленій того недомыслия, которое выдается у насъ часто за патріотизмъ. Издатели такихъ статей великодушничаютъ и выказываютъ самоотверженіе только на чужой счетъ: имъ ничего не стоитъ ни крестьянская хата, ни народное нищенство; не имъ придется — „гайда — въ лѣса“, на голодъ и лишенія;

они будутъ сыты и, пожалуй, даже поправлять свои обстоятельства розничной продажей газеты насчетъ того же обнищалаго народа. По здравому смыслу, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, заключить, что народъ, признаваемый „почти нищимъ“ и лишеннымъ экономическаго благоустройства, долженъ старательно избѣгать разорительныхъ внѣшнихъ предпріятій, а всѣ заботы должны быть направлены на развитіе и улучшеніе собственнаго внутренняго хозяйства страны. Но для патріотовъ, разсуждающихъ въ духѣ приведенной выше газетной статьи, считается какъ-будто необязательнымъ обыкновенный здравый человѣческій смыслъ, безъ котораго и храбрость не поможетъ, да и отечеству не поздоровится отъ подобныхъ патріотовъ: злѣйшій врагъ не могъ бы отозваться хуже объ умственномъ и экономическомъ положеніи нашего народа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта, 1890.

— *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Николая Барсукова. Книга третья. Спб. 1890.

Мы говорили прежде о первых двухъ выпускахъ этой книги. Авторъ неустанно работаетъ надъ біографіей Погодина, которая становится также обширнымъ эпизодомъ изъ общественной жизни и литературы того времени. Въ настоящемъ выпускѣ описываются 1830 и 1831 годы. Дѣятельность Погодина была такъ разнообразна, его дружескія связи и знакомства были такъ обширны, характеръ столь подвижной и хлопотливый, что изображеніе его жизни увлекаетъ біографа въ самыя разнообразныя стороны тогдашнихъ событій, къ которымъ Погодинъ былъ болѣе или менѣе прикосновенъ. Онъ былъ профессоромъ университета, педагогомъ, издателемъ журнала, практическимъ дѣятелемъ, наконецъ беллетристомъ; онъ принимаетъ участіе въ литературныхъ и иныхъ дѣлахъ своихъ друзей, такъ что въ его біографіи проходитъ передъ нами цѣлая пестрая картина тогдашней общественной жизни. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью обставить исторію дѣятельности Погодина всѣми подробностями, и въ результатъ получается большая масса историческаго и анекдотическаго матеріала, очень любопытнаго и нерѣдко важнаго. У насъ нѣтъ еще исторіи нравовъ и общественной жизни; здѣсь является образчикъ того, какого интереса могла бы быть исполнена подобная исторія.

Въ настоящемъ выпускѣ находимъ цѣлый рядъ такихъ интересныхъ эпизодовъ: различныя цензурныя исторіи (напр. приключенія цензоровъ С. Н. Глинка и С. Т. Аксакова); пріѣзды въ Москву Пушкина; рассказы о различныхъ литературныхъ отношеніяхъ того времени; работа Погодина надъ „Марей Посадницей“, которая уже вскорѣ была совершенно забыта, но въ свое время приводила въ настоящій восторгъ друзей Погодина и въ числѣ ихъ самого Пушкина, находившаго въ ней достоинства—Шекспировскія; путешествіе

извѣстнаго Венелина въ Молдавію, Валахію и Болгарію, въ устройствѣ котораго Погодинъ принималъ участіе; холера въ Москвѣ; журнальная дѣятельность Погодина и прекращеніе его „Московского Вѣстника“; покупка Погодинымъ дома князя Тюфякина, а потомъ деревни; участіе Погодина въ „Телескопѣ“ и „Молвѣ“, и отношенія его къ Надеждину; польское возстаніе, и публицистическій трактатъ Погодина объ отношеніяхъ Россіи и Польши и т. д. Въ разсказѣ проходитъ масса лицъ изъ тогдашняго литературнаго и ученаго круга, и сообщаемыя о нихъ подробности бывають нерѣдко тѣмъ болѣе характерны, что касаются такихъ частныхъ въ ихъ жизни, которыя обыкновенно ускользають отъ біографовъ и сохранились здѣсь благодаря дневнику Погодина. Этотъ дневникъ послужилъ до сихъ поръ главнымъ основаніемъ труда г. Барсукова, по крайней мѣрѣ главною руководящею нитью, которая дала возможность провести біографію чуть не день за день и обставить ее всѣми необходимыми для ея объясненія данными. Дневникъ велся довольно аккуратно многіе годы; Погодинъ писалъ его своимъ оригинальнымъ лаконическимъ языкомъ, не пускался въ объясненія, но обыкновенно весьма характерно обозначая сущность дѣла—данныхъ фактовъ и своего личнаго настроенія. Правда, отрывочность этого стиля, хотя понятная въ дневникѣ, писанномъ только для себя, нерѣдко заставляеть жалѣть о недостаткѣ подробностей (что обыкновенно и старается восполнить біографъ); но, съ другой стороны, дневникъ имѣеть очень рѣдкое достоинство замѣчательной откровенности: не стѣсняясь въ своихъ сужденіяхъ о другихъ, Погодинъ очень правдиво говоритъ и о самомъ себѣ, такъ что съ теченіемъ разсказа передъ читателемъ наглядно обрисовывается и его собственная личность.

Такимъ образомъ, книга г. Барсукова является не только богатымъ матеріаломъ для опредѣленія самого Погодина, но и собраніемъ множества данныхъ для исторіи тогдашней литературы и общественной жизни. Многія свѣденія совершенно новы и весьма цѣнны.

— *На Стверъ. Путевыя воспоминанія. В. Х. Москва, 1890.*

Литература нашихъ путешествій по Россіи начинается со второй половины прошлаго столѣтія. Въ книгахъ русскихъ путешественниковъ отражался, конечно, характеръ современной имъ литературы, и путешествія разныхъ эпохъ весьма непохожи другъ на друга. Первые путешественники были люди ученые, всего чаще натуралисты; самыя путешествія были скорѣе научными экспедиціями, кото-

рыя предпринимались съ цѣлю описанія какъ самой территоріи и жителей, такъ особливо описанія произведеній всѣхъ „царствъ природы“: было уже дѣломъ любознательности самого путешественника, если онъ считалъ нужнымъ ближе присмотрѣться къ народному быту. Россія была тогда самымъ русскимъ мало извѣстна, и шла рѣчь о первомъ географическомъ ея изученіи. Позднѣе явился новый стиль путешествій—въ духѣ патріотическомъ и сентиментальномъ; еще позднѣе, когда обществу официально было указано на „народность“, патріотическій стиль путешествій принялъ особую окраску (напомнимъ для примѣра „Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“, Шевырева), но возникаетъ уже и болѣе серьезный складъ путешествій, съ дѣловымъ интересомъ къ народному быту (какъ въ путешествіяхъ Небольсина). Новый поворотъ въ этой литературѣ является со второй половины 50-хъ годовъ, когда по мысли в. кн. Константина Николаевича устроена была цѣлая экспедиція въ разныя края Россіи, исполнителями которой избраны были болѣе или менѣе извѣстные русскіе писатели (Островскій, Писемскій, Потѣхинъ, Афанасьевъ-Чужбинскій, Максимовъ). Цѣль была дѣловая и этнографическая. Съ развитіемъ дѣятельности Географическаго общества появляется, наконецъ, цѣлая обширная масса ученыхъ экспедицій, этнографическихъ путешествій, небольшихъ поѣздокъ съ цѣлями наблюденія и описанія народнаго быта, которыя и составили теперь обширную литературу. Въ послѣднее время этнографическій интерес усиленъ новѣйшимъ развитіемъ народолюбія, составляющаго замѣтную черту извѣстной доли образованнаго круга, и извѣстный отгѣнокъ котораго, между прочимъ, заявлялъ себя въ литературѣ подъ именемъ народничества. Этимъ народолюбіемъ, если не народничествомъ, отличается и книжка, заглавіе которой мы выписали.

Путешествіе, описанію котораго посвящена эта книга, начато было отъ Петрозаводска черезъ Олонецкій край къ Бѣлому морю, по русской Лапландіи, и завершается Колой. Путешествіе написано женской рукой. Если не ошибаемся, это первый опытъ подобнаго рода, опытъ труднаго путешествія въ пустынномъ краѣ, по первобытнымъ дорогамъ, со всякими неудобствами (внѣ Россіи можно привести въ параллель путешествія г-жи Потаниной въ Китаѣ, литературный результатъ которыхъ ограничился, впрочемъ, двумя, тремя небольшими рассказами). Очевидно, что побужденіемъ къ этому мудреному предпріятію могла быть только серьезная любознательность и искреннее народолюбіе, о которомъ мы говорили, и это сказалось на самой книгѣ. Какъ мы не припомнимъ другого подобнаго женскаго путешествія, такъ не знаемъ и другой книги подобнаго литературнаго склада: она оставляетъ въ читателѣ привлекательное впечатлѣніе

задушевностью своего тона и интересомъ разсказа. Иной разъ можно бы было желать больше простоты въ описаніяхъ, гдѣ авторъ иногда, быть можетъ, слишкомъ вдается въ лиризмъ, а въ другихъ случаяхъ какъ бы предполагая описываемый край извѣстнымъ, не договариваетъ того, что должно бы быть сказано. Мы думаемъ, напримѣръ, что описаніе извѣстнаго водопада Кивача, который былъ первымъ пунктомъ путешествія, покажется несовсѣмъ яснымъ для читателей, которые сами тамъ не бывали: авторъ меньше позаботился о точности топографическаго описанія, чѣмъ объ изложеніи своихъ впечатлѣній отъ эффектовъ природы. Въ старину путешественники поступали проще; они разсказывали, безъ особыхъ литературныхъ затѣй, какъ они собирались въ дорогу, какаѣ были цѣль и маршрутъ путешествія, какъ они выѣхали, что встрѣчали на дорогѣ, описывали по порядку и характеръ страны, и видъ поселеній, нравы и обычаи жителей, давали отчетливое понятіе о встрѣченныхъ „рѣдкостяхъ“ и „чудесахъ природы“ и т. п. Разсказъ бывалъ какъ будто прозаиченъ, но на дѣлѣ онъ могъ заинтересовать, потому что читатель вовлекался во всѣ подробности путешествія. У нашей путешественницы читатель, напротивъ, остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи: куда, зачѣмъ, какими путями она ѣдетъ, — и нельзя сказать, чтобы это недоумѣніе вело къ удовлетворительному литературному впечатлѣнію, — читатель имѣетъ право желать, чтобы ему указали, куда его ведутъ и съ какою цѣлью. Въ данномъ случаѣ это не былъ бы капризъ еще по другому обстоятельству. Если авторъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, ведетъ читателя изъ Петрозаводска сначала въ Пудожъ, потомъ на озеро Купецкое, потомъ на Водлозеро, въ Тамецкую Лахту, въ Данилово и т. д., то онъ можетъ быть увѣренъ, что для большинства его читателей съ этими названіями не соединяется никакого яснаго топографическаго представленія. На заглавномъ листѣ книжки помѣщена карта того „сѣвера“, гдѣ совершалось путешествіе, но эта карта какъ нарочно „нѣмая“, ни одного пункта не названо, какъ не обозначенъ и маршрутъ. Первые строки книги уже производятъ въ читателѣ его топографическое недоумѣніе. Выѣхали изъ Петрозаводска рано утромъ (кто?), чтобы пріѣхавши вечеромъ на водопадъ Кивачъ, на другой день „видѣть восходъ солнца“; ѣдутъ куда-то: „пустынная молчаливая дорога черезъ рѣденькій лѣсочекъ“; „вдали свинцовыя волны Онежскаго озера“; „вотъ свернули въ сторону“; „дорога пошла лѣсомъ“ и т. д.: всѣ эти подробности относятся къ качествамъ дороги, къ описанію пейзажа, но вовсе не къ топографіи. Для этой послѣдней, читателю „Сѣвера“ надо запастись еще путеводителемъ.

Но затѣмъ книжка г-жи В. Х. исполнена интереса. Сѣверъ не

принадлежитъ къ числу особенно извѣстныхъ краевъ нашего отечества, и особенно тотъ его уголъ, черезъ который шелъ путь г-жи В. Х. Авторъ даетъ понятіе о характерѣ страны, свойствахъ климата, о пейзажѣ, и особенно о характерѣ жителей и быта, и эти послѣдніе рассказы наиболѣе любопытны. Олонецкій край, далекій отъ центровъ и мало доступный ихъ вліяніямъ, издавна былъ хранилищемъ старины; съ конца XVII-го вѣка онъ былъ убѣжищемъ гонимаго старовѣрства, которое и основало здѣсь свои знаменитыя въ исторіи раскола скиты; въ новѣйшее время въ этомъ краѣ открыты были негаданные богатые остатки древней народной поэзіи. Было, такимъ образомъ, много поводовъ и матеріала для наблюденія, и г-жа В. Х. умѣла подмѣчать не мало оригинальнаго: она посѣтила многія достопримѣчательныя мѣстности края, сближалась съ женскимъ элементомъ населенія и, внушая ему довѣріе—вѣроятно разумно простымъ и привѣтливымъ отношеніемъ къ нему—между прочимъ собрала интересныя этнографическія данныя. Отъ мѣстныхъ знахарокъ она узнала нѣсколько заговоровъ, между прочимъ, особенно таинственныхъ и страшныхъ, которые сообщили ей по исключительному довѣрію; въ старовѣрческихъ домахъ показали ей старинные предметы нѣкогда процвѣтавшаго здѣсь „благочестія“; она выслушивала повѣрья, отправлялась на деревенскіе праздники и т. п.

Но, какъ ни далекъ этотъ край, старина и здѣсь начинаетъ стираться и исчезать; новыя вліянія проникаютъ и въ эти захолустья: съ одной стороны оказываетъ свое дѣйствіе школа, какъ она ни элементарна; съ другой стороны тѣ, кто отправляется на заработки въ города, особливо въ Петербургъ, возвращаются уже съ новыми вкусами, привычками и требованіями.

По словамъ учителя въ одной изъ этихъ захолустныхъ школъ, дѣти обнаруживаютъ большую охоту къ чтенію и любознательность. Въ числѣ предметовъ ученія есть „Элементарныя свѣденія объ окружающемъ мірѣ“. Эти элементарныя свѣденія сильно подрываютъ въ молодыхъ поколѣніяхъ старыя вѣрованія: школьникъ убѣждается, что солнце не ходитъ, Илья-Пророкъ не ѣздитъ по небу; молодежь къ ужасу или недоумѣнію старшихъ сомнѣвается въ справедливости прежнихъ суевѣрій, хотя не совсѣмъ освобождается отъ нихъ; къ старымъ обычаямъ она становится равнодушна, и уже, напр., плохо соблюдаетъ посты, и т. п.

Съ другой стороны распространяется городская, собственно трактирная цивилизація, и даже въ олонецкомъ краѣ начинаетъ вводить новыя пѣсни и танцы. Наша путешественница видѣла уже, что въ захолустныхъ деревняхъ распространены „кандрель“ и „ланцетъ“; на просьбу спѣть пѣсни, молодежь предлагаетъ обыкновенно но-

вѣйшіе романсы, какіе помѣщаются въ рыночныхъ пѣсенникахъ, и неохотно поетъ старыя пѣсни, которыя ей обыкновенно нравятся гораздо меньше.

Въ концѣ поѣздки наша путешественница находится въ странѣ лопарей. Это маленькое племя производитъ пріятное впечатлѣніе многими чертами своего характера, очевидно сохраняющими его первобытный складъ; но вѣйшее положеніе племени довольно жалкое. Лопари подпадаютъ экономическому господству русскихъ кулаковъ-промышленниковъ и тому вліянію русской „цивилизаціи“, какое можетъ произойти изъ подобнаго источника. Путешественники хотѣли послушать лопарскихъ пѣсень, но на этомъ надо было настаивать; лопари тоже предлагаютъ чужія, русскія пѣсни, вмѣсто своихъ.

„Мы слышали, — говоритъ г-жа В. Х., — уже ранѣе, что лопари начинаютъ гнушаться собственными пѣснями, которыя они охотно мѣняютъ на русскія, точно такъ же какъ олончанинъ забываетъ свои прекрасныя „досюльныя“ пѣсни для исковерканнаго романса, занесеннаго изъ Петербурга или съ казенныхъ заводовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лопари жадно перенимаютъ русскую культуру. Но встрѣчаясь на сѣверномъ побережьи только съ самыми жалкими представителями ея — съ кулаками поморами, лопари едва-ли не теряютъ отъ этого перениманія. Завелись у нихъ кое-гдѣ, вмѣсто дымныхъ и грязныхъ тупъ и вѣжъ — русскія избы съ русскими печами; въ то же самое время лопарь съ особенной гордостью мѣняетъ свой остроконечный колпакъ на русскій картузь и теплую бурзурунку на городской „пинджакъ“, бросаетъ старинныя игры и замѣняетъ ихъ „кандрелью“ и „ланцетомъ“, на мѣсто старыхъ пѣсень, затыгиваетъ русскія — заводскія или солдатскія“.

Послѣдній пунктъ путешествія, какъ мы сказали, есть Кола, самый сѣверный городъ европейской Россіи. Вся поѣздка до этого послѣдняго предѣла идетъ въ обстановкѣ сѣверной природы, которая вообще наводитъ уныніе своей холодной безжизненностью. Она имѣетъ свои красоты: озера, горы, лѣса, рѣки, все это не лишено красивыхъ, даже эффектныхъ очертаній, и бывали привлекательны при солнечномъ освѣщеніи и теплѣ; но это солнце и тепло рѣдки, и безъ нихъ картина получаетъ мрачный, унылый колоритъ, который еще усиливается безлюдностью.

Сѣверный край, который посетила г-жа В. Х., рѣдко привлекаетъ путешественниковъ, и ея книга является полезнымъ вкладомъ въ литературу нашихъ путешествій, тѣмъ болѣе, что интересъ самаго предмета поддерживается занимательностью и симпатичнымъ тономъ разсказа. Г-жа В. Х. не ставитъ никакихъ ученыхъ вопросовъ и никакихъ специальныхъ цѣлей; она даетъ простой раз-

сказъ непосредственныхъ путевыхъ впечатлѣній, картины видѣнной ею природы и быта. Но въ этомъ разсказѣ найдется не мало замѣчаній, драгоцѣнныхъ и для спеціального наблюдателя народной жизни. Быть можетъ, болѣе требовательный читатель пожелалъ бы не столько чисто личныхъ впечатлѣній, сколько прямыхъ этнографическихъ фактовъ; но, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ первымъ опытомъ, и если г-жа В. Х. продолжить свои экскурсіи, видимо внушаемая ей стремленіемъ къ изученію народнаго быта, то, безъ сомнѣнія, послѣдующіе труды будутъ еще болѣе богаты этнографическимъ содержаніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что женское этнографическое наблюденіе можетъ именно прибавить для науки многія данныя, которыя иначе ускользаютъ отъ изученія; примѣры этому можно видѣть въ настоящей книгѣ.—А. В.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андріевичъ, В. К. Историческій очеркъ Сибири, основанный на данныхъ, представляемыхъ Полнымъ собраніемъ законовъ и Сенатскимъ архивомъ. Т. III. Елисаветинскій періодъ. Т. IV. Екатерининское время. Т. V. Екатерининскій періодъ. М. 87-89 гг. Стр. 337, 308 и 224.

Баскинъ, В. С. Русскіе композиторы. III. А. Н. Сѣровъ. М. 90. Стр. 127. Ц. 75 к.

Бобынинъ, В. В. Русская физико-математическая библіографія. Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физ.-матем. наукамъ, вышедшимъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Т. I, вып. 3 (послѣдній). М. 90. Стр. 161. Ц. 1 р. 50 к.

Брайсъ, Дж. Американская республика, въ 3-хъ частяхъ. Ч. II: Правительство штатовъ, политическія партіи. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскій. М. 90. Стр. 515. Ц. 3 р. 50 к.

Бродовскій, М. М. Справочная книжка для писателей, литераторовъ и издателей. Спб. 90. Стр. 254. Ц. 50 к.

Веберъ, Б. Всеобщая исторія. Перев. съ 2-го изд. Т. XII. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 90. Стр. 736. Ц. 4 р. 50 к.

Вербловскій, Г. Законоположенія о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій, и Правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, съ изложеніемъ узаконеній, на которыя сдѣланы ссылки въ „Законоположеніяхъ“. Спб. 90. Стр. 119. Ц. 1 р. 50 к.

Веревкинъ, Алек. Измѣлчаніе... Ром. въ 2 ч. Спб. 90. Стр. 248. Ц. 1 р. 5 коп.

Вернеръ, К. А. Памятная книжка Таврической губерніи. Симфероп. 89. 2 р.

Докучаевъ, В. В., проф. Вопросъ объ изслѣдованіи Петербурга и его окрестностей въ естественно-историческомъ, физико-географическомъ и сельско-хоз. воззрѣніяхъ на VIII сѣздѣ русск. естеств. и врачей. Спб. 90. Стр. 23.

Дьяконовъ, И. В. Въ храмѣ Ваала. Этюды по вопросамъ промышленности и торговли. М. 89. Стр. 92. Ц. 50 к.

Гееръ, О. Гуманистическая гимназія и петиція о полномъ переустройствѣ нѣмецкихъ школъ. Перев. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ А. Шварца. Приложение къ № 12 циркуляра по Московскому учебному округу за 1889 г. М. 90. Стр. 78.

Каронинъ (Петропавловскій). Разказы. Т. I. М. 90. Стр. 327. Ц. 1 руб. 50 коп.

Карневъ, Н. Польскія реформы XVIII вѣка. V. Спб. 90. Стр. 183. Ц. 1 р. 25 коп.

Любовичъ, Н. Начало католической реакціи и упадокъ реформациі въ Польшѣ. По нежданн. источн. Варш. 90. Стр. 400. Ц. 3 р.

Мартенсенъ, Г., д-ръ богословія, епископъ Зеландскій въ Даніи. Христіанское ученіе о нравственности, въ двухъ томахъ. Перев. съ послѣдняго авторизованнаго англійскаго изданія, А. П. Лопухина. Т. I: Общій или основоположительный. — Т. II: Ученіе о личной и общественной нравственности. Спб. 90. Стр. 488 и 816. Ц. 5 р.

Павловичъ, Л. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. М. 90. Стр. 445. Ц. 2 руб.

Рибо, Ш. Психологія вниманія. Перев. съ франц. А. Цомакіонъ. Спб. 90. Стр. 126. Ц. 50 к.

Самокишъ, Н. Наброски изъ жизни гвардейской кавалеріи. Вып. I. Изд. картограф. завед. А. Ильина. Спб. 89.

Смирновъ, Д. Руководство къ изученію японскаго языка. Спб. 90. Стр. 419. Ц. 5 р.

Смирновъ, И. Н. Вотяки. Историко-этнограф. очеркъ. Каз. 90. Стр. 308 и 39. Ц. 2 р. 25 к.

Фогель, А. Т. Livii ab Urbe condita lib. XXX. Для русскихъ гимназій. М. 89. Стр. 143. Ц. 70 к.

Харузинъ, А. Курганы Букеевской степи. М. 90. Стр. 118; in-4°.

Х—въ, И. А. Раціональная гимнастика. Съ особымъ прибавленіемъ: Раціональное лѣтнее купанье или гимнастика въ водѣ. Спб. 90. Стр. 114. Ц. 1 р.

Шишковъ, Н. Счетоводство для неграмотныхъ. М. 90. Стр. 19.

Щетининъ, кн. Б. А. Два поколѣнія. Студенты 30-хъ и 80-хъ годовъ. М. 90. Стр. 134. Ц. 75 к.

Faguet, Em. Dix-huitième siècle. Etudes littéraires. Par. 90. 3 fr. 50.

— Геометрическая тетрадь ученика IV класса, № 1. Вильно, 90. Стр. 36. Ц. 15 к.

— Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Спб. губерніи. Вып. XI. Частновладѣльческое хозяйство въ Петергофскомъ уѣздѣ. Спб. 90. Стр. 143.

— Наши государственные и общественные дѣятели. Сочин. автора „Современной Россіи“. Спб. 90. Стр. 586. Ц. 3 р.

— Ординъ и его исторія покоренія Финляндіи. Перев. изъ газеты „Uusi Suometar“. Гельсингф. 90. Стр. 11.

— Описаніе Колмовской больницы для душевно-больныхъ. Новгородъ. 89. Стр. 71.

— Отчетъ крестьянскаго земельнаго Банка за 1888 г. Спб. 89.

— Отчетъ по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1888 годъ. Саратов. 90. Стр. 22.

— Приложение къ Отчету департамента неокладныхъ сборовъ за 1888 г. Спб. 89.

— Сборникъ Императорскаго Русск. Историч. Общества. Т. 69. Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Т. IV. Спб. 89. Стр. 967.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губерніи. Т. II: Новоторжскій уѣздъ, съ 1 картою и 9 картограм. Тв. 89.

ЗАМѢТКА.

По поводу сочиненія Н. М. Минскаго:

„При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни“. Спб. 1890.

Сочиненіе г. Минскаго, содержащее его *profession de foi*, заслуживаетъ вниманія. Въ первыхъ двухъ частяхъ авторъ излагаетъ свои прежнія отрицанія и сомнѣнія, а въ третьей — свою новую вѣру. Умственный путь, пройденный г. Минскимъ, нельзя признать за правильный и общеобязательный для всѣхъ мыслящихъ умовъ, а результаты, къ которымъ онъ приходилъ на этомъ пути, едва-ли могутъ кого-нибудь удовлетворить. Въ современномъ обществѣ, однако, навѣрное есть много людей, переживающихъ въ своемъ сознаніи то же, что и г. Минскій, но неспособныхъ дать своему внутреннему опыту такого отчетливаго литературнаго выраженія. Болѣзненное развитіе душевной жизни стало теперь явленіемъ настолько общимъ, что безо всякой обиды для г. Минскаго можно назвать его исповѣдь интереснымъ психо-патологическимъ этюдомъ. Но есть въ ней и явные признаки возможнаго выздоровленія; быть можетъ, нѣсколько указаній на сущность болѣзни будутъ не бесполезны и для самого автора.

Г. Минскій увѣренъ и старается доказать, что человѣческая жизнь управляется исключительно эгоизмомъ; безкорыстной любви нѣтъ и быть не можетъ; то, что за нее принимается, есть лишь тонченнейшій эгоизмъ — стремленіе къ первенству, самолюбіе и тщеславіе. Доказывая это положеніе, авторъ, во-первыхъ, очевидно смѣшиваетъ эгоизмъ съ самосознаніемъ, а во-вторыхъ, вовсе не различаетъ главнаго и прямого мотива нравственной дѣятельности отъ побочныхъ психическихъ явленій, ее сопровождающихъ. Г. Минскій разсуждаетъ прилизательно такъ: человѣкъ никогда не можетъ отдѣлаться отъ са-

мого себя, онъ всегда себя чувствуетъ и думаетъ о себѣ, слѣдовательно онъ всегда эгоистъ. Заключение ложное, ибо эгоизмъ состоитъ вовсе не въ формѣ самосознанія, необходимо присущей всякимъ человѣческимъ чувствамъ и дѣйствіямъ, а въ особенномъ качествѣ и направленіи этихъ чувствъ и дѣйствій. Есть чувства и дѣйствія, которыя нарушаютъ живую связь одиночнаго лица со *всѣми*, и есть чувства и дѣйствія, которыя эту связь поддерживаютъ и укрѣпляютъ. Первые называются эгоистичными, вторыя—альтруистичными. Затѣмъ остается и тотъ несомнѣнный фактъ, что во всякой альтруистичной дѣятельности примѣшиваются въ душѣ дѣятеля такія чувства и желанія, которыя, *еслибы они получили значеніе преобладающихъ мотивовъ*, превратили бы всю дѣятельность въ эгоистичную. Но именно въ извѣстныхъ случаяхъ они не становятся преобладающими этическими мотивами, а остаются лишь психологическою примѣсью, неспособною уничтожить безкорыстнаго характера всей дѣятельности: серебро съ лигатурой не есть еще фальшивое серебро.

Впрочемъ, хотя 1) всякое нравственное дѣйствіе человѣка совершается сознательно и, слѣдовательно, содержитъ нѣкоторое обращеніе на себя, и хотя 2) самыя безкорыстныя чувства и дѣянія не исключаютъ эгоистической примѣси,—однако та картина постоянно рефлектирующаго самолюбія, переходящаго въ безпредѣльное самообожаніе, которую съ такимъ увлеченіемъ рисуетъ почтенный авторъ, изображаетъ намъ внутреннюю жизнь не человѣка вообще, а лишь извѣстнаго разряда людей. Еслибы всѣ были въ одинаковой (именно, безконечной) степени самолюбивы и тщеславны, тогда самыя понятія о самолюбіи и тщеславіи, какъ особыхъ свойствахъ, не могли бы образоваться, а также не было бы основанія для психіатріи брать въ свое вѣденіе людей, одержимыхъ маніей величія.

Отрицавъ возможность безкорыстной любви, г. Минскій самъ же себя и опровергаетъ. Въ „снѣ о страшномъ судѣ“ предъ его олицетворенную совѣсть предстаетъ олицетвореніе материнской любви. Признавая безкорыстность этой любви, „совѣсть“ укоряетъ ее только въ узкости: „Почему,—говоритъ она,—материнская любовь очерствляетъ сердце матери ко всему, что не есть ея дитя?“ Но еслибы даже это и было безусловнымъ правиломъ, то вѣдь вопросъ не въ большемъ или меньшемъ объемѣ любви, а въ томъ, обращена ли она исключительно на самого субъекта, или на другое существо. Г. Минскій сначала рѣшительно утверждалъ, что человѣкъ можетъ жить только *въ себѣ* и *для себя*. Но фактъ безкорыстной материнской любви, допущенный и имъ (да какъ же его и не допустить?) показываетъ намъ человѣческое существо, живущее въ другомъ и для другого. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ принадле-

жить не къ человѣческому только міру, но въ сильной степени свойственъ и міру животному. Если безкорыстная любовь встрѣчается и у животныхъ, то кто же повѣритъ г. Минскому, что ея вовсе нѣтъ въ человѣчествѣ.

Такъ же опровергаетъ себя г. Минскій и своимъ указаніемъ на половую любовь. Въ томъ же снѣ онъ представляетъ влюбленнаго юношу (почему непременно юношу?), который взываетъ къ совѣсти, указывая на предметъ своей страсти: „Желаніе жить едва вмѣщается въ груди.... Жить, чтобы сознавать, что она, мое божество, живетъ.... Чтобы видѣть, какъ дышетъ эта грудь....“ и такъ далѣе. На такіа заявленія влюбленнаго юноши, который при этомъ „лежалъ у ногъ красавицы и, зажженный огнемъ любви, прижималъ ея одежду къ своимъ горячимъ губамъ“,—совѣсть г. Минскаго возражаетъ слѣдующее: „Согласенъ ли ты, чтобы эту богиню любили и ласкали, кромѣ тебя, и другіе?“ Вопросъ совершенно неумѣстный, ибо дѣло опять-таки не въ широтѣ чувства, а въ его способности разбивать оковы индивидуальнаго бытія и заставлять одно существо жить въ другомъ и для другого. Къ тому же общее и окончательное сужденіе о половой любви должно быть приложимо ко всѣмъ ея случаямъ. Между тѣмъ сужденіе г. Минскаго совсѣмъ непримѣнимо къ тѣмъ случаямъ, когда обѣ стороны одинаково склонны къ единобрачію и находятъ другъ въ другѣ полное удовлетвореніе (какъ это бываетъ у голубей, а иногда и у людей).

Но помимо половой и материнской любви мы находимъ уже въ животномъ царствѣ болѣе обширныя проявленія альтруизма, въ тѣхъ случаяхъ, когда множество особей связаны въ одно солидарное цѣлое (у общественныхъ животныхъ). Когда муравей или пчела-работница жертвуютъ своею жизнью для блага своего общества, то, конечно, они руководятся при этомъ не тѣми тщеславными мыслями, которыя такъ хорошо анализируетъ г. Минскій, а дѣйствуютъ просто въ силу своей реальной принадлежности къ цѣлому, солидарность съ которымъ преобладаетъ у нихъ надъ чувствомъ индивидуальнаго самосохраненія. Когда подобныя же явленія мы встрѣчаемъ въ мірѣ человѣческомъ, то нѣтъ основанія предполагать для нихъ существенно иныя причины. Разумѣется, социальный альтруизмъ у чловека болѣе сознательнъ, а потому и болѣе свободенъ. Кромѣ того, вслѣдствіе болѣе сложной психической жизни человѣческой героизмъ всегда смѣшанъ въ болѣе или меньшей степени съ самолюбивой рефлексіей. Въ этой послѣдней г. Минскій большой знатокъ, но онъ напрасно отождествляетъ съ нею самую сущность социального альтруизма. Впрочемъ, онъ и тутъ не преминулъ самъ опровергнуть собственное заблужденіе. „Вполнѣ, до экстаза, блажен-

ство бытія,—говорить онъ,—постигается лишь тогда, когда передъ яркимъ свѣтомъ моей души другая душа *добровольно померкнетъ, добровольно признаетъ мое первенство, добровольно полюбитъ мое бытіе, больше своего собственнаго*. Въ древности нѣкоторыя лица достигали этого высочайшаго счастья, опираясь на силу предрасудковъ. Такъ, японскимъ микадамъ удалось увѣрить народъ, что они—потомки богини Аматеры, и народъ въ теченіе вѣковъ *добровольно боготворилъ ихъ*. Такимъ же боготвореньемъ наслаждались браминны, убѣдившіе народъ, что они созданы изъ устъ Браммы, а другія касты—изъ его рукъ и ногъ“ (стр. 20, 21).

Г. Минскій, повидимому, не замѣчаетъ, что, выставляя боготворимыхъ избранниковъ чудовищами эгоизма и самомнѣнія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ боготворящихъ ихъ людей за безкорыстныхъ альтруистовъ. По основному его положенію, безкорыстной любви нѣтъ и быть не можетъ—и вдругъ оказывается, что цѣлыя народныя массы добровольно полюбили чужое бытіе больше своего собственнаго—правда, въ силу „предрасудковъ“. Муравьи и пчелы—альтруисты въ силу „инстинкта“; японцы и индусы—альтруисты въ силу „предрасудковъ“. Не найдутся ли, однако, и такія существа, которыя будутъ альтруистами въ силу совѣсти и разума? Какъ бы то ни было, маленькія неопредѣленныя слова не могутъ закрыть огромныхъ и совершенно опредѣленныхъ фактовъ, которыми держится и жизнь животныхъ, и жизнь человѣчества.

Обличивши въ первой части своей книжки человѣческую жизнь въ исключительномъ эгоизмѣ, нашъ авторъ старается (во второй части) найти „внѣ-жизненную правду“, „святиню“, или „абсолютъ“, и находитъ (въ третьей части) эту святиню и этотъ абсолютъ—именно, мысль объ абсолютномъ ничтожествѣ, о не-сущемъ (мѣбъ). Мысль эта, т.-е. понятіе абсолютнаго въ его отрицательномъ опредѣленіи, очень не нова: она есть *idée fixe* всего восточнаго умозрѣнія. Метафизика китайская (лао-цзэ, въ своемъ *тао-те-кинъ*) и индійская опочили на этой идеѣ. Въ *Абидармъ* (метафизическая часть священнаго буддйскаго трехкнижія—*трипитака*) мысль объ абсолютномъ небытіи и объ абсолютной невозможности, какъ основѣ всего существующаго, изложена въ выраженіяхъ еще болѣе смѣлыхъ, или, если угодно, еще болѣе нелѣпыхъ, чѣмъ у г. Минскаго¹⁾. Другія теософическія системы—александрійскій неоплатонизмъ, еврейская каббала—усвоивши себѣ вполне эту идею отрицательнаго абсолюта (у каббалистовъ онъ имѣетъ и особое названіе—*эм-софъ*, которое мы рекомендуемъ г. Минскому вмѣсто его измышленнаго „мэона“), не огра-

¹⁾ Нѣсколько характеристичныхъ отрывковъ изъ Абидармы можно найти въ классическомъ сочиненіи Евгенія Бюрнуфа: „Introduction dans l'histoire du Bouddhisme indien“.

ничиваются, однако, ею, а развиваютъ и положительное содержаніе абсолютнаго начала.

Г. Минскій, остановившись на отрицательномъ опредѣленіи абсолютнаго, старается дать ему содержаніе, проводя его по всѣмъ основнымъ категоріямъ нашего міра. Очевидно, что сопоставленіе отрицательнаго абсолюта съ конечнымъ бытіемъ можетъ выразиться только въ противорѣчіяхъ. Если мы захотимъ мыслить условныя формы какъ безусловныя, то понятно, что ни къ чему, кромѣ внутреннихъ противорѣчій, мы придти не можемъ. Платонъ въ своихъ діалогахъ „Парменидъ“ и „Софистъ“ ¹⁾ прекрасно раскрылъ діалектическія противорѣчія въ общихъ логическихъ категоріяхъ *единая* и *многая*, *сущая* и *не-сущая*. Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума“ превосходно изложилъ внутреннія противорѣчія *космологическаго абсолюта*. Правда, ни Платонъ, ни Кантъ, не видѣли здѣсь *цѣли жизни*. Такое значеніе діалектическому процессу придаетъ г. Минскій—и придаетъ напрасно. Во всякомъ случаѣ, ясно, что нашему автору не удалось свести концовъ съ концами. Онъ исходитъ изъ утвержденія, что наша человѣческая жизнь осуждается совѣстью за то, что она—эгоистическая. Оправдаться отъ этого осужденія возможно только найдя жизнь неэгоистическую. Вмѣсто этого, г. Минскій предлагаетъ намъ какъ „цѣль жизни“ приходитъ въ экстазъ по случаю діалектическихъ соображеній о бытіи и небытіи, о пространствѣ и времени и т. д., давно извѣстныхъ всякому студенту, слушавшему лекціи по исторіи философіи.

Въ книжкѣ г. Минскаго выразилась, какъ мы замѣтили, общая душевная болѣзнь нашего времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые признаки исцѣленія. Душевная болѣзнь состоитъ въ утвержденіи своего я какъ чего-то абсолютнаго, въ полномъ невниманіи къ реальной и нравственной связи, дѣлающей это я неотдѣлимой частицею великаго цѣлаго. Признаки *возможнаго* выздоровленія заключаются въ томъ, что г. Минскій недоволенъ результатами такого фальшиваго обособленія своего я. Но *дѣйствительнаго* выздоровленія здѣсь еще нѣтъ, ибо г. Минскій, вмѣсто нравственно-практическаго выхода изъ ложной жизни, толкуетъ о какихъ-то „мэонахъ“, которые, по его собственному завѣренію, не только не существуютъ, но и не могутъ существовать. Надѣмся, что онъ на этомъ не остановится и пойметъ, что такая діалектическая абракадабра не въ состояніи избавить кого бы то ни было отъ дѣйствительнаго зла и страданія жизни.

Владиміръ Соловьевъ.

¹⁾ Извѣстно, что принадлежность этихъ діалоговъ Платону оспаривается, хотя, нашему мнѣнію, неосновательно. Въ данномъ случаѣ это вопросъ безразличный.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

- Socialism of the 'Street in England, by *W. C. Crofts* (Reprinted from „L'Année Economique“, Paris).
- Socialism at St. Stephen's, 1886 and 1887, by the *Earl of Wemyss*.
- Socialism in England, *Sidney Webb*. 1890.

Всѣ три вышеприведенныя произведенія, появившіяся за послѣдніе два года, имѣютъ предметомъ одинъ и тотъ же вопросъ—быстрый ростъ въ англійскомъ обществѣ социализма—но судятъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Первая брошюра, Крофтса, имѣетъ въ виду по преимуществу такъ-называемый „уличный социализмъ“, какъ онъ выражается въ летучихъ изданіяхъ разныхъ обществъ, памфлетахъ, въ рѣчахъ на сходкахъ, въ рабочихъ клубахъ и т. п. Вторая брошюра—графа Вемисса, разбираетъ специально вопросъ о социализмѣ, по мнѣнію автора, британскаго парламента, или—какъ это ученіе выразилось въ законодательствѣ Англіи за послѣдніе годы, съ приведеніемъ перечня всѣхъ законодательныхъ актовъ и биллей, или проектовъ, по его убѣжденію, съ социалистическимъ характеромъ. Обѣ брошюры принадлежатъ одинаково рѣшительнымъ противникамъ социализма, понимаемаго притомъ весьма широко. Наконецъ, третья—Сиднея Вебба—книжка небольшого объема, представляетъ собою обзоръ всѣхъ ученій этого рода какъ въ литературѣ, обществѣ и англійской церкви, такъ и въ законодательствѣ. Содержаніе всѣхъ этихъ трехъ изданій нельзя не назвать весьма интереснымъ, въ виду фактовъ, совершающихся въ Германіи, притомъ по инициативѣ главы государства. Въ консервативной Англіи, гдѣ рабочіе классы такъ долго стояли особнякомъ отъ своихъ континентальныхъ собратьевъ и оставались одинаково равнодушны въ внушеніямъ сначала французскихъ, а позднѣе нѣмецкихъ социальныхъ агитаторовъ, произошли за послѣднее десятилѣтіе крупныя перемѣны. Социалистическія ученія, кончая самой опасной фракціей—анархистовъ—развились тамъ съ такой чрезвычайной быстротой, что Англія въ этомъ отношеніи едва ли не обогнала всѣ остальные государства Европы. Въ странѣ, гдѣ когда-то жилъ Карлъ Марксъ, и гдѣ, тѣмъ не менѣе, рабочіе едва знали его по имени, а его „Капиталъ“ въ теченіе его жизни оставался непереведеннымъ на англійскій языкъ,—нынѣ его

приверженцы насчитываются десятками тысячъ, разбросанными по всей странѣ; они успѣли даже разбиться на нѣсколько самостоятельныхъ партій, а множество летучихъ изданій, популяризирующихъ его воззрѣнія, появляются ежедневно въ свѣтъ и расходятся также во многихъ тысячахъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ извѣстно, дѣло дошло до уличныхъ беспорядковъ съ характеромъ, совершенно непривычнымъ въ этой спокойной и консервативной странѣ, и до серьезныхъ столкновений не только съ полиціей, но и съ войсками.

Естественно, такой успѣхъ новыхъ для Англіи ученій произвелъ тревогу въ образованныхъ классахъ, вызвалъ потребность изслѣдованія и, съ другой стороны, породилъ протестъ въ видѣ организаціи антисоціалистическихъ обществъ, клубовъ и изданій для противодействія наступающей, еще мало знакомой въ странѣ, силѣ. Такимъ, наприимѣръ, явилось основаніе лѣтъ пять тому назадъ, подъ предсѣдательствомъ того же самого графа Вемисса, „Лиги для защиты свободы и собственности“ (Liberty and Property Defence League), а также „Ассоціаціи для защиты личныхъ правъ“ (Personal Rights Defence Association) и, наконецъ, особаго „Клуба индивидуалистовъ“ (Individualist Club), въ члены котораго допускаются всѣ лица, которыя вѣрятъ въ самопомощь, личную свободу и свободную торговлю. Всѣ эти общества преслѣдуютъ одинаковую цѣль: „противиться избытку законодательства (over-legislation); поддерживать свободу договора и защищать индивидуализмъ—въ противорѣчіе социализму и не обращая вниманія на воззрѣнія отдѣльныхъ политическихъ партій“. Съ цѣлью этой борьбы они имѣютъ журналы—недѣльный „Право“ (Jus), и мѣсячный—„Журналъ личныхъ правъ“ (The Personal Rights Journal), и выпускаютъ, сверхъ того, массу брошюръ, памфлетовъ, листовъ и иныхъ летучихъ изданій всякаго рода.

Любопытно прослѣдить по книжкѣ Сиднея Вебба самый ростъ и нынѣшнее положеніе всѣхъ этихъ ученій въ Англіи. Прежде всего читателя поражаетъ опять-таки юность и быстрое распространеніе ихъ въ странѣ. Соціалистическое движеніе сдѣлалось сколько-нибудь значительнымъ въ Англіи не болѣе восьми-деяти лѣтъ. Разумѣется, оно подготовлялось исподоволь, но послѣднимъ толчкомъ къ нему, по словамъ Вебба, послужили два обстоятельства, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣющія: успѣхъ и распространеніе въ странѣ извѣстной книги Генри Джорджа—„Прогрессъ и бѣдность“—и принудительныя мѣры, принятыя министерствомъ Гладстона противъ ирландской поземельной лиги, удалившія многихъ свободомыслящихъ людей изъ рядовъ либеральной партіи и толкнувшія ихъ въ партію социалистовъ, только-что начавшую складываться и формиро-

ваться подъ старымъ именемъ радикальной партіи, но съ значительнымъ новымъ содержаніемъ. Старѣйшее изъ обществъ-послѣдователей этихъ ученій, такъ-называемая „Соціаль-демократическая федерація“, основана всего лишь въ 1881 году кружкомъ лицъ, принадлежавшихъ исключительно къ среднему классу,—министромъ Гайндманъ, бывшимъ оксфордскимъ студентомъ, Еленой Тэйлоръ (падчерицей Дж. Ст. Милля) и другими. Въ настоящее же время число членовъ этой федераціи насчитывается многими тысячами; она имѣетъ тридцать „вѣтвей“ въ Лондонѣ и въ большей части значительныхъ провинціальныхъ городовъ и успѣла провести своихъ сочленовъ въ городское управленіе Лондона и Ньюкэстля. Вторая партія англійскихъ социалистовъ носитъ названіе „Соціалистической лиги“ и основана въ 1883 году извѣстнымъ поэтомъ и художникомъ Вилліамомъ Моррисъ. Возрѣнія обѣихъ этихъ партій весьма близки другъ къ другу; вторая отличается только болѣею крайностью и болѣшимъ нерасположеніемъ къ централизаціи или предпочтеніемъ ей свободныхъ и независимыхъ группъ и общинъ. Въ противность столь распространившемуся за послѣднее время въ Англіи индивидуализму, обѣ партіи одинаково мечтаютъ о самомъ широкомъ преобразованіи теперешняго политическаго строя въ Англіи, а главное—ея же экономическаго быта. Такъ, программа и правила „Соціаль-демократической федераціи“, составленныя на ежегодномъ собраніи ея членовъ въ Вирмингемѣ въ августѣ 1889 года, содержатъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее: уничтоженіе палаты лордовъ, всеобщее избирательное право, ежегодные парламенты, жалованье членамъ парламента и оплата издержекъ по выборамъ; въ сферѣ экономической политики: націонализація земли и организація земледѣльческихъ и промышленныхъ армій подъ государственнымъ контролемъ на артельныхъ началахъ; государственный выкупъ желѣзныхъ дорогъ, переходъ въ непосредственное завѣдываніе города освѣщенія, водоснабженія и конно-желѣзныхъ линій; прекращеніе и быстрый выкупъ государственныхъ займовъ, устройство прогрессивныхъ налоговъ на всѣ доходы свыше трехсотъ фунтовъ въ годъ; принудительная или обязательная постройка государствомъ и городами жилищъ для рабочихъ и завѣдываніе ими; обязательное и свободное образованіе для всѣхъ классовъ, съ бесплатнымъ завтракомъ для учащихся въ каждой школѣ; обязательное количество рабочаго времени въ восемь часовъ для всѣхъ промысловъ и занятій въ странѣ.

Третья партія англійскихъ социалистовъ носитъ названіе „христіанскихъ социалистовъ“ и состоитъ изъ такихъ лицъ, которые стремятся свое ученіе примирить со словомъ Христа или даже связать съ Его ученіемъ. Сюда принадлежитъ множество лицъ изъ англій

скаго духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, разбросанныхъ по всей странѣ. Обратнo съ двумя предшествующими партіями, изъ которыхъ каждая имѣетъ только по одному органу періодической печати для распространенія своихъ воззрѣній, христіанскіе социалисты имѣютъ ихъ два и нѣсколько развѣтвленій общества подъ разными названіями. Вообще, эта партія едва ли не самая многочисленная; ея воззрѣнія заключаются въ необходимости для социальной реформы нравственного усовершенствованія человѣка и его подчиненія идеѣ общаго блага. Къ ней примыкаетъ такъ-называемая „гильдія св. Матѳея“, основанная пасторомъ Гедлэмъ (D. Headlam), дѣятельнымъ членомъ лондонскаго школьнаго управленія, издателя газеты съ тѣми же воззрѣніями—„Церковный Реформаторъ“ (The Church Reformer). Наконецъ, въ октябрѣ 1889 года возникло новое общество того же рода подъ названіемъ „Христіанскій социальный союзъ“ по инициативѣ каноника Голланда.

Четвертая фракція англійскихъ социалистовъ, по словамъ Сиднея Вебба, носитъ довольно странное названіе „фабіанскаго общества“. Основана она въ 1883 году, первоначально съ образовательною цѣлью и состоитъ преимущественно изъ лицъ средняго класса, въ большинствѣ изъ такъ-называемой „литературной богемы“ или литературнаго пролетаріата. Общество это въ настоящее время обнаруживаетъ значительную дѣятельность, вслѣдствіе личнаго участія своихъ членовъ почти во всѣхъ реформаторскихъ движеніяхъ своего времени, вліянія въ журналистикѣ и въ педагогическомъ мірѣ.

Вотъ собственно четыре партіи, на которыя распадается современные англійскіе социалисты, и съ которыми приходится бороться вышеупомянутымъ обществамъ индивидуалистовъ. Къ нимъ примыкаютъ еще отдѣльные кружки или общества, преслѣдующіе спеціальныя цѣли, а потому совпадающіе съ ученіемъ социалистовъ лишь отчасти. Такъ, сюда принадлежатъ два общества, имѣющія цѣлью экспроприацію земельной собственности государствомъ въ Англіи, такъ-называемое „Общество земельной націонализаціи“ (The Land Nationalization Society), считающее своимъ главой знаменитаго натуралиста Альфреда Уоллеса, и другое общество подъ оригинальнымъ названіемъ „Лиги возвращенія *англійскому* народу земли“ (English Land Restoration League), дѣятельное участіе въ которомъ принимаетъ уже упомянутый священникъ Гедлэмъ, издатель „Церковнаго еформатора“. Сюда принадлежитъ также спеціальное общество, заимѣвшее цѣлью „націонализаціи“ въ болѣе узкихъ рамкахъ, а именно, перехода въ собственность городскихъ муниципалитетовъ городской земли, находящейся, какъ извѣстно, въ Англіи въ огромномъ большинствѣ въ частной собственности немногихъ богатыхъ лордовъ, причемъ,

какъ правило, собственность на домъ отдѣлена отъ собственности на землю, на которой онъ стоитъ. Достиженіе цѣли предполагается посредствомъ обложенія поземельной ренты, почему и общество носитъ названіе, представляющее собою результатъ соединенія членовъ предпринимавшей лиги съ членами „Лиги лондонскихъ городскихъ реформъ“ (London Municipal Reform League): „Joint Committee for the Taxation of Ground Rents and Values“ (соединенный комитетъ для обложенія поземельныхъ рентъ и цѣнностей). Вообще, главная идея Генри Джорджа о „націонализаци“ земли имѣла такой крупный успѣхъ въ Англіи, что недавно произошло событіе, по словамъ Вебба, совершенно неожиданное: „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ“, основанная нѣкогда для уничтоженія косвенныхъ налоговъ и представлявшая всегда исключительно интересы богатыхъ классовъ Англіи, непосредственныя выгоды которыхъ связаны съ полною свободою торговли,—вдругъ въ лицѣ своего органа („Финансовый Реформаторъ“) измѣнила тонъ и сдѣлалась отчасти усерднымъ адептомъ Джорджа; она проповѣдуетъ теперь установленіе земельного налога въ 25% съ ежегоднаго дохода земли съ цѣлью той же націонализаци. Замѣтимъ, что эта ассоціація имѣетъ своими сторонниками значительное количество членовъ парламента и вообще вліятельныхъ лицъ въ англійскомъ правительствѣ.

Въ виду предлагаемаго, по инициативѣ германскаго императора, созванія международной конференціи для урегулированія социальнаго вопроса, весьма любопытно знать, какое было мнѣніе самихъ рабочихъ по этому вопросу, для чего книга Вебба содержитъ весь необходимый матеріалъ. На международномъ конгрессѣ въ Парижѣ англійскіе депутаты отъ рабочихъ промышленныхъ союзовъ (Trades' Union) выставили слѣдующую рабочую программу, принятую затѣмъ конгрессомъ почти единодушно ¹⁾: 1) 8 часовъ въ день должно быть максимумомъ дневной работы, утвержденнымъ по международному соглашенію; 2) по крайней мѣрѣ, одинъ день въ недѣлю долженъ быть свободнымъ, а равно работа воспрещается во всѣ праздники; 3) уничтоженіе ночной работы, насколько возможно, для мужчинъ и всецѣло для женщинъ и дѣтей; 4) полное воспрещеніе работы дѣтямъ, моложе 14 лѣтъ, и покровительство ихъ труду (т.-е. ограниченіе работы) до 18 лѣтъ; 5) распространеніе техническаго профессиональнаго образованія и облегченіе къ нему доступа; 6) излишнее время работы (сверхъ 8 часовъ) допускается не болѣе 4 часовъ въ сутки и за двойную плату; 7) гражданская и уголов-

¹⁾ Такимъ образомъ, постановленіе имѣетъ какъ бы международный характеръ, а не исключительно англійскій.

ная отвѣтственность предпринимателей за несчастія съ рабочими; 8) фабричные инспектора избираются самими рабочими, получаютъ содержаніе отъ государства или мѣстнаго управленія и имѣютъ всѣ права, необходимыя для контроля за исполненіемъ законовъ (право входа въ мастерскія, осмотровъ и т. д.); 9) государство и мѣстное управленіе содѣйствуютъ и поощряютъ основаніе артельныхъ мастерскихъ; 10) работы лицами, заключенными въ тюрьмахъ и рабочихъ домахъ, совершаются на тѣхъ же условіяхъ, какъ и свободный трудъ и преимущественно употребляются для общественныхъ надобностей; 11) никакіе иностранные рабочіе не допускаются къ труду въ странѣ иначе, какъ по размѣрамъ платы, установленнымъ промышленнымъ союзомъ рабочихъ данной страны; 12) въ каждой странѣ опредѣляется постоянный минимумъ заработной платы, достаточный для личнаго существованія рабочаго; 13) уничтожаются всѣ законы противъ международной организаціи труда; 14) равная плата и равныя условія работы устанавливаются для мужчинъ и женщинъ за равный трудъ и т. д.

Въ заключеніе своей книги Веббъ утверждаетъ, что Англія, несмотря на всѣ оппозиціонныя стремленія индивидуалистовъ, быстро идетъ будто бы къ коллективизму. Быть можетъ, это заключеніе поспѣшно, но тѣмъ не менѣе книжку Сиднея Вебба можно рекомендовать всѣмъ лицамъ, желающимъ познакомиться съ положеніемъ въ Англіи столь важнаго для всей Европы вопроса о трудѣ и относящейся сюда современной литературѣ.—И. И.

II.

— *Idealismus*. Von Prof. Dr. Chr. Muff. Halle, 1890. Стр. 182. Ц. 3 м.

Въ книжкѣ профессора Муффа проводится мысль, что стремленіе къ идеалу возбуждаетъ лучшія свойства человѣческой природы, и что въ союзѣ съ здравымъ реализмомъ оно приноситъ богатые плоды во всѣхъ областяхъ жизни и дѣятельности. Мысль не новая и не оригинальная, но хорошія старыя идеи въ наше время производятъ иногда впечатлѣніе новизны. Многіе думаютъ у насъ, то, напримѣръ, нѣмцы обязаны своими политическими успѣхами исто внѣшнимъ обстоятельствамъ — суровой энергіи и послѣдовательности князя Бисмарка, твердой организаціи военныхъ силъ т. п. Сами нѣмцы даже не раздѣляютъ такого мнѣнія; они глочно сознаютъ, что всѣ ихъ преимущества зависятъ отъ умственного и нравственнаго состоянія народа, отъ степени его обще-

ственного и культурнаго развитія, отъ процвѣтанія научныхъ и техническихъ знаній, отъ господства честности и дѣловитости въ управленіи и законодательствѣ, отъ непоколебимой вѣры въ извѣстные идеалы, ведущіе націю впередъ, а не назадъ. Нѣмецкая наука, какъ заявляетъ не безъ гордости проф. Муффъ, „дѣлаетъ громадныя успѣхи не въ одномъ только натуралистическомъ направленіи. Воспитаніе доведено до степени искусства, которое развиваетъ уже не только интеллектуальныя способности, но и нравственныя качества, преслѣдуетъ идеальныя цѣли и доставляетъ свои благодѣянія бѣднѣйшимъ дѣтямъ. Интересъ къ вопросамъ политики, къ улучшенію государственнаго быта и къ установленію возможно болѣе совершенныхъ порядковъ проникъ въ самыя обширныя слои населенія: участіе ко всему, что называется искусствомъ, сдѣлалось всеобщимъ; изъ мечтательной націи нѣмцы стали націею ясно думающею, энергически проявляющею свою волю и сознательно дѣйствующею для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Можно сказать, какъ выразился одинъ южногерманскій депутатъ послѣ французской войны, — что „весна настала въ германской имперіи“. Всѣмъ этимъ,—продолжаетъ Муффъ,—мы обязаны живущему въ насъ стремленію вверхъ, къ правдѣ и добру, ко всему высокому и совершенному, словомъ, нашему идеализму. Идеализмъ есть та жизненная сила, которая возвышаетъ отдѣльныхъ людей, цѣлыя общества и народы надъ влеченіями чувственности и пользы и воодушевляетъ для подвиговъ, имѣющихъ долговѣчную цѣнность и ведущихъ къ вершинамъ челоѣчества. Идеализмъ облагораживаетъ всякую дѣятельность и всякое творчество; онъ одинъ только доставляетъ истинное внутреннее удовлетвореніе и придаетъ смыслъ нашей жизни; это—освѣщающее, грѣющее и животворящее солнце, подъ вліяніемъ котораго всѣ добрыя сѣмена развиваются и даютъ плодъ, и создается благосостояніе, на которомъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ нашъ взоръ“.

Изъ такихъ восторженныхъ разсужденій о нѣмецкихъ идеалахъ и нѣмецкой дѣйствительности можно было бы заключить, что авторъ ярый прогрессистъ; а между тѣмъ онъ несомнѣнный и рѣшительный консерваторъ, стоящій на почвѣ религіозной догматики и воинственнаго нѣмецкаго патріотизма. Профессоръ Муффъ въ одномъ мѣстѣ называетъ войну 1870 года благодатною, „ниспосланною Богомъ“ (der gottgesandte Krieg); но счастливые результаты этой войны онъ приписываетъ именно культурнымъ достоинствамъ нѣмецкой государственности. Авторъ приводитъ, между прочимъ, замѣчаніе министра почтъ, фоня-Стефана: „Отнимите у насъ идеалы, и свѣтъ опустѣетъ, и все разрушится, ибо въ безвоздушномъ пространствѣ всѣ тѣла падаютъ съ одинаковою скоростью“. Если подобный взглядъ публично

высказывается въ Германіи министромъ такого прозаическаго вѣдомства, какъ почтовое, то нечего уже говорить о воззрѣніяхъ, господствующихъ въ обществѣ и литературѣ. Авторъ, конечно, признаетъ разумнымъ только идеализмъ реальный, а не мечтательный, заключающійся въ простомъ фантазированіи.

Книжка распадается на пять главъ: о „понатіи идеализма“ вообще, объ идеализмѣ въ религіи, въ наукѣ, въ жизни и въ искусствѣ. Само собою разумѣется, что значительнымъ матеріаломъ для размышлений автора объ идеалахъ послужили многочисленныя произведенія нѣмецкой художественной литературы, посвященныя этому предмету, особенно же стихотворенія и изреченія Шиллера.

III.

— *Philosophie und Politik. Studien über Ferd. Lassalle und Johann Jacoby. Von Dr. Moritz Brasch. Leipzig, 1890. Стр. 168. Ц. 3 м.*

Этюды д-ра Браша касаются двухъ политическихъ дѣятелей, изъ которыхъ одинъ приобрѣлъ громкую славу, какъ основатель нѣмецкой социаль-демократіи, а другой игралъ видную роль въ конституціонномъ движеніи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ въ Пруссіи. Имя Фердинанда Лассалля пользуется до сихъ поръ большою популярностью у нѣмцевъ, а Якоби уже почти забытъ. Лассаль былъ энергическій и блестящій агитаторъ, положившій прочное начало объединенію и организаціи нѣмецкаго рабочаго класса, въ видѣ самостоятельной народной партіи,—тогда какъ Якоби былъ кабинетнымъ проповѣдникомъ свободы, суровымъ отшельникомъ въ политикѣ. Послѣ сѣданской побѣды, когда патріотическое возбужденіе нѣмцевъ достигло своего апогея, Якоби имѣлъ мужество протестовать публично противъ насильственнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи, за что былъ заключенъ въ крѣпость по распоряженію командовавшаго въ Берлинѣ генерала. Якоби былъ убѣжденный и послѣдовательный демократъ, чуждый личнаго честолюбія и неспособный идти ни на какіе компромиссы; Лассаль былъ весь проникнутъ сознаніемъ своихъ талантовъ и своего политическаго призванія, увлекался мечтами о внѣшнемъ могуществѣ Германіи, ничего не имѣлъ противъ насилій, совершаемыхъ во имя національнаго патріотизма, и готовъ былъ ступить въ сдѣлку съ Бисмаркомъ на почвѣ рабочаго вопроса. Ни по личному характеру, ни по политическимъ принципамъ, ни по способамъ дѣятельности Лассаль не напоминалъ Якоби; это были корѣе противоположные типы, и желаніе д-ра Браша провести между ними какую-то параллель не можетъ быть названо удачнымъ.

Д-ръ Брашъ имѣлъ въ виду, впрочемъ, изложить не политическую исторію Лассалъ и Якоби и даже не политическія ихъ воззрѣнія, а ихъ философскія идеи и теоріи, въ связи съ вліяніемъ послѣднихъ на политику. Этюдъ „о Лассалѣ, какъ философѣ-историкѣ и юристѣ“ (стр. 1—74) заключаетъ въ себѣ краткій анализъ двухъ главныхъ сочиненій Лассалъ—о философіи Гераклита и „Системы приобрѣтенныхъ правъ“; затѣмъ приводится содержаніе нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ журнальныхъ статей и отдѣльныхъ брошюръ, не лишенныхъ интереса и въ настоящее время. Авторъ старается доказать, что Лассалъ былъ самостоятельнымъ философскимъ мыслителемъ; но его философія, заимствованная всецѣло у Гегеля, не имѣла и не могла имѣть серьезнаго значенія въ ту эпоху, когда пришлось дѣйствовать Лассалю. Даже снисходительные нѣмецкіе критики того времени замѣчали нѣкоторую устарѣлость его туманнаго философскаго языка и его схоластической діалектики. Лассалъ выступалъ съ приемами и терминологіею Гегеля, когда послѣдній былъ уже безповоротно преданъ забвенію. Соціально-политическія брошюры и рѣчи Лассалъ имѣли громаднѣйшій успѣхъ именно потому, что въ нихъ онъ заговорилъ живымъ, энергическимъ языкомъ, безъ помощи гегелевскаго тумана. Намъ кажется, что философія есть самая слабая сторона дѣятельности Лассалъ, и что не стоило выдвигать ее на первый планъ въ спеціальномъ этюдѣ. Еще меньше научнаго или практическаго интереса представляетъ вопросъ о философскихъ идеяхъ Якоби, бывшаго хорошимъ медикомъ и политическимъ писателемъ, но никогда не претендовавшаго на роль оригинальнаго мыслителя. Впрочемъ д-ръ Брашъ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ, и книжка его будетъ прочитана не безъ пользы представителями новаго поколѣнія, для которыхъ дѣятели недалекаго прошлаго становятся уже какими-то отдаленными и неясными историческими фигурами.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го марта 1890.

Отношеніе нѣкоторыхъ органовъ нашей печати къ дворянскимъ собраніямъ.—Рѣчь графа А. А. Бобринскаго.—„Горе отъ ума“, вывороченное на изнанку.—„Грязный хвостъ консерватизма“, усмотрѣнный „Московскими Вѣдомостями“.

Шесть лѣтъ тому назадъ, когда только-что начинался новый фазисъ „дворянскаго вопроса“, одна изъ нашихъ газетъ привѣтствовала предстоявшее открытіе очередного московскаго дворянскаго собранія, какъ крупное событіе въ русской государственной и общественной жизни. За дворянствомъ,—говорилось тогда,—признается государственное „значеніе“; его представители приглашаются „отвѣчать на нужды государства“, „поддержатъ государственную власть“, „дать почувствовать въ разслабленномъ и распатанномъ обществѣ тотъ крѣпкій государственный духъ, которымъ создана дворянская организація“. Эта газета—„Московскія Вѣдомости“, во главѣ которыхъ еще стоялъ тогда М. Н. Катковъ. Теперь на ея страницахъ раздаются совсѣмъ другія рѣчи, тѣмъ болѣе странныя, чѣмъ значительно переимѣна, происшедшая въ положеніи дворянства. Въ ту самую минуту, когда дворянству предуказаны новыя задачи, предоставлены новыя права и преимущества, оно подвергается „реприманду“, по истинѣ неожиданному. Въ ласкавшей рукѣ внезапно оказывается узда, изъ которой дѣлается весьма энергичное употребленіе. Мы видѣли уже во Внутреннемъ Обзорѣніи, во что обращается подъ перомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ только-что возстановленное въ прежнемъ объемѣ право дворянскихъ ходатайствъ; посмотримъ теперь, во что обращается само дворянство, при первой попыткѣ дѣйствовать не по указкѣ московской газеты. Рѣчь идетъ, конечно, о тѣхъ дворянскихъ собраніяхъ, которые высказались не въ пользу дѣйствующей системы гимназическаго обученія. Заявленія, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ, возводятся на степень „агитаціи противъ серьезнаго образованія“, прежде составлявшей привилегію „либеральныхъ публицистовъ“. Эту „незавидную привилегію“,—воскликаетъ московская газета,—желаетъ присвоить себѣ, повидимому,

благородное російское дворянство... Выходить, какъ будто дѣти нашихъ дворянъ нуждаются въ особомъ гимназическомъ образованіи, которое отличалось бы отъ образованія другихъ сословій не большею серьезностью и основательностью, а большею легкостью и пустотой". Въ этомъ тонѣ „Московскія Вѣдомости“ говорятъ о собраніяхъ, ограничившихся указаніями на отрицательныя стороны существующаго порядка. Для собраній, осмѣлившихся высказать кое-какія положительныя желанія, по этому же предмету, у московской газеты имѣются въ запасѣ еще болѣе рѣзкія ноты. „Нѣкоторыя изъ нашихъ дворянскихъ собраній,—говоритъ она по поводу ходатайствъ орловскаго и курскаго,—до того еще проникнуты духомъ парламентаризма, которымъ они заразились въ шестидесятихъ годахъ, что серьезно воображаютъ себя какими-то законодательными собраніями, призванными вырабатывать законопроекты для всей Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, что, если не западный духъ самаго пошлаго парламентаризма заставляетъ русскихъ дворянъ играть эту жалкую и смѣшную роль законодателей по такимъ специальнымъ вопросамъ, о которыхъ они никакого понятія не имѣютъ? Посудите сами: люди съѣхались на какіе-нибудь три, четыре дня въ „губернію“ изъ своихъ деревень, оторвавшись отъ хозяйственныхъ работъ и финансовыхъ расчетовъ съ различными банками, и тотчасъ, однимъ почеркомъ пера, рѣшаютъ вопросъ, требующій самаго серьезнаго, внимательнаго обсужденія опытныхъ и авторитетныхъ специалистовъ. Такіе именно специалисты созданы въ настоящее время въ Петербургѣ г. министромъ Народнаго Просвѣщенія и обсуждаютъ вопросъ объ улучшеніи нашихъ гимназій со всею основательностью, какой требуетъ данный вопросъ, какъ по своей специальной сложности, такъ и по государственной своей важности. Какую же нужно имѣть легкомысленную смѣлость, какимъ слѣпымъ самомиѣніемъ нужно обладать, чтобы безо всякой подготовки рѣшать такой серьезный вопросъ съ одного лихого налета! Орловскіе дворяне прямо требуютъ уменьшенія классныхъ занятій въ гимназіяхъ и сокращенія программы по древнимъ языкамъ, а курскіе дворяне въ своемъ легкомысліи и самомиѣніи идутъ еще дальше и требуютъ даже сліянія классическихъ гимназій съ реальными училищами, значительнаго сокращенія размѣровъ преподаванія латинскаго языка, а греческій языкъ выкидываютъ вонъ изъ обязательныхъ предметовъ!.. Если російскіе дворяне, по крайней мѣрѣ нѣкоторые ихъ представители, имѣютъ такое странное понятіе объ образованіи и о той мѣрѣ компетентности, которая нужна для рѣшенія вопросовъ, касающихся образованія, то это, къ прискорбію, доказываетъ лишь то, что это дворянство, до сихъ поръ, еще не является тѣмъ *образованнымъ*

шимъ сословіемъ русскаго народа, которымъ оно должно быть и которымъ оно, надѣмся, со временемъ будетъ".

Въ этой тиралѣ характеристично каждое слово. Почему, спрашивается, дворянству никогда не виѣнялись въ вину ходатайства по другимъ, не менѣе важнымъ и спорнымъ вопросамъ, если только они приходились по душѣ московскимъ „цѣнителямъ и судьямъ“? Почему полтавское дворянство могло, напримѣръ, сочинять проекты учрежденія заповѣдныхъ имѣній, не навлекая на себя московскихъ газетныхъ громовъ? Развѣ вопросъ о единонаслѣдіи можетъ быть „рѣшенъ однимъ почеркомъ пера“, развѣ онъ не требуетъ „серьезнаго, внимательнаго обсужденія опытныхъ и авторитетныхъ спеціалистовъ“? А вопросъ о налогѣ на наслѣдство, постоянно, чуть ли не съ самаго 1882 г. (времени установленія налога), возбуждаемый разными дворянскими собраніями? Почему никто не удивлялся и не возмущался, когда дворянство, охраняя свои имущественные интересы, просило объ отмѣнѣ только-что изданнаго закона? Если въ оправданіе этой просьбы можно было сказать, что дворянство чувствовало на себѣ тяжесть налога, то развѣ оно не чувствуетъ тяжести условій, при которыхъ воспитываются и учатся его дѣти? Не ясно ли, что въ отношеніи къ дворянскимъ прерогативамъ, какъ и ко многому другому, наша реакціонная пресса держится системы двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ? Высказывается дворянское собраніе за усиленіе мѣстной власти или за свободу учрежденія заповѣдныхъ имѣній—оно признается составленнымъ изъ мужей опыта и совѣта, умудренныхъ „крѣпкимъ государственнымъ духомъ“. Высказывается оно за пѣкоторое ограниченіе классицизма—ему сейчасъ же ставится на видъ и кратковременность его сессій, и невозможность рѣшать серьезный вопросъ „съ одного лихого полета“. Пускаются въ ходъ даже намеки на запутанность собственныхъ дворянскихъ хозяйствъ, на существованіе у дворянъ „финансовыхъ расчетовъ съ различными банками“. Итакъ, „отзывать на нужды государства“ дворянство должно именно и только въ томъ духѣ и смыслѣ, въ какомъ отзываются на нихъ извѣстные органы печати; „поддерживать государственную власть“ оно должно не иначе, какъ въ томъ направленіи, которому сочувствуетъ извѣстная группа публицистовъ. Хороша роль, на которую хотятъ обречь „образованнѣйшее сословіе“ имперіи! Впрочемъ, и образованнѣйшимъ-то оно признается лишь до тѣхъ поръ, пока слѣдуетъ принципамъ Страстнаго бульвара; при малѣйшемъ уклоненіи отъ нихъ, право на этотъ титулъ отодвигается въ болѣе или менѣе отдаленное будущее и становится, какъ мы видѣли, предметомъ не увѣренности, а „надежды“.

Какъ бы ни объяснять, однако, фактъ существованія въ средѣ дворянства теченій, несогласныхъ съ московскимъ газетнымъ доктринерствомъ, самый фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнью, и столь же несомнѣнна его важность. Установить мышленіе по командѣ не удастся даже въ той средѣ, на которую особенно рассчитывали доктринеры. Новымъ доказательствомъ этому служить рѣчь, произнесенная бывшимъ петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, графомъ А. А. Бобринскимъ, на обѣдѣ, данномъ въ его честь послѣ закрытія собранія. Путь, по которому идетъ и должно идти дворянство,—произнесъ гр. Бобринскій,—„это—стеся, которая тянется параллельно другому прямому пути, и оба пути тѣсно связаны между собою. Мы тогда сильны, когда видимъ ту стезю подлѣ себя, и тѣ, что по той дорогѣ слѣдуютъ, познаютъ направленіе свое по нашему пути. Да и разстояніе между обѣими дорогами невелико—можно, легко можно съ нашего пути протянуть руку къ тѣмъ, кто по другой стезѣ идетъ, а въ тяжелые переходы нетрудно намъ подвигаться съ ними впередъ, рука объ руку... А кто именно по той дорогѣ идетъ, о томъ нужно ли мнѣ вамъ, господа, сказывать? Потому пути идетъ сила земская, и съ ней, съ этой земской силой, петербургское дворянство до сихъ поръ всегда шло и, дастъ Богъ, будетъ идти заодно и впредь!“ Самый текстъ рѣчи, одобреніе, ею вызванное, отголоски, встрѣченные ею въ заявленіяхъ другихъ ораторовъ—все свидѣтельствуетъ о томъ, что она выражаетъ собою не личное мнѣніе графа Бобринскаго, а убѣжденія и желанія большинства петербургскаго дворянства. Отсюда и раздраженіе, съ которымъ отнеслась къ гр. Бобринскому петербургская реакціонная газета. Она приравниваетъ его и къ профессорамъ-доктринерамъ, пишущимъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, и къ петербургскимъ либеральнымъ чиновникамъ; она выставляетъ его орудіемъ коварной интриги, имѣющей въ виду компрометтировать дворянство въ глазахъ правительства. Эта безсильная злоба вполне понятна: нападенія противника далеко не такъ чувствительны, не такъ обидны, какъ отпоръ со стороны предполагаемаго союзника...

Мы не имѣемъ симпатій къ безконечной полемикѣ и почти никогда не отвѣчаемъ на возраженія, вызванныя нашими критическими замѣтками. На этотъ разъ мы сдѣлаемъ исключеніе изъ общаго правила и возвратимся къ спору съ „Московскими Вѣдомостями“ о значеніи и смыслѣ „Горя отъ ума“. Слишкомъ важна роль безсмертной комедіи, слишкомъ высоко ея мѣсто въ русской жизни, чтобы можно

было отнестись равнодушно къ попыткѣ низвести ее на степень служебнаго орудія низменныхъ теченій. .

Выписываемъ, прежде всего, то мѣсто первой статьи „Московскихъ Вѣдомостей“, въ намѣренномъ игнорированіи котораго онѣ насъ обвиняютъ. „Чацкій *не ко двору* всякой интеллигентной толпѣ, которая всегда одна и та же, независимо отъ окраски. И если европейско-нижегородскій консерватизмъ Фамусовыхъ давалъ Чацкому поводъ къ раздражительнымъ монологамъ, то такой же точно поводъ подалъ бы ему къ нимъ нашъ французско-нижегородскій либерализмъ“. Вслѣдъ за этимъ идутъ слова, выписанныя въ предыдущей нашей хроникѣ. Пускай читатели судятъ сами, измѣняется ли отъ сдѣланной нами теперь прибавки смыслъ разсужденія, противоположавшаго просто „посредственности и пошлости“ — квалифицированную, т.-е. „либеральную посредственность и пошлость“. Еслибы мысль автора заключалась въ томъ, что новый Чацкій — или новый Грибоѣдовъ, — появившись въ наши дни, возсталъ бы противъ посредственности и пошлости вообще, гдѣ бы онъ ее ни встрѣтилъ, мы не возразили бы на то ни слова, потому что сами признавали и признаемъ посредственность и пошлость „возможными вездѣ и всегда, подъ всякимъ флагомъ“. Основаніемъ къ спору послужило и служить для насъ исключительно стремленіе московской газеты изобразить „фамусовско-молчалинско-скалозубовское наслѣдство“ перешедшимъ будто бы *всецѣло* въ руки „либераловъ“!! На этой почвѣ мы остаемся и теперь, сожалѣя только о томъ, что не можемъ предпослать нашимъ возраженіямъ полный текстъ обоихъ фельетоновъ г. Николаева („Московскія Вѣдомости“, №№ 20 и 41). Скрывать или искажать мысль противника намъ нѣтъ никакой надобности; мы желали бы, наоборотъ, чтобы она обрисовалась передъ читателями какъ можно ярче и полнѣе. „Что *Горе отъ ума* есть сатира на *холоповъ просвѣщенія европейскаго*“ — таковъ главный тезисъ второго фельетона, — „это ясно для всѣхъ, вѣроятно и для Вѣстника Европы“. — Нѣтъ, это вовсе не ясно — или, лучше сказать, это совершенно невѣрно. *Рабское подражаніе* чужимъ обычаямъ и нравамъ составляетъ только второстепенный предметъ нападеній Грибоѣдова. Въ первой сценѣ Чацкаго съ Софьей — когда онъ, полный надежды и счастья, никого еще не осуждаетъ злобно и сурово, — встрѣчаются, между прочимъ, крылатыя слова о „вѣрѣ“ въ нѣмцевъ, о „подбитомъ вѣтеркомъ французѣ“, о „смѣшенѣхъ языковъ французскаго съ нижегородскимъ“, но это — безобидныя стрѣлы, скорѣе царапающія, щекочущія, чѣмъ поражающія серьезно. Во второмъ актѣ, когда, по выраженію Гончарова, завязывается важная борьба, цѣлая битва, когда „раздается, какъ въ увертюрѣ оперы, главный мотивъ, намекается на истинный

смыслъ и цѣль комедіи“,—о рабскомъ или иномъ подражаніи Европѣ вовсе нѣтъ и рѣчи. Не его громить Чацкій въ двухъ вдохновенныхъ монологахъ, не оно мѣшаетъ „вперить въ науки умъ, алчущій познаній“, или дать волю стремленію „къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ“. Въ томъ, противъ чего возстаетъ Чацкій, нѣтъ ровно ничего европейскаго; если корни бичуемыхъ имъ пороковъ и слѣдуетъ искать гдѣ-то внѣ Россіи, то ужъ, конечно, не на западѣ, а на востокѣ. Не у запада научился Максимъ Петровичъ „стучать лбомъ объ полъ“ и отважно „жертвовать затылкомъ“; не въ европейской школѣ образовался „Несторъ негодяевъ знатныхъ“, промѣнивающій вѣрныхъ слугъ на борзыхъ собакъ, или благородный балетоманъ, амуры и зефиры котораго „распроданы по одиночкѣ“. То зло, которое внушаетъ не смѣхъ, а отвращеніе и ужасъ, то зло, въ борьбѣ съ которымъ Чацкій только и могъ возвыситься до истиннаго героизма,—не имѣетъ ничего общаго съ „людьми изъ города Бордо“ или съ „подражательницами модисткамъ“. Противъ этихъ ничтожныхъ, жалкихъ объектовъ гнѣвъ Чацкого направляется только тогда, когда онъ въ концѣ третьяго акта—говоримъ опять словами Гончарова—„очевидно ослабѣлъ отъ милліона терзаній. Онъ не только грустенъ, но и желченъ, придиричивъ. Онъ впадаетъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи. Слышится уже не острый, ядовитый сарказмъ, въ который вставлена вѣрная опредѣленная идея, правда, а какая-то горькая жалоба, какъ будто на личную обиду, на пустую или, по его же словамъ, не значащую встрѣчу съ *французикомъ изъ Бордо*, которую онъ, въ нормальномъ состояніи духа, едва ли бы замѣтилъ. Онъ пересталъ владѣть собой, онъ ударяется и въ патріотическій пафосъ, договаривается до того, что находитъ фразы противнымъ *разсудку и стихіямъ*, сердится, что *madame и mademoiselle* не переведены на русскій языкъ,—словомъ, *il divague!*—заклучили, вѣроятно, о немъ всѣ шесть княженъ и графиня-внучка. Онъ чувствуетъ это и самъ, говоря, что въ многолюдствѣ онъ *растерянъ, самъ не свой!*“ Вотъ какъ относится Гончаровъ—судья, нелицепріятность котораго не оспаривается и нашимъ противникомъ—къ финальному монологу третьяго акта. Заимствуя изъ него, и только изъ него, доказательства въ пользу своей основной темы, фельетонистъ московской газеты не можетъ не придти къ невѣрному выводу; останавливаясь на букашкахъ, въ родѣ „чужезвастыя модъ“, онъ упускаетъ изъ виду такого слова, какъ „подлѣйшія черты прошедшаго житія“, заклеименныя Чацкимъ въ сценѣ съ Фамусовымъ и Скалозубомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, въ сравненіи съ этими чертами, „жалкая тошнота по сторонѣ чужой“, по ея языку, по ея

костюмамъ, по ея бритымъ подбородкамъ? Невинная, смѣшная глупость—не болѣе! Не даромъ же всеобщее возмущеніе противъ Чацкаго, выражающееся въ поспѣшномъ и радостномъ провозглашеніи его сумасшедшимъ, начинается еще до монолога третьяго акта. „Зловѣщихъ старухъ, стариковъ, дряхлѣющихъ надъ вздоромъ, нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ“, однимъ словомъ, всю эту „толпу мучителей“ Чацкій возбудилъ противъ себя не осужденіемъ „пустого, рабскаго, слѣпотаго подражанья“. Она вооружилась противъ него за непочтительность къ властямъ, за непризнаніе спасительной силы поклоновъ и „исканій“, за скептическое отношеніе къ чинамъ и мундиру, за сочувствіе „завиральнымъ идеямъ“, и нельзя не сказать, что она поняла его гораздо лучше, чѣмъ понимаетъ его современная квази-консервативная критика.

„Всѣ герои грибоѣдовской комедіи,—говорить г. Николаевъ,—представители извѣстной стороны нашего европейничанья“. Гораздо правильнѣе было бы сказать, что главные (отрицательные) герои *Горя отъ ума*—Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ—представители той или другой стороны нашей азіатчины. И дѣйствительно, передъ какими чертами европейскаго просвѣщенья преклоняется хотя бы Фамусовъ? Къ единственному, что въ этомъ просвѣщеннѣ ему понятно и доступно—къ требованіямъ моды и салоннаго „хорошаго тона“—онъ относится по временамъ даже враждебно. Хотя онъ, уступая обычаю, и нанялъ для дочери мадамъ Розѣ, хотя въ разговорѣ съ Скалозубомъ, желая показать товаръ лицомъ, онъ и восхищается „воспитанностью“ московскихъ барышенъ, но въ минуты откровенности онъ говоритъ совсѣмъ иначе. „А все Кузнецкій-Мостъ и вѣчные французы, откуда моды къ намъ, и авторы, и музы“,—восклицаетъ онъ въ первой сценѣ съ Софьей. „Когда избавить насъ Творецъ отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ, и книжныхъ, и бисвитныхъ лавокъ?“ Противъ „рабскаго, слѣпотаго подражанья“ умѣетъ, такимъ образомъ, возставать и Фамусовъ; что же, ужъ не зачислить ли его въ союзники Чацкаго? Пропастъ, ихъ раздѣляющая, обнаруживается именно въ томъ, чего не видитъ или не хочетъ видѣть консервативная критика. Въ своей апоеозѣ грубаго, истинно-восточнаго раболѣбства, въ своемъ взглядѣ на родственныя обязанности, въ угрозахъ Филькѣ и Лизѣ, въ восхваленіи нерабочиваго гостепріимства, въ отрицаніи учености и ученья—ездѣ, днимъ словомъ, гдѣ Фамусовъ является самимъ собою, онъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ европеизмомъ „даже поверхностнымъ и вѣшнымъ“, даже усвоеннымъ въ силу лакейской податливости чужимъ „внушеніямъ“. Можно, конечно, представить себѣ чиновника, проби-

вающаго себѣ дорогу услужливостью передъ „либеральничающимъ“ магнатомъ и руководствующагося, въ то же время, принципомъ радѣнія о „родномъ человѣчкѣ“; но это будетъ уже не Фамусовъ, даже не прямой его потомокъ. Онъ не будетъ проповѣдовать „ученье на старшихъ глядя“, не будетъ рекомендовать сожженіе книгъ и объяснять ученостью размноженіе „безумныхъ дѣлъ и мѣній“... Намъ могутъ возразить, что на такую проповѣдь, на такіа объясненія не рѣшится нынѣ никто, между тѣмъ какъ родъ Фамусовыхъ очевидно еще не пресѣлся. Соглашаясь съ послѣднимъ, мы отрицаемъ первое. Фамусовы не только существуютъ—они остаются вѣрными прежнему своему девизу, измѣнивъ развѣ, и то слегка, его формулировку. „Ученье на старшихъ глядя“ называется теперь вѣрностью завѣтамъ предковъ; „чума учености“ переименована въ тлетворное дуновение отрицательныхъ доктринъ, или что-нибудь въ томъ же родѣ. Ужъ не для того ли намъ столь усердно совѣтуютъ искать Фамусовыхъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ, чтобы мы не нашли ихъ тамъ, гдѣ они размножаются и процвѣтаютъ?...

„Чтобы добыть чины“,—воскликаетъ полковникъ Скалозубъ,—„есть многіе каналы; объ нихъ какъ истинный философъ я сужу: мнѣ только бы досталось въ генералы“. Въ грибоѣдовское время,—замѣчаетъ по этому поводу г. Николаевъ,—„былъ лишь одинъ каналъ, и имъ пользовались всѣ стремившіеся къ чинамъ; въ по-реформенное время оказалось, что къ тому же и гораздо скорѣе, и гораздо вѣрнѣе вели либеральныя каналы—и вотъ полковникъ Скалозубъ началъ говорить о гуманности и прогрессѣ“. Въ этихъ словахъ была бы доля правды, еслибы единственной отличительной чертой Скалозуба было стремленіе къ чинамъ; но Скалозубъ, грибоѣдовскій Скалозубъ—вовсе не олицетвореніе военного карьеризма. Онъ—живое и сложное лицо: ограниченный и невѣжественный служака, безсердечный, но вмѣстѣ съ тѣмъ наивный и вѣрующій поклонникъ шагистики, весь погруженный въ міръ „форменныхъ отличекъ“. Онъ искренно радуется вѣсти, что книги, отнынѣ впредь, будутъ сохраняться „такъ, для большихъ okazji“; онъ глубоко убѣжденъ, что вся житейская мудрость исчерпывается формулой: „разъ, два“. Оставаясь самъ собою, онъ никогда, ни при какихъ условіяхъ не сдумѣетъ и не захочетъ говорить о „гуманности и прогрессѣ“. У него есть, пожалуй, кое-что общее съ представителями прусскаго Gamaschen-dienst—но онъ похожъ на нихъ, въ сущности, не больше чѣмъ Аракчеевъ—на одного изъ сподвижниковъ Фридриха II-го. И всемогущій временщикъ, и его скромный слуга, покрыты легкимъ слоемъ наноснаго европеизма—но подъ нимъ скрывается именно та татар-

щина, которую известная французская поговорка столь несправедливо предполагаетъ въ каждомъ русскомъ. Есть ли *теперь* болѣе или менѣе подлинныя Скалозубы—это вопросъ, котораго мы рѣшить не беремся; несомнѣнно только одно—что для нихъ нѣтъ мѣста ни въ либеральномъ, ни даже въ „либеральничающемъ“ лагерѣ.

Въ чемъ заключаются, наконецъ, тѣ стороны „европейскаго просвѣщенія“, „холопомъ“ которыхъ является Молчалинъ? Есть ли въ немъ хоть одна черта, которая не могла возникнуть и развиться на старо-московской почвѣ? Услужливымъ, низкопоклоннымъ, подленькимъ, пошленькимъ—можетъ быть, безспорно, и европейецъ, но та комбинація этихъ качествъ, которую мы видимъ въ Молчалинѣ, заключаетъ въ себѣ всего меньше западнаго или „западническаго“. Возводимы въ теорію, провозглашаемы кодексомъ нравственности и жизни молчалинскія свойства могутъ быть только при совершенно особой обстановкѣ. Самая фамилія Молчалина, едва ли случайно выбранная Грибоѣдовымъ, идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ представленіемъ о либерализмѣ и даже о „либеральничаньѣ“. Либерализмъ немыслимъ безъ свободнаго слова, либеральничанье немыслимо безъ фразы; молчалинство отказывается даже отъ фразы, потому что не можетъ „сидѣть свое сужденіе имѣть“. „Умѣренность и аккуратность“—только показная сторона молчалинства; его истинная суть коренится въ завѣщаніи, которымъ отецъ Молчалина напутствовалъ своего сына... „Либеральныхъ Молчалиныхъ, —говорить критикъ „Московскихъ Вѣдомостей“, —рисовалъ самъ Салтыковъ. Это невѣрно. Литературный Молчалинъ („Въ средѣ умѣренности и аккуратности“) издаетъ либеральную газету, но самъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень далекъ отъ „либерализма“. „На лицѣ его ничего не было написано, кромѣ неустержимой страсти къ правописанію“—и первой его просьбѣ, обращенной къ настоящему Молчалину (служащему именно тамъ гдѣ Молчалины всего умѣстнѣе и нужнѣе) было: „да уйми ты, сдѣлай милость, моихъ передовиковъ“. Типы, въ томъ или другомъ отношеніи родственныя Молчалину, можно найти—мы этого не отвергали и не отвергаемъ—въ какомъ угодно лагерѣ; весь вопросъ въ томъ, гдѣ сохраняются *съ наше время* истыя Молчалины, гдѣ могъ бы найти ихъ новый Чацкій—или новый Грибоѣдовъ. Допустимъ, на минуту, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ они попадались и въ „либеральныхъ“ рядахъ; но остались ли они имъ вѣрными теперь, когда „либерализмъ“ пересталъ „обрѣтаться въ авантажъ“¹⁾, или же пере-

¹⁾ Собственно говоря, либерализмъ и либералы въ особенномъ „авантажѣ“ никогда, за исключеніемъ рѣдкихъ, мимолетныхъ моментовъ, у насъ не находились; мы

бѣжали на другое мѣсто, болѣе соответствующее молчалинскимъ традиціямъ? Поставить вопросъ такимъ образомъ, значитъ разрѣшить его: никто, конечно, не въ состояніи представить себѣ Молчалиныхъ иначе какъ на сторонѣ силы и успѣха.

Что Загорѣцкіе могутъ, смотря по обстоятельствамъ надѣвать на себя то либеральную, то реакціонную маску—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; мы утверждали и утверждаемъ только, что теперь они навѣрное повторяютъ старую пѣсню о необходимости строгаго наблюденія за баснописцами. Съ глазу на глазъ они, быть можетъ, называютъ себя иногда „ужасными либералами“—но это, конечно, дѣлается не безъ задней мысли. Простодушно и наивно, какъ и прежде, мѣняютъ клички Репетиловы, по имени—принадлежа ко всѣмъ группамъ, на самомъ дѣлѣ—не принадлежа ни къ одной. Шумъ, по самой своей природѣ, не можетъ быть, какъ мы уже сказали, ни либеральнымъ, ни консервативнымъ; но въ современномъ шумѣ консервативныя ноты, вслѣдствіе акустическихъ условій, слышатся гораздо чаще и гораздо сильнѣе, чѣмъ либеральныя. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія слова провинціальной газеты ¹⁾, написанныя по совершенно другому поводу, но вполне подтверждающія нашу мысль. „Если въ старину шумѣли Репетиловы и Загорѣцкіе, то нынѣ пришла очередь шумѣть охранителямъ-консерваторамъ. На нашихъ глазахъ происходитъ какая-то свистопляска квази-консерваторовъ. Все считаютъ они себѣ дозволеннымъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и договаривая тамъ, гдѣ прочіе ставятъ только точки“. Въ этомъ шумѣ, среди множества заподозрѣваній и изобличеній, не трудно различить и нѣчто весьма похожее на репетиловское восклицаніе: „радикальное потребно тутъ лекарство“ (припомнимъ хотя бы прожектъ о полицейскихъ волостныхъ надзирателяхъ, упомянутый выше, во Внутреннемъ Обозрѣніи). Вмѣсто того, чтобы кивать на „либерализмъ“ современныхъ Репетиловыхъ, московской газетѣ не мѣшало бы оборотиться... хотя бы на „грязный хвостъ“ ея собственной партіи, о которомъ еще рѣчь впереди.

Повторяя, вслѣдъ за нами, слова И. А. Гончарова, что Чацкіе „стремятся отъ рутинѣ къ свободной жизни“, г. Николаевъ старается истолковать эти слова въ пользу защищаемаго имъ тезиса. „Какъ до-реформенный Чацкій, — говоритъ онъ, — стремился отъ до-реформенной рутинѣ и невѣжества, отъ слѣпота, рабскаго, пустого подра-

---

допускаемъ противное только для того, чтобы показать, что даже и въ такомъ случаѣ нельзя согласиться съ „Московскими Вѣдомостями“.

¹⁾ „Саратовскій Дневникъ“, № 35.

жизни, къ *свободной жизни* и къ *просвѣщенію*, въ основу которыхъ положены *свои* культурныя начала,—такъ и Чацкій по-реформенный стремился отъ по-реформенной рутины, отъ рутины уже либеральной, отъ либеральнаго уже невѣжества, отъ того же слѣпота, рабскаго пустого подражанья, къ *свободной жизни* и къ *просвѣщенію*, въ основу которыхъ положены *свои* культурныя начала“. Подъ тождествомъ словъ скрываются здѣсь совершенно различныя идеи. Что понималъ Гончаровъ подъ „свободною жизнью“ и „просвѣщеніемъ“, къ которымъ стремятся Чацкіе—это видно изъ того, что новѣйшими Чацкими онъ считалъ Бѣлинскаго и Герцена ¹⁾. Стремленію *впередъ*, къ свободной жизни, онъ противопоставлялъ „ученье на старшихъ глядя“—и признавалъ Чацкими только того, кто объявилъ войну этому фамусовскому девизу. Отсюда невозможность искать Чацкихъ въ лагерь консервативномъ или, тѣмъ болѣе, ретроградномъ. Просвѣщеніе, по терминологіи этого лагерь—это именно „ученье на старшихъ глядя“; „свободная жизнь“—это свобода слѣдовать заранѣе предрѣшеннымъ „культурнымъ началамъ“, и больше никакимъ другимъ. Иными словами—свобода для насъ есть полнѣйшая несвобода для всѣхъ „несогласно-мыслящихъ“ съ нами! Не о такой свободѣ мечталъ Чацкій—подлинный, грибоѣдовскій Чацкій, свѣтлый образъ котораго не удастся никакимъ образомъ затемнить туманомъ реакціонныхъ перетолкованій.

На дняхъ „Московскія Вѣдомости“, оставивъ на минуту „либераловъ“ въ сторонѣ, произвели смотръ въ своемъ лагерь, и при этомъ сдѣлали—не знаемъ, какъ назвать: открытіе или признаніе,—а именно, что у нашего консерватизма есть „грязный хвостъ“! Мы это всегда подозрѣвали, а въ послѣднее время были даже въ томъ убѣждены, но московская газета отнынѣ ставитъ вопросъ внѣ всякаго сомнѣнія, и теперь каждому предоставляется рѣшать только одно: гдѣ этотъ „грязный хвостъ“ начинается, и не гораздо ли онъ длиннѣе своей

¹⁾ Кстати о Герценѣ. Лично отъ себя мы въ предыдущей хроникѣ не сказали о немъ ни слова: мы ограничились ссылкой на мнѣніе Гончарова, причисляющаго его къ преемникамъ Чацкаго. Между тѣмъ въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ мы читаемъ буквально слѣдующее: „Вѣстникъ Европы упоминалъ о Герценѣ. „Вотъ—нашъ Чацкій“, побѣдоносно восклицаетъ онъ. Это восклицаніе кажется московской газетѣ глубоко комичнымъ. Можетъ быть, оно и было бы комично, если бы только оно было: но его на самомъ дѣлѣ нѣтъ, нѣтъ даже ничего подобнаго. Фраза, поставленная въ кавычки, т.-е. прямо намъ приписанная, просто сочинена фельетонистомъ московской газеты.

головы? Усмотрѣли же „Московскія Вѣдомости“ свой „грязный хвостъ“ съ несомнѣнною ясностью—изъ гнусной выходки кн. Мещерскаго въ газетѣ „Гражданинъ“ противъ преосвященнаго Виссаріона, о чемъ у насъ упомянуто выше, во Внутреннемъ Обзорѣ. — „Ко всякому общественному теченію,—меланхолически разсуждаетъ московская газета,—особливо когда оно пріобрѣтаетъ силу и распространеніе, всегда, къ сожалѣнію, примазываются всякіе промышленники, а также и разныя безтолковые люди, не имѣющіе, какъ говорится, царя въ головѣ. Не избѣгло этой участи (увы!) и охранительное общественное теченіе. И къ нему примазались всякіе промышленники и разныя безтолковые люди, образуя собою грязный хвостъ консерватизма. Въ журналистикѣ этотъ хвостъ охранительнаго общественнаго теченія представленъ газетою „Гражданинъ“. Это—удивительная газета. Это—образчикъ безтолковой суетливости и безтолковаго шума. Стоитъ только органу князя Мещерскаго прикоснуться къ какой-нибудь идеѣ, чтобы тотчасъ же ее исказить, опошлить, сдѣлать вульгарною и смѣшною. Часто самая разнузданная сатирическая фантазія не способна была бы выдумать такіе курьезы, какіе встрѣчаемъ чуть не въ каждомъ номерѣ „Гражданина“. Если онъ заговорить о власти, о престижѣ власти, то непременно договорится до кулачнаго права; если заведетъ рѣчь о реформѣ образованія, то непременно потребуетъ почти полнаго его упраздненія; если коснется религіи, то всегда выйдетъ какое-то странное и безсмысленное кощунство. И такъ во всемъ: нѣтъ чувства мѣры. Очень понятно почему: во-первыхъ, потому что нѣтъ царя въ головѣ, а во-вторыхъ, потому что „Гражданину“ рѣшительно нѣтъ дѣла ни до какихъ „идей“; ему просто хочется какъ можно больше напумѣть и хотя шумомъ привлечь къ себѣ вниманіе. Въ этомъ все дѣло, въ этомъ вся цѣль. Этимъ объясняются всевозможныя безтолковыя выходки органа князя Мещерскаго; этимъ же объясняется и уже болѣе чѣмъ безтолковая, просто наглая выходка его противъ епископа Виссаріона“...

Но „Московскія Вѣдомости“ не могли выдержать характера до конца: „голова консерватизма“, какою, вѣроятно, считаетъ себя московская газета, не могла воздержаться отъ того, чтобы не призвать на скорбную главу „Гражданина“ небесныя громы; по примѣру того же „Гражданина“, „Московскія Вѣдомости“ не безъ паѳоса, но въ полицейскомъ тонѣ вопрошаютъ: „Неужели „Гражданинъ“ не отъ-титъ за наглую и оскорбительную выходку противъ епископа Виссаріона?..“ Да вѣдь сама же газета только-что доказала, и вполне основательно, что „Гражданинъ“ — неответственъ, а слѣдовательно и невмѣняемъ...

Открытие „грязного хвоста“ у нашего консерватизма обратило на себя вниманіе и другихъ, также, повидимому, консервативныхъ органовъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ присоединяютъ отъ себя, въ дополненіе къ вышеприведеннымъ соображеніямъ своего московскаго собрата, дошедшій до нихъ, по нашему мнѣнію, мало вѣроятный слухъ, будто бы „въ одной губерніи объявленіа о подпискѣ на „Гражданинъ“ разсылались официальнымъ порядкомъ, черезъ станowychъ“...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Комитета VIII-го съезда естествоиспытателей и врачей

Распорядительный Комитетъ Высочайше разрѣшеннаго VIII-го съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей, исполняя рѣшеніе Общаго Собранія, опредѣлилъ:

- 1) Издать отчетъ о научныхъ трудахъ съезда.
- 2) Каждый членъ съезда имѣетъ право на полученіе одного экземпляра этого изданія.
- 3) Такъ какъ средства, могущія быть ассигнованными на изданіе трудовъ, вполне опредѣленны и ограниченны, число же научныхъ сообщеній, сдѣланныхъ на секціонныхъ засѣданіяхъ, весьма велико и нѣкоторыя изъ нихъ обширны, то редакціи трудовъ VIII-го съезда поручается озаботиться о томъ, чтобы предполагаемое изданіе, выражая съ возможною полнотою научные интересы съезда, было соображено по своимъ размѣрамъ съ имѣющимися для напечатанія трудовъ средствами.
- 4) Общая редакція трудовъ VIII-го съезда ввѣряется члену Распорядительнаго Комитета, профессору Д. И. Менделѣеву, редакція специальныхъ статей—членамъ Комитета, завѣдывавшимъ секціями, а отчетъ о дѣятельности Распорядительнаго Комитета, объ общихъ и большихъ соединенныхъ собраніяхъ—секретарю съезда, профессору В. В. Докучаеву.

5) Рукописи статей, сообщенныхъ на създѣ, но еще недоставленныхъ авторами, должны быть присланы не позже 1-го марта 1890 г., по адресу: С.-Петербургъ, Университетъ, пр. Д. И. Менделѣву.

6) Всѣхъ членовъ създа покорнѣйше просить доставить точныя данныя объ ихъ имени, фамилиі, званіи, адресѣ и т. п., для составленія полнаго списка членовъ, по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Университетъ, Минералогическій Кабинетъ, профессору В. В. Докучаеву.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Поликовский Старина М. Е. Салтыкова. Сиб.
1890. Стр. 394. Ц. 2 р. 50 к.

Этот последний труд М. Е. Салтыкова, как известно, остался незаконченным: покойный едва успел завершить картину высшего провинциального общества 30-х годов, — эпохи его детства. „Поликовский Старина“, без сомнения, займет место на ряду с такими произведениями Салтыкова, каковы „Губернские Очерки“ и „Семейство Головлевых“, и будет отнесена к числу лучших памятников литературы нашего века.

Гуманистическая гимназия и петиция о полном переустройстве немецких школ, Оскара Тегера, директ. кельнской гимназии. Съ предисл. А. Шварца. Приложение к № 12 циркуляра по московск. учебн. округу за 1889 г. М. 90. Стр. 78.

Русское предисловіе къ переводу съ немецкаго этой новой брошюры уверяетъ русское общество, что оно легко и безъ разбора поддается доводамъ, почерпнутымъ у насъ изъ самихъ „тенденціонныхъ произведений современной педагогической литературы на западѣ“, осуждающихъ нѣтъ-лишь классическую систему средняго обученія; но авторъ предисловія, по-видимому, и самъ рассчитывалъ на такую знакомую ему склонность нашего общества избрѣть вслѣдъ, кто сказалъ послѣднее слово, а потому воспользовался, съ своей стороны, противопоставить послѣднимъ „тенденціямъ“ самое послѣднее слово безпристрастія. Разумѣется, въ основаніи такихъ разсужденій русскаго переводчика лежить то, что, по его мнѣнію, составляетъ непреклонную аксіому, а именно: всѣ брошюры, товарища противъ односторонняго классицизма — тенденціонны, а ратующія за него уже потому самому непремѣнно безпристрастны. Въ доказательство же своего личнаго безпристрастія г. Шварцъ сообщаетъ намъ, что онъ самъ не проходилъ въ средней школѣ древнихъ языковъ, а слѣдовательно съ полнымъ безпристрастіемъ, основаннымъ на незнааніи ихъ, слѣдуетъ ознакомить русскую публику съ тѣмъ, что въ самое послѣднее время написано въ Германіи въ защиту древнихъ языковъ, какъ главной основы средняго образованія. Впрочемъ директоръ кельнской гимназии, О. Тегеръ, въ своей брошюрѣ не скажетъ ничего, что не было бы уже тысячу разъ повторено до него, а потому и тѣмъ, кто издучили бы серьезно опровергать его, пришлось бы по-нескольку повторить въ тысячу-первый разъ то, что также было повторено тысячу разъ. Новаго мы нашли не много у О. Тегера, но и это немногое состоитъ въ одной по истинѣ „классической“ интересности, съ которою онъ отбѣчаетъ на одно изъ возраженій, и весьма существенное, своихъ противниковъ, а именно, что въ классическихъ гимназіяхъ болѣе половины учениковъ выходятъ классическими недоучками: „То обстоятельство, — говоритъ онъ, — что не всѣ проходятъ весь курсъ до университета или не могутъ пройти его, — а тѣмъ теперь такъ много шумятъ (?), — что много выходятъ изъ низшаго отдѣленія секунды, или даже раньше, — все это нисколько не смущаетъ

насъ (т.-е. О. Тегера и его русскаго переводчика); нѣмнѣе этого нельзя (?), и ни для чего, ни для большинства отдѣльных личностей большого вреда мы (т.-е. Тегеръ и его русскій переводчикъ) въ этомъ не видимъ, лишь бы только изъ-за этого не трогали самаго принципа гуманистическаго образованія“; въ волюнтѣ переводчи на однихъ изъ древнихъ языковъ можно выразить ту же мысль такими образами: fiat classicismus, pereat mundus! Съ этимъ однако согласенъ съ „легкимъ сердцемъ“ согласится родитель того огромнаго большинства, которое приносилъ О. Тегеромъ и его переводчикомъ въ жертву „принципу“! Въ настоящей книжкѣ журнала читатели найдутъ особую статью, г. А. В.—ва, специально посвященную тому же вопросу о древнихъ языкахъ въ ряду прочихъ общеобразовательныхъ предметовъ средняго обученія; въ глазахъ переводчика брошюры Тегера она должна быть „тенденціонной“ уже за то одно, что отказывается — jure in verba magistri.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Москва, 1890. Стр. XIX и 524. Цѣна 2 р.

Составители этого сборника, какъ видно изъ предисловія, имѣли въ виду собрать по-едино лучшія произведенія поэтовъ послѣ-пушкинской эпохи, изъ сороковыхъ годовъ до нашихъ дней. Рядомъ съ такими писателями, какъ А. Н. Майковъ, Некрасовъ, гр. А. Толстой, А. А. Фетъ, въ книгѣ отведено не мало мѣста авторамъ мало-познаннымъ или только начинающимъ, каковы напр., гг. Менделѣевъ, Сямбурскій, Сатинъ и др. Такъ какъ поэты распределены въ алфавитномъ порядкѣ, безъ всякихъ библиографическихъ историческихъ указаній, то впечатлѣніе получается нѣсколько нестрогое и неясное. Составители, по-видимому, придавали главное значеніе полнотѣ сборника: въ немъ собраны образцы произведеній 74 авторовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, многіе награждены званіемъ „поэтовъ“ только по списочности редакторовъ сборника.

Д. Бертильонъ. Статистика движенія населенія во Франціи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Ю. Э. Яисона. Сиб., 1890. Стр. X и 164.

Вопросъ о причинахъ слабаго возроста населенія Франціи давно занимаетъ и тревожитъ французскихъ изслѣдователей и публицистовъ; но онъ представляетъ также значительный общій интересъ, какъ можно видѣть изъ объясненій проф. Яисона въ предисловіи къ русскому переводу книжки Бертильона. Книжка написана вполнѣ популярно; „умѣнье пользоваться цифрами, не подбирая ихъ для доказательства предвзятой мысли, живое изложеніе и строгая объективность выводовъ — по словамъ Ю. Э. Яисона — говорятъ о несомнѣнной талантливости автора, а чтеніе талантливой книги всегда полезно“. Редакторъ перевода съ одной стороны снабдилъ книжку подстрочными замѣчаніями, подновилъ приводимыя въ ней и отчасти дополнял ее данными болѣе подробными.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1890 г.

(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛІТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
На границѣхъ, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Внѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго марта открывается подписка на вторую четверть 1890 года.

Близкіе казнач., при годовой и полугодичной подпискѣ, пользуются обычн. услугомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Рикера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Извгородные* и *иностраные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемены адреса* должны быть сообщены Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переезжая въ изгородные, доплачиваютъ 1 руб. 60 коп., а изгородные, переходя въ городскіе—40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не *можетъ* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Выслы* на выученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ изгородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЪСТЪЖЪЗЪ ЕВРОПЪ

APR 25 1890

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1890.

Всего 929 нумеровъ
113.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-Я. — АПРѢЛЬ, 1890.

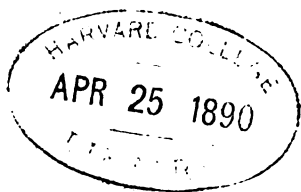
Стр.

I.—РЕФОРМА ГИМНАЗИЙ ВЪ ГЕРМАНИИ.—I.—Ант. Окодьского	463
II.—НА УЩЕРБЪ.—Романъ.—XII—XXIV.—Н. Д. Боборыкина	498
III.—НОВАЯ ФАНТАЗИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ.—I.—Н. П. Я	553
IV.—СТИХОТВОРЕНИЕ.—Христосъ воскресъ!—Алексея Жемчужникова	590
V.—СОВРЕМЕННЫЙ ДЮГЕНЬ.—Разсказъ.—VI—IX.—Окончаніе.—Н. А. Таль	591
VI.—EX ORIENTE LUX.—Стихъ. Владимира Соловьева	623
VII.—ГЕРДЕРЪ.—II.—Окончаніе.—А. Н. Пыпина	625
VIII.—НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА ВЪ 60-хъ ГОДАХЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ. —Соч. Мар. Крофорта.—Часть II: VI—XI.—А. Э.	673
IX.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—I—IV.—М. А. Д.	719
X.—СТАРИЯ И НОВАЯ ПОНЯТІЯ О ГОСУДАРСТВѢ.—I—II.—Л. З. Словин- скаго	723
XI.—КЕЙСТУТЬ И ВИРУТА.—Литовская бѣда изъ XIV вѣка.—М. Липкина	739
XII.—НОВЫЙ ИСТОРИКЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.—Sybel, Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I.—К. К. Арсеньева	783
XIII.—ХРОНИКА.—Переселенія и русское народное хозяйство.—А. А. Исаева	802
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Отставка князя Бисмарка, ея причины и по- слѣдствія. — Особенность положенія и политики канцлера за послѣдніе годы.—Разногласія съ Вильгельмомъ II и съ общественнымъ мнѣніемъ Гер- мани.—Дипломатія въ парламентскихъ дѣлахъ.—Злоупотребленія офи- ціальной печати. — Значеніе канцлерскаго кризиса для Германіи и для Европы. — Берлинская конференція по рабочему вопросу. — Монашескія перекланья въ Венгріи и во Франціи	843
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Н. П. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758. В. Витевского.—Н. П. Смирновъ, Черемиси; его же, Вотяки.— Биографія Александра Ивановича Комелова, Н. Колыбанова.—Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича.—Русскіе запоры, Н. Харушина.— А. В.—Новыя книги и брошюры	863
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Travels in France, by Arthur Young, with an introduction etc., by M. Betham Edwards.—Н. П.—Adam Smith und der Eigennutz. Eine Untersuchung, von Richard Zeys.—Sociale Politik im Deutschen Reich, von Dr. Karl Wasserrab.—De la possibilité d'une future alliance franco-allemande, par le colonel Stoffel.—Л. С.	878
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Впечатленія присяжнаго засѣдателя.— Ошибки слѣдственной и судебной власти, какъ одинъ изъ источниковъ оправдательныхъ вердиктовъ.—Отличительныя черты нашихъ крестьянъ- присяжныхъ.—Московскія правила о помощникахъ присяжныхъ повѣрен- ныхъ, и рѣчь, произнесенная въ ихъ защиту	894
XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей	909
XIX.—ВИДЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Кн. Сергій Трубиной, Метафизика въ древней Греціи.—Н. Карбень, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Валуевъ П.—Психологія вниманія. Д-ра Т. Раба.— Паломъ на освобожденныхъ отъ военной повинности въ теоріи и въ прак- тическомъ примѣненіи. Соч. В. Брандта.—Н. Каримовъ, Экономическія бе- сѣды. 2-ое изданіе.—Ник. Энгельгардтъ, Скажи.—Его же, Стихотворенія.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписана на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

РЕФОРМА ГИМНАЗИЙ

ВЪ

ГЕРМАНИИ

Не подлежит сомнѣнiю, что вопросъ о гимназической реформѣ сдѣлался въ послѣднее время въ Германiи вопросомъ перво-степенной важности. Въ этомъ можно убѣдиться хотя бы по количеству книгъ, брошюръ, даже журнальныхъ статей, занимающихся этимъ вопросомъ, и столь многочисленныхъ, что самое обилie ихъ составляетъ одно изъ затрудненiй для составленiя себѣ понятiя объ общихъ стремленiяхъ, несмотря на разнообразie отдѣльныхъ мнѣнiй. Свидѣтельствуеъ о томъ же и то обстоятельство, что многiя общества или корпорацiи, представляющiя уже не мнѣнiя отдѣльныхъ лицъ, но взгляды извѣстныхъ сферъ или общественныхъ классовъ, все болѣе и болѣе настоятельно стали въ настоящее время требовать реформы среднихъ учебныхъ заведенiй. Такъ напримѣръ, общее собранiе школьнаго общества прирейнской провинцiи и Вестфалии постановило въ 1885 г. опредѣленiе, съ выраженiемъ мнѣнiя о томъ, что въ настоящее время реформа эта сдѣлалась необходимою. Въ 1886 г. общество нѣмецкихъ инженеровъ, послѣ тщательнаго изученiя этого вопроса, посредствомъ особой, спеціально для того назначенной комиссiи, рѣшило къ тому же убѣжденiю ¹⁾. Въ томъ же году основано было въ Ганноверѣ общество такъ-называемаго единства школы

¹⁾ Völcker; Die Reform des höheren Schulwesens auf Grund der Ostendorfschen These: Der fremdsprachliche Unterricht soll mit dem Französischen beginnen. 87, стр. 143.

(Einheitsschule), избравшее себѣ задачею — содѣйствовать проведенію этой реформы, посредствомъ устройства такого учебнаго заведенія, которое могло бы устранить существующее въ настоящее время разнообразіе среднихъ учебныхъ заведеній. Въ 1888 г., нѣмецкое академическое общество представило имперскому канцлеру, кн. Бисмарку, и прусскому министру народнаго просвѣщенія, Госслеру, докладъ, излагающій поводы, по которымъ школьная реформа сдѣлалась необходимою, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявило желаніе, чтобы правительство прусскаго государства, какъ первенствующаго въ Германіи, взяло на себя осуществленіе этой задачи ¹⁾. Докладъ этотъ былъ подписанъ 22.000 лицъ, изъ которыхъ ²/₃ получили университетское образованіе ²⁾, вслѣдствіе чего можно придти къ заключенію, что взгляды, въ немъ выраженные, раздѣляются значительною частью образованнаго общества въ Германіи, вполне понимающаго значеніе такого рода вопросовъ.

Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что вопросъ гимназической реформы имѣетъ громадное значеніе для общества, вслѣдствіе того именно, что въ гимназіяхъ получаютъ образованіе тѣ общественные классы, которые производятъ преобладающее вліяніе на экономическое и нравственное развитіе народа, которые составляютъ его руководящіе классы, — die leitenden Kreise, какъ ихъ называютъ въ Германіи. Поэтому справедливо можно сказать, что въ Германіи идетъ рѣчь не о такихъ мелочахъ, какъ напр. о количествѣ часовъ, предназначенныхъ на преподаваніе того или другого предмета, ни даже о рѣшеніи спора между гимназіями и реальными училищами, но о великомъ вопросѣ культуры всего народа, — um eine grosse Kulturfrage unseres Volkes, какъ признаетъ даже Кеммель, не бывшій сторонникомъ реформы ³⁾.

Признавая, съ одной стороны, всеобщій интересъ, возбужденный вопросомъ гимназической реформы въ Германіи, а съ другой, его громадное значеніе, мы рѣшились заняться его изслѣдованіемъ для того, чтобы убѣдиться, во-первыхъ, въ томъ, былъ ли этотъ интересъ возбужденъ только какими-то мелкими недостатками въ устройствѣ учебныхъ заведеній, которые могли бы быть устранены посредствомъ незначительныхъ улучшеній, или болѣе серьез-

¹⁾ Schulreform, Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. 1888, стр. 266.

²⁾ Bemerkungen zu dem Aufsatz: Schulreform und Einheitsschule. Neue Jahrbücher für Phil. und Paed. 1889, стр. 229.

³⁾ Kaemmel: Schulreform und Einheitsschule. Neue Jahrb. für. Phil. u. Paed. 1889, стр. 1.

ными и глубоко кроющимися причинами, требующими всесторонняго обсуждения и болѣе коренного преобразования.

I.

Въ защиту существующаго порядка вещей прежде всего приводятъ то, что гимназія, это—весьма старинное учрежденіе, воспитавшее десятки поколѣній, и было бы святотатствомъ не только подвергать сомнѣнію прочность и правильность ея основы, но даже критиковать самое устройство. Съ такимъ мнѣніемъ нельзя однако согласиться уже и по тому, что настоящія гимназіи, какъ оказывается, вовсе не могутъ ссылаться на особую древность своего происхожденія.

Настоящія гимназіи никакъ нельзя сравнивать съ средне-вѣковыми кафедральными или монастырскими училищами, ни по отношенію къ цѣли ихъ, ни по отношенію къ предметамъ преподаванія или методу обученія. Цѣлью первыхъ было доставленіе образованія преимущественно духовенству, какъ единственному тогда классу общества, который въ немъ нуждался. Рыцарей удовлетворяли воинскія упражненія; горожане, купцы и ремесленники довольствовались своими городскими школами грамотности; крестьяне же оставались безъ всякаго образованія. Напротивъ, цѣль настоящихъ гимназій состоитъ въ доставленіи общечеловѣческаго, гуманитарнаго образованія для всѣхъ гражданъ, безъ различія сословій. Предметомъ обученія первыхъ былъ преимущественно латинскій языкъ, хотя преподавались въ нихъ и прочія науки, согласно римскому еще дѣленію наукъ на такъ-называемый *trivium* и *quadrivium*. Въ настоящее время множество новыхъ предметовъ вошло въ курсъ гимназическихъ наукъ. Впрочемъ и обученіе латинскому языку имѣло въ тогдашнихъ училищахъ другія цѣли и значеніе, чѣмъ теперь. Тогда этотъ языкъ былъ языкомъ всѣхъ, имѣвшихъ притязаніе на высшее образованіе, —языкомъ науки, словесности, законодательства, даже домашняго, обыденнаго употребленія. Поэтому ему учились не для того, чтобы изучать классическую словесность, но для того, чтобы быть въ состояніи, посредствомъ его, вступать въ сношеніе съ другими, образованными людьми, какъ теперь обучаются новымъ языкамъ. Извѣстно однакоже, что вслѣдствіе этого возникъ тогда какой-то новый языкъ, продуктъ мѣстнаго происхожденія ¹⁾, смѣсь латин-

¹⁾ Paulson: Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten. 1885, стр. 23, 24.

скихъ и мѣстныхъ словъ и оборотовъ, и котораго не понялъ бы навѣрное ни одинъ римлянинъ.

Училища эти существовали издавна и удовлетворяли потребностямъ общества отъ VI ст., когда они были возстановлены Кассіодоромъ въ Италіи (539 г.), и до XVI ст. Они были, вообще говоря, только продолженіемъ древнихъ римскихъ училищъ, приспособленныхъ къ потребностямъ средневѣковаго христіанскаго общества, и преимущественно—духовенства.

Подъ вліяніемъ возрожденія наукъ и гуманизма стали, съ XVI ст., появляться новыя т.-н. латинскія школы (Lateinschulen). Главная ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы выучить молодое поколѣніе хорошо говорить и писать на чистомъ латинскомъ языкѣ. Поэтому къ предметамъ преподаванія принадлежали въ нихъ, кромѣ закона Божія, латинскій, а отчасти и греческій языки. Самое значительное вліяніе на развитіе этихъ училищъ произвели такіе педагоги, какъ Неандеръ, Троцендорфъ и Штурмъ. Штурмъ, учившій въ Страсбургѣ, считалъ „общественнымъ бѣдствіемъ (publicum et commune malum)“ то, что нѣмцы дѣти не могли уже въ колыбели прислушиваться къ латинскому говору, чѣмъ пользовались дѣти древнихъ римлянъ, которымъ онъ потому весьма завидовалъ. Въ то время учителя должны были дѣлать всевозможныя усилія къ устраненію этого „бѣдствія“. И ученикамъ, и учителямъ, запрещено было говорить по-нѣмцки; игры ученикамъ дозволялись только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они между собою говорили по-латыни. Нѣмецкому языку вовсе въ этой школѣ не учили, какъ не учили ни исторіи, ни географіи, ни естественнымъ наукамъ. Къ ариѳметикѣ ученики приступали только послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ школѣ ¹⁾. Самою высшею цѣлью образованія было, по Штурму, лингвистически-формальное образованіе.

Въ XVI ст. стали въ „латинскихъ школахъ“ обучать, кромѣ латинскаго языка, еще и греческому. Но обученіе греческому языку имѣло въ виду доставить ученикамъ только самыя элементарныя свѣденія. Такъ напр., по мекленбургскому школьному регламенту 1552 г., утвержденному Меланхтономъ, на изученіе греческаго языка было посвящаемо по два часа въ недѣлю и въ одномъ только самомъ высшемъ классѣ. Впрочемъ постановленіе это было обязательно въ училищахъ съ значительнымъ количествомъ учениковъ. То же самое было постановлено и саксонскимъ школьнымъ регламентомъ 1556 г. Но по вюртембергскому регламенту 1559 г.

¹⁾ Stöckl: Lehrbuch, стр. 225.

на этотъ предметъ предназначалось уже по четыре часа въ недѣлю — въ двухъ высшихъ классахъ.

Латинскія школы, возникшія въ XVI ст., существовали подъ различными названіями лицеевъ, гимназій, латинскихъ школъ, *Gelehrtenschulen*, *Fürstenschulen*, монастырскихъ училищъ, безъ важныхъ измѣненій въ устройствѣ — до конца XVIII ст. Каждая изъ нихъ придерживалась, въ обученіи молодого поколѣнія, особаго, принятаго ею, распредѣленія лекцій. Во всякомъ случаѣ, характеристическою чертою всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній было то, что они главное вниманіе обращали на обученіе закону Божію и латинскому языку. Такъ напр., въ училищѣ въ Аперслебенѣ въ 1715 г. въ V-мъ классѣ было по 12 часовъ въ недѣлю закона Божія, и по 14 час. латинскаго языка. Во II-мъ кл. было еще 4 часа закона Божія и 19 лат. языка, а въ I-мъ — 15 лат. языка. Напротивъ, греческій языкъ преподавался только въ трехъ высшихъ классахъ по 4 часа въ недѣлю. Подобное распредѣленіе лекцій существовало и въ другихъ такого же рода учебныхъ заведеніяхъ; во многихъ греческій языкъ былъ только факультативнымъ. Разумѣется, что вслѣдствіе того не оставалось вовсе времени на обученіе другимъ предметамъ.

Подобное устройство училищъ хотя долго удерживалось, но уже съ самаго начала своего возникновенія вызывало многочисленныя и серьезныя жалобы. И тогда уже на науку классическихъ языковъ смотрѣли какъ на одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ образованію молодежи. Одинъ изъ тогдашнихъ ученыхъ, Вольфъ, называлъ счастливыми римлянъ, такъ какъ они для занятія наукою нуждались только въ одномъ языкѣ, греческомъ, знаніе котораго они притомъ могли пріобрѣтать посредствомъ обыкновеннаго обращенія съ греками. Еще счастливѣе въ его глазахъ были греки, которые, выучившись чтенію и писъму на родномъ языкѣ, могли непосредственно приступать къ изученію философіи и изящныхъ искусствъ. Нѣмецкая же молодежь, принужденная терять массу времени для усвоенія классическихъ языковъ, составляющихъ еще только средство для достиженія образованія, но не самое образованіе, вполне справедливо — говорилъ онъ — можетъ жаловаться на свою судьбу. Эберъ указывалъ на то, что вслѣдствіе этой тяжелой необходимости отечественный языкъ впалъ въ полное пренебреженіе ¹⁾. Самъ Меланхтонъ, въ сочиненіи: „*De miseriis paedagogorum*“ (о бѣдствіяхъ педагоговъ), описывалъ подробно тѣ невыносимыя

¹⁾ Paulson: *Geschichte*, etc., стр. 249.

²⁾ Paulson: *Geschichte*, etc., стр. 245.

мученія, которымъ подвергались учителя и ученики при изученіи латинскаго языка. Ученики, говоритъ онъ, предпочитали бы рыть землю, чѣмъ заниматься латынью, а учителямъ было бы легче выучить верблюда танцовать или осла играть на инструментѣ, чѣмъ заниматься обученіемъ латыни учениковъ, не имѣющихъ къ тому ни малѣйшей охоты. Послѣдствіемъ же такого обученія было то, что 200 лѣтъ спустя одинъ изъ лейпцигскихъ профессоровъ Эрнести считалъ умѣстнымъ заняться изученіемъ печальнаго явленія, названнаго имъ: *stupor paedagogicus*, *Schuldummheit*. Явленіе это возникало, по его мнѣнію, вслѣдствіе практиковавшагося способа обученія латинскому языку, и состояло въ томъ, что ученики, въ погонѣ за словами, теряли способность самостоятельнаго мышленія.

Въ то время однакожь все это иначе и быть не могло. Наука находилась тогда почти на той же степени развитія, которой достигла въ древней Греціи и Римѣ. Главнымъ источникомъ, посредствомъ котораго можно было усвоить ее себѣ, были сочиненія тѣхъ же древнихъ классическихъ авторовъ. Науку эту можно было приобрѣсть только въ университетѣ, а тамъ преподаваніе происходило на латинскомъ языкѣ. Поэтому каждый, кто только хотѣлъ открыть себѣ доступъ къ университету, былъ принужденъ въ юности усвоить себѣ вполнѣ знаніе этого языка. Безъ того все знаніе оставалось для него навсегда закрытымъ. Изъ латинскаго языка, бывшаго въ сущности только *средствомъ* для приобрѣтенія знанія, средневѣковые педагоги сдѣлали исключительную *цѣль* всего ученія, — и это составляло громадную ихъ ошибку. Во всякомъ случаѣ, изъ всего сказаннаго мы должны придти къ заключенію, что средневѣковыхъ „латинскихъ школъ“ никоимъ образомъ нельзя принимать за наши гимназіи, имѣвшія несравненно болѣе позднее происхожденіе.

Въ XVIII столѣтіи произошла впервые глубокая перемѣна въ воззрѣніяхъ и понятіяхъ общества, почувствовались новыя потребности, были выставлены новыя цѣли для школы. Вслѣдствіе этого стали тогда открываться новыя учебныя заведенія, долженствующія удовлетворять этимъ новымъ потребностямъ и содѣйствовать къ осуществленію этихъ цѣлей. Заведенія эти получили названіе *реальныхъ* училищъ, такъ какъ задача ихъ состояла въ удовлетвореніи *реальныхъ* потребностей жизни, практическихъ цѣлей человѣка. Первое такого рода училище было учреждено Землеромъ въ Галле 1709 г., второе Гекеромъ въ Берлинѣ 1747 г. Предметами преподаванія въ этомъ послѣднемъ училищѣ были: ариметика, геометрія, механика, строительное искусство, черченіе, естественныя

науки, антропологическая соматологія, ботаника и минералогія. Сверхъ того ученики посѣщали промышленныя заведенія для приобрѣтенія практическихъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ возлѣ прежнихъ латинскихъ школъ возникли новыя, вполнѣ независимыя учебныя заведенія, которыхъ характеристическою чертою было именно стремленіе къ приобрѣтенію реальныхъ знаній, а не одного лингвистически-формальнаго образованія. Возникновеніе этихъ училищъ было особенно важно и въ томъ отношеніи, что подъ ихъ вліяніемъ и старыя латинскія школы должны были начать преобразовываться. Въ самомъ дѣлѣ, съ того времени и латинскія школы стали включать въ объемъ преподаваемыхъ въ нихъ наукъ также и предметы, принадлежащіе къ реальнымъ наукамъ. Возникновеніе этихъ училищъ было важно и въ лингвистическомъ отношеніи. Съ того именно времени латинскій языкъ потерялъ значеніе второго отечественнаго языка въ Германіи, такъ какъ можно было доставить себѣ образованіе и безъ него; пришлось также начать обучать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи нѣмецкому языку. Практическія потребности жизни повели, далѣе, къ введенію въ реальныя училища одного изъ новыхъ языковъ, именно французскаго ¹⁾. Всѣ эти переиѣны отразились и на латинскихъ школахъ, которыя, подвергаясь вліянію реальныхъ училищъ, были принуждены сами заводить у себя соотвѣтственныя реформы.

Все это можно съ ясностью замѣтить на прусскихъ училищныхъ реформахъ въ началѣ XIX столѣтія. Реформы эти имѣли въ виду, прежде всего, изъ общаго количества латинскихъ школъ выдѣлить нѣкоторыя, для того, чтобы создать изъ нихъ, подъ названіемъ гимназій, новыя учебныя заведенія, приготовляющія къ поступленію въ университетъ. Другая цѣль этой реформы состояла въ секуляризаціи этихъ учебныхъ заведеній съ цѣлью изыятія ихъ изъ-подъ вліянія духовенства съ передачею въ завѣдываніе государства.

Первая цѣль была достигнута посредствомъ соотвѣтственнаго устройства экзаменовъ зрѣлости (Maturitäts-Prüfung). Уже въ 1788 г. было издано первое, относящееся къ тому распоряженіе, на основаніи котораго ученики, желающіе поступить въ университетъ, обязаны были выдержать испытаніе передъ комиссіею, состоящею изъ мѣстныхъ учителей, подъ надзоромъ правительственнаго комиссара. Правила 15 іюня 1812 г. опредѣлили это дѣло еще подробнѣе и установили экзаменаціонныя ком-

¹⁾ Zöckl: Lehrbuch, стр. 285.—Paulson: Geschichte, стр. 482.

миссiи. Но эти правила однакожъ не были строго соблюдаемы, такъ какъ неполученiе аттестата зрѣлости не закрывало вначалѣ доступа въ университетъ и не отнимало права подвергнуться государственному экзамену, на основанiи котораго можно было поступить на государственную службу. Ученики, не выдержавшіе испытанiя зрѣлости, не могли только пользоваться въ университетѣ денежными выгодами, которыя были предоставлены въ пользу выдержавшихъ экзаменъ. Только послѣ 1820 г., постепенно, на основанiи распоряженiй отдѣльныхъ министровъ, былъ закрытъ доступъ къ государственной службѣ ученикамъ, не представившимъ аттестата зрѣлости или аттестата объ окончанiи наукъ въ университетѣ. Окончательно же школьный регламентъ 4 iюня 1834 г. сдѣлалъ изъ этого общее начало, опредѣляя, что только успѣшно выдержанное испытанiе зрѣлости открываетъ доступъ въ университетъ, а равнымъ образомъ—къ занятiямъ, требующимъ университетскаго образованiя. Латинскiя школы, получившія отъ правительства право производить испытанiя зрѣлости, прiобрѣли тогда названiе *гимназiй*. Такъ какъ въ экзаменаціонныхъ правилахъ были указаны предметы, изъ которыхъ ученики должны были экзаменоваться, то очевидно, что гимназiи были принуждены, согласно тому, приспособить курсъ наукъ, въ нихъ преподаваемыхъ. Сначала этихъ гимназiй, въ сравненiи съ общимъ количествомъ латинскихъ школъ, было немного: въ Пруссiи, въ половинѣ XVIII столѣтiя, было около 400 латинскихъ школъ, а въ 1818 г., при удвоенномъ количествѣ народонаселенiя, гимназiй было только 91. Всѣ же остальныя латинскiя школы преобразовались постепенно въ это время въ реальныя училища, *Bürgerschulen*, прогимназiи.

Другая цѣль была достигнута изыятiемъ такихъ гимназiй изъ завѣдыванiя духовныхъ консисторiй и оберъ-консисторiй, состоящихъ подъ руководствомъ духовнаго департамента въ тайномъ совѣтѣ, и передачею ихъ въ завѣдыванiе свѣтскихъ властей. Съ 1787 г. такою властью былъ высшiй училищный совѣтъ (*Ober-schulkollegium*), а съ 1808 г.—особый департаментъ народнаго просвѣщенiя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ 1825 г. были учреждены провинціальныя школьныя коллегiи, замѣнившiя въ управленiи училищами духовныя консисторiи. Въ коллегiяхъ этихъ управленiе гимназiями въ провинцiи возложено было на провинціальныя школьныя совѣтники, обыкновенно филологовъ, бывшихъ прежде учителями классическихъ языковъ. Такимъ образомъ филологи получили въ управленiи училищъ перевѣсъ надъ богословами. Съ секуляризациею управленiя училищъ стояла въ связи и

секуляризація самого учительскаго сословія. До 1810 г. желающій быть учителемъ гимназій обязанъ былъ выдержать экзаменъ *только изъ богословія*. Эдиктъ 12 іюля того же года завелъ общій учительскій экзаменъ, *pro facultate docendi*, а сверхъ того особый экзаменъ, *pro loco*, посредствомъ котораго кандидатъ долженъ былъ удостовѣрить свои спеціальныя знанія, когда искалъ назначенія на извѣстное мѣсто. Разумѣется, эти экзамены отвѣчали измѣненнымъ планамъ наукъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, — уже школьный регламентъ 1816 г. опредѣлялъ, что основною гимназическаго ученія должны быть, главнымъ образомъ, древніе языки и математика, но онъ принималъ во вниманіе и другіе предметы, какъ нѣмецкій языкъ, исторію, географію, законъ Божій, естественныя науки, и даже французскій языкъ. Изъ этого видно, что новыя гимназіи, подъ вліяніемъ реальныхъ училищъ, ввели въ свой курсъ наукъ и предметы, составляющіе основу собственно реального образованія. По распредѣленію лекцій въ гимназіяхъ того же года, въ высшихъ классахъ назначалось на латинскій языкъ по 8 часовъ въ недѣлю, на греческій 7, на математику 6, на нѣмецкій 4, на исторію и географію 3, на законъ Божій и естественныя науки по 2 часа.

Изъ всего вышесказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что настоящія гимназіи далеко и весьма не древняго происхожденія, какъ нѣкоторые утверждаютъ, съ цѣлью обезпечить ихъ отъ всякой критики. Современныя гимназіи не имѣютъ за собою даже и вѣкового существованія; не говоря уже о средневѣковыхъ школахъ, основанныхъ на чисто римскихъ началахъ, ихъ нельзя даже сравнивать съ латинскими школами, возникшими въ XVI вѣкѣ.

Хотя новѣйшія гимназіи, несмотря на все свое краткое существованіе, успѣли уже подвергнуться нѣкоторымъ переменамъ, но въ сущности онѣ остались такими же, какими возникли впервые въ началѣ текущаго столѣтія. По плану этихъ учебныхъ заведеній 1837 г. на латинскій языкъ назначалось въ продолженіе 9-лѣтняго курса наукъ, во всѣхъ классахъ, по 86 часовъ въ недѣлю, на греческій 42, на нѣмецкій 22, на французскій 12, на математическія науки 33, на естественныя науки 16, на исторію и географію 24, на законъ Божій 18 и на философскую пропедевтику 4 часа. Распоряженіе 7 января 1856 г. хотѣло сдѣлать одинъ шагъ назадъ, посредствомъ такъ-называемой концен-траціи науки, подъ которой понималось устраненіе—почти совершенное—естественныхъ наукъ изъ гимназическаго курса, и усиленіе преподаванія древнихъ языковъ. Но попытка эта не уда-

лась. Гимназиі не могли обойтись безъ наукъ, составляющихъ одно изъ условій современнаго образованія и современной культуры. Вслѣдствіе того послѣдній училищный регламентъ 1882 г. хотя и предоставилъ преобладаніе древнимъ языкамъ, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ извѣстныя уступки въ пользу естественныхъ наукъ, назначая на нихъ по 2 часа въ недѣлю. Такимъ же образомъ усилено было преподаваніе математики и французскаго языка. Напротивъ, латинскій языкъ потерялъ 9, а греческій 2 часа въ недѣлю. Впрочемъ начало изученія послѣдняго языка было перенесено однимъ классомъ выше—съ IV въ III.

Въ дальнѣйшемъ же развитіи реальныхъ училищъ можно замѣтить два направленія. Согласно первому они развивали далѣе начала своего устройства, опредѣленныя еще въ XVIII столѣтіи. Поэтому, принявъ себѣ въ основу науки, которыхъ необходимость была признана въ новое время, они пополняли программу преподаванія, для того, чтобы быть въ состояніи доставить такъ-называемое новое образованіе—*die moderne Bildung*. Съ другой, однакожъ, стороны они подверглись въ извѣстномъ размѣрѣ вліянію классическихъ филологовъ, усиливавшихся навязать имъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ древнихъ языковъ. Борьба между этими двумя направленіями наполняетъ собою всю исторію реальныхъ училищъ въ XIX столѣтіи.

Сначала государство вовсе не занималось реальными училищами, которыхъ впрочемъ было очень немного. Количество ихъ стало увеличиваться только во второмъ десятилѣтіи XIX столѣтія. Распоряженіе 8 марта 1832 г. предоставило ученикамъ реальныхъ училищъ право одногодичнаго вольноопредѣляющагося по воинской повинности, а также право поступать въ государственную службу по почтовой, лѣсной и строительной части, и въ провинціальныхъ управленіяхъ. Латинскій языкъ считался тогда принадлежащимъ къ предметамъ преподаванія, но удостовѣреніе его знанія не было требуемо при испытаніи; зато и тѣ изъ учениковъ, которые того не доказали, не имѣли доступа къ государственнымъ должностямъ. Только распоряженіе 1838 г. опредѣлило, что ученики реальныхъ училищъ обязаны доказать свое знаніе латинскаго языка, и только вслѣдствіе того могли пользоваться предоставленными имъ правами. Это значило то же самое, что сдѣлать обязательнымъ этотъ языкъ въ реальныхъ училищахъ, такъ какъ училища эти были принуждены включить въ свой курсъ и этотъ языкъ, если хотѣли обезпечить въ пользу своихъ учениковъ извѣстныя права. Правда, что *Landesschulkonferenz* 1849 г. хотѣла открыть ученикамъ этихъ училищъ доступъ въ университетъ безъ всякаго ограниче-

ніа, но послѣдующія затѣмъ реакціонныя распоряженія прусскаго правительства еще болѣе ограничили ихъ въ этомъ отношеніи. Распоряженіе 1850 г. дозволило поступать въ строительную академію (Bauphademie) тѣмъ только ученикамъ реальныхъ училищъ, которые окончили курсъ, имѣющій 8 классовъ. Но и это право было у нихъ отнято въ 1855 г., такъ что въ эту академію могли поступать только ученики классическихъ гимназій, — какъ будто знаніе латинскаго и греческаго языка болѣе чѣмъ математика способствовали къ развитію таланта строить дома и мосты. Въ томъ же году было запрещено ученикамъ реальныхъ училищъ опредѣляться въ горную и почтовую части.

Ограниченія эти были отмѣнены только распоряженіемъ 6-го октября 1859 г., опредѣлившимъ курсъ наукъ реальныхъ училищъ и т.-н. высшихъ *Bürgerschulen*, а также назначившимъ испытанія зрѣлости учениковъ этихъ учебныхъ заведеній. Распоряженіе это въ первый разъ со стороны правительства утверждало планъ наукъ реальныхъ училищъ, которыхъ курсъ, наравнѣ съ гимназіями, долженъ былъ продолжаться девять лѣтъ. По этому плану на латинскій языкъ, послѣ математики, предназначалось самое большое количество часовъ, именно 44 во всѣхъ классахъ въ недѣлю, между тѣмъ какъ на математику было 47. Тѣ же училища, которыя, согласуясь вполнѣ съ установленнымъ для нихъ планомъ, отличались отъ реальныхъ училищъ 1-го разряда тѣмъ только, что имъ недоставало одного самаго высшаго класса (съ двухгодичнымъ курсомъ), были названы высшими *Bürgerschulen*. Училища же, не включившія въ курсъ наукъ латинскаго языка, были названы реальными училищами второго разряда (*II-er Ordnung*).

Такимъ образомъ, распоряженіе 1859 г., рядомъ съ училищами при двухъ классическихъ языкахъ, называемыхъ просто гимназіями, создало другія учебныя заведенія, преслѣдующія ту же цѣль и имѣющія почти такой же курсъ наукъ и такое же количество классовъ. Различіе между первыми и вторыми состояло въ учебномъ отношеніи въ томъ только, что въ первыхъ преподавался еще греческій языкъ. Несмотря на то, что даже соображенія къ этому распоряженію признавали и за тѣмъ, и за другимъ учебнымъ заведеніемъ ту же самую цѣль — доставить молодому поколѣнію общечеловѣческое образованіе, и что преимущество реальныхъ училищъ состояло въ томъ, что ученики ихъ легче могли воспользоваться въ практической жизни приобретенными въ нихъ свѣдѣніями, — послѣднія были подвергнуты громадному ограниченію: ученикамъ этихъ послѣднихъ заведеній былъ закрытъ доступъ въ университетъ. Ограниченіе это не могло быть оправдано съ научной

точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что даже фармацевты и ученики училищъ сельскаго хозяйства принимались въ университетъ. Вслѣдствіе того практика повлекла къ постоянному нарушенію этого закона. На практикѣ и ученики реальныхъ училищъ I-го разряда допускались въ университетъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы дали подписку въ томъ, что не будутъ впослѣдствіи стараться о мѣстѣ въ государственной службѣ, требующемъ окончанія курса гимназіи. Такое ненормальное положеніе вещей повело къ тому, что распоряженіемъ 7 декабря 1870 г. было предоставлено ученикамъ реальныхъ училищъ право поступать въ университетъ, если они желали посвятить себя изученію математическихъ и естественныхъ наукъ, а также новыхъ языковъ. Въ эту самую эпоху, въ 60-хъ годахъ, произошла и у насъ реформа гимназій, но съ совершенно иными результатами, отдалившими насъ отъ порядковъ средняго образованія въ Германіи.

Послѣднее распредѣленіе наукъ въ реальныхъ училищахъ ведетъ свое начало съ 31 марта 1882 г. Реальныя училища I-го разряда получили названіе реальныхъ гимназій. Преподаваніе латинскаго языка было даже нѣсколько усилено, такъ какъ на этотъ языкъ назначено было самое большое количество уроковъ, именно 54 въ недѣлю во всѣхъ классахъ, между тѣмъ какъ на математику назначалось только 44, а на французскій языкъ 34.

Изъ всего этого мы видимъ, что въ настоящее время въ Германіи существуютъ нижеслѣдующія среднія учебныя заведенія. Прежде всего, гимназіи классическія, называемыя просто гимназіями, съ обоими классическими языками и девятилѣтнимъ курсомъ наукъ¹⁾. Далѣе, реальныя гимназіи, тоже съ девятилѣтнимъ курсомъ наукъ, но только съ однимъ древнимъ языкомъ, латинскимъ. Учебныя заведенія, устроенныя по плану, установленному для того или другого рода гимназій, но не имѣющія одного высшаго класса, именуются просто прогимназіями или реальными прогимназіями. Наконецъ, учебныя заведенія, не принявшія въ курсъ наукъ ни одного изъ древнихъ языковъ, называются *Bürgerschulen*, *Ober-realschulen*, *Realschulen*.

¹⁾ Въ этихъ гимназіяхъ шесть классовъ, но три высшіе двухгодичные. Порядокъ классовъ опредѣляется такъ: VI (*sexta*), V (*quinta*), IV (*quarta*), III b и a (*tertia*), II b и a (*secunda*) и I b и a (*prima*). Въ VI, самый низшій классъ принимаются ученики съ достиженіемъ девятилѣтняго возраста, поэтому этотъ классъ отвѣчаетъ нашему приготовительному. Такъ какъ курсъ наукъ девятилѣтній, то ученики должны окончить курсъ гимназіи въ 18-лѣтнемъ возрастѣ.

Таково вообще настоящее устройство среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію возраженій, предъявляемыхъ этому устройству, жалобъ, вызванныхъ имъ. Разсмотримъ, насколько жалобы эти основательны. Въ этомъ отношеніи исходной точкой можетъ послужить докладъ, представленный академическимъ нѣмецкимъ обществомъ имперскому канцлеру, такъ какъ докладъ этотъ хотя и составленъ въ общихъ выраженіяхъ, но въ оправданіе своихъ требованій реформы, въ сжатомъ видѣ, представляетъ категорически самыя важныя возраженія, высказываемыя повсемѣстно противъ настоящаго школьнаго устройства ¹⁾.

Въ докладѣ этомъ, между прочимъ, говорится, что въ историческомъ развитіи нѣмецкаго народа не было никогда времени, которое, въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, произвело бы столь важныя перемѣны на всѣхъ поприщахъ общественной жизни и такой громаднй прогрессъ, какъ настоящее.

Естествоиспытаніе имѣло громадное вліяніе на развитіе всѣхъ наукъ и искусствъ; отдавъ силы природы въ услуженіе промышленности, торговли, средствамъ сообщенія, оно создало новыя экономическія условія народнаго быта, преобразовало всѣ человѣческія отношенія.

Въ общественной и государственной жизни произошли не менѣе важныя перемѣны. Право соединяться въ общества, свобода промышленности и печати, свобода переселенія, право всеобщаго голосованія, самоуправленіе общинъ, округовъ, провинцій, подвергло радикальной перемѣнѣ отношеніе недѣлимаго къ обществу, предоставляя, съ одной стороны, отдѣльной личности большія права и налагая на нее, съ другой, большія обязанности. Одновременно съ этимъ обнаружили, правда, тоже нѣкоторые разлагающіе элементы, но борьба съ ними должна составлять задачу не только государства, но и каждаго отдѣльнаго лица.

Вслѣдствіе столь измѣнившихся отношеній возвысились также требованія и относительно народнаго образованія; каждый долженъ получить теперь лучшее научное приготовленіе къ содѣйствію въ осуществленіи великихъ современныхъ задачъ, дабы яснѣе и основательнѣе понимать эти задачи и потребности, съ тѣмъ, чтобы не только физически и умственно, но и вслѣдствіе выработки нравственнаго характера сдѣлаться къ тому болѣе способнымъ. Нѣмецкая школа не принимала до настоящаго времени надлежащимъ образомъ во вниманіе этого историческаго развитія куль-

¹⁾ Schulreform, Neue Jahrbücher f. Phil. u. Paed. 1888, стр. 266.

туры народа. Она вызвала во всѣхъ сферахъ общества домогательство реформы, но, присоединяя къ своимъ старымъ цѣлямъ новыя задачи, она выставила преувеличенныя требованія къ умственнымъ и физическимъ способностямъ юношества, обременяя его чрезмѣрно.

Но причину того, что результаты ученія не отвѣчаютъ часто чрезмѣрнымъ усиліямъ дѣтей, слѣдуетъ видѣть не только въ увеличенномъ количествѣ предметовъ обученія. Вина состоитъ и въ методѣ обученія, и въ односторонности науки, вслѣдствіе чего не принято надлежащимъ образомъ во вниманіе физическое и умственное развитіе дѣтей. Изъ этого возникаетъ слишкомъ раннее утомленіе дѣтей, обремененіе ихъ наукой во вредъ ихъ здоровью, отнятіе у нихъ охоты къ наукѣ и наслажденію молодостью. Все давленіе направлено на упражненіе памяти, на механическое заучиваніе и формальное образованіе—между тѣмъ слѣдовало бы больше обращать вниманіе на пониманіе современной жизни и физическое развитіе. Сверхъ того, хотя до настоящаго времени въ гимназіяхъ не преподаются еще нѣкоторые предметы, необходимые для пониманія современной эпохи,—въ школахъ съ самымъ значительнымъ количествомъ учениковъ, по принятому въ нихъ плану наукъ, самая большая часть времени употребляется на ознакомленіе учениковъ съ древнею культурою, и слишкомъ мало—на выясненіе имъ культуры и жизни современной.

Такимъ же образомъ не отвѣчаютъ уже потребностямъ времени и правила о правахъ, предоставленныхъ ученикамъ. Вслѣдствіе историческаго развитія науки нельзя признавать, чтобы одинъ родъ училищъ могъ имѣть исключительное право на приготовленіе учениковъ въ высшія учебныя заведенія. Между тѣмъ обязательныя правила предоставляютъ это право исключительно гимназіямъ. Правила эти тоже вредны, потому что навязываютъ ученикамъ, приготовляющимся къ практическимъ занятіямъ, несоотвѣтственное имъ научное приготовленіе. Сверхъ того, они привлекаютъ въ училище, наилучше въ этомъ отношеніи обезпеченное, громадное количество учениковъ, изъ которыхъ значительная часть не думаетъ даже о присвоеніи себѣ вполне гимназическаго образованія. Отсюда вытекаетъ, что ни учителя, ни ученики, которыхъ будущее званіе требуетъ непремѣнно гимназическаго образованія, не въ состояніи съ пользою выполнить своей задачи.

Наконецъ, всему устройству училищъ недостаетъ цѣлесообразной организаціи, вслѣдствіе которой всѣ низшія и высшія учебныя заведенія находились бы въ извѣстной органической

связи. Вслѣдствіе того родители принуждены рѣшать о будущей участи своихъ дѣтей, посредствомъ отдачи ихъ въ одно или другое учебное заведеніе, слишкомъ рано, когда ни способности ихъ, ни наклонности, не были въ состояніи достаточно обнаружиться.

Всѣ эти недостатки настоящаго школьнаго устройства угрожаютъ серьезною опасностью благосостоянію народа. Они составляютъ не только препятствіе въ дальнѣйшей жизни отдѣльныхъ личностей, но, производя переполненіе училищъ, приготавливающихъ къ чисто ученымъ занятіямъ, увеличиваютъ ученый пролетаріатъ, грозный для всего общества.

Такимъ образомъ были формулированы возраженія противъ настоящаго устройства гимназій въ Германіи академическимъ обществомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что неудовольствіе настоящимъ устройствомъ раздѣляетъ все нѣмецкое общество, такъ какъ возраженія эти, въ той или другой формѣ, повторяются постоянно. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію, насколько возраженія эти можно признать оправданными на дѣлѣ.

Не нужно долго доказывать, чтобы убѣдить каждаго въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ въ человѣческомъ обществѣ произошли въ послѣднее время громадныя перемѣны, вызывающія, какъ было замѣчено въ докладѣ академическаго общества, потребность новаго устройства училищъ. Во-первыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что научное изученіе природы измѣнило въполнѣ отношеніе человѣка къ окружающему его вѣщному міру. Въ средніе вѣка человѣкъ подвергался, такъ сказать, безсознательно вліянію силъ природы. Не будучи въ состояніи понять многія ея явленія, онъ считалъ послѣдствіемъ какихъ-то сверхъестественныхъ силъ самыя обыкновенныя ея феномены. Въ этомъ коренилась масса предразсудковъ, бывшихъ препятствіемъ для развитія человѣка. Тогда и на наукѣ отражалось господствующее вездѣ суевѣріе. Тогда подъ астрономіею понимали астрологию, подъ химіею—алхимию и т. д. Тогда каждую старую женщину обвиняли въ чародѣйствѣ, за что она могла поплатиться жизнью. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ средніе вѣка такой изобрѣтатель, какъ Эдиссонъ, неминуемо кончилъ бы жизнь на кострѣ, между тѣмъ какъ теперь его окружаетъ всеобщее удивленіе. Въ настоящее время всѣ отношенія совершенно измѣнились. Человѣкъ успѣлъ уже выяснитъ многія явленія природы, и задача науки состоитъ именно въ лучшемъ ихъ изслѣдованіи и выясненіи. Хотя человѣкъ и теперь подлежитъ вліянію силъ природы, но онъ не подвергается имъ столь безсознательно и безсильно, какъ прежде. Напротивъ, онъ стремится къ тому, чтобы завладѣть природою,

воспользоваться ея силами, дать имъ желаемое направленіе. Очевидно, что въ такую эпоху, когда человекъ „ѣздитъ на паряхъ, пишетъ громомъ и рисуетъ солнечнымъ лучомъ“, какъ выразился Дюбуа-Реймонъ (Dubois-Reymond) въ статьѣ „Kulturgeschichte und Naturwissenschaft“, должны быть уже не такія школы, какъ прежде.

Не менѣе важныя перемѣны произошли теперь и въ отношеніяхъ отдѣльной личности къ окружающему ее обществу. Это фактъ, который было бы излишне доказывать. Для того же, чтобы въ томъ убѣдиться, довольно посмотрѣть на неподвижное средневѣковое общество, строго раздѣленное на сословія, въ которомъ низшіе классы народонаселенія лишены были всякихъ почти правъ, — и сравнить его съ состояніемъ современнаго общества. Но что этому обществу угрожаютъ серьезныя опасности, въ этомъ удостовѣряетъ возникновеніе социальнаго вопроса, котораго рѣшеніе само правительство въ Германіи взяло въ послѣднее время на себя, а также и новѣйшіе законы, имѣющіе въ виду борьбу съ извѣстными анархическими стремленіями.

Школа, вслѣдствіе столь измѣнившихся отношеній, уже старалась, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, преобразовать учебный планъ своихъ наукъ, въ виду лучшаго приготовления юношества къ пониманію современной жизни. По этому поводу она, сохраняя предпочтительно прежнее свое направленіе въ образованіи, состоявшее въ изученіи древнихъ языковъ, включила однако въ свою программу и науки, требуемыя новыми потребностями жизни. Это однакожъ вызвало многія жалобы и возраженія. Одни упрекали школу въ томъ, что она придерживается еще чрезмѣрно односторонняго направленія, понимая подъ этимъ, — какъ напр. нѣмецкое академическое общество, — преобладаніе классицизма. Другіе указывали, что въ новыя программы не были включены науки, необходимыя для пониманія современной жизни. Такъ напр., на съѣздѣ общества прирейнскихъ учителей въ Кельнѣ 1889 г., Мольденгауэръ доказывалъ необходимость доставить ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній свѣденія изъ политической экономіи и законовѣденія, а также болѣе обстоятельное изученіе исторіи новѣйшихъ временъ ¹⁾. Требованіе это можно считать основательнымъ въ томъ отношеніи, что въ эпоху, когда экономическое развитіе достигло такого значенія, невозможно, чтобы люди, принадлежащіе къ такъ-назы-

¹⁾ Versammlung des Vereins rheinischer Schulmänner am 11 April 1889 zu Köln Zeitschrift für das Gymnasialwesen. 1889. September, стр. 563.

ваемымъ руководящимъ классамъ въ обществѣ, не имѣли о немъ понятія и не могли дать себѣ отчета въ самыхъ простыхъ его проявленіяхъ. Такимъ же образомъ въ наше время, когда само государство требуетъ содѣйствія отдѣльныхъ лицъ въ жизни государственной и общественной, въ качествѣ, напр., присяжныхъ засѣдателей, членовъ общинныхъ или провинціальныхъ управленій, членовъ различнаго рода обществъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже обязательны,—нельзя обойтись безъ извѣстныхъ свѣденій о государственныхъ учрежденіяхъ и объ обязательномъ законодательствѣ. Не менѣе тоже важно болѣе обстоятельное, чѣмъ теперь, изученіе исторіи новыхъ временъ, вслѣдствіе чего молодое поколѣніе могло бы понять современную культуру, настоящія требованія и нужды.

Трудно было бы, однакожъ, удовлетворить вышеуказаннымъ требованіямъ, не вызывая еще въ большей степени жалобъ на обремененіе умственнымъ трудомъ учениковъ. На обремененіе это со всѣми его вредными послѣдствіями обратило особенное вниманіе академическое общество.

Жалобы на обремененіе учениковъ умственнымъ трудомъ не прекращались ни на минуту со времени, когда гимназія приняла настоящую свою форму, то-есть, когда къ обученію латинскому и началамъ греческаго языка присоединились еще другія задачи, а именно знакомство учениковъ съ духомъ и характеромъ древнихъ, обученіе ихъ математикѣ, естественнымъ наукамъ, исторіи, географіи и французскому языку. Врачи выражали опасенія относительно пагубныхъ послѣдствій, могущихъ произойти въ физическомъ организмѣ учениковъ, вслѣдствіе увеличенныхъ требованій отъ ихъ умственныхъ занятій; директора и учителя указывали вредныя послѣдствія по отношенію къ ихъ умственному развитію, происходящія вслѣдствіе напряженнаго умственнаго труда; филологи жаловались на поверхностное только знаніе даже древнихъ языковъ, бывшее послѣдствіемъ того, что ученики не въ состояніи были удовлетворить предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ; всѣ жаловались на недостатокъ идеализма и высшихъ стремленій въ молодежи, происходящій вообще отъ чрезмѣрнаго утомленія и потери охоты къ наукѣ.

Жалобы эти стали возникать еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, то-есть, чрезъ десять лѣтъ только послѣ устройства прусскихъ гимназій распоряженіемъ 1816 г. Уже *Тириш* (Thiersch), преобразователь баварскихъ училищъ, упрекалъ въ 1827 г. (въ „*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*“) прусскія гимназіи непосредственно въ томъ, что онѣ убивали въ моло-

дежи обремененіемъ школьными занятіями охоту къ наукѣ и умственныя способности. Фридрихъ Раумеръ въ 1828 г. (въ статьѣ: „Ueber die preussische Stadtordnung“) упрекалъ гимназій, что онѣ не принимали во вниманіе разнообразія въ будущихъ занятіяхъ учениковъ и старались давать всѣмъ одинаковое образованіе. Гимназій, по его мнѣнію, имѣли въ виду образованіе только вообще человѣка, но вслѣдствіе односторонности этого направленія, учениковъ ихъ можно бы сравнить съ тѣмъ легендарнымъ пѣтухомъ Діогена, которому въ нѣмецкую кожу вставили бы нѣсколько латинскихъ и греческихъ перьевъ. Цѣлью этихъ училищъ было, чтобы всѣ ученики оказали по всѣмъ предметамъ одинаковыя успѣхи, такъ какъ это считалось необходимымъ условіемъ перехода въ высшій классъ. Такое механическое выучиваніе, однакожь, поощряя посредственность, убивало въ сущности охоту и любовь къ наукѣ, самостоятельный духъ въ ученикахъ и дѣлало изъ нихъ „филистеровъ“, одинаково равнодушныхъ ко всякой наукѣ.

Другіе, какъ Шмидтъ, вычисляли время, необходимое для того, чтобы ученикъ выполнилъ успѣшно все заданное ему, и доказывали невозможность достиженія этой цѣли, безъ тяжкаго ущерба для его физическаго и умственнаго развитія. Послѣ самаго тщательнаго вычисленія времени, необходимаго на посѣщеніе школы и домашнія занятія, оказалось, что первое требуетъ 36, а иногда и болѣе часовъ въ недѣлю, другія—34 часа. Такимъ образомъ, ученикъ былъ присужденъ, по крайней мѣрѣ, къ 12 часамъ умственнаго занятія, чтѣ, очевидно, превышало его умственныя силы. Къ этому слѣдовало еще прибавить экзамены съ утомляющимъ дневнымъ и ночнымъ трудомъ, вслѣдствіе чего всѣ радовались, когда они были отмѣнены. Визе указывалъ на то, что результаты вовсе не отвѣчаютъ тѣмъ усиліямъ учителей и учениковъ, дѣлаемымъ въ виду удовлетворенія школьнымъ программамъ; если въ низшихъ классахъ можно было замѣтить живое занятіе учениковъ наукою, то уже въ среднихъ занятіе это ослабѣвало, и учителя жаловались на утомленіе учениковъ. По его мнѣнію, молодые люди, поступающіе въ университетъ, приносили извѣстный запасъ свѣдѣній, но были лишены живости ума, вѣрности сужденій, а преимущественно любви къ наукѣ. Еслибы такое состояніе продолжалось дальше, то оно угрожало бы уничтоженіемъ всякой оригинальности въ молодежи.

Между тѣмъ требованія отъ учениковъ не только не уменьшались, но, напротивъ, постоянно увеличивались. Регламентъ 29 марта 1829 г., опредѣляя количество классныхъ уроковъ,

высказалъ извѣстное положеніе: *arbeiten oder untergehen*, смыслъ котораго состоялъ въ томъ, что лучше пусть ученики погибаютъ, чѣмъ уменьшится, относительно ихъ труда, требованія ¹⁾. Регламентъ 1834 г. выставилъ относительно этого такія требованія, что Фридрихъ-Августъ *Вольфъ*, говоря о школьныхъ программахъ, выразился, что въ многолюдномъ Берлинѣ едва ли можно бы найти 12 человекъ, и то на сороковомъ году отъ роду, которые выдержали бы экзаменъ зрѣлости вполне удовлетворительно. Удивляться впрочемъ этому нельзя, такъ какъ если прежде требовали отъ ученика, чтобы онъ былъ только хорошимъ латинистомъ, то теперь желали, чтобы онъ былъ хорошимъ гуманистомъ, математикомъ, историкомъ и даже французомъ. Если на испытаніи онъ получилъ въ среднемъ выводѣ удовлетворительныя только отмѣтки, то его признавали условно способнымъ (*bedingt tüchtig*). Убѣжденіе однакожъ, что послѣ столькихъ лѣтъ усиленной работы получались столь ничтожные результаты, должно было дѣйствовать на молодежь деморализующимъ образомъ, должно было отнимать у нея охоту къ наукѣ.

Однимъ изъ послѣдствій того было то, что въ настоящее время оканчиваютъ гимназію двумя и по крайней мѣрѣ однимъ годомъ позже, чѣмъ прежде. Любопытныя относительно того свѣденія доставляетъ Визе въ сочиненіи: „*Das höhere Schulwesen*“. Съ 1820 — 22 г. выдержало испытаніе зрѣлости учениковъ, имѣющихъ 20 лѣтъ, 341, или 19,5%, а имѣющихъ болѣе 20 лѣтъ — 330, или 16,5%. Съ 1860 — 62 г. первыхъ было 1.369, или 24%, а вторыхъ — 1.736, или 31,5% ²⁾. И по новѣйшимъ свѣденіямъ видно, что ученики постоянно позже оканчиваютъ курсъ гимназій. Такъ напр., въ реальныхъ гимназіяхъ, въ Пруссіи, съ 1860—68 г. абитуриентовъ, имѣющихъ 19 лѣтъ, было 422, или 25,5%, 20 лѣтъ — 244, или 14,8%, и 21 или болѣе — 125, или 7,3%. Съ 1869—73 г. первыхъ было 547, или 28,8%, вторыхъ — 350, или 18,6%, а третьихъ — 172, или 9,1%. Съ 1875—79 г. первыхъ было 871, или 29,3%, вторыхъ — 684, или 23,8%, а третьихъ — 469, или 14,9% ³⁾. Вообще Конрадъ полагаетъ, что въ настоящее время половина гимназистовъ оканчиваетъ курсъ въ гимназій послѣ достиженія 20-ти-лѣтняго возраста, а $\frac{1}{4}$ послѣ достиженія 21-лѣтняго воз-

¹⁾ Paulson: Geschichte, стр. 608 и 598.

²⁾ Paulson: Geschichte, стр. 615.

³⁾ J. Conrad: Das Universitätsstudium in Deutschland während der letzten 50 Jahr. 1884, стр. 190.

раста. Изъ этого, однакоже, вытекаютъ весьма вредныя во многихъ отношеніяхъ послѣдствія.

Прежде всего послѣдствія эти можно замѣтить въ физическомъ отношеніи: все чаще и чаще слышатся жалобы на физическое вырожденіе молодежи, приписываемое слишкомъ долгому пребыванію ея въ школахъ. По мнѣнію Конрада, столь долгое занятіе въ школахъ отвлеченнымъ только трудомъ отражается неблагопріятно на развитіи практическаго смысла молодежи, вслѣдствіе чего такіе гимназисты дѣлаются менѣе способными впослѣдствіи къ практической жизни. Самое лучшее усвоительное время у человѣка — это періодъ между 16—20 годами; но именно этотъ періодъ проходитъ бесполезно, вслѣдствіе слишкомъ долгаго пребыванія въ школахъ.

Вредныя послѣдствія отъ этого обнаруживаются тоже и въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ если кто до 21-лѣтняго возраста свою жизнь посвятилъ изученію древнихъ языковъ, тотъ съ трудомъ полюбитъ впослѣдствіи какое-либо практическое занятіе и найдетъ въ немъ нравственное удовольствіе. Для многихъ семействъ, принужденныхъ вести борьбу за существованіе, изъ этого могутъ возникнуть самыя вредныя послѣдствія. Въ доказательство тому Конрадъ приводитъ имущественное разстройство и упадокъ даже аристократическихъ родовъ, которые, такимъ образомъ, приготавливали своихъ сыновей къ управленію поземельными имѣніями ¹⁾. Вслѣдствіе этого онъ приходитъ къ заключенію, что было бы очень желательнымъ сократить, по крайней мѣрѣ въ реальныхъ гимназіяхъ, время, необходимое для окончанія школы, а сокращеніе это можетъ быть въ нихъ достигнуто только посредствомъ устраненія латыни ²⁾.

Этого обремененія можно бы, пожалуй, еще не жалѣть, еслибы оно другими своими хорошими послѣдствіями вознаграждало, хотя въ извѣстномъ размѣрѣ, тотъ вредъ, который оно причиняетъ, еслибы результатъ науки отвѣчалъ усиліямъ учителей и учениковъ. И этого, однакожъ, сказать нельзя. Отовсюду поднимаются жалобы филологовъ на уменьшающееся знаніе латинскаго языка ³⁾. И официальные свѣденія доказываютъ то же самое. По словамъ Паульсона, надежды тѣхъ, которые ожидали возрожденія въ гимназіяхъ и университетахъ любви къ этому языку, оказались совершенно тщетными. Циркуляръ 5-го декабря 1861 г.

¹⁾ Conrad, тамъ же, стр. 212.

²⁾ Conrad, тамъ же, стр. 210. P. Mahn; Hausbackene Gedanken über den lateinischen Aufsatz. Neue Jahrb. für Ph. und Paed. 1889, стр. 11.

³⁾ Volcker: Die Reform, стр. 142.

жалуется на то, что кандидаты даже богословія не успѣли на государственныхъ экзаменахъ доказать достаточнаго знанія латини. На сѣздѣ прусскихъ директоровъ гимназій въ 1864 г. обсуждался вопросъ, почему ученики, послѣ оставленія гимназій, прекращаютъ совершенно прежнія свои научныя занятія. И на вопросъ этотъ не нашли другого отвѣта, какъ только тотъ, что ученики рѣдко доходятъ въ гимназій до такого совершенства, чтобы были въ состояніи читать по крайней мѣрѣ одного автора съ удовольствіемъ и пользою. Большинство абитуриентовъ убѣждено въ томъ, что не въ состояніи прочесть ни одного автора порядочно. Причину же того слѣдуетъ видѣть въ томъ, что главное вниманіе обращено на изученіе грамматики. Je besser die Grammatik, desto schwächer der Lateiner, говорили. Вслѣдствіе того и университеты были принуждены понизить свои требованія относительно знанія латинскаго языка. А что при такомъ положеніи дѣла говорить о знаніи греческаго языка?

Несмотря на то, что гимназій не были въ состояніи доставить того, чего отъ нихъ требовалось относительно знанія древнихъ языковъ, обученіе имъ отразилось вредно на отечественномъ, нѣмецкомъ языкѣ. Уже въ XVIII ст. одинъ изъ богослововъ жаловался на латинскія школы, что онѣ обращаютъ главное вниманіе на латинскій языкъ, и пренебрегаютъ отечественнымъ. Вслѣдствіе того, ученики выносили изъ школы только неполное знаніе латинскаго, и портили свой собственный языкъ. Проповѣдники въ своихъ проповѣдяхъ помѣщали массу латинскихъ словъ, въ которыхъ придѣлывали нѣмецкія окончанія, и, будучи убѣждены, что говорятъ хорошо по-нѣмецки, хотѣли, чтобы простой народъ понималъ ихъ говоръ. Съ того времени не прекращались жалобы на порчу нѣмецкаго языка.

Гессенская комиссія, назначенная въ 1883 г. для изученія вопроса объ обремененіи учениковъ, выразилась относительно этого такимъ образомъ: „Уже много лѣтъ тому назадъ юридическій факультетъ жалуется на недостаточное приготовленіе большинства студентовъ по нѣмецкому языку. Тогда уже было указано на то, что студенты не въ состояніи правильно выражать свои мысли, съ надлежащимъ правописаніемъ, въ выраженіяхъ вполнѣ законченныхъ. Впрочемъ жалобы юридическаго факультета раздѣляются всѣми экзаменаціонными комиссіями. На пятomъ сѣздѣ саксонскихъ директоровъ 1886 г. предсѣдатель заявилъ объ увеличеніи грустнаго явленія, что ученики не въ состояніи писать нѣмецкихъ упражненій. Въ юридическихъ кружкахъ все чаще появляются жалобы на то, что реферндаріи и

ассессоры не въ состояніи писать по-нѣмецки ¹⁾). Фелькеръ не сомнѣвается въ томъ, что причину этого явленія слѣдуетъ видѣть въ чрезмѣрномъ преобладаніи переводовъ съ нѣмецкаго на латинскій языкъ, вслѣдствіе чего нѣмецкія выраженія принимаютъ совершенно обороты латинскихъ фразъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Фелькеръ выразилъ убѣжденіе, что латинскій языкъ произвелъ вредное вліяніе на развитіе нѣмецкаго, и что справедливо мнѣніе Гердера, по которому изъ нѣмецкаго языка сдѣлался какой-то *dintendeutsch*, какой-то *periodologischer Stil*, ein *akademischer Paragraphenstil*, als Sohn des Schullateins ²⁾).

Впослѣдствіи само министерство народнаго просвѣщенія въ Пруссіи пришло къ убѣжденію, что школьные регламенты дѣйствительно обременяютъ чрезмѣрно учениковъ. Поэтому оно пробовало, посредствомъ регламента 1856 г., сосредоточивающаго ученіе на латинскомъ языкѣ, устранить пагубныя отъ того послѣдствія. Но возвратъ назадъ, къ прежней латинской школѣ, вопреки требованіямъ новаго времени, оказался невозможнымъ. Положительнымъ доказательствомъ этого служить регламентъ 1882 г., который опять усиливается больше удовлетворить современнымъ требованіямъ. Но должно ли это обремененіе продолжаться безконечно и вызывать постоянно вышеуказанныя пагубныя послѣдствія? въ чемъ коренится его причина? нѣтъ ли средствъ къ устраненію его? По мнѣнію Паульсона, причинъ обремененія и утомленія учениковъ не слѣдуетъ искать въ самомъ планѣ наукъ и экзаменаціонныхъ требованіяхъ, такъ какъ нельзя сказать, чтобы они были чрезмѣрно преувеличены. Онъ полагаетъ, что требуется не слишкомъ много отъ 20-ти-лѣтняго человѣка, въ результатъ его 12 — 14-ти-лѣтнихъ занятій, чтобы онъ былъ въ состояніи написать латинское упражненіе безъ грубыхъ германизмовъ, чтобы былъ въ состояніи съ помощью словаря справиться съ греческимъ авторомъ, и чтобы онъ доказалъ нѣкоторыя свѣденія по математикѣ и исторіи. Причина этого коренится болѣе въ методѣ обученія. Въ этомъ отношеніи онъ полагаетъ, что утомленіе возникаетъ не столько вслѣдствіе абсолютной величины усилія, необходимаго для исполненія извѣстной задачи, сколько отъ формы, въ какой усиліе это совершается. Пять миль дороги, сдѣланной для удовольствія, не изнуряютъ столько, сколько такое же пространство, пройденное для того, чтобы достать забытую вещь. Ученый въ состояніи съ увлеченіемъ заниматься извѣстною рабо-

¹⁾ Völcker: Die Reform., стр. 187.

²⁾ Völcker: In welcher Weise würde die Priorität des französischen auf den deutschen Unterricht einwirken? Neue Jahrbücher für Phil. u. Paed. 1888, стр. 561.

тою въ продолженіе 12—14 часовъ въ сутки, но онъ утомился бы, еслибы кому-нибудь пришло въ голову контролировать его занятія всякіе два часа. Ребенокъ охотно подчиняется тому, что учитель ведетъ его почти за руку, но такой контроль невыносимъ для 20-ти-лѣтняго юноши. Между тѣмъ все теперешнее обученіе основывается на этомъ контролѣ, на томъ, чтобы ученики отработали дома по крайней мѣрѣ три задачи въ сутки, и чтобы впослѣдствіи учитель контролировалъ эти задачи въ школѣ. Такая система составляетъ главную причину утомленія и потери охоты къ наукѣ въ старшихъ ученикахъ. Другую причину того же явленія находитъ Паульсонъ въ томъ, что ученикъ ни въ одномъ предметѣ не достигаетъ извѣстнаго совершенства. Средній ученикъ посѣщаетъ гимназію съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онъ ни одного предмета не изучитъ основательно; сознаніе же этого безсилія, бесплодности его трудовъ, отражается неблагоприятно на его нравственномъ расположеніи духа, отнимая у него охоту къ наукѣ. Третья, наконецъ, причина состоитъ въ томъ, что врожденная намъ жажда знанія (*Erkenntnisstrieb*) направляетъ молодыхъ людей къ изученію прежде всего предметовъ историческихъ и естественныхъ. Между тѣмъ въ школѣ ихъ встрѣчаютъ преимущественно грамматически-лексикальныя занятія, которыя не въ состояніи удовлетворить этой жажды. Устранить эту причину можно только посредствомъ ограниченія науки древнихъ языковъ, къ чему ведетъ насъ неминуемо историческое развитие культуры.

Относительно обремененія учениковъ Штекль сознается, что онъ всегда смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на учениковъ, проводящихъ все свое время на школьной скамьѣ, заваленныхъ массою научнаго матеріала и не имѣющихъ ни одной свободной минуты на самостоятельное занятіе, на присвоеніе себѣ того, чему учили ихъ въ школѣ, и окончательно теряющихъ даже способность къ этому. По его мнѣнію, самымъ плачевнымъ явленіемъ въ школьныхъ отношеніяхъ есть полное пренебреженіе воспитательной стороны въ школьномъ образованіи. Учителя думаютъ, что они удовлетворили вполне своимъ обязанностямъ, если задали ученикамъ самое большое количество задачъ, требуемыхъ школьными программами, но не заботятся вовсе о нравственномъ воспитаніи молодежи. Послѣдствія этого бросаются, однакожъ, уже теперь въ глаза. Младенчески свѣжіе, веселые, благопристойные нравы исчезаютъ постоянно все болѣе и болѣе въ гимназіяхъ; мѣсто же ихъ занимаетъ грубое, безнравственное поведеніе, привязанность къ трактирной обстановкѣ (*Freude am Wirtshausleben*) презрѣніе

къ религіи и властямъ. Общество будетъ еще, по его мнѣнію, собирать горшіе плоды отъ гимназій, если въ устройствѣ ихъ не наступитъ поворотъ къ лучшему. Такова перспектива, представляющаяся въ будущности ¹⁾.

Не менѣе важный недостатокъ въ устройствѣ нѣмецкихъ среднихъ учебныхъ заведеній состоитъ въ привилегированномъ положеніи нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе чего всему школьному образованію дано было искусственно ложное и вредное направленіе. На обстоятельство это, какъ требующее неотлагательнаго исправленія, справедливо обратило вниманіе нѣмецкое академическое общество.

Изъ исчисленія правъ и привилегій, предоставленныхъ ученикамъ различныхъ учебныхъ заведеній, не только окончившимъ въ нихъ полный курсъ наукъ, но довольствующимся свидѣтельствомъ на переходъ изъ извѣстнаго класса въ другой ²⁾, мы видимъ, что самыми значительными привилегіями пользуются ученики учебныхъ заведеній съ двумя или, по крайней мѣрѣ, съ однимъ древнимъ языкомъ, т.-е. гимназій или реальныхъ гимназій. Всѣ прочія учебныя заведенія находятся въ несравненно худшемъ положеніи. Такъ напр., только гимназій обезпечиваютъ за своими учениками право поступать въ университетъ безъ всякаго ограниченія; между тѣмъ ученики реальныхъ гимназій пользуются этимъ правомъ только тогда, когда они намѣрены изучать математически-естественныя науки или новыя языки. Ученики, окончившіе II-й классъ (нашъ VI-й) въ гимназій или реальной гимназій, пользуются большими правами, тѣмъ ученики, окончившіе полный курсъ наукъ въ Oberrealschule или Bürgerschule, хотя курсъ наукъ въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ семилѣтній. Гимназисты, перешедшіе во II-й классъ, пользуются весьма цѣнною привилегіею въ Германіи—поступать въ военную службу въ качествѣ одногодичнаго охотника, а ученики реальныхъ училищъ приобрѣтаютъ ее только вслѣдствіе окончанія въ нихъ полного курса наукъ. Нельзя удивляться тому, что родители посылаютъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, пользующіяся самымъ значительнымъ количествомъ привилегій ³⁾, такъ какъ тѣмъ они надѣются открыть имъ самое большое количество мѣстъ въ будущемъ, или, по крайней мѣрѣ, доставить имъ нѣкоторыя привилегіи, хотя бы они не были въ состояніи, или по причинѣ неспособности, или по другимъ причинамъ,

¹⁾ Conrad: Das Universitätsstudium in Deutschland, стр. 216.

²⁾ Stückl: Lehrbuch, стр. 640.

³⁾ Conrad, тамъ же, стр. 218.

окончить въ нихъ полный курсъ наукъ. Отсюда вытекаетъ первое вредное послѣдствіе такого порядка, а именно, переполненіе учебныхъ заведеній, пользующихся большимъ количествомъ привилегій, которое опять производитъ вредное послѣдствіе въ педагогическомъ отношеніи. Это послѣднее состоитъ въ томъ, что учителя не въ состояніи удовлетворить своимъ обязанностямъ по причинѣ чрезмѣрнаго количества учениковъ; съ другой же стороны, ученики, болѣе способные, задерживаются въ успѣхахъ присутствіемъ въ классѣ менѣе способныхъ или менѣе прилежныхъ. Всѣ эти привилегіи гимназій вредятъ развитію реальныхъ училищъ, такъ какъ города, учреждая школу и доставляя ей средства содержанія, принуждены заботиться преимущественно объ устройствѣ школы, по крайней мѣрѣ, съ однимъ древнимъ языкомъ.

Такия вредныя послѣдствія нынѣшняго устройства училищъ принудили министерство народнаго просвѣщенія въ Пруссіи сдѣлать въ 1874 г. запросъ у другихъ министерствъ, насколько они были бы склонны отказаться отъ своихъ требованій относительно знанія латинскаго языка. Отвѣты, однакожъ, были въ этомъ отношеніи вовсе неблагопріятны. Безъ знанія этого языка отказывали въ приѣмъ въ строительную академію, еслибы ученикъ намѣревался впослѣдствіи подвергнуться государственному экзамену для занятія мѣста въ государственной службѣ. Оставлено также было это условіе и относительно учениковъ горныхъ училищъ. Знаніе латинскаго языка требовалось на испытаніи на степень поручика (Fähnrichsexamen), если кандидатъ не былъ освобожденъ отъ того окончаніемъ курса гимназій или реальной гимназій. То же требовалось и отъ чиновниковъ интендантства, высшихъ почтовыхъ чиновниковъ, фармацевтовъ и ветеринаровъ.

Въ этомъ пристрастіи названныхъ властей къ латинскому языку, даже для такихъ званій, для которыхъ онъ не имѣетъ никакого значенія, встрѣтилось главное препятствіе солидной школьной реформы. Безъ отмены подобныхъ требованій, реальные училища не могутъ никакимъ образомъ обойтись и безъ этого языка, если не желаютъ подвергнуться опасности потерять громадное количество учениковъ, которые, именно для пріобрѣтенія этихъ привилегій, перешли бы въ гимназій. Боницъ, управляющій средними и высшими учебными заведеніями въ Пруссіи, признавалъ предрасудкомъ военнаго министра, полагавшаго, что годовичный охотникъ лучше готовится къ своему дѣлу, вслѣдствіе окончанія II класса въ гимназій (нашего V-го), нежели окончившій полный курсъ наукъ въ хорошо устроенной Bürgerschule,

безъ латинскаго языка. Искореніе такого предразсудка слѣдуетъ считать необходимымъ условіемъ успѣха въ этомъ вопросѣ.

По мнѣнію Паульсона, переполненіе гимназій, а вслѣдствіе того и университетовъ, есть послѣдствіе монополіи гимназій, относительно правъ, предоставленныхъ ученикамъ. Онъ говоритъ, что гимназіи можно бы сравнить съ всасывающими насосами (Saugerpumpen), извлекающими молодежь изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, отелояющихъ ее отъ практическихъ занятій и искусственно направляющихъ въ ученыхъ профессіямъ. Такимъ образомъ эти привилегіи сообщаютъ всему училищному устройству ложное направление; монополія гимназій, это — кошмаръ, убивающій всю жизненность училищъ, гнетущій родителей, дѣтей, учителей, училищныя власти, не исключая даже министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾. Посмотримъ, не преувеличены ли всѣ эти мнѣнія.

По официальному отчету, помѣщенному въ „Zentralblatt für das Unterrichtsverwaltung“, съ 1882 по 1887 г. вышло вообще изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи 65.000 учениковъ, изъ которыхъ, однакоже, 30.000 не получили даже свидѣтельства на одnogодичнаго охотника по той причинѣ, что они оставили школу раньше, чѣмъ нужно для полученія этого свидѣтельства.

Въ то же самое время вышло изъ всѣхъ гимназій и прогимназій 39.000, или $\frac{7}{10}$ всѣхъ учениковъ, безъ свидѣтельства, предоставляющаго право на поступленіе въ университетъ. Изъ гимназій и прогимназій реальныхъ вышло въ то же время 26.000, или $\frac{9}{10}$ всѣхъ учениковъ, безъ такого же свидѣтельства. Такъ какъ заведенія эти считаются приготовительными въ университетъ и въ высшія техническія училища, то и планъ наукъ въ нихъ устроенъ соотвѣтственно тому. Планъ этотъ не принимаетъ во вниманіе потребностей учениковъ, которые, не окончивъ полнаго курса наукъ, переходятъ въ практическимъ занятіямъ. Изъ этого вытекаетъ, что $\frac{7}{10}$ гимназистовъ и $\frac{9}{10}$ реальныхъ гимназистовъ, т.-е. громадное большинство учениковъ обучается по плану, не для нихъ составленному, и оставляетъ школу безъ соотвѣтственнаго научнаго приготовленія ²⁾.

Обыкновенно приписывали это переполненіе гимназій учениками, не оканчивающими ихъ, тщеславію родителей, которые хотѣли видѣть своихъ дѣтей въ гимназіи, несмотря на ихъ будущія занятія. Въ большинствѣ случаевъ, однакоже, слѣдуетъ видѣть другую причину. Причина эта состоитъ прежде всего въ

¹⁾ Bemerkungen zu dem Aufsatz: Schulreform und Einheitschule. Neue Jahrbücher f. Ph. u. Paed. 1889, стр. 232.

²⁾ Bemerkungen etc. Neue Jahrbücher. 1889, стр. 226.

томъ, что дѣти до 14-лѣтняго возраста обязаны посѣщать школу; а такъ какъ болѣе способные мальчики уже съ достиженіемъ 10 или 11 лѣтъ знаютъ все, чему могли выучиться въ начальномъ училищѣ, то родители принуждены или оставить ихъ дольше въ школѣ, гдѣ они уже ничего болѣе не въ состояніи изучить, или послать ихъ въ высшую школу, гдѣ они могутъ еще приобрѣсти другія познанія. Разумѣется, что родители избираютъ этотъ послѣдній альтернативъ и посылаютъ своихъ дѣтей въ гимназію, во-первыхъ, потому, что заведеніе это предоставляетъ самое большое количество правъ, а во-вторыхъ, потому, что заведеній этихъ больше всѣхъ, что они находятся ближе, что вслѣдствіе того опредѣленіе въ оныя дѣтей представляется самою удобною мѣрою. Такимъ образомъ, родители съ одной стороны вынуждены посылать своихъ дѣтей въ высшее училище, а съ другой—поощряются къ опредѣленію ихъ въ гимназію привилегированнымъ положеніемъ, предоставленнымъ этому заведенію ¹⁾. Конечно, было бы желательнымъ, чтобы не всѣ дѣти низшихъ классовъ народонаселенія довольствовались только свѣденіями, приобрѣтенными въ начальномъ училищѣ. Въ настоящее время въ практическихъ занятіяхъ промышленности, торговли, ремеслахъ, даже въ военномъ искусствѣ недостаточны уже свѣденія, приобрѣтаемыя исключительно практикою, рутиною. Поэтому желательно, чтобы и дѣти, долженствующія впослѣдствіи заняться ими, получили нѣсколько высшее образованіе. Настоящее, однакоже, устройство училищъ таково, что они, за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣденій изъ латинскаго, и еще меньшихъ изъ греческаго языка, не выносятъ ничего изъ гимназіи, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго въ ней пребыванія.

Разумѣется, что для такихъ дѣтей было бы всего лучше ходить въ училище безъ древнихъ языковъ. Но такихъ училищъ сравнительно довольно мало. Въ Пруссіи было 478 училищъ съ обязательнымъ латинскимъ языкомъ, а только 22 высшихъ *Bürger-schulen* и 22 реальныхъ училищъ безъ этого языка. Въ 150 городахъ единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ была гимназія, а въ 81—реальная гимназія. Напротивъ, только въ 30 городахъ, съ миллионнымъ населеніемъ, такія дѣти имѣютъ возможность посѣщать школу безъ латинскаго языка. Все это принуждаетъ родителей посылать дѣтей, предназначенныхъ къ практическимъ занятіямъ, въ школу, въ которой они обязаны учиться латинскому, а часто и греческому языку, несмотря на то, что

¹⁾ Bemerkungen etc. Neue Jahrbücher. 1889, стр. 227.

они впоследствии обратятся къ торговлѣ, промышленности и т. п. Последствія того были такія, что между 1882—87 г. на 1.000 учениковъ, оставившихъ гимназіи, только 307 получили аттестатъ зрѣлости, а изъ этого количества 264 поступили въ университетъ. Несмотря на то, планъ наукъ принималъ во вниманіе потребности только этихъ 264 учениковъ, а не обращалъ вниманія на нужды 736. На 1.000 учениковъ, оставившихъ въ то же время реальныя гимназіи, только 101 получилъ аттестатъ зрѣлости, а изъ этого количества 48 поступили въ университетъ или въ высшія техническія учебныя заведенія. Такимъ образомъ, и здѣсь планъ наукъ принималъ во вниманіе потребности 48 учениковъ, и не обращалъ вниманія на нужды 952 ¹⁾. Вслѣдствіе того всѣ ученики, не довольствующиеся начальнымъ образованіемъ, принуждены учиться обоимъ древнимъ языкамъ, или по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ, получая, такимъ образомъ, самое дурное приготовленіе для будущей практической жизни ²⁾.

По другимъ свѣдѣніямъ, численныя данныя относительно этого вопроса представляются еще хуже. По Гемпфину (Hempfling), въ зимнемъ полугодіи 1883—84 г. во всѣхъ девятиклассныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Пруссіи было 106.405 учениковъ. Изъ этого количества испытаніе зрѣлости выдержали 4.007, или 3,77%. По Мейеру (въ его „Berechtigungsjahr auf unseren höheren Schulen“), изъ общаго количества учениковъ, оставляющихъ гимназію, только $\frac{1}{6}$ часть выдерживаетъ испытаніе зрѣлости, и $\frac{1}{3}$ приобрѣтаетъ права, соединенныя съ окончаніемъ II или I класса. По крайней мѣрѣ половина учениковъ не получаетъ даже и такихъ правъ. На этомъ основаніи Фелькеръ приходитъ къ заключенію, что 96% учениковъ девятиклассныхъ учебныхъ заведеній обучаются по плану, не принимающему вовсе во вниманіе ихъ потребностей ³⁾.

Другіе, какъ Фивегеръ ⁴⁾, соглашаются съ тѣмъ, что по крайней мѣрѣ 80% учениковъ не достигаютъ цѣли гимназическаго обученія вслѣдствіе преждевременнаго оставленія гимназіи. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что громадное большинство учениковъ учится въ гимназіи по плану, не приуроченному къ ихъ потребностямъ. Громадное большинство учениковъ требуетъ образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ безъ латинскаго

¹⁾ Bemerkungen etc. Neue Jahrbücher. 1889, стр. 229.

²⁾ Um so auf die denkbar schlechteste Weise für einem bürgerlichen Beruf vorbereitet zu werden. Bemerkungen etc. Neue Jahrbücher. 1889, стр. 228.

³⁾ Völcker: Die Reform, стр. 231.

⁴⁾ Vieweger: Das Einheitsgymnasium, стр. 78.

языка—между тѣмъ этому большинству навязывается планъ наукъ, исполнѣ для него несоотвѣтственный, для того только, чтобы удовлетворить потребностямъ ничтожнаго меньшинства ¹⁾.

Посмотримъ еще ближе на послѣдствія такого устройства училищъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на эти 80% учениковъ, оставляющихъ гимназію безъ окончанія въ ней полного курса наукъ.

Самымъ вреднымъ послѣдствіемъ слѣдуетъ считать то, что такіе ученики выносятъ изъ гимназіи только такъ-называемое полуобразование ²⁾. Очевидно, что такіе ученики, сверхъ незначительныхъ познаній изъ латинскаго, а еще меньшихъ изъ греческаго языковъ, не выносятъ изъ четвертаго, пятаго и т. д. классовъ гимназіи никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы быть имъ полезны въ дальнѣйшей жизни, которыя составляли бы научную къ ней подготовку. Напротивъ, можно сказать, что многолѣтнее ихъ пребываніе въ гимназіи было для нихъ въ этомъ отношеніи не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ, такъ какъ они успѣли въ продолженіе этого времени отвыкнуть отъ занятій, къ которымъ впослѣдствіи должны обратиться, или даже возбудили въ себѣ къ этимъ занятіямъ отвращеніе и презрѣніе. Между тѣмъ въ Германіи каждый молодой человѣкъ, добывшій съ трудомъ аттестатъ зрѣлости изъ гимназіи, вслѣдствіе укоренившихся предразсудковъ, свысока смотритъ на купца или промышленника, считая ихъ менѣе себя образованными ³⁾. Что же сказать о тѣхъ, которые не достигли даже и того, но, преувеличивая свое достоинство, считают себя лучше другихъ? Если такой молодой человѣкъ принужденъ впослѣдствіи заняться торговлею, промышленностью или ремесломъ,—онъ считаетъ это для себя самымъ большимъ несчастьемъ и униженіемъ, дѣлаетъ все безъ убѣжденія, наклонности, а иногда даже съ отвращеніемъ, и вслѣдствіе того не можетъ ни въ чемъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Зная нѣсколько латинскій языкъ, онъ считаетъ себя созданнымъ для чего-то лучшаго, высшаго. Такое самообольщеніе приноситъ дурные плоды не только для этихъ молодыхъ людей лично, но и для всего общества. По этому поводу Фивегеръ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе, что еслибы такіе молодые люди могли получить свидѣтельство на одногодичнаго охотника, съ достиженіемъ 15-ти-лѣтняго возраста въ хорошо устроенной Bûr-

¹⁾ Vieweger, тамъ же, стр. 81.

²⁾ Conrad, тамъ же, стр. 213.

³⁾ Der einfältigste Gimpel, der sein Maturitätszeugniss in der Tasche hat. Völcker, тамъ же, стр. 142.

gerschule, они отдались бы своимъ практическимъ занятіямъ совершенно иначе, нежели теперь, когда свидѣтельство это они получаютъ изъ школы съ латинскимъ языкомъ, но на 3—5 лѣтъ позже. Обстоятельство это производитъ, очевидно, громадное вліяніе на развитіе экономическихъ отношеній народа, такъ какъ богатство страны зависитъ преимущественно отъ болѣе или менѣе способности его жителей къ такого рода дѣятельности ¹⁾).

Нерѣдко тоже, такой молодой человѣкъ, руководимый отвращеніемъ къ практическимъ, техническимъ занятіямъ, обращается къ государственной службѣ, дѣлается чиновникомъ, но и здѣсь онъ не находитъ удовлетворенія. Высшія мѣста для него недоступны по недостатку аттестата зрѣлости, и поэтому онъ принужденъ довольствоваться низшими, канцелярскими должностями. Вслѣдствіе того всѣ канцеляріи переполнены лицами, принадлежащими къ этой категоріи. Но и для такихъ занятій лица эти не получили соотвѣтственнаго приготовленія, такъ какъ начатковъ латинскаго языка нельзя признать достаточными въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, несмотря на то, что иныя мѣста—такія лица и заняли бы впослѣдствіи, но они всегда будутъ недовольны своимъ положеніемъ, въ социальномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Они воспитывались на роли господъ и приобрѣли соотвѣтственныя тому претензіи, но они не въ состояніи подняться высоко въ социальномъ отношеніи. Они принуждены остаться на подчиненныхъ мѣстахъ, не оплачивающихся даже согласно ихъ потребностямъ въ матеріальномъ отношеніи. Относительно этого слѣдовало бы всегда имѣть въ виду справедливое замѣчаніе Конрада, а именно, что все наше нынѣшнее образованіе направлено, главнымъ образомъ, къ развитію нашего ума и расширенію понятій, и потому оно искусственно увеличиваетъ наши потребности. Одновременно съ этимъ должно было бы послѣдовать и увеличеніе способности удовлетворять этимъ потребностямъ ²⁾). Если случается иначе, то это можетъ угрожать обществу серьезною социальною опасностью. Большинство этихъ 80% учениковъ, преждевременно оставляющихъ гимназію, находится именно въ такомъ положеніи.

Что же опять дѣлается съ тѣми 20% учениковъ, достигающими, наконецъ, столь желанной цѣли аттестата зрѣлости? И къ нимъ можно отчасти примѣнить сказанное выше относительно 80%. Нѣкоторая ихъ часть обращается къ практическимъ заня-

¹⁾ Vieweger, тамъ же, стр. 81.

²⁾ Conrad, тамъ же, стр. 207.

тіямъ, въ которыхъ, не имѣя соотвѣтственнаго приготовленія, не можетъ найти для себя соотвѣтственнаго мѣста. Тѣмъ болѣе можно это сказать потому, что и они, вслѣдствіе своихъ продолжительныхъ теоретическихъ занятій, питаютъ къ нимъ болѣе или менѣе отвращеніе. Значительная ихъ часть, какъ мы видѣли выше, поступаетъ въ университетъ для приготовленія къ званіямъ, на которыя законъ требуетъ университетскаго образованія. И здѣсь, однакоже, положеніе ихъ постоянно ухудшается вслѣдствіе того, что гимназіи, посредствомъ своихъ привилегій, искусственно привлекаютъ постоянно увеличивающееся количество молодежи въ университетъ. Статистика показываетъ громадное увеличеніе количества студентовъ въ университетахъ. По Конраду, въ 1861—62 г. было въ Германіи 12.660 студентовъ, а въ 1882—83 г. уже 24.217 ¹⁾. Въ 1884—85 г. количество это увеличилось уже до 26.494. Такимъ образомъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ количество студентовъ удвоилось; если же принять во вниманіе одновременное приращеніе народонаселенія, то оно въ это время увеличилось на 55⁰/₁₀₀ ²⁾. Разумѣется, что опять значительная часть студентовъ не можетъ найти для себя соотвѣтственнаго занятія, и не желаетъ также обратиться къ промышленности или ремесламъ, которые считаетъ для себя слишкомъ низкими, почти позорными занятіями. Въ этомъ коренится причина все болѣе и болѣе увеличивающагося ученаго пролетаріата и недовольство теперешними отношеніями. Никто не станетъ оспаривать, что и это можетъ угрожать опасностью обществу. Прусское правительство сознаетъ всю важность этого вопроса и опасности, вытекающія изъ ученой гиперпродукціи. Въ этомъ можно убѣдиться изъ заявленій, сдѣланныхъ Боницомъ въ засѣданіи прусской палаты депутатовъ 16-го апрѣля 1883 г., и даже самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Госслеромъ. Опасность эту, однакожъ, можно устранить только или уменьшеніемъ привилегій училищъ съ древними языками, или сравненіемъ съ ними въ этомъ отношеніи другихъ школъ. Только тогда предупредится этотъ искусственно вызванный приливъ молодыхъ людей въ университеты, и часть ихъ по крайней мѣрѣ обратится къ практическимъ занятіямъ.

Такое состояніе, однакожъ, угрожаетъ не одними вышеуказанными послѣдствіями, прежде всего вредными для самихъ заинтересованныхъ лицъ, для молодежи, избравшей ложное направ-

¹⁾ Conrad, тамъ-же. Anhang. II.

²⁾ Völcker: Die Reform, стр. 226.

леніе въ образованіи. И общество тоже страдаетъ вслѣдствіе такого привилегированнаго положенія извѣстнаго рода училищъ. Вслѣдствіе того вырабатывается въ ученикахъ, окончившихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ, возлѣ *Schuldummheit*, о которой мы упомянули выше, еще другой недостатокъ, именно *Schulhochmut*, или, какъ Паульсонъ его называетъ, *Latinitätschhochmut*, латинское или школьное высокомеріе. Недостатокъ этотъ состоитъ въ ложномъ мнѣніи, что все человѣческое знаніе, умъ человѣка, начинается съ латинскаго языка и на немъ оканчивается; что кто не знаетъ склонять *mensa* и т. п., тотъ не въ состояніи имѣть никакого сужденія о человѣческихъ и божественныхъ дѣлахъ. Это „латинское высокомеріе“ причинило, по мнѣнію Паульсона, больше вреда, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ, такъ какъ оно вырыло глубокую пропасть между образованными классами народонаселенія и простонародьемъ, вслѣдствіе чего классы эти не въ состояніи взаимно себя понимать. Иначе впрочемъ и быть не могло, когда латинская школа въ продолженіе столѣтій вѣковъ вселяла въ своихъ ученикахъ убѣжденіе, что кто не знаетъ латинскаго языка, тотъ принадлежитъ къ черному народу (*ist Pöbel*) ¹⁾. И теперь это не можетъ быть иначе. Съ одной стороны, привилегированное положеніе училищъ съ древними языками внушаетъ ихъ воспитанникамъ убѣжденіе, что они выше учениковъ, посѣщающихъ другія учебныя заведенія, что они составляютъ самую лучшую часть народа. Съ другой стороны, сами учителя этихъ учебныхъ заведеній содѣйствуютъ къ укорененію въ нихъ такого предразсудка, обращаясь съ пренебреженіемъ или презрѣніемъ ко всѣмъ прочимъ учебнымъ заведеніямъ. Такъ напр., были учителя, называвшіе реальныя училища „мелочными лавочками полезныхъ свѣденій“; другіе совѣтовали ученикамъ гимназій, оказывающимъ недостаточные успѣхи въ древнихъ языкахъ, идти въ *cloaca maxima*, понимая подъ этимъ мѣстное реальное училище и т. п. ²⁾.

Такое раздѣленіе общества на группы, изъ которыхъ одна смотритъ съ пренебреженіемъ на другую, потому только, что эта другая не училась латинскому языку, влечетъ къ очень важнымъ и вреднымъ послѣдствіямъ, именно къ совершенному искаженію понятій о значеніи этихъ группъ, и уничтожаетъ ихъ взаимодѣйствіе къ достиженію общей цѣли—вышей степени культуры. Доказательство тому представляетъ Гиллесбрандъ (*Hillesbrand*), который

¹⁾ Paulson: *Das Realgymnasium*, стр. 42.

²⁾ Völcker: *Die Reform*, стр. 222.

въ „Deutsche Rundschau“ (1879) проводилъ мысль, что общество раздѣляется на три класса: именно, работающихъ умственно, или высшій; средній классъ — работающихъ механически, и низшій классъ — работающихъ физически, или простой народъ. Первый классъ, какъ руководящій народомъ, die leitende Klasse, долженъ обучаться въ гимназiи и вслѣдствiе того пользоваться всѣми предоставленными этому учебному заведенiю привилегiями; два остальные класса должны обучаться въ Bürgerschule и въ народныхъ училищахъ. Поэтому, говоритъ Фелькеръ, купцы, техники, промышленники, которые многiе годы провели въ различныхъ частяхъ мiра и возвратились отсюда съ высокимъ образованiемъ, которые своею дѣятельностью успѣли обезпечить существованiе сотнямъ и даже тысячамъ людей, которые народное богатство увеличили на миллионы, — они не могутъ быть причислены къ классу, руководящему народомъ. Лица, развившiя столько энергiи и выказавшiя столько умственныхъ способностей, должны быть считаемы ниже тѣхъ, которые съ трудомъ проходили чрезъ гимназiю и университетъ, и при помощи репетитора (Eiprauker) выдержали, наконецъ, государственный экзаменъ. Такимъ образомъ, такіе люди, какъ Крупшъ, Борзигъ, Сименсъ, Верманъ, Людерицъ — не могутъ быть причислены къ классу, первенствующему въ народѣ ¹⁾. Поразительно превращенiе понятiй, на основанiи чего классы производительные считаются хуже и ниже классовъ, исполняющихъ только извѣстную функцiю въ обществѣ, но не увеличивающихъ непосредственно народнаго богатства. Конечно, такой порядокъ не можетъ не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на всей экономической дѣятельности народа.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнiю тѣхъ средствъ, которыя предлагаются въ настоящее время для устраненiя такихъ существенныхъ недостатковъ нынѣшняго устройства средняго образованiя въ Германiи, указываемыхъ лучшими ея учеными и педагогами.

Ант. Окольскій.

¹⁾ Völcker: Die Reform, стр. 228.

НА УЩЕРБѢ

РОМАНЪ.

ХІІ *).

Къ Малой-Морской Ермиловъ подвигался лѣнливо. Посѣщеніе Званцева, разговоръ, завязавшійся тамъ на довольно-таки тошную тѣму и непропадающее чувство прѣсноты и пустоты настраивали его на небывалый для него ладъ... Онъ искалъ объясненія такому отсутствію жизненныхъ аппетитовъ, и остановился на двухъ причинахъ: умственный голодъ и голодъ чувственный... Занятія по дѣламъ его патроновъ требовали поѣздовъ въ Москву, изрѣдка въ провинцію, но не могли наполнять всего времени. Оставалось все-таки слишкомъ много досуга, да и сами по себѣ эти занятія всегда имѣли для него нѣчто—не то что унизительное, а не особенно почетное. Онъ о нихъ не говорилъ даже съ ближайшими пріятелями.

Чувственный голодъ давалъ себя знать въ особой, еще не испытанной имъ, формѣ. Онъ упрекалъ себя въ слишкомъ большой осторожности. Исторія съ Анной Гавриловной всплывала въ его памяти все чаще и странно щемила его. Правда, онъ ушелъ отъ опасности брачнаго хомута, но зато ничего не выигралъ. И онъ же сдѣлался виновникомъ того, что такая привлекательная женщина, изъ *dépit amoureux*, изъ-за обиды, которую онъ ей нанесъ, „выскочила“ замужъ за какого-то ловкаго доцентива. Этого онъ себѣ простить не могъ.

Въ Петербургѣ у него не было подобія какого-нибудь инте-

*) См. выше: мартъ, стр. 5.

ресца. Года надвигались, и щеголянье темпераментомъ дѣлалось все опаснѣе, да и не окупалось новизной... Все та же веревница скучныхъ встрѣчъ съ легкими особами второго и третьяго сорта. Онъ радъ былъ бы круто повернуть въ сторону флёрта съ свѣтскими женщинами или съ дѣвицами; но ему казалось, что онъ потерялъ съ ними тонъ.

Егоръ Петровичъ, быть можетъ, въ первый разъ, испытывалъ то, что онъ способенъ былъ, по своей слабости къ новымъ терминамъ, назвать „диспепсіей души“.

Предстоящій визитъ къ Карусъ, гдѣ ждалъ Андреоли, не привлекалъ его.

Онъ вошелъ въ швейцарскую отеля и самъ сталъ искать на доскѣ, въ какомъ номерѣ живетъ Доротея Васильевна Карусъ.

Глаза его остановились на знакомомъ имени; но онъ не сразу сообразилъ, кто это. Подъ номерами двадцатымъ и двадцать-первымъ стояло: „г-нъ и г-жа Куликовы“.

„Да вѣдь это она!..“

Ермиловъ почувствовалъ, что очень обрадовался... Онъ ни одной секунды не остановился на непріятномъ фактѣ присутствія мужа, этого доцентика...

— Куликовы дома?—радостно и стремительно спросилъ онъ у швейцара.

— Сами они вышли, а барыня у себя, — отвѣтилъ обстоятельно швейцаръ и сейчасъ же прибавилъ:—Во-второмъ этажѣ, по правую руку отъ площадки... Послѣ коридорный укажетъ...

Про Карусъ Ермиловъ даже не спросилъ. Онъ отдавался какому-то новому чувству, не то любопытства, не то тревоги. По лѣстницѣ шагаль онъ ускоренно, и лицо его получило выраженіе радостной озабоченности.

На площадкѣ стоялъ, облокотившись о перила лѣстницы, номерной.

— Въ номеръ двадцатый направо?—увѣренно спросилъ Ермиловъ и вошелъ въ темноватый коридоръ, гдѣ ему надо было вглядываться въ номера.

Въ замѣкъ одной изъ дверей торчалъ ключъ. Ермиловъ постучался. Оттуда ему что-то отвѣтили. Онъ смутно узналъ голосъ Анны Гавриловны, и кровь прилила ему къ лицу.

Маленькая передняя стояла совсѣмъ темной. Онъ подошелъ къ двери въ первую комнату — гостиную, довольно большую, и окликнулъ:

— Анна Гавриловна у себя?

Ему показалось, что голосъ у него дрогнулъ.

— У себя!—отвѣтили ему.

Голосъ былъ несомнѣнно ея, такой же сочный, какъ и въ Москвѣ, но какъ будто пониже.—голосъ женщины, а не дѣвушки.

Онъ торопливо скинулъ свою бекешу и быстро вошелъ.

По срединѣ первой комнаты стояла Анна Гавриловна въ пеньюарѣ, который онъ тотчасъ узналъ. Тѣ же наливныя бѣлыя руки выглядывали изъ разрѣза рукавовъ, и голова была причесана также къ лицу. Въ ушахъ блестѣло по крупному брильянту.

— А!.. Юрій Петровичъ! Здравствуйте!

Это „здравствуйте“ прошло по немъ холодной струйкой. Глаза ея, длинные и узкіе, смотрѣли на него весело и сухо, зубы блестѣли, и ротъ поводила усмѣшка женщины, съ которой слѣдѣло, въ нѣсколько дней, все дѣвичье.

Но этотъ приемъ—свѣтски совершенно безупречный—отдался у него, гдѣ-то внутри, и онъ не смогъ ничего сказать ей своего, какой-нибудь остроты, сдѣлать цитату или лицомъ выразить одну изъ его любимыхъ минъ.

И все-таки онъ обрадовался ей и—совсѣмъ взвинченный—уже забылъ, какъ десять минутъ передъ тѣмъ ему прѣсно жилось въ Петербургѣ.

— Это очень мило, что зашли!.. Садитесь. Вы узнали отъ кого-нибудь изъ московскихъ о нашемъ пріѣздѣ?

Слова ея продолжали дышать на него холодкомъ.

Она сѣла въ большое кресло у стола, — также какъ и въ своей гостиной, на Патріаршихъ-Прудахъ. По другую сторону стола сѣлъ и онъ но поза вышла у него совсѣмъ иная. Ему захотѣлось протянуть ей руку еще разъ—ихъ рукопожатіе вышло какое-то отрывистое—и долго глядѣть на нее, и отдаться чувству мало знакомой ему чуткости, и заговорить задушевно, по-московски.

Но ея видъ и тонъ продолжали обдавать его свѣжестью. Она вся была преисполнена цѣльности, довольства, чего-то непроницаемого и прочнаго.

— Я еще хорошенько не поздравилъ васъ,—сказалъ Ермиловъ съ наклономъ головы и подался впередъ всѣмъ корпусомъ.

— И даже не поинтересовались узнать, когда была моя свадьба,—отвѣтила ему въ тонъ Анна Гавриловна.

Этотъ упрекъ дышалъ на него все тѣмъ же холодкомъ. Онъ могъ принять ея слова за намекъ на то, что онъ разсердился и уѣхалъ изъ Москвы, даже не простившись съ нею.

Она прибавила:

— Вы, Юрій Петровичъ, какъ-то улетучились тогда... Москва, видно, очень прискучила!..

Здѣсь, въ Петербургѣ, ея языкъ, съ чисто-московскими оборотами, выступалъ рѣзче, но ему правилась своеобразность ея рѣчи, и не одно это, а вся она, ея туалетъ, напоминавшій ему домикъ на Патриаршихъ-Прудахъ, прическа, изумительная шея, выраженіе ея длинныхъ, узковатыхъ глазъ, гдѣ сидѣло что-то новое, властное и говорившее о томъ, что она женщина, что она знала уже радости супружества, но еще не любила. Онъ знавалъ этотъ взглядъ у другихъ очень молодыхъ женщинъ, замужнихъ и незамужнихъ, добродѣтельныхъ и порочныхъ. Этотъ взглядъ всегда складывается въ породистыхъ женщинахъ...

Онъ терялъ свою увѣренность, не могъ направить разговоръ такъ, какъ ему бы хотѣлось, испытывалъ даже нѣчто совсѣмъ новое — ребяческое недовольство собою за неумѣнье дать этой первой бесѣдѣ съ глазу-на-глазъ такой отгѣнокъ, какой всего прямѣе отвѣчалъ бы его настроенію.

И вдругъ злость на „приватдоцента“, точно игла, уколола его въ сердце. Вѣдь онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ... И всего этого не было бы, еслибы онъ, Ермиловъ, не испугался, какъ старый брюзга-холостякъ, не повелъ себя такъ на-сторожѣ. Она ждала его, сани понесли бы ихъ въ паркъ, въ Петровское, тамъ ресторанъ...

„А потомъ?“ — спросилъ онъ себя.

„А потомъ — ты бы обладать ею, несчастный... И она стала бы твоей женой, не съ тѣмъ чувствомъ, какое имѣетъ къ своему доценту. Развѣ такая женщина не стоитъ твоей свободы, никому не нужной, постылой и тебѣ самому?.. Радуйся!“

— А вышъ благовѣрный? — вдругъ спросилъ Ермиловъ, и слово „благовѣрный“ зазвучало фальшивой нотой.

„Глупо, глупо!“ — прикрикнулъ онъ на себя мысленно.

— Мой благовѣрный — отвѣтила она ему безстрастно и вяло — поѣхалъ по Петербургу; у него множество дѣлъ и знакомствъ, въ редакціяхъ, въ министерствахъ... Я его не видала съ утра, — и мы должны съѣхаться, передъ обѣдомъ, въ одномъ московскомъ домѣ.

— У кого? — съ нескрываемымъ любопытствомъ спросилъ Ермиловъ.

— У Капцова.

— Это мой товарищъ!.. Такъ я васъ задерживаю, вамъ нужно переѣхать туалетъ.

Онъ всталъ совсѣмъ разстроенный. Поднялась съ мѣста и Анна Гавриловна.

— Спасибо, что навѣстили... Вы отъ кого узнали, что мы здѣсь?

— Я прочелъ на доскѣ вашу фамилію.

— А!.. вы были у mademoiselle Карусъ?

И она тихо разсмѣялась, а глаза ея подсказали: „ты вѣренъ себѣ—все такой же безпутный, старѣющій селадонъ“.

Онъ въ первый разъ въ своей жизни потупился и сталъ краснѣть. Это заставило его торопливо и шумно проститься съ нею.

Въ коридорѣ онъ остановился у перилъ и громко перевелъ духъ. Его лобъ былъ влаженъ.

XIII.

Своими добрыми глазами, со слезою, Порфирій Николаевичъ оглядывалъ сидѣвшаго у него въ кабинетѣ Кустарева. Былъ часъ третій. Въ комнатѣ лежалъ полусумракъ. Московскій товарищъ Капцова только-что разсказалъ ему про болѣзнь жены, на которую переездъ по желѣзной дорогѣ подѣйствовалъ очень дурно, и про свое безпокойство насчетъ заграничнаго паспорта.

Исторію съ Сохинымъ Кустаревъ передалъ ему еще разъ.

— Мы все уладимъ, голубчикъ,—говорилъ Порфирій Николаевичъ, держа товарища за руку.—Паспортъ ты получишь. Но меня глубоко возмущаетъ поведеніе этого Сохина...

Онъ не досказалъ. Его пронизала мысль, что другъ ихъ дома, достаточно ему ненавистный адвокатъ Малышевъ—пріятель этого самаго Сохина.

— Такія времена, милый другъ,—отвѣтилъ Кустаревъ и закурилъ свѣжую папиросу. Онъ сидѣлъ, сильно сгорбившись, одѣтъ былъ въ черный сюртукъ, и воротникъ крахмаленной рубашки сильно его безпокоилъ. Для Петербурга онъ сдѣлалъ уступку—разстался съ косымъ воротомъ.

Въ коридорѣ раздались скрипучіе шаги. Капцовъ узналъ походку Малышева. Это заставило его сдѣлать нервное движеніе пальцами по волосамъ.

— Что ты?—спросилъ Кустаревъ.

— Незванный гость — хуже татарина!—въ полголоса проговорилъ Капцовъ.

Дверь чуть отворилъ. На порогѣ стоялъ Малышевъ—высокій, костляваго сложенія брюнетъ, съ лысиной; желчное, худое лицо съ узкими бакенбардами придавало всему ему видъ официанта.

Онъ былъ во фракѣ со значкомъ. На видъ ему казалось лѣтъ подъ сорокъ.

— У васъ гость!.. — выговорилъ онъ немного въ носъ, и послѣ маленькаго колебанія вошелъ въ кабинетъ.

Капцовъ принужденно улыбнулся и указалъ рукой на Кустарева.

— Мой товарищъ, Евменій Филипповичъ Кустаревъ... изъ Москвы. Господинъ Малышевъ.

Это „господинъ“ стоило немалыхъ усилій Капцову.

Кустаревъ и Малышевъ молча поклонились другъ другу и руки не подали.

— Порфирій Николаевичъ, — Малышевъ произносилъ слова сквозь свои тонкія, безкровныя губы, — я давно хотѣлъ представить вамъ моего, тоже московскаго, пріятеля, Сохина. Мнѣ сказали ваши дамы, что у васъ сидитъ господинъ Кустаревъ. Быть можетъ, имъ — онъ указалъ рукой на Кустарева — будетъ не совсѣмъ пріятно встрѣтиться. Онъ посидитъ тамъ, въ гостиной, съ дамами. Вы выйдете къ нему позднѣе...

Порфирій Николаевичъ сталъ ерошить волосы, взглянулъ на Кустарева, прошелся въ уголъ кабинета и оттуда отвѣтилъ:

— Извините меня, Несторъ Евсентъ. Я не могу-съ.

— Чего не можете? — спросилъ съ улыбкой Малышевъ.

— Принять гостя, котораго я привезъ?

— Именно-съ.

Щеки Порфирія Николаевича пошли пятнами. Онъ обдергивалъ борты домашняго скюртука и нервно покашливалъ.

— Порфирій! — сказалъ вполголоса Кустаревъ и приподнялся.

— Пожалуста, не нужно этого... ежели мое присутствіе...

— Пожалуйста, душа моя, сиди, сиди!..

И Капцовъ началъ усаживать Кустарева.

— Однако! — заговорилъ опять Малышевъ своей носовой дыщей и переминался съ ноги на ногу. — Такъ будетъ крайне неделикатно. Я предупреждалъ, я просилъ позволенія у Лидіи Степановны привести Сохина... И вы сами ничего не возражали... И вдругъ теперь такой репримандъ неожиданный!

Онъ засмѣялся сквозь свои желтыя, сухія губы.

„Теперь или никогда!“ — повторялъ Капцовъ, про себя, чувствуя, что присутствіе Кустарева помогаетъ ему выказать больше характера. Случись это въ другое время, когда онъ одинъ, Малышевъ прямо привелъ бы Сохина, и у него не хватило бы мужества крикнуть: „я не желаю знакомства съ нимъ; по какому

праву приводите вы ко мнѣ подобныхъ господъ? Я и васъ-то попросилъ бы не посѣщать мой домъ!”

Послѣдней фразы Порфирій Николаевичъ и теперь не въ силахъ былъ произнести, хотя она и клокотала у него въ груди; но еслибы Малышевъ позволилъ себѣ, въ присутствіи его друга, что-нибудь особенно дерзкое и злобное, онъ, быть можетъ, пошелъ бы и на такой протестъ.

— Позвольте-съ, — заговорилъ онъ изъ своего угла: — позвольте-съ. Я не давалъ вамъ разрѣшенія вводить въ мой домъ господина Сохина.

— Онъ тоже вашъ товарищъ по университету, — возразилъ Малышевъ.

— Мало ли что-съ!.. Разные бываютъ товарищи. Университетъ, къ сожалѣнію, ни отъ чего не гарантируетъ. Напримѣръ, отъ ренегатства!..

— Позвольте! — почти повелительно перебилъ Малышевъ. — Я не могу допустить такихъ выраженій!..

— Я своихъ словъ назадъ не возьму! — съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Порфирій Николаевичъ. — Насчетъ господина Сохина я вамъ своего согласія не давалъ-съ!.. Не давалъ-съ!.. Вы изволили мнѣ его навязывать, не обращая вниманія на то, что это мнѣ было крайне непріятно... Какъ и многое другое... Какъ и многое другое...

Это былъ кульминаціонный пунктъ... Капли пота выступили на высокомъ, бѣломъ лбу Капцова. Голосъ его измѣнился, сталъ гораздо звончѣе и выговаривалъ онъ слова безъ всякаго смягченія звуковъ.

Кустаревъ не могъ даже воздержаться отъ улыбки: до такой степени его товарищъ и другъ — „божья коровка“ Капцовъ — былъ неузнаваемъ.

— Вы это серьезно? — проскандировалъ Малышевъ свой вопросъ.

— Совершенно-съ! Совершенно-съ!..

— Стало, вы и мнѣ этимъ наносите... ничѣмъ, смѣю думать, незаслуженный ударъ... Я не могу допустить такого безцеремоннаго отношенія, любезнѣйшій Порфирій Николаевичъ. Мой другъ и пріятель Сохинъ имѣлъ основаніе не раздѣлять воззрѣній разныхъ лже-либераловъ и радикаловъ, промышляющихъ своимъ дешевымъ товаромъ...

Тутъ Кустаревъ сдѣлалъ шага два впередъ и обратился къ Капцову.

— Мнѣ лучше удалиться, — сказалъ онъ, тряхнувъ головой. —

Что же тебѣ, Порфирій, въ чужомъ пиру да похмелѣ принимать. Только я попросилъ бы твоего гостя радикаловъ и ихъ дешевый товаръ оставить въ покоѣ. Товаръ этотъ, во всякомъ случаѣ, менѣе подмоченный и зловонный, чѣмъ тотъ, какимъ промышляютъ иные изъ его друзей и пріятелей.

Тирада вышла тяжеловата, но Кустаревъ вбивалъ точно гвоздемъ каждое слово, и оно разносилось по комнатамъ съ особенной отчетливостью.

Малышевъ весь позеленѣлъ и попятился назадъ.

— Извините, я въ такомъ тонѣ разговаривать не желаю, особенно въ присутствіи третьяго лица.

Онъ захлопнулъ дверь съ шумомъ.

— Какъ угодно-съ!—почти крикнулъ ему вслѣдъ Порфирій Николаевичъ.—Голубчикъ!—и онъ бросился къ Кустареву, взялъ его за руку, привлекъ на кушетку и усадилъ рядомъ съ собой.— Ты оцѣнилъ эту уксусную искаріотскую фигуру. Византіецъ, изволите видѣть, археологіей занимается, вмѣстѣ съ кляузными дѣлами и конкурсами по банкротствамъ, охранитель древне-русскихъ началъ и ренегата Сохина благопріятель!..

— Да зачѣмъ было, Порфирій? Точно все это изъ-за меня!..

Кустаревъ морщилъ лицо; но глаза его глядѣли на Капцова возбужденно и съ одобреніемъ.

— Ахъ, оставь! Ахъ, оставь! Я тебѣ въ ножки поклонюсь.

— За чтѣ, дружище?

— Ты мнѣ придалъ духу. Каюсь въ своемъ жалкомъ малодушіи, — Капцовъ понизилъ тонъ: — въ отсутствіи чувства достоинства.

— Съ какой стати?

— Нѣтъ, ты меня не выгораживай! Постыдно имѣть такой характеръ, какъ мой. Это совсѣмъ не доброта. Вотъ больше пяти лѣтъ терплю этого византійца. Въ домѣ онъ такъ себя поставилъ, какъ въ католическихъ семьяхъ патеръ какой, руководитель совѣсти. Жена преклоняется передъ нимъ.

Порфирій Николаевичъ точно спохватился, не сказалъ ли чего-нибудь лишняго. Но вслѣдъ затѣмъ махнулъ рукой и продолжалъ также горячо, не понижая уже больше голоса:

— Я обязанъ былъ бы выяснитъ роль этого чичисбея на лампадномъ маслѣ, — онъ наклонился надъ ухомъ Кустарева, — какъ мужъ и отецъ... Или просто-на-просто объявить, что я этой рожи не желаю видѣть въ моей квартирѣ.

— Такъ бы и сдѣлалъ!..

— Ты, конечно, не задумался бы поступить точно такъ... ты — Евменій Кустаревъ, — а не я!

Капцовъ вскочилъ съ мѣста и въ волненіи, которое получило новый оттѣнокъ, заходилъ по кабинету.

— Несчастье родиться съ натуришкой какъ моя!.. Но что объ этомъ... Гадость!.. Вотъ ты поживешь здѣсь съ недѣлку... Помогь ты мнѣ выкурить господина Малышева! А Сохина, чтобы и духу не было! Это, наконецъ, паскудство!

Улыбка опять прошла по губамъ Кустарева. Не вѣрить онъ въ продолжительность такой отваги въ своемъ другѣ и товарищѣ. Но ему, кромѣ того, было и не совсѣмъ пріятно, что изъ-за него вышла такая сцена.

— Порфирій! — тихо началъ онъ. — Ты все равно не выдержишь!

— Какъ это не выдержи?

— Ну, быть можетъ, съ недѣлку поверѣишься, а тамъ опять осядешься. Чтѣ дѣлать, другъ! Выше своей „физики“ не прыгнешь. На твоимъ бы мѣстѣ я себя такъ поставилъ: дѣлайте, молъ, чтѣ хотите, принимайте кого угодно — я умываю руки; но только условіе одно — на васъ я больше не работникъ.

— Именно!.. Сотни разъ я рѣшалъ это!

— Только выполнить не осмѣливался! Да и въ этотъ разъ не посмѣешь. И будешь тянуть свою лямку. Жаль мнѣ тебя до чрезвычайности. Вся-то ваша петербургская поганая жизнь выѣденнаго яйца не стоитъ. А ты — какъ каторжный.

— Не говори!

Другъ растравлялъ его душу. Онъ чувствовалъ злую правду въ словахъ Кустарева. Ничего не будетъ изъ его вспышки, и Малышевъ станетъ играть въ его домѣ ту же роль; а онъ самъ, послѣ нѣсколькихъ разносовъ, которыми угостить его Лидія Степановна, примется носить свое ядро и работать на жуирство и транжирство семьи.

— Некрасна моя доля, — говорилъ Кустаревъ, — особенно теперь, съ болѣзнью Риты; а, ей-Богу, я ее не промѣняю на твою.

Оба замолкли. Капцовъ — совсѣмъ разстроенный — присѣлъ въ свое кресло, опустилъ ниже голову и повторялъ чуть слышно:

— Господи! Господи!.. Что за натуришка! Что за натуришка!

XIV.

Только-что Порфирій Николаевичъ проводилъ Кустарева и вернулся въ кабинетъ, чтобы снять рабочій скюрткуъ и натянуть вицмундиръ, къ нему вошла Лидія Степановна.

Онъ не успѣлъ приготовиться къ объясненію; да и провожая московскаго друга въ переднюю—уже чувствовалъ, что не удержитъ позиціи, какую принялъ передъ Малышевымъ.

Лидія Степановна имѣла съ нимъ неизмѣнную манеру. Она не возвышала голоса, не прибѣгала къ истерикамъ, не нападала на него, а говорила тономъ рѣшеннаго дѣла, противъ котораго возражать нечего. Но на этотъ разъ обстоятельство было особенное. Мужъ ея повелъ себя съ ея другомъ такъ, что, кромѣ Сохина, тутъ сказался и другой мотивъ. До объясненій на эту тему не слѣдовало допускать Порфирія Николаевича.

Она сѣла въ кресло, поглядѣла на мужа пристально и скороговоркой сказала:

— Порфирій Николаевичъ! Я, сколько могла, смягчила вашу выходку. Мы съ Несторомъ Евсеевичемъ извинились передъ м-г Сохинымъ.

— Это ваше дѣло,—перебилъ Капцовъ и пошелъ къ шкапу, гдѣ у него висѣло платье.

— Вы теперь слишкомъ раздражены, и я не стану вамъ говорить о томъ, какъ вы оскорбили человѣка, ни въ чемъ противъ васъ не провинившагося. Я не за этимъ пришла. Черезъ пять дней у насъ—вечеръ... съ катаньемъ на тройкахъ. Я васъ предупреждала... сдѣланы приглашенія. И ваши московскіе будутъ. Жена этого молодого профессора... или какъ тамъ его... доцента—madame Куликова. Она—красивая бабочка. Я хочу сдѣлать это поэкономнѣе, но меньше четырехъ сотъ рублей это не можетъ обойтись.

— Четыреста!—вздыхнулъ Капцовъ.

Но этотъ вздохъ былъ скорѣе вздохомъ облегченія. Онъ ожидалъ совсѣмъ не того. Его боязливая душа уже почувала возможность болѣе тихаго выхода. Денегъ онъ дастъ—заработаетъ. Къ чему тогда начинать исторію о Малышевъ?! Только разбуживать рану! Развѣ жена пойдетъ на запоздалыя признанія?.. Да и зачѣмъ они ему самому? Лучше окончательно закрыть на все глаза... Можетъ быть, это только его подозрительность. Выгнать изъ дому друга Лидіи Степановны онъ не посмѣетъ. Она

преспокойно будетъ его принимать; а не кланяться ему—выйдетъ еще хуже.

— Да, это самая скромная цифра,—продолжала Лидія Степановна, какъ ни въ чемъ не бывало, точно она только объ этомъ и пришла перетолковать съ нимъ.—Соберутся у насъ... чай, фрукты, потомъ десять троекъ...

— Десять!—повторилъ опять со вздохомъ Порфирій Николаевичъ.

— Меньше никакъ нельзя. По семи рублей, по крайней мѣрѣ. Нельзя же заставлять платить гостей. Горы—въ Аркадіи. Тамъ мелкіе faux frais... Ужинъ... тапёръ. Маркъ Саввичъ...

— Кто это?

— Ахъ, Боже мой! Ты вѣчно забываешь фамиліи. Габзинъ!.. Человѣкъ интересуется серьезно его дочерью, а онъ спрашиваетъ: кто это? Маркъ Саввичъ предлагалъ устроить этотъ вечеръ—отъ себя; но я не согласилась. Съ какой же стати на его счетъ! На этотъ пикникъ я сильно рассчитываю для Дины.

И тутъ онъ промолчалъ. Чтò ему говорить?.. Дочь давно ускользнула изъ-подъ его отеческаго надзора, также какъ и сынъ. Выбрать ей мужа онъ не беретъся. Онъ многихъ и въ лицо-то не знаетъ изъ молодыхъ людей, посѣщающихъ гостиную Лидіи Степановны.

— Твоего московскаго товарища мы приглашать не будемъ. А у тебя въ этотъ вечеръ засѣданіе. И прекрасно.

Она встала.

— Передъ Несторомъ Евсеичемъ я за тебя уже извинилась. Кажется, онъ тебя своими посѣщеніями не беспокоитъ. Надо еще удивляться тому, что онъ такъ снисходителенъ... съ его гордостью. До сихъ поръ у насъ нивакихъ такихъ сценъ не бывало. Прошу тебя, чтобы и впередъ ихъ не было. Деньги не сразу нужны. Много по счетамъ повдѣе заплатимъ; но рублей полтора надо приготовить непременно. Для дочери прекрасная партія—не грѣхъ раскошиться.

Порфирій Николаевичъ на это ничего не сказалъ и торопливо началъ надѣвать вицмундиръ, когда жена его взялась за ручку двери.

Всего обиднѣе было для него тò, чтò ему сказалъ Кустаревъ. Такимъ онъ и останется. Ну, просватаетъ Лидія Степановна Дину за инженера, найдетъ дочь выгодную партію, надо будетъ дѣлать приданое, потребуетъ сумма не въ одну тысячу рублей, придется искать экстраординарныхъ заработковъ.

Вотъ и эти четыреста рублей на какой-то нелѣпый пикникъ,

съ тройками, катаньемъ на горахъ, ужиномъ, танцами. Какая это школа для молодой дѣвушки?! Поѣздка въ „кабакъ“, гдѣ въ зимнемъ саду шатаются пьяные купчики. И такъ каждый почти день. Безпробудный плясъ, заказы новыхъ туалетовъ, франтовство, дурные вкусы. И мать, и дочь, и сынъ—въ вѣчной стачкѣ противъ него, и ему остается только смириться.

Выдадутъ Дину замужъ, но Лидія Степановна не закроетъ своей гостиной. Гриша поступитъ вольноопредѣляющимся въ кавалерію. Пойдутъ новые поборы съ отца. Лошадь, угощеніе товарищей, а потомъ—офицерское приданое, еще лошадь. И конца этому не будетъ.

Порфирій Николаевичъ все еще ходилъ по кабинету, хотя ему давно пора было ѣхать. Свѣтлыя пуговицы вицмундира мелькнули въ зеркалѣ. Ему этотъ чиновничій видъ показался особенно мизернымъ, и вся эта служебная дорога, съ расчетами на повышеніе, на усиленный окладъ, на награды, хапанье частныхъ мѣстъ—до отвращенія противной и гнусной. Онъ не могъ оторваться отъ мысли о Кустаревѣ. Тотъ не кичится своимъ гражданскимъ мужествомъ, а несетъ бремя жизни гордо и самоотверженно; не тужитъ о томъ, что самъ не захотѣлъ оставаться на государственныхъ харчахъ. Его тѣснятъ, дѣлаютъ ему каверзы, средствъ мало, жена больная, надо усиленно работать перомъ, чтобы содержать ее тамъ, на Ривьерѣ, куда ее шлютъ врачи; а онъ отъ всего сердца сказалъ, что не промѣнялъ бы своей не-красной доли на лямку друга своего Капцова!

Правая рука Порфирія Николаевича нервнохватила часы изъ кармана. Онъ опоздалъ на засѣданіе какого-то общества и бросился въ переднюю.

Изъ залы вошли въ переднюю, въ одно время съ отцомъ, Дина и Гриша. Они отправлялись на катокъ, въ Юсуповъ садъ. Гриша надѣлъ особое, короткое пальто и большіе сапоги. Дина была въ свѣтлой кофтѣ съ сѣрой мерлушчатой отдѣлкой, такой же шапочкѣ, пестрой виганевой юбкѣ, высоко приподнятой, открывавшей ея крупныя, подъемистыя ноги въ теплыхъ, очень высокихъ ботинкахъ. Коньки несъ братъ.

— Здравствуй, папá!—почти однимъ звукомъ выговорили они.

— Здравствуйте, здравствуйте! Вы—на катокъ?—торопливо и какъ бы сконфуженно отвѣтилъ имъ отецъ и еще поспѣшнѣе началъ надѣвать свою короткую шубку, которую подавала ему горничная.

— Пикникъ рѣшенъ, папá?—спросила Дина, застегивая послѣднюю пуговицу перчатокъ.

— Да, да, будетъ.

— А ты не желаешь принять участіе въ немъ?—полунасмѣшливо спросилъ Гриша.

— Некогда мнѣ, некогда!—крикнулъ Порфирій Николаевичъ и бросился къ входной двери, которую горничная уже успѣла отпереть.

Дочь и сынъ оправились еще разъ передъ зеркаломъ передней и поглядѣли оба вслѣдъ ушедшаго отца.

— Кряхтитъ „фатеръ“,—сказалъ съ особеннымъ мычаньемъ Гриша.

— Мало ли что!—откликнулась Дина.

Она громко дышала. Корсетъ и сшитая очень узко ваточная кофточка душили ее.

— Ты готова?—спросилъ ее братъ у выходной двери.

— Готова.

Она спустила до половины лица вуалетку изъ красноватаго тюля и отсадила шапочку нѣсколько назадъ, что ей казалось гораздо оригинальнѣе,—въ родѣ того, какъ носятъ англичанки.

Сходя съ каменной лѣстницы, они оба звучно скрипѣли своей обувью и спускались медленно, напирая на каблуки.

И Гриша, и Дина, догадывались, что въ кабинетѣ вышелъ какой-то рѣзкій разговоръ между отцомъ и Малышевымъ. Отецъ не пожелалъ принять новаго гостя, который и имъ обоимъ совсѣмъ не понравился, и нимало не подходилъ къ ихъ гостиней. Внутри, и онъ, и она, были довольны, что Малышеву оказана „осада“, какъ выразился про себя Гриша. Они оба его плохо выносили. Сынъ кое-о-чемъ смекалъ, а дочь не желала думать объ этомъ; но инстинктивно не любила мужчину,—вдобавокъ сухого и сующаго во все свой носъ,—въ которомъ чуялись какія-то особыя права на ея мать.

— Нѣтъ, каковъ „фатеръ“?—заговорилъ Гриша, когда они прошли шаговъ десять по тротуару.—Вѣдь онъ въ первый разъ характеръ выказалъ!

— Однако, такъ нельзя поступать съ гостями,—возразила Дина изъ чувства солидарности съ матерью и со всѣмъ тѣмъ, что относится къ ея гостиней.

— Да вѣдь „фатеръ“—самъ по себѣ. Онъ многихъ гостей нашихъ и въ глаза не знаетъ.

— Этотъ господинъ... какъ, бишь, его?..

— Сохинъ.

— Ну, да, онъ—московский, кажется,—виѣстѣ учились.

— Мало-ли я съ кѣмъ учусь! Нѣтъ, пора было нашему

Нестору-лѣтописцу—Гриша такъ называлъ Малышева—и слачи дать. Еслибы я былъ на мѣстѣ отца,—я бы давно спустилъ его.

Дина ничего не отвѣтила. Гриша тихо засвисталъ. Они шли въ ногу. Дина все громче и громче дышала; коньки, болтаясь на ремешкахъ, въ рукѣ ея брата, издавали мѣрный звонъ.

Зимній спортъ издалека призывалъ ихъ. Духовая музыка была уже слышна. Въ ногахъ и Гриша, и Дина, чувствовали особаго рода зудъ—призывъ къ усиленному движенію.

XV.

— Вы куда ѣдете?..

Анна Гавриловна спросила мужа изъ спальни, гдѣ она доканчивала туалетъ... Мужъ ея тоже прихорашивался передъ зеркаломъ. Онъ былъ во фракѣ.

Дверь во вторую комнату стояла приотворенной.

— Куда я ѣду?—переспросилъ Куликовъ.—Да прежде всего представиться, по начальству... и въ два-три мѣста, къ генераламъ.

— А-а...—протянула Анна Гавриловна и вслѣдъ затѣмъ показала въ дверяхъ.

Шоковое платье свѣтло-шоколаднаго цвѣта съ шитьемъ и короткая мантилька съ отдѣлкой изъ чернаго жакезъ придавали ей видъ несомнѣнной дамы. Она принесла съ собою запахъ духовъ, и отъ всей ея фигуры вѣяло свѣжестью молодого, роскошнаго существа. Еще стоя въ дверяхъ, Анна Гавриловна оглядѣла мужа. Его фигура была все та же мелкая, съ узкой, курчавой головой, красивенькимъ станомъ и отчетливыми, быстрыми движеніями. Лицу своему онъ началъ придавать степенность, запустилъ бороду и носилъ очень высокіе и тугіе воротнички. Фракъ сидѣлъ на немъ ловко, и крахмаленная рубашка своимъ яйцевиднымъ вырѣзомъ дѣлала грудь и плечи шире.

И все-таки въ усмѣшкѣ на губахъ его жены можно было прочесть не очень лестное для него сравненіе: „коммй отъ Луи Буиса, съ Кузнецкаго“.

Они говорили другъ другу—„вы“. Эту манеру ввела Анна Гавриловна. Валерій Орестовичъ ей подчинился. Только изрѣдка, она позволяла ему называть себя Аня и быть съ ней на „ты“.

— Такъ вы послѣ представленія начальству къ штатскимъ генераламъ?—спросила она слегка иронически.

— Къ цѣлымъ тремъ!

Ей доставляло нѣкоторое удовольствіе показывать своему

мужу, что она прекрасно и давно распознала въ немъ „оппортьюниста“, какъ она называла всѣхъ такихъ, какъ онъ, и—въ такую минуту—она не безъ внутренняго удовольствія видѣла себя, лѣтъ черезъ десять, важной университетской барыней, ректоршей, а потомъ и женой помощника попечителя, а пожалуй попечительшей. Сама она не будетъ ни передъ кѣмъ прыгать. Пускай ея мужъ устраиваетъ свою служебную дорогу. Она ему мѣшать въ этомъ не станетъ и сохранитъ полную независимость своихъ идей, симпатій, выбора знакомствъ и дружескихъ связей.

— Галстухъ у васъ сзади поднялся, — сказала она: — поправьте его.

— Всего лучше будетъ придержать его пуговкой воротника.

— Нѣтъ!.. Этакъ только „гезеля“ въ аптекахъ дѣлаютъ.

Она помолчала и спросила его:

— Вы знаете... здѣсь Кустаревы?

— Кажется, — уклончиво отвѣтилъ Куликовъ, отошелъ отъ зеркала и началъ самъ чистить свою цилиндрическую шляпу.

— Я навѣрно знаю.

— Такъ что-жъ?

Его глаза быстро и тревожно взглянули на Анну Гавриловну.

— Вы ихъ не навѣстите?

— Съ какой стати, дружокъ? Мы съ Кустаревымъ совсѣмъ не такъ близки.

— Да и не совсѣмъ теперь безопасно водить съ нимъ пріятельство! — замѣтила она уже съ явной проницательностью.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ... Онъ проѣздомъ... везетъ жену...

— Вотъ я и хочу навѣстить ихъ.

— Хотите?..

Протестовать онъ не посмѣлъ, и Анна Гавриловна продолжала:

— Я ее, правда, мало знаю. Но все же мнѣ хочется... Самъ Кустаревъ — очень симпатичный человѣкъ.

— Запоздалый... народникъ, а можетъ быть и того хуже.

— Какъ вы это докажете?

— Я ничего и не утверждаю.

— И прекрасно... Я къ нимъ заѣду. Объ васъ я ничего не буду говорить... Какъ его зовутъ?

— Евменій Филипповичъ. Что-жъ, сдѣлайте визитъ его женѣ. Отчего же нѣтъ!..

— А кто знаетъ?.. Можетъ быть, онъ еще получить каеэдру?

Она хотѣла этими словами немножко подразнить его.

— Никогда! — звонко отвѣтилъ онъ и еще энергичнѣе началъ гладить свой цилиндръ. — При теперешнихъ порядкахъ — никогда!

— Да что же за нимъ такое значитса? Какія вины?.. Вѣдь Кустаревъ самъ вышелъ изъ профессоровъ?

— Такъ, такъ, мой другъ. Но останься онъ подольше, его бы попросили удалиться.

— Насильно не могутъ заставить.

— И очень!

Куликовъ засмѣялся короткимъ, дробнымъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ былъ ей непріятенъ съ первыхъ дней ихъ знакомства. Въ немъ звучали настоящія свойства Валерія Орестовича — тѣ, которыя ему такъ пригодятся для служебной дороги.

— Ручку пожалуйста!..

Онъ нагнулся и взялъ ея руку, на которую она только-что натянула перчатку.

— Чѣмъ же кончилась — продолжала она въ томъ же тонѣ — исторія... помните... на обѣдѣ Симбирцеву, когда Кустаревъ выгналъ какого-то антипатичнаго господина?

— Чрезвычайно это было неловко... мой другъ! — началъ Куликовъ полунаставительно. — Всѣхъ поставилъ Богъ знаетъ въ какое положеніе. И выхода была самая... можно сказать... мальчишеская!

— Однако вы, Валерій Орестовичъ, тогда ее сильно, я помню, одобряли.

— Съ оговорками, мой другъ.

— Ужъ не могу теперь сказать, какія были тогда ваши оговорки. Вы, кажется, состояли на этомъ обѣдѣ въ распорядителяхъ при Кустаревѣ.

— Что-жъ изъ этого?.. И зачѣмъ намъ поднимать весь этотъ соръ?.. Кустаревъ повредилъ себѣ чрезвычайно и во всѣхъ вызвалъ...

Онъ искалъ слова...

— Шкурное чувство!.. Кажется, это такъ называется на литературномъ жаргонѣ?..

Ротъ Анны Гавриловны усмѣхнулся въ бокъ. Глаза пролились по лицу мужа съ такой же двойственной усмѣшкой.

— Можетъ быть, можетъ быть! — зачастилъ Валерій Орестовичъ и еще разъ поцѣловалъ у жены руку... Я тороплюсь...

— Карета готова? — спросила Анна Гавриловна и, въ свою очередь, подошла къ зеркалу.

— Какже... Я самъ нанималъ... Въ Конюшенной!.. Очень хорошее купе.

— Погода, кажется, разгулялась. Лучше бы въ парныхъ саняхъ.

— Не скажите, мой другъ. Вѣтерокъ рѣзковатый. Въ каретѣ безопаснѣе.

Ей не нравились его заботливыя нотации. Въ нихъ проскальзывали намеки на то, не находится ли она въ извѣстномъ положеніи. Она совсѣмъ не была беременна, и ей еще не хотѣлось быть мамашей. И безъ того—этотъ юркій господинъ, вступившій въ права ея мужа, представлялъ собою нѣчто уже безповоротное, добровольный союзъ, изъ котораго надо какъ-нибудь мастерить свое счастье...

— Ну, хорошо! Отправляйтесь же, отправляйтесь. Я поѣду послѣ васъ, мнѣ еще надо уладить вуалетку.

— Да она отлично сидитъ, Аня.

— Поѣзжайте! — съ мягкою настойчивостью сказала Анна Гавриловна и сдѣлала жестъ рукой, какъ бы выпроваживая его изъ номера.

Онъ затрусилъ своими мелкими шажками и скрылся въ передней, откуда послышался скрипъ его калошъ.

Оставшись одна, Анна Гавриловна постояла съ минуту передъ зеркаломъ, оправляя вуалетку и шляпу.

Ея мысль блуждала около двухъ мужскихъ лицъ и фигуръ — Ермилова и Кустарева.

„Милѣйшій Юрій Петровичъ!“ — выговорила она про себя и весело улыбнулась своими длинными глазами.

Въ этомъ возгласѣ было заключено многое и, прежде всего, сознаніе своей новой роли. Она замужемъ, она — сила. Каждый мужчина можетъ быть ея данникомъ. И теперь вмѣсто трусливой уклончивости явится нѣчто совсѣмъ иное.

Но у всѣхъ ли?

И ей вспомнилось лицо Кустарева. Она только недавно встрѣтилась съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ, гдѣ собираются московскіе. Его рубашка съ косымъ воротомъ не показала ей претензіей. Эти умные, печальные глаза смотрѣли такъ искренно и глубоко. О женѣ и ея болѣзни говорилъ онъ безъ фразы, съ внутреннею болью. Неужели онъ ее такъ сильно любить?

Эту маленькую женщину она уже встрѣчала раньше. Она просила его передать женѣ свой „душевный привѣтъ“.

Душевно ли она относится къ Кустаревой?

На этотъ вопросъ Анна Гавриловна не желала отвѣтить самой себѣ и позвонила два раза коридорной горничной.

Въ первый разъ чувствовала себя Анна Гавриловна столичной молодой дамой, когда извозчикъ карета, довольно новая и франтоватая, повезла ее къ Невскому по одной изъ Морскихъ.

День былъ ясный и не особенно холодный. Она еще разъ пожалѣла о томъ, что мужъ не нанялъ ей парныхъ саней, съ синей сѣтвой, какъ у той барыни, а можетъ быть и кокетки, что проѣхала мимо, ей на-встрѣчу. Одно окно она опустила и подставила свои розовыя щеки подъ свѣжій воздухъ, проникавшій внутрь кареты.

Наканунѣ шелъ обильный снѣгъ, и улица не успѣла еще побурѣть отъ ѣзды. Съ обѣихъ сторонъ высились дома. Ощущеніе было для Анны Гавриловны совсѣмъ новое. Такъ нельзя себя чувствовать въ каретѣ, даже и въ изящномъ туалетѣ, у себя, въ Москвѣ. Здѣсь женщина можетъ въ сто разъ больше проявить свою личность, пользоваться молодостью, красотой, умомъ.

Она задумалась... Москва предстала ей въ видѣ ея родныхъ Патриаршихъ-Прудовъ, такая провинціальная, съ домишками, съ обиходомъ мелкаго обывательскаго житія. Но кто знаетъ? Маленькій человѣчекъ, какъ Валерій Орестовичъ, можетъ далеко пойти, да еще при такой женѣ, какъ она. Кто знаетъ, можетъ быть и у нихъ будетъ квартира въ двадцать комнатъ, въ одномъ изъ этихъ домовъ—дворцовъ казенныхъ вѣдомствъ.

А пока въ Москвѣ у нея почва подъ ногами. Тамъ она— „боярня“ и домовладѣлица, тамъ все въ ея рукѣ, и на свободѣ „женщина“ будетъ развиваться въ ней привольнѣе и своеобразнѣе. Она не зависнетъ, нѣтъ!

И опять два мужскихъ лица всплыли передъ нею. Ермиловъ!.. О! Этого стоитъ того, чтобы надѣть на него ярмо ухаживателя... безъ надежды на побѣду. Этого мало! Провести его черезъ рядъ униженій. Пускай онъ превратится въ собачонку! Это можетъ сдѣлаться безъ всякаго кокетства съ ея стороны.

Кустаревъ уѣзжаетъ за границу. Жаль! Впрочемъ онъ тамъ не останется на всю зиму. У него есть хуторъ подъ Москвою. Онъ вернется къ своему хозяйству. Ему будетъ скучно, его надо приласкать и Валерія Орестовича заставить вести себя съ нимъ какъ ей, Аннѣ Гавриловнѣ, угодно.

XVI.

Кустаревы остановились въ меблированныхъ комнатахъ, на Лиговѣ, по сосѣдству съ вокзаломъ московской дороги.

Карета Анны Гавриловны взяла съ моста влѣво. Адресъ узнала она отъ мужа, который встрѣтилъ Кустарева, вѣроятно пообѣщавъ завернуть къ нему, а теперь уклонился.

Извозчикъ былъ малограмотный и номеровъ на домахъ читать не умѣлъ. Пришлось самой дѣлать это. Анна Гавриловна, немного близорукая, съ трудомъ разобрала номеръ надъ воротами огромнаго дома, съ нѣсколькими подъѣздами. Не сразу попала она на тотъ подъѣздъ, который велъ въ меблированныя комнаты. Швейцара она не нашла. Какая-то кухарка показала ей, куда идти.

Въ темномъ и узкомъ коридорѣ Анна Гавриловна не сразу отыскала номеръ Кустаревыхъ. Первая комната номера стояла пустая. Коридорный, впустившій ее, сказалъ въ полголоса:

— Онѣ тамъ, въ спальнѣ.

— Лежитъ?—спросила Анна Гавриловна.

— Не могу знать.

Изъ спальни раздался слабый кашель и женскій голосъ:

— Кто тамъ?

— Подайте мою карточку.

Прошло нѣсколько секундъ. Анна Гавриловна стояла по срединѣ комнаты въ нерѣшительной позѣ. Она готова была уйти; сердце защемило. Точно будто совѣстно стало за что-то передъ этой больной женщиной, которой было не до визитовъ.

— Просить минуту подождать, — доложилъ коридорный и вышелъ.

Она не садилась и даже затаила дыханье, только осматривала комнату, довольно просторную, съ отдѣлкой дешеваго номера.

Въ дверяхъ спальни показалась Маргарита Сергѣевна Кустарева, укутанная платкомъ, въ шерстяномъ темномъ капотикѣ. Она подошла довольно твердымъ шагомъ къ гостьѣ. Личико ея стало еще меньше, кончикъ носа заострился, — „точно у покойника“, подумала Анна Гавриловна, — глаза смотрѣли воспаленно, лобъ обнажился отъ зачесанныхъ за уши волосъ.

— Здравствуйте, — сказала она Аннѣ Гавриловнѣ тихимъ голосомъ и протянула ей свою дѣтскую руку съ горячими ладонями.

Звукъ былъ привѣтливый; но Анна Гавриловна не почувствовала большой жалости къ этой маленькой женщинѣ, которая, быть можетъ, и не вернется изъ-за границы.

— Извините меня, — начала она, пожимая лихорадочную руку въ своей красивой крупной рукѣ, туго затянутой въ перчатку объ осьми пуговицахъ. Извините, я васъ обезпечила... Мнѣ хотѣлось...

— Ничего, ничего! — не дала ей докончить Кустарева. — Присядьте. — Очень рада!.. Мени — мужа моего, — поправила она, —

дома нѣтъ, но онъ долженъ скоро быть. Спасибо за память. Вы сюда надолго?

— Всего на десять дней. Мужъ начнетъ свои лекціи немного позднѣе. Онъ—приватъ-доцентъ. Слушателей у него еще не особенно много.

Анна Гавриловна продолжала оглядывать Кустареву и прислушиваться къ ея тону. „Нѣтъ, въ этой маленькой женщинѣ есть что-то сухенькое и недоувѣрчивое. Она, быть можетъ, прекраснѣйшая личность; но будь она здорова, тамъ, въ Москвѣ это недоувѣріе связалось бы еще сильнѣе. Она вся ушла въ обожаніе своего „Мени“, вцѣпилась въ него. Такія карлицы, въ сущности, до гадости мужелюбивы,—думала гостя,—и до невозможности самолюбивы и тщеславны, если не за себя, то за своихъ мужей. Она, конечно, не по доброй волѣ ѣдетъ за границу, а по настоянію мужа. Въ этомъ нѣтъ никакого достоинства и добродѣтели“.

Кустаревой тоже сдѣлалось какъ-то не по себѣ отъ визита этой красивой, слишкомъ красивой дамы.

„Чего ей отъ насъ нужно?“—подумала она.

— Я слышала,—заговорила гостя тономъ свѣтскаго визита,—что вашему мужу начали дѣлать разныя непріятности... послѣ той исторіи... на обѣдѣ... Нечего сказать, хорошія времена настали... И всѣ такъ испугались...

Воспаленные глаза Маргариты Сергѣевны остановились на цвѣтной вуалеткѣ гостыи и какъ бы спросили ее безъ словъ:

„А твой муженекъ развѣ лучше другихъ? Вѣдь онъ помогъ Менѣ по устройству обѣда Симбирцеву, а теперь, я думаю, весь съѣжился. И тебя-то прислать къ намъ, чтобы самому не являться“.

Гостя поняла взглядъ въ такомъ именно смыслѣ. За своего мужа ей не сдѣлалось непріятно. Отстаивать его не стоитъ, еслибы Кустарева даже и позволила себѣ явный намекъ.

— Да,—выговорила тихо Маргарита Сергѣевна, и отвела глаза.—Вотъ и насчетъ заграничнаго паспорта Менѣ предстоятъ хлопоты.

— Неужели не пустятъ? — съ живостью спросила Анна Гавриловна.

— Могутъ и не дать. Въ Москвѣ—отказали.

— Черезъ кого же вы здѣсь хлопочете?

— У него есть преданный ему человекъ, товарищъ по факультету, Капцовъ...

— Порфирій Николаевичъ?

— Вы его знаете?

— Я познакомилась съ этимъ домомъ черезъ мужа и получила приглашеніе на пикникъ. Чисто петербургское кутильное семейство!

— Не онъ!—возразила Кустарева.

— Онъ—божья коровка! Работаетъ на свою супругу и дѣтей.

„Зачѣмъ я все это говорю?“—вдругъ мысленно перебила себя Анна Гавриловна.

Вѣдь она была очень довольна приглашеніемъ Капцовыхъ и надѣялась даже встрѣтить тамъ Кустарева. Будетъ ли онъ, она не спросила. Но фальшивость собственного ея тона немного удивляла ее. Неужели она такъ недобро относится къ этой женщинѣ, убитой и своими болѣзнями, и близкой разлукой съ страстно любимымъ мужемъ, который долженъ будетъ вернуться въ Москву?

Жалѣла она ее все меньше и меньше.

Про свою хворость сама Кустарева не заговаривала. Она никогда и никому не жаловалась на здоровье, начиная съ мужа. Можетъ быть, и леченіе пошло бы иначе, еслибы она посильнѣе заботилась о себѣ. За докторомъ она не позволяла посылать въ первые дни, дотягивала до послѣдней крайности.

— Вотъ и мужъ!..

Кустарева узнала въ коридорѣ шаги Евменія Филипповича.

— Это ты, Мена?—окликнула она, когда онъ, за перегородкой, снималъ шубу и калоши, и пришла вся въ волненіе.

— Рита! Ты не одна?.. Не очень ли ты раскутилась! Тебѣ бы отдохнуть!..

Голосъ Кустарева вызвалъ внезапную краску на щекахъ Анны Гавриловны. Такое смущеніе почти разсердило ее.

— А! Вотъ ты какимъ молодцомъ... У тебя гости!

Кустаревъ протягивалъ ей руку широкую и съ волосами на суставахъ. Его вдумчивые глаза глядѣли на нее изъ глубокихъ впадинъ. Вся его плотная и немного сутулая фигура пахнула на нее тѣмъ-то новымъ, отъ чего она совсѣмъ отвыкла въ обществѣ своего мужа.

— Спасибо вамъ, барыня, что навѣстили больную. Только, Риточка, гостя извинить... Будетъ куда превосходнѣе, если ты пойдешь и ляжешь.

— Конечно!—вырвалось у Анны Гавриловны.

— Да я ничего...

— Не упорствуй!.. Отправляйся!..

Маргарита Сергѣевна подошла и протянула руку гостьѣ.

— Благодарю васъ... Я бы посидѣла еще, да вотъ, видите, какой онъ строгій.

Но замѣтно было, что ей пора лечь. Мужъ взялъ ее подъ локоть и повелъ, поглядывая на гостью ласковыми и добрыми глазами.

„Какъ любить!—воскликнула мысленно Анна Гавриловна.— И что въ ней!“

Невольно увидала она себя въ узкомъ зеркалѣ, приставленномъ къ простѣнку, между двумя окнами.

Развѣ эта Кустарева—женщина? Такъ, какая-то дохленькая дѣвчурочка. Ни ума она въ ней не видѣла особеннаго, ни граціи, ни душевной симпатичности. Кустарева и она—Анна Гавриловна Куликова!

Евменій Филипповичъ отвелъ жену въ спальню и вернулся тотчасъ же.

— Присядьте, гостьей будете,—сказалъ онъ ей, сѣлъ рядомъ съ нею на диванъ, подогнулъ одну ногу подъ себя и закурилъ папиросу.

Эти простыя, не салонныя, студенческія манеры сейчасъ же настроили ее на другой ладъ. Она вспомнила свои московскіе кружки, гдѣ ей когда-то бывало если не очень весело, то гораздо теплѣе, свободнѣе, бодрѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ. Еслибы она была поменьше „боярыней“ и домовладѣлицей, она бы осталась вѣрна этимъ кружкамъ, и кто знаетъ, встрѣтила бы тамъ такого же Евменія Филипповича. Этакого, по крайней мѣрѣ, есть за что любить.

— Выдали вамъ паспортъ?—спросила она съ участіемъ и, сама осталась довольна звукомъ своего вопроса.

Она не сочла нужнымъ передавать Кустареву поклонъ отъ своего мужа. Зачѣмъ выносить и отъ него такой же взглядъ, какъ отъ его жены?

— Вы нешто слышали про мои мытарства? — выговорилъ онъ не слѣша.

Въ комъ-либо другомъ ей не понравился бы этотъ простонародный или народническій жаргонъ; но къ нему онъ шелъ.

— Маргарита Сергѣевна мнѣ говорила.

— Кажется, уладимъ. Здѣсь вѣдь все лучше, чѣмъ въ нашей „губерніи“, въ Москвѣ.

— И вы на дняхъ ѣдете?

— Какъ скоро—такъ сейчасъ!

И эта прибаутка не была особенно изящна, но и она шла къ нему.

— А долго ли вы проживете тамъ, на югѣ,— всю зиму?

— Риточку шлютъ въ Ментону, коли въ Санъ-Ремо окажется посуровѣе... Устрою ее, проживу малую толику и домой. Постомъ надо быть на хуторѣ.

— Меня не забывайте!— сказала Анна Гавриловна и улыбнулась ему, какъ она умѣла улыбаться.

Фраза эта была выговорена потише. Врядъ ли она могла дойти до спальни, куда дверь стояла полузаперенной.

— Да вѣдь я въ городѣ-то рѣдко... Что-нибудь спѣшное...

— Улучите минутку, когда захотите.

Онъ молча кивнулъ головой.

— Благодарствуйте.

— Вы позволите вопросъ... нескромный, но искренній?— сказала она въ томъ же тонѣ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— На мужа моего вы теперь не смѣтрите больше какъ на своего человѣка?

— То-есть какъ—на своего?—переспросилъ Кустаревъ и повелъ глазами.

— Вы меня понимаете. Но я во многомъ съ нимъ не солидарна. Я, повѣрьте мнѣ, умѣю цѣнить людей, которыхъ теперь держатъ въ черномъ тѣлѣ.

Раздался кашель больной и на этотъ разъ гораздо сильнѣе. Кустаревъ приподнялся. Встала и Анна Гавриловна.

Ея рукопожатіе было, быть можетъ противъ ея желанія, продолжительнѣе и крѣпче, чѣмъ бы слѣдовало.

— Ужъ вы извините,—сказалъ ей прямо Кустаревъ, отворяя ей дверь въ коридоръ.

— Такъ до свиданія?—спросила она.

— До свиданія.

XVII.

Въ отель, гдѣ жили Куликовы и Доротея Васильевна Карусъ, утромъ того же дня привезли съ николаевского вокзала господина совсѣмъ закутаннаго. Въ отельной каретѣ онъ кашлялъ и, по приѣздѣ, не поднимая воротника своего мѣхового пальто, спросилъ у швейцара—въ которомъ этажѣ и номерѣ стоитъ „госпожа Карусъ“. Когда тотъ сказалъ, что въ бѣль-этажѣ, номеръ двѣнадцатый,—онъ попросилъ дать ему номеръ въ верхнемъ этажѣ, и гдѣ-нибудь, въ сторонѣ, въ углу, чтобы не было частаго шума отъ шаговъ по коридору.

Это былъ Гремушинъ.

Въ своемъ номерѣ — изъ двухъ небольшихъ комнатъ — онъ долго раскладывалъ туалетныя вещи и развѣшивалъ платье, какъ человѣкъ, пріѣхавшій на продолжительное житье, потомъ также долго занимался умываньемъ. Не мало времени потратилъ онъ и на свой туалетъ.

Павелъ Павловичъ очень измѣнился за послѣднее время: носъ выдался и побѣлѣлъ, въ волосахъ показалась сѣдина; онъ ходилъ согнувшись, точно разбитый; взглядъ сталъ тревожнѣе и часто останавливался на одномъ какомъ-нибудь предметѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ схватилъ легкую простуду. Она и задержала его. Иначе онъ былъ бы уже въ Петербургѣ, въ этомъ отелѣ, подъ одной кровлей съ Доротеей Васильевной.

Она не звала его съ собою, даже не спросила, гдѣ онъ думаетъ провести лѣто. А сама она собралась надолго за границу — въ Парижъ, Вѣну, Миланъ; говорила, что въ Петербургѣ, можетъ быть, приметъ участіе въ двухъ-трехъ концертахъ.

Какъ только она начала собираться, Гремушинъ рѣшилъ и свой отъѣздъ. Ему уже не въ первый разъ приводилось скрывать отъ жены то, что въ немъ происходитъ, а иногда такъ и просто лгать. Она до сихъ поръ ни о чемъ не догадывается.

— Я поѣду, по дѣлу, въ Петербургъ, — сказалъ онъ ей вчера, за обѣдомъ, при дѣтахъ.

— Надолго? — спросила она его спокойно.

— Не знаю! Какъ управлюсь!

А онъ уже рѣшилъ — въ Петербургѣ выправить паспортъ. Денегъ онъ пособралъ достаточно. Въ домѣ тоже есть деньги на расходъ мѣсяца на два. А тамъ онъ вышлетъ.

Откуда?

Онъ и самъ не знаетъ этого. Будетъ и онъ переѣзжать изъ Вѣны въ Миланъ, изъ Милана въ Парижъ.

Что станетъ онъ тамъ дѣлать? Слушать голосъ Доротеи Васильевны. Жить безъ нея — сдѣлалось для него невыносимымъ. Онъ уже больше не чернилъ себя, не подвергалъ психическому допросу. Онъ живетъ страстью, и внѣ ея ничего не можетъ ни начинать, ни допускать.

Но не можетъ же онъ быть въ безвѣстномъ отсутствіи! Это убьетъ его жену. Онъ знаетъ, какая и въ ней страстная натура подъ внѣшностью степенной и спокойной женщины.

Что-жъ такое? Откуда, изъ Петербурга, онъ напишетъ ей, что ему надо быстро пресѣчь его бронхитъ и какъ можно скорѣе очутиться на югѣ... гдѣ — онъ еще себя не опредѣлилъ. Гдѣ ока-

жется лучше: въ Пизѣ, на итальянской Ривьерѣ, или въ Ниццѣ, Канѣ, По, Монпелье.

Ему только бы выиграть время. Да еслибы его жена явилась сюда сейчасъ и потребовала, чтобъ онъ вернулся въ Москву, онъ наотрѣзъ отказалъ бы ей. Не изъ трусости не имѣлъ онъ съ нею рокового, безповоротнаго объясненія, а изъ жалости къ ней. Чѣмъ позднѣе узнаетъ она правду, тѣмъ будетъ лучше для нея.

Павель Павловичъ въ двѣнадцать часовъ былъ готовъ, старательно выбрать—онъ брился самъ—одѣтъ въ неизмѣнную черную пару, съ остатками пудры на помятомъ съ дороги и простуды лицѣ. Свою карточку послалъ онъ внизъ къ Доротей Васильевнѣ, съ вопросомъ: когда она позволитъ ему сдѣлать ей визитъ.

Она была дома; но посланецъ Гремущина получилъ отъ нея сухой отвѣтъ:—дома только до половины первого.

Въ салонѣ столъ былъ накрытъ на два прибора, когда Гремущинъ, осторожно заглядывая въ дверь, проникъ туда.

— А!.. Павель Павловичъ!—встрѣтила она его довольно любезнымъ возгласомъ, выглянувъ изъ спальни.

Она была въ пенюарѣ изъ легкой полковой ткани съ золотистымъ отливомъ. Волосы ея были схвачены на затылкѣ и пучкомъ лежали на спинѣ.

Гремущинъ закрылъ мгновенно глаза и остановился въ дверяхъ салончика, гдѣ былъ накрытъ столъ на два прибора.

— Входите, входите!..

Голосъ продолжалъ быть ласковымъ, и отъ его вибраціи все пришло въ сладостную тревогу въ душѣ Гремущина.

Этотъ внезапный пріѣздъ „милѣйшаго Павла Павловича“ — какъ она звала его обыкновенно—сначала почти раздосадовала ее; но потомъ она сообразила, что онъ можетъ быть ей полезенъ въ Петербургѣ, и даже не дальше, какъ черезъ четверть часа, она его пошлетъ съ однимъ спѣшнымъ порученіемъ.

Въ Москвѣ, когда онъ провожалъ ее на желѣзную дорогу и хлопоталъ о томъ, чтобы ей отвели цѣлое отдѣленіе, она прощалась съ нимъ шутя.

— Хотите, увлеку васъ?—говорила она ему въ вагонѣ.

— Я—въ вашей волѣ, — шутливо, но съ дрожью въ голосѣ отвѣчалъ онъ.

— Вы скоро сами убѣжите, — сказала она.

Ей почему-то доставляло удовольствіе говорить съ нимъ въ такомъ тонѣ, чего она прежде себѣ не позволяла.

— Скоро, — промолвилъ Гремущинъ и такъ на нее посмотрѣлъ, что ей стало жаль его и немного смѣшно.

Онъ просилъ только объ одномъ — телеграфировать ему о „благополучномъ прибытіи“.

Только теперь она вспомнила, что никакой депеши ему не посылала. Она поняла также, что онъ изъ деликатности не беспокоилъ ее ни письмомъ, ни телеграммой, и самъ поспѣшилъ сюда.

— Сегодня пріѣхали?..—спрашивала она его, подавая ему руку.—Такъ скоропостижно? Отчего же не дали знать?

— Затѣмъ же?—тихо отвѣтилъ Гремущинъ, замирая отъ ея рукопожатія.

— Какъ же вы узнали, что я въ этомъ отелѣ?

— Вы всегда въ немъ останавливаетесь.

— Ахъ, да!.. У меня такая разсѣянность. Простите, добрый Павелъ Павловичъ. Вы знаете... я невмѣняема! Получила, кажется, ударъ... sur la route de Damas.

Онъ не совсѣмъ еще понималъ намекъ.

— Садитесь сюда.

Они сѣли на диванъ. Одну треть комнаты занималъ кабинетный рояль и круглый столъ съ двумя приборами, помѣщенный на самой срединѣ.

Гремущинъ бросилъ косвенный взглядъ на приборы. Это замѣтила Доротея Васильевна и тихо разсмѣялась.

— Вы увидите сами, — начала она, откидывая голову на спинку дивана,—и услышите также.

— Кого?

Гремущинъ поднялъ на нее глаза вопросительно.

— Я вамъ сказала, что это для меня route de Damas! Понимаете... un coup de foudre! Нѣтъ, вы—я убѣждена въ томъ—не встрѣчали еще такого лица. И натура, и голосъ!

— Вѣрю,—прошепталъ Гремущинъ, стараясь улыбнуться.

— Я васъ не ждала. А то заказала бы завтракъ на троихъ. Но я не хочу хитрить, милый Павелъ Павловичъ, вы не способны испортить моего перваго tête-à-tête, тѣмъ болѣе, что я съ вами подѣлюсь моей находкой. А вы мнѣ окажете маленькую, но очень важную услугу. Мнѣ необходимы, сейчасъ же, вотъ теперь, не позднее второго часа—ноты. Въ музыкальномъ магазинѣ перепутали. Вы свезете, отдадите имъ мою записку и привезете другія. Вѣдь вы сдѣлаете это?

Она не освѣдомилась даже, завтракалъ ли онъ.

— И прикажете сейчасъ же удалиться? — спросилъ Гремущинъ.

— Нѣтъ... когда онъ придетъ.

— Кто такой?

— Порадуйтесь... Не знаю — надолго ли; но мой неисправимый пессимизмъ куда-то запертался. И собственный успѣхъ, слава — все это тамъ, гдѣ-то, на самомъ заднемъ планѣ. Я вся поглощена этимъ самородкомъ, этой натурой. Какое лицо — вы увидите, какой тонъ, какая фамилія, какія слова, искренность... Это что-то небывалое. Я ужъ не говорю о громадномъ голосѣ.

Тутъ только онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Она увлечена кѣмъ-то, вѣроятно пѣвцомъ, иностранцемъ. Какимъ-нибудь итальянцемъ. Что-жъ?.. Развѣ это неожиданный для него фактъ? Онъ долженъ впередъ мириться со всѣми ея увлеченіями. Врядъ ли есть еще между ними что-нибудь серьезное. Она слишкомъ шумно изливается... А если тутъ — начало страсти... И на это онъ обязанъ быть приготовленнымъ.

— Поздравляю васъ, — выговорилъ онъ просто и задумался.

— Съ такой находкой?

— Съ такимъ... *coup de foudre!*

— Принимаю, принимаю поздравленіе. Только я не умѣю еще говорить съ нимъ. Мнѣ какъ-то совѣстно дѣлается.

— Чего, Доротея Васильевна?

— Да всего, рѣшительно всего! И наружности своей, туалета, языка, манеръ. Я просто глупости говорю.

„Вотъ оно чтѣ! — говорилъ мысленно Гремущинъ: — признакъ вѣрный“.

И онъ не досказалъ и себѣ — чего.

— Вотъ вы увидите. Хорошо, что у насъ есть общее дѣло — искусство.

Изъ коридора постучали. Она быстро вскочила, поправила кружево на груди и крикнула возбужденно:

— Войдите!

Вошелъ коридорный и доложилъ. — Къ вамъ господинъ... — онъ запнулся немного и выговорилъ: — Благомировъ.

— Просите!.. *C'est lui!*.. — шепнула она Гремущину.

XVIII.

Гость вошелъ не сразу. Онъ что-то долго возился съ каботами. Гремущинъ, весь собравшійся въ комочекъ, то опускалъ рѣсницы, то поднималъ ихъ.

— Это вы, *monsieur* Благомировъ?.. — нетерпѣливо крикнула хозяйка.

— Я-съ, я-съ, Доротея Васильевна. Извините, позамѣшкался маленько.

Гремушину вдругъ почудилось, что онъ у кого-нибудь въ гостяхъ, въ Москвѣ, на праздникахъ, и пришли „священники“.

„Да это какой-то дьяконъ“, — говорилъ онъ про себя, все еще недоумѣвая, и даже подумалъ: — не попутала ли съ нимъ Доротея Васильевна.

— Входите, входите! — крикнула она еще разъ и подбѣжала къ двери въ переднюю.

— Застрѣлъ одной ногой въ калошѣ, — доносился оттуда дьяконскій басъ — молодой, добродушный и смѣшливый.

„Дьяконъ, дьяконъ“, — повторялъ мысленно Гремушинъ и широко раскрылъ глаза.

Въ дверяхъ уже высилась фигура Благомирова, въ черной парѣ, стройная и внушительная — совсѣмъ особенная.

Такого лица Гремушинъ не ожидалъ.

Онъ на мгновеніе совсѣмъ закрылъ глаза.

Лицо и голова этого „дьякона“ поразили его. Да, это — семинаристъ, даже семинаристе, изъ митрополичьихъ пѣвчихъ или регентовъ богатаго прихода. Но развѣ это не все равно? Лицо — духовнаго оттѣнка, даже совсѣмъ точно съ иконы или большой картины съ евангельскимъ сюжетомъ; этотъ овалъ лица, цвѣтъ волосъ, очертанія бороды, глаза и ротъ, поступь...

„Не подсмѣивалась она надо мной? — думалъ стремительно Павелъ Павловичъ: — вотъ кого она встрѣтила на своемъ пути въ Дамаскъ“...

— Извините великодушно, — говорилъ Благомировъ, подавая ей руку. — Первымъ дѣломъ, кажется, запоздалъ; а вторымъ дѣломъ, тутъ еще застрѣлъ въ калошѣ.

Онъ сдерживалъ могучій потокъ своихъ — даже и разговорныхъ — звуковъ.

Доротея Васильевна держала его руку въ своихъ и не спускала съ него глазъ, вся радостная.

„Вотъ оно и пришло!“ — думалъ Гремушинъ, — и съ этой минуты уже пересталъ разбирать семинариста съ евангельскимъ лицомъ, давать ему прозвища или сравнивать съ кѣмъ-нибудь, пересталъ и спрашивать себя: „что это такое — вспышка, капризъ, чувственное увлеченіе или признакъ хандры, или нѣчто такое, что ее самое втянетъ въ себя и сожжетъ?“

Развѣ не все равно?

Онъ машинально поднялся съ дивана и первый подошелъ къ Благомирову.

— Позвольте вамъ отрекомендоваться, — произнесъ онъ крѣтко и безстрастно: — Доротей Васильевны землякъ и покорный слуга — Гремущинъ, Павелъ Павловъ.

И тотчасъ же, обернувшись къ ней, онъ добавилъ:

— Вамъ нужны ноты къ концу вашего завтрака?

— Да, милый Павелъ Павловичъ... Возьмите мою карету.

Она подала ему свертокъ.

— Затѣмъ же?.. Это въ двухъ шагахъ, только до Невского... Черезъ полчаса будетъ исполнено, а раньше вы не кончите кушать.

Онъ еще разъ пожалъ руку Благомирову. Тотъ смотрѣлъ на него своими смѣшливо-благодарными глазами и какъ будто спрашивалъ себя:

„А кто бы это такой могъ быть?“

Маленькими шажками, неслышно ступая по ковру, удалился Гремущинъ, оставивъ ихъ однихъ въ салонѣ.

— А это насчетъ какихъ нотъ? — спросилъ Благомировъ, кладя свою шапку на рояль.

Онъ держался непринужденно, безъ малѣйшаго проблеска застѣнчивости, точно будто онъ говорилъ съ товарищемъ.

— Миѣ прислали не тотъ дуэтъ, перепутали...

— Затѣмъ же было почтеннаго человѣка беспокоить? — выговорилъ Благомировъ тономъ шутиваго упрека. — Я бы сбѣгалъ... А у него къ тому же совсѣмъ нездоровый видъ... И странная какая-то голова... Я бы сказалъ: польскій есендъ въ партикулярномъ платьѣ.

— Ха, ха, ха! — громко и раскатисто разсмѣялась Доротей Васильевна. — Это очень удачно! Даже на іезуита похожъ. Но онъ — олицетворенная преданность...

— Кому? Вамъ? — довольно смѣло спросилъ Благомировъ.

Съ этой красивой, богатой и даровитой „барынькой“ — такъ онъ ее прозвалъ, хотя и зная, что она дѣвушка — онъ почти съ первыхъ словъ почувствовалъ себя необыкновенно свободно. Когда его привезъ къ ней Андреоли послушать его голосъ, и былъ тутъ Званцевъ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія... Голосъ ея ему не особенно понравился, и про себя онъ опредѣлилъ ея манеру пѣть почти такъ, какъ Ермиловъ, только другими выраженіями. Онъ и тогда былъ способенъ сказать ей — изъ-за чего она бѣтается, когда у нея все есть: и деньги, и независимость? Ея славолубіе, со смѣсью жизненной горечи, которую она носила въ родѣ извѣстнаго рода мундира, казалось

ему „порядочною блажью“. Какъ женщина, она совсѣмъ еще на него не вліяла.

Своему учителю Андреоли, у котораго онъ все-таки сталъ брать уроки, Благомировъ, на первомъ же урокѣ, когда тотъ началъ ему обѣщать поѣздку въ Италію, на деньги Званцева, замѣтилъ:

— Ежели у него мощна туга, я живообразно возьму у него пожалуй; но только чтобы тутъ всякое участіе женскаго пола было устранено.

Андреоли посмѣялся надъ его добродѣтелью и передать это Доротей Васильевѣ. Ей хотѣлось задѣть сейчасъ же этотъ вопросъ, успокоить его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать ему, какъ она цѣнитъ его гордость.

— Вамъ кушать хочется?—спросила она, указывая ему на приборъ и позвонила.

— Да я, признаться сказать, закусилъ слегка.

— Не надѣялись быть сыты у меня?

— Нѣтъ, не это, а просто соблазнился, шелъ мимо пекарни Исакова и два пирожка съ леверомъ истребилъ...

— Съ чѣмъ? Съ чѣмъ?—переспросила она.

— Съ леверомъ... Это—рубленая.. всякая всячина, легкія тамъ, что-ли...

„Боже, какъ онъ милъ!—внутренно восклицала она.—Съ леверомъ! Кромѣ него, никто такъ не скажетъ!“

Они сидѣли другъ противъ друга за круглымъ небольшимъ столомъ, веселые и молодые, но она—сильно возбужденная, онъ—спокойный и равнодушный къ этой соблазнительной женщинѣ.

Когда человѣкъ поставилъ на столъ первое блюдо, она вдругъ вспомнила, что нѣтъ закуски.

— Простите меня! Я совсѣмъ и забыла. Вы пьете водку?

— Пристрастія не имѣю; но иногда невредительно бываетъ.

Лакей былъ уланъ за закуской, а Благомировъ, продолжая въ томъ же шутиломъ тонѣ, сказалъ:

— Анекдоты рассказывать—дурная привычка; да я и не имѣю ея, а только, по части крѣпкихъ напитковъ—въ данномъ случаѣ водки—пришелъ мнѣ на память одинъ разговоръ.

— Пожалуйста расскажите!—стала она просить его звуками пятнадцатилѣтней дѣвочки.

— Видите, одинъ любитель архіерейскаго служенія съ провозглашеніемъ многолѣтія освѣдомлялся, какъ, дескать, насчетъ употребленія зелена вина у протодіаконовъ? Ему и отвѣчаютъ: для теноровыхъ голосовъ—не возбраняется, а для басовъ—такъ даже и поощряется.

Самъ онъ не разсмѣялся, зато она расхохоталась, откинувшись на спинку стула и нѣсколько разъ повторила: „даже и поощряется“.

Принесли закусокъ и нѣсколько сортовъ водки. Благомировъ выпилъ только очищенной, но отъ закусокъ ни отъ одной не отказался. Доротея Васильевна почти съ умиленіемъ смотрѣла на его аппетитъ. Ее восхищала его простота. Она и не требовала отъ него никакихъ знаковъ вниманія, не обижалась и тѣмъ, что онъ сразу съ ней взялъ такой товарищескій тонъ.

Смотрѣть на него было для нея еще неиспытаннымъ наслажденіемъ. И она его не скрывала. Всякій, на мѣстѣ этого баса, изъ сельскихъ учителей, испыталъ бы щекотанье своего мужского тщеславія. А въ немъ ничего подобнаго она не замѣчала. Благомировъ не сознавалъ даже и того, что она съ нимъ совсѣмъ не такая, какъ съ другими.

Но въ его словахъ, сказанныхъ Андреоли насчетъ вліянія женскаго пола на его отправку за границу, была все-таки же щепетильность мужчины.

И вотъ это она должна была прежде всего устранить.

— Я знаю,—прямо заговорила она, когда они, въ антрактѣ двухъ появленій лакея, остались одни,—я знаю, что васъ смутило въ вашей поѣздкѣ въ Италію. Званцевъ предлагаетъ вамъ ее вовсе не потому, что я за васъ просила. Я не имѣла понятія о васъ. Голосъ вашъ онъ услышалъ въ одно время со мною. Повѣрьте,—щеки ея сильно разгорѣлись,—еслибъ этотъ баринъ отнесся къ вамъ свысока, я сама бы стала васъ упрашивать не принимать его одолженія, хотя оно для него чистѣйшій вздоръ.

— Большой бѣды не было бы,—выговорилъ Благомировъ и нагнулъ низко голову.

— Такъ разсуждать я вамъ не позволю! О! я прекрасно понимаю, что производитъ въ васъ это раздвоеніе. Только въ искусствѣ, въ этомъ, если хотите, миражѣ, борьбѣ съ толпой, въ славѣ, назовите какъ хотите, и есть еще что-то, что влечетъ и придерживаетъ къ жизни.

Она говорила съ большимъ пыломъ, но въ глазахъ ея было нѣчто совсѣмъ иное. За полчаса передъ тѣмъ она не лгала Гремущину. Ея карьера отошла куда-то вдаль. Если она чувствовала въ себѣ артистку, то затѣмъ, чтобы имѣть прямую связь съ этимъ самородкомъ, что сидѣлъ передъ ней и такъ старательно доѣдалъ свою порцію „*boeuf à la Stroganoff*“; чтобы не дать ему уклоняться отъ прямого пути, чтобы имѣть поводъ тол-

катъ его, видѣть развитіе его таланта, создать ему всемірную извѣстность.

— Эхъ, Доротея Васильевна, — выговорилъ Благомировъ, вздохнувъ, какъ человѣкъ хорошо поѣвшій: — не Богъ вѣсть какое счастье для человѣчества будетъ, что я добьюсь того, что буду называться гдѣ-нибудь въ Италіи — Благомиріо, или въ такомъ вкусѣ. Если угодно знать всю подноготную, я все еще на распуты. Чтожъ? И то сказать... Сколько хорошихъ людей обо мнѣ стараются. Я и передъ ними, какъ бы сказать, обязанъ...

— Ни предъ кѣмъ вы не обязаны! — вскричала она и черезъ столъ протянула ему свою руку. — Съ вами товарищъ говорить, Благомировъ, а не женщина. И еслибы, вмѣсто Званцева, я сказала вамъ: раздѣлите со мной мой годовой доходъ, вы мнѣ потомъ заплатите, неужели вы бы отказались только оттого, что я дѣвица, барышня, принадлежу къ женскому полу?.. Это мелко и не похоже на васъ... Вы должны презирать такіе жалкіе свѣтскіе предрассудки.

— Да вѣдь тотъ баринъ согласенъ меценатствовать?

— Согласенъ.

— Ну чтожъ!.. Иду въ наймиты... По доброй волѣ...

— За вашъ талантъ и вашу славу!

Они подняли стаканы. Благомировъ сказалъ задушевно и вдумчиво:

— Лучше за то, Доротея Васильевна, чтобы не ополгѣть въ погонѣ за этой самой славой.

Они еще разъ чокнулись. Въ эту минуту Доротея Васильевна мучительно спросила себя:

„А будетъ ли онъ моимъ?“

XIX.

Гости прибывали. Лидія Степановна Капцова, очень возбужденная и затянута въ новый корсетъ и въ свѣтлый жилетъ съ высокимъ воротникомъ, ходила по своимъ двумъ гостинымъ и столовой, гдѣ Дина разливала чай въ яркой шемизетѣ и въ прическѣ, которая только-что входила въ моду, съ косой, положенной книзу, а не на маковѣ.

Около нея пилъ изъ стакана крѣпкій чай и немного причмокивалъ ея постоянный кавалеръ, Маркъ Саввичъ Габзинъ, инженеръ-подрядчикъ, рыжеватый, курчавый, съ веснушками и бородкой клинушкой, очень красивый, небольшого роста, широкій въ

плечахъ, въ короткой визиткѣ и красномъ галстукѣ, заткнутомъ темной овальной жемчужиной. Онъ безпрестанно прерывалъ свое балагурство короткимъ брюшнымъ смѣхомъ и маленькими съ-рыми глазками поглядывалъ на станъ Дины и ея новую прическу. Мать ея надѣялась, что послѣ этого пикника инженеръ сдѣлаетъ, наконецъ, предложеніе.

Дина разливала чай, стоя, — поглядывала въ разные стороны и продолжала шутиливый разговоръ съ Габзинымъ. Она чувствовала себя въ своемъ элементѣ, также какъ и мать ея. Для нихъ не было жизни — вѣтъ приемовъ, пляса, катаній, бенефисовъ.

Гриша, окруженный молодежью, рассказывалъ какой-то анекдотъ въ одной изъ гостинныхъ, недалеко отъ группы дамъ, гдѣ замѣтишь другихъ была вдова Мещерина, въ платьѣ стѣме, издали точно облитая сливками, румяная и свѣжая, вся въ брильянтахъ. Собрались уже двѣ трети всѣхъ приглашенныхъ: чело-вѣкъ больше двадцати. Лидія Степановна нѣсколько разъ отзывала сына и шепталась съ нимъ, кого съ кѣмъ посадить. Онъ записалъ все на бумажку и повторялъ ей:

— Мамахень, не волнуйтесь... Всѣхъ усадимъ какъ слѣдуетъ.

Себѣ въ помощники, по распорядительной части, Гриша взялъ черненькаго, очень тонкаго лицеиста. Изъ товарищей по факультету былъ приглашенъ всего одинъ, явившійся въ мундирѣ, за что молодой Капцовъ сдѣлалъ ему легкій выговоръ. Было три-четыре офицера, но черные сюртуки преобладали. Лидія Степановна хлопотала о томъ, чтобы побольше было молодежи. Одна изъ дѣвицъ оказалась даже пятнадцатилѣтней дѣвочкой и въ первый разъ въ жизни ѣхала на тройкѣ кататься съ горъ. Но пришлось пригласить и нѣсколько дамъ въ лѣтахъ самой хозяйки или около того, въ томъ числѣ одну, очень бойкую на разговоръ съ мужчинами, полковницу, сѣдьющую, съ напудренными волосами.

Порфирій Николаевичъ сидѣлъ въ это время на вечернемъ засѣданіи какой-то комиссіи. Его семья надѣялась, что онъ не попадетъ и на ужинъ. Онъ привыкъ спать, когда у нихъ танцы, пѣніе, шумъ и гамъ до пѣтуховъ. Лидія Степановна не надѣялась и на то, что мягко обойдется съ нимъ Малышевъ, который обѣщалъ пріѣхать къ ужину. Къ счастью, о приглашеніи Кустарева и помину не было со стороны Порфирія Николаевича.

Десятый часъ на исходѣ. Въ столовую вошелъ Ермиловъ. Онъ рѣдко посѣщалъ ихъ, и дамы Капцовы находили его почти „ненужнымъ“, правда, блестящимъ и очень воспитаннымъ, но съ

оттѣнкомъ своего превосходства, отъ котораго ихъ коробило. Какъ женихъ, онъ былъ человѣкъ „отпѣтый“, танцовать давно пересталъ, въ ужинахъ не любилъ принимать участія, считался ужаснымъ сeryгой и человѣкомъ безъ хорошихъ средствъ, въ сущности какимъ-то „управляющимъ“, который скрываетъ свою частную службу. Вдобавокъ его репутація „ужаснаго женолюбца“ не подходила къ нравамъ веселящагося Петербурга Капцовыхъ, гдѣ любили постоянство въ ухаживаніи и даже въ связяхъ.

Ермиловъ почти назвался на ихъ пикникъ и притомъ черезъ Порфирія Николаевича, чего обыкновенно не дѣлалъ никто изъ ихъ постоянныхъ посѣтителей. И мать, и дочь, сейчасъ же догадались, что было причиной такой навязчивости. Онѣ пригласили Анну Гавриловну и съ мужемъ. По этому поводу мать съ дочерью немного совѣщались. Московская приватъ-доцентша, какъ дама, была цѣнной гостьей, но могла оказаться и невыгодной, будь она здѣшная.

— Ну, чтожъ такое, — успокаивала Лидія Степановна, — она здѣсь всего на нѣсколько дней. Бабочка эффектная и держитъ себя премило. Молодежь будетъ увиваться — пускай! У тебя она твоего Габзина не отниметъ.

Отъ чая Ермиловъ отказался и пошелъ отыскивать молодого хозяина.

Гриша, засунувъ одну руку въ карманъ панталонъ, съ откинутой полой на бѣлой подкладкѣ, только доканчивалъ рассказывать свой анекдотъ... Ермиловъ взялъ его подъ руку и шепнулъ:

— На одну минуту. Большая просьба къ вамъ, Григорій Порфирьевичъ.

— Что угодно?

Молодой Капцовъ поглядѣлъ на Ермилова съ усмѣшкой, въ которой тотъ прочелъ: „знаю, братъ, о чемъ ты хочешь меня просить“.

— Вы будете разсказывать на тройкахъ?

— Я.

— Позвольте мнѣ въ тѣ сани, гдѣ будетъ мадаме Куликова.

Говоря это, Егоръ Петровичъ нарочно надѣлъ свой ринсепез и смотрѣлъ въ бокъ, чтобы скрыть непріятное смущеніе, овладѣвавшее имъ.

— Тройка эта уже въ полномъ комплектѣ.

— Нельзя ли перемѣнить?

Гриша взглянулъ на него съ гораздо болѣе безцеремонной усмѣшкой, вынулъ записку, повелъ губами и сталъ соображать.

— Извольте. Только еще дамъ не будетъ.

— Да и не надо!—вырвалось у Ермилова.

Онъ началъ краснѣть отъ удовольствія, что дѣло уладилось.

— Благодарю васъ!.. Вы очень любезны!—заговорилъ онъ, крѣпко пожимая руку Гриши.

— Не стойте! На здоровье!

Въ этой прибауточной фразѣ: „на здоровье“, было нѣчто въ родѣ покровительства. Въ другое время, Ермиловъ безжалостно бы обрѣзалъ такого мальчишку, а тутъ онъ только разсмѣялся совсѣмъ не своимъ смѣхомъ и не отошелъ тотчасъ же, а потоптался на мѣстѣ.

„Однако это Богъ знаетъ чтѣ такое!“—устыдилъ онъ себя, проходя обратно въ столовую. Онъ чувствовалъ, что волненіе его растетъ. Еслибъ онъ хотѣлъ дать себѣ волю, его бы отнесло къ двери въ переднюю и онъ сталъ бы ждать—входа въ первую гостиную Анны Гавриловны. Для нея назвался онъ на этотъ пикникъ „средней руки“, и вотъ сейчасъ ходилъ просить фата-мальчишку, какъ о великомъ одолженіи—сѣсть съ ней въ одну тройку. А вдругъ какъ тотъ и мужа посадить? Даже этого онъ не выговорилъ себѣ—до такой степени не владѣлъ собою въ разговорѣ съ Гришей Капцовымъ.

У входа Ермиловъ довольно долго топтался. Онъ почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, да и это общество не считалъ своимъ. Онъ ѣздилъ—не часто—въ свѣтъ, но другого сорта, или въ полусвѣтъ, изрѣдка въ кружки любителей балета и Михайловскаго театра.

И добро бы еще видѣлъ онъ тутъ женщинъ, выкупающихъ лицомъ и турнирами свою петербургскую прѣсноту, а то и того онъ не замѣчалъ. Двѣ-три безвкусныхъ дѣвицы и нѣсколько дамочекъ средней руки. Роскошная вдова Мещерина не привлекала его. Онъ догадывался, что она близка съ Гришей Капцовымъ, и не завидовалъ студенту. Такія полныя, яснолицыя чувственницы оставляли его холоднымъ. Очень ужъ онъ хорошо зналъ ихъ повадку, степень ихъ изящества, ихъ жаргонъ, ихъ наклонность къ самому избитому ресторанному кутежу, ихъ рыхлое мужелюбіе, лишенное жизни, блеска и нерва.

Какъ-то на дняхъ попалъ онъ въ клубъ къ инженерамъ, на костюмированный вечеръ—былъ тотъ же слой общества, но тамъ хоть одна курносенькая бабенка, съ большими круглыми глазами, заняла его на полчаса своей фигурой и костюмомъ, правда, заѣзженнымъ, но бывшимъ ей къ лицу—*Madame l'Archiduc*.

Но все это только скользнуло въ головѣ Егора Петровича. Онъ изумлялся тому, что топчется около входной двери и ждетъ, какъ студентикъ или офицерикъ, появленія въ дверяхъ ея... Сколько

разъ приводилось ему ждать, и въ маскарадахъ, и на улицѣ, и на прогулкахъ, и у себя дома, но никогда онъ еще не переживалъ такого ожиданія, какъ въ эту минуту.

Онъ опустилъ голову, прислонившись къ камину. Отъ этого мѣста до двери было не больше трехъ шаговъ. Чуть слышный шорохъ заставилъ его встрепетаться. Онъ поднялъ голову. Въ портьерѣ остановилась Анна Гавриловна, а за ней, въ бокъ, видна была короткая фигура ея мужа.

Шею—эту прекрасную шею, шедшую могучимъ стволomъ, какъ на статуяхъ,—покрывалъ воротникъ изъ матовыхъ золотыхъ шнуrowъ, переходившій въ такой же нагрудникъ. Платье драпировало своими волнистыми складками, въ видѣ драпри, вкось, ея изумительный станъ, никогда еще не выступавшій передъ нимъ въ такой красотѣ.

— Ахъ!.. Это вы!—вырвалось у него.

И вдругъ ему нестерпимо захотѣлось сказать ей, какъ въ Москвѣ, стихомъ Чацкаго:

„Конечно, не меня искали!“

Онъ почувствовалъ, что его цитата была бы принята совсѣмъ не такъ, какъ на Патріаршихъ-Прудахъ.

— Здравствуйте, Ермиловъ,—выговорила Анна Гавриловна и холодно, привѣтливо, съ необычайно красивымъ наклономъ головы, протянула ему руку.

— Вы позволите провести васъ къ хозяйкѣ?

Онъ было хотѣлъ предложить ей руку, но Куликовъ выскочилъ изъ-за портьеры, поздоровался съ нимъ, съ короткимъ смѣхомъ, и свернулъ свою правую руку кренделемъ.

Но Анна Гавриловна не обратила на этотъ жестъ вниманія и взяла руку Ермилова. Она оглянула гостиную и спросила въ полголоса:

— Кустаревъ здѣсь?

— Я не видѣлъ,—отвѣтилъ Ермиловъ и хотѣлъ прибавить что-то злобное, но опять испугался ея.

Подбѣжалъ Гриша Капцовъ, по-офицерски поклонился, указалъ рукой на Ермилова и объявилъ:

— Вашимъ кавалеромъ будетъ, въ тройкѣ, м-г Ермиловъ.

— Да?—спросила Анна Гавриловна и приняла руку студента, который повелъ ее прямо въ столовую.

Мужъ пошелъ съ Ермиловымъ за ней слѣдомъ.

XX.

Въ полутемнотѣ, на вышѣ одной изъ деревянныхъ башенъ ледяной горы, скупилось общество пикника Капцовыхъ.

Морозило. Рѣзковатый вѣтерокъ ходилъ по вышѣ и относилъ голоса. Только-что спустились большія санки съ нѣсколькими дамами. Онѣ взвизгивали, и ихъ болтовня слышалась теперь уже въ самомъ низу. На краю Гриша Капцовъ усаживалъ вдову Мещерину, укутанную въ бѣлый пуховой платокъ и свѣтло-песочную ротонду съ тибетскимъ мѣхомъ—обширную и безформенную. Онъ самъ утвердился позади, уперся ногами и обхватилъ ее. На немъ молодецки сидѣла фуражка, и высокой стоячей мерлушковый воротникъ пальто подпиралъ ему затылокъ.

— Перегонимъ!—крикнула Мещерина.—Grégoire... Я, право, не боюсь.

— Увидимъ!—отвѣтилъ Гриша, и въ эту минуту ихъ высокія санки помчались внизъ, стремительно и по прямой линіи.

— А вы не боитесь такъ?—спросила Анна Гавриловна Ермилова, стоявшаго рядомъ съ нею, немного въ сторонѣ, у одной изъ колонокъ навѣса.

Она была также укутана въ бѣлый, но шолковый платокъ, и темная, крытая шолкомъ шубка выставляла контуры ея стана. Лицо уходило въ платокъ, повязанный по-крестьянски, и глядѣло оттуда возбужденными и недобрыми глазами.

— Я?—переспросилъ Ермиловъ.

— Вы такъ не сѹмѣете, молодцомъ, какъ этотъ студентъ?

Очень ему захотѣлось доказать ей, что можетъ, но онъ не рѣшился выказать молодечество, не надѣялся на свои ноги. Онѣ все сильнѣе стали, въ эту зиму, припадать.

— Нѣтъ, не сѹмѣю,—отшутился онъ вздохомъ.

Говорить другимъ тономъ онъ пробовалъ, вотъ сейчасъ, но на всѣ его подходы Куликова отвѣчала короткими фразами, которыя онъ долженъ былъ глотать, точно кусочки льду.

Въ троечныхъ саняхъ онъ сѣлъ противъ нея, глядѣлъ на ея прекрасный профиль, хотѣлъ овладѣть разговоромъ, но она еще на Троицкомъ мосту объявила, что боится жабы, закрыла ротъ и половину лица муфтой. Рядомъ съ ней сидѣлъ какой-то мальчикъ лицеистъ, а на переднемъ сидѣннѣ, около него, офицерикъ. Они все остряли, перекидывались прибаутками, бывшими въ ту зиму въ ходу въ ресторанѣ Кюба, съ прибавкою старенькихъ анекдотовъ,

въ родѣ того, какъ одинъ правовѣдъ сказалъ другому, указывая на оберъ-полицеймейстера и перефразируя его слова:

— „Сережа, запиши!“

Ермилову хотѣлось крикнуть имъ: „Да когда же вы замолчите, мальчуганы!“ Его бѣсило то, что Анна Гавриловна, не принимая участія въ ихъ болтовнѣ, изрѣдка смѣялась этимъ пошлостямъ, и въ ея взглядѣ онъ могъ читать тогда:

„Они глупы, но молоды, и жизнь въ нихъ играетъ; а вы, мой другъ, все еще не хотите сойти съ вашего ампула любовнаго злодѣя“.

Онъ ясно читалъ это въ восвѣщенныхъ взглядахъ этихъ узко-ватыхъ глазъ съ поволокой, и отъ сердечной боли кровь прилила ему къ головѣ.

Зябко ему подъ короткимъ пальто; морозный воздухъ пробирается подъ ваточную подкладку и ползетъ вдоль спины. И зачѣмъ онъ надѣлъ свою бекешъ, вмѣсто медвѣжьей шубы? Неужели все изъ желанія молодиться?.. И дорогой онъ уже начиналъ зябнуть; ноги ныли въ щиколкахъ и пониже колѣнъ.

Весь троечный пикникъ Капцовыхъ тяготилъ его чрезвычайно. Что-то грубое, нелѣпое и трагично-разгульное было въ носѣ отъ этой Аркадіи, отъ разговоровъ, отъ смѣха дамъ и дѣвицъ, отъ этихъ горь, отъ злобщей синевы электрическаго свѣта.

Когда ихъ тройка подкатила къ подъѣзду и онъ высочилъ первый изъ саней, чтобы высадить Анну Гавриловну, у входныхъ дверей стояли два купчика—одинъ совсѣмъ пьяный, другой поддерживалъ его. Оба переговаривались съ лихачомъ-извозчикомъ. Дворникъ стоялъ тутъ же съ метлой и посмѣивался браннымъ возгласамъ захмелѣвшаго купчика.

Онъ подумалъ, что и въ Москвѣ, въ Стрѣльнѣ или у Яра, куда онъ хотѣлъ вести кататься Анну Гавриловну на лихачѣ, они могли наткнуться на точно такую же сцену. Развѣ не хорошо поступилъ онъ, отказавшись отъ такого удовольствія? И теперь эта дѣвица, сдѣлавшись—*rag dépit*—госпожей Куликовой, мститъ ему, а онъ не можетъ бросить запоздалое ухаживанье, не умѣетъ найти лазейки въ душу этой московской барыньки, начать играть на одной изъ податливыхъ струнъ всякой женской натуры, втягивается въ глупую и смѣшную роль.

— Холодъ дѣйствуетъ на васъ, какъ на иныхъ жара?—сказала она, поднявъ голову, и прищурилась.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ Ермиловъ.

— Выпускаетъ изъ васъ весь эръ-фиксъ.

И она засмѣялась суховато и почти дерзко.

„Подтянись,—ободрялъ себя онъ,—отпарируй ей такъ, чтобы она, наконецъ, познала, съ кѣмъ имѣть дѣло“.

Но острота не являлась на языкъ. Онъ только юмористически крякнулъ, переступилъ съ ноги на ногу—ноги были въ высокихъ ботинкахъ—и перевелъ плечами.

„Да вѣдь я просто тупѣю!—съ ужасомъ замѣтилъ онъ мысленно. — Еще два-три приема такой гипнотизаціи—и я превращусь въ маньяка, въ родъ Гремушина“.

Съ Гремушинымъ онъ встрѣтился утромъ того же дня. Ему судьба съ нимъ встрѣчаться. Они поговорили, разумеется, о Карусъ. Московскій чудакъ на вопросъ Ермилова—ѣдетъ ли онъ вслѣдъ за Доротеей Васильевной?—отвѣтилъ голосомъ католическаго патера:

— Я своей воли уже не имѣю,—и глаза его получили выраженіе, вызвавшее въ Ермиловѣ почти гадливое чувство.

„Дойду, дойду до того же!“—повторялъ онъ, и въ первый разъ въ жизни чувствовалъ, что и онъ начинаетъ лишаться воли въ выборѣ разговора, что ему не найти, на этой вышкѣ, ничего сколько-нибудь умнаго, напоминающаго о прежнемъ Юріѣ Петровичѣ.

Положеніе сдѣлалось бы нестерпимымъ, еслибъ снизу не поднялась цѣлая группа дамъ и мужчинъ—среди нихъ и мужъ Анны Гавриловны, и вся вышка наполнилась говоромъ. Куликовъ руководилъ этой партіей, распорядился опять саними, усаживалъ дамъ.

— Юріѣ Петровичъ!.. Анна Гавриловна!—пригласилъ онъ ихъ.—Рѣшитесь хоть въ нашей лодкѣ!

Онъ намекалъ на форму широкихъ саней.

— Угодно? — спросилъ ее Ермиловъ и протянулъ ей руку.

Анна Гавриловна дала себя усадить. Ермиловъ помѣстился между двумя барышнями, которыя все взвизгивали, и не могъ освободиться отъ непріятнаго предвкусія пустоты и полета внизъ. Онъ никогда не катался, и все это удовольствіе находилъ „идіотскимъ“. Вбокъ смотрѣлъ онъ на юркую фигуру Куликова. Тотъ смахивалъ на провизора изъ нѣмцевъ, чувствующаго себя необычайно ловкимъ, милымъ и простымъ. Жена ни разу на него не взглянула, пока усаживалась. Ермиловъ не могъ ни минуты сомнѣваться въ томъ, что она совершенно равнодушна къ своему мужу, но это-то и язвило его, и вызывало неиспытанное ощущеніе обиды, и тянуло куда-то внизъ головой, по какому-то льду, какъ эти сани, стоявшія уже на половину надъ склономъ горы.

Вотъ сани вздрогнули, передокъ ухнулъ, полозья засвистѣли

по ледяной корѣ; у Ермилова занялся духъ; онъ закрылъ глаза и взялся быстро за ободокъ.

— Бойтесь?—раздался женскій голосъ.

Это она его спросила.

— Боюсь!—отвѣтилъ онъ и не отрывая глазъ.

Но онъ отдавался полету внизъ почти съ отраднымъ замираніемъ. Это катанье—не просто. Это—символь! Такъ и онъ полетитъ внизъ, если вдругъ, какимъ-то чудомъ, страсть завладѣетъ имъ.

Все можетъ быть!.. Нужды нѣтъ, что онъ, до сихъ поръ, держался взгляда на неизмѣнность натуры и темперамента въ человѣкѣ... Но почему же не въ силахъ онъ разбудить въ себѣ прежняго Ермилова, дать ходъ своей скептической чувственности во вкусъ восемнадцатаго вѣка, настроить свое воображеніе на гривуазные образы?

Противъ него сидитъ „она“ И это слово „она“ совсѣмъ не такъ звучитъ у него внутри, какъ когда-либо, въ безчисленные его легкія увлеченія и такія же легкія побѣды.

Сани остановились. Всѣ торопливо повскачили съ мѣстъ. Онъ не сразу могъ придти въ себя. Точно сквозь дымку видѣлъ онъ, какъ Куликовъ повелъ жену свою подъ руку вверхъ, по крутой гѣсенѣ. И онъ поплелся за ними. Ноги у него все сильнѣе ныли. Подниматься ему было трудно. Ночью—онъ зналъ навѣрное—будутъ сильные боли. Но что за нужда! Почему же для „нея“ не пострадать, когда изъ-за столькихъ дрянныхъ интригъ онъ не щадилъ здоровья?

И опять, при спускѣ—то же ощущеніе, погруженіе въ безволие, начало неожиданной и тираннической силы женщины уже не надъ однимъ его потертымъ, старѣющимъ тѣломъ, а надъ всѣмъ существомъ.

Онъ уже не возмущался противъ этого вывода, а только терпѣвалъ. Онъ не упускалъ „ее“ изъ виду, не подходилъ къ ней, не заговаривалъ. Все общество, послѣ катанья, побродило еще по зимнему саду, гдѣ гѣли арфанки, потомъ стало разсаживаться по тройкамъ. И опять того купчика, что входилъ, когда они подѣхали, выпроваживала прислуга, мертвецки пьянаго, и дворникъ застегивалъ полость. Все это мелькало мимо него, не вызывая никакой прежней „ермиловской“ игры ума. Онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ, что противъ него женщина, отъ которой онъ не отстанетъ, что ему жутко и сладко взглядывать на это лицо, ушедшее вглубь бѣлаго платка, откуда два длинныхъ глаза ожгутъ его своимъ красивымъ холодомъ.

„Воли у меня нѣтъ, воли у меня нѣтъ!“ — повторялъ онъ слова Гремущина, и въ этомъ человѣкѣ почуялъ своего собрата и товарища.

Извозчикъ вскрикивалъ, пристяжныя взбивали комы снѣга, фонари мелькали справа и слѣва.

XXI.

Въ обѣихъ комнаткахъ номера Кустаревыхъ все уложено. По срединѣ первой — сундукъ, черный, деревянный, скovaný жезльными полосами, стоитъ увязанный веревкой. На подзеркальничѣ — ручной чемоданчикъ. Здѣсь и тамъ — разные свертки. По полу разбросаны газетные листы и много ненужныхъ, брошенныхъ нарочно, коробочекъ, обрывковъ оберточной бумаги, картонокъ.

У стола, гдѣ горитъ только одна свѣча, въ позѣ людей, отдыхающихъ отъ укладки, сидѣли другъ противъ друга мужъ и жена.

Маргарита Сергѣевна куталась въ платокъ. Прядь волосъ на ея лбу сползла и давала тѣнь. Лицо было очень блѣдно, но глаза горѣли. Мужъ ея облокотился одной рукой о столъ, курилъ и низко опустилъ голову съ взъерошенными отъ укладки волосами. На немъ была блуза, подпоясанная кушакомъ.

— А знаешь чтó, Меня, — вдругъ заговорила она: — отпусти-ка ты меня одну!

Не сейчасъ пришла она къ этому предложенію — только не рѣшалась его раньше высказать, боролась съ собой.

— Что такое? — какъ бы не дослышалъ Кустаревъ.

— Отпусти меня одну! — повторила маленькая женщина.

Онъ поднялъ голову и откинулъ волосы.

— Это съ какой стати? Что ты, милая? Черезъ великую силу добылъ я паспортъ, и вдругъ ты чтó надумала!.. Вѣдь ты еле бродишь. Такой долгій путь, переѣзды съ одного вокзала на другой... Заболѣть можешь въ Варшавѣ, въ Вѣнѣ... и тамъ на пер-выхъ порахъ... Да и выбрать надо намъ сообща самое подходящее мѣсто. Отсюда ничего не видать. А наши врачи, и самыя знаменитыя, привыкли къ извѣстнымъ звукамъ; одинъ твердить: „Санъ-Ремо“, другой — „Ментона“, третій — „Каннъ“ или „Ницца“. Все надо оглядѣть, квартиру нанять. Слѣдственно, бѣгать, по этажамъ лазить, торговаться съ хозяйками... Гдѣ же тебѣ!

Все это онъ выговорилъ однимъ духомъ, очень убѣжденно.

— Знаю, Меня,—возразила Маргарита Сергѣевна.—Я перемывала и такъ, и этакъ. Отъ того, что ты будешь сидѣть со мною въ вагонѣ, я здоровѣе не буду.

— Однако, милая!

Онъ начиналъ волноваться и затушилъ папиросу тревожнымъ движеніемъ руки.

— Тебѣ туда—ни къ чему!.. Ни для здоровья, ни для удовольствія. Я тебѣ и безъ того буду большихъ денегъ стоить.

— Къ чему опять объ этомъ?

Кустаревъ махнулъ рукой: эту тему жена его уже нѣсколько разъ затрогивала въ Москвѣ, что ему было особенно непріятно.

— Ну, я не буду,—кратко, но твердо продолжала она.— Ты не любишь... Я нахожу только, что тебѣ ѣхать и жить тамъ, зря, неизвѣстно сколько времени, совершенное безуміе. Хуторъ забросить, весна не за горами. Газета также... Оттуда что ты будешь писать? Да ты и не охотникъ до корреспонденцій. Не умѣешь пустячки болтать.

— Все это лишнее!—рѣзко выговорилъ онъ и заходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, Меня, я прошу тебя выслушать...

— Не утомляй ты себя, Бога ради! Видишь задыхаться начала!

— Помолчи чуточку, не перебивай меня.—Она глубоко перевела духъ и вытянула поги.—Ужъ если ты такъ боишься за меня, ну, пошли со мною кого-нибудь... За небольшую плату поѣдетъ... хорошая дѣвушка... въ родѣ бонны или грамотной горничной. Здѣсь много такихъ... это не Москва. Содержаніе полное и жалованья рублей пятнадцать. Съ радостью согласится!

— Этого еще не доставало!

Но онъ смолкъ, пересталъ ходить и опять присѣлъ къ столу.

— Повѣрь, что такъ лучше будетъ, Меня. Когда съ близкимъ человѣкомъ ѣдешь больная, изъ всего выходить лишнее волненіе, разговоръ. Сама привыкаешь ныть и жаловаться.

— Ты этимъ не грѣшишь, кажется.

— Избалуюсь! Непремѣнно избалуюсь! Съ простой сидѣлкой лучше. Все равно, если я тамъ не поправлюсь, и тебѣ необходимо будетъ возвратиться, кончимъ же тѣмъ, что наймемъ кого-нибудь.

— Это десятое дѣло. Не теперь... Такая гадость въ этомъ Питерѣ: вѣтеръ, то лютый морозъ, то оттепель, а ты собираешься

сидѣть еще, тратить время на подысканье компаньонки, или тамъ хоть и толковой горничной!..

— Какихъ-нибудь три-четыре дня!

— Нѣтъ!—вырвалось у него, и онъ началъ ерошить волосы. Все это твоя чересчурная совѣстливость! Когда ты перестанешь считаться со мной? Ахъ, Гаря, Гаря!

Онъ взглянулъ на нее возбужденнымъ, но ласковымъ взглядомъ, и лицо маленькой женщины озарилось внутреннимъ свѣтомъ. Никогда еще мужъ не былъ ей такъ дорогъ, какъ въ эту минуту. И она, дѣлая надъ собою усиліе, продолжала настаивать на томъ, чтобы онъ отпустилъ ее одну.

— Будь ты другой человѣкъ,—начала она опять и подалась впередъ своимъ худенькимъ станомъ,—я бы даже рада была... Ты бы отдохнулъ, расцвѣлъ бы тамъ, на солнцѣ, ушелъ бы въ привольную, растительную жизнь. Но я тебя знаю, Меня. Тебя гложетъ червякъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, я такъ и знаю!..

— Я въ послѣдній разъ говорю объ этомъ, клянусь тебѣ!.. Но въ чему же скрывать отъ самого себя свою душевную боль, Меня?.. Какъ здѣсь ни плохо живется и тебѣ, и всѣмъ, кто съ тобою одного склада, все-таки ты дома, уйдешь хоть въ хуторскую жизнь, будешь писать, сознавать, что ты не инвалидъ, не выкинутый изъ общаго дѣла человѣкъ. А тамъ ты адски зато-скуешь! Помани мое слово!.. Я тебя знаю. Вся эта сытая и праздная Европа, что бродитъ по зимнимъ станціямъ, только возмущать тебя будетъ, и наши бары, и заграничные... И такъ—изю дня въ день. Книжки читать—одурь возметъ. Будутъ приходить газеты изъ Россіи—каждый день напоминать, что тамъ люди хоть какое-нибудь дѣло да дѣлаютъ, а ты—бездѣйствуй!.. И все это изъ-за меня!.. Я не могу этого допустить!..

Она замолкла и собралась вся въ комочекъ. Онъ не тотчасъ отвѣтилъ, а закурилъ сначала новую папиросу.

— И я, Гарюшка, не могу допустить, чтобы ты, изъ-за того, что я, видите ли, захандрю, рисковала.

— Чѣмъ?—слабымъ голосомъ спросила она.

— Да всѣмъ... Всѣмъ выздоровленіемъ.

По безцвѣтнымъ губамъ маленькой женщины прошла улыбка, говорившая о малой надеждѣ когда-либо поправиться.

— Всѣмъ, всѣмъ выздоровленіемъ!—повторилъ Кустаревъ.—И ты жестоко ошибаешься насчетъ меня, по крайности въ данномъ случаѣ. Этакая сладость киснуть дома! Да еще при томъ заботливомъ соглядатайствѣ, подъ какое я попалъ... Здѣсь тоже

не лучше. Превосходно ужъ и то, что я заграничный паспортъ добылъ. Надо хоть этимъ воспользоваться.

— Ты вернешься же!

— Вернусь, но по нѣкоторомъ времени. Прямой расчетъ, чтобы обо мнѣ позабыли немножко.

— А уѣдешь—будутъ опять подозрѣвать тебя.

— Пускай!.. Будетъ прекрасно извѣстно, что я посижу съ тобой на этой самой Ривьерѣ и ни въ какихъ комплотахъ, кромѣ заговора противъ твоего женскаго упорства, участвовать не буду.

Кустаревъ засмѣялся, всталъ, подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее въ голову.

— Упрямица ты моя! Ходячая ты совѣсть! Успокойся!.. Довезу тебя, устрою, самъ погуляю по благословенному побережью, въ рулетку, чѣмъ чортъ не шутить, выиграю тысячу этакъ тридцать франковъ... а если ты наладишься—и назадъ. Вотъ мой супружескій приказъ, и вамъ, сударыня моя, остается—повиноваться. Силкомъ вы меня, завтра, съ варшавскаго вокзала не вытолкаете. Такъ-то!..

Она подняла на него глаза, полные слезъ, и прошептала:

— Смотри, Меня, чтобы хуже не было!

— Басни!.. Теперь лягъ ты въ кровать, а мнѣ пора проститься съ благопріятелями.

— Будешь у Куликовыхъ?—быстро спросила Маргарита Сергѣевна и чуть-чуть покраснѣла, но мужъ не могъ замѣтить этого.

— Съ какой стати?

— Она была тогда...

— Мужъ-ловкачъ прислалъ, чтобы самому не заѣзжать.

— Конечно, тебѣ нечего.

Маленькая женщина привстала, обняла мужа одной рукой за шею и прильнула къ нему.

— Такъ ѣдешь со мною, Меня?—проговорила она полушопотомъ.—Ну, спасибо!.. А какъ только захандришь, я тебя сейчасъ же прогоню!..

— Гони, гони!

Онъ взялъ ее подъ локоть и повелъ ко второй комнатѣ.

— Ложись, ложись!.. А то нервы расходятся. И сна не будетъ!

— Ты къ Капцовымъ?—все еще какъ будто съ нѣкоторой тревогой спросила Маргарита Сергѣевна.

— Къ Капцову—ко второму. Теперь шестой часъ. Ермиловъ просилъ пообѣдать съ нимъ. Оттуда я къ Порфирію, на минутку, да еще въ третье мѣсто. Къ одному тоже московскому знакомцу. Совсѣмъ у меня изъ головы вонъ. А я ему обѣщала. Обидится

человѣкъ, если узнаетъ, что я здѣсь былъ, а къ нему не зашелъ. Ты меня не жди, слышишь?.. Я, быть можетъ, попозднѣе отъявлюсь.

Она хотѣла-было спросить, къ какому это московскому знакомцу, но не спросила и добрела, съ его помощью, до кровати.

— Ну, иди, иди, Меня, не опоздай. Тебѣ еще переодѣться надо.

— Это зачѣмъ? И въ этомъ можно. Съ Егоромъ Петровичемъ мы въ кабачкѣ будемъ обѣдать, въ отдѣльномъ кабинетѣ. Онъ такъ говорилъ. У Порфирія я на дамскую половину ходить не буду, а въ третье мѣсто можно въ какомъ угодно костюмѣ, хоть въ полушубкѣ.

— Хорошо. Иди!.. Милый Меня!

Кустаревъ тихонько вышелъ и тотчасъ же сталъ надѣвать шубу.

— Какъ же дверь-то оставить?—спросилъ онъ, уходя.—Ты заснешь?

— Ничего! Не бойся! Я услышу, если кто войдетъ. До свиданія, Меня, спасибо!

Въ этомъ „спасибо“ зазвучало большое успокоеніе.

Не сразу заснула Маргарита Сергѣевна. Она лежала, съ закрытыми глазами, въ темнотѣ тѣсной комнаты и улыбалась. Ея Меня поѣдетъ съ нею, она не разстанется съ нимъ еще мѣсяць, можетъ быть, и больше. Но зачѣмъ же она такъ уговаривала его пустить ее одну? Неужели хитрила?

Нѣтъ, она дѣлала это сознательно и чистосердечно, но вотъ уже нѣсколько дней, какъ она безпрестанно возвращалась мыслью къ той молодой и красивой женщинѣ, что была въ этомъ номерѣ. Меня, еслибъ согласился на ея доводы и вернулся бы въ Москву, теперь, черезъ нѣсколько дней, могъ бы встрѣтиться съ нею. Скука одиночества, сочувственный тонъ такой особы... Что-то говорило ей, что Куликова не просто явилась. Но Меня ѣдетъ за границу. Кто знаетъ? Быть можетъ, ея выздоровленіе пойдетъ такъ быстро, что къ веснѣ они оба пустятся въ обратный путь.

Съ этой мыслью она заснула.

XXII.

Въ началѣ девятаго Кустаревъ пѣшкомъ пробирался изъ ресторана на Морской, гдѣ онъ обѣдалъ съ Ермиловымъ, къ квартирѣ Капцовыхъ.

Онъ двигался по узкому обледенѣлому тротуару набережной и не могъ стряхнуть съ себя чувства, съ какимъ онъ вышелъ на

улицу, послѣ обѣда въ отдѣльномъ кабинетѣ. Вмѣсто веселой, игривой бесѣды, какъ это всегда бывало у него съ Ермиловымъ, онъ пережилъ нѣчто другое, совершенно неожиданное и странное.

Ермиловъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ какимъ-то необычнымъ тономъ спрашивать: давно ли онъ знакомъ съ Анной Гавриловной Куликовой, дѣлать намеки, совсѣмъ ему непонятные, говорить про народниковъ, которымъ выгоденъ бываетъ ихъ мундиръ, для возбужденія къ себѣ интереса.

Потомъ онъ рѣзко переимѣнилъ тонъ, сталъ допрашивать, уже болѣе искренно, испытывалъ ли Кустаревъ настоящую страсть? Онъ ему отвѣтилъ, что полюбилъ ту, кто теперь его жена, молодымъ человѣкомъ, до брака, связей съ замужними женщинами избѣгалъ по принципу, а про остальное, изъ студенческихъ временъ, и вспоминать не хочетъ.

Потомъ Ермиловъ какъ бы застыдился своего полупризнанья, сталъ настраиваться на игривый ладъ, пробовалъ острить и разсказывать петербургскія новости, но все у него выходило не весело и не остроумно.

Кончилъ онъ двумя-тремя почти злобными шутками, обращенными опять на Кустарева, и прощальными пожеланіями, гдѣ были снова намеки и лирическія полупризнанья, звучавшія не то рисовкой, не то настоящей горечью отъ признанія, что года ушли, а налетѣла новая блажь, которая грозитъ полнымъ перерожденіемъ личности эпикурейца и неунывающего женолюбца.

Къ сенсуализму Ермилова онъ былъ всегда снисходителенъ, дѣлалъ для него исключеніе. И его огорчило, за этимъ обѣдомъ вдвоемъ, именно то, что Ермиловъ перестаетъ быть самымъ собою, впадаетъ въ какое-то добровольное рабство передъ женщиной.

Любящій и нѣжный съ своей Гарей, Кустаревъ находилъ, что любовное „нервничанье“ слишкомъ овладѣваетъ мужчинами. Куда ни посмотришь, вездѣ царить сантиментальная чувственность.

Женщина опять почувала свою демоническую власть и давно уже переходитъ отъ увлеченія наукой, идеями, общественными идеалами—къ „ублаженію“ себя всѣмъ, что заставляетъ мужчину терять разумъ и становиться ея данникомъ.

Лицо и фигура Куликовой всплыли въ его памяти. Конечно, эта „бабенка“, а не кто-либо другой подстрѣлила Ермилова на склонѣ его безпечнаго и наряднаго безпутства. Вспомнились ему всѣ переливы ея голоса, когда она, на дняхъ, говорила съ нимъ, игра физіономіи, вся ея посадка... Ему стало неловко, почти скверно. Встрѣться она ему вотъ сейчасъ, на этомъ тротуарѣ, она услышала бы отъ него нѣсколько непріятныхъ истинъ.

— За что?—спросилъ онъ себя и не отвѣтилъ.

Въ такихъ думкахъ дошелъ онъ до квартиры Капцовыхъ.

Его встрѣтила горничная и не особенно любезно спросила его съ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Вамъ, господинъ, кого?

— Да мнѣ бы Порфирія Николаевича,—отвѣтилъ смиренно Кустаревъ.

— Они заняты.

— Я знаю-съ... Только онъ меня поджидаетъ... Я проститься.

— Сейчасъ доложу.

Нѣмка не смягчалась и потребовала его имени, которое она не сразу выговорила. Кустаревъ началъ все-таки снимать свой тулупчикъ и развязывать шарфъ. Изъ передней раздавалось бречанье на фортепьяно и разговоръ въ полголоса, въ первой гостиной, вѣроятно у рояля. На вѣшалкѣ висѣло нѣсколько мужскихъ шубъ.

„Должно быть, гостей,—подумалъ онъ,—нетолченная труба, а бѣдный Капцовъ крахти... отдувайся!“

— Пожалуйста!—строго позвала его горничная и отворила ему дверь жестомъ, который разсмѣшилъ его.

— Экая мамзель!—проговорилъ онъ про себя.

— Голубчикъ! — встрѣтилъ его Порфирій Николаевичъ у дверей и тотчасъ поцѣловался съ нимъ.—Ужъ я думалъ, не при-
дешь... Такъ завтра въ путь?

— Завтра.

— Ужъ ты извини меня, Бога ради! На вокзалъ я, пожалуй, опоздать бы. Не управлюсь.

Капцовъ зачесалъ за ухомъ.

— Съ какой стати?—перебилъ его Кустаревъ. Дальнѣе проводы... Спасибо тебѣ, еще разъ, что порадылъ о товарищѣ, отстоялъ гдѣ слѣдуетъ.

— Ну вотъ, пустяки. Я такъ, душа моя, радъ, что ты проводишь Маргариту Сергѣевну... и самъ отдохнешь отъ нашихъ прелестей...

Онъ не договорилъ. Ему, всякій разъ, какъ онъ при Кустаревѣ, позволялъ себѣ такіа фразы, дѣлалось немного совѣстно своего либеральничанья. „Вѣдь я чинуюсь,—уличалъ онъ себя:—мнѣ не пристало такіа слова говорить“.

— А Гаря совсѣмъ было-собралась безъ меня ѣхать!

И Кустаревъ рассказалъ ему про свой сегодняшній разговоръ съ женой.

— Узнаю, узнаю я ее!—говорилъ Капцовъ, низко наклоняя

голову надъ столомъ, гдѣ онъ опять сѣлъ.—Вотъ натура! Вотъ святая женщина! Истинное тебѣ счастье, Евменій Филипповичъ. Только здоровьемъ-то не вышла.

Капцовъ громко вздохнулъ, поднялъ голову и помолчалъ.

— А это она, пожалуй, и вѣрно говорить, другъ, что ты тамъ, среди пальмъ и магнолій, можешь адски затосковать и еще сильнѣе чувствовать себя не у дѣлъ.

— Ну, а ты у дѣлъ, Порфирій Николаевичъ?—съ тихимъ смѣхомъ спросилъ Кустаревъ.—Сладко тебѣ отъ этого?

— Обо мнѣ чтѣ и толковать, голубчикъ. Я—человѣкъ отпѣтый.—Онъ сталъ говорить тише.—Я давно продалъ все свое личное душевное добро за чечевичную кашу. Давно!

И онъ махнулъ рукой и продолжалъ еще тише, раза два даже оглядывался на дверь въ коридоръ.

— Уѣдешь ты, вернешься... и еще нѣсколько зимъ протянешь —и все ты меня за той же каторжной сутолокой будешь заставлять.

Въ эту минуту изъ первой гостиной раздался женскій смѣхъ, и чей-то мужской голосъ началъ шансонетку подъ аккомпаниментъ.

— Слышалъ?—Капцовъ говорилъ уже совсѣмъ тихо:—это дочка моя со своимъ яко-бы нареченнымъ изволить... по нынѣшнему, какъ это по-аглички называютъ?.. Присмотра за ними никакого не полагается. А этотъ яко-бы женихъ...

— Кто?—спросилъ Кустаревъ.

— Инженеръ... подрядчикъ. И не думаетъ онъ на ней жениться. Никакого и намека не было на серьезный разговоръ или предложеніе. Онъ тамъ—онъ указалъ рукой—рѣшили, что слѣдуетъ его считать женихомъ. Моего, разумѣется, мнѣнія никакого и не спрашиваютъ. Да, по правдѣ сказать, и зачѣмъ оно?

Нота горечи задрожала въ голосѣ Капцова. Онъ еще ниже нагнулся къ пріятелю.

Въ кабинетѣ стояла полутьма отъ одной лампы подъ зеленымъ колпакомъ.

— Да, — протянулъ Капцовъ широкимъ вздохомъ,—вотъ тебѣ полная картина моего дома: дочка съ инженеромъ амурится и готова осрамить себя, только бы была какая-нибудь надежда пойти въ законныя сожительницы къ хлыщу-подрядчику, завѣдомо развратному. Жена—онъ на минуту остановился, точно перехватило въ горлѣ—изволить теперь въ своемъ будуарѣ бесѣдовать съ другомъ дома.

Протянулось молчанье.

— Чтѣ я тебѣ говорилъ,—началъ также тихо Кустаревъ.—Зачѣмъ было тогда и выступать противъ того искаріотова друга?

Но Кустареву стало слишкомъ жаль пріятеля, чтобы добивать его, когда онъ и самъ такъ безпощадно обличалъ и корилъ свое слабодушіе.

— Ахъ, голубчикъ!—Капцовъ схватилъ руку Кустарева, и слезы дрогнули въ голосѣ.—Ахъ, милый Евменій! До кровавыхъ слезъ можно плакать... въ бессонныя ночи, а выше своей натуришки не прыгнешь. Мало вы всё, однокурсники, надо мной издѣвались. Доброта моя на подкладѣ трусости и подхалимства была. Этакая гуманность презрѣннѣе самаго заскорузлаго эгоизма, хуже душегубства.

— Хватилъ!

— Хуже! Чему я служу? Безпутству, цѣлой группѣ хищниковъ. Обираю и казну, и частныя учрежденія, всячески, какъ только могу.

— Обираешь своимъ горбомъ!

— Это-то и постыдно! До того дошелъ, что сына не смѣю подтянуть, видя, какъ онъ на прямой дорогѣ долженъ быть если не ваетомъ, то чѣмъ-нибудь еще хуже. Вотъ онъ теперь у своей вдовы сидитъ, она его шампанскимъ на ананасахъ угощаетъ. А можетъ, и деньги суетъ за каждый его визитъ.

— Уѣзжай отъ нихъ!.. Возьми мѣсто въ провинціи,—сказалъ Кустаревъ и тотчасъ почувствовалъ, что это пустыя слова.

— Нигуда я отъ нихъ не уѣду!.. Ни отъ дѣтей, ни отъ Лидіи Степановны.

Они оба замолчали. Капцовъ взялъ руку Кустарева и долго держалъ ее въ обѣихъ своихъ.

— Тяжело тебѣ, другъ, — заговорилъ онъ, — не на твоей улицѣ теперь праздникъ. Нужды нѣтъ. Вырвешься за границу, поживешь тамъ, но я знаю тебя—ты скоро вернешься.

— Навѣрно!—отеликнулся какъ бы про себя Кустаревъ.

— Какъ ни какъ, а маячить надо—у себя дома,—договорилъ онъ и всталъ.

Они обнялись.

— Не побрезгуй заглянуть на возвратномъ пути, Евменій Филипповичъ. Уважать тебѣ меня не за что. Хотя немножко люби! Спасибо, спасибо за то, что пришелъ проститься.

Кустареву стало стыдно этихъ словъ Порфірія Николаевича. Онъ быстро сжалъ его руку и такъ же быстро вышелъ изъ кабинета, повторяя:

— Сиди, работай, провожать меня не надо! И завтра не порывайся на машину. Будь здоровъ! Увидимся, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ думаемъ.

XXIII.

Въ квартирѣ портного Гусева, по Разъяжей, на второмъ дворѣ дома, полнаго мастеровыхъ, въ тѣсной комнатѣ, служившей и спальней, и столовой, — за самоваромъ, — сидѣли хозяинъ, старшій молодецъ и гость.

Гостемъ былъ Благомировъ. Онъ давно водилъ пріятельство съ Гусевымъ, котораго встрѣчалъ въ кружкахъ молодежи. Гусевъ, не старый еще человекъ, рыжій, широкоплечій, бородатый и веснучатый, чисто одѣтый, сидѣлъ за самоваромъ, степенно улыбался и пилъ чай съ блюдечка. Молодецъ поглядывалъ на хозяина вбокъ и также пилъ въ прикуску. Его трудно было принять за портного. Онъ смотрѣлъ скорѣе студентомъ, художавымъ, съ бородкой, въ блузѣ. Гусевъ былъ вдовый, учился своему мастерству въ Москвѣ, у француза, переѣхалъ въ Петербургъ „хозяйствовать“ и привезъ съ собою оттуда репутацію совсѣмъ особеннаго хозяина, желающаго жить „по божески“, дѣлиться барышемъ съ своими молодцами, хорошо кормить мальчиговъ, ѣсть вмѣстѣ съ своими рабочими. И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ не сбивался съ этого пути, и при жизни жены, бывшей корсетницы, и послѣ ея смерти.

Благомировъ приходилъ къ нему совѣтоваться — насчетъ своей новой судьбы, и на-дняхъ узналъ отъ него, что здѣсь проѣздомъ Кустаревъ, съ которымъ Гусевъ еще въ Москвѣ сошелся, работалъ на него, бралъ у него книжки и ходилъ къ нему исповѣдываться, обсуждать вопросы честнаго житія и толковать о прочитанномъ.

— Вотъ кто направить васъ, — говорилъ Гусевъ Благомирову: — даромъ что Евменій Филипповичъ по другой части шелъ, онъ всякое дѣло разсудить, съ надлежащей высоты.

Они поджидали Кустарева и пили чай въ тихихъ разговорахъ. Старшій молодецъ больше молчалъ; но по выраженію глазъ видно было, что ему много понятно и близко изъ того, о чемъ заходила у нихъ рѣчь.

Кустаревъ нашелъ ихъ все за тѣмъ же питьемъ чая. Его уже предупредилъ портной насчетъ Благомирова. Но разговоръ не сразу пошелъ въ эту сторону. Гусеву надо было много „развить“. На очереди у него была одна рукопись, дошедшая до него изъ Москвы, гдѣ извѣстный вѣручитель излагалъ свое пониманіе праведной и разумной жизни. Гусева многое приводило въ смущеніе.

— Вы мнѣ, Евменій Филипповичъ, вотъ что скажите, — обратился онъ къ Кустареву: — какъ же это онъ вездѣ васъ, господъ ученыхъ, къ книжникамъ и фари́сеямъ приравниваетъ? А между прочимъ самъ изъ себя начетчика изображаетъ и мнитъ спасти весь родъ человѣческій. Ну, теперь, хоть бы васъ взять? Нешто ученость мѣшала вамъ душевнымъ человѣкомъ сдѣлаться? И какъ будто вся сласть — чуждой жить, да подъ заборъ удаляться, вмѣсто того, чтобы чистоплотность соблюдать?

Широкое лицо Гусева повела усмѣшка. Всѣ разсмѣялись, въ томъ числѣ и старшій молодецъ, и ему хозяинъ читалъ изъ рукописи московскаго вѣроучителя.

— Бунтъ противъ науки, — тихо выговорилъ Кустаревъ и началъ прихлебывать чай изъ стакана.

— А хоть бы и бунтъ! — спросилъ вслухъ Благомировъ, поднявъ голову и вопросительно поглядѣлъ на Кустарева. — Наука только передъ сытыми рабствуетъ и плодитъ всякій вредный вздоръ, служить гнуснѣйшему насилию и эксплуатаціи.

Ему захотѣлось такой именно вылазки противъ науки. Она отвѣчала на поднявшуюся въ немъ, по поводу свиданія съ Кустаревымъ, новую работу совѣсти.

Гусевъ взглянулъ на него бокомъ и тотчасъ же повернулъ голову въ сторону Кустарева.

— Вы, Евменій Филипповичъ, и благопріятеля моего на пути наставьте. У человѣка даръ Божій, голосъ на диво, и открывается возможность, никого не обижая на средства людей, которые готовы поддержать его, на время обученія, за границей, усовершенствоваться. И все онъ себя гложетъ и такъ, и этакъ, даже ко мнѣ, малосмысленному, совѣтоваться приходилъ. Я ему на васъ и указалъ

— Зачѣмъ же вы меня-то въ начетчики производите, дружище? — спросилъ Кустаревъ и весело тряхнулъ головой.

— Такъ будетъ ладно, и Ефимъ Никанорычъ васъ послушаетъ.

— Благоую часть изберете! — сказалъ Кустаревъ и откашлянулся.

Благомировъ поглядѣлъ на него вопросительно. Такого скорого рѣшенія онъ не ожидалъ отъ человѣка, какимъ понималъ Кустарева.

— Вы это въ серьезъ? — тихо промолвилъ онъ.

— Зря Евменій Филипповичъ ничего не говоритъ, — замѣтилъ, будто про себя, Гусевъ.

— Да помилуйте, милый человѣкъ, единственная область, гдѣ можно, по теперешнему времени, развить въ себѣ искру

Божію, это—искусство. Было время, мы всѣ значились въ отчаянныхъ утилитаристахъ. Умѣе стали. Голосъ вамъ дала природа. Развивайте его, пока еще не возбраняется. Это лучше чѣмъ поэтический даръ, талантъ писателя. Тѣ виды искусства—предательскіе; а тутъ—пой, какъ птица небесная!

По лицу Кустарева, когда онъ это говорилъ, пробѣгали нервныя струйки: можно было принять его слова и за иронию.

— То-есть,—перебилъ его Благомировъ,—вы это берете въ видѣ крайности. Коли ничѣмъ порядочнымъ заниматься нельзя?

— Нѣтъ, я искренно говорю.

— Однако, вы бы, небось, не пошли въ лицедѣи, объявись у васъ талантъ?

— Пошелъ бы! Честный человѣкъ, пошелъ бы!

Хозяинъ и его молодецъ слушали напряженно и чуть слышно переводили дыханіе.

— Врядъ ли!—вырвалось у Благомирова.

— Видите ли, Евменій Филипповичъ,—осторожно вступилъ въ разговоръ Гусевъ: — благопріятель-то мой... учителемъ сельскимъ, по доброй волѣ, состоялъ. Такъ вотъ это ему и кажется... какъ бы сказать... отъ своего кровнаго дѣла отступничество!

— Отчего же вы ушли изъ этого дѣла?—спросилъ Кустаревъ.—Навѣрно не по доброй волѣ?

— Не было возможности безъ подхалимства оставаться на этомъ посту.

— Вотъ видите! Вездѣ бьютъ, вездѣ подставляй одну щеку за другой подъ удары. Такъ какъ же не уйти въ такое дѣло, гдѣ вы, кромѣ наслажденія, никакого зла творить не будете? И наслажденіе это—не развращающее, а одно изъ высшихъ.

Тонъ у Кустарева зазвучалъ очень убѣжденно, но, быть можетъ, въ глубинѣ его души и притаились другія чувства и мысли. Ему жаль стало этого благообразнаго малаго, съ его „искрой Божіей“. Онъ тотчасъ уразумѣлъ, подъ вліяніемъ какихъ идей и знакомствъ пошелъ такой „басъ“ въ сельскіе учителя, увидѣлъ впередъ, что за судьба ждетъ его на пути народника интеллигента, исполняющаго, скрѣпя сердце, свой долгъ. Сколько ихъ прошло въ его памяти! Чѣмъ кончили? Или перебиваются, усталые, обозленные, или опустили въ захолустную тину.

— Слышите, Ефимъ Никанорычъ,—наставительно и почти нѣжно сказалъ Гусевъ.—Нечего, батюшка, отъ своего счастья отказываться. А ежели потомъ, вернувшись изъ Италіи, куши будете загребать, отъ васъ зависѣтъ будетъ: не забывать о собственной душѣ. Тогда, отъ большихъ достатковъ, удѣляйте кому

нужна подмога: студенту, мальчаку—на обученье, просто хорошему человѣку въ бѣдѣ.

— Правильно,—выговорилъ довольно громко старшій молодецъ и тряхнулъ волосами, послѣ чего уже не проронилъ ни слова.

И всѣ примолкли. Благомировъ хотѣлъ что-то возразить; но его удержала мысль, какъ бы это не показалось Кустареву однимъ „ломаньемъ“, рисовкой, чего онъ боялся пуще огня.

Обо многомъ еще поговорилъ бы онъ съ Кустаревымъ, да хозяину тоже хотѣлось завести опять разговоръ о разныхъ вопросахъ морали, какую онъ себѣ выработалъ и хотѣлъ практиковать до гробовой доски.

Успокоенный, Благомировъ оглянулъ ласковымъ взглядомъ весь столъ, закурилъ новую папиросу и почувствовалъ, что больше ему уже нечего колебаться, а надо брать то, что судьба посылаетъ. Такой человѣкъ, какъ Кустаревъ, зря ничего не скажетъ!

XXIV.

Когда Благомировъ вышелъ изъ квартиры портного Гусева, было уже около одиннадцати часовъ. Онъ бы посидѣлъ тамъ еще и послушалъ разсказовъ Кустарева о его хуторскомъ житиѣ и разныхъ каверзахъ, какими начали его тамъ донимать, но его ждали. Онъ далъ слово быть непременно у Доротеи Васильевны. Получи разговоръ о немъ у Гусева другой оборотъ—онъ, быть можетъ, прервалъ бы свои отношенія къ этой женщинѣ и отказался бы отъ поѣздки въ Италию.

Теперь все ему представлялось иначе.

„Нехорошо,—подумалъ онъ, когда вспомнилъ о томъ, кто и гдѣ его будетъ ждать,—неладно надуть ее. Хоть полчаса посижу. Попоемъ немножко“.

Она обѣдала въ гостяхъ и просила его зайти къ ней поздноѣ, къ одиннадцати. И, шагая по направленію къ Морской, онъ чувствовалъ большую легкость, подсмѣивался надъ своимъ недавнимъ самогрызеньемъ, сознавалъ въ себѣ свободную и самостоятельную личность. Вотъ онъ идетъ къ Доротей Васильевнѣ, будетъ съ ней сидѣть съ глазу на глазъ, въ полуночное время, и это его нисколько не смущаетъ. Все-таки она — женщина или дѣвица—какъ тамъ ни называй—и поддаваться онъ ей не намѣренъ. Сама она желаетъ быть съ нимъ на товарищеской ногѣ—и прекрасно; но глупо рыться въ своемъ нутрѣ, до-

пытываться: вполне ли это допустимо для человѣка съ строгими принципами принимать денежную поддержку богатыхъ меценатовъ черезъ посредство красивой барышни, выказывающей ему интересъ?

До сихъ поръ онъ уходилъ отъ соблазна и притягательной силы женской красоты, страсти или кокетства. Онъ не могъ не видѣть, какъ его наружность дѣйствуетъ на женщинъ; но это не мѣшало ему быть съ ними по-просту, какъ съ мужчинами. Въ Карусь онъ впервые встрѣтилъ нѣчто „махровое“, какъ онъ выражался, сочетание блеска съ темпераментомъ.

„А все-таки она бабенка“, — повторялъ онъ, ускорая шагъ по опустѣлой улицѣ, облитой сизымъ электрическимъ свѣтомъ. И онъ зналъ впередъ, что, войдя къ ней, нисколько не поцеремонится, если она предложитъ ему что-нибудь закусить, послѣ музицированья. У портного чай былъ безъ ѣды; а къ полуночи Благомирову всегда хотѣлось ѣсть.

Его ждали. Когда онъ вдвинулъ свою долгую фигуру въ темную переднюю, изъ садона вибрирующей, низковатый голосъ спросилъ:

— Это вы, Благомировъ?

Она уже звала его такъ, по фамиліи, и это ему нравилось.

— Я-съ, Доротея Васильевна, собственной персоной.

Съ нею онъ говорилъ своимъ обычнымъ языкомъ.

— Входите, входите! Спасибо, что сдержали слово.

Ея голосъ особенно звонко раздавался по засвѣтившейся комнатѣ. Голосъ этотъ не производилъ въ нервахъ Благомирова такого гипноза, какъ во всемъ существѣ Гремущина. Но и на него онъ начиналъ дѣйствовать въ родѣ веселящаго газа.

Въ дверяхъ онъ остановился и снималъ съ себя шарфъ, который началъ носить по совѣту Андреоли. Свѣтъ пяти свѣчей канделябра, у правой стѣны, падалъ на голову и бюстъ Доротеи Васильевны. Она стояла съ флакономъ душистой воды и пускала вокругъ себя водяную пыль. Руки ея были совсѣмъ обнажены, до плечъ, высвобождены изъ фланелеваго розоватаго пеньюара съ откинутыми назадъ рукавами и открытой шеей. Волосы она перехватила золотой брошкой на затылкѣ и пустила по спинѣ, густою волной.

— Ухъ, какъ благовонно!

Онъ потянулъ въ себя воздухъ и зажмурилъ глаза.

— Какъ называется? — спросилъ онъ, кладя шапку съ шарфомъ на подзеркальникъ.

— Не знаю!.. Кажется... царская вода. Ну, здравствуйте. Вы со мной хорошенъко и поздороваться не хотите.

Она поставила флаконъ на рояль и протянула ему обѣ руки, ей одной знакомымъ жестомъ, и подалась впередъ бюстомъ и головой.

Вся она была, въ эту минуту, такъ близка къ Благомирову, что онъ сдѣлалъ невольное движеніе назадъ.

— Вы какъ хотите, Благомировъ: сейчасъ пропѣть эту новую вещь—мнѣ ее прислали вчера—или мы сначала поѣдимъ? Вы не голодны?

— Небось знаете, что у меня всегда есть аппетитъ?—добродушно спросилъ онъ и бросилъ взглядъ на круглый столикъ, гдѣ уже стояло серебряное блюдо съ холоднымъ мясомъ, вазочка съ зернистой икрой и какое-то питье изъ бѣлаго вина въ большомъ кувшинѣ.

— Такъ какъ же? Я тоже проголодалась.

— Не препятствую,—выговорилъ Благомировъ.

Ему не хотѣлось разбирать ноты. За ѣдой онъ будетъ чувствовать себя еще свободнѣе. Вина въ кувшинѣ онъ не боялся. Голоса онъ ни въ какомъ случаѣ не потеряетъ, если она и станетъ ему подливать.

Народникъ и семинаристъ живутъ еще въ немъ. Искусство онъ не отвергаетъ, находитъ такое отрицаніе глупымъ, но и на сценѣ онъ не загубитъ своей души. Много еще встрѣтитъ красивыхъ бабенокъ, у профессоровъ тамъ, въ Миланѣ, а потомъ, въ труппахъ, за границей и въ Россіи.

За ужиномъ они говорили мало. Глаза Доротен Васильевны мѣняли часто выраженіе. Будь Благомировъ опытнѣе, онъ замѣтилъ бы, что она сдерживаетъ себя, что по всему ея существу пробѣгаетъ нервная дрожь, а онъ между тѣмъ, самъ не желая того, точно съ умысломъ, игралъ роль самаго опытнаго соблазнителя.

— Вы,—выговорила она,—все еще дичитесь?

— Я?—громко прогудѣлъ онъ и разсмѣялся.—Ни! Боже мой! Чувствую себя совершенно въ своей тарелкѣ!

Она ничего не отвѣтила и подлила ему искристаго вина.

П. БОВОРЫКИНЪ.

НОВАЯ ФАНТАЗІЯ

НА

СТАРУЮ ТЕМУ

- Looking backward 2000—1887, by *Edward Bellamy*. London 1889. 18-е издание.
— The Cooperative Commonwealth in its Outlines, by *Laurence Gronlund*.
English edition, 1886.
-

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на свѣтѣ людское горе и недовольство судьбой, т.-е. съ незапамятныхъ временъ, у человѣка всегда замѣчается стремленіе помечтать о возможности лучшей участи, о болѣе счастливой жизни, о благоденствіи всѣхъ людей, о „молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ“, о которыхъ нашъ русскій народъ такъ любитъ вспоминать въ своихъ преданіяхъ и сказкахъ.

Мечты эти, смотря, конечно, по народу и времени, принимаютъ весьма различный характеръ: иногда онѣ направляются къ прошедшему, какъ память объ утраченномъ эдемѣ, объ отдаленномъ золотомъ вѣкѣ человѣчества; иногда же, — и чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ чаще, — мечтанія эти переносятся на будущее, какъ идеалъ для современниковъ и картина желаннаго лучшаго устройства всего народнаго быта. Само собою разумѣется, что противопоставленіе этого прекраснаго будущаго неудовлетворительному настоящему является для послѣдняго времени изобличеніемъ, сатирой *per se*, и этотъ критическій элементъ играетъ вообще довольно важную роль во всѣхъ подобныхъ мс-

чтаніяхъ и фантазіяхъ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ человѣческаго ума въ этомъ родѣ критика существующихъ условій (переходящая прямо въ сатиру или иногда въ фарсъ) получаетъ даже преобладающее мѣсто, какъ въ знаменитомъ *Путешествіи Гулливера*, Свифта, или мало извѣстномъ старинномъ произведеніи того же типа (XVI-го вѣка) Джозефа Галля ¹⁾. Понятно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ положительное значеніе такого произведенія почти утрачивается и остается лишь болѣе или менѣе любопытный образчикъ критики нравовъ и быта современнаго автору общества.

Гораздо болѣе глубокое и разностороннее значеніе имѣютъ такіа мечтанія (въ какой бы формѣ и одеждѣ они ни появлялись на свѣтѣ), какъ *Государство* греческаго философа Платона, *Жизнь Ликурга* историка Плутарха или *Утопія* знаменитаго англійскаго государственнаго дѣятеля и ученаго Томаса Мора, *Новая Атлантида* не менѣе знаменитаго Бэкона, *Civitas Solis* (*Государство Солнца*) итальянскаго ученаго монаха и патріота Кампанеллы и нѣкоторыя новѣйшія произведенія, написанныя въ томъ же родѣ, хотя слабѣе первыхъ или одностороннѣе и уже (*Путешествіе въ Икарію* Кабэ, *Грядущее племя* лорда Литтона и др.). Въ этихъ твореніяхъ, на ряду съ непосредственной или косвенной критикой современныхъ учреждений, приводятся положительные идеалы автора и его эпохи: чѣмъ болѣе данное время, чѣмъ составляло злобу дня и въ чемъ видѣли исходъ или спасеніе отъ удручавшихъ бѣдствій. При этомъ, смотря по индивидуальности автора, главное мѣсто въ его мечтаніяхъ, какъ и критикѣ, отводится или экономическому существованію и реформамъ (Томасъ Моръ, Кабэ), или государственному устройству (Платонъ и Плутархъ), или развитію и значенію науки и культуры (Бэконъ), или, наконецъ, описанію общественнаго быта будущаго человѣчества (Литтонъ). Значительная часть взглядовъ автора сливается съ воззрѣніями его эпохи и того класса народа, къ которому онъ принадлежитъ, почему на нихъ и можно смотрѣть часто лишь какъ на выраженіе господствующихъ мнѣній по данному вопросу такой-то эпохи. Но весьма нерѣдко, однакожъ, выступаютъ на сцену чисто-личныя воззрѣнія автора, безъ сомнѣнія не раздѣляемыя никѣмъ, или почти никѣмъ изъ его современниковъ; иногда авторъ, такъ сказать, въ своихъ мечтаніяхъ опережаетъ далеко свой вѣкъ и оставляетъ его позади себя.

¹⁾ См. Hall's „Mundus alter et idem“, въ *Morley's Universal Library*, № 23: „Ideal Commonwealths“. London, 1889.

Въ началѣ XVI-го вѣка, когда жилъ Томасъ Моръ, едва ли кто думалъ въ Англіи объ уничтоженіи смертной казни, существующей тамъ и донинѣ, — между тѣмъ въ своемъ фантастическомъ государствѣ *Утопіи* Моръ почти изгоняетъ уже это наказаніе изъ уголовного кодекса страны, за весьма рѣдкими исключеніями (для рабовъ), и это въ то самое время, когда въ его отечествѣ вѣшали людей за простое воровство!..

Еще меньше современники Мора могли думать о націонализациі земли, составляющей злобу лишь настоящаго дня въ Англіи (съ легкой руки Генри Джорджа), и между тѣмъ въ своихъ мечтаніяхъ Моръ устроилъ *Утопію* лишь съ государственной земельною собственностью, и всѣ земледѣльцы, какъ и горожане, смотрятъ на себя поѣтому лишь какъ на временныхъ владѣльцевъ или только пользующихся землею!..

Какимъ значительнымъ, однако, ни является различіе между воззрѣніями современниковъ Мора и Бэкона, т.-е. англійскаго общества XVI-го и XVII-го вѣка, и взглядами и стремленіями нашего времени, оно покажется сравнительно совершенно ничтожнымъ, если сопоставить за эти періоды успѣхи техники и механики. Многія мечтанія, въ этой области, означенныхъ писателей, — мечтанія совершенно „утопическія“ для ихъ современниковъ, — оправдались и осуществились въ наши дни вполне блистательно. Такъ, Томасъ Моръ въ своей фантастической *Утопіи* помѣщаетъ новую отрасль сельскаго хозяйства — разведеніе цыплятъ безъ насѣдокъ, съ помощью тепла, т.-е. искусственное разведеніе ихъ, столь распространенное лишь въ настоящее время; Бэконъ, который въ своей фантазіи, *Новой Атлантидѣ*, вообще отвелъ много мѣста описанію будущаго прогресса культуры, силой своего логическаго ума предвидѣлъ или предусмотрѣлъ цѣлый рядъ великихъ техническихъ изобрѣтеній, которыми справедливо гордятся XVIII-й и XIX-й вѣка. У него можно найти не только указанія на имѣющее быть изобрѣтеніе новыхъ двигателей, дотолѣ неизвѣстныхъ, но довольно ясный намекъ именно на желѣзныя дороги, на воздушные шары, передачу звука на большія разстоянія (телеграфъ и телефонъ) и даже передачу человѣческаго голоса въ ящикахъ (фонографъ) и т. д. ¹⁾.

Такимъ образомъ, оказывается, что многое изъ фантазій мудрецовъ XVI-го и XVII вѣковъ далеко не является сплошною выдумкой, а сбывается и изъ царства фантазіи переходитъ въ

¹⁾ См. Morley's *Universal Library*: „Ideal Commonwealths“. *Utopia*, стр. 91, и *New Atlantis*, стр. 209—210.

дѣйствительную жизнь, становясь общимъ достояніемъ и благомъ всѣхъ людей: очевидно, что степень осуществимости такихъ фантазій всецѣло зависитъ и опредѣляется обширностью ума и размѣрами знаній ихъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе, при наличности этихъ условий, у Мора и Бэкона остается одна крупная область (и едва ли не самая важная) всѣхъ ихъ мечтаній, до сихъ поръ почти не подвинувшаяся впередъ и, повидимому, далекая отъ осуществленія: какъ нищета и бѣдность со всѣми страданіями, ихъ сопровождающими, давили людской родъ въ XVI и XVII в., такъ гнетутъ и теперь, а по увѣренію многихъ экономистовъ — даже въ болѣе степени. Формы и причины нищеты съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ измѣнились, но сущность ея, т.-е. бѣдствія — остаются тѣ же самыя и одинаково горько оплакиваются человѣчествомъ. Если Томасъ Моръ въ своей *Utopia* жалуется на страшную бѣдность англійскаго народа и на то, что „овцы“, по его выраженію, „пожирали людей“, намекая тѣмъ на распространенное тогда такъ-называемое „огораживаніе (enclosures) полей землевладѣльцами и замѣну земледѣлія овцеводствомъ, то теперешній пауперизмъ многихъ представителей той же націи вызываетъ не меньшее количество жалобъ на конкуренцію, стачки, промышленные кризисы и тому подобныя явленія современной индустріальной системы. Одинаково неутѣшительное положеніе народа производить, наконецъ, и одинаковыя послѣдствія: начинаются или, точнѣе, продолжаются и фантастическіе поиски за лучшимъ будущимъ; на смѣну старыхъ фантазій объ этомъ эдемѣ являются новыя.

Образцомъ такихъ-то новыхъ фантазій и могутъ служить двѣ американскія книги, выставленныя нами въ заглавіи. Онѣ появились за послѣдніе годы и пользуются значительнымъ успѣхомъ, какъ можно о томъ судить по числу ихъ изданій въ Америкѣ и Англии. Книги принадлежатъ разнымъ авторамъ; появленіе ихъ на свѣтъ раздѣлено тремя годами и, наконецъ, самая форма изложенія ихъ идей различна: одинъ изъ этихъ писателей, Гронлѣндъ, передаетъ свою фантазію о будущемъ человѣчествѣ въ формѣ экономического изслѣдованія, начиная его съ изложенія сущности ученія Карла Маркса и его послѣдователей; другой, Беллами, небезызвѣстный американской публикѣ романистъ, напротивъ, облачаетъ свою фантазію въ беллетристическую форму и развиваетъ ее передъ читателемъ въ видѣ разсказа, который ведется отъ главнаго дѣйствующаго лица — Юліана Веста, гражданина города Бостона (въ Массачусетсѣ), въ XXI столѣтіи ¹⁾.

¹⁾ Изъ прежнихъ романовъ Беллами укажемъ на два: *D-r Heidenhoff's Process*. New-York, 1880, и *Miss Ludington's Sister*. Boston, 1884.

При всемъ внѣшнемъ различіи, однако, эти два произведенія тѣсно связаны другъ съ другомъ какъ содержаніемъ, такъ и цѣлью, и первое изъ нихъ немыслимо безъ второго: беллетристъ Беллами взялъ канву для своей картины будущаго цѣликомъ у экономиста Гронлѣнда; измѣненія весьма незначительныя и больше касаются подробностей плана. Естественно, въ романѣ пришлось по необходимости кое-что добавить для характеристики будущаго человечества, что не укладывалось въ рамки экономического очерка, и попытаться отвѣтить на такіе вопросы, которые у Гронлѣнда обойдены молчаніемъ, и наоборотъ. Обѣ книги, наконецъ, служатъ одной и той же цѣли—изобразить экономическій и общественный бытъ будущаго человечества въ томъ видѣ, какимъ онъ долженъ сдѣлаться по законамъ эволюціи и какъ ихъ понимаютъ американскіе и англійскіе послѣдователи Маркса.

Было бы бесполезно повторять всѣмъ извѣстное правило, что знакомство съ заблужденіями человѣческаго ума можетъ быть не менѣе любопытно и поучительно, какъ и изученіе положительныхъ истинъ. Поэтому означенныя произведенія заслуживаютъ полнаго вниманія русской публики, несмотря на фантастичность и часто странность ихъ содержанія: изъ нихъ можно узнать не только отношеніе довольно теперь многочисленной партіи американскаго и англійскаго народа къ условіямъ современнаго экономического быта, но ознакомиться съ ихъ настоящими идеалами общественнаго устройства. Успѣхъ книгъ, особенно разсказа Беллами, менѣе чѣмъ въ два года выдержавшаго 18 изданій ¹⁾, показываетъ, что эти идеи находятъ въ англо-саксонской расѣ свою значительную аудиторію и сочувственный откликъ. Человѣку, начавшему критически и отрицательно относиться къ окружающему его быту, всегда нравятся мечтанія о болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ, когда все нежелательное и, по его взгляду, дурное исчезнетъ и на смѣну тьмѣ явится свѣтъ, т.-е. воцарится общее довольство, благоденствіе и благополучіе. Если подобнымъ мечтамъ никогда не суждено осуществиться и перейти въ дѣйствительность, то, во всякомъ случаѣ, на основаніи ихъ мы можемъ судить, чего именно писатель и его поклонники желаютъ для народа, какія перемѣны его быта находятъ необходимыми и, затѣмъ, въ какомъ именно направленіи, по ихъ мнѣнію, эти реформы должны совершаться. Ежели при этомъ не ограничиться

¹⁾ Такъ обозначено на лондонскомъ изданіи, какимъ мы пользовались; на американскомъ же стоитъ: „64 тысячи“. По новѣйшимъ же извѣстіямъ (октябрь 1889 г.), въ одной лишь Америкѣ продано болѣе 100.000 экземпляровъ этого романа преимущественно въ дешевомъ, народномъ изданіи (in paper covers).

однимъ періодомъ исторіи, а взять и сравнить подобныя фантазіи за разное, болѣе или менѣе, отдаленное время, напр. XVI или XVII вѣкъ, и сопоставить его съ XIX столѣтіемъ, то, разумѣется, результаты могутъ получиться еще интереснѣе и поучительнѣе: мы можемъ узнать изъ нихъ, чего желало и къ чему стремилось человѣчество въ лицѣ одного изъ своихъ видныхъ представителей (въ родѣ Томаса Мора или Бэкона) триста лѣтъ тому назадъ, что считалось тогда человѣческимъ счастіемъ и чего, наконецъ, хотѣть для блага народа представители той же расы (напримѣръ, Беллами и Гронлѣндъ) теперь, въ наши дни, и что называютъ они народнымъ благополучіемъ?.. Въ чемъ, наконецъ, заключается сходство и различіе идеаловъ, положенное рукой самого времени?..

Сдѣлаемъ именно попытку отвѣтить посылно на такіе вопросы и, притомъ, ограничимся для своихъ сравнительныхъ параллелей, изъ старыхъ писателей этого рода—однимъ Т. Моромъ съ его *Утопией*, а изъ новѣйшихъ — упомянутымъ произведеніемъ Беллами: *Взглядъ назадъ 2000—1887*. Попытаемся опредѣлить, такимъ образомъ, идеалы народнаго экономическаго быта по воззрѣніямъ двухъ мечтателей: великобританскаго канцлера XVI в., сложившаго голову на плахѣ за стойкость своихъ убѣжденій, и современнаго намъ американскаго романиста, который начитался Генри Джорджа, Гронлѣнда и другихъ американскихъ экономистовъ той же партіи, а можетъ быть и самого Маркса, и удачно воспользовался данною темой для своего новаго произведенія.

Начнемъ съ содержанія разсказа Беллами, притомъ, въ виду несомнѣнной родственности и преемственности его воззрѣній отъ Гронлѣнда, не прибѣгая къ отдѣльному изложенію книги послѣдняго, мы будемъ пополнять нашъ пересказъ выдержками и объясненіями, взятыми у Гронлѣнда, гдѣ только сочтемъ это нужнымъ для наилучшей иллюстраціи ихъ общихъ мнѣній о будущихъ судьбахъ человѣчества. Затѣмъ напомнимъ читателямъ содержаніе *Утопи* Мора и въ заключеніе сдѣлаемъ сравненіе обѣихъ фантазій этихъ писателей, столь отдаленныхъ другъ отъ друга не только временемъ, но и своимъ общественнымъ положеніемъ, а также многими своими убѣжденіями.

I.

Фабула повѣсти Беллами отнюдь не блещетъ остроуміемъ, но, разумѣется, не въ ней и дѣло: форма повѣствовательная избрана лишь для того, чтобы сдѣлать его фантазію о будущемъ

человѣчества болѣе популярной, и цѣль вполне достигнута, какъ это доказывается быстрымъ распространеніемъ книги и 18 изданіями за періодъ менѣе двухъ лѣтъ. Въ прежнихъ произведеніяхъ автора, вышеуказанныхъ, у него замѣчается стремленіе вводить явленія магнетизма, месмеризма или гипнотизма въ рамки своего разсказа: то же повторяется и въ его новой книгѣ. Содержаніе фабулы таково: молодой человѣкъ, Юліанъ Вестъ—житель города Бостона въ Соединенныхъ Штатахъ, обладающій значительнымъ состояніемъ и независимымъ положеніемъ, собирается вступить въ бракъ съ предметомъ своей любви, дѣвицей Эдиєю Бартлетъ, принадлежащей по своему происхожденію также къ аристократіи города Бостона. Единственной помѣхой скорому исполненію ихъ желаній является постройка новаго дома, куда Вестъ хочетъ непременно ввести свою будущую молодую жену; задержку же постройки причиняютъ непрерывныя стачки рабочихъ различныхъ отраслей труда, столь многочисленныя въ 1887 году. Временно Вестъ проживаетъ въ старинномъ родительскомъ домѣ, и совершенно уединенно—вдвоемъ съ слугой; его спальня, въ виду нервозности и бессонницы, которой онъ подверженъ, помѣщается въ подземномъ этажѣ и отдѣляется сводомъ и желѣзными дверьми отъ остального дома. Это страданіе бессонницей, которое онъ тщательно скрываетъ отъ всѣхъ и даже отъ своей невѣсты, доходитъ, наконецъ, до такихъ предѣловъ, что Вестъ вынужденъ по временамъ прибѣгать къ помощи нѣкоего доктора-магнетизера и засыпаетъ лишь послѣ его пассовъ. 30-го мая 1887 года, измученный болѣе обыкновеннаго тревогами о своемъ недостроенномъ домѣ и озлобленный болѣе обыкновеннаго противъ рабочихъ, которые своими вѣчными стачками невольно отдаютъ его медовый мѣсяцъ, Вестъ послѣдній разъ обращается къ помощи доктора Пилльсбюри, „профессора животнаго магнетизма“, который въ эту же ночь покидаетъ Бостонъ, переселяясь въ другое мѣсто страны...

Здѣсь начинается довольно неуклюжая небывальщина, безъ помощи которой авторъ, мнѣ кажется, могъ бы легко обойтись для цѣлей своего произведенія.

Усыпленный, нужно полагать, очень крѣпко и отдѣленный отъ всего міра каменными сводами и желѣзными дверьми, Вестъ не чувствуетъ и не сознаетъ, что происходитъ наверху, надъ его головой. Между тѣмъ, какъ можно догадываться, происходить слѣдующее: старый домъ въ ту же ночь сгорѣлъ, а съ нимъ погибаетъ и единственный слуга Веста, знавшій, гдѣ находится его господинъ и въ какомъ положеніи. Оба они, такимъ

образомъ, считаются погибшими въ пожарѣ, и невѣста, оплакавши предполагаемую кончину своего жениха, утѣшается, однако, и выходитъ черезъ нѣсколько лѣтъ замужъ за другого. По разнымъ причинамъ мѣсто, гдѣ находился домъ Веста, остается пусыремъ, а затѣмъ превращается въ садъ.

Проходитъ 113 лѣтъ: въ 2000 году въ томъ же Бостонѣ и почти на мѣстѣ бывшаго когда-то дома Веста проживаетъ нѣкто докторъ Литъ (Leete) съ супругой и взрослой дочерью. Однажды, устроивая у себя въ саду лабораторію, докторъ, или точнѣе его дочь, случайно подъ слоемъ земли и пепла открываютъ слѣды стариннаго свода; побуждаемые любопытствомъ, они производятъ раскопку и послѣ немалыхъ трудовъ открываютъ подземную комнату Веста и находятъ его самого, спящаго въ томъ же самомъ непробудномъ гипнотическомъ снѣ. Такъ какъ, благодаря такому сну, всѣ жизненныя отправленія остановились, то Вестъ оказывается и черезъ сотню слишкомъ лѣтъ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ и тѣхъ же, по наружности, 30 лѣтъ отъ роду (!!); затѣмъ, послѣ продолжительныхъ медицинскихъ усилій доктора Литъ, слѣдуетъ пробужденіе Веста отъ его вѣкового сна; довольно картинно при этомъ описываются чествованія, которыя испытываетъ герой разсказа, такъ неожиданно и диковинно очутившійся среди своихъ потомковъ въ 2000 году.. Далѣе, онъ знакомится съ Бостономъ начала ХХІ вѣка, его порядками и обычаями и постепенно съ ними свыкается; изъ разсказовъ и объясненій главнѣйшимъ образомъ доктора Литъ онъ узнаетъ громадныя общественныя перемѣны, происшедшія въ теченіе его столѣтняго сна; послѣ большихъ споровъ и колебаній онъ скоро, однако, осваивается съ новыми воззрѣніями и, видя ихъ преимущества, перерождается духовно, отказываясь отъ многихъ дорогихъ ему когда-то, въ ХІХ вѣкѣ, взглядовъ. Подъ вліяніемъ всего окружающаго, эта душевная перемѣна была такъ велика, что когда во снѣ Вестъ видитъ себя вновь посреди общества ХІХ вѣка съ его порядками и предубѣжденіями, слышитъ привычныя разговоры и подвергается общему осужденію за свои вновь усвоенныя взгляды, то съ ужасомъ просыпается и благословляетъ небо, что онъ живетъ уже въ 2000 году, а не въ варварскія, невѣжественныя времена ХІХ столѣтія, „когда человѣкъ пожиралъ человѣка!“ Естественно для повѣсти, хотя даже и фантастической, что новая жизнь Веста въ ХХІ вѣкѣ сопровождается и новою любовью, и страсть къ Эдионъ Литъ заставляеть, увы! скоро забыть ея прабабушку, Эдионъ Барлетъ...

Вотъ и вся незатѣйливая канва повѣсти „Взглядъ назадъ“,

на которой выткана фантазіей американскаго писателя широкая картина общественнаго устройства будущаго человѣчества. Къ описанію ея мы и перейдемъ теперь прямо, не стѣсняясь порядкомъ изложенія и измѣнивши форму діалоговъ на простой пересказъ ея содержанія.

Самое рѣзкое различіе, фантазируетъ Беллами, между общественнымъ бытомъ ХХІ и ХІХ столѣтій должно заключаться въ степени матеріальнаго благосостоянія народа: его герой Вестъ въ 2000 году наиболѣе всего поражается именно отсутствіемъ бѣдности и общимъ экономическимъ прогрессомъ. Такъ-называемаго социальнаго или рабочаго вопроса, который въ такой степени овабочиваетъ государственныхъ людей нашего времени, въ ХХІ вѣкѣ уже не существуетъ: онъ будетъ предварительно разрѣшенъ, и притомъ безъ всякихъ потрясеній, мирнымъ процессомъ эволюціи... Вся вторая половина ХІХ вѣка характеризуется въ экономическомъ отношеніи двумя однородными чертами: рабочіе классы во всѣхъ видахъ промышленнаго труда стремятся къ соединенію въ союзы съ цѣлью наиболѣе успѣшной защиты своихъ интересовъ въ борьбѣ съ представителями капитала. Единичный рабочій бываетъ такъ слабъ въ этой борьбѣ, что непременно гибнетъ и даетъ лишь урокъ пережившимъ его въ необходимости дѣйствовать соединенными силами: старая Европа и Соединенные Штаты сплошь отличаются во второй половинѣ ХІХ вѣка своими волненіями, несогласіями и стачками среди рабочихъ. Съ другой стороны, тотъ же процессъ совершается и между капиталистами: они также соединяются въ союзы, сливаютъ свои усилія и капиталы и, уничтожая мелкихъ конкурентовъ во всѣхъ областяхъ промышленности и торговли, стремятся къ монополизациі. Лозунгомъ времени является сосредоточеніе капитала во всѣхъ видахъ занятій: лишь крупный капиталъ выдерживаетъ успѣшно борьбу и даетъ удовлетворительный доходъ; малый же безсильно гибнетъ, если не поспѣшитъ соединиться съ другими подобными себѣ. Противъ стачекъ и союзовъ рабочихъ являются стачки (lock out) предпринимателей и разнородные союзы капиталистовъ, носящіе названіе синдикатовъ, trusts, pools, и одинаково направленные противъ интересовъ потребителей... Малое хозяйство постепенно уступаетъ повсюду мѣсто большому, малое (ремесленное или кустарное) производство—крупному (фабричному) производству; гигантскіе многоэтажные базары и колоссальные магазины, напр. въ родѣ знаменитыхъ парижскихъ Magasins du Louvre, Au Bon Marché и пр., замѣняютъ собой постепенно безчисленное множество мелочныхъ лавочекъ и мага-

зиновъ, превращая самостоятельныхъ прежде торговцевъ въ своихъ *comptis* и приказчиковъ, точь-въ-точь какъ фабрики продѣлываютъ то же самое съ кустарями и иными мелкими производителями... Сосредоточеніе промышленныхъ предпріятій подтверждается всѣми статистическими изслѣдованіями новѣйшаго времени и особенно данными послѣдняго ценса Сѣверо-американскихъ Штатовъ за послѣднее десятилѣтіе: хотя число рабочихъ и обороты значительно выросли, число промышленныхъ заведеній осталось почти то же самое, что и прежде. Цѣлый рядъ крупныхъ предпріятій сливается и принадлежитъ немногимъ синдикатамъ. Все обширное, напр., добываніе антрацита въ Пенсильваніи принадлежитъ уже 4 компаніямъ, которыя грозятъ завтра слиться, какъ это уже сдѣлали общества нефтяного производства, превратившіяся нынѣ въ одну компанію *Standard Oil Company*, и то же сдѣлали нѣкоторые желѣзно-дорожныя, страховыя, горныя и многія иныя предпріятія. Всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, общества и самого государства постоянно оказывались тщетны, ибо въ корнѣ этого великаго, хотя и тягостнаго, процесса лежитъ экономическое оправданіе. Соединеніе предпріятій, какъ и сліаніе капиталовъ, ведетъ за собой чрезвычайное возрастаніе интенсивности этихъ предпріятій, т. е ихъ производительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ удешевленіе продуктовъ и выгоды сокращенныхъ издержекъ управленія ¹⁾.

Но пока происходитъ этотъ процессъ сліанія, онъ болѣзненно отражается и чувствуется на всемъ народномъ организмѣ: рабочіе, благодаря монополіи, получаютъ меньшее жалованье, а потребители платятъ возвышенную цѣну за продукты. Возвращеніе къ старому порядку—самостоятельнаго существованія мелкихъ капиталовъ и мелкихъ предпріятій—по указаннымъ причинамъ невозможно иначе какъ цѣной общаго обѣднѣнія и задержки матеріальнаго прогресса. Съ другой стороны, невозможно и продолженіе индустріальной системы при существованіи немногихъ монопольныхъ синдикатовъ, замѣнившихъ собой многочисленные прежде промышленныя предпріятія всякаго рода. На сцену выдвигается, такимъ образомъ, новый вопросъ: какимъ образомъ, сохраняя принципъ могучей производительности консолидированнаго капитала, въ то же самое время спасти себя отъ вредныхъ послѣдствій частной монополіи? Отвѣтъ является дальнѣйшимъ логическимъ выводомъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ, въ силу эволюціи, изъ всего предшествовавшего экономическаго

¹⁾ См. одинаково Bellamy, стр. 42, и Gronlund'a, стр. 62 и далѣе.

процесса. Если ни уничтожить, ни даже серьезно задержать сосредоточеніе капитала невозможно, да и нежелательно, если вредныя стороны процесса обусловливаются односторонними, узко-понимаемыми интересами владѣльцевъ комбинированнаго капитала, то очевидно, что необходимо пресѣчь зло въ корнѣ, т.-е. всѣхъ членовъ общества сдѣлать такими же владѣльцами капитала. Государство есть органическій союзъ людей, безусловно необходимый для общаго блага, а потому естественнымъ выходомъ изъ описаннаго затрудненія является такая комбинація: на мѣсто нѣсколькихъ безотвѣтственныхъ промышленно-торговыхъ союзовъ и синдикатовъ частныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ однихъ лишь интересахъ сочленовъ, образуется одинъ громадный синдикатъ, которому они и сдаютъ свои капиталы и функціи.

Этотъ новый *единый синдикатъ*,—фантазируютъ Беллами и Гронлѣндъ,—будетъ представлять весь народъ и будетъ вестись въ общихъ интересахъ и для общаго блага его довѣреннымъ—государственной властью. Однимъ словомъ, всѣ союзы сольются или проглотятся однимъ союзомъ—государствомъ, къ которому перейдетъ вся собственность и вся экономическая дѣятельность народа; государство сдѣлается единымъ капиталистомъ на мѣсто всѣхъ другихъ хозяевъ. Государство, наконецъ, сдѣлается единою монополіей, взаимнѣ всѣхъ предшествовавшихъ меньшихъ монополій, имъ поглощенныхъ, но въ барышахъ которой участвуютъ уже всѣ безразлично граждане, а не одна лишь часть ихъ, какъ прежде.

Эта великая метаморфоза, по мнѣнію американскихъ мечтателей, совершится вполне спокойно, безъ всякихъ насилій, въ силу естественныхъ законовъ эволюціи. Уже въ XIX вѣкѣ въ рукахъ государства сосредоточился цѣлый рядъ функцій, принадлежавшій раньше частнымъ лицамъ, и о тѣхъ временахъ уже успѣли забыть. Столь важное орудіе цивилизаціи, какъ *почта*, была сравнительно недавно еще частнымъ учрежденіемъ, ради узко-корпоративныхъ цѣлей; таможенные пошлины и многіе другіе налоги въ средніе вѣка сплошь находились на частномъ откупѣ; даже самое правосудіе,—утверждаютъ историки-юристы,—было когда-то въ частныхъ рукахъ, а судебныя пошлины развились изъ приношеній (*sporteln*), платимыхъ судьямъ. Современный міръ забылъ обо всемъ этомъ, и забылъ именно потому, что государство гораздо лучше исполняетъ свои новыя обязанности, нежели онѣ исполнялись когда-то частными лицами. Государственная дѣятельность растетъ и ширится во всѣхъ направле- нійхъ, и ничто не можетъ задержать ея могучій ходъ: достаточно

для этого взглянуть на характеръ законодательной дѣятельности любого изъ культурныхъ государствъ за послѣднюю четверть вѣка: старая Европа, въ данномъ случаѣ, не только не уступаетъ юной Америкѣ, но даже опережаетъ ее принципиально въ лицѣ хотя бы князя Бисмарка съ его социальными реформами.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ никто бы не повѣрилъ, что большое государство можетъ взять на себя заботу не только о больныхъ и увѣчныхъ рабочихъ, но и объ обезпеченіи участи всѣхъ престарѣлыхъ тружениковъ, и однако это осуществилось во-очію. Точно также опытъ сліянія многихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій научилъ людей выгоды этого рода союзовъ и подготовилъ почву къ націонализациі всей промышленности въ широкомъ смыслѣ. Блага этой будущей государственно-кооперативной системы народнаго хозяйства, сравнительно съ настоящимъ, неисчислимы, по утверженію Гронлѣнда. Онѣ заключаются, прежде всего, въ чрезвычайномъ и разнообразномъ сбереженіи производства — въ жилищахъ, орудіяхъ и матеріалахъ, далѣе — въ уменьшеніи всякаго риска и кризисовъ и, наконецъ, въ уничтоженіи, при новой системѣ, массы теперешнихъ посредниковъ разнаго рода (мелкихъ торговцевъ, комиссіонеровъ и пр.), ненужныхъ болѣе при сосредоточеніи всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ функцій въ рукахъ одного государства ¹⁾.

Съ переходомъ въ руки правительства или подъ коллективный контроль всѣхъ орудій производства, разумѣется, должна совершенно измѣниться и организація самаго труда. Народъ уже давно успѣлъ привыкнуть къ мысли, что каждый физически способный гражданинъ обязанъ жертвовать своимъ трудомъ и даже кровью на защиту отечества, и что эта жертва составляетъ долгъ всеобщій, и равный, и справедливый. Военская повинность не только послужила первообразомъ, но прямо подготовила почву для промышленнаго строя будущаго человѣчества. Новая народная организація труда явилась разрѣшеніемъ рабочаго вопроса, столько лѣтъ неразрѣшимаго. Когда, наконецъ, государство, согласно описанной выше фантазіи, сдѣлалось единственнымъ предпринимателемъ, то всѣ граждане превратились въ рабочихъ этого предпринимателя, трудъ которыхъ распределяется сообразно нуждамъ промышленности. Какъ военская повинность была обязательно службой государству или странѣ, такою же долженъ стать въ XIX вѣкѣ промышленный трудъ всякаго гражданина: каждый человѣкъ обязанъ, соразмѣрно своимъ силамъ и способ-

¹⁾ *Gronlund, The Cooperative Commonwealth, стр. 107 и далѣе.*

нослямъ, приносить извѣстную долю своего труда (ручного или умственного—все равно) на пользу общую, на поддержаніе государства. Но сознаніе такой обязанности можетъ придти, именно, когда исполнится первое предположеніе и государство сдѣлается единымъ хозяиномъ-промышленникомъ.

До тѣхъ поръ, пока существуютъ сотни тысячъ и миллионы самостоятельныхъ предпринимателей, не можетъ быть и рѣчи ни объ этой обязанности, ни объ охотѣ ей подчиняться: вмѣсто того мы видимъ то многочисленныя толпы людей, ищущихъ работы и не находящихъ ея, то лицъ, для которыхъ есть работа, но которыхъ желаютъ лишь избѣжать труда, и болѣе или менѣе легко это исполняютъ.

Но спрашивается: какъ при такой оригинальной организаціи будутъ распределены разнообразныя промышленныя занятія между людьми и какъ онѣ будутъ вознаграждаться? На этотъ вопросъ американскіе мечтатели даютъ самыя подробныя объясненія, вызывающія невольную улыбку читателя своимъ стремленіемъ опредѣлить даже всякую мелочь въ устройствѣ быта будущаго человечества.

Выборъ занятій будетъ предоставленъ вполне на волю каждаго гражданина, и свобода въ этомъ отношеніи будетъ лишь подчинена нѣкоторымъ необходимымъ правиламъ. Такъ напримѣръ, въ современной Европѣ мастерскія и фабрики наполнены людьми всякаго возраста: малое дитя часто работаетъ рядомъ съ дряхлымъ старикомъ. Иначе строй промышленнаго труда будетъ организованъ въ будущемъ человечествѣ. Періодъ юности до 21 года долженъ быть посвященъ всецѣло высокому дѣлу воспитанія и образованія духа и тѣла—подготовительная стадія для трудовой части жизни. Поэтому дѣти въ мастерскихъ отсутствуютъ. Съ возраста 21 года начинается уже *промышленная повинность или служба* государству и продолжается ровно 24 года, т.-е. до сорокапятилѣтняго возраста. Здѣсь наступаетъ отставка; гражданинъ съ этихъ поръ призывается къ общему промышленному труду лишь въ экстренныхъ случаяхъ, а затѣмъ посвящаетъ остатокъ своей жизни на отдыхъ или занятія какія угодно и насколько хочетъ; существованіе его обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и повинность кончилась.

Такъ какъ всякая работа идетъ хорошо лишь въ томъ случаѣ, когда соответствуетъ вкусамъ и наклонностямъ работника, то родители и учителя стануть въ будущемъ обращать гораздо большее вниманіе на всякое указаніе специальныхъ способностей и наклонностей въ ихъ дѣтяхъ и питомцахъ, нежели они дѣ-

лаютъ это нынѣ. Хотя система образованія будетъ гуманитарная, исключительно покаясь на культурѣ, тѣмъ не менѣе дѣти и юноши получаютъ теоретическое ознакомленіе съ разными отраслями индустріи и всѣми способами будутъ поощряться къ посѣщенію всевозможныхъ промышленныхъ заведеній, чтобы приглядѣться и выбрать занятіе, болѣе соотвѣтствующее вкусамъ и наклонностямъ cadaго. Такимъ образомъ, къ наступленію термина промышленной службы, 21 года, у большинства уже вырабатываются тѣ или инныя влеченія къ извѣстному роду занятій. Тѣмъ не менѣе, чтобы выборъ специальности не совершался поспѣшно и легкомысленно, всѣ рекруты промышленной повинности начинаютъ свою службу *чернорабочими* или съ простаго, неискускаго труда (*unskilled labourers*) и остаются таковыми обязательно въ теченіе трехъ лѣтъ. Къ концу этого термина, т.-е. въ возрастѣ 24 лѣтъ, каждый рѣшаетъ для себя вопросъ, оставаться ли ему чернорабочимъ на весь служебный срокъ, или избрать для себя иную, болѣе подходящую профессію, ручную или умственную. Въ послѣднемъ случаѣ, если человѣкъ приходитъ къ заключенію, что онъ можетъ лучше работать мозгомъ, нежели мускулами, онъ начинаетъ свое профессиональное образованіе. Высшія школы технологіи, медицины, искусства и проч., широко открываютъ двери для всѣхъ желающихъ. Зрѣлый возрастъ поступающаго въ одно изъ этихъ заведеній (не моложе 24 лѣтъ и до 35 лѣтъ, когда кончится срокъ выбора профессіи) гарантируетъ сравнительно съ теперешнимъ порядкомъ обдуманность и серьезность влеченія къ специальности и качество ея выбора: безпрестанныя шатанія и перемѣны профессій теперешней молодежи, къ этому возрасту нынѣ обыкновенно заканчивающей свое образованіе, не будутъ тогда имѣть мѣста. Ошибки молодости въ этомъ случаѣ будутъ рѣже, а профессиональная подготовка солиднѣе и тверже.

Разрѣшеніе другого труднаго вопроса о разной степени привлекательности различныхъ профессій лежитъ уже всецѣло на заботѣ государственной администраціи будущаго человѣчества и зависитъ отъ ея искусства. Чтобы регулировать достаточный приливъ охотниковъ ко всякимъ занятіямъ, администрація обязана постоянно стремиться къ тому, чтобы уравнивать привлекательность различныхъ промышленныхъ профессій. Вѣрнѣе всего, это можетъ достигаться назначеніемъ различной длины времени труда для разныхъ занятій: въ трудныхъ и непріятныхъ — болѣе короткое, а въ легкихъ — болѣе длинное. Здѣсь администрація должна исключительно руководствоваться наличнымъ мнѣніемъ по этому

вопросу самих рабочихъ. Единственный принципъ—чтобы трудъ одного человѣка былъ не тяжелѣе, чѣмъ всякаго другого. Сокращеніе времени труда или нѣкоторыя другія временныя льготы всегда будутъ достаточны, чтобы имѣть необходимый контингентъ рабочихъ даже для самыхъ непріятныхъ отраслей его. Въ такихъ непріятныхъ профессіяхъ время труда можетъ быть сокращено на нѣсколько часовъ противъ болѣе легкихъ занятій. Наконецъ, чувство долга и благородное соревнованіе ради общаго блага всегда вызовутъ охотниковъ для исполненія профессиональных обязанностей, признанныхъ наиболѣе опасными или непріятными, но въ то же время важными и существенными для пользы всего государства.

Труднѣйшая дилемма о вознагражденіи за трудъ, или вопросъ о заработной платѣ, въ фантастическомъ государствѣ будущаго, разрѣшится, согласно Беллами и Гронлѣнду, также весьма просто и ловко вмѣстѣ съ вопросомъ объ орудіяхъ обмѣна или деньгахъ.

Въ XIX вѣкѣ деньги, какъ удобнѣйшее орудіе обмѣна, нужны лишь потому, что производство находится въ частныхъ рукахъ: многочисленныя независимыя лица производятъ различные предметы, необходимыя для жизни и комфорта, и ими взаимно обмѣниваются; деньги или ихъ замѣстители являются нынѣ важнымъ средствомъ и облегченіемъ всякой мѣнновой или торговой сдѣлки и крайне для нея существенны. Деньги сберегаютъ теперь время и трудъ, дѣлая излишнимъ болѣе сложный и медленный обмѣнъ товара на товаръ. Въ другомъ положеніи очутится дѣло, когда уже описанная въ фантазіи реформа осуществится, и нація или государство превратится въ единого въ странѣ капиталиста и производителя всѣхъ возможныхъ товаровъ. Тогда деньги потеряютъ свое настоящее значеніе, сдѣлавшись бесполезны, такъ какъ торговый обмѣнъ между индивидами прекратится. Правда, люди и тогда будутъ обмѣниваться между собою подарками, какъ знаками дружбы, но купля и продажа сдѣлаются немыслимы при будущей соціальной системѣ, построенной на сознаніи общности интересовъ всѣхъ людей, ихъ взаимной симпатіи и безкорыстія въ отношеніяхъ другъ къ другу (!?). Все производимое въ странѣ отправляется въ національные или государственные склады и точно также все необходимое для потребленія получается тамъ же, и притомъ *только* тамъ, въ этихъ складахъ, гдѣ деньги не нужны. Мѣсто ихъ замѣняютъ „трудовые чеки“ (labourchecks), представляющіе собою стоимость простаго труда средняго качества въ нормальный рабочий день. Согласно Гронлѣнду, такіе „рабочіе чеки“ сдѣлаются единственнымъ орудіемъ

обращенія и единицей цѣнности; но такъ какъ человѣку необходимо потреблять раньше или въ большемъ размѣрѣ, нежели онъ произвелъ нѣчто для потребленія, то, какъ объясняетъ Беллами, въ фантастическомъ государствѣ будущаго каждое лицо будетъ имѣть кредитъ, соотвѣтствующій его долѣ въ ежегодномъ производствѣ народа, и съ помощью своего чека или кредитной книжки будетъ получать все нужное ему изъ общественныхъ складовъ. Такимъ образомъ, деньги при этой системѣ становятся совершенно ненужными, ибо заборъ или приобрѣтенія каждаго отмѣчаются въ его книжкѣ, не прибѣгая далѣе ни къ какому денежному знаку и выражая размѣръ забора или прямо въ дняхъ труда, какъ предполагаетъ Гронлѣндъ ¹⁾, или даже по старому, согласно Беллами, наприм. въ долларахъ, причемъ долларъ является, однако, уже въ новомъ смыслѣ—не болѣе, какъ простымъ алгебраическимъ символомъ для сравненія цѣнности одного продукта съ другимъ. Всякая торговля между частными лицами, какъ было сказано, должна при этомъ прекратиться, а заборъ или закупка изъ государственныхъ или общественныхъ складовъ допускается обыкновенно въ предѣлахъ годичнаго кредита каждаго лица и лишь съ значительными затрудненіями и учетомъ дозволяется, въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, заимствовать изъ кредита и слѣдующаго года.

Вслѣдъ за деньгами, какъ орудіями обмѣна, при описанной системѣ прямого распредѣленія всѣхъ продуктовъ естественно должно измѣниться и прежнее значеніе факторовъ производства: земельная рента, платимая нынѣ индивидуальнымъ собственникамъ земли, вмѣстѣ съ ея націонализацией прекратится или останется лишь въ видѣ сборовъ и налоговъ, платимыхъ въ будущемъ государству за тотъ или иной видъ временнаго пользованія землей. Одинаково съ этимъ уничтожится прибыль (профитъ) и проценты, такъ какъ вся промышленная и торговая дѣятельность уйдетъ изъ частныхъ рукъ къ государству и сдѣлается коллективной: богатство, выражаясь настоящимъ языкомъ, не будетъ болѣе употребляться производительно съ цѣлью полученія прибыли; всякій процентъ будетъ считаться лихоимствомъ (!) и некому будетъ его платить. Поэтому для будущаго человѣчества законъ спроса и предложенія потеряетъ свое настоящее значеніе, и цѣна всякаго товара, отпускаемаго изъ складовъ, будетъ всецѣло опредѣляться „естественной“ стоимостью и будетъ зависѣть исключительно отъ размѣровъ человѣческаго труда, положеннаго на из-

¹⁾ См. *Gronlund*, стр. 138.

готовленіе или производство даннаго предмета. Та же самая цѣна будетъ имѣть мѣсто и при международныхъ торговыхъ сношеніяхъ: товаръ будетъ продаваться и чужому народу за ту же цѣну, какъ собственнымъ гражданамъ, и опять не прибѣгая къ помощи денегъ. Особыя расчетныя бюро, въ родѣ нынѣшнихъ Clearing House, будутъ вѣдать и вести записи международного обѣна и задолженности каждой націи, и затѣмъ въ концѣ года или иной срокъ будетъ сводиться по книгамъ балансъ: могущій въ концѣ получиться излишекъ въ пользу какой-либо страны уплачивается товарами (натурой) извѣстнаго рода, согласно международному договору по этому предмету.

Послѣ всѣхъ описанныхъ крупныхъ перемѣнъ въ законахъ производства и распредѣленія, не мѣньшая метаморфоза произойдетъ и въ опредѣленіи размѣровъ заработной платы. Ничего похожего на теперешнюю заработную плату не будетъ имѣть мѣста: всякій трудъ обуславливаетъ одинаковую мѣру вознагражденія, т.-е., говоря иными словами, всѣ работники будутъ получать одну и ту же заработную плату. Такимъ образомъ, противно господствующимъ нынѣ воззрѣніямъ и практикѣ, не только лица различныхъ профессій будутъ вознаграждаться одинаково, но самыя понятія о справедливости должны въ будущемъ измѣниться, и работники разнаго качества и свѣденій, слѣдовательно съ неравною производительностью, получать за свой трудъ то же самое. По этому предмету Беллами рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: производительность труда не имѣетъ ничего общаго съ размѣрами вознагражденія; первый вопросъ—моральный, потому что касается заслуги человѣка, опредѣляетъ, чего стоитъ его трудъ, т.-е. насколько онъ успѣшенъ; второй же, т.-е. вознагражденіе, является, конечно, моментомъ чисто-матеріальнымъ, и плоха та логика, которая къ нравственнымъ понятіямъ прилагаетъ матеріальный масштабъ. Заслуги человѣка въ трудѣ, достоинство его работы должны измѣряться лишь суммой усилій, къ ней прилагаемыхъ; между тѣмъ всѣ люди должны, сообразно ихъ таланту и возможно наилучшимъ образомъ, дѣлать въ сущности то же самое, т.-е. оказывать тѣ же самыя усилія. Способность человѣка быть болѣе или менѣе производительнымъ въ трудѣ указываетъ только мѣру его обязанностей въ данномъ отношеніи. Человѣкъ счастливо одаренный, но который не дѣлаетъ всего, чтò въ состояніи дѣлать сообразно своимъ способностямъ, хотя бы и творилъ больше человѣка малоспособнаго, но добросовѣстнаго, тѣмъ не менѣе долженъ считаться худшимъ работникомъ, нежели послѣдній, мало того,—заслуживаетъ скорѣе осужденія и останется

должникомъ предъ своими товарищами... Кому дается много, отъ того и требуется много, помимо всякой матеріальной за то награды. Однимъ словомъ, здѣсь разумѣется относительная, а не абсолютная доброкачественность труда, почему и устанавливается одинаковая мѣра вознагражденія.

Но идея о равномъ для всѣхъ вознагражденіи настолько фантастична и противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ въ XIX вѣкѣ понятіямъ, что Беллами (какъ и Гронлѣндъ, хотя менѣе рѣшительно) вынужденъ прибѣгать къ болѣе подробной аргументаціи своей теоріи. Сравнивая промышленный трудъ націи съ воинской повинностью и воинской службою, американскій мечтатель напоминаетъ о тѣхъ всѣмъ извѣстныхъ мотивахъ, которые воодушевляють солдата и руководятъ имъ при исполненіи своей обязанности. Воинъ не только твердо стоитъ на своемъ посту, переноситъ всякія лишенія и терпитъ нужду, но явно жертвуетъ самымъ драгоцѣннымъ благомъ—жизнью, и все это исполняетъ отнюдь не вслѣдствіе матеріальныхъ расчетовъ... Даже въ странахъ съ наемной арміей жалованье солдата крайне невысоко. Не корысть и не расчеты, а честь, надежда на отличіе, т.-е. признаніе своихъ заслугъ, патріотизмъ и вдохновеніе чувствомъ долга—вотъ тѣ мотивы, которые ведутъ воина на смерть за свою родину, и никогда не было такого времени, когда такіе именно мотивы не вызывали бы у людей наружу все, чтò у нихъ есть лучшаго и наиболѣе благороднаго... То же самое приложимо и къ промышленной арміи будущаго человѣчества, и въ ней нѣтъ основанія размѣръ вознагражденія сообразовать съ различной профессіей и способностями рабочихъ: для всѣхъ солдатъ въ арміи, иногда разныхъ родовъ оружія, полагается одна и та же плата... Мѣсто мотивовъ матеріальнаго свойства замѣняютъ моральные, имѣющіе мѣсто даже и въ XIX вѣкѣ, и даже въ самой погонѣ людей за деньгами и богатствомъ... Такъ, въ послѣднемъ случаѣ двигателемъ нерѣдко является не самая любовь къ деньгамъ и роскоши, а такіе стимулы, какъ желаніе власти, соціального положенія или, наконецъ, репутація человѣка талантливаго и способнаго... Въ будущемъ человѣчествѣ хотя деньги и будутъ уничтожены, но данные мотивы останутся и вмѣстѣ съ иными будутъ двигать и толкать человѣка въ его промышленномъ трудѣ и направлять его къ отличію и возможному совершенству.

Вся организація будущаго промышленнаго строя направлена къ достиженію послѣдней цѣли путемъ строгой постепенности въ распредѣленіи труда. Промышленная армія будущаго человѣчества отличается не меньшей сложностью и требовательностью

относительно назначенія и повышенія лицъ завѣдующихъ или своихъ офицеровъ, чѣмъ войско или армія любого изъ современныхъ образованныхъ народовъ. Во-первыхъ, это промышленное войско будущаго,—разсуждаетъ Беллами,—состоитъ изъ четырехъ различныхъ классовъ, гдѣ переходъ изъ одного въ другой опредѣляется строгими правилами, внѣ всякаго личнаго произвола; классы эти, во-первыхъ, уже упомянутая категория чернорабочихъ или неискусныхъ рабочихъ, въ рядахъ коихъ должны обязательно находиться въ теченіе трехъ лѣтъ всѣ молодые люди обоего пола, достигшіе 21 года; во-вторыхъ, классъ учениковъ—для всѣхъ профессій одинаковаго срока одинъ годъ; въ-третьихъ, полные рабочие, отъ 25 лѣтъ и до 45 лѣтъ возрастомъ, если только за это время они не промѣняли промышленный (физическій) на иной умственный трудъ (т.-е. свободныя профессіи). Четвертый классъ составляютъ уже офицеры этой промышленной арміи, и притомъ разнаго ранга; при повышеніи, во-первыхъ, имѣетъ значеніе, какъ и раньше, выслуга лѣтъ, но, кромѣ того, и избраніе товарищами, что уже опредѣляется и зависитъ отъ внутреннихъ качествъ рабочаго и доказанныхъ достоинствъ его труда ¹⁾. Нужно пребыть не менѣе двухъ лѣтъ, напр., въ категоріи рабочихъ, чтобы достигъ перваго офицерскаго чина промышленной арміи—„помощника надсмотрщика“ (лейтенанта!), и притомъ нельзя получить этого назначенія, имѣя возрастъ менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Затѣмъ постепенно и въ извѣстные опредѣленные сроки лучшей рабочей можетъ быть повышенъ за отличіе до званія „надсмотрщика“ (капитана!) и, наконецъ, „инспектора“ или „суперъ-интенданта“ (полковника!). Далѣе, назначеніе свѣше и по выслугѣ прекращается и дальнѣйшее производство зависитъ уже всецѣло отъ избранія. Каждая промышленная профессія образуетъ гильдію или цехъ, во главѣ котораго стоитъ „старшина“ или генералъ, уже не назначаемый, а избираемый изъ инспекторовъ почетными членами цеха, т.-е. заслуженными рабочими старше 45 лѣтъ возраста, окончившими свою обязательную службу; это важное лицо стоитъ во главѣ національнаго бюро, представляя собою извѣстную отрасль народнаго труда и являясь лицомъ вполне отвѣственнымъ за всю ея дѣятельность. Понятно,—добавляетъ Беллами,—что всѣ рабочіе въ рангѣ офицеровъ отвѣчаютъ собственно не за свой личный трудъ, а за работу и дѣйствія своихъ подчиненныхъ. Наконецъ, высшій рангъ и предѣлъ честолюбія ра-

¹⁾ У Гронлѣнда всѣ офицерскія должности въ промышленной арміи избирательныя, но зато смѣщеніе или отставка не зависятъ отъ товарищей, а отъ офицеровъ свѣрху, отъ главы цеха, или президента (Gronlund, стр. 175).

бочаго въ будущихъ Соединенныхъ Штатахъ, по фантазіи Беллами, составляетъ должность начальника одного изъ десяти департаментовъ, на которые будетъ раздѣлена вся промышленность; каждый изъ такихъ департаментовъ будетъ вѣдать нѣсколько однородныхъ цеховъ или гильдій. Въ эту должность по описанной выше системѣ будутъ избираться начальники (генералъ-лейтенанты!) голосованіемъ всѣхъ почетныхъ членовъ и исключительно изъ числа старшинъ или генераловъ цеховъ. Изъ этихъ же лицъ будутъ исключительно, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ условий, избираться и президентъ будущихъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Такимъ образомъ всѣ свободныя профессіи, начиная съ судьи и кончая учеными въ будущемъ государствѣ американскаго мечтателя, увы, не обрѣтаются въ авантажъ: имѣя избирательное право, тѣмъ не менѣе всѣ свободныя профессіи лишены права избранія въ эту должность; президентъ этой республики будущаго обязательно долженъ пройти всѣ описанные ранги промышленной арміи, чтобы на старости лѣтъ (около 50 лѣтъ) быть избраннымъ и занять на 5 лѣтъ эту высшую должность. Въ свою очередь, промышленная армія, изъ среды которой исключительно выходитъ такимъ образомъ президентъ, лишена избирательнаго права въ данномъ отношеніи, такъ какъ это вредило бы необходимой дисциплинѣ; другими словами, президента будущей Америки избираютъ лишь лица, не состояція въ рядахъ арміи, т.-е. всѣ принадлежащіе къ свободнымъ профессіямъ всякаго возраста и затѣмъ рабочіе старше 45 лѣтъ, т.-е. окончившіе свою промышленную повинность.

Эта странная комбинація промышленнаго строя и военной службы, придуманная пылкой фантазіей американскаго мечтателя, носить названіе „производительной промышленности“, которая, идя рука объ руку съ „промышленностью распредѣлительной“ (т.-е. упомянутой системой государственныхъ складовъ), имѣетъ своимъ назначеніемъ заготовить всю сложную и разнообразную массу продуктовъ, необходимую для потребленія страны. Трудная задача эта при отбѣгнѣ началъ частной конкуренціи будетъ выполняться при помощи *статистики*: одинаково оба наши мечтателя, какъ Гронлѣндъ, такъ и Беллами, приписываютъ для будущаго человечества очень важную роль въ управленіи этой наукѣ. Должность *главнаго статистика* будетъ одною изъ первыхъ и почетнѣйшихъ должностей каждой страны, такъ какъ лишь статистическія данныя дадутъ возможность балансировать спросъ съ предложеніемъ и доставать тогда надлежащее руководство надъ

трудомъ рабочихъ всей страны ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ XIX вѣкѣ всѣ правительства начали мало-по-малу сознавать эту важную роль цифровыхъ данныхъ, и статистика можетъ опредѣлить количество, напр., аршинъ миткаля, полотна, пудовъ муки, головъ скота и прочихъ продуктовъ, необходимыхъ примѣрно для ежегоднаго потребленія народа. Но, разумѣется, пока все производство находится въ частныхъ рукахъ и опредѣляется всецѣло личнымъ произволомъ, всѣ эти данныя не могутъ претендовать на точность и являются лишь приблизительными. Но другое дѣло при описанномъ строѣ фантастическаго государства: тамъ ни одна булавка не уйдетъ изъ склада безъ того, чтобы не быть гдѣ слѣдуетъ отмѣченной; поэтому въ результатѣ получится такая точная статистика потребленія, не только за каждый годъ, мѣсяць и недѣлю, но даже за каждый день и для любого пункта страны, какая до тѣхъ поръ была немыслима по своей сравнительной точности. На этихъ-то данныхъ, какъ базисъ, и будутъ поконяться всѣ оцѣнки будущаго производства; каждый изъ 10 департаментовъ промышленности, какъ дѣлить Беллами все народное хозяйство, позаботится, чтобы все необходимое по расчету количество продуктовъ въ извѣстный срокъ было готово; для главнѣйшихъ продуктовъ этимъ срокомъ будетъ годъ, а въ продуктахъ маловажныхъ, подверженныхъ колебанію и измѣнчивости спроса, производство будетъ идти, вѣроятно, лишь одной недѣлей или мѣсяцемъ впереди потребленія, и такимъ образомъ устранился значительная утрата и потеря заготовленныхъ продуктовъ отъ измѣнивагося и упавшаго требованія.

Описанная организація промышленности одинаково относится къ лицамъ обоего пола, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, лишь съ нѣкоторыми отступленіями, которыя обуславливаются особенностями пола. Женщины, какъ и мужчины, состоятъ членами промышленной арміи будущаго человечества и въ тотъ же періодъ жизни (т.-е. отъ 21 до 45 лѣтъ), но въ дѣйствительности срокъ ихъ работы сокращается значительно для большинства женщинъ ихъ материнскими обязанностями. Въ результатѣ значительная ихъ часть въ теченіе жизни работаетъ лишь отъ 5 до 15 лѣтъ, не болѣе, и лишь бездѣтныя женщины работаютъ полный терминъ. Кромѣ того, самый выборъ занятій строго опредѣляется и всѣ тяжелыя или требующія силы занятія исключительно выполняются мужчинами; женщинамъ предоставлены легкія физическія работы, какъ наиболѣе соотвѣтствующія ихъ силамъ. Самые

¹⁾ См. *Гроулендъ*, стр. 141—148.

часы работы для женщинъ значительно сокращены и допускаются болѣе частые и длинные перерывы и отдыхи; все, короче, направлено къ тому, чтобы отнюдь не истощать ихъ силъ трудомъ и не наносить вреда ихъ здоровью, столь важному и для грядущихъ поколѣній. По мысли Беллами, будущее человѣчество настолько осторожно и деликатно относится къ работѣ своей прекрасной половины, что главнѣйшая роль этого труда скорѣе сведется къ необходимой и полезной для здоровья гимнастикѣ тѣла, нежели серьезному фактору производства. Тѣмъ не менѣе, женщины будутъ пользоваться равными правами съ сильнымъ поломъ, неся промышленную повинность лишь въ размѣрахъ и формахъ, имъ соотвѣтствующихъ. Такъ женщины въ промышленной арміи будутъ организованы такъ же, какъ и мужчины и по тому же образцу; ихъ руководители и вожаки принадлежать къ ихъ же полу, и ихъ шефъ, женщина, займетъ мѣсто въ кабинетѣ президента, и ни одинъ вопросъ, касающійся женскаго труда, не пройдетъ безъ ея согласія. Наконецъ, женщина будущаго въ *экономическомъ отношеніи* займетъ равное положеніе съ мужчиной, такъ какъ получить отъ націи или государства одинаковый съ нимъ кредитъ, имѣющій замѣнить собою, какъ было объяснено выше, нынѣшнюю систему заработной платы.

Но въ то же самое время, въ области женскаго труда ХХІ вѣка, описываемой фантазіей Беллами и Гронлѣнда, обратно съ ХІХ столѣтіемъ, будетъ проведена болѣе точная и опредѣленная граница между мужскими и женскими занятіями и родами труда. Уничтожая для будущаго свободную конкуренцію, на которой зиждется вся экономическая система настоящаго времени, американскіе мечтатели уничтожаютъ ее также и въ трудовыхъ отношеніяхъ двухъ половъ. Соглашаясь съ Дж. Ст. Миллемъ въ необходимости *экономическаго* равенства женщинъ съ мужчинами, они противорѣчатъ ему въ допущеніи женщинъ ко всѣмъ видамъ и родамъ труда, гдѣ нынѣ почти вездѣ трудъ мужчинъ смѣшивается съ женскимъ. Они не желаютъ далѣе, — по выраженію Гронлѣнда, — чтобы „женскій трудъ былъ мужскимъ второго разбора“ (*that woman should not become a second rate man*¹⁾). По ихъ мнѣнію, огромной ошибкой слѣдуетъ считать въ ХІХ вѣкѣ отсутствіе должнаго сознанія объ индивидуальномъ различіи половъ. Забвеніе этого различія и приводитъ къ тому, что во множествѣ профессій оба пола выступаютъ конкуррентами, и весь проигрышъ приходится натурально на долю слабѣйшаго. Несмотря

¹⁾ *Gronlund*, стр. 195.

на всѣ добрыя пожеланія благородныхъ филантроповъ въ родѣ Милля, этого различія, этой сравнительной слабости женщины устранить или превратить въ силу невозможно, а потому и не слѣдуетъ допускать ихъ бесплодной конкуренціи съ мужскимъ поломъ, а лучше *размежевать самое поле дѣятельности*. Тѣ области промышленнаго труда, которыя соотвѣтствуютъ и подходятъ къ женской природѣ, должны оставаться исключительно за женщинами, и, наоборотъ, женщина отнюдь не должна допускаться къ занятію, по роду или свойству работы не подходящему для ея пола. „Ни мужчина, ни женщина не будутъ болѣе перебивать мѣсто другъ у друга, а пойдутъ въ трудѣ,—какъ выражается Гронлѣндъ,—слѣдуя указаніямъ фізіологіи, *рука объ руку другъ съ другомъ, но разными дорожками*. Раздѣленіе труда, этотъ базисъ нашей цивилизаціи, будетъ довершено только тогда, когда распространится на оба пола“ ¹⁾, т.-е. каждый полъ будетъ имѣть свою самостоятельную область труда, вмѣсто того, чтобы тратить силы на бессмысленную и вредную для слабѣйшей стороны борьбу современной экономической жизни.

Положеніе женщины настоящаго времени, по мнѣнію американскихъ мечтателей, ненормально во многихъ отношеніяхъ и прежде всего уже въ томъ, что она всю жизнь экономически зависитъ отъ кого-нибудь,—отъ родителей, брата, мужа, часто собственныхъ дѣтей, обстоятельство, которое не только противорѣчитъ нравственному чувству, но лишаетъ женщину всякой личной свободы и наноситъ ущербъ ея достоинству. Описанная экономическая реформа въ будущемъ человѣчествѣ измѣнитъ рѣшительно весь этотъ порядокъ. Всѣ люди будутъ тогда связаны гораздо болѣе тѣсными узами; но такъ какъ факторы производства отойдутъ къ государству, то и всякая непосредственная матеріальная зависимость другъ отъ друга прекратится, и всѣ члены общества, независимые въ матеріальномъ отношеніи другъ отъ друга, будутъ получать отъ государства *одинаковое содержаніе за свой трудъ*. Женщина будетъ имѣть свое опредѣленное поле дѣятельности, свое честолюбіе и свою карьеру и будетъ чувствовать себя вполне независимой и счастливой. Женщина не пожалѣетъ тогда, какъ часто случается теперь, о томъ, что родилась женщиной, а родители не посѣтуютъ, что у нихъ родилась дѣвочка, а не мальчикъ. Замужество не будетъ болѣе для женщины своего рода тюремнымъ заключеніемъ, какимъ оно являлось нерѣдко для многихъ браковъ до настоящаго времени; оно отнюдь не будетъ от-

¹⁾ Тамъ же, стр. 196.

дѣлать женщину цѣлою пропастью отъ общихъ и важнѣйшихъ интересовъ всего народа. Лишь материнство, наполняющее сердце женщины своими новыми интересами, и то временно, удалить ее отъ свѣта съ его вопросами и задачами, но она всегда можетъ вернуться къ нему, когда только захочетъ.

Съ переменной общаго экономическаго положенія измѣняются самыя условія заключенія браковъ: ни женихъ, ни невѣста при будущемъ строѣ ничего не выигрываютъ въ матеріальномъ отношеніи отъ своего союза, а потому, разумѣется, браки сдѣлаются возможны исключительно по влеченію, по взаимной любви. Результатъ такихъ браковъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній самъ собою понятенъ: въ первый, можетъ быть, разъ въ человѣческой исторіи принципъ полового подбора съ его тенденціей сохранить и распространить наилучшіе типы расы, вытѣсняя худшіе, получить свое полное и неограниченное примѣненіе. Нужды бѣдности, желаніе обзавестись своимъ домомъ, или другія искушенія не будутъ тогда толкать женщину на неосторожный шагъ избирать отцомъ своихъ будущихъ дѣтей человѣка, котораго она не любитъ или не уважаетъ. Богатство и рангъ не будутъ тогда отвращать вниманіе отъ личныхъ качествъ. Дары вѣнныя и внутренніе человѣка, каковы: красота, умъ, краснорѣчіе, острота разума, доброта, благородство и мужество — будутъ болѣе безпрепятственно цѣниться обѣими брачующимися сторонами и передаваться потомству, что поведетъ за собою дальнѣйшее совершенствованіе расы и прочное благополучіе людей. Въ заключеніе, благодаря описаннымъ условіямъ, браки сдѣлаются почти всеобщими, и пороки, вызываемые нынѣ безбрачіемъ, прекратятся. Холостыми останутся исключительно лица, которыя не нашли себѣ сочувственной половины лишь вслѣдствіе крупныхъ природныхъ недостатковъ, или потому, что оказались слишкомъ плохими въ области житейскаго труда. Такимъ образомъ, индивидуализмъ, составляющій основаніе и характернѣйшую черту всего современнаго намъ строя, является нынѣ крайне пагубнымъ не только въ отношеніи чувства солидарности и сознанія общихъ интересовъ въ живущемъ поколѣніи, но равно вредитъ и осуществленію отвѣтственности этого поколѣнія предъ его потомками. Чувство этой отвѣтственности, практически непризнаваемое во всѣ предшествовавшіе вѣка, сдѣлается, наоборотъ, по утвержденію Беллами, великой этической идеей грядущей расы, усиливая, вмѣстѣ съ развитіемъ сознанія долга, естественный импульсъ искать для брака лучшее и благороднѣйшее лицо другого пола. Въ концѣ концовъ, должно послѣдовать

общее улучшение расы и подъемъ въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи.

Но какъ ни быстро, вслѣдствіе вышеописанныхъ условій, будетъ совершенствоваться человѣческій родъ, тѣмъ не менѣе онъ никогда не можетъ освободиться совершенно отъ такихъ лицъ, которыя физически неспособны поддерживать существованіе лишь собственными силами и подлежатъ нынѣ вѣденію общественнаго призрѣнія или благотворительности. Спрашивается: что будетъ въ фантастическомъ государствѣ американскихъ мечтателей съ слѣпыми, сумасшедшими, неизлечимо больными и пр.? На этотъ предложенный вопросъ Беллами отвѣчаетъ слѣдующимъ категорическимъ образомъ: промышленная армія будущаго имѣетъ особое отдѣленіе— „инвалидный корпусъ“, члены котораго будутъ обязываться исключительно легкой работой, сообразно ихъ силамъ. Всѣ неизлечимо-больные, слѣпые и глухіе, безрукіе и психически-больные и т. п. принадлежать къ инвалидному корпусу, но живутъ не праздно, а также трудятся, какъ могутъ и надъ чѣмъ могутъ, подъ руководствомъ своихъ блюстителей или родственниковъ. Одни больные исполняютъ почти то же, что и здоровые люди, другіе—ничего, но даже и сумасшедшіе въ ихъ свѣтлые промежутки, видя трудъ вокругъ себя, приучаются къ какому-либо дѣлу. При всемъ этомъ объ организаціи благотворительности на теперешній манеръ не можетъ быть и рѣчи, ибо члены инвалиднаго корпуса будутъ получать отъ государства тотъ же самый кредитъ, тотъ же самый доходъ, какъ и вполне здоровые работники, ни больше, ни меньше... „Если вы имѣете у себя въ домѣ больного брата, неспособнаго къ труду, развѣ вы будете питать его хуже, помѣщать и одѣвать бѣднѣе, чѣмъ себя самого? Скорѣе даже вы отдадите этому несчастному предпочтеніе въ этомъ отношеніи передъ собой и, разумѣется, такой поступокъ не назовете благотворительностью... Солидарность расы и братство людей перестанутъ со временемъ быть пустой фразой, а сдѣлаются связью столь же жизненной и тѣсной, какъ въ XIX вѣкѣ братство кровное“... Чѣмъ болѣе цивилизація растетъ и трудъ раздѣляется и дробится, тѣмъ сильнѣе становятся внутреннія узы, обхватывающія сначала расу, а позднѣе и все человѣчество, что бы ни говорили противъ этого положенія теперешнія войны и кровопролитія: сложная взаимная зависимость людей другъ отъ друга, а черезъ то и связь становится всеобщимъ правиломъ... Даже въ современномъ мірѣ, съ его крайнимъ индивидуализмомъ, повинность военной службы для защиты отечества, обязательная исключительно для способныхъ къ ней, отнюдь однако не лишаетъ граж-

данскихъ правъ тѣхъ лицъ, которыя къ ней неспособны по описаннымъ причинамъ. Въ будущемъ человѣчествѣ, какъ знаемъ, промышленная организація и повинность будутъ соответствовать настоящей военной и, очевидно, со всѣми тѣми же послѣдствіями. То-есть, требованіе промышленной службы отъ всѣхъ способныхъ отнюдь не даетъ основанія на лишеніе права каждаго гражданина на извѣстное содержаніе (кредитъ) отъ государства за то только, что онъ оказывается неспособенъ работать какъ прочіе, по независящимъ отъ его воли причинамъ... Какъ нынѣ признается всюду долгъ сильнаго сражаться за слабого, такъ въ будущемъ получить право гражданства долгъ того же сильнаго работать за собрата, лишеннаго къ тому возможности...

Понятно, что такія воззрѣнія человѣка на свой долгъ въ отношеніи къ ближнимъ могутъ получить примѣненіе въ житейской практикѣ лишь при высокой степени гуманитарнаго образованія цѣлаго народа. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи граждане фантастическаго государства отличаются отъ современнаго свѣта не меньше, чѣмъ и своимъ экономическимъ бытомъ. Главная разница заключается уже въ томъ, что въ XXI вѣкѣ всѣ лица *будутъ имѣть право на высшее образованіе*... Высшее образованіе будетъ сдѣлано столь же дешевымъ и всѣмъ доступнымъ, какъ въ XIX столѣтіи первоначальное образованіе народа въ наиболѣе культурныхъ странахъ. Обыкновенная школьная система принудительнаго образованія современной Америки и Европы постепенно будетъ расширяться и увеличиваться интенсивно, пока не дойдетъ до размѣровъ высшаго образованія, нужнаго для каждаго человѣка, желающаго воспользоваться не начатками только въ родѣ грамоты и знакомства съ таблицей умноженія, но и плодами знаній. Для этой именно цѣли начальный терминъ промышленной службы или повинности, какъ мы видѣли, и отсроченъ до 21 года, чтобы дать каждому возможность получить высшее общечеловѣческое образованіе: специализація, какъ было раньше упомянуто, для желающихъ посвятить себя свободнымъ профессіямъ, наступитъ позднѣе—въ возрастѣ 24 лѣтъ, послѣ трехъ первыхъ годовъ службы въ промышленной арміи въ качествѣ чернорабочаго. Всѣ люди будущаго начинаютъ съ ручного труда и огромное большинство будетъ имъ заниматься и всю свою жизнь, при одинаково высокомъ образованіи, а потому постепенно утратится старая привычка связывать всякую ручную работу съ грубымъ и невѣжественнымъ классомъ народа. Привилегія немногихъ зажиточныхъ классовъ превратится въ общенародное достояніе; по крайней мѣрѣ высшая степень образова-

нія сдѣлается достижима, обратно съ настоящимъ временемъ, для всякаго желающаго ее получить. „Мы теперь убѣждены, — такъ разсуждаетъ человѣкъ ХХІ столѣтія, — что не стоило бы жить, если бы кучкѣ образованныхъ людей приходилось быть постоянно окруженной цѣлымъ населеніемъ невѣжественныхъ, грубыхъ и неотесанныхъ мужчинъ и женщинъ, какъ это было въ ХІХ вѣкѣ... Развѣ человѣкъ, которому предстоитъ толкаться среди грязной вонючей толпы, удовлетворился бы тѣмъ, что надушилъ бы себя лично тончайшими благовоніями? Точно также развѣ вы были бы довольны пышными палатами, которыхъ окна выходили бы въ конюшню?... А между тѣмъ именно въ такомъ положеніи и находились всѣ образованные, культурные люди ХІХ столѣтія... такіе люди напоминаютъ собой чудака, который завязъ по шею въ смрадной трясинѣ и утѣшалъ бы себя, нюхая флаконъ тонкихъ духовъ... Короче, для человѣка истинно просвѣщеннаго нѣтъ болѣе важнаго дѣла, какъ видѣть всѣхъ своихъ сосѣдей счастливыми и одинаково образованными людьми“ ¹⁾...

Не нужно впрочемъ думать, что, преслѣдуя въ своей фантазіи эти двѣ высокія цѣли человѣческаго существованія, Беллами и Гронлендъ, подобно многимъ другимъ реформаторамъ, не щадятъ никакихъ народныхъ привычекъ и учреждений, развѣ онѣ не подходятъ къ ихъ идеаламъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи они ведутъ себя сравнительно благоразумнѣе, не касаясь совершенно такихъ свойствъ человѣка и сторонъ обществѣ, которыя хотя и построены на современномъ индивидуализмѣ, но не могутъ принести ущерба описанному ими строю будущаго человѣчества. Такъ, совершенно обратно съ социалистами, оба писателя при будущемъ порядкѣ не только признаютъ священнымъ право частной собственности, но и сохраняютъ институтъ наслѣдованія. Государство, какъ мы знаемъ, въ американской фантазіи является единственнымъ собственникомъ земли и орудій производства, т.-е. единственнымъ предпринимателемъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы вся личная свобода человѣка была поглощена или связана государствомъ, какъ это дѣйствительно имѣетъ мѣсто у Плутарха (*Жизнь Лукурта*), Платона (*Государство*) и другихъ болѣе новыхъ мечтателей. Фантастическое государство американскихъ мечтателей имѣетъ основное постановленіе, что всякое лицо *обязано* извѣстный періодъ своей жизни непремѣнно служить, трудиться для націи, и не имѣетъ въ этомъ только смыслъ свободы выбора,

¹⁾ Беллами, стр. 162 и далѣе; Гронлендъ, стр. 211 и пр.

практиковавшейся въ XIX столѣтіи, т.-е. работать или не работать, и въ послѣднемъ случаѣ красть или голодать... Каждый гражданинъ будущаго государства, какъ знаемъ, будетъ имѣть свой кредитъ отъ казны, замѣняющій заработную плату; каждый воленъ въ размѣрахъ этого кредита дѣлать что угодно, т.-е. расходовать его, какъ пожелаетъ и на какіе предметы хочетъ. Кредитъ прекращается со смертью лица (за исключеніемъ опредѣленныхъ расходовъ на похороны), но зато всѣ предметы движимости, въ теченіе жизни приобрѣтенные на этотъ кредитъ или лично сработанные, каждому предоставляется свободно передавать и завѣщать, кому угодно.

Съ перваго взгляда можно подумать, что большое количество подобныхъ наслѣдствъ можетъ нарушить то имущественное равенство, которое характеризуетъ фантастическое государство будущаго. Въ дѣйствительности этого быть не можетъ и подобной опасности для системы не предстоитъ: въ настоящее время, если человѣкъ имѣетъ домъ, наполненный рѣдкою утварью, богатой мебелью, золотой, серебряной посудой, вообще дорогими вещами, то можетъ себя почитать богатымъ, ибо всегда въ состояніи превратить всю эту движимость въ наличныя деньги. Совсѣмъ другое дѣло въ описанномъ будущемъ государствѣ: въ XXI вѣкѣ, человѣкъ, который получилъ бы въ наслѣдство отъ родственниковъ подобную обстановку, счелъ бы себя, пожалуй, глубоко несчастнымъ. Ни денегъ, ни частной торговли тогда болѣе не существуетъ, а потому единственный способъ пользованія подобнымъ имуществомъ — это его дѣйствительное употребленіе. Съ другой стороны, доходъ лица послѣ наслѣдства остается старый, въ размѣрахъ того же „трудового кредита“, а слѣдовательно, при значительныхъ размѣрахъ движимости, можетъ быть, весь годовой кредитъ пришлось бы истратить лишь на наемъ помѣщеній для храненія полученныхъ въ наслѣдство вещей. Въ результатѣ каждый будетъ принимать подобное наслѣдство исключительно въ предѣлахъ возможнаго личнаго пользованія такимъ имуществомъ, а затѣмъ все превосходящее эту мѣру поспѣшитъ раздать друзьямъ на память о покойномъ, или откажется прямо въ пользу государства. Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, отъ подобныхъ сбереженій, какъ и ихъ наслѣдованія, никакой опасности для будущаго государства съ его экономическимъ равенствомъ не предстоитъ, а между тѣмъ, обратно съ распространенными социалистическими теоріями, Беллами и Гронлѣндъ сберегаютъ для будущаго строя своего воображаемаго государства такую характерную черту со-

временной жизни, которую устранить совсѣмъ было бы невозможно, да и нежелательно ¹⁾.

Всѣ описанныя доселѣ перемѣны экономическаго характера, а равно и распространеніе высшаго образованія въ большой массѣ народа необходимо должны привести въ фантастическомъ государствѣ и къ измѣненію народной нравственности, въ смыслѣ ея значительнаго улучшенія. Разъ огромнѣйшая часть собственности находится въ рукахъ государства, доходъ всѣхъ людей одинаковъ и бѣдности больше не существуетъ, то, разумѣется, не будетъ больше мотивовъ и къ цѣлой многочисленной теперь категоріи преступленій противъ имущества; съ другой стороны, высокое образованіе, если не всего, то хоть большинства народа положить конецъ грубости нравовъ и многимъ правонарушеніямъ противъ личности. Такимъ образомъ, всѣ заранѣе поставленныя послышки цѣпляются другъ за друга и логически ведутъ къ заключенію о значительномъ моральномъ усовершенствованіи всего населенія фантастическаго государства. Дѣйствительно, по утверженію Беллами и Гроуленда, въ XXI вѣѣ тюрьмы уже болѣе существовать не будутъ, хотя въ то же время суды, значительно упрощенныя, будутъ продолжать свою дѣятельность, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Девять-десятыхъ преступленій противъ имущества, при измѣнившихся экономическихъ отношеніяхъ, совсѣмъ прекратятся, а всѣ проступки иного рода настолько численно уменьшатся, что на нихъ станутъ смотрѣть какъ на *атавизмъ*, или наслѣдственную передачу свойствъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ, которыя требуютъ тщательнаго леченія въ больницахъ, куда и станутъ поступать всѣ преступники, вмѣсто тюрьмы (!?) ²⁾.

Точно такъ же легко какъ въ вопросѣ о преступности и наклонности къ ней, Беллами расправляется и съ другимъ вѣчнымъ бичомъ челоуѣчества—войной; онъ по-просто упраздняетъ ее, не давая себѣ даже на этотъ разъ и труда объяснить, почему именно такъ будетъ: „мы не ведемъ теперь (т.-е. въ XXI в.) болѣе войнъ, — говоритъ д-ръ Литъ, — и наше правительство не представляетъ собой военной державы“ (!).

Ограничимся до сихъ поръ приведенными свѣденіями для знакомства съ устройствомъ и бытомъ фантастическаго будущаго американскаго государства; мы могли бы добавить, конечно, много подробностей изъ частной и общественной жизни людей XXI столѣтія, напримѣръ рассказать объ ихъ общихъ обѣдахъ и ма-

¹⁾ Гроулендъ, стр. 136; Беллами, 87.

²⁾ Беллами, стр. 149; Гроулендъ, стр. 236.

стерскихъ, о домашней жизни при полномъ отсутствіи прислуги и т. д., но всѣ эти черты быта вполне случайны, не всегда вытекаютъ изъ поставленныхъ ими въ основаніе положеній, почему иногда и сами авторы (Беллами и Гронлѣндъ) другъ съ другомъ въ этомъ отношеніи не согласны.

Вмѣсто всѣхъ этихъ деталей остановимся еще разъ и постараемся суммировать все, что приводится ими противъ современнаго намъ экономическаго быта и въ пользу строя будущаго человечества, сравнительно съ настоящимъ.

Собственно говоря, оба сочиненія въ значительной части своего содержанія преслѣдуютъ именно отрицательную цѣль—критическое изслѣдованіе и перечисленіе разнородныхъ недостатковъ преимущественно экономическаго быта современнаго человечества, но особое вниманіе на этой сторонѣ останавливаетъ Беллами и, пользуясь свободой романиста въ своемъ произведеніи, въ двухъ притчахъ или метафорическихъ картинахъ такъ живописуетъ это положеніе людей и долгія попытки исправить его къ лучшему. „Чтобы все дѣло представить нагляднѣе,—говоритъ проповѣдникъ XXI вѣка, Бартонъ, о нашемъ времени,—можно сравнить человечество въ старое время (т.-е. наше) съ розовымъ кустомъ, посаженнымъ въ болотистой почвѣ, который орошается грязной стоячею водой, днемъ дышетъ мiasмами, а ночью отравляется ядовитой росой. Безчисленныя поколѣнія садовниковъ дѣлали все, что могли, чтобы заставить кустъ цвѣсти, но все было напрасно, и роза едва успѣвала полураскрыть бутонъ, какъ уже внутри его показывался червь. Поэтому многіе, отчаявшись, начали утверждать, что этотъ кустъ представляетъ не болѣе какъ сорную траву, которую слѣдуетъ вырвать съ корнемъ и сжечь. Садовники болѣею частью однако держались мнѣнія, что кустъ принадлежитъ къ семейству розъ, но что какая-то неизлечимая болѣзнь препятствуетъ почкамъ развиваться въ цвѣтокъ. Были даже немногіе, которые увѣряли, что стволъ растенія совершенно здоровъ, что вся причина въ болотѣ, въ которое онъ посаженъ, и что при болѣе благоприятныхъ условіяхъ растеніе поправилось бы. Эти послѣдніе, впрочемъ, не были настоящіе, профессиональные садовники, а потому ихъ мнѣніемъ пренебрегали, осуждая изъ самихъ, какъ теоретиковъ, доктринеровъ и фантазеровъ. Кромѣ того, были философы-моралисты, которые, даже соглашаясь съ аргументомъ, что кустъ могъ бы быть посаженъ лучше, утверждали, „что желательно произвести очень цѣнный экспериментъ и заставить розу скорѣе цвѣсти на болотѣ, нежели на хорошей почвѣ. Бутоны, которые при этомъ превратились бы въ цвѣтъ, были бы, конечно, не-

многочисленны, самыя розы — блѣдны и лишены запаха, но зато онѣ представляли бы собой болѣе моральной силы, нежели при обыкновенной обстановкѣ, расцвѣтая въ саду при болѣе благоприятныхъ условіяхъ“.

Продолжая далѣе свою аллегорію, Бартонъ повѣствуетъ, что мнѣніе садовниковъ и философовъ побѣдило, и розовый кустъ продолжалъ много лѣтъ хирѣть на своемъ прежнемъ мѣстѣ, вызывая лишь бесполезныя соболѣзнованія и опыты: его поливали то тѣми, то другими растворами, но не могли уничтожить ни вредной росы, ни червей, ни заставить цвѣсти правильно. Никакой замѣтной переменны въ смыслѣ улучшенія не было видно. Но вотъ, наконецъ, выплываетъ наружу старое мнѣніе о необходимости пересадить самый кустъ, и на этотъ разъ мало-по-малу это убѣжденіе завоевываетъ себѣ побѣду и, наконецъ, загорается для розы заря лучшаго будущаго. „Розовый кустъ человѣчества пересаженъ, наконецъ, въ хорошую, сухую и теплую землю, гдѣ солнце его согрѣваетъ, звѣзды съ любовью глядятъ на него, а южный вѣтерокъ ласково колышетъ. Розанъ развился во всей красѣ, черви и роса исчезли, весь кустъ покрылся прекраснѣйшими пышными розами, благоуханіе которыхъ наполняетъ собою цѣлый міръ!“ ¹⁾

Такова основная мысль автора о коренной причинѣ всѣхъ социальныхъ золъ нашего времени, выраженная въ формѣ этой темной, расплывчатой, хотя и поэтической аллегоріи. Причина всего, значить, лежитъ въ недоразумѣніи: разъ догадались, что кустъ сидитъ не на мѣстѣ, пересадили его — и вотъ, обратно съ музыкантами въ извѣстной баснѣ Крылова, все дѣло отъ одной пересадки кончилось благополучно, социальные бѣдствія людей прекратились (!?). Насколько же эти бѣдствія въ дѣйствительности были велики (а потому и уничтожить ихъ было трудно) и, затѣмъ, какую тяжелую картину представляетъ собою продолжительная борьба людей за существованіе, изъ-за куска хлѣба, въ наши дни, объ этомъ можно судить по другой аллегоріи автора, краски для которой положены еще гуще и рѣзче, нежели въ первомъ случаѣ. „Чтобы дать читателю, — говоритъ Беллами, — болѣе ясное понятіе о томъ, какъ народъ живетъ въ наше время и специально объ отношеніяхъ богатыхъ къ бѣднымъ, я не могу найти лучшаго сравненія, какъ сопоставить жизнь народа съ гигантской величины колесницей, въ которую впряжены массы людей и медленно тянутся по холмистой и песчаной дорогѣ.

¹⁾ Беллами, стр. 125—127.

Кучеромъ въ этой колесницѣ сидитъ голодъ, который нещадно подгоняетъ тѣхъ, которые отстаютъ отъ товарищей и небрежно тянутъ. Несмотря на трудность движенія по дурной дорогѣ, колесница наполнена пассажирами, которые никогда не сходятъ съ экипажа, даже на самыхъ крутыхъ подъемахъ. Особенно всѣ стремятся занимать верхнія мѣста экипажа, наиболѣе удобныя и широкія; занимающіе ихъ не только далеки отъ пыли внизу, но могутъ свободно любоваться съ своего возвышеннаго мѣста окружающими пейзажами и критически обсуждать достоинство своихъ упряжныхъ. Естественно, конкуренція на эти мѣста самая сильная, и каждый заботится не только обезпечить это мѣсто за собою, но оставить его и своимъ дѣтямъ. По закону, человѣкъ можетъ оставить свое мѣсто въ колесницѣ, кому пожелаетъ, но, съ другой стороны, встрѣчается множество случайностей, вслѣдствіе которыхъ мѣсто можетъ быть потеряно; такъ, при каждомъ сильномъ толчкѣ на дорогѣ кто-нибудь падаетъ изъ экипажа и тотчасъ вынуждается, по правиламъ, стать въ упряжь и тянуть со всѣмъ народомъ тотъ самый экипажъ, на которомъ недавно такъ пріятно и комфортабельно ѣхалъ... Возможность такого несчастнаго приключенія является для всякаго пассажира тѣмъ постояннымъ облакомъ, которое окутываетъ его счастье". Далѣе авторъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніяхъ и чувствахъ сѣдоковъ къ тѣмъ, которые ихъ везутъ: очень часто первые выражаютъ свое сожалѣніе къ послѣднимъ, особенно когда дорога портится, какъ это часто бываетъ, или идетъ въ гору. „Въ такія времена,—говоритъ онъ,—отчаянное напряженіе силъ тянущихъ колесницу, агонія ихъ прыжковъ и паденіе на землю, въ грязь, подъ безопаздными ударами голода,—все это представляетъ такое печальное и тяжелое для души зрѣлище, что сверху экипажа слышатся самые сильные возгласы сочувствія и выраженія сожалѣнія. Въ такія времена пассажиры ободрительно зываютъ къ труженикамъ, которые ихъ везутъ: одни приглашаютъ ихъ къ терпѣнію и сулятъ имъ возможное вознагражденіе въ будущей жизни за тяжесть ихъ участи въ настоящей; другіе жертвуютъ что-нибудь на покупку мазей и другихъ лекарствъ для страждущихъ и поврежденныхъ (!?). Всѣ одинаково при этомъ сожалѣютъ о трудности пути и чувствуютъ себя облегченными, когда проѣдутъ особенно дурное мѣсто дороги" ¹⁾.

Понятно, что эта аллегорія ²⁾ приводится авторомъ исклю-

¹⁾ *Беллами*, стр. 9.

²⁾ Она почему-то обратила на себя во всѣхъ критическихъ замѣткахъ всеобщее вниманіе въ гораздо большей степени, нежели того заслуживаетъ: См., наприм., *Der Sociale Wegweiser*, 1889, den 15 Nov., № 15.

чительно для того, чтобы болѣе отгвѣнить и подчеркнуть достоинства будущаго соціальнаго строя. Преимущества эти такъ велики, по его словамъ, что, не ограничиваясь указаніями на нихъ въ теченіе всего разсказа, онъ посвящаетъ имъ особую главу (ch. XXII), трактующую вопросъ обо всѣхъ выгодахъ XXI вѣка сравнительно съ XIX вѣкомъ. Кромѣ всякихъ иныхъ соображеній, важнѣйшее преимущество перваго состоитъ въ устраненіи многочисленныхъ экономическихъ потерь или утратъ, которыя обусловливаются старымъ строемъ и бытомъ (т.-е. нынѣшнимъ), сравнительно съ тѣмъ, который приписывается обоими авторами будущему человечеству. Потери эти являются результатомъ того, что нынѣ веденіе всей промышленности предоставлено безотвѣственнымъ лицамъ, не имѣющимъ ни должнаго взаимнаго согласія между собою, ни даже нужнаго для того пониманія и знаній. Главнѣйшихъ причинъ, вызывающихъ такіа потери, четыре.

Первая причина разнородныхъ потерь заключается, по мнѣнію Беллами, въ ошибочной постановкѣ предпріятій. По своей организаціи современная промышленность не имѣетъ средствъ и способовъ знать точно размѣры требованія на каждый продуктъ, а черезъ то и не можетъ позаботиться должнымъ образомъ о соответствующемъ ему предложеніи товаровъ. Поэтому всякое предпріятіе частнаго капиталиста является болѣе или менѣе сомнительною попыткой, и современный намъ предприниматель, не имѣя возможности бросить общій взглядъ на поле промышленности и потребленія (какъ это будетъ въ состояніи сдѣлать правительство въ фантастическомъ государствѣ), не можетъ никогда быть увѣреннымъ, найдетъ ли онъ потребителя своему товару. Отсюда происходятъ значительныя для всего народнаго хозяйства потери на излишне заготовленныхъ произведеніяхъ, не нашедшихъ сбыта, и пропавшей даромъ работѣ.

Вторая значительная причина огромныхъ экономическихъ потерь настоящаго времени лежитъ въ гибельныхъ въ своемъ конечномъ результатѣ началахъ соперничества или конкуренціи. Поле современной промышленности напоминаетъ собою поле сраженія, обширное какъ цѣлый міръ, съ своими убитыми и ранеными, со множествомъ разорившихся и обнищавшихъ, нерѣдко умирающихъ съ голоду; милліоны работниковъ на этомъ полѣ тратятъ на борьбу силы и энергію, достаточную, если бы они ихъ соединили кооперативно, чтобы ихъ всѣхъ обогатить. Люди, занятые однимъ и тѣмъ же дѣломъ, одной отраслью труда, смотрятъ другъ на друга не какъ на сотоварищей и собратовъ по общему труду, а какъ на смертельныхъ враговъ, съ которыми

приходится экономически бороться и нужно постараться сжить со свѣта. Стремленіе всякаго производителя, начиная съ крупнаго капиталиста и кончая послѣднимъ рабочимъ, заключается въ томъ, чтобы по возможности устранить, уничтожить всѣхъ своихъ конкурентовъ, а если этого нельзя достигнуть, т.-е. остаться одному, то слѣдуетъ съ уцѣлѣвшими войти въ сдѣлку, соглашеніе, чтобы сколько возможно поднять цѣну на свой товаръ всякаго рода.

„Мечта всякаго производителя XIX в., по словамъ Беллами, состоитъ, поэтому, въ томъ, чтобы пріобрѣсть абсолютный контроль (монополію легальную или фактическую) относительно какаго-нибудь предмета жизненной необходимости и тогда... держать публику въ состояніи, граничащемъ съ голоданіемъ, и брать цѣну, какую заблагоразсудится“.

Американскіе мечтатели, какъ мы знаемъ, совершенно устраняютъ въ своемъ государствѣ начало конкуренціи со всѣми ея вредными послѣдствіями и въ этомъ видятъ серьезное преимущество своей системы передъ существующей.

Третья причина важныхъ потерь для народнаго хозяйства каждой современной страны состоитъ въ промышленно-торговыхъ кризисахъ, разоряющихъ миллионы людей и вызываемыхъ опять-таки, по мнѣнію нашихъ американцевъ, исключительно поводами, лежащими въ корнѣ настоящаго экономического строя. Одна изъ этихъ причинъ заключается именно въ отсутствіи общаго контроля различныхъ отраслей промышленности и слѣдующей отсюда невозможности ихъ правильнаго и соотвѣтственнаго даннымъ условіямъ развитія. Одна отрасль перегоняетъ другую, и неизмѣнне никакого критерія для опредѣленія размѣровъ спроса приводитъ, въ концѣ концовъ, къ *перепроизводству* (overproduction) и кризисамъ. Тому же печальному и періодическому бѣдствію современной экономической жизни, по мнѣнію американскихъ мечтателей, много способствуетъ механизмъ настоящаго денежнаго обращенія и система кредита; въ ея сущности уже лежитъ поводъ къ злоупотребленію, въ видѣ неограниченнаго расширенія этого кредита, не соотвѣтствующаго наличнымъ силамъ денежнаго обращенія. Въ будущемъ государствѣ кредитъ и деньги отмѣнены, вся промышленность ведется націей, и этими путями, по мнѣнію Беллами и Гронлѣнда, разъ навсегда кладется тамъ конецъ всякимъ промышленно-торговымъ кризисамъ, со всѣми ихъ потерями, вызываемыми не только разореніемъ, но и временною пріостановкой промышленности и вынужденнымъ бездѣйствіемъ рукъ и капитала.

Въ заключеніе упомянемъ, что превосходство экономической системы, сочиненной американскими фантазёрами, отнюдь не ограничивается лишь одними *отрицательными выводами*, или устраненіемъ тѣхъ или иныхъ недостатковъ и золъ современнаго намъ соціального строя. Нѣтъ, они утверждаютъ даже, что ихъ новый порядокъ, будто бы конца XX или начала XXI столѣтія, будетъ имѣть за себя и свои прямые *положительныя преимущества*. Такое преимущество выразится прежде всего въ *обширной экономіи* труда, какъ механической силы, вслѣдствіе того, что въ рукахъ единаго предпринимателя, государства, возможно будетъ гораздо болѣе совершенное раздѣленіе труда и, наоборотъ, соединеніе силъ въ соотвѣствующихъ случаяхъ. Наконецъ, производительность труда, *интенсивность* его при коопераціи цѣлаго народа, сравнительно съ настоящимъ его раздробленіемъ на міриады отдѣльныхъ предпріятій съ ихъ самостоятельными хозяевами, враждующими другъ съ другомъ, разумѣется, должна удесятиться. Огромное развитіе интенсивности труда въ эти два періода можно удачно сопоставить, для одной страны, съ боевою годностью или военнымъ достоинствомъ толпы или орды варваровъ съ тысячами своихъ, независимыхъ другъ отъ друга, вожаковъ, съ другой же стороны, привести для параллели современную строго дисциплинированную армію подъ руководствомъ одного генерала, одной воли, напримѣръ, германскую армію подъ руководствомъ Мольтке...

Таково внутреннее соотношеніе и оцѣнка теперешней экономической системы, сравнительно съ новѣйшимъ результатомъ американской фантазіи, и намъ остается теперь перейти къ другой, уже старинной фантазіи, *Утопіи* Томаса Мора, и ихъ взаимному сравненію и критикѣ.

Въ послѣдней (октябрьской) книжкѣ американскаго ученаго изданія „Экономическаго Трехмѣсячнаго журнала“, издаваемого Гарвардскимъ университетомъ въ Бостонѣ, помѣщена весьма интересная статья извѣстнаго американскаго экономиста Николая Гильмана, подъ названіемъ „Націонализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ“. Подъ этимъ названіемъ авторъ разумѣетъ особое „экономическое и политическое движеніе въ странѣ, вызванное въ прошломъ году именно этимъ романомъ Беллами“ ¹⁾...

¹⁾ „The Quarterly Journal of Economics published by Harvard University“ Vol. IV, October, 1889, № 1.

Если бы подобное извѣстіе появилось въ газетахъ, это можно было бы, пожалуй, счесть за обыкновенное газетное преувеличеніе, но серьезность лучшаго экономическаго журнала и имя Гильмана, извѣстнаго своимъ крупнымъ трудомъ въ политической экономіи ¹⁾, исключаетъ возможность подобныхъ предположеній. Очевидно, впечатлѣніе книжки Беллами было слишкомъ сильно, если специальный журналъ помѣстилъ обширный разборъ романа!..

„Широкое распространеніе этого произведенія со времени его появленія въ свѣтъ въ январѣ 1888 года,—пишетъ Гильманъ,—обязано тому факту, что серьезное чувство, съ которымъ оно написано, совпадаетъ съ глубокимъ и также широко распространеннымъ недовольствомъ существующими отношеніями. Чрезвычайное остроуміе, съ которымъ эта исторія развивается въ узкихъ предѣлахъ скуднаго вымысла и немногихъ типовъ, и артистическое изображеніе идей и правовъ новаго общества, нарисованныхъ въ самыхъ розовыхъ краскахъ, все это вѣсть заинтересовало множество читателей. Американскіе издатели (не говоря, слѣдовательно, объ англійскихъ) продали сотню тысячъ экземпляровъ. Бостонскій раввинъ сдѣлалъ ее переводъ на нѣмецкій языкъ и сообщаютъ также о переводахъ на другіе языки. Этотъ романъ въ настоящее время можетъ считаться наиболѣе своевременно появившейся книгой въ Соединенныхъ Штатахъ“.

Гильманъ далѣе прямо заявляетъ, что, благодаря такому колоссальному успѣху, возможно ожидать ея вліянія на законодательство страны, и доказательствомъ именно служить „націоналистическое“ движеніе, которое породилъ этотъ странный романъ.

Прошло всего восемь мѣсяцевъ послѣ выхода книги Беллами, и уже въ сентябрѣ 1888 года основался въ Бостонѣ „Бостонскій клубъ Беллами“, позднѣе переименованный въ „Націоналистическій клубъ“ съ своимъ собственнымъ журналомъ и большимъ числомъ членовъ. „Цѣль клуба или общества заключается въ *націонализаци* промышленности и, поэтому, содѣйствія къ осуществленію братства всего человѣчества; такъ какъ экономическая тенденція нашего вѣка благоприятствуетъ этой цѣли, то клубъ старается споспѣшествовать ея практическому усвоенію народомъ, знакомя его съ благотѣльной идеей, лежащей въ основѣ этой задачи, и поощряя національныя и мѣстныя мѣры, пригодныя для ея достиженія“.

По образцу этого бостонскаго общества къ 1 сентября 1889

¹⁾ Profit-Sharing between employer, and employee by Nicholas Paine „Gilman“, 1889.

года въ Америкѣ открыли дѣйствія *семнадцать* другихъ „націоналистическихъ клубовъ“ въ разныхъ краяхъ страны, вполне организованныхъ, и *шестьдесятъ восемь*, организованныхъ отчасти, и то же движеніе донинѣ продолжается.

Это явленіе лучше всякихъ длинныхъ объясненій доказываетъ, что „Взглядъ назадъ“ Беллами, съ его менѣе счастливымъ предшественникомъ Гронлѣндомъ, представляетъ собой отнюдь не заурядную попытку путешествія въ фантастическій міръ будущаго и что по своему значенію онъ заслуживаетъ полнаго вниманія нашей публики и обстоятельной критики. Къ послѣдней мы и перейдемъ въ слѣдующей статьѣ, послѣ ознакомленія съ *Утопией Мора*.

И. И. Я.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Христу не надобны ни страстность изувѣра,
Ни фарисейское приличье ханжества.
Лишь добрыя дѣла Ему угодны. Вѣра
Безъ дѣлъ—мертва.

Подумайте-жъ о всѣхъ тяжелой доли жертвахъ
О, вы, которыхъ роѣмъ взлелѣяль и вознесъ!
Подумайте о нихъ въ тотъ день, когда изъ мертвыхъ
Воскресъ Христосъ!

И можетъ оживить васъ благодать Господня,
Какъ землю мерзлую весенній лучъ съ небесъ;
И вы воскликнете: „Во мнѣ самомъ сегодня
„Христосъ воскресъ!“

Алексѣй Жемчужниковъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ДИОГЕНЬ

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе.

VI *).

Послѣ сцены съ Бертой и нѣсколькихъ мгновеній бурнаго взрыва страстей, Гансъ сталъ опять тихъ и молчаливъ. День за днемъ, цѣлыми часами, печально сидѣлъ онъ на лавочкѣ, или же, какъ маятникъ, мѣрно и ровно ходилъ взадъ и впередъ по опушкѣ лѣса. Его прежняя веселость, его живость исчезли. Онъ видимо томился безысходной тоской.

Я не нарушалъ его молчаливаго раздумья. Мнѣ было слишкомъ ясно, что въ этой суровой душѣ происходила упорная борьба, которая, быть можетъ, дастъ иной толчокъ всему ходу его жизни. Я хотѣлъ дать взвившемуся вихрю разнородныхъ чувствъ спокойно улечься.

Вечерѣло. Гансъ стоялъ въ прохладной тѣни, опираясь спиной о стволъ дерева. Глаза его съ какою-то нѣгой блуждали по всѣмъ близкимъ ему и хорошо знакомымъ предметамъ. Будто онъ собирался покинуть ихъ и говорилъ всему близкому послѣднее „прости“. Будто ему жаль было разставаться съ дорогимъ ему угломъ.

Я сидѣлъ неподалеку и читалъ. Иногда я перекидывался съ Гансомъ парюю словъ. Я какъ-то взглянулъ на него, глаза наши случайно встрѣтились.

---

*) См. выше: мартъ, стр. 167.

— Да, другъ мой Гансъ,—замѣтилъ я, улыбаясь:—еслибы вы только захотѣли, изъ васъ могъ бы выйти славный малый!

Онъ покачалъ головой и глубоко вздохнулъ.

— Славный малый,—замѣтилъ онъ:—а куда дѣнется моя воля? Моя воля!—добавилъ онъ и молодцовато тряхнулъ будрями.

— На что вамъ ваша воля?—спросилъ я:—развѣ она дастъ вамъ счастье?

— Не нужно счастья!—горячо сказалъ онъ:—нужна воля! Я Фогельфрей! Посадите птицу въ кѣтку, кормите, поите ее—птица все же будетъ жаждать своей воли!

— Трудъ дастъ вамъ достатокъ, а достатокъ дастъ вамъ ту же вашу волю.

— И отниметъ у меня то, что никакое золото ваше не въ состояніи дать мнѣ: мое солнце,—онъ указалъ на зарево чудеснаго заката,—мое небо, мой лѣсъ, мои горы, моихъ птичекъ, все, все!

Я расхохотался. Гансъ не обидѣлся. Вообще онъ никогда не обижался ни за попрекъ, ни за насмѣшку.

— Вамъ смѣшно?.. я дуракъ?.. да, дуракъ?—добродушно спросилъ онъ.

— Какъ типы, однако, повторяются!—отозвался я:—знаете ли, что вы отвѣтили мнѣ почти слово въ слово то же, что болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ отвѣтилъ такой же чудакъ, какъ вы, одному знаменитому въ то время полководцу?

И я рассказалъ Гансу всѣмъ извѣстный рассказъ про Діогена и Александра Македонскаго.

— Въ бочкѣ, онъ жилъ въ бочкѣ?—весело повторялъ Гансъ и лукаво улыбался.

Эта лукавая улыбка смущала меня. Я думалъ, что мое повѣствованіе поразить и восхитить Ганса, какъ новая сказка восхитила бы ребенка, а онъ только лукаво улыбался, точно услышалъ вещь ему уже знакомую.

— Да, въ бочкѣ, вообразите!

— Значить, этотъ вашъ Діогенъ еще больше меня любилъ свою волю! Не хотѣлъ онъ промѣнять ее на царскіе чертоги! Чтожъ люди качаютъ головой, глядя на мое жилище? Сравнительно съ бочкой вѣдь оно дворецъ! Спасибо вамъ за рассказъ. Буду иногда вспоминать его.

— Это зачѣмъ?

— Да такъ, чтобы какъ-нибудь не поддаться искушенью и не сдѣлать глупость. А я чуть-чуть было не сдѣлалъ большую глупость! На волосѣхъ висѣло... да спасибо вамъ, отрезвили.

— Какъ?.. что?.. я, я самъ порвалъ спасительный волосокъ моихъ рассказовъ?—съ искреннимъ огорченіемъ воскликнулъ я.

— Послушайте,—задушевно сказалъ мнѣ Гансъ:—я хочу кое въ чемъ признаться вамъ. Вотъ видите ли, эта дѣвочка... эта Берта... ну, да что говорить, я знаю ее болѣе шести лѣтъ, она выросла на моихъ глазахъ, распустилась какъ пышный розанъ.

Я невольно улыбнулся.

— Я гдѣ-то прочелъ это сравненіе между розой и молодой дѣвушкой. Очень оно мнѣ понравилось.

— Оно старо какъ Божій свѣтъ,—замѣтилъ я, махнувъ рукой.

— Все на землѣ старо!—воскликнулъ Гансъ, неопредѣленно глядя въ небо:—и солнце, и воздухъ, и зелень, и небо, и все! Но для каждаго новаго гостя на землѣ—все ново!

— Ого, да вы философъ не хуже самого Діогена!—замѣтилъ я.—Скажите, дружище, тѣ мысли, которыя вы сейчасъ высказали, пришли вамъ въ голову сами, или же...

— Не знаю, не знаю,—перебилъ онъ меня,—только дѣтство я провелъ въ домѣ человѣка, который очень опечалился бы, еслибы поглядѣлъ, что изъ меня вышло!

— Значить, у васъ хорошія воспоминанья дѣтства?

— Еще бы! ангеламъ въ раю не можетъ быть лучше, чѣмъ было намъ у нашего нареченнаго отца!

— Кто же былъ вашъ... какъ вы сказали?

— Нареченный отецъ. Вы не здѣшній, и не знаете нашихъ порядковъ. Всѣхъ такихъ, какъ я, безродныхъ, у насъ отдаютъ на выкормъ, за ничтожную плату, нареченнымъ отцамъ и матерямъ. Судите сами, сладко ли жить найденному у такихъ родителей!

— Не знаю, какъ въ другихъ странахъ,—вдумчиво продолжалъ Гансъ,—но у насъ въ свободной республикѣ есть свой могучій царь, который всѣмъ вертитъ, всѣмъ заправляетъ! Царь этотъ—*франкъ*! Съ колыбели до гроба сила франка ставить человѣку свои неумолимые законы. Она дѣлаетъ изъ него раба; гнетъ его въ бараній рогъ или выпрямляетъ какъ палку—какъ ей угодно! Вотъ потому-то я и не беру въ руки франка. Я не хочу, чтобы онъ гнулъ меня или выпрямлялъ какъ палку, по своему произволу. Я хочу наслаждаться жизнью, какъ мнѣ нравится, вѣ силы и власти франка!

Я слушалъ Ганса и не вѣрилъ ушамъ своимъ: все это говорилъ мнѣ бобыль, бродяга, оборванецъ, бернскій дуракъ! О, мудрость! въ какомъ ничтожествѣ ты иногда гнѣздишься!

— Да, дѣтство наше прошло счастливо,—какъ бы въ раз-

думѣ прибавилъ Гансъ,—мы не знали ни брани, ни побоевъ, ни слезъ.

— Пойдите, Гансъ, почему вы говорите: мы?

— У насъ въ домѣ была еще дѣвочка постарше меня; со-всѣмъ дурочка, изъ ронской долины.

— Кретинка.

— Н-да, кретинка... ходячій чело-вѣкъ безъ души.

— Она была добрая?

— Очень добрая.

— Ее любили?

— Нареченная мать наша очень жалѣла ее. Лаской и добротой она хотѣла дать ей душу.

— Ну, и что же?

— Не знаю, что вышло бы со временемъ, но она пропала.

— Какъ пропала! въ какомъ смыслѣ?

— Убѣжала. Говорили, будто она бродила по горамъ рука объ руку съ какимъ-то молодымъ иностранцемъ. Говорили, будто они вмѣстѣ, въ маленькомъ челночкѣ, перѣехали на ту сторону Тунскаго озера.

— Ну?

— Ее нашли уже много-много позже... въ концѣ осени.

— Нашли-таки?

— Да, нашли въ самомъ озерѣ и нашли въ камышахъ.

— Боже, точно Ундина!—воскликнулъ я.

— Да, да, и мать часто называла ее Ундиной! Она долго плакала по ней; отецъ иногда даже сердился и говорилъ матери: „и было гдѣ искать себѣ душу—подъ бѣлымъ жилетомъ англійскаго джентльмена!“

— Кто-жъ была ваша мать?

— Жена альпійскаго пастуха и сыровара.

— По замужеству; а по рожденію?

Гансъ глубоко вздохнулъ.

— По рожденію—тоже изъ нашей большой семьи. Ее звали: Люси Фогельфрей.

— Люси? англійское имя?

— Да, англійское. Въ одно майское утро—такое дошло до меня преданье—старый докторъ нашего мѣстечка, лежавшаго между Туномъ и Интерлакеномъ, вышелъ по обыкновенію на крылечко, чтобы взглянуть на небо и рѣшить—будетъ ли дождь или нѣтъ? Онъ глядѣлъ вверхъ, когда у ногъ его раздался слабый пискъ младенца. Онъ обернулся: на ступенькахъ лѣстницы лежалъ свертокъ. Изъ этого-то свертка и слышался пискъ. Ста-

ричокъ былъ человѣкъ добрый; онъ поднялъ свертокъ, развернулъ его—дѣтя было чистенькое, здоровенькое, хорошенькое. На клочкѣ бумаги было написано: „Умоляю принять младенца; умоляю, закликаю! Если Богъ дастъ жизни—приду, объявлюсь. Прошу окрестить дѣвочку именемъ Люси“. Въ то время докторъ былъ одинокій вдовецъ. Родныя дѣти его уже давно или пристроились, или разбрелись по свѣту. Онъ взялъ дѣвочку и прожилъ съ нею четырнадцать лѣтъ. Она росла какъ барышня. Старикъ обучалъ ее, наряжалъ и всегда говорилъ, что оставить Богомъ данной и любимой дочери все свое состояніе. Однако вышло не такъ. Не успѣлъ старикъ закрыть глаза, какъ явились откуда-то наслѣдники. Они рыскали по всему дому, шарили по всѣмъ угламъ: „нѣтъ завѣщанья,—въ одинъ голосъ твердили они,—нѣтъ и нѣтъ!“ А между тѣмъ вся деревня знала, что завѣщанье было, только его не нашли. Имущество перешло къ прямымъ наслѣдникамъ, а Люси лишилась всего. Ее взялъ къ себѣ пасторъ.

— Не дурно,—сказалъ я.

— Каторга,—лаконически отозвался Гансъ.

— Какъ же такъ: каторга?

— Да, каторга, нестерпимая, мучительная! Вотъ вы говорите, что на мнѣ лежитъ печать юга, а на Люси рѣзко легла печать сѣвера, Англіи. Должно быть, она, какъ и я, пошла въ своего неизвѣстнаго отца. Высокая, гибкая, съ тонкими ногами и руками, съ длинной рыжеватой косой, какъ у Магдалины. Лицомъ прозрачная какъ фарфоръ—она совсѣмъ не походила на уроженокъ нашего края. У пастора была цѣлая ватага ребятишекъ. Подъ видомъ благодѣянія, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Люси ихъ учительницу.

— Что-жъ въ томъ дурного?—замѣтилъ я.

— Что дурного?—страстно воскликнулъ Гансъ:—а то, что съ золотыми рѣчами на устахъ, да со смиренными взглядами въ очахъ, люди притѣсняютъ и мучаютъ слабого съ какимъ-то наслажденіемъ! Опираясь на слова евангелія, они истязаютъ избранную жертву, по сатанинской ненависти ко всему, чтѣ лучше и выше ихъ самихъ! Пасторъ всю жизнь ненавидѣлъ стараго доктора, считая его безбожникомъ. Теперь онъ вымещалъ свои скверныя чувства къ доктору на его пріемной дочери!

Гансъ все больше и больше увлекался своею рѣчью—я не узнавалъ его. Глаза его горѣли; всѣ черты дышали негодованіемъ. Рѣчь лилась страстно, плавно.

— Люси была красива,—продолжалъ онъ съ увлеченіемъ,—ее обезобразили. Чтобы въ ней, видите ли, не развилось ще-

славіе—ей обрѣзали ея волнистую, золотую косу! Чтобы она не гордилась вѣшностью, ее одѣли въ отрепье! Она была жива—ее били для исправленья, будто бы, отъ легкомыслія. Она была весела—ее били для исправленья отъ порочныхъ инстинктовъ. Въ четырнадцать лѣтъ—какіе у нея могли быть порочные инстинкты? Бѣдная дѣвочка съ непривычки не умѣла справиться съ пятью ребятишками—ее били за каждое упущенье, за каждое несчастіе, которое съ ними случалось. Ее оставляли безъ обѣда, безъ ужина, она часто голодала. И все это дѣлали подъ смиреннымъ видомъ, что такъ угодно Богу! Люси исхудала, стала пуглива какъ альпійская серна. Иногда, предвидя наказанье, она въ страхѣ убѣгала въ лѣсъ, не думая, что за этотъ побѣгъ ей придется расплачиваться вдвое!

— И все это дѣлалъ пасторъ,—перебилъ я,—защитникъ и наставникъ духовной паствы своей!

— Да, да!.. О, впоследствии я ненавиждѣлъ этого человѣка!—воскликнулъ Гансъ,—и теперь... и теперь... еслибъ онъ не сдохъ... ему бы припомнился „негодяй“ Фрицъ!

— Что за ненависть такая, Гансъ!

— Да, ненависть!.. ненависть непримиримая!.. Я буду умирать и въ смертный часъ прокляну его! Онъ, онъ сгубилъ насъ всѣхъ, злодѣй окаянный!

Я былъ пораженъ.

— Въ вашемъ сердцѣ я замѣчалъ всегда такъ много теплыхъ чувствъ,—началь-было я.

— Въ моемъ сердцѣ тоже много и ненависти!—перебилъ Гансъ.—И если я кого-нибудь возненавижу, то ужъ на всю жизнь, до самой смерти!

— А кто этотъ Фрицъ, о которомъ вы только-что упомянули?—спросилъ я, заинтересованный новымъ свѣтомъ, въ которомъ являлся мнѣ Гансъ.

— Фрицъ кто? Во времена дѣтства и юности Люси, въ нашемъ мѣстечкѣ жилъ довольно зажиточный, холостой парень—это и былъ Фрицъ. Старый докторъ зналъ его съ самаго рожденія и очень любилъ. Въ зимніе, длинные вечера, старикъ часто зазывалъ къ себѣ юношу, и они вмѣстѣ коротали время. Докторъ рассказывалъ Фрицу о многомъ, что дѣлается на свѣтѣ, и о хорошемъ, и о дурномъ. Иногда онъ читалъ ему вслухъ, иногда они спорили. На глазахъ Фрица подрастала Люси. Съ дѣтства онъ привыкъ видѣть ее веселою, здоровою, счастливою. Онъ крѣпко привязался къ ней.—Когда рѣзкая перемѣна въ жизни Люси совершилась, Фрицъ видѣлъ, какъ она вдругъ стала несчастна.

Блѣдная, измученная, съ вѣчно заплаканными глазами, встрѣчалась она ему среди стаи ребятишекъ. На его разспросы она отвѣчала уклончиво, но горе ея было слишкомъ очевидно. Въмѣстѣ съ тѣмъ оно было и безвыходно. Фрицу пошелъ двадцать-четвертый годъ; онъ заявилъ общинѣ, что хочетъ жениться и назвалъ Люси. Пасторъ взбѣлился. Какъ, этотъ докторскій ученикъ, этотъ безбожникъ хочетъ жениться на ребенкѣ, на дѣвочкѣ!... Только отъ такого распутнаго парня и можно было ожидать подобную мерзость!.. Но законъ этого не допустить! законъ воспретить ему совершить такую скверну!—Между пасторомъ и Фрицомъ въ ближайшее воскресенье произошла ярая стычка. Пасторъ разсвирѣпѣлъ и объявилъ съ церковной кафедры, что Фрицъ развратникъ и безбожникъ; что въ немъ сидитъ сатана; что Господь отвернется и проклянетъ всякаго, кто будетъ имѣть съ нимъ какія-нибудь отношенія. Война была объявлена, война непримиримая, которая длилась во всѣ остальные годы жизни Фрица, вплоть до его смерти.—Послѣ этого столкновенья, жизнь Люси стала еще невыносимѣе. Теперь ее ужъ попрекали тѣмъ, что она развратница. Люси захирѣла. Она перенесла нѣсколько болѣзней подъ рядъ, одну за другой. Видя ея безполезность въ домѣ, пасторъ отвелъ ей какой-то темный чуланчикъ подъ лѣстницей, куда велѣлъ бросить охапку соломы. Онъ говорилъ, посмѣиваясь, что больнымъ всего полезнѣе сидѣть на дѣтѣ, и отпускалъ Люси, для дневного пропитанія, ломоть хлѣба и кружку воды.—Фрицъ все это зналъ и страшно тосковалъ. Онъ боялся, что Люси умретъ. Дѣтская дружба его въ несчастіи выросла до страстной любви. Проникнуть къ ней онъ не могъ. Онъ зналъ, что она еще жива, только потому, что ее не свезли на кладбище. Злоба его противъ мучителей бѣшено колокала въ его сердцѣ. Она не давала ему покоя. Все думалъ онъ, что бы предпринять для ея спасенья?—Думалъ, думалъ, и наконецъ надумалъ. Власти мѣстечка гнали его вонъ, лишь только онъ показывался на порогъ управленья. Онѣ, какъ и пасторъ,—а можетъ быть и въ угоду пастору,—обзывали его безбожникомъ, дьяволомъ и не принимали отъ него никакихъ прошеній. Фрицъ заперъ свой домъ, взялъ котомку за плечи и ушелъ...—Скоро узнали, куда уходилъ Фрицъ. Нежданно-негаданно въ наше мирное мѣстечко нагрянула полиція, судъ. Все переполошилось. Судъ прямо ввалилъ въ домъ пастора. Онъ потребовалъ представить на лицо названную Люси Фогельфрей.—„Люси! Люси! гдѣ ты? откликнись!“—неистово закричалъ Фрицъ.—Подъ лѣстницей слышались стоны и слабый стукъ въ замкнутую дверь.

Судъ потребоваль свѣта и влючь. Замокъ щелкнулъ, дверь распахнулась—во мракѣ чулана стоялъ, какъ привидѣніе, остовъ чело-вѣческій: черты лица ввалились, желтая кожа обтянула тонкія кости, два огромные глаза, какъ пустыя впадины черепа, чернѣли на бѣломъ пятнѣ лица. Коротко остриженные волосы ерошились вихрами... Въ коридорѣ съ крикомъ упало грузное тѣло — пасторша отъ испуга лишилась чувствъ... Скверное для мѣстечка дѣло затянулось. Многіе поплатились. Власти кантона вняли моленію Фрица, и ради небывалаго случая дозволили ему жениться на Люси двумя-тремя мѣсяцами раньше узаконеннаго срока. Многіе, какъ я сказалъ, поплатились; но страннымъ образомъ главный виновникъ какъ-то счумѣлъ очистить себя передъ духовнымъ начальствомъ и, получивъ только внушеніе о большемъ снисхожденіи къ ближнему, благополучно вернулся во-свои гордый, сіяющій, торжествующій!.. Фрицъ заскрежеталъ зубами. Ненависть между нимъ и пасторомъ закалилась какъ сталь въ огнѣ!

— Такъ этотъ Фрицъ и сдѣлался вашимъ нареченнымъ отцомъ?

— Да, онъ самый. Я попалъ къ нему на третій годъ его брака. Мнѣ было тогда пять лѣтъ. Однажды, идя по дорогѣ въ Интерлакенъ, Люси встрѣтила черноглазаго мальчишку. Онъ былъ потерянъ и безсвязно разсказалъ ей какую-то запутанную, длинную исторію, изъ которой она ничего не поняла, но спросила его—не хочетъ ли онъ ѣсть? Оказалось, что мальчишка былъ голоднѣе самого голода, и сразу согласился послѣдовать за доброй женщиной, которая обѣщалась накормить его.—Вы, конечно, догадываетесь, ктѣ былъ этотъ мальчишка?—Я смутно помню, что, увидя меня, Фрицъ сказалъ мнѣ что-то очень ласковое. Потомъ онъ поднялъ меня вверхъ и посадилъ на свое широкое плечо. Въ эту минуту, глядя сверху внизъ, я ощутилъ такое радостное чувство, что даже забылъ про свой голодъ!.. Съ того дня я сталъ пріемнымъ сыномъ чудныхъ, рѣдкихъ людей, такихъ людей, какихъ никогда въ жизни больше не встрѣчалъ!..

— Однако вы ихъ очень любили!—вставилъ я свое слово.

— Ихъ нельзя было не любить,—съ увлеченіемъ продолжалъ Ганцъ:—они совсѣмъ не были похожи на всѣхъ остальныхъ людей. Такой доброты — при богатырской силѣ, какъ у Фрица, такой доброты—при физической слабости, какъ у Люси, я больше не видывалъ!—А все же наши односельцы ихъ оттолкнули, выбросили, вытѣснили изъ своей среды. Люди, надъ которыми царить *франкъ*, не могутъ уместить въ своей башкѣ,

что на свѣтъ Божій иногда народится человѣкъ, который не дѣйствуетъ только по разсчету или личной выгодѣ. Великодушіе—совсѣмъ не по плечу нашему альпійскому мужику. Нашъ мужикъ ищетъ въ немъ какую-то заднюю, хитрую мысль. Онъ озлобляется, когда никакъ не можетъ понять предполагаемаго тонкаго и хитраго разсчета!..

— Однако, Гансъ,—перебилъ я,—вы все болѣе и болѣе изумляете меня! Въ сущности вы человѣкъ вовсе не грубый и не первобытный!

Гансъ какъ-то и самодовольно, и добродушно усмѣхнулся.

— Вѣдь вы же никогда и не вѣрили, что я „бернскій дуракъ“!—весело отозвался онъ:—постойте, я покажу вамъ кое-что, что еще больше удивитъ васъ!

Онъ побѣжалъ въ домъ и тотчасъ же вернулся, неся небольшой ящикъ. Очевидно, ящикъ этотъ былъ спрятанъ,—до этихъ поръ я никогда не видѣлъ его. Гансъ поднялъ крышку—въ ящикѣ оказалось десятка два обгорѣлыхъ книгъ. Я взялъ первую на удачу: „Физиологическія Письма“, Фохта; томъ Гейне; Гамлетъ въ нѣмецкомъ переводѣ!..

— Постойте, постойте!—удержалъ мою руку Гансъ, когда я хотѣлъ взять еще одну книгу:—я покажу вамъ свой девизъ.

Онъ открылъ брошюрку, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала закладка,—я прочелъ слова Гамлета, сказанныя имъ въ разговорѣ съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ. Отчеркнуты были двѣ фразы: „Само по себѣ на свѣтѣ нѣтъ ничего ни дурного, ни хорошаго; наша мысль создаетъ намъ и то, и другое“—и: „Я могъ бы жить въ скорлупѣ орѣшка и считать себя властелиномъ безконечнаго могущества и силы“.

— Хорошо?.. правда, хорошо, отлично?—воскликнулъ Гансъ очень довольный.—А вотъ это—и онъ взялъ еще книгу,—это любимое стихотвореніе моей покойной матери:

Kennst du das Land, wo die Citronen blühn,
Im dunkeln Laub die Gold-Orangen glühn...

и Гансъ восторженно прочелъ первую строфу пѣсни „Миньоны“.

— Лаская эти непослушныя пряди черныхъ волосъ,—со слезами въ голосъ добавилъ онъ:—мать часто говаривала мнѣ: „и ты—дитя той волшебной, сказочной страны, гдѣ подъ синимъ небомъ цвѣтеть благоуханный лимонъ и зрѣетъ золотой померанецъ!“

И совершенно для меня неожиданно Гансъ бросился ничкомъ въ траву и замеръ. Во весь остатокъ вечера я не могъ больше добиться отъ него ни слова. Ночью, когда я случайно

проснулся, до моего слуха долетѣли какіе-то дальніе, нѣжные звуки. Я зажегъ свѣчку—ни Ганса, ни его инструмента въ комнатѣ не было. Я подошелъ къ двери. Изъ глубины лѣса долетали до меня тихо дребезжавшіе въ ночномъ воздухѣ звуки струнъ и мягкій, въ душу проникающій голосъ. Какую-то чудную мелодію пѣлъ этотъ голосъ. Слезы набѣгали на глаза, сердце замирало. Притаивъ дыханіе, я весь обратился въ слухъ.

Такъ пѣлъ Гансъ, подъ впечатлѣніемъ нашей задушевной бесѣды, про свою тоску по иной, невѣдомой родинѣ!..

VII.

Нѣсколько дней Гансъ ходилъ разсѣянный, задумчивый, пасмурный. Онъ опять какъ-будто *ушелъ въ себя*, какъ-будто даже сожалѣлъ о своей минутной откровенности. Онъ уходилъ въ лѣсъ и подолгу пропадалъ въ немъ. Вечеромъ онъ садился молча на лавочку и смотрѣлъ куда-то въ даль.

— На дняхъ мы должны разстаться,—однажды вечеромъ сказалъ я ему:—вы теперь поправились, а мнѣ нужно перебраться въ городъ; скоро у насъ опять начнется работа.

— Я никогда не забуду васъ!—сказалъ Гансъ, всталъ и низко поклонился мнѣ:—вотъ все, чѣмъ можетъ заплатить вамъ нищій!—добавилъ онъ съ желчною грустью.

— Нѣтъ, не все,—спокойно возразилъ я:—онъ можетъ заплатить мнѣ за дружбу—дружбой и еще ближе познакомить меня съ собой.

— Вы хотите, чтобы я докончилъ рассказъ?..

— Да, хочу. Тогда онъ неожиданно оборвался на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Вы слишкомъ добры,—отозвался онъ и взялъ мою руку въ свои:—всякій другой насмѣялся бы надо мной, вотъ и все...

— А мнѣ не до смѣха! Я хочу имѣть васъ въ своемъ воспоминаніи сполна. Я хочу знать, кто былъ вашъ нареченный отецъ, чѣмъ онъ занимался, какъ онъ относился къ вамъ.

— Извольте, я все расскажу вамъ. Вспоминать объ отцѣ и о матери для меня самая большая радость... даже, кажется, слишкомъ большая; меня это волнуетъ. Я еще никому никогда не говорилъ о нихъ. Но вамъ скажу, все скажу!—воскликнулъ онъ, замѣтя, что я хотѣлъ что-то возразить ему:—вѣдь вы тоже первый и единственный...

Онъ оборвалъ свою рѣчь на полсловѣ, горячо прижалъ мою

руку, которую все еще держалъ въ своихъ, къ сердцу и задумчиво постоялъ противъ меня.

— Такъ вотъ, слушайте!—наконецъ, произнесъ онъ.—Мой нареченный отецъ, какъ я уже, кажется, сказалъ вамъ, былъ пастухъ и сыроваръ. Въ нашихъ горахъ эта профессія имѣетъ свое особое и довольно почетное значеніе. Съ наступленіемъ лѣта пастухъ нанимаетъ у крестьянъ рогатый скотъ, чтобы угнать его стадомъ на высоты. Плата съ головы опредѣляется полюбовно, по взаимному соглашенію между владѣльцемъ и пастухомъ. Обыкновенно она выдается впередъ. Молоко отъ этого нанятого скота поступаетъ въ полное владѣніе пастуха. Нѣсколько пастуховъ складываются и устраиваютъ тутъ же, въ горахъ, сыроварни. Управитель долженъ аккуратно отмѣчать, сколько ведеръ молока каждый пастухъ доставляетъ ежедневно въ сыроварню, чтобы потомъ можно было сдѣлать вѣрный расчетъ. Фрицъ былъ однимъ изъ крупныхъ пастуховъ. Хотя жители нашего мѣстечка по нелѣпой, вкоренившейся враждѣ не давали ему въ аренду ни одной скотины, по онъ снималъ ее у всего околотка. Какъ „истое отродье сатаны“, по выраженію нашего пастора, онъ доставлялъ каждую штуку обратно въ наилучшемъ видѣ. Скотъ, который онъ пригонялъ съ горъ, былъ бодръ, веселъ, тученъ. Въ окологдѣ хвалили пастуха Фрица за добросовѣстное обращеніе съ живностью, да за то, что ни одна штука никогда не пала у него, и только въ нашемъ мѣстечкѣ ходили темные слухи о томъ, что Фрицъ, за большія прибыли, продалъ душу чорту. Прибыли Фрица дѣйствительно были богаты. Онъ могъ бы жить весь остатокъ года, то-есть отъ осени до лѣта, ничего не дѣлая. Но живая и трудолюбивая натура его не выносила бездѣлья. Лѣтомъ пастухъ, зимою онъ дѣлался рѣзчикомъ на деревѣ. Лучшія группы, которыя продавались очень дорого въ роскошныхъ магазинахъ Интерлакена, были его работы. Онъ рѣзалъ превосходно и въ этомъ ремеслѣ также зарабатывалъ большія деньги. Въ природномъ дарованіи Фрица, въ его терпѣніи за кропотливымъ трудомъ, наши умники опять увидѣли навожденіе дьявола!.. Годъ нашъ раздѣлялся на двѣ рѣзкія противоположности: шесть мѣсяцевъ мы проводили въ горахъ и пасли скотъ; другіе шесть мѣсяцевъ мы жили дома, занимались рѣзбой и читали книги. Въ горы Фрицъ всегда бралъ съ собой и Люси. У пастуховъ это не въ обычаѣ—они идутъ въ горы безъ женъ, бобылями. Но Фрицъ не могъ оставлять Люси одну; у него была на то грозная причина: Люси сама того не знала, но у нея былъ порокъ сердца. При сильномъ волненіи она могла умереть внезапно, отъ раз-

рыва. Фрицъ боялся, чтобы смерть не унесла неожиданно эту необходимую для него, дорогую женщину, а наши добродѣтельные фарисеи приходили въ негодованіе отъ распутства безбожника, который топчетъ въ грязь заветы и обычаи предковъ!— „За это-то распутство и не даетъ Господь ему дѣтей“,—назидательно замѣчала какая-нибудь плодovitая кумушка, тутъ же на-граждаемая здоровыми подзатыльниками своихъ заморенныхъ ребятишекъ. И вотъ вамъ людское сужденіе!.. оно всегда таково, всегда и во всемъ!..

— Извините!—перебилъ я:—въ моей странѣ есть даже по-словица, которая говоритъ: гласъ народа—гласъ Божій!

— Да, относительно того, что народъ понимаетъ, это быть можетъ и справедливо,—упрямо стоялъ на своемъ Гансъ,—но чего онъ не понимаетъ, къ тому беспощаденъ, жестокъ. По крайней мѣрѣ, таковъ нашъ народъ. Наши односельцы не понимали Фрица. По уму, образованію и дарованіямъ, онъ былъ цѣлой головой выше всего окружающаго—съ этимъ никакъ не могли примириться. Его доброту истинно христіанскую, его добродѣтельное отношеніе къ ближнему, его талантъ,—все, все затоптали въ грязь и сжили его со свѣту. Онъ былъ виновенъ, страшно виновенъ передъ односельцами тѣмъ, что выходилъ изъ предѣловъ мужицкаго пониманія!..

— Фрицъ погибъ?

— Да, погибъ. Теперь ужъ ни Фрица, ни его жены нѣтъ на свѣтѣ!

— Давно ли?

— Почти десять лѣтъ.

— Такъ вы рано осиротѣли?

— По шестнадцатому году. Съ тѣхъ поръ я сталъ бродягой, бобылемъ, дуракомъ...

— Вашъ нареченный отецъ ничего не оставилъ вамъ?

— Ничего.

— Какъ же такъ?

— Очень просто: я ушелъ вотъ съ нимъ,—онъ указалъ на Цезаря,—скитаться по бѣлому свѣту...

— И ничего не взяли съ собою изъ дому?

— Не было больше дома... ничего больше не было...

— Вы говорите загадками!

— Я сейчасъ разгадаю вамъ загадки. Больше десяти лѣтъ тому назадъ, когда только-что начиналась весна, Фрицъ, по разнымъ дѣламъ своимъ, долженъ былъ побывать здѣсь, въ Бернѣ. Вернувшись, онъ привезъ съ собою нѣсколько книгъ, между про-

чимъ и эти „Физиологическія Письма“. По вечерамъ онъ сталъ читать намъ ихъ въ слухъ. Однажды—это было наканунѣ перваго апрѣля—къ намъ въ окна то-и-дѣло стали заглядывать любопытные. Въ мѣстечкѣ, видно, уже распространился слухъ, что Фрицъ привезъ изъ Берна какія-то безбожныя книги. Это постоянное мельканье лицъ за стеклами, наконецъ, надоѣло Фрицу. Онъ просилъ мать задернуть занавѣски. Скоро снаружи, время отъ времени, слышался какой-то шорохъ. Иногда кто-то какъ-будто шептался. Мать остановила отца и сказала: „Тамъ что-то творится. Поди, Фрицъ, посмотри, чтѣ тамъ такое?“—„Завтра первое апрѣля,—возразилъ отецъ:—наши маленькіе шалуны, вѣроятно, подстраиваютъ намъ какія-нибудь штуки. Сдѣлаемъ видъ, будто ничего не замѣчаемъ, а то мы испортимъ имъ все удовольствіе“. Шопотъ и шмыганье скоро утихли. За нашей дверью послышался странный, сухой трескъ. Цезарь сталъ метаться и лаять. Фрицъ прикрикнулъ на него. На секунду онъ угомонился, потомъ снова сталъ метаться, лаять и царапаться въ дверь. Фрицъ въ досадѣ вскочилъ. Въ эту минуту занавѣски озарились яркимъ краснымъ свѣтомъ. Мать бросилась къ окну и въ страхѣ сорвала одну занавѣску—подъ окномъ пылало пламя; слышался трескъ сухой, короткій, зловѣщій!.. Фрицъ распахнулъ дверь, въ комнату сталъ вползать густой, удушливый, горячій дымъ. Не помня себя отъ испуга, мать хотѣла выскочить въ самое пламя—отецъ успѣлъ только схватить ее за талью—она повисла на его сильной рукѣ. Пламя врывалось въ окна, въ двери; во всѣ щели проникалъ дымъ, все кругомъ трещало и начинало рушиться, а Фрицъ, какъ помѣшанный, съ блуждающими глазами, стоялъ на колѣняхъ среди комнаты, надъ неподвижно-лежавшей на полу матерью. Дикіе нечеловѣческіе крики вылетали у него изъ груди. Онъ понималъ только одно, что нѣтъ больше на свѣтѣ его Люси, что испугъ, какъ смертоносная стрѣла, сразилъ ее!—„Фрицъ! Фрицъ!“—кричалъ я тоже, дрожа отъ испуга:—„мы всѣ сторимъ! пойдемъ, пойдемъ отсюда!“ Онъ очнулся, схватилъ мать на руки, бросился бѣжать съ нею въ поле. Онъ бережно сложилъ свою любовь, свою душу, какъ онъ называлъ Люси, на небольшой пригорокъ, взялъ ея холодную ручку и прижался къ ней лицомъ...

Домъ нашъ пылалъ—Фрицъ не двигался, ни о чемъ не заботился, ничего не спасалъ. Я дѣлалъ все, чтѣ могъ, но мнѣ было только пятнадцать лѣтъ—чтѣ могъ я сдѣлать одинъ? Во-кругъ дома собралась вся деревня, но никто не помогалъ мнѣ. Узнали о несчастьи Фрица, заговорили: „Божья кара, Божья

справедливость, Божій судъ!“ Я зналъ, что Божьяго тутъ ничего нѣтъ, что все надѣлали люди по глупости и злобѣ. „Неправда, не Божья кара!“ — въ изступленіи кричалъ я: — „это вы злодѣи, убійцы, преступники, пожгли насъ!.. вы!.. вы!“ Мыѣ, конечно, отвѣчали бранью.

Къ утру у насъ не было больше дома — на его мѣстѣ дымилась и тлѣла цѣлая груда горячаго мусора. Въ огородѣ валялось немножко мебели, да вотъ эти обгорѣлыя книги. Вотъ та *шутка*, которую сыграли Фрицу односельцы на первое апрѣля!

Съ восходомъ солнца на пожарище явился пасторъ. Онъ покачалъ своей почтенной головой и назидательно изрекъ, возводя очи къ небу: „Вотъ такъ-то, братія мои во Христѣ, рано или поздно Господь караетъ ослушниковъ своихъ!..“ Онъ пошелъ въ поле. Его, должно быть, подгоняло любопытство посмотреть, какую рожу корчитъ грѣшникъ подъ обрушившейся на него карой. Онъ увидѣлъ грѣшника на колѣняхъ около покойницы. Фрицъ вѣрно почувствовалъ, что къ нему приближается врагъ. Онъ вскочилъ на ноги.

— Чтѣ вамъ здѣсь нужно? — зарычалъ онъ.

— Смирись предъ Господомъ, бѣдный сынъ мой! — іезуитски произнесъ пасторъ, опустилъ глаза дѣлу подъ бѣшеннымъ взглядомъ Фрица и побагровѣлъ.

— Вонъ! вонъ! всѣ вонъ! — неистово закричалъ Фрицъ и, выхвативъ изъ изгороди огромную жердь, бросился на собравшуюся кучку. Глаза его были налиты кровью.

— Каинъ! — крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Въ него вселился бѣсъ, — скорбно замѣтилъ пасторъ. — Уйдемте, друзья! Бѣсъ натолкнетъ его на преступленіе!

Каинъ побѣждалъ за напуганной толпой. Онъ ругался, кричалъ, ревелъ. Было что-то ужасающее въ неистовствѣ его отчаянія. Казалось, всѣ темныя чувства его души всплыли со дна на самую ея поверхность. „Пора! пора!“ — бѣшено кричалъ онъ: — „насталъ мой день — день мщенія!“

Фрицъ бушевалъ двое сутокъ. Никто не смѣлъ подступиться къ нему. Власти мѣстечка уже послали нарочнаго въ Тунъ съ донесеніемъ, что такой-то не даетъ хоронить умершую жену свою, и съ просьбой о подмогѣ.

На третій день къ ночи Фрицъ вдругъ совершенно утихъ. Я подошелъ къ нему.

— Уйдемъ, — сказалъ онъ шопотомъ, — убѣжимъ отъ нихъ...

— Уйдемъ, пожалуй, — отозвался я.

— И ее унесемъ туда... — онъ кивнулъ на горы.

— Унесемъ, коли хочешь!

Фрицъ бережно поднималъ бранные останки Люси и, прижимая къ сердцу покинувшую его подругу, медленно поплелся въ горы. Ярость его совершенно прошла; онъ тихо плакалъ, поднимаясь съ дорогой ношей все выше и выше по крутой тропинкѣ. Я шелъ за нимъ, неся котомку, заступъ и лопату. Голодный и грустный Цезарь шелъ за нами.

Ночь была холодная, свѣтлая. Мѣсяцъ, окруженный цвѣтнымъ вѣничкомъ, освѣщалъ нашъ путь. Мы шли до зари. На площадкѣ довольно высокой горы, покрытой лѣсомъ, Фрицъ остановился. Онъ молча сложилъ свою ношу, обратя покойницу лицомъ къ востоку. Нѣсколько секундъ онъ постоялъ надъ нею, потомъ, съ глубокимъ вздохомъ, взялъ у меня лопату. Подъ огромнымъ камнемъ, который Богъ вѣсть когда и откуда поцалъ въ это мѣсто, онъ сталъ копать могилу. Когда онъ кончилъ, солнце уже ярко сіяло, освѣщая синѣющее лицо покойницы. Въ послѣдній разъ горячо припалъ Фрицъ къ ея ужаснымъ губамъ и съ какою-то суетливою торопливостью хотѣлъ поднять ее,—но тутъ силы измѣнили этому мощному человѣку, и онъ упалъ на землю. Повинуясь какому-то внутреннему голосу, я торопился похоронить бѣдную Люси. Цезарь, чуя трупъ, сидѣлъ на краю ямы, и, поднявъ голову вверхъ, надрывалъ мнѣ душу жалобнымъ, протяжнымъ воемъ. Когда Фрицъ очнулся, его свѣтлаго генія, его ангела-хранителя на землѣ больше не было.

Фрицъ сурово замолкъ. Онъ точно забылъ, что человѣкъ одаренъ даромъ слова. Цѣлыми днями сидѣлъ онъ, безсильно опустивъ руки. Такъ прошло съ недѣлю.

— Гансъ,—наконецъ, сказалъ онъ,—теперь и намъ съ тобой пора проститься.

— Куда ты хочешь отослать меня?—спросилъ я.

— Я самъ хочу уйти.

— Куда?

— Вотъ тутъ... смотри—и онъ досталъ изъ кармана старый номеръ „Бернской газеты“,—еще о пасхѣ, Альпійскій клубъ вызывалъ охотниковъ. Хотятъ снова попытаться войти на Юнгфрау. Э-эхъ, была ни была!—и онъ махнулъ рукой.

— Возьми и меня съ собою!

— И-и, что ты, мальчишка!.. жизнь твоя еще только начнется. На, возьми на разживу!—и онъ бросилъ мнѣ тощій кошелекъ, который во время пожара уцѣлѣлъ въ его карманѣ. — Ступай себѣ... да подальше. Со мной простись.

— Не ходи на Юнгфрау! — воскликнулъ я: — это вѣрная смерть!.. Мать не пустила бы тебя!

Фрицъ покачалъ головой.

— На землѣ Фрица больше нѣтъ, — тихо произнесъ онъ, и крупныя слезы покатались изъ его добрыхъ глазъ: — тѣло его еще не застыло, но душа уже далеко... далеко.

Взглядъ его сталъ блуждать по холмамъ, по верхушкамъ лѣсовъ, по клубящимся облачкамъ, по выступамъ и краямъ утесовъ.

И чудилось мнѣ, что онъ слѣдитъ за полетомъ собственной души своей! Чудилось мнѣ, что и я вижу что-то прозрачное, беззвучное — то колышется въ воздухѣ, то опустится низко, скользнуть по долинамъ, по холмамъ, то поднимется выше, остановится на утесѣ, пропадетъ въ ущельѣ. Опять появится, несется выше... еще выше...

Я слѣдилъ за этой воображаемой свѣтящейся тѣнью... Яркіе лучи солнца притянули ее къ себѣ — и на глазахъ моихъ поглотили!

Съ того дня я никогда больше не видѣлъ Фрица. Судьба завела меня съ Цезаремъ сюда, въ Бернъ. Мы много бѣдствовали сначала, но потомъ обжились, привыкли и теперь совершенно довольны.

— А что же Фрицъ? — спросилъ я.

— Никогда не вернулся съ ледяныхъ вершинъ Юнгфрау. Тогда всѣ смѣльчаки, — ихъ было семь, — перевязанные спасительной веревкой, скатились въ пропасть. Да, наша Юнгфрау не хочетъ, чтобъ ея дѣвственные хребты топтала ступня чело­вѣка!

— Гансъ! Гансъ! гдѣ онъ, разбойникъ? — гдѣ онъ?.. — послышался крикливый, раздраженный, женскій голосъ. Мы оба вздрогнули отъ неожиданности: къ намъ подбѣгала пожилая женщина. Я тотчасъ узналъ въ ней торговку съ площади, мать Берты.

— Чего тебѣ? — съ досадой спросилъ Гансъ.

— Нужно, коли зову! — недружелюбно отозвалась старуха.

— Говори!.. Говори при нихъ! — кивнулъ Гансъ на меня, видя, что старуха мнется.

— А-а, самъ напрашиваешься, чтобъ тебя при людяхъ ора­мили!.. Ну, хорошо же, скажу!.. все скажу, что накипѣло у меня вотъ тутъ, — она судорожно указала на грудь, — только потомъ на себя и пеняй! Вы, господинъ, сами видите, — обратилась она ко мнѣ, — можно ли назвать этого урода — чело­вѣкомъ! Онъ живетъ въ канурѣ, какъ какая-нибудь тварь безсмысленная, ничего не работаетъ, денегъ не добываетъ, — а туда же, дѣвчонкамъ головы кружить!.. Что ты съ моей Бертой сдѣлалъ?.. говори!.. Вотъ цѣлый мѣсяцъ бьюсь съ дѣвчонкой!..

— Изъ-за Мартина Люгебюля? — ядовито перебилъ Гансъ. Старуха вся вспыхнула отъ новаго прилива гнѣва.

— Изъ-за честнаго человѣка!.. Изъ-за человѣка съ положеніемъ да съ деньгами!..

— Ну? и что же Берта?

— Ахъ ты злодѣй!.. Еще смѣешь надъ честными людьми издѣваться!.. Что Берта!.. Да ничего не беретъ: ни просьбы, ни побой!..

— А зачѣмъ ты дерешься? — сурово промывчалъ Гансъ.

— Слова не понимаютъ, такъ, говорятъ, палка проймется!..

— Если ты пришла похвалиться мнѣ тѣмъ, что дочку бьешь, — вдругъ бѣшено закричалъ Гансъ на старуху: — такъ и я же тебѣ ребра посчитаю!

— Господи Іисусе Христе! — завопила старуха съ притворнымъ страхомъ, такъ какъ Гансъ былъ только грозенъ на словахъ, а на дѣлѣ неподвижно стоялъ, заложивъ руки за спину.

— Постойте, лучше объяснимся спокойно, — вмѣшался я.

— Ну, говори, объясняй, — не глядя на старуху, проворчалъ Гансъ.

— Ахъ, мой добрый господинъ, спаситель мой, заступникъ! — затрещала старуха: — вѣдь онъ просто неблагодарная тварь!.. Больше всѣхъ другихъ на площади мы съ дочкой его поддерживали, а онъ чуть-чуть меня не задушилъ!

— Ну, положимъ, что до этого еще далеко! — остановилъ я словоохотливую старуху: — коли вы, матушка, пришли за дѣломъ, такъ дѣло и говорите. А пустяковъ вамъ болтать, а намъ слушать не стоитъ.

— Сейчасъ, господинъ, сейчасъ, дѣло-то у меня есть, уфъ! — и она обтерла платкомъ вспотѣвшее лицо, — и не маловажное дѣло. Сами вы посудите, господинъ, можетъ ли онъ честно на хорошей дѣвушкѣ жениться?.. На что онъ ее возьметъ?.. на какую жизнь!.. Кто будетъ уважать ее?.. Что она съ нимъ, въ долгую-то жизнь, подѣлаетъ?.. Такихъ же лѣнтяевъ да бродягъ, какъ онъ самъ, на свѣтъ народить!.. Маленькими будетъ ихъ въ корзинѣ за спиной таскать, а какъ подростутъ — будетъ цѣлымъ хвостомъ по рынку съ ними ходить!.. Будутъ они расти какъ поросята — въ грязи да въ нищетѣ безысходной!.. А жена-то, мать-то, дочка-то моя, красавица, чего-чего ни наглядится, надъ чѣмъ-то ни наплачется, — и надъ холодомъ, и надъ голодомъ!.. Все-то она натерпится съ этимъ дуракомъ безсовѣстнымъ!

— Ну, полно, надоѣла!.. — мрачно прервалъ Гансъ многословъ.

ную рѣчь старухи: — Ступай себѣ... къ чему все это мелешь?.. Кто хочетъ жениться на твоей дѣвчонкѣ?

— А ты развѣ не хочешь жениться на Бертѣ?.. Такъ ты самъ ее только такъ, для баловства, съ толку сбиваешь?.. Хорошо же, стой!.. Я на тебя въ судъ подамъ!.. Упекутъ тебя, въ тюрьму засадятъ!.. А пса твоего лохматого студенты живого на куски изрѣжутъ!

Цезарь, не понимая всей жестокости словъ раздраженной старухи, дружелюбно подошелъ къ ней, сѣлъ съ нею рядомъ и, ласкаясь къ ней головой, началъ легонько похрапывать, какъ мурлычетъ ласкающійся котъ. Это ничтожное обстоятельство совершенно измѣнило тонъ разговора. Старуха вдругъ утихла и даже стала машинально поглаживать мохнатую голову добраго пса. Гансъ подошелъ къ ней ближе.

— Ну, фрау Ренкеръ,—сказалъ онъ пріятливо,—побранились и довольно. Идите-ка домой. Вы всегда были добры ко мнѣ, и будете мною довольны. Я и дуракъ, и лѣнтяй — въ этомъ вы совершенно правы, но я не подлецъ и не разбойникъ—это вы ужъ взводите на меня напраслину!

— Дай Богъ, дай-то Богъ! — прошептала фрау Ренкеръ и прибавила:—ну, прощай, Гансъ; смотри же, не сбивай Берту съ толку, слышишь?

— Слышу, не буду. Прощайте, фрау Ренкеръ.

— Богъ тебѣ за это много грѣховъ проститъ, Гансъ.

Старуха нѣсколько разъ кивнула намъ головой и поплелась обратно въ городъ.

Я расхохотался. Мнѣ было ужасно смѣшно: началось съ цѣлаго фейерверка брани, а кончилось ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ. Чисто бабье объясненіе—крикъ, шумъ, брань, и въ результатѣ нуль!

— Надъ чѣмъ это вы задумались?—спросилъ я Ганса.

— Хочу уходить изъ Берна.

— Куда это?

— Не знаю... все равно... въ Интерлакенъ, что-ли?..

— Зачѣмъ?

— Вѣдь я же сказалъ старухѣ, что не буду сбивать Берту съ толку?.. Ну, и нужно сдержать слово. Она во всемъ права. Въ раздраженіи своемъ и огорченіи она говорила обидными словами, но суть ихъ справедлива. Не слѣдуетъ бродягѣ безродному нарождать на свѣтъ Божій такихъ же бродягъ, какъ онъ. До сихъ поръ я былъ свободенъ, чистъ передъ совѣстью! Меня не будетъ клясть въ тяжкія минуты ни одинъ безпріютный, голодный, по-

кинутый!.. Я чистъ передъ всей братьей отверженных! Въ душѣ моей вѣчно были живы мои собственныя страданья... я не хотѣлъ такихъ же страданій близкому, родному... сыну, — добавилъ онъ нѣжно. — Не нужно мнѣ ни жены, ни семьи!..

...Dahin! Dahin

Möcht ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn!

VIII.

Гансъ сдержалъ слово. Прошло два дня, и я проводилъ его далеко за городъ. Онъ пошелъ на городъ Тунъ, чтобы оттуда пробраться въ Интерлакенъ. Онъ выбралъ этотъ путь, желая, послѣ десяти-лѣтней отлучки, взглянуть на мѣста, гдѣ протекло его дѣтство.

Гансъ уходилъ все въ томъ же зелено-буромъ, заплатавшемъ сакъ-пальто. Альпійская палка чрезъ плечо, съ качающимся на ней тощимъ узелкомъ. Только на его вудрахъ красовалась моя старая шляпа съ широкими, мягкими полями, что придавало его фizioноміи еще большую типичность. Вагонъ свой онъ тщательно заколотилъ, замкнулъ и передалъ мнѣ ключъ, прося отдать его при случаѣ фрау Ренкеръ. Онъ тоже попросилъ меня сказать ей, что „бернскій дуракъ“ убрался и никогда больше не вернется.

— Пожалуйста, напирайте на слово *никогда*, — сказалъ онъ: — пусть и Берта пойметъ, что я ушелъ и больше не вернусь къ ней.

— Это огорчить ее!

Гансъ вздохнулъ.

— Не надолго, — замѣтилъ онъ грустно. — Берта выросла среди здѣшнихъ; ее скоро съумѣютъ убѣдить, что я дуракъ и нищій, а Мартинъ Люгебуль умница и богатъ. Она поплачетъ-поплачетъ да и возьмется за умъ. Вѣдь Берта не то что Люси. Ее никто не училъ; она выросла на рыночной площади. Что дѣлать!.. Съ волками будетъ жить, по-волчьи будетъ выть!.. А я что для нея?.. я звѣрь какой-то иной породы.

— Вы чудакъ, Гансъ.

— Да, да, чудакъ! — съ горечью подтвердилъ онъ... Эхъ, все это вздоръ! — махнулъ онъ рукой — все одна глупость!.. у меня есть мой вѣрный другъ — чего мнѣ больше?

— Цезарь дѣйствительно вѣрный другъ. А вотъ вы не такъ вѣрны ему, какъ онъ вамъ.

— Это вы все насчетъ того, что я не хочу брать отъ васъ денегъ?

— Да, все насчетъ этого. Нельзя пускаться въ путь съ пустыми карманами.

— Пустое, съ голоду не умремъ!

— Вы-то голодайте, если вамъ такъ нравится, а вотъ пса вашего вѣрнаго напрасно не морите.

— И не буду морить!

— Ну, не упрямитесь, Гансъ! возьмите; ну, хоть на черный день для Цезаря!

Я подаль ему двѣ золотыя монеты.

— Ну-же, рѣшайтесь, возьмите!.. Вѣдь и я за это время немножко привязался къ Цезарю. Мнѣ будетъ тяжело думать, что онъ голодаетъ!

— Васъ будетъ беспокоить эта мысль?

— Разумѣется!

— Такъ я возьму,—онъ весь покраснѣлъ и робко протянулъ руку къ монетамъ. Золото какъ будто жгло ему пальцы:—возьму въ знакъ благодарности за все, что вы для меня сдѣлали!

Порывисто и неожиданно Гансъ бросился передо мной на колѣни, схватилъ мою руку и крѣпко прижалъ ее къ губамъ.

— Я никогда не забуду васъ!—прошепталъ онъ, неловко вставая:—ваше участіе, ваше осторожное прикосновеніе къ больнымъ мѣстамъ души моей... Вы не думайте—я все понималъ!.. Теперь я не одинъ на свѣтѣ!.. Около меня, со мной, вездѣ, всегда есть родная душа!

Мы обнялись какъ братья и простились.

IX.

Октябрь подходилъ къ концу.

Въ огромномъ каменномъ зданіи опять кипѣла жизнь. За лѣто и профессора, и студенты набрались силъ, и послѣ долгаго отдыха съ увлеченіемъ набросились каждый на свое дѣло. По возвращеніи, другъ мой и профессоръ встрѣтилъ меня очень радушно и назначилъ меня своимъ официальнымъ ассистентомъ. Занятій было бездна, самыхъ спѣшныхъ, самыхъ безотлагательныхъ. Я такъ ушелъ въ наши клиническіе интересы, что позабылъ все на свѣтѣ. „Бернскій дуракъ“, разумѣется, иногда приходилъ мнѣ на память, но какъ-то мимолетно: мелькнетъ въ воспоминаніи и уже исчезаетъ. Голова моя была переполнена „любо-

пытными случаями“, всевозможными „фазисами интересных болѣзней“, „удачными или неудачными операціями“, ново-открытыми способами леченія, и т. п. Все это обдумывалось, изучалось, провѣрялось, точно запутанная, безконечная задача, надъ разрѣшеніемъ которой изощрялись сотни головъ.

Яснымъ октябрьскимъ утромъ, погруженный въ свои научныя соображенія, я торопливо завернулъ за уголъ, гдѣ въ былое время встрѣчалъ Ганса. До моей руки, въ которой я несъ книги, дотронулось что-то влажное. Я взглянулъ—на меня ласково смотрѣлъ Цезарь. На мой привѣтъ, онъ, по старой памяти, вскочилъ мнѣ на грудь. Я сталъ искать глазами хозяина и, признаться, не сразу узналъ его. Мнѣ протягивалъ руку человѣкъ въ сѣрой венгеркѣ съ зеленой оторочкой, въ тирольской шляпѣ, украшенной перомъ глухаря.

— Гансъ!—изумленно воскликнулъ я.

Дѣтская радость разлилась по всему сильно-загорѣлому лицу Ганса. Онъ пріосанился.

— Не ожидали?—хвастливо спросилъ онъ:—не ожидали, что мы придемъ такъ скоро и такими франтами?

На Цезарѣ былъ красивый ошейникъ.

— Признаться, не ожидалъ, никакъ не ожидалъ!—отозвался я.

— Идите, идите! Я знаю, что вамъ теперь некогда.

— Навѣстите меня попозже. Приходите ко мнѣ въ пять часовъ.

— Вотъ и отлично! Непремѣнно придемъ.

— Вамъ, кажется, повезло?

— Какъ видите!

— Чтѣ-же вы дѣлали?

— Ходилъ по горамъ. Но и вы идите. Прощайте!.. до вечера!

— Въ пять часовъ. Не забудьте!

— Какъ можно забыть!

Гансъ отошелъ-было, но снова догналъ меня.

— На одну секунду,—сказалъ онъ,—хочу только поразить васъ еще кое-чѣмъ!

Онъ запустилъ руку въ боковой карманъ и вынулъ оттуда горсточку золота. Мое вторичное изумленіе и его привело вторично въ дѣтскій восторгъ.

— Да вы изъ Діогеновъ прямо скакнули въ Крезы!—воскликнулъ я, наслаждаясь его радостью.

— Тоже вѣрно продалъ душу чорту, ха-ха-ха!—весело ото-

звался онъ. — Люди давали мнѣ золото за то, что я десятки разъ рисковалъ сломать себѣ шею. Странные люди!.. Меня прозвали за это „Смѣлымъ“. А мнѣ что! — мнѣ все равно. Нужно же когда-нибудь сбросить свою брентную оболочку!.. Прощайте, прощайте!..

— До свиданья!

Ровно въ пять часовъ Гансъ постучалъ ко мнѣ въ комнату. Мы еще разъ дружески обнялись.

— Ну, присядьте, расскажите, какъ это счастье повезло вамъ?.. Гдѣ вы были?

— Въ Интерлакенѣ. Я попалъ туда, когда все тамъ было на ногахъ. Приѣхалъ почтенный англійскій лордъ, который уже двадцать-пять лѣтъ тому назадъ былъ въ Интерлакенѣ со своимъ юношей сыномъ, замѣтите — единственнымъ сыномъ. Однажды утромъ, — говорю про то, что было двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, — лордъ проснулся и потребовалъ сына къ себѣ. Ему отвѣтили, что молодой лордъ ушелъ въ горы. Отецъ ждалъ его день, и два, и недѣлю — молодой лордъ не возвращался. Старикъ посулилъ баснословное вознагражденіе тому, кто доставитъ ему сына живого или мертваго. Начались поиски. Искали чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ и ничего не нашли. Молодой лордъ пропалъ безъ вѣсти. Старикъ-отецъ въ глубокомъ отчаяніи покинулъ страну.

И вотъ, теперь, когда стукнула двадцать-пятая годовщина съ того дня, когда старый лордъ въ послѣдній разъ видѣлъ своего сына, онъ захотѣлъ снова попытать счастье. Ему было тяжело, какъ говорятъ, сойти въ могилу, не взглянувъ еще разъ на своего погибшаго наследника.

Когда я пришелъ въ Интерлакенъ, вызывали желающихъ отправиться на поиски. Экспедиція была крайне опасная; она представляла немалыя трудности. Желавшихъ нашлось только три человека: я да еще два бобыля, тоже изъ безродныхъ. Каждый изъ насъ шелъ на свой страхъ, безъ гарантій и безъ помощи отъ артели проводниковъ. Впрочемъ въ этомъ дѣлѣ гарантій и не требовалось. Мы не вели туристовъ, значить и не могли никому нанести ущерба, который бы запятналъ добрую славу артели альпійскихъ проводниковъ.

Мы пустились въ путь.

Въ первый разъ я испыталъ неописанное наслажденіе борьбой съ опасностью! Я игралъ своей жизнью, дерзко заглядывалъ въ глаза самой смерти! Мое сердце билось какою-то особенной радостью, которую я и передать не умѣю, когда я выходилъ торжествующій изъ грозившей мнѣ гибели!..

Я—слабый червь, и эти громады! эти ледники! эти ущелья! Мое царство! Мое царство!..—восторженно воскликнул Гансъ.—Свободный гений мой всюду носился по прихоти моей мечты! Онъ улеталъ за предѣлы небесъ, спускался глубже пропастей!.. Я былъ счастливъ! счастливъ!.. счастливъ!..

— И духи вашего царства подсказали вамъ, гдѣ лежитъ тотъ, кого вы ищите?.. Выдали вамъ тайну!

— Выдали, выдали! Меня неотразимо влекло въ одинъ обрывъ. Я разъ десять подходилъ къ нему. „Тамъ!“—шепталъ мнѣ внутренній голосъ. Мои товарищи отказались сопровождать меня въ узкое ледяное ущелье. Я привязалъ себѣ къ поясу длинную веревку и спустился...

Я попалъ въ царство вѣчнаго льда. Должно быть, ледъ не таялъ здѣсь съ самаго сотворенія міра!.. Когда я зажегъ фонарь, тысячи огней отразились въ прозрачныхъ, какъ кристаллъ, ледяныхъ узорахъ. Было что-то волшебное въ этихъ хрустальныхъ пещерахъ. Я ходилъ изъ одной въ другую, точно между колоннами фантастической арки. Подъ сугробами снѣга, подъ глыбами сватившихся въ эту бездну лавинъ, я находилъ звѣрей и птицъ. Они, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ, покоились здѣсь вѣчнымъ сномъ, но были свѣжи, нетлѣнны, какъ будто только-что испустили послѣдній вздохъ!

Я сталъ рыться подъ сугробами обваловъ. Послѣ долгихъ и утомительныхъ трудовъ мнѣ удалось, наконецъ, за что-то ухватиться: это былъ конецъ плѣда.

Духи моего царства натолкнули меня на вѣрный слѣдъ!

Я долженъ былъ освободить юношу изъ-подъ цѣлаго пригорка наваливагося на него снѣга и льда. Я работалъ до изнеможенія, иногда даже до отчаянія, но все же упорствовалъ и достигъ цѣли. Я привязалъ къ себѣ нетлѣнный трупъ юноши и подаль знакъ—товарищи вытащили меня и встрѣтили громкими криками побѣды. Дальнее эхо, какъ могучій голосъ горнаго духа, много разъ повторило этотъ побѣдный крикъ!..

Мы тотчасъ же пустились въ обратный путь. Когда мы пришли, о насъ доложили лорду. Онъ достойно и гордо вышелъ къ намъ и на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ самъ сталъ разспрашивать насъ. Когда же онъ понялъ изъ нашихъ отвѣтовъ, что мы нашли какого-то погибшаго юношу, то разомъ потерялъ всю свою важность, засуетился и приказалъ намъ тотчасъ же внести найденнаго. Мы внесли юношу подъ его же пледомъ. Старикъ дрожащей рукой откинулъ пледъ, вскрикнулъ, зашатался, засмѣялся, зарыдалъ — все въ одно время — и упалъ на грудь любимаго

сына, нетлѣннаго, юнаго, красиваго, какимъ онъ знавалъ его двадцать-пять лѣтъ тому назадъ!.. А онъ—былъ уже согбенный, изнеможенный отъ времени и душевной тоски, старецъ!

Лордъ по-рыцарски наградилъ меня: онъ велѣлъ выдать мнѣ тысячу франковъ! Вѣсть о моемъ смѣломъ подвигѣ, прикрашенная вымыслами фантазіи, разнеслась по мѣстечку съ быстротой полевого пожара. Я не могъ показаться на улицу, чтобъ меня не сопровождали любопытные. На меня глядѣли всѣ: и мужчины, и дамы, и заѣзжіе господа, и наши горцы. Меня находили сильнымъ, смѣлымъ и вообразите,—Гансъ разсмѣялся,—даже красивымъ! Какой-то господинъ, въ блузѣ, красномъ галстухѣ большой петлей и огромной сѣрой шляпѣ, однажды подошелъ ко мнѣ и, протянувъ мнѣ руку, сталъ говорить на непонятномъ для меня языкѣ. Общими силами мнѣ объяснили, что это одинъ изъ знаменитыхъ итальянскихъ живописцевъ, и что онъ хочетъ писать съ меня картину. Я согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы и Цезарь ходилъ къ нему вмѣстѣ со мною. Художникъ охотно принялъ мое условіе. Мой бѣдный Цезарь въ первый разъ въ жизни разставался со мной на цѣлыя сутки и даже больше. Я пристроился съ нимъ къ добрымъ людямъ, которые ласкали и кормили его, но они были ему чужіе, и онъ скучалъ. Имѣя въ карманѣ цѣлую тысячу, я не хотѣлъ больше покидать моего друга даже на одинъ часъ... тѣмъ болѣе... тѣмъ болѣе... что...

— Что такое?... У васъ слезы на глазахъ?

— Цезарь хвораетъ; мой бѣдный, вѣрный другъ хвораетъ... Посмотрите на него—вѣдь онъ раздутъ... Троньте вотъ тутъ, тутъ троньте—твердо какъ камень... Чувствуете?

Я ощупалъ Цезаря, и дѣйствительно нашелъ большое затвердѣніе.

— А посмотрите, какъ при этой раздутости онъ исхудалъ!.. Какъ шея его вытянулась, какъ морда осунулась!.. Замѣчаете?

— Замѣчаю, вижу, теперь вижу...

— Я знаю эту болѣзнь,—сказалъ Гансъ:—это точно какая-нибудь гадина впивается въ нутро и растетъ тамъ, растетъ, и высасываетъ всѣ жизненные соки и силы. Отъ этой болѣзни—я видѣлъ, какъ умирали и люди, и звѣри...

Гансъ не умѣлъ назвать болѣзнь, но онъ былъ правъ. Я еще разъ ощупалъ Цезаря; у него, по моимъ предположеніямъ, была сильная раковая опухоль.

— Вѣдь умереть, непременно умереть,—печально говорилъ Гансъ,—а скоро стукнетъ пятнадцать лѣтъ нашей неразлучной жизни. Мнѣ подарилъ его на рожденіе Фрицъ, когда мнѣ ми-

нуло десять лѣтъ. Въ этотъ день—сѣрдце говорить мнѣ—его въ живыхъ уже не будетъ.

— Ну, полно, полно, бѣдный Гансъ!..

— Для него-то я и вернулся въ Бернъ. Здѣсь больше средствъ и полечить его, и похолить. Мы ужъ больше не въ вагонѣ. Насъ приютила у себя фрау Ренкверъ... Помните старуху?..

— Какъ же не помнить!.. Мать Берты.

— Да, да, мать Берты, — сказалъ онъ съ улыбкой: — помните, какъ она ругала меня?

— А что Берта?

— Вышла за мужъ за Люгебуля и уѣхала съ нимъ въ кантонъ Ури. Ее очень обидѣло, что я ушелъ тогда, не простясь... Я зналъ, что это обидитъ ее. Она обидѣлась и пошла за Люгебуля...

— Берта васъ все же очень любила.

— Да, любила. Но она будетъ счастлива и съ Мартиномъ. Она не изъ такихъ, которыя побѣжали бы на край свѣта за родной душой!.. Берта будетъ счастлива обиліемъ земныхъ благъ...

— Ай-ай, Гансъ, Берта была добрая, хорошая дѣвушка!

— Да, хорошая, добрая, красивая,—я часто вспоминалъ о ней, сидя гдѣ-нибудь въ одиночествѣ, и только я да небо знали, какъ я о ней вспоминалъ!.. А на деньги, которыя подарилъ мнѣ живописецъ—вообразите, вѣдь за то, что я посидѣлъ-то у него, онъ подарилъ мнѣ денегъ!—такъ на нихъ я купилъ... купилъ... вотъ это... смотрите...

Онъ вынулъ изъ кармана футлярчикъ и открылъ его. На бѣломъ бархатѣ красовался медальонъ, въ видѣ сердца, покрытый свѣтло-голубой эмалью. Въ срединѣ этого сердца была незабудочка, усыпанная мелкимъ жемчугомъ, со стебелькомъ и двумя листиками. Вокругъ футляра, въ желобѣ, какъ змѣйка, вилась золотая цѣпочка.

— Это ей на память, когда я умру,—сказалъ Гансъ.

— Когда вы умрете, — долгая исторія! — воскликнулъ я.

— Кто знаетъ, много ли, мало ли кто проживетъ?.. Но раньше зачѣмъ же? Зачѣмъ беспокоить ее?.. Однако я сию и не знаю мѣры,—сказалъ онъ, вставая:—прощайте.

— Заходите ко мнѣ; я всегда дома объ эту пору.

— Благодарю за доброе приглашенье, но вы человѣкъ занятый... теперь не лѣто...

— Такъ знаете чтѣ, Гансъ: я свободенъ по воскресеньямъ—заходите въ воскресенье.

— Хорошо. Хотя можно придумать еще лучше.

— Что такое?

— Вы заходите ко мнѣ по воскресеньямъ, когда будетъ время. Я живу прилично, подъ самымъ городомъ, въ чистенькомъ домикѣ фрау Ренкеръ.

— Хорошо, можно и такъ.

Онъ далъ мнѣ свой адресъ и сталъ неловко мять въ рукахъ шляпу.

— И еще вотъ, пожалуйста... помните золотыя монеты... такъ вотъ, я принесъ ихъ обратно...

Онъ положилъ на конецъ стола два золотыхъ.

— Ваши деньги приносятъ счастье, — замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Такъ возьмите ихъ назадъ и подарите какому-нибудь бѣдняку, — сказалъ я. — Пускай и тотъ на нихъ разживется.

— Мнѣ этого очень не хочется, — сказалъ онъ съ просьбой: — позвольте мнѣ не брать ихъ.

— Нѣтъ, не позволю! Возьмите ихъ и употребите на какое-нибудь полезное дѣло. Всякому чловѣку, на его пути, встрѣчается какое-нибудь полезное дѣло. Ну, вотъ въ такое дѣло ихъ и вложите.

— Хорошо, — сказалъ онъ и взялъ деньги.

Мы простились.

Предчувствіе не обмануло Ганса: болѣзнь быстро развивалась въ Цезарѣ. Онъ становился все слабѣе и худѣе, и только огромный животъ его все прибавлялся да прибавлялся. Самъ Гансъ былъ молчаливъ, блѣденъ, угрюмъ. Видно было, что онъ удрученъ тоской.

Однажды, поздно вечеромъ, кто-то нервно постучался ко мнѣ; я откликнулся. Вошелъ Гансъ и грузно опустился на стулъ. Онъ не сказалъ ни слова, но я понялъ, что все кончено, что онъ лишился друга.

Онъ посидѣлъ-посидѣлъ и всталъ.

— Ну, прощайте, — сказалъ онъ, — иду...

— Идете? куда? — спросилъ я.

— Да опять туда же... теперь... что мнѣ тутъ?..

— Въ эту-то пору? Въ самый разгаръ зимы?

— Я долженъ пожить между моими будущими товарищами-проводниками...

— Вы хотите стать проводникомъ по профессіи?

— Да, нужно... что безъ толку на свѣтѣ болтаться?..

— Опасная должность!..

— Чудная! вольная!.. Послѣ такого несчастья, ничего другого и не остается!

— Вы поступаете въ артель?

— Да, хочу поступить въ артель. Я внесу залогъ и проживу въ артели до весны. Тогда мнѣ выдадутъ аттестатъ.

— Только при такихъ условіяхъ?

— Только при такихъ. Какъ же иначе? Артель должна знать, надеженъ ли проводникъ? Иначе нельзя же довѣрить ему туристовъ. Они часто берутъ съ собой въ горы довольно крупныя суммы.

— Такъ, такъ... У васъ въ Швейцаріи это прекрасное устройство!

— Да, ничего, хорошее... Ну, благословите меня на новую жизнь...

И Гансъ наклонилъ голову подъ мое благословеніе.

— А теперь—прощайте!

Мы стали прощаться.

— „Бернскій дуракъ“ всегда будетъ носить память о васъ вотъ здѣсь,—онъ приложилъ къ сердцу обѣ руки:—не однѣ деньги ваши приносятъ счастье, и слова ваши тоже приносятъ счастье!.. Помните тотъ вечеръ, на берегу Арвы, когда я вытащилъ изъ воды мальчишку,—вы тогда назвали меня *человѣчкомъ*?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Десять лѣтъ подъ-рядъ всѣ люди называли меня „дуракомъ“, и вдругъ нашелся человѣкъ... ну, да что!—махнулъ онъ рукой.—Прощайте! Иду!..

Онъ ушелъ. Шаги его глухо отдались по длинному коридору; выходная дверь захлопнулась.

И я не зажилъ въ Бернѣ. Съ наступленіемъ весны я распростился съ своимъ хорошимъ другомъ, профессоромъ. Мы оба грустно качали головами и сокрушались, что большіе труды наши привели къ малымъ, очень малымъ результатамъ! Наша гипотеза намотала вокругъ себя цѣлую длинную нить доказательствъ, и *за*, и *противъ*, но для науки осталась все же „открытымъ вопросомъ“.

Мнѣ хотѣлось, до моего отъѣзда въ Россію, который уже былъ недалекъ, еще разъ попытать счастье въ Парижѣ. Я сложилъ чемоданъ и уѣхалъ.

Послѣ тихаго Берна шумный Парижъ произвелъ на меня одуряющее впечатлѣніе. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, какъ въ наукахъ, такъ и въ искусствахъ, ключемъ кипѣла жизнь. Въ душѣ пробуждалась потребность и самому принять

участіе въ этомъ общемъ порывѣ къ животрепещущимъ интересамъ. Хотѣлось все видѣть, все слышать, обо всемъ составить себѣ мнѣніе или сказать свое слово.

Изъ Латинскаго квартала, гдѣ я поселился, интересъ минуты гналъ меня въ разные концы столицы міра.

Въ Елисейскомъ дворцѣ открывалась ежегодная выставка картинъ, такъ-называемый „Salon“. Интересы жителей на минуту сосредоточились на этомъ, всегда пріятномъ для Парижа, событіи.

Въ весенній день, когда небо было безоблачно и отъ деревьевъ распространялся въ воздухъ смолистый запахъ распускающихся почекъ, я послѣдовалъ общему теченію и тоже пробѣжалъ до Елисейскихъ полей.

Я ходилъ по выставкѣ изъ залы въ залу, но не выносилъ особенно сильныхъ впечатлѣній изъ видѣннаго. Все было какъ-то обыкновенно, заурядно, „comme toujours“, — какъ замѣтилъ какой-то старичокъ изъ публики. Наконецъ, я добрался до отдѣла иностранныхъ художниковъ. Вдали, передъ довольно объемистымъ полотномъ столпилась цѣлая группа народа. Я приблизился. Сердце мое радостно ёкнуло и чудно замерло!.. Магической силой глаза мои приковались къ полотну!..

На яркомъ фонѣ освѣщеннаго полуденнымъ солнцемъ неба выдѣлялась рѣзкая, даже дерзкая фігура. Она сидѣла, прикутившись на обломкѣ скалы. Вокругъ нея, на необъятномъ горизонтѣ, все были скалы да скалы, ущелья, ледяныя вершины!.. А тамъ, вдали—опять прозрачное, чистое, безконечное небо!..

Фигура эта, величественно-спокойная, одной рукой ласкала голову большого рыжаго сенъ-бернара, другой опиралась на альпійскую палку. Зеленобурые лохмотья классическими складками спадали у нея съ плеча. Черныя кудри затѣйливыми кольцами разметались по вороту бѣлой рубашки.

И воля, и нѣга, и сила, и счастье, и какое-то сладкое томленье отражались въ чудномъ взглядѣ глубокихъ, восторженныхъ глазъ. Полукоткрытыя уста точно шептали:

„Туда! туда!

Хотѣлъ бы я уйти съ тобой, другъ милый!..“

Картина носила громкое названіе „Le Roi des montagnes“.

Все въ ней было чудесно, характерно, поразительно, поэтично. Геній художника постигъ генія свободного духа!

— C'est superbe!—прозвучалъ чей-то восхищенный голосъ надъ самымъ моимъ ухомъ.

— C'est le chef-d'oeuvre du Salon!—отозвался другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ГОРНЫЙ ЦАРЬ.

Прошло шесть лѣтъ. Я провелъ ихъ уже въ Россіи, въ Петербургѣ. Вся жизнь моя была какимъ-то непрерывнымъ колесомъ. Оффиціальная должность при госпиталѣ, частная практика, всевозможныя засѣданія, собранья, вѣчная лихорадка дѣятельности. Необходимость въ одно и то же время попасть въ десять разныхъ мѣстъ; необходимость вѣчно спѣшить; дурной климатъ, ночная жизнь, недостатокъ сна и отдыха—все это вмѣстѣ, за шесть лѣтъ, сильно утомило меня и худо повліяло на мое здоровье. Я опасался, что могу нажить себѣ одну изъ тысячи хроническихъ болѣзней, которыми страдаютъ петербуржцы, и рѣшилъ, для полнаго отдыха и возстановленія силъ, отправиться мѣсяца на три за границу. Ни въ какихъ водахъ я не нуждался, а думалъ попользоваться хорошимъ, живительнымъ воздухомъ. Что же могло быть лучше горнаго воздуха Швейцаріи?

„Что-то дѣлаетъ мой другъ, Гансъ?“—думалъ я, намѣренно направляясь къ Интерлакену:—„повезло ли ему отъ моего благословенія?.. Доволенъ ли онъ своей новой жизнью?“

Въ Интерлакенѣ я остановился въ гостинницѣ „Юнгфрау“.

— Я хочу побродить по горамъ,—сказалъ я на слѣдующій день хозяину,—мнѣ нуженъ проводникъ.

— Хорошо; я сейчасъ пошлю къ вамъ нашего комиссіонера. Онъ знаетъ всѣхъ проводниковъ и укажетъ вамъ на лучшихъ.

Коммиссіонеръ явился.

— Я когда-то знавалъ одного человѣка, который пошелъ въ проводники, — встрѣтилъ я его словами, — и теперь желалъ бы отыскать его.

— Потрудитесь назвать мнѣ его имя.

— Гансъ Фогельфрей.

Коммиссіонеръ призадумался.

— Такого нѣтъ,—наконецъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ!.. какъ же нѣтъ?

— Нѣтъ, вѣрите мнѣ. Не угодно ли вамъ самимъ просмотрѣть списокъ. Въ немъ помѣчены всѣ проводники.

Коммиссіонеръ подаль мнѣ печатный листокъ.

— У насъ пять или даже, кажется, шесть Гансовъ, но Ганса Фогельфрея нѣтъ.

Я пробѣжалъ списокъ и разъ, и два—дѣйствительно, Ганса Фогельфрея не было.

— Возьмите, сударь, Ганса Кюне; это тоже отличный проводникъ.

— Жаль, жаль,—говорилъ я:—мнѣ очень хотѣлось побродить по горамъ именно со своимъ знакомымъ Гансомъ. Мы—давнишніе пріатели.

— Вы не будете жалѣть даже вашего пріателя, если возьмете Ганса Кюне. Увѣряю васъ, онъ прекраснѣйшій проводникъ и пріятный человѣкъ. Онъ честенъ до смѣшного, смѣтливъ, ловокъ, силенъ, смѣлъ и счастливъ. До сихъ поръ ни съ однимъ еще туристомъ, котораго онъ велъ, не случилось несчастья!

— Вотъ какъ!

— Да, вѣрно, потому что у него всѣ наши исполинскія горы на ладони, а небо—въ умѣ!

— Какъ такъ небо въ умѣ?

— Такъ. Онъ по малѣйшей тучкѣ, по туману, даже по прозрачности воздуха уже напередъ знаетъ, какую нужно ожидать перемену въ погодѣ. Онъ никогда не ошибется. Возьмите его, увѣряю васъ. Съ Кюне вы совершенно безопасны.

— Но, судя по всѣмъ перечисленнымъ вами достоинствамъ, этотъ Кюне, должно быть, дорогой проводникъ? Онъ хорошъ для опасныхъ экспедицій, я же высоко не пойду.

— Кюне не дороже другихъ проводниковъ, сударь. Онъ ходитъ по таксѣ. А что ему даютъ сверхъ таксы,—господа его любятъ и часто даютъ ему прибавку,—то онъ вноситъ въ кассу своего страннопріимнаго дома.

— Это какое-нибудь филантропическое учрежденіе?

— Въ родѣ того, только совсѣмъ простенькое. Небольшой домъ, гдѣ наши жильцы находятъ даровой ночлегъ и пищу. Полезное учрежденіе, сударь, которое многимъ бѣднякамъ оказываетъ на перепутьѣ весьма существенную помощь, особенно зимой. У насъ тутъ постоянные жильцы, и изъ Савойи, и изъ Пьемонта, и изъ Тироля, и изъ разныхъ своихъ кантоновъ.

— Хорошо, я возьму Ганса Кюне; пошлите за нимъ.

Черезъ часъ мнѣ доложили, что пришелъ проводникъ.

— Позовите его сюда!—распорядился я.

Громы, молнія, стрѣлы, разрушительные обвалы, падающія лавины не такъ поразили бы меня, какъ поразилъ приходъ проводника!.. Что за чудо! это былъ онъ, мой, мой собственный Гансъ!

Я бросился ему на шею.

— Гансъ! Гансъ! такъ это ты!.. ты этотъ Кюне!—восклицалъ я отъ избытка радости.—Ты живъ!.. ты здоровъ!.. ты счастливъ?

Весело отправились мы въ горы.

— Вотъ оно, твое царство!—говорилъ я Гансу, взбираясь все выше и выше.

Самъ не знаю, какъ это я вдругъ сталъ говорить ему *ты*.

— Вѣдь ты „горный царь“, какъ гласила картина итальянца!

— Вы ее видѣли?

— Какъ же, какъ же!.. Она тогда удивляла и восхищала весь Парижъ!

— А хорошенькая была картинка,—наивно замѣтилъ Гансъ:—особенно удался мой Цезарь, ни дать, ни взять — живой!.. Правда?.. Вотъ бы теперь взглянуть!..

— А что, все еще скучаешь по Цезарю?

— Скучаю. Пустота какая-то. Чтѣ станешь дѣлать—привычка! Пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ прожили. Но я не жалуясь... чтожъ, вѣдь собака не можетъ жить вѣчно!..

— Но вообще ты доволенъ, счастливъ, скажи мнѣ, Гансъ?

Мы стояли на высотѣ надъ глубокимъ ущельемъ.

— Да, счастливъ,—сказалъ онъ,—очень счастливъ!

— У тебя, говорятъ, есть какое-то полезное учрежденіе?

— А-а, вы ужъ объ этомъ слышали! — воскликнулъ онъ, сіяющій:—оно не мое, не мое, оно—ваше!

— Какъ такъ?

— А помните тѣ деньги?.. Вы непременно хотѣли, чтобъ я взялъ ихъ и вложилъ въ какое-нибудь полезное дѣло?

— Ну, помню!

— Съ тѣхъ поръ я и положилъ себѣ: треть заработка кладу въ банкъ на приданое Эммы,—вѣдь у Берты есть дочка, Эммой зовутъ, а двѣ трети—въ кассу ночлежнаго пріюта для бездомныхъ. Вотъ то „полезное дѣло“, которое встрѣтилось на моей дорогѣ. Повѣрите ли: деньги такъ и сыплются, какъ горный водопадъ!.. На второй ужъ годъ я могъ открыть пріютъ.

— Самъ завѣдуешь имъ?

— Нѣтъ; дѣло ведетъ расторопная фрау Ренкерь.

— Какъ! мать Берты? Она развѣ не у дочери? не живетъ съ нею?

— Не живетъ. Она поселилась-было у Берты, да потомъ разсудила, что ей нечего путаться между молодыми.

— А скажи-ка, оправдалось твое предсказаніе?.. Счастлива Берта?

— Она теперь, говорятъ, здоровая, полная, дѣятельная мать семейства. У нея уже трое дѣтей: дочь и два сына. Работа спорится въ ея умѣлыхъ рукахъ. Она любитъ пѣть пѣсни и часто поетъ ихъ. Какъ же она можетъ быть несчастна?

— Ты съ нею видѣлся?

— До сихъ поръ еще нѣтъ. Что мнѣ къ нимъ шататься!.. съ какой стати?.. Люгеболь очень любитъ жену, но, говорятъ, ревнивъ. На что мнѣ портить Бертѣ жизнь!

— Ужъ не запала ли въ сердце другая?

Гансъ повачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—сказалъ онъ.—Я былъ и останусь свободнымъ! Между мною и всѣмъ этимъ,—онъ показалъ на всю окрестность,—никогда не станетъ никакой преграды!.. Мы заключили другъ съ другомъ вѣчный союзъ!.. Эти богатства—всѣ мои! Мнѣ весело ходить по горамъ, весело спускаться въ бездонныя пропасти! Когда я стою, вотъ какъ теперь, — и онъ гордо сталъ, скрестивъ на груди руки,—стою надъ бездной, никто не смѣетъ крикнуть мнѣ: стой! Я играю своей жизнью, какъ игрушкой, по своей охотѣ, и сладко мнѣ, и жутко, и чудно сознавать, что я *имѣю право* презирать опасность... быть смѣлымъ... Гансомъ Смѣлымъ... „Hans der Kühne“, какъ прозвали меня во всей странѣ!

И какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, Гансъ ловко навинулъ широкую петлю своей веревки на острый зубецъ скалы и, прежде, чѣмъ я успѣлъ вскрикнуть, исчезъ въ пропасти.

Сердце мое замерло и остановилось. Я стоялъ надъ черной бездной и ничего не могъ разглядѣть въ ней.

Горный царь спустился въ свои подземные чертоги.

Н. А. Таль.

EX ORIENTE LUX.

— „Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!“
И, къ вседержительству готовъ,
Ирана царь подъ Θермопиль
Нагналъ стада своихъ рабовъ.

Но не напрасно Прометея
Небесный даръ Элладъ данъ.
Толпы рабовъ бѣгутъ, блѣднѣя,
Предъ горстью доблестныхъ гражданъ.

И кто-жъ до Инда и до Ганга
Стезею славною прошелъ?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орелъ.

И силой разума и права
Всечеловѣческихъ началъ
Воздвиглась Запада держава,
И міру Римъ единство далъ.

Чего-жъ еще недоставало?
Зачѣмъ весь міръ опять въ крови?
— Душа вселенной тосковала
О духѣ вѣры и любви!

И слово вѣщее—не ложно,—
И свѣтъ съ Востока засіялъ,
И тѣ, что было невозможно,
Онъ возвѣстилъ и обѣщать.

И, разливаясь широко,
Исполненъ знаменій и силъ,
Тотъ свѣтъ, испедшій изъ Востока,
Съ Востокомъ Западъ примирилъ.

О, Русь! въ предвидѣньѣ высокомъ—
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ же хочешь быть Востокомъ:
Востокомъ Ксеркса, иль Христа?

Владиміръ Соловьевъ.

ГЕРДЕРЪ

— Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго
В. Н. Невѣдомскій. Два тома. М. 1887—89.

II *).

Переходимъ къ самому содержанію сочиненій Гердера, а именно историческихъ и историко-литературныхъ. Мы не коснемся его богословско-нравственныхъ произведеній: онѣ составляютъ особую область, которая далека отъ нашихъ занятій, но надо бы желать, чтобы и она привлекла вниманіе нашихъ специалистовъ по этимъ вопросамъ, — наша литература слишкомъ скудна по предметамъ теологической философіи, и сочиненія Гердера здѣсь имѣли свое широкое историческое значеніе.

Изъ нѣмецкихъ историковъ литературы въ особенности Геттнеръ подвергъ произведенія Гердера внимательному изученію и, не отвлекаясь подробностями внѣшней литературной исторіи и тѣмъ, что было у Гердера дѣломъ временнаго впечатлѣнія, стараясь извлечь изъ его сочиненій тѣ основныя идеи, которыя были его самостоятельнымъ вкладомъ. Мы приведемъ его историко-литературные итоги, дополняя ихъ самими Гердеромъ.

Все дѣло Гердера представляется нѣмецкому историку какъ бы постояннымъ юношескимъ порывомъ, но порывомъ той богатой юности, которая вступаетъ въ жизнь съ запасомъ свѣжихъ идеальныхъ стремленій, ищетъ обновить жизнь своими идеалами, энергически борется съ устарѣлыми понятіями и предразсудками,

---

*) См. выше: мартъ, стр. 277.

дѣлаетъ иногда ошибки, но и въ нихъ бываетъ виновна только энтузіазмомъ, забывающимъ условія времени.

„Гердеръ однажды сказалъ, что юность хочетъ скорѣе чувствовать, нежели знать, и это въ особенности примѣняется къ произведеніямъ его молодости. Въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ очертанія становятся, правда, тверже и рѣзче, но и въ нихъ все еще чувство преобладаетъ надъ мыслью, и крайности одушевленія надъ спокойнымъ изслѣдованіемъ. Какъ философское размышленіе Платона часто прерывается миеомъ, такъ діалектика Гердера часто прерывается аллегоріей и поэзіей. У Гердера была потребность разбрасываться на всѣ стороны, но у него никогда не было потребности завершать дѣло окончательно.

„Главнымъ основнымъ дѣломъ Гердера, руководящей силой и жизненной струей всего его чувства и мышленія было его гениальное проникновеніе въ существо и происхожденіе народной поэзіи—съ такой глубиной и жизненностью ихъ не видѣлъ и не понималъ еще никто.

„Правда, уже Лессингъ былъ самымъ глубокимъ образомъ увлеченъ простодушной свѣжестью старыхъ народныхъ пѣсень и онъ рѣзко отдѣлялъ Николаи, который плоско насмѣхался надъ пристрастіемъ къ народнымъ пѣснямъ; правда, въ это же время Герстенбергъ и Клопштокъ обращали всеобщее вниманіе на Эдду, и вообще возбуждено было живое вниманіе къ различію между поэзіей искусственной и народной у англичанъ, а именно изслѣдованіями Лоута объ еврейской поэзіи, сочиненіями Юнга, „Красотами Шекспира“ Додда, изслѣдованіями о Гомерѣ Вуда, „Оссіаномъ“ Макферсона и собраніемъ старыхъ балладъ Перси. Тѣмъ не менѣе Гердеръ, съ его глубокимъ и тонкимъ поэтическимъ чувствомъ, съ его чутьемъ къ первобытному и естественному, получившимъ новую остроту подъ вліяніемъ Руссо, первый высилъ понятіе о народной поэзіи до его полного значенія и первый понялъ поэзію, какъ отъ природы необходимый родной языкъ человѣческаго духа, какъ зародыщъ и зерно всякой религіи, философіи и исторіи

„Эту глубокую мысль, что поэзія (какъ прекрасно выражается Гёте въ X книгѣ „Правды и Поэзіи“) не есть частная собственность немногихъ образованныхъ людей, а напротивъ всеобщее міровое достояніе народовъ, эту мысль Гердеръ повторялъ много разъ и высказывалъ въ различныхъ оборотахъ. Всего яснѣе и полнѣе она выражена въ отрывкѣ „О происхожденіи и распространеніи первыхъ религіозныхъ понятій“, написанномъ въ

1768 году ¹⁾. Въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ этого сочиненія Гердеръ говоритъ: „Я слѣдилъ за образомъ мышленія націй и, безъ системы и умствованій, пришелъ въ заключенію, что каждая нація создавала свои памятники по религіи своей страны, по преданію своихъ отцовъ и по понятіямъ народа, что эти памятники явились на поэтическомъ языкѣ, въ поэтическомъ одѣяніи и въ поэтическомъ ритмѣ: это были, слѣдовательно, мифологическія національныя пѣсни о началѣ древнѣйшихъ достопримѣчательностей народа. И такія пѣсни имѣла каждая нація древности, которая безъ чужой помощи на пути своей собственной культуры хотя нѣсколько вышла изъ варварства. Гдѣ только существуютъ какіе-нибудь остатки или извѣстія, тамъ есть и развалины такихъ памятниковъ; Эда кельтовъ, космогоніи или теогоніи и героическія пѣсни древнѣйшихъ грековъ, сказанія объ индѣйцахъ, испанцахъ, галлахъ, германцахъ и обо всѣхъ, кто назывались варварами, все это есть одинъ голосъ, одинъ звукъ изъ такихъ поэтическихъ памятниковъ старыхъ временъ... Кто хотѣлъ бы оживить исторію человѣчества въ этотъ столь замѣчательный моментъ, тотъ пусть возвратитъ всѣ эти національныя сказанія, мифическую обстановку и отрывки памятниковъ въ голую скудную человѣческую душу, которая начинала образовываться этимъ путемъ, и пусть съ общимъ взглядомъ на времена и народы онъ соберетъ изъ варварства духъ этихъ древнихъ преданій и мифологическихъ пѣсенъ, какъ Монтескьё собралъ духъ законовъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, есть вездѣ краснорѣчивыя черты для изображенія человѣческаго духа и сердца, какихъ мы не находимъ въ нашемъ образованномъ и искусственномъ вѣкѣ. Все, что въ наши утонченныя времена мы видимъ отъ человѣка только въ слабыхъ, неясныхъ чертахъ, живетъ въ памятникахъ этого вѣка“. Въ другомъ мѣстѣ, именно въ статьѣ объ Оссіанѣ, Гердеръ называетъ поэзію первобытныхъ народовъ архивомъ народной жизни, сокровищницей ихъ науки и религіи, ихъ теогоніи и космогоніи, дѣяній ихъ отцовъ и событій ихъ исторіи, отпечаткомъ ихъ сердца, картиной ихъ домашней жизни.

„Юношеская дѣятельность Гердера именно коренится единственно въ этомъ высокомъ понятіи. Гердеръ приводитъ это понятіе во всемъ его объемѣ не только въ изслѣдованіяхъ о поэзіи и искусствѣ, но точно также въ изслѣдованіяхъ языка, религіи и исторіи. Поэтому первая эпоха Гердера есть безусловно самая богатая и исторически самая вліятельная“.

¹⁾ Онъ изданъ былъ только по смерти Гердера въ біографіи (Lebensbild), составленной его сыномъ.

Геттнеръ замѣчаетъ, что біографія Гердера доказываетъ, что и позднѣйшія произведенія Гердера, получившія историческое значеніе, по своей основѣ принадлежать этой юношеской эпохѣ. Онъ указываетъ далѣе, какъ вліяніе этихъ взглядовъ Гердера прямо отразилось на историческомъ и критическомъ истолкованіи самой исторіи поэзіи.

„Только теперь стало возможно понятіе, что исторія поэзіи есть не одинъ внѣшній разсказъ и перечисленіе поэтовъ и ихъ біографій и произведеній, но научное объясненіе тѣсной связи поэзіи съ общимъ положеніемъ образованія, обусловленнымъ народными вѣрованіями и народностью, выводъ литературы изъ ея всемірно-историческихъ основъ, изъ духа и чувства ея народа, времени и страны. Гердеръ пришелъ къ сознанію этой исторической стороны уже давно“.

Первые образчики этого взгляда Геттнеръ указываетъ даже ранѣе упомянутой статьи о происхожденіи религіозныхъ понятій, а именно въ статьяхъ, писанныхъ Гердеромъ въ 1766 и 1767 годахъ и въ свое время также оставшихся ненапечатанными. Въ тѣ годы еще сполна господствовали псевдо-классическія теоріи и Гердеръ, предпринявши изслѣдованіе объ „одѣ“, убѣждался, что обычная теорія совершенно неудовлетворительна, что „ода“ (то-есть собственно лирическая поэзія) не только совершенно различна у разныхъ народовъ, но, напр., видоизмѣняется у самихъ грековъ смотря по мѣстной родинѣ поэта, такъ что Тивы произвели Пиндара, Спарта—Алкмана, Теосъ—Анакреона, Лесбось—Сафо,—„и это различіе,—говорилъ Гердеръ,—также необходимо изслѣдовать, какъ необходимо спросить, почему Софоклъ и Эврипидъ не похожи на Шекспира и Расина“. Въ другой статьѣ, въ то же время, онъ говоритъ: „Хотѣли установить понятіе оды; но чтѣ такое ода? Греческая, римская, восточная, ода скальдовъ, ода новѣйшая—не совсѣмъ одна и та же; которая изъ нихъ самая лучшая и какія являются только отклоненіями? Я легко могъ бы доказать, что большинство изслѣдователей рѣшали по своему любимому взгляду, потому что каждый извлекалъ свои понятія и правила только изъ одного рода, у одного народа, а всѣ остальные объявлялъ за отклоненія. Безпристрастный изслѣдователь считаетъ *все* роды одинаково достойными его вниманія и потому прежде всего старается составить цѣлую исторію, чтобы послѣ судить обо всемъ“. Гердеръ уже давно обратилъ вниманіе на „различіе вкуса и понятій народовъ“, которое должно было создавать своеобразныя формы самой поэзіи. Нѣсколькими годами позднѣе, въ статьѣ о „При-

чинахъ упадка вкуса у различныхъ народовъ, у которыхъ онъ процвѣталъ“, Гердеръ указываетъ эту историческую разницу въ такихъ выраженіяхъ: „какъ различны времена, такъ должна быть различна и область вкуса, хотя всегда дѣйствуютъ одни и тѣ же правила; матеріалы и цѣли во всѣ времена бываютъ другіе“. Гердеръ долго занимался планами работъ по исторіи литературы; въ особенности его привлекала, кажется, мысль написать исторію греческой поэзіи, которая была бы дополненіемъ и развитіемъ его издавна любимой книги Винкельмана о греческомъ искусствѣ; но между двумя этими писателями была, однако, глубокая разница. Въ то время какъ Винкельманъ всегда и вездѣ проповѣдуетъ только полное и безусловное подражаніе древнимъ, Гердеръ ставитъ требованіе, чтобы подобная исторія ясно указала разницу между истиннымъ и всеобщимъ идеаломъ грековъ въ каждой отрасли ихъ поэзіи и ихъ чисто индивидуальными народными и мѣстными красотами, чтобы человѣкъ новѣйшаго времени отвыкъ отъ мертваго подражанія и, напротивъ, возбужденъ былъ къ подражанію самому себѣ.

Эти историко-литературные планы Гердера остались неисполненными; для настоящей ихъ постановки еще недоставало необходимаго матеріала, но, по замѣчанію его историка, тѣмъ не менѣе очень сильно и плодотворно дѣйствовала счастливая многосторонность того глубокаго и тонкаго пониманія, съ какимъ Гердеръ дѣлалъ свой обзоръ важнѣйшихъ историческихъ эпохъ поэзіи, различныхъ временъ и народовъ. „На высотѣ этого горизонта,—замѣчаетъ Геттнеръ,—и то, что уже было извѣстно, являлось въ совершенно иномъ видѣ и освѣщеніи; мало того, были открыты и завоеваны совершенно новые или до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстные міры. Наука стала глубже и шире и на полную стремленій поэзію настоящаго подулло оживляющее и укрѣпляющее дыханіе свѣжаго весенняго утра.

„Только тотъ, кто ясно видитъ сущность и многообразныя условія развитія народной поэзіи, могъ говорить о Гомерѣ такъ, какъ говорилъ о немъ Гердеръ въ „Критическихъ Лѣсахъ“. Первобытное и народное въ поэзіи Гомера, ея образная сила и наглядная истина никогда не были схвачены съ такимъ глубокимъ пониманіемъ истинно-поэтического, какъ онѣ были схвачены Гердеромъ; такъ не понималъ Гомера даже Лессингъ. Отъ самой юности у Гердера, хотя еще только въ темныхъ предчувствіяхъ, бродили тѣ великія идеи, научной обработкой которыхъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ произвелъ въ изученіи Гомера и эпиче-

свой поэзіи такой знаменательный переворотъ ¹⁾. Еще юношей Гердеръ въ своемъ опытѣ „Исторіи поэзіи“ рассматривалъ Гомера, какъ высшій цвѣтъ и органическое завершеніе тѣхъ эпическихъ пѣвцовъ, которые ему предшествовали и слава которыхъ поблекла передъ славой Гомера, какъ блескъ утреннихъ звѣздъ меркнетъ передъ свѣтомъ солнца, и въ послѣдствіи Гердеръ дѣйствительно снялъ только зрѣлый плодъ своего собственнаго посѣва, когда въ статьѣ о „Гомерѣ и Эпосѣ“, обогащенный изслѣдованіями Вольфа и развивая далѣе свою мысль, опредѣлялъ Гомеровскій эпосъ какъ „общій голосъ первобытнаго пѣсеннаго міра“, какъ эпосъ, художественно поднятый изъ многихъ и разнообразныхъ сказаній болѣе древняго времени“.

Прибавимъ въ объясненіе словъ Геттнера, что это глубокое пониманіе Гомера дѣйствительно было однимъ изъ старѣйшихъ и глубокихъ воззрѣній Гердера. „Произведенія Гомера и человѣческая душа“ были, по словамъ Гердера, тѣми источниками, изъ которыхъ онъ черпалъ свои мысли; онъ называетъ Гомера „своимъ Гомеромъ“—такъ сильно было его увлеченіе древнимъ поэтомъ и такъ глубоко онъ въ него вдумывался. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ трудовъ, въ „Критическихъ Лѣсахъ“, гдѣ разбросано множество мѣткихъ и сильныхъ мыслей о поэзіи и искусствѣ, онъ, между прочимъ, останавливается на знаменитомъ „Лаокоонѣ“ Лессинга и на трудахъ Винкельмана объ исторіи искусства. Это были старшіе и авторитетные писатели, слава нѣмецкой литературы; оба были для Гердера предметомъ величайшаго почтенія, во многомъ имъ самимъ признанные руководители ²⁾, но уже теперь, едва начиная свое собственное поприще, онъ относится къ этимъ авторитетамъ вполнѣ самостоятельно. Лессингъ былъ глубочайшимъ знатокомъ классической древности; Винкельманъ надолго оставался величайшимъ авторитетомъ, какъ глубокій объяснитель греческаго искусства; но точка зрѣнія Гердера была уже гораздо шире. Оба его предшественники заходили, по его мнѣнію, слишкомъ далеко въ воз-

¹⁾ Знаменитыя *Prolegomena in Homerum*, Ф. А. Вольфа, вышли уже гораздо позднѣе, въ 1795.

²⁾ „Лаокоона“ Лессинга онъ называетъ произведеніемъ, „надъ которымъ трудились три богини, покровительницы человѣческихъ наукъ—музы философіи, поэзіи, эстетики“; на Лессинга онъ смотритъ съ благоговѣніемъ, какъ на „высшее существо“; въ „Критическихъ Лѣсахъ“ онъ признается, что въ теченіе многихъ лѣтъ ежедневно переносился мыслию къ древнимъ, что онъ смотритъ на Винкельмана какъ на воскресшаго изъ мертвыхъ грека, что читаетъ его произведенія съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ читаетъ Гомера, Платона и Бэкона, и проч. „Гердеръ“, Гайма, т. I, стр. 267, гдѣ приведены и другія подробности.

величеніи античнаго міра; надъ этимъ міромъ у Гердера стояло человѣчество, а затѣмъ необходимость самостоятельныхъ національных развитій, для которыхъ было бы слишкомъ тѣсно одно слѣдованіе античному идеалу. Въ самомъ пониманіи частности греческаго искусства и поэзіи Гердеръ нерѣдко расходился съ своими учителями. Въ „Критическихъ Лѣсахъ“ онъ говоритъ: „въ томъ, что касается Гомера, я рѣдко раздѣляю мнѣнія Лессинга“. Біографъ Гердера прибавляетъ, что „для Гердера нерѣдко было болѣе вѣрнымъ руководителемъ его поэтическое чувство, чѣмъ для Лессинга его умѣнье остроумно разлагать всякое понятіе на его составныя части“. Разница воззрѣній была коренная. Лессингъ все еще видитъ въ простодушномъ эпическомъ поэтѣ искуснаго художника, у котораго можно научиться извѣстными приемамъ поэтическаго изображенія, а Гердеръ, по словамъ Гайма, „какъ будто самъ сочиняетъ поэму вмѣстѣ съ древнимъ поэтомъ: читая Гомера, онъ не старается научиться у него правиламъ піитики, а смотритъ на его облеченныхъ въ плоть боговъ съ безусловною сердечною вѣрой, безъ предвзятыхъ мнѣній, какъ настоящій грекъ и глазами настоящаго грека“. Общее отношеніе Гердера къ Лессингу и Винкельману Гаймъ указываетъ такъ: „Одинъ изъ этихъ писателей влюбился въ образовательныя искусства грековъ, по выраженію Гердера, „до самаго мудраго безумія и до обожанія“, а другой видѣлъ въ греческой поэзіи безусловно образцовое явленіе, которое должно служить единственнымъ руководствомъ для всѣхъ сужденій о свойствахъ и законахъ поэтическихъ произведеній, и житейскія воззрѣнія обоихъ писателей, ихъ этическія понятія подчинялись рѣшительному вліянію греческой жизни. А что касается Гердера, то для его увлеченія греческими писателями служило противовѣсомъ его влеченіе къ поэзіи восточныхъ и сѣверныхъ народовъ, его широкое сердечное влеченіе ко всему человѣчеству“.

„Греческая жизнь и жизнь всего человѣчества не были для него такими же равнозначущими понятіями, какими они были для Винкельмана и для Лессинга, такъ всецѣло настроившихъ свои умы на древній ладъ, и какими они впослѣдствіи были для Ф. А. Вольфа и В. Гумбольдта, для Шиллера и Гёте; напротивъ того, Гердеръ, подобно писателямъ нашего времени, видѣлъ въ Греціи страну, бросавшую яркій свѣтъ въ широкую сферу всего человѣчества, а въ его умѣ постоянно бродила мысль о болѣе широкой исторіи поэзіи, искусствъ и наукъ, образованности и нравовъ,—о такой исторіи, которая, стараясь объять

„всѣ народы и времена“, сдѣлалась бы „исторіей человѣческаго разсудка“, всеобщей исторіей литературы и цивилизаціи“ ¹⁾).

Далѣе, Геттнеръ, указавши у Гердера глубокое пониманіе Гомера, продолжаетъ, что только человѣкъ, который постигъ сущность и процессъ развитія народной поэзіи, могъ придти къ тѣмъ новымъ воззрѣніямъ на характеръ библейской поэзіи, какія Гердеръ имѣлъ уже съ самаго начала. „Библия была для Гердера первымъ источникомъ его образованія; только ради Библии Гердеръ сталъ теологомъ; онъ самъ рассказываетъ впоследствии, что въ свои дѣтскіе годы онъ читалъ книгу Іова, Экклезіаста, Исаію и Евангеліе, какъ онъ не читалъ никакой другой книги на свѣтѣ. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ сочиненій, въ „Опытѣ исторіи поэзіи“ (оставшемся тогда неизданнымъ), Гердеръ сильно возстаетъ противъ мнѣнія, что и поэтическую сторону Библии слѣдуетъ разсматривать только какъ непосредственно божественное дѣйствіе... Въ этомъ вопросѣ онъ тогда уже рѣзко отвергаетъ взгляды Лоута, въ то время самаго тонкаго знатока еврейской поэзіи... Длинный рядъ статей отъ 1768 и 1769 года, которыя Гердеръ намѣревался собрать подъ именемъ „Археологіи востока“ и которыя потомъ легли въ основаніе его сочиненія о „Древнѣйшемъ памятникѣ человѣческаго рода“, весь проникнутъ той основной мыслью, что древнѣйшую ветхозавѣтную поэзію, исторію творенія міра, исторію потопа и исторію Моисея, должно разсматривать какъ древнія восточныя національныя пѣсни; кто не чувствуетъ величія въ этой простотѣ, тотъ не чувствуетъ никакой поэзіи чувственного созерцанія. Къ 1778 году относится небольшое, но чрезвычайно важное сочиненіе Гердера о „Пѣсни пѣсней“ Соломона—безъ сомнѣнія, самое нѣжное, что когда нибудь было написано Гердеромъ. Нигдѣ тонкое чувство поэзіи и мастерское воспроизведеніе Гердера не проявляется такъ прекрасно, какъ здѣсь, въ этомъ переводѣ глубоко прочувствованныхъ древнихъ восточныхъ пѣсней любви... И послѣ того, какъ въ 1780 „Письма объ изученіи теологіи“ распространили эту точку зрѣнія живой народной поэзіи на всю Библию, вышла въ 1782 знаменитая книга Гердера о „Духѣ еврейской поэзіи“, о которой Гердеръ могъ сказать съ полнымъ правомъ, что съ самаго дѣтства питалъ ее въ своей груди. Еврейская поэзія была для него древнѣйшая, простѣйшая, сердечнѣйшая поэзія на землѣ, поэзія, полная самаго глубокаго естественнаго чувства, и въ то же время это было только поэтическое

¹⁾ Гаймъ, т. I, стр. 268—276.

разумѣніе и созерцаніе Бога и его дѣлъ, которое то возвышается до восторга, то падаетъ до самой глубокой покорности; еврейская поэзія была для него естественно выросшая и народная поэзія народа, котораго все бытіе и сущность проникнуты и наполнены самымъ глубокимъ и сильнымъ сознаніемъ Бога. Кто все хочетъ видѣть въ сверхъестественномъ блескѣ, тотъ, наконецъ, не видитъ ничего; могущественная книга Гердера, свободная отъ всякихъ теологически цѣловыхъ предвзятыхъ мнѣній и предразсудковъ, и которая, къ сожалѣнію, осталась неконченною, снова открыла глаза на вѣчную поэзію Библии“.

Въ книгѣ Гайма читатель найдетъ подробности о томъ, какъ складывались и видоизмѣнялись взгляды Гердера на этотъ вопросъ, начиная съ его первыхъ сочиненій и до трудовъ его позднѣйшей поры; но сущность его воззрѣній, за которой остается историческое значеніе, была именно такова, какъ ее указываетъ Геттнеръ.

Продолжая объясненіе основныхъ историко-литературныхъ идей Гердера, тотъ же историкъ говоритъ, что опять только глубокое пониманіе существа народной поэзіи дало Гердеру возможность столь грандіознымъ образомъ изслѣдовать и реставрировать сокровища старой народной пѣсни. „Теперь подшучиваютъ надъ чрезмѣрнымъ восторгомъ, съ которымъ Гердеръ возвѣщалъ мнимаго Оссіана; этотъ восторгъ былъ горячимъ, хотя невѣрно направленнымъ выраженіемъ того самаго направленія, которое съ такимъ плодотворнымъ пристрастіемъ вело его къ народнымъ пѣснямъ и къ народному сказанію. Отрывочныя указанія Лессинга Гердеръ возвысилъ до дѣйствительно научнаго значенія. Народная пѣсня была для Гердера цвѣтомъ особенности народа, его языка и страны, его занятій и предразсудковъ, его страстей и притязаній, его музыки и его души ¹⁾. Съ неподражаемой подвижностью ума и съ удивительнымъ искусствомъ воспроизведенія онъ собралъ и перевелъ „Голоса народовъ“ изъ всѣхъ странъ земли и изъ всѣхъ вѣковъ съ одинаковымъ вниманіемъ къ душевнымъ звукамъ гренландцевъ, лопарей, татаръ, вендовъ и морлаковъ, также какъ шотландцевъ, испанцевъ, итальянцевъ и французовъ. Это самая осязательная, а потому и самая признанная заслуга Гердера“.

Мы прервемъ эти слова Геттнера, чтобы дать мѣсто нѣсколькимъ отрывкамъ изъ того введенія, которое Гердеръ предпослалъ своимъ замѣчательнымъ переводамъ изъ народной поэзіи. Должно

¹⁾ Геттнеръ пользуется здѣсь словами Гердера

сказать, что когда выходила эта книжка, — теперь уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, — тѣ мысли, которыя кажутся намъ теперь совершенно обыкновенными, привычными даже въ учебникѣ, были тогда совершенно новостью; онѣ сказаны были въ первый разъ. Правда, въ европейской, а также и нѣмецкой литературѣ той эпохи появлялись уже зачатки интереса къ народной поэзіи и старинѣ: въ Англіи давно уже вышелъ сборникъ епископа Перси (*Reliques of ancient poetry*); въ Германіи вспоминали о древнихъ бардахъ и старались подражать имъ, но если въ Англіи сборникъ Перси былъ естественнымъ явленіемъ той любви къ старинѣ, которая вообще составляла черту англійскаго характера, быта и патріотизма, то въ Германіи обращеніе къ „бардамъ“ — была литературная мода, которая отчасти была реакціей противъ псевдо-классическаго формализма, но затѣмъ лишена была серьезнаго жизненнаго значенія или была только темнымъ инстинктомъ. Когда Гердера осянула его мысль объ истинномъ значеніи народной поэзіи, эти явленія нѣмецкой литературы должны были возбудить въ немъ только чувство досады, даже отвращенія, и онъ указываетъ тотъ великій смыслъ, какой заключенъ въ подлинной, неподдѣльной народной поэзіи. Вотъ его слова:

„Собираатель этихъ пѣсенъ никогда не имѣлъ ни досуга, ни призванія сдѣлаться нѣмецкимъ Перси; пьесы, находящіяся здѣсь, или привелъ въ его руки благопріятный случай, или онъ нашелъ ихъ на дорогѣ, когда искалъ другихъ вещей. Еще менѣе можетъ быть его цѣлью вытѣснять болѣе правильныя стихотворенія или болѣе искусственную подражательную поэзію образованныхъ народовъ: потому что это было бы глупостью или даже безсмыслицей; еслибы у него была охота вытѣснять что-нибудь, онъ скорѣе желалъ бы вытѣснить новѣйшее сочинительство романсовъ и стихотвореній въ мнимо-народномъ стилѣ ¹⁾, которое, большею частью,

¹⁾ Гердеръ приводитъ здѣсь цитату изъ 1-й части „Генриха Четвертаго“, именно слова Готспора въ отвѣтъ Глендоверу, который хвалится, что въ молодости былъ при англійскомъ дворѣ и тамъ не мало сложилъ пѣсенъ для арфы. Готспоръ отвѣчаетъ (приводимъ слова изъ перевода А. Л. Соколовскаго):

„...Я лучше соглашусь
Быть кошкой и лаукать, чѣмъ начну
Писать стихи; они мнѣ хуже скрипа
Немазанныхъ колесъ или верченъ
Товарнаго станга. Ничто на свѣтѣ
Не можетъ быть глупѣе и жеманнѣй
Поэзіи. Она въ моихъ глазахъ
Точь-въ-точь хромя лошадь, кое-какъ
Плетущаяся рысью подъ кнутомъ“.

Въ подлинникѣ говорится о meter-ballad-mongers и о mincing poetry.

столько же похоже на древнюю поэзію, какъ обезьяна на человека. Этому сочинительству недостаетъ именно жизни, души его первообраза, недостаетъ истины, вѣрнаго изображенія страсти, времени, нравовъ; это бездѣльничавшій фантъ, переодѣтый въ достопочтеннаго барда или въ оборваннаго слѣпца нищаго, и мнѣ кажется, что объ этомъ маскарадѣ не стоить говорить. Притомъ многія пьесы (говоря безъ похвалы) были такъ переведены и въ такихъ переводахъ все умножалось, что я упрекалъ себя, что съ своей стороны не далъ, какъ слова съ своей стороны, этихъ пьесъ, которыя долго у меня лежали, но не появлялись въ печати. Эти пьесы не что иное какъ теплыя отпечатки того, что думалъ и ощущалъ переводчикъ при чтеніи подлинниковъ; онѣ положены были на бумагу для него самого и для тѣхъ немногихъ, которые здѣсь чувствовали съ нимъ одинаково.

„Монтэнъ говоритъ: „народная поэзія, которая вся есть природа, имѣетъ наивности и прелесть, которыми она равняется съ главной красотой совершеннѣйшей искусственной поэзіи“. Удовольствуемся, вмѣсто многихъ, этимъ однимъ свидѣтельствомъ о народныхъ пѣсняхъ. Мы хотѣли бы, напротивъ, съ своей стороны прибавить нѣчто, что могло бы служить къ объясненію этихъ различныхъ стихотвореній.

„Нѣтъ сомнѣнія, что поэзія и въ особенности пѣсня была вначалѣ вполнѣ *народна*, т.-е. легка, проста, изъ предметовъ и на языкѣ массы, точно также какъ изъ богатой и для всѣхъ чувствуемой природы. Пѣсня любитъ толпу, согласное настроеніе многихъ: она требуетъ уха слушателя и хора голосовъ и сердецъ. Она, конечно, никогда бы не произошла, если бы происходила какъ искусство письменное или картина, которая дается рисункомъ и красками для читателей на полотнѣ, или она никогда не была бы тѣмъ, что она есть у всѣхъ народовъ. Весь свѣтъ и всякій языкъ, въ особенности древнѣйшій сѣдой востокъ, доставляетъ во множествѣ слѣды этого происхожденія, еслибы нужно было ихъ исчислять и представлять.

„О томъ же свидѣлствуютъ имена и голоса древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ. Линъ и Орфей, Фантазія и Гермесъ, Музей и Амфіонъ, имена и извѣстія басенъ или фактовъ, указываютъ, чѣмъ была тогда поэзія, откуда она произошла, въ чемъ она жила.

„Она жила въ слухѣ народа, на устахъ и на арфѣ живыхъ пѣвцовъ: она пѣла исторію, событія, тайну, чудо и предзнаменованіе, она была цвѣтомъ особенности народа, его языка и страны, его занятій и предразсудковъ, его страстей и притязаній, его музыки и души.

„Мы можемъ сколько угодно отдавать на долю басни изъ того, что говорится о странствующихъ пѣвцахъ грековъ (aoidoi): на днѣ сосуда остается истина, которая такимъ же образомъ представляется у другихъ народовъ и въ другіе вѣка. Благороднѣйшее и самое жизненное въ греческой поэзіи выросло изъ этого корня.

„Величайшій пѣвецъ грековъ, Гомеръ, есть вмѣстѣ величайшій *народный поэтъ*. Его прекрасное цѣлое не есть эпопея, но эпосъ, сказка, сага, живое народное сказаніе ¹⁾. Онъ не усаживался на бархатъ, чтобы писать героическую поэму въ дважды двадцати-четыре пѣсняхъ, по правиламъ Аристотеля или даже сверхъ этихъ правилъ, если угодно было музѣ; напротивъ, онъ пѣлъ, что онъ слышалъ, изображалъ, что видѣлъ и живо себя представлялъ; его рапсодіи не лежали въ книжныхъ лавкахъ и на тряпкѣ нашей бумаги, но въ слухѣ и сердцѣ живыхъ пѣвцовъ и слушателей, отъ которыхъ онѣ впоследствии были собраны и, наконецъ, дошли до насъ, переполненныя толкованіями и предразсудками. Стихъ Гомера — столько же всеобъемлющій, какъ голубое небо, и столь же многообразно передающійся всему, что подъ нимъ живетъ — не есть вовсе какой-нибудь школьный и искусственный гекзаметръ, но тотъ метръ грековъ, который лежалъ готовымъ для употребленія въ ихъ чистомъ и тонкомъ слухѣ, въ ихъ звучномъ языкѣ, и, подобно послушной скульптору глинѣ, ожидалъ образовъ боговъ и героев. Безконечно и неустанно течетъ онъ мягкими паденіями съ однообразными эпитетами и каденцами, которые любятъ слухъ народа. Эти свойства его, представляющія неодолимую трудность для всѣхъ знаменитыхъ переводчиковъ и эпическихъ поэтовъ, составляютъ душу его гармоніи, мягкую подушку, на которой при каждой кончающейся строкѣ нашъ глазъ закрывается и засыпаетъ, чтобы при каждой новой строкѣ, отдохнувши, пробудиться для зрѣлища и не утомиться на длинномъ пути. Всѣ возвышенныя обращенія ²⁾, всѣ искусственные завитки и лабиринты словъ чужды этому простому пѣвцу; онъ всегда слышенъ и потому всегда понятенъ: его образы стоятъ передъ глазами, какъ текутъ въ ухо его серебряныя тоны; тѣсная совокупность обоихъ есть походка его музы, которая есть богиня и въ томъ отношеніи, что она служитъ и самому малому,

¹⁾ Гердеръ имѣетъ здѣсь въ виду представленіе тогдашней обычной поэтики, которая зачисляла, напримѣръ, Гомера въ одну категорію не только съ Виргиліемъ, но и съ новѣйшими авторами эпическихъ поэмъ, напримѣръ, Тассомъ, Аріосто, даже Вольтеромъ и т. п.

²⁾ „Alle erhabenen Siehe!“ — какъ въ нашихъ старинныхъ поэмахъ: „зри!“

какъ будто каждому ребенку. О дѣлахъ тайной и милой радости не любятъ говорить на площади; но, мнѣ кажется, Гомеръ не являлся передъ тѣмъ, кто представляетъ себѣ любезнаго пѣшехода только въ быстро катящемся экипажѣ, и кто мягкое теченіе его рѣчи представляетъ себѣ какъ мельничный грохотъ такъ-называемой героической поэзіи. Его шагъ — тихій и появленіе его духа похоже на появленіе Улисса на родинѣ: только тотъ можетъ стать его довѣреннымъ, кто не отрекается и не стыдится этой смиренной фигуры“.

У Гезіода и Орфея меньше этой первобытности; они слишкомъ подвергались передѣлкамъ, искавшимъ ихъ основную форму, но и въ ихъ произведеніяхъ остается, однако, несомнѣнная доля первобытной народной поэзіи, слышится старый, почтенный, народный пѣвецъ.

„О, еслибы удалось мнѣ,—восклицаетъ Гердеръ,—перенести въ нашъ языкъ что-нибудь изъ этихъ золотыхъ даровъ и яствъ древности, изъ ея благороднѣйшихъ народныхъ пѣсень, перенести такъ, чтобы онѣ хотя до нѣкоторой степени остались тѣмъ, что онѣ есть! Гомеръ, Гезіодъ, Орфей, я живу ваши тѣни передъ собой въ толпѣ на островахъ счастья и слышу отголосокъ вашихъ пѣсень; но у меня нѣтъ корабля отъ васъ въ мою страну и въ мой языкъ. Волны на морѣ заглушаютъ арфу и вѣтеръ отвѣчаетъ ваши пѣсни назадъ, туда, гдѣ онѣ никогда не замолкнуть въ амарантной зелени при вѣчной пляскѣ и праздникѣ“.

Эту народную стихію Гердеръ находитъ и въ хорѣ греческой драмы, и въ Пиндарѣ. О чрезвычайной трудности передать пѣсни Пиндара онъ говорить: „какъ Танталъ стоишь въ потокѣ его пѣсень; звучащій потокъ бѣжитъ и золотые плоды ускользаютъ при первомъ прикосновеніи“.

„Поэтому, когда мнѣ не удалось затронуть самое высокое изъ этого рода поэзіи, я удовольствовался передать ¹⁾ изъ грековъ только нѣсколько небольшихъ пьесъ, застольныхъ пѣсень и припѣвовъ. Я держусь берега и предоставляю другимъ открытое море“.

Въ концѣ этого введенія Гердеръ останавливается на вопросѣ о сущности пѣсни и объ ея литературной передачѣ. И здѣсь, какъ въ указаніи первобытнаго происхожденія народной поэзіи, взглядъ Гердера былъ новостью и съ него начинается то пониманіе природы народной пѣсни, какое является господствующимъ теперь.

¹⁾ Въ его сборникѣ „Народныхъ Пѣсень“.

„Наконецъ, я не могу не замѣтить въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ я считаю сущность пѣсни. Я нахожу ее не въ составѣ пѣсни, какъ картины съ миловидными красками, и не думаю также, чтобы блескъ и полировка составляли единственное и главное ея совершенство; это послѣднее принадлежитъ только одному, не первому и не единственному роду пѣсенъ, который я назвалъ бы скорѣе кабинетной или туалетной вещицей, какъ сонетъ, мадригалъ и т. п., чѣмъ безъ ограниченія и исключенія назвалъ бы пѣсней. Сущность пѣсни есть *тънѣ*, а не картина; ея совершенство заключается въ мелодическомъ ходѣ страсти или ощущенія, который можно было бы назвать старымъ удачнымъ выраженіемъ *Weise*. Если въ пѣснѣ нѣтъ мелодіи, то въ ней нѣтъ никакого *тона*, никакой поэтической *модуляціи*, никакого правильнаго ея хода и развитія; пѣса можетъ заключать въ себѣ сколько угодно картину или картины, можетъ имѣть извѣстную складность формъ и миловидность красокъ, но это уже не будетъ *пѣсня*. Или если эта модуляція будетъ чѣмъ-нибудь разрушена, если посторонній украшатель прибавитъ здѣсь какую-нибудь живописную добавку, тамъ красивое прилагательное и т. п., при которыхъ мы на минуту выходимъ изъ тона пѣвца, изъ мелодіи пѣсни и должны переживать какое-нибудь прекрасное, но жесткое и непитательное зерно подбавленныхъ красокъ, — пѣнія уже нѣтъ, нѣтъ пѣсни и радости! Напротивъ, если въ пѣснѣ есть хорошо заведенная и хорошо выдержанная лирическая мелодія, то хотя бы содержаніе ея было и неважно, пѣсня остается и ее будутъ пѣть. Въмѣсто дурного, рано или поздно будетъ взято и на немъ построено лучшее содержаніе; осталась только душа пѣсни, поэтической тонъ, мелодія. Если бы пѣсня съ хорошей мелодіей имѣла какіе-нибудь замѣтные частные недостатки, эти недостатки теряются, дурныя строфы не будутъ пѣться; но духъ пѣсни, который одинъ дѣйствуетъ на душу и возбуждаетъ сердца къ участию въ хорѣ, этотъ духъ безсмертенъ и продолжаетъ дѣйствовать. Пѣсню надо *слушать*, а не *видѣть*, слушать ухомъ души, которое не считаетъ и не взвѣшиваетъ отдѣльные слоги, но прислушивается къ ходу мелодіи и имъ увлекается“.

Гердеръ указываетъ затѣмъ, что пѣсня не допускаетъ никакого личнаго исправленія, и дѣлаетъ дальше замѣчанія о переводахъ и воспроизведеніяхъ.

„При переводѣ самое трудное передать чужому языку этотъ тонъ, тонъ пѣнія, какъ показываютъ сотни пѣсенъ и другихъ лирическихъ пѣсень, потерпѣвшихъ крушеніе на берегу нашего и другихъ языковъ. Если невозможно передать самую пѣсню, какъ

она поется на своемъ языкѣ, то часто не остается никакого другого средства, какъ вѣрно понять, какъ она отдается въ насъ, и передать этотъ отзвукъ. Но всякое колебаніе между двумя языками и манерами пѣнія, у автора и переводчика, бываетъ невыносимо; ухо тотчасъ слышитъ это и ненавидитъ хромого посланца, который не умѣетъ ни сказать, ни молчать. Главной заботой настоящаго собранія ¹⁾ было поэтому понять и вѣрно удержатъ тонъ и мелодію каждой пѣсни. Это замѣчаніе, по крайней мѣрѣ, оправдываетъ содержаніе нѣкоторыхъ пьесъ; цѣлью было не содержаніе, но тонъ и мелодія. Если это удалось, если эта мелодія чисто и хорошо откликается изъ чужого въ нашъ языкъ, то въ другой (т.-е. переведенной) пѣснѣ будетъ уже содержаніе, хотя бы изъ прежней не осталось ни одного слова. Но въ такомъ случаѣ всегда лучше давать новыя лучшія пѣсни, чѣмъ улучшенныя, т.-е. искаженныя, старыя. Въ новой пѣснѣ мы исполнѣмъ владѣемъ содержаніемъ, если только насъ одушевляетъ мелодія старой; при исправленіи мы большею частію не имѣемъ никакой мелодіи, мы пьемъ и шлопаемъ; поэтому я мало или совсѣмъ не измѣнялъ старыя пѣсни“.

Выше мы замѣтили, что еще задолго до изданія „Народныхъ пѣсень“ (или *Stimmen der Völker*, какъ была названа книга во второмъ изданіи) Гердеръ высказывалъ свои взгляды на народную поэзію. Въ статьѣ объ Оссіанѣ ²⁾, написанной въ формѣ писемъ, Гердеръ защищаетъ передъ неизвѣстнымъ корреспондентомъ свое восторженное удивленіе передъ этой поэзіей, которая увлекала его именно какъ отголосокъ первобытной древности и чисто народнаго творчества. Корреспондентъ, въ которому онъ обращался, не раздѣлялъ этого восторга, и Гердеръ собираетъ аргументы въ подтвержденіе своихъ взглядовъ. Это была еще пора полного господства псевдо-классицизма; Оссіанъ являлся нарушеніемъ всѣхъ правилъ; тѣ, которые, несмотря на то, видѣли въ немъ интересное явленіе, принимали его все-таки съ нѣкотораго рода снисхожденіемъ въ видѣ исключенія, какъ снисходили къ самому Шекспиру въ качествѣ геніальнаго дикаря. Въ такомъ родѣ былъ и взглядъ предполагаемаго корреспондента. Но Гердеръ смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе: для него Оссіанъ не только не нуждался въ какихъ-нибудь извиненіяхъ, но, напротивъ, представлялся могущественнѣйшимъ литературнымъ явленіемъ, требовавшимъ уразумѣнія и полного авторитета. Статья

¹⁾ Гердеръ говоритъ о своемъ сборникѣ.

²⁾ „Ueber Ossian und die Lieder alter Völker“, 1773.

Гердера объ Оссіанѣ есть соединеніе эстетическаго трактата съ полу-поэтическими выраженіями того восторга, какимъ наполняла его поэзія Оссіана. Приведемъ два-три образчика.

„Когда еще жилъ въ моей душѣ планъ путешествія въ Англію,—говорить Гердеръ,—о, другъ мой, вы не знаете, какъ я тогда рассчитывалъ на этихъ шотландцевъ! Я думалъ бросить одинъ взглядъ на общественный духъ, на сцену и на всю живую драму англійскаго народа, чтобы въ цѣломъ выяснить себѣ тѣ идеи, которыя обыкновенно такъ темно и странно образуются и запутываются въ головѣ иностранца объ исторіи, философіи, политикѣ и оригинальностяхъ этой удивительной націи. И затѣмъ величайшая перемѣна дѣйствія — къ шотландцамъ! къ Макферсону! Тамъ хочу я живо слушать пѣсни живого народа, видѣть ихъ во всемъ томъ дѣйствіи, какое онѣ производятъ, видѣть мѣста, которыя вездѣ живутъ въ этихъ поэмахъ, изучить остатки этого древняго міра въ ихъ обычаяхъ! стать на время древнимъ каледонцемъ и потомъ назадъ въ Англію, чтобы ближе узнать памятники ихъ литературы, сбитыя въ кучу слова ихъ искусства и черты ихъ характера—какъ радовался я этому плану!“

Но планъ не удался.

Передъ тѣмъ Гердеръ указывалъ бросавшееся ему въ глаза сходство Оссіана съ пѣснями дикихъ народовъ въ Америкѣ, о которыхъ говорили путешественники: та же первобытная дикость, но и та же необычайная жизненная энергія.

„Вы,—продолжаетъ онъ,—усмѣхаетесь моему энтузіазму къ этимъ дикарямъ почти такъ же, какъ Вольтеръ смѣялся надъ Руссо, что ему такъ нравится ходить на четверенькахъ: не думайте, чтобы я изъ-за этого презиралъ преимущества нашихъ нравовъ и просвѣщенія въ чемъ бы то ни было. Человѣческій родъ предназначенъ къ послѣдовательной смѣнѣ сценъ, образованія, обычаевъ: горе человѣку, которому не нравится та сцена, гдѣ онъ долженъ выступить, дѣйствовать и прожить! Но горе также тому философу, размышляющему о человѣчествѣ и обычаяхъ, для котораго его сцена есть единственная сцена, и который не понимаетъ первой (т.-е. прежней, древней) сцены, какъ самой дурной, по его мнѣнію. Если всѣ онѣ принадлежатъ къ одному цѣлому этой движущейся впередъ драмы, то въ каждой сценѣ является новая, достопримѣчательная сторона человѣчества, и берегитесь, чтобы я скоро не угостилъ васъ *психологіей изъ поэмъ Оссіана*. По крайней мѣрѣ идеи къ этому глубоко и довольно живо лежатъ въ моей душѣ, и вы прочтете, пожалуй, нѣчто странное.“

„На этотъ разъ: знаете ли вы, почему я имѣю такое чувство

отчасти въ пѣсняхъ дикарей, отчасти въ Оссіану въ особенности? Въ первый разъ я читалъ Оссіана въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ едва ли могутъ читать большинство читателей, развлеченныхъ житейскими дѣлами, обычаями и удовольствіями и находящихъ въ немъ только занимательное отрывочное чтеніе". А именно, Гердеръ читалъ Оссіана во время своего морского путешествія ¹⁾, когда, покинувъ обстановку своей спокойной городской жизни, съ ея обществомъ, занятіями, развлеченіями, бібліотеками, „учеными и неучеными газетами“, онъ очутился въ открытомъ морѣ, „между небомъ и пропастью“, „каждый день окруженный тѣми безконечными стихіями“, съ пѣснями и дѣяніями древнихъ скальдовъ въ рукахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, мимо тѣхъ острововъ, о которыхъ напоминаютъ эти дѣянія; здѣсь, въ обстановкѣ суровой природы онъ читалъ Оссіана.

„Но и это не было еще настоящимъ источникомъ энтузіазма, въ которомъ вы меня упрекаете, потому что это, быть можетъ, было бы только личнымъ ослѣпленіемъ, какимъ-нибудь морскимъ призракѣмъ. Знайте еще, что я самъ имѣлъ случай видѣть живые остатки этой древней, дикой пѣсни, ритма, пляски между живыми народами, у которыхъ наши нравы еще не въ состояніи были совсѣмъ отнять языкъ пѣсни и обычая, чтобы замѣнить имъ нѣчто изуродованное или ничего не дать. Знаете ли, что, когда я слышалъ такое старое пѣніе съ его дикимъ складомъ, я почти всегда признавался, какъ французскій Марсель: *que de choses dans un menuet!* или скорѣе, что выиграли такіе народы, смѣнявши свои пѣсни на изуродованный менуэтъ или стишки, похожіе на этотъ менуэтъ?“

Собственно говоря, Гердеръ вовсе не слышалъ этихъ старыхъ пѣсень: онъ ихъ читалъ, а именно читалъ лапландскую пѣсню у Клейста и старыя пѣсни шотландскія, которыя дали ему это впечатлѣніе первобытной народной древности. То же самое онъ находитъ и въ другихъ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ, напримеръ даже у эскимосовъ, и новѣйшее стихотворство рядомъ съ этой древней первобытной поэзіей представляется ему какъ картина, рисующая одинъ моментъ, въ сравненіи съ живой движущейся и дѣйствующей сценой. Гердеръ продолжаетъ:

„Итакъ, я хочу выдать поэмы моихъ скальдовъ за образецъ во всемъ для новѣйшихъ стихотвореній? Нимало! Онѣ могутъ быть однообразны и сухи; другія націи могутъ далеко ихъ пре-

¹⁾ Изъ Риги Балтійскимъ моремъ въ Германію. Читатель припомнитъ, что въ тѣ времена не было срочнаго пароходства, и путешествіе было гораздо болѣе продолжительно и гораздо менѣе безопасно.

восходить; онѣ могутъ считаться не чѣмъ инымъ, какъ пѣснями сѣверныхъ мейстерзенгеровъ или импровизаторовъ—онѣ доказываютъ то, что я хочу ими доказать. Духъ, ихъ наполняющій, грубая, простодушная, но великая, какъ бы волшебная, торжественная манера, глубина впечатлѣнія, какое производится всякимъ столь сильно сказаннымъ словомъ, и свободный порывъ вдохновенія (der freie Wurf), которымъ достигается это впечатлѣніе—только это хотѣлъ я указать у древнихъ народовъ, не какъ рѣдкость, не какъ образецъ, а какъ *природу*, и объ этомъ позвольте мнѣ сказать.

„Извѣстно изъ разсказовъ путешественниковъ, какъ сильно и твердо выражаются всегда дикари. Они всегда смотрятъ ясно, живо, реально на дѣло, о которомъ хотятъ сказать; непосредственно и точно чувствуютъ ту цѣль, съ которой говорятъ; они не отвлекаются ни оттѣнками понятій, ни полу-идеями и символическими значеніями (объ этомъ они не знаютъ ни въ одномъ словѣ своего языка, который почти не имѣетъ словъ отвлеченныхъ); еще менѣе они испорчены искусственными выдумками, рабскими ожиданіями, боязливо ползающей политикой и спутанной преднамѣренностью—они находятся въ блаженномъ невѣденіи о всѣхъ этихъ вещахъ, ослабляющихъ человѣческій умъ, и цѣлую свою мысль схватываютъ въ цѣломъ словѣ и цѣлымъ словомъ выражаютъ цѣлую мысль. Они или молчатъ, или въ минуту интереса говорятъ съ непреднамѣренной заранѣе твердостью, точностью и красотой, которыя должны удивлять прекрасно воспитанныхъ европейцевъ. Наши педанты, которые должны впередъ все заштопать и выучить наизусть, чтобы затѣмъ говорить методически заикаясь; наши школьные учителя и церковные прислужники, полу-ученные и всѣ тѣ, которые вертятся около ученыхъ и ничего не приобрѣтаютъ кромѣ того, что, наконецъ, какъ Шекспировы Ланселоты, полицейскій и могильщикъ, говорятъ неясно и спутанно и какъ бы въ послѣднемъ смертномъ страхѣ,—что были бы эти ученые люди въ сравненіи съ дикарями? Кто захочетъ у насъ найти слѣды этого твердаго языка, долженъ искать его не у этихъ ученыхъ людей,—неиспорченные дѣти, женщины, люди съ природнымъ здравымъ умомъ, воспитанные больше практическимъ дѣломъ, нежели умозрѣніемъ, вотъ единственные и лучшие ораторы нашего времени.

„Но въ старыя времена поэты, скальды, ученые умѣли именно соединять эту точность и силу выраженія съ достоинствомъ, благозвучіемъ, красотой; и такъ какъ притомъ они поставили душу и уста въ прочный союзъ, чтобы они не спутывали, а по-

могали и поддерживали другъ друга, то отсюда и произошли тѣ, для насъ полу-чудесныя произведенія древнихъ пѣвцовъ, бардовъ, минстрелей, которыя кажутся намъ величайшими поэтами древнихъ временъ. Рапсодія Гомера и пѣсни Оссіана были какъ бы экспромтами, потому что въ то время и знали только экспромты рѣчи; въ послѣдствіи этому послѣдовали минстрели, хотя слабо и отдѣльно, но все-таки послѣдовали, пока, наконецъ, пришло искусство и потушило природу. Съ юныхъ лѣтъ у насъ мучились надъ тѣмъ, чтобы въ чужихъ языкахъ изучать количество слоговъ, котораго уже не даетъ намъ чувствовать ухо и природа; чтобы работать по правиламъ, изъ которыхъ лишь немногое какой-нибудь геній признаетъ за правило природы; чтобы писать стихи о предметахъ, о которыхъ ничего нельзя думать, еще менѣе наглядно представить и еще менѣе вообразить; чтобы выдумывать страсти, которыхъ у насъ нѣтъ, подражать душевнымъ силамъ, какими мы не владѣемъ,—и, наконецъ, все стало ложью, слабостью и выдумкой. Даже лучшія головы были спутаны и потеряли твердость глаза и руки, увѣренность мысли и выраженія, и при этомъ настоящая жизненность, истина и убѣдительность—все пропало. Поэзія, которая должна была быть самой бурной, увѣренной дочерью человѣческой души, стала самой неуѣренной, хромой, колеблющейся; поэмы стали много разъ выправленными дѣтскими и школьными упражненіями. И если таковы понятія нашего времени, то, конечно, и въ древнихъ пьесахъ мы будемъ больше удивляться искусству, чѣмъ природѣ, и находить въ нихъ то много, то мало, смотря по тому, какъ стоитъ дѣло въ нашихъ головахъ, и рѣдко находить въ нихъ то, что въ нихъ поетъ—*духъ природы*. Если бы Гомеръ и Оссіанъ ожили и слышали бы, какъ ихъ читаютъ и хвалятъ, они слишкомъ часто были бы изумлены тѣмъ, что имъ даютъ и что отнимаютъ, что къ нимъ искусственно прибавлено и что въ нихъ не почувствовано“.

Остановившись затѣмъ на нѣкоторыхъ произведеніяхъ народной поэзіи, Гердеръ дѣлаетъ заключеніе, что „чѣмъ пѣсня старѣе, народнѣе, живѣе, тѣмъ она смѣлѣе и одушевленнѣе“,—и переходитъ къ настояніямъ о необходимости собиранія нѣмецкихъ пѣсенъ.

„Вы полагаете, что и у насъ, нѣмцевъ, найдется много такихъ пѣсенъ, какія приводилъ я въ шотландскомъ романсѣ; я не только полагаю, но знаю это. Не въ одной провинціи мнѣ извѣстны пѣсни народныя, провинціальныя, крестьянскія, которыя ничѣмъ не уступятъ многимъ изъ тѣхъ по своей живости и ритму, наив-

ности и силѣ языка; но кто соберетъ ихъ, кто о нихъ позаботится? Заботиться о пѣсняхъ народа, на улицахъ, переулкахъ и рыбныхъ рынкахъ? О неученомъ круговомъ пѣніи деревенскаго народа? о пѣсняхъ, которыя часто не выдерживаютъ размѣра и часто дурно риемованы—кто захочетъ собирать ихъ? кто будетъ печатать ихъ для нашихъ критиковъ, которые такъ хорошо умѣютъ считать слоги и скандировать? Будемъ лучше читать, просто для развлеченія, нашихъ новѣйшихъ прекрасно напечатанныхъ поэтовъ. Пусть французы собираютъ свои старыя chansons! Пусть англичане издають въ великолѣпныхъ книгахъ свои старыя songs, баллады и романсы! Пусть въ Германіи, пожалуй, одинъ Лессингъ заботится о старой поэзіи... Остатокъ самыхъ старыхъ настоящихъ народныхъ пѣсень пусть совсѣмъ пропадетъ съ распространеніемъ такъ-называемой, съ каждымъ днемъ усиливающейся культуры, какъ уже погибли другія подобныя сокровища, — мы имѣемъ метафизику, догматику, акты, и спокойно засыпаемъ.

„И однако, подумайте только, что еслибы мы поискали въ нашихъ провинціальныхъ пѣсняхъ, каждый въ своей провинціи, мы, быть можетъ, собрали бы нѣсколько пѣсень, быть можетъ половину Додслева собранія Reliques, или такія, которыя почти равнялись бы имъ по достоинству! При сколькихъ пѣсахъ этого сборника, особливо при лучшихъ шотландскихъ пѣсахъ, припоминались мнѣ нѣмецкіе нравы, нѣмецкія пѣсмы, которыя я самъ отчасти слышалъ. Если у васъ есть друзья въ Эльзасѣ, въ Швейцаріи, въ Франконіи, Тиролѣ, Швабіи, то просите ихъ, — но прежде всего, чтобы эти друзья не стыдились этихъ пѣсень, потому что смѣлые англичане не хотѣли и не смѣли стыдиться. Мнѣ припоминается, что я слышалъ когда-то неясно даже мелодію пѣсни: „Come away, come away death“, и еще въ недавнее время я припоминаю пѣсню нищаго, которая по содержанію была такъ смѣшана и полна скачковъ и въ своей очень лирической, старой мелодіи звучала такъ печально...

„Такъ какъ я знаю, что это письмо не попадетъ въ руки никому изъ господъ нашего времени, которые тотчасъ сморщатся отъ устарѣлой римы или выраженія, и такъ какъ я знаю, что вы вездѣ ищите вмѣстѣ со мною больше природы, чѣмъ искусства, то я нисколько не затрудняюсь предложить вамъ одну глубокаго печальную любовную пѣсню изъ собранія дурныхъ пѣсень ремесленниковъ“.

Онъ приводитъ пѣсню и продолжаетъ:

„Развѣ не прекрасна мѣра слоговъ, не силенъ языкъ, не прочувствовано выраженіе? И повѣрьте, что въ каждомъ родѣ

нашлось бы много пьесъ, еслибы только были люди, которые бы искали ихъ.

„Какимъ образомъ, повидимому, простодушные народы могли привыкнуть къ подобнымъ смѣлымъ оборотамъ? Всего легче бываетъ объяснять все привычкой: потому что къ чему нельзя привыкнуть, когда ничего другого не имѣешь и не знаешь! Тогда у насъ очень скоро хижина превратится въ дворецъ и скала въ ровную дорогу—но какъ придти къ этому, какимъ образомъ полюбить это какъ свою собственную природу? Въ этомъ вопросъ, и отвѣтъ на это очень короткій, потому что, въ самомъ дѣлѣ, это есть родъ воображенія и оно не можетъ идти впередъ какимъ-нибудь тѣснымъ путемъ.

„Всѣ пѣсни такихъ дикихъ народовъ вращаются на *присутствующихъ* предметахъ, дѣйствіяхъ, событіяхъ, на живомъ мірѣ! Какъ богаты и разнообразны здѣсь обстоятельства, настоящія черты, частные случаи! И все это видѣлъ глазъ, все это представляетъ себѣ душа! Это и производитъ скачки и смѣлые обороты. Между частями пѣсни нѣтъ никакой другой связи кромѣ той, какъ между деревьями и кустарниками въ лѣсу, между скалами и пещерами въ пустынѣ, какъ между сценами самаго событія.. Даже общую мысль, отвлеченную истину живой народъ не можетъ высказать въ пѣснѣ иначе, какъ столь же живо и смѣло: онъ не знаетъ о способѣ изложенія какого-нибудь догматическаго параграфа и, конечно, заснетъ, если долженъ будетъ слѣдить за нимъ“. Гердеръ приводитъ примѣры того, какъ народная пѣсня избѣгаетъ отвлеченности, и если ей не представляется для выраженія этой отвлеченности никакого живого образа видимаго предмета, какъ она прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ симметріи, къ припѣву и другимъ подобнымъ средствамъ. „Пусть самый глупый человѣкъ прослушаетъ три раза пѣсню: онъ запомнитъ ее и будетъ пѣть ее съ радостію и восхищеніемъ; но скажите ему ту же самую вещь въ однообразной догматической манерѣ, въ прекрасно отсчитанныхъ строфахъ, и его душа будетъ спать“. У народа больше прямого чувства и воображенія, чѣмъ у кабинетнаго ученаго; онъ вырастаетъ и сживается съ ними, и Гердеръ изумляется и бессмысленному „исправленію“ пѣсенъ, и тому, „какъ старательно изгоняютъ въ нихъ это чувство и воображеніе и на ихъ мѣсто въ сонныхъ строчкахъ втыкаютъ пробки самыхъ искусственныхъ частицъ и самыхъ вялыхъ рѣмъ. Какъ будто великая достопочтенная часть публики, которая называется народомъ и для которой, однако, уродуются эти пѣсни, понимала какое-нибудь изъ тѣхъ прекрасныхъ правилъ, по которымъ пѣсни

уродуются, и какъ будто она будетъ больше чувствовать и запоминать поученія въ сухой, сонной догматической формѣ, въ родѣ мертвыхъ, сонно качающихся приемъ, чѣмъ когда его сердцу и душѣ поется образомъ и огнемъ, ученіемъ и дѣломъ вмѣстѣ“.

Гердеръ жаждетъ видѣть, чтобы нѣмецкая поэзія, наконецъ, обновилась изъ этого жизненнаго, свѣжаго, мужественнаго источника.

Вопросъ о народной поэзіи такъ увлекалъ Гердера въ эти годы, что онъ нѣсколько разъ снова возвращается къ нему. Такъ онъ снова говоритъ о немъ въ статьѣ о сходствѣ средней англійской и нѣмецкой поэзіи ¹⁾. Сравненіе кончается опять неблагоприятно для новѣйшей нѣмецкой литературы. Гердеръ указываетъ противоположность двухъ литературъ въ томъ, что въ то время, какъ англійская осталась съ далекихъ временъ на почвѣ народнаго творчества, литература нѣмецкая покинула ее и въ результатѣ получилось то безжизненное искусственное стихотворство, которое, какъ мы видѣли, внушаетъ Гердеру настоящую вражду или презрѣніе. Англичане никогда не отказывались отъ своего народнаго преданія, а въ немъ и заключалась великая жизненная сила. Гердеръ говоритъ о народныхъ преданіяхъ, сказкахъ и мифологіи: „они составляютъ извѣстнаго рода результатъ народной вѣры, чувственныхъ представленій, силъ и влеченій народа, когда человѣкъ мечтаетъ, потому что не знаетъ, вѣруеть, потому что не видитъ, и дѣйствуетъ всей своей нераздѣльной и неученой душой: вотъ, слѣдовательно, великій предметъ для историка чело-вѣчества, поэта и теоретика поэзіи, и философа“. Англичане дорожили ими, и Гердеръ сокрушается, что въ Германіи остаются еще равнодушны къ своей народной поэзіи, которая своимъ присутствіемъ могла бы дать иной характеръ всей ихъ литературѣ.

„Такимъ образомъ, изъ старыхъ временъ мы не имѣемъ совсѣмъ никакой живой поэзіи, на которой выросла бы наша новѣйшая поэзія, какъ отростокъ на стволѣ націй, тогда какъ другія націи, напротивъ, съ вѣками шли впередъ и образовались на собственной почвѣ, изъ національныхъ продуктовъ, на вѣрѣ и вкусѣ народа, на останкахъ древнихъ временъ. Ихъ поэзія и языкъ стали черезъ это національными; голосомъ народа пользовались и цѣнили его; они приобрѣли въ этихъ вещахъ гораздо больше публики, чѣмъ есть у насъ“. Онъ жалуется на эту слабость національнаго сознанія, которая дѣлаетъ нѣмцевъ подража-

¹⁾ Aehnlichkeit der mittlern englischen und deutschen Dichtkunst, 1777.

телями чужихъ образцовъ: „какъ будто поставлено было цѣлью дѣйствительно истребить послѣдніе остатки національнаго духа“.

Гердеръ, безъ сомнѣнія, преувеличивалъ положеніе нѣмецкой литературы, будто бы совсѣмъ лишенной національнаго характера; но таково было его впечатлѣніе, когда, въ противоположность сухому школьному псевдо-классицизму въ соединеніи съ господствомъ французскихъ образцовъ, ему представлялась возможность иной литературы, въ которой отразилась бы энергія народно-поэтическаго творчества. „И однако бываетъ всегда и вѣчно такъ, что та часть литературы, которая относится къ народу, должна быть народной или же она будетъ классическій мыльный пузырь; и бываетъ всегда и вѣчно, что если мы не имѣемъ *народа*, то мы не имѣемъ никакой публики, никакой націи, никакого языка и поэзіи, которая была бы наша, которая жила бы и дѣйствовала въ насъ. Поэтому мы и пишемъ вѣчно для кабинетныхъ ученыхъ и несносныхъ рецензентовъ, изобретовъ и желудковъ которыхъ мы беремъ это обратно навадъ, сочиняемъ романсы, оды, героическія поэмы, церковныя и кухонныя ¹⁾ пѣсни, которыхъ никто не понимаетъ, никто не хочетъ, никто не чувствуетъ. Наша классическая литература есть райская птичка, такая пестренькая, такая благодѣтельная, вся изъ полета и изъ возвышенности — только безъ точки опоры на нѣмецкой землѣ.

„Какъ все это иначе у другихъ націй! Какія пѣсни помѣстили, напримѣръ, Перси въ своихъ „Reliques“, которыхъ я не осмѣлился бы представить нашей образованной Германіи! И еслибъ эти пѣсни были даже несносны, англичанамъ онѣ не кажутся такими. Это все-таки старыя національныя пѣсни, которыя народъ поетъ и пѣлъ, откуда, слѣдовательно, можно изучить образъ мыслей народа, его языкъ, чувства; эту пѣсенку зналъ Шекспиръ, заимствовалъ изъ нея нѣсколько строкъ, и т. д. Такимъ образомъ, читатель съ мягкимъ снисхожденіемъ переносится въ старыя времена, въ образъ мыслей народа, прислушивается, иногда усмѣхнется, раздѣлитъ радость или будетъ размышлять и поучаться. Между тѣмъ вездѣ можно видѣть, изъ какихъ грубыхъ, малыхъ, пренебрегаемыхъ сѣмянъ явился великолѣпный лѣсъ ихъ національной поэзіи, изъ какого мозга націи выросли Спенсеръ и Шекспиръ“.

И затѣмъ Гердеръ обращается опять къ своей Германіи:

„Великая имперія, имперія изъ десяти народовъ, Германія! У тебя нѣтъ Шекспира, но неужели у тебя нѣтъ никакихъ пѣ-

¹⁾ Kirchen- und Küchenlieder.

сенъ твоихъ предковъ, которыми ты могла бы похвалиться? Швейцарцы, швабы, франконцы, баварцы, вестфальцы, саксонцы, венды, пруссаки, у васъ у всѣхъ ничего нѣтъ, голосъ вашихъ отцовъ замолеъ и молчитъ въ прахѣ? Народъ съ мужественными правами, съ благородной добродѣтелью и языкомъ, у тебя не осталось отъ давнихъ временъ никакихъ отпечатковъ твоей души?

„Нѣтъ сомнѣнiя, они были; быть можетъ, они еще есть; только они лежатъ въ грязи, ихъ не знаютъ, ихъ презираютъ“...

Наконецъ, онъ опять ставитъ общiй вопросъ.

„Карта челоуѣчества чрезвычайно расширилась въ познанiи народовъ: какъ много больше народовъ мы знаемъ, чѣмъ знали греки и римляне! Но какъ мы ихъ знаемъ? Снаружи, черезъ гравюры ихъ уродливыхъ фiзiономiй и черезъ чужiя извѣстiя, похожiя на эти гравюры? Или знаемъ изнутри, черезъ ихъ собственную душу, изъ ихъ чувства, рѣчи и дѣла? Такъ должно бы это быть, но этого-то и мало. Прагматическiй историкъ и путешественникъ описываетъ, рисуетъ, изображаетъ; онъ изображаетъ всегда, какъ видитъ, изъ собственной головы, односторонне образованной, поэтому онъ лжетъ, хотя всего меньше желалъ бы лгать.

„Единственное средство противъ этого — легко и очевидно. Всѣ нецивилизованные народы поютъ и дѣйствуютъ; то, что они дѣйствуютъ, они поютъ... Ихъ пѣсни составляютъ архивъ народа, сокровищницу ихъ науки и религiи, ихъ теогонiи и космогонiи, дѣяний ихъ отцовъ и событiй ихъ исторiи, отпечатокъ ихъ сердца, картину ихъ домашней жизни въ радости и страданiи, у брачнаго ложа и у могилы. Природа дала имъ утѣшенiе противъ многихъ золъ, ихъ угнетающихъ, и замѣнъ многихъ такъ-называемыхъ благъ, которыми мы наслаждаемся, — именно свободу, лѣнь, бездѣлье, пѣнiе. Здѣсь всѣ они рисуются и являются, каковы они есть. Воинственный народъ воспѣваетъ подвиги, нѣжный — любовь. Проницательный народъ составляетъ загадки, народъ съ воображенiемъ — аллегорiи, сравненiя, живыя картины. Народъ съ живыми страстями изображаетъ только страсть, какъ народъ, живущiй при страшныхъ условiяхъ, придумываетъ только страшныхъ боговъ. Небольшое собранiе такихъ пѣсенъ изъ устъ каждаго народа о главнѣйшихъ предметахъ и дѣйствiяхъ его жизни, на его собственномъ языкѣ, правильно притомъ понятое, объясненное, сопровождаемое музыкой: какъ это оживило бы тѣ главы, къ которымъ во всѣхъ описанiяхъ путешествiй съ наибольшимъ любопытствомъ обращается всегда знатокъ людей: „о понятiяхъ и нравахъ нацiи, объ ея наукѣ и языкѣ, объ играхъ

и пляскѣ, музыкѣ и мифологіи“. Обо всемъ этомъ мы получили бы здѣсь лучшее понятіе, чѣмъ изъ болтовни путешественника или черезъ приведенный на ихъ языкѣ—отче нашъ! Какъ естественная исторія описываетъ растенія и животныхъ, такъ здѣсь описывали себя сами народы. Обо всемъ мы получимъ наглядное понятіе, и по сходству или различію этихъ пѣсенъ въ языкѣ, содержаніи и тонахъ, особливо въ идеяхъ космогоніи и исторіи ихъ отцовъ,—сколько и какъ вѣрно можно бы было заключать о происхожденіи, размноженіи и смѣшеніи народовъ!

„И однако въ самой Европѣ есть цѣлый рядъ націй, подобнымъ образомъ неизслѣдованныхъ и неописанныхъ. Эсты и литовцы, венды и славяне, поляки и русскіе, фризы и пруссаки, —ихъ пѣсни этого рода не собраны такъ, какъ пѣсни исландцевъ, датчанъ, шведовъ, не говоря объ англичанахъ, герсахъ и бриттахъ, или даже южныхъ народахъ. И однако у нихъ есть не мало лицъ, которыхъ должность и трудъ состоятъ въ томъ, чтобы изучать языкъ, нравы, понятія, старыя суевѣрія и обычаи ихъ націй, и этимъ они дали бы въ руки другимъ націямъ самую живую грамматику, лучший словарь и естественную исторію своего народа. Только они должны дать это какъ есть, на языкѣ самого народа и съ достаточнымъ объясненіемъ, безъ брани и безъ насмѣшекъ, также какъ безъ прикрасъ и облагораживанія, гдѣ возможно съ напѣвомъ пѣсенъ и всѣмъ, что принадлежитъ къ народной жизни. Если сами они не нуждаются въ этомъ, то нуждаются въ этомъ другіе“.

Мы привели эти выдержки, какъ для того, чтобы дать читателю понятіе о живомъ, одушевленномъ стилѣ знаменитаго писателя, очень мало однако извѣстнаго въ нашей литературѣ, такъ и потому, что въ приведенныхъ словахъ сказанъ цѣлый поворотъ въ изученіяхъ народной старины и поэзіи и вмѣстѣ въ развитіи самой новѣйшей поэзіи. Гердеръ въ первый разъ ясно и рѣшительно указываетъ, во-первыхъ, ту великую историческую важность, какую представляетъ изученіе старой народной поэзіи для опредѣленія древнѣйшихъ эпохъ народной жизни и народного характера; во-вторыхъ, то жизненное ея значеніе, которымъ она можетъ служить освѣжающимъ элементомъ современной поэзіи, впадавшей, въ послѣднихъ отголоскахъ Возрожденія, въ сухой псевдо-классическій формализмъ и слишкомъ удалившейся отъ живой дѣйствительности народа.

Въ первомъ отношеніи идеи Гердера имѣли чрезвычайно

обширное, кажется, не всѣми достаточно оцѣненное вліяніе на развитіе новѣйшей науки о народной старинѣ и поэзіи, науки, которая уже вскорѣ послѣ него въ рукахъ братьевъ Гриммовъ стала великимъ фактомъ европейскаго просвѣщенія. Какъ мы видѣли изъ собственныхъ словъ Гердера, литературная любознательность обращалась уже раньше къ старымъ народнымъ сказаніямъ и пѣснямъ (онъ ссылается особенно, напр., на англичанъ), но это было или непосредственное любопытство къ своей народной старинѣ, или любознательность археологическая: до Гердера никто не понималъ этихъ поэтическихъ остатковъ древности во всемъ объемѣ ихъ научнаго и жизненнаго смысла, никто не настаивалъ съ такимъ жаромъ на необходимости сохранить исчезающіе остатки поэтической древности, никто не обобщалъ этой первобытной поэзіи различныхъ народовъ въ одно цѣлое, гдѣ Гомеръ, которому старая поэтика отводила такое высокое, исключительное положеніе, становился рядомъ съ „Оссіаномъ“ и всякимъ другимъ народнымъ пѣвцомъ. Воззванія Гердера произвели довольно сильное впечатлѣніе этой пламенной любовью къ народному, этимъ глубокимъ убѣжденіемъ, но понятно, что самая новизна предмета, къ изученію котораго онъ впервые призывалъ, была причиной, что на первое время не были видны результаты его воззваній. Но затѣмъ ихъ дѣйствіе стало очевидно: ревностное изученіе старыхъ памятниковъ, особенное вниманіе къ современной народной поэзіи, бережное отношеніе къ ея произведеніямъ, масса появлявшихся сборниковъ, были именно исполненіемъ того, на чемъ настаивалъ, къ чему увѣщевалъ Гердеръ.

Во второмъ отношеніи дѣломъ Гердера было, въ болѣе или менѣе значительной степени, то распространеніе интереса къ поэтической старинѣ, какое уже вскорѣ высказалось въ романтизмѣ. Въ послѣдней статьѣ, цитированной нами, уже названа романтическая поэзія ¹⁾. Во многихъ случаяхъ позднѣйшій романтизмъ сближался съ тѣмъ научнымъ изслѣдованіемъ, о которомъ мы говорили; съ другой стороны извѣстно, что, увлекаясь средними вѣками, онъ впадалъ въ крайность и вмѣстѣ съ средне-вѣковой поэзіей ему казалось заманчиво и цѣлое средневѣковое воззрѣніе, религиозное и общественное; но эта послѣдняя черта никакъ не вытекала изъ того, что думалось Гердеру. Намъ кажется, напротивъ, что въ идеяхъ Гердера, въ его горячихъ сочувствіяхъ къ первобытно-народному между прочимъ лежалъ

¹⁾ Aehnlichkeit и пр.: „Der Strich romantischer Denkart läuft über Europa“ и пр.

одинъ изъ источниковъ новѣйшаго демократическаго движенія, гдѣ, кромѣ политическихъ и экономическихъ принциповъ, была своя идеалистическая сторона.

Возвращаемся къ сужденіямъ Геттнера. Указывая мысли Гердера о народной поэзіи, онъ именно высоко оцѣниваетъ научное значеніе его взглядовъ. По словамъ его, то, что было сказано Гердеромъ о высокомъ жизненномъ достоинствѣ народной поэзіи, осталось до настоящаго дня непревзойденнымъ, какъ съ другой стороны принесло самые благотворные плоды для новѣйшей нѣмецкой поэзіи. „Не менѣе громадное вліяніе имѣла та гениальная проницательность, съ которою Гердеръ указывалъ всегда и вездѣ великую историческую основу этой простой народной фантазіи. Здѣсь имѣютъ свой жизненный корень нѣкоторые изъ плодотворнѣйшихъ отраслей нынѣшней науки. То, о чемъ думалъ и къ чему стремился Гердеръ, когда въ одушевленные годы своей молодости онъ желалъ, чтобы явился Монтескье для исторіи литературы, осуществилось блистательнымъ образомъ. Именно Гердеръ положилъ первыя основанія къ построенію всеобщей сравнительной исторіи литературы, къ изслѣдованію поэзіи во всѣхъ ея формахъ и судьбахъ“.

Геттнеръ объясняетъ дальше, что глубокое пониманіе исторіи поэзіи повело Гердера и къ новой оцѣнкѣ Шекспира, иной чѣмъ та, какую дѣлали его современники, напримѣръ даже самъ проницательный Лессингъ. Главнѣйшимъ трудомъ Гердера по вопросу о Шекспирѣ была статья, задуманная и написанная на пространствѣ 1771—1775 годовъ. Гердеръ имѣлъ уже передъ собой „Драматургію“ Лессинга, но идетъ уже гораздо дальше ея. По своей ближайшей цѣли, Лессингъ указывалъ въ особенности тѣсное родство Шекспира съ классиками; въ механическомъ построеніи драмы за ними слѣдуетъ, правда, и Корнель, но Шекспиръ, какъ повидимому ни оригинальны и странны его приемы, въ сущности гораздо къ нимъ ближе. Такъ какъ Лессингъ находилъ античную трагедію и трагедію Шекспира одинаково далекими отъ изысканности французскаго псевдо-классицизма, то онъ считалъ Софокла и Шекспира равными и согласными между собою; Гердеръ, напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ настаивалъ на глубокой исторической противоположности между ними, происходившей изъ различія народнаго характера и вѣка. Такъ какъ самое происхожденіе греческаго и сѣвернаго театра было совершенно различно, то, по мнѣнію Гердера, драма Софокла и драма Шекспира были двѣ различныя вещи, которыя въ извѣстныхъ отношеніяхъ имѣютъ общаго развѣ

только имя. Греческая трагедія произошла какъ будто только изъ одной сцены, изъ экспромта диейрамбовъ, изъ мимическаго танца, изъ хора; мало-по-малу это начало разрослось и преобразовалось, и изъ этого начала греческая трагедія возвысилась до своего величія и стала мастерскимъ произведеніемъ человѣческаго духа, вершиной поэзіи. Эта простота греческой темы, эта трезвость греческихъ обычаевъ, возвышенность выраженія, музыка, внѣшнее устройство сцены, единство мѣста и времени, составляющія отличительную черту греческой трагедіи, были поэтоу совершенно естественны, безъ всякой искусственности и волшебства, и причина ихъ заключается въ самомъ происхожденіи греческой драмы. Но совершенно иное было происхожденіе драмы англійской. Шекспиръ не имѣлъ передъ собою никакого греческаго хора, а средневѣковую драму и театръ маріонетокъ, и изъ этого первоначальнаго матеріала онъ создалъ свои великолѣпныя произведенія. Передъ нимъ не было этого простого народнаго характера и содержанія, и проходили, напротивъ, разнообразныя сословія, различный образъ жизни и понятій, и различные народы; поэтоу онъ воспроизводилъ сословія и людей, — разные народы и складъ языка, королей и шутовъ. Передъ нимъ не было такой простой темы и дѣйствія; онъ бралъ исторію, какою она ему представлялась, и творчески соединялъ самые разнородные элементы. И если онъ умѣлъ могущественно свести самыя разнородныя сцены въ одно событіе, то естественно, что для правдоподобности его событій ему нужно было каждый разъ опредѣленно указывать мѣсто и время, чтобы они содѣйствовали иллюзіи. Древняя и новѣйшая или, какъ выражался Гердеръ, греческая и сѣверная трагедія должны были быть совершенно различны, потому что были совершенно различны условія ихъ развитія.

Ближайшимъ поводомъ къ этому толкованію Шекспира, по объясненію Геттнера, было то, что въ ту пору даже почитатели Шекспира смущались его нарушеніями трехъ единствъ, которыя считались необходимыми въ драмѣ по вседо-классическому ученію; Гердеръ жалуется, что друзья Шекспира, восхищаясь его красотою, все еще полагали нужнымъ защищать его и извинять его нарушенія мнимыхъ правилъ. Правда, какъ замѣчаетъ Геттнеръ, и Гердеръ, какъ Лессингъ, не сознавали тогда, что главнѣйшее различіе древней трагедіи отъ новѣйшей заключается въ той противоположности, что въ то время какъ античная трагедія приписываетъ трагическую гибель героя внѣшней неизбежной судьбѣ, новѣйшая производитъ эту катастрофу изъ вины и трагической отвѣтственности самого лица; но во всякомъ случаѣ

Гердеръ впервые сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать самъ Лессингъ, а именно: возвелъ величіе и особенность Шекспира къ ихъ историческимъ основамъ и объяснялъ Шекспира изъ него самого ¹⁾. „Если можно удивляться, что Лессингъ никогда не подвергалъ подобному разбору ни одной трагедіи Шекспира, какъ въ молодости онъ подробно разсматривалъ и анализировалъ даже посредственныя трагедіи временъ римской имперіи, то тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ этой небольшой статьѣ Гердера о Шекспирѣ мы находимъ множество подобныхъ анализовъ; до сихъ поръ нельзя прочесть безъ глубочайшаго удовольствія словъ Гердера о Лирѣ, Отелло, Макбетѣ и Гамлетѣ, и если Лессингъ думалъ, что можно и теперь прямо подражать Софоклу и воспользоваться имъ для новѣйшей сцены, то Гердеръ въ каждой строкѣ проповѣдовалъ, что настоящій образецъ для новѣйшаго драматурга заключается единственно въ Шекспирѣ и что всякое одно-стороннее подражаніе древнимъ отклонитъ его отъ единственнаго возможнаго пути“. Геттнеръ указываетъ только ту ошибку Гердера, что онъ не умѣлъ отличить эпическаго стиля отъ драматическаго, что драму онъ считалъ исторіей.

На почвѣ этихъ широкихъ взглядовъ развились критическіе труды Гердера, и хотя въ нихъ недоставало иногда, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, точной оцѣнки художественной формы,—то относительно общихъ указаній и требованій, между прочимъ въ примѣненіи къ новѣйшей литературѣ, эта критика имѣла, по мнѣнію Геттнера, въ высшей степени творческое значеніе.

„Кто такъ глубоко и сердечно былъ исполненъ и проникнутъ неразрывной связью поэзіи съ самой настоящей жизнью и дѣйствіемъ времени и народнаго духа, тотъ въ великой борьбѣ за народное нѣмецкое искусство, только-что приведенной къ блистательной побѣдѣ Лессингомъ, не могъ и съ своей стороны не выступить союзникомъ и передовымъ борцомъ, поражающимъ врага съ совершенно новаго пункта. И кто такъ искренно, какъ Гердеръ, исполненъ и проникнутъ былъ волшебствомъ и внутреннимъ содержаніемъ первобытной народной поэзіи и ея глубокой противоположностью къ искусственной школьной поэзіи, тотъ долженъ былъ окончательно низвергнуть послѣднія преграды господствующей рефлексивной поэзіи, которыхъ никогда не могъ низвергнуть Лессингъ.

¹⁾ Быть можетъ, замѣчаніе Геттнера не вполне точно: указанное имъ различіе античной и сѣверной драмы относится къ ея плану и построению, а объясненіе трагической судьбы у древнихъ и у Шекспира относится къ существу самого дѣйствія.

„Если можно сказать, что обращеніе отъ французовъ къ единоплеменнымъ англичанамъ, которое еще со времени знаменитыхъ споровъ между Готтшедомъ и швейцарскими критиками, Бодмеромъ и Брейтингеромъ, постоянно занимало все нѣмецкое литературное движеніе, что это обращеніе въ своемъ историческомъ происхожденіи и ростѣ было, въ сущности, возстаніемъ окрѣпшаго германскаго народнаго характера противъ подавляющаго преобладанія романскихъ формъ, то Гердеръ весьма дѣйствительнымъ образомъ дополнилъ эти стремленія, когда взялся за самый корень этого романскаго искусства Возрожденія, т.-е. за вопросъ о правѣ и границахъ подражанія древнимъ“.

Первыя возбужденія къ этому направленію, то-есть къ отрицанію права древнихъ на господство въ новѣйшей литературѣ, Гердеръ опять встрѣчалъ уже у своихъ предшественниковъ, но никто до него не выставлялъ этого направленія съ такой силой, съ такой поэзіей и съ такой ясностью, и его „Отрывки“ 1766 г. (писанные 22-лѣтнимъ юношей) стали эпохой во внутреннемъ развитіи нѣмецкой литературы. „Зачѣмъ такъ монотонно и такимъ внѣшнимъ образомъ подражать ветхозавѣтной поэзіи, грекамъ, римлянамъ,—спрашивалъ Гердеръ,—когда наши псалмисты, эпики, сочинители драмъ, одъ и идиллій достаточно доказываютъ, что подобныя подражанія всегда бывають неудачны и даже должны быть неудачны, потому что наша природа съ ея ландшафтомъ, наша исторія, мифологія, вся наша религія, наши свойства, нашъ языкъ, совершенно непохожи на природу, исторію, мифологію, религію, свойства и т. д. подлинниковъ? Почему вмѣсто жалкихъ подражаній не дѣлать лучше переводы и объясненія для того, чтобы мы прежде, чѣмъ подражать, могли хорошенько узнать этихъ грековъ?“ Гердеръ рѣшительно отвергаетъ тѣхъ, кто сталъ бы говорить, что онъ хочетъ отвращать отъ изученія древнихъ, но онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ, что новѣйшее просвѣщеніе и поэзія (нѣмецкія) должны, наконецъ, отбросить этотъ господствующій латинскій фасонъ и обратиться къ настоящему, естественному народному складу просвѣщенія и поэзіи. „Мы будемъ плохими римлянами въ языкѣ, философіи, мифологіи, одѣ, философской дидактической поэмѣ, элегіи, сатирѣ, краснорѣчіи, если хотимъ быть только римлянами, только Горациями, Лукреціями, Тибуллами и Цицеронами. Вмѣсто того, чтобы научиться отъ древнихъ тому, какъ достигнуть истиннаго величія по нашему времени и для нашей страны, мы остаемся только на внѣшней оболочкѣ; мы изучали только то думали древніе, а не какъ думали; мы говорили тѣмъ языкомъ, какимъ

они говорили, но не той манерой. Въ Германіи нѣкогда Лютеръ сдѣлалъ великое дѣло, пробудивши нѣмецкій языкъ, мысль и чувство; но затѣмъ его дѣло было опять испорчено, и нѣмецкая литература, нѣмецкое образованіе и языкъ подпали власти Лациума. Но развѣ не извѣстно, что римляне стояли на другой ступени культуры, тѣмъ мы, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они стояли позади насъ, а въ другихъ, гдѣ они насъ превосходили, мы не можемъ подражать имъ? Нѣтъ никакой славы въ томъ, когда скажутъ, что этотъ поэтъ есть второй Горацій, этотъ ораторъ говоритъ какъ Цицеронъ, этотъ дидактическій поэтъ есть второй Лукрецій, этотъ историкъ есть второй Ливій; но было бы великой, рѣдкой и завидной славой, еслибъ можно было сказать: такъ написали бы Горацій, Цицеронъ, Лукрецій, Ливій, еслибы они писали объ этомъ предметѣ на этой ступени культуры, въ это время, для этихъ цѣлей, для понятій этого народа и на этомъ языкѣ“. „О, проклятое слово: классическій! — продолжаетъ Гердеръ,—оно сдѣлало для насъ Цицерона классическимъ школьнымъ ораторомъ, Горація и Виргилія классическими школьными поэтами, Цезаря педантомъ, Ливія фразеромъ; оно раздѣлило выраженіе отъ мысли и мысль отъ производящаго его событія. Это слово оттѣснило всякое истинное образованіе къ древнимъ, какъ къ живымъ еще образцамъ, произвело жалкую похвальбу быть знатокомъ древнихъ, не достигая при этомъ никакихъ высшихъ цѣлей; это слово погребло не одинъ геній подъ кучей словъ, сдѣлало его голову хаосомъ чуждыхъ выраженій и отняло у отечества цвѣтущія плодовые деревья“.

Мы приводили выше изъ статьи Гердера о сходствѣ средней англійской и нѣмецкой поэзіи его призывы къ самостоятельному національному движенію, которое сдѣлало бы поэзію не мертвымъ повтореніемъ чужихъ формъ и мыслей, а самостоятельнымъ выраженіемъ національной жизни.

Въ современной литературѣ Гердеръ искалъ какихъ-нибудь проблесковъ этой желанной самостоятельности и восхищался иной разъ стихотвореніями какого-нибудь второстепеннаго, впослѣдствіи совсѣмъ забытаго, поэта; но это указывало только, какъ была еще бѣдна современность тѣмъ, чего онъ искалъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что не одинъ Гердеръ содѣйствовалъ тому повороту, какой совершился въ нѣмецкой поэзіи съ конца прошлаго столѣтія, и Геттнеръ замѣчаетъ, что достаточно оглянуться на Англію, вспомнить Макферсона и Чаттертона, Коупера и Бёрнса, чтобы видѣть, какъ одновременно сказывались новые поэтическіе инстинкты и новыя историческія требованія литературы, но въ ли-

тературѣ нѣмецкой никто не высказывалъ этихъ новыхъ требований такъ ясно и опредѣленно, какъ опять Гердеръ. „Чтобы живо почувствовать всю важность его вліянія, должно въ особенности рассмотреть исторію развитія Гёте и Бюргера; всего скорѣе, но осазательнѣе сила этого вліянія обнаружилась, конечно, въ лирикѣ. Только теперь снова послышался искренній и свѣжій, естественный тонъ настоящаго чувства, и эти неподдѣльные звуки сердца создали себѣ болѣе живой и образный языкъ. Когда пѣсня и пѣніе были поняты и почувствованы какъ нераздѣльныя, то вялое одописаніе погубило безвозвратно... Но новая нѣмецкая лирика явилась вдругъ, какъ весенній цвѣтокъ выходить внезапно изъ почвы“.

Геттнеръ объясняетъ далѣе, какъ то же глубокое чувство поэзіи отразилось у Гердера въ объясненіи искусства — музыки, живописи и пластики.

Наконецъ, та же основная идея историческаго развитія, выходящаго изъ національных основъ, проникаетъ изслѣдованія Гердера объ языкѣ, исторіи и религіи; они только иначе высказаны по различію предметовъ.

Уже въ первыхъ „Отрывкахъ“ есть тонкія замѣчанія о нѣмецкомъ языкѣ, которыя стали лозунгомъ новаго поколѣнія писателей, возвратившихъ нѣмецкому языку богатство и свѣжесть выраженія. Въ то же время Гердеру принадлежитъ заслуга самаго значительнаго возбужденія въ новѣйшему языкознанію. При общихъ глубокихъ понятіяхъ, какія имѣлъ Гердеръ о сущности и происхожденіи поэзіи, онъ не могъ принять того господствовавшего положенія, которое между прочимъ защищалъ тогда Гаманнъ и которое приписывало языку сверхъестественное происхожденіе. Языкъ былъ орудіемъ, содержаніемъ и формой народной поэзіи; очевидно, что онъ имѣлъ съ ней одно происхожденіе. „Вся гипотеза о божественномъ происхожденіи языка, — говоритъ Гердеръ, — противорѣчитъ аналогіи всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній, противорѣчитъ исторіи всѣхъ міровыхъ событій и всей философіи языка; она предполагаетъ языкъ, выработанный мышленіемъ и доведенный до идеала совершенства, и это дитя каприза, которое очевидно было позднѣйшимъ созданіемъ и дѣломъ цѣлыхъ вѣковъ, эта гипотеза окружаетъ лучами Олимпа, чтобы прикрыть его наготу и стыдную слабость“. И въ „Отрывкахъ“, и въ знаменитомъ сочиненіи на премію о происхожденіи языка ¹⁾ Гердеръ

¹⁾ Первое изданіе этой книжки: Abhandlung über den Ursprung der Sprache,

высказалъ ясное положеніе, что тотъ, кто хочетъ развязать, а не грубо разрубить узелъ, имѣетъ передъ собою задачу объяснить языкъ какъ „развитіе разума“, какъ „продуктъ душевныхъ силъ человѣка“. Исходный пунктъ Гердера будетъ понятенъ изъ первыхъ строкъ этого послѣдняго сочиненія.

„Уже какъ животное, человѣкъ имѣетъ языкъ. Всѣ сильныя и самыя сильныя изъ сильныхъ, болѣзненные ощущенія его тѣла, всѣ страсти его души непосредственно обнаруживаются въ крикѣ, въ тонахъ, въ дикихъ нечленораздѣльныхъ звукахъ. Страждущій звѣрь совершенно такъ-же, какъ герой Филоктетъ, когда почувствуетъ боль, будетъ визжать, будетъ стонать, хотя бы онъ былъ оставленъ на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ, безъ всякаго вида, слѣда и надежды на помощь другого подобнаго существа... Какъ будто ему будетъ свободнѣе дышаться, когда онъ дастъ волю жаркому, трепетному дыханію; какъ будто онъ выплачетъ часть своей боли и изъ пустого пространства воздуха по крайней мѣрѣ привлечетъ себѣ новыя силы, чтобы выдерживать боль, если онъ наполнить глухой вѣтеръ своими стонами. До такой степени природа создала насъ не уединенными скалами, не эгоистическими монадами! Даже самыя тонкія струны животнаго чувства (я долженъ воспользоваться этимъ сравненіемъ, потому что не знаю другого лучшаго для механики чувствующихъ тѣлъ), даже тѣ струны, которыхъ звукъ и напряженіе совсѣмъ не зависать отъ произвола и долгаго обдумыванія и которыхъ природа еще не могла быть изслѣдована всѣми усиліями разума, даже онѣ во всемъ ихъ дѣйстви и даже безъ сознанія чужого сочувствія къ ихъ выраженію направлены къ другимъ существамъ. Струна, получившая толчокъ, исполняетъ свою естественную обязанность: она звучитъ; она зоветъ сочувственное эхо, если даже его совсѣмъ нѣтъ, если она даже не ждетъ и не надѣется, что оно ей отвѣтитъ.

„Если физиологія придетъ когда-нибудь къ тому, что будетъ демонстрировать ученіе о душѣ, въ чемъ я, однако, очень сомнѣваюсь, то она привела бы для этого явленія не мало свѣта изъ разслѣдованія нервной системы ¹⁾, но, быть можетъ, раздѣлила бы ее на отдѣльныя, слишкомъ малыя и тупыя связи. Примемъ

welche den von der Königl. Academie der Wissenschaften für das Jahr 1770 gesetzten Preis erhalten hat. Berlin, 1772. Книжка состоитъ изъ двухъ частей: Erster Theil: Haben die Menschen ihren Naturfähigkeiten überlassen sich selbst Sprache erfinden können? Zweiter Theil: Auf welchem Wege der Mensch sich am füglichsten hat Sprache erfinden können und müssen?

¹⁾ Къ этому именно и стремится современная психо-физиологія.

же теперь вообще какъ ясный естественный законъ: „вотъ способное чувствовать существо, которое не можетъ заключить въ себѣ ни одного изъ своихъ живыхъ ощущеній и которое въ первую захватывающую его врасплохъ минуту, даже безъ его воли и намѣренія, должно обнаружить каждое изъ этихъ ощущеній въ звукъ“. Это былъ какъ бы послѣдній материнскій толчокъ созидающей руки природы, что она всѣмъ дала въ міръ этотъ законъ: „ощущай не для одного себя, но пусть твое чувство звучитъ!“ и такъ какъ этотъ послѣдній созидающій толчокъ былъ одинаковъ для всѣхъ существъ одного рода, то этотъ законъ сталъ благомъ: „твое ощущеніе пусть звучитъ одинаково для твоего рода и будетъ поэтому сочувственно воспринимлемо всѣми и каждымъ!“ Поэтому не прикасайтесь къ этому слабому чувствительному существу! Какъ оно, повидимому, ни одиноко и подвержено всякой враждебной бурѣ вселенной, оно не одиноко: оно находится въ союзѣ со всей природой, оно снабжено нѣжными струнами, но природа скрыла въ этихъ струнахъ тоны, которые, возбужденные и ободренные, пробуждаютъ другія столь же нѣжно построенныя созданія и какъ бы невидимой цѣпью могутъ сообщить далекому сердцу искру сочувствія къ этому невидимому существу. Этотъ стонъ, эти тоны—языкъ. Такимъ образомъ существуетъ языкъ ощущенія, который есть непосредственный законъ природы“ ¹⁾...

Уже въ это время Гердеръ указывалъ послѣднюю цѣль всякаго языкознанія, когда разматривалъ его какъ истолкованіе чело-вѣческой души изъ языка, и для достиженія этой цѣли онъ уже тогда считалъ нужнымъ человѣка съ тремя головами, который

¹⁾ Геттнеръ замѣчаетъ, что Гердеръ въ сознаніи недостаточности матеріала для болѣе точнаго рѣшенія вопроса давалъ своему изслѣдованію о языкѣ скромное названіе „романа“. Мы находимъ въ послѣднихъ словахъ книжки „о происхожденіи языка“—напротивъ, что онъ не хотѣлъ писать романа.

„Авторъ былъ бы радъ,—говоритъ здѣсь Гердеръ,—еслибы своимъ сочиненіемъ онъ успѣлъ вытѣснить гипотезу (именно о сверхъестественномъ происхожденіи языка), которая, будучи разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ, служитъ только туманомъ для чело-вѣческаго духа и не къ его чести, и давно служила! Именно поэтому авторъ нарушилъ требованіе академіи (задававшей задачу на премію) и не выставилъ никакой гипотезы: что было бы изъ того, еслибы одна гипотеза перебивала другую или была равна съ ней, и если то, что имѣетъ форму гипотезы, считаютъ обыкновенно за философскій романъ—у Руссо, Кондильяка и иныхъ? Авторъ предпочелъ скорѣе собрать прочныя данныя изъ чело-вѣческой души, изъ чело-вѣческой организаціи, изъ строенія всѣхъ древнихъ и дикихъ языковъ и всей экономіи чело-вѣческаго рода, и доказывать свое положеніе такъ, какъ можетъ быть доказываема самая твердая философская истина. Онъ полагаетъ поэтому, что своимъ неповиновеніемъ онъ скорѣе исполнилъ волю академіи, чѣмъ еслибы исполнилъ ее иначе“.

соединялъ бы философію, исторію и филологію. Съ теченіемъ времени это понятіе развилось до выработаннаго идеала сравнительнаго языкознанія. По выводамъ Геттнера, въ представленіяхъ Гердера былъ именно зачатокъ той науки, которая черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ была установлена въ трудахъ Вильгельма Гумбольдта.

Та же основная точка зрѣнія проходитъ въ религіозныхъ и церковно-историческихъ воззрѣніяхъ Гердера. Не вдаваясь въ сложныя подробности этихъ вопросовъ, отмѣтимъ только, что истолкованіе библіи, какъ и вообще религіозныхъ памятниковъ, построено у Гердера на томъ же общемъ принципѣ развитія народной поэзіи и міеологіи; отдѣльныя книги библіи представляются ему какъ „мѣстныя поэмы“ и въ цѣломъ его точка зрѣнія послужила первымъ началомъ того объясненія исторіи религіи, какъ человѣческой міеологіи, которое такъ развилось въ нашемъ столѣтіи. Гердеръ исходитъ изъ раціонализма, но онъ идетъ гораздо глубже того обычнаго раціонализма XVIII-го вѣка, который на вопросъ о происхожденіи религій отвѣчалъ только жалкимъ предположеніемъ о жреческомъ обманѣ; онъ полагалъ, что недостаточно доказывать ошибочность какихъ-нибудь религіозныхъ мнѣній, потому что за этимъ является другая задача — объяснить ихъ возможность и происхожденіе... Выше мы упоминали о той внутренней борьбѣ, какую переживалъ Гердеръ среди противорѣчій между его мыслью и господствующей дѣйствительностью, какъ въ послѣдующіе годы онъ отступалъ назадъ отъ тѣхъ идей, какія высказывалъ въ свѣжую пору своей дѣятельности; но до самаго конца его мысль работала надъ глубокими вопросами, рѣшеніе которыхъ, быть можетъ, было непосильно для цѣлой эпохи и даже для нашего времени.

Остановимся, наконецъ, на историческихъ понятіяхъ Гердера, какъ излагаетъ ихъ Геттнеръ въ противоположность, напримѣръ, суровымъ приговорами Шлоссера, и дополнимъ опять это изложеніе собственными словами Гердера.

„Если Гердеръ вездѣ руководился такимъ живымъ историческимъ чувствомъ, то ходъ самой исторіи долженъ былъ уже рано и прежде всего стать для него дѣломъ особенной заботы... Еще юношей онъ составлялъ смѣлый планъ сдѣлаться Ньютономъ исторіи и изслѣдовать культуру во всѣхъ странахъ, временахъ, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ ея силахъ и смѣшеніяхъ; Монтескьё, Юмъ, Вольтеръ, Винкельманъ носились передъ нимъ какъ руководящіе образцы; свой дневникъ (въ которомъ, какъ мы видѣли, онъ изложилъ въ такомъ обиліи свои юношескія мечты), онъ за-

ключаетъ восторженными словами: „исторія развитія и силъ чело-вѣческаго духа въ стеченіи цѣлыхъ вѣковъ и націй—духъ, добрый демонъ, вызвалъ меня на это! Это мой жизненный путь, исторія, работа!“...

„Въ духѣ времени и въ характерѣ самого Гердера была причина того, что для его взгляда на исторію гораздо важнѣе были общія точки зрѣнія, чѣмъ полнота фактовъ, важнѣе была внутренняя исторія умственная и нравственная, чѣмъ дѣла государственныя и общественныя; въ одномъ мѣстѣ Гердеръ опредѣляетъ свой предположенный трудъ, какъ философію чело-вѣчества, какъ исторію домоправительства Бога на землѣ. Первымъ исполненіемъ этой великой мысли было небольшое сочиненіе: „Auch eine Philosophie des Geschichte zur Bildung der Menschheit“, 1774, сочиненіе, все значеніе котораго можетъ оцѣнить только тотъ, кто обратитъ вниманіе на историческія обстоятельства его происхожденія. Правда, еще незадолго передъ тѣмъ объясненіе исторіи могло похвалиться значительными успѣхами въ трудахъ Монтескьё и Вольтера, Юма и Робертсона, и въ Германіи Исаакъ Изелинъ только-что полагалъ основанія болѣе глубокаго философскаго пониманія исторіи; но, несмотря на то, неисторическій смыслъ XVIII вѣка все еще судилъ объ историческихъ явленіяхъ по сухому масштабу мнимой обдуманности... У Изелина всѣ народы и вѣка являлись только лишенными воли средствами и орудіями сознательнаго намѣренія природы, какъ сами по себѣ не-самостоятельныя переходныя ступени заранѣе обдуманнаго про-видѣніемъ воспитательнаго плана, послѣднюю цѣль котораго предоставлено достигнуть послѣднему вѣку полной добродѣтели и блаженства. Даже Кантъ, еще въ 1784 году думаетъ ¹⁾, что хотя это странно и загадочно, но тѣмъ не менѣе необходимо, что старшія поколѣнія исполняютъ свое трудное дѣло только для позднѣйшихъ, чтобы доставить имъ ступень къ зданію, которое имѣетъ въ виду природа. Сочиненіе Гердера, направленное прямо противъ Изелина, имѣетъ ту громадную заслугу, что оно впервые рѣзко и убѣдительно указывало сущность историческаго развитія, живо переносилось въ исторію, понимало и обсуждало каждый вѣкъ и народъ не по понятіямъ настоящаго времени, но по особенностямъ и индивидуальности его собственныхъ историческихъ условій... „Какъ жалки,—говорилъ Гердеръ,—многіе предразсудки нашего вѣка о преимуществахъ, добродѣтеляхъ, счастья столь отдаленныхъ, столь разнообразныхъ націй, составляемые

¹⁾ Въ его Ideen zur einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht.

только по общимъ школьнымъ понятіямъ! Въ извѣстномъ отношеніи всякое человѣческое совершенство бываетъ національно, временно, индивидуально; люди не создаютъ ничего, кромѣ того, къ чему даютъ поводъ время, климатъ, потребности, міръ, судьба... Самый образъ счастья измѣняется съ каждымъ состояніемъ и климатомъ; кто можетъ сравнить различное удовлетвореніе различныхъ чувствъ восточнаго пастуха и домохозяина, земледѣльца и художника, моряка, побѣдителя свѣта? Каждая нація имѣетъ въ самой себѣ средоточіе счастья, какъ имѣетъ каждый шаръ свой центръ тяжести; никакая вещь во всемъ божіемъ царствѣ не бываетъ только средствомъ, все есть средство и цѣль вмѣстѣ. Мы поймемъ сущность этого взгляда, когда Гердеръ говоритъ, что тотъ, кто предпринималъ до сихъ поръ объяснить теченіе вѣковъ, или видитъ въ исторіи постепенное приближеніе къ большей добродѣтели и счастью отдѣльныхъ людей, или видитъ только смѣну пороковъ и добродѣтелей, возникновеніе и гибель безъ плана и успѣха, вѣчную революцію, работу и ея уничтоженіе, какъ въ ткани Пенелопы; и затѣмъ первый пишетъ романы о совершающемся всеобщемъ улучшеніи міра, романы, въ которые не вѣритъ истинный ученикъ исторіи и человѣческаго сердца, а второй попадаетъ въ водоворотъ сомнѣнія, гдѣ нравственность и философія испытываютъ самое зловерное кораблеверженіе. „Но развѣ нѣтъ очевиднаго движенія впередъ, только въ болѣе высокомъ смыслѣ? Видишь ли, какъ движется этотъ потокъ, какъ онъ произошелъ изъ маленькаго ручья, какъ онъ растетъ, здѣсь суживается, тамъ расширяется, вездѣ извивается, зарывается все больше и глубже, пока, наконецъ, падаетъ въ море? Или, видишь ли то растущее дерево, того стремящагося впередъ челоѣка? Онъ долженъ пройти различные возрасты; всѣ, очевидно, составляютъ движеніе впередъ, и одно стремленіе за другимъ! Между каждымъ видимые пункты отдыха, перевороты, перемѣны и, однако, каждый имѣетъ средоточіе своего счастья въ самомъ себѣ. Никто не бываетъ только въ одномъ возрастѣ, каждый строитъ на предыдущемъ; это будетъ основаніемъ для будущаго, не хочетъ быть ничѣмъ кромѣ этого. Такъ говоритъ аналогія въ природѣ, краснорѣчивый образъ Бога во всѣхъ дѣлахъ. Очевидно—то же и въ человѣческомъ родѣ. Египтянинъ не могъ быть безъ восточныхъ народовъ, грекъ строилъ на египтянахъ, римлянинъ поднялся на спину цѣлаго міра; по истинѣ, это успѣхъ, это—дальнѣйшее развитіе, хотя бы ни одно отдѣльное лицо отъ этого не выигрывало. Дѣло идетъ въ великомъ цѣломъ, оно становится зрѣлищемъ руководящаго намѣренія на землѣ, хотя бы

мы и не видѣли послѣднихъ цѣлей этого намѣренія, зрѣлище божества, хотя бы чрезъ открытіе и разрушеніе отдѣльныхъ сценъ“. Только на высотѣ этой точки зрѣнія возможно было опять непредвзятое воззрѣніе и справедливость къ прошедшему. Для нѣмецкой исторіографіи, которая была передъ тѣмъ въ такомъ глубокомъ упадкѣ, Гердеръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбудителей и двигателей. Рѣзкое отличіе Гердера отъ его предшественниковъ обнаруживается тотчасъ весьма знаменательно въ его взглядѣ на исторію среднихъ вѣковъ. Короткое, но глубоко искреннее и возвышенное изображеніе политическаго строя, церкви, рыцарства, бюргерства, науки и искусства этого періода, какое даетъ Гердеръ въ этомъ небольшомъ сочиненіи, это изображеніе, вмѣстѣ съ книгой Юстуса Мёзера (*Osnabrückische Geschichte*), всего больше содѣйствовало тому, чтобы, наконецъ, вытѣснить между людьми „просвѣщенія“ единокласное осужденіе среднихъ вѣковъ и возратить подобающую честь тому, что такъ долго оставалось непризнаннымъ“.

На этомъ заканчиваетъ Геттнеръ изложеніе перваго періода дѣятельности Гердера, принятый имъ до 1778 года. По мнѣнію его, въ исторіи науки есть лишь немного примѣровъ такого блестящаго ранняго развитія; второй періодъ этой дѣятельности былъ только развитіемъ идей, высказанныхъ ранѣе, но теперь эти идеи отчасти высказывались въ другихъ отгѣнкахъ, а отчасти послѣдніе годы Гердера были только упадкомъ. Выше мы отчасти указали на характеръ этихъ позднѣйшихъ трудовъ Гердера, и изъ нихъ мы остановимся на минуту еще только на одномъ — знаменитыхъ „Идеяхъ о философіи исторіи человѣчества“.

Каковы бы ни были осужденія, направленные противъ этой книги Шлоссеромъ и какія могутъ быть сдѣланы съ точки зрѣнія позднѣйшихъ точныхъ наукъ, не подлежитъ сомнѣнію глубокое вліяніе этой книги на развитіе общихъ историческихъ представленій и въ особенности понятія о естественномъ историческомъ развитіи, какъ, съ другой стороны, глубокое нравственное вліяніе имѣла та возвышенная проповѣдь гуманизма, которая между прочимъ въ этихъ „Идеяхъ“ нашла много краснорѣчивыхъ выраженій. Изъ этой книги намъ достаточно будетъ взять два, три эпизода, чтобы дать понятіе о настроеніи историка.

Пятнадцатая книга „Идей“ посвящена этимъ общимъ соображеніямъ. Доведя свой обзоръ исторіи человѣчества до паденія Рима и прежде чѣмъ перейти къ новымъ народамъ, открывшимъ новый періодъ этой исторіи, Гердеръ какъ бы оглядывается назадъ на пройденный путь и собираетъ тѣ мысли, которыя были

внушены ему зрѣлищемъ міровыхъ событій. Его выводы собрались въ слѣдующихъ положеніяхъ: „Гуманность есть цѣль чело-вѣческой природы и съ этой цѣлью Богъ отдалъ нашему роду въ руки его собственную судьбу;—всѣ разрушительныя силы въ природѣ должны съ теченіемъ времени не только уступить силамъ сохраняющимъ, но и сами служить для образованія цѣлаго;—человѣческому роду предназначено пройти различныя ступени культуры, въ различныхъ измѣненіяхъ, но прочность его благосостоянія основывается существенно и единственно на разумѣ и справедливости;—съ теченіемъ времени разумъ и справедливость по законамъ ихъ внутренней природы должны получать все больше мѣста между людьми и поддерживать прочное состояніе гуманности;—въ судьбѣ господствуетъ мудрая благодѣтельность, потому самое прекрасное достоинство, самое прочное и чистое счастье состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать по мыслямъ этой благодѣтели“.

Мы упоминали выше, что въ самомъ физическомъ устройствѣ чело-вѣческаго организма Гердеръ находилъ уже данныя для его историческаго развитія въ направленіи гуманности. Въ тѣхъ размышленіяхъ, какія онъ посвящаетъ теперь опредѣленію внутренняго смысла чело-вѣческой исторіи, онъ выставляетъ рядъ общихъ соображеній о дѣйствіи чело-вѣческихъ силъ, о различныхъ условіяхъ развитія культуры, которая, по его мнѣнію, не представляетъ вовсе непрерывной, правильной линіи, а, напротивъ, идетъ неправильными на первый взглядъ скачками и объединяется только на пространствахъ долгихъ вѣковъ исторіи.

„Такъ какъ чело-вѣчество и въ цѣломъ, и въ своихъ отдѣльныхъ личностяхъ, обществахъ и націяхъ является прочной естественной системой многоразличныхъ живыхъ силъ, то посмотримъ, въ чемъ состоитъ эта система? На какомъ пунктѣ соединяется его высшая красота, истина и благо? И какой путь она принимаетъ, чтобы при каждомъ отклоненіи, какихъ такъ много представляютъ намъ исторія и опытъ, снова приблизиться къ состоянію устойчивости?“ И указавши различныя условія движенія культуры, Гердеръ заключаетъ: „Исторія отдѣльныхъ наукъ и націй должна разсчитать эти явленія, и я желалъ бы, чтобы мы обладали такою исторіей, хотя бы о знаменитѣйшихъ народахъ и въ самыя извѣстныя времена; теперь мы говоримъ только о чело-вѣческой исторіи вообще и о ея устойчивомъ состояніи въ каждой формѣ, въ каждомъ климатѣ. Эта устойчивость состоянія есть не что иное какъ *гуманность, т.-е. разумъ и справедливость во всѣхъ классахъ, во всѣхъ дѣлахъ людей*. И это состоя-

ніе создается не произволомъ какого-нибудь властителя и не убѣждающей силой преданія, но законами природы, на которыхъ покоится существо человѣческаго рода. Даже самыя испорченныя учрежденія его взываютъ къ намъ: „если бы между нами не сохранилось еще нѣкотораго мерцанія разума и справедливости, то мы уже давно не существовали бы, мы даже никогда бы не произошли“. Такъ какъ изъ этого пункта исходить вся тѣнь человѣческой исторіи, то мы должны внимательно разсмотрѣть его.

„Во-первыхъ. Что мы цѣнимъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ и о чемъ мы спрашиваемъ? О разумѣ, планѣ и намѣреніи. Если ихъ нѣтъ, то не сдѣлано ничего человѣческаго, оказалась только слѣпая сила. Куда только странствуетъ нашъ умъ въ широкомъ полѣ исторіи, онъ ищетъ и находитъ только себя самого. Чѣмъ больше во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ нападалъ на чистую истину и человѣческую доброту, тѣмъ дѣла его были прочнѣе, полезнѣе и прекраснѣе, тѣмъ больше умы и сердца всѣхъ народовъ во всѣ времена встрѣчаются въ своихъ правилахъ. Въ чемъ заключается чистый умъ и справедливая мораль, въ этомъ согласны Сократъ и Конфуцій, Зороастръ, Платонъ и Цицеронъ: несмотря на тысячу ихъ различій, всѣ они дѣйствовали на одинъ пунктъ, на которомъ покоится весь нашъ родъ. Какъ странникъ не имѣетъ болѣе сладкаго удовольствія, чѣмъ когда онъ вездѣ, даже гдѣ онъ и не предполагалъ, находитъ слѣды подобнаго ему мыслящаго, чувствовавшаго генія, такъ въ исторіи нашего рода восхитительно для насъ эхо всѣхъ временъ и народовъ, которое въ благороднѣйшихъ душахъ звучитъ только какъ человѣческая доброта и человѣческая истина. Какъ мой разумъ ищетъ связи вещей и мое сердце радуется, когда онъ находитъ ее, такъ искалъ ее каждый честный человѣкъ, и съ точки зрѣнія своего положенія, быть можетъ, только иначе ее видѣлъ и иначе обозначалъ, чѣмъ я. Гдѣ онъ исправить меня, научить, успокоить, ободрить, тамъ онъ мой братъ, участникъ въ той же міровой душѣ, въ одномъ человѣческомъ разумѣ, въ одной человѣческой истинѣ.

„Во-вторыхъ. Какъ во всей исторіи нѣтъ болѣе радостнаго зрѣлища, какъ встрѣтить разумнаго, добраго человѣка, который остается таковымъ несмотря на всѣ перемѣны счастья, во всякомъ своемъ возрастѣ, въ каждомъ изъ своихъ дѣлъ, таеъ мы чувствуемъ глубокое сожалѣніе, когда даже у великихъ и добрыхъ людей видимъ заблужденія ихъ разума, которыя, по законамъ природы, могутъ принести имъ только злое возмездіе... На-

прасно отвращаешь ты свое лицо, сострадательный Цезарь, когда тебѣ приносятъ голову твоего убитаго врага Помпея, и напрасно ты строишь храмъ Немезидѣ. Ты перешелъ границу счастья, какъ Рубиконъ: богиня стоитъ за тобой и твое окровавленное тѣло упадетъ къ ногамъ статуи того же Помпея. Не иначе бываетъ въ судьбѣ цѣлыхъ странъ, потому что онѣ всегда зависятъ только отъ неразумія немногихъ, которые бываютъ или называются ихъ повелителями: самое лучшее положеніе, общавшееся человѣчеству на цѣлые вѣка самые полезные плоды, разрушается неразуміемъ одного, который вмѣсто того, чтобы наклонять сучья, сваливаетъ дерево. Какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлыя царства всего меньше могли переносить свое счастье, — кто бы ни управлялъ этими царствами, монархи, деспоты, или сенатъ и народъ. Народъ и деспотъ всего менѣе понимаютъ предостереженія богини судьбы: ослѣпленные громкимъ именемъ и блескомъ суетной славы, они бросаются за предѣлы гуманности и благоразумія, пока не увидятъ слишкомъ поздно послѣдствій своего неразумія. Такова была судьба Рима, Аѳинъ и многихъ народовъ.

„Великій Отецъ людей, — какой легкій и трудный урокъ дать ты своему роду на землѣ для всего дневного труда его! Люди должны научиться только разуму и справедливости; если они исполняютъ ихъ, то шагъ за шагомъ приходятъ свѣтъ въ ихъ душу, доброта въ ихъ сердце, совершенство въ ихъ государство, счастье въ ихъ жизнь. Обогащенный этими дарами и вѣрно ихъ употребляя, негръ можетъ устроить свое общество также какъ грекъ, троплодитъ также какъ китаецъ. Опытъ будетъ вести каждого дальше, и разумъ и справедливость дадутъ его дѣламъ прочность, красоту и равномѣрность. Но если онъ оставитъ ихъ, этихъ основныхъ руководителей своей жизни, что дастъ продолжительность его счастью и избавитъ его отъ мстительныхъ богинь негуманности?

„Въ-третьихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что когда въ человѣчествѣ нарушена равномѣрность разума и гуманности, то возвращеніе къ ней рѣдко совершается иначе какъ чрезъ насильственные переходы отъ одной крайности въ другую. Одна страсть нарушала равновѣсіе разума, другая возстаетъ противъ нея и такъ въ исторіи проходятъ часто годы и вѣка, пока опять наступаютъ радостные дни... Очевидно, что все построеніе нашего рода прилажено и рассчитано на подобныя измѣнчивыя колебанія. Какъ наша походка есть постоянное паденіе направо и налѣво и мы, однако, съ каждымъ шагомъ подвигаемся впе-

редъ, таковъ и успѣхъ культуры въ человѣческихъ поколѣніяхъ и цѣлыхъ народахъ.... Поколѣнія обновляются въ постоянной смѣнѣ и несмотря на всѣ прямолинейные завѣты преданія, сынъ, однако, идетъ дальше на свой ладъ... Но въ какихъ бы отклоненіяхъ ни извивался и ни пробивался потокъ человѣческаго разума, онъ произошелъ изъ вѣчнаго потока истины, и въ силу своей природы никогда не можетъ потеряться на своемъ пути".

Въ другой главѣ этихъ размышленій Гердеръ продолжаетъ:

„Всѣ сомнѣнія и жалобы людей на безпорядокъ и мало замѣтный успѣхъ добраго въ исторіи, происходятъ отъ того, что унылый странникъ видитъ слишкомъ малый кусокъ своего пути. Еслибы только онъ расширилъ свой взглядъ и безпристрастно сравнилъ вѣка, которые мы знаемъ изъ исторіи съ нѣкоторою точностью, еслибы кромѣ того онъ вникнулъ въ природу людей и взвѣсилъ, что такое разумъ и истина, то онъ столь же мало усомнился бы въ ихъ движеніи впередъ, какъ въ самыхъ извѣстныхъ истинахъ природы“. И дальше Гердеръ выставляетъ слѣдующія положенія: времена (историческіе періоды) въ силу своей природы примыкаютъ другъ къ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣтя время, человѣческое племя со всѣми его дѣйствіями и произведеніями;—съ теченіемъ вѣковъ измѣняются понятія людей и всякое возвращеніе въ древнія времена невозможно;—успѣхъ нашего рода можетъ быть замѣченъ на самомъ жилищѣ;—вся дѣятельность человѣческаго духа, въ силу ея внутренней природы, до сихъ поръ направлялась именно на средства къ тому, чтобы глубже основать и распространять далѣе гуманность и культуру нашего рода.

Мы могли только нѣсколькими эпизодами указать характеръ и содержаніе дѣятельности писателя, теперь очень забытаго, но оказавшаго знаменательное вліяніе не только въ своей собственной литературѣ, но и на цѣлое движеніе европейской мысли. Мы останавливались главнымъ образомъ только на двухъ сторонахъ его дѣятельности—на его изученіяхъ народной поэзіи и его взглядахъ историческихъ. Въ этихъ послѣднихъ (какъ они въ особенности выразились въ его „Идеяхъ“) было, безъ сомнѣнія, много ошибочнаго, много поспѣшнаго съ точки зрѣнія научной техники: въ теченіе ста лѣтъ историческія изслѣдованія такъ углубились и такъ расширились, обставляя себя множествомъ детальнаго изслѣдованій, часто совершенно новыхъ и не подозрѣваемыхъ XVIII вѣкомъ,—иначе это и не могло быть при громадномъ развитіи современнаго знанія,—но тѣмъ не менѣе за Гердеромъ остается

великая заслуга попытки философскаго или идеальнаго обобщенія, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, того человѣчнаго чувства, съ какимъ онъ обнимаетъ судьбу всѣхъ народовъ, какъ единаго человѣческаго братства. Современная исторіографія доходитъ до величайшихъ тонкостей въ объясненіи внѣшней судьбы народовъ, ихъ учреждений, быта, умственной жизни, но она рѣдко задаетъ себѣ тѣ вопросы, какіе представлялись Гердеру, а между тѣмъ они безъ сомнѣнія требуютъ вниманія: говорятъ обыкновенно, что для обобщенія нужны еще многія и сложныя изученія—на дѣлѣ имъ трудно предвидѣть конецъ,—но для каждаго поколѣнія является потребность историческаго сознанія, исторія должна имѣть для него свое нравственное содержаніе, и въ выработкѣ этого содержанія должна занять высокое мѣсто та идея гуманности, которую съ такимъ одушевленіемъ проповѣдовалъ Гердеръ.

Гораздо ближе и явственнѣе другая сторона вліяній этого писателя, его широкій взглядъ на историческое развитіе литературы и въ частности замѣчательная для своего времени постановка вопроса о народной поэзіи. „Народныя пѣсни“ Гердера составили эпоху въ нѣмецкой литературѣ по общему признанію ея историковъ, и не только по ихъ непосредственному оживляющему дѣйствию на нѣмецкую поэзію, но и по тому значенію, какое эти „Пѣсни“, съ комментаріями Гердера (отчасти у насъ приведенными), имѣли для развитія науки о народной старинѣ и поэзіи ¹⁾. Если мы будемъ отыскивать первые начатки новѣйшаго глубокаго интереса къ изученію народныхъ памятниковъ, то исходнымъ пунктомъ явится въ особенности Гердеръ: никто въ XVIII вѣкѣ не понималъ этого вопроса такъ широко, никто, почти пророчески, не угадалъ будущихъ запросовъ и выводовъ науки. Послѣ Гердера становятся понятны братья Гриммы съ ихъ энтузіазмомъ къ народной поэзіи, выше которой они ничего не знаютъ; понятны наши романтики народности 30-хъ годовъ, какъ Срезневскій, Бодянский, Максимовичъ, и болѣе поздніе изслѣдователи и горячіе партизаны народной поэзіи, какъ Буслаевъ и Аванасьевъ; къ Гердеру сводятся вообще источники новѣйшаго фольклоризма, такъ широко распространяющагося въ современныхъ литературахъ западной Европы; имя Гердера произносилось съ сочувствіемъ и благодарностью начинателями славянскаго возрожденія ²⁾.

¹⁾ Ср. „Geschichte der germanischen Philologie vorzugsweise in Deutschland“, von Rudolf von Raumer (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit. Neunter Band). München, 1870, стр. 276—282.

²⁾ Въ „Народныхъ пѣсняхъ“ Гердеръ помѣстилъ переводъ нѣсколькихъ серб-

Судьба Гердера въ русской литературѣ была довольно странная.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія имя Гердера было уже извѣстно образованнѣйшимъ людямъ нашего общества. Когда Карамзинъ предпринялъ свое путешествіе и навѣщалъ знаменитыхъ людей нѣмецкой науки и литературы, онъ между прочимъ стремился видѣть Гердера. Въ письмахъ отъ 20-го и 21-го іюля 1789 года онъ рассказываетъ о свиданіяхъ своихъ съ Гердеромъ. Приводимъ его слова, составляющія, кажется, единственное русское свидѣтельство о знаменитомъ писателѣ.

„Узнавъ, что Гердеръ, наконецъ, дома, пошелъ я къ нему. У него одна мысль,—сказалъ объ немъ какой-то нѣмецкой авторъ,—и сія мысль есть цѣлый міръ“. Я читалъ его *Urkunde des menschlichen Geschlechts*, читалъ, многого не понималъ, но чтò понималъ, тò находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе! Я читалъ его „Бога“, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный философъ и ревностный читатель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный. Гердеръ сообщаетъ тутъ и свои мысли о Божествѣ и твореніи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нея многія мѣста, которыя мнѣ отменно понравились... Въ семъ сочиненіи все ясно, понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное воображеніе юности кружится на высотахъ и свергаетъ во мракъ, подобно ночному метеору, блестящему и въ

сихъ эпическихъ пѣсняхъ, а именно „Радослава“, знаменитую „Жалостную пѣсню“ объ Асанъ-агиницѣ, пѣсню о прекрасной переводчицѣ и пѣсню о Милошѣ Кобиличѣ и Вукѣ Бранковичѣ. Эти пѣсни взяты были Гердеромъ изъ итальянскихъ путешествій въ Далмацію знаменитаго аббата Фортиса, а также изъ его „неизданныхъ рукописей“. Пѣсня объ Асанъ-агиницѣ приобрѣла тогда особенную славу, и въ сборникѣ Гердера она помѣщена была въ переводѣ Гёте (сравни изслѣдованіе Миклошича: „*Ueber Goethes Klaggesang von der edlen Frauen des Asan Aga. Geschichte des Originaltextes und der Uebersetzungen*“. Wien, 1863). Затѣмъ въ „Идеяхъ“ Гердеръ посвятилъ славянамъ небольшую главу (книга XVI, IV), гдѣ высказалъ сочувствіе къ этому племени и надежду, что оно будетъ имѣть лучшее будущее. Это было замѣчено славянскими патриотами конца XVIII и начала XIX вѣка, какъ рѣдкое въ нѣмецкой литературѣ выраженіе сочувствія къ подавленному и пренебрегаемому племени, дѣлавшему тогда первыя слабыя попытки къ національному возрожденію, тѣмъ болѣе, что они находили союзника въ имени знаменитаго писателя.

Колларъ, въ знаменитой поэмѣ *Slavy Dsega*, отвелъ мѣсто Гердеру въ ряду друзей славянства и посвятилъ ему два сонета (дополнительные сонеты 61—62, въ изданіи 1852 г.). Поэтъ „преклоняется съ благоговѣніемъ предъ могилой Гердера“,—тѣмъ, наперекоръ обычаю, былъ первымъ защитникомъ и возвышеннымъ хвалителемъ славянъ, и за то пріима отъ насъ честь и благодарность“.

минуту исчезающему; но мысль мудраго мужа, разумомъ освѣщаемая, тихо несется на легкихъ крыльяхъ вѣющаго зефира—несется ко храму вѣчной Истины, и свѣтлою струею свой путь означаетъ. Я читалъ его еще „Парамиди“, нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, которыя дышутъ греческимъ духомъ, и прекрасны какъ утренняя роза.

„Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка. — Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отнѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на литературу, и слыша отъ меня, что я люблю нѣмецкихъ поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. — Клопштока, отвѣчалъ я, записываясь, почитаю самымъ выспреннимъ изъ пѣвцовъ германскихъ. „И справедливо, сказалъ Гердеръ, только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную поэму“. — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гёте—и велѣлъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особенно нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ *Meine Göttin*, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis sein?
Mit niemand streit'ich,
Aber ich geb'ihn
Der ewig beweglichen
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Jovis
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

„Это совершенно по-гречески, — сказалъ онъ, — и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!“ — Гердеръ, Гёте и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни французы, ни англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискusstvenная, благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любез-

ный человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня“.

На завтрашній день —

„Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласкою, какъ и вчера, съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.“

„Мы говорили объ Италіи, откуда онъ недавно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, что еслибы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію и взглянулъ на Медицинскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о тлѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.“

„Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалось мнѣ по большей части непонятною. „Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ“. — Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.“

„Гердеръ невысокаго роста, посредственной толщины, и лицомъ очень небѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ... Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ минѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего такого, что бы показывало желаніе казаться чѣмъ-нибудь; онъ говоритъ тихо и внятно, даетъ вѣсь словамъ своимъ, но не излишній. Едвали, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца Музъ; но великій ученый и глубокомысленный метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.“

„Пріятно, милые друзья мои, видѣть, наконецъ, того человѣка, который былъ намъ прежде *столько извѣстенъ и дорогъ* по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминающая видъ и голосъ автора“...

Несмотря на эту славу еще въ прошломъ столѣтіи, несмотря на то, что впослѣдствіи, какъ мы видѣли, взгляды Гердера несомнѣнно отражались въ упомянутыхъ явленіяхъ русской литера-

туры, собственные сочиненія Гердера оставались у насъ очень мало извѣстны. Мы находимъ, правда, переводъ его „Идей“ ¹⁾, но книга прошла незамѣченной, безъ сомнѣнія потому, что до насъ доходили уже отголоски послѣдующаго философскаго движенія, которое опередило и отодвинуло Гердера въ исторію. Въ этомъ случаѣ мы видимъ довольно характерный образчикъ отношенія нашей науки и литературы къ ихъ западнымъ источникамъ и образцамъ. Собственно говоря, вліяніе этихъ послѣднихъ совершалось отрывочно и случайно. При слабости собственной науки мы прислушивались къ западному движенію, но воспринимали только отрывочныя явленія. Самый процессъ развитія всего чаще ускользалъ отъ нашего вниманія и изученія; у насъ узнавали обыкновенно то, что становилось фактомъ универсальнаго значенія, что носило характеръ опредѣленной системы или литературнаго направленія, но не знали такихъ явленій, гдѣ шла еще подготовительная работа, какъ и въ самихъ системахъ знали только то, что было, такъ сказать, по нашимъ средствамъ или что бывало дозволено. Извѣстно, въ какомъ отрывочномъ видѣ доходили до насъ теоріи французской философіи XVIII-го вѣка или нѣмецкой отъ Канта и до Гегеля, или какъ поздно узнавали у насъ Шиллера и Гёте. Нѣмецкая философія начала столѣтія до Гегеля включительно уже совершила свой циклъ, когда стала предметомъ изученія и энтузіазма для нашихъ молодыхъ поколѣній; раньше, напр., изъ Гёте знали Вертера какъ сантиментальный романъ, но имѣли весьма слабое представленіе о широкѣмъ значеніи дѣятельности Гёте; такимъ же образомъ запаздывалъ у насъ романтизмъ, и т. д. Всего чаще бывало, что цѣлый составъ извѣстнаго литературнаго явленія выяснялся для насъ только позднѣе, когда для него уже наступала исторія. Подобное произошло и съ Гердеромъ. Въ то время, когда шла его дѣятельность, лишь немногіе образованнѣйшіе люди, напр. изъ того тѣснаго кружка, къ которому принадлежалъ Карамзинъ, знали его произведенія; но общій уровень тогдашней литературы былъ такъ невысокъ, что она была бы не въ силахъ понять его содержаніе: ей были неизвѣстны или недоступны ни тѣ философскіе вопросы, которые волновали Гердера, ни та литературная реформа, какую онъ проповѣдовалъ. Мы замѣчали выше, что не всѣ изъ этихъ философскихъ вопросовъ доступны нашей литературѣ и по настоящее время.

¹⁾ „Мысли, относящіяся къ философіи исторіи человѣчества“, Гердера. Петербургъ, 1829.

Но съ другой стороны въ нашей литературѣ совершалась своя работа, въ иныхъ случаяхъ совпадавшая съ нѣкоторыми изъ стремленій Гердера — совпадавшая случайнс, лишь по общему инстинкту времени. Таковъ былъ интересъ къ народной поэзіи, выразившійся у насъ изданіемъ „пѣсенниковъ“, въ которыхъ между прочимъ появилась большая масса прекрасныхъ народныхъ пѣсень. Они начинаются у насъ съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, одновременно съ „Народными пѣснями“ Гердера. Наши собиратели прошлаго вѣка не имѣли понятія о тѣхъ широкихъ взглядахъ, какими опредѣлялось у Гердера увлеченіе памятниками народной поэзіи; когда наша этнографія руководилась еще инстинктомъ, въ Германіи изъ призывовъ Гердера создалась цѣлая наука — наше раннее любопытство къ народной поэзіи по крайней мѣрѣ подготовило у насъ пересадку этой науки, но во всякомъ случаѣ наука создавалась мимо насъ, и намъ приходилось заимствовать ее опять съ начала.

Въ настоящее время наша научная литература, безъ сомнѣнія, находится въ иномъ отношеніи къ западнымъ источникамъ, чѣмъ сто лѣтъ назадъ, но отношеніе все еще неровное и запоздалое, — и исторія европейской науки съ ея отраженіями у насъ могла бы дать поучительныя указанія о судьбѣ и размѣрахъ нашего просвѣщенія. Напоминаніе о Гердерѣ въ его біографіи является очень кстати; эта біографія между прочимъ даетъ намъ историческое объясненіе начатковъ той отрасли науки, которая въ послѣднее время становится у насъ фактомъ общественнаго значенія — мы разумѣемъ наши народныя изученія. Но писанная для нѣмцевъ, біографія Гайма предполагаетъ сочиненія Гердера извѣстными; чтобы она принесла свою пользу русскимъ читателямъ, полезно, даже необходимо было бы прибавить къ ней хотя небольшое извлеченіе изъ наиболѣе характерныхъ и исторически важныхъ произведеній знаменитаго писателя.

А. Пыпинъ.

НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА

ВЪ 60-хъ ГОДАХЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. МАРИОНЪ КРОФОРДА.

VI *).

Монтеварки усадилъ дочь около себя и ласково взять ея руку въ свою, принявъ тотъ видъ святоши и главы дома, какой онъ всегда принималъ, когда упоминалъ о семейныхъ заботахъ, выпавшихъ ему на долю, или же готовился обдѣлать важное семейное дѣло. Флавія умѣла отлично передразнивать его, въ вѣщшему удовольствію братьевъ и сестеръ.

Монтеварки многозначительно улыбался, пожималъ пальцы дѣвушки, снова улыбался, тщетно вызывая дочь на сочувствіе. Фаустина оставалась холодна и равнодушна, потому что привыкла къ манерамъ отца и не любила ихъ.

— Ты догадываешься, я увѣренъ, о чемъ я хочу съ тобою поговорить,—началъ онъ.—Это касается твоихъ сердечныхъ дѣлъ, дитя мое.

— Я васъ не понимаю, папа.

— Неужели? я говорю о твоёмъ замужествѣ, Фаустина, объ этомъ важнѣйшемъ шагѣ въ жизни молодой дѣвушки.

— Вы рѣшили выдать меня замужъ за Франджипани?—спросила молодая дѣвушка съ спокойствіемъ, нѣсколько смутившимъ ея отца.

— Какъ ты смѣло говоришь объ этомъ!—воскликнулъ онъ

*) См. выше: мартъ, стр. 217.

со вздохомъ неодобренія.—Но я не буду скрывать отъ тебя, что питаю надежду...

— Пожалуйста, говорите со мной прямо, папа!—закричала Фаустина.—Скажите: вы совсѣмъ уже порѣшили выдать меня за Франджипани?

Фаустина находила рѣчи отца нестерпимыми, тѣмъ болѣе, что сама хотѣла сообщить ему нѣчто, что было очень трудно высказать и еще труднѣе выполнить.

— Душа моя,—отвѣчалъ Монтеварки съ улыбкой,—это безусловно рѣшено. Мы не можемъ теперь отступить. Ты должна выйти за него.

— Я очень несчастна!

Молодая дѣвушка отвернулась и оперлась локтемъ на столъ, поддерживая рукой подбородокъ. Она разбѣянно глядѣла на старинные книжные шкафы, точно хотѣла прочитать заглавія на истрепанныхъ переплетахъ.

Монтеварки понялъ ея слова за знакъ покорности и тотчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Полно, полно, душа моя, тебѣ не придется раскayваться въ своемъ послушаніи. Мы сами часто не понимаемъ сначала своей выгоды, мое милое дитя; но я вижу, что ты, наконецъ, уступаешь...

— И не думаю уступать!—закричала Фаустина, внезапно поворачиваясь къ нему съ такимъ выраженіемъ, какого прежде онъ никогда у нея не видалъ.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ Монтеварки виѣ себя отъ изумленія.

— Что сказать? Я не пойду замужъ за Франджипани... не пойду! Понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю такихъ рѣчей въ устахъ своей дочери; а что касается твоего рѣшенія, то говорю тебѣ, что въ концѣ концовъ ты сдѣлаешь то, что я хочу.

— Вы не можете заставить меня выйти замужъ. Что вы можете сдѣлать? Вы можете отдать меня въ монастырь. Неужели вы думаете, что это измѣнитъ мое рѣшеніе? Я буду благодарна Господу за убѣжище, гдѣ я могу спастись отъ такого тиранства.

— Дочь моя,—возразилъ князь кроткимъ тономъ:—я твердо рѣшилъ не гнѣваться на тебя. Твое непочтительное поведеніе происходитъ отъ невѣденія, а это не преступленіе, хотя и большое неудобство. Если ты возьмешь каплю терпѣнія...

— Нѣтъ у меня терпѣнія!—закричала Фаустина, разъяренная обращеніемъ отца.—Мое непочтительное поведеніе происхо-

дитѣ не отъ невѣденія... оно происходитъ отъ любви въ другому человѣку, единственному, за котораго я выйду, если когда-нибудь пойду замужъ.

— Фаустина! — завопилъ Монтеварки, въ ужасѣ и удивленіи вздымая вверхъ руки. — Какъ смѣешь ты такъ разговаривать съ отцомъ!

— Я все смѣю, все... Я смѣю даже назвать человѣка, котораго люблю... Анастасъ Гуашъ!

— Дитя мое! Дитя мое! Это слишкомъ ужасно! я долженъ позвать твою мать.

— Дѣлайте чтò хотите.

Фаустина встала съ мѣста и остановилась передъ однимъ изъ старинныхъ книжныхъ шкафовъ, сложивъ руки на груди, съ сверкающими глазами, съ презрительно искривленнымъ ротикомъ. Монтеварки, который дѣйствительно былъ сраженъ неожиданнымъ поведеніемъ дочери, осторожно направился къ звонку, не спуская глазъ съ Фаустины, какъ бы въ ожиданіи новой выходки съ ея стороны. Было нѣчто комическое въ его манерахъ, и въ другое время Фаустина это замѣтила бы, но теперь ей было не до того: она слишкомъ была встревожена и поглощена опасностью своего положенія и необходимостью изъ него выйти. Она не понимала, къ чему зовутъ ея мать, но чувствовала, что въ состояніи бороться со всей семьей, если понадобится. Она не спускала глазъ съ отца и, кажется, даже не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ слуга. Монтеварки приказалъ ему попросить княгиню придти немедленно. Послѣ того онъ повернулся къ Фаустинѣ.

— Не можешь же ты думать, что я серьезно принимаю то, чтò ты сейчасъ сказала; но ты, очевидно, очень возбуждена, и присутствіе матери, надѣюсь, произведетъ на тебя успокоивающее дѣйствіе. Ты должна знать однако, что даже въ шутку не слѣдуетъ говорить такой чудовищной неправды...

— Я говорю серьезно. Я выйду за Гуаша, или ни за кого.

Монтеварки въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что голова дочери не въ порядкѣ. Свиданіе съ Гуашемъ убѣдило его, что Фаустина говоритъ тò, чтò думаетъ, но онъ ничѣмъ не могъ объяснить себѣ ея поведенія, кромѣ безумія. Не зная, чтò дѣлать, онъ послалъ за женой, а пока пытался урезонить дочь.

— Дорогое дитя мое, чтò такое Гуашъ? Достойный, безъ сомнѣнія, молодой человѣкъ, но не такой, какого бы я выбралъ тебѣ въ мужа.

— Я выбрала его. Этого достаточно.

— Какія рѣчи, душа моя! какія неприличныя рѣчи! Какъ

будто выбрать мужа—все равно, что купить новую шляпку! И слышать это отъ тебя, когда я считала тебя самой почтительной, самой послушной изъ дочерей! Но мать и я, мы урезонимъ тебя, мы постараемся насадить добрыя мысли въ твоёмъ сердцѣ.

Фаустина презрительно взглянула на отца и, отвернувшись, медленно направилась къ окну.

— Безполезно тратить со мной слова,—объявила она:—я выйду замужъ за Гуаша, или ни за кого.

— Ты... выйдешь за Гуаша?—вскричала княгиня, которая какъ разъ въ эту минуту вошла въ комнату и услышала послѣднія слова.

Голосъ ея выражалъ ужасъ и удивленіе, равные съ тѣмъ, что испытывалъ и мужъ.

— Вы пришли, чтобы мучить меня, мама?—сказала Фаустина по-англійски.

— Пожалуйста, говорите на языкѣ мнѣ понятномъ,—сказалъ Монтеварки, во всю жизнь не научившійся ни единому слову родного языка своей жены.

— О, Лотаріо!—вскричала княгиня.—Что такое наговорилъ тебѣ этотъ ребенокъ?

— Вещи, отъ которыхъ ты содрогнешься, моя милая! Она отказывается идти замужъ за Франджипани...

— Отказывается? Фаустина, что ты дѣлаешь? ты съ ума сошла!

— И утверждаетъ, что выйдетъ замужъ за одного француза, нѣкоего Гуаша... Есть такой, моя душа?

— Конечно, Лотаріо. Тотъ человекъ, котораго ты переѣхалъ. Какъ ты позабывчивъ!

— Да, да, конечно. Знаю. Но ты должна урезонить ее, Гвендолина.

— Мнѣ кажется, Лотаріо, это твое дѣло.

— Душа моя, я думаю, что дитя не въ своемъ умѣ. Откуда она забрала себѣ такое въ голову? Это просто капризъ, дерзкая выходка, придуманная, чтобы огорчить заботливаго и нѣжнаго отца.

— Пустяки, Лотаріо. Она на это неспособна. Вѣдь она не Флавія: та вѣчно выдумывала всякія глупости, когда всего меньше ожидаешь этого...

— Я бы желалъ, чтобы она была Флавіей. Флавія очень хорошо устроилась!—вскричалъ Монтеварки.

— Твой отецъ желаетъ, чтобы ты была Флавіей, слышишь?—съ упрёкомъ проговорила княгиня, качая головой.

Но Фаустина разсмѣялась презрительно.

— Я не Флавія!—закричала она, наступая на мать съ отцомъ. —Понимаю, что вамъ бы этого хотѣлось. Флавія составила блестящую партію. Она теперь княгиня Сарачинеска. Но самое лучшее—то, что она вышла за человѣка по сердцу, и я хочу того же самаго. И, наконецъ, развѣ я такая старая, какъ Флавія, что вы такъ торопитесь сбыть меня съ рукъ? И неужели вы воображаете, что я покорюсь? Ни за что! Если я когда-нибудь выйду замужъ, то не иначе какъ за человѣка, котораго люблю.

— Но, милѣйшая Фаустина,—возопила княгиня съ искреннимъ отчаяніемъ:—все это одна фантазія. Подумай о своемъ положеніи, подумай о томъ, чѣмъ ты намъ обязана, подумай...

— Подумай, подумай, подумай! Неужели вы воображаете, что какія-нибудь думы измѣнятъ меня?

— А неужели ты воображаешь, что твой дѣтскій гнѣвъ измѣнитъ насъ?—спросилъ Монтеварки вротекимъ тономъ.

Онъ не хотѣлъ сердиться, потому что ему, въ сущности, было все равно до чувствъ Фаустины, лишь бы она согласилась выйти за Франджипани.

— Дѣтскій?—вскричала Фаустина, и глаза ея засверкали гнѣвомъ. —Развѣ я по-дѣтски поступила, когда послѣдовала за нимъ въ самый разгаръ революціи въ прошломъ октябрѣ, когда я чуть не была убита у Серристорійскихъ казармъ, и когда я думала, что онъ убить, и, стоя на колѣняхъ посреди развалинъ, молилась за него, пока онъ меня не нашелъ и не привелъ домой? Развѣ это дѣтская любовь?

Княгиня поблѣднѣла какъ смерть и схватила мужа за руку, уставясь съ ужасомъ на Фаустину. Старикъ дрожалъ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ сказать ни слова. Никакія заявленія Фаустины не могли произвести такого внезапнаго и страшнаго дѣйствія, какъ признаніе въ томъ, что произошло въ ночь мятежа, признаніе, услышанное изъ устъ самой молодой дѣвушки, и тономъ, въ которомъ чувствовалась правда. Материнскій инстинктъ сказался прежде всего. Княгиня быстрымъ движеніемъ обняла молодую дѣвушку, какъ бы желая заштитить ее отъ опасности.

— Это неправда, неправда!—закричала она страдальческимъ голосомъ. —Фаустина, дитя мое... это неправда!

— Истинная правда, мама, — отвѣчала Фаустина, испытывавшая странное удовольствіе отъ дѣйствія своихъ словъ, которое могло быть объяснено только ея полной невинностью. —Чему

вы такъ удивляетесь? Я любила его... я думала, что онъ будетъ убить... я не хотѣла отпустить его одного...

— О, Фаустина! какъ могла ты это сдѣлать?—стонала княгиня.—Это слишкомъ ужасно, это невѣроятно!..

— Я любила его и все еще люблю.

Княгиня Монтеварки упала въ кресло и заплакала, закрывъ лицо руками и громко рыдая.

— Если ты собираешься плакать, Гвендолина, то лучше уходи!—сказалъ ей супругъ, который теперь настолько взбѣсился, насколько ему позволяла его низкая натура. Жена такъ привыкла слушаться его, что покорно встала и, плача, вышла изъ комнаты, бросивъ печальный взглядъ на Фаустину.

Монтеварки заперъ дверь и, вернувшись назадъ, схватилъ дочь за руку и сильно потрясъ.

— Дура!—гнѣвно закричалъ онъ, не находя въ своей ярости другого слова.

Фаустина ничего не сказала, но старалась оттолкнуть его; сверкающіе глаза ея выражали презрѣніе. Подобно большинству трусливыхъ людей, онъ могъ быть очень жестокъ съ женщинами. Ему казалось, что дѣвушка своей глупостью лишила его величайшей радости въ жизни въ ту самую минуту, какъ она была близка къ исполненію. Онъ бы простилъ ей, еслибы она себя погубила, но не могъ простить ей своего разочарованія; онъ зналъ, что одного слова объ исторіи, которую она только-что сообщила, было бы достаточно, чтобы сдѣлать блестящій бракъ, о которомъ онъ мечталъ, невозможнымъ, и зналъ, что въ ея власти сказать это слово и что смѣлости на то у нея хватитъ.

— Дура!—повторилъ онъ, и прежде чѣмъ она успѣла вырваться, ударилъ ее по лицу.

Нѣсколько капель яркой красной крови выступили у нея изъ нѣжныхъ губахъ. Инстинктивнымъ движеніемъ она прижала платокъ къ губамъ, чтобы остановить кровь. Но Монтеварки грубо вырвалъ у нея платокъ изъ рукъ и швырнулъ его въ другой конецъ комнаты. По его глазамъ она догадалась, что онъ опять прибѣтъ ее, если она съ нимъ останется. Бросивъ на него взглядъ, исполненный ненависти, она изо всей силы толкнула его и успѣла высвободиться изъ его рукъ.

— Трусъ!—закричала она, въ то время, какъ онъ отскочилъ назадъ отъ ея толчка, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она исчезла и онъ остался одинъ.

Онъ былъ страшно разсерженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ у него въ головѣ какъ-то помутилось, такъ что изъ всего предыдущаго онъ

удержалъ въ памяти только главный пунктъ, что она была съ Гуашемъ въ ту ночь, какъ Корона привела ее домой. Онъ задумался надъ этимъ. Корона, значить, знала правду, да и ея мужъ также. Монтеварки сообразилъ, что успѣлъ уже отомстить имъ, когда ничего еще не зналъ объ ихъ сообщничествѣ въ этомъ невыгодномъ для него дѣлѣ. Его истомленный мозгъ не въ силахъ былъ усвоить себѣ что-нибудь другое. Онъ громко, чуть не истерически, расхохотался.

— По-дѣломъ!—закричалъ онъ съ внезапнымъ восторгомъ.— Все, все у нихъ взяли... даже имя...

Но вдругъ лицо его опять измѣнилось; онъ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками, вспомнивъ, чего онъ лишился по милости Фаустины. И однако, можетъ быть, можно дѣло поправить... вѣдь никто ничего не зналъ, кромѣ...

Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что Мескини вернулся и стоитъ передъ нимъ, какъ бы дожидаясь, чтобы онъ съ нимъ заговорилъ.

Неожиданность появленія библіотекаря заставила князя вскрикнуть отъ удивленія.

— Да, я вернулся назадъ,—сказалъ Мескини:—дѣло, о которомъ мы говорили, никакъ нельзя отложить, и я пришелъ попросить васъ отдать мнѣ деньги.

Монтеварки былъ въ нервномъ разстройствѣ и утратилъ спокойный тонъ превосходства, которымъ говорилъ съ нимъ до появленія Фаустины. При этомъ мысль, что онъ упустилъ Франджипани, только сильнѣе подстрекала его алчность.

— Я сказалъ вамъ, что отказываюсь говорить съ вами до тѣхъ поръ, пока вы принимаете со мной этотъ тонъ. Повторяю вамъ, оставьте меня, и когда опомнитесь и будете вести себя прилично, я вамъ дамъ нѣкоторую сумму. Но вы ровно ничего не получите, пока будете требовать денегъ, какъ чего-то должнаго.

— Я не выйду отсюда безъ денегъ,—объявилъ Мескини рѣшительно.

Колоколичикъ былъ около двери и библіотекарь сталъ между нимъ и княземъ.

— Ступайте вонъ!—закричалъ Монтеварки, дрожа отъ гнѣва.

Онъ такъ привыкъ презирать Мескини, что такая настойчивость съ его стороны его не пугала.

Библіотекарь заслонялъ собой звонокъ и дверь, его длинныя руки висѣли какъ плети, лицо было желто, а глаза налились кровью. Каждый при видѣ его понималъ бы, что онъ теперь опасенъ. Въмѣсто того, чтобы повторить отказъ уйти, онъ пристально глядѣлъ на своего патрона и непріятная улыбка играла на его

безобразномъ лицѣ. Монтеварки увидѣлъ ее и вскипѣлъ отъ бѣшенства. Онъ оперся руками въ кресло, какъ бы собираясь встать, и въ этотъ моментъ онъ былъ такъ же способенъ прибить Мескини, какъ прибилъ Фаустину. Мескини уклонился и придержалъ его за руки.

— Потихе! — сказалъ онъ тихимъ голосомъ. — Я вѣдь не дочь ваша, знаете!

Нижняя челюсть у Монтеварки задрожала и онъ упалъ обратно въ кресло.

— Вы подслушивали... вы видѣли...

— Да, разумѣется. Заплатите вы мнѣ или нѣтъ? Я ни передъ чѣмъ не останавлиюсь, — да, было бы вамъ извѣстно. Вы и ваша жалкая тайна — въ моихъ рукахъ, и я хочу обѣщанную награду. Я требую только ту сумму, которую вы обѣщали. Черезъ нѣсколько дней я буду богатъ, потому что вступилъ въ аферу, на которой наживу милліоны, столько же, сколько ихъ у васъ, можетъ быть. Но деньги должны быть уплачены завтра утромъ, или я разоренъ, — и вы должны мнѣ ихъ дать. Слышите? Понимаете, что я требую своего, должнаго?

При этихъ безсвязныхъ словахъ Монтеварки, приободрился. Въ словахъ Мескини звучало какъ бы разсужденіе, нѣчто въ родѣ аргументаціи, а спорить значило выгадать время; князь измѣнилъ тонъ.

— Но, дорогой Мескини, какъ могли вы быть такъ безразсудны и пуститься въ спекуляціи, не зная точнаго срока, когда рѣшится дѣло? Право же, вы самый безразсудный человѣкъ, котораго я только знаю. Я не могу взять на себя гарантію вашихъ спекуляцій. Я буду справедливъ. Я вамъ сказалъ, что дамъ вамъ двѣ тысячи.

— Двадцать тысячъ!

Мескини придвинулся ближе.

— Ни одного байока, если вы будете нахальны.

— Двадцать тысячъ скуди звонкой монетой, я вамъ уже сказалъ. Не болѣе, но и не менѣе.

Руки библиотечаря судорожно сжимались, между тѣмъ какъ налитые кровью глаза были устремлены на Монтеварки и начинали пугать послѣдняго.

— Нѣтъ, нѣтъ, будьте благоразумны! Мой дорогой Мескини, пожалуйста, не ведите себя такъ. Вы заставите меня думать, что вы хотите меня запугать. Увѣряю васъ, что я хочу только того, что справедливо.

— Подавай сейчасъ деньги!

— Но у меня нѣтъ такой суммы... караулъ! Ай... ай...

Длинные руки Арнольда Мескини охватили горло князя точно желѣзнымъ обручемъ, изъ котораго нельзя было высвободиться. Въ сутуловатой фигурѣ бібліотекаря таилась неожиданная сила, а энергія его удваивалась отъ гнѣва, близкаго къ умопомѣшательству.

Старикъ вертѣлся въ креслахъ, хватаясь руками за зеленое сукно, но пальцы Мескини все крѣпче и крѣпче сжимали его горло. Вдругъ глаза его остановились на носовомъ платкѣ Фаустины, валявшемся на полу. Его жертва была уже при послѣднемъ издыханіи, но съ платкомъ дѣло пойдетъ еще быстрее. Мескини, придерживая одной рукой горло князя, другой поднялъ платокъ съ пола. Онъ навинулъ его на горло князю и зубами затянулъ узелъ. Послѣдовала конвульсивная борьба и затѣмъ прекратилась. Мескини почувствовалъ, какъ тѣло подалось въ его рукахъ. Все дѣло кончено. Монтеварки былъ мертвъ. Мескини отошелъ и прислонился къ шкафу, дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ почти ничего не различалъ въ комнатѣ: голова у него кружилась и чувства совсѣмъ почти оставили его отъ ужаса и отъ страшныхъ физическихъ усилій. Затѣмъ въ одинъ мигъ онъ сообразилъ, что онъ сдѣлалъ и всѣ послѣдствія своего поступка.

Онъ не хотѣлъ убить князя. До тѣхъ поръ, пока онъ владѣлъ собой, онъ даже не думалъ прибѣгать къ насилію. Но у него была натура преступника, временами глубоко хитрая, временами безумно опрометчивая. Роковое вліяніе подтапливало его руку, какъ только онъ занесъ ее, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, злодѣяніе совершилось. Затѣмъ наступилъ страхъ послѣдствій, затѣмъ опять проснулась дьявольская хитрость.

— Никто не знаетъ, что я здѣсь былъ. Ничего не украдено. Про поддѣлку никому ничего неизвѣстно. Никто не будетъ подозрѣвать меня. Нѣтъ никого ни въ бібліотекѣ, ни въ коридорѣ. Платокъ не мой, да и не его тоже. Это платокъ донны Фаустины. Ее тоже никто не заподозритъ. Все останется покрыто тайной.

Мескини пошелъ къ двери, въ которую вошелъ, и отворилъ ее. Онъ оглянулся, задерживая дыханіе. Голова князя склонилась на руки, которыя лежали на столѣ, и вся его поза была позой человѣка въ отчаяніи, но не мертваго. Бібліотекаръ оглядѣлъ комнату. Въ ней не было и слѣда борьбы. Мебель стояла на мѣстѣ, на полу ничего не валялось. Мескини вышелъ и тихонько притворилъ за собой дверь, оставивъ мертвеца одного.

Тихое послѣполуденное солнце озаряло дома на противоположной сторонѣ улицы и бросало меланхолическій отблескъ на

мрачную комнату, гдѣ князь Монтеварки провелъ столь многіе часы своей жизни и гдѣ эта жизнь была такъ внезапно прервана. На столѣ, передъ его мертвыми руками, лежала копія съ судебного приговора, свидѣтельство его послѣдняго злого дѣянія, преступленія, за которое онъ заплатилъ жизнью.

Оно лежало точно надпись надъ висѣлицей злодѣя въ давно минувшія времена, заявлявшая о причинѣ смерти тѣмъ, кто бы пожелалъ это узнать.

Ни звука... кромѣ шума, слабо доносившагося по временамъ изъ узкой улицы, крика разнощика, пѣсни уличнаго мальчика, лая собаки.

Завтра жалкій трупъ будетъ положенъ на великолѣпный катафалкъ, окруженъ роскошью княжескихъ похоронъ, озаренъ сотней погребальныхъ факеловъ, будетъ предметомъ отвращенія, любопытства, даже шутокъ для тѣхъ, кто питалъ на князя зло. Многіе изъ тѣхъ, кто его зналъ, придутъ и поглядятъ въ его мертвое лицо: одни скажутъ, что онъ перемѣнился, другіе—нѣтъ. Его жена и дѣти облекутся черезъ нѣсколько часовъ въ трауръ, будутъ двигаться медленно и печально; выкажутъ, можетъ быть, и нѣкоторое чувство, но ровно столько, сколько требуетъ приличіе. Будутъ отслужены заупокойныя обѣдни, будутъ прочитаны молитвы и его родной городъ услышитъ звонъ самыхъ большихъ колоколовъ, въ которые звонятъ только по самымъ знатымъ людямъ. Все это будетъ сдѣлано и еще многое другое, пока мертваго князя не положатъ на покой подъ мраморнымъ поломъ капеллы, гдѣ лежатъ его предки.

Но пока онъ сидитъ въ отрепанномъ креслѣ, склонившись головой на столъ, за которымъ столько лѣтъ замышлялъ разные интриги и происки, и его блѣдные пальцы почти касаются того клочка бумажки, на которомъ занесено разореніе Сарачинески.

А наверху человѣкъ, убившій его, рассказываетъ по библіотекѣ, съ тревожнымъ выраженіемъ на желтомъ лицѣ поглядывая отъ времени до времени на свои руки, или беретъ одинъ тяжелый фоліантъ за другимъ, дѣлая видъ, что занятъ, на тотъ случай, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ, когда придетъ слуга сообщить незначительному лицу въ домѣ—библіотекарю—о томъ, что случилось сегодня во дворцѣ Монтеварки.

VII.

Джіованни вернулся поздно домой и засталъ Корону въ будуарѣ, у камина. Она поджидала его возвращенія, но безъ всякаго удовольствія. Когда онъ вошелъ въ комнату, она спокойно взглянула на него, но не улыбнулась: она хотѣла какъ будто удостовѣриться, что это онъ, а не кто другой — и только. Она ничего не сказала, и онъ сѣлъ по другую сторону камина. Теперь при встрѣчахъ они всегда чувствовали себя неловко, пока не заговорятъ о чемъ-нибудь.

Въ настоящемъ случаѣ никто изъ нихъ не былъ расположенъ къ бесѣдѣ, и они молча сидѣли другъ противъ друга. Джіованни поглядывалъ на жену, и разъ, когда она повернула голову, глаза ихъ встрѣтились. Выраженіе ея было холодно и серьезно, какъ будто она хотѣла дать ему понять, что ей нечего ему сказать.

Онъ думалъ, что она еще никогда не была такъ хороша. Огонь камина освѣщалъ ея лицо подъ прямымъ угломъ, рельефно отбѣняя благородную правильность ея чертъ, низкій лобъ, широкія, тонкія ноздри, красивый изгибъ губъ и чудную форму головы съ тяжелой короной густыхъ черныхъ волосъ.

Ей было, повидимому, холодно, потому что она сидѣла очень близко къ огню, слегка наклонясь впередъ, въ позѣ, выдававшей все изящество ея безукоризненной фигуры, и поочередно грѣла то ноги, то руки.

— Корона!

И Джіованни умолкъ, произнесъ ея имя, точно раздумалъ говорить ей то, что хотѣлъ-было сказать.

— Что такое?—равнодушно спросила она.

— Не хочешь ли уѣхать изъ Рима? Я думаю, что вездѣ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь.

Она съ удивленіемъ поглядѣла на него. Въ послѣднее время мысль о путешествіи часто приходила ей въ голову, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла не думать, что путешествіе вдвоемъ съ мужемъ будетъ очень затруднительно. Въ дорогѣ ей чаще придется быть наединѣ съ Джіованни, чѣмъ въ Римѣ. Ее пугало это обстоятельство, хотя именно оно привлекало ея мужа.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.— Къ чему намъ ѣхать путешествовать? И при томъ съ такимъ маленькимъ ребенкомъ.

— Мы могли бы оставить Орсино дома,—продолжалъ Джіованни.

Но онъ не ожидалъ, что она *такъ* взглянетъ на него, отвѣчая:

— Я ни за что не соглашусь на это.

— Но, можетъ быть, ты согласна будешь взять его съ собой, а меня оставить здѣсь? Ты легко найдешь себѣ спутника... хотя бы моего отца. Онъ съ радостью поѣдетъ съ тобой.

Она не сразу отвѣтила, и какъ ни кратка была пауза, но онъ ее отмѣтилъ.

— Нѣтъ. Я и на это не согласна. Я совсѣмъ не желаю уѣзжать изъ Рима. Къ чему? да еще въ настоящее время года.

— Ну, такъ я думаю, я одинъ уѣду,—сказалъ Джіованни спокойно, наблюдая ея лицо.

Она не отвѣчала, но съ любопытствомъ взглянула на него, точно подозрѣвая, что онъ ей ставитъ западню.

— Ты ничего не говоришь. Молчаніе—знакъ согласія?

— Я думаю, что это будетъ неблагоразумно.

— Ты не отвѣчаешь мнѣ на вопросъ. Будь откровенна, Корона. Тебѣ пріятно было бы остаться нѣкоторое время одной?

— Къ чему ты спрашиваешь?—сказала она съ нетерпѣніемъ. —Къ чему заставляешь меня сказать нѣчто такое, о чемъ я могу пожалѣть.

— Развѣ ты пожалѣешь, если скажешь? Будь откровенна. Тебѣ доставило бы большое облегченіе, еслибы я уѣхалъ. Я могъ бы найти отличный предлогъ, и никто не догадался бы, что дѣло неладно.

— Во-первыхъ, ничего неладнаго нѣтъ. Но, конечно, никто ничего бы не сказалъ.

— Я знаю, ты думаешь, что у меня нѣтъ такта,—замѣтилъ Джіованни довольно основательно.

Корона не могла удержаться отъ улыбки при этомъ замѣчаніи, которое выражало какъ разъ то, что она думала.

— Откровенно говоря, я считаю, что лучше оставить все какъ есть. Развѣ ты этого не находишь?

— Какъ ты холодно говоришь это!—вскричалъ Джіованни. —Тебѣ это такъ легко, а мнѣ такъ трудно. Я бы все сдѣлалъ, о чемъ бы ты ни попросила, но ты ничего не просишь, потому что хочешь лучше сама приносить жертву, чѣмъ принимать ихъ отъ меня. Любила ли ты меня когда-нибудь, Корона? Неужели любовь можно убить въ одинъ день, однимъ словомъ? Я удивляюсь, неужели живая женщина можетъ быть такъ холодна, какъ ты! Неужели тебя не трогаютъ мои страданія?

— Ты не понимаешь...

— Нѣтъ... это вѣрно. Я не понимаю. Я былъ низокъ, подлъ,

жестокъ... я не оправдываюсь. Но если я такъ виноватъ, то только потому, что любилъ тебя; самое легкое подозрѣніе свело меня съ ума, потому что я не могъ разсуждать, любя тебя такъ, какъ я люблю. О! я слишкомъ сильно, слишкомъ безумно люблю тебя! Я постараюсь перемѣниться и стать другимъ человѣкомъ... чтобы не сходить съ ума отъ одного взгляда на тебя!

Онъ всталъ и пошелъ къ дверямъ, но Корона вернула его. Горечь его словъ и тона дала ей понять, какъ сильно онъ страдаетъ.

— Джіованни... милый... не оставляй меня такъ... я тоже несчастна.

— Неужели?

Онъ подбѣжалъ къ ней и глядѣлъ ей въ глаза.

— Очень несчастна.

И она отвернулась отъ него. Она не въ силахъ была глядѣть на него.

— Ты несчастна, и я ничего не могу для тебя сдѣлать? Зачѣмъ ты позвала меня?

— Еслибы я могла, еслибы я могла!—повторила она шопотомъ.

Наступило молчаніе, во время котораго Джіованни чувствовалъ, какъ шибко и неровно бьется его сердце.

— Еслибы я могъ хоть капельку тронуть тебя!—чуть слышно проговорилъ онъ, наконецъ.—Еслибы я могъ что-нибудь для тебя сдѣлать, что-нибудь перенести ради тебя!

Она печально покачала головой, но вдругъ, какъ бы испугавшись, что огорчила его, взяла его за руку и дружески, да, очень дружески, но не любовно пожала ее.

Рука ея была холодна какъ ледъ.

Онъ вздохнулъ и собрался уходить, какъ вдругъ дверь открылась, и старикъ Пасквали вошелъ съ лицомъ блѣднымъ отъ страха.

— Eccellenza, вотъ записка, и посланный говорить, что князя Монтеварки сейчасъ убили, а записка отъ донны Фаустины, и полиція уже находится въ палаццо Монтеварки, а бѣдная внягиня умираетъ, и...

Корона постыжно встала съ крикомъ удивленія. Джіованни взялъ письмо и стоялъ, уставившись на слугу, точно думая, что тотъ помѣшался. Наконецъ, прочитавъ адресъ и увидѣвъ, что письмо къ женѣ.

— Фаустину обвиняютъ въ убійствѣ!—воскликнула она.—Я должна тотчасъ къ ней ѣхать. Карету, Пасквали, скорѣе!

— Фаустина Монтеварки убила отца!—закричалъ Джіованни, вѣ себя отъ удивленія.

Корона сунула ему записку въ руки. Въ ней было всего нѣсколько словъ, нацарапанныхъ поспѣшно и очевидно въ большомъ смятеніи.

— Разумѣется, это какое-нибудь крупное недоразумѣніе, — сказала Корона, — но я должна ѣхать.

— Я поѣду съ тобой. Я могу быть полезенъ.

Нѣсколько секундъ спустя, они уже сходили съ лѣстницы. Карета еще не была подана, и, отдавъ приказаніе, чтобы она послѣдовала за ними, они вышли на улицу и взяли извозчика. Подъ вліяніемъ возбужденія, они дѣйствовали инстинктивно. Дорогою они обмѣнялись немногими словами, выражавшими ихъ крайнее удивленіе.

Въ палаццо Монтеварки все было вверхъ дномъ, двери настежь открыты, а слуги безцѣльно бѣгали взадъ и впередъ съ испуганными лицами. Ихъ только-что отпустили съ предварительнаго допроса, который производилъ префектъ полиціи. Нѣсколько жандармовъ стояло въ сѣняхъ, разговаривая, а еще нѣсколько другихъ конныхъ сторожили наружную дверь, не позволяя никому выходить изъ дома. Выѣздной лакей, съ лицомъ искаженнымъ отъ ужаса, провелъ Джіованни и Корону въ большую гостиную.

Обширный покой былъ освѣщенъ всего лишь одной лампой, которая стояла на столѣ изъ желтаго мрамора и тускло озаряла вышитыя обои на стѣнахъ. Старомодная мебель, по обычаю, чинно разставлена была вдоль стѣнъ; въ комнатахъ было сыро и холодно, такъ какъ даже традиціонная жаровня съ угольями не была зажжена. Голоса людей, собравшихся небольшой группой, звучали глухо и странно отъликалились въ громадномъ и пустомъ салонѣ. Громче всѣхъ раздавался голосъ префекта полиціи.

— Увѣряю васъ, — говорилъ онъ, — что съ величайшимъ сожалѣніемъ вынужденъ выполнить свой долгъ.

Джіованни и Корона пошли впередъ, и остальные разступились передъ ними. Префектъ стоялъ, повернувшись спиной къ свѣту. Онъ былъ средняго роста, очень смуглъ и наклоненъ къ полнотѣ. Орлиный носъ и глаза, круглые и съ тяжелыми полуопущенными вѣками, придавали ему сходство съ совой. Голосъ у него былъ грубъ и рѣзокъ и онъ постоянно глядѣлъ поверхъ головы того лица, къ которому обращены были его слова. Онъ не дѣлалъ никакихъ жестовъ и держался очень прямо.

Напротивъ него стояла Фаустина Монтеварки; лицо ея было

блѣдное, но ясное, а взглядъ какъ бы застылъ. Она сложила руки, но нервно вертѣла пальцами. Вокругъ нея стояли братья и ихъ жены, какъ бы онѣмѣвъ отъ ужаса; они толпились точно испуганныя овцы вокругъ представителя закона. Мать, Флавія, и Санъ-Джіачинто отсутствовали. Трудно было бы представить себѣ болѣе испуганныхъ и растерявшихся людей.

— О, Корона! спасите меня!—закричала Фаустина, бросаясь на шею пріятельницѣ, какъ только завидѣла ее.

— Не будете ли вы такъ добры объяснить, что случилось?—сказалъ Джіованни, обращаясь къ префекту.—Неужели вы хотите сказать, что обвиняете это невинное дитя въ убійствѣ отца? Вы съ ума сошли, синьоръ!

— Извините меня, синьоръ *prinсipe*. Я не сошелъ съ ума и никто больше меня не сожалѣетъ о томъ, что здѣсь произошло,—отвѣчалъ тотъ громкимъ, металлическимъ голосомъ.—Я въ двухъ словахъ изложу вамъ факты. Князь Монтеварки найденъ мертвымъ часъ тому назадъ. Онъ былъ задушенъ посредствомъ вотъ этого носового платка—замѣьте кровь на немъ,—который я считаю вещественнымъ доказательствомъ. Доказано, что синьора донна Фаустина—послѣднее лицо, которое видѣло князя въ живыхъ. Она сознается, кромѣ того, что бурная сцена произошла сегодня поутру между ею и отцомъ, во время которой его сіятельство ударилъ дочь, вѣроятно, для отческаго назиданія. замѣьте синякъ около рта молодой дѣвицы. Другой синякъ находится у нея на рукѣ. Ясно, что, будучи молода и сильна и замѣчательно высокаго роста, она отвѣчала насиліемъ на насиліе. Она зашла ему за спину—князь найденъ мертвымъ въ своемъ креслѣ, склонившись головой на столъ—и успѣла такъ туго затянуть платокъ, что произошло задушеніе. Все это вполне ясно. Я допрашивалъ всѣхъ домашнихъ и неохотно пришелъ къ заключенію,—конечно, весьма прискорбному для всѣхъ миролюбивыхъ людей,—что эта молодая особа зашла такъ далеко въ своемъ раздраженіи, что лишила жизни родителя. Вслѣдствіе этого мнѣ ничего больше не остается, какъ арестовать ее—дѣло слишкомъ ясно—и отвезти въ тюрьму.

Джіованни съ трудомъ удерживалъ свое бѣшенство, пока префектъ держалъ свою длинную рѣчь, но онъ рѣшилъ выслушать его до конца, не прерывая. Но когда префектъ кончилъ, гнѣвъ его прорвался наружу.

— И вы ничего не принимаете въ соображеніе,—закричалъ онъ,—кромѣ того факта, что князь задушенъ носовымъ платкомъ и что между нимъ и дочерью произошло поутру неприятное

объясненіе? Неужели вы хотите сказать, что вы—человѣкъ здравомыслящій—считаете возможнымъ, чтобы этотъ нѣжный ребенокъ могъ взять за горло здороваго мужчину и до смерти его задушить? Это безуміе, говорю вамъ, это нелѣпость!

— Вовсе не нелѣпость. Другого объясненія фактамъ нѣтъ, а факты неопровержимы. Хотите взглянуть на мертвое тѣло?

— Есть тысяча объясненій такихъ же разумныхъ, какъ и ваше; онъ былъ, по всей вѣроятности, убитъ слугой, изъ мести или съ цѣлью грабежа. Вы такъ увѣровали въ свою идею, что и не подумали обыскать комнату, чтобы видѣть, не похищено ли чего.

— Вы ошибаетесь. Все было обыскано. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что покойный князь не хранилъ денегъ у себя въ домѣ.

— Ну, такъ его убили изъ мести... слуга или кто-нибудь, кто забрался черезъ окно.

— Черезъ окно никто не могъ забраться. Преступленіе совершено этой молодой особой въ припадкѣ раздраженія.

— Говорю вамъ, что нѣтъ!—закричалъ Джіованни, все болѣе и болѣе сердясь отъ упрямства префекта.

— Есть основаніе думать, что такъ,—отвѣчалъ тотъ невозмутимо.

Джіованни топнулъ ногой и отвернулся. Фаустина подошла ближе и оперлась на руку Корона, ища поддержки, а Корона шептала ей на ухо слова утѣшенія. Остальные присутствующіе робкимъ шопотомъ одобряли заступничество Джіованни, но никто не смѣлъ громко поддержать его. Джіованни былъ возмущенъ ими и обратился къ самой молодой дѣвушкѣ.

— Донна Фаустина, скажите сами, чтѣ вамъ извѣстно объ этой катастрофѣ?

Она уже истомилась борьбой, какую ей пришлось вести передъ тѣмъ, но при вопросѣ Сантъ-Иларіо собралась съ послѣдними силами и приблизилась шага на два.

Джіованни глаза ея показались очень странными, но она говорила сдержанно и толково.

— Я могу только повторить тѣ, чтѣ раньше сказала. Отецъ послалъ за мной, такъ часовъ около трехъ, я думаю. Онъ говорилъ о моемъ замужествѣ. Я отвѣчала, что не пойду за сына князя Франджипани, потому что...

Она колебалась.

— Потому что?

— Потому что люблю другого,—продолжала она какъ бы съ вызовомъ:—не князя, но художника.

Ропотъ ужаса пробѣжалъ въ группѣ родственниковъ. Дѣвушка съ презрѣніемъ взглянула на нихъ.

— Я не стыжусь,—сказала она,—но не сказала бы этого безъ нужды... Надо, чтобы вы поняли, отчего онъ такъ разсердился. Я забыла... онъ позвалъ мамашу, и она пришла. Но затѣмъ онъ велѣлъ ей уйти. А меня прибилъ. Я приложила платокъ къ губамъ, потому что изъ нихъ пошла кровь. А онъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и бросилъ на полъ. Онъ взялъ меня за руку, онъ стоялъ, я вырвалась и убѣжала, потому что мнѣ было страшно. И больше я его не видѣла. Вотъ и все; больше я ничего не знаю.

Джіованни былъ пораженъ сжатой формой, въ какой Фаустина передавала свою исторію. Правда, что она повторяла ее во второй уже разъ, но, безусловно вѣря въ ея невинность, онъ увидѣлъ однако, что ея манеры легко могли произвести дурное впечатлѣніе на префекта. Договоривъ, она съ минуты простояла неподвижно. Затѣмъ руки ея повисли какъ плети и она кинулась опять къ Коронѣ, которая охватила ее за талію и подержала.

— Долженъ сказать, что рассказъ сестры кажется мнѣ правдивымъ,—произнесъ слабый голосъ Асканіо Беллегра.

Его тонкая, свѣтлая борода какъ будто дрожала, когда онъ шевелилъ губами.

— Кажется!—вскричала Корона съ негодованіемъ.—Конечно, правда. Надо быть безумнымъ, чтобы сомнѣваться въ этомъ.

— Я не отрицаю, что это правда,—объявилъ префектъ, ни къ кому не обращаясь въ частности.—Я говорю только, что обстоятельства дѣла таковы, что обязываютъ меня принять мѣры...

— Если вы наложите на нее руку...—началъ Джіованни.

— Не грозите мнѣ,—перебилъ префектъ спокойно:—мои люди на улицѣ.

Джіованни подошелъ къ нему съ угрожающимъ видомъ. Невѣстки Фаустины тотчасъ же закричали и захныкали отъ страха, между тѣмъ какъ ея братья дѣлали нерѣшительныя движенія, какъ бы собираясь разнять обоихъ разсерженныхъ людей, но не смѣли.

— Джіованни!—вскричала Корона.—Не прибѣгай къ насилию! Это бесполезно. Выслушайте меня!—обратилась она къ префекту съ такимъ жестомъ, какъ бы собиравась защитить Фаустину.

— Я къ вашимъ услугамъ, синьора принчипесса, но время мое дорого.

— Выслушайте меня, я васъ долго не задержу. Вы поступаете неосторожно и рискованно, собираясь арестовать донну Фаустину, и можете въ томъ раскаяться. Вы, конечно, поступаете такъ, какъ вамъ кажется справедливымъ, но сердце должно подсказать вамъ, что вы ошибаетесь. Взгляните ей въ лицо. Вѣдь она нѣжный ребенокъ. Развѣ у нея лицо убійцы? Она храбра съ вами, потому что вы высказываете ужасную мысль, противъ которой возстаетъ вся ея природа,—но какъ можете вы думать, что у нея хватитъ смѣлости на такое дѣло, или что она такъ зла, что способна была его задумать, и достаточно сильна, чтобы его выполнить? Вѣдь ея отецъ вовсе не былъ такъ старъ; онъ былъ высокъ ростомъ и силенъ, несмотря на годы. Кромѣ того онъ былъ сердитъ, а это удваиваетъ силу. Возможно ли, чтобы она, слабый ребенокъ, насильно усадила его въ кресло и удержала его на немъ до тѣхъ поръ, пока не завяжетъ платокъ вокругъ горла, несмотря на его сопротивленіе? Подумайте: мыслимо ли это?

— Синьора принцесса,—отвѣтилъ префектъ,—эти аргументы можно будетъ съ успѣхомъ привести лицу, которое будетъ защищать подсудимую на судѣ...

Джіованни разсмѣялся ему въ лицо.

— Вы, значить, серьезно предполагаете, что донну Фаустину будутъ судить?—презрительно спросилъ онъ.

Префектъ оставался по прежнему невозмутимъ.

— Мое дѣло такъ предполагать. Я самъ не судья,—да и ваше сіятельство тоже, и мнѣ не подобаетъ взвѣшивать защиту или выслушивать воззванія къ милосердію. Я долженъ вамъ прямо сказать, что считаю долгомъ арестовать донну Фаустину. Донна Фаустина Монтеварки! имѣю честь арестовать васъ. Надѣюсь, что вы не окажете никакого сопротивленія.

Эта полу-комическая фраза была произнесена профессиональнымъ тономъ, и онъ шагнулъ къ молодой дѣвушкѣ, но Джіованни схватилъ его за руку. Префектъ не вырвалъ руки, но твердо сказалъ:

— Синьоръ принцпе, будьте такъ добры и выпустите мою руку.

— Вы не тронете ее,—отвѣчалъ Джіованни, не выпуская руки префекта.

Онъ становился опасенъ.

— Князь, немедленно выпустите меня, или я позову своихъ людей!—сказалъ префектъ повелительнымъ тономъ.

И, вынувъ изъ кармана маленький серебряный свистокъ, поднесъ его къ губамъ.

— Если я позову ихъ, то долженъ буду отправить васъ въ тюрьму за сопротивленіе мнѣ при исполненіи моей обязанности, — прибавилъ онъ, пристально глядя въ глаза Джіованни и готовясь позвать людей.

Джіованни былъ виѣ себя, и неизвѣстно, чѣмъ бы разыгралась эта сцена, еслибы Фаустина не вырвалась изъ объятій Корона и не подбѣжала къ префекту. Одной рукой она оттолкнула Сантъ-Иларіо, а другой схватила свистокъ.

— Я отправлюсь съ вами! — объявила она префекту. — Я пойду съ нимъ! — повторила она, поворачиваясь къ Джіованни. — Это ужасная ошибка, но бесполезно сопротивляться! Я пойду.

Родственники отвѣчали на это заявленіе хоромъ истерическихъ возгласовъ.

Джіованни въ послѣдній разъ попытался удержать ее. Онъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы понять, что сопротивленіе бесполезно, а чувство справедливости въ немъ возмущалось отъ такого безобразія.

— Донна Фаустина, умоляю васъ! Я все еще могу помѣшать этому беззаконію. Я сейчасъ поѣду къ кардиналу и объясню ему ошибку. Онъ прикажетъ освободить васъ.

— Вы ошибаетесь, — отвѣчалъ префектъ. — Онъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ. Кромѣ того, вы не можете выйти изъ этого дома безъ моего позволенія. У дверей стража.

— Но вы не откажете въ такой просьбѣ, — замѣтила Корона, молчавшая во время этого спора. — Мужу понадобится не болѣе получаса, чтобы повидаться съ кардиналомъ и...

— Тѣмъ не менѣе я отказываю, — отвѣчалъ твердо префектъ. — Донна Фаустина должна ѣхать со мной немедленно. Ваше вмѣшательство бесполезно и только производитъ лишній скандалъ. Мое рѣшеніе твердо принято.

— Если такъ, то я поѣду съ нею, — сказала Корона, обнимая дѣвушку и бросая презрительный взглядъ на испуганную толпу родственниковъ.

Въ настоящую минуту всѣ невѣстки побросались на шею мужьямъ, и трудно было сказать, кто истеричнѣе рыдалъ — мужчины или женщины. Джіованни неохотно отступилъ, вида, что сила рѣшительно и безусловно не на его сторонѣ.

— Я тоже поѣду съ вами, — сказалъ онъ. — Вы не можете запретить намъ отвезти донну Фаустину въ нашей каретѣ.

— Я и не запрещаю. Но только мужчины посѣтителі не

допускаются въ тюрьму Термини по вечерамъ. Синьора принчипесса можетъ провести тамъ ночь, если ей угодно. Я посажу жандарма въ вашу карету, для соблюденія формальности.

— Надѣюсь, вы повѣрите моему слову, что мы доставимъ донну Фаустину туда, куда слѣдуетъ,—замѣтилъ Джіованни.

Префектъ колебался.

— Это противно правиламъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—но чтобы одолжить васъ, я согласенъ. Вы даете мнѣ слово?

— Да, такъ какъ вы силой меня къ тому принуждаете. Но мы все-таки протестуемъ. Помните это.

Мужество не измѣнило Фаустинѣ до послѣдней минуты. Она такъ же нѣжно цѣловалась съ невѣстками и братьями, какъ еслибы они предложили раздѣлить съ нею заточеніе. Слезы, рыданія, увѣренія въ любви—всего этого было достаточно, но никто не предлагалъ сопровождать ее.

Фаустина, Корона и Джіованни вмѣстѣ вышли изъ комнаты.

— Я упрячу васъ въ тюрьму еще до наступленія утра;—сказалъ бѣшено Сантъ-Иларіо на ухо префекту, когда они дошли до сѣней.

Префектъ не отвѣчалъ, но чуть замѣтно пожалъ плечами и впервые улыбнулся, молча показавъ на жандармовъ. Послѣдніе выстроились и послѣдовали по лѣстницѣ за четырьмя лицами, которымъ служили конвоемъ. Въ нѣсколько минутъ вся партія уже находилась на пути въ Термини, Фаустина съ своими друзьями въ каретѣ Сантъ-Иларіо, префектъ въ маленькомъ кабріолетѣ, а солдаты на коняхъ, позади экипажей.

VIII.

На слѣдующее утро весь Римъ огласился вѣстью, что Сарачинеска лишился титула, а Фаустина Монтеварки убила отца. Между этими двумя событіями не было, повидимому, никакой связи, но общество было такъ потрясено ими, что готово было повѣрить всякой сказкѣ. Исторія, какъ ее вообще передавали, гласила, что Фаустина неожиданно сошла съ ума и задушила отца во время сна. Всѣ въ голосъ повторяли, что онъ былъ найденъ мертвымъ съ платкомъ вокругъ горла.

Далѣе утверждали, что молодую дѣвушку уже перевезли изъ палаццо Монтеварки въ женское отдѣленіе тюрьмы въ Термини, въ ожиданіи суда надъ нею. Палаццо Монтеварки былъ задрапированъ чернымъ сукномъ и еще до ночи похоронныя эмблемы

съ гербомъ Монтеварки помѣщены были по фронтамъ приходской церкви.

Никого и ни подъ какиѣмъ предлогомъ не пропускали въ палатцо Монтеварки, хотя говорили, что Флавія и Санъ-Джіачинто провели тамъ ночь. Никто изъ членовъ фамиліи не показывался нигдѣ, и, собственно говоря, неизвѣстно было, откуда шли всѣ эти свѣденія.

Странно сказать: каждое слово во всей этой исторіи было вѣрно, кромѣ того, что Фаустина убила отца. Тѣ, что произошло до пріѣзда Короны и Джіованни, можно передать въ нѣсколькихъ словахъ.

Князя Монтеварки нашелъ мертвымъ слуга, который принесъ лампу въ кабинетъ, вечеромъ, когда стемнѣло. Когда тревога была дана, то произошло невообразимое смятеніе, пока не прибылъ префектъ полиціи съ жандармами. Платокъ былъ осмотрѣнъ и признанъ принадлежащимъ Фаустинѣ. Въ силу этого, согласно съ римскими порядками той эпохи, префектъ объявилъ о своемъ намѣреніи арестовать Фаустину.

Законъ признавалъ, что первое вещественное доказательство должно служить основаніемъ для безотлагательнаго дѣйствія. Немногіе вопросы показали также, что Фаустина была послѣднимъ лицомъ, видѣвшимъ старика Монтеварки живымъ. Молодая дѣвушка выказывала спокойствіе, всѣхъ удивлявшее. Она соглашалась, что отецъ очень гнѣвался на нее и даже ее ударилъ, но утверждала, что ровно ничего не знаетъ объ его смерти. Достаточно сказать, что она безстрашно повѣдала всю правду, такъ что возстановила противъ себя даже свою семью.

Даже кровь на платкѣ послужила противъ нея уликой, хотя она и доказывала, что это ея собственная, подтвержденіемъ чему была разбитая губа. Префектъ былъ неумолимъ. Онъ объяснялъ, что Фаустину нужно приватнымъ образомъ доставить въ Термини и что семья можетъ пустить въ ходъ свое вліяніе на другой же день, чтобы добиться ея освобожденія, но что долгъ обязываетъ его арестовать ее теперь и что онъ за это отвѣчаетъ, и прочее въ этомъ родѣ.

Можно себѣ представить смятеніе фамиліи. Княгиня лежала безъ движенія, какъ будто въ параличѣ. Санъ-Джіачинто и Флавію не застали дома, и когда экипажъ, посланный за ними, вернулся, то оказалось, что никто не зналъ, гдѣ они находятся. Жены братьевъ Фаустины заперлись по своимъ комнатамъ, гдѣ предавались истерическому плачу, а братья не умѣли заступиться за Фаустину.

Видя себя всѣми покинутой, Фаустина послала за Короной Сарачинеска. Это самое умное, что она могла сдѣлать. Сцена, послѣдовавшая за ихъ прїѣздомъ, описана нами выше.

Тюрьма въ Термини находилась въ завѣдываніи монахинь, специально посвятившихъ себя уходу за заключенными. Префектъ вѣхалъ въ ворота вслѣдъ за каретой, гдѣ сидѣла обвиняемая. Когда появилась монахиня, онъ что-то шепнулъ ей на ухо. Лицо ея сначала омрачилось, но когда она взглянула въ ангельское личико Фаустины, то недовѣрчиво покачала головой. Префектъ однако исполнилъ свой долгъ. Ворота тюрьмы затворились за обѣими дамами, и часовой снова принялся расхаживать передъ ними, между тѣмъ какъ экипажи выѣхали со двора. Префектъ отправился по своимъ дѣламъ, а Джіованни поѣхалъ немедленно въ Ватиканъ, несмотря на поздній часъ. Великій кардиналъ принялъ его, но къ удивленію отказалъ въ приказѣ объ освобожденіи Фаустины.

На другое утро, прїѣхавъ въ тюрьму, Джіованни сообщилъ грустное извѣстіе женѣ.

— Другими словами, — сказала она, — кардиналъ считаетъ Фаустину виновной?

— Похоже на то, — отвѣчалъ Джіованни тихимъ голосомъ.

— Джіованни!

Она схватила его за руку.

— Ты тоже въ это вѣришь?

— Я повѣрю всему, что ты прикажешь.

— Она такъ же невинна, какъ и я! — закричала Корона.

И глаза ея засверкали отъ негодованія. Джіованни понялъ ея слова совсѣмъ въ иномъ смыслѣ.

— Неужели ты никогда не простишь? — печально спросилъ онъ.

— Я не то хотѣла сказать... я говорю про Фаустину, Джіованни... ты долженъ выручить ее отсюда. Ты это можешь, если захочешь.

— Я многое готовъ сдѣлать для тебя.

— Не для меня, а для несчастнаго ребенка, ставшаго жертвой ужасной ошибки. Я утѣшила ее обѣщаніемъ, что ее освободятъ сегодня. Она съ ума сойдетъ, если ее здѣсь оставить.

— Что бы я ни сдѣлалъ, я это сдѣлаю только для тебя и ни для кого другого. Только для тебя, для одной тебя — ты должна это знать.

Корона поняла его и отвернулась. Уже совсѣмъ разсвѣло, и

она глядѣла въ окно на проходившихъ мимо людей, но не видѣла ихъ.

— Что такое для меня Фаустина Монтеварки въ сравненіи съ твоею любовью?—спросилъ Джіованни.

Что-то въ его голосѣ заставило ее на него оглянуться. Она увидѣла всю силу его чувства въ его глазахъ и удивилась, что онъ пытается соблазнить ее на любовь такой ничтожной приманкой: надеждой на освобожденіе молодой дѣвушки. Она не понимала, что онъ въ отчаяніи. Еслибы она знала, что у него на умѣ, то, быть можетъ, употребила бы всѣ средства, чтобы увѣрить самое себя въ томъ, что она все еще его любитъ. Но она не знала.

— Ради ея невинности, Джіованни!—вскричала она.—Неужели ты можешь допустить, чтобы ребенокъ такъ страдалъ? Я увѣрена, что ты можешь всего добиться съ твоимъ вліяніемъ. Развѣ ты не видишь, что и я также страдаю черезъ эту дѣвушку?

— Тогда скажи, что я это дѣлаю для тебя, Корона.

— Ну, хорошо, для меня,—нетерпѣливо повторила она.

— Для тебя. Помни это, Корона.

Но прежде чѣмъ она успѣла отвѣтить, онъ вышелъ изъ комнаты, не сказавъ больше ни слова, даже не пожавъ ей руки. Корона печально глядѣла въ открытую дверь и затѣмъ вернулась къ Фаустинѣ.

Часомъ позже монахиня вошла въ келью съ ясной улыбкой на лицѣ.

— Карета дожидается васъ... обѣихъ,—сказала она, обращаясь къ княгинѣ.—Доннѣ Фаустинѣ разрѣшено вернуться къ матери.

IX.

Когда Джіованни Сарачинеска пріѣзжалъ наканунѣ къ кардиналу Антонелли, онъ былъ такъ же твердо убѣжденъ въ томъ, что Фаустина невиновата, какъ и сама Корона, и сначала очень удивился взгляду кардинала на это дѣло.

Но по мѣрѣ того, какъ послѣдній развивалъ свой взглядъ, вина дѣвушки перестала казаться ему невозможной или даже невѣроятной. Полное отсутствіе всякаго явнаго мотива для убійства придавало ссорѣ Фаустины съ отцомъ очень большое значеніе, и оно только усиливалось показаніями свидѣтелей.

Отецъ съ дочерью побранились, и княгиня Монтеварки вышла изъ комнаты, оставивъ свою дочь наединѣ съ отцомъ. Никто

другой, казалось, не видѣлъ его послѣ этого момента, и затѣмъ его нашли мертвымъ, задушеннымъ платкомъ дочери.

Тотъ фактъ, что у Фаустины разбита губа и синякъ на рукѣ, только приводилъ къ заключенію, что происходила ожесточенная борьба. Кардиналъ говорилъ, что хотя, быть можетъ, у нея и не хватило бы силы справиться съ отцомъ, еслибы тотъ былъ на ногахъ, но весьма возможно однако, что молодая и сильная дѣвушка одолѣла старика, когда тотъ сидѣлъ въ креслахъ. Что касается чудовищности поступка, то кардиналъ только улыбнулся, когда Джіованни упомянулъ объ этомъ. Развѣ дѣти не убивали отцовъ и въ самомъ Римѣ? Аргументъ показался неотразимымъ, когда Джіованни припомнилъ отчаянное поведение Фаустины въ ночь возстанія.

Дѣвушка, способная послѣдовать за солдатомъ на улицу, гдѣ идетъ бой, и затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ проискать его въ Серристорійскихъ казармахъ, послѣ такой страшной катастрофы, какъ взрывъ бараковъ, такая дѣвушка должна быть способна на припадки безумнаго гнѣва, и вполне вѣроятно, что когда отецъ избилъ ее, она схватила его за горло и задушила. Ея хладнокровіе послѣ преступленія могло быть естественнымъ послѣдствіемъ ея странной природы, потому что она была несомнѣнно странная дѣвушка. „Она, можетъ быть, безумная,—говорилъ кардиналъ, качая головой,—но вполне вѣроятно, что она виновна“. Въ тѣ дни апелляція противъ рѣшенія государственнаго человѣка въ такомъ дѣлѣ была невозможна. Фаустина должна была пробывать въ заточеніи, пока ея дѣло не будетъ разбираться въ судѣ.

Кардиналъ рано всталъ и нисколько не удивился пріѣзду Джіованни въ такой ранній часъ, тѣмъ болѣе, что зналъ о томъ, что княгиня Сантъ-Иларіо провела ночь съ Фаустиной въ тюрьмѣ Термини.

Но онъ былъ однако удивленъ видомъ Джіованни и тѣмъ, что тотъ ему сказалъ:

— Я имѣлъ честь убѣждать вашу свѣтлость вчера вечеромъ, что донна Фаустина невиновата,—началъ Джіованни, отказавшись сѣсть на предложенный стулъ.—Я надѣялся, что она будетъ немедленно освобождена, но ваша свѣтлость рѣшила иначе. Я не хочу, чтобы невинное лицо страдало напрасно. Я пришелъ поэтому предать себя въ руки правосудія.

Кардиналъ уставился на него съ выраженіемъ безпредѣльнаго удивленія на тонкомъ смугломъ лицѣ, между тѣмъ какъ нервными руками ухватился за кресло.

— Вы!—вскричалъ онъ.

— Да, ваша свѣтлость. Я сейчасъ объяснюсь. Вчера судъ объявилъ свой вердиктъ, которымъ мой кузенъ Санъ-Джіачинто признанъ княземъ Сарачинеска вмѣсто моего отца, и ему передается все наше наслѣдственное имущество. Человѣкъ, открывшій это обстоятельство и доведшій дѣло до суда—князь Монтеварки. Вы, быть можетъ, поймете теперь мою злобу противъ него. Если вы припомните свидѣтельскія показанія, то увидите, что мнѣ было легко пройти къ нему незамѣченнымъ. Дверь случайно была открыта, и въ сѣняхъ никого не было. Нѣсколько часовъ прошло послѣ того, какъ донна Фаустина оставила отца и онъ былъ найденъ мертвымъ. Вы поймете, что я могъ войти незамѣченнымъ, что мы естественно побрались и что, потерявъ хладнокровіе, я поднялъ платокъ донны Фаустины, который дѣйствительно, какъ она говоритъ, лежалъ на полу, и затянулъ имъ горло старика. Какъ могъ онъ противиться мнѣ? Кабинетъ находится далеко отъ остальныхъ жилыхъ комнатъ и очень близко отъ сѣней. Уйти потихоньку было нетрудно для человѣка, знакомаго съ расположеніемъ дома. Ваша свѣтлость сами знаете, какъ шаткіе вещественныя доказательства.

— И вы такъ-таки спокойно говорите мнѣ, что убили безпомощнаго старика изъ мести?—спросилъ кардиналъ, полу-недовѣрчиво, полу-негодую.

— Неужели я изъ прихоти приду и объявлю себя убійцей!—отвѣчалъ Джіованни, блѣдный, какъ смерть.

Кардиналъ поглядѣлъ на него и нѣкоторое время молчалъ. Онъ былъ удивленъ тѣмъ, что сейчасъ услышалъ, но здравый смыслъ говорилъ ему, что ничего больше не остается, какъ освободить Фаустину и отправить Джіованни въ тюрьму. Онъ сознавалъ также, что долженъ чувствовать отвращеніе въ человѣку, признавшемуся въ такомъ ужасномъ преступленіи; и однако этого чувства въ немъ не было. Онъ былъ очень чуткій и проницательный человѣкъ, безошибочно судившій о людяхъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Такое несогласіе между его разумомъ и чувствами возбудило его любопытство.

— Вы странную исторію рассказали мнѣ,—замѣтилъ онъ.

— Менѣе странную, чѣмъ та, въ которую ваша свѣтлость вѣрили со вчерашняго вечера,—спокойно отвѣчалъ Джіованни.

— Не знаю. Мнѣ легче повѣрить, что эта дѣвушка помутилась въ расудѣѣ, чѣмъ въ то, что вы, котораго я зналъ всю жизнь, совершили такое дѣяніе. Кромѣ того, передавая мнѣ свою исторію, вы ни разу утвердительно не сказали, что совершили

преступленіе. Вы только объясняли, что его возможно было совершить незамѣтно человѣку, который бы на него рѣшился.

— Развѣ человѣкъ обязанъ прямо обвинять себя? мнѣ кажется, довольно и того, что я отдаюсь въ руки правосудія. Вотъ все, что я обязанъ сдѣлать... не будучи на исповѣди. Судъ будетъ меня судить, а защитникъ постарается добиться моего оправданія.

— Вотъ жалкая логика! Сознаетесь вы или нѣтъ, а вы такъ представили дѣло, что мнѣ не остается никакого выбора.

— Вашей свѣтлости остается только сдѣлать то, что я прошу: освободить донну Фаустину и посадить меня въ тюрьму.

— Вы странный человѣкъ,—сказалъ кардиналъ задумчиво, откидываясь на спинку кресла и всматриваясь въ блѣдное, непроницаемое лицо Джіованни.

— Я просто человѣкъ, доведенный до отчаянія, вотъ и все.

— Даете ли вы мнѣ честное слово, что Фаустина Монтеварки невинна?

— Да,—отвѣчалъ Джіованни безъ всякаго колебанія и встрѣтивъ неуклончиво взглядъ блестящихъ глазъ кардинала.

Послѣдній помолчалъ съ минуту, потомъ повернулся на креслѣ и, взявъ листокъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ. Послѣ того позвонилъ въ небольшой колокольчикъ, стоявшій около него. Слуга вошелъ въ то время, какъ онъ складывалъ и запечатывалъ записку.

— Отослать въ тюрьму Термини,—сказалъ онъ.

— Пусть посланный возьметъ мою карету,—замѣтилъ Джіованни.—Она мнѣ теперь не нужна.

— Возьмите карету князя Сантъ-Иларіо,—прибавилъ кардиналъ, и человѣкъ вышелъ изъ комнаты.—А теперь будьте такъ добры сказать мнѣ, что я долженъ съ вами дѣлать?

— Отправить меня въ Carceri Nuove или въ другое такое же мѣсто.

— Я ничего не сдѣлаю такого, что могло бы повредить вамъ,—отвѣчалъ государственный человѣкъ.—Что-то говорить мнѣ, что вы совсѣмъ не причастны къ этому страшному убійству. Но вы должны знать, что хотя вы и можете обмануть меня,—я вѣдь не всевѣдущъ,—но я не потеряю насмѣшекъ надъ правосудіемъ. Вы сдались какъ преступникъ, и я изловлю васъ на вашемъ словѣ.

— Я ничего другого и не прошу. Посадите меня куда вамъ угодно, дѣлайте со мной что хотите. Мнѣ все равно.

— Вы дѣйствуете какъ человѣкъ несчастный въ любви,—

замѣтилъ кардиналь. — Правда, что вы потеряли свое состояніе, и это можетъ многое объяснить. Но, повторяю, каковы бы ни были ваши мотивы, съ закономъ шутить я не позволю. Вы желаете, чтобы васъ арестовали. Законъ исполнить ваше желаніе. Но предупреждаю васъ, что послѣ того вы получите свободу только послѣ судебного разбирательства.

— Пусть такъ. Что за дѣло до мотивовъ! Законъ будетъ разбирать факты и выскажетъ свой вердиктъ.

— Несомнѣнно. А пока вы проведете день въ одной изъ комнатъ моей квартиры, а вечеромъ, когда стемнѣетъ, васъ перевезутъ въ безопасное и секретное мѣсто. Если настоящій убійца будетъ найденъ, я не желаю, чтобы ваша жизнь была испорчена безумной выходкой, какою я считаю вашъ поступокъ. Вы говорите, что доведены до отчаянія, и дѣйствительно этому можно повѣрить, судя по тому, какъ вы поступаете. Можетъ быть, семейныя обстоятельства довели васъ до этого состоянія, но онѣ меня не касаются. Но будьте, однако, такъ добры и поклонитесь, положивъ руку на евангеліе, что вы не сдѣлаете попытки лишить себя жизни.

— Клянусь, — отвѣчалъ Джіованни, дотрогиваясь до евангелія, поданнаго ему кардиналомъ.

— Очень хорошо. Теперь слѣдуйте за мной, прошу, въ ту комнату, гдѣ вы проведете сегодняшний день.

Джіованни очутился въ небольшой комнаткѣ, гдѣ стояли только письменный столъ и нѣсколько стульевъ, и которая служила, по видимому, конторой.

Кардиналь заперъ дверь, и Джіованни слышалъ, какъ онъ вынулъ ключъ изъ замка. Тутъ онъ впервые подумалъ о томъ, что сдѣлать. Онъ говорилъ правду, когда сказалъ, что доведенъ до отчаянія. Никакое другое слово не передало бы такъ хорошо его состоянія. Нѣчто въ родѣ безумія овладѣло имъ, когда онъ разговаривалъ съ Короной, и до сихъ поръ еще не разсѣялось. Въ ея манерахъ было что-то какъ бы намекавшее на то, что онъ не хочетъ постараться, какъ слѣдуетъ, освободить Фаустину, и дѣйствительно, припоминая, что невинность дѣвушки вовсе не была такою доказанною вещью для него, онъ не могъ удивляться обвиненію Короны. И однако онъ поручился честнымъ словомъ въ ея невинности передъ кардиналомъ.

Нежеланіе Короны допустить, что она проситъ его о помощи для себя самой, чуть не свело его съ ума, и когда она, наконецъ, выговорила это, хотя и неохотно, онъ рѣшилъ немедленно доказать ей, что ради нея готовъ на все. Съ того момента у

него была одна только мысль въ головѣ: освободить Фаустину во что бы то ни стало, и только одинъ планъ представился ему возможнымъ—самому занять мѣсто дѣвушки.

Корона высказала желаніе и доставила ему случай доказать, что онъ способенъ на всякія жертвы ради нея, и случай этотъ никакъ не слѣдовало пропустить.

Но, сидя въ комнатѣ, отведенной ему кардиналомъ, онъ нѣсколько опомнился и сообразилъ, что такое онъ надѣлалъ и въ какомъ свѣтѣ его дѣйствія представляются другимъ. Онъ предалъ себя въ руки правосудія, какъ убійцу, и какъ съ убійцей съ нимъ теперь и будутъ поступать. Когда дѣло дойдетъ до суда, то развѣ съ нимъ не можетъ случиться того, что уже бывало не съ однимъ невиннымъ человѣкомъ, попавшимъ въ ложное положеніе? Развѣ его не могли осудить? А если его осудятъ, то что будетъ съ Короной, отцомъ и маленькимъ Орсино?

Онъ содрогнулся при этой мысли.

На письменномъ столѣ лежали письменныя принадлежности, и Джіованни сталъ писать женѣ письмо.

„Дорогая Корона, когда ты получишь эту записку, Фаустина будетъ освобождена согласно твоему желанію. Не тревожься, если не увидишь меня въ продолженіе нѣсколькихъ дней, такъ какъ я отозванъ по неотложному и важному дѣлу. Скажи отцу и знакомымъ, которые будутъ обо мнѣ спрашивать, что я уѣхалъ въ Сарачинеска, чтобы отобрать тамъ тѣ изъ вещей, которыя не должны перейти во власть Санъ-Джіакинто.—Любящій тебя Джіованни“.

Онъ два раза перечиталъ записку, затѣмъ сложилъ и адресовалъ ее женѣ.

...Часы медленно протекали въ то время, какъ онъ неподвижно сидѣлъ у стола, со сложенной запиской, лежавшей передъ нимъ.

Не успѣлъ кардиналъ вернуться къ себѣ, какъ ему подали вторую визитную карточку.

— Господинъ увѣряетъ,—передавалъ слуга,—что его свѣтлость приметъ его, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить нѣчто важное объ убійствѣ князя Монтеварки. Кардиналъ не могъ удержаться отъ улыбки, когда прочиталъ на карточкѣ имя Анастаза Гуаша.

Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату и подошелъ ближе, повинувшись дружескому жесту кардинала. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, и его мягкіе темные глаза выражали такое отчаяніе, какое рѣдко видѣлъ великій человѣкъ. Тѣмъ не менѣе Гуашъ былъ въ мундирѣ и такъ же тщательно одѣтъ, какъ и всегда.

— Ваша свѣтлость слышали, конечно, объ этомъ ужасномъ убійствѣ,—началь Гуашъ въ своемъ волненіи, забывъ обо всѣхъ формальностяхъ.

— Да,—отвѣчалъ кардиналъ, садясь въ кресло.—Вы пришли нѣчто сообщить, какъ мнѣ сказали?

— Донну Фаустину Монтеварки обвиняютъ въ этомъ преступленіи и она находится въ тюрьмѣ Термини,—отвѣчалъ скороговоркой зуавъ.—Я явился къ вамъ, ваша свѣтлость, чтобы просить васъ приказать немедленно освободить ее...

— На какомъ основаніи?—спросилъ государственный членъ, приподнимая слегка брови въ знакъ удивленія.

— На томъ, что она невинна, что арестъ ея произошелъ по ошибкѣ префекта полиціи... обстоятельства противъ нея, но нѣтъ было предположить, что она это сдѣлала...

— Префектъ полиціи дѣйствовалъ съ моего разрѣшенія. Чѣмъ вы докажете, что она невинна?

— Чѣмъ докажу?—повторилъ Гуашъ, какъ бы на минуту сбитый съ толку, но онъ тотчасъ же нашелся, хотя и побѣлѣлъ до самыхъ губъ.

— Ничего нѣтъ легче!—воскликнулъ онъ.—Убійца передъ вами... Я былъ у князя, просилъ руки его дочери, и онъ оскорбилъ меня. Я вышелъ изъ комнаты, но затѣмъ опять вернулся. Онъ былъ одинъ и я убилъ его... Не знаю самъ, какъ я это сдѣлалъ...

— Задушили носовымъ платкомъ донны Фаустины,—подсказалъ кардиналъ.—Развѣ вы не помните, что онъ валялся на полу и вы подняли его и завязали узломъ вокругъ...

— Да, да! вокругъ его горла!—закричалъ Гуашъ нервно.—Припоминаю. Но у меня помутилось тогда въ глазахъ, голова кружилась и подробности вылетѣли изъ головы. Но вотъ я самъ тутъ... сдаюсь въ руки вашей свѣтлости и умоляю послать приказъ немедленно!

До сихъ поръ кардиналъ хранилъ серьезное выраженіе. Но вдругъ лицо его раздвинулось въ улыбку и онъ протянулъ руку зуаву.

— Любезный господинъ Гуашъ, а васъ очень люблю, вы человекъ съ сердцемъ.

— Я не понимаю...

Анастасъ былъ очень удивленъ, но видѣлъ, что планъ его спасти Фаустину не удался.

— Понимаю ваши мотивы,—продолжалъ кардиналъ.—Вы любите молодую особу до безумія, она арестована по обвиненію

въ важномъ преступленіи и вы задумали выдать себя за убійцу, чтобы спасти ее...

— Но увѣряю, ваша свѣтлость, клянусь...

— Нѣтъ, не клянитесь. Вы неспособны на такое преступленіе. Кромѣ того донна Фаустина уже на свободѣ, а преступникъ сознался.

Анастась пошатнулся и прислонился къ полкѣ съ книгами на стѣнѣ. Кровь бросилась ему въ лицо и на секунду онъ почти потерялъ сознание окружающаго. Голосъ кардинала заставилъ его опомниться.

— Если вы сомнѣваетесь въ томъ, что я говорю вамъ, то ступайте въ палаццо Монтеварки и спросите. Донна Фаустина вернулась туда съ княгиней Сантъ-Иларіо. Я жалѣю, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ назвать вамъ убійцу. Сядьте, г. Гуашъ, и успокойтесь.

— Я никогда не забуду доброты вашей свѣтлости, — отвѣчалъ Гуашъ, садясь и стараясь успокоиться.

Слезы радости стояли у него на глазахъ.

— У васъ нѣтъ никакихъ подозрѣній? — спросилъ его кардиналъ мягкимъ голосомъ.

— Никакихъ, ваша свѣтлость. Единственная вещь, похожая на распрю, о которой я слышалъ, это тяжба изъ-за титула Сарачинеска. Но, само собою разумѣется, это къ дѣлу не относится. Вчера вопросъ былъ рѣшенъ безъ всякой оппозиціи со стороны отвѣтчиковъ.

— Вы думаете, это дѣло не можетъ имѣть никакой связи съ убійствомъ? — спросилъ кардиналъ съ интересомъ.

— Нѣтъ. Какъ можно!

Гуашъ засмѣялся при этой мысли.

— Сарачинеска не могутъ теперь убивать своихъ враговъ, какъ это дѣлали пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Скорѣе это сдѣлалъ слуга изъ мести. Трудно повѣрить, чтобы князя убили кто-нибудь, кто не принадлежалъ къ дому.

— Публика, вѣроятно, согласится съ вами; я впрочемъ самъ займусь этимъ дѣломъ. А теперь, когда вы успокоились, позвольте вамъ замѣтить, что вы дѣйствовали весьма неосмотрительно. Если бы я случайно не былъ вашимъ другомъ, что было бы съ вами? Мнѣ нравится ваше мужество и ваша преданность; вы доказали ихъ въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ и лицомъ къ лицу съ непріателемъ, но вы могли теперь погубить себя. Это было бы великимъ грѣхомъ.

— Развѣ не бываетъ случаевъ, когда человѣкъ можетъ погубить себя?

— Вы говорите про самоубійство? Можно подумать, что вы его имѣли въ виду. Нѣтъ. Церковь учить, что человѣкъ, убившій себя, идетъ прямо въ адъ. Такъ говорить даже Магометъ.

— Во всякомъ случаѣ...

— Во всякомъ случаѣ это смертный грѣхъ.

— Но,—замѣтилъ Гуашъ,—предположимъ, что я очень дурной человѣкъ и могу имѣть губительное вліяніе на другихъ людей. Предположимъ, короче сказать, что моя жизнь можетъ загубить души многихъ и что, убивъ себя, я знаю, что онѣ спасутся. Предположимъ, что я раскаялся и не вижу другого пути спасти эти души, какъ убивъ самого себя. Неужели я не имѣю права это сдѣлать?

Кардиналъ не зналъ, улыбнуться ему или серьезно отнестись къ такимъ наивнымъ словамъ. Онъ не былъ ни богословъ, ни проповѣдникъ, а государственный человѣкъ.

— Дорогой другъ,—отвѣчалъ онъ наконецъ.—Наивность вашихъ предположеній превосходитъ всякое вѣроятіе. Я могу только сказать, что если вы находитесь въ такомъ тяжкомъ состояніи, какъ описали, то я повергну этотъ вопросъ на разсмотрѣніе свѣтлѣйшему отцу. Вамъ же могу посовѣтовать пока одно: постарайтесь не ставить себя въ такое положеніе.

Гуашъ простился съ кардиналомъ съ легкимъ сердцемъ, не подозрѣвая, что Джіованни Сарачинеска—тотъ узникъ, про котораго говорилъ ему кардиналъ.

Х.

Арнольдо Мескени вполнѣ сознавалъ, что сдѣлалъ, когда тихо затворилъ за собой дверь кабинета и вернулся въ библіотеку. Но хотя онъ и зналъ и понималъ, что убилъ своего хозяина, онъ не могъ объяснить самому себѣ, какъ это случилось. Виски у него болѣзненно бились и на желтыхъ щекахъ выступило по красному пятну. Онъ переходилъ отъ одной полки къ другой и руки его сильно тряслись, когда онъ дотрогивался до большихъ томовъ.

Отъ времени до времени онъ взглядывалъ на дверь, какъ бы ожидая, что кто-нибудь войдетъ и сообщить ему новость, какъ будто бы кто-нибудь вспомнить про существованіе бѣднаго библіотекаря въ такую минуту.

Мозгъ его былъ точно въ огнѣ и глаза горѣли.

Время проходило, но никто не приходилъ. Ожиданіе становилось нестерпимымъ, и онъ почувствовалъ, что нужно какъ-нибудь выйти изъ теперешняго состоянія.

Въ шкапчикѣ на стѣнѣ, гдѣ онъ пряталъ запасы чернилъ, пергамента, разные химическіе составы и другія принадлежности своего незаконнаго ремесла, хранилась также бутылка старой водки, которую однажды буфетчикъ принесъ ему изъ погребѣ князя въ вознагражденіе за юридическій совѣтъ, благодаря чему буфетчикъ сберегъ деньги, которыя бы иначе долженъ былъ уплатить адвокату.

Арнольдъ Мескини былъ всегда трезвымъ человѣкомъ, подобно большинству итальянцевъ, и бутылка простояла нѣсколько лѣтъ неотуупоренною въ шкафу. Но вотъ наступилъ моментъ, когда она могла быть ему полезна. Руки его тряслись, когда онъ подносилъ бутылку къ губамъ, но совсѣмъ перестали дрожать, когда онъ поставилъ ее обратно на мѣсто. Водка подѣйствовала волшебнымъ образомъ, и Мескини улыбнулся отъ удовольствія.

Онъ долго просидѣлъ на мѣстѣ, желая убѣдиться, какое будетъ затѣмъ дѣйствіе напитка. Онъ чувствовалъ пріятную теплоту въ лицѣ и рукахъ, потъ скрылся со лба, и онъ сознавалъ, что безъ страха войдетъ въ кабинетъ своего принципала. Онъ не понималъ даже, чего онъ прежде такъ боялся. Онъ убилъ князя Монтеварри и трупъ его лежитъ въ кабинетѣ. И однако мысль эта теперь нисколько его не волновала. По словамъ самого покойника, это было актомъ божественнаго правосудія и возмездія; а такъ какъ никто никогда не откроетъ убійцу, то велика бѣда, что порочный старикъ избавилъ землю отъ своего присутствія. Какъ странно, что всего часъ тому назадъ онъ такъ мучился страхомъ! Въ этой старой водкѣ положительно есть чудодѣйственная сила. Еще глотокъ, и онъ пойдетъ въ кабинетъ и посмотритъ, не случилось ли чего. Если онъ встрѣтитъ кого по дорогѣ, то развязными манерами разсѣетъ всякія подозрѣнія. Кромѣ того онъ возьметъ бутылку съ собой въ карманъ длиннаго скртука — бутылку храбрости, говорилъ онъ себѣ съ улыбкой, поднося ее къ губамъ. На этотъ разъ онъ выпилъ очень немного и очень медленно. Онъ былъ слишкомъ осторожный человѣкъ, чтобы даромъ тратить свои боевые снаряды.

Съ легкимъ сердцемъ спустился онъ съ витой лѣстницы и перешелъ черезъ площадку. Одинъ изъ слугъ Асканіо Беллегри проходилъ по ней въ эту минуту. Мескини спойкойно взглянулъ на него и даже улыбнулся ему, чтобы доказать свою невозмут-

мость. Слуга отвѣчалъ на улыбку фамиллярнымъ кивкомъ головы. Библіотекаръ возликовалъ. Онъ не обидѣлся на фамиллярность лакея. При всей своей учености, онъ самъ былъ не чѣмъ инымъ какъ слугой въ домѣ князя и кромѣ того эта встрѣча послужила желаннымъ испытаніемъ крѣпости его нервовъ. Лакей очевидно не замѣтилъ въ немъ ничего необыкновеннаго. Кромѣ того въ то время, какъ онъ шелъ, бутылка водки въ карманѣ сюртука хлопала его по ногѣ и подбадривала. Онъ растворилъ дверь кабинета и очутился на мѣстѣ своего преступленія. Онъ остановился у дверей и прислушался. Все было тихо.

Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ столу, какъ бы боясь разбудить хозяина. Библіотекаръ сталъ напротивъ своей жертвы и поглядѣлъ на его поникшую голову и блѣдные пальцы. Осторожно протянувъ руку, онъ дотронулся до нихъ и удивился, найдя, что они не очень холодны. Однако прикосновеніе это было ему непріятно, и онъ отодвинулся. Но страха не было, а только непріятное ощущеніе. Онъ взялъ книгу, которая лежала по близости, и толкнулъ ею въ локоть мертвеца. Тотъ не шевелился, не подавая признаковъ жизни.

Онъ отошелъ отъ стола на цыпочкахъ, какъ и подходилъ къ нему, и разъ или два оглянулся назадъ. Затѣмъ вышелъ изъ кабинета, притворилъ дверь и вернулся въ бібліотеку. Онъ былъ доволенъ результатомъ своего изслѣдованія. Князь несомнѣнно былъ мертвъ. И прямымъ послѣдствіемъ его смерти было то, что тайна документовъ Сарачинески принадлежала теперь ему одному; а эта тайна стоила денегъ.

Онъ, и только онъ одинъ зналъ, что владѣніе наслѣдствомъ Сарачинески опиралось на поддѣльный документъ. Передъ нимъ лежало два пути. Онъ могъ пойти къ старику Леоне Сарачинеска и предложить купить у него оригинальные документы, обезпечивъ сначала за собой безнаказанность. Или же предложить ихъ Санъ-Джіачинто, котораго они могли лишить только-что пріобрѣтеннаго имѣнія. Монтеварки обѣщали ему уплатить двадцать тысячъ скуди за поддѣлку и обманулъ; но заплатилъ за то жизнью. Теперь или Сарачинеска, или Санъ-Джіачинто заплатятъ ему впятеро, вдесятеро больше за настоящіе документы, чтобы вернуть утраченное или удержать пріобрѣтенное. Весь вопросъ въ томъ, какъ бы половчѣе предложить имъ сдѣлку. Мескини глядѣлъ на ряды томовъ, красовавшихся передъ нимъ на полкахъ, въ то время какъ обдумывалъ планъ дѣйствій. Но вдругъ новая мысль поразила его. Почему бы ему не выбрать изъ бібліотеки князя многія драгоцѣнныя и рѣдкія изданія, цѣну которыхъ одинъ онъ знаетъ,

и не замѣнить ихъ другими книгами въ такихъ же хорошихъ переплетахъ? Чтѣ стоитъ ему, при его искусствѣ, замѣнить въ каталогѣ одни названія другими соотвѣтственно замѣня однихъ книгъ другими!

Старикъ князь умеръ, и какъ ни мало былъ онъ знакомъ съ собственной библіотекой, сыновья его знали и того меньше.

Мескини могъ перенести украденные томы въ безопасное мѣсто; а затѣмъ, когда продать выгодно свою тайну Сарачинески или Санъ-Джачинто, то поѣдетъ въ Парижъ, въ Берлинъ и даже въ Лондонъ и тамъ сбудетъ свои сокровища. Онъ былъ ослѣпленъ блестящей перспективой, открывавшейся передъ нимъ; подъ его руками все кругомъ какъ бы обращалось въ золото. Голова его горѣла отъ восторга. Онъ точно на двадцать лѣтъ помолодѣлъ.

Страхъ его разсѣялся безслѣдно, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его смиренность. Онъ видѣлъ себя уже не скромнымъ, безвѣстнымъ библіотекаремъ, но богатымъ, уважаемымъ, женатымъ человѣкомъ, въ собственномъ домѣ, съ толпой слугъ и челядинцевъ, въ какой-нибудь европейской столицѣ, удивляющимъ общество глубиной своей учености и познаній.

Непривычная энергія, которую придалъ ему спиртный напитокъ, производила пріятную непосѣдливость. Онъ почувствовалъ, что долженъ снова пойти въ свою комнату на верхъ, чтобы взглянуть на документы и перечитать ихъ. Сидѣть тихо надъ каталогомъ библіотеки было невозможно.

И вотъ снова поднялся онъ къ себѣ на чердакъ, не понимая, почему ему такъ неудержимо хочется все время оглядываться назадъ, точно за нимъ идутъ люди, шаговъ которыхъ не слышно.

Онъ добрался до своей комнатки, досталъ документы изъ потаеннаго мѣста, гдѣ ихъ хранилъ, и любовно развернулъ ихъ передъ собою.

Къ удивленію мысли его какъ-то путались и онъ плохо различалъ буквы. Непреодолимое желаніе заставило его снова глотнуть изъ бутылки, и снова лицо и руки его согрѣлись. Но документовъ онъ по прежнему не въ силахъ былъ читать. Онъ засмѣялся. Не все ли равно. Вѣдь онъ знаетъ ихъ наизусть. Непосѣдливость не покидала его. Онъ съ удовольствіемъ ушелъ бы изъ дому повидать пріятеля, аптекаря, жившаго у Ponte Quattro Carri. Ему пріятно было бы поговорить съ кѣмъ-нибудь, услышать человѣческій голосъ, но осторожность удержала его. Было невѣроятно, чтобы его заподозрили, и если онъ поведетъ себя осмотрительно, то этого совсѣмъ нельзя опасаться. Но уйти теперь изъ дому было бы неблагоприятно. Привратникъ бдителенъ,

и кромѣ того Мескини всегда обмѣнивался съ нимъ привѣтствіями, выходя изъ воротъ. Онъ, конечно, замѣтитъ время его ухода. Кромѣ того тѣло могло быть уже открыто и даже жандармы могли уже находиться на лѣстницѣ.

Послѣднее соображеніе заставило его снова спуститься въ библіотеку. Легкая дрожь пробѣжала по немъ, когда онъ заперъ дверь за собой.

Въ библіотекѣ Мескини усѣлся за столъ, оперся на него локтемъ и впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе, очень пріятное и успокоительное для нервовъ. Сонъ не замедлитъ придти, если его не потревожатъ. Дыханіе его было тяжело, и безмолвіе, царившее кругомъ, подавляло.

Но вотъ наступила страшная минута и застала его тупымъ и апатичнымъ.

Дверь отворилась, и лучъ свѣта проникъ въ комнату, гдѣ уже было почти темно. Лакей и горничная осторожно просунули головы и заглянули во мракъ, высоко держа свѣчу надъ головами. Никто изъ нихъ не рѣшился бы войти въ комнату одиночкой.

— *Sor Arnol'do, Sor Arnol'do!* — робко окликнулъ лакей, какъ бы испугавшись звука собственнаго голоса.

— Я здѣсь, — отвѣчалъ Мескини, насколько могъ весело.

Онъ глотнулъ изъ бутылки за столомъ такъ, чтобы они не могли его видѣть.

— Что нужно?

— Князя убили! — закричали въ голосъ слуги.

Оба были блѣдны, когда подошли къ нему.

Если крикъ, вырвавшійся у него, былъ ненатураленъ, то они были слишкомъ испуганы, чтобы замѣтить это. Когда они передавали ему свою исторію съ разными преувеличеніями и восклицаніями ужаса и удивленія, онъ хлопалъ себя руками по головѣ, стоналъ, громко вскрикивалъ, будучи въ истерическомъ состояніи отъ выпитой воды, и проливалъ съ ними настоящія слезы. Послѣ того они увели его, говоря, что префектъ полиціи находится въ кабинетѣ, куда призваны всѣ домашніе, и допрашиваются имъ. Теперь онъ чувствовалъ себя бодрымъ и могъ отлично сыграть свою роль до конца. Впослѣдствіи онъ плохо помнилъ даже, что было. Онъ смутно припоминалъ, что присягалъ, и что другіе тоже присягали въ томъ, что онъ провелъ все послѣ-обѣда въ библіотекѣ и въ своей комнатѣ.

Лакей Асканіо Беллегры припомнилъ, что встрѣтилъ его на площадкѣ и что онъ улыбнулся ему какъ ни въ чемъ не бывало.

Мескини припоминалъ также, что видѣлъ мертвое тѣло, ле-

жавшее на большомъ столѣ въ кабинетѣ, и слышалъ какъ во снѣ, неясственно, голосъ донны Фаустины. Послѣ того префектъ объявилъ свое рѣшеніе, и его отпустили вмѣстѣ съ остальными слугами.

Вслѣдъ за тѣмъ въ умѣ его наступилъ пробѣлъ. На дѣлѣ онъ вернулся къ себѣ въ комнату и усѣлся за столъ, на которомъ стояла зажженная свѣча. Онъ совсѣмъ не помнилъ, что послѣ допроса попросилъ у буфетчика другую бутылку воды подъ предлогомъ, что нервы его разстроены страшнымъ событіемъ. Послѣ полуночи свѣча догорѣла до конца. Воспользовавшись послѣднимъ лучомъ свѣта, онъ выпилъ послѣдній глотокъ воды и бросился на кровать какъ былъ, не раздѣваясь. Одна бутылка воды была совсѣмъ пуста, а другая на одну треть.

Арнольдо Мескини былъ мертвецки пьянъ.

XI.

Корона не очень удивилась, когда посланный явился съ каретой и подалъ приказъ объ освобожденіи Фаустины. Когда Джіованни оставилъ ее, она почувствовала, что онъ приищеть средство для освобожденія молодой дѣвушки, и единственная вещь, показавшаяся ей странной, это — что Джіованни самъ не вернулся. Посланный сказалъ, что видѣлъ его у кардинала и что Сантъ-Иларіо приказалъ ему взять карету. Кромѣ этого онъ ничего не зналъ.

Корона немедленно отвезла Фаустину въ палаццо Монтеварки и, обѣщавъ навѣстить ее днемъ, поѣхала домой.

Она нуждалась въ отдыхѣ еще больше, чѣмъ Фаустина, которая въ сущности отлично выспалась на тюремной постели съ дѣтской вѣрой въ обѣщаніе своей пріятельницы, что ее завтра освободятъ. Корона же, напротивъ того, провела бессонную ночь и едва держалась на ногахъ отъ усталости.

Она пребыла въ своей комнатѣ до полудня—часъ, въ который члены семейства собирались къ завтраку.

Она нашла тестя ожидающимъ ее и по первому взгляду замѣтила, что онъ въ свирѣпомъ расположеніи духа. Его смуглое лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, движенія болѣе нервны и порывисты, а черные глаза гнѣвно сверкали изъ-подъ густыхъ и насупленныхъ бровей.

Корона, съ своей стороны, была молчалива и озабочена. Не смотря на трагическія событія ночи, которыя въ сущности лишь

косвенно касались ее, и несмотря на постоянныя нравственныя страданія, которыя играли теперь такую значительную роль въ ея жизни, она не могла не быть разстроена крупной потерей, постигшей мужа и тестя. Послѣднему было всего тяжелѣе, какъ старику, но и первый жестоко страдалъ.

— Гдѣ Джіованни?—спросилъ старикъ рѣзко, когда они сѣли за столъ.

— Не знаю. Послѣднія вѣсти, которыя я о немъ слышала, это—что онъ находится у кардинала Антонелли. Должно быть, онъ остался у него послѣ того, какъ добился приказа объ освобожденіи Фаустины.

— Итакъ, его свѣтлость далъ себя, наконецъ, убѣдить, что маленькая дѣвочка не могла задушить этого стараго грѣшника.

— Очевидно.

— Еслибы они арестовали Флавію, это было бы натуральнѣе. Она бы обновила свой титулъ княгини Сарачинеска въ тюрьмѣ. Чудесный контрастъ! Полагаю, вы знаете, кто это сдѣлалъ?

— Нѣтъ. Вѣроятно, слуга, хотя говорить, что ничего не украдено.

— Санъ-Джіачинто убилъ старика. Я обдумалъ это дѣло и убѣжденъ въ томъ. Поглядите на его руки. Онъ могъ бы задушить слона. Не потому, конечно, чтобы у него были особенныя причины упразднить тестя. Онъ достаточно богатъ и могъ бы обойтись безъ приданого Флавіи, но я всегда думалъ, что онъ убьетъ кого-нибудь, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ встрѣтился съ нимъ въ Авилѣ.

— Безъ всякой причины? къ чему бы онъ это сдѣлалъ?

— Дорогое дитя, когда причины не знаешь, очень трудно ее назвать. Но онъ похожъ на убійцу.

— Вѣроятно ли, чтобы, получивъ все, чего только онъ могъ желать, онъ сталъ рисковать своимъ счастьемъ?

— Можетъ быть, и нѣтъ. Но я вѣрю, что онъ это сдѣлалъ. Чтѣ за отвратительная яичница!.. Стаканъ воды, Пасквале! Не правда ли, Корона, что яичница отвратительна? Ее совсѣмъ нельзя ѣсть. Я полагаю, что поваръ прослышалъ про наши несчастія и собирается уходить.

— Вы, должно быть, не очень голодны,—замѣтила Корона, чтобы сказать что-нибудь.

— Желалъ бы я знать, завтракаетъ ли теперь убійца и есть ли у него аппетитъ? Это интересно съ психологической точки зрѣнія. Кстати, все это похоже на jettatura.

— Какимъ образомъ?

— Монтеварки лишился жизни въ тотъ самый день, какъ выигралъ процессъ. Въ добрыя старыя времена Джіованни перерѣзалъ сы ему горло, и мы всѣ послѣ того удалились бы въ Сарачинеска и приготовились бы къ осадѣ. Способъ менѣе цивилизованный, но болѣе гуманный. Безъ сомнѣнія и теперь скажутъ, что мы подговорили убійцу.

— Но вѣдь Санъ-Джіачинто началъ процессъ.

— Нѣтъ, Монтеварки. Я видѣлъ сегодня утромъ своего адвоката. Онъ говоритъ, что Монтеварки посылалъ въ Фраскати за Санъ-Джіачинто и объяснилъ ему все дѣло. Онъ первый открылъ условную статью въ документахъ. Санъ-Джіачинто и въ глаза ихъ не видѣлъ, пока дѣло не было выиграно. И вечеромъ того самаго дня Монтеварки убитъ. Удивляюсь, что такое совпаденіе никого не поразило.

— Но вы не оспаривали иска. Еслибы вы оспаривали, другое дѣло.

— Какъ могли мы его оспаривать? Съ самаго начала ясно было, что у насъ нѣтъ ни малѣйшаго шанса выиграть дѣло. Фактъ остается однако, что насъ выгоняютъ изъ нашего дома. Чѣмъ скорѣе мы его оставимъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ долѣе промедлимъ, тѣмъ труднѣе будетъ выѣзжать.

— Да,—отвѣтила Корона печально.—Тѣмъ будетъ труднѣе.

— Я думаю, что это Богъ наказалъ Джіованни за его безобразное поведеніе,—заворчатъ князь, ослѣненный новой идеей.

— Джіованни?

— Да, за его поведеніе съ вами, негодяй этакій! Мнѣ слѣдовало тогда же лишить его наслѣдства.

— Пожалуйста, не говорите такъ. Я не могу допустить, чтобы вы...

— Онъ мой собственный сынъ, и я буду говорить то, что хочу!—перебилъ Сарачинеска бѣшено.—Онъ возмутительно обошелся съ вами. Вотъ ужъ только жена можетъ отрицать это и защищать мужа!

— Кому же и защищать его, какъ не женѣ! Онъ былъ введенъ въ заблужденіе обстоятельствами, которыя дѣйствительно сложились самымъ удивительнымъ образомъ. Я не знала, что вамъ извѣстна эта исторія.

— Я не знаю всей исторіи и даже половины ея. Но съ меня довольно и того, что мнѣ извѣстно. Мужчина, подозревающій такую женщину, какъ вы, достоинъ того, чтобы его поѣсили. Да притомъ,—прибавилъ онъ съ проникательностью, удивившей Корону,—вы его не простили.

— Право же, я простила...

— Какъ христіанка, безъ сомнѣнія. Я знаю, вы добры. Но вы его больше не любите такъ, какъ прежде. Безполезно отрицать это. Да и какъ любить! Я не осуждаю васъ нисколько.

Князь устремилъ свербающіе глаза ей въ лицо и ждалъ отвѣта. Она поблѣднѣла и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ ничего не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы говорите объ этомъ?—сказала она, наконецъ. —Это наше дѣло.

— Полагаю, что оно касается также и меня. Я не любопытенъ и не разспрашивалъ васъ. Джіованни очень мало мнѣ говорилъ объ этомъ. Но я не слѣпъ. Разъ вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что увезетъ васъ въ горы. Онъ былъ очень разстроенъ, и я понялъ, что вы поссорились. Конечно, я сначала былъ на его сторонѣ, но вы заболѣли... потомъ все объяснилось. Съ тѣхъ поръ я браню его при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ поступилъ глупо, пошло, мерзко...

— Ради самого неба!—перебила Корона:—умоляю, оставьте это! Я такъ несчастна!

— Да и я также,—отрѣзалъ Сарачинеска.—Моему счастью нисколько не способствуетъ то, что мой сынъ велъ себя осломъ. Хуже того. Вы, кажется, не понимаете, что я очень къ вамъ привязанъ. Не будь я такой старикъ, я бы самъ влюбился въ васъ, какъ Джіованни... И вы были мнѣ доброю дочерью, Корона, и я никому не позволю васъ обидѣть.

— И вы были такъ добры, такъ добры ко мнѣ! Но не сердитесь на Джіованни! Онъ былъ введенъ въ заблужденіе. Онъ даже и тогда любилъ меня.

— Желалъ бы я быть такимъ же милосерднымъ, какъ вы.

— Не называйте меня милосердой! Я этого нестою. Еслибъ я была, я...

— Да, знаю, вы бы любили его какъ прежде. Но тогда вы бы не были Корона, а кто-нибудь другой. Но нельзя быть заразы двумя женщинами. Та другая, которую вы разумѣете, и которая все бы еще любила Джіованни—слабоумное существо, все переносящее и всему покоряющееся, находящее извиненіе для каждаго оскорбленія и воображающее себя жертвой, потому что не въ силахъ разгорячиться. Слава Богу, что вы не такая. Будъ вы такая, Джіованни не выбралъ бы васъ въ жевы, а я въ дочери.

— Я думаю, что я виновата. Я бы рада была сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы измѣнить положеніе вещей.

— Значить, вы сознаетесь въ самомъ фактѣ? Конечно. Это

несчастіе, но не ваша вина. Это лишнее несчастіе ко всѣмъ остальнымъ. Вы можете простить его. Я не могу. Кстати, отчего его нѣтъ до сихъ поръ? Я бы хотѣлъ услышать, что новаго.

— Вѣроятно кардиналъ пригласилъ его завтракать.

— Съ семи часовъ утра? Не можетъ быть. Если только его свѣтлость не арестовалъ его какъ убійцу.

Старикъ угрюмо засмѣялся, не подозрѣвая, какъ близка къ правдѣ его шутка. Но Корона поспѣшно подняла голову. Одна мысль о такомъ ужасномъ совпаденіи была для нея мучительна, несмотря на всю невѣроятность.

— Я хотѣлъ попросить его отправиться завтра въ Сарачинеска и распорядиться насчетъ предстоящихъ перемѣнъ, — продолжалъ князь.

— Развѣ уже время пришло? — съ сожалѣніемъ спросила Корона. — Развѣ это рѣшено, развѣ вы не обжалуете рѣшеніе суда?

— Да, все кончено, — съ нетерпѣніемъ проговорилъ старикъ: — я больше не могу говорить объ этомъ. Все мое терпѣніе и хладнокровіе истощились. Жаловаться бесполезно, и мы должны уступить. Полагаю, что мнѣ слѣдуетъ поклониться папѣ и просить его святѣйшество о какомъ-нибудь титулѣ... о привилегіи называться княземъ ди-Кавальфіоре, что-ли? Я этого не сдѣлаю. Я умру Леономъ Сарачинеска. Вы можете передать Джіованни свой прежній титулъ, если хотите.

— Онъ получитъ все, что ему угодно. Но къ чему это? Я могу быть просто донна Корона.

— Ахъ, что за дѣло, лишь бы насъ оставили въ покоѣ! Стоитъ ли о чемъ-нибудь безпокоиться, лишь бы вы были счастливы, дитя мое. Но мы должны укладываться. Я не останусь въ этомъ домѣ еще лишнюю недѣлю.

— Но въ недѣлю невозможно со всѣмъ справиться! — вскричала Корона.

— Возможно или невозможно, а должно. Я назначилъ недѣлю для передачи имущества. Адвокаты говорятъ, какъ и вы, что не поспѣтъ въ одну недѣлю. А я сказалъ, что не хочу долѣе ждать, и если они не поспѣшатъ, такъ я возьму другихъ. Они толковали, что имъ придется просиживать всѣ ночи напролетъ. Скажите, мнѣ какое дѣло до того: будутъ они спать по ночамъ или нѣтъ! Черезъ недѣлю отъ нынѣшняго дня все должно быть кончено.

— А затѣмъ, что вы станете дѣлать?

— А затѣмъ? затѣмъ? стану гдѣ-нибудь жить и молить небо о смерти.

До сихъ поръ еще никто не слыхалъ, чтобы Леонъ Сарачинеска желалъ умереть, и это желаніе было такъ противно его натурѣ, что Корона серьезно поглядѣла на него. Лицо его было разстроено и голосъ дрожалъ. Онъ былъ храбрый человѣкъ и очень честный, но далеко не философъ.

— Не говорите о смерти, — сказала Корона. — Джіованни и я, мы стараемся скрасить вамъ жизнь.

Она невольно вздохнула, говоря это.

— Джіованни и вы! — мрачно повторилъ князь. — Да, еслибы не его глупость! Но что толковать объ этомъ! У меня много дѣла. Если увидите его, то пришлите его ко мнѣ.

Корона была рада, что завтракъ кончился, и ушла къ себѣ. Она общалась съѣздить повидаться съ Фаустиной, и до тѣхъ поръ не знала, чѣмъ занять себя. Смутное безпокойство овладѣвало ею по мѣрѣ того, какъ время проходило, а мужъ ея не появлялся. Не въ его привычкахъ было оставлять ее безъ извѣстій о себѣ цѣлый день, хотя въ послѣднее время она должна была сознаться, что мало интересовалась тѣмъ, какъ онъ проводитъ время, и что нечего удивляться, если онъ перестанетъ сообщать ей о своихъ планахъ и намѣреніяхъ. Тѣмъ не менѣе она бы желала, чтобы онъ показался до вечера. Сила привычки брала свое, и она скучала по немъ, не вполне сознавая это. Наконецъ, она страхнула апатію и поѣхала съ обѣщаннымъ визитомъ.

Палаццо Монтеваренъ былъ отмѣченъ всѣми вѣшными признаками торжественнаго и пышнаго траура. Ворота и лѣстница были обиты чернымъ сукномъ. Въ большихъ сѣняхъ возвышалась громадная эстрада, на которой тѣло князя лежало всю прошлую ночь и часть сегодняшняго утра.

По римскому обычаю, тѣло уже было увезено, такъ какъ правила требуютъ, чтобы это было сдѣлано въ продолженіе сутокъ. Большіе черные пьедесталы, на которыхъ горѣли свѣчи, все еще не были убраны и сообщали мрачный и похоронный видъ всему окружающему. Толпа слугъ въ черныхъ ливреяхъ толпилась около большой мѣдной жаровни въ углу и тихо разговаривала, когда княгиня Сантъ-Иларіо вошла въ сѣни черезъ раскрытыя двери.

Человѣкъ, встрѣтившій ее, былъ, очевидно, церемоніймейстеръ, заведующій похоронами, потому что она раньше никогда его не видѣла.

— Донна Фаустина ждетъ меня, — сказала она, идя дальше.

— Какъ прикажете доложить о себѣ, есселленза? — спросилъ человѣкъ.

Корона удивилась его вопросу и подумала: „неужели даже низшіе классы знаютъ о результатѣ процесса?“

— Донна Корона Сарачинеска, — отвѣчала она явственно. Имя звучало странно и чуждо въ ея собственныхъ ушахъ.

— Донна Корона Сарачинеска! — повторилъ человѣкъ громкимъ голосомъ секунду спустя.

Онъ чуть не столкнулся съ Сантъ-Джіачинто, который въ эту минуту выходилъ изъ комнаты.

Корона очутилась лицомъ къ лицу съ кузеномъ.

— Вы... княгиня! — воскликнулъ онъ, протягивая руку. — Несмотря на родство, онъ еще не пользовался привилегіей называть ее по имени. — Это вы!.. Съ чего же взялъ этотъ человѣкъ такъ докладывать о васъ?

Корона взяла руку и спокойно поглядѣла ему въ лицо. Они еще не встрѣчались послѣ процесса.

— Я такъ велѣла ему. Меня отнынѣ будутъ звать этимъ именемъ. Я пріѣхала навѣстить Фаустину.

Она хотѣла пройти мимо.

— Позвольте мнѣ сказать, — проговорилъ Сантъ-Джіачинто низкимъ, спокойнымъ голосомъ, — что для меня вы всегда будете княгиней Сантъ-Иларіо. Никто не сожалѣетъ больше о томъ положеніи, въ какое я сталъ относительно васъ и вашего семейства, и я, конечно, употреблю всѣ усилія, чтобы предотвратить всякія ненужныя перемѣны.

— Здѣсь неудобно спорить объ этомъ, — сказала Корона холодно, чѣмъ хотѣла.

— Надѣюсь, что никакихъ споровъ не будетъ. Я даже надѣюсь, что вы на меня не сердитесь.

— Нисколько. Вы дѣйствовали честно и открыто. Право на вашей сторонѣ. Но ни мой мужъ, ни я не согласимся жить подъ чужимъ именемъ.

Сантъ-Джіачинто какъ будто обидѣлся ея отвѣтомъ. Онъ отступилъ, пропуская ее, съ достоинствомъ, поправившимся Коронѣ.

— Дѣло еще не кончено, — внушительно проговорилъ онъ. — До тѣхъ поръ имя ваше.

Когда она ушла, онъ съ выраженіемъ досады поглядѣлъ ей вслѣдъ. Онъ очень хорошо понималъ, что она чувствовала, но далеко не желалъ ссориться съ ея семьей. Въ положеніи, какое онъ занялъ, онъ чувствовалъ какую-то неустойчивость и не могъ обойтись безъ поддержки родственниковъ, несмотря на то, что сталъ княземъ Сарачинеска и владѣльцемъ большого состоянія. Прежняя жизнь сдѣлала его осторожнымъ, и онъ понималъ значеніе личнаго вліянія. Кромѣ того, онъ былъ не злой человѣкъ и предпочиталъ жить въ ладу со всѣми. По его мнѣнію, онъ

ничего не сдѣлалъ худого, только потребовалъ то, что ему принадлежало по закону, но не хотѣлъ вражды со стороны тѣхъ, кто все ему отдать.

Корона нашла Фаустину вмѣстѣ съ Флавіей. Мать ихъ не могла никого видѣть. Остальные члены семьи уѣхали за городъ, какъ только тѣло было увезено, уступая просьбамъ друзей и знакомыхъ, которые, по римскому обычаю, считали необходимымъ „развлекать“ осиротѣлыхъ людей. Это—освященное въ этихъ случаяхъ выраженіе, и люди другихъ странъ способны выпучить глаза отъ удивленія передъ семейными отношеніями, которыя обрисовываются этимъ обычаемъ. Весьма обыкновенная вещь, что члены семьи уѣзжаютъ еще прежде, чѣмъ смерть наступила. Когда говорятъ объ умирающемъ, то вы часто услышите фразу:

— Можете себѣ представить, какъ ему худо, уже потому, что семья оставила его!

Слуги присутствуютъ на похоронной обѣднѣ, пустыя кареты слѣдуютъ за катафалкомъ до кладбища, но семья уже находится за городомъ, стараясь „развлекаться“.

Флавія и Фаустина оставались, однако, дома, частію оттого, что старуха княгиня была слишкомъ потрясена и разстроена, чтобы уѣхать, частію потому, что Санъ-Джачинто отказался оставить Римъ. Фаустина тоже была столь эксцентрична, что считала такую поспѣшность „развлекать“ себя неприличной, да и сама она столько натерпѣлась въ эти сутки, что хотѣла отдохнуть.

Что касается Флавіи, она относилась ко всему случившемуся очень спокойно, но предпочла бы быть съ братьями и ихъ женами. Катастрофа на время умѣрила ея живость, хотя легко было видѣть, что она не произвела на нее глубокаго впечатлѣнія. По правдѣ сказать, на нее неожиданная встрѣча съ Короной подѣйствовала непріятнѣе, чѣмъ трагическая смерть отца. Поэтому она нашла нужнымъ быть съ ней ласковѣе обыкновеннаго, не изъ расчета, а чтобы поскорѣе сгладить непріятное впечатлѣніе. Она подбѣжала къ Коронѣ и поцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть!—восторженно сказала она.—Вы были такъ добры съ Фаустиной. Мы не можемъ достаточно отблагодарить васъ. Вообразите, еслибы ей пришлось провести ночь въ тюрьмѣ одной! Какая ужасная ошибка! Я надѣюсь, что этого негоднаго человѣка повѣсятъ! Бѣдная Фаустина! Какъ можно было подумать, что она это сдѣлала!

Корона не ожидала такой экспансивности со стороны Флавіи; она непріятно подѣйствовала на ея чувствительность. Но она ничего не сказала, а только поздоровалась съ приличной обстоятельствомъ ласковостью и сѣла между двухъ сестеръ.

— Бѣдный папа! — продолжала Флавія болтливо. — Какъ это ужасно, какъ это неожиданно! Я никогда не оправлюсь отъ этого удара, никогда!.. Умереть безъ священника, безъ покаянія, безъ близкихъ... бѣдный папа!

— Богъ милостивъ! — отвѣтила Корона, чтобы сказать что-нибудь.

— О! я знаю, — проговорила Флавія съ внезапной серьезностью: — я знаю. — Но видите ли, бѣдный папа, я боюсь...

Она многозначительно умолкла и покачала головой, очевидно намекая, что шансы князя Монтеварки на спасеніе души весьма слабы.

— Флавія! — съ негодованіемъ вскричала Фаустина: — какъ можешь ты говорить такія вещи!

— О! я ничего не говорю, и кромѣ того, видишь ли, онъ иногда бывалъ очень добръ. Напримѣръ, еще вчера онъ общалъ мнѣ тѣ серьги... знаешь, Фаустина, изъ жемчуга, что мы съ тобой видѣли въ магазинѣ Чивилотти... Правда, что жемчужины не очень велики... Онъ общалъ подарить ихъ мнѣ на память, если... ахъ! ужъ не помню что!

Она въ смущеніи умолкла, потому что чуть было не сказала, что серьги должны были служить напоминовеніемъ о выигранномъ процессѣ, когда сообразила, что говорить съ Короной.

— Во всякомъ случаѣ это большая доброта съ его стороны, — прибавила она. — Можетъ быть, это ему зачтется. Бѣдный папа! Я была бы спокойнѣе за него, еслибы онъ успѣлъ получить отпущеніе грѣховъ.

— Я думаю, что ты нисколько о немъ не безпокоишься! — замѣтила Фаустина.

Корона, очевидно, раздѣляла ея мнѣніе, потому что была очень серьезна и молчалива.

— О, Фаустина! какая ты недобрая! — закричала Флавія съ большимъ удивленіемъ и не безъ гнѣва. — Я увѣрена, что не меньше васъ всѣхъ любила папа, а можетъ быть и побольше. Мы съ нимъ всегда ладили.

Фаустина подняла слегка брови и взглянула на Корону, какъ бы давая понять, что сестра безнадежна, и нѣсколько минутъ всѣ молчали.

— Вы теперь совсѣмъ отдохнули? — спросила, наконецъ, Корона, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ. — Бѣдное дитя! какъ вы, должно быть, страдали!

— Странно, я вовсе не устала. Я спала, знаете, потому что совсѣмъ выбилась изъ силъ.

— Горе не помѣшало Фаустинѣ выспаться, — замѣтила Флавія, желавшая сказать что-нибудь непріятное.

— Я пріѣзжала только провѣдать васъ, — сказала Корона, не желавшая долѣе оставаться съ Флавіей. — Надѣюсь, что завтра услышу, что вашей мама лучше. Я встрѣтила Сарачинеску, когда входила къ вамъ, но не спросила его.

— Вашего тестя? — сказала въ невинности души Фаустина.

— Нѣтъ, вашего мужа, душа моя, — обратилась Корона къ Флавіи.

Ей было любопытно видѣть, какъ приметъ это Флавія. Та очень покраснѣла, очевидно, отъ удовольствія, но также и отъ смущенія. Но Корона оставалась такой же спокойной и невозмутимой, какъ всегда.

— Я не знала, что вы его уже такъ называете, — проговорила Флавія. — Какъ это странно слышать!

— Мы всѣ скоро привыкнемъ, — отвѣтила Корона съ улыбкой и встала, чтобы уходить. — Желаю вамъ много счастья съ вашимъ новымъ именемъ. Прощайте.

Фаустина пошла проводить ее.

— Скажите мнѣ, — спросила она, когда онѣ остались вдвоемъ: — какъ успѣлъ вашъ мужъ такъ скоро уладить дѣло? Мнѣ говорили сегодня, что кардиналъ сначала отказалъ ему. Я хорошенько этого не понимаю. Я не хотѣла спрашивать васъ при Флавіи, она такая любопытная.

— Не знаю, я еще не видѣла Джіованни. Онъ остался у кардинала, когда карета за нами отправилась. Какъ-нибудь да уладилъ. Сегодня вечеромъ все узнаемъ. Что съ вами, душа моя?

Въ кроткихъ глазахъ Фаустины стояли крупныя слезы и она зарыдала.

— Мнѣ такъ жаль папа! — вскричала она, кладя голову на плечо своей пріятельницѣ. — И я такъ несчастна! Мы разстались въ сердцахъ, и теперь я не могу сказать ему, какъ я жалею объ этомъ. Какъ вы думаете, это не могло несколько повредить ему?

— Ваша маленькая ссора? Нѣтъ, дитя. Какое отношеніе это могло имѣть къ его смерти! Мы не знаемъ, какъ это случилось.

— Я никогда не забуду его лица. Я была очень непочтительна... Я бы, кажется, согласилась теперь выйти замужъ за этого человѣка, еслибы только это могло что-нибудь поправить!

Корона грустно улыбнулась. Горе молодой дѣвушки было искреннее и представляло странный контрастъ съ пустой болтливостью Флавіи.

Она ласково погладила ее густые каштановые волосы.

— Можетъ быть, онъ теперь видитъ, что вы не могли выйти замужъ противъ охоты.

— О! вы такъ думаете! Я желала бы, чтобы это было такъ. Я бы не чувствовала себя такою виноватой, еслибы думала, что онъ теперь понимаетъ. Я бы не чувствовала, что какъ будто обязана выйти замужъ за Франджипани.

Корона быстро повернулась къ ней съ рѣзкимъ почти движеніемъ, до того оно было порывисто. Она взяла обѣ руки Фаустины.

— Не дѣлайте этого, Фаустина! Чтò бы ни случилось, не дѣлайте этого! Вы не знаете, чтò значитъ жить съ человѣкомъ, котораго вы не любите, хотя бы даже и не чувствовали къ нему ненависти! Это хуже смерти.

Корона поцѣловала ее и оставила у двери. Возможно ли, спрашивала себя Фаустина, чтобы Корона не любила мужа? Или же она говорила про Астрарденте? Конечно, такъ. Джіованни и Корона ставились въ примѣръ счастливаго супружества.

Когда Корона вошла въ свою комнату, то нашла на столѣ записку отъ мужа, написанную имъ поутру въ мѣстѣ своего заключенія. Она разорвала конвертъ съ тревогой, на какую не считала себя способной. Она спрашивала про него, когда вернулась домой, и ей отвѣчали, что онъ еще не возвращался.

Смутное безпокойство, причиняемое его отсутствіемъ, вдругъ возросло и она почувствовала, что отправится на поиски за нимъ, если онъ тотчасъ же не вернется.

Она нѣсколько разъ сряду прочитала записку, не понимая хорошенько ея содержанія.

Очевидно, что онъ внезапно покинулъ Римъ и не считалъ нужнымъ сообщить ей, куда ѣдетъ, такъ какъ инструкціи, которыя онъ ей давалъ, очевидно, предназначались лишь для поясненія его отсутствія постороннимъ, а не ей самой.

Записка была загадочная и до смысла добраться было трудно.

Корона бросила, наконецъ, ее въ огонь и сердито топнула ногой по ковру.

— Какъ онъ холодно пишетъ!—громко сказала она.

Дверь открылась и вошла горничная.

— Угодно ли вашему сіятельству принять г. Гуаша?—спросила она съ порога.

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ,—отвѣтила Корона голосомъ, испугавшимъ служанку.—Меня нѣтъ дома.

— Очень хорошо, ваше сіятельство.

А. Э.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НОЧЬ.

Какъ вокругъ хорошо!.. Тихой дремой полна,
Засыпаетъ лѣниво волна;
Голубые огни свои звѣзды зажгли
И на куполъ небесъ въ засіявшей дали
Выплываетъ царица луна.

Вѣтеръ чуть шелеститъ потемнѣвшей листвою,
Скоро стихнетъ совсѣмъ надъ волной;
И — природы спокойная дочь —
Принесла намъ роскошная ночь
Свой торжественный, ясный покой.

И горитъ, привлекая задумчивый взоръ,
Звѣздъ небесныхъ таинственный хоръ;
Почиваетъ земля въ блѣдно-синихъ лучахъ,
И восторга слеза закипаетъ въ очахъ,
Сердце съ мыслью начнетъ разговоръ.

На душѣ нѣтъ сомнѣній печальныхъ тѣней,
Мысли стануть покойнѣй, свѣтлѣй,
И ты чувствуешь, какъ въ этой кроткой тиши
Обновленные чувства тревожной души
Станутъ чище, прекраснѣй, теплѣй.

II.

Въ синемъ туманѣ мятежнаго моря
 Гаснетъ заря, догорая,
 И ея блескомъ задумчивымъ полны,
 Будто жемчужныя, ватятся волны,
 Пѣной капризно играя.

Парусъ, какъ лебедь, вдали серебрится
 Грудью своей бѣлоснѣжной...
 Пѣсня печали оттуда несется;
 Тихо она, заунывная, льется,
 Грусти исполнена нѣжной.

Будто бы сердцу, разбитому сердцу,
 Хочется выплакать горе,
 Хочется муки, страданье, томленье
 И ядовитое, злое сомнѣнье
 Бросить въ глубокое море.

Пусть бы онѣ, эти гордые волны,
 Въ мрачной пучинѣ глубокой,
 Словно какъ братъ или другъ, затаили
 И навсегда отъ людей сохранили
 Слезы души одинокой...

Волны бѣгутъ. Затихаетъ та пѣсня,
 Стономъ вдали замирая;
 Парусъ серебрится, все въ даль уплывающъ,
 Чуть ужъ замѣтный средь пѣны мелькаетъ...
 Гаснетъ заря, догорая.

III.

Когда взглянешь вокругъ испытующимъ взоромъ,
 Когда чувство молчить, а работаетъ умъ, —
 О, какимъ безобразнымъ, тяжелымъ позоромъ
 Вдругъ покажется жизни томительный шумъ!

Безполезно, безумно растрочены силы,
 Всюду злая неправда привольно царить,

Возвышаются всюду святныя могилы,
Свѣточъ истины тускло, печально горить.

Что же дѣлать? вопросъ поднимается жгучій,
Что же дѣлать, какъ горю скорѣ помочь,
Какъ намъ мракъ одолѣть этотъ страшно-могучій,
Какъ скорѣ прогнать эту мертвую ночь?

Нѣтъ отвѣта! и мы всѣ чуть-чуть прозабаемъ,
Скучно тянется дней утомительный рядъ,
Не живемъ мы, а будто бы лишь исполняемъ
Безполезный и глупый, ненужный обрядъ.

А въ природѣ все тѣ же и жизнь, и движеніе,
Такъ же лѣсъ, зеленѣя, весною шумить,
Такъ же птицъ раздастся веселое пѣнье
И морская волна такъ же бурно кипить.

IV.

Не смотри ты съ надеждой впередъ:
Вѣрь, обманетъ опять ожиданье.
Жизнь намъ горе одно лишь дастъ,
Шлетъ суровое, злое страданье.

И о прошломъ, о, другъ милый мой,
Ты оставь сожалѣнья и слезы:
Не вернутся вновь легкой толпой
Свѣтлой юности чистыя грѣзы.

Не вернутся блаженные сны,
Не согрѣется холодъ могилы,
Не воскреснуть, отвагой полны,
Разъ погибшія, прежнія силы.

Лучше, другъ, въ настоящемъ живи,
Заключи въ немъ всѣ жизни стремленья,
И въ душѣ твоей солнце любви
Пусть не гаснетъ въ пучинахъ сомнѣнья.

М. А. Д.

СТАРЫЯ И НОВЫЯ ПОНЯТІЯ

О

ГОСУДАРСТВЪ.

I.

Въ современной государственной жизни западно-европейскихъ народовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе два характерные факта: во-первыхъ, рѣшительное выступленіе рабочей демократіи, въ качествѣ дѣятельной политической силы, наравнѣ съ высшими и средними классами населенія, и, во-вторыхъ, повторяющіяся попытки и усилія правительствъ пойти на-встрѣчу трудящимся массамъ и подготовить мирное постепенное разрѣшеніе великой социальной задачи.

Нигдѣ эти два явленія не обнаруживаются такъ ярко, какъ въ Германіи. Представители нѣмецкаго рабочаго класса проложили себѣ дорогу къ парламентской власти, на основаніи всеобщей подачи голосовъ; они составили теперь въ имперскомъ сеймѣ значительную самостоятельную группу, которая по численности немногимъ уступаетъ господствовавшей когда-то національно-либеральной партіи. Какъ быстро и неудержимо растетъ социальная демократія въ Германіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: на выборахъ 1881 года подано было за социалистическихъ кандидатовъ всего 311.960 голосовъ, въ 1884 г. — 549.990, въ 1887 году — 763.128, а въ февралѣ настоящаго года — уже 1.341.587, — на 567,405 больше, чѣмъ при выборахъ въ прежній сеймъ, и на миллионъ больше, чѣмъ въ 1881 году. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ число голосовъ, поданныхъ за социалистовъ

въ Берлинѣ, едва превышало 58 тысячъ, а теперь оно дошло до 144.350 голосовъ. Въ 1881 году избиратели-соціалисты составляли около 6% всего числа избирателей, а въ 1890 году—уже почти 20% ¹⁾. Къ соціально-демократической партіи принадлежитъ только часть рабочаго населенія, но возрастающіе успѣхи этой партіи привлекаютъ на ея сторону все большія массы рабочихъ, и въ будущемъ такъ-называемые низшіе классы въ Германіи могутъ оказаться прочно объединенными въ политическомъ отношеніи, подъ общимъ именемъ соціаль-демократіи.

Соотвѣтственно этому росту демократическаго движенія, возникаетъ и усиливается въ Германіи дѣятельность государственной власти въ области соціальной реформы. Первые заявленія о законодательныхъ проектахъ на пользу рабочаго класса совпадаютъ съ первыми серьезными успѣхами нѣмецкой демократіи на выборахъ 1878 года. Реформаторская программа, намѣченная сначала неясно, вырабатывается точнѣе и постепенно расширяется послѣ каждой избирательной кампаніи, свидѣтельствующей о дальнѣйшемъ распространеніи соціалистическихъ идей въ народѣ. Имперскому сейму, избранному въ 1881 году, предложены были законы о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и на время болѣзни; парламентъ 1884 года утвердилъ проектъ о примѣненіи обоихъ этихъ законовъ къ работникамъ, занятымъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ; послѣ выборовъ 1887 года возбуждено было въ тронной рѣчи о внесеніи закона о страхованіи рабочихъ на время старости и негодности къ труду, и этотъ законъ былъ принятъ имперскимъ сеймомъ въ май 1889 года. Наконецъ, передъ послѣдними выборами, въ февралѣ текущаго года, германское правительство сдѣлало дальнѣйшій и весьма значительный шагъ въ томъ же направленіи, возбудивъ вопросъ объ ограниченіи эксплуатаціи рабочихъ силъ одновременно путемъ международныхъ переговоровъ и внутреннихъ законодательныхъ мѣръ. Чѣмъ больше развивается и крѣпнетъ соціально-демократическая организація рабочаго класса, тѣмъ рѣшительнѣе и настойчивѣе государство беретъ на себя охрану интересовъ трудящагося населенія страны. Нѣмецкая демократія достигла столь крупныхъ результатовъ единственно благодаря тому, что организовалась въ сознательную политическую силу, дѣйствующую на общемъ законномъ основаніи, при помощи тѣхъ принциповъ

¹⁾ Приводимъ эти цифры изъ „Berliner Tageblatt“, 1890, отъ 27-го февраля и 8-го марта, № 105 и 123.

свободы и самоуправленія, которые утвердились общими усилиями передовыхъ умовъ и дѣятелей германской націи.

Французы были учителями нѣмцевъ въ социальномъ вопросѣ; но французскій рабочій классъ до сихъ поръ не имѣетъ своей собственной парламентской партіи и продолжаетъ дробить свои голоса между посторонними политическими элементами, не исключая и такихъ сомнительныхъ, какъ буланжизмъ. Отсутствіе единства и прочной организаціи не позволяетъ французскимъ рабочимъ оказывать правильное воздѣйствіе на законодательство и политику; революціонныя традиціи побуждаютъ ихъ надѣяться на отдѣльныя вспышки, на уличныя волненія, на оппозиціонные выборы, — словомъ, на случайныя обстоятельства и временные порывы, безъ обдуманнаго общаго плана. Французскіе рабочіе не сумѣли извлечь изъ принципа народовластія тѣ политическія выгоды, которыя сами собою давались имъ въ руки; они тратили свои силы на безцѣльныя демонстраціи въ пользу буржуазныхъ честолюбцевъ, принимавшихъ на себя маску радикализма или социализма, — вмѣсто того, чтобы утилизировать всеобщую подачу голосовъ для пріобрѣтенія самостоятельнаго политическаго значенія, соответствующаго численности и роли рабочаго класса во Франціи. Когда во французской палатѣ депутатовъ образовалась, года два тому назадъ, особая социалистическая группа, то большинство этой группы составилось изъ людей, написавшихъ на своемъ знамени имя генерала Буланже, а дѣйствительныхъ представителей рабочихъ оказалось только двое или трое. Въ дѣлѣ политической организаціи рабочаго класса нѣмцы далеко опередили французовъ, также какъ и въ научной разработкѣ социалистическихъ программъ и теорій. Нѣмецкой демократіи выпало на долю имѣть такихъ выдающихся организаторовъ и руководителей, какъ Лассаль и Марксъ, завѣты которыхъ въ точности исполняются ихъ преемниками; особенно богатые плоды принесла энергическая проповѣдь Лассалья о необходимости для рабочихъ пріобрѣсть политическое вліяніе при помощи права всеобщаго голосованія, — мысль, старательно и послѣдовательно осуществляемая въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, съ свойственнымъ нѣмецкому характеру духомъ системы и корпоративной солидарности.

Политическая сторона социально-демократическаго движенія представляетъ особенный интересъ въ настоящее время. Германскій императоръ, внимательно выслушивающій объясненія простаго работника-соціалиста, призваннаго имъ къ участію въ совѣщаніяхъ прусскаго государственнаго совѣта по рабочему вопросу, — это живой, наглядный симптомъ коренного переворота

въ Германіи въ понятіяхъ о государствѣ и объ отношеніи его къ народнымъ массамъ.

Но идея равенства предъ закономъ, признаваемая всѣми въ принципѣ, только съ трудомъ входила въ Германіи въ общее сознаніе, когда дѣло касалось практическихъ вопросовъ. Никто не отрицалъ права фабрикантовъ и промышленниковъ вступать между собою въ соглашеніе для установленія цѣнъ на товары; но когда работники хотѣли добиться болѣе сносныхъ условій рабочей платы и устраивали съ этою цѣлью стачку, то противъ нихъ и въ защиту интересовъ капиталистовъ принимались энергическія мѣры, принуждавшія рабочихъ подчиняться эксплуатаціи хозяевъ. Стачка предпринимателей для сохраненія низкаго уровня рабочей платы не вызывала протестовъ, а стачка рабочихъ для поднятія черезъ-чуръ ничтожной нормы заработка или для улучшенія тяжелыхъ условій труда подвергалась преслѣдованію, какъ нѣчто преступное. Эта двойственность въ отношеніяхъ къ богатымъ и бѣднымъ утратила отчасти свою силу только въ послѣдніа десятилѣтія; запрещеніе рабочихъ стачекъ отмѣнено во Франціи, Бельгіи и Германіи въ шестидесятыхъ годахъ, въ Австріи и Голландіи — въ семидесятыхъ, а раньше всего въ Англіи, еще въ двадцатыхъ годахъ. Такъ же точно въ большей части государствъ отмѣнены наказанія за произвольное нарушеніе договора о работѣ по найму, ибо подобныя нарушенія влекутъ за собою только гражданскую отвѣтственность по общему праву, а устанавливать для одного низшаго класса людей спеціальныя карательныя мѣры за неисполненіе договорныхъ обязательствъ считается уже несправедливымъ. Постепенно, подъ вліяніемъ настойчивыхъ усилій защитниковъ и представителей рабочаго класса, государство въ Германіи утратило свои послѣднія народовладѣльческія черты и стало народоправнымъ — тѣмъ, что нѣмцы называютъ „Rechtstaat“.

Демократическій духъ, все болѣе проникающій въ жизнь западно-европейскихъ націй, побуждаетъ теперь властвующіе элементы искать опоры въ народѣ и ставить государству новыя задачи, имѣющія связь съ политическимъ развитіемъ и усиленіемъ пролетаріата. Государственная власть въ Германіи начинаетъ сознавать, что ей слѣдуетъ отказаться отъ служенія интересамъ крупной промышленности, и что въ спорѣ между капиталомъ и трудомъ вѣрнѣе и лучше стоять на сторонѣ послѣдняго, такъ какъ рабочий классъ слабѣе въ хозяйственномъ отношеніи, но важнѣе въ политическомъ, при современномъ строѣ государствъ. Содѣйствуя рабочимъ въ улучшеніи ихъ экономическаго быта, власть можетъ раз-

считывать на благополучный исходъ соціального кризиса, который иначе угрожалъ бы катастрофою и традиціоннымъ правительственнымъ формамъ и аристократическимъ учрежденіямъ. Богатые и зажиточные слои населенія всегда будутъ нуждаться въ услугахъ государства и не измѣнятъ послѣднему во всякомъ случаѣ, какъ бы власть ни относилась къ нимъ въ данное время; но рабочая демократія вполне свободна въ своихъ стремленіяхъ и порывахъ,—она имѣетъ свой собственный идеалъ общественнаго устройства, имѣющій мало общаго съ историческимъ государствомъ, и потому для правительства чрезвычайно важно привлечь къ себѣ трудящіеся народныя массы цѣною своевременныхъ уступокъ въ области хозяйственныхъ отношеній. Рабочему классу предлагается въ Германіи какъ бы слѣдующая сдѣлка: государство окажетъ ему поддержку въ достиженіи большей экономической самостоятельности и обезпеченности, а рабочіе отречутся отъ мысли о политическомъ переворотѣ и примирятся съ существующимъ государственнымъ строемъ. Въ этомъ именно и заключается значеніе настоящаго историческаго момента для Германіи. Соціально-демократическая организація, охватывающая собою до полутора милліона взрослыхъ рабочихъ,—людей убѣжденныхъ и стойкихъ,—испытала свои силы не только въ избирательномъ движеніи, но и въ грандіозныхъ и успѣшныхъ попыткахъ мирной борьбы съ хозяевами крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Рабочія стачки не остаются уже мѣстными, случайными явленіями, а обнимаютъ сразу десятки и сотни тысячъ народа, въ разныхъ частяхъ страны, причемъ участвующіе охотно приносятъ чувствительныя матеріальныя жертвы и терпятъ всякія лишенія для достиженія предположенной цѣли. Имѣть противъ себя эти сплоченныя, внушительныя народныя силы было бы крайне неудобно и даже рискованно для государства. Нельзя опираться только на армію въ сношеніяхъ съ значительною частью населенія, обладающею избирательными политическими правами и привыкшею сознательно пользоваться ими, тѣмъ болѣе, что и армія не имѣетъ прежняго сословнаго характера, при всеобщей воинской повинности. Такимъ образомъ, новѣйшая соціальная политика монархической власти въ Германіи логически вытекаетъ изъ общаго положенія дѣлъ въ имперіи.

Можетъ ли эта политика привести къ желанному результату и слѣдуетъ ли ждать отъ государства дѣйствительнаго рѣшенія соціального вопроса? Многіе отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, указывая на несоотвѣтствіе задачи съ средствами и обычными способами дѣйствія правительствъ. Говорятъ о необходи-

мости точнѣе установить предѣлы государственной дѣятельности, въ интересахъ свободнаго общественнаго развитія, и на эту тему высказываются въ литературѣ самыя противоположныя мнѣнія. Старый споръ о природѣ и функціяхъ государства пріобрѣтаетъ исключительную важность въ настоящее время, и намъ кажется нелишнимъ напомнить теперь о существенныхъ чертахъ этого интереснаго спора.

II.

Главныя литературныя направленія по вопросу о предѣлахъ государственной дѣятельности могутъ быть распредѣлены по національностямъ: въ Германіи господствуетъ теорія государственнаго всемогущества въ области права и народнаго хозяйства; въ Англіи и Франціи преобладаетъ точка зрѣнія индивидуальной свободы, съ стремленіемъ ограничить кругъ вмѣшательства власти въ частныя отношенія и интересы гражданъ.

Нѣмецкіе писатели имѣли предъ собою примѣръ Пруссіи, гдѣ правители дѣйствительно играли творческую роль, особенно со времени Фридриха II; выдающіяся достоинства и безукоризненная честность прусской администраціи вызвали и поддерживали довѣріе къ дѣятельности государства вообще. Стремленіе нѣмцевъ къ національному единству заставляло ихъ безусловно поклоняться государству, какъ идеальному цѣлому, и отодвигать на задній планъ интересы личности. Съ этимъ тѣсно связана такъ-называемая органическая теорія, которой придерживаются всѣ приверженцы неограниченнаго государственнаго авторитета, теорія чисто нѣмецкая, не нашедшая себѣ замѣтнаго отголоска въ другихъ странахъ. Въ отличіе отъ нѣмецкихъ ученыхъ, англійскіе и французскіе теоретики, допускающіе подобныя аналогіи, сравниваютъ съ организмомъ не государство, а общество. За государственное всевластіе стоятъ почти всѣ экономисты новѣйшей германской школы, начиная съ Родбертуса и Лассалля. Соціально-реформаторскія идеи и попытки Вильгельма II (если онѣ имѣютъ серьезную основу) суть не что иное, какъ неизбежныя логическіе выводы изъ тѣхъ воззрѣній на государство, которыя издавна установились въ университетской наукѣ и литературѣ Германіи.

Наиболѣе авторитетный и плодовитый изъ современныхъ нѣмецкихъ спеціалистовъ по государственнымъ наукамъ, профессоръ Лоренцъ Штейнъ, возводитъ культъ государства на степень стройной, хотя и весьма туманной, доктрины. Государство, говоритъ онъ, „есть по своему понятію наивысшая форма личной

жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютное условіе для всего личнаго существованія каждаго въ отдѣльности. Не только никогда не бывало состоянія отдѣльныхъ лицъ безъ какой бы то ни было формы государственнаго единства, но подобное состояніе даже немыслимо. Отдѣльный человѣкъ безъ государства погибаетъ не только отъ другого такого же человѣка, но и отъ недостатка всего того, что можетъ доставлять отдѣльнымъ лицамъ одно лишь государство во всѣхъ направленіяхъ духовной и хозяйственной жизни. Такимъ образомъ, существованіе и дѣятельность государства составляютъ абсолютную предпосылку для каждаго изъ принадлежащихъ къ нему лицъ, и поэтому, съ другой стороны, отдѣльныя личности обязаны безусловно предоставлять государству необходимыя средства хозяйственнаго существованія изъ своего собственнаго имущества, насколько эти средства служатъ условіемъ поддержанія и дѣятельности государства. Этотъ принципъ можетъ быть названъ принципомъ абсолютнаго хозяйственнаго права государства“.

Признавая задачу государства „безконечною“ и неизмѣримою, а хозяйственное право его—абсолютнымъ, Лоренцъ Штейнъ дѣлаетъ затѣмъ нѣкоторыя ограничительныя оговорки. „Безъ сомнѣнія, государство обладаетъ этимъ абсолютнымъ правомъ надъ хозяйственною жизнью народа. Но государство не имѣетъ вовсе дѣйствительнаго существованія внѣ своего народа. Народъ есть именно содержаніе и тѣло реального государства. Отсюда вытекаетъ двойное послѣдствіе, образующее основу государственнаго хозяйства. Государство имѣетъ источникъ и мѣру своего собственнаго благосостоянія въ каждой отдѣльной личности; оно всегда будетъ тѣмъ могущественнѣе и богаче, чѣмъ сильнѣе и зажиточнѣе каждый въ отдѣльности. Поэтому высшій интересъ государства—заботиться всѣми зависящими отъ него способами о духовномъ, тѣлесномъ и хозяйственномъ благосостояніи гражданъ; въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что всякій вредъ или ущербъ, понесенный хозяйствомъ отдѣльнаго лица, является потерей и для государства. Заботясь объ отдѣльныхъ лицахъ, государство въ сущности заботится о себѣ; первое изъ началъ практической хозяйственной политики заключается въ томъ, чтобы хозяйственное развитіе личностей понималось, охранялось и поддерживалось, какъ источникъ хозяйственной силы государства. Вслѣдствіе этого государство,—продолжаетъ Лоренцъ Штейнъ,—есть для отдѣльнаго лица не внѣшняя сила, а первое и важнѣйшее условіе его индивидуальной жизни. Все, что государство производитъ или терпитъ, достается каждому въ отдѣльности.

Чѣмъ больше силъ и средствъ имѣетъ государство, тѣмъ больше оно можетъ сдѣлать и сдѣлаетъ для отдѣльныхъ лицъ; чѣмъ богаче оно, тѣмъ обильнѣе и лучше будутъ доставляемы личностямъ общія условія индивидуальнаго развитія, черезъ посредство государства. Несомнѣнно поэтому, что отдѣльныя лица сильнѣйшимъ образомъ заинтересованы въ томъ, чтобы государство располагало возможно большими хозяйственными средствами для исполненія своихъ задачъ. Ибо средства государства служатъ всегда средствами для хозяйственной жизни частныхъ лицъ, насколько послѣдняя основана на общихъ условіяхъ, и нигдѣ нельзя найти для этихъ условій объективную и твердую границу". Штейнъ выводитъ отсюда, что между самостоятельностью государства и интересами отдѣльныхъ лицъ въ хозяйственномъ отношеніи существуетъ полная внутренняя взаимодействующая гармонія.

Такъ писалъ Лоренцъ Штейнъ въ 1860 году, въ своемъ курсѣ финансовой науки. Позднѣе, въ ученіи объ управленіи, онъ такъ же точно опредѣляетъ государство, какъ „вышую матеріальную форму личности“, имѣющую въ самой себѣ свою основу и свою жизнь. Государственность есть, по его словамъ, „возведеніе общества людей въ странѣ и народѣ на степень личнаго сознанія и воли,—на степень самоопредѣляющей личности и вмѣстѣ внѣшней и внутренней индивидуальности“. Личное я государства („Das Ich des Staates“) совпадаетъ съ личностью главы государства, т.-е. съ носителемъ королевской власти; воля государства, какъ личности, есть законодательство, а дѣйствіе этой верховной личности есть управленіе¹⁾. Нельзя не замѣтить, что мысль Штейна о „личномъ я государства“ была предвосхищена знаменитымъ изреченіемъ Людовика XIV: „государство—это я“. Оказывается, что „король-солнце“ вполне вѣрно выразилъ сущность государства (Das Ich des Staates) съ точки зрѣнія нѣмецкаго ученаго.

Не останавливаясь на второстепенныхъ странностяхъ теоріи Лоренца Штейна, мы укажемъ только, что она имѣетъ въ виду отвлеченное государство, не только нигдѣ не существовавшее, но и прямо противоположное всѣмъ бывшимъ и настоящимъ государственнымъ порядкамъ. Штейнъ разсуждаетъ такимъ образомъ, точно государство появилось раньше отдѣльныхъ людей и предшествовало имъ въ видѣ „абсолютнаго“ условія существованія. Какъ понять эту игру словъ, дѣлающую государство абсолютнымъ

¹⁾ Lorenz Stein, Die Verwaltungslehre, I Th., 1869, стр. 4—13. Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 1860, стр. 10 19.

условіемъ личной жизни каждаго и въ то же время продуктомъ предшествовавшаго общенія людей, обходившихся слѣдовательно безъ государства? Безусловное хозяйственное право государства относительно имуществъ частныхъ лицъ не признается ни въ одной культурной странѣ; оно совершенно несовмѣстимо со всѣми существующими понятіями о правѣ и рѣшительно противорѣчитъ элементарнымъ основамъ экономической жизни. Правда, Лоренцъ Штейнъ предполагаетъ, что примѣненіе этого „абсолютнаго права“ должно опредѣляться необходимыми средствами существованія государства и что государство примѣняетъ свое право равномерно ко всѣмъ подвластнымъ лицамъ. Но необходимыя средства существованія не могутъ быть точно установлены для такого отвлеченнаго и нерѣдко всепоглощающаго субъекта, какъ государство; размѣръ потребностей и расходовъ зависитъ отъ вкусовъ и увлеченій королей: при Людовикѣ XIV или XV считалось безусловно необходимымъ для государства или для его „личнаго я“ очень много такого, чего не содержится теперь ни въ одномъ изъ самыхъ щедрыхъ и богатыхъ бюджетовъ. Нигдѣ еще не существовало и не могло существовать такихъ плательщиковъ податей, которые смотрѣли бы на обогащеніе казны какъ на свое собственное; никто не видалъ такого государства, которое употребляло бы свои доходы исключительно на пользу частныхъ хозяйствъ и всего народа. Мысль о полной гармоніи и единствѣ между стремленіями сборщиковъ податей и интересами плательщиковъ есть чистѣйшая фантазія. Во Франціи, въ Италіи и даже въ расчетливой Германіи тратятся милліоны на колоніальную политику, и эти расходы едва-ли имѣютъ какую-либо связь съ выгодами и желаніями плательщиковъ. Французская республика даетъ крупную субсидію парижскому оперному театру, и такое употребленіе казенныхъ денегъ не можетъ, конечно, нравиться провинціальнымъ обывателямъ, не имѣющимъ возможности посѣщать оперу въ Парижѣ. Главнѣйшія статьи расходовъ во всѣхъ европейскихъ бюджетахъ—на непрерывныя вооруженія—также не свидѣтельствуютъ о совпаденіи частныхъ хозяйственныхъ интересовъ съ государственными. Мнимое „абсолютное право“ государства было всегда относительнымъ и обусловливалось формальнымъ согласіемъ народа, въ лицѣ земскихъ чиновъ и представительныхъ собраній; необходимость добиваться денежныхъ субсидій заставляла королей дѣлать уступки и служила однимъ изъ важныхъ элементовъ въ исторіи развитія и утвержденія парламентаризма. Право назначать финансовыя средства и отказывать въ нихъ государству составляетъ основное право парламентовъ по

всѣмъ существующимъ конституціямъ; это право, примѣняемое повсюду съ большою точностью и строгостью, есть прямое отрицаніе той абсолютности хозяйственнаго права государства, о которой говорятъ Лоренцъ Штейнъ. „Никто не сомнѣвается,—какъ замѣчаетъ авторъ,—что государство можетъ располагать жизнью и здоровьемъ людей на войнѣ, гдѣ дѣло идетъ именно объ его существованіи; тѣмъ меньше можно спорить противъ того, что государство обладаетъ такимъ же правомъ еще въ болѣе высокой степени относительно хозяйственныхъ благъ“. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что только извѣстнаго рода войны, вызываемыя необходимою или одобряемая общественнымъ мнѣніемъ, даютъ государству нравственное право располагать жизнью и здоровьемъ отдѣльныхъ лицъ, попавшихъ въ ряды арміи; мексиканская экспедиція, предпринятая Наполеономъ III, была нарушеніемъ интересовъ и правъ государства именно потому, что власть жертвовать людьми на войнѣ дана правителямъ вовсе не безусловно. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ періодъ конфликта между правительствомъ и парламентомъ въ Пруссіи, палата депутатовъ отвергала военные законопроекты и не давала средствъ на вооруженія, такъ какъ политика министровъ находилась въ явномъ антагонизмѣ съ желаніями страны и народа; очевидно, что право государства не признавалось тогда абсолютнымъ и несомнѣннымъ, а ставилось въ зависимость отъ соображеній цѣлесообразности и справедливости.

Разумѣется само собою, что Лоренцъ Штейнъ лучше кого бы то ни было знаетъ дѣйствительную исторію государствъ, и онъ сознательно извлекаетъ свои положенія изъ установленной имъ абстрактной формулы, не имѣющей ничего общаго съ анализомъ реальныхъ фактовъ. То „понятіе“ государства, которое онъ беретъ за исходную точку своихъ разсужденій, могло бы имѣть свою цѣну, еслибы оно выставлялось какъ идеаль, къ осуществленію котораго нужно стремиться; но онъ говоритъ не о желательномъ, а о существующемъ, и дѣлаетъ непосредственные логическіе выводы изъ посылокъ, которыхъ нельзя назвать иначе какъ фантастическими. Утверждать, что государство само собою, въ идеѣ, всегда дѣлаетъ только то, что требуется интересами населенія, и что властвующіе элементы являются лишь исполнителями общихъ желаній, это значить просто вычеркивать цѣлыя столѣтія изъ исторіи западной Европы. Мысль о томъ, что государство имѣетъ нѣкоторыя задачи и обязанности относительно частныхъ лицъ, не могла въ сущности возникнуть въ ту эпоху, когда государство было вотчиннымъ владѣніемъ. До конца про-

шлаго столѣтія государственные доходы разсматривались во Франціи, какъ доходы короля, въ употребленіи которыхъ никто не могъ требовать отчета. Чтобы доказать необходимость облегчить бѣдственное положеніе крестьянства, подавленного непомерными налогами и повинностями, нужно было ставить вопросъ на почву королевскихъ финансовъ; облегченіе требовалось не во имя народныхъ интересовъ, а во имя поддержанія источниковъ королевскаго дохода, подобно тому какъ хорошій хозяинъ долженъ заботиться о сохраненіи силъ рабочаго скота для будущаго. Такой косвенный способъ доказательства выраженъ былъ въ извѣстномъ правилѣ физиократовъ: „*rauvres pauses—rauvre pause; rauvre pause—rauvre souverain*“. Другими словами, бѣдность крестьянъ пагубна лишь потому, что она уменьшаетъ доходы короля; а такъ какъ даже разорительные финансовые приемы могутъ временно обогащать казну, то правители всегда имѣли возможность отклонить благоразумные совѣты восклицаніемъ: „*après nous le déluge*“. Если держаться теоріи Лоренца Штейна, то пришлось бы допустить одно изъ двухъ: или Франція при старомъ режимѣ не была вовсе государствомъ, или превращеніе Франціи въ королевскую вотчину соотвѣтствовало интересамъ и потребностямъ французскаго народа. Впрочемъ ученые систематики, привыкшіе отписывать оправдательные принципы для самыхъ грубыхъ историческихъ фактовъ, не останавливаются передъ доказательствомъ того, что крѣпостное право было полезно и даже необходимо для самихъ крестьянъ или для цѣлой страны, что явные беззаконія и насилия имѣли свой глубокий смыслъ, что прихоти и увлеченія королей въ области военной предприимчивости представляли собою разумную цѣль событій и способствовали славѣ и величію государства. Взглядъ Лоренца Штейна клонится къ тому, что государство должно быть понимаемо какъ отвлеченная идея, и что послѣдовательное развитіе этой идеи должно замѣнить собою объясненіе реальной дѣйствительности; но для практической политики выводятся при этомъ обязательныя „научныя“ заключенія, основанныя на той молчаливой гипотезѣ, что упомянутая идея государства есть безспорный, повсемѣстно осуществившійся фактъ. Нечего и говорить, что государственная идея будетъ совсѣмъ другая въ Турціи, чѣмъ въ Англіи,—что она совершенно иначе понималась въ мелкихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ стараго времени, чѣмъ въ новѣйшей Германіи. Игнорируя принципиальныя различія между историческими типами государствъ, нѣмецкіе теоретики создаютъ особый культъ какого-то безплотнаго идейнаго государства, и предполагаемыя качества послѣдняго переносятъ

прямо на существующій политическій строй европейскихъ обществъ. Эта система даетъ громадную нравственную силу представителямъ современнаго государства и приучаетъ нѣмецкіе умы вѣрить въ неограниченную провиденціальную миссію германской имперіи.

Лоренцъ Штейнъ выработалъ самостоятельное ученіе объ обществѣ, какъ основѣ государства; онъ желалъ объяснить различныя государственныя формы, какъ продукты общественныхъ условій. Но и эта доктрина остается вполнѣ отвлеченною, построенною а priori, и не приводитъ къ болѣе ясному взгляду на государство. По мнѣнію Штейна, смѣшеніе общества съ государствомъ, установившееся со времени Платона и Аристотеля, напоминаетъ ошибку естествоиспытателя, который принялъ бы сложное тѣло за простое. До послѣднихъ лѣтъ обращалось исключительное вниманіе на государство въ виду практической важности даннаго юридическаго порядка; при этомъ постоянно смѣшивали причину съ послѣдствіемъ, общественный строй съ формою государственнаго управленія. Лоренцъ Штейнъ пытается отыскать истину посредствомъ анализа понятій общества и государства, отчасти по знаменитой Гегелевской методѣ, безъ всякаго намека на анализъ дѣйствительныхъ явленій. Отдѣльные люди соединяются между собою вслѣдствіе недостаточности своихъ разрозненныхъ силъ; а соединеніе вызываетъ внутреннюю борьбу интересовъ, которая грозитъ обществу разложениемъ. Общество основано прежде всего на интересахъ личности, и цѣль его—высшее развитіе индивидовъ; а между тѣмъ единство подрывается эгоизмомъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому создается организмъ государства, имѣющій въ виду интересы цѣлаго, а не личностей или классовъ. Это соединеніе людей сначала въ общество, а потомъ въ государство, совершается какъ будто по сознательному плану, независимо отъ естественныхъ связей, семейныхъ, родовыхъ и племенныхъ,—вслѣдъ за образованіемъ небольшихъ союзовъ отдѣльныхъ лицъ возникаетъ здѣсь государство, когда въ дѣйствительности должны были еще образоваться сельскія и городскія общины. Возникновенія этихъ общинъ было бы вполнѣ достаточно для устраненія внутренней борьбы интересовъ между отдѣльными лицами, такъ что мотивъ для появленія государства выдвинутъ авторомъ преждевременно. Реальный способъ происхожденія большей части государствъ какъ бы не существуетъ для Штейна; онъ не упоминаетъ о завоеваніи, насиліи и узурпаціи, забываетъ о подвигахъ вождей и дружинниковъ, о вѣковой, то вспыхивающей, то затихающей борьбѣ покоренныхъ народовъ и классовъ

съ притѣснителями. Вопреки исторической очевидности, Лоренцъ Штейнъ переноситъ въ это далекое прошлое наши нынѣшнія представленія о государствѣ, какъ объ единствѣ, воплощающемъ въ себѣ „интересы цѣлаго, а не отдѣльныхъ лицъ и сословій“. О воплощеніи „интересовъ цѣлаго“ не могло быть и рѣчи, когда многочислѣннѣйшіе классы населенія лишались своихъ исконныхъ правъ и подвергались вѣрнопостному гнету; отдѣльныя лица и сословія именно и владычествовали въ государствѣ при помощи военной силы. Ничего этого не видитъ и не замѣчаетъ Лоренцъ Штейнъ, увлеченный заманчивою простотою своего логическаго построенія. Государство—говоритъ онъ—есть организмъ, имѣющій свою собственную основу и составляющій, слѣдовательно, самостоятельную личность. „Когда первый великій фактъ—личность—развивается до степени общества черезъ общеніе и соединеніе, то второй великій фактъ—единство—представляется неизбежно, какъ самостоятельная личность. Это единство людей, не зависящее уже отъ произвола и интереса отдѣльныхъ лицъ, называемъ мы государствомъ. Понятіе государства заключается въ томъ, что оно есть единство людей, возведенное на степень самостоятельной и самодѣятельной личности“.

Дойдя до такого туманнаго опредѣленія, Лоренцъ Штейнъ указываетъ на отличіе государства отъ общества: въ послѣднемъ проявляются частныя, отдѣльныя интересы, а въ первомъ—единство. Оба эти элемента неразрывно связаны между собою и находятся въ постоянномъ взаимодействіи. Авторъ находитъ три главныхъ закона этого взаимодействія: 1) каждый опредѣленный общественный порядокъ имѣетъ свое собственное государство, и каждое государство старается создать свой собственный общественный порядокъ; 2) въ каждомъ государствѣ господствующіе интересы общества стремятся подчинить себѣ государственную власть или отождествить ее съ своею общественною властью;—это законъ образованія государственнаго строя; 3) въ каждомъ государствѣ правительственная власть старается сломить господство этихъ интересовъ и поддерживать интересы однихъ настолько, насколько не нарушается этимъ развитіе интересовъ всѣхъ остальныхъ личностей;—это законъ образованія управленія. Движеніе взаимодействія между государствомъ и обществомъ, опредѣляемое двумя послѣдними законами, составляетъ, по Штейну, „содержаніе всей внутренней исторіи всѣхъ народовъ и государствъ міра, жизненный принципъ внутренней исторіи вообще“.

Легко, однако, замѣтить, что наиболѣе существенный изъ этихъ „законовъ“—третій—совершенно невѣренъ. Обыкновенно госу-

дарственная власть только въ томъ случаѣ старалась сломить господство извѣстныхъ сословій или классовъ въ обществѣ, когда считала ихъ опасными или неудобными для своего авторитета; но при отсутствіи поводовъ къ такимъ опасеніямъ она не только не противодействуетъ сословнымъ интересамъ, а, напротивъ, опирается на нихъ, даетъ имъ новую силу и вліяніе, поддерживаетъ ихъ господство и строитъ на нихъ все зданіе управленія. Правители рѣдко имѣли основаніе и возможность заботиться о равномерномъ развитіи интересовъ всѣхъ отдѣльныхъ людей въ государствѣ; болѣею частью создавалась и поощрялась система общественного неравенства, помогавшая держать народныя массы въ повиновеніи, и эту систему защищаетъ по своему самъ Лоренцъ Штейнъ. По его мнѣнію, господство высшихъ классовъ надъ низшими имѣетъ свое нравственное оправданіе въ культурномъ и нравственномъ превосходствѣ; если послѣднее имѣется на-лицо и признается другими, то существуетъ право на владычество; если же нѣтъ этого нравственного права (*sittliche Anrecht*), то господство является несправедливымъ. Такимъ образомъ „лучшій долженъ господствовать, даже если не желаетъ, а худшій не долженъ господствовать, даже если хочетъ“; поэтому справедливо только владычество высшаго класса надъ низшимъ, а не наоборотъ ¹⁾. Но самое превосходство ума и культуры есть уже результатъ предшествовавшаго привилегированнаго положенія; господствующій классъ будетъ всегда выше по воспитанію и образованію, а подвластное населеніе останется невѣжественнымъ именно потому, что оно не имѣетъ средствъ вырваться изъ тѣмъ. Получается какой-то заколдованный кругъ: господство даетъ умственные и культурныя преимущества, а послѣднія даютъ нравственное право на господство; высшіе всегда останутся высшими, а низшіе—низшими. Все можно возвести въ теорію при помощи діалектической игры словами и понятіями. Лоренцъ Штейнъ утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ, что государство лишается нравственной основы и перестаетъ быть личностью, если оно связано съ интересами какого-нибудь одного общественнаго класса. Какъ примирить съ этимъ приведенный выше принципъ нравственного права на господство въ силу извѣстныхъ культурныхъ преимуществъ? Если владычество даннаго класса справедливо съ точки зрѣнія автора, какъ основанное на нравственномъ правѣ—*sittliche Anrecht*, то государство можетъ счи-

¹⁾ Die Gesellschaftslehre, von L. Stein. Stuttg. u. Augsburg, 1856, I Abth., стр. 22—92.

тать себя солидарнымъ съ этимъ господствующимъ сословіемъ, безъ всякаго ущерба для своего авторитета. Подобныя логическія противорѣчія неизбѣжны въ доктринѣ, построенной на апіорныхъ опредѣленіяхъ, къ которымъ приходится искусственно пріурочивать существующіе факты.

Мистическая вѣра въ идею государства, какъ высшей „личности“, единства или организма, лежитъ въ основѣ всѣхъ теоретическихъ разсужденій Лоренца Штейна. Этимъ же своеобразнымъ мистицизмомъ проникнуты воззрѣнія многихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей по вопросамъ государственнымъ и политическимъ. „Государство—говоритъ, напримѣръ, Георгъ Вайцъ—выростаетъ органически, какъ организмъ, но не по законамъ природной жизни, а на основахъ высшихъ нравственныхъ задатковъ чловѣка; оно находится подъ господствомъ нравственныхъ идей; это не естественный, а этический организмъ. Государство дано чловѣчеству, какъ необходимое ему, на вѣчныя времена, и вмѣстѣ съ тѣмъ для постепеннаго развитія въ многообразныхъ формахъ посредствомъ свободного умственного труда людей“. Государство,—замѣчаетъ Эшеръ,—есть живой организмъ, который, однако, не долженъ быть сравниваемъ съ органическими тѣлами, растительными или животными. „Только пониманіе государства какъ живого организма представляетъ твердый оплотъ противъ лстящей плеску демократіи“. Государство есть „органический образъ народа“; оно само служитъ себѣ цѣлью ¹⁾. Въ этихъ и подобныхъ имъ опредѣленіяхъ неизмѣнно выражается одна и та же мысль, что государство воплощаетъ въ себѣ и общество, и народъ; что задачи его безпредѣльны въ области чловѣческихъ отношеній и что кругъ дѣятельности его не можетъ быть ограниченъ. „Ни въ теоріи, ни на практикѣ,—говоритъ извѣстный экономистъ Шенбергъ,—нѣтъ уже спора о томъ, что современное государство не можетъ довольствоваться быть только правовымъ государствомъ, безъ положительнаго отношенія къ задачамъ культурной общественной жизни. По этому взгляду не существуетъ никакой противоположности между государствомъ и народомъ, между государственнымъ благосостояніемъ и народнымъ. Государство есть не субъектъ, господствующій надъ народомъ, какъ объектомъ, а самый народъ въ его высшей политической организаціи, обнимающей совокупность всѣхъ отдѣльныхъ лицъ. Эта организація не имѣетъ другой цѣли своего су-

¹⁾ Grundzüge der Politik, von Georg Waitz, Kiel, 1862, стр. 5—11.—Handbuch der praktischen Politik, von Heinrich Escher, Leipzig. 1863 — 64. Bd. I. стр. 27 и слѣд.

ществованія, какъ только поддерживать благо всѣхъ въ одинаковой мѣрѣ, всѣмъ облегчить мирную социальную жизнь и исполненіе нравственнаго призванія, всѣмъ обезпечить наибольшее развитіе ихъ способностей и возможно-большую долю участія въ пользованіи выгодами культуры, и всѣхъ вести на высшую степень благосостоянія, свободы и нравственности, чѣмъ могли бы они достигнуть сами. Возможность дѣйствія въ этомъ направленіи есть въ то же время обязанность дѣйствовать. Государство есть высшій и сильнѣйшій органъ для исполненія означенныхъ задачъ во всѣхъ областяхъ, для поднятія и усовершенствованія народа во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія; поэтому государство должно также быть высшимъ и сильнѣйшимъ орудіемъ для достиженія и обезпеченія цѣлей современнаго народнаго хозяйства. Какъ носитель нравственныхъ идей и стремленій народнаго духа, какъ оплоть справедливости, человѣчности и постоянно культурнаго прогресса, какъ „самое величественное нравственное учрежденіе для воспитанія человѣческаго рода“, государство имѣетъ прежде всего обязанность, по мѣрѣ своихъ силъ, заботиться въ своей хозяйственной политикѣ о томъ, чтобы и въ народномъ хозяйствѣ охраняемы были права и справедливыя требованія личности; чтобы исполнялись предписанія справедливости, человѣчности и нравственности, чтобы развитіе индивидуальныхъ силъ поощрялось въ наибольшей степени для блага отдѣльныхъ лицъ и всего общества, чтобы дѣятельная нравственная сила народа возрастала, чтобы уровень удовлетворенія потребностей повышался въ бѣднѣйшихъ классахъ, чтобы каждому въ народѣ открыта была возможность самостоятельной культурной жизни, чтобы постоянно увеличивающаяся часть народа участвовала въ высшихъ преимуществахъ культуры и чтобы устройствомъ своего экономического и культурнаго быта народъ непрерывно подвигался впередъ на пути культуры и нравственности. Это государство есть норма раціональной хозяйственной политики ¹⁾.

Эта всеобъемлющая программа государственной дѣятельности принадлежитъ не одной только многочисленной школѣ экономистовъ, раздѣляющихъ взгляды Шенберга; столь же широко смотрятъ на задачи государства всѣ передовые публицисты современной Германіи. Даже такой консервативный историкъ, какъ Леопольдъ Ранке, высказывался, больше тридцати лѣтъ тому назадъ, въ пользу рѣшительныхъ государственныхъ мѣръ для обез-

¹⁾ Prof. *Gustav Schönberg*, Handbuch der Politischen Oekonomie, Tübingen 1885, Bd. I, стр. 61—3.

печенія рабочаго класса. Въ запискѣ, поданной министру Мантейфелю для короля Фридриха-Вильгельма IV, въ октябрѣ 1848 г., Ранке заявляетъ, что всеобщая воинская повинность даетъ рабочимъ нѣкоторое право на матеріальную поддержку со стороны правительственной власти, ибо „кто отдаетъ свою жизнь государству, тотъ имѣетъ основаніе ожидать отъ него и средствъ къ существованію“. Государство могло бы „при извѣстныхъ условіяхъ, безъ нарушенія частной дѣятельности, организовать трудъ и, пожалуй, признать право на трудъ. Можно было бы образовывать рабочія когорты для нужныхъ общественныхъ построекъ, для регулированія теченія рѣкъ и т. п.“¹⁾

Лучшія и наиболѣе убѣдительныя возраженія противъ такой всепоглощающей дѣятельности правительствъ сдѣланы еще въ концѣ прошлаго вѣка писателемъ, который по справедливости можетъ быть названъ главою англо-французской индивидуалистической школы въ ученіи о государствахъ. По странной случайности, этотъ яркій выразитель англо-французскихъ идей былъ прусскимъ государственнымъ человѣкомъ, и его книга, напечатанная впервые въ 1851 году, черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ его смерти, имѣла несравненно болѣе успѣхъ во Франціи и въ Англіи, чѣмъ на родинѣ. Сочиненіе Вильгельма фонъ-Гумбольдта, пролежавшее въ рукописи почти цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ, не дождалось даже второго отдѣльнаго изданія въ Германіи до начала восьмидесятыхъ годовъ, когда оно появилось въ извѣстной коллекціи „Universal-Bibliothek“ Филиппа Реклама. Книжка Гумбольдта, вышедшая въ двухъ французскихъ переводахъ и въ одномъ англійскомъ, встрѣтила весьма сочувственную оцѣнку со стороны Милля и Лабуэ; въ небольшомъ трактатѣ „о свободѣ“ можно найти значительные отголоски мнѣній нѣмецкаго автора. Къ разсмотрѣнію этихъ теорій мы перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

Л. Слонимскій.

¹⁾ *Leopold von Ranke, Sämmtliche Werke, Bd. 49. Leipzig, 1887, стр. 597*

КЕЙСТУТЬ и БИРУТА

ЛИТОВСКАЯ БЫЛЬ ИЗЪ XIV-ГО ВѢКА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

БИРУТА.

I.

Знакомыя мѣста прославленной Литвы!
Я снова вижу васъ, вы снова предо мною
Цвѣтете гордою и царственной красою
И также какъ и встарь—не измѣнились вы!
Все тотъ же дикій видъ таинственныхъ руинъ,
Величья прошлаго свидѣтелей безмолвныхъ,
Гдѣ лаврами вѣнчалъ чело свое литвинъ:
И доблестный Витовтъ, и славный Гедиминъ;
Гдѣ звонъ заздравныхъ чашъ и кубковъ, медомъ полныхъ,
Смѣнялъ побѣдный кликъ, и лязгъ стальныхъ мечей,
И гулкій стукъ щитовъ, и ржаніе коней.
Привѣтъ вамъ, старики! Я вижу васъ опять;
Я снова заглянулъ въ поникнувшіе своды
И снова, какъ и встарь, давно былые годы
Преданья чудныя мнѣ стали навѣвать.

II.

Вотъ Вильны древній кремль, роскошный мавзолей
И память громкая о гордомъ Гедиминѣ;
Руина славная! Я вновь вернулся къ ней,
Вернулся къ ней, какъ жрецъ къ прославленной святынѣ.

Подъ нею, гдѣ теперь разросся модный садъ,
 Мечта рисуетъ мнѣ долину Святорога ¹⁾,
 И царственной листвою вокругъ меня шумятъ
 Священные дубы языческаго бога.

Подъ ихъ густымъ шатромъ съ долины вѣется внизъ
 Въ объятъя къ Вилии сверкающій Нергизъ ²⁾
 И тихо, подъ напѣвъ молитвы вайделота, ³⁾
 Какъ будто говорить и навѣваетъ что-то.

III.

А вотъ и ты, старикъ, на лонѣ Трокскихъ водъ,
 Вѣнчаный славою могучаго Кейстута!
 Ты мертвый стражъ Литвы, былой ея оплотъ,
 Гдѣ княжескій пріютъ нашла себѣ Бирута...
 Ты снова предо мной безмолвенъ и угрюмъ
 На бархатѣ небесъ рисуешься красиво,
 И снова, какъ и встарь, исполненъ мрачныхъ думъ,
 Гладишь на пришлеца загадочно-пытливо.
 Привѣтъ тебѣ, старикъ, отъ ветхой старины,
 Губящимъ временемъ нетронутый обломокъ!
 Преданья славныя въ тебѣ погребены
 И смотритъ на тебя изнѣженный потомокъ—
 Задумчивый литвинъ, дитя родныхъ лѣсовъ,
 И славу прошлую невольно воспоминаетъ,
 И, полонъ грустныхъ думъ, безхитростно слагаетъ
 Напѣвы долгіе про доблестныхъ отцовъ.

IV.

Привѣтствую и васъ, литовскіе лѣса,
 Вы, дебри темныя и темныя дубравы,
 Могучей родины могучая краса,
 Свидѣтели ея давно минувшей славы!
 Какъ страстно я любилъ загадочный вашъ шумъ,
 Зеленый шумъ листвы и темной, и широкой!

¹⁾ Долина Святорога находилась тамъ, гдѣ теперь разбитъ скверъ. Въ этой долинѣ росли священные дубы литовцевъ, подъ которыми жрецы сожигали трупы своихъ князей. Долина эта названа въ честь князя Святорога или Свинторога, прахъ котораго былъ сожженъ на ней сыномъ его Гермундомъ въ XIII столѣтіи. Этотъ же Гермундъ въ 1265 г. построилъ въ долинѣ храмъ Перкуна, нынѣ кафедральный польскій костелъ.

²⁾ Нергизъ—теперешняя Вилейка, впадающая въ Вилию,

³⁾ Вайделотъ—литовскій жрецъ.

Въ немъ было столько чувствъ, въ немъ было столько думъ,
 Легендъ и чудныхъ сагъ о старинѣ далекой.
 Бывало, каждый взмахъ ночного вѣтерка
 Мечтательно будилъ вашъ говоръ поэтичный,
 И жадно, какъ дитя, ловилъ мой слухъ привычный
 Вашъ тайный разговоръ еще издалека.

V.

Мнѣ чудился тогда какой-то тихій стонъ,—
 То Егли ¹⁾ грустный плачь, или пѣвца Дайнаса ²⁾
 Живая скорбь любви, ласкающая сонъ,
 Исполненнаго грезъ, полуночнаго часа;
 То Блинды ³⁾ тихій плачь мнѣ слышится порой,—
 Завистливой земли соперницы печальной;
 То звонкій смѣхъ Ундины и замокъ ихъ хрустальный
 Мнѣ будто чудился въ прогалинѣ лѣсной.
 Знакомые лѣса! Я вижу васъ опять,
 Я снова васъ могу мечтой своей обнять
 И, сидя подъ шатромъ развѣсистаго вяза,
 Вникать въ волшебный смыслъ чудеснаго разсказа.

VI.

Священный патриархъ, ты, Нѣманъ, богъ Литвы,—
 Тебѣ я стихъ ковалъ въ блестящую оправу!
 Въ красивыхъ берегахъ, въ тѣни густой листвы,
 Ты спишь, въ сѣдыхъ волнахъ сокрывъ былую славу.
 Ты древле былъ великъ! Ты царственной волной
 Укачивалъ ладьи скандійскихъ кунигасовъ ⁴⁾;

¹⁾ Егли—значитъ ель. Существуетъ мнѣ, что Жалтисъ, богъ озера, влюбился въ купающуюся дѣвушку, по имени Егли, и женился на ней. Братья Егли подкараулили разъ Жалтиса (въ переводѣ: ужъ) и вѣроломно его умертвили. Неутѣшная Егли была богами обращена въ ель.

²⁾ Дайнасъ—соловей. Литовская мифологія о Дайнасѣ говоритъ слѣдующее: пѣвецъ Дайнасъ влюбился въ прекрасную дѣвушку, по имени Скаистой, но, не получая отвѣта на свою страсть, несчастный пѣвецъ бросился въ рѣку. Боги превратили его въ соловья.

³⁾ Блинда—верба. По литовскимъ преданіямъ, въ древности жила женщина, по имени Блинда. Это женщина имѣла даръ чудеснаго рожденія дѣтей; она ихъ рожала не только естественнымъ образомъ, но даже руками, головой и другими частями тѣла. Земля, самая плодovitая изъ богинь, позабавивъ Блиндѣ и превратила ее въ вербу.

⁴⁾ Первые литовскіе князья были скандинавскіе кунигасы (короли), о чемъ свидѣлствуютъ имена первыхъ литовскихъ князей: Рингольдъ, Витольдъ, Миндовъ, Гедиминъ (Едимианъ). Эти-то кунигасы на ладьяхъ по Нѣману проникли въ Литву и въ ней стали княжить.

Ты далъ имъ тронъ и власть надъ юною Литвой,
 Чтобъ повести ее прославленной стезей
 И выполнить завѣтъ великій Промжинасовъ ¹⁾.
 Привѣтъ тебѣ, старикъ, отецъ родной страны,
 Вѣнчаный именемъ героя Палемона ²⁾;
 Въ сѣдой груди твоей на вѣкъ погребены
 Развѣнчанной Литвы и скипетръ, и корона...
 Гляжу я на тебя, и много, много думъ
 Въ душѣ моей родилъ пророческій твой шумъ,
 И много въ серебрѣ твоей волны широкой
 Я тайно отыскалъ картинъ Литвы далекой.

VII.

Возстань, сѣдой Козляръ, пѣвецъ страны родной,
 Возстань изъ мрачныхъ нѣдръ забытаго кургана!
 Пусть струнъ твоихъ игра и вѣщій голосъ твой
 Волшебнo осынятъ поющаго баяна!
 Ты въ грудь мою вдохни огонь твоихъ рѣчей,
 Персты мои направь на струны золотыя, —
 И снова я спою про славу прошлыхъ дней,
 Про подвиги твоихъ прославленныхъ князей
 И снова воскрешу преданія сѣдья.

VIII.

Рыдаетъ какъ дитя балтійская волна
 И въ сонный берегъ бьетъ холодными слезами,
 А тихо на нее дрожащими лучами
 Гладить задумчиво влюбленная луна.
 Какъ кружевъ дорогихъ затѣйливый нарядъ,
 Надъ моремъ расползлись прозрачные туманы;
 Сквозь нѣжный ихъ узоръ мигаютъ и горятъ
 Алмазомъ и парчей небесныя поляны.
 Рукой облокотясь на зыбкую волну,
 Сидитъ Дивевитисъ ³⁾, въ сверкающемъ уборѣ,

¹⁾ Пражда или Промжинасъ—значить предопредѣленіе божества. Оно, по преданію, не можетъ измѣнить приговора необходимости, начертаннаго на священномъ камнѣ, но только хранить этотъ камень и знаетъ, что должно случиться неизбѣжно. Этой желѣзной необходимости подчиненъ былъ весь міръ: и люди, и боги. Такихъ образомъ эта сторона литовскихъ вѣрованій весьма схожа съ античной греческой мифологіей.

²⁾ Палемонъ или Нѣманъ былъ первый скандинавскій кунингасъ, приплывшій по Нѣману въ Литву. Въ честь этого полу-мифическаго героя Нѣманъ получилъ свое названіе.

³⁾ Дивевитисъ—богъ моря.

Трезубцемъ чертитъ слѣдъ по илистому дну,
 И на берегъ глядитъ, и позабылъ о морѣ.
 На немъ вѣнецъ блеститъ; густая борода
 До сонныхъ береговъ бѣжитъ сѣдой волною;
 Кругомъ его журчитъ послушная вода
 И Челтицы ¹⁾ надъ ней, сверкая наготою,
 Слагаютъ страстный гимнъ царю окрестныхъ водъ,
 Сплетая вокругъ него волшебный хороводъ.

IX.

Безмолвенъ и угрюмъ Праурны древній храмъ ²⁾.
 Гранитъ его тяжелъ, мрачны его колонны;
 Священные дубы стоятъ по сторонамъ,
 Подъземля высоко зеленыя короны.
 Отъ храма къ лону водъ торжественно сползли
 Широкой лѣстницы гранитныя ступени
 И медленно по нимъ таинственныя тѣни
 Съ лучами мѣсяца узоры заплели.
 Мигаетъ и горитъ въ безмолвномъ храмѣ свѣтъ;
 Курится жертвенникъ и мраморныя урны
 И мрачно на стѣнѣ темнѣетъ силуэтъ
 Статуи бронзовой божественной Праурны.
 Предъ нею Зничъ ³⁾ горитъ,—безсмертный духъ боговъ,
 Огонь,—вѣнецъ всего и всѣхъ началъ начало,
 Глухого прошлаго и будущихъ вѣковъ
 Неугасимое и вѣчное зеркало.
 Глубокая царитъ во храмѣ тишина;
 Лоснится, какъ змѣя, чугунная рѣшотка;
 За нею будто тѣнь, печальна и блѣдна,
 Стоитъ и молится богинѣ вайделотка ⁴⁾.

X.

И Знича дымный свѣтъ, и робкій свѣтъ луны
 Играютъ на лицѣ и на одеждѣ жрицы;

¹⁾ Челтицы—родъ греческихъ сиренъ.

²⁾ Праурна—супруга Перкуна. Храмъ ея находился въ Полангенѣ на берегу моря.

³⁾ Зничъ—священный огонь, который горѣлъ передъ изображеніемъ Перкуна, а также и передъ Праурной.

⁴⁾ Вайделотка—жрица, литовская весталка, посвятившая свое цѣломудріе Праури. Обязанность ея была та же, что и у древнихъ весталокъ: поддержаніе неугасаемаго священнаго пламени передъ изображеніемъ богини.

Черты ея лица страданіемъ полны,
 Глаза опущены и длинныя рѣсницы
 Ласкаютъ бархатъ щекъ горячею слезой,
 Блестящей какъ звѣзда на тверди голубой.
 Прекрасенъ блѣдный ликъ, какъ чудный ликъ Лаумы ¹⁾;
 На пурпурныхъ устахъ молитва замерла
 И тихо наплыли безрадостныя думы
 На мраморъ набожно склоненнаго чела.
 Какъ чуденъ этотъ ликъ! Какая красота
 Его съ любовію восторженно вѣнчала!
 Какая, горечью облитая, мечта
 Весталку юную отъ жизни оторвала?
 Закрыла передъ ней волшебный пиръ любви,
 И дѣвственность ея богинѣ посвятила
 И юности огонь, играющій въ крови,
 Рукой безжалостной какъ свѣточъ загасила?
 Какая скорбь души въ груди ея молодой
 Сожгла горячихъ грезъ таинственный прибой,
 И чары страстныхъ думъ молитвой побѣдила,
 И въ храмъ ее ввела, и богу посвятила?

XI.

Зачѣмъ, зачѣмъ ты здѣсь? Ужель въ странѣ родной
 Ты не нашла себѣ счастливаго приюта?
 Ужели этотъ храмъ твой дѣвственный покой
 На вѣкъ очаровалъ, красавица Бирута?
 Дочь Видамунта ты, единственная дочь
 Сраженнаго рукой наемнаго злодѣя;
 Ты не могла отцу рыданьями помочь—
 Онъ умеръ, жребій твой мучительно жалѣя.
 Когда на трупъ его въ слезахъ упала ты
 И волнами кудрей нѣмую грудь повила,
 Въ торжественный тотъ мигъ ты богу посвятила
 И цѣломудріе—и всѣ свои мечты.
 И вотъ ты въ храмъ вошла, готовая постичь
 Молитвъ и тишины таинственную сладость,
 И озарилъ тебя небеснымъ свѣтомъ Знить,
 И принялъ въ вѣчный даръ и скорбь твою, и младость.

¹⁾ Лаума—богиня неба.

XII.

Промчался долгій годъ надъ грѣшною землею.
 Вдали отъ суеты, одной священной пѣснѣ
 Довѣрила ты вопль души своей больной
 И миръ себѣ нашла въ напѣвахъ Веркмо-Геснѣ ¹⁾.
 И въ эту ночь, какъ тѣнь, ты въ мрачный храмъ вошла,
 И неразлучная печаль твоя съ тобою;
 На жертвенникъ святой ты слезы принесла,
 Съ надеждой робкою и жаркою мольбою.
 Предъ жертвеннымъ огнемъ, предъ ликомъ божества,
 Склонила ты опять прекрасныя колѣни,
 И вновь съ гранитныхъ плитъ слезой спугнула тѣни,
 И снова слышитъ храмъ знакомыя слова:
 Слова твоей мольбы, слова твоей печали,
 Слова сердечныхъ ранъ и грусти безъ конца,
 Запавшей въ грудь твою кускомъ холодной стали
 И краску алую похитившей съ лица.

Пѣснь Бируты.

Праурна, богиня земли и цвѣтовъ,
 Къ тебѣ я пришла неутѣшная вновь.
 Я розу у синяго моря сажала,
 Ее я слезами тоски обливала,
 Поила, заботилась нѣжно о ней,
 Но роза завяла подъ лаской моей ²⁾.

Праурна, богиня земли и цвѣтовъ,
 Къ тебѣ я пришла неутѣшная вновь.
 Я бѣлую лилію въ роцѣ сажала,
 Гдѣ Егли вершину печально качала,
 Ее я поила горячей слезой,
 Но цвѣтъ ея нѣжный поблекнуть весной.

Праурна, богиня земли и цвѣтовъ,
 Къ тебѣ я пришла неутѣшная вновь.

¹⁾ Такъ назывались въ древней Литвѣ пѣсни плача.

²⁾ Роза—самый любимый цвѣтокъ въ литовскихъ пѣсняхъ. Но такъ какъ роза не встрѣчалась часто на литовской землѣ и не имѣла такой красоты, какъ въ тепломъ климатѣ, а потому не могла поражать взоры до такой степени, чтобы оправдывать частыя о ней воспоминанія, то нѣкоторые изслѣдователи литовскихъ древностей думаютъ, что роза въ этомъ отношеніи оживляетъ только память о востокѣ.

Ужели еще я не много рыдала!
 Ужели еще я не много страдала!
 Скажи, гдѣ отецъ мой и слышать ли онъ
 Мой вопль неутѣшный, мой горестный стонъ!

XIII.

Безмолвень ночи часъ. Прекрасна и блѣдна
 Изъ храма, словно тѣнь, выходитъ вайделотка.
 Ложится до земли густыхъ кудрей волна
 И чудный взоръ горитъ задумчиво и кротко.
 На дѣвственномъ плечѣ кувшинъ она несетъ
 Съ высокимъ горлышкомъ изъ глины обожженной
 И въ грустный ритмъ волны въ-полголоса поетъ
 Напѣвъ, ея тоской и горемъ сочиненный.

Надъ моремъ поднялся высоко
 Таинственный холмъ, и на немъ
 Растетъ старый дубъ одиноко
 И дремлетъ загадочнымъ сномъ.

На холмъ я проворно вбѣжала
 И къ дубу приникла съ мольбой:
 Зеленый мой дубъ,—я шептала,—
 Скажи: не отецъ ли ты мой?

Скажи: эти вѣтви—не руки,
 Смирившія грозныхъ коней?
 Шумъ листьевъ—не милые звуки
 Могучихъ отцовскихъ рѣчей?

Ахъ, горе! Съ холма я сбѣжала,
 Съ застывшимъ отъ муки лицомъ,—
 Я съ болью сердечной узнала,
 Что дубъ тотъ мнѣ не былъ отцомъ ¹⁾.

XIV.

Къ серебрянымъ волнамъ Бирута подошла,
 Наполнила кувшинъ священою водою.
 Таинственно вилась надъ моремъ ночи мгла
 И мѣсяцъ золотой бесѣдовалъ съ волною.

¹⁾ Пѣсня эта заимствована изъ древнихъ литовскихъ пѣсень. По вѣрованіямъ литовцевъ, духъ человѣческій (души они не знали) или возвращался въ вѣдра божества, или оставался на землѣ и переходилъ въ другія тѣла. За добрую и славную жизнь духъ человѣческій послѣ смерти часто переходилъ въ священный дубъ.

Направо, межъ крутыхъ и сумрачныхъ холмовъ,
 Приюта бѣднаго литовскихъ рыбаковъ,
 Какъ темная змѣя дорога пролегала.
 Бирута этотъ путь еще ребенкомъ знала.
 Онъ велъ въ Тевтонскій край, въ далекихъ берегамъ,
 Къ безстрашнымъ рыцарямъ, тревожившимъ порою
 Покой родныхъ лѣсовъ желѣзною толпою
 И трупы пастуховъ бросавшимъ по лугамъ.
 Не весель былъ тотъ путь. Не разъ въ него бросалъ
 Могучій Перкунасъ огонь и разрушенье,
 Крутилъ на немъ песокъ, срывалъ обломки скалъ
 И гнѣвно жегъ огнемъ тевтонскія селенья.
 Но жаденъ и суровъ воинственный сосѣдъ,
 Не страшны для него Перкуна гнѣвъ и пламя.
 И снова на Литву онъ шелъ, поднявши знамя,
 И снова оставлялъ рѣзни кровавый слѣдъ.

XV.

Теперь тотъ мрачный путь въ безмолвіи дремалъ,
 Лишь сосны на холмахъ пророчески шумѣли,
 Да крикъ ночной совы въ душѣ столѣтней ели
 Глухую тишину зловѣще нарушалъ.
 Все тихо. Вдругъ въ дали туманной и нѣмой
 Звонящій стукъ копытъ пронзительно раздался;
 Въ глубокой тишинѣ онъ росъ и приближался,
 Тревожа и будя полуночный покой.

XVI.

Бирута смущена. Отъ берега тревожно
 Въ алтарь она спѣшитъ, бросая осторожно
 Дѣвичей робости пугливо-жаркій взоръ
 На путь таинственный въ ложбинѣ сонныхъ горъ.
 И вотъ она, дрожа, невольно различаетъ
 Фигуру всадника; лицо его скрываетъ
 Густой медвѣжьей мѣхъ; могучій конь подъ нимъ
 Весь въ мылѣ, какъ въ снѣгу; о камень бьютъ копыта,
 И рысей шкурою спина его прикрыта,
 И мчится онъ впередъ, какъ вихрь, неустотимъ.

XVII.

Бирута смущена. Сердечное волненье
 Прекрасный взоръ ея тревожно отразилъ...

Медлительно бѣгутъ тяжелыя мгновенья,
 Какъ будто Перкунасъ ихъ бѣгъ остановилъ.
 Красавица спѣшитъ... Тревожная походка
 Волненье робости невольно выдаетъ;
 И вотъ, вся поблѣднѣвъ, вдругъ слышитъ вайделотеа—
 Ёздокъ стоитъ за ней, ёздокъ ее зоветъ...
 Такъ голосъ былъ глубоокъ, такъ молодость и сила
 Аккордомъ громкихъ струнъ звучали гордо въ немъ...
 Бирута робкій слухъ, дрожа, къ нему склонила
 И обернулась вдругъ испуганнымъ лицомъ.

XVIII.

И видитъ, на конѣ, какъ призракъ ночи темной,
 Въ доспѣхахъ боевыхъ, прекрасенъ какъ Кавасъ ¹⁾,
 Стоитъ нежданный гость; сверкаетъ щитъ огромный
 Въ опущенной рукѣ и взоръ побѣдныхъ глазъ
 Какъ острое копьё пронзительно блистаетъ;
 Чело украшено медвѣжьей головой
 И темно-бурый мѣхъ косматою волной
 На сильный крупъ коня красиво упадаетъ.
 Прекрасенъ этотъ гость! Побѣдой, красоты
 И гордымъ мужествомъ полны его черты;
 Величьемъ царственнымъ, исполненнымъ значенья,
 Полно его лица живое выраженье
 И на челѣ его кольцомъ священныхъ змѣй
 Красиво завилась волна густыхъ кудрей.

XIX.

Какъ статуя блѣдна, прекрасна какъ видѣнье,
 Потупивъ чудный взоръ на мраморъ хладныхъ плитъ,
 Въ тревогѣ робкихъ думъ, безъ звука, безъ движенья
 У входа въ мрачный храмъ красавица стоитъ.
 Луна въ ея кудряхъ разсыпалась лучами
 И жреческій костюмъ заткала серебромъ;
 Спокойно нѣжитъ взоръ живыми лепестками
 Надъ цѣломудренно-блистающимъ челою
 Божественная вѣтъ задумчивой лилеи
 И тонкою змѣйкою вокругъ открытой шеи,
 Съ лучами мѣсяца мѣшая томный свѣтъ,
 Таинственно блеститъ янтарный амулетъ.

¹⁾ Кавасъ — богъ войны.

XX.

Какъ зачарованный божественною властью,
 Глядитъ полночный гость на дивныя черты,
 Съ какой-то робостью, съ какой-то нѣжной страстью,
 И вдругъ заговорилъ: „Прелестная, кто ты?
 „Скажи, скажи мнѣ, кто? Ужель подъ небесами
 „Подобная краса могла найти пріютъ!
 „Твой тронъ не здѣсь, а тамъ, съ безсмертными богами,
 „Гдѣ розы круглый годъ плѣнительно цвѣтутъ...
 „Прелестная, кто ты?“ И рыцарь на ступени
 Съ ретиваго коня поспѣшно соскочилъ,
 Отбросилъ щитъ и мечъ и страстно преклонилъ
 Передъ Бирutoю могучія колѣни.

XXI.

„Позволь, прелестная, красу твою почитать
 „И выразить тебѣ восторгъ души смущенной!
 „Тебя не въ силахъ я ужъ больше позабыть,
 „Твоею красотой на вѣкъ порабощенный!“
 И вотъ онъ всталъ съ колѣнъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.
 И взоръ его горитъ, и всѣ его движенія
 Невольно выдають души его волненія,
 И, полонъ чаръ любви, къ Бирутѣ онъ идетъ.
 Но гнѣвомъ и стыдомъ глаза ея зажглись,
 Какъ пѣна ярыхъ волнъ, блеснуло покрывало,
 Священный амулетъ она рукой прижала
 И гордо молвила: „Пришлецъ, остановись!..“

XXII.

И онъ поникъ челомъ... Печальный свѣтъ луны
 Смягчилъ его лица и блескъ, и выраженіе;
 Восторгомъ и мольбой черты его полны,
 Полны живымъ огнемъ любви и нетерпѣнья,
 И на устахъ его, какъ пламя божества,
 Зажглись торжественно могучія слова:
 „О, богоравная, ты, дочь Каралуні ¹⁾,
 „Молю тебя, свой слухъ къ мольбѣ моей склони!

¹⁾ Каралуні—богиня свѣта, которой голову украшало солнце. Плащъ ея былъ усыянъ звѣздами и застегивался на плечѣ мѣсяцемъ. Ея улыбка—утренняя заря, а слезы—алмазы. Когда дождь идетъ при свѣтѣ солнца, то это значить, что Каралуні плачетъ.

„Не бойся! Я—боецъ прославленной Литвы,
 „Боецъ святыхъ дубравъ и мирныхъ поселеній...
 „Еще ни передъ кѣмъ я гордой головы
 „Смиренно не склонялъ; нието моихъ моленій
 „Не слышалъ на землѣ и взоръ горячій мой
 „Еще не отражалъ тоски любви живой...
 „Но ты! Въ твоихъ очахъ таятся власть и сила,
 „Лаума въ даръ тебѣ вѣнецъ свой принесла,
 „Чтобъ ты въ моей груди восторги поселила
 „И жертвенникъ любви въ душѣ моей зажгла...
 „И вотъ,—я полюбилъ!..“

И съ жаркою мольбою
 Могучій сынъ Литвы предъ жрицей молодою,
 Смиривъ въ своей груди глубокой страсти пылъ,
 Съ благоговѣніемъ колѣно преклонилъ.

XXIII.

А жрица, какъ цвѣтокъ, испуганный грозою,
 Стоитъ, залитая влюбленною луною,
 Стоитъ, признаніемъ невольно смущена
 И цѣломудрія, и святости полна.
 „О, рыцарь!—съ блѣдныхъ губъ сорвалась укоризна, —
 „Какъ смѣлъ ты оскорбить признаніемъ мой слухъ?
 „Скажи, ужель въ тебѣ святой огонь потухъ,
 „Скажи, ужель въ тебѣ священная отчизна
 „Убила тайный страхъ предъ силой божества?..
 „Я жрица,—и твои безумныя слова
 „Какъ оскорбленіе Праурнѣ принимаю...
 „Встань!.. и оставь меня, я небомъ заклинаю!..“

XXIV.

И рыцарь всталъ съ колѣнъ, и гордое чело
 Тревожной думою мгновенно зацѣбло...
 „Ты жрица,—молвилъ онъ,—ты дѣвственнымъ обѣтомъ
 Порвала съ жизнію плѣнительную нить...
 „Прости меня... прости!.. восторженнымъ привѣтомъ
 „Тебя не думалъ я безумно оскорбить...
 „Когда ты на алтарь божественной Праурны
 „Моленья жаркія смиренно принесешь,
 „И слезы чистыя молитвенно прольешь
 „На жертвенникъ святой и на святыя урны,—
 „Пускай твои уста въ тотъ часъ произнесутъ:
 Кейстутъ!..“

XXV.

И скрылся чудный гость... Невольно смущена,
Глядитъ ему во слѣдъ красавица Бирута
И имя славное могучаго Кейстута
Задумчиво твердитъ въ полголоса она.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Кейстутъ.

I.

Могучею рукой свой княжескій приютъ
На лонѣ Гальвскихъ водъ воздвигнулъ князь Кейстутъ ¹⁾.
Красиво поднялись готическіе своды;
Стѣна вокругъ крѣпка и башни по угламъ
Таинственно глядятъ въ мечтательныя воды,
Гроза бойницами недремлющимъ врагамъ,
И Гальва веругъ шумитъ студеною волною;
Темнѣютъ у воротъ подъемные мосты;
Сверкаютъ берега зеленою грядою
И манятъ роскошью привольной красоты.
На башняхъ день и ночь не дремлютъ часовые;
Въ конюшнѣ ратный конь къ войнѣ всегда готовъ
И юноши-бойцы, и старики сѣдые
Готовы каждый мигъ помчаться на враговъ.
И въ замкѣ за стѣной въ часы глубокой ночи
Раутису ²⁾ цвѣтовъ и пѣсенъ не дарятъ,
Не искрятся, виномъ напоенныя, очи
И рѣчи юношей любовью не горятъ.
Какъ царственный гигантъ, надъ Гальвѣю прозрачной
Тотъ замокъ высоко вознесъ свой корпусъ мрачный
И мнится, будто спать, но чутокъ этотъ сонъ
И страшенъ для татаръ, для русскихъ, для тевтонъ.

II.

Не блещутъ красотой угрюмыя палаты,
Гранитъ и крѣпкій дубъ рѣзью не цвѣтутъ,

¹⁾ Развалины этого замка видны еще теперь въ Трокахъ, виленской губерніи. Онѣ живописно поднимаются надъ озеромъ Гальвѣю и сохранились настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на камнѣ видна древняя литовская живопись.

²⁾ Раутисъ—литовскій Бахусъ.

Красуются на нихъ изрубленные латы—
 Трофеи славные, добылъ ихъ самъ Кейстутъ.
 Они ему милѣй картинъ и статуй мѣдныхъ;
 Кейстутъ читаетъ въ нихъ побѣды своихъ разсказъ,
 И повѣсть славныхъ битвъ, и повѣсть войнъ побѣдныхъ,
 И смотреть онъ на нихъ какъ царственный Кавасъ.
 Въ молельнѣ княжеской на бѣломъ пьедесталѣ
 Изъ бронзы вылитый Перкунъ свой станъ вознесъ
 И древнія лежатъ Ишментаса ¹⁾ скрижали
 Въ подножьи алтаря, въ вѣнѣхъ священныхъ розъ.
 Курится жертвенникъ и Знича дымный пламень
 Ласкаетъ божество и стѣнъ холодный камень,
 И въ бѣломъ потолкѣ ужъ много, много лѣтъ
 Успѣлъ нарисовать неизгладимый слѣдъ.

III.

На шкурѣ барсовой, склонивъ чело на руки,
 Печаленъ и угрюмъ, литовскій князь сидитъ;
 Глаза его полны огнемъ сердечной муки
 И гордое чело раздумье бороздитъ.
 Онъ мраченъ... онъ поникъ могучей головою,
 Онъ словно чарами таинственными полнъ,
 И страстно онъ бѣжитъ влюбленную мечтою
 Туда, гдѣ слышенъ шумъ и плескъ балтійскихъ волнъ,
 Туда, гдѣ все полно божественной Праурной,
 Гдѣ храмъ ея стоитъ надъ моремъ голубымъ,
 Гдѣ въ первый разъ Кейстутъ извѣдалъ страсти бурной
 Тревогу жаркую, съ восторгомъ неземнымъ.
 Туда, гдѣ встрѣтилъ онъ божественную жрицу,
 Какъ изваяніе небесной красоты, —
 Его проснувшейся, восторженной мечты
 Богинѣ равную, прекрасную царицу;
 Туда, гдѣ гордый сынъ походовъ и побѣдъ
 Впервые былъ лучомъ живой любви согрѣтъ,
 Гдѣ въ первый разъ Кейстутъ, сгарая отъ желанья,
 Безумно произнесъ любовное признанье.

IV.

И думаетъ Кейстутъ: „великій Промжинасъ
 „Мнѣ свыше даровалъ таинственную встрѣчу

¹⁾ Ишментасъ—литовскій Лихуръ. Онъ въ древности далъ Литѣ законы, полученные имъ съ неба.

„Съ прекрасной жрицею въ безмолвный ночи часъ,
 „Какъ свыше мнѣ послалъ губительную сѣчу,
 „Разбилъ мой острый мечъ, изъ сердца вырвалъ стонъ,
 „Неволю мнѣ послалъ у дерзостныхъ тевтонъ
 „И бросилъ мнѣ, какъ лучъ, изъ плѣна избавленье
 „И на пути въ Литву послалъ съ небесъ видѣнье.

V.

„Изъ плѣна я бѣжалъ и мраченъ, и угрюмъ;
 „Кипѣла мечь въ груди и тяжесть гнѣвныхъ думъ
 „Давила мнѣ чело и ликъ мой былъ ужасенъ...
 „Но вдругъ передо мной божественно-прекрасенъ
 „Блеснулъ склоненный ликъ! Гляжу я... гнѣвъ забылъ...
 „Не ты ли мнѣ послалъ мечту очарованья!
 „Не ты ль въ моей душѣ, гдѣ мощный духъ войны
 „Сурово побѣдилъ мечты моей весны,
 „Родилъ безумный крикъ любовнаго признанья
 „И сердце гордое, и мысль мою принесъ
 „На жертву слабости, томленія и грезъ!..

VI.

„Зачѣмъ, зачѣмъ же ты, бессмертный царь вселенной,
 „Любовь мою сковалъ безрадостной мечтой:
 „Безильна страсть моя надъ жрицей молодой,
 „Принесшей жизнь свою богинѣ въ даръ смиренный!..
 „Зачѣмъ во мнѣ родилъ преступную любовь!
 „Зачѣмъ во мнѣ родилъ преступныя желанья,
 „И мысль очаровалъ, и взволновалъ мнѣ кровь!
 „Къ чему!.. къ чему?.. Скажи, ужели испытанья
 „Ты снова мнѣ послалъ съ божественныхъ небесъ?
 „Такъ знай, что подъ гровой ломается и лѣсъ,
 „Питомецъ вѣковой, а я душой влюбленной
 „Едва ли устою передъ тоской бездонной!..“

VII.

И поднялся Кейстуть, и слугъ къ себѣ зоветь.
 И молча передъ нимъ предсталъ литвинъ огромный;
 Звѣринный мѣхъ на немъ и вьется локонь темный
 На сумрачномъ челѣ; въ руцѣ онъ щитъ несетъ,
 И бедра сѣткою желѣзною прикрыты,
 И грозный мечъ стучить о каменные плиты.

„Жреца ко мнѣ позвать!“ — слугѣ промолвилъ князь
И вышелъ вѣрный рабъ; и вотъ, черезъ минуту
Въ покои княжіе къ влюбленному Кейстуту
Вошелъ великій жрецъ... Смирненно преклонясь,
Его привѣтствуетъ державный повелитель:
„Я звалъ тебя, боговъ невидимыхъ служитель,
„Я жду твоихъ рѣчей, совѣтовъ и молитвъ,
„Но знай—не для войны, не для упорныхъ битвъ.“

VIII.

„Я слушаю тебя, потомокъ Палемона,—
На посохъ опершись, промолвилъ вѣщій жрецъ:—
„Ужъ не въ опасности ль литовская корона?
„Съ печальной вѣстію не прибылъ ли гонецъ,
„Что дерзостный Конрадъ опять свою дружину
„Задумалъ повести на трокскую равнину?
„Иль, можетъ быть, опять соперникъ твой Евнутъ
„Задумалъ заглянуть въ твой княжескій пріютъ?“

IX.

„Замолкни, вѣщій жрецъ!—нахмуривъ мрачно брови,
Промолвилъ трокскій князь:—не страшень мнѣ Конрадъ,
„Хоть много пролилъ онъ литовской славной крови,
„Но жалокъ мнѣ тевтонъ; а царственный мой братъ,
„Изнѣженный Евнутъ, пугать меня не можетъ:
„Онъ скоро власть свою къ ногамъ Ольгерда сложитъ
„И мнѣ дрожать предъ нимъ позорно и смѣшно...
„Нѣтъ, нѣтъ, премудрый жрецъ, пойми теперь одно,
„Что нуженъ мнѣ совѣтъ и мудрое рѣшенье,
„Какъ въ сердцахъ побѣдить любовное волненье“...

Жрецъ.

Что слышу! Князь Кейстутъ мучительно влюбленъ,
Горячая любовь въ немъ душу полонила!..
Ну, что-жъ, святыхъ боговъ неизблемый законъ
Не проклялъ страсти пылъ... Лаума осватила
Союзъ земной любви—и ты, могучій князь,
Вступи въ счастливый бракъ, молитвой осѣнясь.

Кейстутъ.

Старикъ, не то... не то!.. Ты думъ моихъ печаль
Поймешь и побѣдишь молитвою едва-ль...

Скажи: законъ боговъ не терпитъ исключенья?
 Ахъ, нѣтъ, не то, старикъ!.. Скажи: любви вѣнецъ
 Имѣеть ли въ себѣ смыслъ жертвоприношенья,
 Имѣеть ли онъ власть надъ клятвою?.. О, жрецъ,
 Не мучь меня, скажи: обѣтъ прекрасной дѣвы
 Имѣешь ли ты власть расторгнуть,—говори!..
 Въ религіи отцовъ хранятся ли напѣвы
 Умилостивить гнѣвъ Праурны?.. Алтари,
 Которымъ служишь ты, тебѣ даютъ ли право
 Снять клятву съ юности, отдавшейся богамъ,
 Или блѣдна твоя пророческая слава,
 Какъ жертвенный огонь, бѣгущій къ небесамъ?..

Жрецъ.

О, князь, что слышу я!.. Преступный голосъ страсти
 Вложилъ въ твои уста безумныя слова!..
 О, князь, какъ ты дерзнулъ спросить меня о власти
 Надъ вѣчной тайною и силой божества!..
 Знай, пѣсенъ нѣтъ такихъ, такихъ молитвъ не знаю,
 Чтобъ данный небесамъ торжественный обѣтъ
 Расторгнуть на землѣ... Я клятвъ не расторгаю—
 Надъ ними есть законъ и солнца вѣчный свѣтъ!
 Что свыше рѣшено, должно быть неизмѣнно,
 И цѣломудріе принося богамъ
 Должна покорна быть принявшимъ небесамъ
 И свой обѣтъ хранить и свято, и смиренно.

Кейстуть.

Ты правъ, премудрый жрецъ; что свыше рѣшено,
 Надъ тѣмъ безсиленъ ты и ни одно звено
 Изъ цѣпи бытія безъ воли Промжинаса
 Не выпадеть само... Но слушай, вѣщій жрецъ,
 Премудрый сынъ земли, кудесникъ и пѣвецъ,
 Любимецъ божества, избранникъ Перкунаса,—
 Пускай безсиленъ ты надъ волей божества,
 Но есть же у тебя священные слова,
 Молитвы тайныя и чары заклинанья,
 Смирить въ моей груди тревогу и страданья!..
 Старикъ, нѣтъ силъ во мнѣ... я страстью весь объять...
 Темнѣетъ свѣтъ въ очахъ и солнце мнѣ не мило...
 Пойми, святой старикъ, душа во мнѣ изныла

И думы мрачныя мнѣ сердце леденять...
Смири же гнѣвъ боговъ!

Жрецъ.

Несчастный князь, молись,
И жертву принеси богинѣ неизмѣнной,
Молитвой жаркою смири свой духъ надменный
И мыслью набожной къ Праурнѣ вознесись!
А я въ вечерній часъ пойду подъ сѣнь дубовъ,
Въ таинственный пріютъ великаго Перкуна,
Гдѣ вѣчная весна плѣнительна и юна,
И тамъ произнесу закланія боговъ.

Кейстутъ.

Хвала тебѣ, старикъ! Я дамъ тебѣ въ награду
И злата, и парчи...

Жрецъ.

Стыдись, премудрый князь!
Я злата не хочу, парчи твоей не надо,—
Я торга не веду, святымъ богамъ молясь.
Сокровище мое: вечерняя прохлада,
И солнце въ небесахъ, и лѣсъ, и тихій долъ,—
И я пойду къ нему!

—И вѣщій жрецъ ушелъ ¹⁾.

Х.

И снова князь одинъ... И вотъ, въ порывахъ муки
Въ моленную онъ идетъ; простеръ съ мольбою руки
Къ нѣмому божеству; предъ Зничемъ взоръ склонилъ
И тихо, словно тѣнь, колѣни преклонилъ.
И Зничъ въ его лицѣ оставилъ слѣдъ багровый;
Загадочно внималъ молитвѣ Перкунасъ:
Безжизненно глядѣлъ на князя взоръ суровый,
Какъ будто божества въ немъ тайный лучъ погасъ.
И молится Кейстутъ въ тревогѣ непосильной...
И вдругъ его очамъ предсталъ знакомый ликъ...

¹⁾ Литовцы вообще, а жрецы литовскіе въ особенности были большіе любители природы; они заселяли только самыя живописныя мѣста Литвы, часто въ ущербъ плодородію почвы; этимъ отчасти объясняется то явленіе, что литовцы не отличались вообще склонностью къ мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ, а предпочитали охоту въ лѣсистыхъ и живописныхъ мѣстахъ.

Князь смотреть, князь дрожить, и вдругъ на мраморъ пыльный
Челомъ измученнымъ испуганно принять.

Но голосъ слышать онъ знакомый, вдохновенный,
Въ немъ вся его печаль, въ немъ вся его любовь,
Онъ нѣжно такъ зоветъ во храмъ уединенный,
Въ таинственный пріютъ у дальнихъ береговъ.

XI.

И сбросилъ князь съ себя молитвенныя путы,
Отдался весь огню плѣнительной мечты
И жадно онъ глядитъ на чудный ликъ Бируты,
На цѣломудренно-прекрасныя черты.
И грезится ему въ лучахъ воображенья —
Бируты чудный взоръ дарить ему привѣтъ
И дѣвственной любви живое выраженье,
И ласки дѣвственной неувимый слѣдъ...

XII.

Забылся трокскій князь... Не такъ ли дубъ священный,
Заслыша соловья серебряную трель,
Склоняется челомъ и грезить, вдохновенный,
Про вѣчно юную и дѣвственную ель?

. . . . .
. . . . .

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Бой Кейстута съ Конрадомъ.

I.

И полночь, и гроза. Темно подъ небесами,
А въ небѣ глыба тучъ на глыбу тучъ всползла;
Колеблетъ небосводъ могучими руками
Великій Перкунасъ; ударами жезла
Изъ мрачныхъ тучъ родить неудержимый пламень,
Срываетъ съ корнемъ дубъ, дробить тяжелый камень,
И въ гнѣвъъ мстительномъ, поднявъ пучину водъ,
Бичомъ невидимымъ волну сѣдую бьетъ.

II.

И Нѣманъ, весь вскипѣвъ могучею волною,
 Съ Перуномъ въ ярый бой безтрепетно вступилъ;
 Онъ гребни волнъ сковалъ блестящей чешуею,
 Какъ броней кованной, и въ бой ихъ устремилъ.
 И ярый бой кипитъ; Перкунъ бросаетъ стрѣлы,
 А Нѣманъ высоко свой щитъ вздымаетъ бѣлый
 И въ гнѣвѣ яростномъ бушуетъ и реветъ,
 И пѣнистой волной о хладный берегъ бьетъ.

III.

Въ лѣсу дубы ревутъ; сквозь ревъ ихъ разъяренный
 Доносится мечей и копій стукъ глухой.
 Не Медзюйма ли ¹⁾ свой лукъ окровавленный
 Подняла высоко могучею рукой
 И стрѣлы мѣткія въ глухомъ лѣсу бросаетъ;
 Колчанъ ея стучитъ, стрѣла о лукъ бряцаетъ
 И, дикой удали и мужества полна,
 Въ дубравѣ въ этотъ часъ охотится она?
 Нѣтъ, то не дочь боговъ,—иной охотникъ смѣлый
 Ломаетъ о дубы отточенныя стрѣлы
 И держитъ путь въ лѣсу, объятый темнотою:
 То храбрый трокскій князь съ дружиной удалой.

IV.

Какъ страшная толпа полночныхъ привидѣній,
 По дебрямъ, по лѣсамъ, кто пѣшій, кто конемъ,
 Дружина трокская изъ мирныхъ поселеній
 Спѣшитъ помѣряться отвагой со врагомъ.
 А врагъ не далеко; вотъ лентой блѣдно-красной
 Пробился рядъ костровъ сквозь ночи темноту
 И дерзкихъ рыцарей, молящихся кресту,
 Ужъ виденъ силуэтъ туманный и неясный.

¹⁾ Медзюйма почиталась богиней охоты. Это была дѣвица исполинскаго роста съ мужской головой. Замокъ ея находился близъ мѣстечка Крожъ, россиенскаго уѣзда, на горѣ Медзюкольной (гора Медзюймы). Жмудины увѣряютъ, что она и теперь иногда показывается на горѣ, грустная, плачущая, безъ медвѣжьей шкуры и безъ лука и взываетъ печально: „Литва заключается въ лѣсахъ. Истребите лѣса — не будетъ Литвы! Истребляйте! Истребляйте!“

V.

Безмолвенъ тровскій князь, и князь Ольгердъ молчить,
 Могучаго коня онъ гнѣвно укрощаетъ.
 „Ты слышишь, братъ Кейстуть, сова въ дуплѣ кричитъ,—
 Промолвилъ кривскій князь:—что намъ она вѣщаетъ?“
 „Побѣду!“—крикнулъ князь, и вѣтеръ подхватилъ
 Могучій этотъ крикъ и лѣсъ заговорилъ,
 Громъ грянулъ съ вышины, перуны засверкали—
 Побѣду надъ врагомъ они предвозвѣщали.

VI.

„Что, князь, ужъ не пора ль?“—раздался громкій кликъ
 И къ князю на конѣ приблизился старикъ,
 Мститый сынъ Литвы, олитскій воевода,
 Изъ доблестныхъ Курчей прославленнаго рода.
 „Не время, обождемъ,—промолвилъ тровскій князь,
 Надъ гривую коня задумчиво склонясь:—
 „Не время, обождемъ; какъ только до едина
 „Изъ лѣса выйдетъ вся литовская дружина,
 „Тогда подамъ я знакъ и дружною стѣной
 „Мы двинемся впередъ въ давно желанный бой“.

VII.

И бранный мигъ насталъ! О щитъ свой величавый
 Сѣкирой княжеской ударилъ тровскій князь;
 Дружина вздрогнула, какъ вѣтеръ надъ дубравой
 И бѣшено впередъ, какъ лава, понеслась.
 Кто пѣшій, тотъ бѣжалъ, схвативъ коня за гриву,
 Поднявъ тяжелый мечъ, сѣкиру или лукъ;
 Веллонецъ охватилъ рукой косматый сукъ,
 Грозясь отомстить врагу за выжженную ниву;
 Угрюмый селянинъ разграбленныхъ Бессенъ ¹⁾
 Облекся въ волчій мѣхъ отъ плечъ и до колѣнъ
 И на широкую, мозолистую спину
 Взялилъ какъ легкій снопъ огромнукъ дубину.

¹⁾ Веллоны и Бессены—мѣстечки близъ Трокъ, болѣе другихъ подвергнувшіеся опустошенію отъ меченосцевъ.

VIII.

Бушуетъ ураганъ; дубы ревутъ и стонутъ,
 Въ ихъ ревѣ стукъ копытъ и лязгъ оружья тонутъ:
 И молнія съ небесъ зубчатою стрѣлой,
 Промчавшись какъ змѣя, блестящей полосой
 Освѣтитъ вдругъ: и щигъ, и шлемъ, и мѣхъ косматый,
 И сбруи чешую, и кованныя латы;
 И страшень, страшень видъ несущихся дружинъ,
 Какъ гребни мощныхъ волнъ разгнѣванныхъ пучинъ.

IX.

Князь трокскій впереди; Ольгердъ съ нимъ мчится рядомъ;
 Ихъ бѣгъ неукротимъ и ночи темноту
 Они сверкающимъ пронизываютъ взглядомъ;
 Гудитъ могучій вѣтръ по мѣдному щиту,
 Подъемлетъ высоко коней густую гриву,
 Вдвигаетъ темный мѣхъ косматою волной,
 По шлемамъ княжескимъ стучитъ какъ по огниву
 И яростно зоветъ князей литовскихъ въ бой.

X.

За ними Наремундъ, князь пинскій, воинъ славный,
 И доблестный Монтевидъ, керновскій князь; спѣшатъ
 Могучіе сыны Литвы многодержавной,
 А съ ними князь Любартъ, Кейстута юный братъ.
 Всѣ дружно собрались на дерзкаго тевтона,
 Всѣ дружно привели полки своихъ дружинъ,
 Воинственныхъ борцовъ ихъ княжескаго трона,
 Ихъ княжескихъ лѣсовъ, селеній и равнинъ.

XI.

И врагъ не ожидалъ ночного нападенія.
 Онъ мирно пировалъ за чаркой круговой,
 Готовясь на зарѣ Кейстуту дать сраженье
 И вновь вѣнчать себя побѣдой боевой.
 И рыцари сидятъ вокругъ костровъ огромныхъ;
 Забрала подняты; суровыя черты
 Сверкаютъ при огнѣ и мѣдныя кресты,
 Какъ раны красныя, на ихъ одеждахъ темныхъ
 Зіяютъ и горятъ; отброшенъ тяжкій мечъ,
 И щитъ лежитъ у ногъ, и конь забыть на время,

И вѣтеръ бѣгъ коня, стучить о стремя стремя,
И смѣлая гремѣть за мѣдной чаркой рѣчь.

XII.

Графъ Винриксъ и Конрадъ сидятъ въ шатрѣ богатомъ
И съ ними, опершись на мечъ, сидитъ Куно;
Предъ ними на щитѣ блещетъ шварцвальдскимъ златомъ
Ковши тяжелые и рейнское вино,
Какъ цѣнный аметистъ въ литыхъ ковшахъ играетъ
И сердце веселитъ, и очи опьяняетъ.
И молвилъ графъ Конрадъ: „На этотъ разъ Кейстутъ,
„Попавши въ руки къ намъ, не убѣжить изъ плѣна,
„Клянусь, что самъ король и царственная Вѣна
„Надъ нимъ свой приговоръ и казнь произведутъ!“
„Къ чему намъ эта казнь?—промолвилъ графъ Винриксъ:—
„Намъ выкупъ можетъ быть полезнѣе безмѣрно,
„Пусть князь намъ Жмудъ отдастъ и онъ отдастъ навѣрно“...
Но рѣчь его прервалъ Куно, сѣдой старикъ,
Могучимъ опытомъ и славою вѣнчанный:
— „Довольно будетъ съ насъ одной добычи бранной,
„Отъ Жмуди трокскій князь не дастъ намъ ни клочка;
„Съ Кейстутомъ я знакомъ; клянусь, его рука
„И гордый духъ его сильнѣй оковъ темницы,
„Сильнѣе палача и тяжелой власницы...
„Онъ Жмуди не отдастъ, а будетъ онъ казненъ,—
„Повѣрьте, для его великихъ похоронъ
„Литва намъ принесетъ и месть, и разоренье,
„И пламенемъ пожретъ тевтонскія селеня“.
— „Не такъ ужъ намъ страшна кичливая Литва,—
Конрадъ остановилъ правдивыя слова:—
„Кейстутъ не страшенъ мнѣ, слаба его отчизна
„И не страшитъ меня языческая тризна“...
И громко крикнулъ графъ: „За нами будетъ Жмудъ!“
А Куно Либенштейнъ склонилъ чело на грудь.

XIII.

Конрадъ свой ковшъ поднялъ. Но вдругъ онъ весь блѣднѣетъ...
Желѣзная рука застыла на груди...
Сверкнулъ огонь въ очахъ... Живая рѣчь нѣмѣетъ...
И бросились къ нему тевтонскіе вожди;
И молвилъ графъ Винриксъ: „Графъ Цольнеръ, чтѣ съ тобою?“
И отвѣчалъ Конрадъ: „Я видѣлъ подъ грозою

„Блеснулъ литовскій щитъ и лѣсъ тяжелыхъ пикъ“...
 „Кейстуть, Кейстуть идетъ!“ раздался страшный крикъ.
 Громъ грянулъ... свѣтъ упалъ изъ тучи на равнину
 И ярко озарилъ литовскую дружину.

XIV.

Смятенье... стонъ и крикъ... Какъ грозный духъ войны,
 Графъ Цольнеръ на конѣ въ толпу тевтонъ ворвался;
 Пурпурный плащъ на немъ по вѣтру развѣвался,
 Черты его лица костромъ озарены...

— „Впередъ!— какъ мечъ, гремитъ Конрада кликъ побѣдный:—
 „За мной!“ И рыцари на мощный зовъ спѣшать,
 Стараясь на бѣгу одѣть свой панцырь мѣдный;
 Кто щитъ свой потерялъ, кто не отыщетъ латы;
 Кто, путаясь о мечъ, какъ тѣнь, по стану рыщетъ
 И борзого коня съ проклятіями ищетъ;
 А борзый конь храпитъ, о камень бьютъ копыта
 И стремяна звенятъ; а ярый вѣтръ сердито
 Смѣшалъ въ одинъ аккордъ: и звяканье мечей,
 И громкій крикъ бойцовъ, и ржаніе коней;—
 Такъ стая вороновъ, испуганныхъ орлами,
 Зловѣще каркаетъ и воздухъ бьетъ крылами.

XV.

Но тщетно графъ Конрадъ бойцовъ своихъ сзывалъ,
 А Винриксъ потрясалъ мечомъ окровавленнымъ;
 Князь трокскій налетѣлъ потокомъ разъяреннымъ,
 Рубя стальнымъ мечомъ испуганныхъ враговъ,
 Копьемъ пронзая грудь и страшною дубиной
 Свистя, какъ ураганъ, летящій надъ равниной,
 И сѣя по рядамъ и смерть, и стонъ, и кровь.

XVI.

— „За мной!.. впередъ!.. впередъ!“... шумъ битвы заглушая,
 Взываетъ графъ Конрадъ, литовцевъ поражая;
 Но мощный крикъ его смѣняютъ вопль и стонъ,—
 Какъ колосъ срѣзанный, валится съ ногъ тевтонъ.
 Вотъ Цольнеръ Ротенштейнъ отборную дружину
 Собралъ вокругъ себя и храброму литвину
 Навстрѣчу ринулся, ужасенъ и могучъ,
 Какъ яростный потокъ, летящій съ горныхъ кручъ.
 И вотъ, какъ исполинъ, сверкая гордымъ взглядомъ,
 Князь трокскій на конѣ стоитъ передъ Конрадомъ.

XVII.

И вздрогнулъ графъ Конрадъ, и тайное смятеніе
 Могуцій взоръ его на мигъ изобразилъ;
 Но поднялъ онъ свой мечъ въ порывѣ нетерпѣнья,
 Концы желѣзныхъ шпоръ коню въ бока вонзилъ,
 Конь взвился на дыбы и вотъ еще минута—
 И Цольнеръ налетѣлъ на храбраго Кейстута.
 Но медленнѣй Перунъ бросаетъ свой огонь,
 Чѣмъ мощный трокскій князь свое копьѣ бросаетъ:
 Раздался острый свистъ и вотъ Конрадовъ конь,
 Копьемъ пронзенный въ грудь, храпитъ и упадаетъ;
 Но Цольнеръ приподнялъ могучаго коня
 И снова шпоры далъ и снова конь ретивый,
 Облитый кровію, копытами звеня,
 Поднялся на дыбы, потряхивая гривой;
 И Цольнеръ, охвативъ руками тяжкій мечъ,
 Кейстута поразилъ съ размаху между плечъ...
 И пошатнулся князь... но кованныя латы
 Ослабили ударъ,—князь трокскій устоялъ...
 Еще мгновеніе,—онъ поднялъ щитъ косматый,
 Коня взвилъ на дыбы, въ руцѣ сѣкиру сжалъ,
 И не успѣлъ Конрадъ своимъ щитомъ прикрыться,
 Какъ племъ его разбить и кровь съ чела струится.
 И Цольнеръ застоналъ... Желѣзною рукой
 Онъ сбросилъ шлемъ съ чела и вновь спѣшить на бой,
 Но вѣрный конь подъ нимъ безсильно упадаетъ;
 Графъ ногу изъ стремянъ поспѣшно вынимаетъ,
 Подъемлетъ высоко изрубленный свой щитъ
 И съ поднятымъ челомъ въ призывный рогъ трубить.

XVIII.

И вотъ среди мечей, дубинъ и острыхъ пикъ
 Пробился на конѣ воинственный старикъ.
 Сѣдая борода серебряной волною
 Дробится по плечамъ; на кованномъ щитѣ
 Сверкаетъ графскій гербъ; насѣчкой золотомъ
 Украшенъ гордый шлемъ и въ бронзовомъ крестѣ
 На бѣлой мантии темнѣетъ вѣтвь оливы;
 Движенія старика и смѣлы, и красивы;
 И стараго Куно князь трокскій узнаетъ,
 И ринулся къ нему; мечомъ съ размаху бьетъ,

Но доблестный старикъ свой щитъ мечу подставилъ,
И сломанъ княжій мечъ, и мощною рукой
Графъ Куно Либенштейнъ копье свое направилъ,
И брошенная сталь вонзилась надъ щекой,
Пробивъ медвѣжій мѣхъ, и кровь струей пурпурной
Изъ раны потекла, какъ изъ священной урны.

XIX.

Но славный трокскій князь не падаетъ съ сѣдла.
Изъ раны вырвалъ онъ клинокъ окровавленный;
Изъ гордыхъ устъ его раздался крикъ мгновенный;
Онъ тяжкій мѣхъ сорвалъ съ могучаго чела;
Сѣкирой высоко взмахнулъ надъ головою,
Ударить въ бокъ коня недрогнувшей ногою
И бросился впередъ. Но поднялъ графъ копье,
И вновь оно какъ лучъ надъ княземъ засверкало,
Но вдругъ графъ поблѣднѣлъ... блестящее забрало
Пробило на челѣ стальное лезвіе,
Вонзилось въ лѣвый глазъ и съ кровью изъ орбиты
Онъ вытекъ на щеку... и рыцарь застоналъ...
Надъ нимъ, поднявши мечъ и кровью весь покрытый,
Любартъ, Кейстутовъ братъ, какъ духъ войны, стоялъ.

XX.

Бушуетъ ураганъ, и свищетъ, и реветъ...
Перуны въ небесахъ грохочутъ и сверкаютъ
И битвы страшный видъ съ нахмуренныхъ высотъ
Губительнымъ огнемъ злобѣще озаряютъ.
И льются къ небесамъ и крикъ, и лязгъ, и стонъ,
И крови смрадный чадъ, и вопль, и укоризна,
Какъ будто въ страшный часъ великихъ похоронъ
Свершается въ крови азычская тризна.

XXI.

Но сломанъ дерзкій врагъ. Израненный Кейстутъ
Преслѣдуетъ враговъ, бѣгущихъ на границу.
Измученъ трокскій князь; сбѣгаетъ на рѣсницу
Изъ черной раны кровь; чело крутое жгутъ
Глубокіе рубцы; но боли князь не слышитъ;
Торопитъ онъ коня; порывисто онъ дышетъ
И гнѣвомъ весь дрожитъ съ чела и до колѣнъ,
Конраду отомстить спѣшитъ Кейстутъ за плѣнъ.

XXII.

А Цольнеръ Ротенштейнъ, вахмуривъ мрачно брови,
 Послѣднимъ изъ тевтонъ несется на конѣ;
 На латахъ дорогихъ темнѣютъ пятна крови;
 Разбитый племъ его повиснулъ на спинѣ,
 И рѣжутъ грудь ему безславіе и раны
 И втоптаные въ кровь задуманные планы.
 Съ нимъ рядомъ графъ Куно; къ нему свой блѣдный ликъ
 Конрадъ оборотилъ и, полонъ думы черной,
 И голову склонивъ на панцырь свой узорный,
 Со вздохомъ произнесъ: „Да, ты былъ правъ, старикъ“...

XXIII.

Смирился ураганъ. Вотъ кроткій лучъ луны
 Пробился между тучъ на землю съ вышины
 И блѣднымъ саваномъ равнины видъ кровавый
 Печально озарилъ; и шумно надъ дубравой,
 Какъ туча, вороны злобѣщіе взвились
 И въ трупы хладные уродливо впились.
 Ужасный, дикій пиръ, достойный содроганья!
 И красокъ нѣтъ ему, нѣтъ словъ, нѣтъ описанья.

XXIV.

Несется князь Кейстутъ. Далекъ кровавый путь,
 А князя раны жгутъ и силы покидаютъ,
 Могучій взоръ очей туманы застилаютъ...
 Вотъ выпалъ мечъ изъ рукъ и медленно на грудь
 Склонилась голова...

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Кейстутъ и Бирута.

I.

Сверкаетъ яркій день. Какъ радужныя думы,
 По небу облака красивыя плывутъ
 И съ чуднымъ поясомъ божественной Лаумы ¹⁾
 И миръ, и благодать родной Литвы несутъ.

¹⁾ Поясъ Лаумы—радуга.

И все озарено: и холмъ, и лѣсъ, и доли,
 Все блещетъ, все полно избыткомъ красоты,
 Дарами Крумине и царственной Найолы ¹⁾.
 И колосья нивъ шумить, и шепчутся цвѣты,
 И жаворонокъ пѣснь, въ лазури утопая,
 Надъ нивой золотой поетъ, не умолкая.

II.

Какъ блестящій хрусталь въ оправѣ дорогой
 Изъ нѣжной бирюзы и лепестковъ лазури,
 Сверкаетъ и блеститъ спокойною волной
 Морская ширина, смирившись послѣ бури.
 И ласково бѣжитъ къ зеленымъ берегамъ
 Отъ плещущей волны манящая прохлада;
 И солнцемъ озаренъ стоитъ Праурны храмъ,
 Какъ величавая, священная громада,
 И дубы вокругъ него чуть шепчутся листвою
 И навѣвають миръ, молитву и покой.

III.

Но, чу! сквозъ легкій шумъ листвы боговѣнчанной
 Раздался тихій стонъ... Кто смѣлъ святой пріютъ
 Встревожить въ этотъ часъ? То славный князь Кейстутъ,—
 Онъ стонетъ, онъ лежитъ въ шатрѣ, страдая раной.
 И князя блѣдный ликъ въ себѣ изобразилъ:
 И пламя жгучихъ мукъ, и боль нѣмыхъ мученій,
 И чары красоты, и отблескъ юныхъ силъ,
 И тайную борьбу горячечныхъ видѣній.
 Разбитый мечъ его стоитъ у головы
 И латы княжія у ногъ его повисли.
 Безсиленъ гордый князь, краса родной Литвы,
 Чье имя славное отъ Нѣмана до Вислы,
 Отъ Вильны до глухихъ балтійскихъ береговъ
 И отъ могучихъ Трокъ до Муромскихъ лѣсовъ,
 Отъ Жмуди до Карпатъ, отъ Кіева до Пскова,
 Звучало, какъ бойца ударъ меча стального.

¹⁾ Крумине и Найола соответствуютъ греческимъ Церерѣ и Прозерпинѣ. Въ литовской мифологіи существуетъ сказаніе о томъ, какъ Полюсъ (богъ ада) похитилъ Найолу и увезъ въ подземный Прагарасть; какъ неутѣшная Крумине отыскала свою дочь на берегу Роси и затѣмъ по цѣлому свѣту; какъ Промѣивасъ объявилъ ей свою волю и утѣшилъ ее свиданіемъ съ Найолой.

IV.

Ольгердъ его принесъ въ таинственный пріютъ
 И брата поручилъ заботѣ жрицъ смиренной;
 И вотъ два дня лежитъ въ обители священной
 Въ нѣмомъ безпамятствѣ израненный Кейстутъ.
 Сквозь пологъ смотритъ день въ шатеръ уединенный
 На князя блѣдный ликъ, страданьемъ изнуренный,
 И тихо золотитъ и пурпурный покровъ,
 И надъ повязкою пробившуюся кровь,
 И шолкъ густыхъ кудрей, и барсовую шкуру,
 И жрицы молодой склоненную фигуру.

V.

Колѣни преклонивъ, въ мечту погружена,
 На блѣдныя черты могучаго Кейстута,
 Какъ призракъ неземной чарующаго сна,
 Глядитъ задумчиво красавица Бирута.
 Печаль въ ея глазахъ; горячія уста
 Молитвою полны; святое покрывало
 Съ прекраснаго чела, какъ облако, упало
 И цѣломудренно блистаетъ красота.
 И много скорбныхъ грезъ на юное чело
 Рукой холодною раздумье намело,
 И много чудныхъ глазъ живое выраженье
 Являетъ и любви, и тайнаго мученья; —
 Такъ блѣдная луна бросаетъ грустный взглядъ
 На умирающій пурпуровый закатъ.

VI.

И жаркія мечты рисуютъ передъ ней
 Таинственную ночь, залитую луною;
 Надъ моремъ, какъ вѣнецъ священныхъ янтарей,
 Сверкаетъ цѣпь свѣтилъ и съ нѣжною тоскою,
 Журча, бѣжитъ волна, о сонный берегъ дробясь,
 А передъ жрицею, съ мольбой склоня колѣни
 На озаренныя гранитныя ступени,
 Съ признаньемъ на устахъ Кейстутъ, литовскій князь!..

VII.

Бирута помнить все: и страсть его рѣчей,
 И гордое чело, склоненное съ мольбою,

Дыханье устъ его, огонь его очей,
 Движенья стройныя и жгучею тоскою
 Звучавшее „прости!“... И всё его слова
 Хранить она въ груди, какъ голосъ божества.

VIII.

И вспомнила опять мечтающая жрица
 Чарующую ночь, когда горячихъ грезъ
 Носилась передъ ней живая вереница
 Гирляндой изъ лилей, изъ жемчуга и розъ;
 Когда къ ней въ грудь проникъ изъ урны сновидѣній
 Божественный огонь восторженныхъ тревогъ,
 Когда ея уста, какъ пламя вдохновеній,
 Незримый поцѣлуй таинственно обжогъ;
 Когда горячій взоръ, любовью озаренный,
 Искаль знакомый взоръ, просили устъ уста,
 Когда она звала въ пріютъ уединенный
 Того, къ кому неслась крылатая мечта,
 Того, кто клялся ей съ такою страстью бурной,
 Того, кому она, вѣнчанная Праурной,
 Рѣшившись побѣдить священный гнѣвъ боговъ,
 Безумно отдала и душу, и любовь.

IX.

И вспомнила она глухую ночь борьбы.
 Холодный вѣтеръ вылъ; священные дубы
 Могучею листвою пророчески шумѣли,
 И тучи черныя нахмуренно глядѣли,
 И море, разъярясь, бросало грозный валъ
 Съ могучимъ рокотомъ на грудь прибрежныхъ скалъ.
 Бирута въ храмъ идетъ, ей въ эту ночь не спится,
 Тревогой грѣшныхъ думъ она удручена,
 И въ храмъ она спѣшитъ богинѣ помолиться,
 Какъ мраморъ чистыхъ урнъ прекрасна и блѣдна.
 И въ храмъ она вошла съ поникшей головою;
 Колѣни преклонивъ, она подѣмлетъ взоръ
 Къ нѣмому божеству съ горячею мольбою
 И ждетъ отъ божества свой тайный приговоръ.

X.

И молится она: „О, ты, чей лучъ священный
 „Родить отрадный миръ въ молящейся груди,

„Ты вѣчный смыслъ всего, огонь и жизнь вселенной,
 „Смири свой тайный гнѣвъ!.. Богиня, пощади!..
 „Прелей въ больную грудь струю живого свѣта,
 „Цѣлебную струю съ божественныхъ высотъ!..
 „Великъ мой тяжкій грѣхъ... Прости!..“ Но нѣтъ отвѣта,—
 Богини мертвый ликъ прощенія не шлетъ.
 „Недостижимая, покорно предъ тобою
 „Я грѣхъ свой принесла съ раскаяніемъ, съ мольбою...
 „Праурна, знаю я, что жизнь свою гублю,
 „Но пощади меня... богиня... я люблю...“

XI.

И обвила она горячими руками
 Подножье хладное нѣмого божества,
 И цѣломудренно-прекрасными слезами
 Согрѣла мраморъ плоть; склонилась голова
 На стонущую грудь и, вся полна смиренья,
 Бирута тайно ждетъ небеснаго прощенья,
 Но въ храмѣ тишина... безжизненъ истуканъ,
 И жертвенникъ молчить, и Знича пламень блѣдный
 Угрюмо золотить узоръ рѣшетки мѣдной
 И юной грѣшницы съ мольбой склоненный станъ.

XII.

„Великая, зачѣмъ ты смотришь такъ сурово, —
 Звучить у алтаря мольба Бируты снова:—
 „Ужели вѣчный свѣтъ погасъ въ твоихъ очахъ,
 „Скажи, ужель въ тебѣ изсякъ огонь прощенья?..
 „О, пощади меня... прими мое моленье,
 „Прими слезу мою, прими мой робкій страхъ!..
 „О, неизмѣнная, нѣтъ силъ... душа нѣмѣетъ,
 „А мысль безуміемъ и мукою полна...
 „Огонь преступныхъ чаръ мечтой моей владѣетъ...
 „Я гибну... пощади!.. (заплакала она)
 „О, пощади мой стыдъ... дай силу обновленья...
 „Хочу я навсегда служить тебѣ рабой...
 „Богиня, я слаба... я жду въ тебѣ спасенья...
 „О, пощади меня!.. О, сжапись надо мной!..“

XIII.

„Но ты молчишь!.. За чтѣ, за чтѣ молчишь, Праурна?“
 Поднявши гордо ликъ, торжественно и бурно,

Бирута, побѣдивъ мольбу души своей,
 Взываетъ къ божеству, стоящему предъ ней:
 „За чтò? За то, что я безумно полюбила!..
 „За то, что взоръ его восторгъ во мнѣ родилъ...
 „За то, что молодость молитву побѣдила,
 „А юность обожгла въ груди дремавшій пылъ?..
 „Богиня, пощади!.. Не я тому виною,
 „Что жизнь во мнѣ кипитъ горячею волною!..
 „Ты юность мнѣ дала, дала мнѣ жизнь и свѣтъ,
 „Вложила мнѣ въ уста торжественный обѣтъ,
 „И въ храмъ свой привела, и розами вѣнчала...
 „И вотъ теперь не ты ль любовь ко мнѣ послала?..
 И вдругъ ей грезится, что съ ласкою нѣмой
 Богиня ей слегка кивнула головой...

. . . . .

XIV.

И вотъ могучій князь, вѣнецъ ея любви,
 Тюремщикъ думъ ея, кумиръ мечты влюбленной,
 Теперь лежитъ предъ ней больной, изнеможенный,
 Въ жару мучительномъ, въ страданіяхъ, въ крови...
 Душа ея болитъ... Рукою вѣроломной
 Его не пощадили завистливый тевтонъ;
 И вотъ она глядитъ на князя съ грустью томной,
 И поняла она, какъ сталъ ей дорогъ онъ...
 И нѣжно такъ горитъ прекрасный взоръ любовью...
 И вотъ она, какъ тѣнь, склонилась къ изголовью
 И мраморъ блѣднаго, любимаго чела
 Устами жаркими впервые обожгла.

XV.

И отшатнулась вдругъ, блѣдна, какъ вешній цвѣтъ,
 И встрепенулась вся, и взоръ ея блуждаетъ...
 Ей душно... кровь кипитъ... съ груди она срываетъ
 Богами данный ей янтарный амулетъ...
 Беретъ кувшинъ съ водой и пьетъ неудержимо,
 Волшебной жаждою старая нестерпимо...
 Уходить изъ шатра и вновь бѣжитъ въ шатеръ,
 И на Кейстута вновь бросаетъ страстный взоръ...
 Склоняется надъ нимъ... зоветъ его... рыдаетъ...
 И вдругъ къ его лицу свое лицо склоняетъ:
 „Кейстутъ, Кейстутъ... проснись! Бирута здѣсь съ тобой...
 „Кейстутъ, не умирай... вѣдь я твоя... ты мой!..“

XVI.

Кейстуть открылъ глаза и снова ихъ закрылъ,
 И блѣдныя уста промолвили: „Бирута...
 „Я слышалъ голосъ твой... мнѣ слухъ не измѣнилъ...“
 И снова князь замолкъ... Прошла еще минута
 И взоръ его блеснулъ сознаніемъ живымъ,
 И видѣть трокскій князь склоненное надъ нимъ
 Прекрасное лицо давно любимой жрицы,
 Бируты молодой, мечты его царицы!
 И блѣдный ликъ его вдругъ вспыхнулъ, какъ заря,
 И руку поднималъ князь, забывъ и боль, и муки,
 И молвилъ: „Дочь Юры ¹⁾, о, какъ изъ алтара
 „Проникла ты ко мнѣ?.. Ужели дни разлуки
 „Съумѣли побѣдить гордыню чувствъ твоихъ!..“
 И снова князь взодохнулъ глубоко и затихъ...

XVII.

А жрица, поблѣднѣвъ, отъ ложа отошла,
 Набросила на грудь святое покрывало,
 И робость тайная, какъ тучка, набѣжала
 На мраморъ дѣвственно-прекраснаго чела,
 И грудь ея полна тревоги и огня,
 И, робко нѣжный взоръ на княжій ликъ склоня,
 Она задумалась... Исполнены значенья,
 Мелькаютъ передъ ней крылатыя мгновенья...
 И вотъ промолвилъ князь: „Бирута, гдѣ же ты?..
 „Зачѣмъ тебя мой взоръ не видитъ предъ собою,
 „Какъ воплощеніе небесной красоты?..
 „Скажи, ужели мнѣ назначено судьбою
 „Всю жизнь тебя молить и слышать каждый разъ
 „Одинъ безжалостный, мучительный отказъ!..
 — „Нѣтъ... нѣтъ, могучій князь!..“ Бирута отвѣчала
 И, къ ложу подойдя, на грудь къ нему упала...

. . . . .
 . . . . .

¹⁾ Юра—богиня моря. За любовь ея къ простому рыбаку Перкунь разрушилъ ея подводный замокъ и обломки этого замка были выброшены на берегъ въ видѣ алтара.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Въ храмъ богини Праурны.

I.

Божественная ночь! Нѣтъ красокъ, нѣтъ пера
 Хоть слабо описать весь блескъ ея наряда;
 Онъ будто сотканъ весь изъ нитей серебра
 И чашечекъ лилей. Какъ грустная наяда,
 Невидимо сбѣжавъ съ безмолвной вышины,
 Луна купается на днѣ морской волны,
 И звѣзды вкругъ нея таинственно ныряютъ
 И въ яркую парчу все море наряжаютъ,
 И, гордое, оно торжественно блеститъ,
 Какъ царственныхъ боговъ неотразимый щитъ.

II.

Спокойно спать земля. Таинственные сны
 Невидимо надъ ней сплетаютъ хороводы
 И ласково глядятъ въ прекрасный ликъ природы,
 Одѣтой въ нѣжный цвѣтъ мечтательной весны.
 Въ такую ночь любовь цвѣты свои бросаетъ
 На ложе юности невидимой рукой
 И сладостно зоветъ, и трепетно толкаетъ:
 Къ истомѣ пылкихъ грезъ, къ волнѣ береговой,
 Въ живую сѣнь дубравъ, въ душистую аллею,
 Гдѣ шепчутся съ листвою загадочные сны,
 Къ лѣсному озеру, гдѣ томную лилею
 Всю ночь цѣлуетъ лучъ мечтательной луны;
 Зоветъ изъ душныхъ стѣнъ на грудь живой природы,
 Гдѣ чувствуетъ душа дыханіе свободы,
 Гдѣ нѣжится мечта, гдѣ царствуетъ любовь
 И въ пѣснѣ соловья, и въ шелестѣ дубовъ.

III.

Не спится въ эту ночь за крѣпкою стѣной
 Въ пріютѣ юныхъ жрицъ божественной Праурны;
 Невольно возмущенъ ихъ дѣвственный покой.
 Забыто божество и жертвенныя урны,
 Забытъ священный храмъ, забытъ крылатый сонъ...
 Какъ жаркій поцѣлуй, огонь воспоминаній

Въ нихъ дѣвственной груди родить тоску желаній,
 И жажду чудныхъ нѣгъ, и томный вздохъ и стонъ...
 И юность жаркая мечтой неотразимой
 Рисуешь чудный міръ загадочно-незримый,
 И сладостно спѣшитъ обласканная грудь
 Въ истомѣ пылкихъ грезъ блаженно потонуть.
 Такъ звѣзды въ часъ ночной спѣшать волнѣ отдаться,
 Чтобъ снова на зарѣ печально съ ней разстаться.

IV.

Въ гранитное окно широкой полосой
 Ворвался свѣтъ луны съ прохлагою душистой
 И ласково зоветъ мечтательный прибой
 Затворницъ молодыхъ сойти на берегъ кремнистый,
 Чтобъ жаркія мечты повѣдать въ тишинѣ
 И звѣздамъ золотымъ, и плещущей волнѣ.
 Но тихо за стѣной. Задумчивы и кротки,
 Какъ привидѣнія, у мраморныхъ колоннъ
 Лежать, погибшія для свѣта, вайделотки,
 Какъ передъ тризною печальныхъ похоронъ...
 Имъ душно... манить ночь... томительно, не спится,
 Имъ хочется любить и къ жизни возвратиться...

V.

И вотъ, склонивъ чело, въ вѣнцѣ изъ блѣдныхъ розъ,
 Какъ геній юности, изъ мрачнаго пріюта
 Выходитъ на берегъ красавица Бирута
 Въ истомѣ сладостной неотразимыхъ грезъ.
 Какъ чуденъ ликъ ея! Румяныя мечты
 Сплели ему вѣнецъ волшебной красоты;
 Звѣздою блещетъ взоръ; горячія ланиты
 Живыми розами плѣнительно покрыты;
 Истома на устахъ и, нѣгою полна,
 Трепещетъ грудь ея, какъ зыбкая волна.
 Такую красоту великій Сотворосъ ¹⁾
 Создалъ изъ лепестковъ живыхъ дунгусскихъ ²⁾ розъ
 И, сотворивъ ее, восторгомъ пораженный,
 Взглянулъ въ ея лицо и палъ предъ ней влюбленный.

¹⁾ Сотворосъ—одно изъ главныхъ божествъ литовской мифологіи.

²⁾ Дунгусъ—божественный садъ, въ которомъ обитали боги.

VI.

И вотъ она стоитъ надъ плещущей волной,
 И взоръ ея горитъ, и слышится ей тайно,
 Что свѣтлая волна поетъ Милеймо-Дайна ¹⁾,
 И пѣсня жжетъ ее истомой огневой,
 И въ пѣснѣ слышенъ ей восторгъ знакомой рѣчи...
 И носятъ предъ ней любимыя черты...
 И жаждетъ грудь ея давно-желанной встрѣчи
 Съ кумиромъ думъ ея, съ царемъ ея мечты.
 И руки бѣлыя Бирута простираетъ
 Къ живому призраку, стоящему предъ ней;
 Она ему любовь и ласку обѣщаетъ,
 И ложе чистое, и страсть души своей...

VII.

И вотъ, полна любви, восторга и томленья,
 Прекрасна, какъ въ звѣзду влюбленная весна,
 Дочь Видымунта вдругъ заплѣла... Греза сна
 Ея заслушалась, какъ звуковъ вдохновенья;
 Казалось, и волна забыла лунный блескъ,
 И призадумалась и укротила плескъ.

Мчится Каунисъ издалека,
 Гдѣ весь годъ луга цвѣтутъ,
 И сказалъ мнѣ рѣзвый карликъ,
 Что воюетъ тамъ Кейстутъ;

Что съ добычею богатой
 Онъ прїѣдетъ на конѣ.
 Ахъ, прошу, малютка-Каунисъ,
 Возврати его ты мнѣ!

Ты возьми его на крылья
 И живымъ ко мнѣ домчи!
 Мнѣ милы его объятъ,
 Не хочу его парчи ²⁾.

¹⁾ Милеймо-Дайна—пѣсни любви.

²⁾ Пѣсня эта—почти буквальный переводъ литовской пѣсни о Каунисѣ, литовскомъ Амурѣ.

VIII.

Далеко въ тишинѣ плѣнительные звуки
Летятъ, колышутся на крыльяхъ вѣтерка,
Въ нихъ слышится печаль томительной разлуки,
Въ нихъ слышится любовь, въ нихъ слышится тоска.
Но вотъ иной напѣвъ тревожный и ревнивый
Смѣнилъ напѣвъ любви; какъ стонъ въ тиши ночной,
Какъ вопль больной души влюбленной и тоскливой,
Раздался тотъ напѣвъ надъ зыбкою волной:

Какъ мѣсяцъ женился на солнцѣ,
Настала впервые весна...
И солнце проснулось съ улыбкой
Отъ перваго брачнаго сна.

А мѣсяцъ земли устыдился
И въ дальнее небо уплылъ,
И страстно въ денницу влюбился,
И свѣтлое солнце забылъ.

Перкунъ всколебалъ небосводы
И мѣсяцъ разсѣлъ пополамъ,
За то, что онъ солнце повинулъ
И бродить одинъ по ночамъ ¹⁾.

IX.

И голову склонивъ, замолкла вайделотка.
Послѣдняя дрожить ласкающая нотека
Тамъ гдѣ-то за холмомъ, въ таинственной дали,
Гдѣ сосны разговоръ со звѣздами вели;
Но тихо и она, какъ греза, пропадаетъ
И снова тишина покой восстанавлиетъ.
Все тихо. Море спитъ и дышетъ въ грезахъ сна;
Жемчужной чешуей скользить по немъ луна;
Купается въ волнахъ Капелла ²⁾ золотая,
Перкунова коза, блестящій Оріонъ ³⁾,
Хранящій сѣнокошъ, таинственно мерцающій,
Въ объятіяхъ волны любовно заключенъ,

¹⁾ Заимствовано изъ литовскихъ пѣсень.

²⁾ Литовцы знали много созвѣзій и давали имъ особныя названія, такъ: Капелла — Перкунова коза, а также „несущая кушанья“.

³⁾ Оріонъ — сѣнокошная звѣзда, хранитель сѣнокоса.

И нѣжнымъ поясомъ, блестящимъ какъ лилея,
На лоно водъ сошла съ небесъ Кассіопея ¹⁾).

Х.

Молчить Праурны храмъ, таинственъ и угрюмъ,
Подъ мрачной тяжестью невысказанныхъ думъ,
Молчить, какъ вѣщій жрецъ, поникнувшій главою,
Внимающій богамъ пророческой душою.
А жрица все стоитъ надъ гладью сонныхъ волнъ
И тихо въ даль глядитъ, нѣма какъ изваянье,
Какъ будто ждетъ она давно желанный чолнъ,
Съ любимымъ юношей отраднaго свиданья.
Такъ ива въ часъ ночной стоитъ надъ лономъ водъ
И ждетъ задумчиво пурпуровый восходъ.

XI.

Не мало дней прошло безстрастной чередой
Съ тѣхъ поръ, какъ трокскій князь изъ мирнаго пріюта
Далеко усакалъ на Нѣманъ въ грозный бой
Съ дружиной храброю безславнаго Евнута.
Давно могучій братъ, державный кривскій князь,
Кейстута торопилъ къ задуманному плану ²⁾,
И къ брату братъ спѣшилъ, забывъ и боль, и рану,
Съ любимой дѣвою не-на-долго простясь.
Онъ обнялъ горячо красавицу Бируту:
„Я скоро возвращусь, ты жди меня къ веснѣ...
„Не бойся никого и помни обо мнѣ...“
Сказалъ,—и за холмомъ исчезъ черезъ минуту.
Но вотъ убралъ поля природы вѣшній цвѣтъ,—
Бирута князя ждетъ, а князя нѣтъ и нѣтъ.

XII.

И къ храму обратясь съ горячею слезою,
Бирута молится:— „О, ты, чей вѣчный ликъ
„Смиренной грѣшницѣ является порою
„Въ молитвѣ пламенной и кротокъ, и великъ!
„Ты, добродѣтелю назвавшая смиренье,
„Всепознающая,—прими мою мольбу!..

¹⁾ Кассіопея—звѣзда пояса.

²⁾ Ольгердъ и Кейстутъ задумали свергнуть виленскаго князя Евнута, что они и сдѣлали, и на великокняжескій литовскій престолъ сѣлъ Ольгердъ, а Евнутъ получилъ Заславъ минскій.

„Прими тоску мою, прими мои мученья,
 „Услышь, великая, услышь свою рабу!..
 „Ношу я грѣхъ въ себѣ, тяжелый какъ страданье...
 „Но, чудная, надъ нимъ душой я не властна...
 „Я... я люблю его, какъ первый лучъ сознанья...
 „Я... я люблю его!.. и вотъ моя вина!..
 „Казни меня... убей огнемъ твоей десницы
 „И въ сердцѣ загаси любви безумный пылъ!
 „Онъ побѣдилъ во мнѣ обѣтъ смиренной жрицы,
 „Но, безконечная, бороться съ нимъ нѣтъ силъ!..
 „Казни меня... убей!.. Но ты, святая сила,
 „Родительница солнцъ, созвѣздій и міровъ,
 „О, сохрани того, кого я полюбила,
 „Невидимо его прими подъ свой покровъ!..
 „О, сохрани его среди кровавой битвы...
 „Онъ чистъ передъ тобой... его ты пощади!..
 „О, неизмѣнная, услышь мои молитвы,
 „Мои рыданія и стонъ больной груди!..“

XIII.

И видитъ вдругъ она: на страстный вопль моленья,
 Какъ призракъ, вызванный изъ гроба божествомъ,
 Явился силуэтъ ночного привидѣнья,
 Въ широкой мантии, съ повязкой надъ челомъ.
 Высокій и худой, съ блестящей бородою,
 Тайнственный пришлецъ къ Бирутѣ подходилъ;
 Подъ бровью сдвинутой онъ сумрачно таилъ
 Зловѣщій приговоръ надъ жрицей молодою.
 И жрица вздрогнула... въ устахъ нѣмѣетъ звукъ,
 И взоръ изобразилъ мучительный испугъ,
 И, вся окаменѣвъ, блѣдна какъ покрывало,
 Въ безмолвномъ ужасѣ красавица стояла.

XIV.

„Бирута!—какъ изъ нѣдръ таинственныхъ міровъ,
 Надъ жрицею звучитъ торжественное слово,
 „Бирута!—вѣчный духъ недремлющихъ боговъ
 „Привелъ меня къ тебѣ; я жрецъ огня святого,
 „Хранитель вѣчныхъ тайнъ и правды бытія,
 „Избранныкъ истины, Криве-Кривейто я!“

XV.

Какъ полевой цвѣтокъ, подрѣзанный жнецомъ,
 Съ душистаго стебля на землю упадетъ,
 Такъ дѣва юная, сраженная жрецомъ,
 Въ невольномъ ужасѣ колѣни преклоняетъ.
 И жрецъ надъ ней стоитъ съ приподнятой рукой,
 Какъ духъ проклятiя надъ грѣшною душой,
 Какъ призракъ совѣсти, какъ геній наказанья,
 Несущій за грѣхи и муки, и страданья.

XVI.

„О, дочь погибшая несчастнаго отца!—
 „Звучать надъ дѣвою проклятiя жреца.—
 „Клятвопреступница!.. Святую грань закона
 „Переступившая безумiемъ своимъ,
 „Въ грѣхѣ сожженная какъ въ пламени дракона,
 „Внимай, безумная, внимай словамъ моимъ!..
 „Я знаю все!.. Твой грѣхъ открылъ мнѣ дубъ священный...
 „Тебѣ не утаить твоей души презрѣнной!..
 „Преступную любовь пригрѣла ты въ груди
 „И не молитвою, а жаждою лобзанья
 „Горять твои уста... О, живое созданье,
 „Ты любишь смерть свою!..“

Бирута.

О, сжапись!.. Пощади!..

О, пожалѣй меня!..

Жрецъ.

Безумству нѣтъ прощенья!

Бирута.

Не проклинай меня!..

Жрецъ.

Грѣху пощады нѣтъ!

Ты не сдержала свой торжественный обѣтъ
 И небо вѣчныя сулитъ тебѣ мученья!..
 На камнѣ жертвенномъ отмѣченъ твой позоръ
 Огнемъ божественнымъ Перкунова сіянья
 И высшій надъ тобой свершился приговоръ,
 И я пришелъ сюда исполнить наказанье!..

XVII.

Какъ молотъ ¹⁾ пламенный въ десницѣ божества
Гремятъ надъ дѣвою безстрастныя слова:

„Ты жертвенный вѣнецъ позоромъ омрачила,
„Ты грязи предала святой уборъ чела...
„Безумная, кому, кому ты измѣнила!..
„Презрѣнная, кому ты Бога предала?..
„Кому?.. Земной тщетѣ, разврату, посрамленью,
„Грѣху, безумію, обману, гнусной лжи,
„Коварству, клеветѣ, измѣнѣ, преступленью
„И сладострастію, и похоти души!..
„О, горе, горе—страхъ утратившей гордынѣ,
„Забывшей жертвенникъ карающей богини!..
„О, горе, горе ей, поправшей свой обѣтъ,
„Ей нѣтъ спасенія, ей оправданья нѣтъ!..“

XVIII.

И жрецъ съ нея сорвалъ святое покрывало,
Сорвалъ съ ея чела живой вѣнокъ изъ розъ,
И въ храмъ ее повелъ... Безъ жалобы, безъ слезъ
Бирута шла за нимъ... И что-то ей шептало,
Что снова не видать ей трепетной луны,
И этихъ чудныхъ звѣздъ, глядящихъ съ вышины,
И моря гордаго, возлюбленного моря,
Свидѣтеля ея завѣтныхъ думъ и грѣзъ,
И дѣвственной любви, и дѣвственного горя,
И цѣломудренно пролитыхъ ею слезъ...
И къ морю грустный ликъ Бирута обратила
И взоръ ея блеснулъ горячею слезой:
„Прощай, мой лучший другъ!—она проговорила:—
„Прощай!.. Не жди меня къ волнѣ береговой...
„Я не приду къ тебѣ ужъ больше на свиданье.
„Повѣдать въ тишинѣ и слезы, и страданья...
„Прощай!.. Не жди меня... не возвращусь я вновь...
„Я ухожу на вѣкъ отъ милыхъ береговъ!..“

XIX.

Заплакала она... Такъ жизнь ее манила,
Такъ звѣзды ласково глядѣли съ высоты...

¹⁾ Перкунъ изображался у литовцевъ съ молотомъ въ рукѣ.

Ей такъ хотѣлось жить!.. Такъ міръ она любила
 Со всею страстію восторженной мечты!..
 И вспомнила она того, кто на мгновенье,
 Какъ лучъ, блеснулъ надъ ней... и скрылся... и забылъ...
 Кто страстной ласкою въ ней душу погубилъ
 И тайно ей принесъ и слезы, и мученья...
 „Прости, Кейстутъ, прости!.. Бируту вспоминай...
 „Она идетъ на казнь, за то, что полюбила...
 „Да, я люблю тебя!.. Я все тебѣ простила...
 „И смерть мнѣ не страшна... Прощай, Кейстутъ, прощай!..“
 И въ храмъ она вошла...

XX.

Покой богохранимый
 Царить въ святилищѣ. Торжественно горить
 На жертвенныхъ камняхъ огонь неугасимый
 И дымный свѣтъ его таинственно скользитъ
 По бронзовымъ чертамъ нѣмого истукана.
 Угрюмо божество; какъ пламенная рана
 На бронзовую грудь ложится красный бликъ;
 Безстрастные глаза полны зловѣщей тьмою
 И тѣнь огромная угрюмой полосой
 Ложится на гранить... Загадоченъ и дикъ
 Праурны мрачный храмъ въ часъ полночи глубокой;
 Онъ въ мракъ таинственный безмолвно погруженъ
 И только нѣжный лучъ луны сереброокой
 Ложится призракомъ по мрамору колоннъ.
 И страшно, страшно въ немъ...

XXI.

Какъ ночи привидѣнье,
 Склонился вѣщій жрецъ предъ жертвеннымъ огнемъ,
 А рядомъ съ нимъ блѣдна, какъ кроткій духъ смиренья,
 Склонилась грѣшница... Казимъ-то мрачнымъ сномъ
 Крадется тишина, и слышится въ ней какъ будто
 Свой тайный приговоръ красавица Бирута.
 Вотъ жрецъ дотронулся дрожащею рукой
 Подножья хладнаго богини неизмѣнной
 И вѣтвь дубовую на жертвенникъ святой
 Съ молитвой возложилъ, и вспыхнулъ огонь священный
 И глухо затрещалъ, и запахъ смоляной
 Разлился надъ огнемъ удушливой струей.

XXII.

Пылаетъ ликъ жреца. Онъ страшенъ, какъ пророкъ,
 Карающій огнемъ божественнаго слова;
 И вотъ, поднявъ чело, торжественно-сурово
 Смиреной грѣшницѣ Криве-Кривейто рѣкъ:
 „Узнай, безумная,—ты здѣсь стоишь предъ богомъ!..
 „Онъ мнѣ вложилъ въ уста свой пламенный глаголь...
 „Я—воля божества! Безсмертнымъ Свенторогомъ
 „Дана мнѣ власть судить, и я судить пришелъ.
 „Рѣшай, преступница: холодное забвенье
 „Спасетъ тебя отъ мукъ,—забудь любовь, забудь,
 „Вернись въ святой пріютъ на вѣчное служенье
 „Огню священному и снова жрицей будь!
 „Убей глухую страсть святымъ огнемъ моленья,
 „Исторгни изъ груди любимыя черты...
 „Забудь, забудь его, какъ грѣшное видѣнье,
 „Какъ призракъ роковой, безумной суеты...
 „Забудь его, забудь!.. Но если пламень бурный
 „Твой мозгъ испепелилъ, когда его забыть
 „Безсилна грудь твоя, тогда мечемъ Праурны
 „Я призванъ кровь твою на жертвенникъ пролить...
 „Рѣшай!..“

XXIII.

Въ рукѣ жреца сверкнулъ клинокъ зловѣщій
 И Зничъ нарисовалъ пурпурный слѣдъ на немъ.
 Какъ демонъ пламенный стоитъ кудесникъ вѣщій
 И взоръ его горитъ сжигающимъ огнемъ:
 „Рѣшай, безумная, твоимъ рѣчамъ я внимлю!..“

XXIV.

Безмолвная, какъ ночь царившая кругомъ,
 Какъ чудная звѣзда, упавшая на землю,
 Бирута блѣдная, съ поникнувшимъ челою,
 Стоитъ задумчиво... Тяжелыя мгновенья,
 Какъ змѣи, передъ ней таинственно ползутъ...
 Огонь въ ея душѣ... Ужасное рѣшенье
 Застыло на устахъ... Ей страшно... Сердце жгутъ
 Несокрушимыя, могучія волненья...
 Вотъ вздрогнула она... вотъ взоръ ея очей
 Скользнулъ по лезвію... Бирута поблѣднѣла...

Задумалась на мигъ.. И вдругъ спокойно, смѣло,
Поднявъ прекрасный ликъ, промолвила: „убей!..“

XXV.

И жрецъ взмахнулъ ножемъ...

.....

XXVI.

Ужасная минута!

Въ ней вѣчность, жизнь и смерть мучительно слились.
Но вдругъ раздался крикъ: „Злодѣй, остановись!“
И вѣщій жрецъ дрожить и узнаетъ Кейстута.
Какъ призракъ божества, съ пылающимъ лицомъ
Могучій троевскій князь предсталъ передъ жрецомъ
И казнь остановилъ, поправъ въ одно мгновенье
Святую власть жреца и высшее рѣшенье.

XXVII.

Бирута спасена. Борьба пережитая
Сверкаетъ на челѣ страдальческимъ вѣнкомъ;
Но вотъ, какъ солнца лучъ, улыбка неземная
Блеснула на устахъ алмазнымъ лепесткомъ.
Въ лазури чудныхъ глазъ, гдѣ жизнь переплетала
Молитву и печаль, и ужасъ, и любовь,
Горячая слеза, какъ жемчугъ, засверкала
И сила юности въ очахъ блеснула вновь.
Такъ роза нѣжная, сраженная грозой
Встрѣчаетъ солнца лучъ жемчужною росой
И въ чистыхъ лепесткахъ несетъ блаженно вновь
Горячему лучу надежду и любовь.

XXVIII.

И поднялъ жрецъ чело, и гнѣвомъ взоръ сверкаетъ,
И ножъ въ рукѣ дрожить, и грозно съ блѣдныхъ губъ
Потокомъ яростнымъ глухая рѣчь сбѣгаетъ,
И страшенъ вѣщій жрецъ, какъ въ бурю мощный дубъ.
„Безумецъ! какъ ты смѣлъ приблизиться къ богинѣ
„И стать судьей боговъ! Не мнишь ли ты въ гордынѣ
„Безумно преступить законы божества,
„И тайны вѣчныя, и вѣчныя права,

„Мнѣ небомъ данныя! Не мнишь ли, дерзковенный
 „Мой судъ остановить гордынею любви!
 „О, жалкій сынъ грѣха, преступный и надменный,
 „Бѣги отъ алтаря и бога не гнѣви!“

КЕЙСТУТЬ.

Прости, великій жрецъ, и знай, что въ этотъ храмъ
 Пришелъ я не судить, не надъ тобой глумиться,
 Пришелъ я съ дѣвою на вѣкъ соединиться...
 Знай, я люблю ее и небу не отдамъ! —
 И вотъ онъ нѣжный взоръ на грѣшницу бросаетъ
 И страстно передъ ней колѣно преклоняетъ:
 — Дивно-прекрасная, — воскликнулъ онъ, — рѣшай:
 Или за мной иди, или на вѣкъ прощай!

ЖРЕЦЪ.

Рѣшай, презрѣнная, дерзнешь ли безъ боязни
 Святую власть боговъ въ безуміи забыть!
 Или ты мнишь уйти отъ бога и отъ казни —
 Такъ знай, погибшая, что этому не быть!
 Великъ Перкуновъ гнѣвъ и месть его жестока!
 Лукавый твой языкъ онъ стрѣлами пронзитъ,
 И грудь испепелитъ, и дерзостное око
 Тяжелой слѣпотой на вѣки поразитъ.
 Рѣшай!

XXIX.

И жрецъ, и князь тревожно ждутъ отвѣта.
 Все тихо... слышенъ стукъ трехъ пламенныхъ сердецъ:
 Мгновенія бѣгутъ... Вотъ робкій лучъ разсвѣта
 Упалъ на грѣшницу, какъ призрачный вѣнецъ...
 Бирута вздрогнула... къ окошку обернулась...
 На небѣ мѣсяцъ млѣлъ и алая заря
 Съ призывной ласкою ей кротко улыбнулась
 И звала грѣшницу къ себѣ отъ алтаря,
 И вновь на истуканъ Бирута взоръ бросаетъ...
 Задумалась... дрожать... блѣднѣть... На устахъ
 Молитва вспыхнула, и взоръ изображаетъ
 Тревогу жгучую, страданіе и страхъ.
 Опять скользнулъ по ней румяный лучъ денницы,
 И снова вздрогнула Бирута, какъ тростникъ...
 Мгновенный огонекъ сверкнулъ изъ-подъ рѣсницы...
 Румянецъ на щекахъ затеплился на мигъ

И трепетно погасъ... Еще прошла минута...
 И жрецъ, и трокскій князь въ тревогѣ тайной ждуть...
 И вотъ, вся заалѣвъ, воскликнула Бирута:
 „Нѣтъ... нѣтъ... я жить хочу!.. возьми меня, Кейстутъ!..“

XXX.

И князь схватилъ ее въ могучія объятья
 И на коня спѣшить, а жрецъ бросаетъ вслѣдъ
 Неумолимая, ужасная проклятья!..

. . . . .

XXXI.

На небѣ, какъ любовь, румянился разсвѣтъ.

. . . . .

М. Липкинъ.

НОВЫЙ ИСТОРИКЪ

ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ

H. von Sybel, Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I. München und Leipzig, 1889. B. 1 und 2.

Сочиненіе Зибеля появилось въ свѣтъ весьма кстати. Германская имперія вступаетъ, повидимому, въ новый періодъ своего существованія. Первый императоръ сошелъ въ могилу; первый имперскій канцлеръ оставилъ политическую сцену. Вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами измѣняются и стремленія, и задачи. Для основанія имперіи, какъ и для ея основателей, настаетъ или настало потомство. Конечно, представителемъ этого потомства Зибеля назвать нельзя. Современникъ и, до нѣкоторой степени, участникъ описываемыхъ имъ событій, онъ относится къ нимъ иногда не съ безпристрастіемъ историка, а съ увлеченіемъ публициста; но драгоцѣнные матеріалы, находившіеся въ его распоряженіи — ему были открыты, по приказанію Бисмарка, всѣ акты и бумаги, хранящіеся въ прусскихъ государственныхъ архивахъ и въ прусскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — могутъ сдѣлаться исходной точкой дальнѣйшихъ изслѣдованій, болѣе объективныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, кромѣ официальныхъ документовъ, Зибель пользовался и устными сообщеніями Бисмарка; можно предположить, что онъ слышалъ кое-что и отъ самого императора, памяти котораго посвящена его книга. Въ сравненіи съ прежними сочиненіями Зибеля, „Основаніе германской имперіи“ представляется нѣсколько безцвѣтнымъ — отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ автора, почти пол-

вѣрка трудящагося въ области исторической науки, отчасти вслѣдствіе самаго характера источниковъ, изъ которыхъ преимущественно черпалъ Зибель. Чтобы справиться съ массой матеріала, и безъ того разросшагося до нѣсколькихъ обширныхъ томовъ, Зибелю пришлось ограничиваться, въ большинствѣ случаевъ, протоколами министерскихъ совѣщаній, депешами посланниковъ, записками или представленіями высокопоставленныхъ лицъ, рѣдко обращаясь къ парламентскимъ преніямъ, газетнымъ или журнальнымъ статьямъ, рассказамъ очевидцевъ и т. п. Отсюда нѣкоторое однообразіе тона и колорита, еще болѣе усиливаемое служебною ролью, на которую обрекаетъ себя историкъ. Онъ не столько владѣетъ своимъ предметомъ, сколько подчиняется ему, долго останавливаясь на томъ, о чемъ много сохранилось свѣдѣній въ архивахъ—и наоборотъ. Одноцвѣтными выходятъ, болѣею частью, и портреты дѣйствующихъ лицъ. Нельзя сказать, чтобы Зибель сознательно уклонялся отъ истины; онъ *видитъ* своихъ героев такими, какими ихъ изображаетъ—но видитъ—то онъ ихъ не вполне ясно, потому что они окружены, въ его глазахъ, ослѣпительнымъ ореоломъ. Восхищаясь и преклоняясь, Зибель остается, однако, искреннимъ и добросовѣстнымъ. По справедливому замѣчанію французскаго критика—Вальбера (г.-е. Шербюлье), въ „Revue des deux mondes“,—рассказъ Зибеля является иногда дополненіемъ или поправкой къ его портретамъ. Какъ правдивый живописецъ, онъ вноситъ въ свою картину и такіа черты, которыя не вполне гармонируютъ съ общимъ ея духомъ.

По отношенію къ дѣятелямъ другой, болѣе отдаленной эпохи Зибель, какъ и слѣдовало ожидать, чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, чѣмъ по отношенію къ современникамъ. Характеристика короля Фридриха-Вильгельма IV принадлежитъ, поэтому, къ числу наиболѣе удачныхъ. Оригинальная, сложная фигура короля-мечтателя, короля-ритора и дилеттанта была изображаема много разъ и при его жизни, и послѣ смерти—изображаема историками и философами, поэтами и романистами. Ее имѣлъ въ виду Давидъ Фридрихъ Штраусъ, когда писалъ этюдъ о „романтикѣ на тронѣ цезарей“ (Юліанъ отступникъ); въ нее мѣтилъ Гейне, воспѣвая фантастическаго китайскаго императора („Neue Gedichte“, „der Kaiser von China“); Шпильгагену она послужила первообразомъ короля, выведеннаго на сцену въ „In Reih und Glied“. Ко всѣмъ этимъ наброскамъ, шутливымъ и серьезнымъ, къ безчисленнымъ штрихамъ, разсѣяннымъ въ дневникахъ Фарнгагена, въ воспоминаніяхъ Вагенера, въ письмахъ Бунзена и Гумбольдта, присоединяется теперь портретъ, написанный Зибелемъ. Окончатель-

наго значенія за нимъ признать нельзя—но чрезвычайно важны, если можно такъ выразиться, приложенія къ портрету, т.-е. тѣ отдѣльныя черты, съ помощью которыхъ онъ можетъ быть, въ послѣдствіи, дополненъ и исправленъ. Богато одаренный и талантами, и интересами, рано направленный воспитаніемъ на путь религіознаго, умственнаго и эстетическаго саморазвитія, полный довѣрія къ Богу и людямъ, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ энтузіастъ съ твердыми убѣжденіями, но безъ всякой твердости въ практической жизни. Онъ отступалъ передъ препятствіями, отказывался, на время, отъ своихъ излюбленныхъ стремленій—но при первой возможности возвращался на оставленную дорогу. Его воля была болѣе пассивна, чѣмъ активна, болѣе упорна, чѣмъ энергична. Замѣчательно, что въ этомъ потомкѣ Гогенцоллерновъ военная жилка не играла выдающейся роли. Онъ любилъ называть себя прусскимъ офицеромъ, но этому званію мало соответствовала уже внѣшняя его фигура: тучный, безбородый, близорукій, нетвердый на ногахъ, онъ не имѣлъ въ себѣ ровно ничего воинственнаго. Его генералы жаловались на поверхностное и нелюбовное его отношеніе къ смотрамъ и парадамъ. По словамъ одного стараго кавалериста, у него было слишкомъ много нервовъ и слишкомъ мало мускуловъ. Счастливымъ онъ чувствовалъ себя только тогда, когда набрасывалъ на бумагу проекты романтическихъ построекъ, рисовалъ красивые ландшафты, слушалъ старинную духовную музыку. Художники и ученые—Корнеліусъ, Раухъ, Ранке—признавали его равноправность или его превосходство; Гумбольдту чего-то недоставало, когда онъ проводилъ день безъ бесѣды съ королемъ. Для близкихъ къ нему людей онъ былъ искреннимъ, незабвеннымъ другомъ. Мастеромъ слова онъ являлся и въ серьезной рѣчи, и въ легкой шуткѣ. Онъ любилъ быстрые переходы отъ пагоса къ смѣху; безгранична была гибкость его впечатлительной натуры. Средоточіемъ его духовной жизни было мистическое представленіе о королевскомъ достоинствѣ, родственное понятіямъ Жозефа де-Местра. Нѣкоторая доля даровъ, данныхъ свыше королевскому сану, принадлежитъ—такова была вѣра Фридриха-Вильгельма—и высшей аристократіи; но даже надъ дворянствомъ, даже надъ королевскимъ домомъ высоко парить личность помазанника-короля. Есть вещи—сказалъ однажды Фридрихъ-Вильгельмъ своему другу Бунзену, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ вступленія на престолъ,—„есть вещи, которыя можетъ знать только одинъ король; мнѣ самому онѣ были неизвѣстны, пока я былъ кронпринцемъ“. Такой взглядъ исключалъ возможность раздѣленія или умаленія королевской власти, во всемъ томъ, что со-

ставляетъ ея сущность; но границы этой сущности Фридрихъ-Вильгельмъ готовъ былъ нѣсколько ссузить, расширивъ права церковныхъ учреждений, дворянъ-землевладѣльцевъ и даже отдѣльныхъ гражданъ. Между тѣмъ вокругъ Фридриха-Вильгельма все было пронизано критицизмомъ и скептицизмомъ, все было враждебно авторитету въ церкви и въ государствѣ. Ограниченія правительственнаго всевластія большинство населенія домогалось въ своихъ собственныхъ видахъ и интересахъ, а отнюдь не въ пользу аристократіи или духовной іерархіи. Поставленный лицомъ къ лицу съ такими требованіями, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ какъ бы сыномъ другого, прошедшаго времени, гражданиномъ другого міра; государь и народъ говорили какъ бы на разныхъ языкахъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить два чувства, усвоенныя королемъ еще въ молодости и не угасавшія въ продолженіе всей его жизни: ненависть къ революціи, тѣсно связанная съ отвращеніемъ ко всему французскому—и романтическое преклоненіе передъ призракомъ священной римской имперіи, тѣсно связанное съ симпатіей къ Габсбургамъ и готовностью признать за ними первое мѣсто въ ряду германскихъ государей.

Основными чертами характера Фридриха-Вильгельма IV объясняются противорѣчія, которыми такъ богата его дѣятельность въ смѣтные годы между созывомъ соединеннаго сейма (1847) и окончательнымъ торжествомъ реакціи, внутренней и внѣшней (1850). Въ тронной рѣчи, произнесенной при открытіи соединеннаго сейма, онъ высказывается самымъ рѣзкимъ образомъ противъ конституціи („я никогда не допущу, чтобы исписанный листъ бумаги сталъ между небомъ и моимъ народомъ“) — а годъ спустя уже играетъ роль конституціоннаго монарха. Получивъ извѣстіе о паденіи Меттерниха, онъ рѣшается предложить скромную реформу союзнаго устройства—а черезъ недѣлю говорить уже о возстановленіи германской имперіи и беретъ на себя (на словахъ) руководящую роль въ этомъ великомъ дѣлѣ. Когда событія попускаютъ его къ рѣшительному образу дѣйствій, онъ постоянно колеблется и недоумѣваетъ. Отталкиваемый тѣми, кого онъ любитъ—Австріей и всѣми нѣмецкими королями,—призываемый тѣми, кого онъ ненавидитъ—франкфуртскими демократами, онъ переходитъ отъ одного намѣренія къ другому, пропускаетъ одну удобную минуту за другою. Нужно прочесть у Зибеля описаніе одного изъ такихъ критическихъ моментовъ, чтобы понять, какъ мало притязанія короля соответствовали его дѣйствительнымъ нравственнымъ силамъ. Въ теоріи признавая себя непогрѣшимымъ, онъ не могъ, на самомъ дѣлѣ, ни выбрать, разъ навсегда, определен-

ную систему, ни даже остаться вѣрнымъ тому, что продолжалъ считать наиболѣе правильнымъ. Около половины января 1849 г., въ тѣ памятные дни, когда франкфуртскій парламентъ готовится къ завершенію германскаго единства избраніемъ вождя и главы будущей германской имперіи, въ Берлинѣ происходятъ совѣщанія не менѣе важнаго свойства. Нужно установить отношеніе прусскаго правительства какъ къ имперской конституціи, такъ и къ выбору императора. Прусское министерство, во главѣ котораго стоитъ уже консерваторъ, графъ Бранденбургъ, предлагаетъ королю высказаться прямо и открыто за соглашеніе между парламентомъ и отдѣльными германскими правительствами, т.-е. за пересмотръ послѣдними проекта конституціи, составленнаго первымъ. Это идетъ въ разрѣзъ съ взглядами Австріи и королевствъ, предпочитающихъ просто игнорировать все сдѣланное парламентомъ — но вѣдь интересы Пруссіи прямо противоположны, въ данномъ случаѣ, интересамъ Австріи и ея союзниковъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, однако, противится своимъ министрамъ, противится своему ближайшему другу — Бунзену, поддерживающему представленіе министерства. Чтобы создать противовѣсъ настояніямъ Бунзена и Бранденбурга, онъ призываетъ на совѣтъ одного изъ своихъ прежнихъ министровъ, завзятаго реакціонера Канитца. Опираясь на этого австрофила, онъ долго и упорно отвергаетъ все предлагаемое министерствомъ — и вдругъ, совершенно неожиданно, на все соглашается и быстро уходитъ изъ комнаты. Оставшись одни, его совѣтники не тотчасъ приходятъ въ себя отъ изумленія. „Голова у нашего государя, — говоритъ, наконецъ, Бранденбургъ, — организована не такъ, какъ у другихъ людей“. Понятно, что рѣшеніе, такимъ образомъ принятое, не можетъ быть ни искреннимъ, ни прочнымъ; уже въ началѣ февраля король выражаетъ сожалѣніе о томъ, что оно состоялось, и оставляетъ за собою право отказаться отъ политики своего министерства. Аналогичныхъ случаевъ въ жизни Фридриха-Вильгельма было много — и они, конечно, отражались крайне тяжело на судьбахъ Пруссіи.

Отказавшись отъ императорской короны, предложенной ему франкфуртскимъ парламентомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ тотчасъ же начинаетъ думать о созданіи тѣснаго союза, члены котораго добровольно признали бы надъ собою главенство Пруссіи. Обстоятельства благопріятствуютъ, повидимому, этому плану. Австрія обезсилена борьбою съ Венгріей; Баварія, Саксонія, Баденъ нуждаются въ помощи Пруссіи противъ республиканскихъ возстаній. Двадцать девять правительствъ согласились уже раньше, въ принципѣ, на единеніе съ Пруссіей. Учредительное собраніе,

созванное тогда же—въ апрѣлѣ или маѣ 1849 г.—не стало бы, по всей вѣроятности, возражать противъ прусскихъ предложеній. Недостаетъ, для успѣха, только одного — послѣдовательности и твердости со стороны Фридриха-Вильгельма. Онъ мечтаетъ одновременно и о руководящей роли въ тѣсномъ союзѣ, и о второстепенномъ, но блестящемъ положеніи въ объединенной Германіи; онъ готовъ признать [австрійскаго монарха императоромъ германскимъ, лишь бы только королю прусскому предоставлено было наслѣдственное званіе имперскаго полководца. Съ такими мечтами, очевидно, несовмѣстенъ энергичный вызовъ австрійской политикѣ. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ сторонниковъ прусской гегемоніи—Беккератомъ, вліятельнымъ членомъ тогдашняго имперскаго министерства, король упоминаетъ объ опасности, сопряженной съ смѣлымъ рѣшеніемъ. „Опасность,—отвѣчаетъ Беккератъ,—всегда была солнцемъ, указывавшимъ Пруссіи путь къ побѣдѣ“. Взволнованный этимъ отвѣтомъ Фридрихъ-Вильгельмъ встаетъ, молча ходитъ по кабинету и наконецъ говоритъ Беккерату: „ваши краснорѣчивыя слова нашли бы отголосокъ, если бы были обращены къ Фридриху II-му; но я не великій правитель“ (ich bin kein grosser Regent). Къ несчастію для Пруссіи, эта правдивая самооцѣнка была дѣломъ минуты. Фридрихъ-Вильгельмъ сгѣшилъ забыть ее и продолжаетъ порываться впередъ, только для того, чтобы тотчасъ же переходить къ отступленію.

Такъ прошелъ 1849-й, такъ начался 1850-й годъ. Австрія, оправившаяся отъ революціонныхъ погромовъ и руководимая твердой волей князя Шварценберга, опять заняла господствующее положеніе въ Германіи. Союзъ трехъ королей (прусскаго, саксонскаго и ганноверскаго) распался на части; прусская унія существовала только на бумагѣ; во Франкфуртѣ воскресъ старый союзный сеймъ, еще не признанный Пруссіей, но все больше и больше вступавшій въ свою прежнюю роль гасителя и тормазы. Прусскому правительству нужно было или отказаться отъ всякихъ честолюбивыхъ притязаній и возвратиться въ положеніе сателлита австрійской политики—или приготовиться къ войнѣ не только съ Австріей и ея германскими союзниками, но и съ Россіей. Фридрихъ-Вильгельмъ все еще ищетъ, однако, невозможнаго средняго пути. Въ его министерствѣ, рядомъ съ осторожнымъ Бранденбургомъ и трусливымъ Мантейфелемъ, находятъ мѣсто смѣлый, предприимчивый Радовицъ. Отклоняя дружественныя предложенія Франціи, король не теряетъ надежду на поддержку или по крайней мѣрѣ нейтралитетъ Россіи, хотя императоръ Николай не скрываетъ своего сочувствія къ стремленіямъ

Шварценберга. Принцъ Пруссій, въ маѣ 1850 г., ѣдетъ въ Скерневицы на свиданіе съ императоромъ Николаемъ—и убѣждается въ томъ, что для Россіи унія равносильна революціи. Лѣтомъ 1850 г. ко всѣмъ прежнимъ горючимъ матеріаламъ присоединяются новые (вопросы голштинскій и гессенъ-кассельскій)—и все-таки Фридрихъ-Вильгельмъ не пристаётъ ни къ одному берегу, ожидая волны, которая подниметъ его и принесетъ къ желанной цѣли. Осенью 1850 г. онъ еще разъ дѣлаетъ попытку къ соглашенію съ Россіей. На этой попыткѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе, потому что Зибель сообщаетъ о ней нѣсколько новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній.

Октябрьскія событія 1850 г. послужили поводомъ къ образованію легенды, доказывающей наглядно, что элементы мистическаго творчества имѣются на-лицо и въ наше время. Изъ того, что графъ Бранденбургъ, посланный въ Варшаву къ императору Николаю и не успѣвшій добиться ничего благопріятнаго для Пруссіи, заболѣлъ и умеръ вслѣдъ за пріѣздомъ въ Берлинъ, народная фантазія вывела заключеніе, что причиной его смерти было разбитое сердце, патріотическое горе. Бранденбургъ—такъ гласила легенда, долго остававшаяся неопровергнутою—былъ принятъ въ Варшавѣ болѣе тѣмъ сухо. „Я требовалъ сюда моего зятя“, сказалъ ему будто бы императоръ Николай. „Какъ прусскій подданный“, отвѣчалъ будто бы Бранденбургъ, „я не могу слышать подобныхъ выраженій“. Въ такомъ же тонѣ велись и дальнѣйшіе переговоры—и тѣмъ сильнѣе должно было подѣйствовать на Бранденбурга, по возвращеніи въ Берлинъ, миролюбивое рѣшеніе короля. Оказывается, наоборотъ, что главнымъ виновникомъ этого рѣшенія былъ самъ Бранденбургъ. Программа, съ которою Бранденбургъ поѣхалъ въ Варшаву, была уже сама по себѣ весьма невоинственнаго свойства. Пруссія выражала согласіе на восстановленіе стараго германскаго союза, безъ всякаго народнаго представительства; она допускала даже включеніе въ составъ союза всей австрійской монархіи, съ венгерскими и славянскими землями, допускала и насильственное подавленіе народныхъ движеній въ Голштиніи и Гессенъ-Касселѣ. Все, чего она требовала для себя, ограничивалось чередованіемъ предсѣдательства въ союзномъ совѣтѣ между Австріей и Пруссіей и правомъ вступать въ болѣе тѣсный союзъ съ отдѣльными германскими государствами. Рѣшеніе вопросовъ голштинскаго и гессенъ-кассельскаго Пруссія предлагала предоставить не франкфуртскому сейму, вновь призванному къ жизни вопреки ея желанію, а соглашенію обѣихъ великихъ германскихъ державъ. Достаточно было бы одного

слова Россіи, чтобы побудить Австрію къ принатію столь умѣренныхъ и благоразумныхъ предложеній; но это слово не было сказано. Отклоняя отъ себя посредничество между Австріей и Пруссіей, императоръ Николай держалъ во всѣхъ спорныхъ вопросахъ сторону князя Шварценберга. Бранденбургу было объявлено, что всякое противодѣйствіе мѣрамъ франкфуртскаго сейма въ дѣлѣ замиренія Голштиніи будетъ принято за личное оскорбленіе русскаго императора и повлечетъ за собою вооруженное вмѣшательство Россіи ¹⁾. Нѣсколько дней спустя въ Варшаву прибыли императоръ австрійскій и его первый министръ. Переговоры Бранденбурга съ Шварценбергомъ еще разъ выставили въ яркомъ свѣтѣ уступчивость Пруссіи и непреклонность Австріи. Проектъ полюбовной сдѣлки былъ составленъ, но не была устранена главная опасность столеновенія: не было остановлено вмѣшательство франкфуртскаго сейма въ гессенъ-кассельское дѣло. Баварскія войска готовились вступить, по уполномочію сейма, въ предѣлы курфиршества гессенъ-кассельскаго. Онѣ должны были встрѣтиться тамъ съ прусскими войсками, занимавшими такъ-называемую этапную дорогу (необходимую для Пруссіи въ видахъ свободнаго сообщенія между восточными ея провинціями и западными). Возвратясь въ Берлинъ 31-го октября, Бранденбургъ предложилъ королю и министерству утвердить соглашеніе, заключенное имъ съ Шварценбергомъ. За него высказались три министра; другіе три, поддерживаемые наслѣдникомъ престола, не хотѣли и слышать о сеймовой экзекуціи въ Гессенъ-Касселѣ и требовали мобилизаціи войска, готовности къ открытію военныхъ дѣйствій. Король объявилъ, что онъ согласенъ съ послѣдними, но такъ какъ большинство (4 противъ 3) на сторонѣ первыхъ, то пускай будутъ исполнены предположенія большинства. Это подчиненіе большинству, столь мало гармонирующее съ любимыми теоріями Фридриха-Вильгельма, было, очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ косвеннымъ признаніемъ собственной слабости. Колебанія продолжались, впрочемъ, и послѣ мнимо-окончательнаго рѣшенія короля. Смерть Бранденбурга (6-го ноября) и выстрѣлы, раздавшіеся въ Гессенъ-Касселѣ, вызвали-было поворотъ въ сторону воинственной политики; но за мимолетными вспышками послѣдовалъ вновь упадокъ духа, и 29-го ноября состоялся знаменитый ольмюцскій договоръ, надолго положившій конецъ честолюбивымъ стремленіямъ Пруссіи. Унія была похоронена, союзный

¹⁾ Нѣсколько позже такимъ же casus belli было объявлено и противодѣйствіе Пруссіи союзному сейму въ курфиршествѣ гессенъ-кассельскомъ.

сеймъ, въ прежнемъ видѣ, признанъ Пруссіей, голштинскій и гессенскій вопросы разрѣшены во всемъ согласно съ желаніями Австріи и Россіи. Къ чему привела, въ послѣднемъ счетѣ, побѣда стараго надъ новымъ, какъ расплатилась Пруссія за свое временное униженіе—это слишкомъ хорошо извѣстно. По меньшей мѣрѣ наивно утверждать, какъ это дѣлаетъ новѣйшій историкъ русской дипломатіи ¹⁾, что полезнымъ послѣдствіемъ Ольмюца было восстановленіе „порядка и спокойствія“ во всей Европѣ. Порядокъ былъ только внѣшній, спокойствіе—мнимымъ; новая услуга, оказанная Россіей Австріи, скорѣе увеличила, чѣмъ уменьшила сумму той неблагодарности, которою Австрія „удивила Европу“. Что касается до Пруссіи, то ея счеты съ Россіей по ольмюцскому дѣлу были сведены только четверть вѣка спустя, на берлинскомъ конгрессѣ 1878 г.

Насколько слабость и безхарактерность короля Фридриха-Вильгельма IV зависѣли отъ первыхъ приступовъ мозговой болѣзни, сдѣлавшей его, наконецъ, рѣшительно неспособнымъ къ управленію—объ этомъ Зибель ничего не сообщаетъ; онъ говоритъ только, что обморочнымъ состояніямъ, сопряженнымъ съ временной потерей памяти, король подвергался уже съ 1848 г. Въ Дрезденѣ, лѣтомъ 1857 г., его поразилъ апоплексическій ударъ. Какъ только онъ нѣсколько поправился, онъ сталъ производить смотры, путешествовать, и предсѣдательствовалъ даже однажды въ засѣданіи совѣта министровъ. Этому засѣданію Зибель совершенно справедливо придаетъ трагическое значеніе. Дѣло въ томъ, что со времени событій революціоннаго времени королемъ овладѣло мрачное настроеніе, заставлявшее его считать себя по преимуществу карателемъ грѣха и преступленія. Выражалось оно, между прочимъ, въ томъ, что его крайне рѣдко можно было склонить къ смягченію тяжкихъ уголовныхъ наказаній. Разсмотрѣнію совѣта министровъ, въ только-что упомянутомъ нами засѣданіи, подлежало тринадцать смертныхъ приговоровъ ²⁾. Фридрихъ-Вильгельмъ утвердилъ изъ нихъ *одиннадцать*. Это было послѣднее его правительственное дѣйствіе. Болѣзнь его усилилась настолько, что скрывать или игнорировать ее было невозможно. Все, что могла сдѣлать реакціонная партія, это—замедлить переходъ правительственной власти, во всей ея полнотѣ, къ принцу прусскому, заподозрѣнному въ либерализмъ. Онъ былъ сначала

¹⁾ „Внѣшняя политика императора Николая Перваго“, С. С. Татищева (стр. 119).

²⁾ По принятому въ Пруссіи обычаю, ни одинъ смертный приговоръ не приводится въ исполненіе безъ утвержденія короля, чему предшествуетъ разсмотрѣніе дѣла въ совѣтѣ министровъ.

провозглашенъ временнымъ замѣстителемъ короля; званіе регента было предоставлено ему лишь годомъ позже, осенью 1858 г.

Изя характеристики Вильгельма I мы приведемъ только то, что имѣетъ болѣе или менѣе фактическій характеръ; повторять похвалы, которыя Зибель расточаетъ своему герою, было бы совершенно излишне. „Вильгельмъ,—говоритъ Зибель,—не принадлежалъ къ числу тѣхъ геніальныхъ или демоническихъ натуръ, которыя указываютъ своему вѣку новые пути или падаютъ, вмѣстѣ съ своимъ народомъ, съ головокружительной высоты въ глубокую пропасть. Его нельзя даже назвать человѣкомъ большого ума, какимъ былъ, напримѣръ, его старшій братъ. Къ нему примѣнно выраженіе стариннаго лѣтописца о Рудольфѣ габсбургскомъ: *er war ein ausrichtiger Mann* (всего вѣрнѣе этотъ непереводаемый эпитетъ можетъ быть переданъ словами: „способный исполнить все, за что берется“). Вся его натура была направлена и приспособлена къ практической дѣятельности; ему было дано распознавать осуществимое отъ неосуществимаго, ясно понимать событія и людей. Твердость соединялась въ немъ съ гибкостью именно въ той мѣрѣ, которая характеризуетъ государственнаго человѣка (въ противоположность доктринеру). Онъ до конца оставался вѣрнымъ своимъ консервативнымъ убѣжденіямъ; но онъ охотно допускалъ, что съ измѣненіемъ условій долженъ измѣняться и способъ пользованія властью. И ему, наравнѣ съ старшимъ его братомъ, воспоминанія молодости внушили искреннюю дружбу къ австрійскому императорскому дому; но онъ никогда не позволилъ бы себѣ пожертвовать изъ-за нея, по примѣру своего предшественника, интересами прусскаго государства. Недостатки германскаго союзнаго устройства были для него очевидны, и онъ не сомнѣвался въ необходимости и неизбежности коренной перемѣны; но онъ не разсчитывалъ дожить до нея, даже тогда, когда она уже приближалась. Его надежды не шли дальше того, что сыну его или внуку суждено увидѣть германское единство (таковы подлинныя слова, сказанныя королемъ Вильгельмомъ, въ 1863 г., англійскому посланнику въ Берлинѣ). Его образованіе было сначала одностороннимъ, но онъ постоянно стремился пополнить его пробѣлы. Когда, въ семидесятыхъ годахъ, въ Германіи была поставлена на очередь судебная реформа, онъ выслушалъ цѣлый курсъ энциклопедіи права—не для того, конечно, чтобы сравняться съ специалистами, но для того, чтобы сознательно отнестись къ дѣлу, окончательный исходъ котораго зависѣлъ отъ его подписи. Послѣ его смерти въ его бумагахъ нашлись цѣлыя листы, собственноручно исписанные имъ извле-

ченіями изъ судебныхъ уставовъ. Недостатокъ врожденной способности къ наукамъ и искусствамъ не мѣшалъ ему все глубже и глубже проникать въ ихъ область. Онъ вносилъ удачныя поправки въ планы новыхъ монументальныхъ построекъ, по цѣлымъ часамъ слушалъ бесѣды о значеніи пергамскихъ скульптурныхъ сокровищъ; на окончаніи раскопокъ въ Олимпіи онъ настоялъ лично, вопреки мнѣнію министерства“. Дополненіемъ къ этой общей характеристикѣ служатъ отдѣльныя черты, встрѣчающіяся въ разсказѣ Зибеля. Когда принцъ прусскій былъ замѣстителемъ короля, онъ считалъ себя обязаннымъ не только слѣдовать прежней политической системѣ, не только оставлять управленіе въ рукахъ министровъ, лично ему несимпатичныхъ, но и исполнять волю короля въ подробностяхъ, въ мелочахъ, какъ бы она ни шла въ разрѣзъ съ его желаніями. Незадолго до болѣзни короля одному литератору—Линденбергу, только-что обратившему на себя вниманіе рѣзкими выходками противъ принца прусскаго и именно благодаря имъ нашедшему покровителей въ рядахъ феодальной партіи, обѣщанъ былъ королевемъ небольшой административный постъ въ познанской провинціи. Приказъ о назначеніи Линденберга на этотъ постъ пришлось представить уже принцу-замѣстителю—и онъ подписалъ его безъ малѣйшихъ колебаній, хотя хорошо зналъ, о комъ идетъ рѣчь. Даже тогда, когда Вильгельмъ принялъ на себя званіе регента, т.-е. самостоятельное управленіе государствомъ, онъ избѣгалъ всего, что могло бы огорчить или оскорбить больного брата. Въ министры финансовъ своего новаго кабинета онъ намѣтилъ Патова; но когда самъ Патовъ напомнилъ о нерасположеніи къ нему Фридриха-Вильгельма, принцъ-регентъ провелъ цѣлую ночь въ мучительныхъ сомнѣніяхъ—и рѣшился, наконецъ, уравновѣситъ назначеніе Патова оставленіемъ въ должности двухъ изъ числа министровъ мантейфелевской эпохи... Нарушеніе конституціи и даже сознательно-неправильное толкованіе ея Вильгельмъ признавалъ опаснымъ и вреднымъ. „Плотины, регулируюція теченіе рѣки, —сказалъ онъ однажды королю баварскому, —не должны быть ни слишкомъ широки, ни слишкомъ узки и ни въ какомъ случаѣ не должны идти поперекъ теченія“. Съ этими словами тѣсно связано разрушеніе еще одной легенды, предпринимаемое Зибелемъ. На пьедесталѣ памятника, воздвигнутаго въ Мюнхенѣ королю баварскому Максимилиану II, начертаны слова: *ich will Frieden haben mit meinem Volke* (я хочу жить въ мирѣ съ моимъ народомъ). Эти прекрасныя слова дѣйствительно были сказаны королевемъ, но вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ то самое время, когда въ

Пруссіи готовился переходъ отъ замѣстительства къ регентству, въ Баваріи возникли пререканія между министерствомъ, во главѣ котораго стоялъ фонъ-деръ-Пфортенъ, и палатой депутатовъ. Дѣло дошло до того, что министры, съ вѣдома короля, серьезно помышляли о государственномъ переворотѣ. Поощрала ихъ къ этому надежда на поддержку или, по меньшей мѣрѣ, нейтралитетъ Берлина. Мантейфель увѣрялъ баварскаго посланника, что существованіе консервативнаго министерства упрочено на долгое время и что реакціонные замыслы баварскаго правительства не встрѣтятъ противодѣйствія со стороны Пруссіи. Внезапно, какъ молнія среди яснаго неба, до Мюнхена доходитъ вѣсть объ образованіи либеральнаго министерства Гогенцоллерна-Ауэрсвальда. Пфортенъ спѣшитъ къ королю и совѣтуетъ ему исполнить нѣкоторые требованія палаты. Король сомнѣвается въ возможности уступить, не унизивъ достоинство престола. Тогда Пфортенъ диктуетъ ему вышеприведенную фразу; король включаетъ ее въ манифестъ, съ которымъ обращается къ народу—и она становится лучшимъ украшеніемъ его памяти. Ею, въ эпоху прусскаго конфликта, гордятся баварцы, сравнивая кротость своего монарха съ непреклонною жесткостью короля Вильгельма. А между тѣмъ рѣшимость Максимилиана „примириться“ съ своимъ народомъ оказывается, на самомъ дѣлѣ, не чѣмъ инымъ, какъ рефлексомъ „новой эры“, наступившей въ Пруссіи благодаря Вильгельму.

Третій портретъ въ книгѣ Зибеля, нарисованный особенно яркими красками—это, какъ и слѣдовало ожидать, портретъ Бисмарка. Усердіе портретиста доходитъ здѣсь иногда до крайнихъ предѣловъ. Не странно ли, напримѣръ, что профессоръ, прославившійся на университетской кафедрѣ, не только оправдываетъ, но почти хвалитъ Бисмарка за непосѣщеніе „скучныхъ университетскихъ лекцій“? Въ годы деревенскаго уединенія, предшествовавшіе выступленію на политическое поприще, Бисмаркъ, по словамъ его панегириста, былъ „молодецъ выпить“ (ein tarfeger Zecher), что не мѣшало, однако, его „внутренней жизни“ достигнуть уже тогда „полной ясности и твердости“. Несмотря на все коренное, глубокое различіе между натурами Вильгельма I и Бисмарка, Зибель приписываетъ имъ обоимъ одну и ту же черту: умѣнье распознавать, въ каждомъ данномъ случаѣ, границы достижимаго. Неужели Бисмаркъ ничего не предоставлялъ случаю, счастью, неужели онъ не вѣрилъ въ свою судьбу, никогда не шелъ на „авось“, не предпринималъ ничего рискованнаго? Намъ кажется, что въ рѣшительныя минуты своей карьеры онъ всего

скорѣе напоминалъ игрока, взвѣсившаго, конечно, шансы выигрыша и проигрыша, но все же далеко не увѣреннаго въ успѣхѣ. Изъ того, что главныя задачи Бисмарка оказались *исполненными*, еще не слѣдуетъ, что онъ заранѣе былъ убѣжденъ въ безусловной ихъ *исполнимости*... Бисмаркъ, по мнѣнію Зибеля, былъ рожденъ государственнымъ человѣкомъ (ein Staatsmann von Geburt). Говорить объ учебныхъ его годахъ, о шеолѣ, пройденной имъ во Франкфуртѣ—это все равно, что говорить о молодой рыбѣ, научившейся плавать. Это сравненіе имѣло бы нѣкоторое основаніе, еслибы Бисмаркъ никогда не измѣнялъ своихъ политическихъ взглядовъ; но разъ что Бисмаркъ-дипломатъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ представительства Пруссіи во Франкфуртѣ на Майнѣ, непохожъ на Бисмарка-оратора на соединенномъ сеймѣ 1847 г., то какимъ образомъ можно отрицать, что ближайшее соприкосновеніе съ политической жизнью заставило его многое забыть и многому научиться?..

Оставляя въ сторонѣ явно пристрастныя сужденія, посмотримъ на факты, сообщаемые Зибелемъ. Что Фридрихъ-Вильгельмъ IV рано оцѣнилъ Бисмарка и предсказывалъ ему блестящую будущность — это давно извѣстно; но вотъ любопытная подробность, одинаково характеристичная для обѣихъ сторонъ (такъ какъ Зибель не указываетъ источника, изъ котораго онъ ее заимствуетъ, то нужно полагать, что она сообщена ему самимъ Бисмаркомъ). Осенью 1848 г., на террасѣ потсдамской оранжереи, король и Бисмаркъ бесѣдовали о трудностяхъ положенія и о способахъ къ ихъ устраненію. Энергичный образъ дѣйствій—замѣтилъ король—могъ бы оказаться опаснымъ. Опасенъ, —возразилъ Бисмаркъ,—только недостатокъ рѣшимости; мужество, мужество, и еще мужество — вотъ все, что нужно для побѣды ¹⁾. Подошедшая въ это время королева выразила удивленіе, что Бисмаркъ позволяеть себѣ такъ смѣло говорить съ королемъ. „Оставь его, —сказалъ король,—я съумѣю справиться съ нимъ“, —и продолжалъ развивать свою теорію выжидательной тактики. Справился, однако, не король съ Бисмаркомъ, а Бисмаркъ съ королемъ; по крайней мѣрѣ вскорѣ за приведеннымъ нами разговоромъ послѣдовалъ именно поворотъ къ „рѣшительной“ политикѣ — назначеніе Врангеля главнокомандующимъ войсками, сосредоточенными вокругъ Берлина, образованіе консервативнаго министерства, отсрочка засѣданій палаты и т. п. Во всемъ этомъ Бисмаркъ при-

¹⁾ Интересно было бы знать, извѣстно ли было Бисмарку, когда онъ произносилъ эти слова, поразительное ихъ сходство съ знаменитымъ изреченіемъ Дантона: de l'audace, et encore de l'audace, et toujours de l'audace?

нималъ дѣятельное участіе. Ему было поручено объявить графу Бранденбургу, что король предназначилъ ему мѣсто перваго министра. „Хорошо,—отвѣчалъ Бранденбургъ,—я готовъ быть слономъ, имѣющимъ раздавить революцію; но мнѣ нуженъ руководитель, корнакъ, потому что я не мастеръ въ политикѣ“. На вопросъ Бисмарка, кого онъ желалъ бы получить въ корнаки, Бранденбургъ назвалъ Мантейфеля, какъ единственнаго лично извѣстнаго ему изъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ. Обязанность предложить Мантейфелю министерскій портфель была также возложена на Бисмарка. Мантейфель сначала отказывался, опасаясь, что берлинская чернь разорветъ его на клочки; но Бисмарку удалось его успокоить и получить его согласіе. Проще обошлось дѣло съ генераломъ Строта, приглашеннымъ тогда же въ военные министры; являсь въ Берлинъ, онъ спросилъ Бисмарка только объ одномъ: въ какомъ костюмѣ слѣдуетъ ему явиться въ палату депутатовъ — въ гражданскомъ или военномъ?.. Почему Бисмаркъ ограничился, на этотъ разъ, ролью *faiseur de ministres*, лично оставаясь за кулисами—Зибель не объясняетъ; всего вѣроятнѣе, что онъ считался еще слишкомъ незрѣлымъ для одной изъ первыхъ ролей—да и слишкомъ ужъ знаменательнымъ признакомъ реакціи было бы тогда его имя въ спискѣ новыхъ министровъ. Даже въ 1851 г., когда незачѣмъ было больше, послѣ Ольмюца, церемониться хотя бы съ умѣреннѣйшими изъ либераловъ, на долю Бисмарка выпалъ только сравнительно скромный постъ представителя Пруссіи на франкфуртскомъ сеймѣ. Скоро, однако, онъ сталъ импонировать своему ближайшему начальнику, Мантейфелю (министру иностранныхъ дѣлъ). Сухому, ограниченному чиновнику не нравился живой умъ, рѣшительный характеръ начинающаго дипломата; онъ ворчалъ, читая его депеши, упрекалъ его въ самонадѣянности — но въ концѣ концовъ соглашался съ его мнѣніемъ.

Къ министерскому портфелю Бисмаркъ приблизился въ первый разъ тогда, когда принцъ прусскій, готовясь обратиться изъ замѣстителя въ регенты, искалъ вокругъ себя преемниковъ Мантейфелю съ товарищами. Сначала онъ остановился на графѣ Альвенслебенѣ, человѣкѣ консервативныхъ мнѣній, но свободномъ отъ ошибокъ реакціонной эпохи и отъ преклоненія передъ австрійской политикой. Въ министры иностранныхъ дѣлъ Альвенслебенъ предложилъ Бисмарка—и Вильгельмъ не встрѣтилъ къ тому препятствій, зная, что Бисмаркъ давно уже вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ феодальной партіи. Альвенслебенъ умеръ, однако, еще до провозглашенія регентства—и Вильгельмъ обратился къ

своему давнишнему другу, Ауэрсвальду. Ауэрсвальдъ, по своимъ прежнимъ связямъ и всегдашнему образу мыслей, могъ составить министерство только изъ умѣренныхъ либераловъ,—а въ такомъ министерствѣ не могло быть мѣста для Бисмарка. Онъ долженъ былъ даже вскорѣ оставить Франкфуртъ и перейти на менѣе боевой постъ въ Петербургъ. Мы опять встрѣчаемся съ нимъ у Зибеля только тогда, когда горизонтъ покрывается тучами. Въ маѣ 1862 г., на пути изъ Петербурга въ Парижъ (куда онъ былъ переведенъ посломъ), онъ останавливается въ Берлинѣ, какъ разъ въ самый разгаръ волненія, вызваннаго ссорой между королемъ Вильгельмомъ и курфирстомъ гессенъ-кассельскимъ (курфирстъ бросилъ на столъ, не распечатавъ, собственноручное письмо короля, привезенное въ Кассель генераломъ Виллизеномъ). Графъ Бернсторфъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, спрашиваетъ мнѣніе Бисмарка. „Покажѣте, — отвѣчаетъ Бисмаркъ, — подходящаго *casus belli* еще нѣтъ; но сдѣлайте меня вашимъ товарищемъ, — и я ручаюсь, что черезъ четыре недѣли у васъ будетъ готова нѣмецкая междоусобная война въ самомъ лучшемъ видѣ“ (*ich mache mich anheischig, Ihnen binnen vier Wochen einen deutschen Bürgerkrieg bester Qualität fertig zu liefern*). Вальберъ совершенно правъ, усматривая въ сообщеніи этого факта доказательство добросовѣстности Зибеля; *съ пользоу* Бисмарка его истолковать довольно трудно. Бернсторфъ „съ ужасомъ“ отклонилъ предложеніе Бисмарка, — но въ глазахъ короля оно ему, очевидно, не повредило; по свидѣтельству Зибеля, въ томъ же маѣ мѣсяцѣ была уже рѣчь о призывѣ Бисмарка въ министерство. Состоялся этотъ призывъ, какъ извѣстно, четыре мѣсяца спустя, когда достигъ кульминаціоннаго пункта конфликта между королемъ и палатой депутатовъ, изъ-за вопроса о реорганизаціи войска. Не прошло и года, какъ къ внутреннему конфликту присоединился внѣшній: императоръ австрійскій созвалъ германскихъ государей для обсужденія проекта союзной реформы, въ духѣ несогласномъ съ желаніями и видами Бисмарка. Король прусскій отказался пріѣхать во Франкфуртъ. Собравшіеся государи послали къ нему въ Баденъ-Баденъ короля саксонскаго, чтобы уговорить его не уклоняться отъ участія въ совѣщаніяхъ. „Для короля Вильгельма, — говоритъ Зибель, — наступили тяжелыя минуты. Голова его, въ данномъ случаѣ, была въ разладѣ съ сердцемъ. Онъ съ величайшею радостью занялъ бы мѣсто между державными своими товарищами, еслибы его не удерживали отъ того серьезныя соображенія. По временамъ ему казалось, что вблизи онъ лучше отстоитъ интересы Пруссіи, чѣмъ

вдали. Уступить ему совѣтовала, между прочимъ, высоко уважаемая имъ вдова его брата, королева Елизавета. Не колебался только Бисмаркъ, постоянно повторявшій королю, что онъ готовъ слѣдовать за нимъ во Франкфуртъ, но съ тѣмъ, чтобы возвратиться оттуда въ Берлинъ уже не министромъ. Первы короля, только-что передъ тѣмъ окончившаго леченіе минеральными водами, разстроивались все больше и больше. Во время свиданія съ королемъ саксонскимъ онъ почувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо и отложилъ окончательное рѣшеніе, сказать, что сообщить его въ письменной формѣ. Затѣмъ началось послѣднее объясненіе между Вильгельмомъ и Бисмаркомъ. „Меня приглашаютъ тридцать государей,—воскликнулъ первый,—ихъ курьеромъ является король, какъ отклонить подобное приглашеніе?“ Что отвѣчалъ на это Бисмаркъ—Зибель не говоритъ; мы узнаемъ только, что когда, наконецъ, написанъ и посланъ былъ отрицательный отвѣтъ, Бисмаркъ разбилъ стоявшую на столѣ тарелку съ стаканами. „Я долженъ былъ что-нибудь разрушить,—сказать онъ въ объясненіе своего поступка:—теперь я опять могу дышать свободно“. Для характеристики Бисмарка одинъ такой фактъ даетъ гораздо больше, чѣмъ десятки хвалебныхъ эпитетовъ.

Мы упомянули о конфликтѣ по вопросу о реорганизаціи арміи. Въ этомъ конфликтѣ Зибель, какъ одинъ изъ вліятельныхъ вождей лѣваго центра, игралъ довольно важную роль, не безусловно враждебную правительству, но рѣшительно оппозиціонную. Теперь, говоря о томъ давно прошедшемъ времени, онъ „сжигаетъ то, чему поклонялся, и поклоняется тому, что сжигалъ“. Онъ не только признаетъ цѣлесообразность и необходимость реорганизаціи, но не возражаетъ даже противъ „конституціонныхъ“ теорій, подъ знаменемъ которыхъ Бисмаркъ управлялъ Пруссіей, цѣлыхъ четыре года, безъ правильно утвержденного бюджета, безъ содѣйствія палаты депутатовъ. Превратившись въ историка-апологета, бывшій оппозиціонный ораторъ ограничивается *извиненіемъ* тогдашняго парламентскаго большинства. Только-что закончившаяся эпоха завѣщала палатѣ недоверіе къ намѣреніямъ правительства, къ его нравственнымъ и умственнымъ силамъ. Къ чему, — такъ думало большинство, — къ чему увеличивать число полковъ, предназначенныхъ только къ параднымъ маршамъ, къ чему расположить число офицеровъ, грубостью и высокомеріемъ которыхъ безъ того уже тяготится масса населенія? Ошибочность этого взгляда доказали позднѣйшія событія — но тогда, снисходительно признаетъ Зибель, трудно было разсуждать иначе. Вопросомъ о томъ, можно ли было увеличить

численность войска иными средствами, менѣе обременительными для страны и менѣе ненавистными ея представителямъ, Зибель не задается вовсе,—а между тѣмъ безъ его разрѣшенія немыслима безпристрастная оцѣнка прусскихъ партій въ смутное время 1861—66 г.

Въ особой главѣ, посвященной отношеніямъ между Пруссіей и Россіей во время польскаго возстанія 1863 г., интересенъ слѣдующій фактъ, до сихъ поръ, кажется, никѣмъ не оглашенный и приводимый Зибелемъ безъ указанія источника. Когда Австрія, въ іюлѣ 1863 г., отказалась отдѣлиться отъ Англіи и Франціи и обсудить польскій вопросъ на конференціи трехъ державъ-участницъ раздѣла, въ Петербургѣ возникла мысль о вооруженномъ союзѣ Пруссіи и Россіи противъ Австріи и Франціи. Въ этомъ духѣ было написано собственноручное письмо императора Александра къ королю Вильгельму. Австрія, въ эту минуту, была вовсе неприготовлена къ войнѣ и ослаблена, притомъ, болѣе чѣмъ когда-либо ожесточенной распрей съ Венгріей. Пораженіе ея было болѣе чѣмъ вѣроятно и, конечно, весьма желательно для Пруссіи; но съ Франціей справиться было бы не такъ легко, и Бисмаркъ опасался, что главная тяжесть борьбы упадетъ на долю Пруссіи. „Россія, — такъ выразился Бисмаркъ, — оказалась бы сидящей на длинномъ концѣ рычага“. Онъ посовѣтовалъ, поэтому, королю отклонить предложеніе Россіи. Причины отказа были выражены, въ собственноручномъ письмѣ Вильгельма, съ полною откровенностью, и отношенія между обоими государями нисколько отъ того не пострадали. „Кромѣ короля и Бисмарка, — прибавляетъ Зибель, —это обстоятельство никому въ Пруссіи тогда не было извѣстно“.

Первые два тома сочиненія Зибеля, составляющіе предметъ настоящей статьи, доведены до сентября 1863 г. Только-что вышедшій третій томъ весь посвященъ шлезвигъ-голштинскому вопросу и обнимаетъ собою одинъ 1864-ый годъ.

К. Арсеньевъ.

ПЕРЕСЕЛЕНІЯ

и

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

I.

Изо дня въ день читаемъ и слышимъ мы о выгодахъ, которыя доставляютъ народному хозяйству благопріятныя условія внѣшней природы. Каждый изъ насъ, хотя немного учившійся политической экономіи, припомнить страницы учебниковъ, гдѣ пунктъ за пунктомъ перечисляются благодѣтельные результаты, которые получаетъ страна отъ правильнаго распредѣленія воды и суши, отъ теплаго и влажнаго климата, отъ изобилія минеральныхъ богатствъ, отъ плодородной почвы. Мы знаемъ еще со школьной скамьи, что тысячелѣтія тому назадъ колонизаціонная политика древнихъ грековъ вызвала пышный расцвѣтъ множества городковъ по берегамъ Малой Азіи и островамъ Архипелага. Всѣмъ извѣстно, что наши отдаленные предки, передвигаясь по обширной русской равнинѣ, избирали для поселенія мѣста близъ рѣкъ и озеръ, съ дѣйственной богатой почвой, обѣщавшей вознаграждать трудъ земледѣльца. Намъ извѣстно также, что эти передвиженія безостановочно распространяли русскій языкъ, вѣру, культуру, расширяли территорію Россіи и упрочивали наше политическое могущество. И стало уже совсѣмъ общимъ мѣстомъ положеніе, что Сѣверная Америка быстрыми успѣхами въ наростаніи богатствъ и возвышеніи культуры обязана приливу эмигрантовъ изъ Европы и той свободѣ, съ которой американцы размѣщаются по территоріи страны въ поискахъ за наиболѣе благопріятными условіями для предложенія своей рабочей силы. Современная жизнь Америки обнару-

живають факты, которые служат убѣдительнымъ доказательствомъ того, насколько переселенія соотвѣтствуютъ правильному хозяйственному разсчету. За послѣдніе годы многія сотни семей выселились изъ штатовъ Вермонтъ и Нью-Гэмпширъ. Находясь въ восточномъ углу Соединенныхъ Штатовъ, въ мѣстности, довольно густо населенной, вблизи такихъ промышленныхъ и богатыхъ областей, какъ Нью-Йоркъ, Массачусетсъ, Коннектикутъ, имѣя много желѣзныхъ дорогъ и удобныхъ водныхъ путей, эти штаты представляютъ, повидимому, всѣ условія для успѣшнаго занятія сельскимъ хозяйствомъ. А между тѣмъ покинуты сотни фермъ, площадью отъ нѣсколькихъ десятковъ до 200 акровъ. Мѣстами хозяйственныя постройки пришли въ совершенную ветхость; мѣстами онѣ находятся еще въ полной исправности. Теперь въ этихъ мѣстностяхъ можно купить по 2—3 доллара за 1 акръ такіа имѣнія, которыя еще недавно сдавались въ аренду по 7—8—10 долларовъ отъ акра. Чему же приписать эти выселенія? Тому, что сельскій хозяинъ этого края, неся въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ издержки производства и продавая земледѣльческіе продукты по цѣнѣ все болѣе дешевой (въ связи съ развившейся внутренней и иностранной конкуренціей), нашелъ веденіе хозяйства невыгоднымъ. Разъ явилось это сознаніе,—и многіе хозяева рѣшили передвинуться на мало населенный западъ, гдѣ обиліе незанятыхъ и дѣйственныхъ земель позволяетъ еще долгое время вести хозяйство безъ удобренія, при небольшомъ количествѣ скота, словомъ, съ незначительными издержками производства ¹⁾. А если американецъ, подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, не хочетъ выжидать, оставляетъ насиженное гнѣздо даже со всѣми постройками и другими принадлежностями хозяйства, то какъ не считать разумными и естественными стремленія многихъ тысячъ русскихъ людей оставить нищенскій надѣлъ, бѣдный отъ природы и истощенный продолжительною культурой, чтобы передвинуться на востокъ въ болѣе благоприятныя условія внѣшней природы?

Да, это стремленіе естественно: оно вытекаетъ не изъ прихоти, не изъ склонности къ бродячей жизни, а изъ необходимости; оно не привито извнѣ, а издревле, съ самаго начала исторической жизни, упрочилось въ сознаніи и стало вѣрнымъ, необманиваемымъ инстинктомъ. Попытаемся же доказать, что, принося огромныя выгоды, переселенія не могутъ имѣть вреднаго вліянія на какую-либо сторону русской общественной жизни.

¹⁾ *Economiste Français*, 1889, № 44, 539—40

II.

При обсужденіи переселенческаго вопроса, противники передвиженій крестьянъ на востокъ нерѣдко выдвигаютъ аргументъ, что выселенія особенно нежелательны у насъ въ Россіи, странѣ мало-населенной, что только значительная густота населенія обезпечиваетъ народу и ростъ благосостоянія, и поднятіе духовной культуры. Если, такимъ образомъ, переселенія уменьшаютъ данныя для хозяйственныхъ успѣховъ на мѣстахъ, откуда выходятъ переселенцы, то онѣ не могутъ имѣть особенно выгоднаго вліянія и на мѣста ихъ водворенія: необозримыя пространства Азіатской Россіи въ теченіе еще многихъ поколѣній не достигнутъ той плотности населенія, которая служитъ главнымъ залогомъ развитія гражданственности. Не лучше ли, поэтому, вычеркнуть переселенческій вопросъ изъ списка вопросовъ нашей внутренней политики? Не лучше ли, отказавшись отъ ежегоднаго передвиженія нѣсколькихъ тысячъ крестьянскихъ семей изъ Европейской Россіи въ Азіатскую, позаботиться о томъ, чтобы на старомъ пепелищѣ, покидаемомъ переселяющимися, были созданы условія, позволяющія вести интенсивное хозяйство?

Нашему слуху съ ранняго дѣтства становится привычнымъ положеніе, что матеріальные и духовные успѣхи возможны только при значительной густотѣ населенія. Каждый учебникъ политической экономіи знакомитъ насъ съ тѣми мѣрами, которыми въ прежнія времена правители разныхъ странъ поощряли размноженіе людей. Съ тѣмъ вмѣстѣ каждый учебникъ напоминаетъ, что чрезмѣрная населенность ведетъ къ развитію пауперизма и дѣлаетъ эмиграцію необходимой. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ, какая наименьшая плотность населенія необходима для развитія гражданственности и гдѣ предѣлъ, дальше котораго возростаніе населенности уже связано съ крупными невыгодами для народной жизни?

Изученіе современнаго состоянія европейскихъ народовъ обнаруживаетъ тщетность попытки отвѣтить на поставленные вопросы какими-либо точными числами. Оно убѣждаетъ, что страны, населенность которыхъ относится какъ 20:1, могутъ и пользоваться благосостояніемъ, и стоять на высокомъ уровнѣ духовнаго развитія. Бельгія имѣетъ населеніе въ 200 чел. на 1 кв. километръ, Англія съ Уэльсомъ—173, Ломбардія—169, Данія—55, Швеція—11, Норвегія—6. Если можно согласиться, что Бельгія или Англія превосходятъ богатствомъ и духовною культурою скандинавскія государства, если даже допустить, что онѣ значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи, то будетъ, однако, совершенно нелѣпымъ предположеніе,

что они превосходят Швецію или Норвегію въ 10—20—30 разъ, т.-е. хотя бы приблизительно въ той пропорціи, въ какой они превосходятъ ихъ населенностью. За предѣлами Европы, въ странахъ самой высокой культуры, которыя смѣло соперничаютъ со старой цивилизаціей и даже превосходятъ ее, мы находимъ весьма незначительную населенность: въ Соединенныхъ Штатахъ она составляетъ только 5,5 чел. на 1 кв. километръ; если откинуть почти пустынные Аляску, территоріи индѣйцевъ и отдаленнаго запада—и тогда населенность не превыситъ 9,4 чел. на 1 кв. километръ ¹⁾. Возьмемъ, далѣе, Викторію, значительнѣйшую и богатѣйшую британскую колонію въ Австраліи: на пространствѣ около 88.000 англ. квадр. миль она имѣетъ 1.060.000 жителей, что не превыситъ 4,6 чел. на 1 квадр. километръ. А всѣмъ извѣстно, что въ отношеніи богатства, матеріальныхъ удобствъ жизни, народнаго образованія и политическаго развитія Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Австралія даже превосходятъ Британскіе острова.

Не будучи въ состояніи опредѣлить хотя бы приблизительными цифрами ту низшую плотность населенія, которая необходима для общественнаго прогресса, мы не можемъ указать и высшій предѣлъ нормальной населенности. Въ графствѣ Миддлсексъ на 1 квадр. километръ приходится 4.000 чел.; въ департаментѣ Сены на такой же площади живетъ даже болѣе 30.000 чел. Если крайній предѣлъ возможной нормальной населенности далеко не достигнуть еще ни одной страной, то и стремленіе выселяться изъ родины не стоитъ въ какой-либо прямой связи съ плотностью населенія. Сравнимъ, напр., эмиграцію изъ Великобританіи и Норвегіи. Въ 1887 году изъ Англіи съ Уэльсомъ выселилось 168.000 чел.; число эмигрантовъ изъ Норвегіи составило за тотъ же годъ 20.000. Если принять въ расчетъ, что населенность Англіи и Уэльса въ 28 разъ больше, чѣмъ Норвегіи, то выселеніе изъ Англіи, чтобы быть относительно равнымъ эмиграціи изъ Норвегіи, должно составлять $20.000 \times 28 = 560.000$, т.-е. быть почти въ $3\frac{1}{4}$ раза больше цифры выселенія за послѣдній годъ. Мы получимъ еще болѣе рѣзкій контрастъ, если сравнимъ Францію и Швецію. Въ первой населенность достигаетъ 70 чел. на 1 километръ, а эмиграція за 1888 г. дала только ничтожную цифру въ 23.339 человекъ, тогда какъ изъ Швеціи, при населенности только въ 11 чел. на 1 кв. километръ, за 1887 годъ эмигрировало около 33.000, а среднее ежегодное число эмигрантовъ за послѣднія 7 лѣтъ превышало 35.000.

¹⁾ По переписи 1880 года. Съ тѣхъ поръ населеніе, какъ рассчитываютъ, увеличилось на 40%.

Имѣя передъ собой эти факты, мы можемъ и легче уяснить необходимость переселеній для крестьянъ многихъ мѣстностей нашего отечества, и понять, что слабая населенность Сибири нисколько не мѣшаетъ въ ней ни возрастанію народнаго богатства, ни измѣненію къ лучшему другихъ условій культуры.

Мы показали, что абсолютно рѣдкое населеніе вовсе не исключаетъ необходимости эмигрировать. Шведы и норвежцы довольно большими массами оставляютъ свою родину, передвигаются въ Америку, страну иного языка, иныхъ нравовъ и обычаевъ, передвигаются, конечно, не изъ прихоти, а потому, что не могутъ создать для себя въ отечествѣ удовлетворительныхъ условій жизни. Если даже скандинавы, усвоившіе и въ земледѣліи, и въ обрабатывающей промышленности *довольно совершенные приемы труда* и поднявшіе его производительность, чувствуютъ потребность выселяться, то тѣмъ болѣе понятна такая потребность въ Европейской Россіи, гдѣ населеніе гораздо болѣе густо, а техника—гораздо менѣе совершенна. Плотность населенія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ 20 чел. на 1 кв. километръ. Оставляя въ сторонѣ эту общую цифру и ограничиваясь губерніями, которыя высылаютъ наибольшее число переселенцевъ, мы получимъ гораздо болѣе высокую плотность. Въ орловской и рязанской губерніяхъ на 1 кв. километрѣ живетъ уже 50 чел., въ тульской—52, въ курской до 60, въ полтавской—61, въ кievской даже 65. Словомъ, въ губерніяхъ, откуда направляются главные потоки переселенцевъ, населенность въ 4—6 разъ выше, чѣмъ въ Швеціи, и въ 8—10 разъ больше, чѣмъ въ Норвегіи. Но пойдемъ дальше. Наклонность выселяться проявляется, главнымъ образомъ, среди крестьянъ, которые владѣютъ малымъ надѣломъ. Чтобы опредѣлить плотность населенія въ мѣстности, занимаемой данною группой, нужно принимать въ расчетъ только ту площадь, на которой сидитъ данное сельское общество. Только на этой землѣ, уже по ея близости отъ усадьбы, оно можетъ прилагать настолько раціональную культуру, насколько она извѣстна русскому поселянину. Земли сосѣднихъ владѣльцевъ, сдаваемые крестьянамъ въ аренду, обрабатываются, какъ извѣстно, способомъ самымъ первобытнымъ, никогда не видя удобренія. Какъ же велика плотность населенія на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ? Въ любой общинѣ, гдѣ, по выкупному договору, заключенному 25 лѣтъ тому назадъ, приходилось по 3 десятины на 1 ревизскую душу, теперь приходится не болѣе 2 десятинъ на 1 душу мужского пола или не болѣе 1 десятины на одного жителя вообще. А это составляетъ уже 100 душъ на 1 кв. километръ,—населенность, почти въ 1½ раза болѣе, чѣмъ во Франціи. Но плотность населенія достигаетъ огромныхъ размѣровъ на земляхъ

тѣхъ общинъ, которыя получили надѣлъ сиротскій или низшей нормы: тамъ мы найдемъ на 1 кв. километрѣ 300—400 душъ, т.-е. въ $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше, нежели въ Бельгiи, которая изстари справедливо гордится своей высокой земледѣльческой культурой.

Итакъ, мы считаемъ доказаннымъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россiи густота населенiя и несовершенство техники дѣлаютъ эмиграцію необходимой. Постараемся же выяснитъ, насколько значителенъ можетъ быть матеріальный и духовный прогрессъ при томъ рѣдкомъ населенiи, которое имѣетъ теперь Сибирь, главное поле для нашей колонизаціи въ настоящемъ и будущемъ.

Населенность сибирскихъ губерній крайне незначительна: на 1 кв. версту приходится отъ 0,06 въ Приморской области и до 1,6 въ томской губерніи. Однако, населеніе тобольской, томской губерній и даже Забайкальской области значительно гуще, нежели западныхъ территорій Соединенныхъ Штатовъ. Въ Сѣверной Америкѣ три штата, Колорадо, Орегонъ и Невада, имѣютъ по 0,7—0,3 жители на 1 кв. килом. А всѣ 9 территорій имѣютъ въ среднемъ на 1 кв. километръ только 0,4; Аризона же и Монтана—даже 0,1—1,2, т.-е. плотность населенiя въ 5—8 разъ меньше, нежели въ каждой изъ трехъ названныхъ сибирскихъ губерній. А въ нѣкоторыхъ округахъ тобольской губерніи (тюменскій, ишимскій, ялуторовскій, курганскій) населенность достигаетъ уже 5—6—11 душъ на 1 кв. километръ, чего не имѣетъ ни одна изъ территорій Соединенныхъ Штатовъ.

При столь рѣдкомъ населенiи *успѣхи культуры вполне возможны, если новоселы оспариваютъ довольно значительными деревнями*: въ довольно большой группѣ уже возможно далеко идущее раздѣленіе труда. При такомъ поселенiи ближайшія къ усадебной осѣдлости земли могутъ быть полемъ для развитiя болѣе или менѣе интензивнаго хозяйства, а отдаленныя—лѣса, выгоны должны служить тѣмъ даровымъ, доступнымъ фондомъ, который будетъ выручать въ черныи день и удовлетворять нужды нарождающихся поколѣній. Все это побуждаетъ насъ заключить, что рѣдкость населенiя сама по себѣ не будетъ, не можетъ быть преградой для культурныхъ успѣховъ русскаго востока.

III.

Противники переселеній нерѣдко выдвигаютъ тотъ аргументъ, что непрерывная погоня за новыми, еще дѣйственными землями служить легкимъ и доступнымъ выходомъ для небрежности русскаго поселанина, его косности, его нежеланiя усвоить болѣе совершенные земледѣльческіе приемы. Наши ничтожные урожаи, періодическія го-

лодовки стоятъ въ неразрывной связи съ нашимъ допотопнымъ трехпольемъ, нашимъ малосильнымъ скотомъ, нашими сохами, боронами, неизмѣнной рожью или гречихой, съ отсутствіемъ искусственныхъ удобреній. Если средствомъ отъ бѣдъ, вытекающихъ изъ нашей обветшавшей земледѣльческой культуры, будетъ служить только оставленіе старыхъ земель и передвиженіе въ пустыни Сибири, то Россія въ теченіе еще длиннаго ряда поколѣній будутъ чужды успѣхи сельскаго хозяйства, которые стали совершаться въ западной Европѣ (особенно Англіи, Бельгіи, Ломбардіи, южной Германіи) уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Плохо родить земля—бросилъ ее, ушелъ за тысячи верстъ, сѣлъ на новомъ мѣстѣ, занесъ туда ветхозавѣтные приемы сельскаго хозяйства и собираешь съ нихъ помощью удовлетворительную, а иногда и превосходную жатву. Можетъ ли при такихъ условіяхъ быть рѣчь о какихъ-либо успѣхахъ земледѣльческой техники?

Несостоятельность этой аргументаціи можетъ быть доказана изъ сопоставленія народнаго хозяйства съ хозяйствомъ отдѣльнаго лица; она можетъ быть выведена изъ исторіи хозяйства въ странахъ западной Европы; она явствуетъ также изъ той обстановки, при которой совершаются, могутъ и будутъ совершаться переселенія въ предѣлахъ русской земли.

Частное хозяйство имѣетъ тѣмъ болѣе данныхъ для успѣшнаго развитія, чѣмъ больше старанія прилагаетъ владѣлецъ къ пользованію принадлежащими ему силами природы. Гдѣ хозяйство ведетъ любитель, извлекающій крупные доходы изъ иныхъ источниковъ и не придающій значенія доходности своего имѣнія, тамъ улучшенія совершаются нерѣдко безъ строгой послѣдовательности и хозяйству не обезпечивается безостановочное и правильное возростаніе дохода. Какъ много знаемъ мы имѣній такихъ любителей, гдѣ дорогой скотъ, дорогія машины, оранжерейная культура идутъ рука объ руку съ обширными площадями плодородной, но пустыющей земли, или вовсе не взятой въ обработку, или же сдаваемой сосѣднимъ поселянамъ въ наемъ за ничтожную арендную плату. Огромное большинство хозяевъ, какъ бы ни былъ низокъ уровень ихъ земледѣльческаго искусства, занимается своимъ промысломъ, какъ главнымъ и даже единственнымъ источникомъ дохода. Это огромное большинство, этотъ, скажемъ мы, средній типичный сельскій хозяинъ не имѣетъ избыточныхъ средствъ, чтобы дѣлать крупныя и многочисленныя нововведенія и ожидать длинный рядъ лѣтъ, пока онѣ начнутъ приносить доходъ. Но этотъ средній хозяинъ понимаетъ, что пользованіе лучшими клочками имѣнія можетъ доставить выгоды уже въ самомъ близкомъ будущемъ: и вотъ онъ выкорчевываетъ участки лѣса, имѣю-

щіе самую плодородную почву, осушаетъ болотные сѣнокосы и только позднѣе, когда обильные урожаи хлѣба на свѣжихъ лѣдахъ и сѣно на осушенныхъ болотахъ подняли доходъ имѣнія, онъ улучшаетъ скотъ, постройки, орудія, и, имѣя большой запасъ удобренья, отводитъ больше мѣста огородничеству и садоводству, т.-е. отраслямъ, характеризующимъ интенсивную культуру. Экономія всего народа можетъ быть съ полнымъ правомъ уподоблена такому среднему типичному частному хозяйству. *Какъ для этого средняго хозяина естественно, благоразумно и необходимо прежде всего отыскивать въ своемъ имѣніи лучшіе клочки и изъ нихъ извлекать доходъ съ помощью старинныхъ пріемовъ, всѣмъ извѣстныхъ и не требующихъ затратъ, и уже позднѣе переходить къ болѣе сложнымъ и дорогимъ нововведеніямъ, такъ и для цѣлаго народа ближайшей и простѣйшей задачей служитъ планомерное размѣщеніе по всей территоріи и занятіе тѣхъ земель, которыя обѣщаютъ обильно вознаграждать трудъ поселенцевъ.* Неослабное стремленіе къ этой цѣли возвышаетъ уровень благосостоянія, увеличиваетъ въ хозяйствѣ свободные запасы и позволяетъ совершать крупныя и коренныя улучшенія въ земледѣльской техникѣ.

Исторія хозяйственнаго быта многихъ странъ западной Европы убѣждаетъ насъ, что переселенія ни на одну минуту не задерживали развитія земледѣльской техники. Въ теченіе 68 лѣтъ (1820—88) изъ западной Европы выселилось около 21 милліона душъ; изъ этой массы на одну Германію падаетъ до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ, на Великобританію съ Ирландіей—болѣе 10 милліоновъ. Не взирая на такіе огромные размѣры выселеній, эти страны представляютъ намъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій картину огромныхъ успѣховъ земледѣлія. Данныя объ эмиграціи изъ западно-европейскихъ странъ позволяютъ намъ также сдѣлать заключеніе о томъ, что при высокомъ уровнѣ знаній и выдающемся трудолюбіи нѣсколькихъ народностей размѣры переселеній не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на успѣхи сельскаго хозяйства. Возьмемъ для сравненія Англію, Францію и Норвегію, страны съ умственно развитымъ, энергическимъ и трудолюбивымъ населеніемъ. Изъ этихъ странъ Франція наиболѣе отстала въ земледѣліи: средній урожай пшеницы не превышаетъ 8 четвертей съ 1 десятины, тогда какъ Англія имѣетъ наивысшую производительность почвы—до 13 четвертей съ 1 десятины, а Норвегія, еще въ 30 годахъ приводившая своей высокой культурой въ восхищеніе англійскаго путешественника, экономиста Лэнга, собираетъ на 1 десятинѣ до 11 четвертей пшеницы. Статистика же выселеній изъ этихъ странъ рисуетъ намъ такую картину: при общемъ числѣ жителей, нѣсколько болѣе, чѣмъ въ Великобританіи, Франція дала за

68 лѣтъ только до 460.000 эмигрантовъ, т.-е. въ 22 раза меньше, чѣмъ Соединенное Королевство. За то же время изъ Норвегіи, при населеніи въ 19—20 разъ меньше, нежели во Франціи, выселилось около 400.000, т.-е. только на 15% меньше. Эти цифры позволяютъ намъ отнестись съ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ тому мнѣнію, будто бы значительные размѣры переселеній способны преграждать путь успѣхамъ сельскаго хозяйства. Хотя статистика переселеній очень несовершенна, однако есть числовыя данныя, показывающія, что за нѣные годы эмигранты изъ Европы вывозятъ съ собою въ среднемъ на каждую душу большій капиталъ, нежели тотъ, который на ихъ родинѣ причитается на 1 жителя въ бѣднѣйшихъ слояхъ населенія. Такимъ образомъ, эмиграція отвлекаетъ не бѣднѣйшихъ гражданъ, но тѣхъ, которые и въ своемъ отечествѣ имѣли небольшія средства для занятія земледѣліемъ или какимъ-либо другимъ промысломъ. Но сопоставленіе Россіи съ странами западной Европы можетъ казаться необѣдительнымъ потому, что наше отечество населенностью далеко уступаетъ другимъ государствамъ. Сравнимъ же Россію съ Сѣверной Америкой, страной, которая очень подходитъ къ намъ по рѣдкости населенія. Въ Сѣверной Америкѣ безостановочно совершаются переселенія изъ восточныхъ штатовъ на отдаленный западъ. Переселенческое движеніе особенно усиливается во время хозяйственныхъ кризисовъ: такъ было въ 1857 году, 73—74 гг. и началѣ 80-хъ годовъ. Съ какою энергіей происходитъ заселеніе свободныхъ земель, видно изъ того, что 10-го (22-го) апрѣля настоящаго года, когда для поселенцевъ была, по распоряженію президента Гаррисона, открыта территорія Оклагома, на нее тотчасъ же ступили 50.000 поселенцевъ, предварительно собравшихся на границѣ и ожидавшихъ президентскаго разрѣшенія. Однако столь значительные размѣры переселеній идутъ рука объ руку съ успѣхами американской культуры какъ въ довольно густо населенныхъ восточныхъ штатахъ, такъ и въ крайне рѣдко населенныхъ штатахъ запада. Новѣйшій изслѣдователь Америки Зеерингъ знакомитъ насъ съ быстрымъ прогрессированіемъ молочнаго хозяйства, садоводства и огородничества въ старѣйшихъ штатахъ — Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи и другихъ, а также съ повсемѣстнымъ примѣненіемъ элеваторовъ и новѣйшихъ машинъ въ западныхъ штатахъ — Миннезотѣ, Дакотѣ и иныхъ, населенность которыхъ, составляя только 0,1—1,2 души на 1 кв. километръ, не достигаетъ размѣровъ населенности въ нѣкоторыхъ округахъ тобольской и томской губерній. Итакъ, Сѣверная Америка, сходная съ Россіей по многимъ условіямъ хозяйственной жизни, даетъ намъ живое доказательство того, что переселенія и не тормозятъ успѣховъ сельскаго хозяйства въ мѣстно-

ствахъ, которыя оставляются эмигрантами, и вызываютъ успѣхи земледѣльской техники въ мѣстахъ водворенія поселенцевъ.

Обратимся къ доказательствамъ третьяго разряда. Посмотримъ, изъ кого состоитъ масса русскихъ переселенцевъ и могутъ ли главные участники этого движенія способствовать успѣхамъ земледѣлія на своемъ старомъ пепелищѣ?

По отчету г. Чарушина о переселеніяхъ въ Сибирь въ теченіе 1888 года, оказывается, что изъ 2.825 семей, о которыхъ были собраны подробныя свѣденія, 1.250 семействъ, т.-е. болѣе 44%, имѣли при себѣ, по прибытіи въ Томскъ, не болѣе 10 р. каждое, а частію и вовсе не имѣли денегъ; 819 семей, или почти 29%, имѣли по 10—50 руб. каждая. Итакъ, 73% переселенцевъ буквально не имѣли средствъ обзавестись хозяйствомъ на мѣстѣ водворенія. Эти цифры способны, однако, вызвать во многихъ предположеніе, что эта бѣдность, не имѣя средствъ для хозяйства на новомъ мѣстѣ, могла бы хозяйничать на родинѣ, и не только хозяйничать, но и улучшать свои хозяйственные приемы: вѣдь кромѣ 20—30 рублей, оставшихся въ Томскѣ, были еще деньги, израсходованныя на переѣздъ. Да, конечно, была еще сотня рублей, быть можетъ, полторы сотни, но эти суммы были выручены изъ ликвидаціи стараго хозяйства, продажи надворныхъ построекъ, части скота, орудій. Останься эти семьи дома, и ни у одной изъ нихъ, по скудному удовлетвореніи потребностей и уплатѣ податей, не освободилось бы и 10 р. въ годъ, чтобы купить лишнюю скотину и имѣть лишнее удобреніе. Но, сверхъ 73%, найдется еще не мало такихъ, которые, по прибытіи въ Томскъ, имѣли больше 50 рублей, быть можетъ, до 100 рублей и все же не могли бы на родинѣ отложить отъ насущныхъ нуждъ 20—30 руб. въ годъ, чтобы завести лучшій рабочій скотъ или приобрести лучшій мертвый инвентарь. Мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что *9/10 всей массы переселенцевъ не въ состояніи способствовать успѣхамъ земледѣлія на своей родинѣ.*

Среди переселенцевъ есть люди извѣстнаго матеріальнаго достатка, но не они образуютъ большинство. Крестьянинъ, которому живется сносно, вообще склоненъ остаться на родинѣ. Выходъ изъ общества нѣсколькихъ десятковъ семей измѣняетъ къ лучшему положеніе остающихся: на каждый дворъ приходится лишняя десятина земли, является возможность прокормить лишнюю голову скота и съ тѣмъ вмѣстѣ получить отъ хозяйства лишній рубль-другой, который можетъ быть затраченъ на серьезныя улучшенія.

Все изложенное естественно приводитъ насъ къ заключенію, что русскія переселенія, въ своей массѣ, оттягиваютъ изъ среды крестьянства тотъ контингентъ, которому не подѣ силу какія-либо улуч-

шенія въ хозяйствѣ, *которому подѣ силу только самое экстензивное земледѣліе*. Та же часть крестьянства, которая имѣетъ хотя малую возможность сберечь копѣйку и затратить ее на улучшеніе хозяйства, въ массѣ своей остается дома.

IV.

Многіе видятъ въ переселеніяхъ условіе, способное поднять заработную плату сельскихъ рабочихъ и уменьшить выгодность сельского хозяйства для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ. Такая перспектива вызываетъ нерѣдко пожеланія, чтобы переселенія совершались въ возможно скромныхъ размѣрахъ и чтобы государство не расходовало средствъ для облегченія массамъ передвигаться на востокъ, въ болѣе благопріятныя для нихъ условія жизни. Не говоря объ узкости и неправильности такого взгляда, разсматривающаго важный вопросъ народнаго хозяйства съ точки зрѣнія хозяйства частнаго, слѣдуетъ замѣтить, что опасенія этого рода совершенно напрасны: не трудно показать, во-первыхъ, что переселенія, даже въ 5—10 разъ превышающія ихъ нынѣшніе размѣры, не могутъ имѣть замѣтнаго вліянія на высоту заработной платы, и, во-вторыхъ, что даже замѣтное ея повышеніе не послужитъ причиной крупныхъ затрудненій для нашихъ сельскихъ хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ.

По официальнымъ отчетамъ о движеніи переселенцевъ въ Сибирь, до сихъ поръ ежегодное ихъ число не превышало съ небольшимъ 3.000 семей или 18.000 душъ. Если къ этимъ цифрамъ, обозначающимъ переселенія въ Сибирь, которыя болѣе или менѣе сопрягаются съ органами мѣстной администраціи, мы приобщимъ передвиженія на Кавказъ, въ южно-русскія губерніи, если предположительно опредѣлимъ очень крупной цифрой тѣхъ, которые вовсе остаются неизвѣстными, то получимъ въ итогѣ гораздо менѣе 10.000 семей. Но если бы даже общее число лицъ, оставляющихъ родину, и достигало 10.000 семей, т.-е. 50.000 душъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ, и тогда число переселенцевъ составляло бы только небольшую долю годичнаго прироста населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, которыя уступаютъ дальнему востоку хотя небольшое число своихъ сыновъ.

По свѣденіямъ центральнаго статистическаго комитета за 1885 г., приростъ населенія 50 губерній Европейской Россіи опредѣлялся цифрою болѣе 1 милліона, изъ котораго болѣе 900.000 приходится на населеніе деревень. Главныя массы переселенцевъ выдѣляютъ

изъ себя черноземныя великороссійскія губерніи и губерніи Мало-россіи. Меньшій процентъ составляютъ крестьяне центральныхъ не-черноземныхъ и среднихъ поволжскихъ губерній. По послѣднему отчету сызранской переселенческой конторы, въ Сибирь прости-двали крестьяне 14 губерній ¹⁾. Основываясь на этихъ данныхъ и принимая въ расчетъ переселенія на Кавказъ и южныя губерніи, мы можемъ утверждать, что переселенія совершаются не менѣе, чѣмъ изъ одной трети русскихъ губерній, на которыя падаетъ ежегодный приростъ сельскаго населенія болѣе 300.000 душъ. Но если даже предположить, что приростъ въ этой полосѣ не превышаетъ 300.000, и тогда предполагаемая цифра переселенцевъ, далеко превосходящая дѣйствительную цифру, составитъ только $16\frac{2}{3}\%$ всего годичнаго прироста. Ежегодное передвиженіе въ плодородныя и малонаселенныя восточныя губерніи Европейской Россіи и въ Сибирь 60.000 семействъ или 300.000 душъ было бы величественнымъ явленіемъ въ ряду фактовъ нашей экономической политики. Такое передвиженіе, далеко превосходя своими размѣрами не только скромныя цифры дѣйствительности, но и пожеланія, которыя отъ времени до времени высказываетъ наша публицистика, не превышало бы, однако, ежегоднаго прироста населенія и не умаляло бы числа рабочихъ рукъ, которыми располагаютъ нынѣ наши крупныя и среднія сельскія хозяйства. Такъ какъ переселенія совершаются не въ одиночку, не одними лицами въ возрастѣ полной рабочей силы, а семьями, въ которыхъ, если группа довольно велика, распредѣленіе членовъ по поламъ и возрастамъ соотвѣтствуетъ распредѣленію жителей цѣлыхъ селеній и уѣздовъ, то пробѣлъ, оставляемый выбывающими, немедленно пополнялся бы путемъ народженія и безостановочнаго передвиженія юныхъ членовъ остающихся группъ въ возрастъ полурабочей или полной рабочей силы.

Если отливъ числа переселенцевъ, равнаго ежегодному приросту населенія, не можетъ имѣть вліянія на повышение платы сельскимъ рабочимъ въ Европейской Россіи вообще, то небольшое повышение можетъ имѣть мѣсто въ отдѣльныхъ волостяхъ и даже уѣздахъ. Губерніи, поставляющія переселенцевъ, не въ равной степени участвуютъ и будутъ участвовать въ этомъ процессѣ, а потому, при общемъ итогѣ, равномъ ежегодному приросту населенія, изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ могутъ быть выселенія, превосходящія ежегодный приростъ, тогда какъ изъ другихъ губерній они не будутъ дости-

¹⁾ Изъ курской губерніи 2.074, изъ тамбовской—1.567, отъ 500 до 1.000 изъ полтавской, харьковской, орловской губерній, области войска донскаго, отъ 100 до 300 изъ пензенской, тульской, саратовской, рязанской, черниговской губерній и менѣе 100—изъ воронежской, симбирской и калужской.

гать его. Но нѣкоторое повышеніе заработной платы, если бы оно вслѣдствіе этого наступило въ уѣздахъ первой группы, не только не будетъ опасно для хозяевъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, но даже должно быть признано желательнымъ.

Какъ ни низка плата русскимъ сельскимъ рабочимъ, какъ ни мизерны 20—30—40 копѣекъ, получаемыя рабочими во многихъ губерніяхъ даже лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, плата эта можетъ быть, пожалуй, тяжела для нашихъ сельскихъ хозяевъ. Каждый, знакомый съ условіями сельскаго хозяйства, знаетъ, что у насъ, при огромной, безобразной длинѣ рабочаго дня, наемный трудъ менѣе производительенъ, нежели въ западной Европѣ. И причина этого лежитъ какъ въ тѣлесной хилости дурно питающагося русскаго работника, такъ и въ вяломъ отношеніи нашихъ сельскихъ хозяевъ къ ихъ исконному занятію, въ слѣдованіи тѣмъ приемамъ стародавней земледѣльческой культуры, которые рѣшительно не соотвѣтствуютъ измѣнившимся условіямъ нашего экономическаго быта. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятая, дѣлая трудъ нашего сельскаго рабочаго менѣе производительнымъ, служатъ причиною бездоходности многихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ и позволяютъ Америкѣ и Австраліи успѣшно соперничать съ нами на всемірномъ рынкѣ, хотя ихъ сельскіе рабочіе получаютъ плату въ 3—4 раза высшую, нежели наши. Но и въ предѣлахъ нашего отечества мы имѣемъ широкое поле для наблюденія, что самая низкая плата не есть въ то же время плата наиболѣе выгодная для сельскаго хозяина. Рабочая плата въ прибалтійскихъ и привислянскихъ губерніяхъ стоитъ вообще на 30—40—50% выше платы въ средней Россіи, и именно въ этихъ губерніяхъ хозяйство поставлено наиболѣе удовлетворительно, именно изъ нихъ всего рѣже слышались жалобы на безпомощное положеніе землевладѣльцевъ. Плата сельскимъ рабочимъ стоитъ всего ниже въ сѣверско-бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, обнимающемъ губерніи минскую, могилевскую и сѣверную часть черниговской, и именно въ этой полосѣ сельское хозяйство наиболѣе отстало сравнительно даже съ тѣмъ, что представляетъ сѣверная Россія. Напротивъ, въ губерніяхъ южно-русскихъ плата стоитъ въ 1¹/₂—2 раза выше, чѣмъ вознагражденіе труда въ средней Россіи ¹⁾; въ иные годы недостатокъ рабочихъ рукъ еще болѣе повышаетъ эту плату,—однако въ этихъ губерніяхъ хозяйство болѣе доходно, нежели въ мѣстностяхъ съ низ-

¹⁾ По даннымъ департ. землед. и сельск. промышлени., лѣтомъ 1888 года во-денная плата пѣшему рабочему составляла 70 коп. въ 3 прибалтійскихъ губерніяхъ, 45—55 к. въ губерніяхъ пензинской, рязанской, смоленской, тамбовской, тульской и другихъ, 40—45 к. въ минской, могилевской, сѣверныхъ уѣздахъ черниговской и 30—30 к. въ таврической и херсонской.

шей рабочей платой. Извѣстная часть этого явленія можетъ быть приписана плодородной почвѣ южной Россіи, но важной причиной служатъ также усовершенствованія въ приѣмахъ труда, которыя замѣчаются именно въ этихъ губерніяхъ. Примѣненіе къ сельскому хозяйству паровыхъ двигателей и разнообразныхъ машинъ, многократно увеличивающихъ производительность труда, встрѣчается наиболѣе часто въ губерніяхъ бессарабской, екатеринославской, каменецъ-подольской, херсонской.

Если, такимъ образомъ, множество фактовъ, и въ нашемъ отечествѣ, и далеко за его предѣлами, указываютъ на примѣры крайней бездоходности сельскаго хозяйства при низкой денежной рабочей платѣ и на возможность вести его съ выгодой при платѣ номинально высокой, то землевладѣльцы губерній, гдѣ переселенія постепенно могутъ нѣсколько повысить рабочую плату, вовсе не въ правѣ рисовать будущее мрачными красками. Напротивъ, мы убѣждены, что небольшое повышение платы, еслибы оно дѣйствительно произошло, доставить даже выгоду хозяйствамъ, примѣняющимъ наемный трудъ. Это обстоятельство дастъ землевладѣльцу новый толчокъ къ тому, чтобы разстаться со старой, заржавѣвшей колеей и перейти къ системамъ хозяйства, болѣе соотвѣтствующимъ условіямъ внутренняго и международнаго рынковъ, а потому и болѣе выгоднымъ. Вотъ почему переселенія, разсматриваемыя даже съ такой узкой частнохозяйственной точки зрѣнія, не представляются противными интересамъ капиталистическаго сельскаго хозяйства; онѣ могли бы послужить для него поводомъ замѣтнаго движенія впередъ.

V.

Отстраняя нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ возраженій, мы считаемъ возможнымъ доказать, что переселенія способны приносить и, частію, приносить большія выгоды и государственному казначейству, и всему народному хозяйству Россіи, и что матеріальное содѣйствіе переселенцамъ было бы одною изъ самыхъ производительныхъ затратъ государственной казны.

Когда оспариваютъ положеніе, что государство должно оказывать матеріальное содѣйствіе переселенцамъ, то ссылаются на скудость финансовыхъ средствъ, на обиліе и разнообразіе текущихъ потребностей и на сомнительную выгодность переселеній для государственнаго казначейства. Всѣ эти возраженія не убѣдительны.

Какъ въ жизни отдѣльнаго лица потребности, большею частью, превышаютъ средства къ ихъ удовлетворенію, такъ и въ государ-

ствѣ обыкновенно недостаетъ средствъ на покрытіе нуждъ, которыя заявляютъ о себѣ подъ вліяніемъ всѣхъ культурныхъ условій даннаго историческаго періода. Предположимъ, что въ странѣ отлично поставлено дѣло народнаго образованія, что школы и многочисленны, и удобно распредѣлены, и что, въ среднемъ, на каждыя 7 жителей приходится 1 учащійся. Какъ ни соблазнительно такое положеніе дѣлъ, однако уже отмѣчаются новыя потребности, слышатся голоса, что нужно довести число учащихся до 2-хъ на каждые 11 жителей, что для этого нужно учредить еще столько-то сотенъ или тысячъ училищъ. Подобную же картину представляютъ намъ и всѣ другія стороны государственной жизни.

Но если ссылка на чрезвычайное обиліе и разнообразіе потребностей общества не можетъ быть признана въ какомъ-либо отношеніи убѣдительною, то нѣтъ основанія жаловаться и на скудость средствъ государственнаго казначейства.

Въ самомъ дѣлѣ, о „скудости“ государственныхъ финансовъ можно съ полнымъ правомъ говорить тогда, когда каждый финансовый годъ заключается крупными дефицитами, когда крупные недоборы по отдѣльнымъ статьямъ дохода свидѣтельствуютъ о чрезвычайности податей и о коренныхъ недостаткахъ въ механизмѣ финансоваго управленія. Подобное положеніе дѣлъ, связанное обыкновенно съ дорогимъ и неустроеннымъ государственнымъ кредитомъ, исключаетъ возможность крупныхъ единовременныхъ затратъ, требуемыхъ, напримѣръ, переселеніями.

Можно говорить о скудныхъ средствахъ государственной казны и тогда, когда предлагаемый расходъ не удовлетворяетъ важной жизненной потребности: желательно, напримѣръ, имѣть роскошное зданіе для присутственныхъ мѣстъ; однако часто предпочтительнѣе довольствоваться старымъ, тѣснотатымъ и не совсемъ удобнымъ, чѣмъ затрачивать цѣлый миллионъ на сооруженіе новаго. Тамъ же, гдѣ финансы находятся въ состояніи равновѣсія, гдѣ финансовые года заканчиваются иногда даже съ небольшими избытками, и когда рѣчь идетъ о потребности первостепеннаго значенія, тамъ неумѣстны всѣ разсужденія о скудости финансовыхъ средствъ: если нельзя покрывать данную потребность изъ текущихъ доходовъ, то слѣдуетъ обращаться къ кредиту и черпать изъ этого источника въ размѣрахъ, которые опредѣляются самымъ характеромъ данной потребности. Къ такому-то выводу приглашаютъ насъ и состояніе русскихъ финансовъ, которое должно быть признано удовлетворительнымъ, и чрезвычайная важность переселеній въ хозяйственной жизни нашего народа.

Отстраняя два возраженія, мы оставляемъ третье во всей его силѣ. Не остается ли сомнѣніе относительно выгоды этихъ за-

тратъ, способности ихъ создать новый источникъ казеннаго дохода и поднять производительность источниковъ, уже существующихъ? Выгодная сторона переселеній и состоитъ именно въ томъ, что гораздо легче доказать не только общественную, но и финансовую производительность этихъ затратъ, нежели отыскать убѣдительное и наглядное доказательство производительности по отношенію ко многимъ другимъ статьямъ государственныхъ расходовъ.

Когда дѣлаютъ затраты на реформу системы народнаго образованія или мѣстнаго управленія, или суда, то выдвигаютъ начало государственной пользы въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ слова. Иногда поставленная цѣль достигается и нѣкоторыя стороны народной жизни выигрываютъ отъ сдѣланныхъ нововведеній; нерѣдко избранныя средства оказываются вовсе непригодными, но никогда нельзя вычислить, какъ велики были выгоды, доставленныя этими мѣропріятіями народному хозяйству. Всѣ согласны, что возвышеніе уровня народнаго образованія, общаго и спеціальнаго, постепенно увеличиваетъ рабочее искусство и поднимаетъ производительность труда. Однако нельзя доказать, что открытіе одного или нѣсколькихъ учебныхъ заведеній во всѣхъ случаяхъ будетъ имѣть такое вліяніе; тѣмъ труднѣе вычислить, что данное учебное заведеніе, стоющее столькохъ-то затратъ, единовременныхъ и періодическихъ, можетъ въ такой-то пропорціи улучшить хозяйство населенія даннаго округа и доставить именно такіа-то выгоды государственной казнѣ.

Установленіе этой связи, а тѣмъ болѣе точное числовое опредѣленіе хозяйственныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ извѣстнаго мѣропріятія, представляется относительно многихъ другихъ государственныхъ расходовъ уже окончательно невозможнымъ. Возьмемъ такой примѣръ: законъ ввелъ новую систему уголовныхъ наказаній, которая требуетъ кореннаго преобразованія тюремъ, связаннаго съ многомилліонными затратами. Криминалисты настаиваютъ, что это необходимо; мы соглашаемся съ ними, но, уступая побужденіямъ гуманности, зная, что переустройство тюремъ облегчитъ участь заключенныхъ, мы не получаемъ даже слабой надежды на то, что число преступленій уменьшится, что общество будетъ ежегодно нести меньшую потерю изъ своего запаса рабочей силы или что благосостояніе его возвысится и затраченные милліоны принесутъ свои плоды. Правительственная власть часто находится въ такомъ положеніи: она совершаетъ расходъ, имѣя представленіе о его полезности и даже необходимости въ смыслѣ многостороннихъ интересовъ культуры, а министръ финансовъ изыскиваетъ средства для этого расхода въ полной увѣренности, что источники народнаго богатства хотя и не изсякнутъ, но и не станутъ болѣе обильными.

Совѣтъ въ иномъ свѣтѣ представляется расходъ на содѣйствіе переселеніямъ. Совершая такой расходъ съ обдуманностью, вызываемою каждымъ важнымъ актомъ въ государственной жизни, можно не только предвидѣть разнообразныя выгоды, доставляемыя общественной жизни такимъ расходомъ, но и довольно точно вычислить *приростъ, который этотъ расходъ доставитъ народному и государственному и государственной казнѣ.*

Забудемъ о меньшинствѣ переселенцевъ; меньшинствѣ собственно, и поставимъ вопросъ, что такое средній типичный переселенецъ на родинѣ, и что онъ такое на мѣстѣ своего водворенія?

На родинѣ переселенецъ обрабатываетъ свой крохотный, 2-хъ-десятинный надѣлъ; изба его подгнила и покосилась; онъ ѣстъ лишь то и столько, чтобы не умереть съ голода; онъ — хроническій недоимщикъ по прямымъ податямъ; косвенныхъ налоговъ онъ не платитъ или почти не платитъ, такъ какъ почти не потребляетъ вина и вовсе не знаетъ чаю, сахару, пива. Едва-едва поддерживая свое бренное тѣло, онъ почти не покупаетъ мануфактурныхъ товаровъ и не содѣйствуетъ сбыту отечественныхъ фабрикъ и заводовъ. Онъ нищъ и убогъ, жалокъ и приниженъ. Не добдая и не допивая, онъ даетъ бытіе тому малокровному, тщедушному поколѣнію, которое изъ года въ годъ поставяетъ все большій процентъ людей, непригодныхъ къ отбыванію воинской повинности.

Что изображаетъ изъ себя переселенецъ на мѣстѣ водворенія? Кто успѣлъ устроиться въ Сибири, тотъ, по отзыву всѣхъ нашихъ статистиковъ и этнографовъ, изучавшихъ бытъ новоселовъ, живетъ въ прочной, просторной избѣ, имѣетъ въ 3—5 разъ больше скота, чѣмъ на родинѣ, не знаетъ лаптей, носить исключительно сапоги, не приходитъ изъ города или сельскаго базара безъ ситца или даже шерстяной ткани, безъ чаю и сахару. Весь жизненный обиходъ такихъ переселенцевъ представляетъ картину благосостоянія, рѣшительно неизвѣстнаго въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Чтобы показать ростъ этого благосостоянія, мы воспользуемся данными г. Чарушина о заселкѣ Новогорьевскомъ, доктевской волости, бійскаго округа; г. Чарушинъ называетъ этотъ приростъ *чрезвычайно медленнымъ*. Въ 1885 г., при водвореніи на участіи, 102 двора переселенцевъ имѣли 192 лошади, причемъ безлошадныхъ было 17 дворовъ, а съ 1 лошадыю 31 дворъ. Чрезъ годъ, въ концѣ 1886 г.— было 264 лошади, безлошадныхъ было 2 двора, а съ одной лошадыю — 26. Такимъ образомъ, чрезъ 1 годъ на каждый дворъ приходилось, въ среднемъ, уже не 1,89, а 2,59 лошади, и число имѣющихъ 2 лошади и болѣе было уже не 52,9 проц., а 73,5 проц.¹⁾ Для

¹⁾ Чарушинъ: Отчетъ о движеніи переселенцевъ чрезъ Томскъ за 1888 годъ.

Сибири это — медленный ростъ благосостоянія. Но такой уровень благосостоянія высокъ, если сравнить его со многими мѣстностями черноземной Россіи. Возьмемъ на удачу нѣсколько земскихъ статистическихъ сборниковъ, и мы найдемъ въ нихъ такія цифры: по суджанскому уѣзду на 1 надѣльный дворъ приходится всего 3 головы крупнаго скота; есть дворы, имѣющіе 1 лошадь, а безлошадные составляютъ 54 проц.; въ воронежскомъ уѣздѣ, очень богатомъ лошадьми и крестьянскими конными заводами, на 1 дворъ приходится 2,1 лошади, а безлошадные составляютъ 21 проц. дворовъ; въ спасскомъ уѣздѣ на 1 дворъ приходится 1,4 лошади, а безлошадные и однолошадные составляютъ 61,8 проц. О благопріятныхъ условіяхъ жизни переселенцевъ можно заключить уже по успѣхамъ, которые за послѣдніе годы сдѣлало крестьянское хозяйство въ бійскомъ и барнаульскомъ округахъ томской губерніи. За послѣднія 10 лѣтъ въ этомъ краѣ разбѣзжаетъ много агентовъ отъ торговцевъ хлѣбомъ въ Европейской Россіи. Вывозъ хлѣба черезъ Уралъ увеличивается безостановочно. Усиленный спросъ на хлѣбъ повелъ къ большимъ улучшеніямъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: распространяются плуги, молотилки, вѣялки, сортировки, улучшенныя сѣмена. Крестьяне покупаютъ сѣмена для посѣва въ Семипалатинской ордѣ, а орудія изготовляются переселенцами-кустарями. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ бійскаго и барнаульскаго округовъ уже производятся вѣялки цѣною отъ 12 до 30 рублей, а одна мастерская въ Бійскѣ изготавливаетъ даже большія молотилки, въ 200 и 250 рублей за штуку. Кто не имѣетъ своихъ машинъ, тотъ пользуется услугами кустарей; они обязываютъ крестьянскіе дворы съ вѣялками и сортировками и работаютъ по найму ¹⁾. Мы находимъ официальное признаніе того, что обзаведеніе хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ водворенія, если переселенцевъ не постигли въ пути или на мѣстѣ водворенія какія-либо несчастія, производится хотя медленно, но съ послѣдовательностью ²⁾. Для примѣра сдѣлаемъ ссылку на деревню Ивановку бійскаго округа, гдѣ въ 1866 г. (годъ водворенія) было 12 головъ рог. скота, 65 лошадей, засѣяно хлѣбомъ 23 десятины, а въ 1882 г. 361 голова рог. скота, 344 лошади и 363 десятины подъ хлѣбомъ. И даже на арендуемыхъ земляхъ въ уфимской губерніи, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ арендованія, переселенцы успѣваютъ иногда устроиться очень хорошо ³⁾.

Чтобы опредѣлить въ цифрахъ приростъ общественнаго дохода,

¹⁾ Русск. Вѣд., 1889, 279.

²⁾ Правительств. Вѣстн., 1882, 235. Въ Прав. Вѣстн. за 1881 и 1882 гг. было напечатано много интересныхъ данныхъ о переселеніяхъ.

³⁾ Ср. Ремезовъ; Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, 1889, 120.

связанный съ переселеніями, мы должны припомнить, что средняя крестьянская семья ежегодно расходуетъ 400 рублей и изъ нихъ около 150 рублей—на произведенія фабричной и заводской промышленности: вино, сахаръ, освѣщеніе, одежду, утварь, орудія ¹⁾. Представимъ себѣ, что болѣе благоприятныя условія хозяйства на новыхъ мѣстахъ позволяютъ каждой семьѣ переселенца расширить покупки этихъ товаровъ на 150 рублей, а освобожденіе многихъ земельныхъ надѣловъ увеличить покупательную силу каждой семьи, оставшейся на родинѣ, только на 50 рублей: въ такомъ случаѣ каждая семья, устроившаяся на востокъ, открываетъ нашимъ фабрикамъ и заводамъ рынокъ на лишнихъ 200 рублей въ годъ. 200 рублей выражаютъ ежегодный приростъ, который получить отъ каждой переселившейся семьи русское народное хозяйство.

Можно безъ грубой ошибки вычислить долю государственнаго казначейства въ этихъ 200 рубляхъ. Вся сумма податей въ государственныхъ финансахъ, земскихъ, городскихъ и волостныхъ, составляетъ не менѣе 750 милліоновъ рублей въ годъ, т.-е. болѣе 7 р. на каждого жителя. Если согласиться съ Мѣлголлоу, что въ Россіи доходъ на 1 жителя составляетъ 55 рублей въ годъ, то окажется, что налоги поглощаютъ больше $\frac{1}{8}$ —13%. Такимъ образомъ изъ 200 рублей въ казну поступитъ цѣлыхъ 26 рублей. Въ дѣйствительности же, приобрѣтеніе казны выразится гораздо болѣе крупною цифрой. 200 рублей представляютъ приростъ въ потребленіи наиболѣе распространенныхъ товаровъ—вина, сахару, чаю, ситца, желѣза; а такъ какъ въ цѣнѣ многихъ товаровъ налогъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ процентовъ, то можно смѣло утверждать, что въ 200 рубляхъ, по крайней мѣрѣ, 40 рублей, т.-е. 20 проц., составляютъ долю государственнаго казначейства. Итакъ, скажемъ мы, *каждая семья, переселившаяся на востокъ и устроившаяся на новомъ мѣстѣ, дастъ государственному казначейству ежегодный приростъ дохода на сумму 26 рублей.*

VI.

Но переселенія могутъ оказать крупныя услуги и внѣшней политикѣ Россіи.

И великія державы, и мелкія государства напрягаютъ всѣ силы, чтобы охранить свое внѣшнее могущество, дѣлаютъ чрезмѣрныя, крайне обременительныя затраты на улучшеніе войска въ количе-

1) Ср. Щербина; Крестьянское хозяйство по острогожскому уѣзду, 1887. Глава XVIII.

ственнымъ и качественномъ отношеніяхъ. Мелкія государства тянутся за большими; дотянуться до большихъ они не могутъ, а между тѣмъ находятся въ болѣе выгодномъ, скажу даже, въ завидномъ положеніи сравнительно со своими могущественными сосѣдами: какія пушки ни заведи Бельгія, Данія или Швейцарія, какія ни сдѣлай онѣ затраты на сооруженіе крѣпостей, въ какомъ совершенствѣ ни организуй онѣ свою провіантскую часть и до какой численности ни доведи онѣ свою военную силу—эти страны и другія, подобныя имъ, не могутъ и мечтать о серьезномъ сопротивленіи одной изъ великихъ державъ, для которой полмилліона солдатъ являются уже незначительной вооруженной силой. Самые пылкіе патріоты этихъ маленькихъ государствъ понимаютъ, что только покровительство могущественнаго сосѣда можетъ охранить ихъ отъ непріятныхъ сюрпризовъ. Сознаніе это настолько всеобщее, что позволяетъ мелкимъ державамъ дѣлать сравнительно меньшія затраты на войско и флотъ¹⁾ и легко относиться къ тому или другому пробѣлу въ ихъ организаціи. Отъ этого отечеству не грозитъ опасность, а между тѣмъ эти прорѣхи въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, связанныя съ извѣстными сбереженіями, позволяютъ увеличить расходы по разнымъ отраслямъ внутренняго управленія, съ развитіемъ которыхъ и связаны культурные успѣхи народа.

Не таково положеніе государствъ, которыя и по обширности территоріи, и по числу жителей, и по историческимъ преданіямъ, призваны играть самостоятельную, а по временамъ и руководящую роль во внѣшней политикѣ. Какъ ни тяжело сознаніе, что главные вопросы внѣшней политики рѣшаются мечомъ, но такъ оно есть, такъ, вѣроятно, и будетъ еще довольно долгое время. А разъ это такъ, то для великой державы является въ высшей степени жизненнымъ вопросъ о томъ, какъ лучше заострить этотъ мечъ. Представимъ себѣ читателя газетъ, сколько-нибудь слѣдящаго за военнымъ дѣломъ: если онъ вычиталъ извѣстіе, что въ бельгійскомъ войскѣ вводится скорострѣльное ружье или бездымный порохъ, то, не интересуясь ружьемъ или порохомъ съ точки зрѣнія техники, онъ черезъ полчаса забудетъ о прочитанномъ; узнай онъ то же о германскомъ или австрійскомъ войскѣ, онъ подумаетъ, что и въ нашемъ отечествѣ не мѣшало бы сдѣлать подобное же нововведеніе. И вотъ, вооруженія великихъ державъ, усиливаясь изъ года въ годъ, идутъ довольно дружнымъ темпомъ.

¹⁾ По бюджету на 1889 годъ, расходы на госуд. долгъ, войско и флотъ составляли: въ Англіи—56 мил. фунт.—64,3 проц., въ Россіи—528 мил. р.—61,5 проц., Бельгіи—148 мил. фр.—45,7 проц., Даніи—24 мил. кронъ—42,8 проц., Швейцаріи—24 мил. франк.—39, 3 проц.

Всѣмъ извѣстно, какъ огромны расходы европейскихъ государствъ на войско и флотъ. Жалуясь и негодуя на чрезмѣрность этихъ расходовъ, мы часто оставляемъ безъ должнаго вниманія одну сторону дѣла — соотношеніе этихъ расходовъ съ мѣропріятіями, направленными на развитіе внутренней жизни государства. Если, одновременно съ возрастаніемъ военныхъ расходовъ, культура, во всемъ многообразіи своихъ образовъ, дѣлаетъ крупныя успѣхи, то затраты на войско и флотъ, какъ бы онѣ ни были велики, все же могутъ быть долгое время выносимы народомъ; если культурныя успѣхи незначительны, то улучшеніе войска и флота совершается на послѣднія средства; довольно одного, двухъ толчковъ, въ родѣ неурожая, чтобы улучшенія пріостановились и страна, при быстрыхъ успѣхахъ въ этой области, отстала отъ своихъ сосѣдей.

Культурныя успѣхи, способствующіе и внѣшнему могуществу, поскольку оно опредѣляется военной силой, крайне разнообразны. Улучшеніе политическихъ учрежденій, развитіе народнаго образованія, конечно, способствуютъ возрастанію и военнаго могущества. Но послѣднее стоитъ въ самой тѣсной, неразрывной связи съ условіями экономическими и санитарными. И связь эта двоякая: чѣмъ болѣе благоприятно поставлена страна въ отношеніяхъ хозяйственномъ и санитарномъ, тѣмъ легче можетъ она имѣть войско, физически сильное и хорошо вооруженное, т.-е. тѣмъ сильнѣе можетъ она пойти на встрѣчу опасностямъ, которыя грозятъ ей извнѣ. И, во-вторыхъ, чѣмъ болѣе упрочилось за границей мнѣніе объ отличномъ санитарномъ положеніи въ странѣ, т.-е. выносливости солдатъ, и объ упроченности народнаго богатства, тѣмъ сильнѣе убѣжденіе, что слѣдуетъ относиться къ такому сосѣду съ осторожностью и жить съ нимъ въ ладахъ.

Сопоставляя великія державы Европы въ этихъ отношеніяхъ, мы видимъ на сторонѣ нашего отечества значительныя невыгоды. Англія, которой островное положеніе позволяетъ имѣть небольшое и, какъ утверждаютъ знатоки, плохо организованное войско, можетъ всегда опереться на свое богатство: при крупныхъ и частью коренныхъ недостаткахъ своего экономическаго строя, она превосходитъ другія страны Европы и богатствомъ, и санитарнымъ состояніемъ населенія. Выѣстъ съ тѣмъ, для защиты колоній она имѣетъ флотъ, который, какъ бы ни нападали сами англичане на его слабыя стороны, все же превосходитъ военный флотъ другихъ государствъ. Франція понесла недавно страшный разгромъ; но вѣру въ ея чрезвычайную живучесть поддерживаетъ сознаніе, что она перенесла жестокую войну безъ разстройства финансовъ, безъ потрясенія на долгое время своей промышленности. Мы не говоримъ о выставкѣ нынѣшняго года: по развѣ выставка 1878 г., чрезъ 7 лѣтъ по окончаніи войны, не

доказываетъ, что тяжкія военныя испытанія имѣютъ для Франціи мимолетное значеніе? Такимъ образомъ, время, протекшее отъ послѣдней войны, было затрачено этой страной не только на усовершенствованіе войска, но и на различныя реформы во многихъ отрасляхъ внутренняго управленія. Вычисленія нѣмецкихъ и другихъ экономистовъ показываютъ, что Германія далеко отстоитъ отъ Франціи по уровню своего благосостоянія. Однако дѣйствительно превосходное войско, въ связи съ военнымъ престижемъ, которому немного можно найти равныхъ въ исторіи, создаютъ для Германіи прочное положеніе въ ряду европейскихъ державъ. Не обольщаясь этими благоприятными условіями, германское правительство работаетъ и надъ внутренними реформами; отмѣтимъ, какъ важнѣйшую, организацію страхованія рабочихъ. Австрія? Она потому только и держится, что сосѣди не рѣшили еще, какъ ее раздѣлить.

До пятидесятихъ годовъ настоящаго вѣка престижъ Россіи стоялъ чрезвычайно высоко. Этому, отчасти, способствовали громкіе подвиги русскаго войска и безостановочное расширеніе русской территоріи. Малое знакомство съ Россіей какъ насъ самихъ, такъ и иностранцевъ, упорно поддерживало убѣжденіе, что у насъ непочатый уголъ разнообразныхъ богатствъ. Если состояніе финансовъ и не было удовлетворительно, то всѣ были увѣрены, что за этимъ хозяйствомъ, малоустроеннымъ, стоитъ народное хозяйство, еще неразвитое, но изобилующее всѣми естественными богатствами. Русскій народъ представлялся семьей богатырей, которая можетъ выдерживать, не въ примѣръ прочимъ, голодъ, холодъ, всяческія невзгоды и совершать чудеса. Изученіе Россіи, сдѣлавшее за послѣднія 20 лѣтъ большіе успѣхи, показало, что въ этомъ мнѣніи было много преувеличеннаго. Исслѣдованія обнаружили, что наши естественныя богатства, особенно лѣса и плодородіе почвы, растрачиваются безжалостно; что земледѣльческая техника и урожайность стоятъ на крайне низкомъ уровнѣ; всеобщая воинская повинность даетъ у насъ—замѣтимъ, въ странѣ, по преимуществу, земледѣльческой и при снисходительномъ отношеніи къ новобранцамъ—15—20 проц. лицъ, неспособныхъ отбывать воинскую повинность по малому росту или тѣлеснымъ недостаткамъ. Итакъ, санитарныя условія неблагоприятны. Добавимъ къ этому, что и послѣдняя русско-турецкая война, потребовавшая съ нашей стороны больше времени и силъ, нежели для Германіи борьба съ Франціей, неспособна вселить въ иностранцахъ убѣжденіе, чтобы мы могли выдержать продолжительную борьбу съ одной изъ великихъ державъ Европы, прежде всего, конечно, съ Германіей. Всѣ эти факты, наблюдаемые въ нашемъ отечествѣ, становятся почти немедленно достояніемъ и западно-европейской печати; всѣ эти факты доказываютъ,

что внутренняя жизнь нашего отечества дѣлаетъ мало успѣховъ и что военный бюджетъ, дѣйствительно, крайне тягостенъ; всѣ эти факты подрываютъ престижъ Россіи, умаляютъ вѣру въ ея могущество.

Для переменъ въ лучшему, для удержанія во внѣшней политикѣ положенія, которое приличествуетъ Россіи, намъ нужно долго и упорно работать во всѣхъ сферахъ нашей жизни. Намъ нужно много разнообразныхъ улучшеній. Необходимы и различныя экономическія мѣропріятія. Во главѣ послѣднихъ мы ставимъ *хорошо организованную переселенческую политику.*

Переселеніе есть наиболѣе могущественное средство для поднятія уровня благосостоянія и улучшенія санитарныхъ условій. Будучи могущественнымъ, оно есть въ то же время средство наиболѣе испытанное, наиболѣе вѣрное, а для странъ, имѣющихъ, подобно Россіи, огромный запасъ пустующихъ плодородныхъ земель, средство—*самое легкое.*

Переселенія, поднимая благосостояніе, способны могущественно дѣйствовать и на улучшеніе здоровья населенія. У насъ тѣлесная хилость встрѣчается не только въ городахъ и среди лицъ, посвящающихъ себя занятіямъ вреднымъ для здоровья; мы находимъ ее въ деревняхъ центральной Россіи, Бѣлоруссіи и разныхъ другихъ областей: мало земли, негдѣ работать, нужно ѣсть одинъ хлѣбъ, да и то часто сомнительнаго достоинства—и вырастаетъ въ деревняхъ хилое, малокровное поколѣніе, рѣшительно неспособное въ военномъ дѣлѣ на то, на чтó были способны сподвижники Суворова, Кутузова и даже Нахимова. Повышеніе уровня благосостоянія, посредствомъ отвлеченія части жителей изъ мѣстностей, наиболѣе густо населенныхъ, не замедлитъ дать населенію лучшую пищу и въ немного лѣтъ увеличить его тѣлесную крѣпость.

Мы называемъ переселенія средствомъ наиболѣе испытаннымъ и вѣрнымъ и ссылаемся при этомъ на всю хозяйственную исторію человечества: въ этой исторіи, отъ временъ греческихъ колоній по берегамъ Малой Азіи, отъ временъ разселенія нашихъ предковъ по огромной русской равнинѣ и до заселенія въ послѣднія 100 лѣтъ сѣверо-американскаго материка, одной изъ важнѣйшихъ главъ служитъ убѣжденіе, что человекъ быстро дѣлаетъ культурные успѣхи, если отыскиваетъ для своего труда наиболѣе плодородное поле. Переселенія вытекали и вытекаютъ изъ этого сознанія.

Наконецъ, для Россіи мы называемъ это средство легкимъ и доступнымъ: намъ не нужны экспедиціи въ Тонкинъ, долину Конго или Абиссинію, чтобы передвинуть избытокъ населенія; мы можемъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній совершать переселенія за тысячи верстъ на востокъ, но все туда, гдѣ изстари раздается русская рѣчь.

Плугъ, коса и топоръ, безъ всякаго прикрытія броненосцами и ми-тральезами—вотъ все, что нужно имѣть для пользованія благодатными пустынями Сибири и Средней Азіи.

Переселенческая политика, ведома Россіей въ широкихъ размѣрахъ и *всѣми понимаемая какъ одна изъ великихъ экономическихъ реформъ*, не только послужитъ для нашей родины обильнымъ источникомъ богатства, но и подниметъ престижъ Россіи за ея предѣлами: всѣмъ будетъ очевидно, что Россія ступила на путь такого преобразованія, которое влечетъ за собой огромныя выгоды для народнаго хозяйства—этой основы и внѣшняго могущества.

VII.

13-го іюля 1889 года изданъ законъ о переселенцахъ. Не останавливаясь на опѣнкѣ этого закона во всѣхъ подробностяхъ, что отчасти уже сдѣлано нашей печатью, мы отмѣтимъ только главные мѣропріятія, способныя дать ему жизненную силу.

Во-первыхъ, переселенія не приводятся въ опредѣленную связь съ малоземельемъ крестьянъ, безплодіемъ почвы или другими характерными признаками дурного состоянія хозяйства, а ставятся въ полную зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. Губернаторы, доводя до свѣденія министерства внутреннихъ дѣлъ о желаніи крестьянъ переселиться и сопровождая эти ходатайства своими заключеніями, будутъ основываться на матеріалѣ, доставляемомъ чинами уѣздной администраціи—земскихъ управъ, а главное, исправниковъ и имѣющихъ быть введенными участковыхъ начальниковъ. Мы охотно допускаемъ, что во многихъ случаяхъ свѣденія объ имущественномъ положеніи крестьянъ, желающихъ переселиться, будутъ собираться съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу и освѣщаться съ полнымъ безпристрастіемъ. Но нерѣдки будутъ и явленія крайне нежелательныя. Чины уѣздной администраціи часто принадлежатъ къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и сельскимъ хозяевамъ; боясь, чтобы выселенія не возвысили рабочей платы, они нерѣдко будутъ склонны давать свѣденіямъ объ имущественномъ положеніи просителей такое освѣщеніе, которое легко будетъ вести въ министерствахъ къ предположенію, что переселенія изъ данной мѣстности не вызываются необходимостью. Каждый, знакомый съ гибкостью канцелярскаго языка, знаетъ, что однѣ и тѣ же цифры могутъ получать много разнообразныхъ освѣщеній. Допустимъ, напр., что сельское общество, многіе члены котораго желаютъ переселиться, имѣетъ слишкомъ мало земли, скота и т. д.; допустимъ даже, что всѣ факты говорятъ о крайне

низкомъ уровнѣ благосостоянія. Чтобы дать этимъ фактамъ и цифрамъ такое освѣщеніе, которое оправдывало бы выводъ, что переселеніе не есть необходимость, довольно, напр., одного,—чтобы надѣльная площадь имѣла черноземную почву. Уже одинъ такой фактъ позволяетъ подать мнѣніе, что крестьяне, при извѣстномъ стараніи, могутъ извлекать изъ своихъ малыхъ надѣловъ гораздо болѣе доходъ; наличность какого-нибудь кустарнаго промысла позволить съ легкимъ сердцемъ дать заключеніе, что было бы желательнѣе способствовать развитію мѣстнаго кустарнаго производства, нежели разрѣшить переселеніе. Тамъ же, гдѣ надѣльная земля низкаго достоинства, но площадь ея довольно велика, еще легче отыскать точку опоры для вывода—недоброжелательнаго переселеніямъ. И въ такомъ сельскомъ обществѣ всегда можно найти нѣсколько отличныхъ исключительныхъ хозяевъ, которые успѣваютъ справиться и съ песками, и съ кочковатымъ болотомъ. Ссылка на такихъ хозяевъ съ присовокупленіемъ, что на 1 ревизскую душу приходится 4—5—6 дес. земли, конечно, можетъ вызвать предположеніе, что переселеніе вовсе ненужно для этой мѣстности.

Чтобы переселенія не наталкивались на подобныя препятствія, желательно дополненіе закона 13-го іюля опредѣленіемъ *условій, при которыхъ мѣстная администрація была бы обязана особенно тщательно и полно изслѣдовать хозяйство крестьянъ, ходатайствующихъ о разрѣшеніи переселиться*. Въ рядъ главныхъ условій должны бы быть поставлены: малый надѣлъ, меньше 2 десятинъ на 1 наличную мужскую душу въ черноземныхъ губерніяхъ и меньше $3\frac{1}{2}$ —въ губерніяхъ нечерноземныхъ; очень неплодная почва, кочковатыя болота, песчаные наносы; большая распространенность отхожихъ промысловъ и именно для сельскохозяйственныхъ работъ, такъ какъ эти отхожіе промыслы свидѣлствуютъ объ особенно дурномъ положеніи сельскаго хозяйства въ данномъ районѣ. Земскія статистическія изданія даютъ обильный матеріалъ для выясненія этихъ условій. Еслибы законъ съ удареніемъ говорилъ о самыхъ выдающихся признакахъ стѣсненнаго положенія крестьянъ, то предупредилъ бы много случаевъ освѣщенія фактовъ, не соответствующаго ихъ истинному значенію.

Во-вторыхъ, нужно энергически приступить къ работамъ по изслѣдованію и обмежеванію земель, которыя будутъ отводимы переселенцамъ. Ст. 6, перечисляя мѣстности, гдѣ будутъ водворяемы переселенцы, умалчиваетъ о Восточной Сибири. Но и та площадь, которая теперь открывается для переселенцевъ, еще чрезвычайно велика. Не считая свободныхъ земель Европейской Россіи, мы имѣемъ въ 2-хъ сибирскихъ губерніяхъ и 3-хъ среднеазиатскихъ областяхъ

3.200.000 квад. верстъ. Значительная часть этой площади, и именно большая часть тобольской губерніи, по своему сѣверному положенію, непригодна для переселенцевъ. Допустимъ даже, что изъ всей ея площади въ 1.207.000 кв. верстъ $\frac{3}{4}$ могутъ служить только территоріей для бродячихъ инородцевъ. Предположимъ, что и въ остальныхъ областяхъ многія мѣста не будутъ предметомъ правильной сельскохозяйственной культуры; все же останется хотя половина, 1.600.000 кв. верстъ, на которыхъ могутъ размѣщаться переселенцы. Допустимъ даже—надъ этимъ посмѣется каждый, сколько-нибудь знакомый съ Сибирью,—что удобнымъ мѣстомъ для поселенія можетъ служить менѣе $\frac{1}{2}$ всей этой площади, т.-е. 1.000.000 кв. верстъ. При хозяйственной системѣ, крайне экстензивной, и въ расчетѣ на возростаніе населеній, для 1 семьи нужно не больше 50 десятинъ; слѣдовательно, на всей этой площади могутъ съ удобствомъ размѣститься 2.080.000 семей. Въ этихъ же двухъ губерніяхъ и трехъ областяхъ живутъ $4\frac{1}{2}$ милліона душъ, что, при 5—6 душахъ на 1 семью, составляетъ менѣе 900.000 семей; итакъ, остается мѣсто еще для 1.200.000 семей. Эта площадь настолько велика, что еслибы переселенія совершались изъ Европейской Россіи въ очень большихъ размѣрахъ, по 50—60.000 семей въ годъ, въ теченіе цѣлой четверти вѣка не имѣлъ бы практическаго значенія вопросъ объ удобствахъ, которые могутъ представить для переселенцевъ восточныя губерніи Россіи.

Не притязая на точность вычисленій и сводя запасъ свободныхъ земель къ наименьшей величинѣ, мы хотимъ только показать, какъ много нужно сдѣлать для развѣдки земель и въ этихъ мѣстностяхъ и насколько необходима возможная тщательность мѣстныхъ изслѣдованій, для избѣжанія ошибокъ, съ которыми были связаны опыты по колонизованію Сибири. Въ „Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1885 годъ были напечатаны официальные свѣденія о положеніи переселенцевъ въ Акмолинской области. Мѣстный губернаторъ лично изслѣдовалъ многіе поселки и, отдавая должное неутомимому трудолюбію колонистовъ, приписалъ бѣдственное положеніе многихъ семей дурному качеству занятой земли. Занятіе такой земли объясняется слѣдующимъ. Двѣ межевыя партіи были посланы для обмежеванія участковъ и краткаго ихъ описанія. Описанія многихъ участковъ, несмотря на всю свою краткость, были многозначительны: отмѣчалось, напр., что „нѣтъ воды“, „нѣтъ луговъ“, „нѣтъ лѣса“. Этими отмѣтками не придавали значенія и направляли поселенцевъ для занятія всѣхъ отмежеванныхъ участковъ. Въ результатѣ явилось, конечно, разореніе нѣсколькихъ сотъ семей, большія недомогки и хлопоты мѣстной администраціи, чтобы передвинуть колонистовъ въ

другія мѣста. Пусть же подобные опыты служатъ уроками для будущаго. Кажется, не нужно головоломной работы для убѣжденія, что лучше примириться съ потерей нѣсколькихъ тысячъ рублей, израсходованныхъ на изслѣдованіе земель, которыя оказались непригодными для переселенцевъ, нежели пренебрегать свѣдѣніями, собранными о физическихъ свойствахъ участковъ, и двигать людей даже туда, гдѣ въ ближайшемъ будущемъ ихъ ожидаетъ полное разочарованіе, а казну—новыя недоимки, значительные расходы и заботы. Для изслѣдованія земель въ областяхъ, указанныхъ закономъ, министерство государственныхъ имуществъ имѣетъ большой запасъ отлично подготовленныхъ рабочихъ силъ. Я разумѣю земскихъ статистиковъ. При весьма неодинаковыхъ условіяхъ чисто-учебной подготовки, эти люди имѣютъ много общихъ, характерныхъ чертъ, которыя позволяютъ говорить о довольно законченномъ типѣ земскаго статистика. Наблюдательность, умѣнье разобратся въ обширномъ и разноцвѣтномъ матеріалѣ, который представляетъ именно русская деревня, привычка къ упорной работѣ, многочисленныя практическія свѣдѣнія, позволяющія быстро знакомиться съ условіями внѣшней природы и экономическимъ бытомъ населенія—вотъ свойства опытнаго земскаго статистика. Запасъ такихъ лицъ довольно великъ; земскія статистическія изслѣдованія закончились въ однихъ губерніяхъ и временно пріостановились въ другихъ, а потому многіе изъ этихъ людей свободны и могли бы быть привлечены къ дѣлу развѣдки земель въ Сибири.

Коснемся, наконецъ, третьяго пункта — льготъ, которыя законъ 13-го іюля даруетъ переселенцамъ. Въ ст. 11—14 законъ устанавливаетъ льготы по взносу арендныхъ платежей, налоговъ, отбыванію воинской повинности, по податнымъ и продовольственнымъ недоимкамъ, накопившимся на старомъ мѣстѣ. Въ совокупности эти льготы не маловажны; но, служа хорошимъ подспорьемъ для крестьянъ средняго достатка, онѣ представляютъ слишкомъ малое облегченіе для наиболѣе нуждающихся, которые и требуютъ особеннаго вниманія законодателя. Быть можетъ, требованіе, чтобы администрація заготовляла переселенцамъ лѣсъ для построекъ, скотъ, орудія (соответственно съ законодательствомъ гр. Киселева), означало бы навязываніе правительственной власти заботы о такихъ нуждахъ переселенцевъ, которыя они могутъ удовлетворить сами. Со времени законодательства гр. Киселева прошло болѣе 60 лѣтъ; въ Сибири развились городскія поселенія и обрабатывающая промышленность, и переселенцы могутъ сами пріобрѣтать все нужное для ихъ хозяйственнаго обихода. Отстраняя ссуды натурой, мы считаемъ *безусловно необходимою выдачу нуждающимся переселенцамъ денежныхъ ссудъ.*

Итоги переселенческаго движенія за прошлый годъ позволяютъ намъ заключить о затратахъ, съ которыми связано устройство средней семьи переселенца, и о наибольшихъ размѣрахъ правительственныхъ ссудъ Г. Чарушинъ ¹⁾ разбиваетъ прошлогоднихъ переселенцевъ на 6 группъ и считаетъ неимѣющими средствъ къ обзаведенію хозяйствомъ всѣхъ, у кого въ Томскѣ было менѣе 100 рублей, а также небольшую часть той группы, которая имѣла отъ 100 до 300 рублей на 1 семью. Поэтому мы и считаемъ 200 рублей суммой, которая позволяетъ приступить къ самостоятельному веденію хозяйства съ надеждою устроиться въ недалекомъ будущемъ. Если, поэтому, допустить, что переселенецъ, изъ продажи своихъ строеній, скота и проч., выручитъ только сумму, необходимую для достиженія Томска (130 р. на 1 семью), то 200 рублей составятъ высшій размѣръ необходимой ссуды.

Главными условіями такихъ ссудъ должны бы быть: 1) *домосрочность*, ибо ссуды будутъ затрачиваться на тѣ статьи, которыя образуютъ въ хозяйствѣ постоянный капиталъ; 2) отсрочки начала погасительныхъ платежей на 5—6 лѣтъ, къ тому времени, когда переселенцы уже успѣли нѣсколько устроиться на новыхъ мѣстахъ; 3) для бѣднѣйшихъ желательны безпроцентныя ссуды. Еслибы бѣднѣйшіе переселенцы составляли ежегодно нѣсколько тысячъ семей, то потеря на процентахъ (какъ максимум, по 10 рублей отъ семьи каждый годъ) образовала бы совершенно незначительную сумму.

Проектируя мы для переселенцевъ безмездныя пособія, мы бы, пожалуй, поставили ихъ въ довольно тѣсныя границы. Но такъ какъ мы требуемъ только ссудъ и притомъ ссудъ, оплачиваемыхъ въ массѣ своей рыночнымъ процентомъ, то и высказываемся за возможно широкое развитіе этой операціи въ глубокомъ убѣжденіи, что она увеличитъ доходы государственнаго казначейства и благотворно подѣйствуетъ на весь русскій экономическій бытъ.

А. Исаевъ.

¹⁾ См. названный „Отчетъ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1890.

Отставка князя Бисмарка, ея причины и послѣдствія. — Особенность положенія и политики канцлера за послѣдніе годы. — Разногласія съ Вильгельмомъ II и съ общественнымъ мнѣніемъ Германіи. — Дипломатія въ парламентскихъ дѣлахъ. — Злоупотребленія оффиціозной печати. — Значеніе канцлерскаго кризиса для Германіи и для Европы. — Берлинская конференція по рабочему вопросу. — Министерскія переѣзды въ Венгрію и во Францію.

Окончательное удаленіе князя Бисмарка съ политической сцены, которую онъ такъ долго занималъ и отчасти наполнялъ своею личностью, совершилось гораздо скорѣе и совсѣмъ въ иной формѣ, чѣмъ можно было думать до послѣдняго времени. Самъ канцлеръ, повидимому, не ожидалъ столь быстрой и рѣшительной развязки; его ближайшіе органы въ печати наемкали только на возможность сокращенія лежащихъ на немъ многочисленныхъ функцій, и никто не сомнѣвался въ томъ, что руководство иностранною политикою имперіи останется по прежнему въ его испытанныхъ рукахъ. Преклонный возрастъ канцлера, состояніе его здоровья, побуждающее его большую часть года проводить вдали отъ столицы, въ Фридрихсруэ, и наконецъ предполагаемая солидарность его воззрѣній съ идеями молодого императора, полного нервной, лихорадочной энергіи, — все это дѣлало вполнѣ естественнымъ и неизбежнымъ постепенное освобожденіе князя Бисмарка отъ бремени правительственныхъ дѣлъ. Въ газетахъ приводилось выраженіе канцлера о переходѣ его „на старческую долю“ (Alterstheil), т.-е. о намѣреніи его оставить за собою только одно вѣдомство международной дипломатіи; дальше этого не шли самыя смѣлыя предположенія и догадки оппозиціонной журналистики. Говорили, что неблагоприятный исходъ парламентскихъ выборовъ побудилъ князя Бисмарка остаться въ должности прусскаго министра-президента, чтобы не давать повода къ толкованіямъ о торжествѣ надъ нимъ оппозиціи; но эта отсрочка могла имѣть только временный характеръ. Въ такомъ видѣ канцлерскій кризисъ тянулся уже давно. Вильгельмъ II всегда признавалъ себя безусловнымъ поклонникомъ и даже ученикомъ знаменитаго канцлера; онъ не разъ выражалъ это публично въ своихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ. Будучи еще крошпринцемъ, онъ достаточно ясно обнаружилъ свои симпатіи въ восторженномъ тоистѣ за „знаменоносца имперіи“. Всѣмъ казалось, что между молодымъ императоромъ и кня-

земь Бисмаркомъ не могутъ возникнуть принципиальныя разногласія, а еслибы возникли, то уладились бы мирно и закончились бы какимъ-нибудь компромиссомъ. Трудно было представить себѣ, чтобы Вильгельмъ II не позаботился сохранить при себѣ могучаго канцлера, по крайней мѣрѣ номинально, до конца его жизни; нельзя было предположить, что молодой императоръ рѣшится на шагъ, считавшійся немыслимымъ при его дѣдѣ и отцѣ, и что онъ разоидется съ государственнымъ человѣкомъ, который служилъ олицетвореніемъ германскаго единства и могущества въ глазахъ Европы и самой Германіи. Но невѣроятное и неожиданное осуществилось въ дѣйствительности. Князь Бисмаркъ не просто освободился отъ части своихъ правительственныхъ трудовъ, не перешелъ добровольно въ состояніе заслуженнаго отдыха на старости лѣтъ, а получилъ полную отставку отъ всѣхъ своихъ званій и должностей, вслѣдствіе коренного разлада съ императоромъ по вопросамъ внутренней политики. До сихъ поръ господствовало убѣжденіе, что званіе имперскаго канцлера неразрывно связано съ именемъ князя Бисмарка и можетъ перейти къ другому лицу только послѣ его смерти; это принималось за безспорную аксіому и входило въ обычныя политическія соображенія и комбинаціи иностранныхъ кабинетовъ и публицистовъ. При вступленіи на престолъ Вильгельма II, французскія газеты доказывали, что политика Германіи не измѣнится, пока живъ князь Бисмаркъ. При этомъ разумѣлось само собою, что при жизни канцлера никто другой не будетъ заправлять иностранными дѣлами имперіи. Князя Бисмарка обвиняли даже въ желаніи установить какъ бы канцлерскую династію въ пользу своего семейства; эти обвиненія серьезно повторялись за границей и особенно въ Англіи, по поводу назначенія его сына, графа Герберта, статсъ-секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вопросъ о будущемъ преемникѣ канцлера обсуждался всегда въ томъ предположеніи, что князь Бисмаркъ сойдетъ со сцены естественнымъ путемъ, въ силу старости, а не зауряднымъ способомъ формальной отставки. Эти предположенія оказались ошибочными. Всемогуцій имперскій канцлеръ Германіи, которому невольно подчинялись и Вильгельмъ I, и Фридрихъ III, не выдержалъ столкновенія съ молодымъ своимъ поклонникомъ и ученикомъ, Вильгельмомъ II, и долженъ былъ удалиться въ частную жизнь. Графъ Гербертъ Бисмаркъ послѣдовалъ за своимъ отцомъ, чѣмъ еще больше отѣнилось безповоротное значеніе разрыва. Немедленно послѣ принятія отставки назначенъ новый имперскій канцлеръ, такъ что не было никакого промежутка между открытіемъ вакансіи и ея замѣщеніемъ: указы объ отставкѣ и о назначеніи преемника обнародованы одновременно, 20-го (8-го) марта. Эта быстрота дѣйствій, соотвѣтствующая харак-

теру нынѣшняго германскаго императора, должна была показать всѣмъ и каждому, что государственная власть находится въ твердыхъ и энергическихъ рукахъ.

Такимъ образомъ, мы присутствуемъ при зрѣлищѣ, которое недавно еще считалось бы совершенно неправдоподобнымъ: князь Бисмаркъ пребываетъ въ Берлинѣ, а существуетъ другой имперскій канцлеръ Германіи, другой министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Пруссіи. Страннѣ всего то, что этой крутой перемѣны не предвидѣлъ и не былъ къ ней подготовленъ самъ Бисмаркъ, этотъ проницательнѣйшій и дальновиднѣйшій изъ дипломатовъ. Еслибы такая развязка канцлерскаго кризиса ожидалась или признавалась возможною, то она, конечно, не совпала бы съ собраніемъ въ Берлинѣ международной конференціи, а дѣло устроено было бы раньше, въ болѣе цѣлесообразной и невинной формѣ. Теперь же иностраннымъ делегатамъ, съѣхавшимся въ столицу имперіи, предложенъ рѣдкій и неожиданный политическій спектакль, представляющій первостепенную важность для Европы и для Германіи. Для созыва международнаго съѣзда, которому придается серьезное общее значеніе, не выбирается время правительственнаго или министерскаго кризиса, и послѣдній былъ бы во всякомъ случаѣ отсроченъ, еслибы возникъ нектати. Официальныя приглашенія на конференцію были разосланы державамъ за подписью князя Бисмарка, чѣмъ опровергались слухи о существенныхъ разногласіяхъ между императоромъ и канцлеромъ по поводу рескриптовъ 4-го февраля. Очевидно, вопросъ объ отставкѣ выдвинутъ былъ какими-нибудь случайными или неожиданными обстоятельствами и сразу обострился въ такой степени, что нельзя было избѣгнуть немедленнаго и категорическаго рѣшенія. Просьба князя Бисмарка объ увольненіи отъ всѣхъ должностей, поданная имъ 18-го марта (н. ст.), была изложена, по газетнымъ извѣстіямъ, на двадцати страницахъ, такъ что мотивы неудовольствія или утомленія канцлера объяснены были подробно; отвѣтъ императора Вильгельма II, гораздо болѣе краткій, заключается въ рескриптахъ отъ 20-го марта, написанныхъ въ весьма задушевномъ тонѣ. „Съ глубокимъ волненіемъ, — пишетъ молодой императоръ своему канцлеру, — усмотрѣлъ я изъ вашей просьбы отъ 18-го числа, что вы рѣшились отказаться отъ должностей, которыя вы исполняли съ безпримѣрнымъ успѣхомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Я надѣялся, что мнѣ не придется встрѣтиться съ мыслью о томъ, чтобы разстаться съ вами, пока мы живемъ. Если я тѣмъ не менѣе, съ полнымъ сознаніемъ великой важности вашего удаленія, вынужденъ теперь примириться съ этою мыслью, то я дѣлаю это съ прискорбіемъ, но въ полной увѣренности, что удовлетвореніе вашего жела-

нія поможетъ сохранить и сберечь вашу незамѣнимую для отечества жизнь и ваши силы насколько возможно. Приведенные вами мотивы убѣждаютъ меня, что дальнѣйшія попытки измѣнить ваше рѣшеніе не могутъ уже разсчитывать на успѣхъ. Поэтому я исполняю ваше желаніе, увольняя васъ отъ должности имперскаго канцлера, президента прусскаго министерства и министра иностранныхъ дѣлъ, въ надеждѣ, что вашъ совѣтъ и ваши силы, ваша вѣрность и преданность будутъ и впредь принадлежать мнѣ и отечеству. Я считалъ однимъ изъ счастливѣйшихъ преимуществъ въ моей жизни, что я имѣлъ васъ при себѣ при вступленіи моемъ на престолъ. Благодарная память о всемъ томъ, что вы сдѣлали и достигли для Пруссіи и Германіи, чѣмъ вы были для моего дома, для моихъ предшественниковъ и для меня, сохранится во мнѣ и въ нѣмецкомъ народѣ неизмѣнно. Но и за границею будутъ всегда вспоминать съ уваженіемъ и почетомъ вашу мудрую и энергическую мирную политику, которая и въ будущемъ останется руководящею нитью моихъ дѣйствій, согласно моему полному убѣжденію". Въ знакъ особой благодарности жалуется бывшему канцлеру титулъ герцога Лауэнбургскаго, причемъ выражается ему пожеланіе „многихъ лѣтъ спокойной и просвѣтленной сознаніемъ исполненнаго долга старости". Въ другомъ рескриптѣ перечисляются великія заслуги князя Бисмарка относительно арміи, интересы которой онъ съ желѣзною твердостью отстаивалъ въ трудныя времена, когда дѣло шло о преобразованіи военныхъ силъ и объ увеличеніи средствъ на необходимыя вооруженія. Канцлеръ „способствовалъ установленію того пути, по которому армія могла идти отъ побѣды къ побѣдѣ". Чтобы торжественно выразить признательность арміи за все сдѣланное Бисмаркомъ, король даетъ ему высшее военное званіе—генераль-фельдмаршала, съ чиномъ генераль-полковника кавалеріи.

Канцлеръ уходитъ, осыпанный почестями, но едва ли довольный и спокойный. Онъ привыкъ къ власти, которою пользовался почти цѣлыхъ 28 лѣтъ, привыкъ играть первенствующую роль въ европейской политикѣ, привыкъ считать это исключительное положеніе своимъ законнымъ удѣломъ, бремя котораго могло быть облегчено, но не отнято при его жизни. Раздраженіе князя Бисмарка сказывается въ рѣзкихъ замѣчаніяхъ и комментаріяхъ бывшаго его органа, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung"; эти замѣчанія и комментаріи имѣютъ характеръ косвенной полемики противъ Вильгельма II и производятъ крайне странное впечатлѣніе, въ виду недавнихъ еще безусловно-консервативныхъ взглядовъ газеты на роль и положеніе прусскаго короля по отношенію къ парламенту и къ министрамъ. Оппозиція противъ правительственной политики не разъ озвѣля-

лась равносильною враждѣ къ имперіи и къ высшему носителю власти; это былъ обычный ядовитый приемъ офиціозовъ, которымъ не брезгалъ пользоваться и князь Бисмаркъ. Прикрываться личнымъ авторитетомъ короля-императора и называть противниковъ той или другой политической системы врагами отечества,—это была одна изъ любимыхъ и съ наибольшимъ успѣхомъ практикуемыхъ уловокъ офиціозной прессы. Теперь сама „Сѣверо-германская газета“, столь долго и усердно примѣнявшая эту тактику противъ прогрессистовъ и партіи центра, не стѣсняется возражать противъ заявленій императора и намекать на его упущенія и ошибки въ канцлерскомъ кризисѣ. Впрочемъ еще въ царствованіе Фридриха III консервативные офиціозы блестящимъ образомъ доказали, что монархическій принципъ признается ими священнымъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ служить желательнымъ для нихъ дѣломъ; они также не скрывали тогда своей наклонности руководствоваться правиломъ: „und der König absolut, wenn er unseren Willen thut“. Князь Бисмаркъ раздраженъ и тѣмъ, что не было стараній избѣгнуть его неудовольствія, и тѣмъ, что его просьба объ отставкѣ была принята безусловно и окончательно. Если онъ подробно объяснилъ побудительныя причины своего шага, то, конечно, для того, чтобы приняты были соответственные мѣры для устраненія или ослабленія этихъ причинъ, насколько послѣднія зависѣли отъ власти императора. Вильгельмъ II могъ уговорить князя Бисмарка остаться по крайней мѣрѣ имперскимъ канцлеромъ, такъ какъ дальнѣйшее исполненіе этой высокой должности не было бы уже обременительно, послѣ отпаденія трудныхъ обязанностей прусскаго министра-президента. Подобныхъ попытокъ, однако, сдѣлано не было, какъ заявляетъ укоризненно „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“. Увѣренность въ неизбежности такихъ попытокъ и въ ихъ успѣшномъ результатѣ господствовала въ офиціозной печати до послѣдняго момента; еще наканунѣ подписанія рескриптовъ 20-го марта газета „Post“ выражала надежду, что кризисъ уладится и что найдено будетъ средство отклонить отставку князя Бисмарка. Обыкновенно, когда канцлеръ заявлялъ свое неудовольствіе и грозилъ удалиться въ частную жизнь, ему дѣлались всякія уступки, и интересовавшія его дѣла устраивались согласно его желанію;—не такой, очевидно, характеръ имѣло разногласіе на этотъ разъ. Князь Бисмаркъ убѣдился, что молодой императоръ хочетъ дѣйствовать самостоятельно, по своимъ собственнымъ побужденіямъ и идеямъ, и что онъ не думаетъ подчиняться безпрекословно всѣмъ указаніямъ и совѣтамъ канцлера; а быть только номинальнымъ совѣтникомъ короны, безъ прежняго практическаго руководства общими дѣлами государства,—это казалось

уже немислимымъ князю Бисмарку. Насколько можно судить по разоблаченіямъ нѣкоторыхъ офиціозныхъ газетъ, непосредственныя причины кризиса касались только внутреннихъ вопросовъ и не имѣли никакой связи съ иностранной политикою; въ приведенномъ выше рескриптѣ упоминается также о полной солидарности императора съ канцлеромъ въ области международной дипломатіи, и слѣдовательно сохраненіе князя Бисмарка въ качествѣ руководителя внѣшними дѣлами имперіи было бы вполне возможно при болѣе спокойной постановкѣ вопроса заинтересованными дѣятелями. Такъ представляется дѣло по свѣденіямъ компетентныхъ нѣмецкихъ газетъ.

Но въ дѣйствительности источники кризиса лежали гораздо глубже. Дѣятельность князя Бисмарка не могла быть ограничена однимъ спеціальнымъ вѣдомствомъ, какъ дѣятельность какого-либо обыкновеннаго министра; направляющее вліяніе его выражалось бы неизбежно въ общемъ ходѣ внутренней и внѣшней политики имперіи. Князь Бисмаркъ былъ, по общему признанію, геніальнымъ представителемъ политической системы, основанной на недовѣріи къ свободному общественному мнѣнію. Его постоянная дипломатическая игра съ политическими партіями, его временные союзы съ разными группами парламента, при безпощадной враждѣ къ оппозиціи и къ ея вождямъ, неразборчивость средствъ для созданія нужнаго настроенія въ обществѣ посредствомъ воинственныхъ угрозъ и намековъ офиціозной печати, отъ которой всегда можно было отречься послѣ достиженія цѣли (напр., послѣ принятія правительственныхъ проектовъ парламентомъ или послѣ удачнаго исхода парламентскихъ выборовъ),—все это давно уже вызывало протесты въ лучшей части нѣмецкаго народа и отталкивало отъ правительства всѣ искренніе умы и характеры въ Германіи. Безцеремонные приемы офиціозныхъ публицистовъ вносили отраву въ общественную жизнь націи, приучали публику къ какому-то лживому патріотизму и систематически подрывали репутацію правдивости, издавна утвердившуюся за нѣмцами. Этимъ офиціозамъ ничего не стоило заявлять, что Франція— „дикая страна“, въ которой опасно будто бы показываться нѣмцу, или что Швейцарія не имѣетъ права разсчитывать на неприкосновенность своей территоріи; эти офиціозы сегодня превозносили то, чтò смѣшивали вчера съ грязью, и видѣли свою особенную привилегію въ возможности искусственно создавать возбужденіе умовъ и даже панику, играя важнѣйшими интересами Германіи и Европы—вопросами войны и мира—ради временныхъ и нерѣдко мелочныхъ соображеній. Офиціозы дѣйствовали, конечно, не самостоятельно, а по указаніямъ авторитетнаго вдохновителя, и это именно придавало грозную силу и значеніе періодически повторявшемуся газетному

шуму. Не разъ эти газетные походы подвергали опасности тотъ международный миръ, который, по увѣренію хвалителей Бисмарка, былъ главнымъ предметомъ его заботъ. Французы вынуждены были дѣлать надъ собою большія усилія, чтобы сохранить хладнокровіе и самообладаніе въ виду вызывающихъ нѣмецкихъ рѣчей и дѣйствій, во время извѣстныхъ пограничныхъ инцидентовъ, связанныхъ съ именами Шнебеле и Кауфмана. Швейцарцы уже готовились къ вооруженной защитѣ своей независимости, когда нѣмецкіе офиціозы осыпали ихъ оскорбленіями и бранью по поводу дѣла Вольгемута. Эта невоздержность тона переходила нерѣдко и въ дипломатическія ноты, какъ можно было видѣть изъ переписки о конфликтѣ съ Швейцаріею. Часто обнаруживалось какое-то странное противорѣчіе между публичными заявленіями правительства и шумными голосами офиціозовъ. Въ то время какъ князь Бисмаркъ заявлялъ въ парламентѣ о дружескихъ своихъ чувствахъ къ Россіи, вѣрные ему органы печати вели рѣшительную атаку противъ нашего финансового кредита и противъ мнимыхъ нашихъ воинственныхъ намѣреній. Официально отвергалась всякая мысль о враждѣ къ какой-либо державѣ, напр. къ Франціи или къ Швейцаріи, а офиціозныя газеты говорили объ этихъ государствахъ въ такомъ рѣзкомъ и оскорбительномъ тонѣ, точно дѣло клонится къ вооруженному столкновенію. Въ тронныхъ рѣчахъ и въ парламентскихъ заявленіяхъ высказывалась заботливость о сохраненіи европейскаго мира, и взглядъ на Германію, какъ на оплотъ мирной политики въ Европѣ, былъ чрезвычайно популяренъ въ нѣмецкомъ обществѣ; но этому совершенно не соответствовало поведение министерской журналистики, возбуждавшей постоянное беспокойство своими неумѣренными выходками и угрозами. Отсюда произошло то распространенное мнѣніе, что князь Бисмаркъ дѣйствуетъ двулично, что онъ говоритъ одно, а дѣлаетъ другое; отсюда возникали опасенія за прочность общаго мира, въ виду неизвѣстности дѣйствительныхъ намѣреній Германіи.

Внутренняя политика правительства держалась долго на системѣ сдѣлокъ и компромиссовъ, безъ точной принципиальной основы; канцлеръ откровенно объяснял, что онъ всегда готовъ заключить союзъ съ тою партіею, которая предложитъ ему соглашеніе на выгодныхъ условіяхъ, согласно правилу о взаимномъ обмѣнѣ услугъ: „do ut des“ (даю, чтобы ты далъ). Эта безпринципная политика, направленная то къ борьбѣ противъ католичества въ союзѣ съ либералами, то къ преслѣдованію либераловъ въ союзѣ съ консерваторами и реакціонерами, называлась „реальною“ только по недоразумѣнію, а на дѣлѣ она подчиняла реальные интересы страны и народа временнымъ выгодамъ и удобствамъ правительственной власти, распатывала всѣ прав-

ственные понятія и вносила элементъ произвола и неопредѣленности въ общій ходъ политической жизни. Канцлеръ опирался на національ-либераловъ, пока они были сильны и многочисленны въ парламентъ; онъ перенесъ затѣмъ свои симпатіи на консерваторовъ, когда надѣялся достигнуть большинства при ихъ помощи, и наконецъ пытался привлечь на свою сторону католическую партію центра, которую долго громилъ, какъ враждебную и опасную для отечества, пока можно было рассчитывать на ослабленіе ея путемъ правительственного вліянія на выборы. Князь Бисмаркъ не поколебался искать содѣйствія даже въ Ватиканѣ, чтобы побудить членовъ партіи центра подавать голоса въ желательномъ смыслѣ; для этого дѣлались значительныя уступки римскому папѣ, вопреки произнесенному когда-то гордому слову: „мы не пойдемъ въ Каноссу!“ Направленіе политики измѣнялось не потому, что такія перемѣны требовались интересами государства, а только для того, чтобы создать искусственную группировку партій для проведенія тѣхъ или другихъ законопроектовъ въ парламентъ (напр. военнаго септенната, табачной или водочной монополіи, закона противъ социалистовъ). Теперь, когда выборы въ имперскій сеймъ разрушили прежнее правительственное большинство изъ консерваторовъ и національ-либераловъ, офиціозная печать стала отзываться сочувственно о партіи центра, наиболѣе многочисленной и крѣпкой въ парламентѣ, а князь Бисмаркъ вступилъ въ личные переговоры съ ея предводителемъ, Виндгорстомъ, что предвѣщало новый поворотъ въ политикѣ правительства. Слухи о предстоящемъ сближеніи съ клерикальнымъ католичествомъ не могли быть приняты равнодушно нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ; не только прогрессисты, но и національ-либералы, всегда столь покорные и терпѣливые, рѣшительно протестовали противъ предполагаемой комбинаціи, а „Кѣльнская газета“, бывшая отчасти офиціозною, грозила возстать противъ канцлера въ случаѣ заключенія какой-либо сдѣлки съ партіею центра. Переговоры съ Виндгорстомъ послужили поводомъ къ серьезной размолвкѣ между императоромъ и княземъ Бисмаркомъ. Вильгельмъ II полагалъ, что канцлеръ долженъ былъ предупредить его о своемъ желаніи войти въ переговоры съ руководителемъ партіи центра, а канцлеръ, по словамъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, „отказался подчинить какому-либо контролю свои сношенія съ членами парламента“. Князь Бисмаркъ считалъ для себя обязательнымъ докладывать императору только о своихъ рѣшеніяхъ и проектахъ, получившихъ опредѣленную форму, а не о предварительныхъ совѣщаніяхъ съ извѣстными парламентскими дѣятелями. Разногласіе существовало еще по другому вопросу—о правѣ отдѣльныхъ министровъ имѣть непосредственные доклады у импера-

тора, помимо министра-президента. Князь Бисмаркъ придерживался постановленій декрета 1852 года, въ силу которыхъ министры могутъ сноситься съ королемъ не иначе какъ съ вѣдома и согласія министра-президента, который одинъ несетъ на себѣ отвѣтственность за общее направленіе дѣлъ. Вильгельмъ II пожелалъ отмѣнить этотъ старый декретъ; но канцлеръ, какъ выражается упомянутый его органъ, „не хотѣлъ приложить руку къ исполненію императорскаго приказа“, признавая правила 1852 года необходимыми для сохраненія единства въ дѣйствіяхъ министерства, а потому предпочелъ выйти въ отставку.

Изъ этого видно, что разладъ съ княземъ Бисмаркомъ не былъ дѣломъ личнаго настроенія или каприза, а зависѣлъ отъ особенныхъ свойствъ парламентской тактики канцлера и отъ стремленія его сохранить за собою ту исключительную руководящую роль, которая принадлежала ему при престарѣломъ Вильгельмѣ I. Тактика князя Бисмарка, заключавшаяся въ поочередномъ сближеніи съ различными партіями по принципу „do ut des“, не могла быть симпатична людямъ искреннимъ и правдивымъ, придающимъ нѣкоторое значеніе нравственной сторонѣ политической дѣятельности. Для большинства нѣмецкаго общества не было безразлично, какою цѣною пріобрѣтена будетъ правительствомъ поддержка извѣстныхъ группъ въ парламентѣ и въ какую сторону направится политика канцлера для отысканія элементовъ новаго большинства. Вильгельмъ II, какъ человѣкъ молодой, съ свѣжимъ нравственнымъ чувствомъ, не могъ не желать болѣе прямого, откровеннаго отношенія къ народному представительству, безъ той своеобразной дипломатіи, которую внесъ въ эту область князь Бисмаркъ и которая не признаетъ другого мѣрила, кромѣ вѣшняго успѣха. Сосредоточеніе власти въ рукахъ прусскаго министра-президента было немыслимо въ прежнемъ объемѣ уже вслѣдствіе измѣнившихся фактическихъ условій: канцлеръ слишкомъ старъ, чтобы успѣшно заправлять всѣми дѣлами по прежнему, а императоръ слишкомъ молодъ, чтобы ограничиться пассивнымъ воспріятіемъ рѣшеній канцлера. Общія воззрѣнія и традиція, соединявшія князя Бисмарка съ Вильгельмомъ I, не имѣютъ прежней силы для новаго императора, выросшаго при другой политической обстановкѣ, въ періодъ мирнаго пользованія достигнутымъ національнымъ единствомъ и могуществомъ. Солидарности идей и привычекъ не было и не могло уже быть между старымъ канцлеромъ и молодымъ Вильгельмомъ II; а одного взаимнаго уваженія и признанія великихъ прошлыхъ заслугъ еще недостаточно для увѣковѣченія политическихъ пріемовъ, доказавшихъ на опытѣ свою несостоятельность за послѣдніе годы. Тѣ способы дѣйствія, за которые особенно стоялъ князь Бисмаркъ,

потерпѣли рѣшительную неудачу; спеціальныя законы противъ социалистовъ не только не уменьшили значенія социаль-демократіи, но еще болѣе способствовали усиленію и распространенію ея въ народѣ, и демократическая партія составила теперь грозную силу, съ которою приходится по-неволѣ считаться и въ парламентѣ. Князь Бисмаркъ предлагалъ имперскому сейму превратить временный законъ о социалистахъ въ постоянный и не соглашался даже на нѣкоторое смягченіе существенныхъ правилъ законопроекта; результатъ парламентскихъ выборовъ дѣлаетъ невозможнымъ разсчитывать теперь на принятіе закона даже въ смягченной его формѣ, такъ что вторичное внесеніе его въ парламентъ представлялось уже сомнительнымъ. Вообще нужно сказать, что политика канцлера не была богата успѣхами въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и что нерѣдко смыслъ ея оставался темнымъ для большинства публики. Такъ, едва ли кто понималъ, почему такая исключительная важность придана была дѣлу Гефкена, напечатавшаго часть дневника Фридриха III въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, и почему въ докладѣ по этому дѣлу канцлеръ столь ядовито и рѣзко отзывался объ умершемъ императорѣ, отцѣ Вильгельма II. Не ясно было также, съ какою цѣлью предпринята была офиціозная газетная кампанія противъ британскаго посланника въ Петербургѣ, сэра Роберта Моріера, бывшаго военнымъ агентомъ при германской арміи во время франко-прусской войны 1870. Непонятно было наконецъ, для чего нужно было оскорблять и волновать маленькую Швейцарію изъ-за нѣмецкаго шпиона-подстрекателя, арестованнаго швейцарскими властями. Это была уже не политика, а простая нервная раздражительность, вредившая Германіи въ общемъ мнѣніи Европы. Споры съ Соединенными Штатами изъ-за колоніальныхъ дѣлъ также не могли считаться цѣлесообразными. Эти неудачныя дипломатическія дѣйствія, раздражавшія заинтересованные народы безъ всякой пользы для нѣмцевъ, свидѣтельствовали въ то же время о совершенной несостоятельности графа Герберта Бисмарка, какъ помощника канцлера по иностранной политикѣ. Замѣтимъ кстати, что нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ невѣрно представляютъ себѣ распредѣленіе министерскихъ должностей въ центральномъ управленіи Германіи: имперскій канцлеръ завѣдуетъ внѣшними сношеніями имперіи, въ силу своего званія, а прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ имѣетъ болѣе ограниченныя функціи, касающіяся спеціально Пруссіи; этотъ постъ прусскаго министра, вмѣстѣ съ званіемъ прусскаго министра-президента, принадлежалъ князю Бисмарку, а сынъ его, графъ Гербертъ, былъ только (имперскимъ а не прусскимъ) статсъ-секретаремъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, управляющимъ внѣшними сношеніями королевства. Понятно поэтому, что графъ Гербертъ

Бисмаркъ, не имѣвшій самостоятельнаго значенія и не обнаружившій особенныхъ политическихъ талантовъ, долженъ былъ уйти вслѣдъ за своимъ знаменитымъ отцомъ.

Князь Бисмаркъ удалился не только какъ имперскій канцлеръ и прусскій министръ-президентъ, но и какъ представитель цѣлаго политическаго направленія, осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ Германіи. Онъ останется въ умахъ нѣмцевъ творцомъ германскаго единства и наиболѣе могучимъ и авторитетнымъ выразителемъ прусско-нѣмецкой національной идеи; но въ области внутренней политики онъ не будетъ воспоминаемъ съ благодарностью, и если его политическая система уйдетъ вмѣстѣ съ нимъ, то нѣмецкое общество имѣетъ основаніе благодарить судьбу за скорую и рѣшительную развязку канцлерскаго кризиса. Вильгельмъ II, очевидно, полонъ хорошихъ намѣреній, и чувство долга въ немъ настолько сильно, что онъ не усомнился пожертвовать великимъ канцлеромъ, „знаменосцемъ имперіи“, ради добросовѣстнаго и сознательнаго исполненія трудныхъ обязанностей правителя. Неожиданное удаленіе такой исторической фигуры, какъ Бисмаркъ, должно было произвести громадное впечатлѣніе въ Германіи и въ Европѣ; оно не могло обойтись легко и молодому императору, какъ видно изъ лихорадочныхъ словъ его въ обнародованной газетамъ телеграммѣ въ Веймарѣ. „Berliner Tageblatt“, всегда воевавшій съ княземъ Бисмаркомъ, признается теперь, что „даже двойная перемѣна царствованія, пережитая въ 1888 году, прошла почти съ меньшимъ потрясеніемъ, чѣмъ эта перемѣна въ особѣ канцлера“. Столь же сильно выражается въ упомянутой телеграммѣ Вильгельмъ II, говоря, что онъ какъ будто вторично пережилъ смерть своего дѣда. Эти и подобные имъ отзывы указываютъ на то глубокое волненіе, которымъ сопровождался въ Германіи выходъ князя Бисмарка въ отставку. И однако это волненіе было совсѣмъ особаго рода; оно вызывалось скорѣе воспоминаніями великаго прошлаго, чѣмъ заботами и интересами настоящаго. Всѣ какъ-будто чувствовали, что заканчивается цѣлая эпоха новѣйшей германской исторіи, эпоха блестящихъ внѣшнихъ удачъ, и что съ удаленіемъ главнаго героя этой славной эпохи нѣмецкій народъ вступаетъ въ новый неизвѣстный еще періодъ своего политическаго существованія. Но съ этимъ всеобщимъ чувствомъ не связывалось сожалѣніе объ отставкѣ князя Бисмарка; напротивъ, большинство сознавало неизбежность такой развязки и вздохнуло свободно, когда убѣдилось въ ея безповоротности. Слишкомъ крупная историческая личность желѣзнаго канцлера подавляла своимъ авторитетомъ и вліяніемъ свободную политическую жизнь Германіи, налагала свой отпечатокъ на весь характеръ имперіи и затрудняла переходъ къ новой политикѣ, болѣе

соотвѣтствующей идеямъ и потребностямъ современнаго нѣмецкаго поколѣнія. Очень немногіе могли жалѣть о томъ, что исчезаетъ личная система управленія князя Бисмарка, что падаютъ его законодательные проекты финансоваго и экономическаго свойства, въ родѣ табачной монополіи, и что положенъ конецъ его дипломатической игрѣ съ парламентскими партіями. Никто не жалѣетъ о предстоящемъ паденіи или преобразованіи офиціозной печати, причинившей столько зла нѣмецкому обществу и чужимъ народамъ. Прусская палата депутатовъ встрѣтила молчаніемъ офиціальное сообщеніе объ отставкѣ князя Бисмарка, и это становится понятнымъ, если вспомнить дѣйствительную роль канцлера за послѣднее время. Даже прежніе безусловные поклонники его, національ-либералы, отнеслись къ событію хладнокровно. Нѣмцы были какъ будто пресыщены славой и заслугами Бисмарка; они ничего не имѣли уже противъ того, чтобы эта слава и эти заслуги отошли на нѣкоторое разстояніе и перестали нравственно угнетать новыя поколѣнія, стремящія жить своею собственною жизнью. Наибольше уловольствія возбудить, вѣроятно, судьба усердной офиціозной печати, оставшейся нынѣ безъ вдохновителя и могущей лишиться своихъ субсидій; но не надо преувеличивать значенія этой прессы для самихъ нѣмцевъ: офиціозы, столь опасные и грозные въ дѣлахъ международныхъ, не пользовались никакими привилегіями въ полемикѣ внутренней и всегда имѣли противъ себя равноправныхъ противниковъ, вооруженныхъ такою же свободою слова, какъ и они сами.

Преемникомъ князя Бисмарка въ должностяхъ имперскаго канцлера, прусскаго министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ, назначенъ, къ общему удивленію, генераль Каприви, командиръ десятиатаго армейскаго корпуса, управлявшій морскимъ министерствомъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1883 по 1888 годъ, весьма способный военный дѣятель, но не имѣвшій вовсе случая пріобрѣсть опытность въ политикѣ, дипломатіи и государственномъ управленіи. Такъ какъ генераль Каприви не имѣетъ политическаго прошлаго и не связанъ ни съ одною изъ существующихъ партій, то изъ назначенія его можно сдѣлать два вывода: во-первыхъ, Вильгельмъ II желалъ имѣть въ канцлерѣ вѣрнаго исполнителя, а не руководителя и совѣтника, и во-вторыхъ, правительство будетъ относиться одинаково ко всѣмъ партіямъ и группамъ парламента, не отталкивая ни одной изъ нихъ безусловною враждою (какъ это было относительно прогрессистовъ при князѣ Бисмаркѣ). Политика Германіи перешла теперь всецѣло въ руки правителя молодого, горячаго, нервнаго, проникнутаго сознаніемъ величія своей миссіи и чувствомъ долга передъ націею. Въ этомъ и заключается причина безпокойства, охватившаго нѣкоторыя

западно-европейскія государства при извѣстїи о паденїи князя Бисмарка. Старый имперскій канцлеръ вдругъ нашелъ друзей и хвалителей во французской журналистикѣ, усмотрѣвшей въ немъ главнѣйшаго хранителя мира въ Европѣ. Всѣ свыклись уже съ дипломатїею и прїемами князя Бисмарка; всѣ знали, что онъ не стремится къ новой войнѣ и сѣмѣтъ удержать другихъ отъ увлеченїй, въ случаѣ надобности; угрозы официозной прессы принимались какъ неизбежное зло и не истолковывались буквально, такъ же, какъ и отдѣльные дипломатическіе конфликты проходили безъ серьезныхъ послѣдствїй, при нѣкоторомъ терпѣнїи и самообладанїи противниковъ. Раздражительность послѣднихъ дѣтъ была непрїятна и крайне неудобна, но не всегда опасна. Европейскія державы имѣли дѣло съ опредѣленною и установившеюся величиною; теперь эта привычная для всѣхъ величина уступила мѣсто чему-то новому, неизвѣстному. Каковы бы ни были намѣренїя Вильгельма II и какъ бы искренне ни было его миролюбіе, онъ все-таки можетъ противъ воли отдаться воинственному порыву, подъ впечатлѣнїемъ какого-нибудь случайнаго столкновенїя или дипломатическаго спора. Нельзя предвидѣть, какъ поступилъ бы онъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ; но его извѣстныя чувства къ арміи и къ военному дѣлу, его живая впечатлительность и быстрота рѣшенїя могутъ внезапно привести къ событіямъ, которыхъ старательно избѣгаютъ всѣ народы и государства. Имѣя при себѣ такого совѣтника, какъ князь Бисмаркъ, молодой императоръ былъ отчасти гарантированъ отъ собственныхъ ошибокъ; теперь, когда Вильгельмъ II сдѣлался самъ своимъ канцлеромъ, въ европейской политикѣ водворяется полная неизвѣстность. Особенно сильно отразилась эта перемѣна въ Австро-Венгріи и Италїи, которыя все свое международное положенїе строили на авторитетѣ и искусствѣ князя Бисмарка. Но опасенїя, высказываемыя съ разныхъ сторонъ, могутъ быть опровергнуты какъ нельзя болѣе убѣдительно, если Вильгельмъ II отнесется съ надлежащимъ вниманїемъ къ общественному мнѣнію Германїи и ея имперскому сейму, если онъ будетъ руководствоваться жизненными интересами страны, не поддаваясь одностороннимъ вліянїямъ высшаго военного класса, и если вообще онъ не отступитъ отъ того широкаго пониманїя государственныхъ задачъ, которое проглядываетъ уже теперь въ его заявленїяхъ и дѣйствїяхъ. Успокоительно должно дѣйствовать на иностранную публику и то обстоятельство, что паденїе князя Бисмарка застало германское правительство занятымъ международными совѣщанїями по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ современности—по вопросу рабочему. Такое мирное и серьезное начало самостоятельнаго правленїя можетъ служить нѣкоторою гарантїею для будущаго, и во всякомъ

случаѣ безпокойство, проявляемое въ нѣкоторыхъ странахъ по поводу отставки бывшаго канцлера, кажется намъ преувеличеннымъ и преждевременнымъ.

Политическая печать значительной части Европы, правда, лишается теперь одного весьма употребительнаго и удобнаго аргумента при оцѣнкѣ международныхъ отношеній: обычныя ссылки на планы и намѣренія Бисмарка, на его дружбу и вражду, на его закулисныя интриги и комбинаціи, всѣ эти развязныя догадки и соображенія, претендующія на глубокомысліе и проницательность, исчезнуть, наконецъ, со столбцовъ газетъ. Такъ какъ другого Бисмарка нѣтъ, то некому будетъ приписывать свои политическія неудачи, и вмѣсто чужого коварства выступить на первый планъ вопросъ о собственномъ умѣньѣ, о собственной сознательности и разумности дѣйствій. Въ газетной полемикѣ останется безъ употребленія нѣсколько излюбленныхъ клише, которыми усердно пользовались недалекіе патріоты; желательно было бы, чтобы это послужило къ установленію болѣе серьезнаго и трезваго взгляда на международныя отношенія.

Канцлерскій кризисъ не помѣшалъ собравшейся въ Берлинѣ конференціи по рабочему вопросу довести свои занятія до благополучнаго конца. Засѣданія съѣзда открылись 15-го и окончились 28-го марта (н. ст.). Изъ членовъ конференціи составились три отдѣльныя коммиссіи для разсмотрѣнія вопросовъ о работахъ въ рудникахъ и копяхъ, о воскресномъ отдыхѣ и о трудѣ женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Весьма видную роль играли на конференціи французскіе делегаты, особенно Жюль Симонъ. О результатахъ этого замѣчательнаго съѣзда мы будемъ имѣть случай говорить особо, въ одномъ изъ ближайшихъ обзорѣй, по обнародованіи протоколовъ засѣданій.

Сравнительно съ отставкою князя Бисмарка кажутся уже совсѣмъ неважными министерскія перемѣны, происшедшія почти одновременно въ Пештѣ и Парижѣ. Венгерскій министръ-президентъ Тисса, управлявшій Венгріею почти пятнадцать лѣтъ (съ 1875 года), очистилъ, наконецъ, мѣсто свѣжимъ силамъ; преемникомъ его назначенъ графъ Сапари. Во Франціи кабинетъ Тираара не пережилъ отпаденія наиболѣе энергическаго изъ своихъ членовъ, Констана. Министерство воспользовалось первымъ удобнымъ случаемъ и безшумно удалилось, потерпѣвъ неудачу въ сенатѣ по весьма второстепенному вопросу о торговомъ договорѣ съ Турціею. Новый кабинетъ составленъ подъ предсѣдательствомъ Фрейсинаэ почти изъ тѣхъ же лицъ, съ привлеченіемъ только двухъ новыхъ дѣятелей—Рибб, министра иностранныхъ дѣлъ, и Жюля Роша, министра торговли. Констанъ занялъ свой прежній постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Элементъ радикальный, въ лицѣ Буржуа, министра народнаго просвѣщенія и

искусствъ, и Ивѣ-Гюйо, министра публичныхъ работъ, совмѣщается въ этомъ кабинетѣ съ умѣреннымъ оппортунизмомъ, имѣющимъ своего наиболѣе яркаго представителя въ лицѣ Рибо, убѣжденнаго и изящнаго оратора, одного изъ лучшихъ декламаторовъ въ палатѣ. Декларация министерства, довольно безцвѣтная по содержанію, хотя по обыкновенію краснорѣчивая, прочитана была въ палатахъ 18-го марта. Самый составъ кабинета не обѣщаетъ ему долговѣчности; существованіе его будетъ зависѣть только отъ доброй воли большинства депутатовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля, 1890.

- *И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.* Историческая монографія *В. Н. Витевского*. Выпускъ второй. Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ. Казань, 1890.

Въ Литературномъ Обзорѣніи было въ свое время упомянуто о первомъ выпускѣ настоящаго сочиненія. Во второмъ выпускѣ сочиненіе еще не кончено: въ пяти главахъ (VIII—XII) излагается дѣятельность Неплюева въ оренбургскомъ краѣ—основаніе нынѣшняго Оренбурга и административная дѣятельность по устройству оренбургской губерніи, по организаціи лицкаго войска, отношеніе Неплюева къ положенію крестьянъ и раскола и пр. Для своей работы авторъ воспользовался обильной исторической литературой, между прочимъ и мѣстными изданіями, даже архивными матеріалами тургайскаго областного архива, куда перешли оренбургскія дѣла, и также черновыми бумагами покойнаго Желѣзнова. Исторія, излагаемая г. Витевскимъ, спеціально мѣстная; но, конечно, имѣетъ свои общія отношенія, какъ напр. характеръ мѣстной администраціи, свойственной не одному Оренбургу, какъ вопросъ крестьянскій, какъ дѣла о бѣглыхъ, расколъ и т. п., такъ что изслѣдованіе даетъ важныя указанія и для общей исторіи русской жизни XVIII-го вѣка. Въ первомъ выпускѣ мы отмѣтили нѣкоторыя излишества; во второмъ, занятомъ чисто мѣстными дѣлами, этихъ излишествъ меньше, хотя и здѣсь не обошлось безъ рассказовъ, совершенно ненужныхъ для исторіи Неплюева; напр., въ главѣ XII-й повторяются извѣстныя двадцать разъ подробности о Посошковѣ, о Салтычихѣ, о кн. Козловской и т. п., причѣмъ для объясненія положенія вещей *при* Неплюевѣ, до 1758 г., приводятся факты изъ временъ имп. Екатерины II и т. п.

Недавно на книгѣ г. Дубасова о Тамбовскомъ краѣ мы указывали образчикъ того, до какой нелѣпости можетъ доводить раздѣленіе мѣстной исторіи совершенно къ ней не относящимися данными. Г. Витевскій далекъ отъ подобныхъ нелѣпостей, но также не достаточно отграничиваетъ то, что должно и что не должно входить въ мѣстную исторію.

Повидимому, мѣстнымъ историкамъ свойственна и крайняя щепетильность къ отзывамъ о ихъ произведеніяхъ. Г. Дубасовъ послѣдніе выпуски своей книги начиналъ изобличеніемъ своихъ рецензентовъ; этому примѣру послѣдовалъ, очень напрасно, и г. Витевскій, посвятившій этому неблагоприятному дѣлу цѣлыхъ двѣнадцать страницъ въ началѣ 2-го выпуска, гдѣ онъ опровергаетъ замѣчанія, сдѣланныя его рецензентами; онъ, конечно, вездѣ правъ, а рецензенты виноваты. Переспоривать его мы не намѣреваемся, хотя опроверженія иногда нѣсколько оригинальны. Одинъ критикъ замѣчалъ, на примѣръ, что авторъ дѣлаетъ слишкомъ большія выписки изъ исторіи Соловьева; г. Витевскій отвѣчаетъ, что книга Соловьева, „по мнѣнію многихъ компетентныхъ лицъ, составляетъ какъ-бы цѣлую бібліотеку по русской исторіи, безъ которой едва ли кто можетъ обойтись изъ занимающихся отечественной исторіей“, и такъ какъ Соловьеву доступны были столичные архивы, изъ которыхъ онъ „при помощи многихъ писцовъ“ черпалъ содержаніе своего сочиненія, то его книга „во многомъ имѣетъ значеніе первоисточника, особенно для лицъ почему-либо лишенныхъ возможности проникнуть въ столичные архивы. Съ другой стороны, не будетъ ли бесполезной тратой времени выписка изъ архивныхъ дѣлъ того, что уже извлечено и напечатано другими?“ Другой критикъ замѣчалъ, что не было надобности въ біографіи Неплюева излагать дѣло Волинскаго, которое было „подробно разсказано“ уже не одинъ разъ; г. Витевскій готовъ съ опроверженіемъ: „въ данномъ случаѣ,—говоритъ онъ,—дѣло не въ подробностяхъ, отъ которыхъ мы и воздержались въ изложеніи, а въ извѣстномъ освѣщеніи фактовъ и личности самого Волинскаго, возведеннаго многими за его мученическую кончину на незаслуженный имъ пьедесталъ гражданина-патріота и честнаго человѣка“. Критику оставалось бы повторить, что *мы* подробности, *мы* освѣщеніе дѣла Волинскаго все-таки не нужны въ біографіи Неплюева; имъ мѣсто въ біографіи Волинскаго.

Авторъ не довольствуется изобличеніемъ тѣхъ, кто говорилъ о его книгѣ; онъ строгъ и къ тѣмъ, кто вовсе о ней не говорилъ:

„Прежде всего для насъ,—пишетъ онъ въ началѣ предисловія,—не понятно то полное игнорированіе, съ которымъ отнеслась къ настоящей монографіи мѣстная казанская пресса, дающая нерѣдко

отзывъ на своихъ страницахъ о самыхъ незначительныхъ по содержанию и объему брошюркахъ: ни „Волжскій Вѣстникъ“, ни „Казанскій Биржевой Листокъ“, какъ говорится, и словомъ не обмолвились о первомъ выпускѣ монографіи, хотя авторъ своевременно доставилъ свою книгу въ редакціи обѣихъ газетъ; въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“ и въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ также ничего не было сказано о первомъ выпускѣ. Конечно, намъ на это могутъ возразить, что отзывъ о трудѣ, еще неоконченномъ въ печати, былъ бы преждевременнымъ; но мы говоримъ лишь о первомъ выпускѣ и желали бы, помимо сдѣланныхъ авторомъ и книгопродавцемъ А. А. Дубровинимъ объявленій, хотя простого указанія на его выходъ въ свѣтъ въ мѣстной прессѣ, нравственно обязанной, по нашему мнѣнію, отмѣчать на своихъ страницахъ появленіе всѣхъ провинціальныхъ печатныхъ трудовъ въ предѣлахъ своего района. Не смотря, однакожъ, на полное игнорированіе перваго выпуска со стороны мѣстной прессы, столичная печать не лишила своего вниманія нашъ трудъ, такъ-что казанцы узнали о содержаніи и значеніи его не изъ мѣстныхъ газетъ, а изъ столичныхъ періодическихъ изданій“, и т. д.

Гораздо лучше было бы, еслибы авторъ не занимался такими пустяками.

-
- *И. Н. Смирновъ. Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. Казань, 1889.*
 — *Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. И. Н. Смирнова. Казань, 1890.*

Въ предисловіи ко второй изъ этихъ книгъ авторъ пишетъ:

„Однимъ изъ отрадныхъ явленій современной духовной жизни представляется, безспорно, растущій интересъ къ этнографическимъ вопросамъ и изслѣдованіямъ. Въ самыхъ глухихъ „медвѣжьихъ“ углахъ являются люди, готовые наблюдать окружающую жизнь и дѣлиться своими наблюденіями съ публикой. Чтобы это движеніе принесло наукѣ всю пользу, какую оно можетъ принести, надо придти на помощь наблюдателямъ, надо показать, что уже извѣстно относительно предмета, который они собираются наблюдать, что изъ этого извѣстнаго вытекаетъ, какіе вопросы можно поставить на основаніи наличнаго матеріала и рѣшить послѣ дальнѣйшихъ наблюденій; надо, однимъ словомъ, создать не пассивныхъ *воспринимателей* фактовъ, а дѣйствительныхъ, активныхъ *наблюдателей*, подходящихъ къ жизни съ заранѣе уже и *самостоятельно* поставленными вопросами. Достигнуть этого можно будетъ тогда, когда относительно каждой народности будетъ сдѣланъ сводъ всего, что уже извѣстно,

когда извѣстные факты будутъ скомбинированы такъ, что изъ этихъ комбинацій будутъ вытекать вопросы, заставляющіе снова обратиться къ живой дѣйствительности и глубже заглянуть въ нее“.

Необходимость свода не подлежить сомнѣнію; это и должно быть прежде всего сдѣлано, для того чтобы, во-первыхъ, могло быть довершено систематическое собраніе матеріала, восполнены существующіе пробѣлы, исправлены ошибки и неточности; и во-вторыхъ, чтобы на основаніи этого матеріала могла правильно совершаться научная разработка установленныхъ данныхъ. Въ этомъ обобщающемъ направленіи до сихъ поръ сдѣлано очень мало, какъ по русской этнографіи, такъ и по этнографіи инородцевъ. Последняя была въ особенности, такъ сказать, оставлена на произволъ судьбы. Рѣдкое изъ многочисленныхъ инородческихъ племенъ Россіи вызвало такіа обстоятельныя изученія, какія удовлетворяли бы настоящимъ научнымъ требованіямъ. По нѣкоторымъ изъ этихъ племенъ можетъ быть указана довольно значительная литература, но внутреннее достоинство ея обыкновенно не велико. Изученіе инородцевъ восходитъ, главнымъ образомъ, ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, къ эпохѣ академическихъ путешествій. Руководители и исполнители тогдашнихъ научныхъ экспедицій были обыкновенно ученые естествоиспытатели, но не историки и всего менѣе этнографы; они обыкновенно обращали вниманіе и на составъ населенія изслѣдуемыхъ ими странъ, старались дать о немъ возможно точное понятіе, но, не имѣя для правильнаго изслѣдованія ни досуга, ни знанія языковъ, могли сообщать только отрывочныя свѣденія. Впослѣдствіи инородцы возбуждали любознательность мѣстныхъ изслѣдователей, иногда живавшихъ между ними, иногда знакомыхъ даже болѣе или менѣе съ языкомъ, но или изучавшихъ предметъ отрывочно, или не имѣвшихъ достаточной научной подготовки, или, наконецъ, говорившихъ о дѣлѣ только по чужимъ рассказамъ. Въ результатѣ получалась довольно большая масса свѣденій, которая однако требовала повѣрки и объединенія. Лишь изрѣдка брались за дѣло изслѣдованія настоящіе ученые, каковъ былъ, напримѣръ, Кастренъ и нѣкоторые изъ немногихъ нынѣшнихъ ученыхъ, по преимуществу филологовъ. Нельзя поэтому не отнести съ особеннымъ сочувствіемъ къ работамъ, которыя приняты были г. Смирновымъ. Весной 1888 года г. Смирновъ, вмѣстѣ съ лекторомъ финскихъ нарѣчій Веске и хранителемъ этнографическаго университетскаго музея Траубенбергомъ (въ Казани), посѣтилъ черемисскія селенія въ губерніяхъ казанской, нижегородской, вятской, востромской и уфимской. Обработывая собранный этнографическій матеріалъ, г. Смирновъ нашелъ нужнымъ привести въ систему и то, что сдѣлано было раньше по предмету его изслѣдованій. Къ

сожалѣнію, какъ говоритъ г. Смирновъ, „матеріальныя обстоятельства, въ которыхъ находится Общество исторіи, археологіи и этнографіи (при казанскомъ университетѣ), помѣшали автору приложить къ очерку таблицы собранныхъ имъ знаковъ собственности, карту распространенія отдѣльныхъ видовъ черемисскаго женскаго костюма и копій съ фотографій, снятыхъ по его указаніямъ и изображающихъ сцены моленія, рыбной ловли, обработки конопли и т. д.“.

Другое путешествіе по нѣкоторымъ уѣздамъ вятской и уфимской губерній сдѣлано было авторомъ для изученія вотяковъ.

Тотъ и другой матеріалъ изложенъ г. Смирновымъ по одинаковой программѣ. Онъ даетъ въ началѣ очеркъ исторіи племени до подчиненія его Россіи и послѣ; далѣе, указываетъ природу страны, занятой племенемъ, физическія особенности племени, внѣшній бытъ, далѣе, семейное и общественное устройство, религіозныя вѣрованія по разнымъ ихъ направленіямъ, народную поэзію; наконецъ, дѣлаетъ обзоръ существующей литературы о черемисахъ и вотякахъ, съ указаніемъ научнаго качества матеріаловъ, которые она представляетъ. Этотъ обзоръ указываетъ, между прочимъ, что свѣденія объ инородцахъ, ходившіе въ литературѣ, въ большинствѣ случаевъ бывали весьма неудовлетворительны: писавшіе были мало знакомы съ предметомъ, говорили по слухамъ, повторяли другъ друга, иногда совершенно запутывали дѣло; болѣе обстоятельныя работы появляются только въ послѣднее время.

Воспользовавшись достовѣрнымъ матеріаломъ изъ этой литературы, авторъ дополняетъ его собственными поисками и, не довольствуясь простымъ изложеніемъ данныхъ, старается объяснить ихъ въ смыслѣ сравнительной этнографіи и антропологіи. Особенно подробно изслѣдованія о вотякахъ.

Книги г. Смирнова представляютъ прекрасное начало, и надо желать, чтобы подобныя труды были совершены и для другихъ инородческихъ племенъ, для которыхъ еще нѣтъ цѣльныхъ и правильныхъ описаній.

— *Біографія Александра Ивановича Кошелева*. Томъ I. Молодые годы Александра Ивановича. (Въ двухъ книгахъ). Изданіе О. Ѳ. Кошелевой. Москва, 1889.

Наша литература небогата обстоятельными біографіями общественныхъ и литературныхъ дѣятелей. Этому были разныя причины; но рядомъ съ этимъ стоитъ, кажется, и тотъ фактъ, что у насъ не выработалась литературная форма біографіи. Большею частію наши книги этого рода страдаютъ или скудостью такихъ данныхъ, кото-

рыя именно необходимы для настоящей біографіи, или наоборот, если находится въ наличности достаточный матеріалъ, представляют такое изобиліе подробностей, что изъ-за нихъ положительно теряется цѣлая картина. Непривычка владѣть матеріаломъ стоитъ, безъ сомнѣнія, въ связи съ недостаточно выясненнымъ понятіемъ о требованіяхъ самой біографической формы. Эти требованія, повидимому, ясны: біографія должна дать разсказъ внѣшней судьбы и хода внутренняго развитія изображаемаго лица, исторію его трудовъ, имѣвшихъ значеніе для общества, и созданный ими результатъ; чего недостаетъ въ этомъ разсказѣ, гдѣ неясенъ путь развитія, — будетъ неполнотой; что не относится ни къ тому, ни къ другому, — будетъ излишествомъ. Какъ мы сказали, у насъ очень часто встрѣчается или то, или другое: при скудости матеріала, біографъ мало заботится о должной разработкѣ по крайней мѣрѣ того, что есть; при его изобиліи, считаетъ важными всѣ мельчайшія подробности, и цѣлое — теряется.

Настоящая біографія составлена извѣстнымъ публицистомъ, г. Колупановымъ, которому супруга покойнаго, О. Θ. Кошелева, передала обширное собраніе его бумагъ. Въ предисловіи г. Колупановъ говоритъ: „Біографія всякаго сколько-нибудь замѣчательнаго человѣка есть исторія его времени. Насколько онъ являлся произведеніемъ теченій, господствовавшихъ въ обществѣ данной эпохи, настолько же самъ онъ служилъ ихъ представителемъ; поэтому поверхностное знакомство съ окружающей средой, гдѣ пришлось дѣйствовать Александру Ивановичу, было бы недостаткомъ для читателя и непростительною ошибкою для автора. Александръ Ивановичъ началъ жить въ одну изъ самыхъ интересныхъ и бурныхъ эпохъ ближайшаго прошлаго; онъ сталкивался со всѣми замѣчательными людьми своего времени. Именно поэтому біографія его представляетъ серьезный интересъ. Общественная дѣятельность Александра Ивановича, конечно, не была настолько крупною и видною, чтобы избрать именно его центромъ для исторіи его времени. Но у насъ, гдѣ дѣятельность человѣка далеко зависитъ не отъ него самого и гдѣ часто энергія можетъ проявляться, только намѣренно скрываясь въ тѣни, скромная и невидная дѣятельность, въ стѣсненной обстоятельствами сферѣ, имѣетъ болѣе культурное значеніе, нежели блестящія и преждевременныя попытки. Къ числу такихъ людей относился Александръ Ивановичъ, такъ что для правильной его оцѣнки ближайшее знакомство съ средой, гдѣ приходилось ему дѣйствовать, становится существенно необходимымъ“.

Важность знакомства съ средой не подлежитъ сомнѣнію, но, кажется намъ, авторъ на первыхъ же шагахъ впалъ въ крайнее пре-

увеличеніе. Посвятивши нѣсколько первыхъ страницъ (именно девять) свѣденіямъ о родѣ Кошелевыхъ, о родителяхъ Александра Ивановича, о его рожденіи, авторъ весь остальной громадный томъ (стр. 9—575) посвятилъ, подъ предлогомъ объясненія среды, исторіи нашего образованія и журналистики съ начала XVIII вѣка до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, причемъ только изрѣдка, въ послѣдніе годы излагаемаго имъ періода, ему случается упоминать имена лицъ, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе къ его герою. Особенное вниманіе авторъ посвятилъ журналистикѣ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Онъ подробно перечисляетъ журналы, не только крупныя, но и самыя мелкія, излагаетъ ихъ содержаніе, перечисляетъ статьи—безъ всякой видимой для читателя надобности. Во 2-мъ томѣ собрана масса библіографическихъ примѣчаній и дополненій къ этому первому тому, болѣею частію столько же ненужныхъ для біографіи Кошелева. Напримѣръ, кромѣ этихъ библіографическихъ примѣчаній мы находимъ во 2-мъ томѣ нѣсколько прибавленій въ такомъ родѣ: „перечень переводовъ произведеній болѣе замѣчательныхъ европейскихъ авторовъ съ XVIII вѣка по 1830 годъ“; „содержаніе Русскаго Вѣстника“; „перечень статей, помѣщенныхъ въ „Сынѣ Отечества“, издававшемся Н. Гречемъ, съ 16-го октября 1812 по 1816 годъ“; „программа публичныхъ чтеній проф. Велланскаго въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.“. Всѣ эти свѣденія могутъ быть интересны и полезны для библіографовъ и историковъ нашей журналистики, но мы опасаемся, что они совершенно ненужны для біографіи Кошелева.

Авторъ самъ не могъ этого не чувствовать и въ объясненіе своего приѣма дѣлаетъ слѣдующее соображеніе. Кошелевъ, между прочимъ, занималъ видное мѣсто въ нашей журналистикѣ, и біографъ счелъ нужнымъ ознакомиться съ этимъ предметомъ. „Перечитавши по возможности все, — говоритъ г. Колюпановъ, — что было написано по этому предмету, я пришелъ къ убѣжденію въ необходимости изучить старую журналистику по источникамъ. Лучшіе труды по исторіи русской литературы и журналистики, несмотря на свои достоинства, страдают нѣкоторою односторонностію. Всѣ они представляютъ рядъ выдающихся именъ и опредѣляютъ ихъ значеніе въ исторіи русской мысли и общественнаго развитія, но зато все остальное они смѣшиваютъ въ какой-то безпѣтный, не заслуживающій вниманія фонъ, гдѣ отложилось одно невѣжество, равнодушіе и ненависть къ прогрессу. Такимъ образомъ эти выдающіяся имена являются какъ бы случайными, появившимися внѣ условій окружающей жизни, оторванными отъ почвы; несомнѣнный внутренній ростъ имѣвшей вліяніе въ свое время, но теперь забытой литературы и самого об-

щества, мѣнявшаго свое направленіе и свои задачи, достаточно не выясненъ. Между тѣмъ каждый изъ выдающихся нашихъ дѣателей долго подготовлялся цѣлымъ рядомъ предшественниковъ и только благодаря таланту болѣе рельефно и блестяще выразилъ то, что еще до него медленно и ощупью назрѣло въ общественномъ и литературномъ сознаніи⁴.

Это справедливо, хотя замѣченная г. Колюпановымъ односторонность имѣетъ весьма простое объясненіе: историческая книга не можетъ не принять въ соображеніе существующаго запаса знаній и свойства обыкновенныхъ понятій общества, а въ этихъ понятіяхъ далеко еще неясны самые основные факты нашей внутренней исторіи, не выяснено значеніе самыхъ крупныхъ дѣателей нашей общественности; поэтому на нихъ все еще снова и снова направляется вниманіе историковъ. Важность детальной разработки не подлежитъ никакому сомнѣнію, и, какъ извѣстно, XVIII вѣкъ въ послѣдніе годы вызываетъ множество подобныхъ изслѣдованій. Въ свое время, надо думать, и эти подробности перестанутъ быть дѣломъ специалистовъ и также войдутъ въ интересы обыкновенныхъ читателей. Замѣчанія такого рода, какія дѣлаетъ г. Колюпановъ, все чаще повторяются у нашихъ историковъ, которые находятъ въ старыхъ временахъ зачатки позднѣйшихъ движеній. Въ настоящемъ случаѣ авторъ видимо увлекся двумя совсѣмъ разнородными задачами и отъ біографіи Кошелева отклонился въ общій вопросъ объ исторіи нашего просвѣщенія и очертилъ слишкомъ громадное поле для предполагаемаго портрета. Лучше было бы, кажется, еслибы г. Колюпановъ издалъ этотъ первый томъ біографіи (съ принадлежащей къ нему большой долей второго тома) какъ особое сочиненіе по исторіи русской литературы.

Впрочемъ у самого автора эта детальная разработка осталась недоконченной въ смыслѣ историческаго изслѣдованія, и онъ самъ это чувствовалъ. „Я самъ сознаю,—говоритъ онъ,—что это совершенно сырой матеріалъ, который легко можно было значительно сократить, представивши его въ сжатой и рельефной картинѣ, но эта дальнѣйшая переработка лежала внѣ прямой моей задачи, для нея я не имѣлъ времени и предоставляю ее автору болѣе талантливому, который захочетъ разобраться въ собранномъ мною матеріалѣ. Самый же матеріалъ я считалъ не настолько ненужнымъ, чтобы совсѣмъ выбросить его изъ печати. Само собою разумѣется, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ не придется прибѣгать къ такимъ постороннимъ для предмета отступленіямъ“.

Собственная біографія начинается, какъ мы сказали, уже во второмъ томѣ и занимаетъ, впрочемъ, только первую его половину; вторая, какъ мы сказали, занята библиографическими данными. Біо-

графія Кошелева (род. 1806 г.) доведена здѣсь пока только до конца двадцатыхъ годовъ. Это время, къ которому относится первая молодость Кошелева, чрезвычайно интересна въ историческомъ отношеніи. По своему рожденію и воспитанію, по общественному положенію семьи, по первымъ дружескимъ связямъ Кошелевъ принадлежалъ уже съ этой поры къ тому кругу богатаго или среднего дворянства, гдѣ въ то время все еще были по преимуществу сосредоточены интересы образованія и интересы общественные; и въ частности Кошелевъ принадлежалъ къ тому тѣсному кругу, гдѣ въ пору его молодости шло особливо живое умственное движеніе, а въ 30-хъ годахъ стала складываться опредѣленная школа—славянофильство. Только теперь, съ обильнымъ запасомъ домашнихъ архивовъ, поступающимъ въ литературное обращеніе, начинается разъясняться внутренняя жизнь этихъ кружковъ, гдѣ постепенно и на первый разъ почти незамѣтно складывалось ученіе, которому суждено было играть такую важную роль въ нашемъ общественномъ и національномъ сознаніи. Это та самая эпоха и почти тѣ же люди, о которыхъ рассказываетъ г. Барсуковъ въ выходящей теперь біографіи Погодина, и когда обѣ біографіи пройдутъ 30-ые и 40-ые года, мы получимъ въ высокой степени интересный матеріалъ для исторіи зарожденія и развитія славянофильской школы. Эти первые періоды важныхъ историческихъ движеній бываютъ всегда особенно любопытны и поучительны. Господствующій тонъ нашего быта издавна очень мало способствовалъ свободному проявленію умственныхъ и нравственныхъ интересовъ общества, и несмотря на то, нерѣдко въ самыя тяжелыя эпохи нашего внутреннего политическаго состоянія, среди всякихъ преградъ пробивалась, однако, одушевленная дѣятельность мысли и чувства, которая становилась, наконецъ, общественной силой. Изучая въ подробностяхъ подобныя явленія, мы имѣемъ обыкновенно возможность наблюдать, какъ новое движеніе примыкаетъ къ результатамъ прежняго и какъ восстанавливается историческая связь, которой иногда мы не въ состояніи подмѣтить, рассматривая эти явленія въ полномъ ихъ развитіи и не зная интимной исторіи ихъ происхожденія. Въ этомъ отношеніи для исторіи нашей общественной жизни очень важнымъ вкладомъ является и біографія Кошелева, начатая г. Колюпановымъ. Еще съ годовъ своего ученія, съ 1821, Кошелевъ сблизился съ Кирѣевскими; затѣмъ онъ былъ въ числѣ „архивныхъ юношей“ и въ 20-хъ годахъ сблизается съ кружками, къ которымъ принадлежали князь Одоевскій, Кюхельбекеръ, Веневитиновъ, Титовъ, Соболевскій, Шевыревъ, Погодинъ, Максимовичъ, Хомяковъ; затѣмъ Кошелевъ служилъ въ Петербургѣ въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ и здѣсь вступилъ въ новыя отношенія. На основа-

ни записокъ самого Кошелева и различной современной переписки авторъ біографіи собираетъ много характерныхъ подробностей, связывая жизнеописаніе Кошелева съ общими фактами тогдашней литературной и общественной жизни; о самыхъ этихъ фактахъ авторъ высказываетъ нерѣдко собственные оригинальныя сужденія. Біографія читается вообще съ большимъ интересомъ, и надо желать, чтобы продолженіе не замедлило.

— *Русскія юридическія древности*. Томъ первый. Территорія и населеніе. В. Сергѣевича. Спб., 1890.

Новый трудъ проф. Сергѣевича, безъ сомнѣнія, привлечетъ вниманіе всѣхъ, занимающихся исторіей русскаго права. Эта книга, составляющая какъ бы документальное дополненіе къ очень извѣстнымъ „Лекціямъ и Изслѣдованіямъ“, представляетъ детальную разработку древняго юридическаго быта и, отличаясь обыкновенными достоинствами изслѣдованій г. Сергѣевича, можетъ послужить съ великой пользою для изученія предмета, такъ какъ даетъ подробности древняго быта рядомъ съ тѣми источниками, на которыхъ опираются научныя опредѣленія. „Только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности“, и, остановившись въ настоящей книгѣ (которая должна быть началомъ цѣлаго систематическаго обзора русскихъ юридическихъ древностей) на вопросахъ территорій и населенія, авторъ постоянно сопровождаетъ свое изложеніе подлинными словами лѣтописей и актовъ всякаго рода, или, другими словами, дѣлаетъ свое изложеніе комментариемъ къ этимъ источникамъ. Понятно, что при этомъ изложеніе пріобрѣтаетъ особую наглядность и доказательность, а для приступающихъ къ изученію предмета, каковы, напримѣръ, слушатели юридическихъ факультетовъ, книга даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность усвоенія самаго метода изслѣдованія.

Вышедшій теперь первый томъ распадается на двѣ книги: первая посвящена государственной территоріи, вторая населенію. Говоря о территоріи, г. Сергѣевичъ исходитъ изъ положенія, что наша древность не знаетъ единого „государства русскаго“ и, напротивъ, имѣетъ дѣло со множествомъ единовременно существовавшихъ небольшихъ государствъ, которыя назывались: волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей, уѣздами; всего позднѣе, по его замѣчанію, возникаетъ для нихъ наименованіе „государства“. Значеніе всѣхъ этихъ названій авторъ объясняетъ по памятникамъ, приводя характерные тексты, излагаетъ судьбу этихъ волостей, удѣ-

ловъ и т. д., и переходить, наконецъ, къ образованію московскаго государства. Подобнымъ образомъ, говоря о населеніи, авторъ исчисляетъ всѣ извѣстныя категоріи жителей древней русской земли и позднѣйшаго государства и дальнѣйшія видоизмѣненія въ юридическомъ состояніи этихъ категорій. Въ древнихъ обществахъ, въ томъ числѣ и русскомъ, существовало прежде всего основное дѣленіе населенія на людей свободныхъ и не-свободныхъ или рабовъ. Такимъ образомъ, авторъ останавливается на формахъ рабства (холопы полные и кабальные) и на различныхъ категоріяхъ людей свободныхъ: смерды, закупы, крестьяне, изгой, челяки, ордынцы и делюи, закладни, кунцы, гости, посадскіе люди, бояре, вольные слуги, дѣти боярскія, путные бояре. Затѣмъ авторъ прибавилъ еще изслѣдованіе о дворовыхъ чинахъ, какъ: бояре введенные, окольничіе, дворецкіе, конюшіе, крайчіе, казначей, дворяне думные, окружничіе, постельничіе, стряпчие съ ключемъ, ловчіе и сокольничіе, печатники, стольники. Наконецъ, особая глава посвящена изслѣдованію о дьякахъ. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что вводитъ подробное разсмотрѣніе дворовыхъ чиновъ потому, что „дворъ московскихъ государей является дѣятельнымъ факторомъ, существенно измѣняющимъ обликъ высшихъ классовъ населенія. Придворная служба, привлекающая къ себѣ все большія и большія силы, перерабатываетъ старыхъ вольныхъ слугъ въ тѣ чиновные разряды населенія, которые наполняютъ города и уѣзды московскаго государства въ XVI и въ XVII вѣкѣ“.

Комментируя источники, авторъ въ спорныхъ случаяхъ приводитъ мнѣнія другихъ изслѣдователей, которыхъ иногда не весьма одобряетъ; онъ избѣгаетъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній и отвергаетъ недоказательные выводы, несмотря на „красивый языкъ“, каковымъ они изложены иногда у нѣкоторыхъ изслѣдователей. Въ своемъ общемъ взглядѣ на старую Россію, авторъ настаиваетъ на томъ, что Россія до-Петровская вовсе не представляетъ какой-либо твердой неизмѣнной старины, какъ думаютъ многіе, особенно тѣ, которые хотятъ противопоставлять ее новѣйшей Россіи, измѣнившей старому быту въ подражаніе чужимъ образцамъ. Складъ московскаго государства казался не только славянофильскимъ, но и нѣкоторымъ болѣе или менѣе авторитетнымъ писателямъ другой школы, именно выраженіемъ исконныхъ свойствъ общерусской, или, по крайней мѣрѣ, великорусской народности; но, по мнѣнію г. Сергѣевича, безъ сомнѣнія болѣе сходному съ фактами, „наша древность представляетъ медленную, но постоянную смѣну явленій: въ юридическомъ бытѣ московскаго государства можно найти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ (т.-е. быту политическомъ) московскіе порядки отрицаютъ старину“. Заканчивая книгу, авторъ говоритъ о дьякахъ: „Отъ мо-

сковскихъ дьяковъ въ наше время и памяти не осталось. А для Москвы они были новостью, а не древностью. Наша исторія за послѣднія два столѣтія далеко ушла отъ московскихъ порядковъ. Но она не стояла недвижно и до Петра Великаго. Москва второй половины XV, XVI и XVII вѣковъ еще менѣе походитъ на Русь домосковскую, чѣмъ на имперію Россійскую временъ Екатерины II. Но и Екатерининское время на нашихъ глазахъ отходитъ уже въ вѣчность. Реформы второй половины истекшаго столѣтія опять двинули насъ въ новое, хотя еще и не вполне опредѣлившееся будущее“.

— *Русскіе Лопари*. Очерки прошлаго и современнаго быта. Николая Харузина. Москва, 1890. (Извѣстія Импер. Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Томъ LXVI. Труды этнографическаго отдѣла, томъ X).

Недавно мы имѣли случай говорить о книгѣ г. Алексѣя Харузина; передъ нами книга другого г. Харузина, Николая; въ 1888 г. умеръ Михаилъ Харузинъ, также извѣстный въ литературѣ. Такимъ образомъ цѣлая семья посвящаетъ свои труды одному предмету—изученію нашей этнографіи, русской и инородческой—рѣдкій благоприятный случай работы близкихъ людей на одномъ поприщѣ ¹⁾.

Настоящая книга есть громадный томъ, почти въ 500 страницъ, in-quarto: это—результатъ исполненной авторомъ командировки отъ названнаго ученаго общества лѣтомъ 1887 года въ олонекій край и въ кольскій уѣздъ архангельской губерніи, ту самую мѣстность, которая описывается въ указанной нами (въ предыдущемъ Литературномъ Обзорѣ) книгѣ г-жи В. Х.: „На Сѣверѣ“. Эта послѣдняя книжка заключаетъ общія замѣтки о путешествіи, съ описаніемъ мѣстностей, путевыми впечатлѣніями и общими очерками быта, русскаго и лопарскаго. Трудъ г. Н. Харузина посвященъ специально лопарямъ и исполненъ по обширной программѣ, сходной съ тѣмъ, какъ исполнено сочиненіе г. А. Харузина о киргизахъ.

Первую половину лѣта 1887 г. авторъ посвятилъ изученію юридическаго быта населенія Пудожскаго уѣзда (часть этихъ изслѣдованій вошла въ „Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“, I, 1889), а вторую онъ провелъ въ Кольскомъ уѣздѣ, изучая бытъ русскихъ лопарей.

---

¹⁾ Замѣтимъ кстати одно неясное намъ обстоятельство. Въ объявленіяхъ Общества естествознанія, антр. и этногр. мы читаемъ, что въ „Сборникѣ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“ (вып. I), изданномъ подъ редакціею Н. Харузина (М. 1889), находится статья В. Ф. Миллера: „Памяти М. Н. Харузина“; между тѣмъ въ имѣющемся у насъ, правильно полученномъ, экземплярѣ этой статьи не находится.

Содержаніе книги слѣдующее. Прежде всего авторъ дѣлаетъ очеркъ страны съ ея дикой, негостепріимной, полярной природой; затѣмъ даетъ краткій очеркъ исторіи лопарей и главнымъ образомъ останавливается на ихъ современномъ бытѣ. Обширныя главы посвящены, во-первыхъ, внѣшнему матеріальному быту; во-вторыхъ, древней религіи и слѣдамъ ея въ современныхъ вѣрованіяхъ лопарей; въ-третьихъ, быту семейному и общественному и, наконецъ, народному творчеству. Въ первой изъ этихъ главъ авторъ подробно говоритъ о внѣшности лопарей, характерѣ, жилищахъ, одеждѣ, пищѣ, занятіяхъ, какъ оленеводство, рыболовство, охота и пр.; ставитъ вопросъ о вымираніи племени. Въ очеркѣ быта семейнаго и общественнаго авторъ разыскиваетъ слѣды стараго родового устройства, какъ культъ семейныхъ духовъ, родовое владѣніе землей, родовыя прозвища, знаки собственности и пр. Далѣе онъ характеризуетъ семейный бытъ прежнихъ и современныхъ лопарей, семейные обычаи и пр.; народный судъ и увеселенія; наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ опредѣляетъ особенности народно-поэтическаго творчества, приводитъ образчики животнаго эпоса, преданій о богатыряхъ, сказокъ и пѣсень.

Характеръ книги почти таковъ же, какой мы указывали въ изслѣдованіи г. Алексѣя Харузина о киргизахъ. Это есть сопоставленіе данныхъ, собранныхъ прежними изслѣдователями и путешественниками, дополненное въ разныхъ случаяхъ собственными наблюденіями. Эти наблюденія были возможны главнымъ образомъ тамъ, гдѣ они могли быть непосредственно наглядными, какъ, напримѣръ, относительно формъ внѣшняго быта (жилищъ, одежды, пищи и занятій и т. п.) и относительно формъ родового и семейнаго, которыя могли быть узнаны прямыми разспросами. Но гораздо труднѣе было производить и сопоставлять наблюденія тамъ, гдѣ требовалось ближе вникать въ факты, какъ, напримѣръ, религіозныя повѣрья и народно-поэтическое творчество: здѣсь въ особенности важно было именно знаніе языка, чего, кажется, не доставало нашему изслѣдователю. Понятно, что это заставляло автора полагаться исключительно на данныя, собранныя другими, на то, что онъ находилъ у прежнихъ путешественниковъ русскихъ и иностранныхъ и что передавали ему мѣстные жители, знающіе языкъ. Такимъ образомъ въ этихъ двухъ отношеніяхъ должно еще предстоять новое собраніе данныхъ специалистами. Въ цѣломъ, работа г. Харузина составитъ важное приобрѣтеніе для нашей этнографіи, какъ изученіе малоизвѣстнаго племени и вмѣстѣ матеріалъ для общей этнографіи, для которой могутъ послужить факты и соображенія автора о бытовыхъ формахъ, наблюдаемыхъ у лопарей. — Полезнымъ дополненіемъ къ этому почтенному

трудѹ могъ бы послужить обзоръ литературы о лопаряхъ, какъ это сдѣлано г. Алексѣемъ Харузинымъ относительно литературы о киргизахъ, или г. Смирновымъ о черемисахъ и вотякахъ.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Адолфъ, Андр. Ксенофонтъ. Отступленіе десяти тысячъ грековъ. Греч. текстъ, съ введ. и 2 указателями предметовъ (съ рисунками) и собственныхъ именъ. Съ прилож. карты М. Азіи. М. 90. Стр. 222. Ц. 1 р.

Антаровъ, И. В. Изъ моихъ воспоминаній. Евреи и жиды. Очеркъ. Спб. 1890. Мал. 8°. Стр. 202. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Ф. К. Русскій глѣсъ. Т. I. Спб. 90. Стр. 311 и 64. Ц. 5 р.

Бальмондъ, К. Д. Сборникъ стихотвореній. Яросл. 90. Стр. 140. Ц. 75 к.

Бобринской гр. Александръ. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ всероссійской имперіи. Ч. I и II. Спб. 90. Стр. 756 и 795. Ц. 8 руб.

Бллевичъ, А. Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Трудахъ“ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества за 1876—1888 гг. Спб. 1889. Стр. 88. 8°.

Ветеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 22 и 23. Б.—Бантышъ-Каменскій. Стр. 1—96.

Вяземскій, кн. П. А. Памяти графини М. И. Ламздорфъ. Спб. 90. Стр. 43.

Греминъ, А. Б. Пророчество стараго учителя. Разсказъ. Спб. 90. Стр. 40. 8°. Ц. 40 к.

Зеленскій, Мих. Объ умѣ и методѣ его воспитанія. Спб. 90. Стр. IX и 215. 8°. Ц. 2 р.

Инокентіо. Школа сплетни. (Этюдъ). Москва. 90. Стр. 36. 8°. Ц. 20 к.

Исаченко, В. Л. Гражданскій процессъ. Практическій комментарий на вторую книгу устава гражданского судопроизводства. Томъ I. Выпускъ 1. О подсудности. Минскъ. 90. Стр. 244. 8°. Ц. 1 р. 70 к.

Картезъ, Н. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Выпускъ II. Спб. 90. Стр. 289—627. Цѣна за два выпуска 4 р.

Кандицкій, В. Х. О псевдогаллюцинаціяхъ. Крит.-клиническій этюдъ. Съ таблицей и портретомъ автора. Спб. 90. Стр. 164. Ц. 2 р.

Корнилова, Ф. Быль изъ временъ крѣпостничества. Воспоминаніе о моей матери и ея окружающихъ. Спб. 90. Стр. 151. Ц. 75 к.

Косинскій, В. Д., генералъ-лейтенантъ. Дополненіе (II-е ко 2-му изд. и VI-е къ I-му изд.) въ Систематическому Сборнику приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго Штаба. (За время съ 1-го іюля 1888 г. по 1-е января 1890 г.). Составлено и издано съ разрѣшенія военнаго министра. Спб. 90. Больш. 8°. Стр. 315 и 526. Ц. 5 р.

Кузьминъ-Каравазовъ, В. Характеристика общей части уложенія и воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 90. Стр. VIII и 196. 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Николескій, Д. П., д-ръ. Земская медицина въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ (1885—1887 годъ). Изданіе журнала „Земскій Врачъ“. Черниговъ. 89. Стр. 106. 8°. Ц. 50 к.

Пузыревскій, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ. Польско-русская война 1831 г. Императорскою Академіею Наукъ сочиненіе это удостоено Макарьевской преміи. Изданіе 2-е, переработанное, исправленное и дополненное. Спб. 90. Два тома, больш. 8°.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Помехонская старина. Изданіе наследниковъ автора. Спб. 90. Стр. 394. Больш. 8°.

Соколовъ, Н. И. Исторія болѣзни Сергія Петровича Боткина. Спб. 90. Стр. 22. 8°.

Стороженко, Н. Макбетъ. М. 90. Стр. 25.

Сыромятниковъ, С. Н. Сага объ Эйрикѣ Красномъ. Спб. 90. Стр. 104. Ц. 1 руб.

Уманецъ, С. И. Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ. (Опытъ исторіи мусульманскаго сектантства отъ смерти Мухаммеда до нашихъ дней). Спб. 90. Стр. IV и 160. 8°. Ц. 1 р. 25 к.

Х. Т. По вопросу о дворянскихъ нуждахъ. (Въ продажѣ нѣтъ). Спб. 90. Стр. 6. 8°.

Шершеневичъ, Г. Ф., приватъ-доцентъ Казанскаго университета. Ученіе о несостоятельности. Казань. 90. Стр. IX и 446. 8°. Ц. 3 р.

— Двадцатипятилѣтіе Юридическаго Общества, состоящаго при Импер. Москов. Университетѣ. М. 89. Стр. 160.

— Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. Т. V. (1742-43), съ приложеніемъ 3 портретовъ. Спб. 90. Стр. 1067.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1889 годъ. По сообщеніямъ корреспондентовъ. Съ тремя чертежами и двумя картограммами. Выпускъ первый. (Статистическое бюро Полтавскаго губернскаго земства). Полтава. 90. Стр. 178. Больш. 8°. Ц. 75 к.

— Очерки помѣщичьяго хозяйства въ уѣздахъ Золотоношскомъ и Кременчугскомъ. Приложение къ VI и VII тому Сборника по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи (Статистическое бюро Полтавскаго губернскаго земства). Полтава. 89. Стр. 94 и 119. Больш. 8°.

— Предварительный отчетъ по участию Россіи во всемирной Парижской выставкѣ 1889 г. Спб. 90. Стр. 95. Ц. 30 к.

— Результаты приѣма въ Московскія городскія начальныя училища на 1889-90 учебный годъ. Составлено Статист. отдѣл. Моск. Город. Управл. М. 90. Стр. 15.

— Сборникъ циркуляровъ по С.-Петербургскимъ городскимъ начальнымъ училищамъ съ 1877—1890 гг. Справочная книга для гг. членовъ городской комиссіи по народному образованію. Спб. 90. Стр. 45. 8°.

— Статистическій сборникъ Новгородскаго губернскаго земства за 1887—1888 годы. Новгородъ. 89. Большой томъ, 4°.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Travels in France by Arthur Young, during the years 1787, 1788, 1789, with an Introduction, Biographical Sketch and Notes by M. Betham-Edwards. Second Edition. London. 1889 (Bohn's Standard Library).

Кто не знаетъ, хотя по имени, знаменитаго агронома, экономиста и путешественника прошлаго вѣка — Артура Юнга? Его многочисленные и многотомныя описанія, болѣею частію въ формѣ путешествій, Англіи и Ирландіи, не только имѣли огромное значеніе для своего времени въ интересахъ отвлеченной науки, но принесли и большую практическую пользу, отразившись на успѣхахъ сельскаго хозяйства его родины, какъ это, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ извѣстный историкъ Англіи—Гринъ. Не менѣе крупное значеніе имѣло также и его путешествіе по Франціи, совершенное въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, наканунѣ революціи (въ 1787, 1888 и 1889 гг.) и представляющее собою солидное описаніе и вѣрную картину сельскаго хозяйства и быта Франціи въ эту важную историческую эпоху ея жизни. Но этотъ послѣдній трудъ, естественно, имѣлъ гораздо болѣшій успѣхъ и распространеніе во Франціи и вообще за предѣлами Англіи, нежели въ отечествѣ самого писателя. Какъ извѣстно, въ этой классической книгѣ, знакомой въ свое время чуть не каждому школьнику во Франціи, Артуръ Юнгъ хотя не стѣсняясь высказывалъ французамъ много непріятныхъ истинъ, тѣмъ не менѣе безусловно вызывалъ большія симпатіи и признательность съ ихъ стороны—по двумъ причинамъ. Онъ защищаетъ и прославляетъ мелкое крестьянское землевладѣніе, сдѣлавшееся тамъ столь популярнымъ, и его чрезвычайное вліяніе на успѣхъ сельско-хозяйственной культуры страны, и затѣмъ оправдываетъ или извиняетъ въ своемъ трудѣ совершившуюся революцію, какъ послѣдствіе крайнихъ и разнообразныхъ злоупотребленій тогдашней французской власти. Его фразы изъ этой книги: „дайте человѣку прочное владѣніе голой скалой и онъ превратитъ ее въ садъ“: или, „волшебство собственности обращаетъ песокъ въ золото“,—и тому подобныя выраженія сдѣлались ходячими афоризмами... Понятенъ отсюда успѣхъ его книги во Франціи, выдержавшей тамъ много изданій. Уже въ скоромъ времени послѣ ея появленія въ свѣтъ (1792), по распоря-

женію конвента, переводъ путешествія Юнга былъ отпечатанъ на правительственный счетъ въ количествѣ 20 тысячъ экземпляровъ и разосланъ для бесплатной раздачи по всѣмъ общинамъ.

Между тѣмъ въ самой Англіи эта замѣчательная книга имѣла до сихъ поръ только одно изданіе (впрочемъ было еще одно въ Ирландіи—при жизни автора) и сдѣлалась такою рѣдкостью, что нельзя не радоваться ея новому появленію въ столѣтнюю годовщину путешествія. Она издана подъ редакціей такого компетентнаго, свѣдущаго лица, какъ г-жа Бетсэмъ Эдвардсъ, одинаково, повидимому, хорошо знакомая съ сельскимъ хозяйствомъ Франціи, какъ и своей родины, и написавшая уже много хорошихъ книгъ о Франціи. Г-жа Эдвардсъ не только снабдила книгу Юнга множествомъ весьма цѣнныхъ географическихъ, историческихъ и хозяйственныхъ примѣчаній и комментариевъ, значительно возвышающихъ ея достоинство, но и исполнила трудъ, возможный лишь такому знатоку современной Франціи, какимъ является эта трудолюбивая и ученая женщина: въ теченіе 15 лѣтъ своего пребыванія въ этой странѣ она извѣдила и изслѣдовала всѣ уголки провинцій, посѣщенные сто лѣтъ назадъ Юнгомъ, и въ предисловіи къ изданію провела очень любопытную параллель между хозяйственнымъ положеніемъ тѣхъ самыхъ мѣстностей Франціи сто лѣтъ тому назадъ, видѣнныхъ и описанныхъ Юнгомъ, и ихъ настоящимъ положеніемъ.

Сопоставляя описаніе разныхъ уголковъ Франціи наканунѣ первой революціи, какъ ихъ рисуетъ Юнгъ, съ теперешней картиной, ей лично хорошо знакомой и проверенной по всевозможнымъ французскимъ источникамъ, Эдвардсъ постоянно встрѣчаетъ о тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ у Юнга выраженія: „пустыня“, „почва—голый песокъ“, „полиѣйшая нищета жителей“, и ей приходится замѣнять подобные отзывы объ этихъ пунктахъ страны за настоящее время уже эпитетами: „населенная, цвѣтушая мѣстность“, „повсюду достатокъ и довольство“, „трудолюбивое и зажиточное населеніе“, „развитое, интенсивное земледѣліе“, и т. д., и т. д. Приведемъ нѣсколько образчиковъ.

Старая провинція Пуату описывается Артуромъ Юнгомъ, какъ „невоздѣланная, бѣдная и некрасивая страна, которая нуждается въ средствахъ сообщенія и дѣятельности всякаго рода“. Сюда входитъ, между прочимъ, Вандея, которой пришлось вскорѣ послѣ посѣщенія ея Юнгомъ, сдѣлаться знаменитой. На глазахъ г-жи Эдвардсъ, за послѣднія 20 лѣтъ, провинція эта сдѣлалась неузнаваема и совершенно не соотвѣтствуетъ нынѣ описанію Юнга. Желѣзные дороги пересѣкаютъ ее во всѣхъ направленіяхъ, и картина хозяйственной дѣятельности и довольства поражаетъ глазъ наблюда-

теля. Городокъ Ниоръ (Niort), главный пунктъ этой мѣстности и нѣкогда спена самой страшной междоусобной войны „бѣлыхъ“ и „синихъ“, теперь является цвѣтущимъ поселеніемъ въ 22 тысячи жителей, не имѣющимъ ни одного нищаго. Грязь, бродяжничество, нищета, — болѣе не встрѣчаются на широкихъ и свѣтлыхъ улицахъ этого чистенькаго провинціального городка. На большое протяженіе всѣ окрестности города представляютъ сплошной фруктовый садъ, принадлежащій многимъ мелкимъ владѣльцамъ. Дыни, томаты и персики зрѣютъ на солнцѣ, а грозды винограда обвиваютъ каждую стѣну, и вся окружающая роскошная растительность на каждомъ шагу одинаково свидѣтельствуетъ о благодатномъ климатѣ, почвѣ и трудолюбіи ея жителей. Продукты этихъ садовъ славятся во всей Франціи.

Еще болѣе быстрый прогрессъ и хозяйственное улучшеніе замѣчается на описанныхъ Юнгомъ знаменитыхъ и пустынныхъ Ландахъ, представлявшихъ на многіе десятки верстъ сплошной зыбучій песокъ. Чрезвычайныя перемѣны произошли здѣсь, по словамъ Эдвардсъ, особенно за послѣднія 20 лѣтъ. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, т.-е. даже позднѣе Юнга, земля тамъ продавалась, какъ сообщаетъ Реклю, *au son de la voix*, т.-е. земля до такой степени была лишена цѣнности, что мѣрой являлся будто бы звукъ человѣческаго голоса, и за ничтожную плату можно было купить большой кусокъ земли, „насколько хватитъ голоса“. Въ настоящее время Ланды на огромное пространство заняты искусственными лѣсными насажденіями морской сосны (*Pinus maritima*), которая произвела совершенный переворотъ въ климатѣ провинціи, уничтожила прежніе подвижные пески и бездоходныя земли сдѣлала доходными. Тучныя богатые пажити занимаютъ нынѣ мѣста, свободныя отъ насажденія этого благороднаго дерева, и старые Ланды съ ихъ классическими пастухами на ходуляхъ становятся рѣдкостью и почти преданіемъ старины.

Провинціи Бретань и Анжу въ 1788 года представляли собою также крайне неутѣшительную картину: опять безплодная пустыня, дворянскія привилегіи и бѣдность, — вотъ все, что представляла тогда эта страна, по словомъ Юнга. Привилегіи пали черезъ годъ послѣ этого описанія, а бѣдность хотя и не уничтожена совершенно, но такъ уменьшена, что ни о какой французской провинціи, говоритъ Эдвардсъ, экономистъ не можетъ говорить съ большей похвалой въ этомъ отношеніи, какъ о Бретани. Прежде всего, общее благополучіе жителей сильно измѣнилось уже по внѣшности, сравнительно съ описаніемъ Юнга: напримѣръ, старинные *sabots* — деревянные башмаки на голыхъ ногахъ ея жителей — уже исчезли и замѣнены башмаками и чулками; бѣлый хлѣбъ и мясо встрѣчаются въ большинствѣ крестьян-

скихъ домовъ, какъ ежедневная пища. Вообще, кухня улучшилась, заработная плата поднялась въ нѣсколько разъ выше, хорошія, просторныя жилища замѣнили прежнія мазанки, а умственный прогрессъ Бретани идетъ рука объ руку съ матеріальнымъ успѣхомъ. Въ отношеніи системы земледѣлія этотъ послѣдній всего замѣтнѣе: сложная плодоперемѣнная система замѣнила прежнюю трехпольную, а регулярныя посѣвы корнеплодныхъ, о которыхъ вздыхалъ Юнгъ, указывая агрономическія несовершенства Бретани, въ настоящее время тамъ такъ же развиты, какъ и въ его родномъ Суффолькѣ. Искусственныя удобренія и машины распространены повсюду, и по обилію зерна верхняя Бретань приобрѣла названіе житницы западной Франціи, а ея лошади и скотъ славятся по всей странѣ.

Что касается до Анжу и Мена (Maine), то ихъ экономическіе успѣхи еще замѣтнѣе и поразительнѣе за сто лѣтъ. Пещерныя жилища или троглодитныя деревни этой части Франціи, которыя такъ удивляли Юнга, въ настоящее время исчезли, или, по крайней мѣрѣ, не употребляются для человѣческаго жилья, замѣняемые уютными новыми постройками. Съ 1833 года по 1870 цѣнность земли въ этихъ мѣстностяхъ выросла на 50⁰/_о, а съ этого времени ростеть еще быстрѣе, при господствующей тамъ мелкой крестьянской собственности. Что же касается употребленія искусственныхъ удобреній, усовершенствованныхъ орудій и машинъ, улучшенія породъ скота, то эти мѣстности Франціи причисляются къ первому разряду ея земледѣльческихъ провинцій. „Пустыня, которая такъ печалила глаза Артура Юнга, говоритъ Эдвардсъ, въ настоящее время можетъ быть описана, какъ страна, наполненная млекою и медомъ“, и благосостояніе ея жителей изображается въ самыхъ розовыхъ краскахъ, а пауперизмъ ей почти совсѣмъ неизвѣстенъ.

Многія бѣдныя земледѣльческія мѣстности во времена Юнга превратились постепенно въ самыя промышленныя и цвѣтушія, можетъ быть, во всей Франціи по благосостоянію большинства жителей. Такъ, проѣзжая нынѣшній департаментъ Doubs и Jura, Юнгъ ни слова не говоритъ о многочисленной и разнообразной деревенской или кустарной промышленности, господствующей нынѣ въ этихъ департаментахъ. Выдѣлка сыру въ Франш-контѣ, часовъ въ Безансонѣ, очковъ и другихъ оптическихъ инструментовъ, рѣзба по дереву, полированіе драгоценныхъ камней и другіе виды домашняго производства появились и возникли тамъ лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ (и слѣдовательно Юнгу не могли быть знакомы), доставляя заработокъ мѣстному населенію и не отвлекая его изъ дому на отхожіе промыслы. Вообще вся книга Юнга представляетъ собой, если ея содержаніе соединить вмѣстѣ съ примѣчаніями и предисловіемъ Эдвардсъ,

весьма удачную апологію результатовъ человѣческаго трудолюбія и хорошаго сравнительно управленія.

Несмотря, однако, на весь свой умъ и наблюдательность, Артуръ Юнгъ ошибся въ одномъ—въ своихъ сужденіяхъ о столь распространенной въ прошломъ вѣкѣ системѣ „половничества“ (*métayage* или иначе *la culture à mi-fruits*) или отдачѣ земли въ наймы исполу, т.-е. съ условіемъ между собственникомъ и нанимателемъ земли дѣлежа продукта пополамъ. Онъ не только осудилъ эту систему, какъ вредную въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, но и утверждалъ, по поводу мѣстности Берри, что эта жалкая система увѣковѣчиваетъ будто бы бѣдность и исключаетъ сельско-хозяйственное улучшеніе. На дѣлѣ оказалось, однако, нѣсколько иначе, и Берри и другія мѣстности Франціи, гдѣ въ настоящее время „половничество“ еще вполне удержалось (свыше 9 милліоновъ гектаровъ въ 1880 году во всей странѣ), экономически преуспѣваютъ: сельское хозяйство, по словамъ Эдвардса, сдѣлало тамъ огромные успѣхи, а само половничество, представляющее собою, въ сущности, лишь форму кооперативнаго земледѣлія, является фактически естественнымъ и желательнымъ переходомъ отъ крупнаго землевладѣнія къ мелкому, что можно прослѣдить въ разныхъ фазисахъ развитія въ тѣхъ или иныхъ уголкахъ Франціи. При этомъ очень часто сохраняются всѣ выгоды крупнаго интенсивнаго хозяйства, такъ какъ мелкіе крестьяне-землевладѣльцы арендуютъ нерѣдко исполу довольно крупныя участки и примѣняютъ къ хозяйству всѣ усовершенствованныя орудія и искусственные удобрения и пріемы.

Крайне поучителенъ и любопытенъ также одинъ, съ перваго взгляда странный и крупный пробѣлъ въ книгѣ Юнга: при всей его наблюдательности, живости ума и воспримчивости, изслѣдовавъ въ разныхъ направленіяхъ всю Францію, всматриваясь и сообщая часто свои мельчайшія впечатлѣнія, знаменитый путешественникъ XVIII вѣка нигдѣ не говоритъ и не упоминаетъ о сельскихъ школахъ. Очевидно, въ его время народное образованіе во Франціи почти не существовало. Только кое-гдѣ мѣстный кюре или монахи собирали дѣтей вмѣстѣ, чтобы обучить ихъ нѣсколько правиламъ катехизиса или молитвамъ; и даже много лѣтъ спустя, въ началѣ семидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія въ отдаленныхъ провинціяхъ большинство французовъ были безграмотны. Больше всѣхъ въ этомъ случаѣ сдѣлало правительство третьей республики, особенно за послѣдніе 7 лѣтъ, распространивши народныя школы во всей странѣ и сдѣлавши обученіе обязательнымъ. Но мало того: рядомъ съ этими начальными школами появились и прекрасныя профессиональныя народныя училища, распространяющія свѣденія по раціональному сельскому хо-

зайству въ такихъ уголкахъ страны, гдѣ во времена Юнга или была пустыня, или царило невѣжество. Особенной извѣстностью въ упомянутомъ отношеніи, по словамъ г-жи Эдвардсъ, пользуется, по своему благотѣльному вліянію земледѣльческое училище Grand Jouan близъ Nozay (Loire Inférieure), по типу котораго теперь заведены уже многія сельско-хозяйственныя школы въ разныхъ частяхъ Франціи. Онѣ преслѣдуютъ одновременно двоякую цѣль: во первыхъ, создать хорошихъ сельскихъ хозяевъ (большинство учащихся — крестьяне), во-вторыхъ, улучшить земледѣліе введеніемъ новѣйшихъ машинъ и усовершенствованныхъ приемовъ въ хозяйствѣ. „Это Grand Jouan научилъ насъ такъ вести хозяйство“, говорилъ г-жѣ Эдвардсъ въ 1875 году крестьянинъ, показывая съ гордостью свое роскошное поле, удобренное костянымъ порошкомъ и превосходно обработанное.

Весьма грустныя размышленія, наоборотъ, вызываютъ, при чтеніи этого замѣчательнаго путешествія, страницы, посвященныя описанію Эльзаса XVIII вѣка. Всѣмъ извѣстенъ тотъ пламенный патріотизмъ, которымъ нынѣшніе эльзасцы, оторванные насильственно отъ Франціи, пылаютъ къ своему прежнему отечеству. Нѣмецкое происхождение отнюдь не примиряетъ ихъ съ побѣдителями-нѣмцами и они продолжаютъ вздыхать о Франціи, не желая, несмотря на кровь и языкъ, признавать себя также германцами. На вопросъ, обращенный г-жей Эдвардсъ къ одной эльзасской молодой крестьянской дѣвушкѣ о ея національности, она посмотрѣла сначала вокругъ, нѣтъ ли лишннихъ ушей, и затѣмъ, твердо и рѣшительно отвѣтила англичанкѣ: „Ich bin Französisch geboren!“ Въ городѣ же Мюльгаузенѣ г-жа Эдвардсъ, пять лѣтъ тому назадъ, одинаково отъ богатыхъ и бѣдныхъ получала лишь одинъ отвѣтъ: „Nous sommes plus Français, que les Français!“... Сто лѣтъ, оказывается, произвели громадный переворотъ, въ національномъ самосознаніи эльзасцевъ, ибо Юнгъ описываетъ въ 1789 г. Эльзасъ во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ географическаго положенія, языка, обычаевъ, даже предразсудковъ, совершенно нѣмецкимъ и всецѣло отличнымъ отъ тогдашней Франціи; нѣсколько разъ онъ прямо называетъ его частію Германіи и самыя чувства жителей выставляетъ столь различными отъ теперешнихъ, что при всей своей симпатіи къ Франціи Юнгъ дѣлаетъ, однако, ей упрекъ за *насильственное отторженіе Людовикомъ XIV отъ Германіи родного ей Эльзаса*, утверждая, что картина эльзасской національной жизни производитъ на него „*сильное впечатлѣніе несправедливости*“, которое трудно передать словами“... „Трижды несчастный Эльзасъ!“ восклицаетъ по этому поводу г-жа Эдвардсъ: „его положеніе напоминаетъ богатаго сироту, право на котораго оспариваютъ два жадныхъ опекуна, одинъ

вслѣдъ за другимъ. Постоянно судьба этой несчастной страны—страдать отъ разочарованій и переменъ. Едва ея симпатіи пустили глубокіе корни въ почву одной изъ спорящихъ сторонъ, какъ уже ихъ старается вырвать съ кровью другая“...

Самъ лично Артуръ Юнгъ своими дѣйствіями въ теченіе путешествія, своей неуклонной настойчивостью и энергіей въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ цѣлей вызываетъ у читателя невольное удивленіе, смѣшанное съ уваженіемъ. Самое время его путешествія не имѣетъ, кажется, параллели въ исторіи; онъ покидаетъ Парижъ, въ свою послѣднюю поѣздку, въ концѣ іюня 1789 г., направляясь оттуда для дальнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій въ восточную часть страны. Чисто съ британскимъ хладнокровіемъ, онъ наблюдаетъ и собираетъ свѣденія по интересующимъ его сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, находясь въ самомъ преддверіи страшныхъ и кровавыхъ событій, перевернувшихъ вскорѣ всю Европу. Памятный день 14-го іюля 1789 года Юнгъ находился въ Мецѣ, спокойно осматривая, какъ всякій туристъ, „все, что было любопытнаго въ городѣ“. Лишь нѣсколько дней спустя, достигнувши Страсбурга, онъ узналъ громкую новость о взятіи Бастиліи... Вся Франція была какъ бы въ пламени; онъ видитъ голодные толпы народа, требующія хлѣба, дворянство, бѣгущее изъ своихъ сожженныхъ замковъ. Онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагѣ угрозы и опасность потерять свободу и даже самую жизнь; его насильственно заставляютъ прицѣпить къ своей шляпѣ революціонную кокарду; нѣсколько разъ грозятъ арестовать за безпаспортность, но настойчивый, упрямый англичанинъ неуклонно стремится къ цѣли, не прекращая своихъ научныхъ изслѣдованій и спокойно разспрашивая обо всѣхъ встрѣчныхъ сельско-хозяйственныхъ явленіяхъ. Не торопясь, онъ записываетъ въ свою памятную книжку различные хозяйственные рецепты, не прочь иногда и самъ дать французскому крестьянину тотъ или иной добрый агрономическій совѣтъ, а главное, онъ ни на одну іоту не измѣняетъ предполагаемаго плана своего путешествія, какъ будто во Франціи все было спокойно и жизнь текла мирно!..

Въ результатъ такого-то добросовѣстнаго изслѣдованія и явилось его „Путешествіе во Францію“, до сихъ поръ представляющее большой интересъ, не только для агрономовъ и экономистовъ, но и для всѣхъ лицъ, не чуждыхъ знакомства съ новѣйшей политической исторіей Европы.

„Артуръ Юнгъ, какъ выражается о немъ Джонъ Морлей, былъ *мудрый и честный* путешественникъ“, а соединеніе такихъ качествъ даже у ученыхъ туристовъ встрѣчается довольно рѣдко. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ г-жѣ Эдвардсѣ за новое изданіе этого за-

мѣчательнаго путешествія, снабженнаго при томъ ея важными комментаріями и предисловіемъ. Сверхъ того, она присоединила сюда интересный очеркъ жизни Артура Юнга, вновь составленный ею по матеріаламъ, полученнымъ отъ внуковъ знаменитаго агронома, и довольно полный списокъ его сочиненій.—И. И.

II.

Adam Smith und der Eigennutz. Eine Untersuchung über die philosophischen Grundlagen der älteren Nationalökonomie. Von Richard Zeyss. Tübingen, 1889, Стр. 121.

Обыкновенно принято думать, что Адамъ Смитъ сообщилъ политической экономіи одностороннее матеріалистическое направленіе, положивъ въ основу ея принципъ своекорыстія, какъ единственный источникъ человѣческихъ дѣйствій. Изслѣдованіе о „богатствѣ народовъ“ находится будто бы въ коренномъ противорѣчій съ вышедшимъ семнадцатью годами раньше трактатомъ о „теоріи нравственныхъ чувствъ“, въ которомъ главное мѣсто отведено чувству взаимной симпатіи между людьми. Многіе объясняютъ это противорѣчіе тѣмъ, что въ промежуткѣ между обоими трудами произошло личное знакомство Смита съ французскими философами и ихъ ученіями, во время пребыванія его въ Парижѣ. Другіе полагаютъ, что Смитъ сознательно придерживался двухъ различныхъ точекъ зрѣнія въ обоихъ сочиненіяхъ: онъ отдѣльно изучаетъ сочувственную сторону человѣческой природы, игнорируя эгоизмъ, а потомъ разсматриваетъ спеціально своекорыстные побужденія, безъ всякаго вниманія къ элементу симпатіи, такъ что обѣ части изслѣдованія дополняютъ одна другую. Адамъ Смитъ раздвѣиваетъ человѣческую природу въ видахъ удобства анализа, слѣдуя въ этомъ отношеніи дедуктивному методу. Такое объясненіе находимъ мы, напримѣръ, у Бокля, въ его „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“. Въ обоихъ своихъ трактатахъ, — говоритъ Бокль, — „Смитъ устанавливаетъ прежде общія понятія и затѣмъ переходитъ отъ нихъ къ явленіямъ вѣшняго міра. Въ каждомъ изъ этихъ трактатовъ онъ дѣлаетъ выводы только изъ части своихъ посылокъ, излагая остальное въ другомъ сочиненіи. Нѣтъ людей исключительно своекорыстныхъ и исключительно сочувствующихъ; Смитъ въ своемъ анализѣ раздѣляетъ свойства, которыя въ дѣйствительности нераздѣльны. Въ теоріи нравственныхъ чувствъ онъ приписываетъ наши дѣйствія внушеніямъ симпатіи, въ изслѣдованіи о богатствѣ народовъ своекорыстію... Ясно поэтому, что, изучая отдѣльно оба противоположныя побужденія, онъ руководствовался не произ-

вольнымъ или случайнымъ дѣленіемъ, а великою общеою идеею, которая легла въ основу всѣхъ его работъ и, при правильномъ ихъ пониманіи, даетъ имъ блестящее единство". Этотъ взглядъ можно считать преобладающимъ въ экономической литературѣ.

Но что же оказывается? Тѣ предположенія, на которыхъ держатся приведенныя объясненія и догадки, рѣшительно противорѣчатъ фактамъ. Никакой принципиальной противоположности между „Теоріею нравственныхъ чувствъ“ и изслѣдованіемъ „О богатствѣ народовъ“ не существуетъ; въ первомъ сочиненіи говорится одинаково и объ эгоистическихъ, своекорыстныхъ влеченіяхъ, какъ и о благожелательныхъ мотивахъ, и нигдѣ нѣтъ даже намека на гипотезу объ исключительномъ господствѣ элемента симпатіи; такъ же точно во второмъ трактатѣ не содержится ничего похожего на признаніе своекорыстія единственнымъ принципомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, а личный интересъ каждаго выдвигается на первый планъ по той простой причинѣ, что онъ лежитъ въ основѣ хозяйственныхъ и промышленныхъ отношеній, изучаемыхъ авторомъ. Смитъ не только не усвоилъ матеріалистическихъ воззрѣній, но положительно высказывался противъ нихъ; онъ ни въ чемъ не измѣнялъ своихъ взглядовъ послѣ пребыванія во Франціи, да и не было повода ни надобности измѣнять ихъ. Еслибы между двумя капитальными трудами Смита существовало какое-либо противорѣчіе, то оно было бы, безъ сомнѣнія, замѣчено и указано современными ему писателями и критиками; самъ Смитъ не могъ бы также оставить подобное обстоятельство безъ объясненій. Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ вѣчто совсѣмъ другое: въ предисловіи къ позднѣйшему изданію „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, напечатанному не задолго до смерти автора (въ 1790 году), Смитъ замѣчаетъ, что обѣщанное въ первомъ изданіи изученіе общихъ началъ законодательства и управленія онъ отчасти осуществилъ въ сочиненіи о богатствѣ народовъ. Понятно, что такая простая ссылка, безъ всякихъ комментаріевъ, не могла бы имѣть мѣста, еслибы въ обоихъ трактатахъ проводились различныя и даже противоположныя воззрѣнія на человѣческую природу.

Молодой нѣмецкій ученый, д-ръ Рихардъ Цейссъ, возымѣлъ мысль провѣрить по источникамъ общепринятый взглядъ на философскія основы научной дѣятельности Адама Смита, и, занявшись этою провѣркою съ полною добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, онъ пришелъ къ выводамъ, которые отмѣчены нами выше. Нѣкоторыя изъ замѣчаній, дѣлаемыхъ авторомъ, высказывались въ литературѣ и раньше; но въ общемъ нельзя отрицать, что д-ръ Цейссъ дѣйствительно открываетъ для многихъ Америку по отношенію къ основнымъ философскимъ идеямъ знаменитаго основателя политиче-

ской экономіи. Какъ это ни странно, но установившееся мнѣніе о двойственномъ характерѣ нравственныхъ и экономическихъ теорій Адама Смита повторилось и объяснялось большинствомъ ученыхъ писателей безъ надлежащей провѣрки, причѣмъ Смиту приписывались воззрѣнія и намѣренія, совершенно несогласныя съ дѣйствительнымъ содержаніемъ его двухъ главныхъ изслѣдованій. И однако кто изъ этихъ писателей не читалъ или по крайней мѣрѣ не просматривалъ сочиненій Смита? Упорное повтореніе какого-либо ошибочнаго взгляда или предположенія происходитъ въ научной литературѣ, конечно, не вслѣдствіе незнанія, а въ силу привычки, по невольному довѣрію къ истинности обсуждаемаго всѣми факта. Если всѣ говорятъ о принципиальномъ различіи исходныхъ точекъ зрѣнія въ двухъ трактатахъ Смита, то трудно усомниться въ существованіи этого различія, а пока не появилось сомнѣніе, до тѣхъ поръ нѣтъ повода искать провѣрки. Ошибка передается такимъ образомъ изъ рукъ въ руки и прочно водворяется даже среди специалистовъ. Подобный примѣръ мы видѣли еще недавно въ книгѣ Фюстель-де-Куланжа, гдѣ убѣдительно доказывается невѣрность цитатъ, переходящихъ отъ одного автора къ другому, по вопросу объ общинномъ землевладѣніи въ средневѣковой Европѣ (см. „Новости иностранной литературы“ въ январьской книгѣ „В. Европы“, стр. 441 и слѣд.). Д-ръ Цейссъ имѣлъ предъ собою задачу несравненно болѣе скромную, чѣмъ Фюстель-де-Куланжъ; но онъ разрѣшаетъ ее столь же просто и наглядно, посредствомъ внимательнаго разсмотрѣнія подлинныхъ текстовъ. Самый вопросъ, которому посвящено изслѣдованіе Цейсса, имѣетъ лишь историко-литературное значеніе; но во всякомъ случаѣ книжка должна быть признана весьма интересною и поучительною. Авторъ излагаетъ и анализируетъ существенное содержаніе „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ Смита, объясняетъ связь его идей съ ученіями его предшественниковъ и современниковъ, констатируетъ примѣненіе тѣхъ же идей въ специальной сферѣ экономическихъ фактовъ, въ изслѣдованіи о богатствѣ народовъ, и наконецъ пытается дать общую характеристику философскаго міросозерцанія Смита, съ современной точки зрѣнія.

Адамъ Смитъ ставитъ въ основу нравственности не односторонній эгоизмъ и не чувство благожелательности, а совмѣстное правильное развитіе обоихъ элементовъ, въ разумныхъ сочетаніяхъ. Многія высоко цѣнимыя нравственныя качества имѣютъ своимъ источникомъ своекорыстные мотивы; сюда относятся, по Смиту, такія добродѣтели, какъ воздержность, благоразуміе, осмотрительность и постоянство. Стремленіе къ личной пользѣ не только дозволяется, но предписывается нравственностью, ибо моральная личность не можетъ обойтись

безъ упомянутыхъ добродѣтелей, коренящихся въ эгоизмѣ. Беззаботность и расточительность достойны порицанія именно потому, что обнаруживаютъ недостатокъ надлежащаго вниманія къ предметамъ личнаго интереса. „Люди находились бы въ весьма печальномъ положеніи, еслибы эгоистическіе инстинкты, которые неизбѣжно опредѣляютъ часто наше поведеніе, не могли при случаѣ оказаться добродѣтельными въ своихъ проявленіяхъ или заслужить уваженіе и одобреніе постороннихъ“. Критеріемъ для оцѣнки нравственныхъ поступковъ служить, по мнѣнію Смита, вызываемое ими чувство симпатіи. Благожелательныя побужденія всегда вызываютъ сочувствіе, и чѣмъ сильнѣе онѣ проявляются, тѣмъ больше онѣ одобряются; напротивъ, своекорыстныя влеченія должны быть поставлены въ тѣсныя и опредѣленныя границы, чтобы имѣть нравственный характеръ. Эти границы измѣняются въ зависимости отъ свойства тѣхъ объектовъ, къ которымъ относятся наши дѣйствія. Адамъ Смитъ выдѣляетъ извѣстную категорію предметовъ, относительно которыхъ господство личнаго интереса необходимо и обязательно съ нравственной точки зрѣнія. Къ этимъ законнымъ объектамъ своекорыстія принадлежатъ прежде всего хозяйственныя дѣла и внѣшнія почести; это именно заботы о нашемъ собственномъ благополучіи, о нашемъ здоровьѣ, имуществѣ, общественномъ положеніи и репутаціи,—вообще стремленіе къ благосостоянію, почету и успѣхамъ. Каждый долженъ самъ о себѣ заботиться, и это внушеніе эгоизма есть въ то же время долгъ нравственный. Общее благосостояніе наиболѣе обезпечивается разумнымъ и дѣятельнымъ своекорыстіемъ отдѣльныхъ лицъ; человекъ, думающій о другихъ и не старающійся добывать средства для своей собственной семьи, не поступаетъ нравственно. Личный интересъ есть главная руководящая пружина хозяйственной дѣятельности; это положеніе развивается и мотивируется Смитомъ въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, откуда оно перешло уже въ готовомъ видѣ въ позднѣйшее изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. Но и въ экономической сферѣ своекорыстіе должно быть ограничено предѣлами справедливости; оно сдерживается и контролируется, по Смиту, соответственными интересами другихъ лицъ и нашими социальными чувствами. Такимъ образомъ мысль о законномъ господствѣ личнаго интереса въ хозяйственной жизни входитъ, какъ составная часть, въ нравственную теорію Смита. Съ другой стороны, и въ экономическомъ трактатѣ его не разъ выставляется на видъ значеніе справедливости, какъ нравственной границы своекорыстія.

Все это вполне основательно и подробно изложено въ книгѣ д-ра Цейсса. Авторъ приводитъ множество цитатъ какъ изъ разсужденій Смита, такъ и изъ указаній близкаго къ нему по времени

біографа, Дюгальдъ-Стюарта; между прочимъ д-ръ Цейссъ пытался—и безуспѣшно—отыскать слѣды небольшой рукописной статьи, упоминаемой Стюартомъ и вкратцѣ резюмируемой имъ: рукопись относится къ 1755 году, и въ ней высказаны приблизительно тѣ же воззрѣнія, которыя впоследствии положены въ основу изслѣдованія о народномъ богатствѣ, хотя статья написана была за четыре года до выхода въ свѣтъ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“. Литература предмета разобрана въ книжкѣ съ надлежащею обстоятельностью; явныя погрѣшности и заблужденія нѣкоторыхъ авторовъ указаны скромно, когда дѣло идетъ объ авторитетныхъ ученыхъ, и болѣе рѣзко относительно такихъ писателей, какъ Витольдъ Скаржинскій, написавшій специальное сочиненіе объ Адамѣ Смитѣ безъ достаточнаго, повидимому, знакомства съ предметомъ. Въ заключительной главѣ—наиболѣе слабой—д-ръ Цейссъ критикуетъ принципы индивидуализма и свободной конкуренціи, насколько они выразились въ ученіи Смита, и противопоставляетъ имъ новѣйшую теорію государственнаго вмѣшательства.

III.

Soziale Politik im Deutschen Reich. Ihre bisherige Entwicklung und ihre Fortführung unter Kaiser Wilhelm II. Von Dr. Karl Wasserrab. Stuttgart, 1889. Стр. 105.

Книжка д-ра Вассераба появилась еще въ прошломъ году, но она представляетъ особенный интересъ въ настоящее время, въ виду извѣстныхъ рескриптовъ императора Вильгельма II о рабочемъ вопросѣ. Изъ этой книжки можно видѣть, что мысль о призваніи и назначеніи молодого правителя сдѣлать серьезный шагъ къ разрѣшенію великой соціальной проблемы прочно утвердилась въ Германіи еще задолго до послѣднихъ мѣръ. Въ тронныхъ рѣчахъ 25-го іюня и 22-го ноября (н. ст.) 1888 года, категорически высказана была рѣшимость продолжать дѣло, возвѣщенное и начатое Вильгельмомъ I. Эти торжественныя и неоднократныя заявленія приняты были нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ залогъ смѣлой реформаторской политики въ ближайшемъ будущемъ. Д-ръ Вассерабъ—какъ вѣроятно и большинство публицистовъ въ Германіи—ожидаетъ очень многого отъ разумной энергіи Вильгельма II, опирающейся на чувство справедливости и на сознаніе долга предъ народными массами. „Соціальная реформа,—говоритъ авторъ,—должна сдѣлать болѣе доступными трудящемуся населенію великія блага культуры, поставить рабочихъ

въ лучшее и болѣе обезпеченное положеніе, сдѣлать ихъ спокойными, вѣрными отечеству и королю гражданами государства. Это цѣль великая и достойная великаго монарха. Уже одно серьезное, настойчивое стремленіе къ этой цѣли доставило бы имперіи новыя и прочныя гарантіи внутренняго мира. Если императору Вильгельму II удастся продолжать трудное дѣло такъ, чтобы руководство въ этомъ культурномъ прогрессѣ человѣчества осталось за Германією, то онъ утвердитъ за собою въ исторіи скромный и тѣмъ не менѣе гордый титулъ, въ качествѣ одного изъ основателей социальной политики въ германской имперіи². Д-ръ Вассерабъ, подобно многимъ другимъ приверженцамъ социальныхъ реформъ въ Германіи, принадлежитъ къ числу весьма благонамѣренныхъ патріотовъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ радикалами, ни съ социаль-демократами. Тѣмъ большее впечатлѣніе производятъ эти разсужденія о смѣлыхъ реформахъ, сопровождаемыя ссылками на религію и на великое призваніе королей. Независимо отъ вступительной главы о роли государства въ вопросахъ народнаго хозяйства, книжка содержитъ въ себѣ толковый фактический обзоръ социального законодательства въ Германіи съ 1881 года по 1889 годъ, виѣстъ съ цифровыми свѣдѣніями о примѣненіи введенныхъ реформъ и съ обычными указаніями на литературу затронутыхъ вопросовъ.

IV.

De la possibilité d'une future alliance franco-allemande, par le colonel *Stoffel*. Avec une carte. Paris, 1890. Стр. 43.

Брошюра полковника Стоффеля производитъ въ дѣйствительности совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое можно было вынести изъ многочисленныхъ отзывовъ о ней въ иностранныхъ и особенно нѣмецкихъ газетахъ. Авторъ вовсе не предлагаетъ Германіи заключить союзъ съ Францією противъ Россіи и не выражаетъ надежды на великодушное возвращеніе французамъ Эльзаса и Лотарингіи, а подвергаетъ серьезному разбору фактическія условія международнаго мира въ Европѣ, чтобы указать на возможные способы выхода изъ существующихъ затрудненій.

Полковникъ Стоффель разсуждаетъ кратко и ясно, въ военномъ стилѣ, безъ излишняго краснорѣчія. Сдѣлавъ общій обзоръ отношеній между германцами и галлами съ древнѣйшихъ временъ и дойдя до франкфуртскаго мира 1871 года, авторъ объясняетъ, что отнятіе Эльзаса и Лотарингіи лишило Францію необходимыхъ условій безо-

пасности. Отъ новой границы до Парижа армія можетъ пройти въ двѣнадцать дней, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ естественныхъ преградъ, ни рѣкъ, ни горныхъ цѣпей, способныхъ остановить нашествіе. Напротивъ, Берлинъ находится отъ Вогезовъ на разстояніи сорока дней похода и прикрывается сильнѣйшими оборонительными линіями, въ томъ числѣ Рейномъ и Эльбою. Послѣ перваго серьезнаго пораженія у границы, Франція остается открытою для непріятеля и вполне беззащитною; судьба всей страны зависитъ отъ потери одной только битвы, тогда какъ германцы, потерпѣвъ неудачу, могутъ свободно собраться съ силами и оказать своевременный отпоръ дальнѣйшему натиску. Это опасное положеніе Франціи „унизительно и невыносимо“ для нея, и примириться съ нимъ она не можетъ никогда и ни въ какомъ случаѣ. Германія совершила крупную и пагубную ошибку, поставивъ побѣжденную державу въ такое состояніе, при которомъ прочный миръ невозможенъ. Пруссіе государственные люди упустили также изъ виду, что русская дружба, на которую они такъ твердо надѣялись, можетъ поколебаться подъ вліяніемъ новаго нѣмецкаго могущества; они не предвидѣли, что „заставляя Францію подписать трактатъ 1871 года, они этимъ самымъ заставили ее подписать свое соглашеніе съ Россією, и что нѣсколько лѣтъ спустя Германія будетъ имѣть противъ себя съ обѣихъ сторонъ двѣ первоклассныя военныя державы“. Впослѣдствіи князь Бисмаркъ признался, что военные авторитеты, побудившіе короля Вильгельма присоединить часть французской территоріи, поступили крайне нарасчетливо.

По этому поводу Стоффель припоминаетъ интересныя свѣденія, переданныя ему самимъ Бисмаркомъ, о ходѣ мирныхъ переговоровъ въ Никольсбургѣ, въ 1866 году, послѣ разгрома австрійскихъ войскъ при Садовой. Пруссіе войска имѣли предъ собою открытую дорогу къ Вѣнѣ, какъ вдругъ послѣдовало дипломатическое вмѣшательство Наполеона III. Побѣдители были чрезвычайно раздражены этимъ непрошеннымъ посредничествомъ; главные вожди арміи и особенно кронпринцъ не хотѣли и слышать объ остановкѣ военныхъ дѣйствій ранѣ вступленія въ непріятельскую столицу. На случай враждебнаго шага со стороны Франціи, Мольтеке тотчасъ же выработалъ планъ кампаніи на два фронта. Среди общаго возбужденія умовъ, одинъ только Бисмаркъ настоятельно и твердо совѣтовалъ королю принять французское посредничество; эти усилія навлекли на него негодованіе военныхъ: его называли измѣнникомъ, подкупленнымъ дипломатомъ, а кронпринцъ, столкнувшись съ нимъ однажды въ узкомъ коридорѣ, какъ бы нечаянно запутался въ своей шпагѣ и нанесъ ему

ударъ по ногамъ министра, чтобы выказать ему свой гнѣвъ и презрѣніе. Тѣмъ не менѣе Бисмаркъ, одинъ противъ всѣхъ, доказывалъ необходимость довольствоваться достигнутыми успѣхами и не вызывать напрасной войны съ Франціею, къ которой могли бы примкнуть и южныя германскія государства. Министръ побѣдилъ, и король противъ воли подчинился его разумнымъ совѣтамъ. Въ письмѣ къ Бисмарку Вильгельмъ I выразился, между прочимъ, что, взвѣсивъ всѣ доводы, онъ соглашается на „этотъ постыдный миръ“.

Почему, спрашиваетъ Стоффель, въ 1871 году Бисмаркъ не дѣйствовалъ такъ настойчиво, какъ въ Никольсбургѣ? Взабивать ответственность за ошибку на однихъ военныхъ дѣятелей было бы несправедливо со стороны такого руководящаго и авторитетнаго министра, какъ Бисмаркъ. Очевидно, онъ тогда не представлялъ себѣ, съ достаточною ясностью, всѣхъ практическихъ послѣдствій франкфуртскаго договора. Теперь Германія должна быть постоянно на порожѣ противъ двухъ могущественныхъ державъ, одинаково враждебныхъ, недовѣрчивыхъ и непримиримыхъ. Это ставитъ имперію въ крайне опасное положеніе, которое не можетъ продолжаться безконечно. Авторъ видитъ только двѣ возможныя развязки и обсуждаетъ двѣ гипотезы.

Во-первыхъ, кризисъ можетъ и долженъ рано или поздно разрешиться войною, причемъ Франція будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ Россіею. Для Германіи столкновение съ Россіею представляетъ много риска въ настоящемъ и будущемъ; но по несовершенству желѣзнодорожной сѣти, русская армія не могла бы собраться и выступить одновременно съ французскими войсками. Авторъ предостерегаетъ французовъ отъ иллюзій насчетъ русскихъ симпатій и русской дружбы; Россія, говоритъ онъ, будетъ сообразоваться только съ своими интересами и начнетъ войну лишь тогда, когда моментъ покажется ей удобнымъ. Франціи придется слѣдовать за Россіею и выжидать ея рѣшеній.

Во-вторыхъ, кризисъ могъ бы окончиться добровольною отдачею Эльзаса и Лотарингіи французамъ. Такое рѣшеніе могло бы возникнуть только подъ гнетомъ тягостнаго для нѣмцевъ сознанія, что положеніе германской имперіи между Франціею и Россіею сопряжено для нея съ страшною и постоянною опасностью, которая должна еще усилиться съ распаденіемъ тройственнаго союза. Самое существованіе имперіи было бы поставлено на карту въ случаѣ войны на два фронта. Чтобы избѣгнуть этой вѣчной угрозы и обезпечить народу спокойствіе, будущіе государственные люди Германіи могутъ придти къ тому выводу, что для нея наиболѣе выгодно отказаться отъ за-

воеванныхъ провинцій въ пользу Франціи и взамѣнъ потребовать отъ нея заключенія тѣснаго взаимнаго союза, который положилъ бы конецъ вѣковому франко-нѣмецкому расприѣ и обезпечилъ бы Германію и Европу отъ дальнѣйшаго напора славянства и Россіи.

Заключительныя соображенія автора о нашихъ честолюбивыхъ замыслахъ и стремленіяхъ повторяютъ только общеизвѣстныя и общепринятыя за границу идеи о Россіи и русскомъ народѣ,—идеи, заимствованныя отчасти изъ нашихъ же собственныхъ quasi-патріотическихъ источниковъ. Трудно винить французовъ или нѣмцевъ за то, что они принимаютъ за чистую монету курьезныя разсужденія нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ о мнимомъ воинственномъ призваніи Россіи относительно „гнилого запада“. Не мудрено, что западъ, хотя и „гнилой“, думаетъ защищаться и не хочетъ погибать подъ ударами предполагаемыхъ обновителей.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го апрѣля 1890.

Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя.—Ошибки слѣдственной и судебной власти, какъ одинъ изъ источниковъ оправдательныхъ вердиктовъ. — Отличительныя черты крестьянъ-присяжныхъ.—Московскія правила о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ и рѣчи, произнесенныя въ ихъ защиту.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы говорили на этомъ мѣстѣ о впечатлѣніяхъ, испытанныхъ нами при двукратномъ исполненіи обязанностей присяжнаго засѣдателя ¹⁾. Въ послѣднее время намъ опять пришлось два раза отбывать эту повинность, въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, не очень далекомъ отъ Петербурга, но составляющемъ центръ довольно-таки захолустной мѣстности. Возникающія здѣсь уголовныя дѣла рѣдко бывають крупными, громкими — но, взятыя вмѣстѣ, они всегда представляютъ картину, не лишенную общаго значенія. Въ нашей печати замѣтки бывшихъ присяжныхъ о видѣнномъ и слышанномъ ими на судѣ появляются, по прежнему, чрезвычайно рѣдко; а между тѣмъ только съ ихъ помощью можно составить себѣ правильное понятіе о дѣятельности учрежденія, все еще обрѣтающагося не въ авантажѣ. Статистическія цифры о числѣ обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ не имѣють, сами по себѣ, рѣшающей силы; гораздо важнѣе, чѣмъ удостовѣряемый ими *фактъ* — вызвавшая ихъ и остающаяся скрытою *причина*. Если, по окончаніи каждой сессіи, прокуроръ и предсѣдатель и доставляютъ въ министерство юстиціи объясненія по поводу оправдательныхъ приговоровъ (въ особенности если ихъ было больше обыкновеннаго), то въ основаніи этихъ объясненій лежать, большею частью, однѣ догадки. Сообщить достовѣрныя свѣденія о мотивахъ вердикта можетъ только тотъ, кто участвовалъ въ совѣщаніяхъ присяжныхъ. И предсѣдателю, и прокурору трудно видѣть собственныя свои ошибки, часто отзывающіяся на исходѣ дѣла; не замѣчаютъ они, во многихъ случаяхъ, и ошибокъ предварительнаго слѣдствія, потому что передъ ихъ глазами проходитъ масса дѣлъ, похожихъ одно на другое и сливающихся, наконецъ, въ одно безразличное цѣлое. Само собою разумѣется, что ошибаться могутъ и присяжные — но самыя ихъ ошибки не лишены поучительности, лишь бы только были выяснены

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1887 г.

источникъ заблужденія. Вотъ почему мы продолжаемъ думать, что на обязанности присяжнаго, сколько-нибудь владѣющаго перомъ, лежитъ оглашеніе впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ залы суда и изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ.

Правильному дѣйствию суда присяжныхъ вредятъ, по прежнему, два обстоятельства, не зависящія отъ судебной власти: недостаточно внимательное составленіе списковъ присяжныхъ и недостаточно ясное сознаніе гражданского долга, возлагаемаго призывомъ въ исполненію обязанностей присяжнаго. Въ списки присяжныхъ включаются, сплошь и рядомъ, лица умершія, не живущія въ уѣздѣ, достигшія семидесятилѣтняго возраста; многія изъ числа лицъ, имѣющихъ и право, и способность быть присяжными, по цѣлымъ годамъ не вносятся въ списки—или вносятся туда по нѣскольку лѣтъ сряду, что даетъ имъ законный поводъ отказаться отъ исполненія обязанностей присяжнаго. Лица, внесенныя въ списокъ и попавшія въ очередные или запасные присяжные, являются на судъ далеко не всѣ—и причины неявки нерѣдко бываютъ, на самомъ дѣлѣ, весьма мало уважительными. Особенно часто грѣшатъ, въ этомъ отношеніи, сравнительно-образованные и достаточные изъ числа мѣстныхъ жителей. Крестьяне, говоря вообще, гораздо аккуратнѣе личныхъ землевладѣльцевъ. Во время послѣдней сессіи, въ которой участвовалъ пишущій эти строки, изъ 33 присяжныхъ (тридцати очередныхъ и трехъ запасныхъ) на лицо былъ только двадцать-одинъ; большинство неявившихся принадлежало къ высшему, сравнительно, классу населенія. Отсюда, во-первыхъ, увеличеніе тягости, лежащей на каждомъ присяжномъ. При наличности всѣхъ вызванныхъ присяжныхъ, въ составъ присутствія попадаетъ, каждый разъ, меньше половины общаго ихъ числа. (14 изъ 33); въ продолженіе сессіи, о которой мы говоримъ, каждое дѣло требовало участія *двухъ третей* наличныхъ присяжныхъ (14 изъ 21). Затрудняется, во-вторыхъ, пользованіе правомъ отвода присяжныхъ (минимальное число, изъ котораго можетъ быть произведенъ выборъ—18). Стоитъ только прокурору отвести трехъ присяжныхъ (что бывало на самомъ дѣлѣ),—и на выборъ защиты предстоитъ либо отказъ отъ отвода, либо отсрочка дѣла до другой сессіи. Понятно, что она избираетъ первое, потому что отсрочка на три мѣсяца ¹⁾ была бы слишкомъ обременительна для подсудимаго, въ особенности если онъ содержится подъ стражей. Наконецъ, при небольшомъ числѣ сравнительно-образованныхъ присяжныхъ, въ составъ присутствія легко можетъ не войти ни одинъ изъ нихъ или войти только одинъ; и то, и другое сопря-

¹⁾ Въ каждый изъ уѣздовъ окружной судъ выѣзжаетъ, для разбора дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, не больше четырехъ разъ въ годъ.

жено съ неудобствами, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай упомянуть... Приучить высшій классъ нашего общества къ болѣе добросовѣстному исполненію гражданскаго долга можетъ только время и совокупность благоприятныхъ условій; возвышеніе взысканій за неявку не принесло бы никакой пользы, потому что отъ нихъ всегда можно освободиться съ помощью свидѣтельства о болѣзни, удостовѣренія о неотложныхъ служебныхъ занятіяхъ и т. п. Другое дѣло — составленіе списковъ; здѣсь можно кое-чего достигнуть и внѣшними мѣрами. Окружному суду слѣдовало бы увѣдомлять комиссію, составляющую списки, о всѣхъ замѣченныхъ въ нихъ неправильностяхъ и упущеніяхъ, а въ случаѣ повторенія упущеній — возбуждать вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности членовъ комиссіи.

Что у насъ неудовлетворительна слѣдственная часть — это признано всѣми еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; и все-таки до сихъ поръ все остается здѣсь по старому. Въ какой степени это способствуетъ оправдательнымъ приговорамъ — покажетъ, какъ нельзя лучше, слѣдующее дѣло. Во время одного изъ такъ-называемыхъ „пивныхъ праздниковъ“, когда въ празднующей мѣстности господствуетъ почти поголовное пьянство, два крестьянина — дядя и племянникъ, — уже порядочно выпившіе, идутъ, подъ вечеръ, изъ одной деревни въ другую. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дороги, вокругъ костра, сидятъ три человѣка, съ ружьями — повидимому, охотники. Племянникъ говоритъ дядѣ, что пойдетъ къ нимъ закурить папиросу; дядя остается на дорогѣ, но къ нему подходитъ одинъ изъ трехъ, наноситъ ему, безъ всякаго повода, побои и требуетъ, съ угрозами, чтобы онъ шелъ дальше. Напуганный старикъ ухилить и скоро забываетъ о племянникѣ, хотя и слышитъ черезъ нѣсколько времени какъ бы отдаленный крикъ о помощи. Въ тотъ же вечеръ племянникъ приходитъ въ избу одного изъ своихъ родственниковъ, жалуется на нездоровье, проситъ уложить его; оказывается при этомъ, что онъ весь въ крови. Тогда онъ говоритъ, что его ранилъ ножомъ одинъ изъ „охотниковъ“; позже онъ прибавляетъ, что это былъ одинъ изъ двухъ братьевъ, живущихъ въ сосѣдней деревнѣ и извѣстныхъ ему только по прозвищу, которое онъ и называетъ. Его спрашиваютъ, который же изъ братьевъ нанесъ ему рану; онъ отвѣчаетъ: „тотъ, который пониже ростомъ и почерковатѣе“. Черезъ нѣсколько часовъ, еще до формальнаго допроса, раненный умираетъ. Привлекаютъ къ отвѣту и передаютъ суду того изъ братьевъ, къ которому, по мнѣнію слѣдователя, болѣе примѣними слова умирающаго. Въ списокъ свидѣтелей, подлежащихъ вызову на судъ, другого брата вовсе не включаютъ. Во время судебного слѣдствія обнаруживается, что братьевъ, указанныхъ раненымъ, видѣли, въ тотъ

вечеръ, возвращающимися домой и что ружье было только у одного изъ нихъ; отыскивается также, что охотились, одновременно съ ними, и другіе крестьяне той же деревни. На всѣ эти обстоятельства не было обращено вниманія во время предварительнаго слѣдствія; никто изъ „охотниковъ“, кромѣ заподозрѣнныхъ братьевъ, не былъ предъявленъ старику-дядѣ. Поколебать обвиненіе должны были уже эти пробѣлы, особенно въ виду неопредѣленности показаній потерпѣвшаго и полнѣйшей невыясненности всего предшествовавшаго нанесенію раны. Судебное слѣдствіе продолжается; односельцы обвиняемаго допрашиваются о чертахъ сходства между нимъ и братомъ. Одни подтверждаютъ, что „черноватѣе“ и ниже ростомъ обвиняемый—но другіе это отрицаютъ или не могутъ сказать о томъ ничего положительнаго. Разрѣшить возникшее недоумѣніе можно было бы только путемъ нагляднаго сличенія обоихъ братьевъ; но налицо только одинъ обвиняемый, сравнивать его не съ кѣмъ. Въ дѣлѣ нѣтъ даже протокола, которымъ бы удостовѣрялось, что былъ измѣренъ ростъ обоихъ братьевъ, и что ниже ростомъ, на столько-то дюймовъ или вершковъ, именно тотъ изъ нихъ, который преданъ суду. Обвинитель очень хорошо чувствуетъ всю важность этого упущенія; но какъ же онъ старается уничтожить значеніе его въ глазахъ присяжныхъ? Онъ напоминаетъ имъ, что по другому дѣлу, только-что ими рѣшенному, сестра обвиняемаго воспользовалась принадлежавшимъ ей, по закону, правомъ отказаться отъ показанія. Отказаться отъ показанія могъ бы, и въ данномъ случаѣ, братъ обвиняемаго; ерго—не стоило вызывать его на судъ. Само собою разумѣется, что присяжные отлично поняли всю слабость этого разсужденія. Если брату и сестрѣ обвиняемаго одинаково принадлежитъ право отказа отъ свидѣтельства и если, несмотря на то, въ одномъ случаѣ была вызвана въ свидѣтельницы сестра, то, безъ сомнѣнія, въ другомъ случаѣ можно и должно было вызвать брата. Если близкое родство даетъ только *право* на отказъ отъ свидѣтельства, то этимъ правомъ могъ вѣдь и не воспользоваться братъ обвиняемаго. Еслибы, наконецъ, онъ и воспользовался своимъ правомъ, то присяжные все-таки *увидѣли* бы его на судѣ и могли бы сравнить его съ обвиняемымъ. Какъ бы то ни было, никакого исхода для присяжныхъ, кромѣ оправданія, не оставалось; не могли же они обвинить подсудимаго, когда вѣроятность виновности оказывалась совершенно одинаковой по отношенію къ нему и къ брату, а о двухъ виновныхъ въ данномъ случаѣ не было и рѣчи... Къ оправдательному вердикту привелъ здѣсь, очевидно, цѣлый рядъ ошибокъ: ошибка слѣдователя, недостаточно выяснившаго примѣты обвиняемаго и его брата; ошибка составителя обвинительнаго акта, не включившаго брата обвиняемаго

въ списокъ свидѣтелей; ошибка судебной палаты, не исправившей этихъ упущеній и постановившей опредѣленіе о преданіи суду, не смотря на явную слабость обвинительныхъ доказательствъ.

Другое дѣло, также окончившееся оправданіемъ, заключалось въ слѣдующемъ. Братъ и сестра, крестьяне, спорили и ссорились между собою изъ-за наслѣдства, оставшагося послѣ умершаго ихъ брата. Послѣдній, жившій въ домѣ сестры, составилъ въ ея пользу актъ, которымъ призналъ ея собственностью избу, со всѣми принадлежностями крестьянскаго хозяйства. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти составителя этотъ актъ былъ похищенъ у сестры умершаго, во время кратковременной отлучки ея изъ дома. Подозрѣніе пало на брата, какъ потому, что его считали заинтересованнымъ въ уничтоженіи невыгодной для него бумаги, такъ и потому, что одна свидѣтельница видѣла его шедшимъ отъ двора сестры, незадолго до обнаруженія кражи. На судѣ оказалось, что еще раньше исчезновенія акта онъ былъ представленъ къ мировому судѣ, какъ доказательство по дѣлу брата съ сестрою о наслѣдствѣ—и это дѣло было рѣшено судьбою въ пользу сестры. Отъ мирового судьи неудачный истецъ толкнулся—было въ волостной судъ, но и тамъ получилъ отказъ, основанный на неподсудности иска. Обнаружилось, сверхъ того, что исчезнувшій актъ былъ засвидѣтельствованъ въ волостномъ правленіи, причемъ содержаніе его было хорошо извѣстно и подписавшимся подъ нимъ свидѣтелямъ, и волостному старшинѣ. Все это вмѣстѣ взятое доказывало съ полною ясностью, что никакого вліянія на имущественныя права сестры и брата исчезнувшая бумага имѣть уже не могла, какъ потому, что права сестры были признаны окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ, такъ и потому, что фактъ уступки движимаго имущества всегда могъ быть подтвержденъ свидѣтельскими показаніями. Похищеніе акта—еслибы оно и подтверждалось чѣмъ-либо болѣе сильнымъ, чѣмъ встрѣчей свидѣтельницы съ обвиняемымъ близъ мѣста храненія акта (собственный дворъ обвиняемаго граничилъ съ дворомъ сестры, и онъ, вѣроятно, по нѣскольку разъ въ день ходилъ мимо послѣдняго),—представлялось, такимъ образомъ, обстоятельствомъ совершенно безразличнымъ, лишеннымъ уголовного характера; основательныхъ поводовъ къ преданію суду не было вовсе. На судѣ сестра, очевидно примирившаяся съ братомъ, не пожелала давать показаній, прокуроръ отказался отъ обвиненія, и присяжные употребили на произнесеніе оправдательнаго вердикта ровно столько времени, сколько понадобилось старшинѣ для счета голосовъ и написанія словъ: „нѣтъ, не виновенъ“.

Въ обоихъ дѣлахъ, нами приведенныхъ, положеніе присяжныхъ не представляло никакихъ затрудненій; оправданіе подсудимыхъ было

совершенно неизбежно. Посмотримъ теперь, какъ относятся присяжные къ вопросамъ болѣе спорнымъ. Затрудняются ли они произнести обвинительный приговоръ, когда обвиненіе основано исключительно на косвенныхъ доказательствахъ, на уликахъ? Ни мало, если только эти улики достаточно убѣдительны и сильны. Присяжные—не исключая крестьянъ—обращаютъ большое вниманіе на образъ дѣйствій подсудимаго послѣ совершенія преступленія, на измѣненія въ его привычкахъ, занятіяхъ, расходахъ; они принимаютъ въ расчетъ все предшествовавшее главному событію, внимательно прислушиваются къ оговору (т. е. къ обвиненію, вводимому однимъ подсудимымъ противъ другого), очень хорошо различаютъ упорное заперательство отъ неумѣнья разъяснить ту или другую сторону дѣла. Въ признаніи обстоятельства, увеличивающаго вину подсудимаго, они соблюдаютъ большую осторожность—но разъ что для нихъ ясна его личность, *формъ*, въ которой оно выразилось, они большого значенія не придаютъ. Пояснимъ все это примѣромъ. Отставной солдатъ живетъ рабочимъ въ усадьбѣ, принадлежащей небогатой помѣщицѣ. Прислуживаетъ въ домѣ только одна горничная; когда она отходитъ на другое мѣсто, помѣщица, боясь одиночества, запираетъ домъ и переселяется на время въ сосѣднюю деревню. Окна, по случаю передѣлки дома, не всѣ затворяются задвижками; нѣкоторые только привязаны веревками, привѣшенными внутри комнаты. Содержатель сосѣдней портерной лавки, хорошо зная всѣ эти обстоятельства, подговариваетъ рабочаго проникнуть въ домъ и украсть разныя вещи, сбытъ которыхъ онъ, кабатчикъ, принимаетъ на себя. Рабочій такъ и поступаетъ; предварительно напившись пьянымъ въ гостепріимной портерной, онъ влѣзаетъ въ окно, оборвавъ, сильнымъ толчкомъ, придерживавшую его веревку, беретъ бѣлье, шубку, мѣховой воротникъ, и уноситъ все это къ своему сообщнику. На другой же день, протрезвившись, онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, проситъ прощенія у обокраденной и говорить, куда отнесъ вещи. Въ портерной ихъ, конечно, не находятъ, и кабатчикъ сначала остается на свободѣ; его арестуютъ только тогда, когда обнаруживаются подозрительныя сношенія его съ сознавшимся обвиняемымъ, а вслѣдъ за тѣмъ отыскивается и все украденное—въ незапертомъ сѣнномъ сараѣ, сосѣднемъ съ портерной. На судѣ рабочій показываетъ то же самое, что и на предварительномъ слѣдствіи; кабатчикъ ни въ чемъ не сознается, указывая на то, что вещи найдены не у него (дѣйствительно, сѣнный сарай принадлежалъ не ему—но проникнуть туда онъ могъ во всякое время, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ основаніе думать, что хозяинъ долго туда ходить не будетъ). О подозрительномъ разговорѣ его съ рабочимъ свидѣтельствуетъ только одна четырнадцатилѣтняя

дѣвочка. Защитникъ кабатчика подробно излагаетъ извѣстные теоретическія соображенія о недостоверности оговора. Въ заключительномъ словѣ председательствующій прямо наводитъ присяжныхъ на мысль, что оборваніе веревки не имѣетъ существенно-важнаго значенія и что отъ нихъ зависитъ отвергнуть этотъ признакъ, уменьшивъ, такимъ образомъ, отвѣтственность фактическаго виновника преступленія. Присяжные удаляются для совѣщанія—и безъ всякихъ колебаній признають виновность не только рабочаго, но и кабатчика. Они вѣрятъ первому не только потому, что ему нѣтъ никакой причины ложно обвинять послѣдняго (попытка кабатчика доказать, что между нимъ и рабочимъ существовали непріязненные отношенія, оказалась совершенно неудачной), но и потому, что его разсказъ находитъ подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла. Украдены были только *вещи*—а у рабочаго, наканунѣ нуждавшагося въ двугривенномъ, въ ту-же ночь оказываются *деньги*, очевидно данныя ему кабатчикомъ. О подозрительномъ разговорѣ обвиняемыхъ показываетъ только одна свидѣтельница—но ея простое, безыскусственное показаніе носить на себѣ явную печать правды. Даже то, что рабочій такъ скоро сознался въ преступленіи и ни разу не пытался взять назадъ свое сознаніе, заставляетъ думать, что не ему принадлежала инициатива преступленія. Порѣшивъ, такимъ образомъ, съ виновностью подсудимыхъ, присяжные столь же единодушно даютъ снисхожденіе рабочему и отказываютъ въ немъ кабатчику. Разногласіе возникаетъ только тогда, когда рѣчь заходитъ о *способѣ* совершенія кражи. Землевладѣльцы, входящіе въ составъ присутствія, расположены послѣдовать указанію председательствующаго и отвергнуть оборваніе веревки; но противъ этого возстають крестьяне. „Иная веревка крѣпче задвижки“,—говорилъ одинъ изъ нихъ. „Привязывая окна,—прибавляетъ другой,—помѣщица, очевидно, хотѣла помѣшать входу въ домъ черезъ окно; такъ толкнуть окно, что оборвалась веревка—это все равно, что взломать окно“. На сторонѣ этого мнѣнія оказывается большинство; утвердительный отвѣтъ присяжныхъ обнимаетъ собою и обстоятельство, увеличивающее вину подсудимыхъ.

Въ этомъ же дѣлѣ заслуживають вниманія двѣ другія черты, весьма характеристичныя для крестьянъ-присяжныхъ. Потерпѣвшая отъ кражи, весьма почтенная старушка, заявила на судѣ, что она давно простила вора и усердно просить не подвергать его никакому наказанію. Прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи, объяснилъ присяжнымъ, что оправдывать вора, только въ виду прошенія его потерпѣвшимъ, было бы крайне несправедливо: судьба обвиняемаго зависитъ бы, въ такомъ случаѣ, не отъ степени и свойства его виновности, а отъ добродушія или суровости, отъ слабости или энергіи

лица, у котораго совершена кража. Еслибы между крестьянами былъ распространенъ взглядъ на кражу какъ на преимущественно-гражданское правонарушеніе, объясненіе прокурора показалось бы имъ неубѣдительнымъ; они затруднились бы обвинить подсудимаго, торжественно прощенного потерпѣвшимъ. Ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ; обвинительный вердиктъ былъ произнесенъ, какъ мы уже говорили, безъ всякихъ колебаній, и даже снисхожденіе было дано первому подсудимому не потому, что его простила потерпѣвшая, а потому, что онъ чистосердечно сознался и уличилъ своего сообщника. Житейскій взглядъ крестьянъ оказался вполне согласнымъ съ юридическими представленіями обвинителя. Нельзя сказать также, чтобы крестьянъ располагалъ къ снисходительности фактъ совершенія кражи не изъ крестьянской избы, а изъ барской усадьбы. Напротивъ того, въ разсужденіяхъ объ окнѣ ясно выразилось стремленіе крестьянъ оградить безопасность помѣщичьяго дома, неприкосновенность помѣщичьяго имущества. Ничего похожаго на сословную исключительность или сословное пристрастіе мы не замѣтили между крестьянами ни по одному изъ двѣнадцати дѣлъ, въ разрѣшеніи которыхъ намъ пришлось принять непосредственное участіе.

Не поддавались присяжные-крестьяне и національнымъ предразсудкамъ, не выказывали предубѣжденія противъ людей другой вѣры и другого племени. Потерпѣвшимъ по одному дѣлу былъ чухонецъ (эсть)—одинъ изъ числа тѣхъ переселенцевъ, которыхъ появляется все больше и больше по сю сторону Чудскаго озера. Нельзя сказать, чтобы они отличались привлекательными качествами. Съ сосѣдями-крестьянами они рѣдко живутъ въ ладахъ, ревниво охраняя свои собственные интересы и не особенно заботясь о чужихъ. Они любятъ судиться, но неохотно подчиняются рѣшеніямъ, противъ нихъ состоявшимся. Когда отвѣтчикъ, проигравшій дѣло—чухонецъ, судебный приставъ приступаетъ къ исполненію рѣшенія съ нѣкоторой опаской, потому что нерѣдки случаи противодѣйствія, принимающіе иногда даже уголовную окраску. Есть между чухонцами и ростовщики, есть и кабатчики, есть и сбытчики краденаго. Помимо всего этого, мѣстные крестьяне не могутъ не видѣть въ пришлецахъ конкурентовъ на аренду и полную обработку помѣщичьихъ земель—конкурентовъ довольно опасныхъ, потому что помѣщики дорожатъ сравнительною аккуратностью и трудолюбіемъ чухонцевъ (хотя нерѣдко и ошибаются въ разсчетѣ). Зная все это, можно было думать, что къ чухонцу, выступающему обвинителемъ противъ русскаго, крестьяне-присяжные отнесутся съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ и недоверіемъ. Ничуть не бывало. Наоборотъ, когда при входѣ въ совѣщательную комнату одинъ изъ землевладѣльцевъ сказалъ нѣ-

сколько насмѣшливыхъ словъ по адресу чухонца, одинъ изъ крестьянъ отвѣтилъ ему замѣчаніемъ: „для насъ все равно, что чухонецъ, что русскій; нужно судить по правдѣ, какъ дѣло было“. Въ концѣ концовъ, большинствомъ голосовъ постановленъ былъ оправдательный вердиктъ, но отнюдь не потому, что жалобщикомъ былъ чухонецъ; въ меньшинствѣ, высказавшемся за обвиненіе, осталось нѣсколько крестьянъ. Въ другомъ дѣлѣ потерпѣвшимъ являлся еврей; и здѣсь между присяжными-крестьянами не было замѣтно и тѣни какого-нибудь предвзятаго чувства вражды къ „нехристу“ и чужаку. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ крестьянскаго міра отразилась, какъ солнце въ капль воды, терпимость, свойственная русскому народу и утраченная, въ послѣднее время, значительною частью русскаго общества.

Существуетъ мнѣніе, что въ крестьянской семьѣ подорвано, съ нѣкоторыхъ поръ, начало авторитета—подорвано до того, что дѣти сплошь и рядомъ поднимаютъ руку на родителей. Это мнѣніе высказывается официально, въ губернаторскихъ циркулярахъ, въ мотивахъ къ законопроектамъ; оно играло немаловажную роль въ послѣдней судебной-административной реформѣ. Нельзя, конечно, утверждать, что оно лишено всякаго основанія; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что отдѣльными фактамъ дано слишкомъ широкое и поспѣшное обобщеніе. *Понятія* крестьянъ о родительской власти едва ли подверглись существенной перемѣнѣ, хотя отступленія отъ нихъ и встрѣчаются чаще прежняго. Разсмотрѣнію присяжныхъ, о которыхъ мы говоримъ, подлежало дѣло объ обидѣ дѣйствіемъ (ударъ по рукѣ), нанесенной сыномъ своей матери. Возникло оно при слѣдующихъ условіяхъ. Умеръ крестьянинъ; послѣ него остались вдова и сынъ. У нихъ началась тяжба объ анбарѣ, входившемъ въ составъ наслѣдственнаго имущества. Волостной судъ рѣшилъ дѣло въ пользу сына, но мать и не думала отказываться отъ своихъ притязаній. Нанесъ ли ей сынъ, во время одной изъ происходившихъ между ними ссоръ, ударъ по рукѣ—этого никто не видѣлъ; единственная свидѣтельница, выставленная матерью, показывала только, что мать плакала и жаловалась на сына, будто бы ее ударившаго. Во время судебного слѣдствія мать толковала только объ анбарѣ, почти вовсе не упоминая объ обидѣ. На неоднократные вопросы председательствующаго, не желаетъ ли она простить сына (дѣла этого рода производятся въ порядкѣ частнаго обвиненія и могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ), она отвѣчала только одно: „пускай онъ отдастъ мнѣ анбаръ“. Когда присяжные удалились въ совѣщательную комнату, мнѣнія ихъ рѣзко раздѣлились: *все* представители интеллигенціи стояли за оправданіе подсудимаго, въ виду недоказанности преступленія—*все* крестьяне требовали обвинительнаго при-

говора, признавая показаніе матери достаточнымъ доказательствомъ виновности сына. На сторонѣ крестьянъ было большинство; подсудимый былъ осужденъ, но признанъ заслуживающимъ полного снисхожденія. Къ счастью, предсѣдательствующему удалось достигнуть примиренія сторонъ, купленного сыномъ цѣною уступки спорнаго анбара.

Самостоятельными въ своихъ сужденіяхъ и твердыми въ однажды принятомъ рѣшеніи присяжные-крестьяне показали себя не въ одномъ только дѣлѣ, только-что нами изложенномъ. Были между присяжными люди сравнительно равнодушные, всегда готовые перейти на сторону большинства; но къ числу этихъ немногихъ индифферентовъ принадлежали не одни только крестьяне. Въ старшины избирался всегда тотъ или другой изъ числа людей интеллигентныхъ, но вліяніе старшины на исходъ дѣла вовсе не было рѣшительнымъ. Его мнѣніе обсуждалось наравнѣ со всякимъ другимъ и принималось лишь тогда и лишь настолько, когда и насколько казалось убѣдительнымъ. Присутствіе въ составѣ присяжныхъ, по меньшей мѣрѣ, одного образованнаго человѣка желательно не потому, чтобы крестьяне не могли, безъ него, придти къ правильному взгляду на дѣло, а потому, что онъ лучше можетъ формулировать этотъ взглядъ, когда отвѣтъ на предложенные судомъ вопросы не исчерпывается простымъ *да* или *нѣтъ*, когда нужно сдѣлать къ нему какую-нибудь прибавку или оговорку. Нельзя отрицать и того, что въ иныхъ случаяхъ слишкомъ однородный составъ присяжныхъ грозилъ бы односторонностью рѣшеній—односторонностью-то въ смыслѣ строгости, то въ смыслѣ снисходительности. Различіе исходныхъ точекъ представляется однимъ изъ лучшихъ средствъ къ раскрытію истины и справедливому рѣшенію дѣла. Самые приемы разсужденія зависятъ, болѣе или менѣе, отъ степени образованія. Человѣкъ мало развитой склоненъ останавливаться на первомъ впечатлѣніи, не вдаваясь въ дальнѣйшую его повѣрку; человѣкъ интеллигентный склоненъ придавать излишнее значеніе деталямъ, забывая изъ-за нихъ, иногда, общую картину дѣла. Всѣ эти крайности ступеньваются и уравниваются въ составѣ присутствія, соединяющаго въ себѣ представителей разныхъ типовъ развитія, разныхъ классовъ общества. Житейскій опытъ приходитъ здѣсь на помощь къ книжному знанію, инстинктивный синтезъ идетъ рука объ руку съ болѣе или менѣе тонкимъ анализомъ. Отсюда ясно, что присутствіе между присяжными *одного* образованнаго человѣка не вполне достигаетъ цѣли. Оно гарантируетъ, болѣе или менѣе, правильную *формулировку* отвѣта, но не исчерпывающій характеръ совѣщаній. Для полноты и всесторонности ихъ весьма важно, чтобы имѣлись на-лицо не

только разные методы изслѣдованія, но и разные способы пользованія каждымъ отдѣльнымъ методомъ. Другими словами, не довольно разнообразія составныхъ элементовъ—нужно еще, чтобы каждый элементъ имѣлъ болѣе чѣмъ одного представителя. Когда это условіе соблюдено—а соблюсти его, при правильномъ составленіи списковъ, вовсе не трудно,—судъ присяжныхъ имѣетъ, именно въ силу своей разнородности, безспорное преимущество передъ судомъ короннымъ.

Увлекаясь желаніемъ достигнуть во что бы то ни стало обвинительнаго приговора, прокурорскій надзоръ обращаетъ иногда право отвода въ средство освободиться отъ болѣе образованныхъ присяжныхъ, могущихъ—такъ кажется обвиненію—парализовать его вліяніе. Въ основаніи такого образа дѣйствій лежитъ явная ошибка. Присяжные—вовсе не мягкая глина, изъ которой можно лѣпить какія угодно фигуры. Отнюдь не расположенные къ слѣпой покорности, они въ состояніи противостоятъ всякому давленію, откуда бы оно ни шло—изъ ихъ собственной среды, или отъ предсѣдателя, или отъ прокурора. Самымъ крупнымъ дѣломъ послѣдней сессіи, происходившей на нашихъ глазахъ, было обвиненіе мужа и жены въ поджогъ собственнаго дома, для полученія страховой суммы. Передъ тѣмъ состоялись два или три оправдательныхъ приговора, при участіи трехъ „интеллигентныхъ“ присяжныхъ. Прокуроръ заподозрилъ ихъ, повидимому, въ систематической снисходительности къ подсудимымъ—и отвелъ ихъ, всѣхъ троицъ, отъ участія въ дѣлѣ о поджогѣ. Въ составъ присутствія вошли одиннадцать крестьянъ и одинъ чиновникъ, едва-ли получившій даже среднее образованіе. И что же? Присяжные вынесли оправдательный приговоръ (вполнѣ согласный съ обстоятельствами дѣла). Спѣшимъ прибавить, что къ тенденціозному отводу присяжныхъ оба прокурора, за дѣятельностью которыхъ мы слѣдили, прибѣгали рѣдко. Ни тотъ, ни другой не вносили въ обвиненіе излишней рѣзкости, излишней настойчивости; съ особеннымъ удовольствіемъ мы слушали одного изъ нихъ, принадлежащаго, очевидно, къ той школѣ обвинителей, во главѣ которой стоялъ и стоитъ у насъ А. О. Кони. Веденіе засѣданій обоими предсѣдательствующими, съ точки зрѣнія безпристрастія и сдержанности, было совершенно безупречно.

Къ нѣкоторымъ дѣламъ, имѣющимъ значеніе не столько для опѣнки суда присяжныхъ, сколько для характеристики тѣхъ или иныхъ сторонъ деревенской жизни, мы возвратимся въ другой разъ, при удобномъ случаѣ.

Походъ противъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ вообще и противъ помощниковъ изъ среды евреевъ въ особенности, потер-

пѣвшій неудачу въ Петербургѣ ¹⁾, въ Москвѣ привелъ къ совершенно иному результату. Московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ новомъ своемъ составѣ (изъ котораго успѣшили выйти В. М. Пржевальскій), сочинилъ правила о помощникахъ, идущія еще дальше неосуществившагося петербургскаго проекта—но, въ противоположность петербургскому совѣту, привелъ ихъ въ исполненіе собственною властью (3-го марта), не спрашивая мнѣнія общаго собранія. Помощникамъ запрещается самостоятельная практика; каждому присяжному повѣренному дозволяется имѣть только по одному помощнику; необходимымъ условіемъ для вступленія въ помощники признается получение разрѣшенія на ходатайство по чужимъ дѣламъ; изъ числа помощниковъ исключаются всѣ тѣ, кто не представитъ такого разрѣшенія къ 15 мая текущаго года (другими словами, исключаются, съ 15-го мая, всѣ или почти всѣ евреи). Первый вопросъ, возбуждаемый этими правилами, касается обязательности ихъ для присяжныхъ повѣренныхъ. Оспаривать ее можно съ двухъ точекъ зрѣнія: можно утверждать, что совѣтъ вовсе не имѣетъ права регламентировать устройство корпораціи помощниковъ, за отсутствіемъ закона, который бы его къ тому уполномочивалъ—и можно признавать за совѣтомъ такое право, но подъ условіемъ утвержденія его опредѣленій общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ. Первое мнѣніе основано на недоразумѣніи. Конечно, непосредственно для помощниковъ, а тѣмъ болѣе для третьихъ лицъ или для государственныхъ учреждений, правила, издаваемые совѣтомъ, не имѣютъ обязательной силы; но они обязательны, по крайней мѣрѣ *de facto*, для присяжныхъ повѣренныхъ, потому что по отношенію къ послѣднимъ санкціей правилъ служить дисциплинарная власть совѣта. Судъ можетъ игнорировать постановленіе совѣта, въ силу котораго помощникъ въ правѣ вести дѣло не иначе какъ по передовѣрію своего патрона; но присяжному повѣренному трудно не уволить помощника, отказывающагося подчиниться распоряженіямъ совѣта. Именно отсюда проистекаетъ если не юридическая, то нравственная обязанность совѣта не устанавливать никакихъ общихъ правилъ о помощникахъ безъ предварительнаго согласія корпораціи. Такъ всегда и поступали совѣты, очень хорошо сознавая, что формула: *sic volo, sic jubeo* менѣе всего примѣнима къ выборному учрежденію, сильному, въ вопросахъ организаціонныхъ, только довѣріемъ сословія. Вѣрными хранителями традицій оказались, поэтому, тѣ пятьдесятъ восемь московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые предъявили совѣту требованіе о передачѣ правилъ 3-го марта на разсмотрѣніе общаго собранія. Совѣтъ

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы“.

отказалъ въ этомъ требованіи, упустивъ изъ виду, что съ узко-формальнымъ взглядомъ на дѣло организаціонная власть совѣта несо-
вмѣстна въ такой же точно мѣрѣ, какъ и организаціонная власть об-
щаго собранія.

Настоящій характеръ теченія, представителемъ котораго является московскій совѣтъ, обрисовывается всего яснѣе въ рѣчи присяжнаго повѣреннаго Шмакова, произнесенной, 7-го марта, на сходѣ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и цѣликомъ напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 73). Вотъ наиболѣе знаменательныя мѣста этой рѣчи: „Законъ 8-го ноября 1889 года о порядкѣ принятія въ присяжные и частные повѣренные лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій разуменъ, необходимъ и животворенъ для русской адвокатуры, и мы твердо вѣруемъ, что его глубокій смыслъ станетъ цѣлительнымъ источникомъ будущихъ правительственныхъ мѣропріятій въ этой сферѣ. Государственный Законодатель русской земли предначерталъ путь, которымъ всѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ, обязаны слѣдовать, и совѣтъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ исполнилъ свой долгъ. Зная, что этотъ законъ примѣняется судебными установленіями съ должною строгостью, насчитывая, съ другой стороны, между помощниками присяжныхъ повѣренныхъ весьма значительный контингентъ не-христіанъ и видя, что онъ быстро увеличивается, совѣтъ не имѣлъ права медлить... Хранитель нашей корпоративной чести, онъ поступилъ бы опрометчиво, для насъ унижительно и закону противно, еслибы зачислялъ въ помощники лицъ опороченныхъ отказомъ суда (въ правѣ ходатайствовать по чужимъ дѣламъ)... Ни для кого не секретъ, что, чуждые намъ по религіи, правамъ, понятіямъ и міросозерцанію, одержимые духомъ вражды, обособленности и, какъ это ни странно, гордыни, таинственные массы не-христіанъ представляютъ видимую, близкую и глубокую опасность для искренняго и мягкаго русскаго православнаго чело-
вѣка. И если еще Гомеръ, въ Одиссѣѣ, назвавъ финикіянина-сеμίта, прибавляетъ: „обманщикъ коварный, злой кознодѣй, отъ котораго много людей пострадало“, то мудрено ли, что и мы, зная устойчи-
вость расовыхъ особенностей, хотимъ, наконецъ, уберечь московскую адвокатуру отъ чрезмѣрнаго наплыва невѣдомыхъ намъ іудеевъ?!... Знаете ли вы, господа, каково было, по словамъ Монтескьё, ко-
ренное и неизмѣнное начало политики древняго Рима? Европа для европейцевъ!... и ни одинъ азіатскій завоеватель никогда не могъ утвердиться въ Европѣ, пока живъ былъ римскій геній. Доктрина Монроэ, отмежевавшая Америку американцамъ, и такъ-называемый желтый вопросъ, еще недавно рѣшенный противъ иммиграціи кита-
йцевъ, служатъ лишь новыми иллюстраціями и логическимъ рас-

цвѣтомъ на могучей почвѣ Соединенныхъ Штатовъ того же самаго римскаго начала. Возвращаясь снова къ намъ и проводя тотъ же принципъ охраны господствующей національности, я думаю, что вѣрно передамъ и вашу завѣтную мечту, сказавъ, что надо оставить Россію для русскихъ, а въ частности — сохранить въ Москвѣ русскую адвокатуру. Принявъ ее такую отъ своихъ предшественниковъ, мы такую же, русскою и христіанскою, обязаны и хотимъ передать ее нашимъ преемникамъ. А такъ какъ, вѣроятно, нашъ совѣтъ намѣренъ достигнуть, кромѣ другихъ, указанныхъ въ законѣ, и этой благородной цѣли, то во имя чего же мы стали бы порицать его?!"...

Совершенно неправильна, прежде всего, попытка г. Шмакова представить образъ дѣйствій московскаго совѣта логическимъ, неизбѣжнымъ результатомъ постановленія 8-го ноября 1889 г. Это постановленіе налагаетъ на совѣтъ только одну обязанность: не принимая не-христіанъ, собственною властью, въ присяжные повѣренные, представлять ихъ просьбы—если нѣтъ причинъ въ отклоненію ихъ самимъ совѣтомъ—на усмотрѣніе министерства юстиціи. Идти дальше совѣтъ юридически не обязанъ и нравственно не въ правѣ. Помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ Высочайшее повелѣніе 8-го ноября вовсе не коснулось; положеніе ихъ можетъ, слѣдовательно, остаться неизмѣненнымъ. Отказъ суда въ разрѣшеніи ходатайствовать по чужимъ дѣламъ можетъ быть признанъ „опорочивающимъ“ только тогда, когда онъ основанъ на неблагопріятныхъ свѣденіяхъ о личности просителя; мотивированный исключительно вѣроисповѣданіемъ, онъ не заключаетъ въ себѣ ничего унижительнаго, ничего препятствующаго принятію въ помощники. Не въ этомъ заключается, впрочемъ, настоящая сущность вопроса. Соображенія о законности, о достоинствѣ сословія составляютъ, въ рѣчи г. Шмакова, лишь подготовку къ настоящей атакѣ, направленной не только противъ евреевъ, но и вообще противъ иноплеменныхъ русскихъ гражданъ. Меньше всего, въ этой атакѣ, г. Шмаковъ является *русскимъ человекомъ*. По опредѣленію самого оратора, отличительная черта русскаго человека—*мягкость*, т.-е. миролюбіе, кротость, терпимость, уваженіе къ чужому праву; примѣромъ этому служатъ настоящіе русскіе (присяжные-крестьяне), о которыхъ мы говорили выше и у которыхъ многому могли бы научиться нѣкоторые изъ нашихъ юристовъ. Какъ совмѣстить съ *мягкостью* нападеніе на національность, безъ того уже тѣснимую со всѣхъ сторонъ? Русскій народный духъ создалъ глубоко-гуманную поговорку: лежачаго не бьютъ; г. Шмаковъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ этой поговоркой. Къ „таинственнымъ массамъ“ не-христіанъ—на самомъ дѣлѣ, не составляющихъ никакой массы и не представляющихъ рѣшительно ничего таинственнаго,—онъ

относится не только не великодушно, но и несправедливо. Утверждать, что интеллигентные евреи *чужды* интеллигентнымъ русскимъ „по понятіямъ, по правамъ, по міросозерданію“, значитъ забывать университетскія воспоминанія, значитъ игнорировать ежедневный опытъ, на каждомъ шагѣ доказывающій возможность умственной и нравственной близости между христіанами и евреями. Обособляются послѣдніе лишь настолько, насколько отталкиваютъ ихъ первые; духъ вражды и гордыни растетъ параллельно преслѣдованіямъ и ограниченіямъ... Чувства гомеровской эпохи были бы анахронизмомъ въ наше время. Для эллиновъ иноплеменники были „варварами“; намъ завѣщено считать ихъ братьями. Девизъ: „Европа для европейцевъ“ не мѣшала древнему Риму допускать расселеніе евреевъ по всѣмъ европейскимъ областямъ имперіи; доктрина Монроэ, имѣющая чисто-политическій характеръ, не мѣшала и не мѣшаетъ милліонамъ европейцевъ переселяться въ Соединенные Штаты. „Желтый вопросъ“ разрѣшенъ, правда, противъ иммиграціи китайцевъ; но развѣ у насъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы воспретить *иммиграцію* евреевъ? Евреи, родившіеся и воспитывавшіеся въ Россіи, съ нею, и только съ нею, связанные матеріально и духовно—не иностранцы, передъ которыми можно опустить всѣ флагбаумы. Должны же быть профессіи, къ которымъ они имѣли бы доступъ—и должно же быть хоть нѣкоторое соотношеніе между характеромъ этихъ профессій и степенью образованія, которой достигла значительная часть евреевъ. Нельзя же требовать, чтобы всѣ евреи, окончившіе курсъ въ университетѣ, возвратились за прилавокъ купца или въ ремесленную мастерскую.

Въ рѣчи г. Шамова упоминается, между прочимъ, объ „устойчивости расовыхъ особенностей“. Эти слова переносятъ вопросъ съ почвы вѣроисповѣдной, на которой онъ стоитъ до сихъ поръ, на почву племенную. И дѣйствительно, такой переходъ является почти неизбежнымъ; намъ предстоитъ, быть можетъ, дожить до того времени, когда гражданскую правоспособность извѣстнаго лица будутъ обусловливать не только его собственнымъ метрическимъ свидѣтельствомъ, но и метрическими свидѣтельствами его родителей и прародителей. На эту тему разыгрываются уже теперь прелюдіи довольно знаменательнаго свойства. Мы слышали недавно нѣчто почти невѣроятное: молодой ученый, еврей по происхожденію, но христіанинъ по вѣроисповѣданію, не былъ допущенъ къ чтенію лекцій, въ качествѣ приватъ-доцента, исключительно въ виду принадлежности къ еврейскому племени—и распоряженіе, закрывшее ему доступъ къ кафедрѣ, принадлежало, будто бы, свободной инициативѣ юридическаго факультета! Другой аналогическій случай: предсѣдательствующій на судѣ спрашиваетъ подсудимаго, на точномъ основаніи закона, какой онъ

вѣры. Подсудимый отвѣчаетъ: лютеранской. Въмѣсто того, чтобы удовольствоваться, какъ бы слѣдовало, этимъ отвѣтомъ, предсѣдательствующій выражаетъ желаніе знать, не исповѣдовалъ ли подсудимый прежде другую вѣру. Оказывается, что онъ перешелъ въ христіанство изъ іудейства. Цѣль этихъ разспросовъ, не требуемыхъ и едва ли даже допускаемыхъ закономъ, заключалась, очевидно, въ томъ, чтобы заранѣе дискредитировать подсудимаго въ глазахъ присяжныхъ (преступленіе, въ которомъ онъ обвинялся, было корыстнаго характера). Куда, наконецъ, мы идемъ, если тенденціи этого рода распространяются даже въ средѣ учреждений, призванныхъ служить противъ нихъ гарантіей и отпоромъ—въ средѣ университета, суда, адвокатуры?..

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Комитета VIII-го съезда естествоиспытателей и врачей.

Распорядительный Комитетъ Высочайше разрѣшеннаго VIII-го съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей, исполняя рѣшеніе Общаго Собранія, опредѣлилъ:

- 1) Издать отчетъ о научныхъ трудахъ съезда.
- 2) Каждый членъ съезда имѣть право на полученіе одного экземпляра этого изданія.
- 3) Такъ какъ средства, могущія быть ассигнованными на изданіе трудовъ, вполнѣ опредѣленны и ограниченны, число же научныхъ сообщеній, сдѣланныхъ на секціонныхъ засѣданіяхъ, весьма велико и нѣкоторыя изъ нихъ обширны, то редакціи трудовъ VIII-го съезда поручается озаботиться о томъ, чтобы предполагаемое изданіе, выражая съ возможною полнотою научные интересы съезда, было соображено по своимъ размѣрамъ съ имѣющимися для напечатанія трудовъ средствами.
- 4) Общая редакція трудовъ VIII-го съезда ввѣрается члену Распорядительнаго Комитета, профессору Д. И. Менделѣеву, редакція специальныхъ статей—членамъ Комитета, завѣдывавшимъ секціями, а отчетъ о дѣятельности Распорядительнаго Комитета, объ общихъ и большихъ соединенныхъ собраніяхъ—секретарю съезда, профессору В. В. Докучаеву.

5) Рукописи статей, сообщенныхъ на сѣздѣ, но еще не доставленныхъ авторами, должны быть присланы не позже 1-го марта 1890 г., по адресу: С.-Петербургъ, Университетъ, пр. Д. И. Менделѣву.

6) Всѣхъ членовъ сѣзда покорнѣйше просятъ доставить точныя данныя объ ихъ имени, фамиліи, званіи, адреса и т. п., для составленія полнаго списка членовъ, по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Университетъ, Минералогическій Кабинетъ, профессору В. В. Докучаеву.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Вл. Сартанъ Триглицкой. Метафизика въ древней Греции. Москва, 1890. Стр. 508. Ц. 3 р.

Обширный трудъ книги С. Трубецкого посвященъ изложенію и оцѣнкѣ главныхъ философскихъ системъ древней Греціи, до Платона. Авторъ весьма краснорѣчиво доказываетъ научную возможность и необходимость метафизики, вопреки господствующимъ эмпирическимъ и позитивнымъ воззрѣніямъ. „Въ устахъ эмпиристовъ, — говоритъ онъ, — метафизика значить почти то же, что схоластика; метафизикой стали называть всякое фантастическое, неудовольствительное ученіе, результаты котораго неизбежно рѣзко расходятся съ общепринятымъ здравымъ сознаніемъ, опытомъ человечества, или прямо противорѣчатъ ему. Но въ такомъ случаѣ какое ученіе болѣе эмпиризма заслуживаетъ званія метафизики? Какое ученіе всего болѣе противорѣчитъ основнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ человечества, какъ не субъективный антропоморфизмъ эмпиристовъ, признающій міръ за совокупность представлений нашего сознанія, отрицающій всякое бытіе, пространство и время за его пределами?“ Скрытая метафизика лежитъ въ основѣ тѣхъ самыхъ доктринъ, которыя противопоставляются ей, какъ положительнымъ, „безъ нея самый материализмъ не сталъ бы принципомъ научнаго изслѣдованія; атомистическая теорія и эволюционизмъ, равно какъ и цѣлый рядъ другихъ гипотезъ, безъ которыхъ современная наука лишается всякаго свѣта и смысла, — все это дари метафизики“. Метафизика, по мнѣнію автора, есть „святая святыхъ философіи, ея душа“. Съ этой точки зрѣнія, вл. Трубецкой обстоятельно разбираетъ старую греческую философію, по источникамъ, причемъ обнаруживаетъ замѣчательную начатанность въ громадной литературѣ предмета.

Н. Карчевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Выпускъ II. Сиб., 1890. Стр. 289—627. Ц. за два выпуска 4 р.

Настоящимъ выпускомъ закончено новое сочиненіе трудолюбиваго автора по философіи исторіи. Въ первой части, въ сама большихъ главахъ, разсмотрѣнъ вопросъ о роли личности въ прагматической исторіи, а вторая часть касается значенія личностей въ процессѣ культурнаго развитія. Г. Карчевъ подробно излагаетъ и разбираетъ литературу предмета, вѣрнѣе возвращается къ тому, что было писано имъ раньше, и polemизируетъ съ рецензентами прежняго его трактата, продолженіемъ котораго является настоящее изслѣдованіе. Въ заключительной главѣ приведены общіе выводы, въ которыхъ пришелъ авторъ. Книга Г. Карчева заслуживаетъ во всякомъ случаѣ серьезнаго вниманія и сочувствія читателей.

Психология вниманія. Д-ра Т. Рибо. Переводъ съ французскаго А. Понакріонъ. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1890, стр. 126. Ц. 50 к.

Книжка Рибо заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ фактовъ и наблюденій по вопросу о психологіи, а отчасти также патологіи вниманія. По объясненію автора, произвольное, естественное вниманіе есть настоящая, первоначальная, основная форма вниманія, позабытая большинствомъ психологовъ; а вниманіе произ-

вольное, искусственное, которое почти исключительно служило до сихъ поръ предметомъ изслѣдованій, представляетъ собою лишь подражаніе естественному вниманію, результатъ воспитанія, дрессировки, увлеченія чѣмъ-либо. Произвольное вниманіе есть „приспособленіе къ условіямъ высшей социальной жизни“; это лишь „нижшая крайняя форма, происходящая отъ низшихъ формъ путемъ процессовъ полу-бессознательныхъ, полу-сознательныхъ“. Живое и ясное способъ изложенія, богатство фактическихъ свѣдѣній и примѣровъ, а также самый характеръ темъ, занимающихъ Рибо, дѣлаютъ его труды популярными и у насъ: его этюды о болезняхъ памяти, воли и личности, равно какъ и сочиненіе о насильственности душевныхъ свойствъ, пользуются у насъ заслуженною извѣстностью.

Налогъ на основованныхъ отъ военной повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Соч. В. Брандта. Кіевъ, 1889. Стр. 288. Ц. 2 р.

Въ весьма добросовѣстномъ изслѣдованіи г. Брандта обсуждается вопросъ, который много разъ поднимался въ литературѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ западной Европы, — о способахъ болѣе уравнительнаго распредѣленія военной повинности, падающей теперь всею своею тяжестью на однихъ лишь непосредственно привлеченныхъ къ военной службѣ, т. е. на людей молодыхъ и здоровыхъ, безъ всякаго участія другихъ элементовъ населенія. Если молодые и здоровые работники лично отбываютъ военную повинность ради интересовъ цѣлой страны, то люди, свободные отъ этой тяжелой и важной обязанности, должны, по крайней мѣрѣ, платитъ специальный налогъ для вознагражденія солдатъ и ихъ семействъ. Подобный налогъ, составляющій денежную форму военной повинности для лицъ, свободныхъ отъ натуральной, существуетъ уже въ нѣкоторыхъ западноевропейскихъ государствахъ, напр. въ Австро-Венгріи и Швейцаріи. Литературный и фактический матеріалъ по этому предмету старательно разработанъ въ книгѣ г. Брандта.

Н. Кариневъ. Экономическія бесѣды. Второе исправленное изданіе. Москва, 1890. Стр. 84.

Элементарная начала политической экономіи изложена авторомъ въ формѣ краткихъ и популярныхъ бесѣдъ, по обычной программѣ учебниковъ, безъ практическаго примѣненія къ нашимъ хозяйственнымъ условіямъ и потребностямъ. Въ книжкѣ говорится о произвѣденности и производствѣ, о капиталѣ и трудѣ, о рентѣ и прибыли, о заработной платѣ, о товарахъ, деньгахъ и кредитѣ. „Бесѣды“ г. Каринева написаны ясно и съ знаніемъ дѣла.

Нилъ Энгельгардъ. Сказки. Сиб., 1890. Стр. 202. Ц. 75 к. — Его же. Стихотворенія. Сиб., 1890. Стр. 173. Ц. 75 к.

Двѣ книжки г. Энгельгарда, вышедшія одновременно, свидѣтельствуютъ о способности автора комбинировать волшебные сюжеты съ психологическими и придавать нѣкоторый интересъ предметамъ чистой фантазіи. Авторъ издѣется живыми и бойкими слогами, что весьма важно для начинающаго писателя, если только бойкость не переходитъ въ изысканную развязность, въ ущербъ достоянству содержания.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1890 г.

(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ ПЕТЕРБУРГѢ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. союзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въмѣсто разсроченъ годовой подписки на журналы, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ увеличенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго апрѣля открыта подписка на вторую четверть 1890 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодной подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лн., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлингъ, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскій лн., — *Иногородные и иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Дѣлобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленія отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы на получеіе* журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые призожатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

